

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ

И ОТКРЫТІЕ

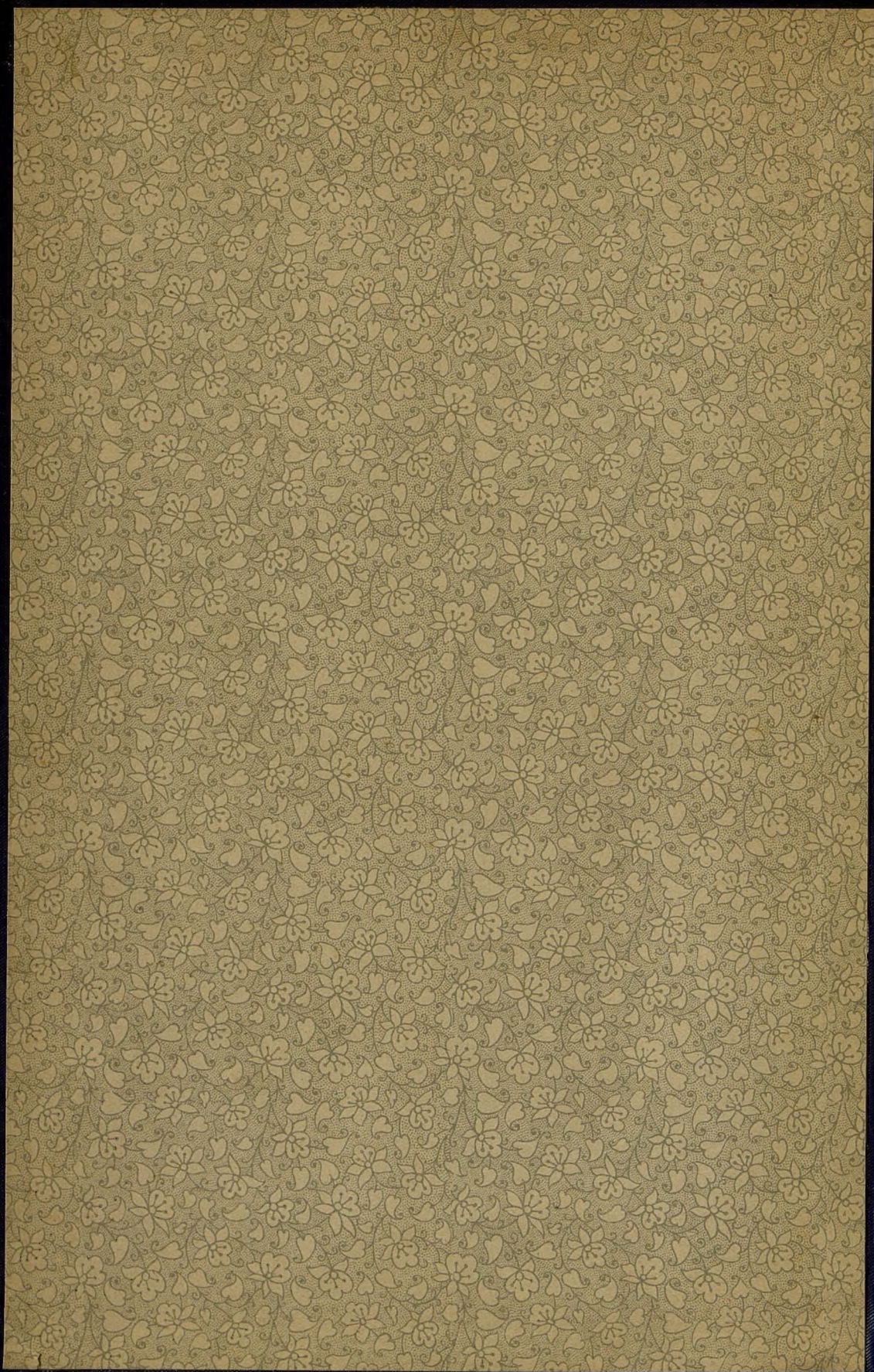

МЕРИКИ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ДЖУСТИНА УИНСОРА

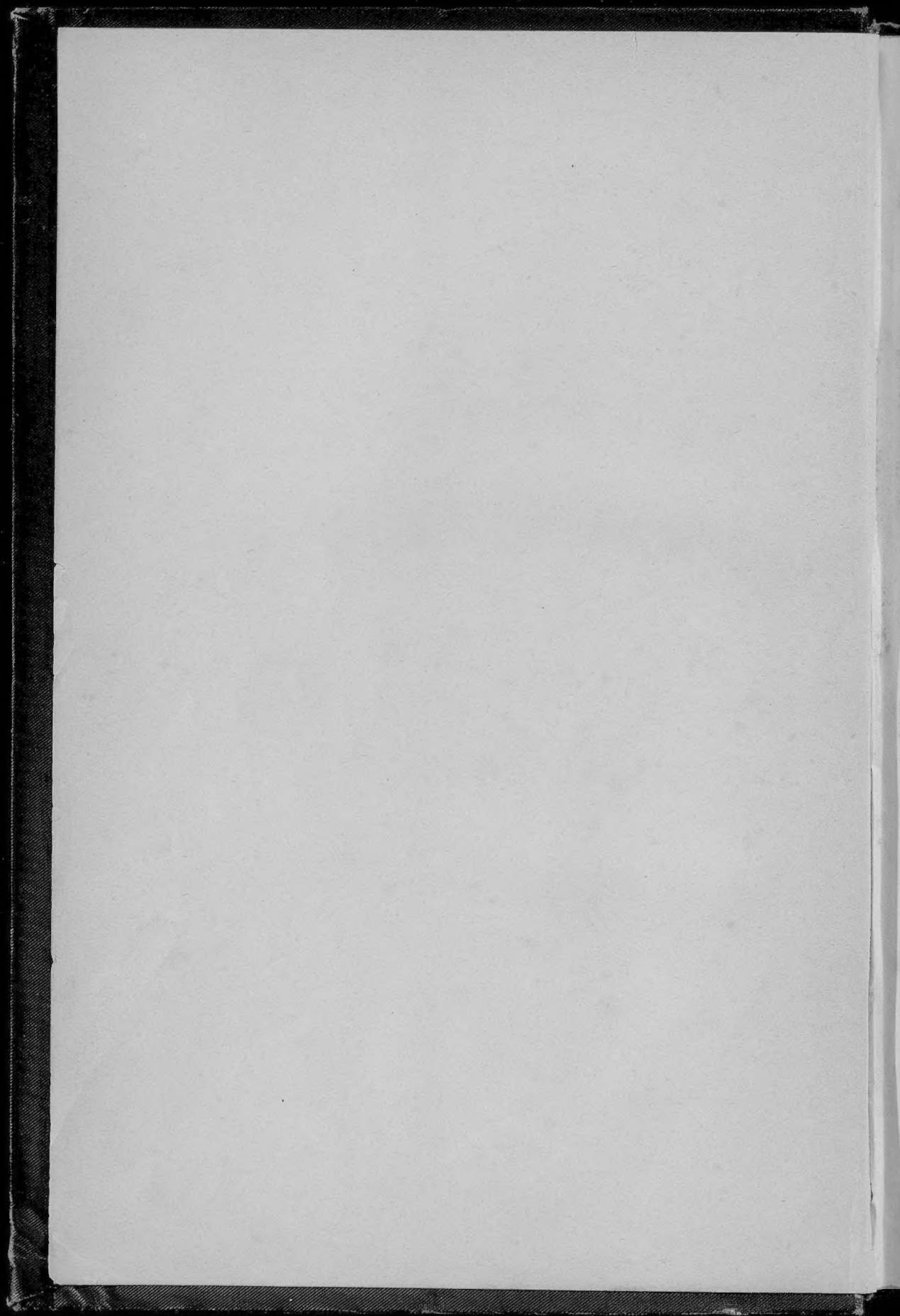

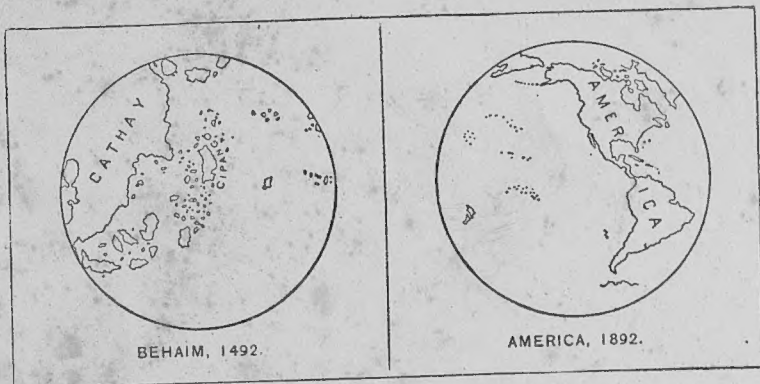
В. Кавричанин

Турция

1922. II. 18. 7

1470. ✓

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ И ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

Джустинъ Уинсоръ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

(Christopher Columbus and how he received and imparted the spirit of discovery, by Justin Winsor).

„Ходяще по морю на корабляхъ, производяще дѣла на водахъ многихъ, они видѣли дѣла Господни и чудеса Его въ глубинѣ“. Кн. Исая. CVII, 23, 24.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **Ө. И. БУЛГАКОВА.**

Изданіе **Г. Ф. Пантелеева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ, Верейская, 16.

1893.

Дозволено цензурою. Спб. 15 Сентября 1892 г.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДАКЦИОНА

Инв. № 937

Фрэнсису Паркману,
Дру Правъ, Историкъ Новой Франціи.

Дорогой Паркманъ!

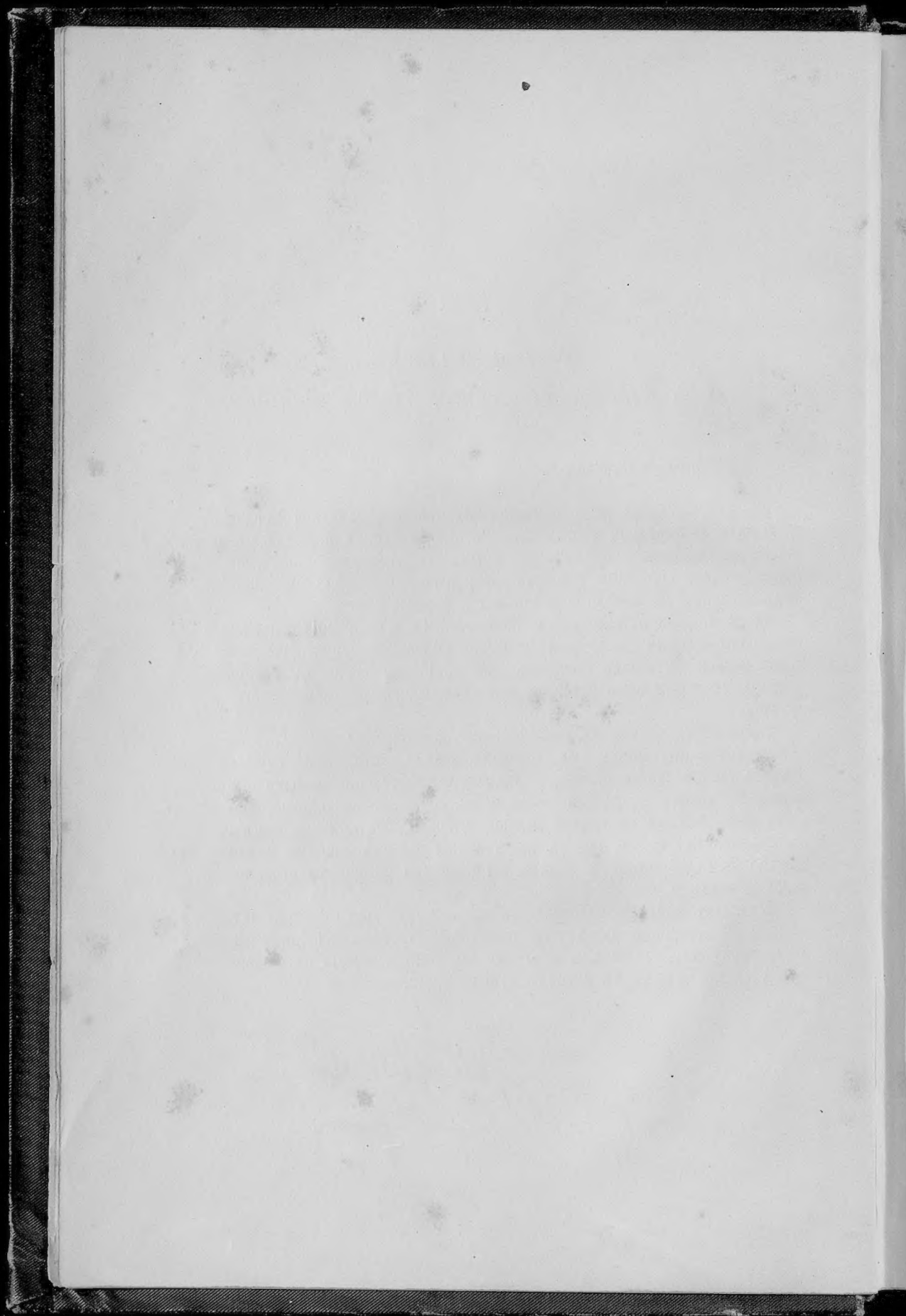
Вы и я, слѣдя за тѣмъ, какъ морскія державы западной Европы водружали и отстаивали свои знамена на американскихъ берегахъ, невольно задумывались надъ удивительными судьбами итальянцевъ, которые явились пионерами для этихъ атлантическихъ націй, не закрѣпивъ за собою ни одной пяди земли въ Новомъ Свѣтѣ.

Когда Венеція отдала своего Кабота Англіи, а Флоренція подарила Вераццано Франціи, эти изслѣдователи утвердили территоріальныя права своихъ пріемныхъ отечествъ, повлекшія за собою тѣ распри и войны, которыя вамъ удалось такъ иллюстрировать, какъ никому другому.

Когда Генуя отдала Колумба Испаніи, а Флоренція довѣрила своего Веспуччи Португаліи, эти смежныя державы, которыя по смыслу Демаркаціонной буллы должны были остаться отдѣленными одна отъ другой въ новомъ полушаріи, утвердились со своими соперничающими народностями въ центрѣ Южной Америки, бокъ-о-бокъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ; но ихъ распри и войны никогда еще не имѣли столь достойнаго историка, какимъ вы были для сѣверныхъ столкновеній и войнъ.

Я сдѣлалъ попытку изложить въ настоящемъ трудѣ начало ихъ смѣшанной исторіи и, разумѣется, пользуясь случаемъ приобщить къ этому труду имя блестящаго историка «Франціи и Англіи въ Сѣверной Америкѣ» вмѣстѣ съ именемъ вашего друга.

Justin Winsor

СОДЕРЖАНІЕ и ИЛЛЮСТРАЦІИ.

ГЛАВА I.

страниц.

Источники и ихъ собиратели 1

Иллюстраціи: Рукопись Колумба—2. «Custodia» Генуи—5. Письмо Колумба въ банкъ Св. Георгія—6. Замѣтки Колумба на поляхъ «*Itago Mundi*»—8. Первая страница перваго письма Колумба, Латинское изданіе (1493 г.)—15. Симанкассій архивъ—22. Часть страницы изъ Псалтыря Джустиніани съ жизнеописаніемъ Колумба—26.

ГЛАВА II.

Биографы и портретисты 28

Иллюстраціи: Замѣтки Фердинанда Колумба на поляхъ его книгъ—38. Ласказасъ—43. Розелли де-Лоргъ—48. Св. Христофоръ, виньетка на картѣ Ла-Козы (1500 г.)—54. Первый гравированный портретъ Колумба изъ галереи Ювіуса—55. Колумбъ Флорентинскій—56. Колумбъ Іанъеца—57. Воспроизведеніе гравюры Капріоло, изображающей Колумба—59. Колумбъ Де-Бри—60. Бюстъ Колумба на гробницѣ въ Гаванѣ—61.

ГЛАВА III.

Предки и родина Колумба 64

ГЛАВА IV.

Неопредѣленность свѣдѣній о раннихъ годахъ жизни Колумба . 72

Иллюстраціи: Рисунокъ, приписываемый Колумбу—73. Карта Бенинказы (1476)—74. Корабль пятнадцатаго столѣтія—75.

ГЛАВА V.

Заманчивыя предпріятія Португаліи 78

Иллюстраціи: Часть путеводителя мореходовъ изъ Лаурентійской бібліотеки—80. Карта Андрея Біанко—82. Принцъ Генрихъ, мореплаватель—85. Астролябія Регіомонтануса—87, 88. Набросокъ карты открытій вдоль Африканскаго берега—89. Карта міра Фра Мауро—90. Гробница принца Генриха въ Баталіи—91. Статуя принца Генриха въ Белемъ—92.

ГЛАВА VI.

Колумбъ въ Португаліи 94

Иллюстраціи: Реставрированная карта Тосканелли—101. Карта

восточной Азии со старыми и новыми названиями—103. Каталанская карта восточной Азии (1375)—104. Марко Поло—105. Альберт Великий—109. Глобус Лаона—112. Океанійскія теченія—118. Таблицы Региомонтануса (1474—1506)—119. Африканскій берегъ (1478)—120. Мартинъ Бэгема—121.

ГЛАВА VII.

Былъ-ли Колумбъ на сѣверѣ? 123

Иллюстраціи: Карта Олая Великаго (1539)—126. Карта Клаудуса Клавуса (1427)—129. Карта Бордоне (1528)—131. Карта Сигурда Стефануса (1570)—132.

ГЛАВА VIII.

Колумбъ покидаетъ Португалію, чтобы переселиться въ Испанію . 136

Иллюстраціи: Португальское плоскошаріе (1490)—138. Отецъ Хуанъ Пересъ де-Маркена—141. Саламанкскій университетъ—147. Памятникъ Колумбу въ Генуѣ—149. Карта Испаній Птоломей (1482)—151. Севильскій соборъ—155. Кордовскій соборъ—157.

ГЛАВА IX.

Окончательное соглашеніе и первое путешествіе, 1492 162

Иллюстраціи: Глобусъ Бэгема (1492)—170, 171. Глобусъ Бэгема на гравюрѣ Доппельмайера—172, 173. Нынѣшняя Америка по отношенію къ географіи Бэгема—174. Корабли время Колумба—175, 176. Канарскіе острова—177. Карта путей Колумба—178. Путь Колумба въ 1492 году—179. Карта линій схождения магнетическаго и земнаго меридіана—181. Lapis Polaris Magnes—183. Карта полярныхъ областей Меркатора (1569)—185. Карта берега, усмотрѣннаго Колумбомъ впервые—191. Доспѣхи Колумба—192. Карта Багамскихъ острововъ (1601 г. и новѣйшая)—193, 194.

ГЛАВА X.

На островахъ. Возвращеніе изъ путешествія 198

Иллюстраціи: Индійскія постели—202.

ГЛАВА XI.

Колумбъ снова въ Испаніи: съ марта до сентября 1493 г. 221

Иллюстраціи: Гербъ Колумба—227. Папа Александръ VI—230. Мастеръ, приготовляющій самострѣлы—235. Часовыхъ дѣлъ мастеръ—236.

ГЛАВА XII.

Второе путешествіе, 1493—1494 240

Иллюстраціи: Карта Гвадалузы, Маріи Галантѣ и Доминики—243. Острова Каннибаловъ—245.

ГЛАВА XIII.

Второе путешествіе (продолженіе), 1494 258

Иллюстрація: Месса на берегу—271.

ГЛАВА XIV.

- Второе путешествіе (продолженіе), 1494—1496 275
 Иллюстраціи: Туземное подраздѣленіе острова Эспаньолы—278.
 Карта испанскихъ поселеній въ Эспаньолѣ—292.

ГЛАВА XV.

- Въ Испаніи, 1496—1498. Да-Гама, Веспуччи, Наботъ 295
 Иллюстраціи: Фердинандъ Арагонскій—298. Бартоломей Колумбъ—299. Васко Да-Гама—303. Карта южной Африки—304. Древнѣйшее изображеніе аборигеновъ южной Америки—306.

ГЛАВА XVI.

- Третье путешествіе, 1498—1500 315
 Иллюстраціи: Карта залива «Парія» — 321. Плоскошаріе до Колумбова періода—325. Карта Эспаньолы, составленная Рамузіо (1555).—337. Карта Ла-Козы (1500)—346, 347. Карта Антильскихъ острововъ, составленная Рибера (1529) — 349. Куба Уайтфлайта—350, 351.

ГЛАВА XVII.

- Разжалованіе и упадокъ духа Колумба (1500) 353
 Иллюстраціи: Санто-Доминго (1754)—355.

ГЛАВА XVIII.

- Колумбъ снова въ Испаніи, 1500—1502 370
 Иллюстраціи: Первая страница «*Mundus Novus*».—374. Карта пролива Бель-Иль—375. Рукопись Гаспара Кортереала—377. Рукопись Мигуэля Кортереала—379. Карта Кантино—381.

ГЛАВА XIX.

- Четвертое путешествіе, 1502—1504 397
 Иллюстраціи: Карта Гондураса, составленная Беллиномъ—402. Карта Верагуа—405.

ГЛАВА XX.

- Послѣдніе годы Колумба. Смерть и характеристика 1504—1506. 132
 Иллюстраціи: Домъ, гдѣ умеръ Колумбъ—444. Соборъ въ Санто-Доминго—447. Статуя Колумба въ Санто-Доминго—449.

ГЛАВА XXI.

- Наслѣдники почестей Колумба 464
 Иллюстраціи: Пала Юлій II—467. Карлъ V—469. Развалины дворца Діего Колопа—471.

Приложеніе.

- Географическіе результаты 479
 Иллюстраціи: Птоломей—480. Карта Дониса (1482)—481. Карта

Рюйша (1508)—482. Такъ пазываемая «Карта адмирала» (1513)—484. Карта Мюнстера (1532)—485. Заглавная страница «*Globus Mundi*» — 486. «*Treatyse of the Newe India*» Эдена—487. Веспуччи—489. Заглавие «*Cosmographiae Introductio*» — 491. Карта Птолемея (1513)—494, 495. «Двусторонники» Тросса — 497. Глобусъ Гауслаба — 498. «Двусторонники» Норденшильда — 499. Карта Апіануса (1520) — 500. Глобусъ Шёнера (1515) — 501. Карта Фризиуса (1522) — 502. Карта Петера Мартира (1511) — 506. Понсь де-Леонъ — 507. Его путь у берега Флориды—509. Карта Айллона—510. Бальбоа—513. Грихальва — 515. Глобусъ Шёнера въ «*Opusculum*» (1533) — 516. Карта Мексиканскаго залива Гарэ (1520)—517. Карта Мексиканскаго залива Кортеса—518. Карта Майолло (1527)—519. Чертежъ съ глобуса Ленокса — 520. Глобусъ Шёнера (1520) — 521. Магелланъ—522. Магеллановъ проливъ, начерченный Пигафеттой—524. Новая карта пролива — 525. Карта Фрейре (1546) — 527. Карта Сильвануса въ Птолемея (1511) — 528. Карта Стобничи—529. Набросокъ карты, приписываемый Да-Винчи — 531. Карта Рейша (1515)—532. Карта всего свѣта Помпонія Мелы—533. Вадіанусъ — 534. Апіанусъ—535. Шёнеръ—537. «Двусторонники» Розенталя или Нюрнбергскіе—539. Карта Мартира-Овiedo (1534)—540, 541. Карта Верацапо—542. Набросокъ карты Агнессе (1536)—543. Карта Мюнстера (1540)—544, 545. Карта Михаэля Лока (1582)—546. Карта Джона Уайта—547. Карта Роберта Торпа (1527)—548. Себастьянъ Мюнстеръ—550. Домъ и библіотека Фердинанда Колумба въ Севильѣ—552. Испанская карта (1527)—553. Глобусъ Нанси—554, 555. Карта Оронціуса Финеуса (1532)—556. Также карта, уменьшенная по проекціи Меркатора—557. Кортесъ—558. Калифорнія Кастильо — 559. Сѣверо-восточный берегъ Сѣверной Америки изъ стараго «portolano» — 561. Карта Гомема (1558) — 562. Schondia Циглера—563. Карта Рушелли (1544)—564. Морская карта (1548)—565. Карта Мириціуса (1590) — 566. Карта Зальгера (1566) — 567. Карта Поркаки (1572)—568. Глобусъ Меркатора (1538)—570, 571. Америка Мюнстера (1545) — 572. «Двусторонники» Меркатора (1541), уменьшенные въ плоской проекціи—573. Плоскошаріе Себастьяна Кабота (1544) — 574. Карта Медины (1544) — 576, 577. Америка Уайтфлайта (1597)—578, 579. Алидада—580. Карта Дзелли—582, 583. Карта Варшавскаго Codex'a (1467)—584, 585. Америка Меркатора (1569)—586. Портретъ Меркатора—587. Портретъ Ортелиуса—588. Карта Ортелиуса (1570)—589. Себастьянъ Каботъ—590. Фробишеръ — 591. Карта Фробшера (1578) — 592. Франсисъ Дрэкъ — 593. Карта Джильберта (1576) — 595. «Backstaff» — 596. Карта полярныхъ областей Люка Фокса (1635)—599. Карта Джессо Геншепена—601. Карта Домина Фаррера (1651)—602, 603. Теорія сѣверо-американской географіи Буаче (1752)—604. Карта Берингова пролива—605. Карта сѣверо-западнаго прохода—607.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Глава I.

Источники и ихъ собиратели.

При обзорѣ источниковъ свѣдѣній о Колумбѣ,—которые назовемъ оригинальными въ отличіе отъ источниковъ позднѣйшаго происхожденія,—мы должны отвести первое мѣсто писаніямъ самого Колумба. Вслѣдъ за ними можно поставить документальныя свидѣтельства, принадлежащія частнымъ и государственнымъ архивамъ.

Гаррисъ указываетъ на то, что Колумбъ въ свое время стяжалъ такую громкую извѣстность многословіемъ, что придворный шутъ Карла Пятаго родилъ открывателя Индіи Многословіе Колумба. съ Птоломеемъ, какъ близнецовъ въ искусствѣ бумагомаранія. Колумбъ писалъ съ тою легкостью, какою обладаютъ порывистые люди, если ихъ не сдерживаетъ привычка къ методическому размышленію. Онъ оставилъ намъ массу безпорядочныхъ мыслей и опытовъ, что, къ несчастью, нерѣдко ставитъ историка въ тупикъ, служа по необходимости пособіемъ для его изысканій.

Существуетъ ли, какъ извѣстно, существовало девяносто семь отдѣльныхъ отрывковъ, написанныхъ Колумбомъ. Изъ нихъ— Его писанія. мемуары, повѣствованія, письма — уцѣлѣло шестьдесятъ шесть. Двадцать четыре написаны полностью или отчасти имъ собственноручно. Всѣ они были напечатаны цѣликомъ, за исключеніемъ одного сочиненія, которое находится въ Колумбовой библіотекѣ (Biblioteca Colombina), въ Севильѣ,—а именно, за исключеніемъ «Libro de las Proficias», написаннаго, повидимому, между 1501 и 1504 годами; только одна часть этой книги написана рукою Колумба. Второй документъ, памятная записка, представленная Фердинанду и Изабеллѣ ранѣе іюня 1497 г., находится нынѣ въ коллекціи маркиза Санъ-Романъ, въ Мадридѣ, и впервые была напечатана Гаррисомъ въ его трудѣ «Christophe Colomb». Третій и четвертый документы находятся въ государственномъ архивѣ Мадрида; это два письма

Колумба къ испанскимъ монархамъ: одно, безъ помѣтки числа, отъ 1496 или 1497 г., а можетъ быть и ранѣе, отъ 1492 г., и другое отъ 6 февраля 1502 года; оба письма были напечатаны и точный снимокъ ихъ приложенъ къ «*Cartas de Indias*», изданнымъ испанскимъ правительствомъ въ 1877 году. Большая часть суще-

6

cosa le falta q sea en el poder de la gente ya desfela y
 o q señor con mucho q desfela q faga la gente en q
 le sea a cargo // de dia y de noche y todos momentos
 le debrian las gentes dar gracias deusfina...
 y yo dize arriba q qdama mucho por cumplir de las pro-
 pias / y digo q son cosas grandes en el mundo y
 digo q la fama es q no señor da prouess a ello. el
 predicar del euangelio es tanto mayor de la poca tro-
 a ca me lo dice.

РУКОПИСЬ КОЛУМБА.

(Съ рукописи, находящейся въ Колумбовой библиотекѣ, приложенной къ «*Notes on Columbus*» Гарриса).

ствующихъ личныхъ документовъ Колумба хранятся въ Испаніи, у пынѣшняго представителя рода Колумба, герцога Верагуа, и всѣ они были напечатаны въ большой коллекціи Наваррета. Они состоятъ, по свидѣтельству Гарриса въ его «*Columbus and the Bank of St. George*», изъ слѣдующихъ документовъ: одного письма, посланнаго имъ приблизительно въ 1500 году къ Фердинанду и Изабеллѣ, четырехъ писемъ къ отцу Гаспару Горриціо,—одно изъ Сантъ-Лукара, отъ 4 апрѣля 1502 года, другое съ большихъ Канарскихъ острововъ, мая 1502 г., третье съ Ямайки, отъ 7 іюля 1503 г., и послѣднее изъ Севильи, отъ 4 января 1505 г.; памятная записка, адресованная къ его сыну, Діего, написанная въ декабрѣ 1504 г. или въ январѣ 1505 г., и одиннадцать писемъ, также къ Діего, всѣ изъ Севильи, изъ конхъ послѣднее написано въ 1504 г. или въ началѣ 1505 года.

Безъ исключенія всѣ письма Колумба, дошедшія до насъ, написаны на испанскомъ языкѣ. Гаррисъ предполагаетъ, что, благодаря долгому пребыванію въ Испаніи, Колумбъ лучше овладѣлъ языкомъ этой страны, чѣмъ своимъ роднымъ, на которомъ имѣлъ случай говорить только въ ранней юности.

Все письма
 Колумба
 писаны на
 испанскомъ
 языкѣ.

Колумбъ заботился болѣе о документахъ, доказывавшихъ титулы и привилегіи, дарованные ему за его открытія, чѣмъ о своихъ рукописяхъ. Онъ болѣе старался объ огражденіи ^{Его привилегіи.} подобными офиціальными грамотами денежныхъ и почетныхъ правъ своихъ потомковъ, чѣмъ о сохраненіи тѣхъ частныхъ своихъ бумагъ, которыя на взглядъ историка представляютъ гораздо болѣе цѣнность. Эти засвидѣтельствованныя доказательства его правъ хранились въ теченіе нѣкотораго времени въ желѣзномъ ящикѣ, на его гробницѣ въ монастырѣ Las Cuevas, близъ Севильи, и оставались вплоть до 1609 года подъ охраною монаховъ Картезіанскаго монастыря. Въ этомъ году, когда Пуньо де-Португалло былъ объявленъ наслѣдникомъ имуществъ и титуловъ Колумба, упомянутые документы были вручены ему, а затѣмъ, законнымъ порядкомъ они перешли къ герцогу Верагуа, дѣду нынѣ здравствующаго герцога, который въ свое время унаслѣдовалъ эти общественные меморіалы и хранить ихъ понынѣ у себя въ Мадридѣ.

Въ 1502 году были сняты копіи въ формѣ книги, извѣстной подъ названіемъ «Codex Diplomaticus», съ этихъ и другихъ «Codex diplomaticus». т. п. документовъ, числомъ отъ тридцати шести до сорока четырехъ. Копіи эти были засвидѣтельствованы въ Севильѣ, по распоряженію самого адмирала, который заботился о помѣщеніи ихъ въ такомъ мѣстѣ, чтобы память о дѣяніяхъ и правахъ его не могла утратиться. Двѣ копіи, кажется, были отосланы имъ, различными путями, къ Николо Одериго, генуэзскому посланнику въ Мадридѣ, а въ 1607 году обѣ эти копіи были подарены Генуэзской республикѣ однимъ изъ потомковъ названнаго посланника. Впослѣдствіи обѣ онѣ исчезли изъ ея архива. Третья копія была отправлена къ Алонзо Санхецу де-Карвахаль, комиссіонеру Колумба по испанскимъ дѣламъ, и нынѣ неизвѣстно, куда дѣвалась эта копія. Четвертая копія была отдана на храненіе въ монастырѣ Las Cuevas, близъ Севильи, для отправки впослѣдствіи отцу Горриціо. Весьма вѣроятно, что это та самая копія, о которой упоминаетъ Эдвардъ Эвереттъ въ примѣчаніи къ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Плимутѣ («Boston», 1825, стр. 64); сославшись на двѣ копіи, отосланныя къ Одериго, какъ на единственныя, сдѣланныя по приказанію Колумба, онъ прибавляетъ: «Есть основаніе сомнѣваться, что, помимо упомянутыхъ двухъ манускриптовъ, не существуетъ другихъ. Въ бытность мою во Флоренціи, въ 1818 году, мнѣ принесли рукопись небольшого формата, написанную на пергаментѣ, повидимому двѣсти или триста лѣтъ назадъ: когда-то въ богатомъ переплетѣ, нынѣ совершенно изношенномъ, она состояла изъ ряда документовъ на латинскомъ и испанскомъ языкахъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ на первой неписанной страницѣ: «Treslado de las Bullas del Papa Alexandro VI, de la concession de las Indias y los titulos, privilegios y cédulas reales, que se dieron a Christoval Colon». Заглавіе это побудило меня купить книгу». Упомянувъ о только что изданномъ въ

то время Codice, онъ прибавляетъ: «Меня поразило, что мой манускриптъ, сначала до конца, по своему содержанію почти тождественъ съ генуэзскимъ манускриптомъ, который считается однимъ изъ двухъ сохранившихся. Мой манускриптъ состоитъ почти изъ восьмидесяти страницъ in-folio, мелко-вписанныхъ, которыя въ точности соотвѣтствуютъ первымъ тридцати семи документамъ, содержащимся въ двухъ стахъ сорока страницахъ генуэзскаго кодекса».

Калебъ Кушингъ относительно манускрипта Эверетта, пересмотрѣннаго имъ прежде, чѣмъ онъ написалъ о немъ статью въ «North American Review», въ октябрѣ 1825 г., говоритъ, что «сначала до конца, онъ гораздо полнѣе манускрипта Одериги, такъ какъ нѣкоторыя мѣста, которыхъ Споторно не могъ разобрать въ послѣднемъ, очень ясно и четко написаны въ первомъ, дѣйствительно сохранившемся гораздо полнѣе». Я съ сожалѣніемъ узналъ отъ д-ра Уилльяма Эверетта, что манускриптъ этотъ теперь раздобыть не легко.

Изъ двухъ копій, о которыхъ замѣчено выше, что онѣ исчезли изъ архива Генуэзской республики, Гаррисъ отыскалъ недавно одну въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Копія эта очутилась въ Парижѣ въ 1811 году, когда Наполеонъ I приказалъ отослать Генуэзскій архивъ въ этотъ городъ, и не была возвращена, когда въ 1815 году большая часть документовъ обратно отдана Генуѣ. Другая копія въ 1816 году найдена въ бумагахъ графа Камбіазо; она была куплена сардинскимъ правительствомъ и подарена городу Генуѣ, гдѣ нынѣ хранится въ мраморной custodia (сокровищница), которая, съ бюстомъ Колумба наверху, въ настоящее время стоитъ въ главномъ залѣ муниципальнаго палацо. Эта «custodia» представляетъ собою колонну, въ которой дверца изъ вызолоченной бронзы, съ богатыми барельефами, запираетъ хранилище съ реликвіями, уложенными въ мѣшокъ изъ испанской кожи. Съ этого послѣдняго документа была сдѣлана копія и помѣщена въ Туринскій архивъ.

Бумаги эти, отобранныя Колумбомъ для сохраненія потомству, были изданы отцомъ Споторно въ Генуѣ, въ 1823 году, въ книгѣ подъ заглавіемъ «Codice diplomatico Colombo-Americano» и обнародованы по распоряженію правительства. Въ Лондонѣ появилось англійское изданіе ихъ въ 1823 году, а въ 1867 году въ Гаванѣ—испанское. Книга Споторно вышла въ 1857 г., въ Генуѣ, новымъ изданіемъ съ дополненіями, подъ заглавіемъ «La Tavola di Bronzo, il pallio di seta, ed il Codice Colomboamericano, nuovamente illustrati per cura di Giuseppe Banchero».

Названная книга Споторно заключаетъ въ себѣ еще два, раньше не упоминавшіеся, добавочныхъ письма Колумба къ Одериги, отъ 21 марта 1502 г. и отъ 27 декабря 1504 г. Они найдены въ

*Опубликованіе
этихъ докумен-
товъ Споторно.*

дубликатъ снимка съ бумагъ, подаренныхъ Генуѣ, и въ настоящее время хранятся въ стеклянномъ ящикѣ въ той же «custodia». Третье письмо, отъ 2 апрѣля 1502 г., къ директорамъ банка Св. Георгія, не упоминается у Споторно; *Письма Колумба въ банкъ Св. Георгія.* по оно приведено у Гарриса въ его «Columbus and the Bank of Saint-George» (Нью-Йоркъ, 1888). Последнее было однимъ изъ двухъ писемъ, отправленныхъ Колумбомъ, по его собственному заявленію, въ упомянутый банкъ, но другое письмо не было найдено. Исторія сохранившагося письма разсказана Гаррисомъ въ только что названномъ его трудѣ и здѣсь приложено фото-литографическое факсимиле его въ уменьшенномъ видѣ.

Въ упомянутомъ трудѣ Гаррисъ доказываетъ поддѣльность манускрипта, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ продавался то какъ дубликатъ того, что находится въ Генуѣ, то какъ подлинникъ его. Если признать его за оригиналъ, то генуэзскій манускриптъ окажется его снимкомъ. Повидимому Гаррисъ доказалъ поддѣльность этого манускрипта, который еще не нашелъ себѣ покупателя.

Нѣсколько рукописныхъ замѣтокъ на поляхъ трехъ различныхъ книгъ, которыми Колумбъ пользовался и которыя хранятся въ Колумбовой библіотекѣ въ *Замѣтки на поляхъ книгъ.* Севильѣ, также остатки автографовъ Колумба. Эти замѣтки находятся на поляхъ манускриптовъ «Historia Regum ubique gestarum» Энея Сильвія (Венеція, 1477), латинскаго перевода Марко Поло (Антверпенъ, 1485?) и «De imagine Mundi» Пьера д'Айльи (d'Ailly) (быть можетъ, 1490 г.), хотя есть нѣкоторое основаніе подозрѣ-

«Custodia» Генуи.

Гаррисомъ въ его «Fernando Colon» (Севилья, 1871), и образцы помянутыхъ замѣтокъ на поляхъ книгъ впервые воспроизведены Гаррисомъ въ его «Notes on Columbus», откуда они частію были перепечатаны въ «Narrative and Critical History of America» (т. II).

Намъ извѣстно, что, по желанію итальянскаго правительства, Гаррисъ приглашенъ въ настоящее время заняться сличеніемъ текстовъ и подготовить изданіе національнаго меморіала о писаніяхъ Колумба, что отчасти отвѣчаетъ предложенію, съ которымъ онъ обратился къ министру просвѣщенія въ Римѣ въ своемъ трудѣ «Le quatrième Centenaire de la Découverte du Nouveau Monde» (Генуя, 1887).

Докторъ Грахалесъ упоминаетъ о напечатанныхъ трудахъ Колумба, которые мнѣ незнакомы, каковы — «Declaracion de Tabla Navegatoria», приложенная къ трактату, «Del Uso de la Carta de Navegar», «Tratado de las Cinco Zonas Habitables», который, по мнѣнію Гумбольдта, очень трудно найти.

Что касается до утраченныхъ манускриптовъ Колумба, то все-таки можно отыскать ихъ слѣды. Объ одномъ письмѣ, которое отправлено съ Канарскихъ о-вовъ, отъ 15 февраля 1493 года, и которое вѣроятно содержало рассказъ о первомъ его путешествіи, намъ извѣстно только изъ указанія Мартино Сануто, что оно вошло въ «Chronica Delphinea». По всей вѣроятности, съ ошибочной копіи этого послѣдняго сочиненія, находящагося въ библіотекѣ въ Бресчѣ, письмо, о которомъ идетъ рѣчь, пошло въ третью часть книги (1457—1500 г. по Р. Х.), нынѣ недостающую. Намъ извѣстно также изъ сохранившагося письма (отъ 27 декабря 1504 г.), что гдѣ нибудь должно находиться письмо, если только оно не уничтожено — касающееся его четвертаго путешествія и посланное имъ мессіру Джіану Луиджи Фіески, какъ полагаютъ, тому самому Фіески, который былъ душою знаменитаго заговора противъ дома Доріа. Другія письма, по словамъ самого Колумба, въ разное время посылалъ онъ синьорѣ Мадоннѣ Каталинѣ, которая была въ родствѣ съ Фіески.

Въ 1780 году, Франческо Пезаро, разбирая бумаги Совѣта Десяти въ Венеціи, нашелъ между ними записку Колумба, въ которой онъ излагаетъ проектъ своего морскаго путешествія, или, по крайней мѣрѣ, Пезаро былъ такъ понятъ Моринномъ, передающимъ этотъ рассказъ въ седьмомъ томѣ своей исторіи венеціанской торговли. По замѣчанію Гарриса, если бы удалось отыскать этотъ документъ, то онъ оказался бы самымъ интереснымъ изъ всѣхъ документовъ Колумба, потому что, по всей вѣроятности, онъ совпалъ бы съ періодомъ 1473—1487 г., о которомъ у насъ очень мало или почти нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о жизни Колумба. Въ самомъ дѣлѣ, такая находка значительно уяснила бы

Меморіалъ
Гарриса о
Колумбѣ.

Напечатанные
труды Ко-
лумба

Его
потерянный
сочиненіи.

повѣствованіемъ, отправленнымъ или предназначеннымъ къ отправкѣ папѣ.

Фердинандъ, или авторъ «Historie», о которой будетъ упомянуто ниже, кажется, имѣлъ подъ руками дневникъ Колумба, хотя онъ и извиняется, что не приводитъ много цитатъ изъ него, не желая утомлять читателя.

Оригиналъ «Дневника», кажется, еще въ 1554 году находился въ рукахъ Люиса Колона. Слѣдовательно, въ этомъ году дневника еще не было въ числѣ другихъ сокровищъ Колумбовой библіотеки. Такимъ образомъ могло случиться, что онъ достался вмѣстѣ съ другими бумагами Люиса его племяннику и наслѣднику, Діего Колону-и-Правіа, который передалъ ихъ въ 1578 году Люису де-Кардона. Тутъ мы ихъ теряемъ изъ виду.

Однако, до насъ дошло сокращеніе этого дневника, сдѣланное собственноручно Ласказасомъ, и по нѣкоторымъ вступленіямъ можно предположить, что Ласказасъ сокращалъ копию, а не оригиналъ. До 1886 года этотъ сокращенный дневникъ находился въ библіотекѣ герцога Орсуна, въ Мадридѣ, а въ этомъ году онъ былъ купленъ испанскимъ правительствомъ. Будучи еще собственностью герцога Орсуна, онъ былъ напечатанъ Варпгагеномъ въ 1864 г. въ его «Verdadera Guanahani». Ласказасъ несомнѣнно пользовался имъ для своей «Historia»; Фердинандъ также имѣлъ его подъ руками, когда писалъ или набрасывалъ, быть можетъ, то, что нынѣ считается жизнеописаніемъ его отца, и посленія Фердинанда иногда исправляютъ или измѣняютъ неточности въ текстѣ Ласказаса. Есть нѣкоторое основаніе предположить, что Геррера пользовался оригиналомъ. Ласказасъ увѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ особенности при описаніи того момента, когда Колумбъ увидѣлъ берегъ, и послѣдовавшихъ затѣмъ событій,—онъ не измѣняетъ словъ подлинника. Этотъ сокращенный манускриптъ Ласказаса находился въ архивѣ герцога дель-Пифантадо въ тотъ моментъ, когда Наварретъ открылъ его важное значеніе и издалъ его уже въ 1791 г., хотя онъ сталъ доступенъ публикѣ лишь въ 1825 г., когда Наварретъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Collection». Читая этотъ дневникъ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ до насъ дошелъ, трудно вообразить себѣ, чтобы Колумбу пришла мысль считать такое несвязное изложеніе подражаніемъ системѣ «Комментаріевъ» Цезаря.

Американская публика рано получила возможность судить объ этомъ историческомъ памятникѣ и объ его значеніи. По настоянію Джорджа Тикнора, Самуэль Кеттель перевелъ текстъ, изданный Наварретомъ, и издалъ его въ Бостонѣ, въ 1827 году, подъ заглавіемъ «Personal Narrative of the first Voyage of Columbus to America, from a Manuscript recently discovered in Spain».

Мы знаемъ также, что Колумбъ писалъ и другіе отчеты о своемъ открытіи. На возвратномъ пути, во время сильной бури, 14 февраля

*Сокращеніе,
сдѣланное
Ласказасомъ.*

*Описаніе
его первого
путешествія.* 1493 года, опасаясь кораблекрушенія, онъ приготовилъ свое донесеніе на пергаментъ, который покрыли воскомъ, уложили въ боченокъ и бросили въ море, въ надеждѣ, что его, быть можетъ, прибьетъ волною къ берегу. Такое же донесеніе, соблюдая тѣ-же предосторожности для его сохранности, онъ помѣстилъ на кормѣ своего судна, чтобы въ случаѣ катастрофы его унесло волною. Насколько намъ извѣстно, ни одно изъ нихъ не дошло до свѣдѣнія кого бы то ни было. Весьма вѣроятно, это были просто дубликаты писемъ, которыя онъ написалъ о своемъ путешествіи, предполагая отправить ихъ по назначенію изъ ближайшей гавани. Числа и мѣста, обозначенныя на письмахъ, не согласуются съ его дневникомъ. Повидимому онъ приближался къ Азорскимъ островамъ, а между тѣмъ, 15 февраля онъ помѣтилъ письмо свое къ Люису де-Сантангелю «съ Канарскихъ острововъ». Эта невѣрность никогда не была выяснена съ надлежащей точностью. Можно, пожалуй, подумать, что письмо было написано тогда, когда Колумбъ предполагалъ, что приблизится къ этимъ островамъ вмѣсто Азорскихъ, и что въ письмѣ не сдѣлано поправки относительно мѣста, откуда оно писалось. Однако, совершенно достаточно удовлетвориться тѣмъ фактомъ, что Колумбъ былъ всегда безпеченъ, и зачастую дѣлалъ подобныя ошибки, какъ это доказалъ Наварреть. Добавленіе «post scriptum» помѣчено 14 марта, что не только невѣроятно, но просто невозможно, такъ что остается отнести его къ 4 марта. По его собственному увѣренію, онъ написалъ это письмо въ тотъ день, когда вошелъ въ Таго, а это какъ-разъ случилось 4 марта. Возможно, что онъ измѣнилъ число, достигнувъ Палоса, по свидѣтельству Майора. Колумбъ это письмо называетъ вторымъ. Быть можетъ, первымъ было то, которое—какъ уже выше замѣчено—потеряно вмѣстѣ съ утраченной частью «Chronica Delphinea».

Оригиналъ этого письма къ Сантангелю, казначею Арагоніи, предназначеннаго для представленія Фердинанду и Изабеллѣ, былъ написанъ по испански и извѣстенъ въ современной его копіи, найденной Наварретомъ въ Симанкасъ; оно имъ напечатано въ его «Colección» и переведено на англійскій языкъ Кеттелемъ, не говоря уже о другихъ авторахъ, гдѣ его можно найти. Гаррисъ отрицаетъ оригинальность этого Симанкасскаго манускрипта, допускавшагося Наварретомъ. Письмо, помѣченное съ острова Santa María, самаго южнаго изъ Азорскихъ острововъ, спустя три дня послѣ письма къ Сантангелю, отъ 18 февраля, по содержанію такое же, какъ предыдущее, и адресованное къ Габріелю Санхецу, найдено въ

*Письмо къ
Санхецу.* наиболѣе раннемъ его спискѣ, между бумагами Colegio Mayor de Cuenca. Текстъ этого письма былъ напечатанъ Варнгагеномъ въ Валенсіи, въ 1858 г., подъ названіемъ «Primera Epistola del Almirante Don Cristóbal Colon», и онъ высказываетъ мнѣніе, что, по всей вѣроятности, документъ этотъ всего ближе представляетъ собою собственноручное произведеніе Колумба.

Въ 1852 году, въ бібліотеку Ambrosiana въ Миланѣ, изъ бібліотеки барона Пьетро Кустоди поступило печатное изданіе этого письма на испанскомъ языкѣ, вышедшее въ 1493 ^{Печатный изданіе.} году, по всей вѣроятности, въ Испаніи, либо въ Португаліи, потому что тамъ были обозначены Барселона и Лиссабонъ. Гаррисъ высказываетъ догадку, что Санхецъ далъ свою копію какому нибудь книгопечатнику въ Барселонѣ. Другіе же утверждали, что письмо это совсѣмъ не было напечатано въ Испаніи. Другой копіи съ этого изданія не найдено. Изданіе этого письма вышло въ Миланѣ, въ 1863 году, въ книгѣ, озаглавленной «Lettere autografe di Cristoforo Colombo nuovamente stampate», а въ 1866 году снова вышло его факсимиле въ Миланѣ подъ наблюденіемъ Джироламо д'Адда и подъ названіемъ «Lettera in lingua Spagnuola diretta da Cristoforo Colombo a Luis de Sant-Angel». Майоръ и Бечеръ, въ числѣ другихъ авторовъ, перевели эту книгу на англійскій языкъ, а Гаррисъ приводитъ текстъ ея рядомъ съ подстрочнымъ переводомъ на французскій языкъ въ своемъ трудѣ «Cristophe Colomb» (I, 420) и съ англійскимъ въ своихъ «Notes on Columbus».

Текстъ, напечатанный по испански, считался единственнымъ приближающимся къ нынѣ извѣстному рукописному произведенію Колумба, пока не заговорили въ недавнее время объ открытіи двухъ другихъ изданій, съ небольшими перемѣнами; одно или оба они нѣкоторыми принимаются—хотя и не на твердыхъ основаніяхъ—за болѣе раннія изданія, чѣмъ копія изъ бібліотеки Ambrosiana, но, по всей вѣроятности, оба эти изданія слѣдовали одно за другимъ въ короткій промежутокъ времени.

Одно изъ этихъ вновь указанныхъ изданій заключаетъ въ себѣ четыре листа in-quarto и представляетъ собою письмо, помѣченное 15 февраля и 14 марта, а шрифтъ его, очевидно, доказываетъ, что оно было напечатано въ Бургосѣ, можетъ быть, въ Саламанкѣ. Что изданіе это и письмо изъ бібліотеки Ambrosiana напечатаны одно съ другого или оба, независимо другъ отъ друга, съ какого либо неизвѣстнаго старѣйшаго изданія, это подтверждается тѣмъ фактомъ, что они, отъ начала до конца, соответствуютъ одно другому и построчно и постранично. Трудно съ достовѣрностью опредѣлить, которое изъ двухъ вышло раньше, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ попадаются погрѣшности, исправляемыя въ другомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Лондонѣ находилось въ продажѣ это единственное четырехъ-листное изданіе in-quarto у Ellis'a и Elvey, которые выпустили въ свѣтъ (1889 г.) англійскій переводъ его съ примѣчаніями Джуліи Е. S. Rae. Нынѣ оно принадлежитъ одному собирателю древностей въ Нью-Йоркѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что возникли подозрѣнія относительно его подлинности, и дѣйствительно, почти не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это просто новѣйшая фабрикація.

Другое изъ этихъ новооткрытыхъ изданій есть in-folio изъ

двухъ листовъ; оно открыто послѣднимъ, и очень недавно было приобрѣтено фирмою Мэзонёвъ въ Парижѣ за 65.000 фр., а затѣмъ предлагалось въ Лондонѣ Куаритчемъ за 1.690 фунт. стерл. Говорятъ, что его открыли въ Испаніи и что оно было напечатано въ Барселонѣ; фактъ этотъ вывели изъ каталонской формы нѣкоторыхъ испанскихъ выражений, которая пещезла въ текстѣ Ambrosiana. Въ немъ также помѣщены числа 15 февраля и 14 марта. Точный снимокъ съ изданія вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «La Lettre de Christophe Colomb, annonçant la Découverte du Nouveau Monde».

Калевъ Кушингъ, въ октябрьской книжкѣ «North American Review», 1825 года, ссылается на газетные толки, ходившіе въ то время о только что проданной герцогу Буккингемскому копіи испанскаго текста въ Лондонѣ за 33 фунта стерл. 12 шилл. Нынѣ утѣряны слѣды этого изданія.

Гаррисъ находитъ въ каталогѣ Колумбовой библіотеки, составленномъ Фердинандомъ, то, что было, по всей вѣроятности, каталонскимъ текстомъ этого испанскаго письма; но самый экземпляръ исчезъ изъ коллекціи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ Бергенротъ отыскалъ въ Симанкасѣ текстъ другого письма, адресованнаго Колумбомъ къ другу съ тождественными вышеуказанными датами. Но оно не содержитъ ничего такого, что не было бы уже извѣстно изъ испанскихъ изданій текста. Тѣмъ не менѣе, онъ привелъ его сполна въ своемъ «Calendar of State Papers relating to England and Spain».

Извѣстно, что Колумбъ, по возвращеніи изъ своего второго путешествія, гостилъ у Андрэса Бернальдеца, придворнаго священника; извѣстно также, что онъ вручилъ этому другу свои документы; на этомъ основаніи Муньонъ полагаетъ вѣроятнымъ, что въ сочиненіе Бернальдеца «Historia de los Reyes Católicos» включенъ этотъ второй испанскій текстъ перваго отчета Колумба о путешествіи его. Манускриптъ труда Бернальдеца, въ которомъ тринадцать главъ посвящены Колумбу, оставался не напечатаннымъ въ королевской библіотекѣ, въ Мадридѣ, и Првингъ, Прескоттъ и Гумбольдтъ — всѣ пользовались имъ въ этомъ видѣ. Наконецъ, онъ былъ напечатанъ въ Гренадѣ, въ 1856 г., въ изданіи Мигуэля Lafuente y Alcántara, и перепечатанъ въ Севильѣ, въ 1870 году. Гаррисъ въ своихъ «Notes on Columbus» даетъ англійскій переводъ этой части, касающейся путешествія Колумба.

Итакъ, вотъ всѣ доселѣ извѣстные намъ разновидности испанскаго подлинника перваго заявленія Колумба о своемъ открытіи. Между тѣмъ, какъ подлинникъ, хранящійся въ библіотекѣ Ambrosiana, считался единственнымъ печатнымъ воспроизведеніемъ его, Варнгагенъ собралъ различные тексты въ своемъ изданіи

«Carta de Cristòbal Colon enviada de Lisboa á Berce-lona en Marzo de 1493» (Вѣна, 1869 г., и Парижъ, 1870 г.), пыта-ясь возстановить по возможности подлинный текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ Колумбомъ. По мнѣнію Маіора, ни одинъ изъ этихъ текстовъ нельзя считать за точную передачу оригинала.

Критики эти различнаго мнѣнія о происхожденіи латинскаго текста, который ученые обыкновенно цитируютъ, какъ первое письмо Колумба. Маіоръ думаетъ, что этотъ латинскій Происхожденіе латинскаго текста. текстъ не былъ взятъ изъ испанскаго подлинника, хотя и имѣетъ съ нимъ сходство, тогда какъ Варнгагенъ полагаетъ, что особый испанскій текстъ, найденный въ Colegio Mayor de Cuenca, былъ оригиналомъ латинскаго перевода.

Ничто такъ не поражаетъ въ исторіи слѣдующихъ непосредственно за открытіемъ Америки лѣтъ, какъ скоротечный харак- Скоротечность славы открытія теръ славы, какую Колумбъ стяжалъ себѣ этимъ открытіемъ. Другому позднѣйшему поколѣнію суждено было упрочить за его именемъ эту міровую славу.

Гаррисъ отмѣчаетъ, какъ нѣкоторые изъ лучшихъ авторовъ всемірной исторіи — напр., Ferrebourg, Regnault, Galliot du Pré и Fa-bian — въ продолженіе первой половины шестнадцатаго столѣтія не упоминали ни однимъ словомъ о дѣяніяхъ Колумба; да и у нѣмецкихъ хронистовъ онъ находитъ извѣстіе объ этомъ предметѣ впер- Упомянутіе англичанами объ имени Колумба. вые у Гейнриха Штейнговеля, нѣсколько позже 1531 года. Исто-рики Нидерландовъ также относительно этого были весьма сдержаны; что же касается до Англіи, то приходится пересмотрѣть депеши, отправлявшіяся испанскими посланниками, для того, чтобы найти хоть малѣйшее упоминаніе о Колумбѣ въ 1498 году. Быть можетъ, намекъ, сдѣланный на него одиннадцать лѣтъ спустя (1509) въ англійскомъ переводѣ «Shyppe of Fools» Брандта, и другой намекъ, сдѣланный десять лѣтъ позднѣе, въ не-большой комедіи «The New Interlude» не будутъ вполнѣ непонятны намъ. Не ранѣе 1550 г., — на сколько это относится къ Англіи, — Колумбъ дѣйствительно сталъ исторической личностью въ «Chronicle» Эдуарда Галля.

Говоря о маломъ числѣ сохранившихся автографовъ Колумба, Гар-рисъ прибавляетъ: «Дѣло въ томъ, что Колумбъ при жизни далеко не представлялся своимъ современникамъ такою важною личностью, какою является нынѣ въ нашихъ глазахъ; и письма его, которые согласно вышесказанному не внушали къ себѣ ни уваженія, ни вни-манія, вѣроятно, бросались въ корзину для ненужной бумаги, тотчасъ по полученіи ихъ».

Тѣмъ не менѣе, существеннымъ доказательствомъ, кажется, могутъ служить нѣсколько изданій латинскаго перевода этого Подлин- ное латинскаго текста. перваго письма, вышедшія въ теченіе мѣсяцевъ, не-посредственно слѣдовавшихъ за возвращеніемъ Колумба

изъ его перваго путешествія, а равно и то, что его текстъ, переложенный Дати въ стихи, напечатанъ имъ же въ двухъ изданіяхъ, вышедшихъ въ октябрѣ 1493 года, помимо Флорентинскаго изданія 1495 года. Это показываетъ, что за короткій промежутокъ времени, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ ограниченныхъ предѣлахъ Европы новыя открытія болѣе или менѣе возбудили къ себѣ общій интересъ. Прежде, чѣмъ были открыты печатныя изданія испанскаго текста, существовало такое впечатлѣніе, что не то интересъ къ событію въ Испаніи былъ не такъ великъ, какъ въ Италіи, не то испанское правительство старалось помѣшать широкому распространенію подробностей о новооткрытыхъ земляхъ.

Два генуэзскихъ посланника, покинувшіе Барселону нѣсколько времени спустя по возвращеніи Колумба, можетъ быть, въ августѣ 1493 года, весьма вѣроятно, захватили съ собою въ Италію какое-нибудь испанское изданіе упомянутаго письма. Однако, извѣстія дошли въ томъ или иномъ видѣ до Рима и вызвали папскую буллу 3 мая. Мы знаемъ, что Аліандеръ или Leander de Cosco, сдѣлавшій латинскій переводъ, по всѣмъ даннымъ, съ копій Санхеца, окончилъ его, вѣроятно, въ Барселонѣ 29 апрѣля, а не 25, какъ утверждаютъ иные. Cosco отослалъ его тотчасъ же для напечатанія въ Римъ и манускриптъ его, безъ сомнѣнія, явился проводникомъ первыхъ извѣстій въ Италію,—таково мнѣніе Гарриса,—гдѣ онъ впервые попалъ въ руки епископа Monte Peloso, который прибавилъ къ нему латинскую эпиграмму. Полагаютъ, что онъ занялся его печатаніемъ въ Римѣ и въ теченіе 1493 года въ этомъ городѣ вышло, по крайней мѣрѣ, четыре изданія латинскаго перевода Cosco. Два изъ нихъ, какъ полагаютъ, были напечатаны Планикомъ, знаменитымъ римскимъ печатникомъ; одно, какъ извѣстно, вышло изъ печатнаго станка Франка Зильбера. Всѣ, за исключеніемъ одного, были малаго формата in-quarto, стараго образца, изъ трехъ или четырехъ листовъ готическаго шрифта, а отдѣльное изданіе было малаго формата in-octavo, рѣзанное на деревѣ. По мнѣнію Гарриса, это красивое изданіе было въ дѣйствительности отпечатано въ Базелѣ. Въ Парижѣ, продолженіе того же времени, или скоро послѣ того, вышло три изданія одинаковой формы изъ одного и того же печатнаго станка. Последнее изъ нихъ, открытое лишь въ недавнее время, повидимому, было отпечатано искуснымъ фламандскимъ печатникомъ, Thierry Martens'омъ, вѣроятно, въ Антверпенѣ. Очень можетъ быть, что найдутся еще и другія изданія, печатавшіяся во всѣхъ этихъ или другихъ городахъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ Германіи—насколько намъ извѣстно—не вышло ни одного изданія и только въ 1497 году, въ Страсбургѣ, появился нѣмецкій переводъ письма Колумба.

Полагаютъ, что текстъ одинъ и тотъ же во всѣхъ этихъ латинскихъ изданіяхъ. Но до сихъ поръ извѣстно очень мало копій каждаго изданія и лишь одна копія двухъ или трехъ изъ нихъ. Книгопродав-

чекія фирмы Lenox'a, Carter-Brown'a и Ives'a въ Англіи — главнѣйшія изъ тѣхъ, которыя располагаютъ этими рѣдкими изданіями; въ коллекціяхъ покойнаго Генри Мерфи и Самуэля, Л. М. Барлоу также

Epistola Christophori Colom: cui etas nostra molam debet: de Insulis Indiæ supra Gangem nuper inuentis. Ad quas perquirendas octavo entis mense auspicio et pre inuictissimi Fernand di Hispaniarum Regio missus fuerat: ad Magnificum dñm Raphaelem Sengri: eiusdem serenissimi Regis Tresaurariū missa: quam nobilis ac litteratus vir Aliander de Cosco ab Hispano idemare in latinum conuertit: tertio kalis Maii. M. cccc. xcij. Pontificatus Alexandri Sexti Anno Primo.

Quoniam susceptę prouintię rem perfectam me cōsecutum fuisse gratum tibi fore scio: has constitui exarare: quę reuolui: Tricesimo tertio die postq̃ Gadibus discessi in mare Indicū perueni: ubi plurimas insulas innumeras habitatas hominibus repperi: quarum omnium pro foelicitissimo Rege nostro preconio celebrato et vexillis extensis contradicente nemine possessionem accepi: primęq̃ earum diui Saluatoris nomen inposui: cuius fretus auxilio tam ad hanc: q̃ ad cęteras alias peruenimus. Eam vō Indi Guanabanin vocant. Aliarum etiā vnam quancq̃ nouo nomine nuncupant. Quippe aliā insulam Sanctę Martę Conceptionis. aliam Fernandınam. aliam Dıfıbellam. aliam Johanam. et sic de reliquis appellari iussi. Quamprimum in eam insulam quā dudum Johanā vocari dici appulimus: iuxta eius litus occidentem versus aliquantulum processi: tamq̃ eam magnā nullo reperto fine inueni: et non insulam: sed continentem Chatal prouinciā esse crediderim: nulla tñ videns oppida municipiaue in maritimis lita confinib⁹ preter aliquos vicos et predia rustica: cum quorū incolis loqui nequibam: quare simul ac nōs videbant surripiebant fugem. Progrediebar ultra: existimans aliquā me urbem villasue inuenturum. Deniq̃ vidēs q̃ longe admodum progressis nihil noui emergebat: et bñdī via nōs ad Septentrionem deferbat: q̃ ipse fugere exoptabā: terra etenim regnabat bruma: ad Austrumq̃ eras in voto cōrederes

Первая страница первого письма Колумба, латинское изданіе 1493 года.
(Съ копій Барлоу, нынѣ находящейся въ Бостонской Публичной Библіотекѣ).

находится одна или двѣ копіи, изъ коихъ изданіе, принадлежавшее Барлоу, въ февралѣ 1890 перешло въ Бостонскую Публичную Библіотеку. Рѣдкость изданій и соперничество собирателей, безъ сомнѣнія,

возвысятъ ихъ стоимость до тысячи пятисотъ долларовъ и болѣе, если когда либо одно изъ нихъ попадетъ въ продажу. Изучающій исторію не такъ ограниченъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ можно было бы предположить, потому что во многихъ случаяхъ были сдѣланы факсимиле и перепечатки поименованныхъ изданій и существуетъ одно изъ нихъ, перепечатанное Верадусомъ, въ приложеніи къ его поэмѣ (1494 г.) о взятіи Гренады. Текстъ, обыкновенно цитируемый старыми авторами, однако же, есть именно тотъ, который заключается въ «Bellum Christianorum Principum» Robertus Monarchus'a (Базель, 1533 г.).

Въ этихъ оригинальныхъ изданіяхъ малаго формата in-quarto и in-octavo какъ разъ настолько неточности и неясности относительно датъ и печатниковъ, чтобы заманить библиографовъ и критиковъ типографскаго искусства въ дебри изысканій и полемики; и едва-ли два изъ нихъ придутъ къ соглашенію при опредѣленіи порядка, въ какомъ выходили въ свѣтъ эти разнообразныя изданія. Пишущій эти строки сгруппировалъ во второмъ томѣ «Narrative and Critical History of America» разнообразныя мнѣнія по этому предмету, насколько они стали извѣстны въ 1885 году. Библиографія, на которую Гаррисъ ссылается въ концѣ своего труда о Колумбѣ, была выдѣлена и не появилась въ печати, но авторъ входитъ въ подробный разборъ вопроса о первенствѣ во второй главѣ послѣдняго тома. Самый ранній англійскій переводъ латинскаго текста появился въ «Edinburgh Review», въ 1816 г., и съ этого времени было выпущено нѣсколько другихъ изданій.

Нѣкоторые подробности перваго путешествія, какихъ нѣтъ въ «Дневникѣ», мы заимствуемъ у Овiedo, и Виценте Яньезъ Пинзонъ и Гернанъ Пересъ Матеосъ, бывшіе товарищи Колумба по путешествію, считаются источниками этихъ добавочныхъ свѣдѣній. Свидѣтельскія показанія въ процессѣ 1515 года, особенно Гарція Гернандеца, который былъ на «Pinta», и матроса, по имени Франциско Гарція Валлехо, даютъ новыя подробности. Не существуетъ отчета самого Колумба о событіяхъ его второго путешествія и о той его крейсеровкѣ вдоль берега Кубы, когда ему самому вообразилось, будто онъ очутился у береговъ Золотого Херсонеза. «Historie» повѣствуетъ намъ, что въ теченіе этой крейсеровки онъ велъ дневникъ «Libro del Segundo Viage», пока его не одолѣла морская болѣзнь, и объ этомъ путеводителѣ упоминается и въ «Historie», и у Ласказаса. Имѣются также изъ другого источника свѣдѣнія о томъ, что узнали изъ разговора съ Колумбомъ по возвращеніи его въ Испанію о тѣхъ изслѣдованіяхъ, рассказъ о которыхъ Бернальдецъ помѣстилъ въ своей книгѣ «Reyes Católicos». По мнѣнію Првинга, эти описанія Бернальдеца—наиболѣе пригодны къ дѣлу изъ источниковъ, касающихся занимающаго насъ періода исторіи, такъ какъ они дали ему подробности для живого художественнаго повѣ-

Порядокъ
появленія
изданій.

Добавочные
источники
касательно
перваго
путешествія.

Второе
путешествіе.

ствованія. Высадившись въ Кадиксъ, въ июнѣ 1495 года, Колумбъ отправилъ къ своимъ государямъ два письма, о которыхъ нынѣ ничего неизвѣстно.

Наварреть отыскалъ въ коллекціи герцога Верагуа пятнадцать собственноручныхъ писемъ Колумба; четыре изъ нихъ писаны къ его другу, отцу Гаспару Горриціо; остальные — къ сыну его Діего. По словамъ Наваррета, онъ нашелъ ихъ въ очень плохомъ состояніи, такъ что мѣстами ихъ нельзя разобрать; по поводу ихъ дешифровки онъ строго критикуетъ Томаса Гонзалеца, который приобрѣлъ практическій навыкъ въ работахъ этого рода во время своихъ занятій въ архивахъ Симанкаса. Два письма, посланные къ Горриціо въ 1498 году, и четыре — въ 1501, вмѣстѣ съ единственнымъ письмомъ, отправленнымъ въ томъ же году къ Діего Колону, хранились въ желѣзномъ ящикѣ, въ монастырѣ «Las Cuevas»; но писемъ этихъ нѣтъ въ архивѣ герцога Верагуа; извѣстно, однако, что пока тянулся процессъ наслѣдниковъ Колумба, Крестоваль де-Кардона тайно старался вскрыть этотъ ящикъ и въ 1580 году былъ привлеченъ къ отвѣтственности за свою продѣлку. Чтò стало съ этимъ ящикомъ быть можетъ, когда-нибудь удастся открыть, но мнѣнію Гарриса, при разборѣ нотаріальныхъ реестровъ города Валенсіи.

Два письма Колумба, касающіяся его третьяго путешествія, извѣстны лишь по старымъ копіямъ; одна изъ нихъ, сдѣланная Ласказасомъ, принадлежала герцогу Орсуни, а другая, адресованная къ нянькѣ принца Хуана, хранится въ Генуѣ, въ коллекціи вышеупомянутой кустодіи. Обѣ копіи были напечатаны Наварретомъ

Въ письмѣ отъ 27 декабря 1504 года Колумбъ приводитъ рассказъ о своемъ четвертомъ путешествіи, съ дополненіями; оно было послано имъ изъ Севильи къ Одериго; но письмо это не дошло до насъ. Мы не имѣемъ также никакихъ данныхъ относительно другихъ писемъ, которыя онъ писалъ изъ Доминики и другихъ мѣстъ во время своего путешествія. Впрочемъ, намъ извѣстно письмо Колумба къ Фердинанду и Изабеллѣ, содержащее нѣкоторыя подробности объ этомъ путешествіи, отъ 7 іюля 1503 года. Утраченный оригиналъ на испанскомъ языкѣ сохранился въ старинной копіи, напечатанной Наварретомъ. Хотя неизвѣстно ни одного современнаго испанскаго изданія этого письма, но въ Венеціи вышелъ въ 1505 году переводъ его подъ заглавіемъ «Copia de la Lettera per Colombo mandata». Переводъ этотъ былъ перепечатанъ Морелли съ объяснительными замѣтками, въ Вассано, въ 1810 году, и данное этому письму, названнымъ книго продавцемъ, заглавіе, «Lettera Rarissima», удержалось за нимъ многими авторами, ссылающимися на него.

Петеръ Мартиръ, писавшій въ январѣ 1494 года, упоминаетъ о письмѣ, только что имъ полученномъ отъ Колумба, но намъ ничего неизвѣстно о существованіи этого письма.

Говорятъ, что въ рукахъ Ласказаса находились замѣтки Колумба относительно свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ португальскихъ и испанскихъ лоцмановъ о земляхъ, лежащихъ къ западу; Ласказасъ упоминаетъ также о «Libros de Memorias del Almirante». Самъ Ласказасъ говоритъ, что у него было много собственноручныхъ писемъ Колумба. Какая судьба ихъ постигла, намъ неизвѣстно. Если они оставались въ монастырѣ Санъ-Грегоріо, въ Вальядолидѣ, гдѣ Ласказасъ пользовался ими для своихъ работъ, то они исчезли вмѣстѣ съ бумагами этого монастыря, взятыми изъ архивовъ послѣ закрытія монастырей, а архивы эти, по словамъ Гаррисса, были переданы въ 1850 году, въ Мадридскую Академію Исторіи.

Въ письмѣ своемъ къ донѣ Хуанѣ Колумбъ говоритъ, что оставилъ въ монастырѣ de la Mejorada трудъ свой, въ которомъ предсказалъ открытіе сѣвернаго полюса. Трудъ этотъ не отысканъ.

Гарриссъ повѣствуетъ также о своихъ неудачныхъ розыскахъ письма Колумба, которое, по свидѣтельству руководства объ автографахъ Гунтера и Шульца (Лейпцигъ, 1856 г.), было куплено въ Англіи герцогомъ Буклингемомъ; парижскій книгопродавецъ Троссъ также сообщаетъ, что приблизительно въ 1850 году, въ Англію было послано для продажи нѣсколько собственноручныхъ писемъ Колумба, которыя Троссъ видѣлъ самъ.

По возвращеніи изъ перваго путешествія Колумбъ составилъ географическую карту съ таблицей долготъ и широтъ для новыхъ открытій. Этотъ трудъ, какъ извѣстно, былъ предметомъ переписки между нимъ и королевой.

Существуетъ много другихъ ссылокъ на карты, составленныя Колумбомъ съ цѣлью наглядно представить свои взгляды или показать свои открытія. Неизвѣстно ни одной карты, которая бы принадлежала ему съ достовѣрностью, хотя Охеда, Иньйо и другіе утверждаютъ въ своихъ мемуарахъ, что пользовались въ своихъ изслѣдованіяхъ картами Колумба. Изъ словъ Петера Мартира не видно, чтобы Колумбъ закончилъ когда-либо хоть одну географическую карту, хотя онъ началъ составлять карту съ помощью своего брата Бартоломея. Карта къ сочиненіямъ Птолемея, изданнымъ въ 1513 году, по словамъ Сантарема, была составлена Колумбомъ на основаніи его замѣтокъ; но объясненія къ этой картѣ, повидимому, принадлежатъ адмиралу, находившемуся на службѣ Португаліи, который и сдѣлалъ въ ней поправки; а съ тѣхъ поръ, какъ Гарриссъ выяснилъ значеніе такъ называемой карты Кантино, есть большое основаніе предположить, что обѣ эти карты составлены по одному и тому-же образцу.

Перейдемъ теперь отъ личныхъ документовъ Колумба къ тому, что было написано о немъ. Благодаря одному старинному обычаю Италіи, можно было привести въ извѣстность домашній образъ жизни семейства, въ которомъ Колумбъ

*Итальянскіе
нотаріальныя
рестры.*

былъ старшимъ сыномъ. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, которыя отецъ его провелъ въ Савонѣ, всякій самый незначительный дѣловой актъ и всѣ договоры и сдѣлки, совершавшіеся имъ, свидѣтельствовались у нотаріусовъ, а реестры послѣднихъ сохранились въ городскомъ архивѣ связанные кипами (filzas).

Эти filzas представляли собой рядъ документовъ, связанныхъ вмѣстѣ; и обыкновенно filza, т. е. связка, обнимала собою документы, накопившіеся за годъ. Приведенное Гарриссомъ въ его «Columbus and the Bank of St. George» факсимиле съ письма Колумба, сохранившагося въ банкѣ, показываетъ намъ, какъ складывался листъ по длинѣ, а затѣмъ продѣлывалось отверстіе въ каждомъ сгибѣ.

Изъ этого источника мы узнаемъ, что уже въ 1470 г. и затѣмъ позднѣе Колумбъ написалъ завѣщаніе въ пользу своего отца. Въ 1472 году мы находимъ доказательство другого завѣщанія сдѣланнаго имъ. По законодательству Юстиніана, нотаріальнаго заявленія было достаточно, и въ Италіи документы подобнаго рода не требовали добавочной подписи свидѣтеля, какъ это понадобилось бы въ Англіи. Этотъ нотаріальный источникъ совсѣмъ не новое открытіе. Еще въ 1602 году тринадцать документовъ, составленныхъ также нотаріальнымъ порядкомъ, были напечатаны Джуліо Салинеріо въ Генуѣ, съ примѣчаніями о Корнелии Тацитѣ. Подобные же документы были найдены архивариусами Савоны, Джіаномъ Томмазо и Джіамбаттистой Беллоро, въ 1810 году (они напечатаны въ 1821 г.), а другіе въ 1830 году; документы эти подтверждаютъ вообще болѣе раннія свѣдѣнія о молодыхъ годахъ Колумба, которыя приведены у Галло, Сенарега и Джустиніани. Приходится сожалѣть, что подлинники нѣкоторыхъ изъ этихъ нотаріальныхъ актовъ еще не найдены; однако терпѣливые розыски, быть можетъ, когда-нибудь увѣнчаются успѣхомъ и помогутъ болѣе полному ознакомленію съ жизнью семьи Колумба въ Савонѣ.

Недавно былъ найденъ и изданъ мемуаръ о знаменитыхъ уроженцахъ Савоны, написанный стряпчимъ, Джованни Винченцо Вердзелино, который умеръ въ этомъ городѣ, въ Савона. 1638 году. Документъ этотъ напечатанъ въ Савонѣ, въ 1885 году подъ редакцію Андреа Астенго; но Гарриссъ въ своемъ трудѣ «Cristophe Colomb et Savone» (Генуа, 1877 г.) познакомилъ насъ полнѣе съ заключающимися въ мемуарѣ свѣдѣніями относительно интересующаго насъ предмета.

Гарриссъ не безосновательно полагаетъ, что девятнадцать документовъ (если только къ нимъ не были еще прибавлены другіе), проливающихъ свѣтъ на мелкія подробности частной жизни Колумба и его родныхъ, — которые были открыты въ нотаріальныхъ записяхъ Генуи маркизомъ Марчелло Стальено, — являются Нотаріальные реестры Генуи. лишь предвѣстниками другихъ еще не открытыхъ данныхъ, и что на

страницахъ «Giornale Ligustico» будутъ появляться отчеты о подобныхъ открытіяхъ по примѣру прежнихъ лѣтъ.

Въ архивѣ Банка св. Георгія въ Генуѣ также сохранилось кое-что, хотя и немного. Въ государственномъ архивѣ Генуи, хранящемся съ 1817 года въ Палаццетто, можно бы надѣяться найти какой-нибудь отчетъ о великомъ открытіи, о которомъ генуэзскіе посланники, Франческо Маркезіо и Джіанъ Антоніо Гримальди, были увѣдомлены какъ разъ въ то время, когда они простились съ Фердинандомъ и Изабеллою, чтобы вернуться въ Италію; но до сихъ поръ еще не найдено ни одного такого офиціального документа въ этомъ архивѣ; неизвѣстно, находился-ли таковой здѣсь когда-либо, если только не предположить, что Сенарега позаимствовалъ отсюда данныя своего разсказа, напечатаннаго у Муратори. По всей вѣроятности, намъ не удастся узнать съ достовѣрностью изъ этого архива, дѣйствительно-ли Колумбъ предлагалъ свои услуги родной странѣ, отправляясь открывать новыя земли. Исслѣдователю посчастливится болѣе, если онъ займется изученіемъ того, что осталось отъ архива стараго абатства св. Стефана; архивъ этотъ, со времени закрытія монастырей въ 1797 году, сталъ общественнымъ достояніемъ, и въ немъ историкъ найдетъ нѣкоторое пособіе для разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ, касающихся его предмета.

Гарриссъ писалъ въ 1887 году, что ему пришлось ожидать два года разрѣшенія заняться разборомъ Ватиканскаго архива. Ученый міръ нетерпѣливо ждетъ открытій изъ этой сокровищницы. Быть можетъ, кому нибудь удастся открыть здѣсь письмо Фердинанда и Изабеллы, въ которомъ они увѣдомляли папу объ исполненіи надеждъ Колумба. Быть можетъ, дипломатическая переписка, по поводу притязаній Испаніи на открытіе Колумба, повлекшая за собою демаркаціонную буллу, изданную въ маѣ 1492 года, будетъ также найдена вмѣстѣ съ географическими картами, представляющими громадный интересъ для уясненія отношеній новой географіи. Нельзя ручаться, что этимъ закончатся разоблаченія, находящіяся въ манускриптахъ. Новые отрывки документальныхъ свѣдѣтельств открывались по временамъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не ожидали найти. Многие италіанскіе ученые, проживавшіе въ ту эпоху возбужденной дѣятельности среди мореплавателей въ приморскихъ портахъ и торговыхъ мѣстностяхъ Испаніи и Португаліи, поддерживали въ своихъ отечественныхъ друзьяхъ живой интересъ къ столь заманчивымъ извѣстіямъ. Таковы письма, посланныя въ Италію Ганнибаломъ Іануаріусомъ и Лукою, флорентинскимъ инженеромъ, относящіяся къ первому путешествію Колумба. Подобныя же краткія извѣщенія существуютъ и относительно втораго путешествія. Нѣкоторыя изъ нихъ были найдены въ бумагахъ Макіавелли, а другія собраны были Цорци

*Архивъ Банка
св. Георгія.*

*Ватиканскій
Архивъ.*

*Скрытая
рѣчь.*

*Письма о
Колумбѣ.*

для новаго изданія его коллекціи документовъ. Всѣ эти данныя были открыты въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и самъ Гаррисъ, Гарджиолли, Гверини и другіе способствовали ихъ обнародованію.

Прошло тридцать семь лѣтъ послѣ смерти Колумба прежде чѣмъ въ царствованіе и по повелѣнію Карла V отъ 19 февраля 1543 года архивъ Испаніи былъ приведенъ въ нѣкоторый Испанскій архивъ. порядокъ и помѣщенъ на храненіе въ Симанкасъ. Цѣлыя кипы бумагъ, разобранныя и подшитыя государственными секретарями и Совѣтами Пндіи и Севильи, постепенно были собраны въ этотъ архивъ, но при этомъ затерялись многія бумаги. Другіе документы повидимому исчезли позднѣе, такъ какъ извѣстно, что многіе изъ тѣхъ, на которые ссылается Геррера, не могутъ быть найдены. По повелѣнію Филиппа II въ 1567 году были сдѣланы новыя успія къ сохраненію и приведенію въ систему накопившихся манускриптовъ, но кажется усилія эти не вполне увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія Карлъ III выразилъ желаніе, чтобы всѣ государственныя бумаги, касающіяся Новаго Свѣта, были отобраны изъ Симанкасскаго архива и изъ другихъ мѣстъ, Симанкасъ и Севилья. гдѣ таковыя находились, и перевезены въ Севилью. Приказъ этотъ приведенъ въ исполненіе въ 1788 году и архивныя документы были помѣщены въ новое зданіе, специально отстроенное для нихъ. Такимъ образомъ, историкъ, изучающій нынѣ біографію Колумба, долженъ искать новыя документы скорѣе въ Севильѣ, чѣмъ въ Симанкасѣ, хотя нѣкоторые интересные документы, относящіеся къ процессу его наслѣдниковъ съ Кастильскою короною, быть можетъ, еще существуютъ въ Симанкасѣ. Бумаги эти хранятся въ старомъ замкѣ, принадлежавшемъ въ былое время адмираламъ Кастиліи, а въ послѣдствіи Симанкасъ. конфискованномъ и обращенномъ въ хранилище для подобныхъ документовъ. Единственная большая комната, предназначенная для занятій, выходитъ на сѣверъ, а такъ какъ въ ней никогда не топятъ, то собирателю замѣтокъ нерѣдко приходится писать зимою чернилами, которыя замерзаютъ на перѣ. Невозможно представить себѣ, чтобы здѣсь было тепло, когда изъ оконъ обозрѣваешь окрестный пейзажъ; по необъятному безлѣсному пространству разгуливаетъ холодный вѣтеръ зимою, а лѣтомъ ослѣпительная африканская жара составляетъ отличительную черту климата этой части старой Кастиліи.

О ранней карьерѣ Колумба можно кое-что узнать изъ архива хранящагося въ Симанкасѣ. Когда Бергенротъ, посланный англійскимъ правительствомъ, занимался здѣсь изслѣдованіями съ цѣлью иллюстрировать отношенія Испаніи къ Англіи, а затѣмъ опубликовалъ результаты своихъ работъ съ помощью Гайангоса въ 1862—1879 гг. подъ заглавіемъ «Calendar of Letters, Despatches, and State Papers relating to Negotiations between England and Spain», то въ одинъ изъ первыхъ выпусковъ перваго тома его напечатаннаго труда, относящійся къ 1485 году, вошла жалоба Фердинанда

и Изабеллы на какого-то Колумба—нѣкоторые полагали на нашего Христофора Колумба—за участіе его въ пиратской службѣ у Франціи.

Омантасекі архивъ.

Гаррисъ жалуется, что мы имѣемъ лишь весьма немногія свѣдѣнія о томъ, что заключается въ архивѣ Индіи, который хранится

въ Севильѣ, но документы этого архива скорѣе служатъ для уясненія отношеній наслѣдниковъ Колумба, чѣмъ дѣятельности самого адмирала.

Севилья.

Нотаріальные реестры Севильи принадлежатъ повѣйшей формаци, такъ какъ разбросанные матеріалы стали собираться впервые только съ 1869 года. Въ этихъ реестрахъ нашлись нѣкоторые мелкія подробности изъ жизни родныхъ Колумба, и вполне возможно, что терпѣливые поиски какого-нибудь будущаго изслѣдователя увѣнчаются успѣхомъ.

*Севильскіе
нотаріальные
реестры.*

Быть можетъ, найдется въ нихъ также что-нибудь интересное относительно потомковъ Колумба, которые жили въ Севильѣ, какъ графы Жельвесь; но едва-ли откроется что-либо касающееся жизни самого адмирала.

Личная извѣстность Колумба гораздо тѣснѣе связана съ монастыремъ Святой Маріи де-ласъ Кувасъ. Сюда были перенесены его останки въ 1509 году; а позднѣе его братъ и сынъ, оба носившіе имя Діего, были похоронены рядомъ съ нимъ, точно также какъ и внукъ его, Люисъ. Здѣсь же, какъ было сказано, въ желѣзномъ ящикѣ хранились ихъ фамиліные документы и драгоценности. Увѣряютъ, что въ архивѣ монастыря нигдѣ не могли найти этихъ документовъ, которые явились результатомъ договоровъ, обязательствъ и предосторожностей; въ нихъ-то случайно и могло попасть какое-нибудь біографическое свѣдѣніе. Сто лѣтъ назадъ или около того, Муньоцъ работалъ въ этомъ архивѣ и труды его, кажется, были достаточно вознаграждены, судя по приводимымъ имъ ссылкамъ съ 1781 по 1792 г.

*Монастырь
Святой Маріи
де-ласъ Кувасъ.*

Национальный архивъ Торре до-Томбо въ Лиссабонѣ, основанный въ 1390 году, былъ изслѣдованъ, какъ извѣстно, Сантаремомъ, ставшимъ впослѣдствіи хранителемъ этого архива, главнымъ образомъ для отысканія слѣдовъ дѣятельности Веспуччи; но такой знающій антикварій при столь удобномъ случаѣ не упустилъ бы изъ виду и дѣятельности Колумба. Однако, въ этомъ направленіи изысканія его оказались безплодными; Варигагенъ не былъ счастливѣе его. Гаррисъ надѣялся отыскать въ этомъ архивѣ переписку Колумба съ Іоанномъ II въ 1488 году; но въ этомъ отношеніи поиски его остались безуспѣшными; за то онъ узналъ при этомъ не мало свѣдѣній, касающихся фамиліи Перестрелло, къ которой принадлежала жена Колумба, мать наслѣдника его титуловъ. Можно также надѣяться, что нотаріальные акты Лиссабона окажутъ такую же услугу, какъ нотаріальные акты Генуи и Савоны, которые дали такіе плодотворные результаты. Тутъ должны находиться документы высокаго интереса, которые лежатъ еще гдѣ нибудь въ укромномъ уголку въ Португаліи, подобные письму съ устьева Таго, письму, съ которымъ Колумбъ обратился къ португальскому королю по возвращеніи своемъ изъ Америки, и дипломатическая переписка Іоанна Второго съ Фердинандомъ.

*Архивъ
Португаліи
Торре
до-Томбо.*

домъ Арагонскимъ по поводу проектированнаго второго путешествія, а равно и предварительные переговоры относительно Тордесильясскаго трактата.

Быть можетъ, что-либо окажется въ самомъ архивѣ Санъ-Доминго ^{Архивъ Санъ-Доминго.} и въ архивѣ его соборной церкви, что наведетъ на слѣды потомковъ адмирала, происшедшихъ отъ его сына Діега. Однако, различные случайности вслѣдствіе естественныхъ причинъ и войны сильно испортили этотъ архивъ. О самомъ Колумбѣ тутъ почти нельзя разсчитывать узнать что-либо. Бумаги знаменитаго процесса Діега Колона съ короною повидимому ускользнули отъ вниманія ^{Бумаги, касающіяся процесса.} всѣхъ историковъ вплоть до Муньоца и Наваррета. Прямая линия мужскихъ потомковъ адмирала пресѣклась въ 1578 г. вмѣстѣ съ его правнукомъ Діега Колонъ-и-Правіа, который умеръ бездѣтнымъ 27-го января. Тогда начался новый споръ о наслѣдствѣ и титулахъ, тянувшійся тридцать лѣтъ, пока наконецъ въ 1608 г. Совѣтъ Индіи не рѣшилъ, что права переходятъ обратно къ теткѣ Діега, Изабеллѣ, а затѣмъ къ ея внуку Муньо де-Португалло, графу Жельвесь. Обойденные наслѣдники въ лицѣ дѣтей сестры Діега, Франциски, которая была замужемъ за Діега Ортегонъ, разумѣется, остались недовольны; послѣдовавшій процессъ далъ огромную кипу печатныхъ удостовѣреній и денежныхъ отчетностей, которыя, при тщательной ихъ разборкѣ, быть можетъ, представятъ матеріалъ для изученія нѣкоторыхъ чертъ характера Колумба. У Гаррисса названы и описаны девятнадцать такихъ документальныхъ памятниковъ, послѣдній изъ нихъ помѣченъ 1792 г. Однако, важнѣйшій изъ нихъ напечатанъ въ Мадридѣ, въ 1606 году, подъ названіемъ «Memorial del Pleyto» въ немъ мы находимъ потомковъ законной и побочной линіи и узнаемъ слишкомъ многое изъ скандальной жизни Люса, внука адмирала, не говоря уже о незаконныхъ поступкахъ потомковъ разныхъ другихъ вѣтвей. Гарриссу удалось возстановить нѣсколько генеалогическихъ линій потомства адмирала, пользуясь трудомъ Антоніо Каэтано де-Суза «Historia Genealogica da Casa Real Portuguesa» (Лиссабонъ, 1735—49, въ 14 том.).

Важнѣйшая коллекція документовъ, собранныхъ индивидуальными ^{Коллекція Муньоца.} стараніями въ Испаніи, съ цѣлью выяснить исторію Новаго Свѣта, была составлена Хуаномъ Баутистой Муньоцомъ въ то время, когда онъ, по приказу короля въ 1781 и 1788 годахъ, занимался разборомъ всѣхъ испанскихъ архивовъ, собирая матеріалы для подробной исторіи Индіи. Муньоцъ въ предисловіи къ своей исторіи далъ яркое описаніе состоянія, въ какомъ пашель различные хранилища архивовъ въ Испаніи въ концѣ минувшаго столѣтія, въ тотъ моментъ, когда они открылись для него по королевскому приказу. Первый томъ тщательно обработаннаго и основательнаго труда Муньоца вышелъ въ 1793 году. Муньоцъ умеръ въ 1799 году, не рѣшившійся во второмъ томѣ довести исторію далѣе 1500 года, на которомъ

и остановился. Критика сильно напала на его взгляды и на книгу его посыпался рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ брошюръ, прежде чѣмъ смерть унесла его съ поля битвы; но онъ оставилъ отрывокъ второго тома въ рукописи и копія этого отрывка имѣется у книгопродавца Ленокса въ Нью-Йоркѣ. Другая копія была продана у Бринлэ. Часть коллекціи Муньоца находилась одно время послѣ смерти коллектора въ рукахъ Антоніо де-Угвина, который отдалъ ее въ распоряженіе Ирвинга; Терно повидимому также пользовался ею. Коллекція эта была наконецъ передана испанскимъ правительствомъ въ Мадридскую Академію Исторіи. Здѣсь Альфредъ Демерсей видѣлъ ее въ 1862 — 63 годахъ и описалъ въ «Bulletin» Французскаго Географическаго Общества, въ іюні 1864 года; именно этимъ описаніемъ, точно также, какъ описаніемъ въ «Biblioteca Valenciana» Фустера, пользовался Гарриссъ, потому что ему лично не пришлось разбирать эти документы.

Мартинъ Фернандецъ де-Наварретъ занимался составленіемъ коллекціи документовъ, когда Карлъ Четвертый отдалъ приказъ 15 октября 1789 года, чтобы трудъ, начатый такимъ образомъ, образовалъ собою ядро библіотеки и музея. Наступившія смуты помѣшали продолженію этого труда и только въ 1825 году Наварретъ могъ выпустить въ свѣтъ первый томъ своей «Coleccion de los Viages y Descubrimientos qui hicieron por Mar los Espanoles desde Fines del Siglo XV»; онъ закончилъ пятый томъ этого изданія въ 1837 году, когда ему было уже болѣе семидесяти лѣтъ.

По какимъ бы источникамъ ни была написана жизнь Колумба, въ ней отразится больше всего вліяніе упомянутой коллекціи Наваррета, два первые тома которой сполна посвящены дѣятельности адмирала и носятъ соотвѣтствующее ихъ содержанію заглавіе «Relaciones, Cartas y otros Documentos», относящіеся къ нему.

Наварретъ тридцать лѣтъ работалъ въ испанскомъ архивѣ и ему помогали отчасти историкъ Муньоцъ и Гонзалесъ, хранитель Симанкасскаго архива. Изслѣдованія Наваррета обнимали все государственныя хранилища и тѣ изъ частныхъ архивовъ, въ которыхъ можно было найти матеріалы для исторіи открытія Америки. Въ предисловіи къ своей «Coleccion» Наварретъ разсказалъ исторію своихъ поисковъ въ испанскомъ архивѣ и какимъ образомъ, отыскивая данныя, подтверждающія путешествіе Мальдонадо къ Тихо-Океанійскимъ берегамъ Сѣверной Америки въ 1588 г. онъ наткнулся на копіи Ласказаса разсказовъ Колумба о его первомъ и второмъ путешествіяхъ, впоследствии опять исчезнувшихъ въ архивѣ герцога дель-Пинфантадо; Наваррету посчастливилось первому обратиться на нихъ вниманіе Муньоца.

Для того, кто изучаетъ исторію, не бесполезно ознакомиться съ французскимъ изданіемъ книги Наваррета «Relations des Quatre

Часть страницы в Псалтырь, Давуидина, едверстаница начало аканеониней Иовауба, впервыя появиныго вь печати.
(Съ язымадра, нахоруганатое вь Виблотеки при Вермарт-Бидлагеб).

D. Et in fines mundi
 uicta eorum, Saltem
 teporibus nostris quo
 mirabili auctu Christo
 phoro columbi genu
 enis, aliter pene or his
 reperitur et christina
 nominaque aggre
 gatus. At retro frequen
 am Columbibus frequen
 ter predicabatur se a Deo
 electum per ipsam
 adimplectitur hac pro
 phetiam non aliena ex
 flumant uirum ipsius
 hoc loco in terete. Ista
 tur Christophorus co
 gnomento columbus
 patris gentium, uis
 pus ortus parentibus,
 nostra erit. Fuit qui
 sua fidelitatis plures
 tarum & pelagi ex
 plorentur paucis me
 ritus, quam generalis
 oue omnes mortales
 uitae fide recto actus

тельно) Ремюза, Бальби, Кювье, Жомара, Летрона, Сень-Мартена, Уалькенера и другихъ. Переводъ былъ напечатанъ въ Парижѣ, въ 1828 году, въ трехъ томахъ. Трудъ этотъ содержитъ отчеты Наваррета о путешествіяхъ испанцевъ до Колумба, о позднѣйшей литературѣ, касающейся Колумба, и о путешествіяхъ съ цѣлью открытій, совершенныхъ другими испанцами, вмѣстѣ съ документами, относящимися до Колумба и его путешествій, — результатами его непрерывныхъ трудовъ. Калебъ Кушингъ въ своихъ «Reminiscences of Spain» 1833 года, отдавая должное общимъ взглядамъ Наваррета, высказываетъ сожалѣніе по поводу его стремленій смягчить негодованіе потомства противъ эгоистическаго поведенія Фердинанда и оправдать послѣдняго отъ обвиненія въ несправедливости относительно Колумба. Эти защитительные доводы въ настоящее время не находятъ себѣ такого сочувствія, какъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Отецъ Антонио де-Асна въ монастырѣ Мехорада составилъ коллекцію документовъ, касающихся открытія Новаго Свѣта, и въ этой-то коллекціи, нынѣ хранящейся въ Мадридской Академіи Исторіи, Наварретъ отыскалъ тотъ любопытный рассказъ д-ра Чанка о второмъ путешествіи Колумба, который былъ отосланъ авторомъ капитулу собора и который Наварретъ включилъ въ свою коллекцію. Думаютъ, что Бернальдецъ воспользовался этимъ рассказомъ Чанки для своего сочиненія «Reyes Católicos».

Имя Наваррета также связано съ обширной «Colección de Documentos Ineditos para la Historia de España», какъ одного изъ издателей этого сборника, печатаніе котораго было начато въ Мадридѣ въ 1847 году, за два года до смерти Наваррета. Въ этой коллекціи есть кое-что для разъясненія исторіи занимающаго насъ предмета; но она не содержитъ въ себѣ ничего новаго и только въ послѣднее время въ ней впервые была напечатана «Historia» Ласказаса.

Въ 1864 г., въ Мадридѣ была предпринята новая серія изданій — «Colección de Documentos Ineditos relativos al Descubrimiento, Conquista y Colonización de las Posesiones Espanolas en América y Oceania» подъ редакціей Іоакима Пачеко и Франциско де-Карденаса, которые не всегда удовлетворяютъ точности историческаго метода. Въ названномъ сборникѣ, перепечатаны документы, изданные уже Наварретомъ, и въ немъ нѣтъ ничего заслуживающаго вниманія историковъ Колумба, за исключеніемъ нѣсколькихъ длинныхъ отчетовъ изъ «Repartimiento in Espanola».

Позднѣйшее собраніе документовъ представляетъ большую книгу in-folio съ приложеніемъ, автографовъ Колумба, Веспуччи и другихъ, изданную въ Мадридѣ, въ 1877 году, правительствомъ и названную «Cartas de Indias»; матеріаломъ для этого изданія послужили данныя, собранныя Наварретомъ въ добавочныхъ томахъ его «Colección».

Мадридская
Академія
Исторіи.

Коллекція
неизданныхъ
документовъ.

«Cartas de
Indias».

Глава II.

Биографы и портретисты.

Перечень авторовъ, разработывавшихъ матеріалъ, рассмотрѣнный нами въ предыдущей главѣ, всего удобнѣе распредѣлить по ихъ національностямъ. Само собою разумѣется, мы начнемъ съ итальянцевъ, соотечественниковъ Колумба. Прежде всего мы должны остановиться на трехъ генуэзцахъ; хотя послѣдніе пользовались документами, повидимому, нынѣ затерянными, но въ нихъ они ничего не нашли такого, чего бы мы не могли почерпнуть изъ другихъ источниковъ; и всѣ они заимствовали свои свѣдѣнія изъ общезвѣстныхъ оригинальныхъ документовъ, или одинъ у другого. Двое изъ этихъ авторовъ были — Антонио Галло, офиціальныя лѣтописецъ Генуэзской республики, писавшій о первомъ и второмъ путешествіяхъ Колумба, по всей вѣроятности, прежде чѣмъ было совершено третье путешествіе, и Бартоломео Сенарегга, писавшій о дѣлахъ Генуи; ихъ повѣствованія были изданы Муратори въ его большой итальянской коллекціи. Третій писатель — Джустиніани, епископъ Неббю. Издавая въ 1516 году, въ Генуѣ, псалтырь на нѣсколькихъ языкахъ въ одной книгѣ, онъ прибавилъ въ видѣ объясненія къ девятнадцатому псалму, такъ какъ Колумбъ часто похвалялся, что ему предназначено было свершить пророчество этого псалма, краткій очеркъ жизни Колумба, гдѣ, по мнѣнію ученыхъ впервые рассказана исторія скромнаго происхожденія этого мореплавателя. Теперь оказывается, что и въ другихъ отчетахъ этому обстоятельству было отведено также выдающееся мѣсто. Джустиніани былъ ребенкомъ, когда Колумбъ покинулъ Геную, и не могъ его знать; основываясь, по всей вѣроятности, больше на слухахъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, которыя были имъ повторены или лишь отчасти исправлены въ его «Лѣтописяхъ Генуи», напечатанныхъ въ 1537 году, черезъ годъ послѣ его смерти. Однако, существенныхъ погрѣшностей въ этомъ очеркѣ не нашли и это подтвердилось новыми изслѣдованіями. Англійскій переводъ его сдѣланъ Гарриссомъ въ его «Notes on Columbus» (стр. 74—79). Указанія псалтыря относительно Колумба были признаны вмѣстѣ съ другими вещами до

такой степени лживыми, что Сенатъ Генуэзской республики запретилъ его чтеніе и не дозволилъ никому имѣть его у себя—такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ «Historie» 1571 г., но никогда никѣмъ не былъ открытъ подобный декретъ и никто не указываетъ, чтобы на такой декретъ встрѣчались ссылки, если вообще онъ существовалъ когда-либо.

Разсказъ въ «Collectanea» Баттисты Фульгозо (иногда пишутъ Фрегозо), напечатанный въ Миланѣ, въ 1509 году, не представляя собою ничего оригинальнаго, имѣетъ нѣкоторый интересъ, какъ трудъ генуэзца. Алледжетто дельи-Алледжетти, Ephemerides котораго были напечатаны у Муратори, едва-ли заслуживаетъ большаго довѣрія, хотя онъ, повидимому, заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ писемъ итальянскихъ купцовъ, проживавшихъ въ Испаніи, которые сообщали текущія новости своимъ отечественнымъ корреспондентамъ.

Бергомасъ, издавшій хронику еще въ 1483 году, ^{Бергомасъ.} дѣлалъ отъ времени до времени добавленія къ своему труду, и въ изданіи, напечатанномъ въ Венеціи, въ 1503 году, онъ порефразируетъ собственный разсказъ Колумба о первомъ его путешествіи, который и былъ перепечатанъ въ послѣдующемъ изданіи 1506 года. Въ этомъ же году Маффеи де-Волтерра издалъ комментарий въ Римѣ, представляющій такое же значеніе. Такими-то заимствованиями изъ другихъ источниковъ, Италія, черезъ посредство своихъ авторовъ, пріобрѣла современныя свѣдѣнія о своемъ предпримчивомъ сынѣ.

Методъ этотъ нашелъ себѣ приложеніе въ сжатыхъ разсказахъ Ювіуса (1551) и въ разсказахъ путешественника Бенцони (1565).

Гарриссъ утверждаетъ, что только въ Лѣтописяхъ Генуи, изданныхъ Филиппомъ Казони, въ 1708 году, можно найти кое-^{Казони, 1708.} что новое у итальянскаго автора; онъ знакомитъ насъ

съ фактами, которые раньше не были извѣстны. Только въ нашемъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ нѣсколькихъ соотечественниковъ Колумба, принявшихся за послѣдовательное изученіе исторіи всей жизни Колумба. Леонъ заявилъ, что нѣкогда безъ указанія мѣста и времени, въ Испаніи, Колумбъ напечаталъ маленькое сочиненіе «Declaracion de Tabla Nавigatoria»; но Луиджи Босси первый ^{Босси.} взялъ на себя трудъ рассмотреть сочиненія Колумба.

Босси явился родоначальникомъ всѣхъ новѣйшихъ біографовъ Колумба, и книга его вышла въ Миланѣ, въ 1818 году. Въ приложеніи онъ заявляетъ, будто дополнилъ свой трудъ рѣдкими и неизданными документами, но Гарриссъ доказываетъ, что всѣ они были уже напечатаны ранѣе.

Сужденія Босси объ испанской націи вполнѣ ошибочны и Наварретъ неоднократно укоряетъ названнаго итальянскаго автора какъ за это, такъ и за многія другія невѣрности въ его изложеніи, а равно и за то легковѣріе, съ какимъ онъ относится даже къ картиннымъ разсказамъ Де-Бри.

Въ исторіи открытія Америки насъ поражаетъ болѣе всего тотъ фактъ, что итальянскій народъ далъ Испаніи Колумба, Англіи Кабота и Франціи Веррацано; три главныя европейскія державы, отправившись изслѣдовать моря по стопамъ Португаліи, которая въ свою очередь не могла обойтись безъ Веспуччи, добились своихъ правъ черезъ посредство людей, выхваченныхъ ими изъ центральной области по Средиземному морю; сама Италія никогда не владѣла въ ново-открытомъ мірѣ ни единой четвертью десятины земли. Новое отечество наложило болѣе или менѣе собственный отпечатокъ на своихъ пріемишей. Ни одинъ изъ этихъ людей не былъ такъ впечатлительнъ, какъ Колумбъ, и ни одна страна въ то время не была способна болѣе Испаніи повліять на чужеземца. Гумбольдтъ замѣтилъ, что Колумбъ приобрѣлъ теологическую ревность въ Андалузіи и Гренадѣ, и мы съ трудомъ могли бы вообразить себѣ его въ одеждѣ францисканца, идущаго по улицамъ свободной и торговой Генуи; какъ онъ это продѣлалъ въ Севильѣ по возвращеніи своемъ изъ второго путешествія.

Послѣдняя изъ значительныхъ популярныхъ итальянскихъ біографій Колумба есть книга Дж. Б. Лемуана «Colombo e la Scoperta dell'America», вышедшая въ Туринѣ, въ 1873 году.

Теперь перейдемъ къ историкамъ той страны, которой передается Колумбъ, покинувъ Италію; но прежде всего надлежитъ упомянуть о хроникѣ Іоанна II Португальскаго, составленной Рюи де-Пина, архивариусомъ Торре-до-Томбо. Когда Колумбъ предпринялъ путешествіе, Рюи было болѣе пятидесяти лѣтъ, а Гарсія де-Резенде былъ юношей и находился при португальскомъ дворѣ; въ своей «Chronica», изданной въ 1596 году, Гарсія де-Резенде почти все содержаніе позаимствовалъ у своего предшественника, Рюи; а Резенде, въ свою очередь, доставилъ João de Barros'у матеріалъ для позднѣйшаго разсказа въ его «Decada da Asia», напечатанной въ Лиссабонѣ, въ 1752 году.

Болѣе цѣнный матеріалъ мы находимъ у испанскихъ авторовъ. Хотя Петеръ Мартиръ д'Ангіера былъ итальянецъ, Муньоцъ считаетъ его испанцемъ, такъ какъ онъ натурализовался въ Испаніи. Ему было тридцать лѣтъ, когда по пріѣздѣ изъ Рима онъ поселился въ Испаніи незадолго до того, какъ Колумбъ приобрѣлъ себѣ извѣстность. Испанскій дворъ обратилъ вниманіе на дѣятельную молодую натуру Мартира. Онъ вступилъ въ духовное званіе и постепенно ему удалось сдѣлать карьеру; онъ сталъ въ послѣдствіи духовникомъ королевы Изабеллы, пріоромъ собора въ Гренадѣ и наконецъ официальнымъ лѣтописцемъ Пидіи. Весьма скоро по прибытіи своемъ въ Испанію онъ сталъ приемотриваться зоркимъ окомъ къ измѣнчивой жизни, окружавшей его, а въ 1488 году началъ писать тѣ письма, которыя—числомъ болѣе восьми сотъ—свидѣтельствуютъ о томъ, что-

онъ живо интересовался событіями его времени. Онъ продолжалъ слѣдить за этими событіями до 1525 года. Мы не имѣемъ болѣе живого источника современной исторіи, въ особенности относительно морскихъ предпріятій обитателей полуострововъ. Онъ писалъ бѣгло и, по его словамъ, иногда въ ожиданіи обѣда по необходимости на скорую руку. Онъ вкратцѣ отмѣчалъ прежнія и недостоверныя извѣстія, оставляя ихъ въ сторонѣ. Онъ передавалъ извѣстія по слухамъ и смѣшивалъ событія. Впрочемъ у него было достаточно скромности и искренности, чтобы не придавать своему труду большого значенія, чѣмъ онъ заслуживалъ. Онъ зналъ Колумба и въ письмахъ его отражается интересъ, возбужденный подвигами Колумба тотчасъ по возвращеніи послѣдняго изъ его перваго путешествія, но болѣе раннія подготовленія мореплавателя къ этому путешествію, повидимому, не произвели никакого впечатлѣнія на Петра Мартира и только въ маѣ 1493 года, когда уже было сдѣлано открытіе, и позднеѣ, въ сентябрѣ, онъ занесъ въ лѣтопись извѣстіе о новооткрытыхъ островахъ. Три письма, въ которыхъ это удивительное извѣстіе было сообщено впервые, опубликованы Гаррисомъ на англійскомъ языкѣ, въ его «Notes on Columbus». Ласказасъ повѣствуетъ, какъ Петеръ Мартиръ получилъ свѣдѣнія о первыхъ открытіяхъ непосредственно изъ устъ самого Колумба и отъ его спутниковъ; но онъ не преминулъ также прибавить, что небезопасно слишкомъ слѣпо вѣрить всѣмъ словамъ Петра. Съ 14 мая 1493 года по 5 іюня 1497 г., въ двѣнадцати отдѣльныхъ письмахъ мы прочтемъ все, что этотъ наблюдатель могъ сказать намъ о великомъ мореплавателѣ, который внезапно и на короткое время получилъ блестящую извѣстность. Эти и другія письма Петра Мартира не избѣгли серьезныхъ нападокъ критики. Въ нихъ встрѣчаются противорѣчія и анахронизмы, которые по неволѣ заставили Ранке, Галлама, Геринга и другихъ считать текстъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи, болѣе или менѣе измѣненнымъ, но отнюдь не подлинникомъ Мартира. Упомянутые авторы вообразили, что какой-нибудь издатель умышленно или по безпечности прибавилъ къ нимъ эти неудачныя дополненія. Впрочемъ, письма эти заслужили довѣріе Прескотта; что же касается до тѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ новымъ открытіямъ, то едва-ли кто изъ авторовъ, пользовавшихся ими, не признаетъ за ними серьезнаго значенія. Ж. Г. Маріежоль, послѣдній изъ авторовъ, изслѣдовавшихъ эти письма, въ своемъ трудѣ «Peter Martyr d'Anghera» (Парижъ, 1887 г.) высказываетъ мнѣніе, что внимательное чтеніе этихъ писемъ есть лучший аргументъ противъ скептиковъ. Мартиръ пересталъ упоминать о дѣлахъ Новаго Свѣта послѣ 1499 года, и тѣ изъ его писемъ, которыя повѣствуютъ о первомъ путешествіи, вышли въ свѣтъ въ переводѣ на французскій языкъ, сдѣланномъ Гаффарелемъ и Луво (Gaffarel et Louvot, Парижъ, 1885 г.).

Описанія Колумба легко убѣдили Мартира, что предметъ этотъ былъ достоинъ его пера, и онъ принялся за составленіе особаго трактата объ открытіяхъ въ Новомъ Свѣтѣ подъ заглавіемъ «De Orbe Novo». Трудъ этотъ поглощалъ все его вниманіе съ октября 1494 г. вплоть до дня его смерти. Въ первые годы, если вѣрить его словамъ, ему въ этомъ трудѣ не мало помогалъ самъ Колумбъ, и изъ его ста тридцати пяти посланій можно, повидимому, заключить, что онъ не вполне соглашался съ Колумбомъ, который считалъ новые острова лежащими неподалеку отъ береговъ Азіи. Онъ возбуждаетъ въ насъ особый интересъ въ своихъ разсказахъ о столкновеніяхъ Колумба съ туземцами Эспаньолы и Ласказъ въ этомъ отношеніи находилъ Мартира такимъ же полезнымъ пособіемъ, какъ и новѣйшіе историки.

Трудъ этотъ, называвшійся «Decades», представлялъ собою объемистые бюллетени, которые онъ въ нѣсколькихъ копіяхъ передавалъ нѣкоторымъ изъ своихъ благородныхъ друзей, жившихъ въ Италіи, чтобы ознакомить ихъ съ происходившими событіями.

Нѣкто, по имени Анджело Тривиджіано, въ руки котораго попалъ списокъ, касавшійся раннихъ періодовъ, перевелъ его на общепонятный, чтобы не сказать, простонародный, италіанскій языкъ и отправилъ свой переводъ въ Венецію въ четырехъ различныхъ спискахъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ они были написаны; такимъ образомъ первыя семь книгъ первой декады попали въ руки венеціанскаго печатника, который въ апрѣлѣ 1504 г. издалъ небольшую книгу въ шестнадцать листовъ на діалектѣ этой области, книгу извѣстную въ библиографіи подъ заглавіемъ: «Libretto de Tutta la Navigation de Re de Spagna de le Isole e Terreni novamente trovati». Изданіе это извѣстно намъ лишь въ единственномъ спискѣ, въ Марціанской библиотекѣ; заглавіе его утеряно. Въ этой книгѣ находится первый разсказъ о новыхъ открытіяхъ, записанный по даннымъ отчета и дополняющій повѣствованіе самого Колумба. Здѣсь же въ небольшомъ разсказѣ имѣется нѣсколько подробностей о личной жизни Колумба, какихъ не содержится въ тѣхъ же частяхъ, заключенныхъ въ болѣе обширномъ сочиненіи «De Orbe Novo» Мартира; является вопросъ, не прибавилъ-ли ихъ къ переводу тотъ, кто былъ издателемъ венеціанскаго перевода. Исторія новыхъ открытій получила достаточную извѣстность, чтобы побудить Цорци или Монтальбоддо — если тотъ или другой былъ ея издателемъ — включить этотъ венеціанскій переводъ сочиненія Мартира цѣликомъ въ собраніе путешествій, которыя подъ заглавіемъ «Paesi novamente ritrovati» были изданы въ Венеціи приблизительно въ ноябрѣ 1507 года. Быть можетъ, слѣдуетъ объяснить недостаткомъ интереса къ предпріятіямъ Колумба, непонятнымъ въ наше время, то обстоятельство, что понадобилось четырнадцать лѣтъ для того, чтобы краткій разсказъ о та-

кихъ событіяхъ попалъ въ текстъ такого разнохарактернаго отчета, какимъ является книга «*Raesi*»; но еще удивительнѣе, что исторія этихъ открытій могла быть разсказана при упоминаніи какъ бы вскользь о героѣ этихъ подвиговъ, «о Колумбѣ генуэзцѣ». Этимъ замалчиваніемъ отличается не только компиляторъ, но и самъ авторъ, у котораго онъ заимствовалъ свой разсказъ, Мартиръ,—видѣвшій и знавшій лично Колумба, — забывая объ открывателѣ, чтобы помнить только о событіи. Такое равнодушіе было плохимъ предзнаменованіемъ; поэтому не удивительно, что около того же самаго времени въ маленькомъ городкѣ Сентъ-Діе, въ Вогезахъ, жившій въ глуши учитель могъ подсказать названіе для той части ново-открытаго материка, которая тогда обратила на себя вниманіе, производя это названіе отъ имени послѣдователя Колумба, Америко Веспуччи. Если бы документальныя доказательства старшинства Колумба доставили имени адмирала такую же извѣстность, какую получило самое открытіе, то въ результатѣ не получилась бы такая вопіющая несправедливость.

Къ несчастью, Мартиръ, пользовавшійся огромными преимуществами и доступомъ въ индійскій архивъ, не утруждаетъ себя ссылками на документы. Онъ даже менѣе обращаетъ вниманія, чѣмъ бы слѣдовало ожидать, на такія мелочи, которыя интересны для людей надкихъ до новостей, потому что дѣятельный капеланъ былъ по натурѣ сплетникомъ: онъ любилъ передавать чужія рѣчи и слухи; любилъ оживлять свои письма личными характеристиками; но говоря о Колумбѣ, онъ становится чрезвычайно сдержанъ относительно всего, что дало бы намъ свѣдѣнія о личной жизни этого мореплавателя.

Въ новомъ изданіи 1534 года эти страницы изъ «*Decades*» Мартира были присоединены къ сжатому разсказу Овiedo, а къ повѣствованію Мартира добавлены нѣкоторыя интересные подробности изъ частной жизни Колумба; полагаютъ, что этотъ компилятивный трудъ былъ изданъ Рамузіо и добавленія обыкновенно приписываютъ этому автору. Неизвѣстно, откуда могъ ихъ почерпнуть этотъ итальянскій компиляторъ и нигдѣ не было найдено данныхъ, которыя бы подтверждали ихъ достовѣрность. Если, какъ полагаютъ, эти добавленія и были чужды наростовъ въ разсказахъ Мартира, все же сущность его повѣствованія не остается вполне изъята отъ нѣкотораго подозрѣнія, что, какъ писатель, онъ иногда грѣшилъ противъ истины и не всегда заслуживаетъ довѣрія. По крайней мѣрѣ извѣстная сбивчивость его метода многимъ критикамъ даетъ поводъ обвинять его въ нѣкотораго рода плутовствѣ, на примѣръ, его привычка помѣчать письма заднимъ числомъ, чтобы придать имъ видъ пророчества; защитники же Мартира именно въ этихъ очевидныхъ несообразностяхъ усматриваютъ признакъ непосредственности, которая говоритъ въ пользу свѣжести впечатлѣнія и искренности.

Наше довѣріе къ тому, что говорится о Колумбѣ въ хроникѣ Фер-

динанда и Изабеллы, написанной Андресомъ Бернальдецомъ, основывается на его знакомствѣ съ Колумбомъ и на томъ фактѣ, *Бернальдецъ.* что ему этотъ мореплаватель лично передалъ многія изъ своихъ собственныхъ бумагъ. Кромѣ того, извѣстно, что Бернальдецъ имѣлъ возможность ознакомиться съ рассказами Чанки и другихъ товарищей Колумба. Этотъ сельскій викарій, жившій неподалеку отъ Севилли, былъ въ то же время капеланомъ севильскаго архіепископа, личнаго друга адмирала; отъ него-то Бернальдецъ и получилъ кое-какія свѣдѣнія. Впрочемъ, онъ добавилъ немного къ тому, что намъ даетъ Петеръ Мартиръ; но трудъ Бернальдеца имѣетъ значеніе достоверности по отношенію ко второму путешествію и къ нѣсколькимъ подробностямъ изъ личной жизни Колумба. Рукопись Бернальдеца оставалась не напечатанной въ королевской мадридской библіотекѣ приблизительно въ теченіе тридцати пяти лѣтъ; но почти всѣ извѣстные авторы пользовались ею въ спискахъ, которыхъ было нѣсколько.

Переходя къ Овiedo, мы встрѣчаемся съ лѣтописцемъ, который вовсе не отличается мастерствомъ изложенія, какъ авторъ. Муньоцъ *Овiedo.* сожалѣетъ, что познанія его не соответствовали его трудолюбію. По мнѣнію Муньоца, Овiedo имѣетъ мало значенія для изученія эпохи Колумба, главнымъ образомъ потому, что онъ относился нерадиво къ документамъ и занимался комбинированіемъ розсказней и фактовъ, которые не подвергалъ критическому анализу. Несмотря, однако, на всѣ его блужданія, онъ является полезнымъ руководителемъ. «Не потому, — говоритъ Гаррисъ, — чтобы Овiedo выказывалъ слишкомъ много критической проицательности, а потому, что онъ сопоставляетъ всѣ источники, которые считаетъ пригодными для себя, и даетъ такимъ образомъ читателю данныя для окончательнаго умозаключенія». Вообще его считаютъ добросовѣстнымъ, хотя Ласказасъ и думалъ о немъ иначе. Авторъ «Historie» смотритъ на него, какъ на врага Колумба и стремится доказать, что онъ принималъ на вѣру всѣ рассказы Пинзоновъ, которые были врагами адмирала. Его административная служба въ Пидіи доказываетъ, что онъ умѣлъ оставаться вѣрнымъ своему долгу, даже рискуя лишиться популярности. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ въ пользу его исторической правдивости. Если онъ и не былъ ученымъ, зато обладалъ яснымъ умомъ; не мало также помогала ему способность составлять удачныя умозаключенія, несмотря на нѣсколько безпорядочный методъ собиранія фактовъ въ томъ видѣ, какъ онъ о нихъ слышалъ. Кромѣ того, онъ внушаетъ намъ извѣстную долю довѣрія уже потому, что не всегда является поклонникомъ героя, и не затрудняется передать розсказъ, повидимому находившійся въ обращеніи, будто бы Колумбъ получилъ свои географическія идеи отъ одного стараго лопмана. Однако, Овiedo не выдаетъ этого розсказа за непреложный фактъ, какъ то дѣлалось многими позднѣйшими авторами, позаимствовавшими эту легенду у него же, но обращающими мало вниманія на осто-

рожность Овiedo. Безъ сомнѣнія, ему болѣе чѣмъ кому-либо другому можно было знать правду, хотя не видно, чтобы онъ когда-либо состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ адмираломъ. Онъ былъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда началъ записывать то, что ему пришлось видѣть и слышать, состоя пажемъ при Донъ-Хуанѣ, сынѣ испанскихъ государей, въ Барселонѣ, во время пріема королевской четой Колумба послѣ его перваго путешествія. Впродолженіе пяти лѣтъ, между 1497 и 1502, онъ находится въ Италіи. За исключеніемъ этого промежутка времени, онъ прожилъ вплоть до 1514 г. при испанскомъ дворѣ, затѣмъ былъ посланъ въ Новый Свѣтъ и тамъ провелъ большую часть своей остальной жизни. Въ молодые годы, когда онъ находился при дворѣ, сыновья Колумба, Діего и Фердинандъ, были его товарищами въ пажеской комнатѣ и трудно предположить, чтобы онъ не воспользовался знакомствомъ съ ними. Мы знаемъ, что отъ младшаго сына Колумба онъ получилъ не мало свѣдѣній. Когда онъ отправился въ Америку, многіе изъ сотоварищей и послѣдователей Колумба были еще живы—Пинзонъ, Понсъ де-Леонъ, Діего Веласкецъ—и всѣ они, безъ сомнѣнія, помогали ему при составленіи замѣтокъ. Онъ утверждаетъ также, что розыскалъ нѣсколькихъ италіанскихъ соотечественниковъ адмирала, хотя, по мнѣнію Гарриса, не все слышанное имъ отъ нихъ заслуживаетъ довѣрія. Овiedo, разумѣется, въ свое время попалъ въ исторіи Индіи и выступилъ на этомъ поприщѣ впервые, составивъ описаніе Новаго Свѣта. По приказанію Карла Пятаго, Овiedo, обставленный всѣми необходимыми удобствами для своихъ занятій, хотя, безъ сомнѣнія, и тутъ встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія вслѣдствіе того, что многіе документы хранились въ Испаніи, а не въ Индіи, окончательно засѣлъ за составленіе «Historia General de las Indias». Начало этого труда и томы, касающіеся дѣятельности Колумба, были напечатаны въ Севильѣ, въ 1535 г. Это—трудъ серьезнаго, хотя и не слѣпотаго почитателя Колумба. Правда, ему не всегда удается обставить историческими доказательствами передаваемые имъ факты, тѣмъ не менѣе, его повѣствованіе заслуживаетъ полной признательности потомства.

Гомара въ первой части своей исторіи перемѣшалъ взятые имъ у Овiedo факты съ тѣми, которые почерпнулъ изъ другихъ источниковъ, безъ всякаго разбора и критики.

Но всѣ исторіи Колумба заимствовали детали о его личной жизни и другія обстоятельства, придающія живую окраску его исторіи, главнымъ образомъ изъ біографіи Колумба, написанной, какъ полагали всѣ ученые до 1871 г., его младшимъ сыномъ Фердинандомъ. Такъ какъ въ наше время книга эта имѣетъ много даровитыхъ защитниковъ, несмотря на старанія Гарриса дискредитировать ее, то не мѣшаетъ рассказать, черезъ какія скитанія она прошла прежде, чѣмъ дойти до насъ, и взвѣсить степень довѣрія къ ней со временъ Фердинанда вплоть до нашихъ дней.

Говорятъ, будто нѣкоторыя объясненія въ примѣчаніи къ псалтырю 1516 года, въ особенности одно, касательно низменнаго происхожденія адмирала, до такой степени возмутили гордость Фердинанда, что этотъ сынъ Колумба рѣшилъ составить подробное описаніе дѣятельности своего отца; самъ адмиралъ не имѣлъ времени сдѣлать это, хотя его настоятельно просили объ этомъ. Фердинандъ былъ его младшій сынъ и родился только за три или четыре года до того времени, какъ отецъ его оставилъ Палось. Для его рожденія предлагаютъ два числа и каждое изъ нихъ, повидимому, засвидѣтельствовано добросовѣстно, но числа эти относятся къ разнымъ годамъ. Завѣщаніе Колумба и ясныя указанія Овіедо и Ласказаса не даютъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ незаконности его рожденія. Незаконное рожденіе въ Испаніи не являлось препятствіемъ къ наслѣдованію, если завѣщатель избиралъ своимъ наслѣдникомъ незаконнаго сына; такъ и сдѣлалъ Колумбъ, который право на полученіе своихъ титуловъ, передавалъ Фердинанду, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ у Діего, своего законнаго сына. Благодаря вліянію Колумба, Фердинандъ еще мальчикомъ получилъ мѣсто пажы при дворѣ, а во время четвертаго путешествія адмирала, отъ 1502 по 1504 г., юноша сопровождалъ своего отца, затѣмъ послѣдній разъ или два онъ снова побывалъ въ Индіи. Когда Колумбъ умеръ, этому сыну доста-

*Карьера
Фердинанда
Колумба.*

лись многія изъ его бумагъ; но если вѣрить его собственному признанію, онъ упустилъ возможность разспросить своего отца при жизни объ его молодыхъ годахъ, такъ какъ, — говоритъ онъ, — въ это время его не интересовали подобныя вещи. Однакоже, его послѣдующее воспитаніе при дворѣ пробудило въ немъ жажду къ ученію. Находясь на службѣ при дворѣ Карла Пятаго, онъ много путешествовалъ, и побывалъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы, причемъ ему представлялась возможность во многихъ мѣстахъ составить себѣ большую коллекцію книгъ. Онъ часто отмѣчалъ въ нихъ мѣсто и число, когда онѣ были куплены, такъ что по этимъ даннымъ не трудно ознакомиться съ его странствованіями.

Фердинандъ имѣлъ большіе доходы, которые равнялись, по свидѣтельству Гаррисса, 180.000 фр.; доходы эти онъ получалъ со своихъ земель на Санъ-Доминго, перешедшихъ къ нему отъ адмирала; они увеличились отъ разработки невольниками рудниковъ, переданныхъ ему королемъ Фердинандомъ; одно время въ рудникахъ этихъ работало до четырехъ сотъ индійцевъ и доходы Фердинанда возросли еще благодаря пенсіямъ, дарованнымъ ему Карломъ Пятымъ.

Нѣкоторые авторы говорили, будто онъ состоялъ въ духовномъ чинѣ, но Гарриссъ, его главнѣйшій біографъ, не могъ найти доказательствъ этого факта. Овіедо описываетъ его въ 1535 году, какъ человѣка «очень благороднаго характера, привѣтливаго въ обращеніи и привлекательнаго въ бесѣдѣ».

Послѣ его смерти въ Севильѣ, 12 іюня 1539 г., осталась большая

коллекція книгъ; по современнымъ извѣстіямъ ихъ насчитываютъ отъ двѣнадцати до двадцати тысячъ томовъ. Гаррисъ въ своемъ сочиненіи «Grandeur et Décadence de la Colombine» (2-е изд. Парижъ, 1885 г.) говоритъ, что Фердинандъ перерылъ отъ 1510 по 1537 годъ всѣ главнѣйшіе книжные рынки Европы. Книги эти по завѣщанію онъ оставилъ своему младшему племяннику, Люнеу Колону, сыну Діега, но прошло не мало времени прежде, чѣмъ тотъ отказался отъ этого наслѣдства и отъ связанныхъ съ нимъ условій. Судебная процедура, по назначенію душеприкащиковъ, до такой степени замедлила окончательное постановленіе относительно завѣщанія, переходившаго изъ одной юридической инстанціи въ другую, что капитулъ севильскаго собора, который получалъ библіотеку Фердинанда въ случаѣ отказа дона-Люиса, вступилъ во владѣніе ею только въ 1552 году.

Послѣдующія заботы объ этой библіотекѣ были весьма разнообразнаго свойства. Сорокъ лѣтъ спустя одинъ ученый горько жалуется насчетъ ея недоступности. Извѣстно, что по королевскому приказу нѣкоторыя книги и бумаги были переданы для обогащенія національнаго архива, въ которомъ, однако, ихъ болѣе нѣтъ. Въ 1684 году, въ монахахъ проснулось наконецъ сознаніе ответственности и они дѣятельно принялись за составленіе новаго инвентаря книгъ, но оказалось, что коллекція сократилась до четырехъ или пяти тысячъ томовъ. Послѣ смерти библіотекаря, завѣдывавшаго этой коллекціей, въ 1709 году, она снова была заброшена. Ходятъ печальныя исторіи о шаловливыхъ дѣтяхъ, которыхъ пускали бѣгать по заламъ библіотеки и расхищать ея сокровища. Никто о ней не заботился, никому не было до нея никакого дѣла, пока не избрали въ 1832 г., новаго библіотекаря, который открылъ то, что каждый могъ бы узнать раньше, а именно, что деньги, оставленныя Фердинандомъ на поддержаніе и увеличеніе этой библіотеки, никогда не употреблялись на это дѣло и что даже самый капиталъ исчезъ. Были употреблены другія средства для увеличенія ея и потеря неоцѣненныхъ библіографическихъ сокровищъ была забыта въ массѣ новыхъ книгъ, занявшихъ мѣста на ея полкахъ. Среди всего этого новаго накопленія книгъ трудно указать, сколько именно книгъ, доставшихся въ наслѣдство отъ Фердинанда, сохранилось еще въ ней. Нѣчто напоминающее старую безпечность—чтобы не назвать это худшимъ именемъ—лишило ее многихъ книгъ даже въ 1884 и въ 1885 годахъ, причемъ множество безцѣнныхъ сокровищъ изъ этой библіотеки очутились на Набережной Вольтера и на другихъ рынкахъ старыхъ книгъ въ Парижѣ; другія книги попали въ Лондонъ, Амстердамъ и даже въ Испанію. Это поруганіе надъ общественнымъ достояніемъ было тотчасъ же выставлено на позоръ Гаррисомъ въ «Revue Critique» и въ двухъ его монографіяхъ «Grandeur et Décadence» и пр., уже упомянувшейся нами, и въ его «Colombine et Clement Marot» (Парижъ, 1886);

затѣмъ исторія эта была вкратцѣ повторена въ отчетахъ о Фердинандѣ и его библіотекѣ, которые Гаррисъ помѣстилъ также въ своемъ трудѣ «Excerpta Colombiana: Bibliographie de Quatre Cents Pièces Gothiques Francaises, Italiennes et Latines du Commencement du XVI Siècle» (Парижъ, 1887 г.), представляющемъ отчетъ о рѣдкостныхъ книгахъ, найденныхъ въ этой библіотекѣ.

По счастью, сохранился рукописный каталогъ этой библіотеки, составленный собственноручно Фердинандомъ, хотя и неполный, потому

Almatium sacro Tritonia pectus olivo
Fudit: & inde scatet nectar: amoma fluunt.
Te fouet Aegidium quæ possidet Aegida Pallas
In formas tribuens vertere saxa nouas.
Aegidos in silices vertebat corpora terrore
Insolita ex saxis conficis arte viros.
Τέλος

[640 554,

Epithoma p̄m̄ptis dialogi guillelmi ochum q̄ in titulat de
hereticis continens. 7. libros, p̄q̄nes diuisos in d̄anthores et cri-
cus de q̄ocneren in vicia auctore c̄ucepta. J. Bēm̄i & patri
Epithoma v̄d̄m̄cipiunt et q̄z doctrinale et. d. p̄culu fidoi j̄m̄
nere. 2. in fo. inf. Louanij and. 1481. costa d̄londres. g. p̄m̄m̄
por j̄m̄io de. 1522.

Este libro costo argentaymro m̄s en ḡalanto
por augusto de 1520 años [Esta Registrado 309]

Costo est novacio quatro quatrines en Roma por julio
de. 1516 [Esta Registrado. 2994]

Образцы замѣтокъ Фердинанда Колумба на поляхъ его книгъ.
[Изъ книги Гарриса: «Grandeur et Décadence de la Colombine» (Парижъ, 1885 г.)]
что смерть помѣшала ему докончить его. Библіотека, какъ и то, что намъ
извѣстно о его сочиненіяхъ, репутація, какою онъ пользовался у
своихъ современниковъ, многіе изъ коихъ отзываются съ похвалою о
немъ и его библіотекѣ, показываютъ намъ, что юношеская безпечность
и отсутствіе любознательности уступили мѣсто въ болѣе зрѣлые годы
изученію и любви къ знанію. Надпись на его гробницѣ гласитъ, что

онъ составилъ пространный трудъ о Новомъ Свѣтѣ и объ открытіи послѣдняго его отцомъ, но трудъ этотъ исчезъ. Ни въ его библіотекѣ, ни въ его каталогѣ мы не находимъ слѣдовъ описанія жизни его отца, которое ему приписываютъ. Ни одинъ изъ его друзей, изъ коихъ многіе писали о Новомъ Свѣтѣ, не упоминаетъ о такой книгѣ. Однакоже, въ каталогѣ есть замѣтка о жизни Колумба, написанной приблизительно въ 1525 г.; рукопись этого труда приписываютъ Фердинанду Перecu де-Олива, человѣку небезызвѣстному, который умеръ въ ^{Перецъ де-Олива.} 1530 году. Теперь нельзя узнать, имѣло-ли это сочиненіе какое-либо серьезное отношеніе къ жизнеописанію, которое приписываютъ владѣльцу библіотеки. Трудно предположить, чтобы книга Оливы была написана безъ вѣдома Фердинанда. Почти несомнѣнно существованіе отчета о дѣятельности адмирала; Ласказасъ цитируетъ и приписываетъ его Фердинанду Колумбу. Отчетъ этотъ былъ составленъ ранѣе 1559 года. Въ рукописи конца XVI столѣтія, принадлежащей Гонцало Арготе де-Моллина, упоминается объ отчетѣ, написанномъ Фердинандомъ о жизни своего отца. Гарриссъ говоритъ, что онъ видѣлъ напечатанный каталогъ книгъ, вѣроятно, относящійся къ эпохѣ Муньоца или Наваретта, куда вошла жизнь Колумба на испанскомъ языкѣ, написанная Фердинандомъ Колумбомъ; но фактъ этотъ остается безъ объясненія или проверки. Спотормо, въ 1823 году, во введеніи къ своей коллекціи документовъ, относящихся къ Колумбу, говоритъ, что манускриптъ, который считаютъ мемуаромъ Фердинанда объ отцѣ, былъ перевезенъ изъ Испаніи въ Геную Люисомъ Колономъ, герцогомъ Верагуа, сыномъ Діего и внукомъ Христофора Колумба. Неизвѣстно, состоялъ ли когда-либо Люисъ въ личныхъ сношеніяхъ съ Фердинандомъ, который умеръ въ то время, когда Люисъ еще находился въ Санъ-Доминго. Говорятъ, что Люисъ перевезъ манускриптъ въ Геную въ 1568 году, но затѣмъ оказывается, что именно въ этомъ году онъ жилъ въ другомъ мѣстѣ. Его арестовали въ 1558 году, въ Испаніи, за троженство, затѣмъ приговорили къ ссылкѣ на десять лѣтъ въ Оранъ, въ Африку. Онъ умеръ въ 1572 году. Спотормо прибавляетъ, что манускриптъ послѣ того попалъ въ руки дворянина Марини, отъ котораго его получилъ Альфонзо де-Уллауа и перевелъ на итальянскій языкъ. Однако, доказано, что Марини не жилъ въ это время. Такимъ образомъ, испанскій оригиналъ—если только манускриптъ былъ написанъ на этомъ языкѣ—исчезъ—и міръ познакомился съ нимъ только въ этой итальянской «Historie», вышедшей въ свѣтъ въ 1571 г. Были-ли въ спискѣ, перенесенномъ въ ^{Характеръ} Италію, сдѣланы какія-нибудь измѣненія сравнительно съ «Historie».

оригиналомъ, или же, наоборотъ, переводъ вѣрно воспроизводилъ подлинникъ, рѣшить, повидимому, невозможно. Во всякомъ случаѣ, ученый міръ призналъ за нимъ извѣстную заслугу и значеніе. Въ различныхъ изданіяхъ и новыхъ переводахъ, болѣе или менѣе пересмотрѣнныхъ или дополненныхъ, онъ дошелъ до насъ—послѣднее его изданіе

появилось въ 1867 г.—безспорнымъ источникомъ, изъ котораго заимствовали свои свѣдѣнія біографы Колумба. Муньоцъ не зналъ, какъ ему быть съ нѣкоторыми «безсмысленными его погрѣшностями», и полагалъ, что итальянскій переводъ былъ сдѣланъ «съ искаженной и подложной копіи»; приравнивая къ нему «жалкій» испанскій переводъ въ «*Historiadores*» Барціи, Муньоцъ прибавляетъ, что «большое число невѣрностей и нелѣпостей очевидно въ нихъ обоихъ». Въ самомъ дѣлѣ, и Гумбольдтъ выразилъ изумленіе по поводу того невѣдѣнія морского дѣла, какимъ отличается книга, между тѣмъ какъ Фердинандъ слылъ за знатока въ этомъ дѣлѣ. Въ этой книгѣ подробная исторія адмирала начата съ того времени, когда ему было пятьдесятъ шесть лѣтъ. Ученымъ всегда казалось необъяснимымъ энергичное утвержденіе Фердинанда, будто въ юности его не интересовала жизнь адмирала, что и было причиной замалчиванія о первыхъ болѣе молодыхъ годахъ его отца, о подготовительномъ періодѣ его дѣятельности. Многіе подозрѣвали, что это отсутствіе свѣдѣній зависѣло скорѣе отъ желанія пройти молчаніемъ первоначальное ничтожество Колумбова рода, а вовсе не отъ незнанія. Такого, повидимому, заключеніе Ирвинга изъ фактовъ.

Въ 1871 году Гарриссъ, написавшій въ 1866 году по поводу этой книги, что «она вообще можетъ быть принята подѣ условіемъ извѣстной свободы критики», впервые напалъ на ея неподдѣльность въ своемъ «*Fernando Colon*», изданномъ въ Севильѣ, на испанскомъ языкѣ; затѣмъ въ слѣдующемъ году, въ Парижѣ, появился его «*Fernand Colomb*» въ подлинникѣ на французскомъ языкѣ. Свои взгляды Гарриссъ еще рѣзче высказалъ въ «*Additions*» къ своей «*Bibliotheca Americana Vetustissima*» и снова вернулся къ этому предмету въ первомъ томѣ своего «*Christophe Colomb*», въ 1884 г. Тѣмъ временемъ былъ впервые напечатанъ полный текстъ «*Historia*» Ласказаса, что сдѣлало болѣе удобнымъ сравненіе обоихъ книгъ. Гарриссъ самъ воспользовался этой возможностью провѣрить свои мнѣнія, что нисколько не уменьшило его смѣлаго недовѣрія къ вышеупомянутому труду. Что Ласказасъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ «*Historie*», или вѣришь, что оба книги имѣютъ одинъ общій источникъ, это Гарриссъ считаетъ подлежащимъ сомнѣнію. Далѣе онъ указываетъ на то, что этотъ источникъ или прототипъ долженъ былъ служить для затерянныхъ очерковъ Фердинанда, въ которыхъ послѣдній описывалъ дѣятельность своего отца; въ дѣйствительности, быть можетъ, отчетъ, написанный Олива, составлялъ основаніе этой книги. Онъ предполагаетъ далѣе, что въ италіанское изданіе 1571 года вкралось много противорѣчій въ повѣствовательную часть и много анахронизмовъ, которые серьезно вредятъ ея достоинству. Отсюда слѣдуетъ, какъ онъ увѣряетъ, что стыдно считать ея авторомъ въ этой чуждой формѣ Фердинанда. Онъ также опровергаетъ въ общихъ чертахъ исторію ея перевода, рассказанную Споторно.

Признаніе за этою книгою авторитета подлинности, весьма вѣроятно, произошло вслѣдствіе того, что манускриптъ Оливы, перенесенный въ Италію, прослылъ за трудъ Фердинанда Колумба, чтобы придать рукописи болѣйшій интересъ, чѣмъ могло доставить ей имя Оливы; въ тоже время, ради удовлетворенія предразсудковъ и для пущей ея занимательности, въ рукописи были сдѣланы разнообразныя вставки, которыя, по мнѣнію Гаррисса, — и довольно основательно — не могли исходить отъ лица столь близкаго къ Колумбу, столь хорошо знакомаго съ предметомъ и столь даровитаго, какимъ, какъ мы знаемъ, былъ его сынъ Фердинандъ.

Такое иконоборческое нападеніе, само собою разумѣется, вызвало мстителей за вѣру міра которая такъ долго поддерживалась. Гарриссъ и Д'Авзакъ, — послѣдній весьма извѣстный французскій авторъ-знатокъ по вопросамъ этого періода, — обмѣнялись статьями рѣзкаго полемическаго характера. Генри Стевенсъ, старый противникъ Гаррисса, напалъ на его новыя взгляды съ обычной своей самоувѣренностью и грубой безапелляціонностью. Оскаръ Пешель, нѣмецкій историкъ, и графъ Сиркуръ, французскій ученый, высказали свои возраженія; въ спорѣ приняли участіе другіе авторы, особенно нѣсколько лѣтъ назадъ Просперо Перагалло, патеръ италіанской церкви въ Лиссабонѣ, который энергично отстаивалъ подлинность книги въ своемъ сочиненіи «L'Autenticità delle Historie di Fernando Colombo» (1884 г.) и позднѣе въ своемъ «Cristoforo Colombo e sua Famiglia» (1888 г.). Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ защитниковъ книги держатся того мнѣнія, что подлинность отдѣльных частей испанскаго оригинальнаго текста можетъ быть доказана сличеніемъ его съ книгою Ласказаса. Такимъ образомъ полемика по этому вопросу имѣла два періода. Первый отличался пылкимъ рвеніемъ Д'Авзака пятнадцать лѣтъ назадъ. Второй былъ вызванъ возобновленными доводами Гаррисса въ его «Christophe Colomb» десять лѣтъ спустя. Разнообразныя критическія статьи суммировали противоположныя доказательства, стремясь болѣе или менѣе опровергнуть иконоборца, и главнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ двумъ нѣмецкимъ ученымъ: профессору Максу Бюдингеру въ его «Acten zur Columbus' Geschichte» (Вѣна, 1886 г.) и «Zur Columbus Literatur» (Вѣна, 1889 г.), и профессору Евгенію Гельциху въ «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin» (1887 г.).

Нельзя сказать, чтобы взгляды Гаррисса заняли прочное положеніе; но его собственное тщательное изслѣдованіе книги и то критическое отношеніе, которое онъ вызвалъ у другихъ ученыхъ, не мало способствовали тому, что нынѣ «Historie» является постоянно предметомъ критической осторожности. Д-ръ Ши говоритъ объ этой книгѣ: «Она составлена по тѣмъ же самымъ документамъ Христофора Колумба, которыми пользовался и Ласказасъ. Эта книга представляетъ трудъ, заслуживающій серьезнаго довѣрія».

Защита
Стевенса
и другихъ
авторовъ.

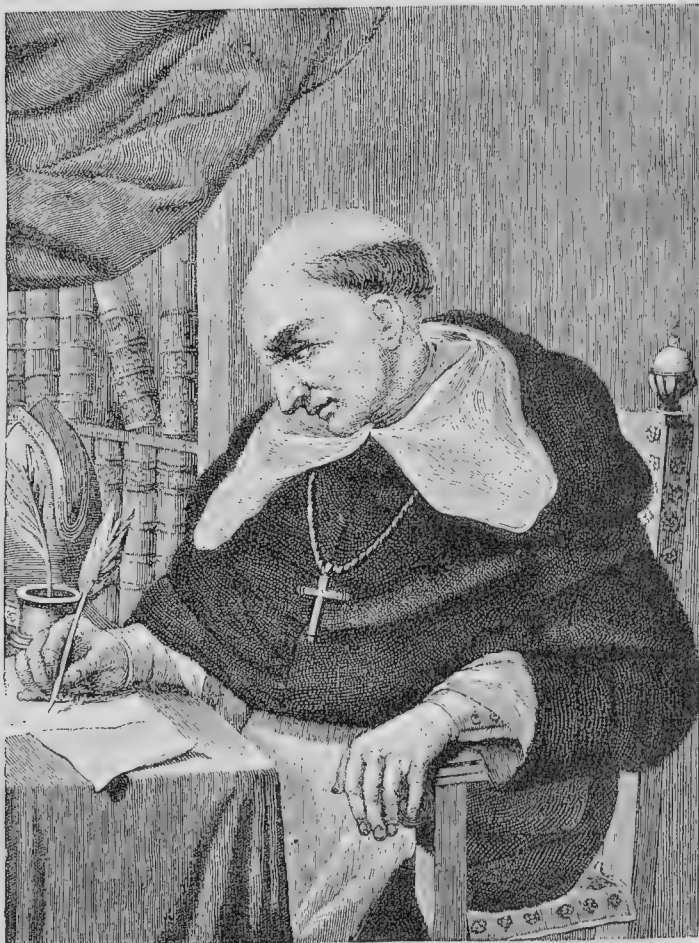
Мы уже говорили, что повѣствованіе Ласказаса появились позднѣе.

Ласказасъ.

Колумбъ умеръ и со времени его смерти прошло болѣе двадцати лѣтъ, когда этотъ благородный человѣкъ задумалъ описать въ своемъ трудѣ то, что онъ видѣлъ и слышалъ относительно Новаго Свѣта—по крайней мѣрѣ; этотъ промежутокъ времени принимается вообще всѣми историками, вслѣдствіе чего начало его труда относить къ 1527 году; а между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что Гельсесъ не могъ найти никакихъ положительныхъ данныхъ, изъ которыхъ было бы видно, что Ласказасъ приступилъ къ своему манускрипту ранѣе 1552 года. Ласказасъ умеръ, не окончивъ своего труда, хотя работалъ надъ нимъ до 1561 года когда ему было уже восемьдесятъ семь лѣтъ. Онъ умеръ спустя пять лѣтъ. Ирвингъ, постоянно пользовавшійся его книгою, откровенно говорить, что бралъ свои справки изъ нея съ тою осторожностью, какая, по его мнѣнію, необходима въ отношеніи писателя съ предразсудками и пристрастіями въ взглядѣ на вещи. Ни одинъ изъ современниковъ Колумба не оставилъ намъ такъ много документальныхъ данныхъ за періодъ его общественной жизни отъ 1492 по 1506 г. Изъ тридцати одного документа, относящихся къ этому періоду и переписанныхъ имъ почти дословно, за исключеніемъ нѣсколькихъ бумагъ, хранившихся въ архивѣ герцога Верагуа, и другихъ, найденныхъ въ Симанкасъ или въ Севильѣ, — семнадцать документовъ были бы потеряны для насъ, не будь этого вѣрнаго лѣтописца. Какимъ образомъ могъ онъ располагать этимъ богатымъ источникомъ? Будучи уроженцемъ Севильи, Ласказасъ прибылъ сюда, чтобы принять епископскій санъ въ 1544 году, а затѣмъ въ 1547 году, послѣ того, какъ онъ навсегда покинулъ Новый Свѣтъ. Въ это время семейныя бумаги Колумба, до того хранившіяся для Люиса Колона младшаго, были уложены въ массивный ящикъ и заключены въ кустодію монаховъ сосѣдняго монастыря Las Cuevas. Впрочемъ нѣтъ указаній, чтобы ящикъ этотъ открывали для Ласказаса. Онъ заявляетъ также, что имѣлъ въ своихъ рукахъ подлинныя письма Колумба къ Фердинанду и Пзабеллѣ, которыя, должно быть, нашелъ въ архивѣ Вальядолида ранѣе 1545 г., либо въ Симанкасъ позже этого года. Затѣмъ онъ говоритъ о засвидѣтельствованныхъ копіяхъ нѣсколькихъ писемъ Колумба, которые находились въ его собственной коллекціи.

Въ 1550 году и въ послѣдніе годы жизни Ласказасъ проживалъ въ монастырѣ Санъ-Грегоріо, въ Вальядолидѣ, покидая его лишь для того, чтобы посѣтить Толедо или Мадридъ, рѣже посѣщая Симанкасъ, который отстоялъ недалеко отъ монастыря. Нѣкоторые документы, найденные имъ въ Симанкасъ, нынѣ исчезли оттуда. Здѣсь онъ, по всей вѣроятности, нашелъ ту массу писемъ, на которыя ссылается, но которыхъ нынѣ нигдѣ не могли найти. Судя по употребленію, сдѣланному изъ нихъ Ласказасомъ, письма эти, повидимому, имѣютъ значеніе, какъ доказательство недовольства и постоянныхъ жалобъ

Колумба, но въ нихъ очень мало подробностей, относящихся къ его дѣятельности. Съ другой стороны, очевидно, что Ласказасъ получалъ документы тѣмъ или инымъ способомъ изъ королевскаго архива. Мы узнаемъ о дневникѣ Колумба во время его перваго путешествія только изъ краткаго изложенія Ласказаса, то же самое можно сказать относительно отчета объ его третьемъ путешествіи.

Ласказасъ.

Впрочемъ, есть основаніе думать, что нѣкоторыя цитаты изъ писемъ Колумба Ласказасъ заимствовалъ изъ вторыхъ рукъ, и Гарриссъ, убѣжденный въ томъ, что «*Historie*» Фердинанда Колумба не оригинальное произведеніе, весьма охотно допускаетъ, что первоначальнымъ источникомъ Ласказаса былъ манускриптъ, которымъ также пользо-

вался и компиляторъ «Historie». У Гаррисса выставляется между прочимъ слѣдующее соображеніе: если бы Ласказасъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи латинскій подлинникъ переписки Колумба съ Тосканелли, вмѣсто текста, этого предполагаемаго испанскаго прототипа, то она не появилась бы въ такомъ неприглядномъ видѣ въ книгѣ Ласказаса, въ какомъ мы ее тамъ находимъ.

Быть можетъ, этотъ недостающій прототипъ «Historie» находился между книгами Фердинанда въ его библіотекѣ, которая была перенесена изъ его дома въ 1544 году, въ монастырь Сантъ-Пабло, въ Севильѣ, и только въ 1552 году была помѣщена въ соборъ; могло также случиться, что Ласказасъ пользовался здѣсь же книгою «De Imagine Mundi» Пьера д'Айльи, списокъ которой, принадлежавшій Колумбу, хранился, да и понынѣ хранится, въ Колумбовой библіотекѣ; на книгѣ этой сдѣланы замѣтки собственной рукой адмирала.

Ласказасъ былъ посвященъ въ епископы въ церкви Сантъ-Пабло, въ 1544 году, и его сношенія съ монахами могли облегчить для него доступъ къ документамъ, которые хранились въ кустодіи, — доступъ этотъ, быть можетъ, былъ даже черезчуръ легокъ, если только вѣрно предположеніе Гаррисса, что монахи позволили ему взять оттуда карту, которую Тосканелли послалъ Колумбу и которой нынѣ нѣтъ въ библіотекѣ.

Мы знаемъ также, что у Ласказаса было подъ рукой пресловутое *Преимущества, письмо, касающееся* третьяго путешествія Колумба и по-
которыми сланное адмираломъ къ нянѣ Инфанта дона-Хуана; уче-
пользовался ные впервые узнали о немъ въ 1823 году, когда оно
Ласказасъ. было напечатано стараніями Споторно. Далѣе мы узнаемъ, что отчетъ о четвертомъ путешествіи Колумба, называемый нынѣ учеными его италіанскимъ именемъ «Lettera Rarissima», находился точно также въ распоряженіи Ласказаса, какъ и многія письма Бартоломео, брата Колумба, хотя они, повидимому, касаются только африканскаго путешествія Діаца.

Въ дополненіе къ этимъ источникамъ своего манускрипта, Ласказасъ указываетъ, что ему, какъ ученому, были хорошо знакомы «декады» Петера Мартира, которые онъ высоко цѣнилъ; онъ читалъ отчеты о Колумбѣ, помѣщенные въ сочиненіяхъ Гарціа де-Резенде, Барроса и Кастаньеды, — не говоря уже о томъ, что онъ могъ позаимствовать изъ предполагаемаго прототипа «Historie». Благодаря личному знакомству, онъ находился въ сношеніяхъ съ самимъ адмираломъ, — такъ какъ сопровождалъ его въ его четвертомъ путешествіи. — съ его братомъ, сыномъ и женою его сына; да кромѣ того, его собственный отецъ и дядя ходили въ океанъ съ Колумбомъ. Въ числѣ его другихъ знакомыхъ были архіепископъ севильскій, Пипзонъ и другіе современные ему мореплаватели. Нѣкоторые авторы ошибочно, какъ мы полагаемъ, увѣряли, будто Ласказасъ сопровождалъ Колумба также и въ третьемъ путешествіи. Не-

смотря, однако, на полную возможность хорошо ознакомиться съ исторіею Колумба, по увѣренію Гарриса, каждый ученый разочаровывается, прибѣгая къ помощи Ласказаса; и всѣ главнѣйшія данныя, которыми наполнено его повѣствованіе, не представляютъ ничего оригинальнаго и могутъ быть найдены гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, ближе къ первоначальному источнику. По мнѣнію Гарриса, это происходить вслѣдствіе того, что главная забота, на которой было сосредоточено все вниманіе Ласказаса,—его стремленію освободить индійцевъ отъ жестокаго владычества,—постоянно заслоняла собою критическій разборъ другихъ сторонъ въ отношеніяхъ испанцевъ къ Новому Свѣту. Ласказасъ занимался въ Саламанкскомъ университетѣ, когда отецъ его подарилъ ему индійскаго раба, одного изъ тѣхъ рабовъ, которыхъ Колумбъ прислалъ въ Испанію; его отняли у молодого ученаго, когда Пзабелла декретомъ отмѣнила обращеніе Колумбомъ людей въ рабство. Этотъ исходъ дѣла заставилъ Ласказаса задуматься надъ жалкою судьбою бѣдныхъ аборигеновъ Новаго Свѣта, которая была предначертана Колумбомъ и которая даетъ намъ возможность увидѣть, по примѣру Ласказаса, что обычай данной эпохи не всегда могутъ быть неоспоримой защитой безчеловѣчія и алчности.

Характеристика сочиненій Ласказаса.

Всѣ историки,—кроме новѣйшихъ,—изучавшіе исторію Испаніи и Америки, принуждены были пользоваться этимъ трудомъ Ласказаса въ рукописныхъ снимкахъ, такъ какъ дозволеніе напечатать эту скандальную огласку жестокости испанцевъ не могло быть получено ранѣе 1875 года, когда «Historia» впервые появилась въ печати въ Мадридѣ.

Геррера, по сколькоу его записки касаются Колумба, сообщаетъ намъ лишь то, что онъ замѣтывалъ у Ласказаса. Онъ родился приблизительно въ то время, когда старѣйшій авторъ, по всей вѣроятности, занимался своими изслѣдованіями. Результаты своихъ трудовъ, которые расположены по рабски-хронологическому методу, Геррера опубликовалъ только спустя пятьдесятъ лѣтъ (1601—1615). Хотя онъ былъ тогда официальнымъ исторіографомъ Индіи и положеніе это облегчало ему полную возможность самаго тщательнаго изученія этой эпохи, однако, Геррера во всѣхъ отношеніяхъ оказался несостоятельнымъ и ему не удалось сдѣлать изъ своей «Historia» удобопонятный и правдивый источникъ исторіи Колумба, какъ этого естественно имѣетъ право ожидать отъ него читатель. Книга Ласказаса долго лежала подъ спудомъ, такъ какъ печатаніе его манускрипта постоянно отсрочивали; это обстоятельство выдвинуло книгу Герреры, ставшей для нѣсколькихъ поколѣній авторитетнымъ источникомъ, чего не случилось бы при другихъ условіяхъ. Пр-вингъ, работая надъ этимъ вопросомъ, скоро открылъ, что за такъ называемой исторіей Герреры стоялъ Ласказасъ и на этомъ основаніи американскій авторъ предпочиталъ пользоваться всякими копіями ма-

Геррера.

нускрипта Ласказаса, какія только могъ достать. Геррера обнаруживаетъ явную склонность обращать условныя положенія Ласказаса въ абсолютныя.

Статьи позднѣйшихъ писателей, Муньоца и Наваррета, уже были нами приняты во вниманіе, когда мы говорили о разнородной массѣ документовъ, которыми они подкрѣпляютъ и на основаніи которыхъ пишутъ свои повѣствованія.

«Colon en España» Томаса Родригеца Пиниллы (Мадридъ, 1884) дѣйствительно есть жизнеописаніе адмирала; но въ этой книгѣ сквозитъ незнаніе литературы новой критики и спорныхъ вопросовъ, и она слѣдуетъ изъ стари установленной рутинѣ описанія событій.

Въ Германіи не было напечатано ничего сколько-нибудь значительнаго, пока не появились въ недавнее время критическіе очерки Позднѣйшіе испанскіе авторы. Форстера, Пешеля и Ругэ. Правда, Де-Бри, сдѣлавъ переводъ Бенцони (1594 г.) и Герреры (1623 г.), ознакомилъ нѣмцевъ съ главными фактами дѣятельности Колумба. Въ теченіе настоящаго столѣтія Гумбольдтъ въ своемъ «Examen Critique de l'Histoire et de la Géographie du Nouveau Continent» воспользовался французскимъ языкомъ для своихъ обширныхъ критическихъ и ученыхъ изслѣдованій въ области прежней исторіи Испаніи въ ея соотношеніи съ Америкой и предоставилъ другому автору трудъ перевести на нѣмецкій языкъ свои работы. Благодаря этому труду Гумбольдта, вышедшему въ свѣтъ совершенно законченнымъ въ 1836—1839 годахъ, въ которомъ онъ блистательно воспользовался матеріалами, собранными Муньоцомъ и Наварретомъ, чтобы уяснить дѣйствія адмирала и окружавшую его среду, — интеллигентные люди нашего времени впервые ясно уразумѣли при свѣтѣ критическаго анализа, котораго не доставало Првингу, истинное значеніе великихъ дѣяній, которыя Америка вызвала въ Европѣ. Гумбольдтъ поразительно сопоставилъ жизни Тосканелли и Ласказаса, отъ рожденія Флорентинскаго врача въ 1397 г. вплоть до смерти апостола индійцевъ въ 1566 г., какъ обнимающія собою начало и конецъ великихъ открытій пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій.

Слѣдуетъ также замѣтить, что это широкое и въ то же время критическое изслѣдованіе извѣстной исторической эпохи было дѣломъ нѣмца, писавшаго по французски; американскому же гражданину, пишущему по французски, мы обязаны въ новѣйшее время такимъ тщательнымъ сличеніемъ и такой разработкой каждаго оригинальнаго источника историческихъ данныхъ, которые ставятъ работы Генри Гаррисса, по ихъ строгой точности и отдѣлкѣ, выше всѣхъ критическихъ работъ, когда-либо прежде посвященныхъ дѣятельности и характеру Христофора Колумба. Безъ помощи его изслѣдованій, воплотившихся въ его книгу «Christophe Colomb» (Парижъ, 1884 г.), автору этой книги было бы совершенно невозможно составить заключенія о весьма многихъ спорныхъ пунктахъ,

касающихся исторіи адмирала и его репутаціи. Почти такое же значеніе имѣютъ и разнообразныя дополнительные книги и брошюры, посвященные Гарриссомъ тому же предмету.

Книги Гаррисса представляютъ прекрасный примѣръ постоянного измѣненія мнѣнія и проверки соотношеній фактовъ, которые непрерывно проходятъ въ умѣ дѣятельнаго ученаго, занятаго изслѣдованіемъ темныхъ вопросовъ. Его серія книгъ о великомъ мореплавателѣ, начинающаяся замѣтками «Notes on Columbus» (Нью-Йоркъ, 1866 г.), которая безпрерывно выходила въ свѣтъ выпусками въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, отличается постоянно болѣе удачными поправками погрѣшностей, вкрапившихся въ жизнеописанія Колумба.

Самъ Гарриссъ увлекался многими гипотезами; но выставленныя другими авторами, въ его разработкѣ гипотезы эти получаютъ существенное значеніе.

Единственнымъ значительнымъ опытомъ во Франціи была серія біографій Колумба, прославляющая его миссіонерскіи ^{Французскіи писатели.} духъ, что имѣло цѣлью подготовить путь къ канонизаціи великаго мореплавателя, признавъ его посредствующее вліяніе въ распространеніи христіанства въ Новомъ Свѣтѣ. Что по духу, характеризовавшему тотъ вѣкъ открытій, путешествіе ^{Попытки канонизировать Колумба.} Колумба, по крайней мѣрѣ, на словахъ, считали первоначально предпринятымъ съ этой цѣлью; это, разумѣется, не подлежитъ спору. Самъ Колумбъ въ своемъ письмѣ къ Санхецу говоритъ о торжествѣ Христа при видѣ будущаго искупленія душъ. Онъ принесъ въ даръ церкви первое чужестранное золото, приказавъ отлить изъ него чашу для святыхъ даровъ, и расточалъ полныя энтузіазма вельрѣчивыя обѣщанія поваго крестоваго похода для освобожденія Святого Гроба Господня изъ рукъ мусульманъ. Фердинандъ и Изабелла въ своихъ обращеніяхъ къ папѣ, прося утвердить ихъ свѣтскія прибыли, указывали на этотъ духъ христіанской пропаганды предпріятія, получившаго ихъ санкцію. Фердинандъ, сынъ адмирала, упоминая о фамильномъ имени Коломбо, говоритъ о своемъ отцѣ, какъ о Ноевой голубкѣ, принесшей оливковую вѣтвь и масло крещенія за океанъ. Легко было говорить всѣ эти вещи; вѣра всегда влечетъ къ излишествамъ подъ вліяніемъ успѣха, и міръ, — даже католическій міръ, — по мѣрѣ того, какъ проходили вѣка, научился признавать, что духъ, который ставилъ бѣдныхъ язычниковъ виѣ защиты челоуѣколюбія, едва-ли могъ оправдывать піонерство опустошенія. Обществу наносится вредъ, когда большая удача лишаетъ кого-либо его челоуѣческаго достоинства; не особенно пріятно разсматривать личность Колумба среди окружавшей его обстановки и находить, что онъ былъ челоуѣкомъ сомнительной добродѣтели. Такимъ образомъ, канонизація его, несмотря на всѣ старанія и усилія, не состоялась. Самымъ выдающимся изъ ревнителей этой канонизаціи былъ вмѣстѣ съ массой окружавшихъ его подражателей Антуанъ-

Франсуа - Феликсъ Вазалетъ, графъ Розелли де-Лоргъ, посвятившій этой цѣли всю свою энергію съ 1844 года. Онъ ^{Розелли де-Лоргъ.} выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько книгъ о Колумбѣ, отчасти представлявшихъ біографическій интересъ; но всё онѣ, не исключая и книги «Christoph Colomb», вышедшей въ 1864 году, были просто на - просто замаскированными просьбами, обращенными къ папѣ, о признаніи Колумба святымъ за его заслуги. Книги эти ни въ какомъ отношеніи не представляютъ значенія для историческаго изученія жизни Колумба. Всякое дѣйствіе и слово адмирала, способное послужить преслѣдуемой цѣли, принимается разъ навсегда за

Розелли де-Лоргъ.

выдающуюся точку дѣятельности, которой приписывается священный характеръ. Въ дѣйствительности же, Колумбъ въ этомъ отношеніи былъ вполне сыномъ своего вѣка. Официальное и офиціозное исповѣданіе религіи того времени принадлежало періоду, когда была придумана инквизиція и когда истребляли цѣлое племя для того, чтобы послать его въ рай. Лучше всего знали это тѣ, кто, подобно Ласказасу, смягчалъ фанатизмъ вѣры милосердіемъ поступковъ. Колумбъ и Ласказасъ имѣли мало общаго между собою.

Книга «Histoire Posthume de Colomb», выпущенная Розелли де-Лоргомъ въ 1885 году, признается даже католическими авторами очень рѣзкой и необдуманной книгой, такъ какъ она переполнена осужденіями всѣхъ тѣхъ лицъ, которые не желали призна-

вать святости характера Колумба. Безпорядочная невоздержность этой книги оказала большую услугу Цезарю Фернандецу Дуро для его критического разбора положенія де-Лорга, въ его, «*Colon y la Historia Postuma*».

Колумбъ былъ разумѣется міровою истиною. Де-Лоргъ говоритъ, что если мы не въ состояніи вѣрить въ сверхъестественное, то мы не можемъ понять этого мірового человѣка. Его послѣдователи, какъ Шерль-Бюзъ въ своемъ «*Christophe Colomb*» (Парижъ, 1886 г.), держались той же точки зрѣнія. Католическое общество до сихъ поръ располагало достаточно большимъ числомъ защитниковъ исторической истины, чтобы помѣшать результату, который имѣли въ виду эти энтузіасты, несмотря на кажущееся согласіе со стороны Пія IX. Самое популярное описаніе жизни Колумба въ идеальномъ освѣщеніи, безъ сомнѣнія, принадлежитъ маркизу Огюсту де-Беллоа; оно разукрашено гравюрами, такого же идеальнаго направленія, какъ текстъ; сочиненіе это было переведено на англійскій языкъ въ Филадельфіи (1878, 1889 гг.). Это просто на-просто заурядное переложеніе простонародныхъ и условныхъ разсказовъ послѣднихъ четырехъ столѣтій. Самый выдающійся католическій историкъ Соединенныхъ Штатовъ, д-ръ Джонъ Джильмэри Ши, въ статьѣ помѣщенной въ «*American Catholic Quarterly Review*» (1887 г.), говоря о «почтенномъ сомнѣ членовъ духовенства», который настаивалъ на причтеніи Колумба къ лику святыхъ, прибавилъ: «Но потребовалось безпристрастное изслѣдованіе вопроса прежде, чѣмъ можетъ быть дозволено дать ходъ этому дѣлу»; но дозволеніе это еще не получено и никакого доказательства въ его пользу не было до сихъ поръ официально представлено».

Франція стала во главѣ этого движенія въ пользу канонизаціи, очевидно, потому, что ей необходимо было загладить чѣмъ-нибудь свою вину: вѣдь она похитила у Колумба честь наименованія Новаго Свѣта его именемъ благодаря книгопечатнымъ станкамъ Сэнъ-Діе и Страсбурга. Очеркъ литературы, появившейся вслѣдъ за этимъ движеніемъ, сдѣланъ барономъ Ванъ-Брокеномъ въ его «*Des Vicissitudes Posthumes de Christophe Colomb, et de sa Béatification Possible*» (Лейпцигъ и Парижъ, 1865 г.).

Изъ англійскихъ писателей только Гаклюйтъ и Пурчазъ въ своихъ трудахъ мимоходомъ коснулись дѣятельности Колумба; Англійскіе писатели. и только когда Стевенсъ издалъ изуродованный переводъ книги Герреры въ 1725 году, англійская публика получила возможность пользоваться мемуарами испанскаго историка, съ добавленіями чего-то такого, что было чуждо оригиналу. Эта книга Стевенса не мало отвѣтственна за мнѣніе, составившееся у англичанъ по отношенію къ вѣку испанскихъ открытій, мнѣніе, утратившее кредитъ въ послѣднее время. Въ прежнихъ сборникахъ путешествій, каковы путешествія Черчилля, Пинкертонъ и Керра, помѣщался также разсказъ изъ «*Historie*» 1571 г. Но только благо-

даря Робертсону, выпустившему въ свѣтъ, въ 1777 году, начало «History of America», англійскій читатель впервые получилъ научный и обстоятельный обзоръ, который въ теченіе долгаго времени оставался зауряднымъ источникомъ англійскихъ взглядовъ на Колумба. Однако, это былъ только набросокъ, не представлявшій даже шестой или седьмой части того, что было необходимо, по мнѣнію Првинга, для обстоятельнаго изученія предмета. Длинныя выноски Робертсона показываютъ, что исторія Колумба была заимствована имъ главнымъ образомъ изъ «Historie» 1571 г., изъ сочиненій Петера Мартира, Овiedo и Герреры. Онъ былъ лишенъ возможности пользоваться тѣми источниками, какими мы нынѣ располагаемъ, поэтому въ его разсказѣ нѣтъ выписокъ изъ собственныхъ мемуаровъ Колумба. Лордъ Грантамъ, бывшій въ то время британскимъ посланникомъ при мадридскомъ дворѣ, и его секретарь употребляли всѣ усилія, чтобы удовлетворить желаніямъ Робертсона; но въ эту эпоху никакія ходатайства не могли дать доступъ въ Симанкасскій архивъ. Тѣмъ не менѣе, Робертсону удалось почерпнуть изъ того или другого источника больше свѣдѣній, чѣмъ сколько было угодно испанскому правительству увидѣть въ печати, и впослѣдствіи оно придумало способъ помѣшать выходу его книги на испанскомъ языкѣ.

Первое серьезное изложеніе исторіи Колумба въ Америкѣ принадлежало д-ру Джереми Белькнапу, который представилъ въ 1792 году, въ Бостонѣ, рѣчь въ память открытія Америки Массачусетскому Историческому Обществу. Онъ расширилъ ея текстъ и въ этомъ видѣ она вошла въ составъ его хорошо извѣстной «American Biography»,—труда, доставившаго его автору почтенную извѣстность въ свое время, но нынѣ почти забытому.

Въ 1827 году Вашингтонъ Првингъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Life of Columbus» и книга эта въ теченіе долгаго времени для англійскаго читателя была классической біографіей. Однако же, формулы исторической критики Првинга не въ состояніи удовлетворить безстрашнаго и пытливаго ученаго нашего времени. Онъ хвалитъ Герреру за «любезную и простительную погрѣшность вслѣдствіе желанія смягчить безобразныя крайности», какъ будто бы историкъ находится въ исповѣдальнѣ для раздачи отпущенія грѣховъ. Изученіе съ цѣлью разоблаченія издавна установленныхъ лживыхъ указаній и пріятныхъ обмановъ не было доступно Првингу. «Существуютъ люди, сующіе свой носъ повсюду,—говоритъ онъ,—которые подъ видомъ ученаго изслѣдованія подкапываются подъ устои исторіи, низвергаютъ ея монументы, искажаютъ и уродуютъ ея прекраснѣйшіе трофеи. Слѣдовало бы позаботиться о защитѣ великихъ именъ отъ столь гибельной эрудиціи».

При такихъ условіяхъ, которыя ставилъ Првингъ, было мало шансовъ, чтобы образецъ міра былъ сдвинутъ съ его пьедестала, каковы бы ни были улики. *Vera pro gratis* (правда въ ущербъ пріят-

ному) въ личной характеристикѣ не должна нарушать престижъ традиціоннаго героя. Таково было пониманіе Првингомъ правдиваго смысла исторіи.

Мистеръ Александеръ Г. Эвереттъ, бывшій тогда дипломатическимъ агентомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Мадридѣ, воспользовался удобнымъ случаемъ составить популярную книгу изъ дневника Колумба, сохраненнаго Ласказасомъ; переводъ этого дневника онъ возложилъ на Првинга, находившагося тогда въ Европѣ. Предложеніе это заставило податливаго автора пріѣхать въ Мадридъ, гдѣ онъ нашелъ удобное помѣщеніе, благодаря быстрому знакомству, въ домѣ тогда жившаго тамъ бостонскаго ученаго, Обадіи Рича. Какъ разъ въ это же время вышли въ свѣтъ и два первые тома основательнаго труда Наваррета. Првингъ тотчасъ же рѣшилъ, что съ такимъ богатымъ матеріаломъ для него представлялся благопріятный случай заново изучить жизнь Колумба, поэтому онъ предпочелъ этотъ трудъ предложенному переводу. И такъ Првингъ поселился въ Мадридѣ, съ цѣлью заняться болѣе широкими изслѣдованіями; онъ вскорѣ узналъ, что могъ рассчитывать на помощь и поощреніе самого Наваррета, герцога Верагуа и тогдашняго владѣльца документовъ Муньоца. Предметъ разрознился въ его рукахъ. «Я не имѣлъ понятія, — говоритъ онъ, — въ какой безконечный лабиринтъ я попалъ». Онъ сожалѣлъ, что третій томъ книги Наваррета не могъ служить ему вслѣдствіе своей незаконченности; но онъ работалъ, какъ только могъ, и ему легко удалось то, чего не могъ добиться помощникъ Робертсона. Онъ ходилъ въ Колумбову бібліотеку и даже впервые представилъ вниманію ея хранителей замѣтки Колумба въ спискѣ Пьера д'Айяли; онъ почти считалъ себя открывшимъ эту книгу, хотя ему и было извѣстно, что Ласказасъ, по крайней мѣрѣ, пользовался этими черновыми набросками Колумба, Првингъ зналъ, что его труды ни въ какомъ случаѣ не были безполезны для англійскаго читателя. «Я включилъ въ свою книгу, — говоритъ онъ, — массу интересныхъ подробностей относительно Колумба, до того времени неизвѣстныхъ, и мнѣ кажется, что я разъяснилъ нѣкоторые черты его характера, о которыхъ не говорили его прежніе біографы». Болѣе всего правилось новому біографу сдѣланное имъ открытіе, изъ отчета Бернальдеца, что Колумбъ родился десятью годами раньше, чѣмъ обыкновенно принято думать; и ему казалось, что этотъ болѣе старый возрастъ открывателя въ эпоху его путешествія придавалъ гораздо больше вѣса характеристикѣ его дѣятельности.

Книга Првинга сразу обратила на себя вниманіе. Джеффри полагалъ, что слава ея будетъ прочною; изъ Італіи никто не ждалъ новыхъ разъясненій, поэтому онъ считалъ, что Првингъ отлично сдѣлалъ, занявшись разработкою почти исключительно испанскихъ источниковъ, въ которыхъ «очевидно» только и можно было найти необходимый матеріалъ.

Александеръ Г. Эвереттъ, рѣшившійся сказать, — что ему прости-

тельно, какъ крестному отцу книги, — въ 1829 году, въ январьской книжкѣ «North American Review», что книга Првинга приводила въ восторгъ читателей, только предупредилъ сужденіе потомства; но прибавивъ, что по своему совершенству она приводитъ въ отчаяніе критиковъ, онъ забылъ, что методъ критическаго изслѣдованія заключается не въ ослѣпленіи престижемъ полубоговъ.

Въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ изданіями книги, Првингъ побывалъ въ Палосѣ и въ монастырѣ La Rabida; тогда же ему посчастливилось достать гдѣ-то новыя свѣдѣнія, заключавшіяся въ бумагахъ процесса Колумбовыхъ наслѣдниковъ. Всѣ эти подробности вошли въ новое изданіе.

Првингъ такъ полно овладѣлъ своимъ сюжетомъ, что далъ возможность Прескотту увѣренно и вмѣстѣ любезно сказать, когда десять лѣтъ спустя (1837 г.) онъ издалъ свое сочиненіе «Ferdinand and Isabella», что предшественникъ его лишилъ исторію Колумба прелести новизны; однако-же, онъ отчасти думалъ, какъ говорилось въ его частной перепискѣ, что Првингъ, пытаясь прослѣдить теченіе жизни Колумба въ подробностяхъ послѣ поразительнаго кризиса открытія, создалъ столь величественную драму, сконденсировавъ исторію позднѣйшихъ годовъ Колумба. Въ этой драмѣ Прескоттъ видитъ нѣчто присущее духу Првинга, составлявшаго исторію для пріятнаго легкаго чтенія, а вовсе не для изученія полной истины. Самъ же Прескоттъ говорить объ этомъ предметѣ весьма сжато, касаясь въ своемъ пространномъ мемуарѣ о дѣлахъ Испаніи или двора только тѣхъ инцидентовъ, которые послѣдовали за началомъ и выполненіемъ предпріятія адмирала. Въ то же время, онъ былъ гораздо независимѣе Првинга въ своихъ взглядахъ на индивидуальный характеръ человѣка, который заставляетъ такъ глубоко задумываться историка, и не вводилъ читателя въ заблужденіе на счетъ гибельнаго лукавства и кичливаго эгоизма Колумба.

Двадцать лѣтъ спустя Артуръ Гельпсъ занялся этимъ предметомъ съ такой точки зрѣнія, какъ онъ полагалъ, которой не касался до него ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ объ испанскихъ завоеваніяхъ, — онъ задался цѣлью очертить начало разрушительнаго способа испанскаго колоніальнаго правительства и ответственность за этотъ способъ управленія; описать «не только завоеваніе, но и результатъ завоеванія, способъ колоніальнаго управленія, который окончательно одержалъ верхъ, истребленіе туземныхъ расъ, введеніе другихъ расъ, процвѣтаніе невольничества, и водвореніе *encomienda*, которымъ было подчинено все индійское общество». Слѣдовательно, у Гельпса намъ нечего искать какой-либо пространной біографіи Колумба; а когда онъ видитъ его въ оковахъ, отосланнымъ обратно въ Испанію, вотъ что онъ говоритъ о плѣнникѣ: «Онъ не зналъ, сколько гнусныхъ дѣяній пройдутъ черезъ эти моря, въ оковахъ гораздо худшихъ, чѣмъ его; не предвидѣлъ онъ также, я думаю, что

нѣкоторыми своими дѣяніями онъ навлечетъ всѣ эти бѣдствія». Изъ примѣчаній Гельпса не видно, чтобы онъ пользовался какими-либо иными источниками, кромѣ признанныхъ авторитетовъ, хотя онъ и говоритъ, что просматривалъ коллекцію Муньоца, тогда, какъ и теперь, находившуюся въ королевской Академіи Исторіи, въ Мадридѣ.

Послѣдній ученый трактатъ о дѣятельности Колумба, предшествовавшій критическому разбору Гаррисса «Historie» 1851 г., принадлежитъ Р. Г. Маюру во второмъ изданіи его «Se-
lect Letters of Columbus» (Лондонъ, 1870 г.). Р. Г.
Маюръ.

Американцы за послѣднія двадцать лѣтъ держались двухъ весьма характерныхъ точекъ зрѣнія относительно занимающаго насъ предмета. Книга Аарона Гудриха «Life and Achievements of the Socalled Christopher Columbus» (Нью-
Йоркъ, 1874 г.) представляетъ смѣсь того легкомысленнаго довѣрія и сердитаго высокомерія, которыя такъ часто бросаются на всѣхъ, когда заслуги открывателей достовѣрной Vinland'ia противопоставляютъ заслугамъ открывателей воображаемой Индіи. Съ дерзостью маньяка онъ не въ состояніи ни о чемъ говорить иначе, какъ искажая все поношеніемъ, и книга его также нелѣпа вслѣдствіе постоянного желанія умалить достоинства открывателя, какъ нелѣпы галлюцинаціи Де-Лорга въ другомъ направленіи. Ааронъ
Гудрихъ.

Губертъ Гоу Банкрофтъ, изложивъ исторію Тихоокеанійскихъ Штатовъ въ своей «History of Central Ameri-
ca» (Санъ-Франциско, 1882 г.), пересказалъ исторію Ко-
лумба, но не пытался отнестись къ ней критически, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ онъ описываетъ путешествіе адмирала вдоль береговъ Гондураса, Никкарагвы и Коста-Рика. Оцѣнка характера Колумба, сдѣланная этимъ авторомъ, даетъ намъ представленіе о дѣйствительной личности адмирала болѣе справедливое, чѣмъ обыкновенно допускала національная гордость, религіозная симпатія или благодушная лесть. Къ несчастью, литературный слогъ книги не всегда выдержанъ. Его характеристика усылій Ирвинга и Прескотта въ изображеніи характера Колумба представляетъ больше значенія по внутреннему содержанию, чѣмъ по искусству изложенія. Г. Г.
Банкрофтъ.

Краткій обзоръ дѣятельности Колумба и изслѣдованіе событій, имѣвшихъ существенное отношеніе къ опасностямъ, которымъ онъ подвергался на морѣ, и къ его открытіямъ, — составляющія предметъ «Narrative and Critical History of America» (т. II, Бостонъ, 1885 г.), — дали автору этой книги возможность изучить источники и прослѣдить бібліографію обширной и разнообразной литературы съ такихъ сторонъ, которыя, быть можетъ, рѣже не были представлены англійскому читателю. Для того, кто пожелалъ бы обнять всѣ разъясненія и указанія, представляющія интересъ при основательномъ изученіи дѣятельности и славы Колумба, вышеуказанное собраніе бібліографическихъ матеріаловъ и примѣчаній Уинзоръ.

*Библиографія
Колумба.*

Гарриса къ его «*Christophe Colomb*» и къ другимъ его нѣмецкимъ изданіямъ значительно облегчатъ задачу.

Св. Христофоръ.
(Виньетка изъ карты Ла-Козы).

По словамъ Гарриса, составившаго, но еще не издаваемаго каталогъ книгъ, посвященныхъ исключительно Колумбу, ихъ насчитывается около шестисотъ. Литература же, въ которой о немъ говорится мимоходомъ, чрезвычайно обширна.

Въ заключеніе этого краткаго обзора комментаріевъ относительно жизни Колумба мы снова возвращаемся къ высказанной нами мысли, что дѣятельность его была излюбленнымъ предметомъ критической оцѣнки самоувѣренныхъ лѣтописцевъ. Фигура этого дѣятеля, какою она представляется уму обыкновеннаго читателя, — къ какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ, — въ главныхъ чертахъ соответствуетъ характеристикамъ Првинга, де-Лорга или Гудриха. Эти два послѣдніе автора въ своихъ трудахъ преслѣдовали заранѣе намѣченныя цѣли, —

*Разнообразіе
оцѣнокъ
Колумба.*

французъ желалъ создать святого, а американецъ — мистификатора извѣстнаго открывателя Америки. И тотъ, и другой въ своихъ хитросплетеніяхъ искажаютъ и раздуваютъ каждую черту и каждое обстоятельство ради своихъ цѣлей. Повѣствованіе cadaго изъ нихъ лишено серьезной глубины мысли и представляетъ смѣсь несообразностей, противорѣчій и печальныхъ случайностей, отъ

Колумбъ изъ галлерей Ювіуса, самый ранній изъ гравированныхъ портретовъ его.

которыхъ не освобождено вполне ни одно человѣческое существо. Книги ихъ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, какъ историческіе мемуары. Книга Гудриха по всей вѣроятности нашла себѣ мало прозелитовъ. Книга де-Лорга расплодила множество ханжей, платящихъ дань католической церкви.

Трудъ Првинга стоитъ гораздо выше такого уровня; но онъ принесъ больше вреда, потому что предательски очаровываетъ читателя. Првингъ признаетъ, по крайней мѣрѣ, что человѣческая жизнь

сложная вещь; но у него столько же предвзятости, как и у названныхъ авторовъ, и цѣль его была создать героя. Онъ прославлялъ то, что было въ Колумбѣ героическаго, оправдывалъ то, что было негероическимъ и довелъ до минимальныхъ размѣровъ сомнительныя стороны характера

Колумбъ Флорентинскій.

Колумба. Поэтому-то книга его опасно соблазнительна въ смыслѣ популярности. Дѣйствительный Колумбъ улетучивается въ пылу авторскаго генія и передъ нами остается лишь квинтъ-эссенція его земной обо-

лочки. «Life of Columbus» была внезапнымъ продуктомъ успѣха и постоянно пользовалась симпатіями публики; но она потеряла подъ собою почву въ эти послѣдніе годы въ глазахъ ученыхъ изслѣдователей. Сличая ея содержаніе съ оригинальными источниками, они открыли ея слабыя стороны. Они стали выше очарованій ея изящнаго стиля. Они научились понимать истинный смыслъ повторяющихся варіацій въ запасѣ сентенцій, которыя, подчасъ, раздражающимъ образомъ переполняютъ сущность текста.

Помимо такого разнообразія въ мнѣніяхъ относительно личности взрослого Колумба, нелегко нарисовать образъ его, который съ точностью признали бы его современники. До насъ не

Портреты
Колумба.

дошло ни одного портрета, про который можно было бы съ полною увѣренностью сказать, что онъ былъ сдѣланъ живописцемъ или хотя бы лицомъ знавшимъ Колумба. Если бы мы захотѣли изобразить его въ то время, когда онъ стоялъ у Санъ-Сальвадора, то мы представили бы себѣ человека поразительнаго роста, величаваго, чтобы не сказать суроваго, вида, скорѣе съ продолговатымъ, чѣмъ съ широкимъ лицомъ, съ большими скулами, съ орлинымъ носомъ, съ свѣтлыми глазами, съ кожей, покрытой веснушками и красноватымъ загаромъ, съ волосами нѣкогда бѣлоку-

Личность
Колумба.

Колумбъ Іанеца.

раго цвѣта, а теперь посѣдѣвшими. Его любимой одеждой была, повидимому, ряса францисканскаго монаха. Такое изображеніе стало бы въ противорѣчіе съ описаніями, перешедшими къ намъ отъ лицъ знавшихъ его и слышавшихъ его сотоварищей; описанія эти мы читаемъ на страницахъ, приписываемыхъ его сыну Фердинанду, на страницахъ испанскаго историка Овiedo, священника Ласказаса и встрѣчаемся съ ними въ позднѣйшихъ разсказахъ Гомары и Бенцони, а также официального лѣтописца Индійскихъ владѣній Испаніи, Антоніо Герреры. Старѣйшее изъ всѣхъ

описаній было сдѣлано въ 1501 году, въ запрещенномъ переводѣ первой декады Петера Мартира; весьма вѣроятно, оно принадлежитъ переводчику Тривиджіано, который тогда только что познакомился съ Колумбомъ.

Переходя отъ описаній къ изображеніямъ, которыя выдавались за портреты Колумба, мы не мало затрудняемся согласить первыя съ послѣдними. Въ этихъ изображеніяхъ нѣтъ ни одного, которое съ достовѣрностью можно было бы отнести къ эпохѣ Колумба, за исключеніемъ изображенія Св. Христофора, которое представляетъ раскрашенную виньетку на географической картѣ, нарисованной въ 1500 году однимъ изъ лопмановъ Колумба, Хуаномъ де-Ла-Роза. Карта Св. Христофоръ Ла-Роза. эта нынѣ хранится въ Мадридѣ. Многіе энергично заявляли, что Роза придалъ изображенію святого черты своего господина, но увѣренія эти остались вполнѣ бездоказательными.

Насло Джіовіо болѣе извѣстный подъ своимъ латинскимъ именемъ—Паулусъ Іовіусъ, былъ уже взрослымъ человѣкомъ въ 1492 году и могъ Галлерей Іовіуса. впоследствии припомнить тѣ шумныя упованія, которыя охватили всю Европу въ тотъ моментъ, когда письмо Колумба съ описаніемъ его путешествія было напечатано въ Италіи, гдѣ Іовіусъ въ то время учился въ школѣ. Онъ былъ ребенкомъ, а можетъ быть, еще и не родился, когда Колумбъ покинулъ Италію. Такимъ образомъ, Іовіусъ интересовался открывателемъ Америки исключительно въ силу идей, которыми увлекались ученые описываемой эпохи. Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Колумба Іовіусъ, какъ историкъ, привлекъ къ себѣ вниманіе папы Льва X и неожиданно очутился въ блестящемъ положеніи. Онъ построилъ виллу на берегу озера Комо и украсилъ ее галлереею портретовъ, прославившихъ его вѣкъ. Повидимому, не можетъ быть сомнѣнія, что между портретами его героев находился также портретъ Колумба. Былъ-ли этотъ портретъ снятъ съ него при жизни и къмъ именно, или же написанъ по идеальному представленію, по разсказамъ тѣхъ, кто зналъ гѣнгуэца, мы рѣшительно не знаемъ. Какъ историкъ, Іовіусъ признавалъ за собою право поступаться истиной ради той или другой цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду, и его идеи относительно правдивости портретной живописи были также очень растяжимы. Какъ разъ за годъ до своей смерти Іовіусъ представилъ очеркъ дѣятельности Колумба въ своей «Elogia Virorum Illustrium», изданной во Флоренціи, въ 1551 году; но только двадцать четыре года спустя, въ 1575 году, въ новомъ изданіи книги появились гравированные на деревѣ портреты изъ галлерей виллы Комо, въ видѣ иллюстрацій въ очеркахъ; между этими портретами находился и портретъ Колумба. И такъ, гравюра эта есть старѣйшій портретъ Колумба, имѣющій нѣкоторое право на наше вниманіе. Годъ или два спустя онъ попалъ въ такъ называемую коллекцію портретовъ изъ галлерей Іовіуса; граверомъ былъ Тобіасъ Штиммеръ, швейцарскій живописецъ; въ біографическихъ словаряхъ художниковъ

говорится, что онъ родился въ 1534 году, слѣдовательно, его искусству не могло придти на помощь личное знакомство съ Колумбомъ. Рисунокъ этотъ, которому рабаки подражаетъ большая часть чрезвычайно разнообразныхъ портретовъ, называемыхъ портретами Колумба, сдѣланъ смѣлыми, свободными штрихами на деревѣ, какъ гравировали

Колумбъ.

(Воспроизведение такъ называемой гравюры Каприоло, приложенной къ сочиненію «La Tavola di Bronzo» Джузеппе Банкери (Генуя, 1857 г.), по типу портрета Ювиуса.)

въ то время, съ точностью и изяществомъ, которыя заставляютъ думать, что въ немъ соблюдено поразительное сходство съ оригинальной картиной. Онъ представляетъ полнолицаго человѣка съ коротко остриженными вьющимися волосами, съ задумчивымъ и нѣсколько пе-

чальнымъ взглядомъ, съ руками, сложенными поверхъ монашеской рясы, капюшонъ которой спущенъ на шею. Если есть какое-либо изображение Колумба, которое можно считать подлиннымъ, то къ этой оцѣнкѣ ближе всего подходитъ только что описанное нами.

Портретная галерея Комо играетъ большую роль относительно признанія подлинности портретовъ Колумба, вообще къ ней обращаются также по поводу двухъ другихъ портретовъ, которые довольно близко подходятъ къ тому же прототипу и, за исключеніемъ одѣянія, весьма мало разнятся отъ гравюры Говіуса. Копіи оригинала изъ Комо легко могли различаться по одѣянію, благодаря фантазіи

Колумбъ Де-Бри.

художника. Одинъ изъ этихъ портретовъ сохранился въ Флорентинской галлерей — прекрасно очерченная, идеальная голова, съ полнымъ лицомъ, въ плотнозастегнутомъ подрясникѣ или кафтанѣ, ниспадающемъ складками съ плечъ. Неизвѣстно, взятъ ли этотъ портретъ изъ Комо, но, вѣроятно, онъ списанъ съ него, быть можетъ, Кристофано дель'Альтиссимо, незадолго до 1568 года. Съ него была снята копія для Томааса Джефферсона, которая, повисѣвъ въ некоторое время въ Монтичелло, очутилась наконецъ въ Бостонѣ и перешла въ галерею Массачусетскаго Историческаго общества.

Изображеніе, похожее на только что описанное и которое, быть можетъ, также связано съ галлереей Іовіуса, сохра-
няется нынѣ въ Мадридѣ; это — старѣйшее изображеніе Колумба, извѣстное въ Испаніи. Оно носитъ названіе «портрета Іанеца» отъ имени своего владѣльца, у котораго оно было куплено въ Гранадѣ, въ 1763 году. Всматриваясь, мы замѣчаемъ, что на немъ

*Картина
Іанеца.*

Бюстъ Колумба на гробницѣ въ Гаванѣ.

изображено одѣяніе, опушенное мѣхомъ, а подъ этой позднѣй-
шей живописью было открыто оригинальное изображеніе плотно
окутывающаго подрясника, весьма похожаго на тотъ, что нарисованъ
на флорентинской картинѣ; затѣмъ дальнѣйшее удаленіе другого слоя
краски открыло надпись, какъ бы устанавливающую подлинность изо-

браженія Колумба, открывателя Новаго Свѣта. Говорятъ, что герцогъ Верагуа считаетъ это изображеніе самымъ подлиннымъ портретомъ своего предка.

Другой выдающійся портретъ даетъ намъ Де-Бри въ длинной серіи ^{Изображеніе Де-Бри.} своего «Сборника прежнихъ путешествій». Де-Бри заявляетъ, что портретъ этотъ былъ написанъ по повелѣнію короля Фердинанда, затѣмъ украденъ изъ присутственныхъ мѣстъ Совѣта Индіи въ Испаніи и увезенъ въ Нидерланды, а здѣсь онъ случайно попалъ въ руки названнаго гравера и издателя. Онъ представляетъ мало сходства съ вышеупомянутыми изображеніями, да и не согласуется, повидимому, съ описаніями личности Колумба. На этомъ портретѣ лицо грубѣе и короче, съ массою круто-волнистыхъ волосъ, ниспадающихъ изъ-подъ уродливой, остроконечной шапки. Де-Бри отравировалъ или вѣрнѣе отпечаталъ его въ 1595 году, черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ появилась гравюра Ювіуса; о другихъ изображеніяхъ намъ ничего неизвѣстно. Ни одного человека изъ того стараго поколѣнія, которое могло знать мореплавателя, не было тогда въ живыхъ и изображеніе не имѣло за себя другого ручательства, кромѣ увѣреній гравера, который его издалъ.

Мы описали лишь немногіе портреты, заслуживающіе вниманія изъ массы изображеній, которыя выдавались за первые и послѣдніе ^{Другіе портреты.} портреты Колумба. Американская публика долгое время представляла себѣ Колумба разряженнымъ царедворцемъ, такъ какъ Прескоттъ выбралъ для гравюры, долженствовавшей украсить его книгу «Ferdinand and Isabella», изображеніе именно такого типа. Изображеніе это, приписываемое Пармиджано, сохраняется въ Бурбонскомъ музеѣ, въ Неаполѣ. Уже давно оно перестало обращать на себя вниманіе. Въ Кубѣ путешественникъ видитъ, ^{Памятникъ въ Гаваннѣ.} въ Гаванскомъ соборѣ, на памятникѣ изображеніе, относительно котораго не существуетъ данныхъ, доказывающихъ его подлинность. Въ Италіи путешественникъ можетъ увидѣть, въ Генуѣ, въ кабинетѣ, гдѣ сложены письменные документы на титулы Колумба, бюстъ работы Пескиеры. Отрицательное достоинство этого ^{Бюстъ Пескиеры.} бюста заключается въ томъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ завѣдомо извѣстными портретами; это идеальная конценція художника, представляющая великаго человека по сжатымъ описаніямъ его личности, оставленнымъ его современниками.

Если читатель пожелаетъ взглянуть на обширное поле изслѣдованія, если у него есть время прослѣдить за всѣми нитями, имѣющими связь со всѣми изображеніями, которыя слывутъ портретами Колумба, онъ можетъ приступить къ этому предмету, для начала по крайней мѣрѣ, подъ руководствомъ очерка портретовъ, приложеннаго авторомъ настоящаго труда къ вышеупомянутой «Narrative and Critical History of America» т. II.

Въ 1502 году Колумбъ приказалъ, чтобы десятая часть его

доходовъ ежегодно уплачивалась въ Банкѣ Св. Георгія, въ Генуѣ, съ цѣлью уменьшить пошлину на хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы, и этотъ великодушный актъ, если бы только онъ былъ приведенъ въ исполненіе, далъ бы ему право на такое выраженіе почтенія, которое банкъ имѣлъ обыкновеніе оказывать общественнымъ благотворителямъ. Главная зала во дворцѣ, занимаемомъ этимъ учрежденіемъ, служить для сохраненія памяти о подобныхъ патріотическихъ пожертвованіяхъ; самые щедрые благотворители изображены въ сидячемъ положеніи, менѣе щедрые жертвователи—изображены стоя, на небольшія пожертвованія указываютъ бюсты или простыя надписи на стѣнной доскѣ. Ученые полагали, что потомство, жаждавшее увидѣть великаго адмирала какъ видѣли его современники, страдаетъ вмѣстѣ съ генуэзскимъ государствомъ, не имѣя подобнаго изображенія, вслѣдствіе небрежности или невниманія, которое помѣшало осуществленію намѣренія Колумба. Мы же въ настоящее время не находимъ такихъ очевидныхъ доказательствъ его щедрости. Гаррнессъ, указывая на это отсутствіе изображенія, тутъ же кстати говоритъ въ своемъ «Bank of St George» (стр. 108), что онъ не «вѣритъ, чтобы когда-либо былъ написанъ или выгравированъ портретъ Колумба при его жизни». Онъ увѣряетъ, что портретная живопись была рѣдкостью въ Испаніи въ эпоху Колумба и что у насъ нѣтъ данныхъ о живописцахъ, работа которыхъ составляетъ первые шаги искусства, ни въ мемуарахъ, ни въ подлинныхъ изображеніяхъ, которыя доказывали бы, что личность адмирала была когда-либо предметомъ этого искусства. Тотъ же авторъ указываетъ, что популярность Колумба, когда портретъ его могли написать, продолжалась немного болѣе шести недѣль, въ апрѣлѣ и маѣ 1493 года. Онъ находитъ, что болѣе великіе герои, какъ нынѣ признано міромъ, подобные Боабдилу и Кордовѣ, не были почтены этимъ способомъ, и, по его мнѣнію, портреты Фердинанда и Изабеллы, извѣстные каждому благодаря изданіямъ Прескотта, въ дѣйствительности суть фантастическія изображенія конца XVI столѣтія.

Глава III.

Предки и родина Колумба.

Никто не разработалъ съ такимъ мастерствомъ и съ такою точностью, какъ Гаррисъ, запутаннаго вопроса Колумбовой генеалогіи. Всѣ, кто только носилъ имя Колумба или имѣлъ къ нему какое-нибудь отношеніе, гордились этимъ именемъ и многія вѣтви одного общаго рода наперерывъ другъ передъ другомъ старались доказать, что ихъ происхожденіе болѣе или менѣе тѣсно связано съ величайшимъ именемъ, прославившимъ когда-либо фамилію исторію.

Это повтореніе фамилій, точно такъ же какъ постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ при крещеніи, особенно часто встрѣчающееся въ италіанскихъ семьяхъ, очень затруднило составленіе родословнаго древа адмирала и дало поводъ къ сочиненіямъ его родословной, принимаемой одними, оспариваемой другими лицами, претендовавшими на родство съ нимъ.

У Людовика XI былъ подданный французъ-гасконецъ, Гильомъ де-Казановъ, иногда называемый «Coulomp», «Coullon», «Colon», по италіанскимъ отчетамъ «Colombo»; на латинскомъ же языкѣ имя это превратилось въ «Columbus». О немъ говорится, что онъ командовалъ семипарусной флотиліей, которая, въ октябрѣ 1474 года, захватила въ плѣнъ двѣ галеры, принадлежавшія Фердинанду, королю Сициліи. Когда впервые Лейбницъ издалъ нѣкоторые отрывки изъ послѣдовавшей затѣмъ дипломатической переписки, то онъ вставилъ имя «Христофоръ» въ ссылки по поводу Колумба этого разсказа. Это сообщеніе находится въ его «Codex Juris Gentium Diplomaticus», изданномъ въ Ганноверѣ, въ 1693 году. Лейбница вскорѣ вывелъ изъ заблужденія Николай Тойнардъ, объяснившій, что корсаръ, о которомъ шла рѣчь, былъ Гильомъ де-Казановъ, французскій вице-адмиралъ, и Лейбницъ въ слѣдующемъ же томѣ отказался отъ обвиненія, взведеннаго имъ на генуэзскаго мореплавателя. Хотя мнѣнія нѣсколько расходятся относительно тождества Казанова и человека, захватившаго галеры, все же не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что французскій Колумбъ не находился ни въ какомъ непосредственномъ родствѣ съ фамиліей генуэзскихъ и савон-

скихъ Колумбовъ, какъ это подробно доказано у Гаррисса въ его книгѣ «*Les Colombo de France et d'Italie*» (Парижъ, 1874). Если французскій «*Coullon*» или «*Coulomp*» заходилъ порой въ воды прилежавшія къ Генуѣ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ смѣшеніи французскаго Колумба съ италіанскимъ, притомъ было доказано, что аваріи, причиненныя генуэзскимъ судамъ, которыя Споторно приписывалъ Христофору Колумбу, по всей вѣроятности, имѣли связь съ гасконскимъ мореплавателемъ.

Босси, самый первый изъ біографовъ Колумба въ новѣйшія времена, предполагаетъ, что нѣкій Колумбъ, о которомъ говорится въ письмѣ къ миланскому герцогу, какъ о лицѣ, принимавшемъ участіе въ морскомъ сраженіи у береговъ Кипра между генуэзскими и венеціанскими судами, въ 1476 году, былъ именно открыватель Новаго Свѣта Гарриссъ въ своей книгѣ «*Les Colombo*» напечаталъ это письмо, изъ котораго вовсе не видно, чтобы командоръ генуэзскаго флота былъ извѣстенъ по имени; о какомъ-то Колумбѣ упоминается только, что гдѣ-то произошла схватка съ флотомъ подъ командой челоуѣка этого имени. Тѣмъ не менѣе въ письмѣ нѣтъ указанія, чтобы этотъ командоръ былъ именно Христофоръ Колумбъ. Есть основаніе полагать, что командоръ этотъ былъ занимавшійся пиратствомъ Казановъ.

Несомнѣнно, Лейбницъ былъ введенъ въ заблужденіе заявленіемъ «*Histoire*» 1571 года, которая считаетъ возможнымъ, что Христофоръ Колумбъ отплылъ подъ командою адмирала, носившаго его имя и принадлежавшаго къ его роду, и участвовалъ въ томъ морскомъ сраженіи, противъ Лиссабона, когда загорѣлось его судно и онъ приплылъ съ помощью весла къ португальскому берегу. Ниже мы рассмотримъ сомнительный характеръ этого эпизода; здѣсь же достаточно отмѣтить, что та же самая книга, цитируя письмо, текстъ котораго, повидимому, сполна сохраненъ самимъ Колумбомъ, приписываетъ Колумбу заявленія о томъ, что онъ не былъ единственнымъ адмираломъ изъ своей фамиліи. Полагаютъ, что это ясный намекъ на французскаго вице-адмирала. Достаточно сказать, что въ подлинномъ текстѣ этого письма къ нянѣ дон-Хуана нѣтъ этихъ спорныхъ строкъ, и защитники правдивости «*Histoire*», подобно д'Авзаку, вынуждены допустить существованіе другого письма, нынѣ неизвѣстнаго.

Наряду со старшимъ французскимъ адмираломъ имя Колумба младшаго принадлежало другому изъ французскихъ морскихъ пиратовъ XV столѣтія, который считался племянникомъ или, Младшій французскій адмиралъ. по крайней мѣрѣ, дальнимъ родственникомъ старшаго. Его также иногда смѣшивали съ генуэзскимъ Колумбомъ.

Было бы рискованнымъ стараться установить съ точностью родство между различными французскими и италіанскими Колумбами и Кулонами пятнадцатаго столѣтія. Достаточно Генеалогія. сказать, что нѣтъ никакихъ вѣскихъ доказательствъ, которыя давали-бы право отнести къ роду Христофора Колумба этихъ пре-

словутыхъ мореплавателей. Генеалогическія таблицы, приводимыя Споторно, съ которыми въ свое время познакомили американскихъ читателей Калебъ Кушингъ въ «North American Review» и по которымъ французская фамилія происходитъ будто бы отъ упоминаемаго прапрадѣда Христофора Колумба, съ болѣе-
Претенденты. шимъ основаніемъ, какъ утверждаетъ Гаррисъ, можно считать сфабрикованными незадолго до 1583 года для поддержанія претензій Бернардо и Бальдассаре (Бальтазара) Колумбо на получение правъ и титуловъ открывателя Новаго Свѣта.

Фердинанду приписываютъ относительно его отца слѣдующія слова: «Мнѣ гораздо пріятнѣе думать, что всѣ почести перешли къ намъ какъ его личное достояніе, чѣмъ заниматься разслѣдованіями, былъ-ли мой отецъ купцомъ или человѣкомъ благороднаго званія, которое давало ему возможность имѣть соколовъ и гончихъ». Тѣмъ не менѣе, другіе біографы Колумба усердно производили свои разслѣдованія по этому предмету.

Въ одномъ изъ отдѣловъ своей книги «Christopher Columbus and the Bank of St George» Гаррисъ указалъ, какъ составлялись нотаріальныя записи Савоны и Генуи, чтобы вывести первоначальную исторію семейства адмирала изъ документальныхъ данныхъ. Эти доказательства отличаются отъ разсказовъ тѣхъ, кто его зналъ, или кто позднѣе передалъ его исторію, какъ Галло, авторъ «Historie», и Овiedo. Мы уже указали на преобладаніе родового имени «Colombo» въ Генуѣ и въ сосѣдней съ нею мѣстности въ эту эпоху. Гаррисъ въ своемъ «Christopher Columbus» насчиталъ до двухсотъ человѣкъ съ этимъ именемъ въ одной только Лигуріи, въ наше время, и лица эти, повидимому, не состоятъ въ родствѣ съ фамиліей адмирала. Сверхъ того, въ Генуѣ, кажется, были четыре Колумба, да въ Лигуріи, возлѣ Генуи, шестеро другихъ, которые носили имя отца Христофора—Доменико; но изслѣдователи не нашли еще ни одного другого Христофора. Факты эти показываютъ, съ какою осмотрительностью подобало поступать ученымъ, которые въ послѣднее время занимались изслѣдованіемъ фамильной исторіи адмирала. Существуетъ шестьдесятъ нотаріальныхъ актовъ того и другого рода, на основаніи коихъ эти изслѣдователи построили родословное древо, которое должно оставаться неизмѣннымъ, пока не расширятся или не будутъ опровергнуты собранныя свѣдѣнія по этому предмету.

Вотъ сущность того, что намъ извѣстно: Джіованни Коломбо, дѣдъ адмирала, проживалъ, по всей вѣроятности, въ Квинто
Дѣдъ Колумба. аль-Маре и, кажется, принадлежалъ къ роду, который ранѣе поселился въ долину Фонтанабуона, лежащей на востокъ отъ Генуи. Это происхожденіе отца Колумба совершенно различно отъ того, какое показано въ генеалогической картѣ, составленной Напіоне въ 1805 году и позднѣе; Гаррисъ утверждаетъ, что нотаріальные акты, на основаніи коихъ яко бы построена эта другая родослов-

ная происхожденія Колумба, не могутъ быть найдены нынѣ и есть серьезныя основанія сомнѣваться въ ихъ существованіи.

Сынъ этого Джіованни, Доменико, переѣхалъ изъ Квинто (гдѣ онъ оставилъ брата Антоніо), приблизительно въ 1439 году, а быть можетъ и раньше, въ Геную, и поселился въ такъ ^{Отецъ Колумба.} называемомъ кварталѣ шерстобитовъ, гдѣ съ годами онъ приобрѣлъ домъ. Затѣмъ, повидимому, онъ перебрался въ Савону; изъ различныхъ нотаріальныхъ актовъ видно, что въ позднѣйшій періодъ генуэзецъ Доменико постоянно жилъ въ Савонѣ.

Сущность дѣла тутъ заключается въ томъ, чтобы доказать, что Доменико Коломбо, значащійся въ этихъ нотаріальныхъ актахъ, былъ именно Доменико, отецъ Христофора Колумба. Для этой цѣли мы должны обратиться къ свидѣтельству тѣхъ, кто зналъ подлинныхъ Колумбовъ, какъ Овiedo и Галло; а изъ ихъ утверждений мы узнаемъ, что отецъ Христофора былъ ткачъ, по имени Доменико, жившій въ Генуѣ и имѣвшій сыновей: Христофора, Бартоломео и Джіакомо. Слѣдовательно, факты эти могутъ служить доказательствами, которыя повидимому, безспорны, такъ какъ мы находимъ, что каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ даннымъ Савоно-генуэзской фамиліи; это подтверждается даже позднѣйшимъ фактомъ, что въ концѣ XV столѣтія всѣ три брата въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состояли подъ покровительствомъ испанской короны.

Конечно, было бы чрезчуръ смѣло утверждать, что это сѣбленіе достовѣрностей не можетъ быть опровергнуто, хотя бы посредствомъ подрыва довѣрія къ документамъ, что на самомъ дѣлѣ и пытались уже сдѣлать Перагалло и другіе; но при настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній о Колумбѣ, мы поневолѣ должны признавать эти факты, хотя намъ и приходится полагаться иногда на свидѣтельство лицъ, видѣвшихъ то, что уже не можетъ быть найдено. Доменико Коломбо, который перебрался въ Савону, въ 1470 году, повидимому, не имѣлъ здѣсь удачи. Онъ и сынъ его, Христофоръ, продолжали заниматься торговлей, будучи ткачами, какъ показываютъ нотаріальныя записи. Ламартинъ въ своемъ сочиненіи «Жизнь Колумба», говоря о расчесываніи шерсти въ ту эпоху, называетъ это ремесло «занятіемъ нынѣ низкимъ, тогда же почтеннымъ и почти благороднымъ», — идеализація совершенно однородная съ духомъ, какимъ проникнута вся книга Ламартина и съ какимъ принято писать о Колумбѣ и другихъ герояхъ. Едва ли тогда, какъ и теперь ремесло это считалось почтеннымъ. Кажется, отецъ Колумба довольно выгодно содержалъ еще игорный домъ. Однакоже, доходовъ съ этихъ двухъ занятій ему не хватало и у него были долги, которые, какъ извѣстно, до нѣкоторой степени помогалъ ему уплачивать сынъ его, Христофоръ. Доменико продавалъ и покупалъ небольшіе земельные участки, но за одинъ изъ нихъ не заплатилъ. Такъ прошло пятнадцать лѣтъ этой ненадежной жизни въ Савонѣ; за это время онъ

потерялъ жену и, помѣстивши своего младшаго сына въ ученики къ ремесленнику, вернулся въ 1484 г., а можетъ быть и ранѣе, въ Геную попытать счастья. Но тутъ ему также не повезло. Банкротство опять его сразило. Мы теряемъ его изъ виду въ 1494 году; въ это время до старика, по всей вѣроятности, дошли слухи о временной удачи его сына и, можетъ быть, онъ прочиталъ въ свѣжеотпечатанныхъ маленькихъ *in-quarto* Плаанка чудесный рассказъ о великомъ открытіи. Мы не знаемъ, сколько времени онъ еще прожилъ послѣ того, но, вѣроятно, онъ умеръ раньше зимы 1499—1500 гг., когда наслѣдники Коррадо де-Кунео, никогда не получавшаго платы за имѣніе, купленное у него Доменико въ Савонѣ, предъявили искъ противъ Христофора и его брата Діега, сыновей Доменико, въ то время находившихся въ чужихъ земляхъ на недосыгаемомъ разстояніи отъ тяжущихся.

Черезъ нѣсколько лѣтъ маркизъ Марчелло Стальено, ученый генуэзскій антикварій, которому посчастливилось найти новыя Домъ Доменико
въ Генуѣ. данныя, относящіяся до ранней жизни Колумба, изъ нотаріальныхъ записей Генуи, установилъ подлинность дома въ Вико Дритто Понтичелло, № 37, какъ дома, гдѣ жилъ Доменико Коломбо въ продолженіе юношескихъ лѣтъ Колумба. Муниципалитетъ купилъ этотъ домъ въ іюнѣ 1887 года и помѣстилъ надъ дверью надпись въ память событій, связанныхъ съ этимъ мѣстомъ. Гарриссъ считаетъ вѣроятнымъ, что великій мореплаватель даже родился здѣсь. Открытіе принадлежности дома его отцу было, по-видимому, сдѣлано посредствомъ тщательнаго разслѣдованія въ прошломъ, кому принадлежала земля въ то время, когда Доменико присвоилъ ее себѣ. Фактъ этотъ приобрѣлъ еще болѣшую достоверность, когда прослѣдили документы на прилежащія владѣнія, относящіяся къ временамъ Николая Параванія и Антонио Бонди, которые, согласно нотаріальному акту 1477 года, свидѣтельствующему о согласіи жены Доменико продать имѣніе, жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Доменико.

Если Христофоръ Колумбъ родился въ этомъ домѣ, то это случилось, какъ доказываютъ нотаріальныя записи, добытыя Рожденіе
Колумба. маркизомъ Стальено, 29 октября 1446 года или 29 октября 1451 года; въ среднемъ выводѣ, Гарриссъ сокращаетъ этотъ промежутокъ времени до двѣнадцати мѣсяцевъ, отъ 15 марта 1446 года до 20 марта 1447 года. Пользуясь другими указаніями, нѣкоторые изъ новѣйшихъ авторитетовъ, каковы Муньоцъ, Босси и Споторно, — изъ италіанскихъ авторовъ, Д'Авзакъ изъ французскихъ авторовъ и Маіоръ въ Англіи, отнесли время Колумбова рожденія къ такому же періоду безъ помощи вышеуказанныхъ документовъ. Къ такому заключенію ихъ привело признаніе Колумба, что онъ велъ жизнь моряка двадцать три года, когда отправился въ свое первое путешествіе, и что ему было четырнадцать лѣтъ отъ роду, когда онъ сталъ морякомъ. Вопросъ, усложняющій дѣло, состоитъ въ слѣдующемъ: когда именно,

по мнѣнію самого Колумба, закончилъ онъ свою жизнь морехода? Если въ 1492 году, какъ утверждаетъ Пешель, то рожденіе его должно быть отнесено къ 1455—56 годамъ, согласно принятымъ датамъ; Пешель признаетъ эту дату, основываясь на неувѣренномъ заявленіи Колумба въ письмѣ отъ 7 іюля 1503 года, что ему было двадцать восемь лѣтъ, когда онъ поступилъ на испанскую службу въ 1484 году.

Но если принять 1484 годъ за послѣдній изъ этихъ двадцати трехъ лѣтъ его мореходства, подобно Муньоцу и другимъ уже названнымъ авторамъ, то мы получаемъ результатъ, гораздо болѣе согласующійся съ данными нотаріальныхъ записей, и можемъ отнести дату его рожденія къ 1445 и 1447 годамъ. Самъ Колумбъ неоднократно заявлялъ, что въ 1501 году исполнилось сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ началъ плавать по морю.

Наварретъ, Гумбольдтъ, Првингъ, Розелли де-Лоргъ, Напіоне и другіе ихъ сторонники опредѣляютъ дату его рожденія инымъ способомъ, въ тѣхъ же предѣлахъ дробей, между 1435—37 гг. Такой выводъ основывается на ясно выраженномъ заявленіи Андреа Бернальдеца, въ его книгѣ о католическихъ монархахъ Испаніи, что Колумбъ умеръ приблизительно семидесяти лѣтъ. Такимъ образомъ, для опредѣленія даты рожденія адмирала существуетъ серія изъ двадцати лѣтъ, смотря по тому, какихъ датъ придерживается тотъ или другой авторъ. Многіе писатели различно обсуждали эти аргументы; но вообще болѣе вѣрными, повидимому, являются тѣ, которыми пользовался Гарриссъ.

Мать Колумба, Сусанна, была дочь Джіакомо де-Фонтанаросса, и Доменико женился на ней въ деревнѣ Бизаньо, лежащей на востокъ отъ Генуи. Ея уже не было въ живыхъ въ 1489 году и, быть можетъ, она умерла, въ Савонѣ, въ 1482 году. Кромѣ Христофора, отъ этого брака Сусанны съ Доменико Колумбо было еще четверо дѣтей, которыя родились, вѣроятно, въ одномъ и томъ же домѣ. Это были: Джіованни-Пеллегрини, оставшійся неженатымъ, и въ 1501 году минуло десять лѣтъ со времени его смерти; Бартоломео, который никогда не былъ женатъ, а впослѣдствіи былъ извѣстенъ подъ именемъ Вареоломея; и Джіакомо, котораго въ Испаніи знали подъ именемъ «Діего Колонъ», а во всѣхъ латинскихъ повѣствованіяхъ называютъ «Іакобусъ». Была также дочь, Біанкинетта, вышедшая замужъ за торговца сыромъ, по имени Баварелло, и имѣвшая отъ него одного ребенка.

У Антоніо, брата Доменико, кажется, было три сына—Джіованни, Маттео и Амигетто. Они, слѣдовательно, приходились двоюродными братьями адмиралу и настолько знали объ его славіи въ 1496 году, что составили заявленіе у нотаріуса о томъ, что они соединенными успіями отправили Джіованни въ

1445—1447 гг.

1435—1437 гг.

Мать, братья
и сестры
Колумба.Дядя и двою-
родные братья
Колумба.

Испанію навѣстить своего знаменитаго родственника, адмирала Пидіи; по всей вѣроятности, они имѣли въ виду понасть къ нему въ милость и, если удастся, получить отъ этого какую-нибудь выгоду для себя.

Если всѣ эти свѣдѣнія, касающіяся его семейной исторіи, будутъ признаны доказанными, то ужъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Колумбъ, — какъ онъ всегда говорилъ самъ и окончательно заявилъ въ своемъ завѣщаніи, что было извѣстно Фердинанду, хотя это и не подтверждается въ «*Histoire*», — родился въ Генуѣ. Изъ прежнихъ авторовъ, — за исключеніемъ Галиндеца де-Карвахала, который заявлялъ, что Колумбъ принадлежитъ Савонѣ, — кажется, почти никто не сомнѣвался, что онъ родился въ Генуѣ. Это утверждаетъ Петеръ Мартиръ и Ласказасъ. Бернальдець вѣрилъ этому. Джіустиніани подтверждаетъ это. Но когда Овiedo началъ писать свою книгу не задолго до смерти Колумба, вопросъ о мѣстѣ, гдѣ онъ родился, сталъ до такой степени сомнителенъ, что Овiedo упоминаетъ пять или шесть городовъ, претендовавшихъ на честь быть мѣстомъ его рожденія.

Послѣ Генуи, претензія Савоны всегда имѣла наибольшее число сторонниковъ. Однако же, претензіи эти были очень серьезно опровергнуты въ книгѣ Гаррисса «*Christopher Columbus et Savone*» (Генуя, 1887 г.) и было доказано, повидимому, окончательно, что прежде, чѣмъ поселиться въ Савонѣ въ 1470—71 гг., Доменико Коломбо жилъ въ Генуѣ, гдѣ должны были родиться его дѣти, если принять въ расчетъ ихъ извѣстный или вычисленный возрастъ. Безполезно, кажется, повторять аргументы, которые, въ то или другое время, приводились отважными защитниками претензій многихъ другихъ итальянскихъ городовъ и деревень, будто бы даровавшихъ міру великаго открывателя—Пиоченцы, Куккаро, Коголето, Праделло, Нерви, Альбисолы, Больяско, Коссеріи, Финалэ, Опелли, Квинто, Новаре, Кіавари, Милана, Модены. Претензіи нѣкоторыхъ изъ нихъ были такъ серьезны, что въ 1812 году Историческая Академія Генуи сочла нужнымъ представить формальнымъ порядкомъ доказательства, выставленные ихъ городами. Претензіи Куккаро имѣли цѣлью подкрѣпить процессъ Балтазара Коломбо о полученіи законныхъ правъ адмирала. Претензія Коголето, кажется, имѣла соотношеніе къ предполагаемому рожденію въ этомъ городѣ корсаровъ Коломбо, которыхъ долгое время смѣшивали съ адмираломъ. Критическій анализъ всѣхъ этихъ претензій оставилъ за ними лишь мѣстную гордость и мѣстный энтузіазмъ.

Послѣднимъ претендентомъ на честь мѣсторожденія Колумба явился городъ Кальви, въ Корсикѣ, и въ претензіи этой приняли особое участіе французы. Въ 1882 году Гревъ, президентъ французской республики, рѣшилъ дать національную санкцію этимъ претензіямъ, разрѣшивъ воздвигнуть здѣсь статую Колумба. Предположеніе это основано на преданіи, будто бы великій открыватель родился въ этомъ

мѣстѣ. Главный сторонникъ этой претензіи, аббатъ Мартипъ Казанова де-Поджіолла, повидимому, держится той утѣшительной мысли, что преданіе есть самый точный видъ историческаго доказательства, хотя, разумѣется, онъ бы не сталъ такъ думать относительно слишкомъ двадцати другихъ мѣстностей италійскаго берега, гдѣ подобныя преданія существуютъ или же считаются существующими. Гарриссъ, повидимому, счелъ эту претензію заслуживающей опроверженія въ своемъ «*Christophe Colomb et la Corse*» (Парижъ, 1888 г.), не считая другихъ его критическихъ статей по этому предмету въ «*Revue de Paris*» и въ «*Revue Critique*» и двухъ недавнихъ опроверженій, изъ коихъ одно принадлежитъ аббату Казабланка въ его «*Le Berceau de Christophe Colomb et la Corse*» (Парижъ, 1889 г.), а другое—Гаррисса въ «*Revue Historique*» (1890, стр. 182).

Глава IV.

Неопредѣленность свѣдѣній о раннихъ годахъ жизни Колумба.

Данныя о жизни Колумба въ молодые годы были такъ неточны, когда Прескоттъ писалъ свою книгу, что онъ имѣлъ полное право сдѣлать заключеніе о полнѣйшей невозможности выяснить запутанныя событія, относящіяся къ началу дѣятельности Колумба. Критическому уму Гаррисса и другихъ новѣйшихъ изслѣдователей удалось съ тѣхъ поръ сдѣлать эту неясность еще болѣе очевидною путемъ опроверженія мнѣній слишкомъ поспѣшно принятыхъ на вѣру. Масса сбивчивыхъ указаній, на зло всему, чего можетъ достигнуть знаніе, остается на долю такихъ знатоковъ предмета, которые со временемъ будутъ обладать болѣе опредѣленными свѣдѣніями. Сомнительно, однако, чтобы когда-либо ученымъ удалось вполне разъяснить всю путаницу этого рода свѣдѣній.

Ученый естественно пытается узнать отъ современниковъ Колумба, какого рода и какъ велико было его образованіе; въ этомъ отношеніи онъ больше всего узнаетъ отъ Ласказаса и изъ «Historie» 1571 года. Въ послѣднее время доказано, что генуэзскіе шерстобиты устроили въ своемъ городѣ нѣсколько школъ для своихъ дѣтей, и молодой Колумбъ, конечно, получилъ въ нихъ свою долю образованія вдобавокъ ко всему тому, чему онъ научился въ торговомъ дѣлѣ, которымъ онъ продолжалъ заниматься все время, пока оставался въ Италіи, какъ его отецъ. Изъ манускриптовъ, дошедшихъ до насъ, мы знаемъ, что онъ сдѣлался искуснымъ каллиграфомъ; и если нѣкоторые существующіе рисунки не принадлежатъ къ числу апокрифическихъ, то онъ, кромѣ того, обладалъ умѣньемъ дѣлать чертежи и планы. Его черченіе картъ, о чемъ также говорится у многихъ авторовъ, доказываетъ, что онъ достигъ того, что, по опредѣленію Птолемея, составляетъ искусство космографа, т. е. умѣнья воспроизводить картографическія очертанія странъ со всевозможною точностью. Онъ былъ такъ искусенъ въ черченіи картъ, что, говорятъ, въ теченіе нѣкотораго времени эта работа служила ему средствомъ къ существованію.

Если вѣрить «Historie», онъ прослушалъ нѣсколько лекцій въ университетѣ Павіи, вѣроятно, незадолго до

1460 года, когда онъ старался уразумѣть тайны космографіи, астрологіи и геометріи.

Босси перечислилъ профессоровъ, читавшихъ лекціи по этимъ предметамъ въ ту эпоху, отъ которыхъ Колумбъ, вѣроятно, позаимствовался познаніями. Гаррисъ съ своимъ обычнымъ недовѣріемъ вы-

Рисунокъ приписываемый Колумбу.

сказываетъ сомнѣніе относительно всего, что сообщается насчетъ его университетскихъ занятій, и полагаетъ, что Павія въ это время не представляла особыхъ для честолюбиваго моряка преимуществъ, которыя можно было бы поставить въ параллель съ практическимъ образованіемъ, какое въ то время имѣвшая огромное торговое зна-

ченіе, Генуя, предлагала каждому юношѣ, воспламененному любовью къ мореходству. Какъ разъ въ это самое время въ Генуѣ (1461 г.) Бенинказа составилъ свои знаменитыя морскія карты.

Вслѣдъ за его возможнымъ, если и не вполне достовернымъ, кратковременнымъ пребываніемъ въ Павіи, банкротство отца заставило Колумба вернуться въ Геную, и здѣсь, послѣ небольшого промежутка времени, онъ началъ свою мореходную дѣятельность. Если принять въ расчетъ его собственное свидѣтельство, то въ эту пору жизни ему исполнилось всего четырнадцать лѣтъ. Въ эту

*Колумбъ
отправляется
въ море.*

эпоху пятнадцатаго вѣка море представляло много заманчиваго для отважныхъ юношей. Извѣстная доля приключенія заключалась въ каждомъ даже самомъ благонамеренномъ коммерческомъ предпріятіи. Корабли одного христіанскаго государства грабили корабли другого христіанскаго государства. Частныя рискованныя предпріятія носили характеръ морского разбоя, а рука каталонца и мусульманина была направлена противъ всѣхъ. Съ одного конца Средиземнаго моря на другой разносился вѣсти о битвахъ и грабежахъ и здѣсь, и повсюду. Случайно къ нимъ примѣшивались слухи о путешествіяхъ за Столпы Геркулесовы, говорилось о португальцахъ и ихъ опасныхъ вылазкахъ на африканскомъ берегу близъ экватора. Незадолго до того времени, когда, какъ полагаютъ, нашъ отважный юный генуэзскій шерстобитъ отправился въ море въ

*Принцъ
Генрихъ Мореплавателя.*

*Экспедиція
Анжу.*

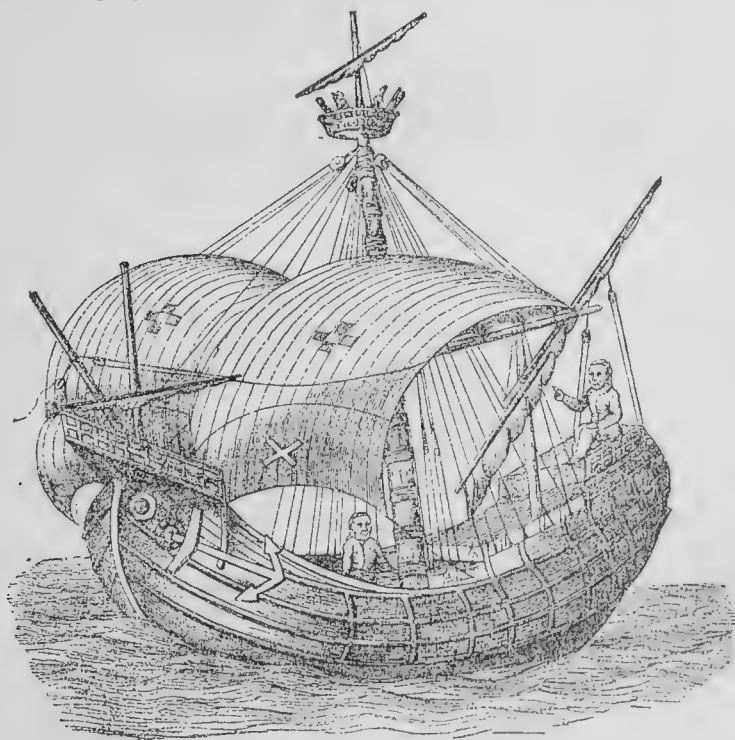
одно изъ такихъ рискованныхъ предпріятій, изъ порта въ портъ, вдоль западныхъ береговъ Средиземнаго моря, пронесся рассказъ о смерти великаго морскаго генія Португаліи, принца Генриха Мореплавателя, и о послѣднихъ подвигахъ его капитановъ на великомъ западномъ океанѣ.

Обыкновенно первоначальную мореходную дѣятельность нашего отважнаго генуэзца привыкли соединять съ экспедиціей, которую снарядилъ въ Генуѣ Іоаннъ Анжуйскій, герцогъ

Андреасъ Бенинказа, 1476.
(Изъ «Atlas»'а Сенъ-Мартена).

Калабрійскій, съ цѣлью возвратить королевство неаполитанское своему отцу, герцогу Ренэ, графу Прованскому. Извѣстно, что событіе это относится къ 1459—61 годамъ. Гордая Генуя поощряла службу въ этомъ воинственномъ флотѣ и многіе граждане рискнули попытать счастья въ этой морской арміи, отправившись со своей собственной вспомогательной командой. Упоминается о нѣкомъ доблестномъ капитанѣ, по имени Коломбо, который стоялъ во главѣ одной части этихъ войскъ экспедиціи. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ былъ однимъ изъ французскихъ корсаровъ, носившихъ это имя, о которыхъ уже было упо-

Корабль пятнадцатаго столѣтія.
(Изъ „Isolario“ 1547 г.).

мянуто выше, и вѣроятно, онъ игралъ видную роль въ этомъ франко-генуэзскомъ походѣ. Его иные и считали сродни сыну шерстобита. Весьма мало вѣроятія, чтобы это былъ нашъ Христофоръ Колумбъ, въ то время, — какъ мы легко можемъ себѣ его вообразить, — рыжеволосый юноша, или въ раннюю весну своей жизни, съ румяными щеками, — типъ италіянца, который можно и теперь случайно встрѣтить въ сѣверной Италіи, — сохранившій, быть можетъ, нѣкоторую дозу сѣверной крови, породившей викинговъ.

Въ «Historie» приводится яко бы письмо Колумба, въ ко-

торомъ описаны нѣкоторые эпизоды этой кампаніи. Письмо это адресовано къ испанскимъ монархамъ въ 1495 году. Если Анжуйскій принцъ пользовался какими-либо услугами со стороны Колумба, то легко доказать, что это могло быть никакъ не позже 1461 года, такъ какъ несчастныя случайности этого года принудили злополучнаго Ренэ навсегда удалиться. Опровергнуть это свидѣтельство можно только опираясь на дату рожденія Колумба: если она, — какъ это, повидимому, вполне доказано, — относится къ 1446 году, то едва-ли Колумбъ, генуэзскій матросъ, могъ командовать галерой, будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду; и это предположеніе становится еще болѣе невѣроятнымъ, если, какъ говоритъ Д'Авзакъ, Колумбъ находился въ этой экспедиціи въ 1459 году, когда она только что началась, такъ какъ въ это время Христофоръ былъ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Или, какъ полагаетъ Гарриссъ, письмо Колумба, на которое ссылается «*Historie*», апокрифическое, или же настоящая дата Колумбова рожденія не есть 1446 годъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что самъ Колумбъ указываетъ на юный возрастъ, въ которомъ онъ началъ морскую службу, вспоминая въ 1501 году свои первыя приключенія; но, къ несчастію, Колумбъ не отличался точностью въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ и въ этомъ отношеніи свидѣтельство его современниковъ представляетъ гораздо болѣе достовѣрности. Притомъ же, въ 1501 году умъ его помрачился. Онъ владѣлъ талантомъ обманывать и порой хвастался этимъ или, по меньшей мѣрѣ, вѣялъ себѣ это въ заслугу.

Тщательное изслѣдованіе удивительно точно подтвердило вѣрность первоначальнаго очерка его карьеры, который заключается въ Псалтырѣ Джустиніани 1516 года; отсюда же мы узнаемъ, что Колумбъ достигъ совершеннолѣтія, когда впервые отправился въ море—это одно изъ тѣхъ данныхъ, которыя пыталась дискредитировать «*Historie*» 1571 года. Если только нотаріальный архивъ Савоны вѣрно именуется Колумба шерстобитомъ въ 1472 году, если онъ принадлежалъ къ савонской фамиліи и родился въ 1446 году, то ему было ровно двадцать шесть лѣтъ, когда онъ началъ свою мореходную карьеру, т. е. онъ былъ взрослымъ человекомъ, какъ это показано въ Псалтырѣ и у другихъ старыхъ авторовъ, знавшихъ его или упоминавшихъ о немъ. Въ такомъ случаѣ онъ не могъ принимать никакого участія въ экспедиціи Анжуйскаго принца и Ренэ, вся исторія которой, даже въ изложеніи Гаррисса и Макса Бюдингера, представляетъ массу неточностей относительно мѣста и времени. По мнѣнію Гаррисса, имя Колумба исчезаетъ послѣ 1473 года изъ нотаріальныхъ записей Генуи, именно въ то время, когда онъ началъ свою мореходную дѣятельность.

Мы не можемъ сказать, заслуживаютъ ли большаго вѣроятія свѣдѣнія относительно раннихъ лѣтъ мореходной жизни Колумба, — когда бы ни началась эта жизнь, — и трудно установить хронологическій порядокъ для событій, относящихся къ этому времени.

По одному изъ его указаній мы можемъ заключить, что онъ въ извѣстное время побывалъ въ Сціо, чтобы посмотрѣть, какъ приготовляютъ мастику. Въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ, которыя, весьма вѣроятно, касаются его однофамильцевъ, французскихъ корсаровъ, ему подчасъ приписываютъ предводительство въ нападеніи на испанскія галеры, гдѣ-то на службѣ у Людовика XI, или крейсированіе у береговъ Кипра.

Такимъ образомъ покрыто мракомъ все, касающееся этихъ первыхъ лѣтъ; но воображеніе нѣкоторыхъ изъ его біографовъ даетъ намъ съ пространною точностью описаніе его повседневной жизни въ школѣ, какъ ученика, юнга, матроса и корсара, и даже описаніе его раны, отъ которой, какъ мы знаемъ, онъ страдалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Подобныя подробности служатъ къ закрашиванію скуднаго очерка красками лживаго миниатюриста.

Глава V.

Заманчивыя предпріятія Португаліи.

Колумбъ, исчезнувшій изъ Италіи въ 1473 году, прежде всего очутился въ Португаліи, и естественно является вопросъ, почему дѣятельный, предпримчивый геній, вкусивши широкаго простора синяго моря, направилъ свой путь къ этому аванпосту морскихъ подвиговъ, близко прилегавшему къ безбрежному океану и уже съ незапамятныхъ временъ привлекавшему и поражающему вниманіе открывателя и космографа. Едва ли можно сомнѣваться, что слава португальцевъ, отважно ходившихъ по необъятнымъ волнамъ океана или плававшихъ вдоль западнаго берега Африки, нѣкоторое время составляла излюбленный предметъ толковъ среди моряковъ Средиземнаго моря. Быть можетъ, менѣе вѣроятно, что сношенія мореходовъ Средиземнаго моря съ арабами Леванта вызвали слухи о путешествіяхъ по океану, омывавшему восточные берега Африки. Эти рассказы, дошедшіе съ Востока, могли навести на мысль, что подобныя путешествія явились бы только дополненіями къ мореходнымъ усиліямъ португальцевъ разрѣшить задачу круговаго океаническаго обхода великаго африканскаго материка. Поэтому неудивительно, что отважный морякъ, какъ Колумбъ, въ дни юности пожелалъ попасть въ самый центръ подобныхъ плановъ, и никакая другая страна Европы не представляла для него, какъ для путешественника, болѣшихъ приманокъ, чѣмъ Португалія.

Посмотримъ, какъ были поставлены крупныя морскія вопросы въ Португаліи, въ 1473 году и изъ какихъ предшествующихъ данныхъ возникли они.

Португальцы того времени пользовались репутаціей самыхъ опытныхъ мореходовъ Европы или, по крайней мѣрѣ, они раздѣляли эту славу съ каталонцами и жителями Майорки. Слава эта осталась за ними и въ недавнее время о ней вновь заговорилъ Акоста. Эти безстрашные мореходы смѣло пускались, съ самыхъ давнихъ поръ, о какихъ только дошли до насъ свѣдѣнія, въ заманчивое и въ тоже время запретное море Тьмы, не всегда, быть можетъ, добровольно теряя изъ виду твердую землю; но буря нерѣдко уносила ихъ такъ далеко, что передъ ихъ глазами

1473 г.

*Морская
предпримчивость
Португаліи.*

*Португальскіе
мореходы.*

*Исследованія
на морѣ Тьмы.*

были только море да небо. Великій океанъ былъ неизслѣдованнымъ пространствомъ для картографіи. Отъ древнихъ перешло нѣсколько отрывочныхъ повѣрій объ островахъ, лежащихъ на западѣ, и фантастическія свѣдѣнія о плавучихъ островахъ и о земляхъ, относительно коихъ изощрилось средневѣковое воображеніе, уже достаточно на-
зрѣли къ 1306 году, когда мы находимъ на картѣ Ма-
рино Сануто то, что можно считать началомъ картографіи Марино Сануто 1306 г.
Атлантического океана.

Здѣсь не мѣсто доказывать, что Западные острова, найденные финиціанами, Счастливые острова Серторія и Геспериды Плинія Канарскіе острова. стали Канарскими островами позднѣйшаго времени, когда они были открыты послѣ тринадцативѣкового забвенія; но острова эти обозначены на-плоскошаріи Сануто въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, такъ какъ случайно ихъ посѣтили испанцы и другіе мореходы за сто лѣтъ передъ тѣмъ и гораздо ранѣе, чѣмъ нормандецъ Жанъ де-Бѣтанкуръ поселился на одномъ изъ нихъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія (1402 г.). Здѣсь господствовали его родичи, пока наконецъ притязанія Испаніи и Португаліи на владычество не разрѣшились въ пользу правъ Испаніи, которыя установились здѣсь прочно, причемъ взаимнѣ были признаны исключительныя права Португаліи на владѣніе африканскимъ побережьемъ.

Самыя значительныя открытія океаніческихъ острововъ были сдѣланы генуэзцемъ, находившимся на службѣ у Порту-
галіи, подвиги котораго были, безъ сомнѣнія, извѣстны Генуэзецъ въ Португаліи.
Колумбу.

Группа Мадейры была открыта въ самомъ началѣ четырнадцатаго столѣтія. Въ путеводителѣ по морскимъ пристанямъ и берегамъ 1351 года, хранящемся во Флоренціи, въ Лаурентійской бібліотекѣ, эта группа обозначена и названа съ большою точностью, и атласъ этотъ, по многимъ причинамъ, считали составленнымъ генуэзцемъ, — по всей вѣроятности, въ память путешествія, генуэзцемъ Пецаньо для португальскаго короля, — по крайней мѣрѣ, Маіоръ полагаетъ это доказаннымъ. Впрочемъ, дѣйствительное право португальцевъ на владѣніе этими островами основывается на фактѣ ихъ открытія вновь капитанами принца Генриха въ гораздо позднѣйшую эпоху — въ 1418—20 гг. — когда къ Мадейрѣ, показавшейся изъ Порто-Санто, словно облачко на горизонтѣ, пристали на судитъ съ меньшаго острова.

Изъ того же «путеводителя» Лаурентійской бібліотеки мы узнаемъ, какимъ образомъ нѣсколько ранѣе португальскіе корабли, предводительствуемые генуэзцами, открыли большую группу Азорскіе острова. Азорскихъ острововъ. Мы находимъ также эти острова на Каталонской картѣ 1373 года и на картѣ Ницигаии того же періода (1367, 1373 г.). Карты.

Въ царствованіе Эдварда III, короля Англіи, нѣкто Робертъ Макинъ,

бѣжавшій изъ Англіи отъ преслѣдованія за кражу чужой жены, случайно пробрался на островъ Мадейру. Здѣсь съ людьми Маккина случилось несчастье, но нѣсколько человѣкъ изъ его экипажа доплыли въ лодкѣ до береговъ Африки и были взяты въ плѣнъ маврами. Въ 1416 году испанцы отправили экспедицію освободить христіанскихъ плѣнниковъ, задержанныхъ помянутыми маврами, а на возвратномъ пути съ освобожденными испанскій корабль былъ перехваченъ португальскимъ мореходомъ Царко; въ числѣ взятыхъ имъ въ плѣнъ находился и нѣкто Моралесъ, который слыхалъ, какъ говорили о попыткахъ Маккина. Немного позднѣе, Царко, посланный принцемъ Генрихомъ Португал-

Робертъ
Макинъ.

Порто-Сант
и Майдера
открыты
вновь.

Часть путеводителя мореходовъ изъ Лаурентійской бібліотеки.
(Изъ «*Prince Henry*» Маіора).

скимъ къ Гвинейскому берегу, устремился въ океанъ и открылъ островъ Порто-Санто; а вслѣдъ затѣмъ, пользуясь данными Моралеса, онъ вновь открылъ о-въ Мадейру, въ то время необитаемый. Это случилось въ 1418 или 1419 году и рассказъ этотъ передается различно. Хотя романическій элементъ и анахронизмъ затемняютъ нѣсколько его правдивость, тѣмъ не менѣе главная сущность его вполне ясна.

Открытіе это было началомъ дальнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ мореходами принца Генриха. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1425 году), онъ отправилъ колонистовъ для заселенія этихъ двухъ острововъ; въ числѣ переселенцевъ находился съ семействомъ дворянинъ, Бартоломео Перестрелло; имя это мы встрѣтимъ снова у ^{Смѣл.} Перестрелло. одного изъ его потомковъ, когда въ концѣ того же столѣтія послѣдуемъ за Колумбомъ на тотъ же островъ Порто-Санто.

Ученые полагаютъ, что положеніе Азорскихъ острововъ было указано на картѣ, перенесенной изъ Венеціи въ Португалію, въ 1428 году, и побудившей принца Генриха приказать своимъ мореходамъ вновь отыскать эти острова. Они были нанесены на каталонскую карту Вальсеквы въ 1439 году, что свидѣлствуетъ о выполненіи цѣли принца Генриха, по всей вѣроятности, въ 1432 году хотя прошло двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ вся группа Азорскихъ острововъ стала извѣстна португальцамъ. ^{Карты.}

Хорошо извѣстная въ 1436 году, карта Андреа Біанко, хранящаяся въ Венеціи, въ Марціановой библіотекѣ, также указываетъ ^{Карта Біанко, 1436 г.} на основательность предположенія, что именно къ этой эпохѣ относится нанесеніе острововъ Атлантическаго океана. Въ періодъ между этой датой и появленіемъ Колумба въ Португалію наиболѣе извѣстными составителями картъ Атлантическаго океана были: Вальсеква (1439), Леардо (1448, 1452, 1458), Парето (1455) и Фра Мауро (1459). Объ этомъ послѣднемъ будетъ упомянуто далѣе въ своемъ мѣстѣ. ^{Другія карты.}

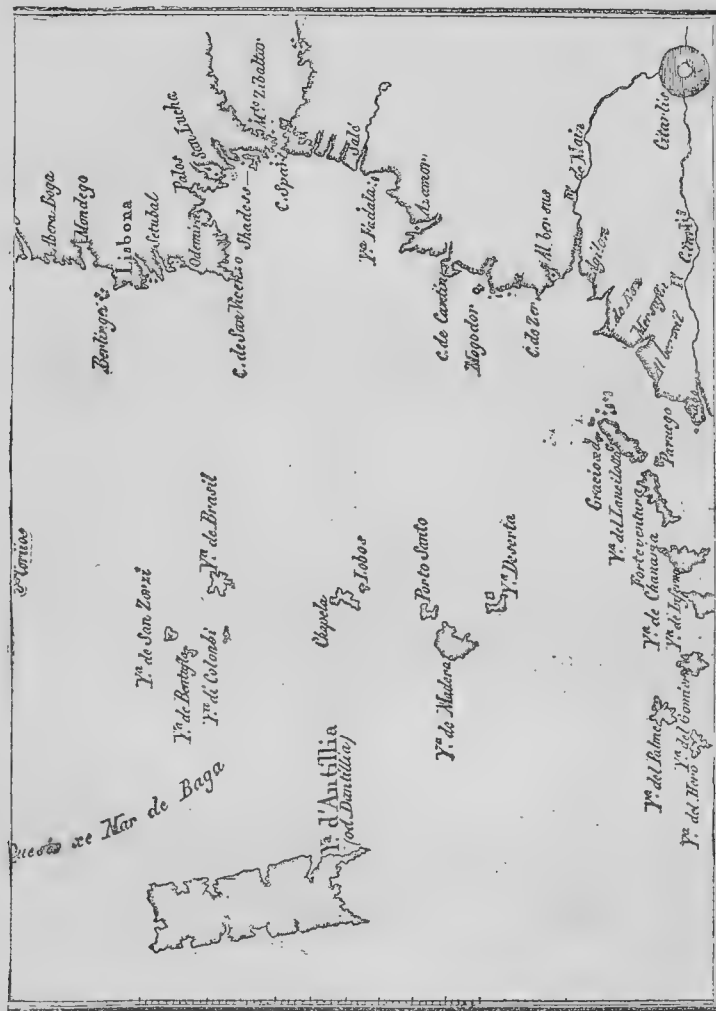
Въ 1452 году Педро де-Валаско, отправившись на западъ вокругъ острова Фэйяля, наблюдая и слѣдуя за полетомъ птицъ, открылъ островъ Флоресъ. Поэтому Колумбъ въ своемъ дневникѣ, описывая свое первое путешествіе, говоритъ, сорокъ лѣтъ спустя, что это слѣдованіе за полетомъ птицъ нерѣдко служило средствомъ въ тѣ раннія времена мореходныхъ изслѣдованій къ открытію новыхъ острововъ. ^{Флоресъ.}

Такимъ образомъ, нѣсколько позже половины пятнадцатаго вѣка португальцы были уже хорошо знакомы съ опасностями плаванія въ открытомъ океанѣ. Сами того не зная, они съ открытіемъ острова Флоресъ достигли самаго западнаго предѣла, который, благодаря успѣхамъ географической науки въ позднѣйшіе годы, можно разсматривать, какъ самый отдаленный аванпостъ Старого Свѣта.

Но имъ предстояло разрѣшить болѣе широкую космографическую задачу, относительно направленія пути на югъ—открытіемъ дороги въ Индію черезъ предполагаемый африканскій мысъ. ^{Путь изъ Индію черезъ Африку.}

Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ Востокъ составлялъ мечту философовъ и конечную цѣль стремленій торговыхъ людей. Думали, что на Востокѣ все существуетъ въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ Европѣ,—что металловъ тамъ больше, что жемчугъ тамъ лучше, приносите вкуснѣе, растенія величественнѣе, животныя красивѣе. Все тамъ было

благородіѣе, кромѣ человѣка. Последній утопалъ здѣсь въ такой роскоши, что непременно долженъ былъ выродиться—такъ, по крайней мѣрѣ, думали тогда. Европа была міромъ дѣятельной предприимчивости, наслѣдницей могущества грековъ и римлянъ, и типъ европейца, естественно, соответствовалъ болѣе величественной обстановкѣ Во-

Карта Андреа БIANCO.
(Изъ «Allgem Geog. Ephemeriden», Веймаръ, 1807 г.).

стока. Необходимо было привести лучшаго человѣка и лучшую природу въ такія соотношенія, чтобы первый могъ поддержать вторую и наслаждаться ея благами.

Самыя раннія историческія показанія о народахъ западной Азии и

Китай относятся, согласно Іуду, ко второму вѣку до Р. Х. Триста лѣтъ спустя мы находимъ первые слѣды сношеній Китая съ римлянами (166 г. по Р. Х.). Съ Индіей Китай велъ торговлю моремъ въ четвертомъ вѣкѣ, а съ вавилонянами, вѣроятно, въ пятомъ вѣкѣ. Тутъ же были несторіанскіе миссіонеры христіанства уже въ восьмомъ вѣкѣ и слѣды ихъ ученій были здѣсь открыты западными путешественниками въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкахъ. Сношенія Цейлона съ Китаемъ были возобновлены въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Китай.

Только въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, при монгольской династіи, Китай сталъ впервые извѣстенъ повсюду въ Европѣ, подъ именемъ Катая, и тогда же впервые западныя націи познакомились съ разсказами путешественниковъ о государствѣ великаго хана. Два францисканца—одинъ италіанецъ, Плато Карпини, а другой фламандецъ Рубруквисъ, посланные для церковныхъ миссій, вернулись въ Европу: первый—въ 1247 году, а второй—въ 1255 году. Однако, только послѣ возвращенія Марко Поло, посѣтившаго Кублай хана, въ концѣ тринадцатаго вѣка, идеи Европы относительно дальняго Востока получили новый толчекъ. Вліяніе его чудесныхъ разсказовъ продолжалось до временъ Колумба и когда великій открыватель выступилъ на сцену, то онъ нашелъ, что общественныя умы были заняты упованіями достигнуть до этихъ Восточныхъ царствъ южнымъ путемъ. Пробныя и случайныя плаванія португальцевъ по Атлантическому океану считались предварительными шагами къ болѣе полному обходу африканскаго берега.

Китай.

Марко Поло.

Удалось ли древнимъ народамъ объѣхать кругомъ Африки, вотъ вопросъ, который, вѣроятно, никогда не будутъ въ состояніи разрѣшить окончательно; а противоположныя мнѣнія, разсматриваемыя Бенбери въ его «History of Ancient Geography», представляютъ слишкомъ равныя доказательства за и противъ, чтобы допустить возможность окончательной побѣды той или другой стороны надъ умомъ мыслителей. Гиппархъ, какъ извѣстно, отвергалъ возможность этого и считалъ Индійскій океанъ за ограниченное землею море, тогда какъ, по его мнѣнію, Африка простиралась на югъ и тамъ соединялась съ южнымъ продолженіемъ восточной Азіи. Этого мнѣнія держался и Птоломей взгляды котораго господствовали въ то время на западѣ. Несмотря однако, на все это, въ умѣ тѣхъ, кто сомнѣвался въ авторитетности Птолемея, повидимому, возникла довольно рано идея, что Африка кончалась южнымъ мысомъ. Сануто изобразилъ на своемъ плоскошаріи подобный мысъ уже въ 1306 году. Если Сануто въ самомъ дѣлѣ зналъ о существованіи этого мыса, то источникъ его свѣдѣній является предметомъ интересныхъ соображеній. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что венеціанскіе моряки допускали существованіе африканскаго мыса, приходя въ сношенія съ арабами во время своихъ посѣщеній береговой линіи Сред-

Африканскій
путь и
древніе народы.Африканскій
мысъ.

земнаго моря у Малой Азіи. Арабы, быть можетъ, поощряли традиціи морскихъ изслѣдователей восточнаго берега Африки, которые могли уже открыть великій южный мысъ, быть можетъ, не проходя мимо него.

Наварретъ рассказываетъ, что еще въ 1393 году, въ Андалузіи и Бискайѣ составилаь компанія для поощренія открытій Открытія вдоль Африканскаго берега въ 1393 году. вдоль Африканскаго берега. Пытались обезпечить въ концѣ концовъ такой путь въ Азію, который далъ бы возможность населенію полуострова Пберинъ принять участіе въ торговлѣ, какую производило населеніе Италіи съ Востокомъ; послѣдній долгое время производилъ ее всю или отчасти сухимъ путемъ черезъ Левантъ. Барселонскій портъ на дѣлѣ принималъ участіе въ этой обширной торговлѣ; но Испанія получала отъ нея ничтожную выгоду сравнительно съ ея прибыльностью для Италіи.

Геніемъ, руководящимъ въ этихъ новыхъ способахъ изслѣдованія, былъ тотъ потомокъ королевскаго дома Португаліи, который прославился въ дѣйствительности подъ именемъ принца Генриха, Мореплавателя, и біографію котораго двадцать лѣтъ назадъ представилъ англійскимъ читателямъ, тщательно изучивъ ее, Ричардъ Г. Маіоръ. Принцъ помогалъ королю Іоанну въ битвѣ съ маврами при Цеутѣ, въ 1415 году, и успѣшное окончаніе битвы пробудило въ принцѣ надежду на возможность завладѣть Гвинейскимъ берегомъ и помогло ему отыскать и объѣхать заранѣе предугадаанный мысъ южной оконечности Африки.

Этой миссіи посвятилъ себя самъ принцъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія. Корабли его начали спускаться по западному берегу Берберинъ, и каждый разъ ихъ изслѣдованія сопровождались новыми открытіями, но мысъ Боядоръ на нѣкоторое время преградилъ имъ путь, точъ Мысъ Боядоръ. въ точъ какъ ранѣе онъ останавливалъ другихъ отважныхъ мореходовъ, когда Генриха еще и на свѣтѣ не было. «Удивительно, — говоритъ Гельпесъ, — что ни въ одной изъ этихъ экспедицій онъ лично никогда не являлся предводителемъ, но онъ думалъ, что служилъ дѣлу съ большей пользою, оставаясь дома и группируя вокругъ себя многихъ открывателей, которымъ сообщалъ электрическую энергію предпріимчивости».

Въ это самое время отецъ Генриха назначилъ его правителемъ Альгароэ и принцъ избралъ своимъ мѣстопробываніемъ уединенный мысъ Сагрэсъ, Сагрэсъ. вдавѣвшійся въ море у юго-западной конечности Португаліи; онъ переѣхалъ сюда въ 1418 году, а, можетъ быть, нѣсколько позднѣе. Занимался ли онъ устройствомъ здѣсь школы мореплаванія—вопросъ спорный, но лишь въ отношеніи того, что слѣдуетъ считать школой. Повидимому, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ построилъ здѣсь обсерваторію и сгруппировалъ вокругъ себя людей искусныхъ въ мореходномъ дѣлѣ, включая въ своемъ родѣ знаменитаго уроженца съ острова

Майорки, Хапме. Онъ и его сподвижники принялись за мореходство въ томъ видѣ, въ какомъ они его нашли, съ цилиндрическими картами, и подвинули его такъ далеко, что въ рукахъ португальцевъ оно стало нагляднымъ доказательствомъ высокой степени своего развитія

Мореходство, какъ оно практиковалось въ то время, представляетъ интересъ для изученія. Подъ руководствомъ Гумбольдта въ его замѣчательномъ трудѣ «Examen Critique», ^{Искусство мореходства.} въ которомъ онъ указываетъ на соотношеніе мореходной астрономіи съ потребностями этого вѣка открытій, мы получаемъ возможность разобраться въ сложныхъ задачахъ этого искусства. Эти осложненія были впоследствии выяснены съ специальной точки зрѣнія Наварретомъ, Маргри и новѣйшимъ нѣмецкимъ писателемъ, профессоромъ Эрнстомъ Майеромъ.

Какъ разъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія (1295 г.) Рэймондъ Лулли, или Луллиусъ, далъ морякамъ руководство «Arte de Navegar», ^{«Arte de Navegar» Лулли.} лучше котораго, насколько извѣстно, не появлялось даже во времена Колумба.

Другой учебникъ мореходства, относящійся къ этому времени, былъ написанъ Джономъ Голливудомъ изъ Йоркшайра, который пользовался нѣкоторымъ значеніемъ въ ученомъ мірѣ подъ именемъ Сакробоско, представляющимъ латинскую передѣлку его фамиліи (Holywood). ^{Сакробоско.}

Его «Sphaera Mundi» была напечатана только въ 1472 году, незадолго до пріѣзда Колумба въ Португалію, — трудъ этотъ представляетъ въ сущности поясненіе «Almagest'a» Птолемея. Это была одна изъ тѣхъ книгъ, которыя, по закону, королевскій космографъ Испаніи въ позднѣйшее время долженъ былъ объяснять на своихъ лекціяхъ.

Магнитъ сталъ извѣстенъ въ западной и сѣверной Европѣ уже

Принцъ Генрихъ, Мореплаватель.
(Изъ лѣтописи, хранящейся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ).

въ одиннадцатомъ вѣкѣ, а двумя или тремя вѣками ранѣе встрѣчаются въ книгахъ случайныя указанія на него. Однакоже *Магнитъ.* мы весьма сомнѣваемся, чтобы употребленіе его имѣло широкое распространеніе въ мореходствѣ. Если вѣрить нѣкоторымъ авторамъ, то оказывается, что магнитъ былъ извѣстенъ древнѣимъ обитателямъ Скандинавіи уже въ седьмомъ вѣкѣ. Употребленіе магнита въ Левантѣ, заимствованное, безъ сомнѣнія, у народовъ, плававшихъ по Индійскому океану, относится къ такой древности, которая не поддается точному опредѣленію.

Въ 1200 году знакомство съ магнитной стрѣлкой, перешедшее изъ Китая черезъ посредство арабовъ, стало на столько общимъ *Магнитная стрѣлка.* достояніемъ въ Европѣ, что о ней уже упоминается въ литературѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи объ употребленіи магнитной стрѣлки говорятъ лѣтописцы, писавшіе объ успѣхахъ мореплаванія. Въ четырнадцатомъ столѣтіи предпримчивый духъ каталонцевъ и нормановъ распространилъ сферу своихъ наблюденій отъ Гебридскихъ острововъ на сѣверѣ къ западному берегу тропической Африки на югѣ, и къ западу, на двѣ пятыхъ Атлантическаго океана близъ Азорскихъ острововъ. Путешествія эти были благополучно совершены при помощи направленія магнитной стрѣлки.

Вычисленіе широты не представляло особаго труда и производилось либо посредствомъ наблюденія высоты полярной *Наблюденіи широты.* звѣзды, либо посредствомъ таблицъ солнечнаго склоненія, которое было уже вычислено астрономами того времени. Астролябія, употреблявшаяся для измѣренія высоты звѣздъ, представляла простой аппаратъ, долго бывшій въ ходу у моряковъ Средиземнаго моря; она описана Раймундомъ Лулліусомъ въ послѣдней четверти тринадцатаго вѣка. Ранѣе эпохи Колумба она была нѣсколько усовершенствована *Астролябія.* Іоганномъ Миллеромъ изъ Кенигсберга, который болѣе извѣстенъ по латинскому названію своего роднаго города, т. е. подъ именемъ Регіомонтануса. Быть можетъ, это былъ лучшій астрономъ своего времени и Гумбольдтъ отмѣтилъ важное значеніе его работъ, способствовавшихъ открытіямъ этого вѣка.

Извѣстно съ полной достовѣрностью, что мореходы принца Генриха и даже Колумбъ не употребляли искусственнаго метода для опредѣленія скорости своихъ кораблей. Суда того времени не могли идти съ большою скоростью, и самое большее разстояніе, какое могъ пройти корабль при благоприятныхъ обстоятельствахъ, рѣдко было выше четырехъ миль въ часъ. Песочные часы служили для показанія времени и мореплавателю приходилось складывать—по мѣрѣ того, какъ глазъ замѣчалъ ихъ—числа миль, пройденныхъ кораблемъ отъ одного часа до другого. По этому способу Колумбъ въ 1492 году вычислялъ разстоянія, которыя онъ изъ дня въ день заносилъ въ свой дневникъ. Разумѣется, опытные мореходы опредѣляли относъ судна теченіемъ или вѣтромъ и съ большимъ или меньшимъ

умѣньемъ пользовались различными предосторожностями при лавированіи.

Гумбольдтъ, со свойственнымъ ему глубокимъ пониманіемъ всѣхъ задачъ, относящихся къ океанійскимъ открытіямъ, говоритъ въ своемъ «Cosmos'ѣ», что онъ сдѣлалъ ^{Латъ мореплодовъ.} исторію лага предметомъ особаго изслѣдованія въ шестомъ томѣ своего труда «Examen Critique de l'Histoire de la Géographie», къ сожалѣнію, не вышедшемъ въ свѣтъ; но, очевидно, выводы свои по этому вопросу онъ представляетъ въ своемъ позднѣйшемъ «Cosmos'ѣ».

Быть можетъ, надо удивляться, что обитатели побережья Средиземнаго моря не открыли способа, — нѣсколько топорнаго, — употреблявшагося римлянами во времена республики. Хотя обыкновеніе бросать лагъ еще и понынѣ удержалось на океанійскихъ пароходахъ, но я нахожу, что опытные капитаны съ такою же готовностью полагаются на донесеніе своихъ инженеровъ относительно числа оборотовъ колеса или винта въ теченіе двадцати четырехъ часовъ плаванія. Въ этомъ ихъ предупредили тѣ римскіе республиканцы, которые подвязывали четырехфутовые въ діаметрѣ колеса къ бокамъ своихъ кораблей и приводили эти колеса во вращательное движеніе посредствомъ прохожденія воды черезъ нихъ. Затѣмъ число оборотовъ записывалось посредствомъ аппарата, выбрасывавшаго вслѣдъ за каждымъ оборотомъ камешекъ въ счетную кружку.

Съ того времени, по увѣренію Гумбольдта, вплоть до періода болѣе поздняго, чѣмъ вѣкъ Колумба, и очевидно послѣ возрожденія далекихъ океанійскихъ путешествій, предпринимаемыхъ каталонцами, португальцами и норманами, мореплаватели повидимому не умѣли измѣ-

Астролябія Регіомонтануса.

рять быстроту хода корабля иначе, какъ по глазомѣру. Послѣ Колумба, только въ путешествіяхъ Магеллана мы встрѣчаемъ упоминаніе о приспособленіи въ родѣ лага, которое состояло, по объясненію лѣтописца, изъ системы зубчатыхъ колесъ и цѣпей уложенныхъ на кормѣ корабля.

Таковы были вкратцѣ основы мореходнаго дѣла, которымъ принцъ Генрихъ Мореплаватель обучалъ своихъ матросовъ и которыми болѣе или менѣе руководились мореходы въ эпоху его дѣятельности. Девизомъ принца Генриха было: желать и уметь дѣлать дѣло. Въ немъ соединялось мужество его полу-

Характеръ
принца
Генриха.

Астролябія Регіомонтауса 1468 года.

(По оригиналу изъ музея въ Нюрнбергѣ, воспроизведенному въ книгѣ Э. Майера «Die Hilfsmittel der Schifffahrtskunde»).

англійскаго происхожденія, — вѣдь онъ былъ внукъ Іоанна Гентскаго, — съ выдержкою къ выносливости, прибрѣтенною во время продолжительныхъ столкновеній его родины съ маврами. Онъ былъ выдающимся и величавымъ типомъ этого великаго вѣка открытій. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше Колумба и сдѣлалъ воз-

можной случайную карьеру генуэзца. Онъ умѣлъ управлять людьми и ревностно работалъ для своего дѣла. Онъ слишкомъ уважалъ своихъ сподвижниковъ, чтобы обманывать ихъ, и стремленія его отличались прямотою и высокою честностью. Онъ умѣлъ подбирать и готовить нужныхъ людей и они закалялись въ его школѣ и подъ его руководствомъ. Чтобы отправиться въ море искать жаркій полъ за мысомъ Боядоромъ и смотрѣть безстрашно въ лицо смерти, которая считалась неизбѣжной спутницей такого предпріятія, — требовалась отвага столь же замѣчательная, какъ и для того, чтобы разсѣкать плавучую растительность Саргосскаго моря въ западномъ проходѣ. Надо признать, что онъ раздѣлялъ съ Колумбомъ тѣ стремленія, которыя въ людяхъ, допускавшихъ рабство негровъ, такъ легко переходили въ жестокость. Каждый изъ нихъ былъ убѣжденъ, что поступаетъ справедливо, не давая воли милосердію въ тѣхъ случаяхъ, когда языческая душа обрекалась на пытку.

Только въ 1434 году капитаны принца Генриха окончательно прошли мысъ Боядоръ. Это былъ смѣлый и отважный шагъ въ виду опасности, ко-

*Прохождение
мыса Боядора
въ 1434 году.*

торая повидимому была съ нимъ связана, и совершался онъ подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій принца Генриха. Джилъ Пиннэсъ, по свершеніи этого предпріятія, сталъ героемъ въ глазахъ своего повелителя. Былъ ли когда-либо прежде извѣстенъ этотъ путь? Очевидно не настолько, чтобы пріобрѣсти значеніе, какое вышло на долю предпріятія португальцевъ. И дѣй-

ствительно мы можемъ вернуться къ экспедиціи короагенянина Гапона и по комментаріямъ Карла Миллера и Вивіена Сентъ-Мартена прослѣдить путь этого мореплавателя за Геркулесовы Столбы, къ югу, быть можетъ, до Зеленаго мыса или неподалеку отъ него; по мнѣнію Маіора, это единственный случай, предшествовавшій отважному путешествію за мысъ Боядоръ, хотя и были и попытки доказать, будто путь этотъ совершали генуэзцы, каталонцы и діепшцы.

Набросокъ карты открытій вдоль Африканскаго берега.

По мнѣнію Маіора, карта Марино Сануто 1306 года и такъ называемый Лаурентійскій путеводитель 1351 года скорѣе служатъ выраженіемъ теоретическихъ догадокъ, чѣмъ представляютъ фактъ изъ лѣтописи мореплаванія, такъ какъ въ томъ и въ другомъ случаѣ южная граница Африки обозначена крайне неопредѣленно. Разумѣется, возможно, что нѣкоторыя смутныя свѣдѣнія о восточномъ пути по восточному берегу Африки и о формѣ ея южной оконечности доходили, —

какъ уже было упомянуто,—вмѣстѣ съ другими мореходными свѣдѣніями до обитателей побережья Средиземнаго моря черезъ Черное море. Попытки ученыхъ доказать на основаніи болѣе старыхъ картъ, что вокругъ Африки плавали до эпохи Діаца и Да-Гамы, заставляютъ насъ съ одной стороны обстоятельнѣе провѣрять географическія теоріи, а съ другой—предполагать возможность полученія настоящихъ свѣдѣній черезъ посредство арабовъ. Все это дѣлаетъ неумѣстнымъ самоувѣренный тонъ въ данномъ случаѣ.

Капитаны принца Генриха съ этого времени начали, изъ года въ годъ, смѣло подвигаться впередъ. Папа даровалъ португальской монархіи исключительное право на земли, открытыя по этому не изслѣдо-

Міръ изображенный Фра Мауро въ 1439 г.

ванному пути въ Индію, и повелѣлъ другимъ государствамъ не препятствовать ея движенію впередъ.

Въ 1441 году корабли принца обогнули мысъ Бѣлый и въ слѣдующіе годы продолжали понемногу подвигаться впередъ; въ 1442 году они вывезли въ Португалію нѣсколько негровъ, первыхъ рабовъ, которыхъ увидѣла Европа, какъ полагаетъ Гельпсъ, хотя мнѣніе это можетъ подлежать сомнѣнію.

Динизъ Діацъ (Фернандецъ) дошелъ до Зеленаго мыса въ 1445 году и открытіе, что береговая линія за этимъ мысомъ имѣла общее западное

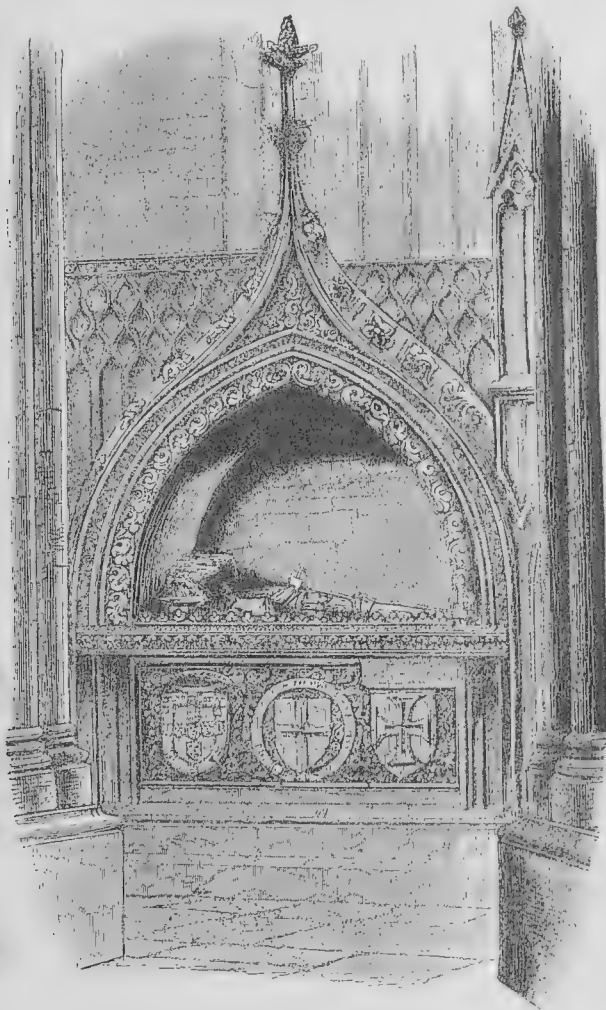
*Мысъ Бѣлый
пройденъ
въ 1441 году.*

направленіе, наполнило сердце этого португальца призрачной надеждой, что наконецъ передъ нимъ открылся путь въ Индію.

Владѣнія мавровъ остались позади и Діацъ присталъ къ берегу страны, населенной неграми.

Зеленый мысъ надеждъ въ 1445 году.

Въ 1455 году венеціанецъ Кадамосто, съумѣвшій талантливо опи-

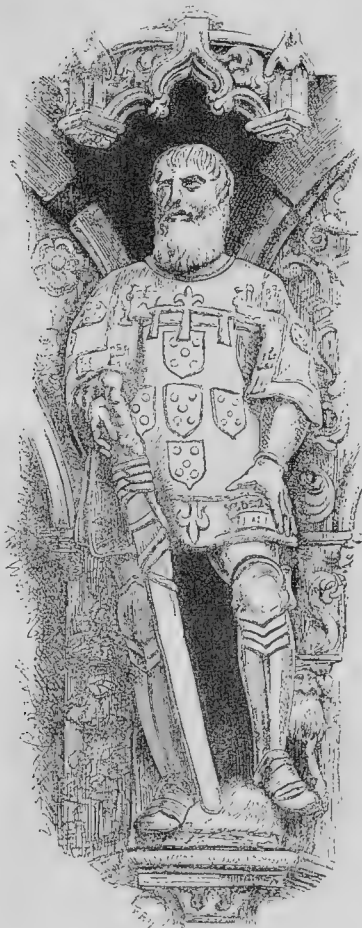
Гробница принца Генриха въ Баталѣ.
(Изъ книги Маіора «Prince Henry»).

сать то, что видѣлъ, по инициативѣ принца Генриха отправился въ новую экспедицію по направленію къ Гамбіи; такъ что европейцы впервые увидѣли созвѣздіе Южнаго Креста. Въ слѣдующемъ году, опять-таки подѣ покровительствомъ принца Генриха,

Кадамосто 1455г.

который снарядилъ одинъ изъ своихъ кораблей, Кадамосто открылъ острова Зеленаго мыса; по крайней мѣрѣ, это явствуетъ изъ его разсказа. Однако же, Маіоръ, слпчая документы, вполне опредѣленно доказалъ, что Кадамосто присвоилъ себѣ славу, принадлежащую другому, и что въ дѣйствительности острова Зеленаго мыса открылъ Діого Гомецъ, въ 1460 году. Въ это второе путешествіе Кадамосто обогнулъ мысъ Роксо и дошелъ до Ріо-Гранде.

Въ 1457 году принцъ Генрихъ, по повелѣнію своего племянника и государя, Альфонса V, отправилъ

Статуя принца Генриха въ Белемъ.
(Изъ книги Маіора «*Prince Henry*»).

Мауро указано также и восточное направление берега за Зеленымъ мысомъ, но лишь въ видѣ сѣверной береговой линіи глубокаго залива, врѣзывающагося въ материкъ. Болѣе южной части придана произвольная форма, чтобы пополнить круговые размѣры карты.

Карты Фра
Мауро въ 1457 г.

новъ въ Венецію для того, чтобы онъ были нанесены на большую ландкарту; работа эта была возложена на Фра Мауро, а ему помогалъ Андреа Біанко, знаменитый картографъ того времени. Эта большая карта была получена въ Португаліи за годъ до смерти принца

и остается памятникомъ его славной дѣятельности (онъ умеръ 13 ноября 1460 г.), свидѣтельствующимъ о его постоянствѣ и главенствѣ. Денежныя траты, которыхъ онъ не жалѣлъ для своихъ предпріятій, роковымъ образомъ запутали его имущественныя дѣла. Смерть его не была похожа на смерть Колумба, явившуюся помраченіемъ, котораго никто не замѣтилъ; онъ продолжалъ жить въ созданной имъ школѣ мореходовъ.

Пламенную увѣренность принца, что на югѣ Африки существуетъ большой мысъ, раздѣляли всѣ его послѣдователи. Фра Мауро придавалъ этой увѣренности еще болѣе вѣроятія на своей картѣ, указавъ, что одна индійская джонка съ востока обошла кругомъ мыса вмѣстѣ съ солнцемъ въ 1420 году. На той же картѣ

что на югѣ Африки существуетъ большой мысъ, раздѣляли всѣ его послѣдователи. Фра Мауро придавалъ этой увѣренности еще болѣе вѣроятія на своей картѣ, указавъ, что одна индійская джонка съ востока обошла кругомъ мыса вмѣстѣ съ солнцемъ въ 1420 году. На той же картѣ

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти принца Генриха (иные полагаютъ, что это было ранѣе) изысканія португальцевъ дошли до Сіерра Леона и за мысъ Мезурада. Когда доходы съ Золотого берега были отданы въ аренду въ 1469 году, то было условлено, что изысканія будутъ подвигаться далѣе къ югу, на триста географическихъ миль ежегодно; а въ 1474 году, когда истекалъ срокъ контракта, Фернамъ Гомецъ, заключившій его, уже на-шелъ золотую розсыпь Ля-Мина, которую Испанія совѣтовала Колумбу обойти, когда въ 1492 году онъ отправился отыскивать западныя земли.

*Сіерра Леона.
Золотой берегъ.*

Ля-Мина.

Таковы были условія мореходства и мореходныхъ подвиговъ въ Португаліи, когда Колумбъ,—приблизительно въ 1473 году,—явился туда. Онъ нашелъ, что страна испытывала такое довольство, благодаря богатой производительности Гвинейскаго берега, что только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ португальцы снова начали двигаться далѣе къ югу. Желаніе распространить христіанство среди язычниковъ, такъ часто высказываемое открывателями пятнадцатаго столѣтія, никогда не было настолько сильно, чтобы золото и жемчугъ не заставили позабыть о немъ.

Глава VI.

Колумбъ въ Португаліи.

Наварреть, Првингъ и другіе авторы болѣе старой школы утверждали, что Колумбъ прибылъ въ первый разъ въ Португалію въ 1470 году; это событіе обыкновенно рассказывалось въ связи съ морскою битвою близъ Лиссабона, во время которой онъ спасся съ горящаго корабля и приплылъ съ помощью весла къ португальскому берегу. Однакоже, по нотаріальнымъ входящимъ реестрамъ въ Италію оказывается, что онъ находился въ этой странѣ 7 августа 1473 года. Правда, мы можемъ допустить съ нѣкоторой натяжкой, что онъ дѣйствительно переселился на жительство въ Лиссабонъ въ 1470 году и только изрѣдка бывалъ на родинѣ въ ближайшіе за этимъ три или четыре года.

*Дата его
прибытія въ
Португалію.*

Морская битва со всѣми подробностями заимствована авторомъ «Historie» 1571 года изъ «*Regum Venitiarum ab Urbe Condita*» Сабелликуса. По словамъ этого автора, Колумбъ является сыномъ младшаго корсара Коломбо, который велъ сраженіе; послѣднее не могло происходить ни въ 1470 году, какъ принято думать, ни въ 1473 — 74 годахъ, когда, по болѣе точному опредѣленію, Колумбъ прибылъ въ Португалію, — такъ какъ извѣстно, что битва эта произошла 22 августа 1485 года. Защитники «Historie», подобно Д'Авзаку, заявляютъ, что въ этомъ разсказѣ просто на-просто смѣшана битва 1485 года съ битвой болѣе ранняго періода и что исторію съ весломъ слѣдуетъ считать однимъ изъ эпизодовъ этой предполагаемой прежней битвы. Дѣло 1485 года завязалось по поводу того, что французскій корсарь, Казанёвъ или Коломбо, захватилъ нѣсколько богато-нагруженныхъ венеціанскихъ галеръ между Лиссабономъ и мысомъ Св. Винцента. Исторія не упоминаетъ о какомъ-либо другомъ дѣлѣ подобной важности, которое подало бы поводъ къ бѣгству вѣлавы, и разсказъ, заключающійся въ «Historie» представляется, можетъ быть, просто догадкой.

Райдонъ Броунъ въ введеніи къ своему многотомному «*Calendar of State Papers in the Archives of Venice*» приписываетъ Колумба къ этой морской битвѣ единственно на основаніи ука-

*Предполагае-
мая морская
битва.*

заній «Historie», въ чемъ онъ позднѣе признался Гарриссу. Ирвингъ отвергъ этотъ рассказъ. Сомнѣваться въ его противорѣчійхъ и анахронизмахъ, кажется, невозможно, а, рѣшившись отбросить его, мы снова должны обратиться къ даннымъ нотаріальныхъ записей Пталіи, по которымъ намъ остается принять 1473—1474 года за дату прибытія Колумба въ Португалію. Хотя Ирвингъ и отвер- Вѣроятность
прибытія
Колумба въ
1473—1474 г. гаетъ побочныя обстоятельства, но онъ считаетъ, что Колумбъ прибылъ въ Португалію ранѣе. Тѣмъ не менѣе дата 1473—1474 гг. представляетъ извѣстную долю сомнительности. Вѣдь уже было доказано недавно, что Колумбъ покидалъ Португалію не навсегда, какъ это предполагалось раньше; быть можетъ, со временемъ откроютъ и то, что онъ приплылъ къ берегу съ помощью весла вслѣдствіе какого-нибудь приключенія прежнихъ лѣтъ.

Это прибытіе итальянца въ Португалію, чтобы соединить своей жребій съ судьбою чуждаго народа, заставляетъ вниматель- Итальянца
въ роли мор-
скихъ откры-
сателей. наго изслѣдователя задуматься объ удивительныхъ превратностяхъ, которыя побуждали Пталію снабжать западныя націи многими выдающимися вождями въ дѣлѣ великихъ изысканій пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій, причемъ она не воспользовалась взаимнъ ни малѣйшими территоріальными выгодами. Венеціанцы Кадамосто и Каботъ, генуэзецъ Колумбъ, флорентинцы Веспуччи и Веррацано были, вообще говоря, важнѣйшими изъ великихъ предводителей на пути открытій въ тотъ дѣйственный вѣкъ морскихъ изысканій по темнымъ волнамъ Атлантическаго океана. И лишь Испанія и Португалія, Франція и Англія воспользовались плодами ихъ генія и трудовъ.

Странно также, что за всѣ годы, проведенные Колумбомъ въ Португаліи, нѣтъ ни единого акта изъ его жизни, который можно было бы опредѣлить хронологически съ достовѣрностью, и немногія его дѣйствія могутъ быть засвидѣтельствованы на основаніи неоспоримыхъ документальныхъ данныхъ.

Самые старые изъ его итальянскихъ біографовъ, Галло и его подражатели, рассказываютъ обыкновенно, что Колумбъ отыскалъ своего брата, Бартоломео, который уже основался Занятія
Колумба въ
Португаліи. въ Португаліи и зарабатывалъ свой хлѣбъ составленіемъ картъ и продажей книгъ; естественно и Христофоръ Колумбъ на время занялся тѣмъ же. Мы знаемъ также, что онъ не относился хладнокровно къ неудачамъ своего отца въ Италіи, когда располагалъ своимъ небольшимъ заработкомъ. Мы знаемъ также имена его немногихъ генуэзскихъ товарищей, которые устроились въ Лиссабонѣ для торговли, такъ какъ онъ говоритъ о добротѣ ихъ къ нему и объ оказанной ему помощи (въ 1482 г.), которая, кажется, касалась коммерческихъ рискованныхъ предпріятій.

Кажется, онъ недолго пробылъ здѣсь; когда случилось въ Лисса-

бонѣ событіе, приведшее его къ женитьбѣ, о которой разсказано въ «Historie».

Во время его обычнаго посѣщенія церковной службы въ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ на его набожность обратила вниманіе одна ^{Его} ^{женитьба.} изъ пансіонерокъ этого монастыря и стала преслѣдовать его выраженіями такой страстной любви, что онъ легко поддался ея чарамъ. Женщина эта, по имени Фелипа Моньицъ, говорятъ, была дочерью Катерины Висконти и Бартоломео Перестрелло, дворянина италіанскаго происхожденія, имя котораго связано съ колонизаціей Мадейры и Порто-Санто. Изъ всего, что говоритъ самъ Колумбъ и что дошло до насъ, мы узнаемъ лишь, что въ своемъ завѣщаніи онъ выразилъ желаніе, чтобы служили обѣдни за упокоеніе ея души; она въ это время уже давно умерла и, по словамъ Діега, была похоронена въ Лиссабонѣ. Пмя ея мы узнаемъ впервые изъ завѣщанія Діега въ 1509 году и въ этомъ заключаются рѣшительно всѣ документальныя данныя, касающіяся ея личности. Овiedo и другіе авторы, писавшіе прежде, чѣмъ вышла въ свѣтъ «Historie», упоминали только, что Колумбъ женился въ Португаліи, безъ дальнѣйшихъ подробностей.

Но «Historie» и Ласказасъ, слѣдовавшій по ея стопамъ, не ^{Перестрелло.} вполне удовлетворяютъ нашему любопытству; то же можно сказать въ позднѣйшее время объ Овiedo, о Гомара и Бенцони, которые переписывали свои показанія изъ Овiedo. Здѣсь возникаетъ вопросъ, кто былъ этотъ Бартоломео Перестрелло изъ числа трехъ лицъ того же имени, въ трехъ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Приблизительно около 1420 года или позднѣе старшій изъ этой линіи былъ назначенъ первымъ губернаторомъ въ Порто-Санто, послѣ того, какъ островъ этотъ былъ открытъ одной изъ экспедицій, обходившихъ африканскій берегъ. О немъ сложилась легенда, что онъ привезъ туда нѣсколько кроликовъ и послѣдніе расплодились въ такомъ количествѣ, что заняли весь островъ и вытѣснили его поселенцевъ! Такая генеалогическая справка объ этомъ старѣйшемъ Перестрелло свидѣтельствуетъ противъ предположенія, что онъ былъ отцомъ Фелипы Моньицъ, а скорѣе показываетъ, что отъ второй жены, по имени Изабеллы Моньицъ, онъ имѣлъ второго Бартоломео, въ свою очередь сдѣлавшагося отцомъ нашей Фелипы Моньицъ. Свидѣтельство Ласказаса, повидимому, говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Если это тотъ самый Бартоломео, который, по достиженіи совершеннолѣтія, былъ назначенъ правителемъ въ Порто-Санто въ 1473 году, то едва-ли у него могла быть дочь достаточно взрослая, чтобы выйти замужъ въ 1474—1475 годахъ.

Первый Бартоломео, если только онъ былъ тестемъ Колумба, повидимому, умеръ въ 1457 году и ему наследовалъ по управленію островомъ Порто-Санто въ 1458 году его другой зять, Педро Корреа да-Кунха, женатый на его дочери отъ перваго брака,—по крайней мѣрѣ,

это одна изъ версій этой сложной генеалогіи,—и которому въ 1873 году наследовалъ второй Бартоломео.

Графъ Бернардо Палластрелли, новѣйшій отпрыскъ этой фамиліи, въ недавнее время пытался прослѣдить родословную жены Колумба въ своемъ трудѣ «Il Suo ceto e la Moglie di Cristoforo Colombo» (2-е изд., Піаченца, 1876 г.). Онъ провѣрилъ доводы Гарриса, который вообще склоненъ думать, что жена Колумба была дочерью нѣкоего Васко Джилля Моньица, сестра котораго вышла замужъ за Перестрелло, упоминаемаго въ «Historie». Слѣдуетъ замѣтить, что въ завѣщаніяхъ Діего Колумба она называется, въ одномъ (1509 г.) Филиппа Моньицъ, а въ другомъ (1523 г.), — Филиппа Муньицъ, безъ прибавленія «Перестрелло». Съ другой стороны, по генеалогической таблицѣ въ монографіи графа, Фелиппа оказывается дочерью Пзабеллы Моньицъ, второй жены Бартоломео Палластрелли, сына Фелиппы, переселившагося въ Португалію нѣсколько позже 1371 года изъ Піаченцы, въ Италію. Бартоломео былъ однимъ изъ сподвижниковъ принца Генриха и послѣдній поручилъ ему устройство колоніи въ Порто-Санто, въ 1425 году, а впослѣдствіи онъ былъ назначенъ губернаторомъ этого острова (1446 г.). Вопросъ этотъ заключается въ себѣ не мало сомнительныхъ данныхъ.

Плодомъ этого брака былъ единственный сынъ, Діего, по время его рожденія не извѣстно въ точности. Различныя со- ^{Рожденіе сына Колумба, Діего} бытія показываютъ, что онъ родился между 1475 и 1479 годами. Бракъ Колумба съ доньей Фелиппой, вѣроятно, былъ заключенъ въ Лиссабонѣ и никакъ не ранѣе 1474 года, что не трудно согласить съ годомъ (1473—1474), теперь принятымъ за дату его прибытія въ Португалію. Полагаютъ, что Діего родился въ то время, когда Колумбъ жилъ въ Порто-Санто, гдѣ у его жены было имѣніе; но Гаррисъ сомнѣвается въ возможности утверждать такой фактъ, относительно котораго не имѣется никакихъ данныхъ, помимо своего рода догадки Ласказаса, будто бы слышавшаго объ этомъ отъ Діего.

Съ исторіей женитьбы Колумба, какъ она рассказана въ «Historie» и затѣмъ у Овiedo, приводится въ связь и то, что ^{Рукописи Перестрелло.} Колумбъ нашелъ въ бумагахъ своего покойнаго тестя, Перестрелло, тѣ документы и карты, которые навели его на мысль о западномъ пути въ Азію. Въ такомъ случаѣ, это быть можетъ и побудило его обратиться къ Паоло Тоскапелли, послѣдствіемъ чего было то знаменитое письмо, которое, по мнѣнію ученыхъ, имѣло рѣшающее вліяніе на Колумба.

Фактъ подобнаго отношенія между Колумбомъ и Перестрелло кажется сомнительнымъ, точно также какъ и другой случай, ^{Рассказъ о матросѣ, умершемъ въ домѣ Колумба.} нерѣдко отмѣчаемый біографами Колумба: будто бы одинъ старый морякъ, вернувшійся изъ отважнаго путешествія на западъ, нашелъ пріютъ въ домѣ Колумба и здѣсь умеръ, но передъ

смертью повѣдалъ ему тайну объ открытой имъ землѣ на западѣ. Этого разсказа нѣтъ ни у одного изъ авторовъ до Гомары (1552 г.), а Бенцони предупреждаетъ насъ, что Гомара просто на-просто придумалъ эту исторію съ цѣлью «умалить безсмертную славу Христофора Колумба, такъ какъ для многихъ было невыносимо сознать, что чужестранецъ и италіанецъ достигъ такихъ почестей и такой славы, не только въ испанскомъ королевствѣ, но также и у другихъ націй свѣта».

Однакоже, благодаря движенію, вызванному юнымъ искусствомъ книгопечатанія, умы въ это время стали живѣе относиться, чѣмъ нѣсколько вѣковъ назадъ, къ изслѣдованіямъ космографическихъ вопросовъ. Труды древнихъ географовъ какъ разъ въ это время стали печататься одинъ за другимъ, главнымъ образомъ въ Италіи, а обмѣну мыслей между этой страной и Португаліей помогала заманчивость открытій Португаліи. Колумбъ находился еще въ Италіи, когда стали распространяться сочиненія Помпонія Мелы съ перваго же изданія на латинскомъ языкѣ, напечатаннаго въ Миланѣ, въ 1471 году, за которымъ вскорѣ послѣдовали другія изданія въ Венеціи. Книга «De Situ Orbis» Страбона вышла также въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ уже въ 1469 году, и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ она нѣсколько разъ перепечатывалась въ Римѣ и Венеціи. Тогда же появилось въ печати, въ Нюрнбергѣ, и ученіе о шарообразности земли въ поэмѣ Маниліуса, излюбленное монахами въ средніе вѣка, долгое время повторявшими это ученіе въ своихъ трудахъ. Вскорѣ затѣмъ вышелъ въ свѣтъ «Polyhistor» Солинуса. Латинскій переводъ Птолемея былъ сдѣланъ еще въ 1409 году, но въ печати онъ появился позже всего остального, а именно въ 1475 году. Это были изданія итальянскихъ и германскихъ печатныхъ станковъ, привлекавшія вниманіе ученыхъ Португаліи, этой страны новыхъ предпріятій, когда Колумбъ выступилъ среди нихъ, и на него они оказали громадное вліяніе.

Неизвѣстно, когда именно, но нѣсколько ранѣе этого, Альфонсъ V, король Португаліи, пожелалъ достовѣрно узнать черезъ посредство монаха Фернандо Мартинца (Фернама Мартинса), что могли значить слухи о теоріи Тосканелли относительно западнаго пути въ Индію. На этотъ запросъ Тосканелли отвѣтилъ Фернандо Мартинцу (25 іюня 1474 г.) нѣсколькими днями ранѣе, чѣмъ Тосканелли, получилъ подобный же запросъ, посланный во Флоренцію отъ самого Колумба чрезъ посредство стараго флорентинскаго купца, проживавшаго въ Лиссабонѣ. Повидимому, Колумбу ничего не было извѣстно о перепискѣ Мартинца съ Тосканелли; посланіе же, отправленное генуэзцемъ къ флорентинцу, явилось простымъ слѣдствіемъ тѣхъ самыхъ ходячихъ слуховъ о взглядахъ Тосканелли, которые обратили на себя вниманіе короля. И такъ, отвѣчая Колумбу, Тосканелли, послѣ обычнаго въ писъмахъ обращенія къ адресату, сообщилъ генуэзцу копію съ письма, которое, по

*Помпоній
Мела, Страбонъ
и др.*

*Маниліусъ,
Солинусъ,
Птоломей.*

*Теорія
Тосканелли.*

*Письмо
Тосканелли
къ Колумбу.*

его словамъ, онъ отправилъ «за нѣсколько дней передъ тѣмъ» къ Мартинецу. Въ письмѣ этомъ указывался планъ западнаго открытія; но трудно установить съ полною достовѣрностью настоящее значеніе, какое могло имѣть письмо Тосканелли на развитіе идей Колумба. Если Колумбъ прибылъ въ Португалію только въ 1473—74 годахъ, какъ это кажется вѣроятнымъ, то можно съ меньшей увѣренностью предполагать, что у Колумба зародилась его идея ранѣе, чѣмъ разнеслась молва о теоріи Тосканелли. Какъ бы то ни было, письмо флорентинскаго врача должно было укрѣпить генуэзца въ его намѣреніяхъ.

Такъ какъ Тосканелли въ это время было уже семьдесятъ семь лѣтъ, такъ какъ вѣра въ шаровидность земли не была въ то время исключительнымъ явленіемъ, а теорія относительно западнаго пути на востокъ представлялась необходимымъ послѣдствіемъ такихъ взглядовъ, которыхъ держались мыслящіе люди, то едва ли можно отрицать, что сокровенное убѣжденіе въ существованіи западнаго пути нуждалось только въ энергичномъ умѣ для своего теоретическаго развитія и въ отважно-предпримчивомъ геніи для подтвержденія его вѣрности. Идея эта нашла себѣ выразителя въ Тосканелли, а опытное подтвержденіе ея ждало появленія Колумба — оба они были итальянцы; но Гумбольдтъ доказываетъ, что, вѣроятно, флорентинецъ, передавая свои мысли Колумбу, припималъ его за португальца.

Письмо это стало извѣстно въ 1571 году; оно приведено въ «*Historie*» на итальянскомъ языкѣ, но, кажется, переводъ сдѣланъ не точно и съ массой добавленій. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію мы приходимъ, сличая итальянскій текстъ съ латинскимъ текстомъ; какъ предполагаютъ, на латинскимъ языкѣ и былъ написанъ оригиналъ письма, открытый не такъ давно въ рукописи самого Колумба, на чистомъ листкѣ экземпляра Aeneas Sylvius'a (1477), когда-то принадлежавшаго Колумбу и до сихъ поръ хранящагося въ Колумбовой библіотекѣ, въ Севильѣ. Письмо, приводимое въ «*Historie*», снабжено предварительнымъ объясненіемъ, въ которомъ говорится, что копія была послана Колумбу по его требованію и что сперва она была отправлена на имя Мартинеца нѣсколько «ранѣе кастильскихъ войнъ». Насколько позже 25 іюня 1474 года копія эта была послана Колумбу и когда она имъ была получена, нѣтъ возможности опредѣлить съ точностью; само по себѣ обстоятельство это показываетъ, что Колумбъ прибылъ въ Португалію гораздо раньше.

Преувеличенно-роскошное описаніе чудесъ Азіатской области въ письмѣ Тосканелли въ тотъ вѣкъ не возбуждало подозрѣнія въ легковѣріи. Путешественники могли разсказывать тогда какія угодно басни въ полной увѣренности, что ихъ никто не разоблачитъ, подобно тому, какъ въ наше время никто не разоблачаетъ тайны Цунпи.

Двѣсти городовъ, гдѣ мраморные мосты были переброшены черезъ одну единственную рѣку и гдѣ торговля могла насытить корыстолюбіе

*Мечты
Тосканелли
о Востоке.*

всего міра—являлись такой сказкой, которая приводила въ возбужденіе многочисленные кружки слушателей въ приморскихъ городкахъ побережья Средиземнаго моря, гдѣ постоянно проходили бродячіе вѣстовщики чудесъ. Были здѣсь такіе путешественники, рассказы которыхъ Тосканелли прочиталъ, и такіе, рассказы которыхъ онъ слышалъ отъ нихъ самихъ, и эти послѣдніе самоувѣренно прибавляли новыя чудеса къ небылицамъ прежнихъ повѣствователей.

Колумбъ, подобно всѣмъ другимъ, поддавался вліянію этихъ сказокъ, и онъ ничуть не потеряли своей живости, дошедши до него подновленными любознательнымъ умомъ флорентинскаго врача. Карта, которая была проложена къ письму Тосканелли и служила иллюстраціей къ его свѣдѣніямъ объ азіатскомъ берегѣ, лежащемъ насупротивъ испанскаго берега, не дошла до насъ, но были сдѣланы различныя попытки для ея возстановленія, какъ показываетъ прилагаемый здѣсь рисунокъ. Если только когда-нибудь она будетъ найдена, то представитъ драгоцѣнный памятникъ, заслуживающій изученія, какъ отраженіе въ болѣе сжатомъ представленіи, чѣмъ это выражено въ текстѣ письма, идей, какія воспринялъ умъ одного изъ самыхъ ученыхъ космографовъ своего времени благодаря смѣшаннымъ доводамъ науки и воображенія.

Говорятъ, будто даже въ наше время, когда впервые зародилась мысль относительно возможности проложить атлантической телеграфный кабель, иные серьезно увѣряли, что на полпути его протяженія можетъ быть устроена станція, на островѣ Жаке, одномъ изъ тѣхъ средневѣковыхъ химерическихъ острововъ, которые исчезли съ нашихъ океанійскихъ картъ лишь въ новѣйшее время.

Точно такимъ же образомъ всѣ эти вѣрованія въ существованіе Антильскаго острова и многихъ другихъ химерическихъ земель помогали этимъ мечтателямъ-открывателямъ строить планы опаснаго путешествія далеко въ открытое море горгонъ и ужасныхъ химеръ. Карта Тосканелли имѣла цѣлью направлять путь того, кто бы отважился пройти по этой дорогѣ такъ, чтобы, въ случаѣ крушенія его кораблей, онъ могъ найти безопасную гавань на Антильскомъ островѣ и на другихъ подобныхъ островахъ.

Фердинандъ утверждалъ, что въ бумагахъ своего отца нашелъ нѣсколько указаній, которыя онъ почерпнулъ изъ Аристотеля о путешествіяхъ кареагенянъ на Антиллию; основываясь на этихъ данныхъ, португальцы нанесли этотъ островъ на свои карты на широтѣ Лисабона, указывая, что онъ былъ занятъ ими въ 714 году, когда Испанію покорили мавры. Даже во времена принца Генриха, если только вѣрить лѣтописямъ, островъ этотъ посѣщался португальскими кораблями. Онъ находится также на картѣ Біанко 1436 года.

Немногія изъ историческихъ изслѣдованій представляютъ болѣшій интересъ, чѣмъ тѣ, которыя касаются фантастическихъ и сказочныхъ острововъ моря Тьмы. Они имѣютъ

*Западный
путь.*

*Антильскій
островъ.*

*Сказочные
острова
Атлантическаго
океана.*

ховъ. Отчасти то были воздушныя созданія народной миеологiи, теряющейсѣ въ незапамятной старинѣ и получившей разнообразную окраску отъ народнаго воображенія послѣдующихъ поколѣнiй. Предметъ этотъ не относится къ области географiи, хотя онъ и входилъ во всѣ обзоры средневѣковаго землевѣдѣнiя, и разъясненiе его тѣсно связано съ картами четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ, а миеическiе слѣды этихъ картъ усматриваются на лучшихъ картахъ, по которымъ обучалось еще нынѣ живущее поколѣнiе.

Помѣстить островъ ирландскаго святаго Брендана, — приходъ послѣд-
Островъ Святого Брендана няго съ его монахами относится къ шестому вѣку, — въ списокъ острововъ, значитъ переноситъ географiю въ тотъ мiръ чудесъ, который удовлетворилъ бы монаха Филопонуса и прочихъ легковѣрныхъ распространителей сказокъ, цѣпляющихся за края исторической области. Но вѣра въ этотъ островъ жила очень долго и подчасъ видѣнiе его представлялось глазамъ моряковъ даже прошлаго столѣтiя.

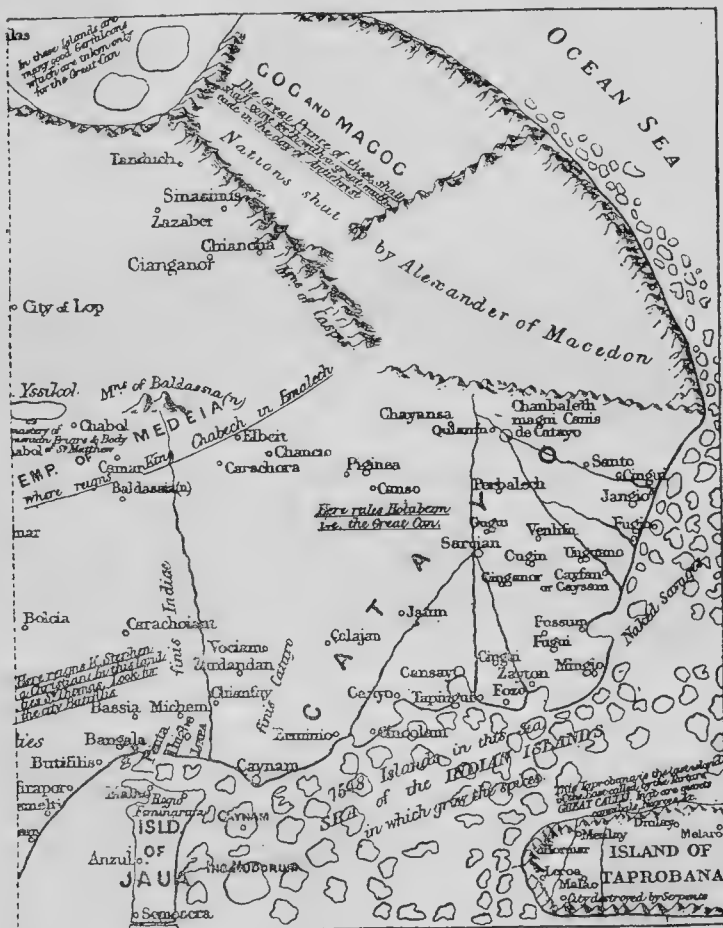
Великiй островъ Антиллiя или Семь Городовъ, о которомъ упоминалось уже, былъ, сколько намъ извѣстно, впервые на-
Антиллiя или Семь Городовъ несенъ на карту, вышедшую въ Веймарнѣ, въ 1424 году, и въ легендахъ этотъ островъ выставляется убѣжищемъ нѣсколькихъ испанскихъ епископовъ, бѣжавшихъ отъ побѣдоносныхъ мавровъ въ восьмомъ вѣкѣ. Любознательные умы никогда не оставляли совершенно вопроса объ этомъ островѣ и думали даже, что его видѣли португальцы незадолго до того времени, какъ родился Колумбъ. Такъ и Петеръ Мартиръ, по возвращенiи Колумба изъ его перваго путешествiя, вообразилъ, что открытыя адмираломъ земли были въ дѣйствительности островъ Антиллiя и прилежащая къ нему группа малыхъ острововъ; фантазiя эта упрочилась послѣ того, какъ Уайтфлитъ и Ортелiусъ дали архипелагу Западной Индiи популярное названiе Антильскихъ острововъ.

Другимъ призрачнымъ видѣнiемъ острова, представлявшаго псевдо-
Островъ Бразилiя географическое государство, была плавучая земля меньшихъ размѣровъ, весьма непостоянная по своему положенiю, которую всегда обозначали именемъ, получившимъ въ позднѣйшее время постоянную форму въ словѣ Бразилiя. Мы можемъ прослѣдить за нимъ въ путеводителяхъ половины четырнадцатаго столѣтiя; и островъ этотъ еще двадцать или тридцать лѣтъ назадъ встрѣчался на картахъ Великобританскаго адмиралтейства. Англичане посылали экспедицiи изъ Бристоля за поисками этого острова въ то время, какъ Колумбъ пытался оправдать свои предположенiя, а Каботъ нѣсколько позднѣе явился исполнителемъ другихъ изысканiй.

Первые путешественники, возбудившие интересъ въ Тосканелли, на именъ которыхъ онъ, вѣроятно, первый обратилъ вниманiе Колумба, были Марко Поло, сэръ Джонъ Мандвилль и Николай ди-Конти.
Путешественники по Востоку

своемъ путешествіи въ Китай. Вопросъ этотъ занималъ всѣхъ его издателей и плѣнилъ критическую проницательность Д'Авзака. Теперь почти не подлежитъ сомнѣнію, что подлинникъ былъ написанъ по французски.

У самого Колумба нѣтъ ссылокъ на путешествія Марко Поло по Азіи, но можно съ достовѣрностью признать его знакомство съ пол-

Восточная Азія, Каталонская карта, 1375 г.
(Изъ «Cathay» Гула, т. I).

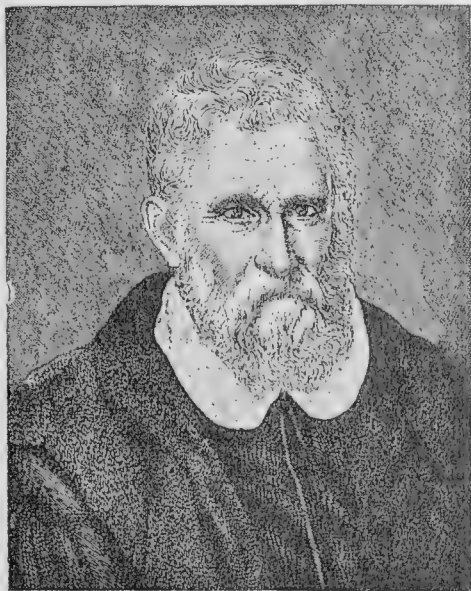
ною чудесъ книгою венеціанскаго наблюдателя. Послѣдовавшее за первымъ продиктованнымъ подлинникомъ появленіе въ нѣсколькихъ копіяхъ книги «Milione», а затѣмъ пересмотрѣнный въ 1307 году экземпляръ ея, разумѣется, не могли доставить широкую извѣстность его разнообразнымъ рукописнымъ экземплярамъ, все равно, на латинскомъ или италіанскомъ языкѣ. Очевидно, Колумбъ не могъ также

пользоваться и первымъ печатнымъ изданіемъ книги, потому что оно вышло на нѣмецкомъ языкѣ въ 1477 году. Но весьма возможно, что книга эта, вышедшая въ Нюрнбергѣ, стала извѣстна Мартину Бегему, нюрнбергцу, жившему въ Лиссабонѣ и близко знавшему Колумба. Нахожденіе въ Колумбовой библіотекѣ, въ Севильѣ, экземпляра перваго печатнаго изданія на латинскомъ языкѣ (1485 г.) съ примѣчаніями, сдѣланными, повидимому, рукой Колумба, должно служить доказательствомъ, что по крайней мѣрѣ въ позднѣйшіе годы своихъ занятій онъ не остался чуждъ вліянію Марко Поло; и Наварретъ, быть можетъ, справедливо утверждаетъ, что рукопись этой знаменитой книги находилась постоянно подъ руками у Колумба во время его перваго путешествія въ 1492 году.

Въ то время, когда Гумбольдтъ высказалъ сомнѣніе по поводу знакомства Колумба съ Марко Поло, объ этомъ со-
кровищѣ Колумбовой библіотеки никому еще

не было извѣстно, и позднѣйшими изслѣдованіями было доказано, что вопросъ этотъ не могъ быть разрѣшенъ, какъ полагалъ Гумбольдтъ, на основаніи того факта, что Колумбъ ссылается на Енея Сильвія относительно Чипанго и не цитируетъ Марко Поло.

Колумбъ не говоритъ также о путешествіи и удивительныхъ разсказахъ сэра Джона МанDEVИЛЛЯ, которые дошли до по-
колѣнія, начинавшаго забывать разсказы Марко Поло, и удовлетворяя страсти къ чудесному, скоро открыли широкій просторъ причудливымъ фантазіямъ англійскихъ рыцарей. Однако, самое отсутствіе положительныхъ данныхъ, удовлетворяющее Гумбольдта по отношенію къ Марко Поло, едва-ли можетъ считаться достаточнымъ доказательствомъ того, что Колумбъ находился въ невѣдѣніи относительно чудесъ, какія, быть можетъ, возбуждали интересъ европейцевъ къ диковинамъ Востока болѣе, чѣмъ разсказы какого-бы то ни было другого путешественника. И дѣйствительно, Бернальдець заявляетъ,

Марко Поло.
(Съ оригинала въ Римѣ).

Сэръ Джонъ
МанDEVИЛль.

что Колумбъ читаль Мандевилля, рассказы котораго были впервые напечатаны во Франціи, въ Лионѣ, въ 1480 году, черезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи Колумба въ Португалію.

Еще при жизни Тосканелли, незадолго до 1420 года, во Флоренцію прибылъ Николо ди-Конти, родомъ венеціанецъ, прожившій четверть вѣка на дальнемъ Востокѣ. Въ новыхъ диковинныхъ рассказахъ Конти флорентинскій ученый увидѣлъ обновленіе чудесъ, повѣданныхъ Марко-Поло. Безъ сомнѣнія, отъ Конти Тосканелли узналъ и о западномъ путешествіи, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ посланіи къ Колумбу, какъ о фактѣ, сообщенномъ ему однимъ вернувшимся путешественникомъ.

Папа Евгеній IV незадолго до рожденія Колумба заставилъ Конти рассказать о видѣнномъ имъ Поджіо Браччіолини. Писецъ извлекъ, что могъ, изъ этихъ чудовищныхъ рассказовъ, и перевелъ ихъ на латинскій языкъ. Въ этомъ видѣ Колумбъ, по всей вѣроятности, познакомился съ повѣствованіемъ Конти нѣсколько позже. Свѣдѣніями, сообщенными Конти, ревностно воспользовались космографы того времени, и полковникъ Іуль, англійскій писатель о древнемъ Китаѣ, полагаетъ, что Фра Мауро для своей карты получилъ отъ Конти гораздо больше данныхъ, чѣмъ путешественникъ этотъ открылъ Поджіо.

Въ то время, когда было написано къ Колумбу извѣстное письмо Тосканелли, послѣдній слылъ за ученаго, занимавшагося земными и небесными явленіями. Въ 1463 году Региомонтанусъ посвятилъ ему свой трактатъ о квадратурѣ круга. Онъ былъ, какъ уже сказано, семидесятисемилѣтній старикъ, когда Колумбъ вступилъ съ нимъ въ переписку. Судьба не дала ему дожить до осуществленія своихъ физическихъ теорій. Діацомъ и Колумбомъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1482 году.

Двое изъ современныхъ писателей—Антоніо Галло и Джустиніани, комментаторъ псалмовъ, — полагаютъ, что Бартоломео Колумбъ, братъ Христофора, побудилъ послѣдняго провѣрить свои предположенія относительно западнаго пути. Недавно Г. Гротъ утверждалъ въ своемъ трудѣ «Leonardo da Vinci» (Берлинъ, 1874 г.), что это случилось какъ разъ въ то время, когда знаменитый художникъ велъ съ Колумбомъ переписку о западномъ пути въ Азію. Но здѣсь нѣтъ особой надобности ссылаться на другихъ защитниковъ мнѣнія, которое постоянно находило себѣ выразителей на ряду съ историческими фактами, заслуживающими полного довѣрія. Заслуга идеи отнюдь не принадлежала Колумбу; онъ просто завладѣлъ преданіемъ, чего не сдѣлали другіе, и удивительно, какъ Наварреть, цитируя письменное удостовѣреніе Фердинанда и Изабеллы отъ 8 августа 1497 г., что открытіе Колумба было его личнымъ дѣломъ, не видитъ, что монархи эти восхваляли отважный и, какъ въ то время думали, до безумія смѣлый подвигъ осуществленія идеи, а вовсе не самую идею.

Изъ «Historie» мы узнаемъ, что авторъ ея нашелъ въ бумагахъ Колумба доказательство, будто увѣренность его въ существованіи западнаго пути имѣла за себя основанія въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ, воспринятыхъ его умомъ. Основанія эти удобно подраздѣляются на три группы: во-первыхъ, выводы изъ научныхъ изслѣдованій, выраженные въ мнѣніяхъ Птолемея, Маринуса, Страбона и Плинія; во вторыхъ, мнѣнія, получившія большее значеніе, благодаря авторитету знаменитыхъ писателей, причемъ онъ ссылается на труды Аристотеля, Сенеки, Страбона, Плинія, Солинуса, Марко Поло, Мандевилля, Пьера д'Айльи и Тосканелли; и въ третьихъ, рассказы моряковъ о земляхъ и указанія земель на западѣ.

*Колумбъ
выставляетъ
долоды своей
уверенности въ
существованіи
западнаго пути.*

Изъ суммы этихъ взглядовъ и мнѣній Колумбъ постепенно составилъ свои собственные мнѣнія, но ни въ одномъ изъ нихъ онъ не былъ правъ, за исключеніемъ мнѣнія относительно шарообразности земли; послѣднее же было убѣжденіемъ всѣхъ образованныхъ людей, съ давнихъ поръ занимавшимъ даже умъ народа.

Понятіе грековъ о плоскомъ видѣ земли, на которое указываютъ поэмы Гомера и Гезіода, стало уступать мѣсто смутному представленію объ ея сферичности въ періодъ, который никто не можетъ указать съ точностью, хотя небезызвѣстно, что уже въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. пифагорейцы учили въ Италіи, что земля шарообразна. Теорія шарообразности земли и ея уясненія у грековъ переходили изъ поколѣнія, въ поколѣніе будучи санкціонированы Платономъ и другими величайшими мыслителями. Въ четвертомъ вѣкѣ Аристотель и другіе, наблюдая тѣнь луны во время затмѣнія, а также восхожденіе и захожденіе небесныхъ тѣлъ подъ различными широтами, вполне удовлетворительно доказывали, что земля кругла; Эратосеенъ первый измѣрилъ градусъ широты въ третьемъ вѣкѣ; Гиппархъ во второмъ вѣкѣ раньше всѣхъ установилъ общія географическія основанія; а во второмъ вѣкѣ христіанской эры Птоломей формулировалъ для послѣдующихъ временъ общія основы вѣрованія, переходившаго изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ продолженіе всѣхъ этихъ вѣковъ вѣрованіе это было достояніемъ ученыхъ. Изъ показанія Аристотеля видно, что теорія шарообразности земли была новостью въ его время; но уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. она обратила на себя вниманіе въ поэмѣ Аратуса, а приблизительно за 200 лѣтъ до Р. Х. Кратесъ наглядно доказалъ теорію шарообразности земли, соорудивъ глобусъ, имѣвшій десять футовъ въ діаметрѣ.

*Передача
этого
вѣрованія.*

Вѣрованіе это перешло въ Италію и къ латинянамъ, и было воспріято Гигинусомъ и Маниліемъ въ царствованіе Августа. Плиній, Цицеронъ, Виргилій и Овидій также вѣрили въ шарообразность земли. Такимъ образомъ вѣрованіе это стало послѣдіемъ ученыхъ въ классическія времена и оно непосредственно соединялось въ умахъ Аристотеля, Эратосеена, Страбона, Сенеки и другихъ съ болѣе или менѣе

ясно выраженнымъ убѣжденіемъ въ возможности западнаго пути изъ Испаніи въ Индію.

Ни одно изъ древнихъ выраженій этого вѣрованія, повидимому, не запало такъ глубоко въ памяти Колумба, какъ выраженіе этого вѣрованія въ «*Medea*» Сенеки; интереснымъ подтвержденіемъ этого факта служить то, что въ названной книгѣ, принадлежавшей его сыну Фердинанду и нынѣ хранящейся въ Севильѣ, мѣсто это подчеркнуто рукою его сына, а въ замѣткѣ на поляхъ книги онъ говоритъ, что пророчество относительно западнаго пути было осуществлено отцомъ его въ 1492 году. Хотя мнѣніе о шарообразности земли было опровергаемо св. Іоанномъ Златоустомъ въ четвертомъ столѣтіи, однако, уже въ V-мъ вѣкѣ св. Августинъ и Псидоръ

Евзема.

держались его въ своихъ ученіяхъ. Кузьма въ шестомъ столѣтіи никакъ не могъ понять, какимъ образомъ, если земля была шаромъ, антиподы могли видѣть Христа во время его пришествія. Это соображеніе явилось для его ума рѣшающимъ относительно вопроса о шарообразности земли. Однако же преподобный Бэдъ въ восьмомъ столѣтіи не остановился передъ такой аргументаціей и училъ, что земля шарообразна. Журдэнъ, новѣйшій французскій ученый, отыскалъ ясное доказательство того факта, что въ теченіе всего средне-вѣковаго періода вѣрованіе въ западный путь поддерживалось благодаря ученію Аристотеля; и намъ извѣстно, какимъ образомъ арабы разрабатывали ученія этого философа, въ свою очередь черезъ Левантъ перешедшія къ народамъ, жившимъ вдоль Средиземнаго моря. Удивительно, что въ то время, какъ Испанія соединила всѣ свои силы для изгнанія мавровъ съ полуострова Иберіи, страна эта также стремилась къ тѣмъ открытіямъ вдоль западнаго пути въ Индію, которыя были почти прямымъ результатомъ космографическихъ ученій Аристотеля и Птолемея, сохранившихся благодаря арабамъ. Вѣрованіе въ землю-шаръ засвидѣтельствовано Дантомъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и было также хорошо извѣстнымъ убѣжденіемъ Аль-

Бэконъ, Альбертъ Великій, Роджера Бэкона и ученыхъ въ тринадцатомъ вѣкѣ. Оно поддерживалось философами, чтившими память этихъ болѣе новыхъ именъ, и оно дошло до Колумба потому, что Пьеръ д'Айльи пользовался сочиненіями Бэкона.

Вѣрованіе въ шаровидность земли необходимо влекло за собою другую увѣренность, а именно, что востокъ можно было найти западнымъ путемъ. Суевѣріе, невѣжество и страхъ должны были значительно увеличивать препятствія къ прохожденію черезъ это ужасное море Тьмы, но во времена Колумба, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи пѣкоторыхъ образованныхъ людей, жила увѣренность въ возможность совершить такое путешествіе и одолѣть препятствія, какія могли бы встрѣтиться на пути.

Правда, что въ этотъ промежутокъ долгихъ вѣковъ по временамъ господствовало недовѣріе къ идеѣ о шаровидности земли. Въ теченіе

долгихъ періодовъ никто не осмѣливался учить этой доктринѣ. Хотя эпикурейцы замѣстили пифагорейцевъ, тѣмъ не менѣе вѣра въ шаровидность земли погибла вмѣстѣ съ учениками Пифагора. Противъ этого ученія высказалась церковь въ дни св. Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви. Безъ сомнѣнія, какъ говоритъ Гумбольдтъ, во все времена были хранители традицій древности, такъ какъ монастыри и коллегіи, даже въ тотъ вѣкъ, когда быть невѣждой считалось болѣе простительнымъ, чѣмъ быть язычникомъ,—были сами по себѣ міромъ обособленнымъ отъ народныхъ массъ, коснѣвшихъ въ умственномъ оцѣпенѣніи. За сто лѣтъ до того, какъ явился Колумбъ,

*Впрямое,
отвергавшееся
церковью.*

наслѣдникомъ
этихъ древнихъ
традицій былъ
епископъ въ Кам-
брѣ, тотъ самый
Пьеръ д'Айльи,
книга
«Imago Mundi»
Роджера
Бэкона.

«Imago Mundi»
(1410) была такъ
часто на устахъ
Колумба и откуда,
по всей вѣроятности,
Колумбъ по-
черпнулъ знаком-
ство съ Аристоте-
лемъ, Страбономъ
и Сенекой и, быть
можетъ, безсозна-
тельно плѣнился,
благодаря этой
книгѣ, философіей
Роджера Бэкона.
Въ «Opus Ma-
jus» этого англій-
скаго философа

(1267) западная Европа познакомилась съ разсказами о «серебряныхъ стѣнахъ и золотыхъ башняхъ» Кинсея, описанныхъ Рубруквисомъ, странствующимъ миссіонеромъ, который въ тринадцатомъ вѣкѣ возбуждалъ алчность купцовъ, ходившихъ по Средиземному морю, своими разсказами о неистощимыхъ сокровищахъ восточной Азіи. Разсказы эти современный читатель можетъ найти въ собраніяхъ Самуила Пурчеа.

Альбертъ Великій.
(Изъ «Icones» Рейснера).

«Opus Majus»
Роджера
Бэкона.

Едва ли Пьеръ д'Айльи обладалъ большими познаніями въ области космографіи. Повидимому, онъ ничего не зналъ о Марко Поло, современникъ Бэкона, и ни словомъ не упоминаетъ о Китаѣ, даже когда отстаиваетъ мнѣнія, заимствованныя у Роджера Бэкона, относительно протяженія Азіи къ западу Европы.

Во время своего пребыванія въ Португаліи Колумбъ познакомился съ «Imago Mundi», вѣроятно, изъ отчета объ этой книги, хотя возможно, что ему попадались ея рукописные экземпляры; д'Айльи появился въ печати послѣ того, какъ Колумбъ уѣхалъ въ Испанію, и первое изданіе «Imago Mundi» вышло въ 1490 г.

Теорія шарообразности земли вызывала одно возраженіе, за которое въ эпоху Колумба рано или поздно должны были ухватиться мыслители. Если, при отправленіи на западъ, корабль опускался вмѣстѣ съ покатою контура земли, то какимъ образомъ могъ онъ подняться на такую высоту на обратномъ пути? — сомнѣніе, не лишенное извѣстнаго основанія въ тотъ вѣкъ, когда существовало самое смутное понятіе о законахъ тяготѣнія, хотя нѣкоторые, подобно Веспуччи, уже предугадывали этотъ фактъ.

Въ половинѣ третьяго вѣка до Р. Х., Эратосеенъ, признавшій шарообразность земли, изучилъ величину окружности земли посредствомъ астрономическихъ методовъ и, согласно объясненію его выводовъ новѣйшими учеными, поразительно близко подошелъ къ нынѣшнему опредѣленію объема земли, такъ какъ погрѣшность его превышала истину, быть можетъ, на одну двѣнадцатую. Вычисленія Эратосеена были одобрены Гиппархомъ, Страбономъ и Плиніемъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ Эратосеена, по новымъ вычисленіямъ Посидонія Родосскаго, величина земли была приведена къ шару, имѣвшему четыре пятыхъ ея настоящаго объема. Наблюдательному уму философовъ было вполне ясно, что часть земли, извѣстная торговому люду и любознательному путешественнику, была лишь небольшою частью того, что оставалось еще узнать. Однако, невѣдомое всегда вселяетъ ужасъ. По направленію къ сѣверу отъ умѣренной Европы встрѣчали увеличивающійся холодъ, по направленію къ югу чувствовали возрастающій жаръ, и для натуралиста было естественно заключить, что существовалъ сѣверъ, гдѣ холодъ невыносимъ, и югъ, гдѣ жаръ слишкомъ силенъ для того, чтобы тамъ возможно было жить. Подобнаго рода мнѣнія задерживали стремленіе къ изслѣдованію даже вплоть до вѣка Колумба и служили къ преувеличенію ужасовъ, такъ долго тормозившихъ изслѣдованіе португальцами африканскаго берега. Однако, по временамъ находились люди, которые, плавая по Индійскому океану, отваживались переходить экваторъ.

Слѣдовательно, еще до временъ Колумба на востокъ и на западъ, въ умѣренной полѣ, люди пытались проникнуть за предѣлы обитаемыхъ областей. Страбонъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. опредѣлилъ протяженіе этой обитаемой зоны въ 120 градусовъ

*Шарообраз-
ность и
тяготѣніе.*

*Объемъ
земли.*

*Неисходима
область.*

съ лишнимъ, т. е. равнымъ одной трети окружности земли. По вычисленію Маринуса Тирскаго во второмъ столѣтіи по Р. Х. протяженіе земли имѣло болѣе 225 градусовъ. Этотъ географъ не опредѣлялъ землю пограничную съ океаномъ на востокъ, по нерѣдко космографы, слѣдовавшіе за нимъ, относили отдаленнѣйшія границы Азіи къ нынѣшнему меридіану Сандвичевыхъ острововъ. На западъ Маринусъ отодвинулъ Счастливые острова (Канарскіе) на два съ половиною градуса за мысъ Финистерре, не уяснивъ себѣ ихъ дѣйствительнаго положенія, которое для наиболѣе западнаго изъ нихъ, Ферро, считается около девяти градусовъ за самыми далекими границами материка.

*Вычисленія
Страбона и
Маринуса
объема земли.*

Поясъ извѣстнаго міра, тянувшійся по направленію къ экватору, имѣлъ, по мнѣнію Птолемея, современника Маринуса, около семидесяти девяти градусовъ въ ширину, изъ нихъ шестнадцать лежали къ югу отъ экваторіальной линіи. Такимъ образомъ сокращалось первоначальное исчисленіе Маринуса, допускавшаго въ немъ болѣе восьмидесяти семи градусовъ.

*Мнѣніе
Птолемея.*

Тосканелли считалъ окружность земного шара приблизительно равной 18.000 миль, причемъ ошибка равнялась приблизительно 6.000 миль; а неизслѣдованный океанъ къ западу отъ Лиссабона представлялъ около одной трети этого разстоянія. Другими словами, извѣстный міръ занималъ около 240 градусовъ изъ числа 360 градусовъ, составлявшихъ длину экватора. Немногія изъ разнообразныхъ вычисленій того времени даютъ такіе скудные размѣры этой неизвѣстной линіи. Глобусъ Лаона, сдѣланный черезъ десять или двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти Тосканелли, былъ также очень малъ. Бѣгемъ, который изобразилъ отношенія извѣстнаго круга къ неизвѣстному, лѣтомъ передъ первымъ морскимъ путешествіемъ Колумба, вычислилъ, что извѣстная часть земного шара составляла не болѣе одной трети цѣлаго міра. Притомъ-же было въ обычаѣ ссылаться на видѣнія Ездры, съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ, для подкрѣпленія мнѣнія, что только небольшая часть—шестая—поверхности земного шара покрыта океаномъ.

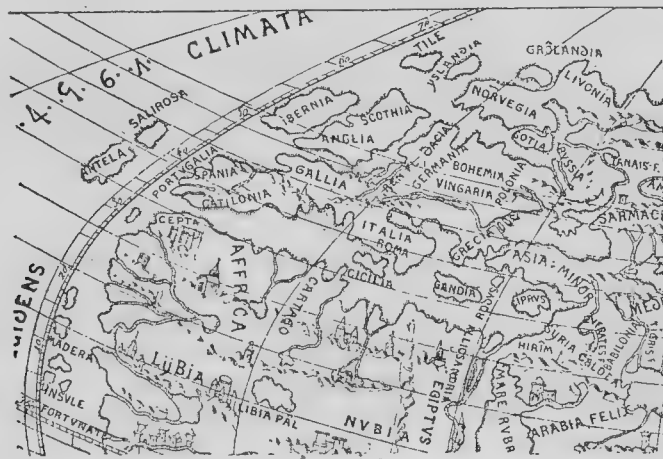
*Мнѣніе
Тосканелли.*

Уму Колумба предстояла задача такого рода: онъ признавалъ теорію подраздѣленія окружности земли на двадцать четыре часа согласно вычисленіямъ Маринуса Тирскаго, такъ какъ этотъ астрономъ предполагалъ, что отъ восточной окраины Азіи до западной оконечности Европы было пятнадцатичасовое разстояніе. Открытіе Азорскихъ острововъ отодвинуло эту извѣстную границу на одинъ часъ далѣе къ солнечному закату, составивъ шестнадцать часовъ, или двѣ трети окружности въ 360 градусовъ. Восемь часовъ или сто двадцать градусовъ должны были представлять разстояніе между Азорскими островами и Азіей. Вычисленіе это на самомъ дѣлѣ ставило Азіатскій берегъ впереди меридіана Калифорніи, вычеркивая протяженіе Тихаго океана на этой широтѣ; въ предположеніи, что вычисле-

*Взглядъ
Колумба.*

ніе Маринуса сдѣлано вѣрно, объемъ земного шара уменьшался значительно въ измѣреніи Колумба. Однако, онъ отвергалъ это. Если въ «Historie» точно переданы мнѣнія Колумба, то онъ утверждалъ, что, по свидѣтельству Марко Поло и Мандевилля, окраина Азіи была отнесена такъ далеко на востокъ, что разстояніе земли по ту сторону составляло болѣе пятнадцати часовъ; и на сколько этимъ увеличивалось разстояніе, на столько же азіатскій берегъ отодвигался ближе къ берегамъ Европы. «Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить,—говорилъ онъ,—что Индія даже приближается къ Испаніи и Африкѣ».

Разумѣется, вычисленіе это основывалось на такъ называемой долготѣ градуса и въ этомъ отношеніи существовало нѣкоторое различіе въ мнѣніяхъ. Тосканелли такъ сократилъ долготу градуса, что береговая линія Китая на его плоскошаріи перерѣзываетъ меридіанъ нынѣшняго Ньюфаундленда.

Глобусъ Лаона. (По Д'Авзаку).

Теперь намъ не трудно представить себѣ, что это невѣрное сокращеніе размѣровъ земного шара, въ точности которыхъ Колумбъ не сомнѣвался, о чемъ самъ заявилъ впоследствии (7 іюля 1503 года), побуждало его двинуться впередъ и явилось полезнымъ заблужденіемъ, заставившимъ и другихъ отважиться на путешествіе съ нимъ. Чтобы изъ какого-нибудь иберійскаго порта пуститься въ плаваніе къ западу на сто двадцать градусовъ, на поиски областей, лежащихъ близъ

великаго китайскаго города Кинзэ или Канфу, Ганчефу и Кингцу, какъ онъ назывался впоследствии, требовалось значительно меньше отваги, чѣмъ для того, что бы пройти дѣйствительное разстояніе въ двѣсти тридцать одинъ градусъ, или хотя бы въ двѣсти четыре градуса, и достигнуть до Чипанго или Японіи. По мнѣнію Тосканелли, какъ мы видѣли, продолжительность опасностей путешествія на западъ сводилась къ незначительной цифрѣ въ пятьдесятъ два

градуса. Такимъ образомъ во многихъ поколѣніяхъ жила болѣе или менѣе сильная увѣренность, что при попутномъ вѣтрѣ пришлось бы не долго плыть на западъ до Китая тому, кто отважится предпринять это путешествіе. Если бы не существовало неодолимыхъ преградъ въ морѣ Тьмы, то было бы не трудно добраться раньше до тѣхъ многочисленныхъ острововъ, которые, какъ предполагали, окаймляютъ берегъ Китая. Кромѣ того, тогда держалась общая увѣренность, что гдѣ-то на этомъ необъятномъ океанѣ лежитъ островъ Чи-панго—цѣль путешествія Колумба. Порой онъ лежалъ ближе, порой—дальше отъ азіатскаго берега. Пинзонъ видѣлъ въ Римѣ, въ 1491 году, географическую карту, на которой онъ былъ нанесенъ довольно далеко отъ берега; и если бы кому нибудь удалось отыскать въ англійскомъ архивѣ морскую карту, при помощи которой Бартоломео Колумбъ поддерживалъ мнѣнія своего брата, надѣясь расположить въ его пользу англійскаго короля, то, по всей вѣроятности, на ней оказалось бы подобное же расположеніе этого вожделѣннаго острова. И такъ здѣсь находилось пространство, большее или меньшее, согласно различнымъ предположеніямъ, лежавшее вдоль этой извѣстной зоны, между извѣстною уже восточною оконечностью Азіи и принятою за наиболѣе отдаленную, западную точкою у мыса Св. Винцента въ Испаніи, какъ полагали во времена Страбона, или у Канарскихъ острововъ, какъ думали въ эпоху Птоломея. То же, что находилось въ этомъ невѣдомомъ пространствѣ между Испаніей и Китаемъ, составляло загадку, надъ рѣшеніемъ которой философы трудились почти также старательно, какъ надъ рѣшеніемъ другой неизвѣстной задачи, которая касалась того, что возможно было бы найти въ южномъ полушаріи, если бы кто-либо отважился вступить въ знойную полосу предполагавшагося экваторіальнаго океана, или въ сѣверныхъ пространствахъ, если бы кто-либо рискнулъ проплыть за арктическій кругъ. Эти любознательные поиски пытливыхъ и образованныхъ умовъ въ первые вѣка христіанской эры были прототипами дѣйствительныхъ изслѣдованій, которыя въ пятнадцатомъ вѣкѣ суждено было предпринять испанцамъ и португальцамъ. Соревнованіе въ торговлѣ, какимъ раньше отличались Генуя и Венеція къ ихъ обоюдной выгодѣ, вслѣдствіе ихъ морскихъ неудачъ въ Атлантическомъ океанѣ перешло къ этимъ двумъ націямъ полуострова, и Англія съ своей стороны недолго отставала отъ нихъ въ стремленіи доставить своему народу преобладаніе на морѣ.

По свойствамъ человѣческой природы эти невѣдомыя страны получили окраску очарованія или ужаса, сообразно съ личными склонностями людей. Нѣтъ надобности далеко искать причину этого. Невѣдомая полоса океанійскихъ водъ была какъ разъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ укрывались горгоны и гдѣ находились острова Блаженныхъ; гдѣ можно было найти матеріалъ для другихъ созданій, олицетворявшихъ собою литературныя и духовныя стремленія, искавшія

*Азіатскіе
острова.*

Чипанго.

*Испанскія и
португальскія
изслѣдованія.*

Море Тьмы.

обитель для своихъ фантастическихъ образовъ. Также присуще чело-
вѣческой природѣ и то, что умъ нашъ обращаетъ себя же на пользу
страхъ, желанія и суевѣрія людей. При совокупности всѣхъ этихъ вѣ-
рованій и догадокъ предполагаемое промежуточное океанійское про-
странство породило въ воображеніи людей мысль о странахъ самаго
разнообразнаго характера; а когда въ дни римской республики люди
дошли до Канарскихъ острововъ, то у нихъ не оставалось ни малѣй-
шаго сомнѣнія, что то были древніе острова Блаженныхъ, но о нихъ
потомъ позабыли и они еще разъ попали въ бездну невѣдомаго.

Впрочемъ, до насъ дошли три легенды изъ классическихъ временъ;
легенды эти ожили благодаря открытію Америки, возбудивъ къ себѣ
новый интересъ въ отвлеченныхъ изысканіяхъ любознательныхъ
ученыхъ. Однимъ изъ доказательствъ недостаточнаго знакомства
Колумба съ классическими авторами, служить то, что онъ не вос-

*Исторія
Атлантиды.*

пользовался этими легендами для подкрѣпленія своихъ
взглядовъ. Наиболѣе постоянно изъ этихъ легендъ, кото-
рая представляетъ загадку для изучающихъ физическую географію, это
исторія объ Атлантидѣ, заимствованная изъ разсказа Платона объ
одномъ преданіи насчетъ острова въ Атлантическомъ океанѣ, существо-
вавшего восемь тысячъ лѣтъ тому назадъ на западѣ, на протувопо-
ложной сторонѣ отъ Геркулесовыхъ Столбовъ; островъ этотъ во время
великаго наводненія опустился въ море, оставивъ посреди океана огром-
ную тинистую отмель, которая препятствовала мореплаванію и уве-
личивала собою ужасы безпредѣльной невѣдомой пучины. Со временъ
Гомары нѣкоторые думали, что сухая и необитаемая земля, найденная
Колумбомъ, и была вновь возставшая изъ волнъ Атлантида и даже въ
семнадцатомъ вѣкѣ географы на картахъ изображали ея провинціи въ
общепринятыхъ предѣлахъ Американскихъ материковъ. Другіе пола-
гали, да нѣкоторые полагаютъ и понынѣ, что Атлантическіе острова
суть лишь вершины этого потонувшаго материка. Нѣтъ ника-
кихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что Колумба смущали
когда-либо эти философскія бредни, хотя бы въ самые тяжелые
моменты его блужданій; также не могъ онъ серьезно ознакомиться
съ Платономъ, напечатаннымъ по латыни,—если только Платонъ
былъ у него въ рукахъ,—прежде, чѣмъ первое изданіе его по-
явилося въ 1483 году, во время пребыванія Колумба въ Португаліи.
Не имѣется свѣдѣній и о томъ, чтобы онъ когда-нибудь упоминалъ о

*Земля Меровъ-
новъ.*

другомъ созданіи фантазіи — о землѣ Меровновъ; о ней
говорится въ мѣстахъ цитируемыхъ Эліаномъ спустя семь-
сотъ лѣтъ послѣ того, какъ Теопомпосъ вызвалъ это видѣніе въ чет-
вертомъ столѣтіи до Р. Х. Равнымъ образомъ Колумбъ, кажется, не
зналъ ничего и относительно великаго Сатурнійскаго материка,
лежавшаго на западѣ отъ Британіи, на пятидневномъ раз-
стояніи, о которомъ разсказывается въ «Mogalia» Плу-
тарха.

*Сатурнійскій
материкъ.*

Передъ нами выдвигается иная задача, если мы перейдемъ отъ этихъ теорій и мечтаній о западныхъ странахъ къ паяматникамъ относительно того, что является какъ бы Путешествія по Атлантическому океану въ древности. Финикиане. попыткой въ самыя древнія времена раскрыть тайну этого промежуточного пространства посредствомъ дѣйствительнаго изслѣдованія. Финикиане перешли за Гибралтарскій проливъ и открыли Гадесъ (Кадиксъ); по всей вѣроятности, они пытались переплыть Атлантическій океанъ за 1100 лѣтъ до Рождества Христова. Быть можетъ, они отправлялись въ Коривалиссъ за оловомъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что они проплывали между Азорскими островами и даже доходили до американскихъ острововъ и до материка, судя по тому, какъ объясняютъ значеніе одного разсказа, находящагося у Діодора Сицилійскаго. Затѣмъ пятьсотъ или болѣе лѣтъ спустя мы видимъ карфагенянъ, отважно пускающихся въ путь за Геркулесовы Столбы; они обгибаютъ берегъ Африки Карфагеняне. подъ предводительствомъ Ганнона, съ цѣлью испытать ужасы экваторіальной жизни, или направляются на западъ подъ предводительствомъ Гамилькара, чтобы подивиться на Сарагосское море. Позднѣе финикиане, повидимому, основались на островахъ противъ сѣверо-западныхъ береговъ Африки. Римляне въ четвертомъ вѣкѣ до Рождества Христова выплывали въ Атлантическій океанъ Римляне. подъ предводительствомъ Питеаса и Эвтимена; одинъ изъ нихъ отважился пройти до Оулы,—что бы то ни было,—на сѣверѣ, а другой до Сенегала на югѣ. Въ томъ же столѣтіи Римъ съ изумленіемъ увидѣлъ какихъ-то невѣдомыхъ дотолѣ варваровъ неизвѣстнаго племени, которые были найдены на берегахъ Германскаго океана, гдѣ римляне потерпѣли крушеніе. Позднѣйшіе авторы вообразили,—потому что нельзя употребить болѣе сильнаго выраженія,—будто бы эти заколдованныя существа были сѣверо-американскіе индійцы или, еще вѣроятнѣе, эскимосы. Около того же времени Серторій, римскій полководецъ въ Испаніи, узналъ, какъ уже было упомянуто, о нѣсколькихъ островахъ съ здоровымъ климатомъ, лежащихъ на западъ отъ Африки, и доставилъ Горацію удобный случай, въ ужасные дни междоусобій, изобразить ихъ какъ убѣжище.

Когда римляне господствовали надъ міромъ, торговля утратила свой характеръ рискованной и предпримчивой дѣятельности, который въ былыя времена подстрекалъ международное соревнованіе. Интересъ къ чудесамъ западнаго океана превратился въ простое дѣло торговой спекуляціи; а дикой фантазіи давался широкій просторъ описывать его ужасы, его злыя силы и его отмели, со смѣнами неба да воды.

Совершенно неизвѣстно, зналъ ли Колумбъ что-нибудь объ этихъ древнихъ преданіяхъ прежнихъ обитателей береговъ Средиземнаго моря. На старыхъ картахъ пятнадцатаго вѣка мало или совсѣмъ не имѣется указаній, чтобы составители или издатели картъ этого рода, дошедшихъ до

Совдѣнія о путешествіяхъ по Атлантическому океану въ древности.

насъ, знали что-либо объ этомъ предметѣ. О работахъ нѣсколькихъ наиболѣе знаменитыхъ картографовъ Колумбъ едва ли могъ не знать

*Карты
XV-го вѣка.*

или не слышать о нихъ въ морскихъ кружкахъ Португаліи; дѣйствительно, португальскіе мореплаватели обязаны больше всего его соотечественникамъ — Марино, Сануто, Пиньяни, Біанко и Фра Мауро — широкимъ картографическимъ распространеніемъ ихъ собственныхъ открытій. Въ тоже самое время не

*Путешествіе
генуэзцевъ
въ 1291 году.*

было недостатка въ легендахъ объ отважныхъ генуэзцахъ, которымъ не всегда покровительствовала удача. Напримѣръ, существовалъ рассказъ о нѣсколькихъ генуэзскихъ смѣльчакахъ, отплывшихъ въ 1291 году на западъ отъ Геркулесовыхъ Столбовъ и не вернувшихся болѣе никогда. Такая же легенда, едва ли ускользнувшая отъ вниманія Колумба, была связана съ именами Тедизіо Доріа и Уголино Вивальди, которымъ не посчастливилось въ ихъ стремленіяхъ найти западный путь въ Индію. Однако же, Гарриссъ, подробно изслѣдовавшій всѣ доказательства въ пользу этого рассказа, не довѣряетъ послѣднему.

Эти рассказы объ опасностяхъ океанійскихъ плаваній, разумѣется, были въ ходу въ приморскихъ портахъ Португаліи.

Гальвано передаетъ намъ подобный рассказъ о португальскомъ кораблѣ, который въ 1447 году присталъ на западъ къ

Антиллія.

острову съ семью городами; здѣсь матросы нашли людей говорившихъ по португальски, сказавшихъ имъ, что они покинули свою родину послѣ смерти короля Родриго. Это упоминавшаяся уже легенда объ Антилліи.

Колумбъ, побывавъ на Канарскихъ островахъ въ первое свое путешествіе, припоминаетъ, какъ во время его пребыванія въ Португаліи кто-то съ острова Мадейры представилъ

*Замѣченные
острова.*

петицію Португальскому королю насчетъ корабля, чтобы отправиться на поиски за землею, случайно замѣченною на западѣ отъ названнаго острова. Небезызвѣстны ему были подобныя же исторіи о такихъ же призракахъ и касательно Азорскихъ острововъ. Рассказъ, также слышанный имъ отъ нѣкогого Антоніо Леме, который будто бы видѣлъ три острова въ трехстахъ географическихъ миляхъ на западъ отъ Азорскихъ острововъ, оказался слѣдствіемъ оптического обмана, вызваннаго плавающей массой морскихъ водорослей.

Подобные рассказы безпрепятственно переносились вокругъ Бискайскаго залива отъ береговъ басковъ; рассказывалась исторія Жака де-Эхандъ, который нашелъ запасы вяленой трески противъ земли, лежащей далеко по направленію къ океану — этотъ подвигъ, какъ полагаютъ, относится къ острову Стокафиксія, который на картѣ

Баски.

Біанко 1436 года показанъ далеко на западѣ. Всѣ эти рассказы досужихъ фантазеровъ о раннихъ посѣщеніяхъ басками американскихъ береговъ обязаны своей исконной заманчивостью ассоціаціямъ извѣстныхъ представленій о замѣчательномъ народѣ.

На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что дерзкая отвага заносила басковъ къ берегамъ Ньюфаундлэнда, быть можетъ, ранѣе времени Колумба.

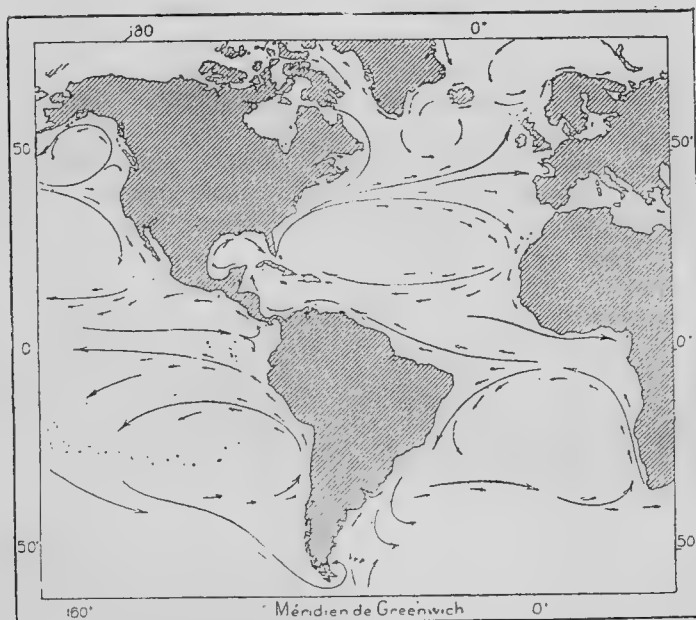
Фруктуозо, писавшій въ 1590 году, заявлялъ, что португальскій мореплаватель Іоаньо Вацъ Кортереаль отплылъ къ тресковому берегу Ньюфаундлэнда уже въ 1464 году, но изъ новѣйшихъ писателей, кажется, только Барроу повѣрилъ этому разсказу; а Биддль и Гарриссъ не находятъ ни-
Впрямое
послѣдствіе
Ньюфаундлэнд-
скихъ от-
мелей.

У Колумба приведенъ разсказъ, — если вѣрить «Historie», — переданный ему матросомъ Санта Марія, какъ этого матроса, во время его путешествія въ Ирландію, отнесло на западъ, и онъ увидѣлъ землю, которая была, по его мнѣнію, Тар-
Предполо-
женіе относи-
тельно того,
что Тартарію
уже видѣли. таріей. О такихъ же наблюденіяхъ Колумбу сообщалъ и Пьетеръ де-Веласко изъ Галиціи; земля эта, по тому, что о ней говорится, повидимому, та самая, которую позднѣе (1500 г.) отыскивали оба Кортереаль.

Исторіи не легко считаться съ преданіями пустившими глубокіе корни. Искусная рука разсказчика полируетъ эти преданія и придаетъ имъ то или иное освѣщеніе. Найти коммента-
Сомнитель-
ность путеше-
стій ранѣе
Колумба. ріи къ какому угодно вопросу вовсе не трудно, если вы умѣете выбрать то, что вамъ надобно, исключивъ все остальное, и результатъ подобной сортировки матеріала часто бываетъ весьма убѣдительно. Историческая правда достигается взвѣшиваніемъ всѣхъ данныхъ, а вовсе не путемъ ассимиляціи того, что легко подходитъ къ дѣлу автора. Почти всѣ эти споры о путешествіяхъ въ Америку до Колумба представляютъ собою комментаріи, группируемые именно такимъ извращеннымъ способомъ. Событія, въ которыхъ нѣтъ заведомой фальши, не оставляются въ области вѣроятностей, а доказываются посредствомъ умозаключеній и выводовъ, которые какъ разъ годились бы для доказательства многихъ другихъ вещей, и въ самомъ дѣлѣ примѣняются по новому способу каждымъ новымъ выскочкой въ подобныхъ изслѣдованіяхъ. Исторія каждаго открывателя до Колумба подкрѣплялась цѣлымъ рядомъ указаній со стороны сѣдобородыхъ старцевъ, пришествіе коихъ оставило слѣды среди аборигеновъ каждой части открытаго берега.

Были еще другія доказательства, которыя, какъ говоритъ «Historie», способствовали укрѣпленію убѣжденія Колумба. Такими доказательствами были феноменальные наносы къ берегамъ Европы невѣдомыхъ сосенъ и другихъ деревьевъ, кусковъ дерева съ рѣзбою, громадныхъ бамбуковъ, изъ отдѣльныхъ частей которыхъ можно было изготовить сосуды емкостью въ девять бутылокъ вина, и труповъ со странными широкими лицами. По времени, судя по донесеніямъ, на атлантическіе острова выбрасывались даже лодки съ живыми людьми удивительнаго вида. Подобные факты
Слѣды запад-
ной земли
въ наносахъ.

не проходили незамѣченными съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ поселилась континентальная раса, и задолго до Колумба держались предположенія, что западными вѣтрами предметы эти заносились изъ отдаленной страны—такое представленіе было въ тѣ времена болѣе понятно, чѣмъ допущеніе дѣйствительнаго факта, о которомъ и не подозрѣвали, что эти перекочевывавшіе предметы выбрасывались силою океанійскихъ теченій. Потребовались наблюденія позднѣйшихъ испанскихъ мореплавателей вдоль Багамскаго канала и наблюденія французскихъ и англійскихъ мореплавателей на сѣверѣ отъ Ньюфаундлендскихъ отмелей, прежде чѣмъ получилось ясное представленіе о томъ, что теченія въ Атлантиче-

Океанійскія теченія.

(Изъ «*Amérique Boréale*» Реклю).

Гольфстремъ.

скомъ океанѣ, слегка касаясь мыса Доброй Надежды и образуя водоворотъ въ Мексиканскомъ заливѣ, разбрызгиваются струистой волной въ Сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ. Это до извѣстной степени стало ясно сэру Гумфри Джилльберту шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Колумба.

Если-бы наука была тогда въ состояніи предаваться микроскопическимъ изслѣдованіямъ, которыми въ наше время она морочитъ себя, то вопросъ о западныхъ странахъ изучался бы въ связи съ интересомъ, какой представляли стволы деревьевъ, отдѣланные брусья,

съдобные орѣхи, сѣмена чужеземныхъ растеній, которые гольфетремъ и доселѣ приносятъ къ берегамъ Европы. Въ пыли, покрывающей толпы людей Старого Свѣта, открыли бы раковины микроскопическихъ животныхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія извѣстны наблюдательному оку Европы и какія дѣйствительно занесены были верхними теченіями воздуха съ отмелей Ориноко.

Очутившись въ Португаліи, Колумбъ сразу сталъ въ тѣсное об-

. Affectu lunę ad solē & planetas. Solis & planetarum iter te

1890	☉	♄	♅	♆	♇	♈	♉
	or	oc	or	or	or		
1	Δ 18					Δ 6	
2		♂ 0	□ 11				
3							
4			Δ 19	♂ 14			
5				♂ 12		✕ 0 7	
6	♂ 8	Δ 10			♂ 8	✕ 5 8	✕ 7 5
7						♂ 0 8	
8		□ 12					

. f. d. m. a. m. d. m. d. f. d.

Martius	☉	♄	♅	♆	♇	♈	♉	♊
	☾	♄	♅	♆	♇	♈	♉	♊
	1 20 15	11 43	29 20	1 9	10 10	24 29	18 29	27 21
	2 21 15	28 23	28 27	1 21	10 14	24 3	18 24	27 14
	3 22 18	27 12	28 30	1 33	11 28	23 14	18 20	27 12
Adriani	4 23 12	21 22	28 34	1 26	12 30	29 31	20 30	27 11
	5 24 13	20 14	28 20	1 48	13 14	28 6	22 28	27 8
	6 25 13	19 10	28 24	2 11	14 2	2 0	29 18	27 4
c Perpetue	7 26 12	18 28	28 40	2 28	15 40	3 18	26 17	27 1
	8 27 11	17 46	28 44	3 34	16 34	4 28	25 16	26 58

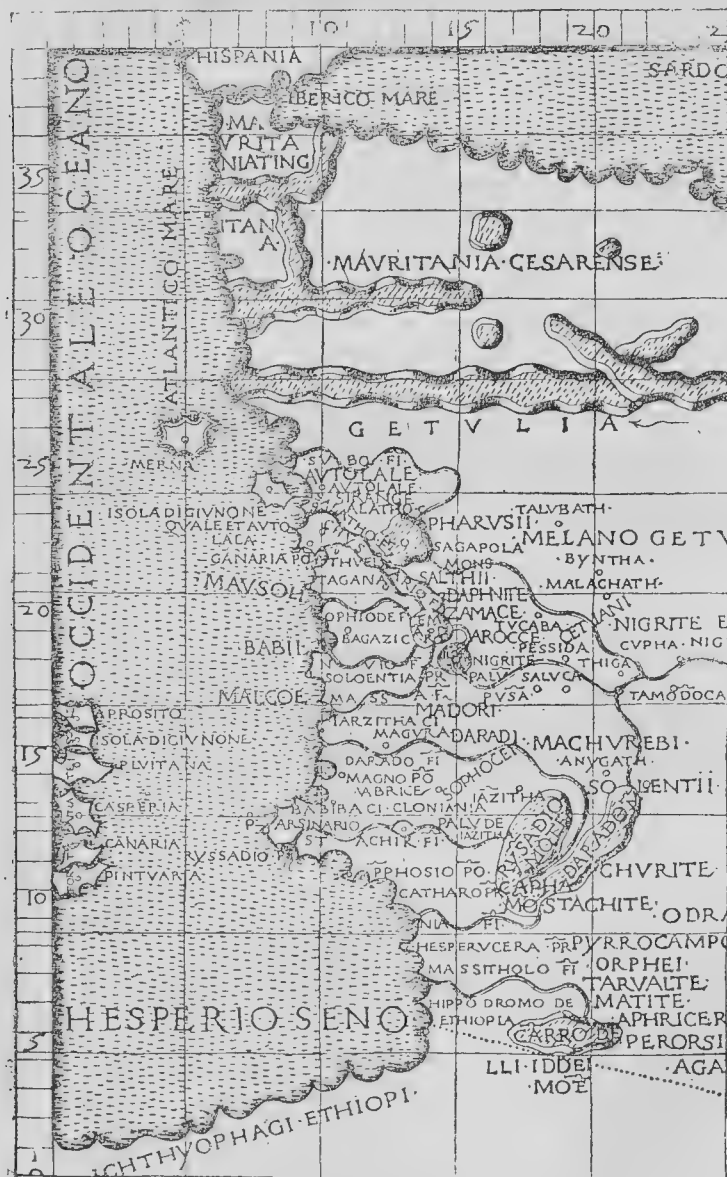
Образцы таблиц Регіомонтануса, 1474—1506 года.

щеніе съ увлекающимся духомъ изслѣдованія, который пережилъ принца Генриха и его мореплавателей. Если только свѣдѣнія Ласказаса были вѣрны, то португальскія открытія оказали не малое вліяніе на воспримчивый умъ генуэзца.

Вліяніе португальскихъ открытій на Колумба.

Онъ находился теперь тамъ, гдѣ могъ узнавать свѣжія новости о возраставшемъ знакомствѣ португальцевъ съ африканскимъ берегомъ. Сестра его жены, по достовернымъ свѣдѣніямъ, вышла замужъ за Педро Корреа, не безызвѣстнаго въ то время мореплавателя, и участника въ морскихъ изслѣдованіяхъ, отъ котораго Колумбъ естественно

могъ находиться въ зависимости—по замѣчанію Гаррисса, пока онъ еще совсѣмъ не былъ мѣреплателемъ. Онъ еще недолго пробылъ въ

Африканскій берегъ, 1478 г.
(Изъ «Facsimile Atlas» Норденшильда).

Лиссабонѣ, когда Регіомонтанусъ пролилъ новый свѣтъ на астрономическія вычисленія положеній на морѣ изданіемъ своей книги «Ephemeris».

merides» между 1475—1506 годами; она-то и служила Колумбу путеводителемъ въ его отважномъ путешествіи. Знаменитѣйшій изъ учениковъ этого нѣмецкаго математика находился также въ Лиссабонѣ въ тѣ годы, когда тамъ жилъ Колумбъ. У насъ не имѣется прямыхъ доказательствъ того, чтобы Мартинъ Бэгемъ, нюрнбергецъ, обмѣнивался какими-либо привѣтствіями съ генуэзскимъ удалцомъ, но въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Положеніе его было такого рода, что могло привлекать къ нему Колумба; самъ же Бэгемъ никогда не сталъ бы

Мартинъ Бэгемъ.

записывать у Колумба. Въ самомъ дѣлѣ, пребываніе нюрнбергца въ Лиссабонѣ имѣло цѣлью заслужить вниманіе двора; его сочли достойнымъ занять мѣсто въ комиссіи, по вопросу объ усовершенствованіи астролябіи, на ряду съ двумя королевскими докторами, Родериго и Іозефомъ. Превосходные результаты, полученные ими, составляютъ эпоху въ морскомъ искусствѣ того вѣка.

Извѣстіе, что наконецъ португальцы пересѣкли экваторъ, пройдя далѣе вдоль африканскаго берега, вызвало новую сенсацію. Въ январѣ 1482 года они отслужили свою первую мессу на Гвинейскомъ берегу, и замокъ Санъ-Іорге да-Мина былъ скорѣе отстроенъ подѣ влияніемъ новаго стремленія къ предпріятіямъ,

Гвинейскій берегъ, 1482 г.

какое охватило португальцевъ съ восшествіемъ на престолъ короля
*Португальцы
доходятъ до
Конго въ 1484
году.* Іоаньо II. Въ 1484 году они достигли до Конго подъ
руководствомъ Діого Кама, и Мартинъ Бэгемъ находился
вмѣстѣ съ ними.

Путешествія эти сильно манили къ себѣ генуэзскаго моряка. Думаютъ, что онъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ крейсировкахъ. Въ «Historie» говорится, что изъ своихъ новыхъ наблюдений онъ вывелъ заключеніе, что если возможно открытіе земли на югѣ, то гораздо болѣе шансовъ къ подобнымъ же открытіямъ на западѣ. Однако, если вѣрить рассказамъ, въ тоже время Колумбъ производилъ наблюденія другого рода на сѣверѣ.

Глава VII.

Быль-ли Колумбъ на сѣверѣ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей ранняго періода открытія Америки, самымъ выдающимся событіемъ, съ которымъ связана дѣятельность Колумба, является путешествіе, со- Полагаютъ, что Колумбъ проплылъ за Исландію въ 1477 году. вершенное имъ, какъ полагаютъ, неподалеку отъ нынѣшней Исландіи въ 1477 году. Инцидентъ этотъ изобилуетъ массою неточностей, какъ вообще всѣ факты, относящіеся къ рассказамъ самого Колумба или къ тѣмъ, которые принимаются за таковыя.

Главное свѣдѣніе, какое имѣется у насъ объ этомъ его путешествіи, заключается въ сомнительномъ италіанскомъ переложеніи «Historie» 1571 года, цитирующемъ мемуаръ, составленный самимъ Колумбомъ о пяти обитаемыхъ поясахъ; переводчикъ или компиляторъ этой книги заставляетъ адмирала заявить, что «въ февралѣ 1477 года онъ проплылъ триста географическихъ миль за островъ Тайль, который лежитъ подъ семьдесятъ третьей параллелью, а не подъ шестьдесятъ третьей, какъ говорятъ иные». Единственнымъ доказательствомъ того, что онъ видѣлъ Тайль, проплывъ позади него, являются его слова, что онъ былъ въ состояніи доказать, какъ морской приливъ подымался и опускался на двадцать шесть сажень, а наблюденіе этого рода необходимо обуславливалось близостью какой-нибудь земли, все равно острова Тайля или другой.

На сѣверѣ Атлантическаго океана ниже 73° нѣтъ совсѣмъ никакихъ острововъ. Исландія лежитъ между 64° и 67°; Жанъ Маейнъ Несостоятельность ссылокъ на слова Колумба. слишкомъ малъ для этого острова, судя по дальнѣйшему описанію, и лежитъ подъ 71°, а Шницбергенъ лежитъ подъ 76°. То, что Колумбъ говоритъ объ англичанахъ, кунцахъ изъ Бристоля, промыслившихъ на этомъ островѣ, указываетъ на Исландію; и если кто пожелаетъ, то не трудно вообразить себѣ опечатку въ цифрахъ, ошибку въ вычисленіи, небрежность въ рассказѣ, или даже печезноненіе,—вслѣдствіе какого-нибудь геологическаго переворота,—самого острова.

Гумбольдтъ въ своемъ «Cosmos» ссылается на Колумба, ко-

торый, говоря о своемъ путешествіи близъ Оулы, выразился, что «море въ это время не было покрыто льдомъ», и онъ доверяетъ этому заявленію въ томъ же «Tratado de las Cinco Zonas Habitables» Колумба, а въ доказательство приводитъ свидѣтельство Финна Магнуса, который отыскалъ по древнимъ историческимъ источникамъ, что въ февралѣ 1477 года на южномъ берегу этого острова море не замерзало.

Говоря о «Тайлѣ», тотъ же рассказчикъ прибавляетъ, что островъ этотъ находится «на западѣ отъ западной границы Птолемея (т. е. границы, показанной на картѣ Птолемея міра) и больше Англіи». Это опредѣленіе его объема можетъ относиться только къ Исландіи изъ всѣхъ острововъ сѣверныхъ морей.

Однако, въ этомъ рассказѣ попадаются данныя трудно согласуемыя съ тѣмъ, что мы имѣемъ право ожидать отъ опытнаго моряка; и если рассказъ правдивъ въ своей главной сущности, за то подробности грѣшатъ болѣе чѣмъ небрежной неточностью, которая составляетъ отличительную черту очень многихъ завѣдомо-подлинныхъ завѣреній Колумба.

Съ другой стороны въ рассказѣ говорится: «Дѣйствительно, Оула Птолемея находится тамъ, гдѣ ее помѣстилъ этотъ географъ, но въ настоящее время ее называютъ Фрисландіей». Значитъ-ли это, что рассказъ Дзени сталъ предметомъ общихъ толковъ спустя сорокъ лѣтъ послѣ путешествія, совершеннаго ими въ ихъ Фрисландію и за восемь-десять четыре года до того времени, какъ послѣдній отпрыскъ этой фамиліи издалъ свое замѣчательное повѣствованіе въ Венеціи, въ 1558 году? Очень можетъ быть, что составитель «Historie» 1571 года вставилъ это сообщеніе о Фрисландіи Дзени въ текстъ своей книги съ цѣлью придать ей больше достовѣрности.

Путешествіе Колумба въ столь высокія широты во всѣхъ отношеніяхъ сомнительно, какъ это видно, по крайней мѣрѣ, изъ того факта, что въ 1492 году Колумбъ подробно излагалъ передъ своими государями необыкновенныя выгоды гаваней у новыхъ острововъ, открытыхъ имъ; онъ при этомъ добавилъ, что имѣетъ полное право выражать такое мнѣніе, такъ какъ его изслѣдованія простирались отъ Гвиней на югъ вплоть до Англіи на сѣверѣ. По этому случаю у него было желаніе выказать настолько обширное знакомство съ морской географіей, чтобъ приводимые имъ факты явились вполне заслуживающими довѣрія, и тѣмъ не менѣе онъ не говоритъ, что былъ далѣе Англіи на сѣверѣ. Да, кромѣ того, триста географическихъ миль плаванія за островъ Исландію непремѣнно отнесли-бы его къ верхнему берегу Гренландіи, но онъ не упоминаетъ ни о какой другой землѣ, которую-бы видѣлъ въ этихъ высокихъ широтахъ.

Тайль и Исландія представляютъ на картѣ Птолемея 1486 г. различные острова; если фактъ этотъ и не доказываетъ, что Исландія и Тайль въ то время были не различными остро-

вами по понятіямъ географовъ, зато служить доказательствомъ, что относительно сѣвера свѣдѣнія все еще были весьма скудны. Муньонъ и другіе авторы полагали, что самымъ удобнымъ временемъ въ жизни Колумба для этого путешествія на сѣверъ являлся періодъ, предшествовавшій его отправленію въ Португалію, а слѣдовательно нѣсколькими годами ранѣе 1477 года, показаннаго въ «Historie».

Разумѣется, путешествіе въ Исландію не было новостью. Англичане вели здѣсь торговлю и островъ поддерживалъ обширныя Англичане
въ Исландіи. коммерческія сношенія въ теченіе многихъ лѣтъ съ Бристолемъ. Позднѣ составилъ рассказъ, нашедшій выраженіе въ сочиненіяхъ Гомары и Уайтфлита, о томъ, что въ 1476 году, за годъ до вышеупомянутаго путешествія Колумба, датская экспедиція подъ предводительствомъ Поле Кольно или Скольно открыла въ этихъ сѣверныхъ обла-

стяхъ входъ въ проливъ Аніанскій, который такъ постоянно Кольно. фигурируетъ на позднѣйшихъ географическихъ картахъ и который открывалъ путь въ Индію; но, кажется, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы этотъ фактъ опирался на какія-либо опредѣленные данныя и едва-ли онъ могъ остаться неизвѣстнымъ Колумбу. Не трудно также предположить, что Колумба потянуло присоединиться къ какому-нибудь торговому судну, шедшему изъ Бристоля, ради простого любопытства мореплавателя; и даже его могли къ тому побудить рассказы, дошедшіе до него, о сѣверныхъ поискахъ Дзени, Дзени. задолго до того, какъ отчеты объ этомъ были напечатаны.

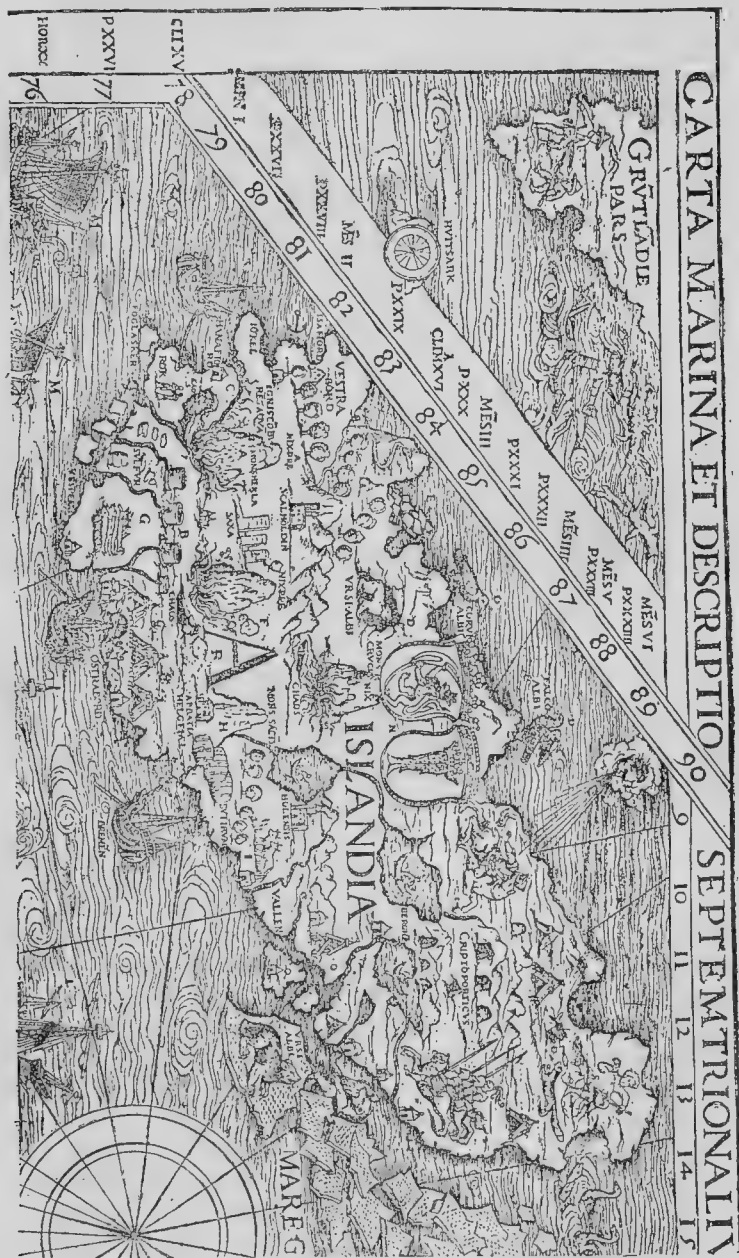
Но если ему что-либо и было извѣстно объ этомъ, то одно изъ двухъ либо онъ таилъ про себя свои свѣдѣнія въ доказательство своихъ теорій, которыя пока не желалъ разглашать,—почему именно, непонятно,—либо, что несравненно болѣе вѣроятно, ему никогда не приходилось вспоминать объ этихъ мрачныхъ областяхъ въ связи съ берегами Китая Марко Поло.

Даже въ это время не было недостатка въ рассказахъ объ отважныхъ путешествіяхъ на западъ отъ Англии и къ сѣверо-западу и, по всей вѣроятности, Колумбъ слышалъ объ этихъ Мадокъ. рассказахъ. Таковъ, смутный рассказъ о Мадокѣ, валлійскомъ вождѣ, который въ послѣдніе годы двѣнадцатаго столѣтія основалъ на западѣ колонію. Неизвѣстно также, доходили-ли до него какія-либо свѣдѣнія о земляхъ Эсотиляндъ и Дроджео, о которыхъ упоминалось въ повѣствованіи Дзени, лежавшемъ въ то время подъ спудомъ въ кабинетѣ этой итальянской фамиліи.

Въ «Historie» говорится о дошедшихъ до него слухахъ, что матросы, плывшіе въ Ирландію, были теченіемъ отнесены на западъ и увидѣли передъ собою землю, которая была ими принята за Тартарию; впоследствии думали, что это былъ Бакалоосъ обонхъ Корте-реаль.

Островъ Брезиль плавалъ по Атлантическому океану обыкновенно въ широтѣ, подъ которою лежала Ирландія, такъ какъ составитель

Островъ Бразилъ или Бразилъ. Каталанскаго плоскошарія, въ 1375 году, помѣтилъ его въ этомъ океанѣ. Слухи объ этомъ островѣ разбрѣшлись

Карта Оди Великата, 1530 г.
(Изъ «Essays» доктора Бренера).

въ послѣдствіи (1480 г.) снаряженіемъ экспедиціи изъ Бристоля на поиски за нимъ, какъ уже было замѣчено выше.

Финнъ Магнусенъ изъ скандинавскихъ авторовъ и Де-Коста, а также другіе американскіе авторы, считали вѣроятнымъ, что Колумбъ приставалъ къ Хуалфіорду, въ Исландіи. Однако же, Колумбъ не даетъ намъ достаточныхъ основаній въ такому заключенію. Онъ говоритъ, что проплылъ за Оулу, но не подошелъ къ ней, — чѣмъ бы ни была эта Оула, — и намъ извѣстно только изъ его наблюденій за морскими приливами, что онъ подходилъ близко къ сухой землѣ.

*Былъ ли
Колумбъ
на Оула?*

Лайнингъ, въ своемъ введеніи къ «Heimskringla», говоритъ самоувѣренно, что Колумбъ «приходилъ въ Исландію изъ Бристоля, въ 1477 году, съ цѣлью получить свѣдѣнія по морскому дѣлу» — только въ видѣ простого умозаключенія, — «и слышалъ о письменныхъ отчетахъ, касающихся древнескандинавскихъ открытій, упоминаемыхъ въ «Codex Flatoeyensis». Далѣе Лайнингъ говоритъ, что такъ какъ извѣстно, что епископъ Магнусъ весною 1477 года былъ въ Исландіи, то «можно предположить, что Колумбъ тамъ встрѣтился и говорилъ съ нимъ»!

*Епископъ
Магнусъ въ
Исландіи.*

Этой чисто воображаемой бесѣдѣ и ея вѣроятнымъ цѣлямъ уделено мѣста изрядно.

Въ самомъ дѣлѣ, Колумбъ, вѣроятно, слышалъ объ ирландскихъ монахахъ и ихъ послѣдователяхъ, которыхъ нашли въ Исландіи первые древнескандинавскіе посѣтители за шесть-
Древніе обитатели Скандинавіи въ Исландіи.
сотъ лѣтъ передъ тѣмъ, если случайно о нихъ сохранились преданія, въ число которыхъ даже, быть можетъ, вошли смутные разказы о посѣщеніяхъ страны, называвшейся Великой Ирландіей. Кромѣ того, весьма возможно, что рассказывались исторіи о приключеніяхъ морского разбойника, по имени Гуннбиорна, котораго теченіемъ отнесло на западъ отъ Исландіи и который увидѣлъ чужую землю, посѣщенную нѣскольکو лѣтъ спустя Эрикомъ Краснымъ; должно быть, передавались удивительныя исторіи объ этой же землѣ, названной Эрикомъ Гренландіей,
Эрикъ Красный.
съ цѣлью привлечь туда поселенцевъ; есть основаніе полагать что здѣсь уже ранѣе находили убѣжище бездомные бродяги. Быть можетъ, Колумбу показывали старый манускриптъ — лѣтопись королей норвежскихъ, носившую названіе «Heimskringla» и написанную Снорре Стурлазономъ въ тринадцатомъ вѣкѣ; и если онъ переворачивалъ ея страницы съ нѣкоторымъ интересомъ, то могъ прочитать, — или ему могли ихъ перевести, — отчеты о колонизаціи Гренландіи древними обитателями Скандинавіи въ девятомъ вѣкѣ. Гдѣ же, слѣдовательно, была эта Гренландія? Возможно-ли, чтобы она имѣла какую-либо связь съ тѣмъ Китаемъ Марко Поло, такимъ реальнымъ въ мечтахъ Колумба и который, какъ предполагалось тогда, долженъ былъ лежать выше Пидіи въ болѣе высокихъ широтахъ? Будучи знакомъ съ современной картографіей, Колумбъ тотчасъ отвѣтилъ бы на такой вопросъ, еслибы

Гренландія.

«Heimskringla»

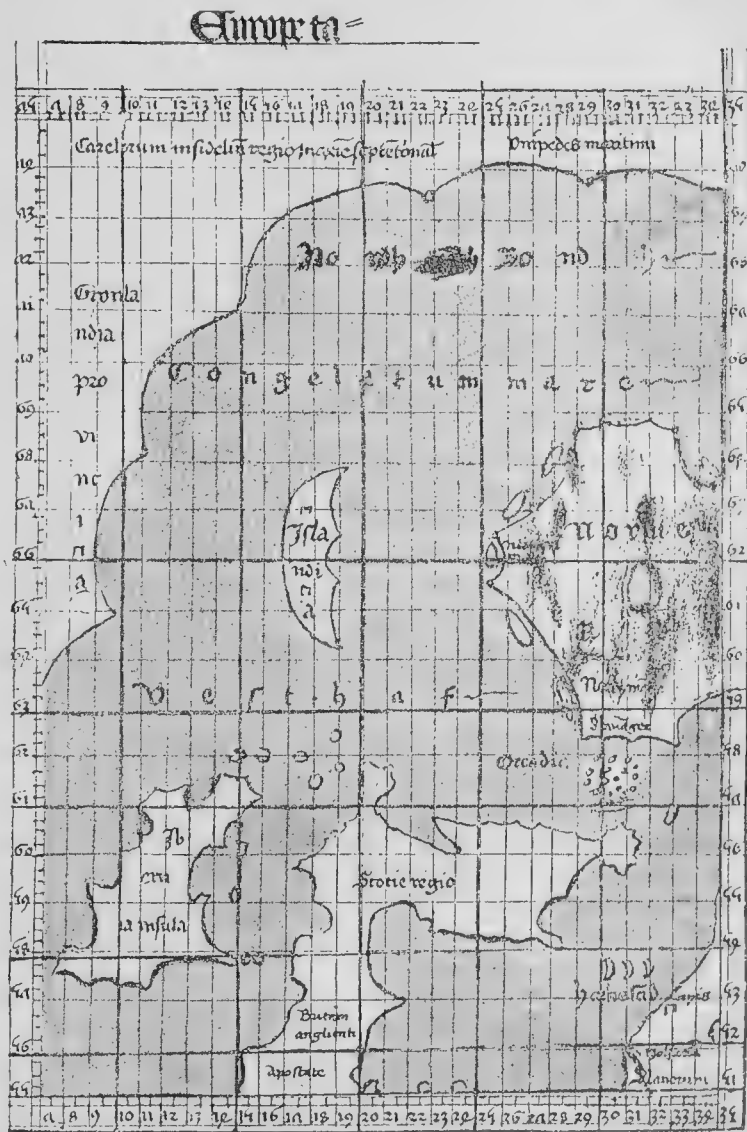
его предложили ему, такъ какъ ему было бы извѣстно, что Гренландія на всѣхъ географическихъ картахъ изображалась съ ^{Положеніе Гренландіи.} тѣхъ поръ, какъ ее впервые изслѣдовали сполна, въ видѣ простого протяженія Скандинавскаго полуострова, образовавшагося вслѣдствіе западнаго изгиба, обнимающаго Сѣверное море, гдѣ лежитъ Исландія. Конечно, никто не рѣшится сказать, какъ велико было знакомство Колумба съ картографическими сборниками, болѣе или менѣе подробными и полными, какими они, безъ сомнѣнія, были въ большихъ торговыхъ приморскихъ центрахъ Европы, но тѣ подробныя свѣдѣнія, какими мы располагаемъ теперь, едва-ли въ то время шли далѣе общихъ географическихъ свѣдѣній среди учащихся. Намъ понятно теперь, отчего еще въ 1420 г. на картѣ Клаудіуса Клавуса

Гренландія была показана въ видѣ полуострова, дополняющаго сѣверо-западную Европу, — тотъ же взглядъ на Гренландію представляетъ географическая карта 1447 года, во дворцѣ Питти, и географическая карта, открытая недавно Норденшильдомъ въ манускриптѣ книги Птолемея, въ Варшавѣ, помѣченная 1467 годомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, безъ сомнѣнія, ранѣе, чѣмъ Колумбъ отправился въ это путешествіе, мы находимъ географическую карту, которая, вѣроятно, была ему извѣстна; карта эта гравирована Николаемъ Донисомъ и, вѣроятно, рисована въ 1471 году, а позднѣе она вошла въ изданіе книги Птолемея, напечатанной въ Ульмѣ, въ 1482 году. На этой картѣ удержано то же соотношеніе Гренландіи съ Европой. Затѣмъ Гренландія представлена на географической картѣ Генриха Мартелла (1489—90), по такому способу, который далъ цѣлый рядъ географическихъ картъ; на нихъ много лѣтъ спустя послѣ смерти Колумба эта древнескандинавская колонія продолжала составлять географическую принадлежность Скандинавіи, причемъ не оставалось ни малѣйшаго признака, чтобы Эрикъ Красный заходилъ за предѣлы круга Европейскихъ смежныхъ земель. Только въ послѣдніе годы жизни Колумба мы находимъ на португальской картѣ 1503 года проблескъ истины, да и то лишь мимоходомъ, хотя представленіе моряковъ, на основаніи котораго составлена эта географическая карта, по всей вѣроятности, соединяло Гренландію съ материкомъ Азіи.

^{Дѣлается частью Азіи.} Это дѣйствительно и сдѣлалъ Рюйшъ, пытаясь смѣло примирить древнескандинавскія традиціи съ новыми взглядами своего времени, когда онъ представилъ въ римскомъ изданіи Птолемея 1508 года первую гравированную географическую карту открытій Колумба и Кабота.

Безспорно, слѣдовательно, что если у Колумба и были какія-либо мнѣнія о географическихъ соотношеніяхъ Гренландіи, какія практически перестали существовать для Европы съ тѣхъ поръ, какъ сообщеніе съ нею прекратилось, въ началѣ пятнадцатаго вѣка, то во всякомъ случаѣ онъ считалъ ее просто на-просто полуостровомъ сѣверной Европы, не имѣвшимъ связи съ какой бы то ни было страной, лежавшей за

Атлантическимъ океаномъ, ибо только послѣ его смерти явилось общее представленіе, соединявшее Гренландію съ материкомъ Азіи.

Клаудіусъ Клавусъ, 1427 г.
(Изъ «*Studien*» Норденшильда).

Однако же, вполне достоверно, что это представленіе стало обладать послѣ открытія Бальбоа Южного моря въ 1513 году., когда

дѣйствительно былъ найденъ новый промежуточный міръ; явилось стремленіе поставить Гренландію въ положеніе полуострова, связаннаго съ Европою, какъ показано на географической картѣ Торна (1527 г.), воспроизводящей тогдашніе взгляды Испаніи, и на географическихъ картахъ Финеуса (1531 г.), Циглера (1532 г.), Меркатора (1538) и Бордоне (1528—1547).

Снова становится частью Европы.

Интересный примѣръ развитія правильной идеи находится въ книгѣ Птолемея 1525 г., и воспроизводится на той же гравюрѣ, приложенной къ изданіямъ 1535 и 1545 годовъ. Первоначально географическая карта была гравирована такъ, что «Гронландія» на ней показана европейскимъ полуостровомъ, но повидимому, въ позднѣйшемъ періодѣ, слово «Гронландія» было вырѣзано въ уголокъ рядомъ съ изображеніемъ слона и нѣсколько болѣе на западъ, какъ бы съ цѣлью показать ея заокѣанійское положеніе въ Азіи, хотя не сдѣлано попытки начертить береговую линію.

Позднѣе въ томъ же вѣкѣ возникло спорное мнѣніе между географами сѣвера, которые считали эту страну отдѣльной отъ Европы, какъ это и воспроизведено на картѣ Олая Велликаго 1567 года, и между географами юга, которые

Позднѣйшее различіе мнѣній.

все еще присоединяли Гренландію къ Скандинавіи, какъ это сдѣлано на картѣ Дзено, 1558 года. Однако же, и южные географы начали сомнѣваться въ вѣрности своего заключенія; послѣ 1540 года, Лабрадоръ и Гренландія встрѣчаются на многихъ изъ ихъ географическихъ картъ расположенными очень близко другъ къ другу и въ этомъ съ ними сходятся издатели Птолемея въ 1561 году, измѣнивъ свои вновь гравированныя географическія карты, — какъ показываетъ гравюра, — такимъ образомъ, что Гренландія на нихъ отдѣлена отъ Скандинавіи.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшей картографической исторіей Гренландіи. Изъ вышесказаннаго вполне ясно, что прошло много времени послѣ смерти Колумба прежде, чѣмъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что у нея совершенно другія географическія соотношенія, не имѣющія ничего общаго съ Европой, и что Колумбъ не могъ узнать въ Исландіи ничего такого, что дало бы ему поводъ предположить, будто земля Эрика Краснаго имѣетъ какую бы то ни было связь съ западными берегами Азіи, о которыхъ онъ мечталъ.

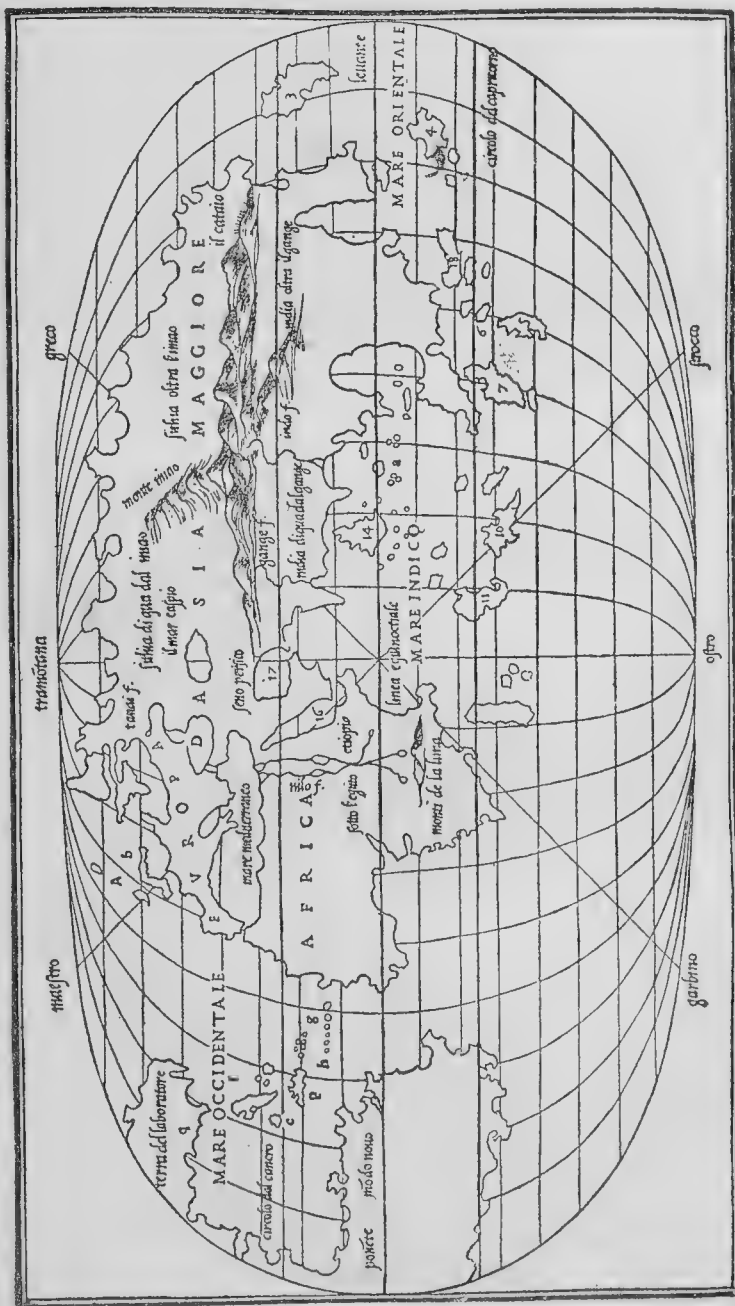
Если кто-либо изъ ученыхъ мужей Исландіи и указывалъ когда-нибудь Колумбу на «Heimskringla», то это могло лишь касаться краткаго вступленія, гдѣ указано, что исторія открытія Винланда занесена въ лѣтопись главнаго древнескандинавскаго историка. Онъ прочелъ бы тамъ: «И такъ Лейфъ открылъ Винландъ Хорошій», и болѣе ничего не могъ бы прочесть. Тутъ не было ничего такого, что могло бы возбудить самое живое воображеніе относительно мѣстоположенія или направленія.

Открытіе Винланда.

Много лѣтъ спустя послѣ періода Колумба, насколько намъ извѣстно,

на сѣверѣ появились кое-какія картографическія описанія открытій, связанныхъ съ путешествіями на Винландъ; но не ранѣе того времени, когда открытія Колумба и его

Скандинавскій мифъ о Винландѣ.

Гордоне, 1528 г.
(Гренландія — самый сѣверный полуостровъ с.-в. Европы).

послѣ событій связанныхъ съ путешествіемъ на Винландъ; въ настоящее время изъ всѣхъ существующихъ рукописныхъ списковъ этихъ сагъ ни одинъ не выходитъ далѣе четырнадцатаго столѣтія. Старинныя саги записывались въ то время, когда вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ преобразованіемъ долгодѣтнаго устнаго преданія къ нему прибавился романтическій духъ, господствовавшій на сѣверѣ, куда онъ перешелъ изъ южной Европы. Результатъ, полученный отъ этого смѣшенія безпорядочнаго преданія съ романтическимъ элементомъ періода письменнаго сохраненія традицій, даже среди самихъ обитателей Скандинавіи, возбудилъ недоумѣніе; сказанія сагъ перемѣшались съ такими элементами, которыхъ нельзя отличить отъ мифовъ, причемъ остается лишь общее направленіе повѣствованія, имѣющее характеръ историческаго воспоминанія. Исландскій издатель саги Эгеля, вышедшей въ Рейкьявикѣ, въ 1856 году, признаетъ это неизбѣжное отраженіе эпохи, когда саги принимаютъ письменную форму, а наиболѣе свѣдущій изъ новѣйшихъ авторовъ о Гренландіи, Генрикъ Ринкъ, категорически считаетъ саги не заслуживающими никакого довѣрія, за исключеніемъ ихъ общихъ основъ.

Менѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до упомянутаго посѣщенія Колумбомъ Оулу, появилась компилляція нѣсколькихъ древнихъ сагъ, <sup>„Codex Flato-
toyensis“</sup> этотъ «Codex Flatoyensis» есть единственное свѣдѣтельство, которое мы имѣемъ относительно нѣкоторыхъ подробностей путешествій на Винландъ. Очень можетъ быть, что нынѣ извѣстный манускриптъ есть только списокъ тѣхъ нѣсколькихъ или многихъ манускриптовъ, которые были сдѣланы въ болѣе ранній періодъ, однако, не ранѣе двѣнадцатаго столѣтія, когда были введены письма. Этотъ своеобразный манускриптъ былъ найденъ въ одномъ исландскомъ монастырѣ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы онъ былъ извѣстенъ раньше. Разумѣется, возможно, что копія его имѣлась у образованныхъ исландцевъ во время предполагаемаго путешествія Колумба на сѣверъ; онъ могъ слышать объ этомъ манускриптѣ, или же ему могли прочесть отрывки изъ него. Коллекція эта признается скандинавскими авторами самой безпорядочной и нелѣпой изъ всѣхъ подобныхъ памятниковъ; именно изъ такихъ романтическихъ, основанныхъ на преданіи, и противорѣчивыхъ разсказовъ состоитъ исторія о путешествіяхъ древнихъ обитателей Скандинавіи на Винландъ, если только исторія эта была когда-либо составлена. Въ сагахъ говорится, что шестнадцать зимъ спустя послѣ переселенія на Гренландію, Лейфъ отправился въ Норвегію, а въ слѣдующемъ году отплылъ на Винландъ. Изъ приводимыхъ датъ можно заключить, что начало путешествій на Винландъ относится къ 1000 г. послѣ Р. Х. Главныя событія <sup>Лейфъ
Эрикссонъ.</sup> содержатся въ сагѣ объ Эрикѣ Красномъ, которая, по отзыву Раска, знатока древнескандинавскаго эпоса, представляетъ «нѣчто баснословное; она написана много лѣтъ спустя послѣ событія и содержаніе ея взято изъ преданій».

Вотъ каковъ былъ этотъ памятникъ. Если даже до Колумба доходило какое-либо свѣдѣніе о немъ, то едва-ли онъ могъ про-извести на него впечатлѣніе, которое бы связывалось въ его умѣ съ представленіемъ объ Азіи, предметъ его мечтаній. Гумбольдтъ, обсуждая возможность полученія Колумбомъ свѣдѣній объ этомъ раз-сказѣ, предполагаетъ, что въ то время, когда испанская корона оспари-вала у наслѣдниковъ адмирала его права на открытіе, ссылка на эти сѣверныя изслѣдованія Колумба оказалась бы въ пользу короны, если бы только въ этомъ вѣкѣ существовало какое-либо представленіе, что древнескандинавскія открытія, хотя бы даже извѣстныя всей Европѣ вообще, имѣли какое-либо отношеніе къ географическимъ за-дачамъ, подлежащимъ тогда обсужденію. Подобныя же мнѣнія вы-сказали Уитонъ и Прескоттъ, да и вообще нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя доказывали бы, что въ эпоху Колумба знакомство съ исторіей Винланда когда-либо входило въ основы историческихъ знаній, ка-кими обладали вообще европейцы. Краткія ссылки въ манускриптахъ Адама Бременскаго (1073 г. по Р. Х.), Ордерикуса Виталиса (1140 г. по Р. Х.) и Сакса Грамматика (1200 г. по Р. Х.) не имѣли боль-шого распространенія,—если даже о нихъ знали вообще,—и самое тщательное изученіе литературы по этому предмету, повидимому, не даетъ никакихъ указаній на то, чтобы существовала серьезная возмож-ность широкаго ознакомленія съ сагами до ихъ напечатанія Перингешиль-домъ въ 1697 году, двѣсти лѣтъ спустя послѣ эпохи Ко-

*Изданіе сагъ
Перингешильда.*

лумба. Издатель этотъ вставилъ ихъ въ изданіе «*Heimskringla*» и скрылъ это склепваніе отдѣльныхъ обрывковъ. Впослѣд-ствіи этотъ обманъ заставилъ предположить, что рассказы были включены въ «*Heimskringla*» какимъ-нибудь позднѣйшимъ пере-смотрщикомъ хроники; но въ концѣ концовъ продѣлка Перингешильда обнаружилась.

Такимъ образомъ, основывая свои изслѣдованія на рассказѣ завѣ-домо неясномъ и подложномъ, новѣйшіе авторы старались съ точ-ностью опредѣлить фактъ посѣщенія Британской Америки обитателями древней Скандинавіи и установить подлинность мѣстностей. Уже тотъ фактъ, что каждый изслѣдователь находитъ географическія подобія тамъ, гдѣ ему угодно, и совершенно независимо отъ остальныхъ, есть самъ по себѣ доказательство крайней запутанности разсказа. Теперь можно съ увѣренностью сказать, что Соединенные Штаты и Новая Шотландія, прилегающія къ Атлантическому океану, достаточно были изслѣдованы компетентными критиками, и въ этихъ странахъ не было найдено никакихъ археологическихъ слѣдовъ пребыванія древнихъ скандинавовъ. Что же касается до неприступнаго берега Лабрадора, то до сихъ поръ завязтые археологи не настолько ознакомились съ нимъ, чтобы высказаться съ полной увѣренностью объ отсутствіи здѣсь

Въроятности.

какихъ-нибудь слѣдовъ, и Джорджъ Банкрофтъ допускаетъ возможность посѣщенія этого берега древними скандинавами.

И такъ много доказательства, помимо большой вѣроятности, не имѣется относительно того, что древніе скандинавы изъ Гренландіи переплыли Девисовъ проливъ и прослѣдовали на югъ вдоль американскаго берега. Конечно, возможно, что когда-нибудь будутъ найдены неопровержимыя доказательства для установленія факта ихъ южнаго путешествія и пребыванія. А пока мы должны согласиться, что для историка, серьезно изучающаго свой предметъ, не представляется удовлетворительнаго доказательства въ пользу того, что когда-либо происходило такое путешествіе. Увѣренность въ этихъ фактахъ можетъ основываться только на вѣроятностяхъ такой случайности.

Многимъ авторамъ, писавшимъ о древнескандинавскомъ открытіи, не мѣшало бы вспомнить совѣтъ Ампера, — представлять сомнительнымъ то, что вѣрно, скорѣе, чѣмъ выдавать за истину то, что сомнительно.

«Невѣжество, — говоритъ Муньонъ по поводу предательскихъ основъ бездоказательнаго повѣствованія, — обыкновенно имѣетъ спутниками тщеславіе и наглую самоувѣренность».

Предположеніе, что Колумбъ могъ ознакомиться съ этимъ разсказомъ, — какое бы впечатлѣніе онъ ни произвелъ на его умъ, — просто и заманчиво. Вполнѣ понятна также фантазія Лоэлля, который въ поэмѣ изображаетъ его говорящимъ слѣдующія слова:

«Я въ тайнѣ размышлялъ о мудромъ сказаніи аэинявъ
«Про счастливую Атлантиду; и слышалось мнѣ, какъ Біорна клялъ
«Ударяется о сѣрые камни берега Винланда,
«Потому что я вѣрилъ поэтамъ».

Но вѣра есть дѣло вполнѣ условное. Рафинъ и другіе крайніе защитники древнескандинавскаго открытія сдѣлали все, что только было въ ихъ силахъ, изъ гипотезъ о знакомствѣ Колумба съ древнескандинавскими путешествіями. Лайингъ, повидимому, вѣритъ, что Колумбъ зналъ объ этомъ. Вопросъ, однако же, долженъ оставаться нерѣшеннымъ; побывалъ-ли Колумбъ въ Исландіи или нѣтъ, дошелъ-ли до него слухъ въ другомъ мѣстѣ о древнескандинавскихъ экспедиціяхъ или нѣтъ, — тотъ фактъ, что онъ никогда не упоминалъ объ этихъ событіяхъ, между тѣмъ какъ онъ подбиралъ всевозможныя данныя для того, чтобы доставить торжество своимъ взглядамъ, — повидимому, служить достаточнымъ доказательствомъ хотя бы того, что для его ума, поглощеннаго всецѣло стремленіемъ найти Индію, пройдя не западъ, разсказы о подобныхъ сѣверныхъ блужданіяхъ не представляли ничего соблазнительнаго и цѣлесообразнаго. Да кромѣ того, непонятно, какъ могъ Колумбъ отправиться на юго-западъ отъ Канарскихъ острововъ, если бы онъ, какимъ бы то ни было образомъ, получилъ подходящія свѣдѣнія о сушѣ на сѣверо-западѣ.

*Слышалъ-ли
Колумбъ объ
исторіяхъ,
содержащихся
въ сагахъ?*

Г л а в а VIII.

Колумбъ покидаетъ Португалію чтобы переселиться въ Испанію.

Гарриссъ рѣзко выставляетъ на видъ то, что мы не можемъ отмѣтить точной датой ни одного событія изъ жизни Колумба съ 7 августа 1473 года; одинъ документъ показываетъ, что въ это время онъ находился въ Савонѣ, въ Италіи, пока не получилъ въ Кордовѣ, въ Испаніи, отъ казначея католическихъ государей свою первую награду 4 мая 1487 г., какъ значится въ расходной графѣ книги: «выдано сего дня 3.000 мараведи» (около 18 долларовъ) «Кристобалю Коломо, иностранцу». Событія въ теченіе этого приблизительно четырнадцатилѣтняго періода были таковы, что сдѣлали возможною его послѣдующую дѣятельность. Обстоятельства, связанныя съ этимъ временемъ, стали перебрасываться взадъ и впередъ во всѣ стороны хронологической таблицы, словно ракеты, всеми историками, занимавшимися изученіемъ деталей этой части Колумбовой жизни. Теперь почти также вѣрно, какъ и въ то время, когда Прескоттъ писалъ, что «противорѣчія между самыми ранними свидѣтельствами такъ велики, что дѣлаютъ безнадежною всякую попытку съ точностью установить хронологію дѣятельности Колумба, которая предшествовала его первому путешествію».

Причины, побудившія его покинуть Португалію, гдѣ онъ женился и гдѣ онъ, повидимому, нашелъ не мало такого, что примирило его съ изгнаніемъ, не могутъ быть названы неясными въ томъ видѣ, какъ они передаются въ обычныхъ разсказахъ о жизни его. Всѣ эти разсказы основаны главнымъ образомъ, во первыхъ, на «Historie» (1571 г.); во вторыхъ, на великомъ историческомъ трудѣ Іоама де-Барроса, касающемся открытій португальцевъ въ Восточной Индіи, впервые опубликованномъ въ 1552 году и до сихъ поръ, можетъ быть, занимающемъ самое выдающееся положеніе въ исторической литературѣ этой страны; и наконецъ, на описаніяхъ жизни короля Іоаньо II, тогдашняго португальскаго монарха, составленныхъ Рюи де-Пина и Васконселлосомъ. Послѣдній, заимствовавшій сущность разсказа отъ

*Неясныя
проблемы въ пе-
ріодъ жизни
Колумба
1473—1487 гг.*

*Мотивы, по
которымъ
онъ покинулъ
Португалію.*

*Главные
источники
нашихъ со-
общеній.*

перваго, послужилъ исключительно матеріаломъ для Ирвинга. Ласказасъ въ своемъ трудѣ, повидимому, основывался на Барросѣ такъ же, какъ на «Historie». Необходимо согласить ихъ показанія, насколько это возможно сдѣлать, чтобы получить руководящій взглядъ на событія, относящіяся къ этому времени.

Разсужденія Ирвинга по этому предмету клонятся къ тому, чтобы доказать, что усовершенствованія въ астролябии подъ руководствомъ Бэгема внушили вновь довѣріе къ искусству совершать далекія путешествія; это впервые дало Колумбу смѣлость просить у короля поддержки морскому плану, который назрѣлъ въ его умѣ.

Въ чемъ именно состояло знакомство Колумба съ Бэгемомъ, не установлено съ должною ясностью. Геррера говоритъ, что *Колумбъ и Бэгемъ.* они были друзьями. Гумбольдтъ думаетъ, что между ними существовала нѣкоторая близость, но не находитъ опредѣленнаго доказательства этого факта. Бэгемъ провелъ много лѣтъ въ Лиссабонѣ и на Азорскихъ островахъ, и карьера ихъ обоихъ представляла поразительное сходство, если принять во вниманіе обычные рассказы. Они родились и умерли въ одномъ и томъ же году. Каждый изъ нихъ жилъ нѣкоторое время на Атлантическомъ островѣ, юренбергецъ на Файялъ, а генуэзецъ на Порто-Санто, и каждый женился на дочери губернатора своего острова. Они занимались изученіемъ мореходнаго дѣла въ Лиссабонѣ въ одно и то же время и тѣ же самые доктора, которые представили португальскому королю докладъ о планѣ Колумба относительно западнаго путешествія, были приглашены вмѣстѣ съ Бэгемомъ для производства усовершенствованій въ морской астролябии.

Разсказъ объ аудіенціи у короля, который мы находимъ въ «Historie», показываетъ, что Колумбу окончательно удалось убѣдить Іоанно относительно возможности западнаго пути въ Азію; но что монархъ этотъ не хотѣлъ согласиться на тѣ почетныя и денежныя награды, которыя Колумбъ выговаривалъ себѣ въ видѣ прибыли съ успѣха, а коммиссія, которой монархъ поручилъ рассмотреть проектъ, объявила, что взгляды Колумба—сухая химера. Барросъ пишетъ, что заявленія Колумба были въ одно и тоже время чересчуръ дерзки и фантастичны, чтобы возбудить вниманіе со стороны короля, который легко отдѣлался отъ самонадѣянной докучливости генуэзца, сложивъ бремя отказа на коммиссію. Учрежденіе это состояло изъ двухъ докторовъ королевскаго дома, уже упомянутыхъ выше, Родериго и Іозефа, къ которымъ присоединился Казадилья, епископъ Цеуты.

Васконцеллосъ добавляетъ къ этому разсказу, почти цѣлкомъ взятому имъ у Рюи де-Шина, Резенде и Барроса, что затѣмъ дѣло было представлено въ королевскій совѣтъ, гдѣ оно обсуждалось путемъ аргументовъ, изъ которыхъ историкъ приводитъ нѣкоторые. Обсужденіе это зашло, быть можетъ, далѣе, чѣмъ имѣлось въ виду, такъ какъ Казадилья принялся отвергать всѣ попытки изслѣдовать даже афри-

канскій путь, какъ грозящія безопасности государства вслѣдствіе требовавшихся для этой цѣли денегъ, а также вслѣдствіе того, что въ случаѣ какой-либо крайней необходимости значительная часть судовъ и людей оказалась бы слишкомъ вдаль. Въ дѣйствительности же дебаты велись такимъ образомъ, словно собравшіеся игнорировали главный предметъ обсуждения, какъ не имѣющій серьезнаго значенія и черезчуръ химерическій; все вниманіе въ данный моментъ сосредоточилось на ободряющей рѣчи графа Вилла Реаль, который старался охранить

интересы изслѣдованія Африки. Рѣчь графа вполне достигла своей цѣли, если довѣрять разсказу, такъ какъ она успокоила пришедшаго въ уныніе короля и вызвала нѣсколько дѣятельныхъ мѣропріятій для достиженія окончанности Африки.

Въ августѣ 1486 года, Бартоломео Діацъ, самый знаменитый изъ португальскихъ мореплавателей, отправился по африканскому пути съ двумя компаньонами. Когда онъ приблизился къ широтѣ отыскиваемого мыса, его отнесло теченіемъ къ югу и бурей отбросило отъ берега. Когда

Португальское плоскошаріе, 1490 г.
(Чертежъ изъ рукописи Британскаго музея).

*Путешествіе
Діаца въ
Африку.*

ему удалось вернуться на дорогу, онъ ударился о берегъ къ востоку отъ настоящаго мыса, хотя въ то время онъ этого не зналъ. Это случилось въ маѣ 1487 года. Такъ какъ его экипажъ не пожелалъ плыть дальше, то онъ окончательно повернулъ къ западу и въ должное время узналъ о своей ошибкѣ. Такимъ образомъ первое прохожденіе мыса было совершено, когда онъ плылъ на западъ, быть можетъ, совершенно такъ,

какъ это дѣлали моряки индійскихъ морей. Въ декабрѣ онъ вернулся въ Лиссабонъ съ радостными вѣстями и, вѣроятно, онѣ были сообщены Колумбу, который находился тогда въ Испаніи, ^{Онъ проходилъ мысъ Доброй Надежды.} его братомъ Бартоломео, сопровождавшимъ Диаса въ этомъ путешествіи полномъ приключеній, какъ это открылъ Ласказасъ, благодаря замѣткѣ, сдѣланной самимъ Бартоломео въ копіи съ «*Ita go Mundi*» д'Айльи. Тридцать лѣтъ ранѣе, какъ мы видѣли, Фра Мауро уже изобразилъ этотъ мысъ на своей географической картѣ, а теперь онъ былъ нанесенъ на карты какъ географическое открытіе; въ 1490 году или около того послѣдующіе португальскіе мореплаватели прошли западный берегъ Африки до пункта, обозначеннаго на картѣ, хранящейся въ Британскомъ музеѣ, но не достаточно далеко, чтобы отнести этотъ пунктъ къ предполагаемой границѣ путешествій, совершенныхъ арабскими мореплавателями, когда они направляли свой путь къ югу отъ Чернаго моря. Повидимому въ эти времена въ умахъ португальцевъ не было яснаго представленія, какъ велико было разстояніе мыса отъ входа въ Аравійскія воды. Возможно, что эти свѣдѣнія о знакомствѣ восточныхъ мореплавателей съ великимъ африканскимъ мысомъ, къ которому они подошли съ востока, достигли до португальцевъ съ Индійскаго океана черезъ Средиземное морѣ. Подобныя свѣдѣнія, если ихъ и считали химерическими, однако же, крѣпко держались въ умахъ людей ранѣе, чѣмъ Да-Гама совершилъ ^{Португальскіе миссіонеры въ Египтѣ.} прохождение мыса Доброй Надежды. Безъ сомнѣнія, это было удостовѣрено миссіонерами португальскаго короля, которые въ 1490 году послали положительное извѣщеніе объ этомъ изъ Каира.

Но что же случилось съ собственнымъ планомъ Колумба относительно западнаго пути въ то время, какъ совершались эти новыя экскурсіи вдоль африканскаго берега, ^{Португальцы посылаютъ экспедицію съ целью опровергнуть Колумба} которыхъ онъ такъ неожиданно вызвалъ?

Ходитъ разсказъ, что, по совѣту Казадиллы, португальскій король пустился на недостойную хитрость. Составили проектъ испытать идеи Колумба и воспользоваться ими, не заплативъ ему за нихъ. Планъ задуманнаго имъ путешествія находился въ рукахъ у португальцевъ, благодаря уже упомянутому разслѣдованію. Небольшое грузовое судно, подъ видомъ путешествія къ островамъ Зеленаго мыса, было тогда же отправлено за посылками Чипанго Марко Поло въ томъ пунктѣ, который былъ указанъ Колумбомъ на его картѣ. Жадныя къ наживѣ парусныя суда вышли въ океанъ и долго боролись съ бѣшенными волнами и сердитыми вѣтрами, такъ что у экипажа изсякъ весь его небольшой запасъ мужества. Не поддерживаемые силою убѣжденія, матросы отказались продолжать путь и обратились вспять. Очувтившись въ портѣ, они начали поносить генуэзца за его безумно дерзкіе планы. Этими способомъ они пытались отомстить за свою собственную трусливость. Это раскрыло Колумбу сыгранную съ нимъ

плутовскую продѣлку. Такъ было дѣло, по свидѣтельству «Historie»; рассказъ этотъ принятъ Геррерой и другими авторами.

Въ этомъ пунктѣ слишкомъ много неточностей касательно дѣйствій Колумба, такъ что даже его довѣрчивые біографы съ трудомъ пополняютъ рассказъ. Повидимому, считается за достовѣрное, что въ послѣдней четверти 1484 года онъ оставилъ Португалію тайнымъ образомъ; полагають, что это было ему необходимо, чтобы убѣжать отъ зоркихъ глазъ правительственныхъ шпионовъ. При этомъ есть нѣкоторое основаніе думать, что ему также было необходимо бѣжать отъ тюрьмы за долги, которые онъ надѣлалъ во время хлопотъ по своимъ дѣламъ.

Изъ всѣхъ авторовъ только Рамузіо думаетъ за одно съ Муньо-цомъ, что Колумбъ уже излагалъ свой проектъ письменно передъ генуэзскимъ правительствомъ и теперь отправлялся туда, чтобы лично поддержать его. Въ это время несчастія тяжелымъ бременемъ легли на генуэзское государство и, говорятъ, оно отказалось выслушать его предложенія. Самого просителя прогнали съ презрѣніемъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые авторы. Однако же, Гарриссъ доказалъ, что только у Кассони, въ его «*Annals of Genoa*», опубликованныхъ въ 1708 году, мы находимъ единственное свидѣтельство со стороны генуэзца, удостоверяющее исторію этого посѣщенія Генуи. Гарриссъ, большой скептикъ по натурѣ, не вѣритъ этому рассказу.

Стремленіе пополнить пробѣлы его жизненной карьеры подчасъ заставляло предполагать, что Колумбъ дѣлалъ такое же безуспѣшное предложеніе Венеціи; но объ этомъ есть указанія только у новѣйшихъ авторовъ, причемъ не приводится никакихъ доказательствъ, кромѣ воспоминаній кого-нибудь, кто видѣлъ когда-то въ архивѣ памятную замѣтку по этому поводу, сдѣланную самимъ Колумбомъ. Нѣкоторые авторы заставляютъ его въ это время посѣщать своего отца и заботиться объ его спокойствіи—мнѣніе, не вполне гармонирующее съ предположеніемъ, что Колумбъ убѣжалъ изъ Португаліи влѣдствіе долговъ.

Принимъ и біографы Колумба вообще считаютъ, что со смертью жены Колумбъ освободился отъ узъ, привязывавшихъ его къ Португаліи; но если есть что-нибудь правдиваго въ томъ безпорядочномъ письмѣ, которое Колумбъ написалъ въ 1500 году къ доньѣ Хуанѣ де-ла-Торре, то онъ оставилъ въ Португаліи, когда убѣжалъ въ Испанію, жену и дѣтей. Если же «Historie» говоритъ правду, то жена эта умерла прежде, чѣмъ онъ покинулъ эту страну. Что у него были другіе дѣти въ это время, помимо Діего, стало извѣстно только благодаря этому мрачному порывистому посланію. Если онъ и оставилъ жену въ Португаліи, что подтверждается его собственными словами, то Гарриссъ, кажется, правъ, говоря, что Колумбъ бросилъ ее, да въ томъ же самомъ письмѣ онъ признается, что никогда болѣе не видалъ ея.

Колумбъ покинулъ Португалію въ 1484 году.

Предполагаемое посѣщеніе Генуи Колумбомъ.

Предполагаемое посѣщеніе Венеціи.

Смерть его жены.

Кажется показаніе это не верно.

Съ того времени, какъ докторъ изъ Палоса, Гарсія Фернандецъ, далъ свое показаніе въ процессѣ, которымъ, послѣ смерти Колумба, сынъ его отстаивалъ свои права противъ ко-^{Монастырь Рабиды.}роны, живописная исторія монастыря Рабиды и появленіе у его воротъ безпомощнаго странника съ маленькимъ мальчикомъ, молившаго дать ребенку хлѣба и воды, въ жизнеописаніяхъ Колумба являются первой сценой, которою открывается дѣятельность его въ Испаніи.

Францисканскій монастырь, посвященный св. Маріи де-Рабиды, стоялъ на горѣ противъ моря, очень близко отъ города Палоса; послѣ разрушенія монастырь этотъ былъ реставрированъ герцогомъ Монпансье въ 1855 году. Новѣйшій путешественникъ нашелъ эту реставрацію «передѣлкою въ новомъ стилѣ, съ выбѣленными стѣнами, заброшенною», а новую обстановку монастыря онъ обзываетъ «жалкой и вульгарной» даже въ келіи монаха, гдѣ посѣтитель нынѣ находитъ портретъ Колумба и изображенія сценъ изъ его жизни.

Монахъ этотъ, Хуанъ Перецъ де-Маркена, былъ во время предполагаемаго посѣщенія Колумба настоятелемъ монастыря и случайно привлеченный сценою у воротъ, — гдѣ привратникъ подкрѣплялъ нищей силы безпріютныхъ странниковъ, — а также иностраннымъ выговоромъ чужестранцевъ, онъ вступилъ въ бесѣду съ старшимъ изъ нихъ и узналъ его имя. Колумбъ сказалъ ему также, что онъ отправляется въ Гуэльву, чтобы отыскать тамъ домъ нѣкоего Муліара, испанца, который былъ женатъ на младшей сестрѣ его жены. Далѣе разсказывается, что монахъ этотъ не былъ чуждъ космографическихъ знаній того времени, не оставался безучастнымъ къ извѣстіямъ о морскихъ событіяхъ, которыми изобилдовалъ, разумѣется, близлежащій приморскій портъ Палось, и слѣдилъ внимательно за новыми успѣхами географической науки. Поэтому онъ былъ въ состояніи оцѣнить интересъ, который Колумбъ выказалъ по отношенію къ этимъ предметамъ, когда онъ раскрылъ передъ нимъ свои собственныя мысли о тѣхъ еще болѣе великихъ открытіяхъ, какія предстояли на западѣ. Оставивъ

Отецъ Хуанъ Перецъ де-Маркена.
(Какъ онъ изображенъ Розелли де-Моргомъ).

путника и его ребенка на нѣсколько дней у себя, Маркена пригласилъ въ монастырь для принятія участія въ бесѣдѣ самаго ученаго чело-вѣка, который жилъ неподалеку отъ монастыря, доктора изъ Палоса, — единственнаго свидѣтеля всѣхъ этихъ свѣдѣній. Разговоры ихъ нашли себѣ поддержку въ наблюденіяхъ нѣкоторыхъ мореходовъ этого порта, въ особенности въ наблюденіяхъ нѣкоего Педро де-Веласко, который говорилъ о появившейся землѣ, видѣнной имъ самимъ, хотя онъ къ ней не приближался, тридцать лѣтъ тому назадъ, когда корабль его былъ отброшенъ вѣтромъ на далекое разстояніе къ сѣверо-западу отъ Ирландіи.

Дружба, завязавшаяся у него въ монастырѣ, удержала Колумба по-
Колумбъ
отправляется
въ Кордову. среди родственныхъ по натурѣ душъ и только зимою 1485—86 года, когда до него дошли слухи, что испанскіе государи находились въ Кордовѣ, чтобы собрать войско для нападенія на мавровъ въ Гренадѣ, Колумбъ, оставивъ своего мальчика учиться въ монастырѣ, посѣтилъ въ названный городъ. Онъ отправлялся туда не безъ нѣкоторой увѣренности и самонадѣянности, такъ какъ имѣлъ при себѣ рекомендательное письмо, данное ему монахомъ къ своему другу, Фернандо де-Талавера, настоятелю монастыря Прадо и исповѣднику королевы Изабеллы.

Исторія эта почти всегда помѣщается въ началѣ описанія дѣятельности Колумба въ Испаніи. Нерѣдко авторы, симпатизирующіе Колумбу, выводили правоученіе изъ контраста униженнаго положенія этихъ дней и пышныхъ надеждъ, съ какими нѣсколько лѣтъ спустя онъ отплылъ изъ соседней гавани Палоса передъ глазами монаховъ Рабиды.
Сомнѣнія
относительно
посѣщеній
Рабиды. Однако, Првингъ, анализируя отчеты, касающіеся уже упомянутого нами знаменитаго процесса, былъ вполне убѣжденъ, что событія двухъ посѣщеній Рабиды смѣшаны по невѣдѣнію въ показаніи, данномъ послѣ такого длиннаго промежутка времени. Въ самомъ дѣлѣ, мы, повидимому, или должны отнести эти данныя 1513 и 1515 годовъ къ позднѣйшему посѣщенію, или же придти къ заключенію, что въ нѣкоторыхъ событіяхъ этихъ двухъ посѣщеній было большое сходство.

Гарриссъ же относитъ эти событія къ 1491 году, отчасти основываясь на свидѣтельствѣ нѣкоего Родригеца Кобецудо, что въ 1513 г. прошло около двадцати двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ нанялъ мула Хуану Перецу де-Маркена, когда тотъ отправлялся въ Санта-Фе изъ Рабиды ходатайствовать за Колумба. Гарсіа Фернандецъ показываетъ, что Колумбъ пришелъ къ Маркенѣ послѣ того, какъ ему грубо отказали при дворѣ, и по словамъ свидѣтеля именно во время этого посѣщенія Хуанъ Перецъ спросилъ у Колумба, кто онъ такой и откуда пришелъ; быть можетъ; онъ хотѣлъ показать этимъ, что Перецъ видѣлъ Колумба въ первый разъ въ жизни. Это свидѣтельство, какъ и исторія съ мудомъ, указываетъ на 1491 годъ. Но все же весьма возможно, что обстоятельства посѣщенія, передаваемыя Гарсіей Фернан-

децомъ, относились къ болѣе раннему посѣщенію и послѣ пятнадцати лѣтъ были смѣшаны имъ съ позднѣйшимъ посѣщеніемъ. Слѣдуетъ помнить, что въ «Historie» говорится о двухъ посѣщеніяхъ, изъ которыхъ одно было позднѣе того, что относится къ 1484 году. Свидѣтельскія показанія, приводимыя Гаррисомъ въ доказательство того, что посѣщеніе 1491 г. было первымъ и единственнымъ посѣщеніемъ Колумба монастыря, не усиливаютъ вѣроятности этого факта.

Точную дату поступленія Колумба на службу Испаніи 20 января 1486 года мы опредѣляемъ со словъ его дневника на кораблѣ отъ 14-го января 1493 г., гдѣ онъ говоритъ, что 20-го того же мѣсяца будетъ ровно семь лѣтъ, какъ онъ находится на службѣ ихъ величествъ. Мы встрѣчаемъ почти постоянно у него же другія показанія, которыя даютъ иные числа. Какъ-то странно встрѣтить у Колумба два согласныхъ показанія. Однако, нѣкоторые платежи со стороны короля кастильской и арагонской, повидимому, начались съ слѣдующаго года; по крайней мѣрѣ о такихъ платежахъ упоминается впервые 5 мая 1487 г., и съ этого времени они производились черезъ небольшіе промежутки, пока не прекратились на время, какъ это будетъ показано далѣе.

1486 г.
поступаетъ
на службу
Испаніи.

Въ Испаніи Христофоро Коломбо изъ Генуи предпочелъ называться «Кристоваль Колонъ», и въ «Historie» говорится, что онъ просто желалъ, чтобы его потомки отличались по имени отъ остальнаго рода. Онъ доказывалъ, что римское имя было «Колонусъ», которое легко превратилось въ равнозначное испанское. А такъ какъ герцогъ Медина-Сели, который держалъ у себя въ домѣ Колумба въ продолженіе двухъ лѣтъ въ началѣ его пребыванія въ Испаніи, называетъ его «Коломо» въ 1493, а Овiedo называетъ его «Коломъ», то еще вопросъ, выбралъ-ли онъ форму «Колонъ» прежде, чѣмъ прославился своимъ путешествіемъ.

Переименуетъ
себя или
на «Колонъ».

Генуэзцы съ давнихъ поръ пользовались въ Испаніи привилегированнымъ положеніемъ и такое отношеніе къ нимъ существовало еще во времена св. Фердинанда. Наварретъ приводитъ множество примѣровъ въ подтвержденіе этой давнишней благосклонности, которую оказывали генуэзцамъ послѣдующіе монархи вплоть до временъ Колумба. Но ни это обаяніе его права происхожденія, ни письмо отъ отца Переца не оказались достаточными, чтобы озабоченный хлопотами лагерь въ Кордовѣ обратилъ какое-либо вниманіе на безвѣстнаго и смиреннаго челобитчика. Испанское государство было уже обременено налогами вслѣдствіе усиленныхъ приготовленій Двора и арміи къ энергичному походу на мавровъ. Смотря по надобности, государи находились на мѣстѣ военныхъ дѣйствій иногда вмѣстѣ, а иногда въ отдѣльности. Осада слѣдовала за осадой, и Телавера, на преданность котораго разсчитывалъ Колумбъ, былъ слишкомъ занятъ, чтобы внимать предложеніямъ, которые казались ему въ высшей степени химерическими.

Генуэзцы
въ Испаніи.

Мы знаемъ смутнымъ образомъ, что когда Дворъ удалился изъ Кордовы, то приведенный въ уныніе скиталецъ остался въ этомъ городѣ, добывая себѣ пропитаніе, по свидѣтельству Бернальдеца, черченіемъ картъ и продажей печатныхъ книгъ, по предположенію Гаррисса, такихъ изданій, которыя пользовались въ то время наибольшей популярностью, — календарей и астрономическихъ предсказаній, какъ «Lunarios» Граноллаха и Андреа де-Ли.

Вѣроятно, въ это время онъ познакомился и съ Алонзо де-Квинтанилла, контролеромъ финансоваго управленія Кастиліи. Онъ слегка подружился съ Антоніо Джеральдини, папскимъ нунціемъ, и съ его братомъ, Александромъ Джеральдини, воспитателемъ королевскихъ дѣтей. Увѣряютъ, что всѣ эти друзья заинтересовались его проектами и явились его ходатаями.

Отъ Ласказаса мы узнаемъ, что Колумбъ одно время собиралъ и приводилъ въ порядокъ всѣ разнообразныя доказательства въ томъ видѣ, какъ они явились его уму, о такой заатлантической области, какая требовалась по его теоріи; по всей вѣроятности, трудъ этотъ былъ имъ сдѣланъ въ продолженіе періода томительныхъ ожиданій въ Кордовѣ. Однако, самый манускриптъ извѣстенъ намъ только со словъ Ласказаса и «Historie» и нѣкоторыя подробности о немъ изъ ихъ показаній сообщены были выше.

Участіе друзей, которому несомнѣнно помогло приведеніе въ систему свѣдѣній, подлежащихъ разсмотрѣнію въ утерянномъ манускриптѣ, открыло ему путь къ знакомству съ Педро Гонзалесомъ де-Мендозой, архіепископомъ Толедскимъ и великимъ кардиналомъ Испаніи. Прелатъ этотъ, вѣдѣвше до вѣрїя, какимъ онъ пользовался отъ государей, по выраженію Мартира, считался «третьимъ королемъ Испаніи», и Колумбъ не могъ не замѣтить, что симпатіи его существенно были за успѣхъ плановъ, имѣвшихъ такія широкія цѣли, какъ его собственный. Кардиналъ былъ привѣтливъ въ обращеніи и не выказалъ ни малѣйшей надменности по отношенію къ Колумбу; но онъ былъ воспитанъ въ исключительно теологическомъ духѣ и обладалъ острымъ чутьемъ къ распознаванію всего, что могло показаться ересью. Идея о шарообразности земли должна была въ теченіе нѣкотораго времени оставаться скрытой въ его умѣ, чтобы дать возможность кардиналу освоиться съ научными истинами.

По рассказамъ Овiedo, сѣмя, которое Колумбъ сѣялъ въ разнообразныхъ бесѣдахъ съ кардиналомъ, въ должное время дало всходы, и постоянный руководитель государей, наконецъ, согласился подготовить почву такъ, чтобы Колумбъ могъ добиться королевской аудіенціи. Такимъ образомъ, Колумбъ наконецъ добился того, что Фердинандъ выслушалъ его въ Саламанкѣ, куда монархи переселились на зиму послѣ тревожныхъ лѣтняго похода на мавровъ.

Мы не можемъ продолжать далѣе этотъ разсказъ, не объяснивъ, на основаніи всѣхъ прежнихъ и позднѣйшихъ данныхъ, имѣющихся у насъ подъ руками, какого рода были личности этихъ властителей Арагоніи и Кастиліи, съ которыми въ послѣдующіе годы Колумбу пришлось имѣть такъ много общенія. Фердинандъ и Изабелла, носившіе короны Арагоніи и Кастиліи, были связаны общими интересами и ихъ соединенное царствованіе было предвѣстникомъ могущества Испаніи, благодаря ея объединенію. Историкъ, изучающій ихъ характеры по документамъ того времени, не можетъ не признать, что они отличались свойствами, мало согласовавшимися съ требованіями благородства и благочестія, какъ міръ привыкъ соединять съ понятіемъ о царственныхъ обязанностяхъ. Не боясь впасть въ преувеличеніе, можно утверждать, что часто эти испанскіе монархи проявляли гораздо больше вѣроломства и обмана, чѣмъ то допускалось ученіями ихъ времени. Изучающій исторію ихъ зачастую бываетъ вынужденъ признать, что въ этомъ отношеніи королева была виновнѣе короля. Историкъ, тщательно изслѣдующій дѣйствія и поступки королевы, невольно приходитъ къ убѣжденію, что она не была въ состояніи отдѣлять свои личные интересы отъ интересовъ церкви. Строго доказательныя изслѣдованія Бергенрота рѣшительно унизили ее въ мнѣніи тѣхъ, кто близко ознакомился съ выводами этого изслѣдователя. Въ оправданіе ея намъ приходится нападать на условія того вѣка и, защищая ее, невольно кривишь душой.

«Быть можетъ,—говоритъ Гельпсъ, анализируя характеръ Изабеллы,—не найдется другого высокопоставленнаго лица, чье имя и власть были бы связаны съ такою массою поразительнаго зла, сдѣланнаго по собственному почину или санкціонированнаго ради самыхъ высокихъ и самыхъ чистыхъ побужденій». Строить оправданія на подобныхъ основаніяхъ—значитъ вѣрить въ безусловную справедливость побужденій, которыя стояли бы выше времени и обстоятельствъ.

Однако, и у нея есть вѣрные льстецы, восхваляющіе ея время и ея родъ.

У Овiedo мы читаемъ превознесеніе ея чудной души. Петеръ Мартиръ не находитъ достаточными для нея похвалы обычнаго человѣческаго языка. Приближенные къ ея особѣ лица говорили о ней съ восторгомъ. Однако, ученому историку, стоящему внѣ вліянія личной благосклонности, приходится узнавать изъ архивныхъ документовъ самыя тайныя ея помыслы и взвѣшивать самыя сокровенныя желанія души, которая тщательно была сокрыта отъ современниковъ. Нынѣ она отражается въ тысячи разоблачающихъ ее линзъ, которыя оставались невидимыми для ея современниковъ. Првингъ и Прескоттъ просто на-просто впадаютъ въ льстивый тонъ ея служителей и взваливаютъ на ея духовниковъ отвѣтственность за изгнаніе евреевъ и ужасы инквизиціи.

Король, быть можетъ, былъ достаточно хорошъ для короля, какъ

*Характеры
государей
Испаніи.*

Изабелла.

понимались въ пятнадцатомъ вѣкѣ подобныя личности; но его улыбки и безжалостная холодность представляли такую фальшь, *Фердинандъ.* какую рѣдко встрѣчаешь даже въ тѣ времена. Папѣ приходилось слѣдить за нимъ изъ Италіи, вотъ почему этотъ святой отецъ называлъ его благочестивымъ. Въ глазахъ новѣйшаго ученаго онъ является ханжею. Подданные считали его великимъ и славнымъ, но они не видали его указовъ и не знали подчасъ мрачныхъ проявленій его власти. Французы относились къ нему съ недовѣріемъ. Англичане зорко слѣдили за его честолюбивыми замыслами. Мавры видѣли въ немъ своего побѣдителя. Евреи бѣжали отъ его дурного глаза. Несчастные узнавали его въ своихъ инквизиторахъ. Все это нравилось папѣ и волею папы ему былъ данъ титулъ «Его наикатолическаго Величества»—выраженіе, которое въ настоящее время отзывается дипломатическимъ формализмомъ.

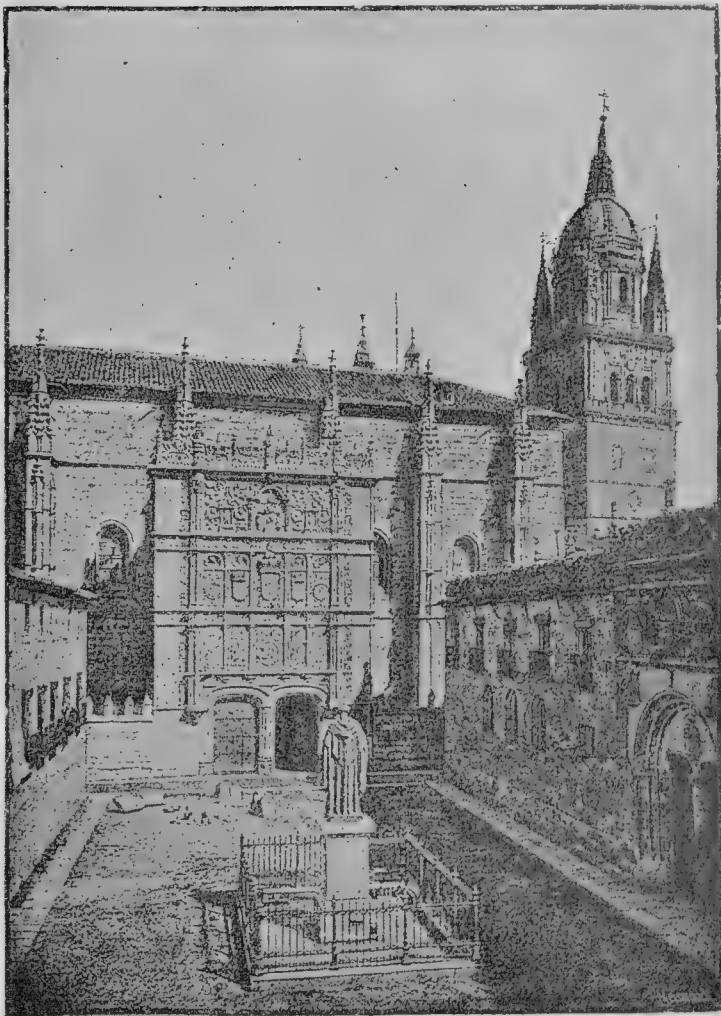
Всякій разъ, когда его душой овладѣвало какое-нибудь стремленіе, оно дѣлало его безучастнымъ ко всему остальному и иногда это очень помогало его цѣлямъ. Мы должны признать, что именно эта особенность его ума создала ему выдающуюся извѣстность въ исторіи, но слава и справедливость не всегда идутъ рука объ руку.

Разумѣется, у него были доблести, которыя сіяли при солнечномъ свѣтѣ. Онъ умѣлъ быть непоколебимымъ. Онъ умѣлъ работать усидчиво, ѣсть умеренно и одѣваться просто. Онъ былъ предпримчивъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ онъ это доказалъ маврамъ и еретикамъ. Онъ не вымогалъ денегъ силою; онъ только исторгалъ признанія посредствомъ мучительныхъ пытокъ. Онъ заказывалъ обѣдни и одинаково испрашивалъ божьяго благословенія, какъ на худыя, такъ и на добрыя дѣла. Онъ давалъ обѣщанія, а затѣмъ получалъ папское разрѣшеніе нарушать ихъ. Въ политикѣ онъ держался системы обмана и очень искусно примѣнялъ въ ней свое коварство. Эта черта его характера заслужила бы одобреніе Макиавелли, да и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ прекраснымъ послѣдователемъ школы, признававшей умѣнье провести и одурачить лучше искусства оставаться честнымъ; и, быть можетъ, міръ не сталъ выше въ настоящее время въ отношеніи стремленій государственнаго коварства. Онъ внушилъ удивленіе къ себѣ, но не могъ заставить любить себя.

Вслѣдствіе аудіенціи у короля, проекты Колумба были переданы Талаверѣ съ тѣмъ, чтобы онъ изложилъ ихъ передъ такимъ собраніемъ умныхъ людей, какихъ только могъ созвать настоятель для обсужденія этого дѣла. Ласказасъ говоритъ, что рассмотреть планы Колумба было поручено «нѣсколькимъ лицамъ, находившимся при дворѣ»; онъ называетъ кардинала Мендозу, Діего де-Деза, Алонзо де-Карденаса и Хуана Кабреро, камергера короля. Собраніе, повидимому, состоялось зимою 1486—87 г. Католическіе авторы обвиняютъ Првинга, и, кажется, справедливо, въ бездоказательномъ придаваніи значенія такъ называемому имъ совѣту въ Сала-

*Идеи Колумба
передъ судомъ
Талаверы и
другихъ.*

манкѣ; по ихъ словамъ, у него нѣтъ для такого предположенія никакихъ вѣскихъ данныхъ, за исключеніемъ одного писателя, который лишь случайно упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве сто двадцать лѣтъ спустя послѣ событія. Такимъ источникомъ является «Historia de Chyara» (Мадридъ, 1619 г.) Ремезала, представляющая отчетъ

Саламанкскій Университетъ.
(«Espana», стр. 132).

объ одной изъ Мексиканскихъ провинцій. Нѣтъ, повидимому, никакихъ оснований полагать, что тутъ состоялось что-либо другое, кромѣ конференціи Талаверы съ нѣсколькими членами совѣта, собравшимися безъ

соблюденія обычныхъ формальностей, и отнюдь не имѣвшимъ никакого отношенія къ славному Саламанкскому университету. Въ книгѣ университетскихъ протоколовъ, которая начинается задолго до того времени, когда состоялось такое совѣщаніе, напрасно пытались найти какую-либо ссылку на него.

«Саламанкская Юнта» получила историческую извѣстность, какъ очень обширное и важное собраніе; изображеніе «Саламанкской Юнты» украшаетъ одинъ изъ барельефовъ памятника, воздвигнутаго адмиралу въ Генуѣ. Однако же у насъ не имѣется рѣшительно никакихъ документальныхъ свѣдѣній о ней. Когда бы это ни случилось, если только задача Колумба была представлена на обсужденіе, то она вызвала бы пренія, и если бы сохранились отчеты о нихъ, то лучше бы выяснились отношенія между космографическими взглядами Колумба въ главныхъ чертахъ и мнѣніями, преобладавшими тогда въ ученыхъ кружкахъ Испаніи. Намъ извѣстно со словъ «Historie» Бернальдеца и Ласказаса, какъ Колумбъ отстаивалъ свои идеи, но мы сожалѣемъ, что утрачены его собственныя рѣчи и его собственный способъ объясненія съ учеными мужами. Документъ подобнаго рода послужилъ бы доказательствомъ, какимъ образомъ, въ этотъ періодъ мужественнаго и пламеннаго упорства, съ какимъ онъ отстаивалъ физическую истину, онъ съ достоинствомъ боролся за свѣтъ, озарявшій его духъ; и документъ этотъ необходимо побѣдилъ бы тѣ жалкія заблужденія разума, которыя въ послѣдующіе годы овладѣли имъ и съ такимъ постоянствомъ повторялись, сопровождался мучительными и мрачными сѣтованіями.

И такъ, оставляя въ сторонѣ пространную аргументацію Ирвинга, заимствованную имъ у Ремезаля, и допуская лишь небольшую конференцію, въ которой Колумбъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ монастырѣ святого Стефана, котораго дивныя изображенія изъ желтоватаго сѣтчатаго камня еще и теперь приводятъ въ восторгъ путешественника, всѣ наши свѣдѣнія объ этихъ засѣданіяхъ ограничиваются лишь краткимъ свидѣтельствомъ, дошедшимъ до насъ. Пріятно думать, что именно здѣсь получило начало то дѣятельное

участіе, какое Діего де-Деза, доминиканскій монахъ, принялъ безповоротно въ дѣлѣ Колумба, но положительныя данныя объ этомъ собраніи ограничиваются разсказомъ Родригеца де-Мальдонадо, который только говоритъ, что нѣсколько ученыхъ лицъ и мореходовъ, выслушавъ аргументы Колумба, рѣшили, что они не могутъ быть вѣрными; по крайней мѣрѣ, такъ рѣшило большинство. Однако, такое заявленіе не убѣдило Колумба въ его заблужденіяхъ. Это все, что сдѣлала «Саламанкская Юнта». Меньшинство въ неизвѣстномъ числѣ одобрило доказательства Колумба.

Съ наступленіемъ весны 1487 года, Дворъ переѣхалъ въ Кордову и началъ готовиться къ походу на Малагу; тутъ уже нельзя было рассчитывать на продолженіе обсужденій, какія на-

*Приобрѣтаетъ
расположеніе
Деза.*

*1487 г. Дворъ
въ Кордовѣ.*

чались въ ученыхъ засѣданіяхъ въ Саламанкѣ. Повидимому, Колумбъ слѣдовалъ за Дворомъ во время переѣздовъ послѣдняго: иногда прельщаемый подачками, которыми дарилъ его казначей короля; иногда же получая денежную поддержку отъ своего новаго друга Діега де-Деза; быть можетъ, продавая то тамъ, то здѣсь географическія карты своей

Памятникъ Колумбу, воздвигнутый въ Генуѣ, въ 1862 году.

работы; и пользуясь гостепріимствомъ, гдѣ только было возможно, напр., у такихъ людей, какъ Алонзо де-Квинтанилла. Въ эти дни бродячей жизни онъ находился, — по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, — на службѣ у Двора, окруженнаго войсками у стѣнъ

мавританской крѣпости Малаги. Городъ сдался 18 августа 1487 года, и тогда Дворъ вернулся назадъ въ Кордову.

*Малага сдается
въ 1487 году.*

Осенью 1487 г., въ Кордовѣ, Колумбъ вступилъ въ любовную связь съ особой изъ хорошей фамиліи, но не имѣвшей ни гроша за душой. Была-ли эта связь санкціонирована церковью или нѣтъ—вопросъ, ставшій предметомъ многихъ изслѣдованій и разнорѣчивыхъ мнѣній. Тѣ изъ французскихъ

*1487 г. Связь
Колумба съ
Беатрисой
Энрикесъ.*

авторовъ, которые стремятся къ достиженію канонизаціи Колумба, естественно пытались очистить нравственную личность Колумба отъ всякаго пятна; они конфиденціально увѣряютъ, безъ сомнѣнія воображая, что ихъ увѣренія доказательны, будто въ этой связи очевидно лишь супружеское право,—вопросъ, который придется рѣшать церкви въ свое время, если только она когда нибудь согласится признать святость великаго открывателя. Даже самые ярые защитники канонизаціи принуждены признать, что не существуетъ записи объ этомъ бракѣ. Нѣтъ никакихъ современныхъ данныхъ, которыя бы подтверждали подобный союзъ, напр., свидѣтельства о семейной церемоніи крестинъ и т. п. и ни въ одномъ изъ всѣхъ актовъ, гдѣ были записаны славныя дѣянія его жизни, не упоминается о женѣ. Позднѣе, когда онъ былъ вице-королемъ, при немъ не было вице-королевы. О ней не упоминается рѣшительно нигдѣ, пока Колумбъ не дѣлаетъ выразительнаго намека о ней въ своемъ послѣднемъ завѣщаніи, въ которомъ онъ поручаетъ эту Беатрису Энрикесъ своему законному сыну Діего; въ завѣщаніи сказано, что она была личностью, которой завѣщатель много обязанъ и что на совѣсти его лежитъ тяжкій грѣхъ по отношенію къ ней вслѣдствіе такого обстоятельства, которое онъ считаетъ неудобнымъ объяснять. Это заповѣдное признаніе въ завѣщаніи въ связи съ другими указаніями и отсутствіе доказательствъ противнаго убѣдили почти всѣхъ біографовъ Колумба, и первыхъ, и позднѣйшихъ, что плодъ этой связи, Фердинандъ Колумбъ, былъ незаконнымъ сыномъ. Онъ родился приблизительно 15 августа 1488 года. Мать, по всей вѣроятности, пользовалась нѣ-

*Рожденіе Фердинанда Колумба
1488 года.*

которую нѣжностью отъ своего любовника, но Колумбъ, повидимому, не взялъ ее съ собою въ Севилью, когда туда перѣхалъ; а содержаніе, которое онъ давалъ ей, не всегда доставлялось ей исправно и никогда не доходило до того размѣра, въ какомъ онъ, передъ смертью, просилъ Діего наградить ее. Она несомнѣнно пережила завѣщаніе, сдѣланное Діего въ 1521 году, а затѣмъ о ней всѣ позабыли. Сынъ ея, Фердинандъ, если только считать его авторомъ «Historie», не упоминаетъ о бракѣ своей матери, несмотря на то, что заботливо отмѣчаетъ тотъ бесспорно законный бракъ своего отца, плодомъ котораго былъ Діего, наследникъ адмирала. Законному сыну своему Колумбъ, отправляясь въ третье путешествіе, приказалъ уплачивать Беатрисѣ ежегодно десять тысячъ мараведи; но тотъ, повидимому, въ послѣдніе три или четыре года ея жизни и не думалъ уплачивать ей назна-

ченнаго содержанія. Въ концѣ концовъ Діего приказалъ уплатить ея наслѣдникамъ эти просроченныя деньги. Ласказасъ опредѣленно говорить о Фердинандѣ, какъ о незаконномъ сынѣ, а Ласказасъ лучше всѣхъ другихъ зналъ о томъ, что писалъ.

Испанія 1482 г.
(Изъ «Ptolemy» отъ 1482 г.).

Полагаютъ, что во время этой неопредѣленности и любовной интриги, которыя нарушили душевное равновѣсіе пламеннаго мечтателя, онъ отправилъ брата своего, Бартоломео, въ Англію съ порученіемъ открыть его проекты Генриху VII. Гаклуйтъ въ своемъ «Western Planting» рассказываетъ, что «королямъ англійскимъ даетъ большое право» на Новый Свѣтъ

Колумбъ
посылаетъ
брата своего
въ Англію.

то обстоятельство, что Генрихъ VII вполне одобрилъ теорію Колумба, съ которою нѣсколько запоздалъ братъ его Бартоломео; Какъ отнеслась Англія къ иде-
ямъ Колумба. только освободившись изъ рукъ пиратовъ, у которыхъ онъ былъ въ плѣну, онъ могъ наконецъ 13 февраля 1488 года представить англійскому королю для разсмотрѣнія морскую карту, заключавшую въ себѣ теорію Христофора.

Уильямъ Кастелль въ своемъ трудѣ «Short Discovery of America» говоритъ, что Генрихъ VII «къ несчастію отказался принять какое-либо участіе въ открытіи, полагая, что ученый Колумбъ строилъ воздушные замки». Обычный рассказъ заключается въ томъ, что Генрихъ наконецъ сдался на докучливыя приставанья Бартоломео, да только слишкомъ поздно, послѣ того какъ Колумбъ одержалъ побѣду надъ испанскимъ Дворомъ. Самому Колумбу приписывается признаніе, будто-бы Генрихъ въ самомъ дѣлѣ написалъ къ нему письмо о своемъ согласіи. Весьма вѣроятно, посланіе это было слѣдствіемъ новыхъ стремленій къ океанійскому открытію, которыя нѣсколько позднѣе стали распространяться среди англійскихъ моряковъ, благодаря присутствію венеціанцевъ Каботовъ; по достовѣр- Работы
изъ Англіи. нымъ свѣдѣніямъ, Джонъ Каботъ и его сыновья, изъ которыхъ Себастьянъ былъ въ это время шестнадцати- или семнадцатилѣтнимъ юношей, поселились навсегда въ Бристолѣ незадолго до 1490 года.

Если рассказъ объ испанскомъ агентѣ, отправленномъ въ Англію къ ея государямъ, передаетъ вѣрно даты, то приблизительно въ это же время бристольскіе купцы возобновили свои океанійскіе поиски за островами Бразиль и Семп Городовъ. Мы уже видѣли, что эти острова выѣтъ съ другими иногда появлялись на гадательныхъ картахъ Атлантики и, весьма вѣроятно, они значились и на той морской картѣ, которую Бартоломео Колумбъ показывалъ Генриху VII. Быть можетъ, поиски эти были до извѣстной степени вызваны этимъ фактомъ. Во всякомъ случаѣ, если-бы посреди океана нашлись такія мѣста для стоянокъ, то всякія опасности дальнѣйшихъ изслѣдованій на западъ были бы встрѣчены съ бѣльшимъ мужествомъ. Намъ рѣшительно ничего не извѣстно о донесеніи, которое, вѣроятно, Бартоломео не замедлилъ послать своему брату; самъ же онъ, кажется, вернулся въ Испанію только въ 1494 году, послѣ долгаго пребыванія во Франціи.

Привингъ думаетъ, что Колумбъ, завязавъ переписку съ португальскимъ королемъ относительно своего возвращенія на службу Португаліи, получилъ отъ этого монарха посланіе отъ 20 марта 1488 года, въ которомъ ему дозволялось вернуться въ Португалію и предлагалось покровительство противъ какого бы то ни было гражданскаго или уголовнаго преслѣдованія, но онъ отклонилъ это предложеніе. Намъ остается дѣлать различныя предположенія относительно судебныхъ преслѣдованій, которыхъ онъ могъ опасаться.

Колумба при-
глашаютъ
вернуться въ
Португалію.

Гумбольдтъ хвалитъ пропизательность Наваррета, понявшаго, что Колумба удержало отъ принятія вышеупомянутыхъ королевскихъ предложеній не столько уговариваніе Діега де-Деза, сколько незаконное сожительство, въ какое онъ вступилъ въ Кордовѣ съ доньей Беатрисой Энрикецъ, раньше лѣта родившей ему сына.

Съ другой стороны, доказательствомъ того, что онъ не пренебрегъ этимъ предложеніемъ, служить памятная замѣтка, сдѣланная рукою самого Колумба на поляхъ списка «Imago Mundi» Пьера д'Айльи, хранящейся въ Колумбовой библіотекѣ, въ Севильѣ; здѣсь, въ декабрѣ 1488 г., «въ Лиссабонѣ» онъ говоритъ о возвращеніи Діаца изъ его путешествія къ мысу Доброй Надежды. Правда, мы должны сдѣлать оговорку, что, по мнѣнію Ласказаса, замѣтка эта написана рукою Бартоломео Колумба, но Гарриссъ рѣшительно признаетъ ея тождественность съ почеркомъ Колумба. Этотъ послѣдній критикъ высказываетъ предположеніе, что Колумбъ побывалъ въ это время въ Португаліи съ цѣлью привести въ порядокъ дѣла по имуществу своей жены.

Колумбъ пересталъ получать субсидію отъ Испаніи въ іюнѣ 1488 г.; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о дальнѣйшихъ щедротахъ. Фердинандъ родился у него въ августѣ. Весьма вѣроятно, вслѣдствіе этого послѣдняго событія Колумбъ отправился въ Португалію, если только вообще слѣдуетъ принимать мнѣніе Гаррисса объ его отъѣздѣ туда. Пребываніе его тамъ было, безъ сомнѣнія, кратковременно, а съ 1489 по 1492 годъ по всѣмъ даннымъ онъ ни разу не покидалъ испанскаго государства.

*Пріостановка
выдачи испан-
ской субсидіи.*

По свидѣтельству письма Люиса де-ла-Церда, герцога Медина-Цели, приводимаго Наварретомъ, мы узнаемъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ по прибытіи Колумба изъ Португаліи онъ пользовался гостепріимнымъ кровомъ герцога въ Когуллудо, и Гарриссъ считаетъ вѣроятнымъ, что герцогъ оказывалъ ему ту же милостивую помощь по возвращеніи его въ Испанію. Что же касается даты, то намъ достовѣрно извѣстно только, что это случилось до его перваго путешествія, какъ объ этомъ упоминаетъ и самъ герцогъ въ письмѣ отъ 19 марта 1493 года.

*Герцогъ де-Ме-
дина-Цели ока-
зываетъ госте-
пріимство Ко-
лумбу.*

Только въ маѣ 1489 г., когда дворъ снова переѣхалъ въ Кордову, по словамъ Діега Ортица де-Зуныга въ его трудѣ о Севильѣ, государи милостиво повелѣли Колумбу явиться туда и отвели ему помѣщеніе. По всей вѣроятности, въ то же самое время былъ отданъ общій приказъ, помѣщенный въ Кордовѣ 12-мъ мая, чтобы всѣмъ городамъ и столицамъ было предложено оказывать надлежащее содѣйствіе Колумбу и его спутникамъ, такъ какъ онъ развѣзжалъ по дѣламъ королевской службы.

*1489 г. Колумбу
приказано
явиться въ
Кордову.*

1489 годъ былъ полонъ опасностей, но онъ принесъ блестящіе результаты. Государи продолжали энергически побѣждать мавровъ. Изабелла сама управляла арміей и появилась среди осаждавшихъ войскъ у Базы во всеоружіи воинскихъ доспѣховъ, которые еще и теперь

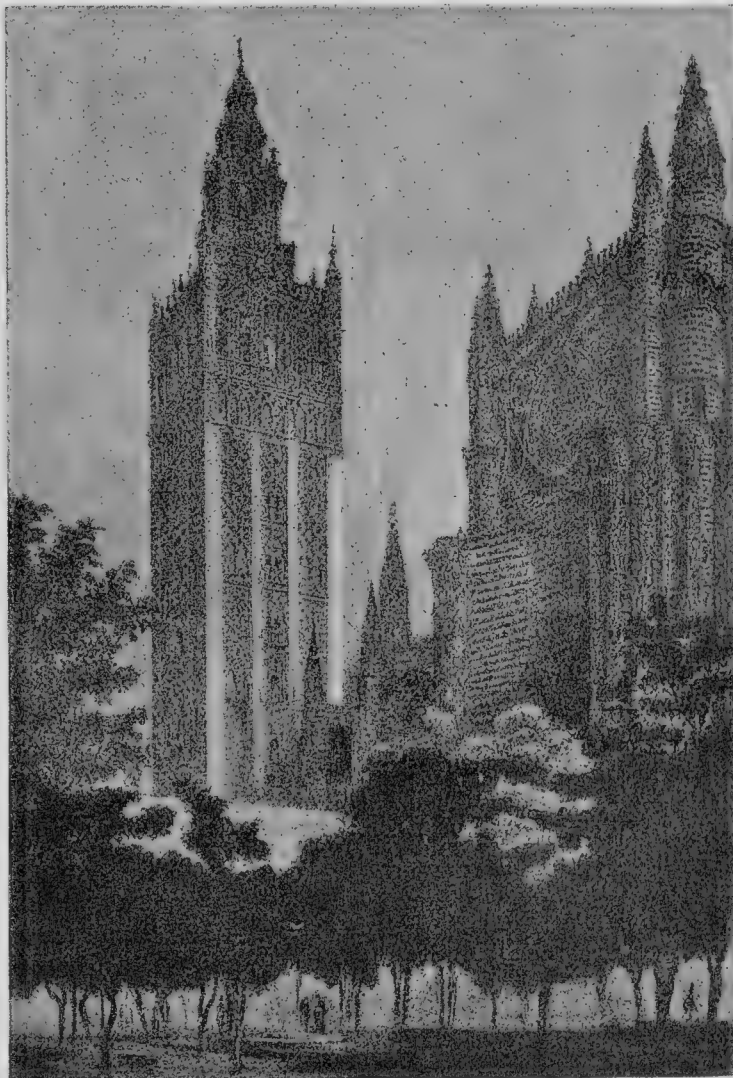
показываютъ путешественникамъ. Зуньига говоритъ, что Колумбъ Колумбъ при осаде Базы. самъ сталъ въ ряды сражавшихся и, безъ сомнѣнія, познакомился съ миссіей двухъ монаховъ, которые были охранителями Святого Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Эти духовныя лица прибыли во время осады съ посланіемъ отъ великаго египетскаго султана, угрожавшаго истребить всѣхъ христіанъ подвластныхъ ему, если не будетъ прекращена война съ Гренадою. Но такая угроза не могла произвести дѣйствія, такъ какъ недалеко было время окончательнаго изгнанія мавровъ изъ Испаніи. Изабелла издала декретъ объ уплатѣ ежегодно тысячи червонцевъ вѣрнымъ охранителямъ Гроба Господня и отослала собственноручно ею же расшитое покрывало для возложенія на раку. По этому поводу Првингъ отмѣчаетъ то стремленіе, какое Колумбъ часто обнаруживалъ въ послѣдующіе годы, посвятить заранее предвѣкушаемыя богатства Индіи на Крестовый походъ въ Палестину для освобожденія и охраны Гроба Господня.

Походъ завершился сдачей крѣпости Базы 22 декабря, когда Испанія получила отъ Мулы Боабдила, старшаго изъ соперничествовавшихъ мавританскихъ королей, всю территорію, находившуюся подъ его владычествомъ. Въ февралѣ 1490 года Фердинандъ и Изабелла торжественно вступили въ Севилью; затѣмъ послѣдовалъ годъ веселыхъ и пышныхъ празднествъ, ознаменовавшихся весною высокоторжественною свадьбою принцессы Изабеллы съ дономъ Алонзо, наслѣдникомъ португальскаго престола. Эти событія, приковавшія къ себѣ всеобщее вниманіе, не давали почти никакой возможности Колумбу подвинуть впередъ свои планы при Дворѣ. Онъ вскорѣ увидалъ, что никакими способами ему не добиться дальнѣйшаго вниманія со стороны монарховъ, пока не пріостановились эти празднества въ подготовленіяхъ къ окончательному походу на младшаго мавританскаго короля. Въ это самое время, согласно предположенію Првинга и другихъ авторовъ, разсмотрѣніе проекта относительно западнаго пути, забытаго въ тотъ моментъ, когда Дворъ уѣхалъ изъ Саламанки, было снова поставлено на очередь; экспертами явились лица, приглашенныя Талаверой, и снова въ результатѣ получилось непріязненное рѣшеніе. Последнее было сообщено самимъ Талаверой государю и при этомъ было высказано мнѣніе, что великимъ государямъ не подобаетъ заниматься такими химерическими предпріятіями.

Однако же, предполагаютъ, что рѣшеніе это состоялось не безъ нѣкоторой сдержанности со стороны нѣсколькихъ критиковъ, Деза колеблется. въ особенности же Діего де-Деза, который показалъ, что сила аргументовъ, выставленныхъ Колумбомъ, произвела извѣстное дѣйствіе. Монахъ этотъ былъ наставникомъ принца Хуана и ему не стоило большого труда измѣнить рѣзкій приговоръ судей. Тѣ, которые позднѣе воздвигли надгробный памятникъ Дезѣ въ Севильскомъ соборѣ, съ гор-

достью надписали на этомъ памятникѣ, что Дега былъ великодушнымъ и вѣрнымъ покровителемъ Колумба. На этомъ основаніи монархи стали держаться выжидательнаго образа дѣйствій и Колумба извѣстили, что настоящія опасности и издержки войны

Отсрочка.

Севильскій соборъ.
(Изъ «*Esraña*» Парцеризы и Квадрадо).

требовали нераздѣльнаго вниманія, поэтому дальнѣйшее разсмотрѣніе его проекта надлежало отложить до окончанія войны. Рѣшеніе это

Колумбъ получилъ въ Кордовѣ. Въ пылу надежды онъ заподозрилъ, что этотъ приговоръ принялъ непріязненную окраску, пройдя черезъ редакцію Талаверы, поэтому поспѣшилъ въ Севилью, но и здѣсь встрѣтилъ тотъ же ледяной отказъ отъ самихъ монарховъ. Съ раз-

*Колумбъ от-
правляется въ
Севилью; но ему
отказываютъ.*

битыми надеждами покинулъ онъ этотъ городъ, чувствуя, что козни Талаверы, какъ рассказываетъ намъ Петеръ Мартиръ, настроили государей противъ него.

Теперь Колумбъ сталъ добиваться вниманія могущественныхъ испанскихъ грандовъ, которые, хотя и были подданными испанскаго короля, но въ своихъ собственныхъ владѣ-

*Ихъ покрови-
тельство у
испанскихъ
грандовъ.*

ніяхъ пользовались почти самодержавіемъ, служа пре-
столу не въ качествѣ вассалловъ, а скорѣе какъ соучастники въ его войнахъ. Они были обязаны пополнять контингентъ арміи людьми изъ своей свиты и изъ своихъ подданныхъ; деньги шли изъ ихъ сундуковъ, провіантъ изъ ихъ имѣній и корабли изъ ихъ собственнаго флота; дѣйствительно, ихъ обширныя вотчины занимали большую береговую полосу, а въ ихъ гаваняхъ укрывался ихъ многочисленный флотъ. Такъ жили герцоги Медина-Сидонія и Медина-Цели. Однако, и у нихъ Колумбъ нашелъ ту-же осторожность, какую онъ встрѣтилъ уже при болѣе важномъ Дворѣ. Они охотно выслушивали его; они соглашались, что великія надежды на богатства Востока, одушевлявшія Колумба, имѣли въ

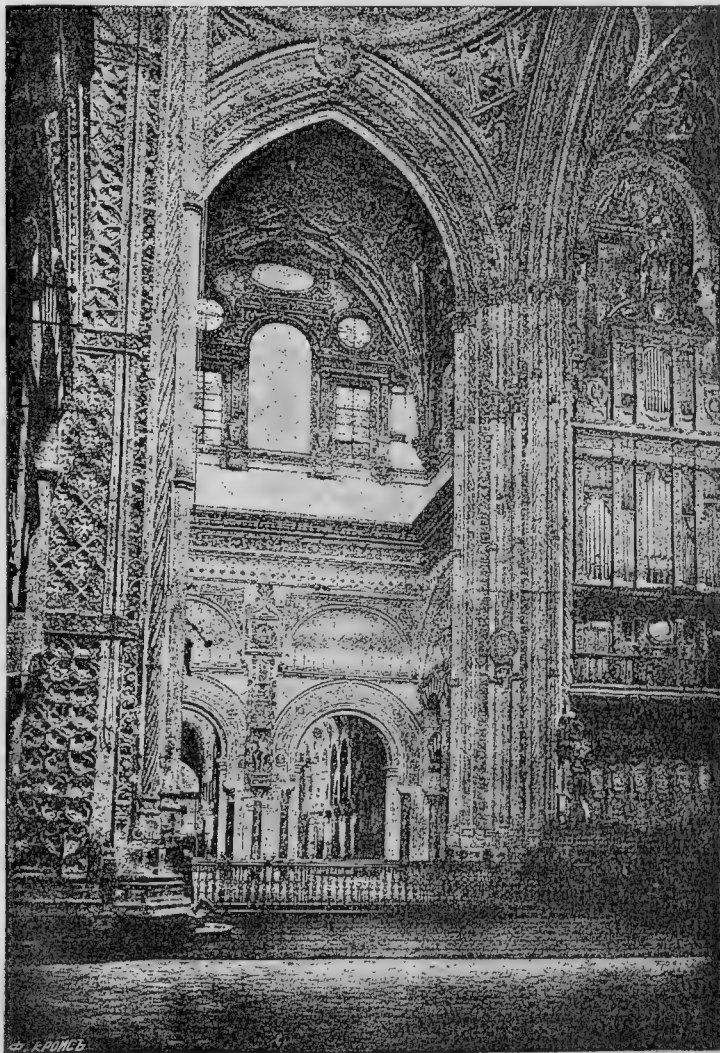
*Медина-
Сидонія и
Медина-
Цели.*

себѣ много заманчиваго, но въ концѣ концовъ и здѣсь его ожидало то-же разочарованіе. Одинъ изъ нихъ, герцогъ Медина-Цели, наконецъ, ловко уклонился отъ настойчивыхъ домогательствъ Колумба, объявивъ, что проектъ этотъ заслуживаетъ скорѣе поддержки со стороны короля, чѣмъ его ничтожной помощи. Впрочемъ, онъ сказалъ просителю, что при дальнѣйшемъ его ходатайствѣ у престола въ болѣе удобную минуту, онъ замолвитъ слово у королевы въ пользу проекта. Герцогъ сдержалъ свое слово, и многое изъ того, что намъ извѣстно объ участіи его къ Колумбу, было сообщено Ласказасу однимъ изъ лицъ приближенныхъ къ герцогу. Показаніе это таково, что, если вѣрить ему, то герцогъ, — вѣроятно, весною 1491 года, по мнѣнію Гаррисса, — въ самомъ дѣлѣ снарядилъ для Колумба нѣсколько небольшихъ грузовыхъ судовъ; но, ходатайствуя о королевскомъ разрѣшеніи, онъ получилъ извѣстіе, что сама королева рѣшилась принять участіе въ этомъ предпріятіи. Такимъ рѣшеніемъ, повидимому, заключается эта часть исторіи, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда Колумбъ получилъ приглашеніе изъ Рабиды.

Совѣщаніе, происходившее въ монастырѣ Рабида, заключается въ себѣ обстоятельства, относительно которыхъ, — какъ уже было указано выше, — историки затрудняются признать различіе съ обстоятельствами, сопровождавшими его первое посѣщеніе Рабиды, если только оно состоялось когда-нибудь. Колумбъ, согласно обычному повѣствованію, побывалъ въ монастырѣ, повидимому, въ

*Колумбъ
изъ Рабиды.*

октябрѣ или ноябрѣ 1491 года, съ тѣмъ, чтобы взять оттуда своего сына Діега и отвезти его въ Кордову, гдѣ онъ долженъ былъ остаться вмѣстѣ съ Фердинандомъ на попеченіи матери послѣдняго. Самъ Колумбъ имѣлъ намѣреніе уѣхать во Францію, чтобы узнать, не доставитъ-ли ему

Кордовскій соборъ.
(Изъ «*Espana*» Парцеризы и Квадрадо).

письмо, полученное имъ отъ французскаго короля, способа къ выполнению его завѣтныхъ упованій. Говорить, что именно это очевидное намѣреніе покинуть Испанію возбудило патріотизмъ Маркены, кото-

рый взялъ на себя предупредить такую жертву. Мы занимаемся эти данные изъ показаній Гарси Фернандеца, доктора въ Палосѣ, на котораго мы уже ссылались по поводу перваго посѣщенія Колумбомъ монастыря. Свидѣтель этотъ говоритъ, что его пригласили въ Рабиду для переговоровъ съ Колумбомъ. Въ разсказѣ этомъ упоминается также, что глава семьи знаменитыхъ мореплавателей въ Палосѣ, Мартинъ Алонзо Пинзонъ, былъ также привлеченъ къ участию въ небольшомъ кружкѣ, собравшемся по иниціативѣ монаха для обсужденія новаго положенія дѣла. Пинзонъ съ готовностью примкнулъ къ идеямъ Колумба. Однако-же, присутствіе Пинзона опровергается документами, показывающими, что какъ разъ въ это время онъ находился въ Римѣ.

Нѣкоторые французскіе писатели, Эстанлинь и Гаффарель, приводятъ въ своихъ сочиненіяхъ ссылку на путешествіе Жана Кузена въ 1488 г. изъ Діеппа къ берегамъ Бразилія, которое бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на свиданіе Пинзона съ Колумбомъ, состоявшееся позднѣе, если не въ данную минуту. Надо сознаться, что, кромѣ французскихъ авторовъ, мало кто вообще даетъ вѣру этому путешествію. Маюръ, тщательно прослѣдившій весь этотъ разсказъ, рѣшительно отвергаетъ его. Въ разсказѣ говорится, что нѣкто Пинзонъ, кастилецъ, сопровождалъ Кузена въ качествѣ кормчаго, и вышеназванные французскіе писатели отождествляютъ его съ мореплавателемъ, который, яко-бы, съ готовностью увѣровалъ въ идеи Колумба, такъ какъ ему было извѣстно больше того, чѣмъ онъ заявлялъ открыто. Въ позднѣйшихъ сношеніяхъ Колумба и Пинзона они видятъ ясное доказательство уваженія, какое Колумбъ, повидимому, питалъ къ практическому уму, если не къ познаніямъ, Пинзона. По ихъ мнѣнію, особенно рѣзко бросается въ глаза, какъ Колумбъ во время своего перваго путешествія преклонился передъ мнѣніемъ Пинзона, измѣнивъ свое направленіе къ юго-западу, согласно указанію Пинзона, на основаніи его прежняго опыта во время плаванія по этимъ морямъ въ 1488 году. Они объясняютъ этимъ самоувѣренность Пинзона, который разстался съ адмираломъ у береговъ Кубы и старался придти ранѣе Колумба въ Палосъ на возвратномъ пути, какъ читатель узнаетъ вполнѣдствіи. Такимъ образомъ престоудно доказывается, что кормчій Кузена и товарищъ Колумба было одно и то же лицо. Другихъ ученыхъ, кромѣ французскихъ, имъ едва-ли удалось убѣдить въ этомъ. Когда Пинзонъ съ корабля «Pinta» вполнѣдствіи пытался дискредитировать управленіе Колумба, въ знаменитомъ процессѣ послѣдниковъ адмирала, то едва-ли, по какой бы то ни было причинѣ, какъ утверждаютъ французскіе авторы, онъ пренебрегъ бы столь важнымъ доказательствомъ, какъ фактъ путешествія Кузена и его отношеніе къ нему, если-бы только это было въ дѣйствительности. И такъ, обращеніе Пинзона въ послѣдователя идей Колум-

*Маркена
ободряетъ его.*

*Цитируемое
путешествіе
Кузена въ
1488 году*

*и предполагае-
мое участіе
Пинзона въ
этомъ путе-
шествіи.*

*Пинзонъ
помогаетъ
Колумбу.*

ба въ Рабидѣ мы должны очевидно приписать исключительно силѣ аргументовъ, представленныхъ Колумбомъ. Этотъ успѣхъ принесъ Колумбу существенную пользу, такъ какъ Пинзонъ общалъ ему теперь взять на себя издержки по возобновленію ходатайства передъ Фердинандомъ и Изабеллой.

Пренія этого маленькаго кружка въ монастырѣ скоро завершились окончательнымъ рѣшеніемъ. Колумбъ передалъ свое дѣло въ руки своихъ друзей, согласившихся спокойно выжидать въ монастырѣ, пока они настойчиво займутся его ходатайствомъ. Перець написалъ прошеніе къ королевѣ и отправилъ его съ почтеннымъ сосѣднимъ мореходомъ, Себастьяномъ Родригесъ. Онъ нашелъ королеву въ городѣ Санта-Фэ, который разросся, благодаря войскамъ, обступившимъ его со всѣхъ сторонъ передъ Гренадой; осада послѣдней быстро готовилась испанской арміей. Посла-

*Родригесъ
отправляется
въ Санта-Фэ
съ письмомъ
къ королевѣ.*

ніе пришло въ удобную минуту, потому что оно подкрѣпляло письмо, уже полученное ею отъ герцога Медина-Цели, который вѣрно исполнилъ свое обѣщаніе Колумбу, и который, судя по письму, написанному имъ впоследствии, 12 марта 1493 года, питалъ самъ къ себѣ не мало уваженія за то, что, — какъ ему казалось, — благодаря ему Колумбъ не поступилъ на службу Франціи. Въ результатѣ лонцавъ привезъ въ Рабиду извѣстіе, что Маркена будетъ милостиво

*Маркена слы-
дуетъ за нимъ.*

принять въ Санта-Фэ. И такъ усѣвшись послѣ полуночи на своего мула, черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Родригеса, монахъ отправился по слѣдамъ моряка, проѣхалъ по областямъ уже отвоеваннымъ у мавровъ и, явившись ко Двору, представился королевѣ. Говорятъ, что Перець нашелъ себѣ помощниковъ въ Люисъ де-Сантангелъ, одномъ изъ чиновниковъ при Арагонскомъ казначействѣ, и

*Королева на-
копецъ прила-
шаетъ Колумба
явиться.*

въ маркизѣ Мойя, одной изъ придворныхъ дамъ. Полагаютъ, что монахъ такъ энергично защищалъ свое ходатайство, что королева, которая всегда благосклоннѣе относилась къ доводамъ Колумба, рѣшилась наконецъ еще разъ выслушать челобитную генуэзца. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи Колумба, она приказала послать ему денегъ, чтобы онъ могъ исправить свой гардеробъ и запастись всѣмъ необходимымъ для путешествія. Перець, привезшій эти счастливыя извѣстія, вернулся снова ко Двору вмѣстѣ съ Колумбомъ, своимъ протеже. Такимъ образомъ, опять поддерживаемый надеждою и одѣвшись какъ подобаетъ для представленія ко Двору, Колумбъ, рано утромъ, въ декабрѣ 1491 года, вѣхалъ на своемъ мулѣ въ лагерь Санта-Фэ, гдѣ главный контролеръ принялъ его и отвелъ ему помѣщеніе. Это былъ тотъ самый чиновникъ Алонзо де-Квинтанилла, относительно котораго у Колумба сохранилось доброе воспоминаніе, такъ какъ, благодаря его содѣйствію, въ концѣ концовъ, великій кардиналъ Испаніи, Мендоза, оказалъ въ то время участіе генуэзскому просителю.

*Колумбъ при-
лжастъ въ Сан-
та-Фэ, въ декаб-
ръ 1491 г.
Квинтанилла и
Мендоза.*

Однако, военные событія были слишкомъ важны, чтобы возможно было удѣлить тотчасъ же вниманіе его проектамъ, и онъ смотрѣлъ съ восхищеніемъ и сдержаннымъ ожиданіемъ на великій парадъ окончательнаго покоренія Боабдила младшаго, послѣдняго изъ мавританскихъ королей, и на длинную процессію величественной Испаніи, двинувшуюся впередъ изъ осаждавшаго лагеря для полученія ключей отъ Алгамбры. Войны, слѣдовавшія за войнами въ теченіе почти восьми столѣтій, теперь были закончены. Христіанское знамя Испаніи развѣвалось надъ мавританскимъ дворцомъ. Всѣ провинціи королевства восторжествовали. Въ воздухѣ звучали крики поздравленій и ликовація, все сіяло торжествующимъ самодовольствомъ.

Немногіе обращали вниманіе на скромнаго генуэзца, который оставался тутъ-же въ ожиданіи, когда государямъ будетъ угодно вспомнить о немъ посреди всего этого шумнаго веселія; но о немъ не забыли. Они вспомнили, какъ и онъ, обѣщаніе, данное ему въ Севильѣ. Война окончилась и наступила его пора. Талавера за это время успѣлъ такъ сильно проникнуться идеями Колумба, что, по словамъ Петра Мартира, проектъ не удался бы безъ его вмѣшательства. Ему было поручено вести переговоры съ ожидавшимъ мечтателемъ, и кардиналъ Мендоза игралъ выдающуюся роль въ этихъ переговорахъ.

Такимъ образомъ, положеніе Колумба измѣнилось. Онъ былъ просителемъ, а теперь въ немъ заискивали. Его отговаривали отъ намѣренія побывать во Франціи, такъ какъ ему предстояло при помощи своихъ плановъ покрыть Испанію новою славой въ дополненіе къ ея военной доблести. Идея, представленная Пизабеллѣ въ этомъ видѣ, была принята ею, и Колумба пригласили изложить его условія.

Тутъ, когда онъ, повидимому, очутился наконецъ на краю успѣха, бѣдныя, непривычныя къ удачѣ и введенныя въ заблужденіе ея проблесками, повторилъ ту же самую ошибку, которая привела его къ изгнанію изъ Португаліи. Его надменный умъ заставилъ его превознести свое значеніе прежде, чѣмъ онъ доказалъ это; ему не хватало скромности, которая составляетъ отличительную черту побѣдоноснаго духа.

Истинная наука не знаетъ наградъ выше награды собственнаго самосознанія. Въ это время Коперникъ проникъ въ тайны природы какъ аристократъ вселенной. По этому онъ навсегда является высокой противоположностью низкопробной натуры и ненасытной алчности своего современника.

Съ самаго начала переговоровъ Талавера напелъ, что этотъ выскочка предъявляетъ требованія, умѣстныя скорѣе при доказанномъ успѣхѣ предпріятія, а не при гадательныхъ ожиданіяхъ, поэтому было мало надежды на соглашеніе, пока та или другая изъ сторонъ не откажется отъ своей позиціи. Если только собственныя слова Ко-

Колумба имѣютъ какое-либо значеніе, то онъ сознавалъ, что являлся по-смѣшникомъ, когда требовалъ себѣ сана и жалованья въ *Претензіи Колумба.* счетъ будущихъ великихъ открытій. Драматизмъ положенія спасъ Колумба во мнѣніи многихъ историковъ отъ критической оцѣнки такой самонадѣянности. Првингъ и французскіе канонизаторы распространяются о поразительномъ постоянствѣ его цѣлей и о величій его духа. Они удивляются тому, что бѣдность, пренебреженіе, насмѣшки, обиды и разочарованіе не умалили его духа. Чернь любитъ героя безъ героизма и мученика торгующаго своими страданіями. У честнаго же историка должна быть другая цѣль. Онъ старается оцѣнить притязанія по достоинству. Колумбъ, дѣйствительно, долженъ былъ имѣть успѣхъ; но успѣхъ его былъ географической ошибкой и политическимъ и нравственнымъ банкротствомъ. Корона все таки должна была уступить; но ея уступка навлекла несчастіе на Колумба и его потомство и легла укоромъ на Испанію. Послѣдствія для Колумба и для Испаніи были одинаково ужасны.

Колумбъ не хотѣлъ ни на іоту отступиться отъ своихъ притязаній, и переговорамъ былъ положенъ конецъ. Рѣшившись перенести свое ходатайство во Францію, онъ выѣхалъ на мулъ изъ Кордовы въ началѣ февраля 1492 года.

Глава IX.

Окончательное соглашение и первое путешествие 1492.

Колумбъ, унылый скиталецъ, удаляющійся отъ испанскаго двора на своемъ мулѣ, грузно ступающемъ по дорогѣ въ Кордову, представлялъ печальное зрѣлище для немногихъ приверженцевъ, которыхъ онъ оставлялъ позади себя. Они прониклись его самоувѣренностью, но имъ не доставало его ума, чтобы облечь попытку всѣми положительными данными совершившагося факта.

Видъ отъѣзжающаго мечтателя, который покидалъ страну и отправлялся искать поддержки у соперничествовавшихъ Дворовъ, сильно задѣлъ испанскую гордость. Онъ и его друзья по обоюдному соглашенію описывали государства Индіи, ставшія данниками испанской славы. Эта идея объ успѣхѣ, столь близкомъ къ осуществленію, а теперь исчезающемъ, побудила Люиса де-Сантангела и Алонзо де-Квинтанилла рѣшиться на послѣднюю попытку. Они немедленно обратились къ королевѣ. Во время аудіенціи оба защитника идей Колумба снова изложили передъ ней все дѣло, взывая къ ея царственному честолюбію, въ интересахъ распространенія ея святой религіи, выставя на видъ возможность пополнить ея казну, истощенную войною, затрогивая въ ней побужденія гордости или патріотизма. Они краснорѣчиво сопоставили ничтожность издержекъ и риска съ блестящими вѣроятностями успѣха. Они повторили предложеніе Колумба принять на себя восьмую долю расходовъ. Они описали, какъ ея грузовыя суда, снаряженіе которыхъ обойдется не выше 3.000.000 кронъ, понесутъ испанское знамя въ эти богатые области. Картина эта, развернувшаяся передъ ея королевскими очами и согрѣтая огнемъ ихъ живого слова, мало по малу увлекла ее своимъ великолѣпіемъ. Въ концѣ

концовъ кабинетъ королевы былъ охваченъ пламеннымъ желаніемъ славы этихъ почти осуществившихся ожиданій.

Побѣда была одержана. Подруга королевы, маркиза Мойя, видѣла и поощряла пылкій энтузіазмъ Изабеллы; но по лицу королевы проскользнула какая-то тѣнь. Приближенные королевы догадались, что она

думала о безучастномъ отношеніи Фердинанда. Воитель Арагоніи, занятый установленіемъ порядка въ повоzавоеванныхъ областяхъ, съ казною, истощенной почти до послѣдняго гроша, наврядъ ли отнесется сочувственно къ предпріятію, относительно котораго энтузіазмъ его, — если вообще былъ таковой, — всегда проявлялся слабо въ сравненіи съ ея энтузіазмомъ. Она разрѣшила задачу эту съ быстротою молніи. Путешествіе Колумба будетъ рисковъ одной лишь Кастиліи и оно совершится.

Въ то же время былъ отданъ приказъ гонцу привезти Колумба назадъ. Всадникъ догналъ его на мосту Пинось, въ двухъ лигахъ отъ Гренады. Тутъ на Колумба нашло минутное колебаніе; его охватили думы о жестокихъ проволочкахъ, о неопредѣленности въ прошломъ. Однако же, рѣшеніе его не измѣнилось отъ этого. Онъ повернулъ своего мула и поѣхалъ обратно въ городъ. Еще разъ въ Колумбѣ заискивали и при такихъ обстоятельствахъ, которыя давали ему выгодное положеніе отстоять свои высокомѣрные требованія.

*Колумба
привозитъ
обратно.*

Послѣдовавшее затѣмъ свиданіе съ королевой уничтожило всякое сомнѣніе въ томъ, что онъ одержалъ верхъ. Въ свою очередь Фердинандъ сдался на убѣжденія своего камергера, Хуана Кабреро, и на горячія просьбы Изабеллы; но онъ уступилъ безъ вѣры; если только довѣрять разсказу о немъ по поводу требованія подобныхъ же привилегій, предъявленнаго къ нему двадцать лѣтъ спустя Понсомъ де-Леонъ. «Ахъ, — сказалъ Фердинандъ открывателю Флориды, — одно дѣло дать полномочія, когда еще не было предварительнаго примѣра, чтобы кто-нибудь занималъ такой постъ; но мы съ тѣхъ поръ научились кое-чему; вы являетесь, когда начало уже сдѣлано, и совсѣмъ иное дѣло дать вамъ такія полномочія». Въ этомъ разсказѣ приводятся далѣе позднѣйшія усилія короны уничтожить полномочія, данныя ею въ пылу необдуманнаго увлеченія новому адмиралу.

Послѣдующіе дни были посвящены разработкѣ деталей. Обыкновенно со словъ «Historie» разсказывается, что королева *Брильянты
королевы.* предложила заложить свои брильянты, такъ какъ ея кастильской казны не хватило бы для покрытія небольшой требуемой суммы; но Гарриссъ увѣренъ, что военныя нужды уже вызвали эту жертву со стороны королевы, хотя относительно этого факта и нѣтъ письменнаго доказательства. Тутъ Сантангелъ предложилъ свои услуги. Въ качествѣ казначея церковныхъ доходовъ въ Арагоніи, онъ былъ въ состояніи доказать, что такъ какъ Изабелла являлась душою предпріятія, то Фердинандъ могъ сдѣлать ей заемъ изъ этихъ суммъ; такимъ образомъ необходимыя фонды были въ сущности уплачены въ концѣ концовъ изъ доходовъ Арагоніи. Таковъ общій разсказъ, дополненный позднѣйшими авторами согласно повѣствованію Ласка-заса; но Гарриссъ находитъ, что разсказъ этотъ не заслуживаетъ довѣрія; по его мнѣнію, фонды шли изъ частныхъ доходовъ самого Сантангела и только въ интересахъ одной Кастиліи. Это доказывается,

повидному, постояннымъ устраненіемъ подданныхъ Фердинанда отъ участія въ выгодахъ торговли въ новооткрытыхъ земляхъ, причемъ исключеніе допускалось лишь въ видѣ награды за особыя заслуги. Правило это продолжало существовать даже послѣ того, какъ Фердинандъ началъ царствовать одинъ.

Есть нѣчто забавное, какъ и поучительное, въ показныхъ цѣляхъ всѣхъ этихъ стремленій. Овладѣть богатствами роскошнаго Востока представлялось пріятной перспективой, но казалось благочестивымъ воображать, что благодаря энергичной предпримчивости наполнится казна, съ помощью которой будетъ возможенъ новый крестовый походъ для освобожденія Святого Гроба Господня. Жемчугъ и благовонія Востока, золото и драгоценныя камни его рудниковъ пойдутъ на увеличеніе блеска и пышнаго великолѣпія престола, но изъ чувства великодушнаго снисхожденія Колумбу было дано милостивое письмо къ великому хану въ надеждѣ плѣнить его подданныхъ господ-

ствомъ религіи, которая не признавала за язычниками никакихъ иныхъ правъ, кромѣ обращенія ихъ въ истинную вѣру. По крайней мѣрѣ, въ теченіе полутора вѣка такія святыя стремленія были завѣщены церковно-служителямъ; полагали, что семитическому существованію земли черезъ сто пятьдесятъ пять лѣтъ наступитъ конецъ по вычисленіямъ короля Алонзо. Колумбъ впослѣдствіи пришелъ къ этому заключенію, изучая того разношерстнаго кардинала, Пьера д'Айльи, чьи сочиненія въ это время всего нѣсколько мѣсяцевъ какъ находились въ книжныхъ лавкахъ. Гумбольдтъ вошелъ даже въ разборъ чиселъ, чтобы доказать, что вычисленіе Колумба было въ высшей степени неточно; но едва-ли была необходима эта провѣрочная работа завѣдомыхъ нелѣпостей, развѣ ради курьёза. Такихъ несообразностей слишкомъ много въ жизни Колумба, чтобы мы давали себѣ трудъ останавливаться на какой-либо изъ нихъ.

Въ 1492 году 17 апрѣля король и королева подписали въ Санта-Фѣ и вручили Колумбу открытый листъ ко всѣмъ лицамъ неизвѣстныхъ странъ, въ которомъ адмирала поручали ихъ доброму благорасположенію. Документъ этотъ хранится въ Барселонѣ. Въ тотъ же день монархи дали свое согласіе на условія, заключавшіяся въ документѣ, который былъ начертанъ королевскимъ секретаремъ, Хуаномъ де-Колома, и хранится между бумагами герцога Верагуа. Документъ этотъ былъ напечатанъ Наварретомъ, а затѣмъ перепечатанъ Бергенротомъ съ копій, найденной въ Барселонѣ. Въ переводѣ на англійскій языкъ Првингомъ содержаніе этого документа слѣдующее:

1) Что Колумбъ будетъ имѣть для самого себя въ теченіе своей жизни и для своихъ наслѣдниковъ и пріемниковъ санъ адмирала во всѣхъ земляхъ и континентахъ, которые онъ откроетъ или пріобрѣтетъ въ океанѣ, съ почестями и прерогативами одинаковыми съ тѣми, которыми пользуется великій адмиралъ въ своей области.

2) Что онъ будетъ вице-королемъ и генераль-губернаторомъ во всѣхъ вышеупомянутыхъ земляхъ и континентахъ съ исключительнымъ правомъ назначать трехъ правительственныхъ кандидатовъ отъ каждаго острова или провинціи, одинъ изъ которыхъ будетъ избираемъ государями.

3) Что ему будетъ предоставлено право удерживать для себя одну десятую всѣхъ жемчуговъ, драгоцѣнныхъ камней, золота, серебра, благовоній и всѣхъ другихъ предметовъ торговли, будутъ ли они найдены, куплены, вымѣнены или добыты въ предѣлахъ его адмиралтейства, за покрытіемъ первоначальныхъ расходовъ.

4) Что онъ, или его намѣстникъ, будетъ единственнымъ судьей во всѣхъ дѣлахъ или спорахъ, возникающихъ по торговлѣ между этими странами и Испаніей, принимая во вниманіе, что великій адмиралъ Кастиліи имѣетъ подобное же право суда и расправы въ своей области.

5) Что онъ долженъ нынѣ и во всѣ другія времена уплачивать одну восьмую часть расходовъ по снаряженію судовъ для отплытія по этому предпріятію и получать одну восьмую часть барышей.

Условія договора сопровождалось утвержденіемъ его въ званіи адмирала 30 апрѣля, которое было подписано государями въ Гренадѣ и въ которомъ адмиралу и его наслѣдникамъ было пожаловано право употребленія передъ ихъ именами слова «донъ».

1492 г. 30 апрѣля. Колумбу дозволяется употребить передъ своимъ именемъ слово «донъ».

Полагаютъ, что теперь онъ обратилъ нѣкоторое вниманіе на свои домашнія дѣла. Однако, мы ничего не знаемъ о томъ, оставилъ-ли онъ какія-нибудь средства покинутой Беатриксъ; говорятъ только, что онъ помѣстилъ своего сына Фердинанда, четырехлѣтняго ребенка, въ школу, въ Кордовѣ, неподалеку отъ его матери. Своего законнаго сына, Діего, онъ прекрасно устроилъ; приказомъ королевы отъ 8 мая онъ былъ сдѣланъ нажемъ принца Хуана, безспорнаго наслѣдника престола.

Приводитъ въ порядокъ свои семейныя дѣла.

Самъ Колумбъ рассказываетъ, что онъ оставилъ Гренаду 12 мая 1492 года и прямо отправился въ Палосъ; впрочемъ, по дорогѣ онъ остановился въ Рабидѣ, чтобы обмѣняться дружескими привѣтствіями съ монахомъ Хуаномъ Перецъ, если только онъ въ дѣйствительности не проживалъ въ монастырѣ въ продолженіе своей остановки въ названномъ приморскомъ портѣ.

1492 г. май. Приѣзжаетъ въ Палосъ.

Въ настоящее время Палосъ состоитъ изъ двойного ряда низенькихъ выбѣленныхъ домиковъ, расположенныхъ на склонѣ между холмовъ. Въ путеводителяхъ указаны развалины дома, гдѣ жили Пинзоны. Мавританская мечеть, обращенная въ церковь св. Георгія во время Колумба, еще и понынѣ стоитъ на холмѣ, какъ разъ у вѣзда въ деревню, съ изображеніемъ св. Георгія и дракона надъ главнымъ престоломъ, совсѣмъ какъ при жизни Колумба, а надъ церковью высятся развалины стариннаго мавританскаго замка.

Описаніе Палоса.

Разсказъ Ласказаса о снаряженіи судовъ не согласуется въ нѣко-

торыхъ главныхъ подробностяхъ съ тѣмъ, что мы читаемъ у Наваррета, который свои сообщенія заимствовалъ изъ документовъ, опубликованныхъ имъ. Фактъ, кажется, заключается въ томъ, что два судна Колумба не были построены герцогомъ Медина-Сидоня и впоследствии куплены королевою, какъ говоритъ Ласказасъ; но случайно городъ Палосъ, за какое-то оскорбленіе королевскаго величества, былъ приговоренъ въ наказаніе къ работамъ на двухъ вооруженныхъ судахъ на двѣнадцать мѣсяцевъ; вслѣдствіе этого, королевскимъ приказомъ отъ 30 апрѣля 1492 года было повелѣно предоставить трудъ судовой команды и суда въ распоряженіе роковой Колумбовой экспедиціи.

Въ королевскомъ указѣ было также упомянуто, что Колумбъ могъ увеличить свой экипажъ третьимъ судномъ, что онъ и сдѣлалъ, какъ полагаютъ, съ помощью Пинзоновъ, хотя и не существуетъ документовъ, изъ которыхъ можно было бы узнать, откуда онъ добылъ необходимыя средства. Впрочемъ, Ласказасъ и Геррера поддерживаютъ это предположеніе, да оно, безъ сомнѣнія, основывается на доказательствѣ, приведенномъ въ пресловутомъ процессѣ, который имѣлъ цѣлью возвеличить услугу, оказанную Пинзонами. Было постановлено также, что матросы маленькаго флота будутъ получать обычное жалованье въ размѣрѣ, какой полагается экипажу вооруженныхъ судовъ, и жалованье будетъ уплачиваться имъ за четыре мѣсяца впередъ. Всѣмъ приморскимъ городамъ было предписано снабжать экспедицію нужными припасами по сходнымъ цѣнамъ. Всѣ уголовные процессы, возбужденные противъ лицъ, вступившихъ въ экспедицію, должны быть приостановлены, и эта отсрочка должна была продлиться еще на два мѣсяца послѣ возвращенія.

23-го мая, въ сопровожденіи Хуана Переца, Колумбъ встрѣтилъ обывателей Палоса, собравшихся въ церкви св. Георгія, когда нотаріусъ читалъ королевскій приказъ, возложенный на городъ. Потребовалось немного времени, чтобы простой народъ угадалъ полное значеніе подобнаго приказа—что ихъ, созданий одного Творца, хотятъ предать страшнымъ бѣдствіямъ великаго невѣдомаго океана. Люди эти, за исключеніемъ нѣсколькихъ арестантовъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, выказали такое сильное нежеланіе вступать въ экспедицію, что явилась необходимость довести объ этомъ препятствіи до свѣдѣнія Двора; между тѣмъ

20 іюня былъ изданъ новый рѣшительный приказъ снарядить силою суда и экипажъ. Хуанъ де-Пеньялоза, изъ королевской свиты, явился въ Палосъ, чтобы понудить къ исполненію этого повелѣнія. Но даже такія настоятельныя мѣры не привели ни къ какому результату; только когда Мартинъ Алонзо Пинзонъ вмѣшался въ это дѣло и, —по соглашенію-ли подѣлить выгоды съ Колумбомъ или по другому какому побужденію, такъ какъ относительно этого пункта показанія сомнительны, а Ласказасъ

*снаряженіе
кораблей.*

*Пинзоны по-
могаютъ ему.*

*1492 г. 23 мая.
Требованіе от-
носительно
двухъ кораблей
изъ Палоса.*

*1492 г.
20 іюня.
Корабли и
экипажъ
снаряжаются
силою.*

отрицаетъ всякую подобную дѣлежку прибылей,—повліялъ на толпу, въ чемъ ему помогъ его братъ, также мореходъ, Виценте Іаньецъ Пинзонъ. Тутъ кстати упомянуть о разсказѣ, приписываемомъ сыну старшаго Пинзона, тому самому, который показалъ въ процессѣ Колумба, что Мартинъ Алонзо былъ убѣжденъ въ существованіи западныхъ странъ, благодаря нѣкоторымъ документамъ и картамъ, которые ему довелось видѣть въ Римѣ. Разсказъ этотъ, подобно уже упомянутому нами разсказу о его товариществѣ съ Кузеномъ, заключаетъ въ себѣ много сомнительныхъ элементовъ.

Эта помощь со стороны Пинзоновъ оказалась весьма дѣйствительною и спасла все дѣло, такъ какъ доселѣ казалось невозможнымъ снарядить суда и набрать экипажъ. Почетная извѣстность этихъ мореплавателей, ихъ обѣщаніе лично участвовать въ путешествіи придали новый характеръ предпріятію и черезъ мѣсяцъ вооруженіе кораблей было закончено. Гаррисъ подробно изучилъ всѣ данныя, относящіяся къ этому инциденту, съ цѣлью узнать, есть-ли какое-нибудь доказательство того, что участіе Пинзоновъ въ денежныхъ расходахъ экспедиціи было важнѣе ихъ личнаго вліянія, но вѣрить этому нѣтъ рѣшительно никакихъ серьезныхъ основаній, за исключеніемъ того, что они стояли позади Колумба въ его долѣ расходовъ, которые составляли 500.000 мараведи, тогда какъ издержки королевы черезъ посредничество Сантангела были вычислены въ 1.140.000 мараведи. Флотъ состоялъ, по свидѣтельству Петера Мартира, изъ двухъ открытыхъ грузовыхъ судовъ «Nina» и «Pinta»,—послѣднее вмѣстѣ съ экипажемъ его было приневолено къ участію въ экспедиціи,—закрытыхъ только у оконечностей, съ высокими носами и кормами, гдѣ помѣщались военная команда и офицеры. Судно съ огромной палубой, извѣстное подъ названіемъ «караки» и переименованное Колумбомъ въ «Santa Maria», которое оказалось «плохимъ судномъ и непригоднымъ для открытій» было обращено Колумбомъ въ флагманское судно. Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе относительно имени этого судна. Только въ «Historie» оно называется этимъ именемъ. Ласказасъ прямо называетъ его «The Captain». Одинъ изъ кормчихъ, говоря о немъ, называетъ его «Mari Galante». Судно это принадлежало нѣкому Хуану де-Ла-Коза, очевидно, не тому лицу, съ которымъ мы познакомимся позднѣе, какъ съ мореплавателемъ и космографомъ; оно было подъ его командой, а Перо Алонзо Нино и Санчо Рюисъ служили на немъ лоцманами.

Капитанъ Г. В. Фоксъ вычислилъ размѣры этого судна относительно его грузоподъемной способности, по тогдашнему способу, и ^{Устройство судна.} полагаетъ, что оно имѣло шестьдесятъ три фута въ длину, пятьдесятъ одинъ футъ вдоль киля, двадцать футовъ по бимсу и десять съ половиною въ глубину.

Двумъ Пинзонамъ предоставлено было управленіе другими судами—Мартину Алонзо наибольшимъ изъ двухъ, «Pinta», съ его третьимъ

братомъ въ званіи лоцмана, а Виценте Іаньезу—судномъ «Nina». Масса препятствій и естественное нежеланіе матросовъ пуститься въ море на такую рискованную службу все еще замедляли приготовленія, но въ началѣ августа организація была закончена и сто двадцать человѣкъ, по свидѣтельству Петера Мартира и Овiedo,—хотя, быть можетъ, «Historie» и Ласказасъ съ большей точностью опредѣляютъ ихъ число въ девяносто, — приготовились, какъ многіе изъ нихъ предчувствовали, отдать себя на волю самого злого рока. За послѣднее время Дуро опубликовалъ въ своемъ «Solón y Pinzon» такъ называемый списокъ ихъ именъ. Въ этомъ списокѣ Таллерте де-Лайесъ показанъ уроженцемъ Англіи, который, какъ полагаетъ авторъ, на своемъ родномъ нарѣчій назывался Артуромъ Лэкъ, а Гульельмо Пресъ, по прозванью изъ Гальвэ, согласно фантастическимъ догадкамъ, у себя на родинѣ носилъ имя Райсъ, Геррисъ или Гаррисъ. Тутъ не было недостатка въ формальныхъ назначеніяхъ на тѣ или другія должности, обычныхъ въ такихъ важныхъ предприятияхъ. Тутъ былъ нотариусъ для записыванія протоколовъ, и историкъ для составленія исторіи, и переводчикъ съ знаніемъ языковъ латинскаго, греческаго, еврейскаго, арабскаго, коптскаго и армянскаго, въ надеждѣ, что одинъ изъ нихъ могъ понадобится для сношеній съ великими азіатскими державами, и знатокъ горнаго дѣла, чтобы дать заключеніе относительно цѣнныхъ рудъ. Были здѣсь и докторъ, и хирургъ. Не видно, чтобы у нихъ былъ священникъ на случай, если бы понадобилось совершить послѣдній торжественный обрядъ надъ усопшимъ или напутствовать умирающаго исповѣдью; но Колумбъ рѣшился выступить въ путь со всею торжественностью, присущей исповѣди и причащенію, и этотъ обрядъ былъ совершенъ Хуаномъ Перецъ какъ для него, такъ и для всего его экипажа.

Въ королевскомъ указѣ касательно направленій пути было оговорено, что Колумбъ долженъ избѣгать Гвинейскаго берега и всѣхъ другихъ владѣній Португаліи; слова эти представляются весьма рѣзкимъ выраженіемъ извѣстнаго недовѣрія по отношенію къ тому, что Колумбъ вообще подразумѣвалъ подъ плаваніемъ на западъ. Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ было болѣе или менѣе смутное представленіе относительно того, что имъ могло открыть западный путь, т. е. какъ далеко можно было идти на западъ, чтобы по необходимости повернуть въ ту или другую сторону.

Въ «Historie» ясно говорится, что Колумбъ надѣялся найти, прежде чѣмъ достигнетъ Индіи, какую-нибудь промежуточную землю, которою онъ хотѣлъ воспользоваться, выражаясь современнымъ языкомъ, какъ базисомъ для своихъ операций. Надежда эта была основана на увѣренности, въ то время общей, что суши было больше, чѣмъ воды, на земномъ шарѣ, и слѣдовательно широкая полоса океана не могла существовать безъ промежуточныхъ земель.

Экипажъ.

*Направленія,
указанныя
короною.*

*Острова, ка-
кіе слѣдовало
отыскать
прежде всего.*

Кромѣ того, не было полной увѣренности, чтобы по пути не встрѣтились такіе феномены, какъ плавающее острова. Плиніи и Сенека описывали ихъ, и Колумбъ охотно вѣрилъ, что Св. Бранданъ и Семь Городовъ, и тѣ острова, которые, по ихъ увѣреніямъ, видѣли въ открытомъ морѣ обитатели Азорскихъ острововъ, были того же характера.

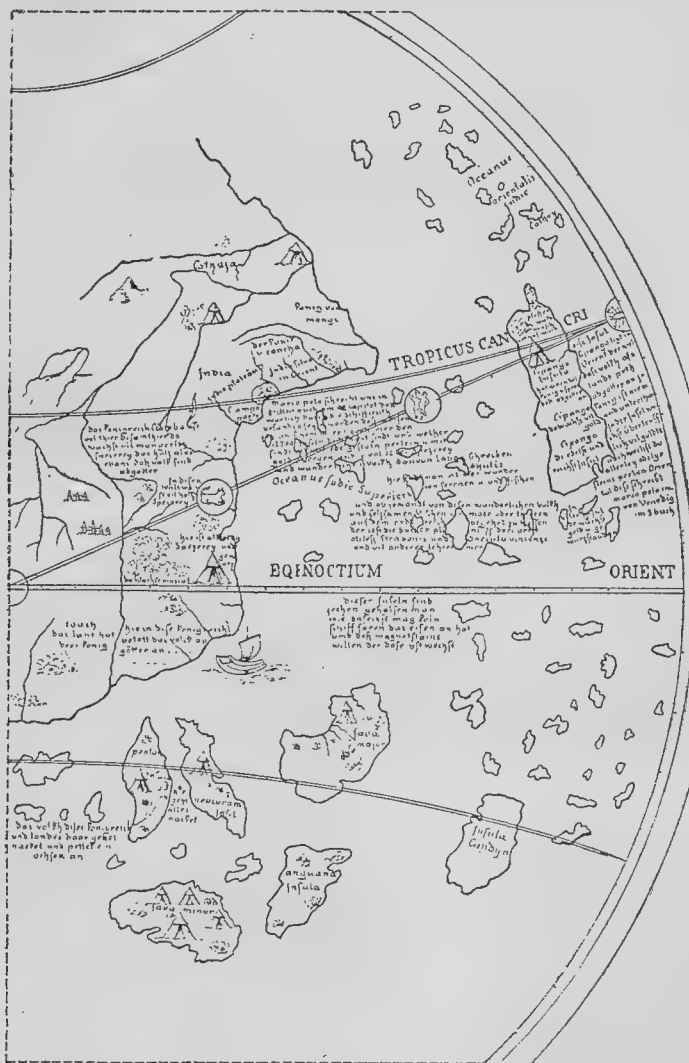
Фактически кажется основательнымъ мнѣніе, что Колумбъ разсчитывалъ на пути къ азіатскимъ берегамъ почти навѣрно встрѣтить другія области, либо острова, лежащія въ западномъ океанѣ. Муньоцъ считаетъ, что «слава подобныхъ открытій воспламеняла его, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ его главная цѣль».

Многіе вѣрили также, что прежде всего они встрѣтятъ на своемъ пути огромный архипелагъ. На Каталанской картѣ 1374 года показаны такіе острова въ громадномъ количествѣ, числомъ до 7.548; Марко Поло насчитываетъ ихъ 12.700,—по край- Азіатскій архипелагъ.ней мѣрѣ, это приписываютъ ему нѣкоторые авторы; и Бэгемъ отмѣчаетъ эти острова на своемъ глобусѣ.

Дѣйствительно, какъ разъ въ это время Бэгемъ, вернувшись изъ Лиссабона къ себѣ на родину въ Нюрнбергъ, сообщилъ граж- Глобусъ Бэгема.данамъ этого континентальнаго города тѣ великія космографическія идеи, о которыхъ онъ постоянно слышалъ толки въ приморскихъ атлантическихъ портахъ. Эти взгляды были наглядно популяризованы въ огромномъ глобусѣ, на устройство котораго Бэгемъ употребилъ все лѣто въ Нюрнбергѣ. Онъ былъ сдѣланъ изъ картона, покрытаго пергаментомъ, и имѣетъ двадцать одинъ дюймъ въ діаметрѣ. На немъ обозначены экваторъ, тропики, полярный кругъ въ широтныхъ линіяхъ; но первый меридіанъ, проходящій черезъ Мадейру, есть единственный секторъ долготы, изображенный на этомъ глобусѣ. Въ этомъ трудѣ Бэгему помогалъ Гольцшнеръ, и глобусъ этотъ въ настоящее время хранится въ ратушѣ Нюрнберга, какъ одна изъ любопытныхъ и достопримѣчательныхъ рѣдкостей этого города. Впрочемъ, глобусъ Бэгема раздѣляетъ извѣстность съ другимъ, такъ называемымъ глобусомъ Глобусъ Лаона.Лаона; это единственные географическіе глобусы, съ достовѣрностью относящіеся къ эпохѣ предшествовавшей открытію Америки. Глобусъ Лаона гораздо меньше; онъ имѣетъ въ діаметрѣ всего шесть дюймовъ; и хотя онъ помѣченъ 1493 годомъ, но полагаютъ, что онъ сдѣланъ нѣсколькими годами раньше, по мнѣнію Д'Авзака, въ 1486 году.

Клементъ Р. Маркгамъ въ новомъ изданіи книги Роберта Гюса «Tractatus de Globis», приводитъ мнѣніе Норденшильда, что глобусъ Бэгема безъ сравненія самый важный географическій памятникъ, послѣ атласа Птоломеемъ, появившагося въ 150 году христіанской эры. «Онъ доказываетъ, что на немъ впервые безусловно признается существованіе антиподовъ, на немъ впервые ясно обозначены путь изъ Европы въ Индію; впервые является попытка критиче-

скаго отношенія къ открытіямъ Марко Поло. Глобусъ Бэгема есть точное воспроизведеніе географическихъ познаній непосредственно предшествовавшихъ первому путешествію Колумба».

Глобусъ Бэгема, 1492 г.

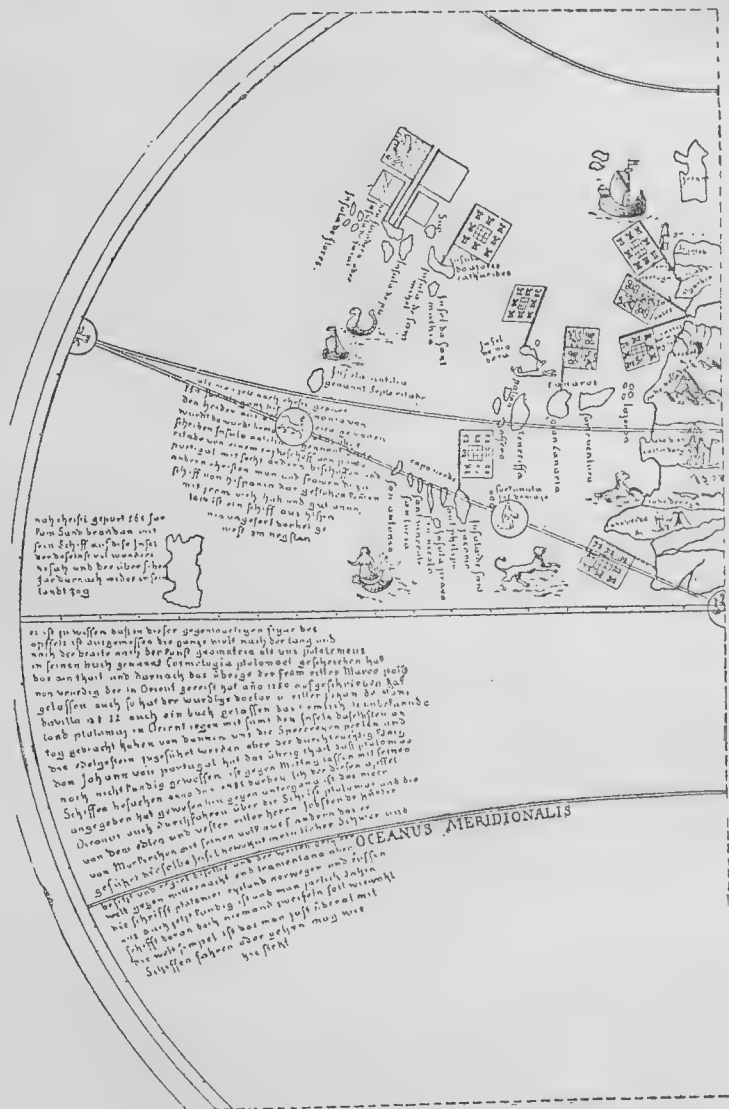
Примѣчаніе. Кривыя линіи этихъ разрѣзовъ дѣлятъ глобусъ посреди Атлантическаго океана.

Глобусъ Бэгема получилъ широкую извѣстность благодаря множеству изданныхъ рисунковъ.

Доказывали, что Колумбъ взялъ съ собою въ дорогу географиче-

скую карту, полученную имъ отъ Тосканелли, съ абрисомъ
межлежащаго и испещреннаго островами океана, который

Карта
Тосканелли.

Глобусъ Вагема, 1492 г.

[Заимствованъ изъ книги Эрнеста Майера «Die Hilfsmittel der Schiffahrtskunde»
(Вѣна, 1879)].

одинаково омывалъ берега Европы и Азии, и что обстоятельство это
было предметомъ изученія для него и Пинзона въ то время, когда

имъ пришлось прибѣгнуть къ картѣ, о чемъ упоминается въ дневникѣ Колумба

Извѣстно, что карта Тосканелли надолго пережила путешествие, и Ласказасъ пользовался ею. Гумбольдтъ не раздѣляетъ увѣренности

Глобусъ Багема на гравюрѣ Дюпелъ

Шпренгеля, что въ это время она пересѣкала моря на «Santa Maria»; онъ скорѣе готовъ предположить, что детальныя подробности карты Тосканелли вмѣстѣ со всеми другими данными, собранными Колумбомъ

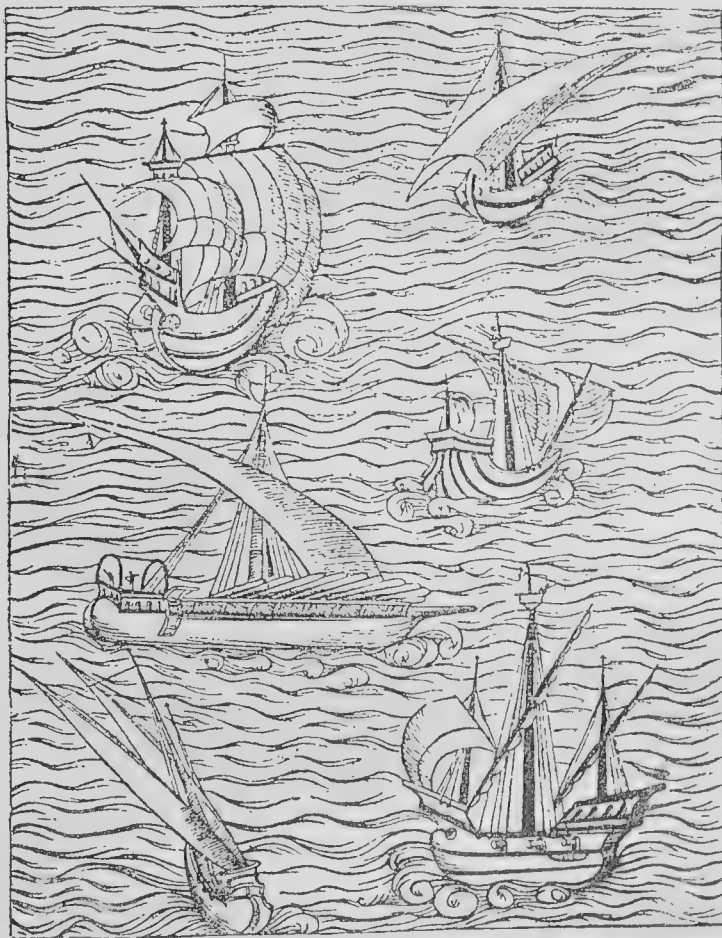
изъ картъ Біанко и Бенинказы, — потому что онъ не могъ видѣть работу Багема иначе, какъ въ отрывочныхъ предварительныхъ наброскахъ, — были перенесены имъ на карту собственнаго изготовленія, которою онъ и пользовался. Есть полное основаніе предполагать,

магера въ уменьшенномъ масштабѣ.

что, благодаря искусству, которымъ, какъ извѣстно, онъ обладалъ, у него должны были находиться такіа карты для болѣе убѣдительнаго демонстраціи своихъ идей, и карты эти, сходныя въ

Колумба. Они наполняютъ сцену отплытія разнообразными деталями, которыя придумываетъ ихъ воображеніе ради ихъ священныхъ цѣлей; у нихъ отбѣзжающій Колумбъ стоитъ у кормы, христіанскій флагъ съ изображеніемъ распятаго Господа развѣвается отъ дуновенія легкаго утренняго вѣтерка, предвѣстника дня. Эти прикрасы могутъ нравиться, но онѣ не отличаются строгою правдивостью.

Корабли время Колумба.
(Изъ книги Медины «*Arte de Navegar*», 1545 г.).

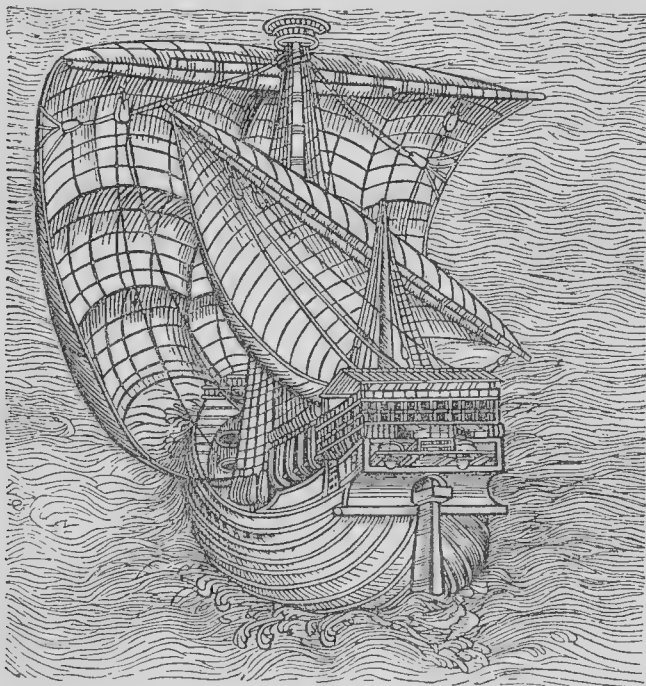
Для того, чтобы возможно было надлежащимъ образомъ внести въ историческую хронику дѣло его посольства къ государямъ Востока, Колумбъ рѣшился, по словамъ его дневника, вести разсказъ о путешествіи на западъ: «намъ,—говоритъ онъ,—до сихъ поръ неизвѣстно съ достовѣрностью, чтобы кто-либо

Колумбъ ведетъ дневникъ.

проходилъ такимъ путемъ». Онъ имѣлъ намѣреніе изложить на бумагѣ все, что ему приходилось увидѣть или сдѣлать, а также составить карту своихъ открытій и отмѣтить направленіе своего пути.

Въ теченіе этихъ первыхъ августовскихъ дней не случилось ничего, что-бы нарушило благополучный ходъ къ Канарскимъ островамъ, за исключеніемъ опасенія, что порча руля на суднѣ «Pinta»,—гребного штуръ-вала, употребляемаго и теперь вмѣсто старыхъ боковыхъ веселъ,—была продѣлкою двухъ людей, хозяевъ судна, Гомеца Раскона и Христофора Квинтеро, съ цѣлью помѣшать путешествію, которое имъ было не по душѣ. Адмиралу было

*Поврежденіе
судна „Pinta“.*

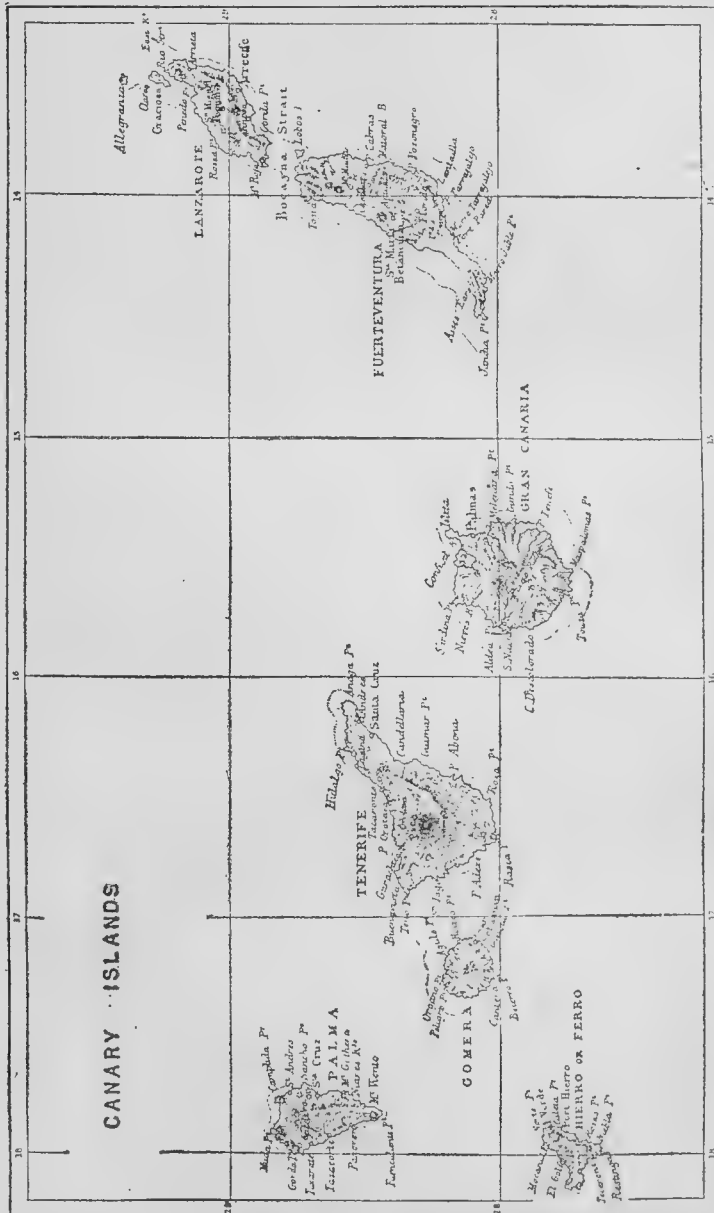
Корабль 1486 года.

такъ хорошо извѣстно настроеніе этихъ людей, что эта непріятность не застала его врасплохъ и онъ рѣшился положиться на дѣятельную энергію Пинзона, который управлялъ судномъ «Pinta».

Онъ проходилъ (24—25 августа 1492 г.) мимо Тенерифскаго пика въ моментъ его изверженія, о которомъ онъ упоминаетъ коротко въ своемъ дневникѣ. Въ соответствующихъ строкахъ «Historie» мы находимъ нѣсколько эффектные рассказы объ ужасѣ матросовъ, изъ которыхъ многіе, разумѣется, уже давно должны были свыкнуться съ подобными вулканическими феноменами на Средиземномъ морѣ.

*Догодитъ до
Канарскихъ
острововъ.*

На Великихъ Канарскихъ островахъ пришлось оставить «Нину» чтобы перемѣнить ея косые паруса на прямоугольные; и «Пинта»,—

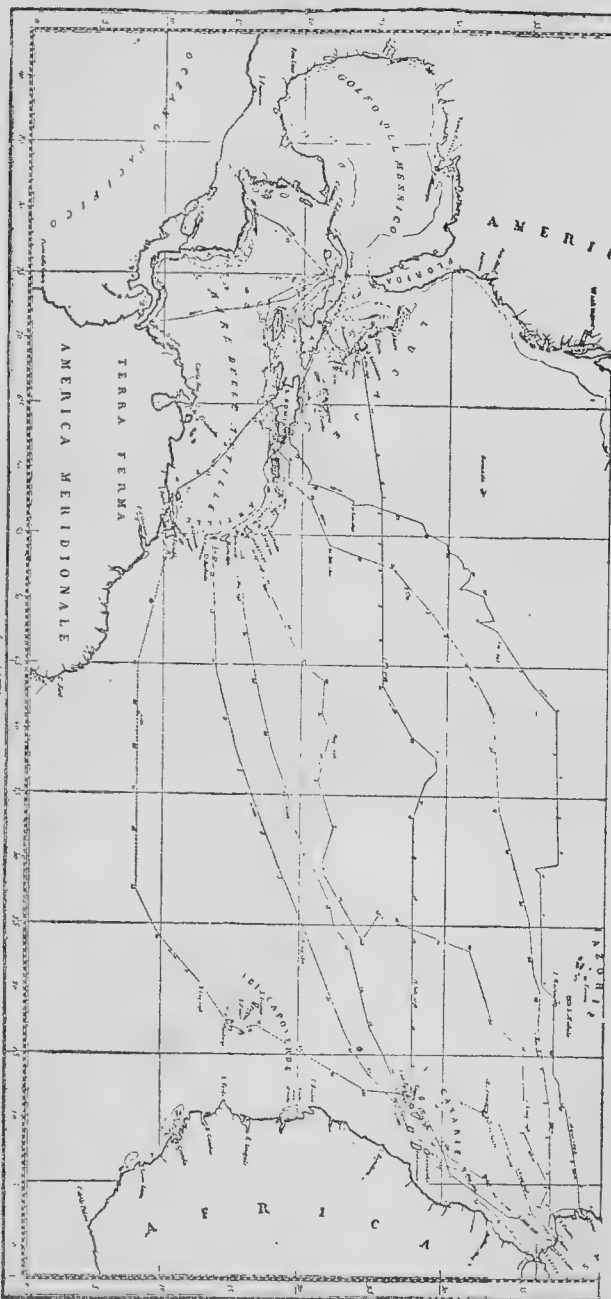

Канарскіе острова.
(Изъ «Canarian» Бетскурта, Лондонъ, 1872 г.).

за невозможностью замѣнить ее лучшимъ судномъ,—была также оставлена, чтобы подвергнуть ее осмотру по причинѣ ея течи и починить

ея руль; а Колумбъ за это время побывалъ на Гомерѣ и другихъ островахъ. 2-го сентября флотилія соединилась на Гомерѣ. Здѣсь онъ

Пути чепирехъ, путешествій Колумба.
[Взято изъ карты, помѣщенной въ книгѣ Вланкери «*La Tavola di Brongio*»
(Менца, 1857)].

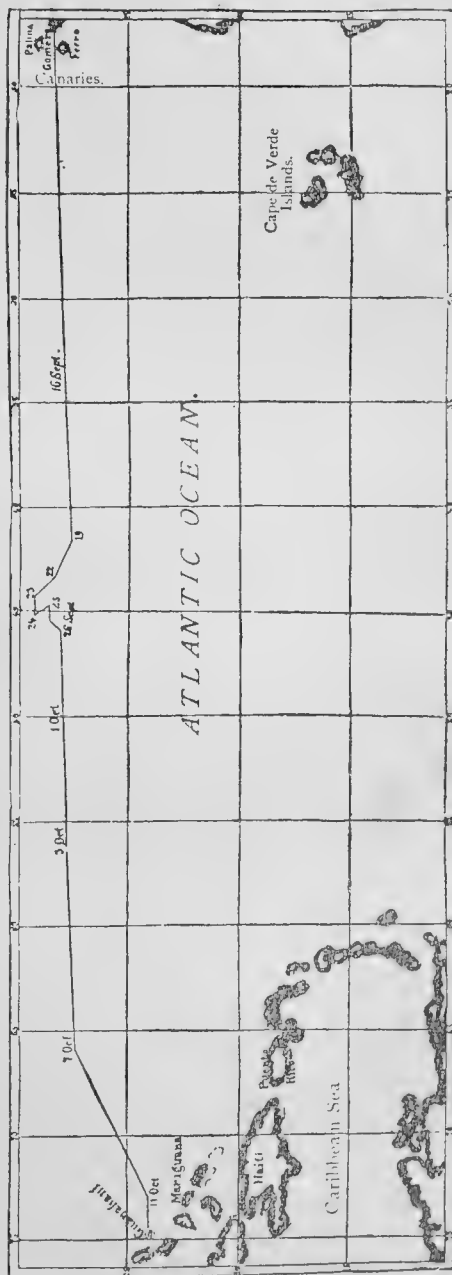

встрѣтилъ нѣсколько жителей съ острова Ферро, самаго западнаго изъ

этой группы, которые повторили рассказы о землѣ, случайно видѣнной съ высотъ острова, лежащей по направленію къ солнечному закату. Запасшись дровами, водою и съѣстными припасами, Колумбъ отплылъ съ Гомеры утромъ въ четвергъ 6 сентября. Онъ, кажется, скоро встрѣтилъ судно съ острова Ферро и узналъ отъ 6 сентября 1492 г. оставляет Гомеру. людей, нахо- дившихся на

немъ, что три грузовыхъ португальскихъ судна ожидали его въ засадѣ неподалеку отъ этого острова съ намѣреніемъ, какъ онъ думалъ, выместить на немъ какимъ-нибудь образомъ негодование португальскаго короля за то, что Колумбъ перешелъ на службу Испаніи. Онъ избѣжалъ встрѣчи съ ними.

Вплоть до воскресенья, 9-го сентября, стоялъ почти постоянно штиль, такъ что они подвигались очень медленно. Медлительность эта скоро возбудила въ душѣ Колумба опасеніе, что путе- шествіе мо- Воскресенье, 9-го сентября 1492 г. жетъ ока- заться чрезчуръ дол- гимъ и поколебать твер- дость его людей. И вотъ, онъ рѣшился поддѣлы- вать счисленіе пути. Об- манъ этотъ былъ пол- нымъ признаніемъ соб- ственной робости по от- ношенію къ своему эки-

Путь Колумба въ 1492 г.

*Поддѣлываетъ
счисленіе
пути.* пажу и явился началомъ долгой борьбы съ обманутыми и мятельными подчиненными, что составляетъ столь значительную часть воспоминаній его послѣдующей дѣятельности.

Въ понедѣльникъ, какъ ему было извѣстно, сдѣлали шестьдесятъ лигъ, а онъ отмѣтилъ только сорокъ восемь, чтобы разстояніе отъ родины казалось меньшимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Онъ продолжалъ практиковать этотъ обманъ.

Разстоянія, даваемые Колумбомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, были вычисляемы по лагу. *Счисленіе
по лагу.* Лейтенантъ Мурдокъ, офицеръ флота Соединенныхъ Штатовъ, который занимался разборомъ этого путешествія, считаетъ лигу Колумба равной тремъ новѣйшимъ морскимъ милямъ, а его милю равной приблизительно тремъ четвертямъ нашего настоящаго вычисленія для такого разстоянія. Наварретъ говоритъ, что Колумбъ велъ счетъ итальянскими милями, а итальянская миля на четверть менѣ испанской мили. Адмиралъ разсчитывалъ пристать къ берегу, пройдя около семисотъ лигъ отъ Ферро; и приказывая своимъ судамъ, въ случаѣ разъединенія, держаться западнаго направленія, онъ заранѣе предупредилъ ихъ, чтобы они, пройдя это разстояніе, на ночь стали подъ вѣтеръ и отправились далѣе только при наступленіи дня.

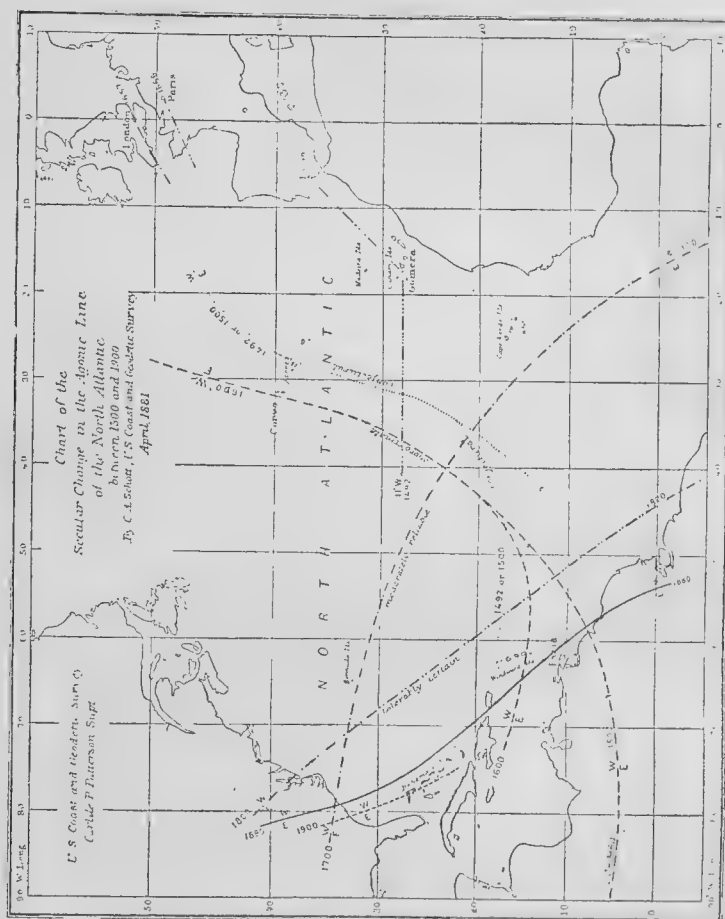
Лагъ въ томъ видѣ, какъ онъ понимается въ морскомъ дѣлѣ въ настоящее время, еще не былъ изобрѣтенъ. Колумбъ судилъ о скорости хода только по глазомѣру, основывая свои вычисленія на прохожденіи предметовъ или пузырьковъ мимо корабля, а песочные часы давали ему возможность складывать длинныя разстоянія.

Въ четвергъ, 13 сентября, онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ у себя, *13 сентября
1492 г.* что корабли встрѣтили противныя теченія. Теперь онъ находился на разстояніи трехъ градусовъ къ западу отъ Флореса и компасная стрѣлка указывала, — чего никогда не наблюдали ранѣе, — прямо на сѣверъ. Наблюденіе этого факта отмѣчаетъ важный моментъ въ исторіи мореплаванія. Полярность *Компасная
стрѣлка пере-
стаетъ откло-
няться.* магнита, которая была извѣстна китайцамъ еще въ древности, стала знакома европейцамъ какихъ-нибудь триста лѣтъ, когда новый духъ открытій пробудился въ пятнадцатомъ столѣтіи. Индійскій океанъ и его традиции передали, быть можетъ, черезъ посредство арабовъ, а быть можетъ, черезъ посредство вернувшихся крестоносцевъ, знаніе магнита жителямъ береговъ Средизем-

*Знакомство съ
магнитомъ.* наго моря и самымъ отважнымъ морякамъ, пускавшимся за Геркулесовы Столбы, такъ что въ пятнадцатомъ столѣтіи сталъ возможенъ новый путь въ Индійскій океанъ. Средства къ тому готовились постепенно. Каталанцы изъ Барселонскаго порта пускались въ море Тьмы, руководясь своими стрѣлками, уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Генуэзскіе и венеціанскіе лоцманы, отважные обитатели Маіорки и удалые мавры ходили по океану почти съ такимъ же безстрашіемъ.

Съ отклоненіями стрѣлки моряки, ходившіе по Средиземному морю, познакомились гораздо позже. Пeregрини еще въ 1269 г. замѣтилъ это явленіе, но на послѣднее, дѣлавшее ком-
 пась такимъ важнымъ подспорьемъ въ путешествіяхъ, повидимому, не было опредѣленно указано ни на одной изъ картъ, относящихся къ этимъ переходнымъ вѣкамъ, и мы находимъ это указаніе впервые на географическихъ картахъ Андреа Біанко въ 1436 году.

Отклоненіе
стрѣлки.

(Изъ «United States Coast Survey Report»; 1880 г., № 84).

Поэтому было не ново, что Колумбъ, отправившись на западъ, отмѣчалъ отклоненіе, подвигаясь съ сѣверо-востока все болѣе и болѣе на западъ; но неожиданное явленіе предстало передъ нимъ, когда онъ очутился въ такой позиціи, что сѣверъ магнитной стрѣлки и полярная звѣзда совпали, какъ это случилось 13 сентября 1492 года. Такъ

какъ онъ все подвигался на западъ, то магнитная линія стала ото-
Ошибочное за-
ключеніе Ко-
лумба относи-
тельно линіи,
гдѣ не происхо-
дитъ отклоне-
нія магнитной
стрѣлки. двигаться все далѣе и далѣе отъ полюса, какъ это было
до 13-го сентября. Въ умѣ наблюдателя съ быстрымъ
соображеніемъ, какимъ былъ Колумбъ, тотчасъ же со-
ставилась догадка. Онъ пришелъ къ заключенію, что эта

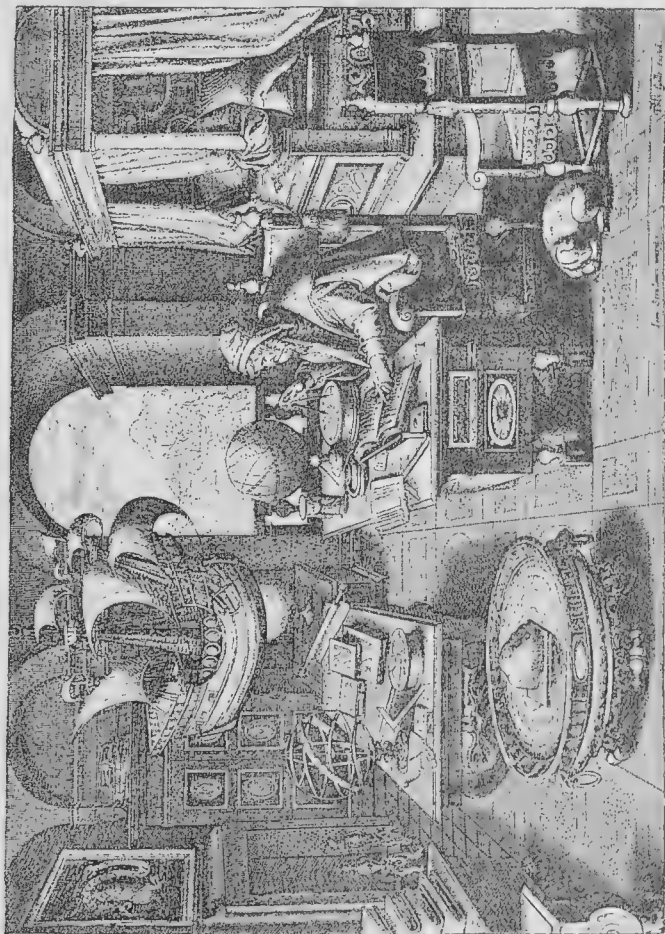
линія, не представлявшая магнитнаго отклоненія, была
линіей меридіана и что отклоненія отъ нея къ востоку или къ западу
должны представлять правильность, которая можетъ дать средство
для опредѣленія долготы гораздо легче и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ
съ помощью таблицъ и водяныхъ часовъ. Извѣстно, что четыре
года спустя онъ попробовалъ направлять ходъ своего корабля на
основаніи наблюденій этого рода. Кажется, та же самая идея зани-
мала и Себастіана Кабота, когда немного позже онъ приблизился и
Наблюденія
Себастіана Ка-
бота относи-
тельно опредѣ-
ленія долготы
съ помощью
магнитной
стрѣлки. перешелъ къ болѣе высокой широтѣ, которую онъ при-
нялъ за меридіанъ, гдѣ нѣтъ магнитнаго отклоненія.
Гумбольдтъ склоненъ предположить, что возможность оп-
редѣлять долготу посредствомъ такого способа была тою
заповѣдною тайною, на которую много лѣтъ спустя Себа-
стіанъ Каботъ намекнулъ на своемъ смертномъ одрѣ.

Почти черезъ сто лѣтъ Ливіо Сануто въ своей «Geographia»,
изданной въ Венеціи, въ 1588 году, заявилъ, что Себастіанъ Каботъ
первый наблюдалъ это отклоненіе магнитной стрѣлки; онъ объяснилъ
его Эдуарду VI и на картѣ помѣстилъ линію, гдѣ не происходило
магнитнаго отклоненія, въ точкѣ, отстоящей на сто десять миль отъ
острова Флоресъ въ группѣ Азорскихъ острововъ.

Эти наблюденія Колумба и Кабота не были вполне поняты въ
Различныя
мнѣнія. теченіе шестнадцатаго столѣтія. Сто лѣтъ спустя, въ
1592 году, Робертъ Гьюсъ, сообщаетъ, что Медина, вели-
кій испанскій лоцманъ, не прочь былъ думать, что мореплаватели
придавали отклоненію магнитной стрѣлки больше значенія, чѣмъ она
имѣла въ дѣйствительности, и что такое отношеніе было для нихъ
выгодно, такъ какъ служило извиненіемъ ихъ собственныхъ прома-
ховъ. Ноніусу вѣрили, когда онъ говорилъ, что это просто значило,
что въ дѣло были употреблены ослабѣвшіе магниты, потерявшіе спо-
собность точно указывать на полюсъ. Другіе утверждали, что дѣй-
ствіе стрѣлки представляло такія колебанія вслѣдствіе недостаточнаго
прикладыванія магнита къ желѣзу.

То, что казалось возможнымъ первымъ мореплавателямъ, зани-
Дѣло
уясняется. мало умы всѣхъ моряковъ, заставляя ихъ производить
различные эксперименты въ теченіе двухъ съ половиною
вѣковъ. Хотя полученные результаты и не соответствовали вполне
возлагавшимся на нихъ надеждамъ, однако же, ожиданія, не оказа-
лись такими химерическими, какъ иные воображали, когда было
открыто, что линіи колебаній не были ни параллельными, ни пря-
мыми, ни постоянными.

Линія, гдѣ не было магнитныхъ отклоненій, найденная Колумбомъ неподалеку отъ Азорскихъ острововъ, подвинулась къ западу съ неправильными отклоненіями, а теперь она представляетъ почти прямую линію отъ Каролины до Гвіаны. Наука, начавши свои поиски съ незрѣлыхъ усилій Алонзо де-Санта-Круцъ въ 1530 г., до такой степени избороздила поверхность глобуса наблюденіями разнообраз-

Lapis polaris, Magnes.
Lapis reclusit iste Flavio abditum. Poli sum hunc amorem, at ipse navitae.
(Изъ «Bilderbuch» Гипра, т. III).

ныхъ и капризныхъ колебаній этой линіи и измѣненія эти такъ медленны, что карта магнитныхъ отклоненій оказываетъ въ наше время не малую услугу для вѣрнаго опредѣленія долготы въ какой-нибудь широтѣ, не такъ давно еще близкой къ датѣ, занесенной въ ея лѣтопись. Такимъ образомъ наука до извѣстной степени воспользовалась мечтами Колумба и Кабота.

Но не одно только это открытіе явилось въ тотъ знаменательный день среди Атлантическаго океана, въ сентябрѣ 1492 года. Фантазія Колумба была возбуждена и посреди странныхъ явленій этого неизвѣданнаго океана, ему вообразились измѣненія въ климатѣ и aberrация звѣздъ.

Тогда какъ Колумбъ предполагалъ, что полярная звѣзда, такъ сказать, произвольно удалялась отъ магнитнаго полюса, то на 5° , то на 10° , исчисленіями новѣйшихъ астрономовъ показано, что полярное разстояніе въ 1492 году равнялось $3^{\circ}28'$, противу нынѣшняго въ $1^{\circ}20'$. Эта сбивчивость понятій Колумба весьма походила на его смѣшеніе Стараго Свѣта съ Новымъ, такъ какъ онъ полагалъ, что удалялась полярная звѣзда, а не стрѣлка.

Онъ заключилъ изъ того, что видѣлъ, или предполагалъ видѣть, что линія, гдѣ не было магнитнаго отклоненія, указывала на выпуклость земли, на которую онъ поднимался, направляясь къ западу, и что это именно и было причиной болѣе холодной температуры. Онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ идей подобнаго рода и былъ убѣжденъ, что онъ подтвердился въ его позднѣйшія путешествія.

Еще въ царствованіе Эдуарда III въ Англіи Николасъ Линнъ, путешествовавшій по сѣвернымъ морямъ, какъ полагаютъ, окончательно установилъ магнитный полюсъ въ арктическихъ областяхъ и передалъ свои взгляды Кнойену, учителю позднѣйшаго дѣятеля, Меркатора, по отношенію къ четыремъ околополюснымъ островамъ, которыми въ шестнадцатомъ вѣкѣ постоянно окружали сѣверный полюсъ.

На слѣдующій день (14 сентября) послѣ этихъ магнитныхъ наблюденій, съ «Нины» замѣтили водную трясогузку — эту птицу Колумбъ счелъ необыкновенной, такъ какъ она пролетѣла болѣе двадцати пяти лигъ отъ берега, а корабли, согласно счисленію, находились нынѣ на разстояніи не болѣе двухсотъ лигъ отъ Канарскихъ острововъ. Въ субботу они увидѣли издали, какъ въ море упала огненная стрѣла. Въ воскресенье пошелъ мелкій дождикъ, а затѣмъ наступила предестная погода, напомнившая Колумбу соловьевъ, веселое пѣніе которыхъ наполняетъ въ Андалузій апрѣль мѣсяцъ. Вокругъ судовъ они увидали массу зеленыхъ плавучихъ водорослей, которые заставили ихъ предположить, что по близости лежатъ острова. Наварреть думаетъ, что тутъ была нѣкоторая доля правды, такъ какъ на картахъ начала нынѣшняго столѣтія, въ 1802 году, отмѣчались буруны близъ того мѣста, гдѣ Колумбъ по всѣмъ даннымъ долженъ былъ находиться въ это время.

Дѣйствительно, Колумбъ находился въ томъ громадномъ «лугѣ» плавучихъ морскихъ водорослей, который называется Саргасскимъ моремъ; главная продольная ось этого моря по новѣйшимъ вычисленіямъ лежитъ вдоль параллели $41^{\circ}30'$ и точныя вычисленія,

сдѣланныя на основаніи весьма неопредѣленныхъ данныхъ Колумбова дневника, повидимому, указываютъ на это самое положеніе.

Часть полярныхъ областей Меркатора 1569 г.
(Изъ Атласа Р. Меркатора 1595 г.).

Во всѣхъ этихъ разсказахъ, извлеченныхъ нами вкратцѣ изъ книги Ласказаса, ничто не указываетъ на какое-либо удивленіе или на подавляющій страхъ, который, по словамъ «Historie», испытали матросы, когда ихъ суда очутились посреди этихъ плавучихъ массъ водорослей, возбуждавшихъ въ экипажѣ опасеніе, что имъ придется непрерывно плыть среди заволакивающихъ извилинь этихъ водорослей.

На слѣдующій день (17 сентября) теченія стали благопріятны, а водоросли продолжали плыть за ними. Теперь отклоненіе стрѣлки стало такъ велико, что матросы упали духомъ, какъ говорится въ дневникѣ, и при повтореніи этого наблюденія Колумбъ снова прибѣгнувъ къ обману и сдѣлалъ видъ, будто въ дѣйствительности не было отклоненія стрѣлки, а лишь удаленіе полярной звѣзды! Теперь водоросли стали принимать за рѣчныя и въ нихъ нашли живого краба—вѣрный признакъ близости суши, какъ думалъ, или дѣлалъ видъ, что думаетъ, Колумбъ. Они опять увидали водяную трясогузку, «которая не отдыхаетъ на морѣ». Суда подвигались на перерывъ впередъ, потому что думали, что цѣль близка. На слѣдующій день «Пинта» обогнала остальные суда и увидала большія стаи птицъ, летѣвшихъ къ западу. Колумбъ подумалъ, что море становится быстрѣе. Съ сѣвера надвинулись густыя облака, что было принято за вѣрный признакъ суши.

На слѣдующій день на корабль прилетѣли два пеликана и Колумбъ заноситъ въ свой дневникъ, что птицы эти не имѣютъ обыкновенія отлетать отъ берега за двадцать лигъ. Онъ бросилъ лотъ, имѣвшій двѣсти фатомовъ, чтобы убѣдиться, что онъ не приближался къ землѣ; дна не было найдено. Мелкій дождикъ также предвѣщалъ близость суши; но они не могли остановившись, чтобы ее найти и отыщутъ ее на возвратномъ пути, какъ говорится въ дневникѣ. Теперь кормчіе сравнили свои счисленія. По словамъ Колумба было пройдено 400 лигъ, въ книгѣ «Пинты» показано 420, а въ книгѣ «Нини»—440.

20 сентября на корабль прилетѣли другіе пеликаны; а флотилія снова очутилась посреди водорослей. Колумбъ рѣшился опредѣленно узнать, не указывали-ли онѣ на мелководье и бросилъ лотъ, но не могъ достать дна. Матросы поймали птицу съ ногами, какъ у чайки; но они думали, что то была рѣчная птица. Затѣмъ, въ сумеркахъ надъ ними носились пѣвчія птицы, живущія на сушѣ, какъ воображалъ Колумбъ, но онѣ исчезли до разсвѣта. Потомъ увидали пеликана, летѣвшаго къ юго-западу, а такъ какъ «эти птицы спятъ на берегу и летятъ на море только утромъ», то матросы ободряли себя увѣренностью, что они находятся недалеко отъ земли. На слѣдующій день они примѣтили кита, который опять-таки указалъ на сушу; водоросли покрывали все море вокругъ. Въ субботу они направились къ западу съ сѣверо-запада и вышли совершенно изъ области водо-

рослей. Это измѣненіе пути такъ далеко къ сѣверу, начавшееся еще въ предшествовавшій день, было слѣдствіемъ вѣтра со стороны носа, и Колумбъ былъ радъ этому вѣтру, потому что обстоятельство это убѣдило матросовъ, что западные вѣтры давали возможность вернуться. Въ воскресенье (23 сентября) вѣтеръ по прежнему измѣнялся; но они шли болѣе на западъ, чѣмъ раньше, — а ихъ снова сопровождали водоросли, крабы и птицы. Теперь здѣсь на морѣ было тихо, что снова привело матросовъ въ уныніе; море ^{25 сентября.} вздымалось таинственно, такъ какъ не было вѣтра, который бы производилъ это. Они продолжали держаться западнаго направленія и шли такимъ образомъ до ночи 25 сентября.

Тѣмъ временемъ Колумбъ совѣщался съ Пинзономъ относительно карты, находившейся при нихъ, на которой было указано нѣсколько острововъ, близъ конхъ, какъ они полагали, находились ихъ корабли. То обстоятельство, что они не видали суши, они приписывали теченіямъ, относившимъ ихъ слишкомъ въ сторону на сѣверъ, или-же неточности ихъ счисленій. Когда зашло солнце, Пинзонъ окликнулъ адмирала и сказалъ, что онъ увидалъ землю, требуя на- ^{Появленіе земли.} грады. Оба экипажа повѣрили этому заявленію и по указанію своихъ командировъ все стали на колѣни и повторили «Gloria in excelsis» (Слава въ вышнихъ Богу). Земля казалась лежащей къ юго-западу и все видѣли ея появленіе. Колумбъ перемѣнилъ направление флотилии, чтобы подойти къ ней. Когда-же корабли двинулись къ ней, при тихой погодѣ, то матросы, ободренные ^{Снова мнѣется путь.} надеждой, осмѣлились выкупаться въ янтарныхъ волнахъ величественнаго океана. Въ среду они были выведены изъ заблужденія и увидали, что были обмануты облаками.

27 сентября курсъ ихъ лежалъ болѣе къ западу. Такимъ ^{26 сентября.} образомъ они шли впередъ и по прежнему видѣли птицъ и пробирались между массами водорослей. Нѣкоторыя изъ птицъ ^{1492 г. 27 сентября.} показались имъ изъ породы тѣхъ, которыя встрѣчались

на островахъ Зеленаго мыса и не отлетали далеко отъ берега. 30 сентября они опять замѣтили колебанія своихъ компасныхъ стрѣлокъ, но въ дневникѣ сказано, что то подвигалась ^{29 сентября.} полярная звѣзда, а не стрѣлка. 1 октября Колумбъ говоритъ, что они находились въ 707 лигахъ отъ Ферро; но онъ увѣ- ^{1 октября.} рилъ свой экипажъ, что они находились отъ этого острова

только на разстояніи 584 лигъ. Они продолжали идти, не встрѣчая ничего новаго по пути въ слѣдующіе дни, какъ сказано ^{3 октября.} въ дневникѣ; но 3 октября имъ показалось, что между водорослями есть что-то похожее на плоды. 6 октября Пинзонъ началъ настаивать на необходимости идти къ юго-западу, ^{6 октября.} чтобы найти острова, на которые, повидимому, указывали примѣты. Но адмиралъ не уклонился отъ своего пути и продолжалъ идти на западъ. Въ воскресенье «Нинна» сдѣлала выстрѣлъ ^{7 октября.}

изъ пушки и выбросила флагъ въ знакъ того, что увидала землю, по это оказалось обманомъ зрѣнія. Замѣтивъ къ вечеру стаю птицъ, летѣвшихъ на юго-западъ, адмиралъ сдѣлся на увѣреніи Пинзона и направилъ путь свой вслѣдъ за птицами. Далѣе онъ вспоминаетъ, что португальцы такъ успѣшно открывали острова въ другихъ моряхъ, слѣдуя за полетомъ птицъ.

Перемѣляетъ путь, чтобы слѣдовать за птицами.

Теперь Колумбъ находился въ двухъ стахъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ, какъ онъ полагалъ, лежитъ Чипанго и болѣе чѣмъ за три тысячи миль на западъ отъ Испаніи; согласно съ его астролябіей онъ находился въ $25\frac{1}{2}^{\circ}$ къ сѣверу отъ экватора. Настоящее разстояніе Чипанго или Японіи было на шесть тысячъ восемьсотъ миль

Чипанго.

далѣе, по ту сторону Сѣверной Америки и Тихаго океана. Какъ далеко за этимъ островомъ, принимая во вниманіе его предполагавшееся положеніе, Колумбъ рассчитывалъ найти материкъ Азіи, мы можемъ только догадываться по картѣ Тосканелли, реставрированной новѣйшими учеными, на которой островъ этотъ показанъ лежащимъ въ 10° на востокъ отъ Азіи, и по глобусу Бэгема, на которомъ онъ лежитъ въ 20° отъ Азіи. Не слѣдуетъ забывать, что съ его положеніемъ познакомилъ Марко Поло, а послѣдній не указалъ опредѣленно, какъ далеко онъ отстоялъ отъ береговъ Азіи. Говоря вообще, Тосканелли и Бэгемъ сходились въ опредѣленіи разстояній отъ Испаніи до Китая и нѣтъ основанія думать, чтобы въ этотъ отношеніи мнѣнія Колумба были въ значительномъ противорѣчій съ ихъ мнѣніями.

Въ процессѣ, много лѣтъ спустя, когда казна оспаривала права *Отношеніе Пинзона къ перемѣнѣ пути.* Діега Колона, нѣкто Валлехо, матросъ, показалъ, что Пинзонъ настаивалъ на необходимости перемѣнить направленіе къ юго-западу, потому что въ предшествовавшій вечеръ онъ наблюдалъ за полетомъ попугаевъ въ этомъ направленіи, которое могло означать только ихъ стремленіе къ берегу. Главная цѣль показанія въ этой части процесса состояла въ желаніи доказать, что Пинзонъ все время заставлялъ Колумба идти впередъ помимо его воли.

Какое важное значеніе имѣла эта перемѣна въ направленіи судовъ Колумба, не ушло отъ вниманія Гумбольдта и многихъ другихъ авторовъ. Если бы Колумбъ еще проплылъ день или два по направленію къ западу, то, быть можетъ, гольфстремъ незамѣтно унесъ бы маленькій флотъ къ Атлантическому берегу будущихъ Соединенныхъ Штатовъ и флагъ Кастиліи водрузился бы въ Каролинѣ.

7 октября Колумбъ очутился очень близко къ широтѣ $25^{\circ}50'$, — т. е. къ той, гдѣ лежатъ Багамскіе острова. Что же касается до долготы, то ее опредѣлить труднѣе; по всей вѣроятности, онъ находился между 65° и 66° долготы.

На слѣдующій день береговыя птицы, летѣвшія за кораблями, по-видимому, подкрѣпляли ихъ надежды. 10-го, какъ сказано въ дневникѣ, экипажъ началъ терять терпѣніе; но адми-

8—10 октября.

раль ободрилъ своихъ матросовъ, напомнивъ имъ о предстоявшихъ для нихъ выгодахъ и о томъ, что было бы безуміемъ пуститься въ обратный путь, разъ они уже были такъ далеко.

Возможно, что въ этой замѣткѣ Колумбъ скрываетъ исторію, которая впоследствии появилась въ рассказѣ Овiedo съ болѣ-
шими подробностями, чѣмъ въ «Historie» и у Ласка-
заса, будто возмущеніе экипажа было такое грозное, что заставило его
дать обѣщаніе вернуться назадъ, если земля не будетъ открыта че-
резъ три дня. Однако, многіе критики склонны думать, что этотъ раз-
сказъ о мятежѣ былъ добавленъ Овiedo со слуховъ или изъ другого
источника, болѣе достовѣрнаго, и что заговоръ бросить адмирала въ
морѣ не имѣетъ существенныхъ данныхъ въ современномъ отчетѣ о
путешествіи. Првингъ, который постоянно стремится ради драматизма
изложенія усилить впечатлѣніе рассказа данными, дѣйствующими на
воображеніе, тѣмъ не менѣе не допускаетъ этого факта и полагаетъ,
что Овiedo былъ введенъ въ заблужденіе, поддавшись рассказамъ
лоцмана, лично враждебнаго адмиралу.

*Рассказъ
о бунтѣ.*

Объясненія по поводу этого путешествія, которыя были представ-
лены въ знаменитомъ процессѣ Діего съ короной въ 1513 и 1515 гг.,
не даютъ никакого основанія вѣрить исторіи возмущенія и тому, что
Колумбъ спасовалъ передъ нимъ.

Однако, не трудно понять періодическіе страхи его экипажа и не-
престанную заботливость Колумба успокоить своихъ матросовъ. Изъ
того, что намъ повѣствуетъ Петеръ Мартиръ,—а онъ, по всей вѣроят-
ности, слышалъ объ этомъ изъ устъ самого Колумба,—было нелегкимъ
дѣломъ сохранить въ экипажѣ субординацію и внушить ему довѣріе.
Онъ пишетъ, что Колумбъ долженъ былъ поочередно убѣждать, уго-
варивать и прельщать обѣщаніями, краснорѣчиво изображая въ то же
время, какія бѣды повлечетъ за собою королевскій гнѣвъ.

На слѣдующій день, несмотря на болѣе сильное волненіе моря,
чѣмъ прежде, по нѣкоторымъ примѣтамъ матросы снова пе-
решли отъ унынія къ надеждѣ. Имъ попадались плавающія
бревна, куски дерева,—одинъ изъ нихъ былъ чевидно отдѣланъ чело-
вѣческой рукой,—обломки камыша, зеленый тростникъ, вѣтка съ яго-
дами шиповника и другіе т. п. предметы, которые неслись теченіемъ.

*1492 г.
11 октябр.*

Продолжая идти на юго-западъ, флотъ приблизился къ двадцать
четвертой параллели, но вотъ послѣ солнечнаго заката,
11-го октября, суда повернули свой курсъ прямо на западъ,
между тѣмъ какъ экипажъ адмирала съ болѣе противъ
прежняго жаромъ запѣлъ хоромъ «Salve Regina». Часу въ деся-
томъ Колумбъ, взглядываясь въ ночную темноту, замѣ-
тилъ,—если только вѣрить ему,—движущійся свѣтъ; онъ
указалъ по этому направленію Перо Гутьеррецу и этотъ товарищъ
Колумба также увидѣлъ упомянутый свѣтъ; но Родриго Санхеъ, оче-
видно, находившійся въ другой части корабля, не могъ его увидѣть.

*1492 г. 11 ок-
тябр. Повора-
чиваются на
западъ.*

*Колумбъ си-
дитъ свѣтъ.*

Другимъ людямъ экипажа они ничего объ этомъ не сказали. Адмиралъ говорить, что свѣтъ этотъ, казалось, двигался вверхъ и внизъ, и увѣряетъ, что въ слѣдующую минуту замѣтилъ другіе проблески его мерцанія. Онъ приказалъ хоръ запѣть «Salve» и установить неусыпную вахту на бакѣ. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе внимательными, онъ обѣщалъ серебряную куртку вмѣстѣ съ доходомъ въ десять тысячъ мараведи, которыя король и королева жаловали тому счастливицу, кто первый усмотритъ желанную землю.

Свѣтъ этотъ былъ предметомъ многихъ комментариевъ и, по всей вѣроятности, никогда не удастся разъяснить его значенія, кромѣ того, что адмиралъ, изъ необдуманнаго соперничества съ простымъ матросомъ, который впоследствии увидалъ дѣйствительную землю, и съ недостойнымъ нахальствомъ, неприличнымъ командиру, прикарманилъ награду, которая принадлежала другому. Если вѣрить предубѣжденному Овiedo, Колумбъ не первымъ даже увидѣлъ этотъ сомнительный свѣтъ. Рассказываютъ вообще, что бѣдный матросъ, котораго надули, впоследствии сталъ магометаниномъ и отправился жить среди этого болѣе справедливаго народа. Уплата пенсіи короны была возложена на мясниковъ Севильи, въ видѣ возмездія, и отнынѣ Колумбъ получалъ эту пенсію до самой смерти.

Подобаешь-ли считать этотъ свѣтъ реальнымъ явленіемъ или выдумкой, много зависитъ отъ теорій, какой кто придерживается относительно положенія береговой линіи Колумба. Когда Колумбъ заявилъ о томъ, что открылъ эту свѣтящуюся точку, онъ находился въ двѣнадцати или четырнадцати лигахъ отъ острова, который, спустя четыре часа, былъ несомнѣнно открытъ. Находился-ли этотъ свѣтъ на пирогѣ? Или же на какомъ-нибудь маленькомъ островѣ, лежавшемъ въ сторонѣ, какъ думали объ этомъ иные? Былъ-ли то факель, который переносили изъ хижины въ хижину, какъ увѣряетъ Геррера? Находился-ли онъ на одномъ изъ другихъ судовъ? Или на томъ низменномъ островѣ, на который онъ высадился на слѣдующее утро? Но на этомъ островѣ не было возвышенія, съ котораго могъ быть замѣтенъ даже сильный свѣтъ на разстояніи десяти лигъ. Была-ли то игра воображенія или то былъ обманъ? Никто не можетъ сказать. Наваррету очень трудно, — да и самому Првингу также, — удовлетвориться тѣмъ, что, вообще говоря, это могло быть только иллюзіей разгоряченнаго ума, записывавшаго случившееся въ моментъ чуднаго возбужденія, когда вниманіе его не было такъ сосредоточено, какъ бы слѣдовало.

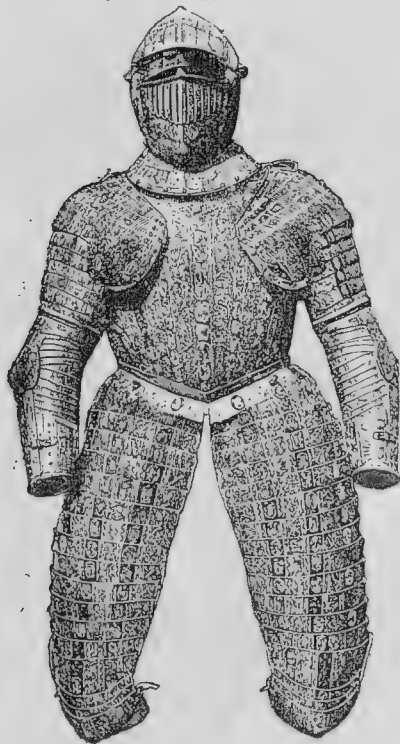
Черезъ четыре часа послѣ того, какъ замѣтили свѣтъ, въ два часа утра, когда мѣсяцъ, въ третьей четверти, былъ на востокѣ, «Пинта» двинулась впередъ и одинъ изъ матросовъ ея экипажа, Родриго де-Тріана, закричалъ, что видна земля въ двухъ лигахъ, а ружейный залпъ сообщилъ эту радостную вѣсть другимъ судамъ. Флотилія убрала паруса и каждое судно, обстенивъ

1492 г. 12 ок-
тября откры-
та земля.

и командиры другихъ судовъ приготовились пристать къ берегу. Колумбъ взялъ королевскій флагъ, а двое остальныхъ, каждый,—знамя зеленого креста, на которомъ были инициалы государей, съ крестомъ посреди, съ короной надъ каждой буквой. Такимъ образомъ, съ эмблемами своихъ полномочій, въ сопровожденіи Родриго де-Эсковеда и Родриго Санхеца и нѣсколькихъ матросовъ, лодка причалила къ берегу. Они тотчасъ же формально завладѣли землей и былъ составленъ актъ объ этомъ.

Только въ коллекціи «Tablas Chronologicas», изданной въ 1689 г., въ Валенціи, іезуитомъ Клаудіо Кlemente, мы находимъ молитву, которую будто-бы произнесъ Колумбъ въ моментъ оккупациі острова, названнаго имъ Санъ-Сальвадоромъ. Гарриссъ считаетъ безосновательными увѣренія фран-

*Колумбъ
высаживает-
ся на берегъ
и творитъ
молитву.*

Доспѣхи Колумба.

цузскихъ канонизаторовъ Колумба, будто послѣдній придумалъ молитву, которая очень долго употреблялась при подобныхъ оккупацияхъ новыхъ земель.

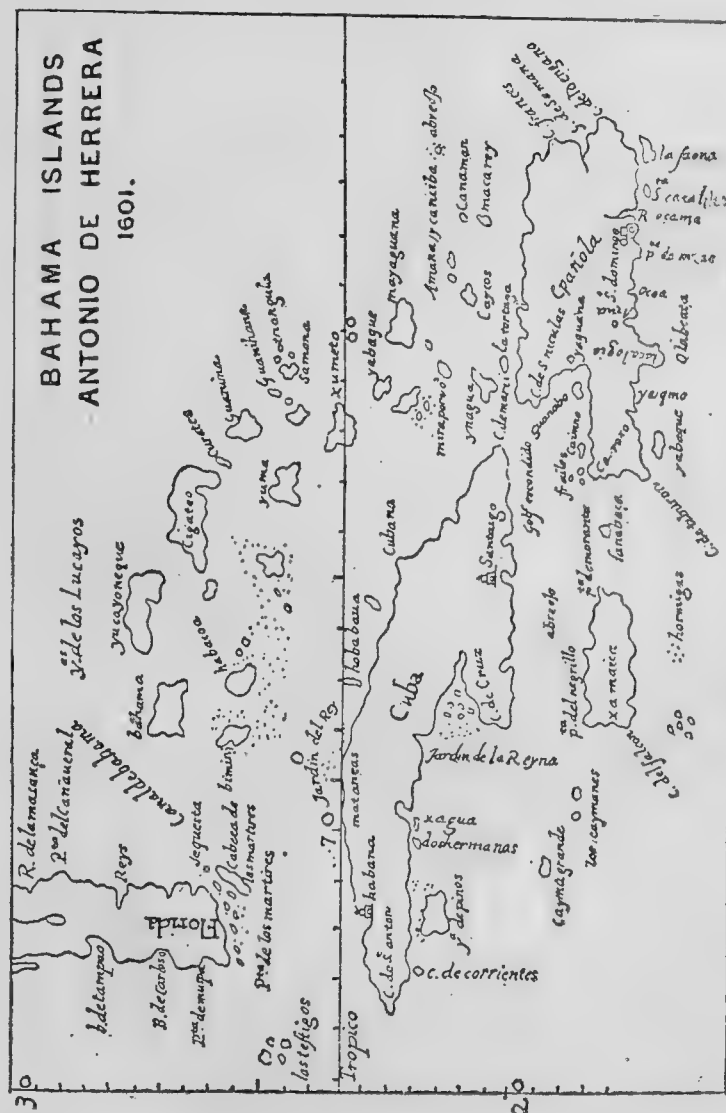
У Ласказаса объ этомъ ничего не говорится, а между тѣмъ у него мы находимъ самое подробное описаніе церемоній при высадкѣ на берегъ въ новооткрытыхъ земляхъ; но у него краснорѣчиво изображены глубокая сила впечатлѣнія этого торжественнаго момента, величественная фигура Колумба въ алой робѣ поверхъ военныхъ доспѣховъ, вокругъ котораго сгруппировались его покорные спутники, полные раскаянія и стыда за свое недавнее малодушіе.

Теперь Колумбъ заноситъ въ свой дневникъ впечатлѣніе, произведенное на него островомъ и его обитателями. Земля, по его словамъ, была покрыта

*Описаніе
острова.*

зеленымъ лѣсомъ, орошена множествомъ быстрыхъ рѣкъ и на ней произрастали разнообразные плоды. Въ другомъ же мѣстѣ своего дневника онъ говоритъ, что островъ представляетъ плоскую равнину безъ значительныхъ возвышенностей, окруженъ рифами, а внутри имѣетъ озеро.

Курсы и разстоянія, пройденные имъ ранѣ вступленія на островъ и во время стоянки на немъ, точно также какъ описаніе его, служатъ намъ лучшими пособіями для точнаго опредѣленія мѣстонахожденія этого рокового открытія. Старыя карты могутъ до извѣстной степени

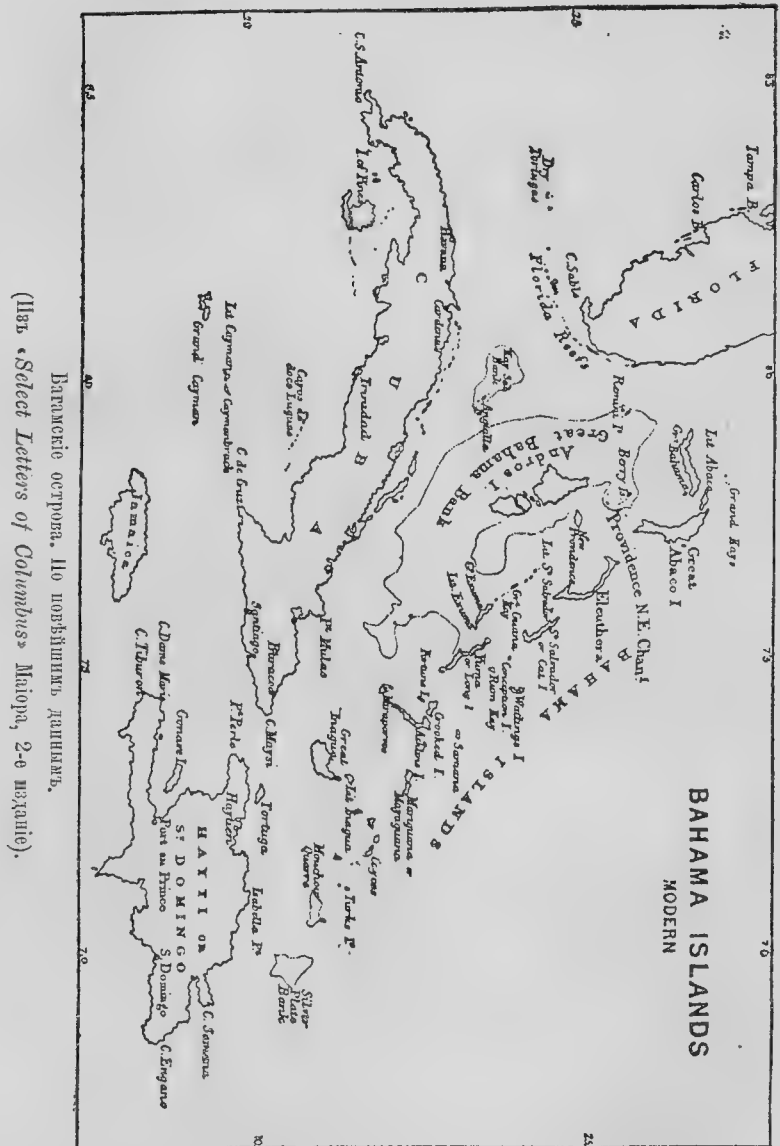
Багамскіе острова. По Геррера 1601 г.
(Изъ «Select Letters of Columbus» Майора, 2-е изданіе).

быть полезны въ этомъ отношеніи, но онѣ не представляютъ большой точности.

Существуетъ такая неопредѣленность и такое противорѣчіе относительно дать и аргументовъ при разрѣшеніи этого вопроса, что едва-ли

когда-нибудь мнѣнія ученыхъ сойдутся въ признаніи, на какой именно изъ Багамскихъ острововъ высадились впервые эти удивленные и ликующіе европейцы. Хотя Ласказасъ приводитъ дневникъ Колумба цѣликомъ за все время послѣ открытія имъ

Определение
мѣста высадки
Колумба.

Ватемские острова. Но по вышним данным,
(Письм. *Select Letters of Columbus* Майора, 2-е издание)

острова, но, къ сожалѣнію, онъ сокращаетъ его за предшествовавшій періодъ. Очевидно, нѣтъ возможности найти географическія условія, которыя-бы во всѣхъ отношеніяхъ согласовались съ описаніями Колумба,

и мы должны удовольствоваться наименѣе противорѣчивыми данными. Лучшее всего было-бы (если мы станемъ основываться на счисленіи Колумба по лагу) узнать, какой островъ въ настоящее время находится отъ Канарскихъ острововъ на разстояніи, наиболѣе подходящемъ къ разстоянію, указанному Колумбомъ. Но направленія теченій и погрѣшности глазомера естественно отнимаютъ всякое значеніе у такого рода счисленія, и капитанъ Г. А. Фоксъ, пытавшійся разрѣшить этотъ вопросъ, нашелъ, что Кошачій островъ лежитъ за триста семнадцать, Великій Турокъ за шестьсотъ двадцать четыре морскихъ мили, а другіе возможные пункты на промежуточныхъ разстояніяхъ въ сторонѣ отъ разстоянія, пройденнаго Колумбомъ и составляющаго по его счисленію три тысячи четыреста пятьдесятъ восемь морскихъ миль.

Читатель припомнитъ, что Багамская группа состоитъ изъ острововъ, островковъ и скалъ, числомъ до трехъ тысячъ, лежащихъ къ юго-востоку съ одной стороны отъ берега Флориды, а съ другой стороны приближающихся къ берегу Гиспаньолы. Въ широтѣ нижней части Флориды и на разстояніи пяти градусовъ отъ нея лежитъ островъ Санъ-Сальвадоръ или Кошачій островъ, самый сѣверный изъ острововъ открытых Колумбомъ. Идя далѣе внизъ отъ Багамскихъ острововъ, мы встречаемъ о. Уатлинга, о. Саману, Акклинъ (съ о. Plana Cays), о. Маригуану и о. Великаго Турка—и всѣ эти острова имѣютъ своихъ сторонниковъ. Для опредѣленія, какой изъ этихъ острововъ былъ островомъ, гдѣ Колумбъ впервые высадился, прибѣгали къ тремъ способамъ: во первыхъ, составляли планъ пути, по которому Колумбъ слѣдовалъ, направляясь къ этому острову; во вторыхъ, составляли планъ пути между мѣстомъ высадки и Кубой туда и назадъ; въ третьихъ, строили догадки на основаніи описаній,—преимущественно Колумба,—острова, открытаго сперва. Что касается этого послѣдняго приѣма, то Гарриссъ отдаетъ предпочтеніе описанію Ласказаса, которое заимствовано отчасти изъ описанія въ «Historie»; при этомъ Гарриссъ старается согласить очевидное противорѣчіе у Колумба, такъ какъ онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что островъ «довольно великъ», а въ другомъ, что онъ «малъ»—высказывая предположеніе, что послѣднее опредѣленіе Колумба относится къ о. Plana Cays, усмотрѣнному имъ ранѣе, а первое опредѣленіе къ Извилистой группѣ острововъ или къ о. Акклину, лежащему какъ разъ на западѣ, гдѣ онъ и высадился, по всей вѣроятности. Только одинъ Гарриссъ принимаетъ именно этотъ островъ за мѣсто высадки Колумба; какъ бы въ доказательство вѣрности этого мнѣнія, на позднѣйшихъ картахъ показанъ неподалеку оттуда островъ Трианго или Триангуло, названіе, данное впоследствии Гванагани, по словамъ Ласказаса. До 1540 года не существуетъ карты, на которой было бы выставлено названіе «Трианго» вмѣсто «Гванагани».

*Багамскіе
острова.*

*Санъ-Сальвадоръ или
Кошачій
островъ.*

Другіе острова.

*Способы
опредѣленія
мѣста высадки
Колумба.*

*Островъ
Акклинъ.*

На островъ Санъ-Сальвадоръ указали, кажется, первые изъ новѣйшихъ ученыхъ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтїяхъ, а въ позднѣйшее время этого мнѣнія держались Првингъ и Гумбольдтъ. Капитанъ Александеръ Слайделлъ Маккензи, офицеръ флота Соединенныхъ Штатовъ, разработалъ для Првинга этотъ вопросъ. О. Санъ-Сальвадоръ болѣе всѣхъ остальныхъ острововъ и едва-ли Колумбъ могъ назвать его «малымъ», но онъ не соответствуетъ описанію Колумба, такъ какъ представляетъ неровную поверхность съ возвышенностью въ четыреста футовъ, и на немъ нѣтъ внутренней лагуны, какъ на Гванагани Колумба. Французскіе канонизаторы отстаиваютъ старыя традиціи и дѣлаютъ приличное случаю замѣчаніе, что «англійскіе протестанты, не находя названіе Санъ-Сальвадоръ достаточно изящнымъ, замѣнили его названіемъ «Кота», такъ что на ихъ гидрографическихъ атласахъ островъ Святого Спасенія получилъ прелестное названіе Кошачьяго острова».

Новѣйшіе историки склоняются въ пользу острова Уатлинга, и послѣдній островъ очень близко подходитъ къ описанію Колумба, такъ какъ третья часть его внутреннихъ водъ соответствуетъ «широкой лагунѣ» Колумба. Мушьоцъ первый указалъ на это обстоятельство въ 1793 году; но мнѣніе это получило широкую извѣстность только въ 1856 году благодаря капитану Бечеру, офицеру королевскаго флота, и Бечеръ, кажется, убѣдилъ Оскара Пешеля присоединиться въ 1858 году къ этому мнѣнію въ его исторіи всѣхъ новѣйшихъ открытій. Маіоръ, хранитель картографическаго отдѣла въ Британскомъ музеѣ, первоначально признававшій мѣстомъ высадки Колумба о. Великаго Турка, подобно Наваррету, въ 1870 г. снова занялся разработкой этого вопроса и пришелъ къ заключенію въ пользу о. Уатлинга. У другихъ авторовъ этому острову не отводятъ такого мѣста; только у Герарда Штейна мы находимъ заявленіе объ этомъ, въ 1883 году, въ книгѣ объ открытіяхъ, появившейся незадолго до того, какъ лейтенантъ У. Б. Мурдохъ, офицеръ американскаго флота, написалъ тщательный критическій этюдъ по поводу этого предмета въ «Proceedings of the United States Naval Institute», въ 1884 году; взгляды Мурдوخа раздѣляетъ Чарльзъ А. Шоттъ въ «Bulletin of the United States Coast Survey». Мурдохъ первый начертилъ планъ путешествія между Гванагани и Кубой и находитъ, что описаніе Колумба болѣе всего подходитъ къ острову Уатлингу. Это мнѣніе высказываетъ также извѣстный географъ, Клементъ Р. Маркгамъ, въ бюллетенѣ Италіанскаго Географическаго Общества въ 1889 году. Что касается до картографическихъ данныхъ, то самыя обработанныя изъ нихъ принадлежатъ Маіору, свѣрившему новѣйшія карты съ картой Герреры, на которой отмѣченъ Гванагани.

Самана.

Въ приложеніи къ «Report of the United States Coast Survey» за 1880 г. покойный капитанъ

Густавъ Ваза-Фоксъ старательно доказывалъ, что о. Самана былъ первымъ мѣстомъ высадки Колумба на берегъ. Варнгагенъ въ 1864 году избралъ для этого Маригуану и отстаивалъ свое предположеніе въ журнальной статьѣ. Но этотъ островъ не подходитъ по физическимъ условіямъ къ описанію Колумба, такъ какъ на немъ нѣтъ внутреннихъ водъ. Однако, островъ Великаго Турка представляетъ такіе признаки, и въ пользу его впервые высказался Великій
Турокъ. въ 1826 году Наварретъ; мнѣнія его держались Джорджъ Гиббесъ и одно время Маіоръ.

Интересно отмѣтить, что Калебъ Кушингъ, занявшійся критическимъ разборомъ этого вопроса въ «North American Review», руководясь взглядами Наваррета, прибѣгнулъ къ тому же самому обратному методу, который примѣняли позднѣйшіе авторы, но пришелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Онъ говоритъ слѣдующее: «Взявши за исходную точку пути Найпъ (мѣсто, гдѣ Колумбъ открылъ Кубу) и идя въ направленіи обратномъ его курсу, мы несомнѣнно прослѣдимъ его путь и убѣдимся, что Гванагани именно и есть островъ Великаго Турка».

Глава X.

На островахъ. Возвращеніе изъ путешествія.

По окончаніи всѣхъ церемоній на берегу, туземцы безъ страха, окружили чужестранцевъ. Колумбъ легко приобрѣлъ ихъ расположеніе, приказавъ раздать имъ красныя шапки, бусы и другія блестящія бездѣлушки. Затѣмъ эти люди подплыли къ кораблю, чтобы въ обмѣнъ за клубки нитокъ, за дротикъ и попугавъ получить какія-нибудь вещи.

Изъ описанія Колумба въ его дневникѣ мы впервые знакомимся съ этимъ новымъ народомъ, съ его наружностью и условіями жизни. Разсказъ Колумба представляетъ большой интересъ по тому впечатлѣнію, какое произвели на него эти существа чуждой расы и по тому, въ какихъ условіяхъ они жили прежде, чѣмъ испанцы оказали давленіе на ихъ несчастное племя.

Вообще обитатели Гванаганы поразили Колумба своимъ жалкимъ видомъ; они ходили нагіе, и судя по единственной дѣвушкѣ, которую онъ встрѣтилъ между ними, это отсутствіе одежды было въ обычаѣ и у женщинъ. Всѣ эти люди казались молодыми, не старше тридцати лѣтъ; они были статны, съ прекрасными формами тѣла и красивыми лицами. Волосы у нихъ были жесткіе, спереди короткіе и откинутае назадъ ото лба; сзади же они висѣли длинными прядями. У многихъ изъ нихъ тѣло было выкрашено различными красками, у иныхъ же были выкрашены только лица, глаза или носъ. Колумбъ остался очень доволенъ, что они были незнакомы съ употребленіемъ остраго оружія, такъ какъ многіе изъ нихъ хватались за лезвее меча и обрѣзали себѣ руки. Дротикъ ихъ состояли изъ палокъ съ острыми наконечниками изъ рыбихъ костей. Онъ замѣтилъ у нихъ на тѣлѣ рубцы; они объяснили ему, что порой на ихъ островъ нападали враги, — причемъ адмиралъ подумалъ, что то были обитатели континента, и что это слѣды отъ ранъ, полученныхъ ими во время самозащиты. Ему показалось, что у нихъ не было никакой религіи, что порадовало его, такъ какъ при такомъ условіи дѣло обращенія ихъ въ христіанство не представляло затрудненія. Они быстро выучились произносить слова, которыя повторялись при нихъ.

Въ субботу, т. е. на слѣдующій день послѣ того, какъ Колумбъ высадили, онъ снова описываетъ огромное стеченіе туземцевъ на берегу, причемъ его поразила форма ихъ широ- <sup>1492 г.
13 октября.</sup> каго лба. Онъ счелъ за естественное совпаденіе, свойственное широтѣ Канарскихъ острововъ, что туземцы на Гванагани отличались болѣе совершеннымъ тѣлосложеніемъ, чѣмъ аборигены Канарскихъ острововъ. Въ этомъ отношеніи онъ предупредилъ выводы антропологовъ, которые нашли въ черепахъ, сохраняющихся въ пещерахъ на Багамскихъ и Канарскихъ островахъ, поразительно-сходныя черты, заставившія ихъ предположить, что океанійскія теченія способствовали распространенію стараго племени Гуанхивъ, обитавшаго на Канарскихъ островахъ и происшедшаго, по всей вѣроятности, отъ европейскихъ переселенцевъ.

*Родствен-
ныя черты
Лукайцевъ.*

В. К. Брукъ, профессоръ университета Джонса Голкинса, помѣстившій въ ноябрѣ 1889 года въ «Popular Science Monthly» критическую статью о костяхъ Лукайцевъ, найденныхъ въ пещерахъ на Багамскихъ островахъ, говоритъ, что эти останки свидѣтельствуютъ о сильно-сложенномъ народѣ съ развитой мускулатурой, ростомъ выше средняго европейца, съ выдающимися четырехугольными челюстями, съ косымъ разбѣзомъ глазъ, съ очень круглыми черепами, искусственно сглаженными въ лобной части,—выводъ, удивительно согласующійся съ описаніемъ Колумба, который замѣчаетъ, что у аборигеновъ Гванагани были такіе широкіе лбы, какихъ онъ еще не видывалъ дотолѣ.

«Щебойцы,—говоритъ одинъ новѣйшій авторъ объ этихъ индійцахъ,—дали намъ гамакъ и это единственное лукаянское слово остается также ихъ единственнымъ памятникомъ», такъ какъ населеніе болѣе многочисленное, чѣмъ нынѣшніе обитатели этихъ острововъ, было въ двѣнадцать лѣтъ стерто съ лица земли системою управленія, которой держался Колумбъ съ новооткрытыми имъ заатлантическими народностями.

Гамаки.

Адмиралъ даетъ также описаніе ихъ лодокъ, сдѣланныхъ удивительнымъ образомъ изъ цѣльнаго древеснаго ствола, иногда такихъ громаднхъ, что въ нихъ съ удобствомъ могло помѣститься сорокъ, сорокъ пять человекъ, иногда-же такихъ маленькихъ, что въ нихъ могъ сидѣть только одинъ человекъ. Весла ихъ имѣли форму лопатъ, которыми въ хлѣбопекарняхъ сажаютъ хлѣбы въ печь. Если лодка опрокинется, то она снова приходитъ въ должное положеніе благодаря всплывающимъ весламъ.

Лодки.

Вниманіе Колумба было привлечено кусочками золота, подвѣшенными къ носу нѣкоторыхъ изъ нихъ. Съ помощью зна- <sup>Золото у
туземцевъ.</sup> ковъ онъ скоро узналъ отъ нихъ, что можно найти огромное количество этого металла на островѣ, лежащемъ къ югу; но они не были въ состояніи дать ему точныя указанія относительно направленія пути къ этому острову, по крайней мѣрѣ, трудно было понять нѣкоторые изъ ихъ знаковъ. «Бѣдняжки!—восклицаетъ Гельсесъ,—

если-бы они обладали въ малѣйшей степени даромъ провидѣнія, они побросали бы въ глубь морскую эти блестящія игрушки». Они показывали по всеѣмъ направленіямъ, но на востокъ, по ихъ указанію, лежалъ путь въ другія земли; изъ ихъ объясненій можно было догадаться, что тѣ враги, чтò приходили съ сѣверо-запада, часто отправлялись за золотомъ на югъ. Онъ увидалъ, что для обмѣна съ ними годятся черепки битой посуды и кусочки стекла, наравнѣ съ предметами большей цѣнности, а они всего охотнѣе давали въ обмѣнъ клубки бумаги, такъ какъ на ихъ островѣ произросталъ хлопокъ.

*Колумбъ осту-
паетъ съ ними
въ торговля
сношенія.*

Охваченный свирѣпымъ предвкушеніемъ богатой наживы, Колумбъ рѣшился отправиться далѣе, къ богатому Чипанго. На слѣдующій-же день онъ обогнулъ берегъ острова на своихъ лодкахъ и нашелъ двѣ-

*1492 г. 14 ок-
тября отпра-
вляется къ
Чипанго.*

три деревни, аборигены которыхъ приняли его дружелюбно. Они, повидимому, думали, что эти чужестранцы свалились къ нимъ съ неба—по крайней мѣрѣ, такъ объяснялъ себѣ Колумбъ ихъ паденіе ницъ и поднятіе рукъ кверху. Колумбъ, опасаясь подводныхъ камней параллельныхъ берегу, шелъ въ сторонѣ отъ нихъ; подвигаясь вдоль берега, онъ увидѣлъ клочекъ земли, которую прорытіе рва могло бы обратить въ островъ. Ему пришла

*1492 г. 14
октября.*

мысль, что этотъ пунктъ годится по своему положенію для крѣпости, если-бы таковая понадобилась. Въ это воскресенье, —ему безъ сомнѣнія казалось, что духъ свѣта привелъ его въ общеніе съ язычниками, — Колумбъ впервые высказываетъ, что было-бы желательно заставить эти жалкія существа работать на своихъ новыхъ господъ.

*Колумбъ пред-
лагаетъ по-
работать абори-
геновъ.*

На возвратномъ пути къ своимъ судамъ и приготавлиаясь къ отплытію, онъ открылъ, что находится посреди архипелага. Онъ захватилъ силою нѣсколько аборигеновъ, которые были тутъ-же на одномъ изъ судовъ. Аборигены назвали ему имена болѣе сотни острововъ. Онъ говоритъ, что послѣдніе были ровные, плодородные и густонаселенные; онъ рѣшился на- правиться къ тому изъ нихъ, который казался ему са-

*1492 г. 15
октября.*

мымъ большимъ. Онъ отошелъ изъ Гвангани и шелъ всю ночь 14 октября, а въ полдень 15 октября подошелъ къ этому другому острову, котораго восточная оконечность шла на пять лигъ къ сѣверу и къ югу; на востокъ и западъ протяженіе острова имѣло десять лигъ. Прельстившись еще болѣе обширнымъ островомъ, который лежалъ далѣе къ западу, онъ отправился туда и идя вдоль берега подошелъ къ его западной оконечности. Онъ бросилъ здѣсь якорь при солнечномъ закатѣ и назвалъ этотъ островъ Санта-Марія де-ла-Концепціонъ. Аборигены, находившіеся при немъ на кораблѣ, сказали ему, что здѣшніе жители носили золотые брас-

*1492 г. 16
октября.*

леты. Колумбъ подумалъ, что этотъ рассказъ былъ измышленъ его плѣнниками съ намѣреніемъ получить возможность бѣжать отъ него. На слѣдующій день онъ высадился на

берегъ и съ обычными обрядами завладѣлъ островомъ. Двумъ плѣнникамъ удалось убѣжать. Одинъ изъ нихъ прыгнулъ черезъ бортъ въ воду и спасся на туземной пирогѣ. Испанцы перехватили пирогу, но бѣжавшимъ на ней удалось спастись. Одинокій человекъ, уходившій на другой лодкѣ, былъ схваченъ и взятъ на корабль; но Колумбу хотѣлось заручиться его пріязнью, онъ надавалъ ему подарковъ, «не стоившихъ и четырехъ мараведи», и взялъ его съ собою на берегъ. Колумбъ наблюдалъ за освобожденнымъ дикаремъ и по удивленію толпы, которая окружила его, догадался, что его хитрость удалась ему.

За девять лигъ къ западу показался другой большой островъ, славившійся золотыми украшеніями своихъ жителей, какъ опять заявили его плѣнники. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ адмиралъ увидалъ на Санъ-Сальвадорѣ кусочки золота, у него въ дневникѣ ни слова болѣе не говорится объ обращеніи темныхъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, за то на каждомъ шагу повторяется надежда, что «съ помощью нашего Господа Бога» онъ найдетъ золото. Попутно къ упомянутому острову онъ поймалъ второго дикаря на пирогѣ, который, повидимому, слѣдовалъ за нимъ изъ Санъ-Сальвадора. Онъ рѣшилъ оказать ему кое-какія милости и отпустить его на свободу, какъ того дикаря.

*Колумбъ
видитъ
большой
островъ.*

Этотъ новый островъ, къ которому онъ подошелъ 16 октября и который называлъ «Фернандина», имѣлъ около двадцати восьми лигъ въ длину, и берега его были безопаснѣе береговъ тѣхъ другихъ острововъ. Онъ бросилъ якорь близъ деревни, куда уже успѣлъ прибыть дикарь, отпущенный имъ на свободу, и принести добрыя вѣсти о чужестранцѣ, такъ что испанцамъ здѣсь оказали хорошій пріемъ. Множество аборигеновъ подплыли на своихъ пирогахъ, а матросы одѣлили ихъ бездѣлушками и патокой. Колумбъ взялъ на берегу прѣсной воды, причемъ аборигены помогали экипажу носить воду. Колумбъ вынесъ впечатлѣніе, что на островѣ есть золотая розсыпь, поэтому онъ рѣшился пройти вдоль его берега и найти Самаотъ, гдѣ, по слухамъ, было золото. Колумбу показалось, что здѣшніе дикари были въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ дикари съ Гванагани, такъ какъ здѣшніе дикари прикрывали свое тѣло кусками бумажной ткани. Его поразило, что тутъ росли деревья съ различными листьями на отдѣльныхъ вѣтвяхъ. По его словамъ, одно дерево представляетъ пять-шесть разновидностей не вслѣдствіе прививки, а отъ природы. Онъ дивился блестящей рыбѣ, а изъ земныхъ животныхъ встрѣтилъ тутъ только попугаевъ и ящерицъ, хотя мальчикъ изъ толпы дикарей и сказалъ ему, что имъ попалась змѣя. Въ пятницу онъ обошелъ вокругъ острова. Въ маленькой гавани, гдѣ они немного замѣшались, они въ первый разъ вошли въ жилище аборигеновъ. Тутъ было все чисто, а между сваями были подвѣшены сѣти, которыя аборигены называли гамаками и названіе это

*1492 г.
16 октябр.*

Гиджики.

было скоро усвоено моряками для обозначенія всякихъ постелей. Жилища дикарей были съ виду похожи на палатки, съ высокими трубами, — но ихъ было не болѣе двѣнадцати или пятнадцати. На испанцевъ бросались собаки, но онѣ не могли лаять. Колумбъ сдѣлалъ попытку купить кусочекъ золота, висѣвшій на носу одного дикаря; но тотъ отказался отъ предложеннаго ему обмѣна.

Флотилія продолжала осмотръ острова, причемъ погода не всегда была благопріятная; но 19 октября суда повернули на западъ отъ Фернандины къ другому острову, который Колумбъ

1492 г.
19 октября.

Индійскія постели.

назвалъ Пзабеллой въ честь своей королевы. По его свидѣтельству, островъ этотъ былъ красивѣе всѣхъ другихъ, какіе онъ встрѣтилъ; поверхность его была гористая и внутри его протекало много быстрыхъ рѣкъ. Вѣтеръ приносилъ ему благоуханія съ берега, а когда онъ высадился на этотъ островъ, то убѣдился, что при своихъ познаніяхъ

въ ботаникѣ онъ не былъ въ состояніи выбрать такія красивыя и лекарственныя вещества и пряности, которыя бы имѣли цѣнность въ Испаніи. Онъ увидалъ здѣсь ужаснаго пресмыкающагося гада, и канонизаторы по своему забавному обыкновенію говорятъ намъ, что «увидѣть и побѣдить этого гада для Колумба было дѣломъ одной минуты, такъ какъ онъ считалъ необходимымъ пріучать испанцевъ къ борьбѣ». Пресмыкающееся оказалось безобиднымъ животнымъ.

Знаки его плѣнниковъ были объяснены въ смыслѣ повторенія желаннаго разсказа о золотѣ. Онъ понялъ, что они говорили о царѣ, покрытомъ золотомъ. «Однако, я не очень-то довѣряю этимъ разсказамъ,—прибавляетъ онъ,—потому что

1492 г.
21 октября.

я не вполнѣ понимаю аборигеновъ». «Я иду далѣе исключительно ради золота и пряностей», — повторяетъ онъ снова.

Въ воскресенье они вышли на берегъ и увидали домъ, откуда недавно ушли его обитатели. Тутъ была очаровательная зелень. Стаи попугаевъ закрывали небо. Испанцы собрали образцы чудныхъ деревьевъ. Они убили змѣю въ озерѣ. Они привлекли нѣсколькихъ робкихъ аборигеновъ бусами, и дикари помогли имъ наполнить прѣсною водою ихъ бочки. Они слышали тутъ объ

Слѣхи о Кубѣ.

очень большомъ островѣ по имени Колба, гдѣ, по словамъ аборигеновъ, были корабли и моряки. Испанцы не сомнѣвались, что тутъ рѣчь шла о Чипанго. Они надѣялись, что царь аборигеновъ принесетъ имъ ночью золото; но такъ какъ этого не случилось и такъ какъ рассказы о Колбѣ возбудили ихъ любопытство, то они подумали, что было бы напрасной тратой времени гоняться долѣе за этимъ недающимся въ ихъ руки царемъ и рѣшили идти къ большому острову.

Отойдя отъ Пзабеллы въ полночь 24 октября и пройдя мимо другихъ меньшихъ острововъ, они, наконецъ, вступили 26 октября въ устье рѣки близъ восточной оконечности Кубы.

1492 г.
24 октябръ.
Изабелла.
26 октябръ.

Путь, по которому слѣдовалъ Колумбъ отъ Санъ-Сальвадора въ Кубу, былъ предметомъ такихъ же разнообразныхъ мѣній, какъ и его первая высадка на берегъ; да и въ самомъ дѣлѣ, несогласія авторовъ по поводу этой первой высадки необходимо ведутъ къ дальнѣйшимъ несогласіямъ относительно пути.

Они сошли на берегъ устья рѣки и нашли нѣсколько покинутыхъ домовъ, принадлежавшихъ, судя по ихъ утвари, рыбакамъ. Колумбъ замѣтилъ, что трава здѣсь росла по окраинѣ рѣки, изъ чего онъ могъ заключить, что здѣсь не могло быть сильныхъ морскихъ волненій. Онъ увидалъ здѣсь горы, напомнившія ему горы Сициліи. Ему показалось, что его плѣнники знаками давали ему понять, что островъ такъ великъ, что на пироги не обойти его и въ двадцать дней. Тутъ слышались тѣ же рассказы о золотѣ; но теперь въ первый разъ въ своемъ дневникѣ Колумбъ упоминаетъ о жемчугѣ; впрочемъ, мѣсто это мы находимъ только въ сокращенномъ текстѣ Ласказаса.

Жемчугъ.

Когда дикари, показывая на островъ, молвили «Кубанакантъ», обозначая этимъ словомъ, по всей вѣроятности, внутреннюю область острова, Колумбъ вообразилъ себѣ, что они говорили о Кублай ханѣ; и онъ готовъ былъ принять Кубу за Манджи Мандевилля.

Колумбъ
вообразилъ,
что нахо-
дится въ
Манджи.

На западномъ берегу острова онъ нашелъ рѣку и деревню и сталъ употреблять въ дѣло своихъ плѣнниковъ въ большей степени, чѣмъ это было возможно ранѣе. Они за это время, казалось, прониклись духомъ покорности. Въ одномъ мѣстѣ, увидѣвъ женскія статуи, онъ недоумѣвалъ, съ какой цѣлью онѣ тутъ находились—изъ культа-ли красоты, или какъ предметы поклоненія.

Онъ нашелъ здѣсь домашнюю птицу; увидалъ черепъ, который принялъ за черепъ коровы, но то былъ, вѣроятно, черепъ тюленя, обитателя этихъ водъ. Температура воздуха показалась ему болѣе прохладной, чѣмъ на другихъ островахъ, и онъ приписалъ такую перемену существованію здѣсь горъ. На одной изъ возвышенностей онъ замѣтилъ высокую постройку, похожую на мечеть. Изъ знаковъ своихъ плѣнниковъ испанцы убѣдились, что дальше на западъ они найдутъ ка-

кого-нибудь владѣтеля; и вотъ они поплыли дальше. Но погода замедлила ихъ путешествіе и они снова вошли въ сношенія съ аборигенами острова. Они ничего не узнали здѣсь о золотѣ, но увидѣли серебряную вещь; оказалось, объ ихъ прибытіи уже было дано знать царю, который жилъ далеко отсюда. Колумбъ вообразилъ себѣ, что народы этихъ странъ были связаны враждою къ великому хану и что, наконецъ, онъ приблизился къ материку Катай, а въ данную минуту находится на берегахъ Цартуна и Кинзэ Марко Поло. Изъ своихъ наблюдений Колумбъ увидалъ, что находится подъ 21^о сѣверной широты, а по приблизительному счисленію отошелъ къ западу отъ Ферро на 1.142 мили. Въ дѣйствительности же имъ было пройдено всего 1.105 лгъ.

Съ пятницы 2 ноября на понедѣльникъ 5 ноября два испанца, ^{1492 г. 2—5 ноября.} которыхъ Колумбъ послалъ на развѣдки во внутрь страны въ сопровожденіи индійцевъ, совершили безирепятственно свое путешествіе, отыскивая царя. Ихъ повсюду принимали съ почестями и, повидимому, боготворили, какъ небожителей. Первые испанскіе путешественники постоянно свидѣтельствуютъ, что дикари считали бѣлыхъ пришельцами съ небесъ. Колумбъ далъ своимъ посламъ образчики корицы, перца и другихъ пряностей, которые и были показаны дикарямъ. Послѣдніе отвѣтили на разспросы пословъ, что такіа вещи растутъ въ юго-восточной части острова. Позднѣе, Колумбъ въ своемъ первомъ письмѣ говоритъ, что изъ пряностей нашелъ тутъ корицу, но оказалось, что это была кора одного изъ сортовъ лавроваго дерева. Говоря объ этой экспедиціи, Ласказасъ разказываетъ, что испанцы увидали, какъ аборигены курили трубочки изъ сухихъ листьевъ, наполненные другими листьями, которые они называли «табакомъ». Сэръ Артуръ Гельпесъ кетати замѣчаетъ, что это простое открытіе испанцевъ дало новымъ государственнымъ дѣятелямъ въ руки великіе финансовыя ресурсы, такъ какъ въ концѣ концовъ табакъ принесъ гораздо большія выгоды испанской коронѣ, чѣмъ золото, за которымъ гонялся Колумбъ. Испанцы не нашли большихъ деревень, но они увидѣли большіе запасы превосходнаго длинноволокнистаго хлопка. Они увидали, что народъ ѣстъ что-то, что мы теперь называемъ картофелемъ. Отсутствие золота дало Колумбу возможность болѣе ревностно, чѣмъ прежде, желать обращенія въ христіанство этихъ людей.

Пока посланные имъ люди отсутствовали, Колумбъ отыскалъ отлогій берегъ и занялся починкою своихъ кораблей. Дерево, изъ котораго онъ гналъ деготь, испускало сильный запахъ и Колумбъ призналъ этотъ деготь за мастику, получавшуюся въ Европѣ съ Хіоса. Пока шла эта работа, испанцы вывѣдали отъ дикарей множество указаній относительно благосостоянія и торговли въ юго-восточной части острова. Они слышали другіе удивительные разказы объ одноглазыхъ людяхъ съ собачьими мордами и

*Колумбъ
воображаетъ,
что находится
на берегахъ
Катай.*

*Изслѣдованіе
Кубы.*

Табакъ

Картофель.

*Однѣглазые
люди съ
собачьими
мордами.*

о свирѣпыхъ, кровожадныхъ людѣдахъ, которые вели войны, чтобы утолять свой голодъ мясомъ убитыхъ ими людей.

Каннибалаи.

Колумбъ вышелъ изъ этой гостепріимной гавани только 12 ноября, на разсвѣтъ, чтобы отыскать мѣстечко по имени Бабэкъ, «гдѣ золото собирали на берегу по ночамъ, при свѣтѣ факеловъ, а затѣмъ дѣлали изъ него слитки». Онъ тѣмъ хотѣе вернулся назадъ, что западный берегъ, казалось, тянулся на сѣверъ, а онъ боялся болѣе холоднаго климата. Онъ отложилъ до другого времени знакомство съ хвостатыми людьми, которые жили, какъ онъ слышалъ, въ этой сторонѣ.

1492 г. 12 ноября.

Бабэкъ.

Снова историку приходится признать, какъ чистая случайность помѣшала испанцамъ сдѣлать болѣе великое открытіе. Еслибъ Колумбъ прошелъ на западъ и убѣдился, что Куба островъ, то онъ сталъ бы отыскивать материкъ Мексики или Юкатана и такимъ образомъ предугадилъ бы чудесныя завоеванія Кортеса. Но онъ никогда не переставалъ думать, что Куба былъ материкомъ Азіи.

Колумбъ отправился назадъ съ смутными представленіями о богатствахъ страны, которую покидалъ. Народъ показался ему покорнымъ; онъ думалъ, что ихъ несложную вѣру въ Бога можно будемъ легко расширить познаніемъ истинной религіи, благодаря чему испанцы пріобрѣтутъ себѣ вассаловъ, а церковь — народъ. Онъ заманилъ на корабль и захватилъ съ собою шестерыхъ мужчинъ, семь женщинъ и трехъ дѣтей; оправдывая это насильственное поработеніе людей, канонизаторы называютъ это «задержаніемъ на кораблѣ», — намѣреніемъ выучить ихъ испанскому языку и открыть путь къ свѣту ихъ душамъ, коснѣвшимъ во мракѣ. Онъ позволилъ мужчинамъ имѣть при себѣ женщинъ, которыя бы раздѣлили съ ними неволю, такъ какъ, по его мнѣнію, такой образъ дѣйствій оказался очень практичнымъ на Гвианскомъ берегу.

Колумбъ захватываетъ силой индейскихъ аборигеновъ съ острова Кубы.

Адмиралъ говоритъ въ своемъ первомъ письмѣ по поводу своихъ плѣнниковъ, «что мы немедленно стали понимать другъ друга, объясняясь то словами, то знаками». Такъ писалъ онъ ожидавшей его Европѣ. Но не таково впечатлѣніе, оставляемое его дневникомъ.

Теперь корабли направлялись къ юго-востоку, проходя мимо гористыхъ мѣстностей; 14 ноября Колумбъ попробовалъ пристать къ берегу. Очень скоро онъ открылъ удобную гавань, куда могъ войти; гавань состояла изъ множества высокихъ покрытыхъ лѣсомъ острововъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли остроконечную, другіе плоскую вершину. Онъ былъ вполне увѣренъ, что находился теперь посреди острововъ, которые на прежнихъ картахъ изображаются во множествѣ у береговъ Азіи. Онъ говоритъ, что вездѣ, гдѣ ему придется высаживаться, онъ воздвигаетъ и оставляетъ крестъ. Онъ замѣтилъ также выступъ въ заливѣ, удобный для укрѣпленія и поймалъ особенную рыбу, похожую съ виду на свинью. Въ эту минуту онъ находился въ Королевскомъ Саду, какъ называется этотъ архипелагъ.

1492 г. 14 ноября.

*Пинзонъ
оцѣртилъ
руку.*

Скоро послѣ того, когда они потерпѣли неудачу въ своихъ поискахъ, Мартинъ Алонзо Пинзонъ, побуждаемый, какъ сказано въ дневникѣ, алчностью найти золотые рудники, на которые ему указали его индійскіе плѣнники, не обратилъ должнаго вниманія на сигналы адмирала и ушелъ на «Пинтъ». Флагманское судно всю ночь поддерживало огонь для него на вершинѣ мачты, но къ утру «Пинта» скрылась изъ виду. По этому поводу адмиралъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что это уже не первый случай ослушанія со стороны Пинзона. Въ пятницу, 23 ноября, суда Колумба приблизились къ мысу, который индійцы называли Богайо. Плѣнники обнаружили здѣсь страхъ, потому что тутъ обитали одноглазые люди и канибалы; но въ субботу, 24 ноября, корабли были отодвинуты назадъ въ заливъ, гдѣ было множество острововъ и гдѣ Колумбъ нашелъ прекрасный рейдъ, какого до сихъ поръ еще не встрѣчалъ на своемъ пути.

*1492 г.
23 ноября.*

*1492 г.
24 ноября.*

*1492 г.
25 ноября.*

Въ воскресенье, осматривая на лодкѣ берегъ, онъ нашелъ въ рѣкѣ «какіе-то камни, которые мѣстами блестѣли золотымъ налетомъ; онъ вспомнилъ, что золото было найдено въ рѣкѣ Таго, недалеко отъ моря, и убѣдился окончательно, что это былъ металлъ; поэтому онъ распорядился, чтобы собрали коллекцію этихъ камней, намѣреваясь представить ихъ королю и королевѣ». Слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ Колумбъ подвигается впередъ, всякое новое мѣсто у него превосходитъ всѣ остальные мѣста; и климатъ лучше, и деревья диковиннѣе. Онъ нашелъ теперь сосновый лѣсъ, годный для мачтъ, и срѣзалъ нѣсколько деревьевъ для «Нины».

Проходя на слѣдующій день вдоль берега, который онъ принялъ за континентальный берегъ, онъ выразилъ въ своемъ дневникѣ удивленіе, что въ такой прекрасной странѣ нѣтъ городовъ. Что тутъ были обитатели, онъ убѣдился, потому что выйдя на берегъ, онъ нашелъ слѣды ихъ. Онъ узналъ, что всѣ аборигены питали ужасъ къ народу, который они называли «Кениба» или «Канима», и онъ увѣряетъ, что города были построены далеко отъ берега, ради безопасности отъ морскихъ набѣговъ этого свирѣпаго народа. Колумбъ не сомнѣвался, что эти набѣги были дѣломъ подданныхъ великаго хана.

Между тѣмъ, какъ онъ все еще продолжалъ свой курсъ вдоль берега,—осматривая гавани, замѣчая по многимъ признакамъ, что берегъ былъ обитаемъ, пытаясь войти въ сношенія съ перепуганными аборигенами, бросая якорь въ однихъ гаваняхъ, проплывая на лодкѣ по береговымъ рѣкамъ,—онъ находилъ также время заносить въ свой дневникъ для будущихъ соображеній своихъ государей свои сомнѣнія, свои догадки и намѣренія. Онъ жалуется, что ему трудно понимать своихъ плѣнниковъ и, повидимому, сознаетъ, что часто онъ невѣрно истолковываетъ ихъ мысли. Онъ говоритъ, что потерялъ къ нимъ довѣріе, и съ нѣкоторымъ простодушіемъ воображаетъ, что они убѣжали бы отъ него, если бы только могли! Далѣе онъ говоритъ о

своемъ памѣреніи выучиться ихъ языку, который, по его мнѣнію, одинъ и тотъ же во всей этой области. «Этимъ путемъ,—говоритъ онъ,—мы узнаемъ о богатствахъ страны и постараемся обратить эти народы въ нашу религію, такъ какъ у нихъ нѣтъ даже идолопоклонническаго культа». Онъ распространяется о здоровомъ воздухѣ этой области; никто изъ людей его экипажа не испыталъ ни малѣйшаго нездоровья «кромя одного старика, всю жизнь страдающаго каменной болѣзнью». Порой онъ дѣлаетъ выводы забавные по своей наивности; такъ, напр., найдя въ одномъ изъ домовъ кусокъ воску, который, по мнѣнію Ласказаса, попалъ сюда изъ Юкатана, Колумбъ «вывелъ заключеніе, что тамъ, гдѣ найденъ воскъ, должно быть много другихъ цѣнныхъ предметовъ».

Корабли простояли въ теченіе нѣсколькихъ дней въ своей гавани, а люди экипажа дѣлали тѣмъ временемъ экскурсіи и отыскивали населенную мѣстность; имъ удалось также войти въ сношенія съ аборигенами. Наконецъ, 4 декабря онъ оставилъ Пуэрто-Санто, какъ онъ назвалъ эту гавань, и направляясь вдоль берега на востокъ, пришелъ на слѣдующій день къ самой восточной оконечности Кубы или Хуаны, какъ онъ назвалъ этотъ островъ въ честь принца Хуана. Во время крейсировки онъ, повидимому, смутно понималъ, что Куба не материкъ, потому что онъ, кажется, осмотрѣлъ южную сторону этой оконечности Кубы и увидѣлъ юго-западное протяженіе береговой линіи острова. Въ тотъ же день онъ примѣтилъ на юго-востокъ землю, которую индійцы называли Богайо; впоследствии же она была названа Эспаньолой. Ласказасъ говоритъ, что Колумбъ здѣсь смѣшалъ слово, которое у индійцевъ обозначаетъ домъ, съ названіемъ острова, который въ дѣйствительности на ихъ языкѣ назывался Гаити. Вслѣдствіе трудности разобраться въ названіяхъ заливовъ и мысовъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ, Ласказасъ и Наварретъ совершенно расхордились въ заключеніяхъ относительно прохода, отдѣляющаго Кубу отъ Эспаньолы, одного изъ мысовъ, показанныхъ у Колумба. Переимѣнивъ курсъ, чтобы пройти къ большому острову, онъ отрядилъ «Нипу» произвести береговыя развѣдки и найти удобную гавань. Ночью корабль адмирала лавировалъ въ ожиданіи разсвѣта. Съ наступленіемъ дня онъ осмотрѣлъ берегъ и, примѣтивъ островъ, отдѣленный отъ другого острова широкимъ проливомъ, назвалъ первый островъ Тортуга. Войдя въ гавань,—нынѣшній портъ Св. Николая,—онъ заявляетъ въ своемъ дневникѣ, что въ ней могла бы помѣститься тысяча судовъ (каракъ). Здѣсь онъ увидѣлъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, большія пироги и аборигеновъ, которые убѣжали при его приближеніи. Испанцы замѣтили здѣсь высокія и обширныя горы и «вся страна показалась имъ похожей на Кастилію». Когда они входили въ гавань, находившуюся противъ Тортуги, то къ нимъ въ лодку прыгнулъ скатъ; адмиралъ

1492 г.
4 декабря.

Оставляетъ
Кубу или
Хуану.

Богайо.

Эспаньола.

Тортуга.

говорить въ своемъ дневникѣ, что они впервые увидали рыбу, подобную той, какая водится въ водахъ Испаніи. Онъ прибавляетъ, что на берегу слышалъ пѣніе соловьевъ «и другихъ испанскихъ птичекъ», ошибаясь, разумѣется, въ своихъ понятіяхъ насчетъ ихъ тождества. Онъ увидѣлъ здѣсь миртовые и другія деревья «совсѣмъ такія, какъ въ Кастиліи». Названіе «Эспаньола», которое онъ далъ всему острову, служить другимъ очевиднымъ напоминаніемъ родной страны. Жителей здѣсь было мало и Колумбъ заключилъ, что города ихъ отстояли далеко отъ берега. Впрочемъ, матросы захватили красивую молодую женщину, которая на носу имѣла золотое украшеніе; надававши ей разныхъ бездѣлушекъ, они отпустили ее. Вслѣдъ за этимъ адмиралъ послалъ своихъ людей въ городъ, состоявшій изъ тысячи домовъ, рассчитывая, что ласковое обращеніе съ женщиной ободритъ народъ и дастъ возможность вступить съ нимъ въ переговоры. Сначала жители побѣжали въ страхъ; но понемногу стали смѣлѣе и пришли толпами, неся въ подарокъ попугавъ.

Въ этомъ мѣстѣ Колумбъ занялся опредѣленіемъ широты и нашелъ, что она равна 17° , на самомъ же дѣлѣ она равнялась 20° . Въ дневникѣ находится перечень именъ, которыя онъ далъ открытымъ имъ мысамъ и гаванямъ; но въ настоящее время немногія изъ этихъ именъ удержались. Въ ту эпоху было обыкновеніе давать новооткрываемымъ мѣстностямъ имена святыхъ родной страны.

Докторъ Ши въ статьѣ, помѣщенной имъ въ первомъ томѣ «*American Catholic Quarterly*» за 1876 г., обращаетъ особенное вниманіе на помощь, какую оказываетъ номенклатура римско-католическихъ святыхъ, послужившая для названія рѣкъ и мысовъ, географу, задавшемуся цѣлью прослѣдить путь первыхъ изслѣдователей береговъ Новаго Свѣта. Этотъ методъ послѣдовательнаго изученія морскихъ открытій представился самъ собою Овiedo и къ нему обращались Генри С. Мёрфи и другіе новѣйшіе ученые.

Наконецъ, въ пятницу, 14 декабря, Колумбъ вышелъ изъ гавани и подошелъ къ Тортугѣ. Островъ этотъ представлялъ обширныя обработанныя поля, подобно Кордовской равнинѣ. Такъ какъ вѣтеръ не благопріятствовалъ направленію, по которому онъ хотѣлъ идти далѣе, то Колумбъ вернулся обратно въ послѣднюю гавань, Пуэрто де-ла-Концепціонъ. Въ субботу онъ снова вышелъ изъ этой гавани, пройдя опять къ Тортугѣ, подошелъ къ берегу и здѣсь на лодкахъ поднялся вверхъ по рѣкѣ. Жители бѣжали, завидѣвъ его, и зажигали огни, какъ и въ Эспаньолѣ, что, повидимому, служило сигналомъ приближенія испанцевъ. Ночью, идя по проливу, раздѣлявшему оба острова, адмиралъ увидѣлъ одинокого индѣйца и захватилъ его вмѣстѣ съ его пирогами. По обыкновенію ему надавали разныхъ бездѣлушекъ, а когда корабли бро-

*Колумбъ
опредѣляетъ
широту своего
мѣстопожиз-
ненія.*

*Имена
святыхъ.*

*1492 г.
14 декабря.*

Тортуга.

силы якорь у деревушки, то дикарь былъ выпущенъ на берегъ, что произвело обычный эффектъ. На берегу скоро собралась огромная толпа народа вмѣстѣ со своимъ предводителемъ и нѣсколько дикарей рискнули пройти на корабль. Испанцы безъ всякихъ хлопотъ выманили у нихъ золотыя украшенія, которыя были у нихъ продѣты въ ушахъ и въ носу. Одинъ изъ плѣнныхъ индійцевъ, говорившій съ предводителемъ, сказалъ этому «юношѣ двадцати одного года», что испанцы пришли съ неба и отправляются въ Бабекъ за золотомъ; а предводитель сказалъ испанцу, посланному адмираломъ къ нему *Тибекъ.* съ подаркомъ, что, идя въ извѣстномъ направленіи, онъ черезъ два дня будетъ въ Бабекъ. Больше никакихъ свѣдѣній о Бабекъ не имѣется и Колумбъ не нашелъ этой страны, по крайней мѣрѣ, подъ вышеупомянутымъ названіемъ. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что у Колумба въ дневникѣ Бабекъ упоминается болѣе четырнадцати разъ, но ужь, конечно, это никомъ образомъ не Эспаньола, какъ это полагаетъ «Historie» 1571 г. Д'Авзакъ раздѣляетъ мнѣніе Гумбольдта. Ласказъ высказываетъ перѣшительное предположеніе, что здѣсь, быть можетъ, рѣчь шла о Ямайкѣ.

Затѣмъ въ дневникѣ идетъ описаніе страны. Колумбъ говоритъ, что поверхность земли гористая, но что даже на самыхъ высокихъ горахъ можно пахать, а деревья отличаются такой сочной и богатой листвою, что она кажется черною, а не зеленою. Далѣе въ дневникѣ описывается новый народъ—энергичный и храбрый, совсѣмъ не похожій на трусливыхъ островитянъ другихъ частей, и безъ какихъ бы то ни было религіозныхъ вѣрованій! Со свойственной ему привычкою къ противорѣчію Колумбъ сейчасъ же начинаетъ говорить объ ихъ трусливости, прибавляя, что три испанца стѣютъ болѣе, чѣмъ тысяча этихъ дикарей. Онъ заранѣе изображаетъ ихъ роковую судьбу, называя ихъ «созданными для подчиненія и приспособленными для работы, для земледѣльческаго и всякаго другого труда, какой потребуется».

Въ понедѣльникъ, 17 декабря, удаляясь отъ Эспаньолы, испанцы въ первый разъ познакомились нѣсколько ближе съ народомъ «Каниба» или канибиалами. *1492 г. 17 декабря. Канибиалы.* Аборигены показали Колумбу и его спутникамъ особыя стрѣлы, которыя, по ихъ словамъ, принадлежали этимъ людоедамъ. Стрѣлы эти состояли изъ кусковъ тростника съ острыми наконечниками, которые были закалены на огнѣ. «Стрѣлы эти показывались двумя индійцами, у которыхъ были вырѣзаны куски тѣла, съѣденные канибиалами. Адмиралъ не повѣрилъ этому». Кромѣ того, теперь испанцы нашли золото въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Они увидѣли золото въ тонкихъ пластинкахъ. Кацикъ,—здѣсь это слово появляется впервые,—разрѣзалъ пластинку величиною въ руку на куски и обмѣнялъ ихъ на другіе предметы, обѣщая на слѣдующій день принести больше золота для обмѣна. Онъ далъ понять испанцамъ, что въ Тортугѣ было больше золота, чѣмъ въ Эспаньолѣ. Слѣдуетъ также

Корикъ.

замѣтить, что въ разсказѣ адмирала «Нашъ Господь Богъ» не даетъ болѣе указаній, какъ обратить въ истинную вѣру бѣдныхъ язычниковъ, но «Нашъ Господь Богъ» заставляетъ адмирала идти въ Бабекъ.

На слѣдующій день, 18 декабря, адмиралъ бросилъ якорь по двумъ причинамъ: не было попутнаго вѣтра и ему хотѣлось увидѣть золото, которое кацикъ обѣщался принести. Это дало ему также возможность разукрасить свои корабли и стрѣлять изъ ружей по случаю праздника Благовѣщенія Пресвятой Богородицы.

Въ назначенное время явился предводитель; подданные несли его на носилкахъ. Взойдя на корабль, начальникъ дикарей засталъ Колумба за столомъ у себя въ каютѣ. Кацика усадили возлѣ Колумба и поставили передъ нимъ кушанья и напитки; онъ ѣлъ и пилъ. Двое изъ его темнокожихъ провожатыхъ, сидя у его ногъ, послѣдовали примѣру своего господина. Колумбъ, замѣтя, что вниманіе дикаря привлекли занавѣсы у его кровати, подарилъ ему эти занавѣсы, да вдобавокъ далъ ему нѣсколько янтарныхъ зеренъ изъ своего ожерелья, нѣсколько паръ красныхъ башмаковъ и бутылку настойки изъ померанцевыхъ цвѣтовъ. «Сегодня,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—было получено немного золота; но одинъ старикъ сказалъ мнѣ, что за сто лигъ или около того лежатъ острова, гдѣ можно найти много золота; а на иныхъ островахъ его было такъ много, что его собирали и просѣивали ситами, затѣмъ плавили и отливали изъ него разныя вещи. Говорили, что одинъ изъ острововъ весь изъ золота, и адмиралъ рѣшилъ идти по направленію, которое указалъ ему этотъ старикъ».

Напрасно старались они ночью выйти по другую сторону Тортуги; но 20 декабря суда вошли въ гавань между маленькимъ островомъ, который Колумбъ назвалъ островомъ Св. Ѳомы, и большимъ островомъ. Весь слѣдующій день онъ осматривалъ рейдъ и, обозрѣвая новую область на лодкахъ, встрѣтилъ массу аборигеновъ, съ которыми обмѣнялся подарками и привѣтствіями.

Въ субботу, 22 декабря, испанцы встрѣтили нѣсколько людей, посланныхъ сосѣднимъ кацикомъ, языка которыхъ не могли хорошенько понять индійцы адмирала; случай этого рода впервые упоминается у него въ дневникѣ. Описывая, какъ онъ послалъ въ это время нѣсколько человекъ для осмотра большого города, находившагося неподалеку отъ гавани, Колумбъ говоритъ, что приказалъ идти съ ними своему секретарю, для того, чтобы сдерживать алчность испанцевъ—такой оцѣнки своихъ спутниковъ Колумбъ ранѣе старался избѣгать, если вѣрить словамъ Ласказаса. Въ результатъ этого нашествія получилось три жирныхъ гуся и нѣсколько кусковъ золота. Повѣствуя объ этомъ событіи въ своемъ дневникѣ,

онъ выражаетъ надежду, что на этомъ островѣ находится много золота и если ему только удастся открыть его мѣсторожденіе, то можно будетъ получать золото почти даромъ. «Да поможетъ мнѣ нашъ Господь Богъ, въ Чьихъ рукахъ все!—воскликаетъ онъ.—Нашъ Господь Богъ въ своемъ милосердіи, направляетъ мой путь туда, гдѣ я открою золотыя россыпи».

Адмиралъ узнаетъ названіе другого почетнаго лица среди дикарей—Нитайано; положеніе этого лица Колумбъ не могъ опредѣлить съ точностью, но отъ Ласказа мы узнаемъ, что слово это обозначало титулъ лица, самаго близкаго по рангу къ кацiku. Какой-то индiецъ говорилъ о странѣ, называвшейся Цибао, которая лежала далеко на востокъ, гдѣ царскія знамена были сдѣланы изъ золота, и адмиралъ тотчасъ же вообразилъ, что рѣчь шла о Чипанго и ея богатомъ государѣ. Оказалось, что въ этомъ мѣстѣ, наконецъ, и были открыты самыя богатые золотые рудники.

Цибао.

По поводу слѣдующаго дня, т. е. воскресенія, 23 декабря, Ласказъ сообщаетъ намъ, что Колумбъ вообще не любилъ путешествовать въ воскресные дни, не изъ суевѣрія, а потому, что онъ былъ набоженъ; но это не мѣшало ему пройти вдоль берега, «чтобы поставить тамъ символы искупленія».

1492 г. 23 декабря.

Рождество Христово застало ихъ въ большой бѣдѣ. За ночь передъ тѣмъ, такъ какъ все было, повидимому, благополучно, корабль тихо подвигался вдоль берега; Колумбъ отправился спать, сильно пуждался въ отдыхъ. Рулевой поставилъ у румпеля мальчика, а самъ пошелъ спать. Остальная команда скоро также погрузилась въ глубокий сонъ. Въ такомъ положеніи находился корабль, уносимый теченіемъ въ сторону отъ своего курса; на немъ бодрствовалъ только безпомощный мальчикъ и вотъ корабль наскочилъ на песчаную мель. Крики мальчика разбудили адмирала и онъ первый увидѣлъ опасность, въ какой они очутились. Онъ отрядилъ въ лодкѣ свою команду спустить якорь съ кормы, но матросы, пораженные ужасомъ, поплыли къ «Нинѣ». Команда этого судна отослала ихъ назадъ исполнять свои обязанности и отправила свою лодку на помощь погибавшему кораблю. Однако, помощь эта оказалась безуспѣшной. «Санта-Марія» накренилась на бокъ, и въ ней образовались трещины. Мачту этого судна пришлось срубить, но его не удалось поднять. Адмиралъ покинулъ его и перешелъ со своими людьми на «Ниню». Утромъ испанцы повидались съ кацикомъ и послѣдній прислалъ нѣсколько пирога, чтобы помочь разгрузить корабль, такъ что въ короткое время удалось спасти все цѣнное. Помощь эта дала случай къ сближенію между испанцами и аборигенами. «Это народъ ласковый, неалчный», отмѣчаетъ Колумбъ въ своемъ дневникѣ. Едва ли при ближайшемъ знакомствѣ со своими новыми друзьями кацикъ сказалъ бы тоже объ испанцахъ. Адмиралъ сталъ убѣждаться, что «Господь Богъ допустилъ гибель корабля для того, чтобы Колумбъ изъ

*Крушеніе
корабля
Колумба.*

бралъ это мѣсто для своего водворенія». Канонизаторы идутъ далѣе и говорятъ, что «крушеніе корабля сдѣлало его инженеромъ».

Првингъ, который своими подкрашиваніями исторической правды можетъ доставлять удовольствіе развѣ только заурядному читателю, но отнюдь не удовлетворяетъ пытливаго ученаго, не остается безучастнымъ къ несчастіямъ, которыя Колумбъ въ это время приписывалъ божественному вмѣшательству. «Гибель корабля,—говоритъ Првингъ,—нарушила и ограничила всѣ дальнѣйшія открытія Колумба. Оно связало его судьбу на всю остальную жизнь съ этимъ островомъ, которому суждено было стать для него источникомъ заботъ и огорченій, причинить ему тысячи непріятностей и омрачить его старость униженіемъ и разочарованіемъ».

Спасеніе припасовъ и гибель корабля въ самомъ дѣлѣ внушили ему мысль исполнить то, о чемъ его уже просили нѣкоторые изъ его людей, — а именно, оставить ихъ здѣсь, между тѣмъ какъ адмиралъ возвратится въ Испанію съ извѣстіями объ открытіи, если,—тутъ непріятная мысль пробѣжала у него въ умѣ,—его уже не предупредилъ невѣрный командиръ «Пинты». На этомъ основаніи Колумбъ прика-

*Постройка
форта.*

залъ строить фортъ съ башней и рвомъ, и въ скорости были сдѣланы всѣ распоряженія по изготовленію запасовъ хлѣба и вина болѣе, чѣмъ на годъ, кромѣ посѣвовъ для будущаго урожая. Барказъ былъ предоставленъ въ распоряженіе остающихся на островѣ; между людьми экипажа оказались конопатчикъ, плотникъ, купоръ, инженеръ, портной и лекаръ,—они вошли въ составъ партіи остающихся, которая должна была «отыскать золотую руду». Колумбъ высказалъ надежду, что въ его отсутствіе они успѣютъ собрать цѣлую тонну золота, «такъ какъ я заранѣе торжественно обѣщалъ вашимъ величествамъ,—прибавляетъ онъ, обращаясь къ своимъ государямъ,—что доходы пойдутъ на завоеваніе Іерусалима».

Намъ извѣстны имена лицъ, согласившихся остаться на островѣ. Наварретъ нашелъ ихъ списокъ въ указѣ 1504 года объ уплатѣ того, что имъ причиталось, ихъ ближайшимъ родственникамъ. Въ списокѣ значится сорокъ человекъ, хотя, по нѣкоторымъ отчетамъ о путешествіи, ихъ числится менѣе. Въ партію вошли уже упомянутые ирландецъ и англичанинъ.

*Горнизонъ
La Navidad.*

27 декабря Колумбъ получилъ первыя извѣстія о «Пинтѣ» съ тѣхъ поръ, какъ она дезертировала; онъ отправилъ испанца на пирогѣ, съ индѣйцами въ качествѣ гребцовъ, въ гавань на концѣ острова, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ находиться корабль Пинзона. Колумбъ заканчивалъ теперь свои планы относительно устройства форта и старался вывѣдать, не скрываетъ-ли предводитель Гваканнагари отъ него мѣсторожденія золота. Въ воскресенье, 30 декабря, испанскій и туземный вожди наперерывъ обмѣнивались выраженіями дружества и пріязни. Дикарь надѣлъ свою корону на голову адмирала. Колумбъ спялъ съ себя ожерелье и свой

алый плащъ и украсилъ ими дикаря. Онъ обулъ голыя ноги дикаря въ полусапожки, а на его темную руку надѣлъ серебряное кольцо. Въ понедѣльникъ занялись приготовленіями къ возвращенію въ Испанію, потому что за отсутствіемъ «Пинты», — ^{31 декабря.} — прогѣ, посланной за нею не удалось найти ее, — и съ одной только «Пиной» необходимо было принять предосторожности, чтобы уменьшить рискъ предпріятія.

2 января 1493 года, происходило прощаніе съ кацикомъ. Чтобы внушить ему и его народу страхъ къ могуществу испанцевъ, въ интересѣ остающихся, Колумбъ показалъ имъ силу своихъ пушекъ, прострѣливъ кузовъ своего судна, лишеннаго снастей. Курьезно, что у Првинга, который любитъ дешевые мелодраматическіе эффекты, эта пальба превращается въ стрѣлы небесныя, прорѣзывавшія прекрасный лѣсъ изъ мацъ!

Чтобы выразить свою благодарность Колумбу, кацикъ приказалъ отлить золотое изображеніе адмирала, которое должны были окончить въ теченіе десяти дней, — такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ Колумбъ заявленіе кацика, переданное ему черезъ посредство одного изъ плѣнныхъ индійцевъ.

Назначивъ Діего де-Арана командиромъ, а Педро Гутіерреса и Родриго де-Эсковеда своими уполномоченными въ фортъ, состоявшемъ изъ тридцати девяти человекъ, Колумбъ сѣлъ на корабль, давъ предварительно всѣ необходимыя инструкціи и множество добрыхъ совѣтовъ тѣмъ, кого онъ оставлялъ за собою, — совѣты эти, однако, не приносили добра, если только послѣдующія событія были ясно разгаданы. Однако, только въ пятницу, 4 января, вѣтеръ позволилъ ему выйти изъ гавани Виллы де-Навидадъ — какъ онъ ^{1493 г. 4 января.} назвалъ фортъ и поселеніе вслѣдствіе того, что корабль его потерялъ крушеніе здѣсь въ день Рождества. Спусти два дня Колумбъ встрѣтилъ «Пинту», и Пинзонъ, командиръ этого судна, скоро подошелъ къ кораблю адмирала; онъ старался извинить свое отсутствіе, «говоря, что ушелъ противъ воли». Адмиралъ сомнѣвался въ такихъ увѣреніяхъ, но не счелъ удобнымъ выказать активно свое неудовольствіе, какъ говоритъ Ласказасъ. Очевидно, Пинзонъ не нашелъ золота тамъ, куда отправился искать его, а потому вернулся къ своему командиру. Онъ уже болѣе двадцати дней плылъ вдоль береговъ острова и былъ замѣченъ аборигенами, которые донесли объ этомъ адмиралу, какъ уже было сказано выше. Нѣсколькихъ индійцевъ, захваченныхъ Пинзономъ въ неволю, Колумбъ отпустилъ на свободу для обычныхъ дальнѣйшихъ цѣлей. Замѣчательно, что когда насильственные захваты людей совершались Пинзономъ, который въ этомъ отношеніи подражалъ адмиралу, то канонизаторы характеризуютъ ихъ, какъ «соединеніе насилія съ грабежомъ».

Къ этому времени относятся первыя свѣдѣнія Колумба объ островѣ Ямайтъ, къ югу отъ Кубы, который, кажется, и есть Ямайка,

гдѣ, какъ ему говорили, золото находили въ зернахъ величиною съ бобъ, тогда какъ въ Эспаньолѣ зерна были не болѣе пшеничныхъ. До него дошли также рассказы объ островѣ къ востоку, гдѣ жили только одиѣ женщины. Онъ узналъ также, что на материкѣ къ югу люди ходили одѣтые, а не нагишемъ, какъ обитатели острововъ.

Лмайка.

Оба судна зашли въ гавань и такъ какъ на «Нинѣ» открылась течь, то употребили цѣлый день на законопачиваніе ея швовъ. Колумбъ опасался, какъ бы братья Пинзоны,—Мартинъ Алонзо, командиръ «Нинты», и Виценте Іаньецъ, командиръ «Нины»,—не затѣяли со своими сторонниками какого-нибудь злого умысла противъ него. Поэтому Колумбъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ спѣшилъ выйти въ открытый океанъ, оставивъ дальнѣйшее изслѣдованіе береговъ Эспаньолы. Когда онъ шелъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы запасть прѣсною водою, то увидалъ, что въ щели разохшихся обручей взятыхъ имъ бочекъ попали мельчайшія крупинки золота изъ рѣки. Это обстоятельство заставило его предположить, что и въ сосѣднихъ рѣкахъ содержится золото.

Онъ увидалъ не одно только золото. Изъ воды высоко поднялись три сирены, разумѣется, не съ очень пригожими лицами, но сильно напоминавшими человѣческія фізіономіи; при этомъ онъ вспоминаетъ, что видалъ такихъ же сиренъ у Гвинейскаго берега. Ученые полагаютъ, что это были тюлени, которыхъ трудно было разглядѣть издали.

Колумбъ видитъ морскихъ дѣвъ.

Оба корабля снова отправились въ путь 10 января, ложась по временамъ на ночь въ дрейфъ изъ боязни отмелей, огибая мысы и давая имъ названія. 12 января у входа въ гавань Колумбъ увидалъ индійца, котораго онъ принялъ за кариба—

1493 г. 10 января

такъ онъ называлъ каннибаловъ, о которыхъ много слышался. Его индійцы не совсѣмъ понимали языкъ этого чужого дикаря. Испанцы отослали его на берегъ и увидали пятьдесятъ пять индійцевъ, вооруженныхъ самострѣлами и де-

Колумбъ отпращивается въ Испанію.

ревянными мечами. Сначала они было рѣшились вступить въ переговоры съ бѣлыми; но вскорѣ выказали враждебность и Колумбъ впервые упоминаетъ о битвѣ, въ которой многіе туземцы были ранены. Колумбъ подумалъ, что островъ, лежавшій на востокъ, былъ областью этихъ карибовъ, и захотѣлъ захватить съ собою нѣсколько человѣкъ. Наварретъ полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Порто-Рико. Колумбъ замѣтилъ также, идя по направленію къ востоку, что здѣсь океанъ былъ покрытъ такими же водорослями, черезъ какія ему пришлось переплывать, когда онъ шелъ на западъ; тутъ ему пришло на мысль, что острова эти, быть можетъ, тянулись на востокъ, а слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ отстояли недалеко отъ Канарскихъ острововъ. Надо замѣтить, что новооткрытые острова долго продолжали считать близкими къ издавна извѣстнымъ остро-

12 января. Карибы.

вамъ Атлантическаго океана и ошибка эта исчезла вполнѣ съ географическихъ картъ не ранѣе шестнадцатаго столѣтія.

Испанцы захватили еще нѣсколько индійцевъ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ у нихъ была битва, и одинъ изъ плѣнныхъ показалъ Колумбу дорогу къ острову Карибовъ. Такъ какъ течъ въ корабляхъ все увеличивалась, а экипажъ пришелъ въ уныніе, то Колумбъ счелъ болѣе благоразумнымъ переимѣнить курсъ на Испанію, располагая въ то же самое время подойти къ острову Матинино, гдѣ жило племя женщинъ. Онъ откуда-то вычиталъ, — по всей вѣроятности, у какого-нибудь легковѣрнаго пересказывателя Марко Поло, — рассказъ о томъ, что Карибы разъ въ году посѣщали этотъ островъ и забирали съ собою дѣтей мужского пола, а дѣвочекъ оставляли на пополненіе племени.

*Карибы и
амазонки.*

Слѣдуя за адмираломъ вдоль этихъ береговъ Кубы и Эспаньолы, ученые не пытались точно опредѣлять всѣ пройденные имъ заливы и рѣки. Наварреть и другіе комментаторы дѣяній Колумба дѣлали это, но не всегда приходили къ одинаковымъ результатамъ.

16 января мысъ Эспаньолы въ послѣдній разъ мелькнулъ передъ путниками въ отдаленіи, а затѣмъ они очутились въ открытомъ океанѣ, съ водорослями, тунцами и великими, изрѣдка прерывавшими однообразіе плаванія. «Пинта» осталась позади, такъ какъ у нея была попорчена мачта, и «Нинѣ» также пришлось идти медленнѣе.

*1493 г.
16 январ.*

Колумбъ, вслѣдствіе несовершенства методовъ опредѣленія долготы, держался курса, который въ теченіе долгаго времени служилъ морякамъ для достиженія ихъ порта. Онъ держался болѣе высокихъ широтъ, чѣмъ широта того мѣста, куда онъ шелъ, а затѣмъ слѣдовалъ параллельной линіи до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не открывалась знакомая береговая примѣта.

*На обратномъ
пути въ
Испанію.*

10 февраля, сравнивая счисленія по лагу, Колумбъ направилъ свой корабль къ широтѣ Флореса, тогда какъ другіе думали, что ихъ курсъ южнѣе и что поэтому они на сто-
пятидесять лигъ ближе къ Испаніи. 12 февраля подулъ сильный вѣтеръ, предвѣщавшій бурю. На слѣдующій день, 13 февраля, штормъ усилился. Впродолженіе слѣдующей ночи оба судна убрали всѣ паруса и пошли на фордевиндъ. Они потеряли другъ друга изъ виду и имъ не удалось соединиться. «Пинта» со своей негодной мачтой была отнесена на сѣверъ. Судно адмирала выдерживало бурю лучше, но балластъ его былъ незначителенъ и ему понадобилось наполнить свои бочки морскою водою. Чувствуя, что судну грозитъ гибель, матросы Колумба дали обѣты, которые намѣревались исполнить въ случаѣ спасенія. Они вынули жребій, кому придется поставить пятифунтовую свѣчу св. Маріи Гваделупской и жребій этотъ выпалъ адмиралу. Одному матросу по жребію назначено было сходить на поклоненіе къ св. Маріи Ло-

*1493 г.
10 феврал.*

13 феврал.

Буря.

реттской въ папскія владѣнія. Третій жребій опредѣлялъ провести всю ночь на молитвѣ въ церкви св. Клары Могской; жребій этотъ достался Колумбу. Затѣмъ всѣ они дали обѣтъ исповѣдаться и причаститься въ ближайшей церкви Пресвятой Богородицы, если только доберутся до берега живыми.

Колумбъ въ эту минуту думалъ думу, которая тревожила его болѣе, чѣмъ все остальное, а именно, что въ случаѣ, если его корабль пойдетъ ко дну, то міръ никогда не узнаетъ о его открытіяхъ, такъ какъ онъ опасался, что «Пинта» уже пошла ко дну. Чтобы не испугать людей своей команды, онъ скрылъ отъ нихъ, что въ боченокъ, брошенный имъ въ море, онъ положилъ рассказъ о своемъ путешествіи, написанный на пергаментѣ и завернутый въ навощенную клеенку. Онъ довѣрился слѣпому случаю, надѣясь, что, быть можетъ, кто-нибудь найдетъ этотъ рассказъ. Такой же боченокъ онъ помѣстилъ на кормѣ, рассчитывая, что его унесетъ волною, если корабль потонетъ. Онъ не упоминаетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ.

15 февраля, послѣ того, какъ солнце сѣло, небо прояснилось на западѣ и волны улеглись понемногу. На слѣдующее утро

1493 г.
15 февраля.

восходящее солнце освѣтило передъ носомъ корабля землю. Колумбъ занялся счисленіемъ по лагу пройденнаго пути. Нѣкоторые думали, что находятся у скалы Цинтры близъ Лиссабона; другіе говорили, что это Мадейра; Колумбъ рѣшительно объявилъ, что они у Азорскихъ острововъ. Они вскорѣ увидѣли, что

1493 г.
16 февраля.
Видна земля.

передъ ними былъ островъ; но вѣтеръ заходилъ корабль съ носа и замедлялъ его ходъ. За кормою виднѣлась другая земля. Въ то время, какъ они вечеромъ читали обычную молитву Богородицѣ, одинъ изъ матросовъ увидалъ свѣтъ съ подвѣтренной стороны, который, по видимому, находился на островѣ, замѣченномъ ими сперва. Затѣмъ, нѣсколько позже, они увидали другой островъ, но темнота

На Азорскихъ
островахъ.

ночи и тучи помѣшали ихъ дальнѣйшимъ наблюденіямъ.

17 февраля въ дневникѣ ничего не отмѣчено, а на слѣдующій день,

18 февраля, Колумбъ пишетъ, что послѣ солнечнаго заката 17-го числа они обошли вокругъ острова, ища, гдѣ бы имъ бросить якорь, но поиски ихъ не увѣнчались успѣхомъ и они снова отправились лавировать по морю. Утромъ, 18 февраля, они нашли удобную стоянку, спустили лодку къ берегу и узнали, что это былъ островъ Св. Маріи изъ группы Азорскихъ острововъ. И такъ Колумбъ не ошибся!

1493 г.
18 февраля.

Подъ вечеръ ему принесли съѣстные припасы, которые ему прислалъ Хуанъ де-Кастаньеда, португальскій губернаторъ этого острова. Между тѣмъ, три испанца, которыхъ Колумбъ послалъ на берегъ, не возвращались, что его порядкомъ встревожило, потому что у него были основанія предполагать, что португальцы завидовали его успѣху. Ради исполненія одного изъ обѣтовъ, данныхъ во время бури, онъ по-

слалъ одну половину своей команды въ одеждѣ кающихся въ пустынь, находившуюся неподалеку отъ берега, имѣя намѣреніе тотчасъ по ихъ возвращеніи отправиться туда самому съ остальными матросами. Вотъ, что мы читаемъ у него въ дневникѣ: «Въ то время, какъ матросы молились, на нихъ напалъ Кастаньеда съ конными и пѣшими и взялъ ихъ въ плѣнъ». Не будучи въ состояніи увидѣть пустынь со своей стоянки и не подозрѣвая о случившемся, но очень встревоженный, Колумбъ приказалъ поднять паруса и шель до тѣхъ поръ, пока не очутился въ виду вышеупомянутаго мѣста. Тутъ-то онъ увидалъ всадниковъ, которые теперь сошли съ лошадей и съ оружіемъ въ рукахъ сѣли на лодку и подошли къ кораблю. Начались переговоры; Колумбу показалось, что португальцы имѣли намѣреніе арестовать его, а португальцы съ своей стороны замѣтили, что для нихъ не безопасно абординовать адмирала. Чтобы придать себѣ больше важности и значенія въ качествѣ представителя государей Кастиліи, Колумбъ показалъ португальцамъ свои полномочія за королевскими подписью и печатью; онъ напомнилъ имъ при этомъ, что ему повелѣно было относиться съ почтеніемъ ко всѣмъ португальскимъ кораблямъ, такъ какъ между Испаніей и Португаліей существовали дружескія отношенія. Онъ совѣтовалъ имъ быть благоразумными, если они не хотѣли навлечь на себя гнѣвъ столь высокопоставленныхъ властей какимъ-нибудь враждебнымъ поступкомъ. Кастаньеда продолжалъ держаться надменно и Колумбъ сталъ опасаться, что между Испаніей и Португаліей произошли непріязненные столкновенія. Такимъ образомъ свиданіе это окончилось, оставивъ обѣ стороны недовольными, и адмиралъ вернулся къ своей старой стоянкѣ. На слѣдующій день, желая разстаться съ подвѣтреннымъ берегомъ, Колумбъ поплылъ къ острову Св. Михаила, но такъ какъ на морѣ продолжало стоять волненіе, то онъ нашелъ себя обезсиленнымъ, ибо въ оставшейся у него командѣ, было всего три опытныхъ моряка. 1493 г. 21
февраля. И такъ, не видя Св. Михаила, они повернули обратно въ среду, 21-го февраля, къ острову Св. Маріи, и возвратились на свою прежнюю стоянку.

Бури этихъ послѣднихъ дней заставили Колумба вспомнить въ своемъ дневникѣ, какъ спокойно было море среди тѣхъ другихъ новооткрытыхъ острововъ; по всей вѣроятности, тамъ-то и былъ земной рай, какъ полагали богословы и ученые философы. Эти размышленія его были прерваны появленіемъ лодки съ берега; въ ней сидѣлъ нотаріусъ, который, послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій, пригласилъ Колумба показать его королевскія полномочія. По мнѣнію адмирала, это было сдѣлано, чтобы дать португальцамъ возможность съ честью отказаться отъ принятія ими воинственнаго вида. Во всякомъ случаѣ королевская грамота оказала свое дѣйствіе и задержанные испанцы были тотчасъ же выпущены на свободу. Существуетъ догадка, что поведеніе Кастаньеды было вызвано инструкціями изъ Лис-

сабона задержать Колумба, если только возможно поставить его путь въ какую-либо зависимость отъ португальской короны.

Въ воскресенье, 24 февраля, корабль снова вышелъ въ море; въ пятницу они испытали вторую бурю; а въ слѣдующее воскресенье имъ снова грозила гибель и они дали новые обѣты. При свѣтѣ слѣдующаго дня земля, которую они примѣтили

1498 г.
24 февраля.

ночью не безъ страха, какъ бы не набѣжать на нее, оказалась скалою Цинтрой. Передъ ними открылось устье Таго и народъ близлежащаго города видя, какъ борется съ волнами чужой корабль, сталъ молиться о его спасеніи. Колумбъ благополучно

25 февраля.

Видна
скала Цинтра.

вошелъ въ рѣку и толпа привѣтствовала его радушно. Вверхъ по Таго они прошли къ Растело и бросили здѣсь якорь въ три часа пополудни. Здѣсь сказали Колумбу, что испытанныя имъ бури ничто въ сравненіи съ бурями этого сезона. Отсюда же онъ послалъ вѣстника въ Пепанію, чтобы сообщить о его пріѣздѣ ко-

ролю и королевѣ, и въ то же самое время онъ отправилъ письмо къ португальскому королю, временно находившемуся въ девяти лигахъ отъ Растело. Въ письмѣ

этомъ онъ объяснялъ, что попросилъ гостепріимства у португальскаго порта, такъ какъ испанскіе государи повелѣли ему сдѣлать это, если ему понадобится поддержка. Затѣмъ онъ увѣдомлялъ короля, что пріѣхалъ изъ «Индій», куда онъ прошелъ, отправившись на западъ. Онъ надѣялся, что ему будетъ дозволено провести свое судно къ Лиссабону для большей безопасности, потому что слухи о золотомъ грузѣ могутъ побудить дерзкихъ людей къ насилію въ столь уединенномъ мѣстѣ, какъ его теперешняя стоянка.

Въ «Historie» говорится, что Колумбъ заранѣе рѣшилъ назвать первую открытую имъ землю «Индіей», такъ какъ, по его понятіямъ, слово «Индія» вмѣщало въ себѣ идею богатствъ и являлось ободряющимъ стимуломъ для его предпріятія.

Названіе
«Индія».

Между тѣмъ какъ письмо это было отправлено къ португальскому королю, нѣкоторые офицеры португальскаго флота въ портѣ Растело попробовали заставить Колумба сойти съ корабля и отдать отчетъ о своей личности; но онъ не унижилъ званія кастильскаго адмирала. А когда португальскіе офицеры узнали о его негодованіи и увидали королевскую грамоту, то ихъ отношеніе къ Колумбу измѣнилось и они стали съ нимъ очень вѣжливы.

На другой же день и въ одинъ изъ послѣдующихъ извѣстіе о его пріѣздѣ быстро разнеслось и огромная толпа любопытныхъ потянулась отовсюду на лодкахъ подивиться на него и на его индійцевъ.

На третій день королевскій посланный принесъ приглашеніе отъ короля явиться ко Двору, которое Колумбъ принялъ безъ страха. Королевскому секретарю было поручено сопровождать Колумба ко Двору и позаботиться обо всѣхъ его дорожныхъ расходахъ и удобствахъ. Ночью 5 марта онъ пріѣхалъ въ

1498 г.
4 марта.

Валь до-Парайзо, гдѣ проживалъ король. Мѣстечко это находилось въ девяти лигахъ отъ Лиссабона; полагають, что ему не было сдѣлано встрѣчи въ этомъ городѣ потому, что тамъ свирѣпствовала чума. Ему оказали царственный пріемъ. Король сдѣлалъ видъ, будто думаетъ, что путешествіе Колумба касалось тѣхъ областей, которыя были заняты португальцами въ силу конвенціи, заключенной съ Испаніей въ 1479 году. Адмиралъ разуверилъ его и доказалъ королю, что корабли его не приближались къ Гвиней.

Другой рассказъ объ этомъ свиданіи въ Валь до-Парайзо имѣется у португальскаго историка, Барроса; рассказъ этотъ насквозь пропитанъ раздраженіемъ и предубѣжденіемъ, такъ какъ отъ этого путешествія не пришлось поживиться Португаліи. Историкъ этотъ обвиняетъ Колумба въ рѣзкости и даже въ дерзости, когда ему пришлось говорить съ королемъ. Онъ утверждаетъ, что Колумбъ грубо укорялъ короля за его вѣроломство, которое лишило его такого богатаго владѣнія. Онъ съ такой запальчивостью высказывалъ все эти порицанія, что страшно возбудилъ противъ себя присутствовавшую здѣсь знать; пронесся ропотъ, требовавшій смерти Колумба. Другой изъ старѣйшихъ португальскихъ авторовъ, Фарія-и-Суза, въ своей книгѣ «Еи гога Portugueses», также рассказываетъ, что Колумбъ, по возвращеніи въ Европу, бросилъ якорь въ устьѣ Таго, а Васконселлъ и Резенде, въ своихъ жизнеписаніяхъ короля Іоаньо II, доказываютъ, что Колумбъ вошелъ въ Таго не столько вслѣдствіе застигшей его непогоды, сколько изъ желанія торжества надъ португальскимъ королемъ, — окруженный ореоломъ славы открывателя новыхъ земель. Говорится также о рѣшеніи короля воспользоваться знаніемъ двухъ португальцевъ, которые находились въ числѣ матросовъ Колумба. Онъ предложилъ съ ихъ помощью послать вооруженную экспедицію въ новооткрытыя Колумбомъ области и завладѣть ими прежде, чѣмъ Колумбъ успеетъ снарядить флотъ для второго путешествія. Согласно этому разсказу, Франциско де-Альмейда былъ даже выбранъ въ командиры этого войска. Однако, больше объ этомъ ничего неизвѣстно и Демаркаціонная булла положила конецъ всѣмъ этимъ препирательствамъ.

Если же, наоборотъ, вѣрить письму Колумба, написанному имъ впоследствии, то онъ не избѣжалъ подозрѣнія со стороны испанскаго правительства, будто онъ самъ отдался во власть Португаліи, для того, чтобы уступить имъ Индію. Воскресенье Колумбъ провелъ при Дворѣ, а въ понедѣльникъ, 11 марта, отправился въ путь, по-^{1493 г. 11 марта. Колумбъ оставляетъ Дворъ.} славъ сперва гонца къ испанскимъ королю и королевѣ. Ему дали свиту изъ оруженосцевъ. По пути онъ завернулъ въ монастырь Вилла-Франка, поцѣловалъ руку у королевы португальской, которая здѣсь жила, и прибылъ на свое судно во вторникъ почью. На слѣдующій день онъ вышелъ въ море, а въ ^{Выходитъ изъ устья Таго.} среду утромъ былъ у мыса Св. Винченца. На слѣдующее утро онъ былъ у острова Сальтесъ. Перейдя рѣку, Колумбъ бросилъ

*Приходитъ
въ Палосъ
15 марта
1493 г.*

якорь 15 марта 1493 года, около полудня, въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда семь мѣсяцевъ назадъ онъ снялся съ якоря на «Санта-Марія».

«Я сдѣлалъ переходъ по ту сторону въ семьдесятъ одинъ день,— говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; — а назадъ въ сорокъ восемь дней, изъ которыхъ въ теченіе тринадцати дней меня отбъсняли бури».

*Приключенія
«Пинты».*

«Пинта», разставшаяся съ адмираломъ 14-го февраля, была отнесена бурей въ Байону,—портъ въ Галліціи, въ сѣверо-западной части Испаніи; отсюда Пинзонъ, командиръ этого судна, посѣтили отправить гонца, чтобы увѣдомить о своемъ прибытіи и о своемъ намѣреніи посѣтить Дворъ. Однако же, королевскимъ приказомъ ему безусловно запрещалось явиться ко Двору и первое объявленіе извѣстій предоставлялось самому Колумбу. Таковъ рассказъ позднѣйшихъ авторовъ, заимствованный ими изъ «Historie».

*«Пинта» при-
ходитъ въ
Палосъ.*

Овѣдо говоритъ, что «Пинта» вышла въ море изъ Байоны и вошла въ Палосъ въ тотъ же самый день, какъ и Колумбъ, но Пинзонъ, опасаясь ареста или другой какой нибудь неприятели, скрывался, пока Колумбъ не выѣхалъ въ Барселону. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Пинзонъ умеръ у себя на дому въ Палосѣ. Ласказасъ старается увѣрить читателя, что причиною его смерти было огорченіе, выраженною ему немилостью его государей; но Гаррисъ доказываетъ, что, когда Карлъ V пожаловалъ фамиліи Пинзона гербъ, то призналъ его заслуги, какъ открывателя Эспаньолы. Относительно этого вопроса мало достовѣрныхъ данныхъ; Муньоцъ, который, за отсутствіемъ свѣдѣній, не стѣсняется дѣлать произвольныя заключенія, пишетъ, что испанскій дворъ оставилъ безъ вниманія прошеніе Пинзона объяснить причину, по которой онъ ушелъ отъ Колумба; вотъ это-то обстоятельство и произвело на Пинзона такое удручающее впечатлѣніе.

*Смерть
Пинзона.*

Глава XI.

Колумбъ снова въ Испаніи: съ марта до сентября
1493 года.

Петеръ Мартиръ повѣствуетъ намъ о невѣжествѣ и ужасѣ, господствовавшихъ вообще среди малообразованныхъ классовъ общества, до и во время отсутствія Колумба, относительно всей той части земного шара, которая освѣщалась солнцемъ по ту сторону Гадеса (Гибралтарскаго пролива) вплоть до Золотого Херсонеса, куда снова оно бросало снопы своихъ лучей. Полагали, что въ то время, когда это небесное свѣтило отсутствовало въ извѣстныхъ и обитаемыхъ областяхъ земного шара, оно носилось надъ страшнымъ и заколдованнымъ моремъ Тьмы. Никто не зналъ, какъ велико и глубоко было это море. Ученые думали объ этомъ различно. Его представляли себѣ значительно менѣе, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности, и это обстоятельство не мало содѣйствовало путешествію Колумба. Въ народѣ ходило множество легендъ о тайнахъ этого неизвѣданнаго моря. Повторялись разныя басни объ островахъ, покрывавшихъ его; но никто изъ жившихъ тогда людей завѣдомо не рѣшился бы изслѣдовать его мрачныя бездны и только изрѣдка мореходы отваживались пройти немного далѣе самаго отдаленнаго изъ Азорскихъ острововъ.

Не требуется большихъ усилій воображенія, чтобы нарисовать себѣ картину общественнаго настроенія въ маленькомъ Палосѣ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ томительнаго ожиданія, которое испытывали многія семьи съ того самаго августовскаго утра, когда при его тускломъ свѣтѣ Колумбъ, Пинзоны и всѣ ихъ товарищи ушли въ море, уносимые теченіемъ и легкимъ морскимъ вѣтеркомъ. Зима была необычайно суровая и злополучная. Мореплаватели рассказывали о перенесенныхъ ими буряхъ во время путешествій къ островамъ Атлантическаго океана и въ теченіе долгихъ промежутковъ времени волны его бѣшено разбивались о скалы и пески береговой линіи полуострова. Восхищаться тѣмъ, что далеко, въ минуту мрачнаго настоящаго — естественный порывъ человѣческой души; и Колумбъ, побывши въ тихихъ водахъ новооткрытаго имъ архипелага, теперь почувствовалъ рѣзкій контрастъ бурливаго моря, омывавшаго

*Возбужденіе
Палоса при
возвращеніи
Колумба.*

европейскіе берега. Онъ въ дѣйствительности пострадалъ на возвратномъ пути отъ разъяренныхъ волнъ и непогоды, и едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что эти страшныя бури взволновали и встревожили сердца родственниковъ и друзей далекихъ путниковъ.

Поэтому разсказъ о благодарственныхъ моленіяхъ и шумныхъ выраженіяхъ радости палосскаго населенія въ тотъ моментъ, когда увидели, что «Нина» переходитъ черезъ баръ рѣки, долженъ считаться исторической правдой. Мы легко можемъ представить въ своемъ воображеніи, какъ уныніе смѣнилось кликами восторженнаго ликования; какъ жадно ловила толпа народа рѣчи объ удивительныхъ открытіяхъ; какъ чернь дивилась, разиня ротъ, на разряженныхъ индійцевъ; и какъ, съ Колумбомъ во главѣ, масса народа въ торжественномъ шествіи двинулась въ храмъ Божій, исполняя данный обѣтъ. Разумѣется, канонизаторы не преминули прочесть между строкъ разсказа, что Колумбъ со своими матросами отправился именно въ церковь Рабиды. Но это не имѣетъ для насъ серьезнаго значенія.

Тутъ было многое, что омрачило радостное настроеніе нѣкоторыхъ семействъ. Надо было передать утѣшительныя вѣсти о тѣхъ, которые остались въ портѣ Рождества. Никто не умеръ, если только не потонула «Пинта» со своимъ экипажемъ. Съ той минуты, какъ «Нину» разлучила съ ней буря, объ этомъ судить не было ни слуху, ни духу.

Но тутъ уже знали, что «Пинта» спаслась отъ крушенія. Она вошла въ гавань прежде, чѣмъ закончились ликования дня, и успокоила остальные страхи.

Дворъ въ это время находился въ Барселонѣ, каталанскомъ портѣ на Средиземномъ морѣ. Первымъ движеніемъ Колумба было отправиться туда на своемъ суднѣ; но недавнія опасности сдѣлали его осторожнымъ, вотъ почему, отправивъ гонца съ вѣстями ко Двору, онъ самъ поѣхалъ въ Севилью ожидать приказаній ихъ величествъ. Одинъ изъ плѣнныхъ индійцевъ, вывезенныхъ имъ изъ новооткрытыхъ земель, умеръ еще на морѣ, трое были такъ больны, что не могли слѣдовать за нимъ и были покинуты имъ въ Палосѣ, шестеро сопровождали его.

Гонецъ поспѣшилъ поскорѣ доставить государямъ эти удивительныя вѣсти; и Колумбу недолго пришлось ждать отвѣта на свое письмо. Отвѣтъ этотъ (отъ 30 марта) показалъ, что все случившееся произвело глубокое впечатлѣніе при Дворѣ. Новыя владѣнія на западѣ на нѣкоторое время заслонили собою завоеванія мавританскихъ войнъ. Явилось страстное желаніе укрѣпить права на эти владѣнія и воспользоваться ихъ богатствами. Вслѣдствіе этого Колумбу было повелѣно озаботиться подготовленіемъ новой экспедиціи, а затѣмъ явиться ко Двору для объясненій, какого рода содѣйствіе потребуется со стороны монарховъ. Колумбъ быстро отвѣтилъ на это повелѣніе; и сдѣлавши всѣ необходимыя распоряженія въ Севильѣ для подготов-

*Дворъ въ
Барселонѣ*

*1493 г.
30 марта.*

*Колумба вы-
зываютъ ко
Двору.*

ленія флота, онъ отправился въ Барселону засвидѣтельствовать свои вѣрноподданныческія чувства передъ королемъ и королевой. Его индійцы сопровождали его. Носильщики несли разнообразныя диковинки, привезенныя имъ съ новооткрытыхъ острововъ. Разсказъ о его успѣхахъ предшествовалъ его прибытію, и города соревновали другъ передъ другомъ, привѣтствуя его появленіе, оказывая ему изумительныя почести.

Въ среднихъ числахъ апрѣля онъ приблизился къ Барселонѣ и тутъ былъ встрѣченъ толпами народа, которыя шли за нимъ вплоть до города. Его разряженные индійцы шли впередъ, въ золотомъ убранствѣ, — если и не привычномъ для нихъ, зато производившемъ эффектъ. За ними слѣдовали люди со всеми чудесами Индіи — они несли сорокъ попугаевъ и другихъ удивительныхъ птицъ съ перьями самыхъ яркихъ цвѣтовъ, шкуры неизвѣстныхъ животныхъ, безцѣнныя растенія, которыя отнынѣ должны были замѣнить восточныя пряности и благовонія, и драгоценныя украшенія смуглокожихъ царей и принцевъ, которыхъ видалъ Колумбъ. Вслѣдъ за ними, на конѣ, ѣхалъ самъ Колумбъ, который выдѣлялся среди испанскихъ рыцарей, ѣхавшихъ также верхами. Такимъ образомъ процессія подвигалась впередъ по улицамъ, запруженнымъ народомъ, посреди восклицаній зрителей, направляясь къ альказару мавританскихъ государей въ Каллэ Анка, бывшаго въ это время резиденціей епископа Ургильскаго, гдѣ, какъ полагаютъ, Фердинандъ и Изабелла приказали поставить свои троны подъ балдахиномъ изъ парчи, затканной золотомъ, который опускался надъ ними. Здѣсь монархи ожидали Колумба.

Фердинандъ, по описаніямъ историковъ, несмотря на средній ростъ, имѣлъ величественную осанку, благодаря длинной мантіи и умѣнно держаться прямо. Въ минуты пріятнаго возбужденія выраженіе его румянаго лица съ блестящими глазами и высокимъ лбомъ становилось привѣтливымъ. Королева вполне соответствовала королю — величавая и изящная въ обращеніи. Ея голубые глаза и темнорусыя косы какъ нельзя болѣе шли къ ея добродушному виду и требовалась большая проникательность, чтобы угадать подъ внѣшней оболочкой мягкой граціи рѣшительность и мужество, преобладавшія въ характерѣ королевы. Безспорный наслѣдникъ, принцъ Хуанъ, сидѣлъ возлѣ нея. Вокругъ короля и королевы стояли сановники двора.

Ласкалась повѣствуетъ, какимъ представительнымъ показался Колумбъ, когда онъ вошелъ въ залу, окруженный блестящей свитой рыцарей. Когда онъ приблизился къ королевскимъ тронамъ, оба монарха встали и приняли его стоя; а когда онъ низко поклонился, чтобы поцѣловать ихъ руки, они ласковымъ и милостивымъ движеніемъ подняли его и посадили рядомъ съ собою. Затѣмъ онѣ попросили его разсказать обо всемъ, что ему довелось увидѣть.

1493 г.
апрѣль.

Въ Барселонѣ.

Король и королева принимаютъ Колумба.

Король Фердинандъ.

Королева Изабелла.

Колумбъ передъ лицами двора.

По мѣрѣ того, какъ Колумбъ велъ свое повѣствованіе, онъ указывалъ рукою на вещественныя доказательства своей рѣчи — на птицъ, звѣриныя шкуры, варварскія украшенія и массу золота. Передъ закрытіемъ собранія монархи произнесли молитву, въ которой приняли участіе всѣ присутствовавшіе, а хоръ королевской капеллы пропѣлъ *Te Deum* (Тебе Бога хвалимъ), причемъ, по словамъ рассказчика, душа каждаго перенеслась на крыльяхъ стройныхъ звуковъ въ небесныя выси. По окончаніи этой церемоніи Колумба проводили, какъ царственного гостя, въ приготовленные для него апартаменты.

Поднимался вопросъ о томъ, что детали этого пріема, которыми изобилуетъ плодовитое на вымыслы перо Првинга и которыя обыкновенно нанизываются на нить переданныхъ нами обстоятельствъ, не отвѣчаютъ сжатымъ отчетамъ «*Historie*», Ласказаса и Петера Мартира, особенно, если принять во вниманіе, что самый инцидентъ пріема, повидимому, не произвелъ въ свое время достаточно глубокаго впечатлѣнія, такъ какъ о немъ ни словомъ не упоминается въ «*Dietaria*» города — лѣтописи, куда занесены событія гораздо менѣе интересныя съ нашей современной точки зрѣнія. Мистеръ Джорджъ Сумнеръ тщательно изучилъ эту лѣтопись нѣсколько лѣтъ назадъ и не нашелъ въ ней ни малѣйшаго намека на какія бы то ни было празднества въ честь Колумба. Онъ думаетъ, что инциденты эти потеряли свое значеніе въ глазахъ архиваріуса вслѣдствіе зависти арагонцевъ къ преобладанію Леона и Кастиліи.

Однако, достовѣрно извѣстно, что у Петера Мартира, современнаго зрителя этого предполагаемаго великолѣпія торжествъ, нѣтъ ничего, что бы подтверждало вѣрѣчивыя описанія позднѣйшихъ авторовъ. Мартиръ говоритъ коротко, что Колумбу было дозволено сидѣть въ присутствіи государей.

Оставивъ въ сторонѣ самый фактъ деталей, кажется вполне доказаннымъ, что эти дни, проведенные Колумбомъ въ Барселонѣ, были единственными счастливыми днями его жизни, не омраченными никакими тревогами. Повсюду онъ встрѣчалъ почтительное вниманіе къ себѣ и всѣ были съ нимъ привѣтливы и любезны. Желанія его очевидно были закономъ для короля и его подданныхъ. Ласказасъ говоритъ, что онъ проходилъ посреди восхищавшихся имъ народныхъ массъ съ улыбкой, которая озаряла довольствомъ все его лицо. И всѣ, съ кѣмъ только ему приходилось говорить о чудесахъ новооткрытыхъ имъ земель, относились къ нему съ одинаковымъ чувствомъ восторга и надежды. Всѣмъ имъ грезилась, какъ и ему, золотые города съ сотнями мостовъ, гдѣ ихъ ожидали новыя торжества, въ сравненіи съ которыми настоящія были ничтожны. Спѣсивые отъ природы, испанцы жадно стремились на роковую приманку и никому не было суждено искупить безумныя мечты такими горькими мученіями, какъ самому Колумбу.

Теперь, когда Индія была открыта западнымъ путемъ,—какъ это думали,—а Барселона горѣла мыслями о новыхъ открытіяхъ, извѣстія о нихъ распространялись во все стороны. Въ какомъ отношеніи находились открытія финикіянъ къ открытію Колумба? Въ какихъ условіяхъ стояли новые люди и природа, ихъ окружавшая, къ вопросамъ этнологіи, языка, расы, эмиграціи и всякихъ другихъ явленій, судя по тѣмъ результатамъ, которые уже имѣлись въ наличности? Не были-ли эти попугаи, которыхъ показывалъ Колумбъ, тѣ самые, какіе водились, по рассказамъ Плинія, въ Азіи?

*Распростра-
неніе азиат-
скихъ.*

Великое событіе совпало съ эпохой наибольшаго развитія географическихъ успѣховъ и было, наконецъ, понято. Марко Поло и другіе авторы рассказывали чудеса о востокѣ. Мореплаватели принца Генриха открыли новыя чудеса на морѣ. Регіо Монтанусъ, Бегемъ и Тосканелли не даромъ ломали свою голову надъ задачами космографіи. Самыя ошибки послужили движенію впередъ, такъ какъ, благодаря увѣренности, что Азія простиралась слишкомъ далеко на востокъ, страна эта рисовалась воображенію достаточно близко къ западу. Такимъ образомъ сложилось убѣжденіе, что въ концѣ концовъ путешествіе по морю Тѣмы не представляло большого риска.

И такъ Испанія была центромъ большого умственного движенія. «Я нахожусь здѣсь,—пишетъ Петеръ Мартиръ,—у самаго источника желанныхъ вѣстей о новооткрытыхъ земляхъ и, будучи историкомъ подобныхъ событій, я надѣюсь перейти въ потомство, какъ ихъ лѣтописецъ». Мы должны помнить это заявленіе, пытаясь сдѣлать оцѣнку его сжатаго рассказа о пріемѣ въ Барселонѣ.

*Петеръ Мар-
тиръ по-
свѣдѣнъ объ
открытіи Ко-
лумба.*

Та часть письма Петера Мартира изъ Барселоны (май 1493 г.), въ которой онъ передаетъ своему корреспонденту первыя извѣстія о возвращеніи Колумба, заключается въ слѣдующихъ словахъ по переводу Гаррисса: «Нѣкто Христофоръ Колонусъ, лигуріецъ, вернулся отъ антиподовъ. Для этой цѣли онъ получилъ три корабля отъ моихъ государей, съ большимъ трудомъ, такъ какъ высказанныя имъ идеи считались сумасбродными. Онъ вернулся и привезъ съ собою образцы массы драгоценныхъ предметовъ, въ особенности золота, которое есть натуральный продуктъ этихъ земель». Мартиръ рассказываетъ также, что когда Помпоній Летусъ узналъ объ этомъ, то онъ не могъ удержаться «отъ слезъ радости при столь неожиданномъ событіи». «Что можетъ дать большее наслажденіе благородному духу!—писалъ ему Мартиръ въ свою очередь.—Бесѣда съ людьми, которые видѣли все это, возвышаетъ душу». Однако же, не видно, чтобы Мартиръ раздѣлялъ увѣренность Колумба, что была найдена настоящая Индія. Онъ говоритъ объ островахъ, прилегающихъ къ ней, но не о самомъ Востокѣ.

Себастьянъ Каботъ помнилъ то время, когда эти чудесныя извѣстія дошли ко двору Генриха VIII, въ Лондонъ, и говоритъ намъ, что тамъ сочли это «дѣломъ скорѣе божескимъ, нежели человѣческимъ».

*Висентъ об-
открытіи Ко-
лумба востан-
гавшихъ Англію.*

Письмо, написанное Колумбомъ и тотчасъ же посланное въ Барселону, почти въ дубликатъ, къ казначеямъ обоихъ государствъ, живо было переведено на латинскій языкъ и отправлено въ Италию, гдѣ оно вышло въ многочисленныхъ изданіяхъ, затѣмъ перепечатано поочередно въ Парижѣ и Антверпенѣ. Появленіе его въ Германіи нѣсколько запоздало.

*Первое письмо
Колумба.*

Однако, удивительно, какъ мало комментаріевъ вызвали эти событія, появившіяся въ печати и дошедшія до насъ. И мы сильно сомнѣваемся, чтобы впечатлѣніе, произведенное ими на общество, за исключеніемъ извѣстныхъ ученыхъ кружковъ, было пропорціонально важности самихъ событій. Норденшильдъ, изслѣдуя въ своемъ «Facsimile Atlas» картографію и литературу первыхъ открытій въ Америкѣ, поневолѣ приходитъ къ заключенію, что «едва ли какое-либо важное открытіе было принято съ большимъ равнодушіемъ даже въ такихъ сферахъ, гдѣ даровитые государственные люди могли бы, кажется, оцѣнить измѣненія, какія эти открытія предвѣщали въ развитіи экономическихъ и политическихъ условій жизни человѣчества».

*Вліяніе этого
событія.*

19 іюня 1493 года, спустя нѣсколько недѣль послѣ того, какъ папа впервые публично призналъ сдѣланное открытіе, испанскій посланникъ при папскомъ дворѣ, Бернардинъ де-Кархаваль, въ рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи, упомянулъ о «невѣдомыхъ земляхъ, лежащихъ близъ Индіи, которыя открыты недавно»; и приблизительно въ то же время объ этомъ событіи было вкратцѣ упомянуто въ «Los Tratados» доктора Алонзо Ортиса, изданномъ въ Севильѣ.

*1493 г. 19
іюня. Рѣчь
Кархавалья.*

Между тѣмъ какъ молва объ этомъ удивительномъ открытіи распространялась, болѣе или менѣе, повсюду, до насъ доходятъ кое-какія свѣдѣнія о личной жизни Колумба за это время. Мы узнаемъ, напримѣръ, что онъ разъѣзжаетъ по улицамъ верхомъ на лошади рядомъ съ королемъ и принцемъ Хуаномъ.

*Колумбъ въ
милости.*

Мы находимъ свидѣтельство о томъ, что ему была присуждена награда въ тридцать кроунъ за то, что онъ первый замѣтилъ землю, благодаря таинственному свѣту; по этому поводу Ирвингъ высказываетъ мнѣніе, что мы должны извинить это присвоеніе награды, принадлежавшей честному матросу, который несомнѣнно первый увидѣлъ землю, памятуя, что въ данномъ случаѣ «тутъ заключалось все честолюбіе Колумба». Другіе историки полагаютъ, что въ этомъ поступкѣ выразился весь характеръ Колумба.

*Награда за
то, что пер-
вый увидѣлъ
землю.*

Мы видимъ его въ числѣ гостей на большомъ обѣдѣ у кардинала Мендозы; сюда же относится пресловутый рассказъ, какъ онъ поставилъ вертикально яйцо, приплюснувъ его къ столу однимъ концомъ, что вызвало шумную веселость пировавшихъ. Дерзкій вопросъ одного хлыщеватаго царедворца заста-

*Исторія
яйца.*

вилъ Колумба показать за столомъ, полнымъ гостей, что вовсе не такъ трудно сдѣлать что-либо, разъ путь былъ намѣченъ. Разсказъ этотъ, — помимо того, что онъ принадлежитъ къ тому традиціонному запасу анекдотовъ, который собрали гораздо ранѣе появленія Колумба и всегда находятъ себѣ удобное примѣненіе, — не встрѣчается у авторовъ до Бенцони, да притомъ теряетъ фактическое значеніе именно вслѣдствіе разрушенія того самаго конца, которымъ имѣлось въ виду поставить яйцо вертикально. Это было до такой степени ясно пересказывателямъ исторіи яйца, что они дѣлали предположеніе, будто штука эта удалась Колумбу благодаря быстрому движенію, причемъ оболочка, въ которой заключается желтокъ, разорвалась, такъ что болѣе тяжелое вещество перемѣстилось въ одинъ конецъ и удержало поставленное вертикально яйцо въ равновѣсіи.

Такимъ образомъ свѣжепеченный герой проводилъ свое время, упиваясь, по выраженію Првинга, «сладкимъ напиткомъ популярности, пока вражда и клевета не отравили его горечью».

Мы узнаемъ, что король и королева пожаловали ему 20 мая гербъ, представляющій въ верхнихъ четвертяхъ замокъ и льва, а въ нижнихъ — группу золотыхъ острововъ въ волнахъ моря съ одной стороны, а съ другой — фамильный гербъ Колумба. Гумбольдтъ называетъ этотъ архипелагъ первою картою Америки, но, повидимому, ему было извѣстно описаніе герба только по Овiedo, такъ какъ послѣдній помѣщаетъ острова въ заливѣ, который образуется материкомъ, и въ такомъ же видѣ они сгруппированы въ геральдикѣ гербовъ, которая хранится въ архивѣ министерства

Гербъ Колумба.
(Изъ «Cosmica» Овiedo).

1493 г. 20
мая Колумбъ
получаетъ
гербъ.

иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ; дубликатъ ея находится въ Генуѣ. Гарриссъ говоритъ, что это подлинный рисункъ акварелью, исполненный на глазахъ у Колумба въ 1502 году. На этомъ рисункѣ,—самомъ старомъ изъ дошедшихъ до насъ раскрашенныхъ гербовъ,—слѣдующая нижняя четверть представляетъ пять золотыхъ якорей на голубомъ полѣ, которые, какъ увѣряютъ, были присуждены Колумбу, какъ отличительная эмблема испанскаго адмирала. Семейный гербъ Колумба былъ представленъ въ видѣ щита меньшей величины, лежащаго надъ нижней частью гербоваго щита. Овiedo говоритъ также, что на материкѣ должны были фигурировать деревья и другіе предметы.

Левъ и замокъ въ оригиналѣ дарованнаго герба являлись, какъ простое напоминаніе герба Леона и Кастиліи; но, судя по изслѣдованіямъ Гаррисса, Колумбъ по собственному побужденію, повидимому, измѣнилъ геральдическое изображеніе этихъ предметовъ на рисункѣ 1502 года, и гербъ его сталъ похожъ на королевскій гербъ Испаніи. Очевидно, вслѣдствіе той же дерзкой вольности онъ ввелъ поздне въ свой гербъ континентальный берегъ архипелага; и Гарриссъ нигдѣ не могъ найти указанія, чтобы якоря были прибавлены къ его гербу по чьему-либо повелѣнію, какъ не могъ найти достовѣрныхъ свѣдѣній о существованіи у Колумба семейнаго герба.

Старѣйшій гравированный снимокъ съ изображенія герба находится въ «*Historia General*» Овiedo, напечатанной въ 1535 году; здѣсь на шлемѣ, нарисованномъ въ профиль, находятся геральдическія украшенія въ видѣ глобуса съ крестомъ на верху. Въ «*Sogopisa*» Овiedo 1547 года шлемъ изображенъ спереди. Повидимому, были большія противорѣчія въ геральдическихъ экскуріяхъ этихъ первыхъ историковъ. Напр., у Ласказаса золотой левъ находится на серебряномъ полѣ, а между тѣмъ геральдика не выноситъ соединенія металловъ, точно также какъ природа не выноситъ пустоты. Разсмотрѣніе семейнаго герба, прибавленнаго Колумбомъ къ гербовому щиту, играло роль важнаго доказательства въ процессѣ, затѣянномъ много лѣтъ спустя Бальдассаре (Бальтазаромъ) Коломбо съ цѣлью получить адмиральское званіе; и Гарриссъ доказываетъ, что эмблемой этихъ италіанскихъ Коломбо съ какими-либо претензіями на дворянское званіе былъ неизмѣнно голубь извѣстнаго рода—девизъ, овершенно отличный отъ девизовъ, на которые указывалъ Колумбъ. Гарриссъ считаетъ это присвоеніе себѣ семейнаго герба со стороны Колумба просто на-просто уступкой предразсудкамъ его времени и требованіямъ, которыя на него налагало его новое положеніе.

При герцогахъ Верагуа на гербѣ были сдѣланы измѣненія: изображены морскія волны, покрытыя серебромъ, и глобусъ съ крестомъ на верху помѣщенъ посреди залива, въ которомъ находится только пять острововъ.

Есть еще другое дополненіе къ этому гербу; откуда, оно взяло

свое начало—историки не могли доискаться. Оно встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ щитъ, и играетъ роль девиза на гербѣ. Иногда въ немъ говорится, что Колумбъ открылъ для соединенныхъ ^{Девизъ на гербѣ Колумба.} королевствъ новый міръ, иногда же, что онъ подарилъ имъ новый міръ:

Por Castilla é por Leon
Nuevo Mundo halló Colon.

A Castilla, y a Leon
Nuevo Mundo dió Colon.

Овѣдо раньше всѣхъ другихъ авторовъ упоминаетъ объ этомъ двуступиши въ 1535 году. Оно приведено въ «Historie» не какъ девизъ на гербѣ, а какъ надпись, которую король сдѣлалъ на гробницѣ Колумба, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти. Если это вѣрно, то это опровергаетъ заявленіе Гомары, будто бы Колумбъ самъ прибавилъ эти слова къ своему гербу.

Дипломатія также пришлось играть роль въ этихъ событіяхъ. Такъ какъ въ тѣ времена христіанскій міръ признавалъ за папой право утверждать всякія нарушенія границъ владѣній, принадлежавшихъ язычникамъ, то Фердинандъ поторопился обратиться на это дѣло вниманіе папы. Еще въ 1438 году буллами Мартина V и Евгенія IV испанцамъ было дозволено плыть на западъ, а португальцамъ на югъ; тоже самое подтвердилъ папа Николай V. Въ 1479 году соперничествовавшія государства Португалія и Испанія согласились уважать взаимныя права другъ друга сообразно рѣшенію папскихъ буллъ. ^{Дипломатія Демаркаціонной буллы.}

Посламъ, которыхъ Фердинандъ отправилъ въ Римъ, была дана инструкція наметнуть папѣ, что завладѣніе этими новыми областями не подлежало ратификаціи со стороны папы, такъ какъ въ нихъ не оказалось никакихъ христіанскихъ владѣній; но что, будучи покорными чадами церкви, государи соединенныхъ королевствъ Испанія съ признательностью примутъ папское благословеніе своей энергической дѣятельности на благо истинной вѣры въ формѣ конфирмаціонной буллы. Фердинандъ былъ самъ слишкомъ коваренъ по натурѣ и коварство играло слишкомъ большую роль въ дѣлахъ описываемой эпохи, чтобы онъ могъ вполне довѣриться челоуѣку, столь завѣдомо развращенному и несговорчивому, какимъ былъ папа Александръ VI. Хотя Муньоцъ и называетъ Александра другомъ Фердинанда и хотя папа былъ родомъ араговецъ, но опытъ показалъ, что невозможно было съ увѣренностью разсчитывать на его поддержку въ дѣлѣ, касавшемся интересовъ Испаніи.

Знаменитая Демаркаціонная булла Александра VI, помѣченная 3 мая 1493 года, вышла въ свѣтъ напечатанная готическими буквами въ форматѣ in-folio и единственный экземпляръ ^{1493 г. 3 мая была издана булла.} этого историческаго документа, проданный въ Лондонѣ, въ 1854 году, бібліографы считаютъ уникомъ. Если вѣрить Гакс-

люйту, папа издалъ эту буллу по доброй волѣ, а не вслѣдствіе ходатайства испанскихъ монарховъ. По ея смыслу и по смыслу второй буллы слѣдующаго дня, Испанія получала право владѣть «подъ условіемъ насажденія католической религіи» всеми землями, еще не занятыми хри-

Папа Александръ VI.
(Бюстъ въ Берлинскомъ музеѣ).

стіанскими государствами, на западъ отъ меридіана, проведеннаго въ ста лигахъ къ западу отъ Азорскихъ острововъ и острововъ Зеленаго мыса, очевидно, въ томъ предположеніи, что эти двѣ группы острововъ лежали

подъ одной и той же долготой, такъ какъ въ дѣйствительности самый западный изъ южныхъ острововъ и самый восточный изъ сѣверныхъ острововъ имѣли приблизительно одинъ и тотъ же меридіанъ. Хотя при описаніи этой границы и не было упомянуто о Португаліи, но подразумѣвалось, что ей предоставлялась та же привилегія на востокъ отъ указанной предѣльной линіи. Тогда еще не обогнули мыса Доброй Надежды и, благодаря такому раздѣленію, Португалія должна была ограничиться изслѣдованіемъ западнаго берега Африки и прилежавшихъ къ нему острововъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что при установленіи этой пограничной линіи не были забыты и магнитныя явленія, которыя Колумбъ наблюдалъ во время своего недавняго путешествія, если можно такимъ образомъ объяснить это совпаденіе. По мнѣнію Гумбольдта, это такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Обратить естественную границу въ политическую было весьма удобно въ такую эпоху, когда линія, въ которой не происходило отклоненія магнитной стрѣлки, считалась единственной и направленіе ея настоящимъ сѣверомъ и югомъ; но черезъ сто лѣтъ ученые нашли три другія такія же линіи, о чемъ мы узнаемъ изъ «Historia Natural de las Indias» Акосты, въ 1589 году; такимъ образомъ оказывалось, что эти линіи перемѣщались и всѣ эти перемѣщенія нѣсколько соотвѣтствовали пограничнымъ линіямъ на землѣ. Однако, Розелли де-Лоръ и другіе канонизаторы, увѣряющіе, будто Колумбъ начерталъ демаркаціонную линію у себя въ кельѣ Рибидскаго монастыря, полагаютъ, что благодаря удивительному предвѣдѣнію съ его стороны и весьма удачной забывчивости съ ихъ стороны, Колумбъ избралъ именно ту единственную точку на нашей планетѣ, которую наука избрала бы въ наше время—«таинственной границей отмѣченной ея всемогущимъ Творцемъ» — къ несчастію, съ безграничнымъ презрѣніемъ къ законамъ Своей собственной вселенной!

А тѣмъ временемъ Португалія пришла въ движеніе, что не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ Фердинанда. Отъ португальскаго короля прибылъ посолъ, чтобы испросить дозволеніе купить нѣкоторые товары, вывозъ которыхъ былъ воспрещенъ, для надобностей африканской экспедиціи, подготовлявшейся въ Португаліи. Фердинандъ заподозрилъ, что истинной цѣлью этого снаряженія флота было намѣреніе захватить новооткрытые острова подъ такимъ же безчестнымъ предлогомъ, какъ тотъ, которымъ прикрывалось явное путешествіе къ островамъ Зеленаго мыса, закончившееся скандальной оглаской, вслѣдствіе чего Колумбъ ушелъ въ Испанію. Испанскій монархъ обладалъ достаточной смѣтливостью, чтобы опередить своего царственного брата. Прежде чѣмъ вышеупомянутый посолъ явился къ испанскому двору, Фердинандъ успѣшилъ отправить Лопе де-Герреру въ Лиссабонъ съ письмами, изъ коихъ одно было

*Линія, въ
которой не
происходитъ
отклоненія
магнитной
стрѣлки.*

*Подозрѣніе
въ отношеніи
къ Португаліи.*

написано въ примирительномъ, а другое въ угрожающемъ тонѣ, съ тѣмъ, чтобы посолъ употребилъ въ дѣло либо то, либо другое, смотря по тому, какъ потребуютъ данныя обстоятельства. Португальскій историкъ, Резенде, говоритъ намъ, что Іоаньо, для отвода глазъ, однихъ членовъ испанскаго кабинета открыто осыпалъ милостями, а другихъ тайно подкупилъ, такъ что, благодаря только что упомянутымъ членамъ испанскаго кабинета, не остался въ невѣдѣніи относительно намѣреній испанскаго двора. Поэтому Фердинандъ встрѣтилъ со стороны португальскаго короля и его пословъ необъяснимую готовность дать отпоръ переговорамъ, какой бы оборотъ послѣдніе ни приняли.

Такимъ образомъ Іоаньо получилъ свѣдѣнія о двойной миссиі Герреры и счумѣлъ избѣжать нежелательнаго исхода, отправивъ своихъ собственныхъ пословъ въ Испанію съ обѣщаніемъ, что пока будутъ продолжаться ихъ переговоры ни одно судно не выйдетъ изъ гавани въ путешествіе за открытіями впродолженіе шестидесяти дней. Они предлагали также, чтобы вмѣсто папской границы была проведена демаркаціонная линія прямо на западъ отъ Канарскихъ острововъ, причемъ всѣ новыя открытія на сѣверѣ будутъ принадлежать испанцамъ, а всѣ открытія на югѣ — португальцамъ. Изъ этого новаго предложенія Фердинандъ счумѣлъ извлечь большую выгоду для себя, такъ какъ оно давало ему возможность употребить рядъ дипломатическихъ уловокъ, которыя затянули бы на долгое время переговоры, а между тѣмъ Колумбъ успѣлъ бы уйти въ экспедицію съ новымъ флотомъ. И вотъ онъ отправилъ новое посольство въ Португалію съ инструкціями двигаться медленно и оттягивать переговоры, а затѣмъ, когда придетъ необходимость высказаться, предложить рѣшеніе дѣла третейскимъ судомъ. Іоаньо былъ сраженъ и сознавалъ это хорошо. «Послы эти, — сказалъ онъ, — идутъ не спѣша и не ломаютъ себѣ голову, что предложить». Испанцы перехитрили португальцевъ и это такъ разгнѣвало португальскаго короля, что онъ высказывалъ не разъ угрозу прибѣгнуть къ насилію, но его удержало отъ такого шага благоразуміе. Мы главнымъ образомъ основываемся на словахъ португальскихъ историковъ для объясненія всѣхъ этихъ осложненій и смѣемъ надѣяться, что когда-нибудь архивы Ватикана откроютъ передъ нами сущность этихъ трехстороннихъ переговоровъ папскаго двора и двухъ королей.

Прежде чѣмъ Колумбъ уѣхалъ изъ Барцелоны, король и королева выразили свою признательность, сдѣлавъ ему богатый подарокъ; былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось отводить Колумбу и его спутникамъ даровыя квартиры, куда бы они ни явились, и договоръ оносительно почестей и власти, заключенный государями съ Колумбомъ въ Санта-Фе, былъ ими окончательно утвержденъ 28 мая. Ему была отнынѣ ввѣрена королевская печать для прикладыванія къ жалованнымъ грамотамъ и къ назначеніямъ на должности, въ которыхъ могла предстоять надобность. Той

1493 г. май.
За Колумбомъ
утверждаютъ
съ почестями.

же печатью Колумбъ пользовался при назначеніи уполномоченнаго лица на время своего отсутствія. Жалованье ему отпускалось по благоусмотрѣнію короля. Въ то же время опредѣлялись и его личныя полномочія, причемъ главнымъ образомъ на него возлагалось завѣдываніе всей экспедиціей, а въ будущемъ управленіе новооткрытой страной и изслѣдованіе ея территоріи. Распрошавшись съ королемъ и королевой, Колумбъ выѣхалъ изъ Барцелоны 28 мая; а данныя ему инструкціи въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны Наварретоу, были подписаны Фердинандомъ и Изабеллой на другой день. Весьма вѣроятно, что инструкціи эти были составлены согласно указаніямъ самого Колумба, которыя заключаются въ одномъ изъ его писемъ безъ помѣтки числа, недавно напечатанномъ въ «*Cartas de Indias*» (1877 г.). Въ началѣ іюня онъ прибылъ въ Севилью и вскорѣ затѣмъ къ нему присоединился Хуанъ Родригесъ де-Фонсека, севильскій архидіаконъ, который, въ качествѣ представителя отъ Двора, былъ сдѣланъ главнымъ распорядителемъ по организациі экспедиціи. Гарриссъ увѣряетъ, что личность этого священника выставлена біографами Колумба въ гораздо худшемъ свѣтѣ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, и что въ своихъ заключеніяхъ они руководились обвиненіями, взводимыми на него авторомъ «*Historie*». Ласказасъ называетъ его человѣкомъ свѣтскимъ; и онъ, пожалуй, заслуживаетъ этотъ эпитетъ,—въ теченіе тридцати лѣтъ онъ имѣлъ преобладающее вліяніе на управленіе Индіи, что отчасти свидѣтельствуетъ о его ловкости въ мірскихъ дѣлахъ. По своему положенію онъ очутился въ такой странѣ, гдѣ ему приходилось препятствовать одному и поощрять другое; и въ исторіи этого вѣка открытій мы видимъ много доказательствъ себялюбивыхъ и низменныхъ побужденій, которыя Фонсека неотступно долженъ былъ обуздывать. Само собою разумѣется, что оцѣнка его не всегда отличалась проникательностью; весьма вѣроятно, что подчасъ онъ бывалъ вѣроломъ, но вѣдь и дѣло-то ему приходилось имѣть главнымъ образомъ съ такими людьми, которые также бывали вѣроломны. Несомнѣнно и то, что онъ злоупотреблялъ своею властью; но тотъ же упрекъ относится и къ Колумбу, и ко всѣмъ остальнымъ. Тутъ, какъ говорится, нашла коса на камень, и не всегда справедливо произносить приговоръ только надъ одной жертвой, какъ это дѣлають Ирвингъ и канонизаторы.

Въ Севильѣ, занимаясь организацией экспедиціи, Фонсека пробовалъ было сократить требованія Колумба относительно числа людей для его личныхъ услугъ. Что требованія эти были чрезмѣрны, въ этомъ для насъ служить порукой нравъ Колумба, не знавшій удержу въ возбужденномъ состояніи; и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что офиціальный охранитель королевской казны имѣлъ при этомъ свои собственныя планы. Молва гласитъ, что король и королева заставили Фонсеку уступить, и этой-то обиды, нанесенной ему

28 мая. Колумбъ покидаетъ Барцелону.

Іюнь. Въ Севильѣ.

Фонсека.

Колумбомъ, Фонсека, никогда не могъ ему ни забыть, ни простить; вотъ почему въ послѣдующіе годы онъ относился съ такою жестокостью къ самому Колумбу и къ его наслѣдникамъ. Првингъ полагаетъ, что Фонсека избѣжалъ осужденія со стороны испанскихъ авторовъ только вслѣдствіе опасенія послѣднихъ передъ церковной цензурой.

Согласно инструкціямъ уже упоминавшимся нами, какія даны были Колумбу для урегулированія торговыхъ сношеній Индіи съ таможенной въ Кадиксѣ и соотвѣтствующей ей таможенной въ Эспаньольѣ подъ надзоромъ адмирала, теперь стали приниматься мѣры, изъ которыхъ съ теченіемъ времени выросло учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Совѣта по дѣламъ Индіи. 23 мая послѣдовало рѣшеніе контролировать всякую эмиграцію въ новооткрытыя области и не позволять никому заниматься тамъ торговлею иначе, какъ съ разрѣшенія монарховъ, Колумба или Фонсеки.

Въ распоряженіе Фонсеки и Колумба были отданы по королевскому указу за умѣренное вознагражденіе всѣ корабли и снасти, а также набранъ весь требуемый служебный персоналъ за умѣренную плату. На покрытіе расходовъ должны были пойти двѣ трети церковныхъ десятинныхъ доходовъ, секвестрованное имущество изгнанныхъ евреевъ и другіе ресурсы; а казначею дано было право, въ случаѣ надобности, заключить заемъ. Къ этому послѣднему средству прибѣгнули для пополненія денежныхъ ресурсовъ и заняли 5.000.000 мараведи у герцога Медина-Сидонія. Всѣ сдѣлки, относившіяся къ поступленію и расходованію денегъ, были поручены казначею, Франциско Пинело, при которомъ помощникомъ состоялъ по счетной части Хуанъ де-Сорія. Снаряженіе кораблей производилось на скорую руку, такъ какъ представлялось дѣломъ первой важности завершить всѣ подготовленія до окончанія дипломатическихъ переговоровъ.

Поспѣшили собрать всѣ артиллерійскія орудія, находившіяся въ дѣлѣ на судахъ болѣе полутора вѣка. Однако, въ эту эпоху мушкетъ еще не вытѣснилъ совершенно аркебузу и послѣдняя предпочиталась многими вслѣдствіе своей легкости. Военные припасы, заброшенные послѣ мавританской войны и сложенные въ Альгамбрѣ, обращенной въ это время въ арсеналъ, были теперь отданы въ распоряженіе экспедиціи.

Часть подготовительныхъ работъ по снаряженію экспедиціи была возложена на Хуонато Беради, флорентинскаго купца, поселившагося въ Севильѣ; небезынтересно узнать, что въ подготовительныхъ работахъ вмѣстѣ съ Беради участвовалъ также Америко Веспуччи, которому въ то время было уже сорокъ два года.

Нѣсколькимъ всадникамъ и земледѣльцамъ было приказано явиться въ Севилью къ 20 іюня и приготовиться къ отплытію, изъ чего можно заключить, что часть экспедиціи должна была отправиться въ путь не позже этого числа.

Состытъ по дѣламъ Индіи.

Новый флотъ снаряжается.

Беради и Веспуччи.

*1493 г.
20 іюня.*

Участіе Пзабеллы въ экспедиціи почти всецѣло овладѣвало ея душой и умомъ. Она горячо приняла къ сердцу духовное благополучіе индійцевъ, приведенныхъ Колумбомъ въ Барселону. Ихъ окрестили съ соблюденіемъ торжественной церемоніи и воспріемниками у нихъ были король, королева и принцъ Хуанъ. Рѣшено было, что они отправятся обратно въ Индію съ новой экспедиціей. Однако, принцъ Хуанъ

Участіе Пзабеллы въ экспедиціи.

пожелалъ взять одного изъ этихъ индійцевъ для Крещеніе индійцевъ своихъ личныхъ услугъ и когда, спустя два года, бѣдняга умеръ, то, по словамъ Герреры, смерть его послужила поводомъ къ благодарственнымъ молитвамъ о томъ, что наконецъ-то хоть одинъ изъ этого языческаго племени вошелъ во врата рая! Только четверо или шестеро изъ нихъ увидѣли вновь родную землю. О судьбѣ тѣхъ, которые были покинуты больными въ Палосѣ, намъ ничего неизвѣстно.

Для того, чтобы всѣми способами помочь распространенію католицизма, папа назначилъ 24 іюня бенедиктинскаго монаха, Бернардо Бюйля (Бойля) изъ Каталаниі, своимъ апостольскимъ намѣстникомъ въ Новомъ Свѣтѣ и съ этимъ патеромъ отправились также одиннадцать братьевъ бенедиктинскаго ордена. Королева вручила имъ священные сосуды и ризы съ алтаря собственной капеллы. Колумбу предписывалось привѣт-

Der Pognier.

Gut Armbroster kan machen ich/
Die Seulen zier ich fleißiglich/
Mit gwecke/schneweißsem bein durchzogn/
Mit Hürnen oder Schälén pogn/
Darauff windfadn vnde in Sannen/
Die nicht leichtlich ist zutrennen/
Darmit man gewiß zum Ziel mag schießn/
Der Kunst Syrus wir mit genießn.

X ij

Der

Мастеръ приготавлиющій самострѣлы.
(Изъ «Beschreibung» Юста Аммана въ 1586 г.).

Патеръ
Бюйль.

лво обращаться съ бѣдными туземцами. Мы увидимъ далѣе, какъ соблюдались имъ эти инструкціи.

Впрочемъ, мысли Пизабеллы не ограничивались одними предметами благочестія. Въ августѣ она отправила Колумбу изъ Сеговіи письмо, въ которомъ повелѣвала ему привезти въ Испанію, какъ мож-

Der Uhrmacher.

*Ich mache die reysenden Uhr/
Gerecht vnd Glatt nach der Mensur/
Von hellem glaz vnd kleim Uhrsant/
Gut/daß sie haben langen bestandt/
Mach auch darzu Hülzen Geheuß/
Dareyn ich sie fleißig beschleuß/
Ferb die gheuß Grün/Grav/rot vñ blau
Drinn man die Stund vnd vierteil hab.*

S ij Der

Часовыхъ дѣлъ мастеръ.

(Изъ «Beschreibung» Юста Аммана, Франкфуртъ).

гадывался, что основой опредѣленія долготы должно служить отклоненіе магнитной стрѣлки; но онъ вообразилъ себѣ, какъ это видно изъ разсказа о его четвертомъ путешествіи, что единственно безошибочнымъ способомъ при опредѣленіи долготы былъ астрономическій методъ, хотя изъ его разсужденій нельзя узнать, отдавалъ-ли онъ

но больше рѣдкихъ птицъ изъ новооткрытыхъ земель въ доказательство неизвѣданныхъ климатовъ времени года.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 5 сентября она убѣдительно просила Колумба не слишкомъ полагаться на свои соб-

Астроно-
мія и море-
плаваніе. ственныя познанія и

взять съ собою такого опытнаго астронома, какъ Фра Антоніо де-Маркена, — того самого, о которомъ Колумбъ сказалъ, что онъ одинъ изъ двухъ людей, никогда не поднимавшихъ его на смѣхъ. Муньоцъ говоритъ, что должность астронома оставалась вакантною.

Въ то время имѣлись весьма скудныя свѣдѣнія насчетъ долготы и широты расхо-дились по этому пред-мету. Какъ мы уже видѣли, Колумбъ до-

предпочтеніе противостоянію планетъ, затменію звѣздъ, измѣненіямъ фазисовъ луны, или сравненіямъ высоты Юпитера съ относительнымъ положеніемъ луны—такъ какъ всѣ эти способы находили себѣ сторонниковъ.

Методъ, основанный на измѣреніи времени, нынѣ хорошо всѣмъ извѣстный благодаря употребленію хронометровъ, кажется, былъ впоследствии введенъ Алонзо де-Санта-Круцъ,—но это случилось гораздо позже и Колумбу не пришлось ознакомиться съ этимъ методомъ; что же касается до такихъ приборовъ, какъ водяные часы, песочные часы и другія тому подобныя примитивныя приспособленія, въ родѣ горящихъ свѣтиленъ, служившихъ показателями времени, то получавшіеся съ ихъ помощью результаты были слишкомъ неточны, чтобы имѣть хотя бы переходное значеніе.

Астролябія, несмотря на всѣ усовершенствованія, сдѣланныя въ ней Бегэмомъ, служила лишь для опредѣленія широты, и употребленіе этого прибора было сопряжено съ большими *Астролябія.* неудобствами, особенно во время качки, преимущественно килевой. Извѣстно, что Васко да-Гама принужденъ былъ отправиться на берегъ къ островамъ Зеленаго мыса для своихъ наблюденій, когда морское волненіе накренило на бокъ его корабль.

Было-ли извѣстно Колумбу употребленіе градусника или гюйс-штока, прибора болѣе удобнаго, чѣмъ астролябія—остается *Градусникъ и гюйс-штокъ.* невыясненнымъ; очень вѣроятно, что этотъ аппаратъ былъ ему совершенно незнакомъ. Но мореплаватели, непосредственно слѣдовавшіе за нимъ, нашли этотъ приборъ болѣе удобнымъ, чѣмъ прежніе, на судахъ во время качки. Это была просто на-просто линейка, одинъ конецъ которой приставлялся къ глазу; затѣмъ по длинѣ этой линейки передвигалась другая поперечная къ ней линейка до тѣхъ поръ, пока оба конца не совпадали—нижній съ линіей горизонта, а верхній съ лучемъ зрѣнія по направленію небснаго тѣла, высоту котораго надо было опредѣлить. Въ точкѣ остановки поперечной линейки шкала показывала градусъ широты.

Однако, самыя лучшія изъ этихъ приспособленій не давали строготочныхъ результатовъ и на старыхъ географическихъ картахъ, въ сравненіи съ новѣйшими, считая градусы отъ экватора, мы встрѣчаемъ нерѣдко погрѣшности въ нѣсколько градусовъ. Разъ вкравшаяся погрѣшность повторялась и на другихъ картахъ, поэтому въ различныхъ картографическихъ сообщеніяхъ, составившихся картографами-специалистами, благодаря методу среднихъ численій, встрѣчались поразительныя разногласія и довольно крупныя погрѣшности. Напримѣръ, островъ Куба на прежнихъ картахъ помѣщался на семь или восемь градусовъ далѣе къ сѣверу; положеніе остальныхъ острововъ, находящихся въ связи съ Кубой, было также не вѣрно показано на этихъ картахъ.

Погрѣшности въ опредѣленіи широты.

Между тѣмъ, какъ приготовленія шли своимъ чередомъ, семнадцать

судовъ, большихъ и малыхъ, были признаны вполне готовыми къ отплытію; трое изъ нихъ назывались транспортами. Сципацио говоритъ, что нѣсколько судовъ небольшого размѣра принадлежали къ типу мелкосидящихъ и предназначались главнымъ образомъ для экскурсій съ цѣлью изслѣдованія береговъ. Наконецъ суда нагрузили лошадьми и всевозможными домашними животными. Тутъ же были собраны всевозможныя сѣмена и земледѣльческія орудія, большіе запасы разныхъ товаровъ для обмѣна съ индійцами и всѣ вещи необходимыя для жизни. Мупьоцъ замѣчаетъ, что въ первое свое путешествіе Колумбъ не встрѣтилъ или не замѣтилъ ни сахарнаго тростника, ни рису, ни вина, иначе мы бы не нашли ихъ въ числѣ товаровъ, взятыхъ имъ для второго путешествія.

Для того, чтобы составить компанію искателей приключеній, не потребовалось большихъ усилій. Многіе гidalго и рыцари поступили на службу на собственномъ иждивеніи. Гальвано, который, по всей вѣроятности, имѣлъ свѣдѣнія объ этомъ по традиціи, говоритъ, что такъ было велико «желаніе отправиться въ путь, что многіе охотно бы бросились въ море, чтобы вплавь добраться до новооткрытыхъ земель, если бы только это было возможно». Торговля, отвага, страсть къ богатой наживѣ, къ военнымъ подвигамъ—все это являлось сильной приманкой для всѣхъ и cadaго въ отдѣльности. Многимъ хотѣлось составить себѣ имя въ этихъ новыхъ земляхъ. Къ такому принадлежалъ Алонзо де-Охеда, отважный юноша, ловкій и предприимчивый, отличившійся въ мавританскихъ войнахъ и пользовавшійся особымъ покровительствомъ герцога Медина-Сели, друга Колумба.

Мы находимъ здѣсь много другихъ именъ, съ которыми встрѣтимся впоследствии. Младшій братъ Колумба, Діего Колонъ, прибылъ въ Испанію, привлеченный удачей Христофора. Отецъ и дядя Ласказаса, бесѣды коихъ съ адмираломъ послужили впоследствии для этого историка богатымъ матеріаломъ, Хуанъ Понс де-Леонъ, будущій открыватель Флориды, Хуанъ де-Ла-Коза, давшій намъ первую карту Новаго Свѣта, и докторъ Чанка, севильскій врачъ, получавшій пенсію отъ казны и авторъ одного изъ разсказовъ объ этомъ путешествіи—всѣ эти лица вошли въ составъ экспедиціи.

Первоначально полагали ограничить численность экспедиціи до тысячи человекъ, но подъ натискомъ избытка желавшихъ попытать въ ней счастья, число участвующихъ разрослось до 1.200, а затѣмъ еще увеличилось массою лицъ, проскользнувшихъ въ нее тайкомъ, безъ приглашенія, и другими паразитами, такъ что въ это второе путешествіе Колумба отправилось не менѣе полуторы тысячи человекъ. Таково свидѣтельство Овiedo. По словамъ Бернальдеца и Петера Мартира, въ экспедиціи находилось 1.200 чело-

*Семнадцать
судовъ гото-
вы къ отплы-
тію*

*Спутники
Колумба.*

Охеда.

*Ласказасъ,
Понс де-Ле-
онъ, Ла-Коза
и другіе.*

*Въ экспеди-
цію вошло
до 1.500
человекъ.*

вѣкъ или около того. Быть можетъ, то были простые солдаты, а 300 другихъ — офицеры и тому подобныя личности, такъ какъ мы не имѣемъ указаній, какъ было сдѣлано счисленіе. Насколько намъ извѣстенъ поминный списокъ отплывшихъ, между ними былъ только одинъ изъ тѣхъ, кто участвовалъ въ первомъ путешествіи Колумба. Полагаютъ, что тѣ двадцать всадниковъ, которыхъ адмиралъ взялъ съ собою, были единственными кавалерійскими солдатами. Колумбъ говоритъ въ одномъ письмѣ, адресованномъ къ ихъ величествамъ, что «число колонистовъ, желающихъ отправиться туда, достигаетъ до двухъ тысячъ»; слова эти свидѣтельствуютъ, что большому числу желающихъ было отказано. Помянутое письмо не помѣчено датой и, вѣроятно, написано задолго до отплытія Колумба; если догадка наша вѣрна, то оно удостовѣряетъ до нѣкоторой степени число лицъ, которымъ были отказано въ принятіи ихъ въ экспедицію. Уже приближался день отплытія, какъ вдругъ произошла тревога по поводу извѣстія, что португальское грузовое судно двинулось къ западу отъ Мадейры; Испанія намѣревалась послать часть флота, чтобы перехватить это судно; но послѣ нѣсколькихъ дипломатическихъ уловокъ, которыми обмѣнялись между собою Фердинандъ и Іоаньо, всѣ успокоились. По крайней мѣрѣ, ни съ той, ни съ другой стороны не послѣдовало никакихъ враждебныхъ дѣйствій.

Колумбъ рассчитывалъ выйти 15 августа, но только спустя шесть недѣль были закончены всѣ необходимые сборы.

Глава XII.

Второе путешествіе.

1493—1494.

Послѣдній день въ портѣ былъ днемъ торжественныхъ пожеланій и поздравленій. Испанскій авторъ, Кома, если и не былъ лично свидѣтелемъ проводовъ Колумба, то со словъ того, кому удалось присутствовать, описываетъ прощальную сцену слѣдующимъ образомъ. Сциллаціо, находившемуся въ Павіи: «Матросы исполнили обычные церковные обряды; въ послѣдній разъ всѣ перецѣловались на прощаньи; корабли стояли разукрашенные яркими матеріями; въ снастяхъ развивались знамена; съ кормы каждаго корабля спускался королевскій флагъ. Неренды и даже сирены смолкли, пораженные сладкими модуляціями трубачей и арфистовъ. Береговое эхо далеко разносило звонъ и громъ литавровъ и горновъ. Надъ моремъ глухо рокотали пушечные выстрѣлы. Нѣсколькимъ венеціанскимъ галерамъ посчастливилось пройти въ гавань, чтобы присоединиться къ общему ликованію, и обѣ націи соединились въ хоромъ пѣніи, вознося молитвы ко Всевышнему о благословеніи отплывающихъ смѣльчаковъ».

Наступила ночь, спокойная и тихая для однихъ, унылая и томительная для другихъ, а когда занялась заря (25 сентября 1493 г.), то повсюду уже слышалась вѣсть о выступленіи флота. Тоже самое происходило на трехъ большихъ судахъ, на меньшихъ грузовыхъ судахъ и на легкихъ суденышкахъ, которые были назначены специально для береговыхъ экскурсій. Возбужденная и любопытная масса толпилась на палубахъ, представляя собою пестрое зрѣлище. Тутъ были и рыцарь, и патеръ, и гидальго, и ремесленникъ, и солдатъ, и матросъ. Честолюбивыя мечты, одушевлявшія каждаго изъ нихъ, были также разнообразны, какъ и ихъ одѣяніе. Были здѣсь и такіе безцѣльные искатели приключеній, которымъ было рѣшительно все равно, лишь бы какъ-нибудь убить время—въ забавахъ или жестокостяхъ. Тутъ были алчные спекуляторы, которые рассчитывали за свои бездѣлушки получить груды золота.

1493 г. 25 сеп-
тября. Флотъ
отплываетъ.

Тутъ былъ цѣлый рой администраторовъ съ неразрѣшенными задачами въ головѣ относительно будущности новыхъ государственныхъ единицъ. Тутъ были уши, которые уже уловили пѣсню объ избавленіи въ грудяхъ туземцевъ. Тутъ находился самъ Колумбъ, совѣщавшій въ себѣ честолюбивые планы всей этой толпы, обозрѣвавшій Кадикскую гавань, загроможденную его гордымъ флотомъ, который управлялъ свои скрипѣвшіе паруса, поднималъ свои намокшіе якоря. Какъ отличалась эта сцена отплытія отъ его выхода въ море изъ гавани Палоса годъ съ небольшимъ назадъ! Нищій генуэзецъ, облеченный властью королевскаго намѣстника въ Новомъ Свѣтѣ, былъ по натурѣ болѣе всякаго другого отважнымъ искателемъ приключеній. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ спутниковъ смѣлыми мечтаніями и золотыми надеждами. Онъ являлся главнымъ администраторомъ новаго правительства, невѣдомый и неразгаданный. Въ его ушахъ церковныя гимны звучали словно воинственное пророчество, обрекавшее на гибель язычниковъ Индіи и грозно призывавшее къ отвѣту мусульманскія орды, заполнившія Святой Гробъ Господень.

Характеристика Колумба.

Подъ зоркимъ окомъ этого единого направляющаго духа корабли понеслись дружно впередъ и вышли въ открытый океанъ, а впереди бѣжали провожавшія ихъ венеціанскія галеры. Здѣсь началась его отвѣтственность, какъ главнокомандующаго великимъ вооруженнымъ флотомъ. Ему была дана инструкція держать курсъ далеко отъ португальскаго берега и онъ направилъ свой путь на юго-западъ. На седьмой день (1 октября) испанцы пришли къ Великимъ Канарскимъ островамъ, гдѣ они пробыли нѣсколько дней, чтобы починить одинъ изъ кораблей, въ которомъ открылась течь. 5 октября они бросили якоря въ Гомерѣ. Имъ понадобилось дня два, чтобы пополнить кое-какіе запасы, такъ какъ острова эти сдѣлались уже центромъ большихъ промышленныхъ операций и отличались большой производительностью. «Тутъ было много предприимчивыхъ купцовъ, которые вели свои торговые обороты со многими береговыми странами», писалъ Кома къ Сциллагію.

*1493 г.
1 октября
Канарскіе
острова.*

Имъ надобно было запастись топливомъ и водою. У жителей этихъ острововъ испанцы закупили множество разныхъ домашнихъ животныхъ—телятъ, козъ, овецъ и свиней и массу домашней птицы, огородныхъ и садовыхъ сѣмянъ, плодовыхъ деревьевъ—анельсинныхъ, лимонныхъ, дынныхъ и т. д., всѣми этими предметами наполнили незанятые мѣста на корабляхъ.

7 октября флотъ отправился далѣе, но только 13-го попутные вѣтры унесли ихъ за островъ Ферро и передъ великимъ адмираломъ открылся безбрежный океанъ. Колумбъ шель южнѣе, чѣмъ въ первое свое путешествіе, для того, чтобы, если посчастливится, придти къ тѣмъ островамъ, которые, по слухамъ, лежали къ юго-западу отъ Эспаньолы.

*1493 г.
13 октября.
На морѣ.*

Разумѣется, его конечнымъ портомъ была гавань Рождества и онъ вручилъ всѣмъ своимъ командирамъ инструкціи за королевской печатью, чтобы они указали дорогу туда каждому, кто захотѣлъ бы отдѣлиться отъ флота. Вѣтры благопріятствовали испанцамъ и только тяжелый ходъ адмиральскаго корабля задерживалъ остальные. Въ теченіе десяти дней они перешли за предѣлы Саргосскаго моря, сами того не замѣчая, оставивъ въ сторонѣ, къ сѣверу, покрывавшія его водоросли. Нѣсколькими днями позже они вынесли сильную бурю. Они ободрились, благодаря старому повѣрью, когда увидали мерцающее пламя огонька св. Эльма надъ мачтами; и они привѣтствовали его появленіе молитвами и пѣснями.

«Достоверно извѣстно,—говоритъ Кома,—что ночную темноту прорѣзалъ свѣтъ двухъ огней, показавшихся на верхушкѣ мачты адмиральскаго корабля. Тотчасъ же буря начала стихать, море перестало бушевать, волны улеглись и поверхность океана сдѣлалась гладкой какъ мраморъ». Этотъ внезапный штормъ, продолжавшійся четыре часа, захватилъ ихъ въ канунъ св. Симеона.

Тотъ же писатель рассказываетъ, что вслѣдствіе этого промедленія у нихъ оказался недостатокъ въ прѣсной водѣ, такъ какъ адмиралъ, будучи увѣренъ, что земля недалеко, а также желая ободрить трусливыхъ, приказалъ выдавать воду въ неограниченномъ количествѣ. «Его можно сравнить съ Моисеемъ,—прибавляетъ Кома,—который ободрялъ израильянское воинство, изнемогавшее отъ жажды въ безводныхъ пустыняхъ».

Въ субботу, 2 ноября, командиры сравнили свои счисленія. Иные полагали, что отъ Ферро было сдѣлано 780 лигъ, другіе—800 лигъ. Пассажиры чувствовали страхъ и уныніе. Матросамъ приходилось безостановочно выкачивать воду изъ кораблей, въ которыхъ открылась течь, и утомленіе подѣйствовало подавляющимъ образомъ на экипажъ. Опытный глазъ Колумба угадалъ, что земля близка, по цвѣту воды и по измѣнившемуся направленію вѣтровъ, и онъ подалъ сигналъ, чтобы всѣ суда убрали паруса. Это была ночь полная ожиданія. Воскресная заря освѣтила вершину высокой горы впереди корабля, о которой возвѣстилъ вахтенный адмиральской топмачты. Когда флотъ подошелъ къ острову, то адмиралъ назвалъ его въ память воскреснаго дня Доменика. Съ обычнымъ пѣніемъ «Salve Regina» флотъ продолжалъ спокойно идти впередъ, а передъ нимъ открывались острова за островами. Колумбъ не могъ найти удобной стоянки на Доменикѣ и, приказавъ одному изъ судовъ продолжать поиски, самъ отправился къ слѣдующему острову, который тутъ же назвалъ по имени своего корабля—Маригалантъ. Здѣсь онъ вышелъ на берегъ, водрузивъ королевское знамя въ знакъ завладѣнія этою группою острововъ,—онъ увидѣлъ ихъ шесть,—и сталъ искать жителей. Но онъ не нашелъ здѣсь ни единого обитателя и

никаких признаков человеческого пребывания. Здѣсь ничего не было, кромѣ густоразроснаго лѣса по всѣмъ направленіямъ, съ массою блестящей листвы, которая дышала роскошной красотой; вѣтеръ далеко разносилъ пряное благоуханіе этой листвы. Нѣсколько матро-

Гвадалупа, Марія Галантэ, Доменика.
(Изъ книги Эприка «*Les Colonies Françaises*», Парижъ, 1889 г.).

совъ попробовали ѣсть какіе-то незнакомые плоды и у нихъ немедленно сдѣлалось рожистое воспаленіе лица, такъ что понадобилось прикладывать къ опухли цѣлебныя снадобья. На слѣдующее утро вниманіе Колумба было привле-

1493 г.
3 ноября.
Гвадалупа.

чено большой вулканической вершиной горы на другомъ островѣ и, приблизившись къ нему на своемъ кораблѣ, онъ увидѣлъ водопады по обѣимъ сторонамъ этой горы.

«Сперва между лицами, наблюдавшими это чудное явленіе съ кораблей на извѣстномъ разстояніи отъ горы,—пишетъ Кома,—возникъ споръ, было-ли тутъ отраженіе свѣта отъ твердыхъ свѣтовыхъ массъ, или же то была широкая поверхность гладкой дороги. Въ концѣ концовъ пришли къ заключенію, что то была большая рѣка».

Колумбъ вспомнилъ, что общался монахамъ обители Пресвятой Богородицы Гвадалупской въ Эстремадурѣ отмѣтить именемъ ихъ монастыря какую-либо часть этого удивительнаго міра, и вотъ онъ назвалъ этотъ островъ Гвадалупой. На слѣдующій день онъ высадился на берегъ и вся послѣдующая недѣля была полна чудесныхъ открытій.

Первая деревня, которую осмотрѣли испанцы, оказалась покинутой своими обитателями; но это было сдѣлано ими съ такою поспѣшностью, что тутъ осталось нѣсколько дѣтей. Испанцы обвѣшали послѣднихъ бубенчиками, чтобы пріобрѣсти расположеніе ихъ родителей, когда тѣ возвратятся. На одной площадкѣ былъ разбитъ скверъ для гулянья, окруженный прямоугольными домами, сложенными изъ бревенъ и переплетеннаго хворосту, и покрытыми пальмами. Испанцы вошли въ эти дома и отмѣтили все, что тамъ увидѣли. У входа въ одинъ домъ они увидали змѣй, вырѣзанныхъ изъ дерева. Тутъ были плетеные гамаки, тыквенныя бутылки, глиняная посуда и даже черепа, которые, очевидно, играли роль домашней утвари. Тутъ были бумажныя ткани; лукъ и стрѣлы съ костяными наконечниками, которые дѣлались иногда изъ берцовыхъ человѣческихъ костей; домашняя птица, напоминавшая по виду гусей; ручные попугаи; и ананасы, чудный запахъ и вкусъ которыхъ привели испанцевъ въ восхищеніе. Тутъ же они нашли такіе европейскіе предметы, которые, по всей вѣроятности, занесло на островъ экваторіальными теченіями съ африканскихъ береговъ—чугунъ,—какъ имъ показалось по крайней мѣрѣ (мы узнаемъ объ этомъ изъ «Historie») и кормовой тимберсъ судна; въ опредѣленіи этого послѣдняго предмета они едва-ли могли ошибиться. Они нашли здѣсь еще что-то, что возбудило въ нихъ ужасъ отвращенія,—а именно человѣческія кости, оставшіяся послѣ пира; они этому охотно повѣрили, такъ какъ искали подтвержденія разсказовъ о людоедахъ, которыхъ досыта наслушался Колумбъ во время своего перваго путешествія. Они слышали, что мальчиковъ откармливаютъ на убой, ни дать ни взять какъ кабановъ.

На слѣдующій день они поймали юношу и нѣсколькихъ женщинъ, но мужчинамъ удалось скрыться. Колумбъ вполнѣ убѣдился въ эту минуту, что онъ открылъ наконецъ людоедовъ, а когда оказалось, что одинъ изъ его капитановъ и восемь матросовъ не вернулись на

свой корабль, то имъ овладѣло сильное безпокойство. Онъ послалъ своихъ людей искать пропавшихъ въ лѣсу. Посланные перекликались и стрѣляли изъ своихъ аркебузъ, но безуспѣшно. Проходя по лѣсной

Островъ Каннибаловъ.
(Изъ «*Nova Typis Transacta Navigatio*, Филиппинскаго»).

чащѣ, они встрѣтили нѣсколько деревень, но жители бѣжали отъ нихъ, побросавъ свои недоваренные обѣды; они были въ полной увѣренности,

что на вертелѣ и въ горшкахъ готовилось человѣческое мясо. Между тѣмъ, какъ этотъ отрядъ матросовъ находился въ отсутствіи, къ кораблямъ подошли нѣсколько женщинъ съ сосѣднихъ острововъ; онѣ были взяты въ плѣнъ этими дикарями и искали защиты у бѣлыхъ. Колумбъ нацѣпилъ на нихъ побрякушекъ и бубенчиковъ и отослалъ ихъ насильно на берегъ, несмотря на ихъ просьбы остаться. Островитяне отняли у нихъ все украшенія и позволили имъ вернуться на корабли за другими. Женщины эти сказали, что начальникъ острова и многіе изъ его воиновъ отправились на разбой.

Отрядъ, отыскивавшій пропавшихъ спутниковъ Колумба, вернулся безъ всякаго успѣха, и тогда Алонзо де-Охеда предложилъ ^{Экспедиція. Охеда.} отправиться внутрь страны, взявъ подъ свою команду сотню матросовъ, для производства болѣе тщательныхъ розысковъ. И этотъ отрядъ имѣлъ также мало удачи, какъ и первый. Охеда разсказалъ, что ему пришлось перейти черезъ двадцать шесть рѣкъ и что страна изобилвала благоухающими деревьями, удивительными и вкусными плодами и птицами съ яркими плюмажемъ.

Въ то время, какъ Охеда со своими молодцами ушелъ на поиски, матросы сошли на берегъ, чтобы запасться прѣсной водой, а по возвращеніи Охеды Колумбъ рѣшилъ плыть дальше и уже готовился выйти изъ гавани, какъ вдругъ на берегу появились его исчезнувшіе спутники и знаками просили взять ихъ на корабль. Они заблудились въ густомъ непроходимомъ лѣсу и напрасно пытались взлѣзть на деревья, чтобы по звѣздамъ найти дорогу. Наконецъ, очутившись у моря, они пошли берегомъ, пока не увидѣли флота. Они привели съ собою нѣсколько женщинъ и мальчиковъ, но заявили, что мужчинъ нигдѣ не встрѣчали.

Въ числѣ разсказовъ, касающихся перваго ознакомленія испанцевъ съ туземнымъ народомъ, постоянной темой является повѣствованіе о канибализмѣ. Подобные разсказы усиливали впечатлѣніе, которое производили чудеса этой страны на Европу. Жестокостію туземныхъ нравовъ довольно охотно оправдывали собственное немилосердіе, считая его какъ бы возмездіемъ за первую. Историки не вполне рѣшили вопросъ о томъ, насколько заслуживаютъ вѣроятія разсказы о племенахъ людоедовъ, основанные на такомъ принципѣ. Трусость и предрасудки много способствовали распространенію подобнаго мнѣнія, или, по меньшей мѣрѣ, преувеличенію свирѣпости дикихъ. Првингъ замѣчаетъ, что у аборигеновъ Эспаньолы было въ обычаѣ сохранять части человѣческаго тѣла и это считалось у нихъ исполненіемъ религіознаго обѣта по отношенію къ предкамъ; только предрасудокъ могъ приписать канибализму подобный же обычай у карибовъ. Отважный характеръ ^{Карибы.} этого неукротимаго народа и его воинственные набѣги естественно изощрили его мыслительныя способности и поставили его выше пассивно равнодушныхъ миролюбивыхъ племенъ, которыя

они грабили; неудивительно, что, благодаря этимъ условіямъ, на карибовъ взвалили всѣ страсти и пороки, которыя европейскій инстинктъ жадно стремился изобличить въ этомъ чуждомъ народѣ.

Смежность этихъ двухъ расъ,—воинственныхъ карибовъ и робкихъ племенъ болѣе сѣверныхъ острововъ,—приводила въ немалое замѣшательство этнологовъ. Првингъ даетъ нѣсколько смутныхъ указаній о происхожденіи племени карибовъ, почерпнутыхъ изъ наблюдений первыхъ ученыхъ, работавшихъ надъ изслѣдованіемъ запутанныхъ отношеній коренныхъ народовъ Америки. Со времени Првинга вопросъ этотъ сталъ предметомъ болѣе полныхъ и болѣе научныхъ наблюдений, но многія стороны его и теперь еще далеко не выяснены. Краниологію карибовъ изучали очень мало и въ этомъ отношеніи остается еще многое сдѣлать. Племя карибовъ въ своей чистотѣ давно стерто съ лица земли. У Люсьена де-Ронн собраны замѣчательныя данныя для будущихъ заключеній въ антропологическомъ отношеніи объ Антильскихъ островахъ, напечатанномъ французскимъ Обществомъ Этнологіи въ 1886 г. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей подняли вопросъ о томъ, не зависѣло ли различіе между этими народами-островитянами скорѣе отъ случайныхъ причинъ и окружающихъ ихъ обстановки, чѣмъ отъ ихъ родовыхъ особенностей.

*Карибы и
лукайцы.*

Изъ Гвадалупы Колумбъ направился 10 ноября къ сѣверо-западу отъ Испаньолы, хотя его плѣнники и сказали ему, что материкъ лежитъ на югѣ. Онъ прошелъ мимо нѣсколькихъ острововъ, но только 14 числа бросилъ якорь у острова, названнаго имъ Санта-Круцъ, гдѣ обитали также карибы. Здѣсь произошло первое сраженіе испанцевъ съ этимъ неукротимымъ народомъ, когда они попробовали захватить пирогу съ этими дикарями. Бѣлые пробили и опрокинули пирогу; но индійцы такъ храбро сражались въ водѣ, что нѣсколько испанскихъ щитовъ были пробиты отравленными стрѣлами туземцевъ и одинъ изъ испанцевъ внослѣдствіи умеръ отъ такой раны, нанесенной ему одною изъ дикихъ женщинъ. Однако, въ концѣ концовъ всѣ карибы были взяты въ плѣнъ и закованы въ цѣпи на кораблѣ. Одинъ изъ туземцевъ былъ такъ сильно раненъ, что усомнились въ его выздоровленіи, а потому бросили его за бортъ. Бѣдняга поплылъ къ берегу, но испанцы докончили его стрѣлами. Въ отчетахъ того времени описывались свирѣпый видъ этихъ дикарей, ихъ жесткіе волосы, ихъ глаза, окаймленные красной краской, крѣпкія мышцы ихъ членовъ, искусственно увеличенныя туго стянутыми перевязками.

*1493 г.
10 ноября.
Колумбъ
уходитъ
изъ Гвадалупы.*

Идя далѣе и пройдя мимо группы дикихъ и скалистыхъ острововъ, названныхъ имъ внослѣдствіи архипелагомъ Св. Урсулы и ея Одиннадцати Тысячъ Дѣвъ, Колумбъ подошелъ наконецъ къ острову, который нынѣ называется Порто-Рико; плѣнники его сказали, что островъ этотъ ихъ родина и обычное поле набѣговъ карибскаго племени. Островъ поразилъ испанцевъ своей величиною,

Порто-Рико.

своими прекрасными лѣсами и множествомъ гаваней; въ одной изъ нихъ, на западной оконечности острова, они бросили якорь. Тутъ по близости была деревушка, по ихъ рассказамъ красивая и не безъ претензій на пзящное расположеніе домовъ, которые спускались уступами вдоль морского берега. Но жители разбѣжались. Черезъ два дня флотъ поднялъ якоря и направился къ форту Рождества.

1493 г., 22
ноября
Испаньола.

22 ноября испанцы подошли къ ровному берегу, который, какъ они узнали впоследствии, окаймлялъ восточную оконечность Эспаньолы. Они тихо прошли вдоль сѣвернаго берега и у прелестнаго мѣстечка спустили лодку на берегъ съ тѣломъ матроса-бискайца, умершаго отъ отравленной стрѣлы; неподалеку отъ берега качались на водѣ два легкихъ судна, для охраны людей, совершавшихъ обрядъ погребенія. Когда Колумбъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ годъ тому назадъ у него произошла вооруженная стычка съ аборигенами и откуда былъ взятъ одинъ изъ индійцевъ, окрещенныхъ въ Барселонѣ, то, надававъ ему подарковъ и одѣвъ его въ платье, они отпустили его восвояси, рассчитывая, что онъ повліяетъ на своихъ земляковъ. Этотъ воображаемый неофитъ не появляется болѣе въ исторіи. Только одинъ изъ туземцевъ, обращенныхъ въ христіанство, остался въ живыхъ; о немъ говорится, что онъ былъ преданъ испанцамъ. Пятеро изъ семи индійцевъ, взятыхъ въ эту экспедицію, умерли на пути.

25 числа флотъ сталъ на якорѣ у Монте-Кристо, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Колумбъ нашелъ золото въ рѣкѣ во время своего перваго путешествія 1493 г. 25 ноября; матросы случайно открыли здѣсь нѣсколько разложившихся труповъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ бороду, что внушило имъ опасенія насчетъ участи людей, оставленныхъ ими въ портѣ Рождества. Сосѣдніе туземцы, однако же, явились на корабли поторговать съ такою поспѣшностью, что этимъ значительно уменьшили подозрѣнія испанцевъ. 27 числа, когда стемнѣло, Колумбъ бросилъ якорь противъ форта, на разстояніи одной мили отъ берега. Было слишкомъ поздно, такъ что, кромѣ холмовъ, нельзя было ничего разглядѣть. Въ ожиданіи отвѣта изъ форта, онъ велѣлъ налить изъ двухъ пушекъ, но только эхо отвѣчало на выстрѣлы. Напрасно испанцы вглядывались въ темноту, надѣясь увидѣть сигнальные огоньки. Ночь была таинственно-черна и наводила на печальныя размышленія. Незадолго до полуночи къ кораблямъ подошла пирога, и одинъ изъ туземцевъ, находившійся на ней, два раза окликнулъ адмирала. Съ одного судна спустили лодку и подвели пирогу къ кораблю адмирала. Туземцы не хотѣли подняться на бортъ, пока не показался самъ Колумбъ на шкафутѣ и свѣтъ отъ фонаря не убѣдилъ ихъ въ его присутствіи. Они ободрились. Ихъ вожь принесъ подарки, — одни говорятъ, что это были золотые кувшины, другіе, — что это были маски съ золотыми украшеніями, — отъ кацика Гвакангары, на дружескую помощь котораго, для безопасности своего маленькаго гарнизона, испанцы такъ сильно понадѣялись.

1493 г.,
27 ноября.
У форта
Рождества

Послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій, Колумбъ сталъ разспрашивать о Діего де-Арана и его товарищахъ. Молодой лукаецъ, нынѣ единственный переводчикъ Колумба, передалъ, какъ умѣлъ, со словъ рассказчика, объяснявшагося на чуждомъ ему нарѣчій, что часть гарнизона погибла отъ болѣзней и раздоровъ, нѣкоторые же изъ оставшихся ушли въ глубь страны; затѣмъ на фортъ и на сосѣднюю деревню Гвакананари внезапно напалъ начальникъ горнаго племени, Каонабо, и сжегъ фортъ и деревню. Испанцы частью по-
Гарнизонъ
перебитъ.
ушли въ морѣ, частью были перебиты на-смерть. Въ этомъ сраженіи дружественный кацикъ получилъ рану. Пришедшіе объяснили, что эта рана помѣшала ихъ вождю придти съ ними привѣтствовать адмирала; но утромъ онъ непременно придетъ. Кома рассказываетъ объ этомъ свиданіи въ полночь не такъ подробно, и читатель можетъ заключить изъ его разсказа, что Колумбъ не получилъ вполне яснаго представленія о роковой судьбѣ, постигшей его колонію.

При дневномъ свѣтѣ гавань имѣла видъ унылаго безлюдія. Ни одной пироги не было видно тамъ, гдѣ въ прошломъ году онѣ сновали въ такомъ множествѣ. Колумбъ послалъ на берегъ людей, которые нашли, что фортъ былъ разграбленъ и разрушенъ до основанія. Между почернѣвшими руинами тамъ и сямъ были разбросаны клочки одежды и кусочки товаровъ. Изъ-за деревьевъ выглядывали индійцы, но ни одинъ изъ нихъ не отважился подойти къ бѣлымъ, а такъ какъ кацикъ не сдержалъ своего обѣщанія придти утромъ, то у Колумба снова проснулись подозрѣнія, что исторія гибели форта была передана лживо. Повоприбывшіе провели очень безпокойную ночь, недоувѣріе ихъ быстро росло, и на слѣдующее утро Колумбъ самъ высадился на берегъ и осмотрѣлъ все своими глазами. Онъ прошелъ далѣе, чѣмъ его люди, высадившіеся наканунѣ, и убѣдился, что индійцы не вполне солгали, такъ какъ деревня кацика представляла груды обгорѣлыхъ развалинъ. Опять стрѣляли изъ пушекъ, въ надеждѣ, что отраженное эхо донесется къ тѣмъ, которые, по словамъ индійцевъ, ушли изъ форта раньше избіенія гарнизона. Очистили колодезь и ровъ, чтобы узнать, не была ли туда брошена казна, какъ приказывалъ Колумбъ въ случаѣ какой бѣды. Ничего нигдѣ не нашли и это, повидимому, подтверждало разсказъ о внезапности нападенія. Колумбъ и его люди прошли еще далѣе по деревнѣ; но жители сѣѣли спасти отъ нихъ бѣгствомъ, такъ что даже не успѣли захватить съ собою множества европейскихъ вещей, между которыми находились чулки и мавританская одежда, несомѣнно украденныя изъ форта. Вернувшись къ форту, они нашли одиннадцать труповъ, зарытыхъ въ землю, на которой выросла трава; остатки одежды на этихъ трупахъ ясно показывали, что это были европейцы. Объ этомъ рассказываетъ докторъ Чанка; по его словамъ, люди эти умерли не болѣе двухъ мѣсяцевъ назадъ. А Кома говоритъ, что упомянутые трупы не были по-

гребены и пролежали около трехъ мѣсяцевъ на открытомъ воздухѣ; испанцы похоронили ихъ теперь по христіанскому обряду.

Затѣмъ, днемъ, испанцы заманили дружескими знаками нѣсколькихъ туземцевъ, чтобы поговорить съ ними черезъ посредство лукайца. Понемногу отъ нихъ выспытали всѣ подробности этой злополучной исторіи, и Колумбъ, наконецъ, получилъ довольно ясное понятіе о ходѣ событій. Ему рассказали о жестокости, жадности и сластолюбіи испанцевъ въ отношеніи туземцевъ и о ихъ соперничествѣ и ссорахъ между собою. Никакими увѣщаніями начальникъ форта не могъ сдержать взрывовъ ихъ бѣшеныхъ ссоръ и никакими доводами здраваго смысла ихъ нельзя было отговорить отъ самыхъ безумныхъ и рискованныхъ выходокъ, когда они проводили время внѣ форта. Тѣ, которые, въ случаѣ надобности, назначены были преемниками Араны, взбунтовались противъ него, а такъ какъ имъ не удалось его одолѣть, то они ушли изъ форта со своими клеветами отыскивать золотыя россыпи Цибао. Такимъ образомъ они очутились внѣ защиты

*Гваканнагари
и Каонабо.*

Гваканнагари, на землѣ его врага, Каонабо, бродяги-кариба, который самъ себя предложилъ въ начальники туземцамъ, жившимъ внутри страны, и приобрѣлъ большое вліяніе на островъ. Вождь этотъ уже прослышалъ о раздорахъ между испанцами и какъ только ему донесли, что эти дезертиры на его землѣ, онъ тотчасъ же приказалъ ихъ схватить и умертвить. Это дало ему смѣлость соединиться съ другими кациками, сосѣдями Гваканнагари, и попытаться прогнать испанцевъ съ острова, потому что ихъ пребываніе грозило его власти, какъ онъ рассуждалъ. Союзники тайкомъ пробрались къ форту и спрятались неподалеку отъ него ночью. У Араны оставалось всего десять человѣкъ въ оградѣ форта; часового у нихъ не пелагалось. Другіе испанцы жили въ близлежащей деревнѣ. Нападеніе было совершено врасплохъ, поэтому и удалось, а зловѣщія развалины форта и деревни служили нагляднымъ подтвержденіемъ разсказа.

Вслѣдъ за тѣмъ были собраны и другія подтвержденія случившагося. Небольшое грузовое судно отправилось для осмотра восточной границы острова. Къ нему скоро пристали два индійца, приглашая капитана, Мальдонадо, навѣстить кацика, который лежалъ больной въ сосѣдней деревнѣ. Капитанъ отправился туда, и нашелъ Гваканнагари лежащимъ съ перевязанной ногой. Дикарь разсказалъ ему ту-же самую исторію, которая составила съ только что переданной испанцамъ, а когда она была повторена Колумбу, то послѣдній, въ сопровожденіи пышной свиты, самъ навѣститъ кацика. Гваканнагари, повидимому, ужасно хотѣлось, передавая исторію гибели форта, убѣдить адмирала въ своей личной вѣрности испанцамъ; въ доказательство онъ ссылался на свои раны и на раны своихъ подданныхъ. По обыкновенію обѣ стороны обмѣнялись подарками—побрякушками за золото и такъ далѣе въ томъ же отношеніи стоимости. Прощаясь съ кацикомъ, Колумбъ приказалъ своему хирургу осмотрѣть рану, которая, по словамъ кацика, была

нанесена ему ударомъ камня въ ногу. Чтобы хирургу было видѣе, кацикъ вышелъ на крыльцо, опираясь на руку адмирала. Перевязку сняли и на ногѣ не оказалось никакого знака или синяка; но кацикъ вздрагивалъ и корчился, когда прикасались къ его ногѣ. Патеру Бойлю, бывшему въ свитѣ адмирала, пришло на мысль, что рана эта была предлогомъ и вся исторія придумана только для того, чтобы отвести глаза отъ вѣроломства кацика; поэтому онъ настоятельно убѣждалъ Колумба немедленно расправиться съ предателемъ для примѣра другимъ на будущее время. Колумбъ не обладалъ самоувѣренностью патера и считалъ за лучшее держаться примирительной и выжидательной политики. По свидѣтельству Комы, свиданіе это закончилось странными заявленіями со стороны кацика, которыя на мгновеніе заставили испанцевъ опасаться вооруженнаго нападенія. Начальникъ дикарей былъ не прочь попробовать силу своихъ ногъ, чтобы проводить адмирала вечеромъ на его корабль. Здѣсь онъ увидѣлъ илѣнныхъ карибовъ и, судя по дошедшимъ до насъ рассказамъ, страшно испугался при видѣ ихъ. Онъ дивился на лошадей и на другихъ невиданныхъ имъ прежде животныхъ. Кома говоритъ, будто индійцы думали, что лошадей кормили человѣческимъ мясомъ. Женщины, отнятыя испанцами у карибовъ, привлекли, быть можетъ, еще больше вниманіе дикаря, въ особенности одна—высокая, полная женщина, которую испанцы называли «Донья Каталина». Было замѣтно, что Гваканегари говорилъ съ ней охотнѣе, чѣмъ съ другими.

Патеръ Бойль увѣрялъ адмирала, что подвергнуть вѣроломнаго кацика, — какъ патеръ продолжалъ называть дикаря, — такому же аресту; подъ какимъ находилась Каталина, было бы для него чрезчуръ хорошо, но адмиралъ не рѣшился сдѣлать это. Однако-же, отъ прежняго взаимнаго довѣрія, какимъ отличались отношенія адмирала и начальника дикарей въ продолженіе тяжелыхъ дней крушенія годъ тому назадъ, не осталось почти и слѣда. Когда адмиралъ предложилъ повѣсить на шею своему гостю крестъ и кацiku объяснили тутъ-же, что это эмблема христіанской вѣры, то онъ отступилъ въ ужасъ, — онъ слишкомъ хорошо ознакомился съ характеромъ этой вѣры нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. На этомъ они разстались и кацика высадили на берегъ. Кома, повидимому, соединяетъ обстоятельства этого свиданія на кораблѣ съ тѣмъ, что произошло на берегу.

Тутъ слѣдуетъ рассказъ о пронырливости и волокитствѣ индійцевъ. На слѣдующій день явился посланный узнать, когда адмиралъ уходитъ, а затѣмъ другой — обмѣнять золото на европейскія диковинки. Послѣдній о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ женщинами, главнымъ же образомъ съ Каталиной. Около полуночи на берегу показались сигнальные огни. Каталина и ея подруги бросились съ корабля въ море и поплыли къ берегу. На кораблѣ все спали, кромѣ вахты, но когда послѣдняя замѣтила побѣгъ, то уже нельзя было ему помѣшать. Бросились въ погоню на лодкахъ, но бѣглымъ удалось уже выйти на

*Донья
Каталина.*

*Кацикъ и
Каталина.*

берегъ. Правда, четыре изъ нихъ были пойманы, но Каталина и другія успѣли скрыться.

Когда на слѣдующее утро Колумбъ послалъ узнать, куда дѣвались бѣглецы, то оказалось, что Гваканегари со всѣмъ своимъ скрабомъ ушелъ внутрь страны. Писторія эта получила надлежащее добавленіе въ подозрительныхъ умахъ испанцевъ, а именно, что убѣжавшая красавица ушла вмѣстѣ съ кацикомъ. Тутъ оказался только новый примѣръ вѣроломства дикарей.

Уже до этого Колумбъ рѣшилъ, что окрестности его злополучнаго форта были неподходящими мѣстами для города, который онъ намѣревался построить. Почва была низменная, сырая, нездоровая. Тутъ не было по близости камня. Надобно было поторопиться рѣшеніемъ. Люди его утомились отъ замкнутой жизни на кораблѣ. Лошади и другія животныя страдали отъ подобнаго же заключенія. Колумбъ отрядилъ небольшія экспедиціи для изслѣдованія берега, и скоро выяснилось, что имъ надо пройти за предѣлы владѣній Гваканегари, если только они найдутъ требуемыя условія. Мельхиоръ Мальдонадо, командовавшій одной такой экспедиціей, отправился на востокъ и приплылъ къ странѣ другого кацика. Послѣдній сперва отнесся къ испанцамъ недружелюбно, но затѣмъ они сумѣли расположить его къ себѣ дружескими знаками. Отъ него они узнали, что Гваканегари ушелъ въ горы. Отъ другого они слышали разсказъ объ избіеніи гарнизона, почти во всемъ сходный съ тѣмъ, что имъ уже было извѣстно.

Ни одна изъ этихъ экспедицій не дала удовлетворительныхъ результатовъ и 7 декабря весь флотъ поднялъ якорь, чтобы идти далѣе къ востоку. Бурная погода заставила ихъ зайти въ гавань; они осмотрѣли ее и нашли удобной для основанія въ ней города. Рейдъ былъ обширный. Высокая скала представляла прекрасное мѣсто для цитадели. Тутъ же протекали двѣ рѣки, извиваясь близко одна отъ другой, по очаровательной мѣстности; на нихъ можно было устроить мельницы. Природа здѣсь была богатая и привлекательная. И цвѣтовъ, и плодовъ было въ изобиліи. «Садовые сѣмена взойшли спустя пять дней послѣ посѣва,—говоритъ Кома, описывая качества здѣшней почвы,—и сады вскорѣ одѣлись зеленью; веходы дали массу луку, тыквы, редисокъ и свеклы». «Овощи,—писалъ докторъ Чанка,—здѣсь въ восемь дней достигаютъ болѣе сильнаго роста, чѣмъ въ Испаніи въ двадцать». Узнали также, что золотыя розсыпи Цибао находились внутри страны, недалеко отъ этого мѣста.

Испанцы принялись разгружать корабли. Послѣдовалъ рядъ дней, полныхъ дѣятельнаго труда. Лошади, рогатый скотъ, съѣстные припасы, военные запасы, разнообразные товары были центромъ, вокругъ котораго кипѣла жизнь этого лагеря. Онъ расположился неподалеку отъ широкой рѣки. Со всѣхъ сторонъ видѣлись оживленныя группы

*Колумбъ
покидаетъ
фортъ
Рождества.*

*Изабелла
основана.*

*Золотыя
розсыпи
Цибао*

ремесленниковъ, пастуховъ, рыцарей, патеровъ, земледѣльцевъ и чиновниковъ.

Въ послѣдующіе годы испанцы установили всѣ формальности и точно распредѣлили порядокъ распланировки городовъ въ Новомъ Свѣтѣ, но у Колумба не имѣлось подобныхъ указаній. Учрежденіе колоніи было дѣломъ новымъ и совершалось впервые. Вполнѣ понятна также идея Колумба увѣковѣчить въ новомъ христіанскомъ городѣ имя высокой покровительницы его предпріятія, поэтому колонія съ самаго начала была названа Изабеллой. Инженеры его разбили скверъ и улицы. Было отведено мѣсто для церкви, другое мѣсто для городского склада, еще мѣсто для дома адмирала — все изъ камня. Развалины этихъ трехъ сооружений — самые яркіе памятники прошлаго среди настоящей заброшенности этой пустыни. Спѣшили какъ можно скорѣе отстроить всю массу домовъ, которые тянулись вдоль улицъ, позади общественнаго сквера, гдѣ стояло главное зданіе города, чтобы дать колоніи удобное помѣщеніе. Было достаточно времени, чтобы впослѣдствіи замѣнить эти постройки болѣе капитальными. Нѣсколько рабочихъ партій были заняты расчисткою полей и выгоновъ, устройствомъ огородовъ. Берегъ укрѣпляли дамбами и плотинами. Соревнованіе заставляло каждого усиленно работать. Естественныя послѣдствія сближенія столь разнородныхъ элементовъ не заставили себя долго ждать. Тѣ, кому такая тяжелая работа была не привычна, не вынесли и пали жертвами своихъ усилій. Пекатели наслажденій, не находя ихъ въ общей сутолокѣ, бросились въ разгулъ очертя голову. Починъ испаренія маленькаго озера, которое казалось та- *Болезнь въ колоніи.* кимъ привлекательнымъ неопытнымъ колонистамъ, скорѣе сдѣлались для нихъ источниками болѣзни. Почти никто изъ нихъ не устоялъ противъ предательской малярии. Неудобство и непріятности повели къ унынію, и душевное мужество, столь необходимое при тяжелыхъ обстоятельствахъ, оставило ихъ. Болѣзнь еще болѣе усилилась отъ мнительности. Скоро колонія обратилась въ больничное поселеніе, такъ какъ около половины переселенцевъ стали неспособными къ работѣ. Какъ разъ въ это время всеобщаго *Болезнь Колумба.* унынія болѣзнь сразила самого Колумба, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ былъ не въ состояніи управлять затруднительнымъ ходомъ дѣла, за исключеніемъ тѣхъ промежутковъ, когда лихорадка оставляла его.

Но съ теченіемъ времени въ колоніи произошло видимое улучшеніе. Работа переселенцевъ пошла живѣе. Корабли разгрузились и стояли въ ожиданіи обратнаго путешествія.

Колумбъ рассчитывалъ, что его маленькая колонія, оставленная въ фортѣ Рождества, соберетъ много золота и другихъ цѣнныхъ продуктовъ, которыми онъ нагрузитъ свои суда на возвратномъ пути. Онъ хорошо понималъ, какое произойдетъ разочарованіе, если онъ не привезетъ въ Испанію ничего другого, кромѣ жалкаго разсказа о ги-

бели форта. Эта неудача и невзгода лежали тяжелымъ бременемъ на его душѣ. Ему ничего другого не оставалось, какъ отыскать розсыпи Цибао, въ надеждѣ, что эта попытка будетъ удачнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, золото приносили въ поселеніе, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что имъ нельзя было осуществить роскошныхъ мечтаній о богатствахъ Востока, которыя Испанія уже привыкла считать своими.

*Колумбъ
посылаетъ
Охеда на
поиски за
розсыпями
Цибао.*

И такъ снарядили экспедицію въ Цибао подъ начальствомъ Охеды. Ему дали только пятнадцать человѣкъ, но всѣ они были отлично вооружены и отважны. Они знали, что имъ предстоитъ борьба съ опасностями, такъ какъ имъ надо было овладѣть областью Каонабо, истребителя форта Рождества.

Экспедиція тронулась въ путь въ первыхъ числахъ января 1494 г., быть можетъ, какъ разъ вслѣдъ за первой торжественной мессой, которую отслужили 6 января во временной капеллѣ. Въ теченіе первыхъ двухъ дней удалыцы подвигались медленно, дорога была тяжелая, черезъ непроходимые лѣса, гдѣ не было признаковъ человѣческой жизни, такъ какъ дикіе обитатели этой страны ушли подальше отъ испанцевъ. На вторую ночь Охеда со своими молодцами расположился лагеремъ на вершинѣ горы, а когда взошло солнце, передъ ними открылась, по ту сторону ея, широкая долина, вся усыпанная деревьями. Они смѣло спустились въ долину и были встрѣчены ея обитателями очень гостепріимно. Путь ихъ лежалъ по направленію противоположнаго склона долины. Они шли все дальше и дальше, не встрѣчая никакой помѣхи на пути. Суровые обитатели горъ оказались такими же дружелюбными, какъ и жители долины. Здѣсь никто ничего не зналъ о великомъ Каонабо. Всѣ рѣки, черезъ которыя имъ надо было проходить, сверкали золотымъ пескомъ. Туземцы умѣли практически отдѣлывать золото, и испанцы ласкали ихъ, чтобы выманить у нихъ ихъ знаніе. Случайно нашли самородное

*1494 г.
январь.
Первая
месса.*

*Золото
найдено.*

золото. Охеда взялъ съ собою кусокъ этого металла вѣсомъ въ десять унцій, и Петеръ Мартиръ восхищался этимъ кускомъ золота, словно чудомъ, когда онъ былъ доставленъ въ Испанію. Если все это золото находилось на поверхности земли, то какъ велики должны быть богатства, сокрытыя въ нѣдрахъ этихъ дивныхъ горъ? Наглядный отвѣтъ на этотъ вопросъ Охеда успѣшилъ дать Колумбу. Подобный же рассказъ испанцы слышали отъ молодого рыцаря, Горвалана, который былъ посланъ съ нѣсколькими удалыцами въ другую сторону. Все это послужило непостижимымъ сказочнымъ матеріаломъ для досуговыхъ языковъ и пылаго воображенія. Одинъ изъ такихъ необычайныхъ рассказовъ дошелъ до слуха Кобы и Сциллацію заставляетъ его сказать, что «самое удивительное изъ всего этого то (я бы устыдился писать вамъ объ этомъ, если бы не узналъ это изъ вполне достовѣрнаго источника), что когда скалу стали разбивать ломомъ, то изъ нея посыпалась масса золота

*Экспедиція
Горвалана.*

и золотыя крупинки неописуемаго блеска освѣтили все это пространство, Охеда упалъ, какъ пришибленный, отъ этого взрыва». Подобныя небылицы подготовили реакцію, охватившую впослѣдствіи Испанію.

Теперь у Колумба явилось мужество извѣстить своихъ государей о ходѣ дѣлъ и онъ принялся за письмо. Последнее дошло до насъ въ коллекціи документовъ, изданной Наварретомъ Колумбъ пишетъ къ испанскимъ государямъ. точь въ точь въ томъ видѣ, какъ оно было получено и прочитано королемъ и королевой, которые на поляхъ этого письма собственноручно сдѣлали замѣтки и указанія. Колумбъ сперва упоминаетъ о письмѣ уже написанномъ къ ихъ величествамъ и о другихъ письмахъ, отправленныхъ имъ на имя патера Бойля и казначей; но объ этихъ письмахъ намъ ничего неизвѣстно. Затѣмъ, говоря объ экспедиціяхъ Охеды и Горвалана, онъ проситъ своихъ государей убѣдиться самимъ, разспросивъ Горвалана, который возвращается въ Испанію, какъ велики ихъ надежды на добычу золота. Онъ предлагаетъ ихъ величествамъ воздать благодареніе Господу за все это. Король и королева написали на поляхъ письма: «Ихъ величества благодарятъ Господа!» Затѣмъ онъ распространяется о своихъ затрудненіяхъ вслѣдствіе болѣзни своихъ людей — «большей части изъ нихъ», прибавляетъ онъ, — и говоритъ, что индійцы совсѣмъ освоились съ испанцами, бродятъ днемъ и ночью вокругъ поселенія, такъ что за ними нуженъ постоянный надзоръ. Онъ извиняетъ и приводитъ причины, почему не сдѣлалъ того-то и того, а снисходительные монархи нишутъ противъ его строкъ: «Онъ поступилъ хорошо». Колумбъ говоритъ, что занятъ возведеніемъ каменнаго бастіона на случай защиты поселенія, а когда онъ будетъ оконченъ, займется добычей золота. «Такъ и слѣдовало сдѣлать», соглашаются съ нимъ монархи. Далѣе онъ проситъ, чтобы ему прислали свѣжаго провіанту и рассказываетъ, сколько и что они посяли. «Фонсекъ приказано отправить еще сѣмянъ», — отмѣчено на поляхъ письма. Онъ жалуется, что бочки съ виномъ были закупорены плохо въ Севильѣ, а потому все вино вытекло, такъ что они терпятъ въ винѣ большую нужду. Онъ убѣдительно проситъ прислать поселенію телятъ, телокъ, ословъ, рабочихъ лошадей; и проситъ непременно прислать эти запасы въ Изабеллу не позже мая, чтобы поднять упавшій духъ колоніи, особенно же не забыть прислать лекарства, такъ какъ у него всѣ они вышли. Затѣмъ онъ упоминаетъ о каннибалахъ, которыхъ думаетъ отослать обратно на родину, но тутъ же спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли ихъ научить истинной вѣрѣ и испанскому языку. «Его намѣренія хороши», — слѣдуетъ королевская замѣтка.

Тутъ слѣдуетъ существенная часть его посланія. Намъ нуженъ скотъ, говоритъ онъ. За него можно уплачивать карибскими невольниками. Пусть ежегодно суда ведутъ эту торговлю. Не трудно будетъ захватывать массами этихъ дикарей на шлюпки, которыя онъ строитъ. Этотъ ввозъ невольниковъ Колумбъ предлагаетъ торговлю невольниками.

можно будетъ обложить пошлинами. Онъ просилъ настоятельно отвѣта на этотъ пунктъ своего письма. Монархи увидали, что этотъ шагъ велъ къ роковымъ послѣдствіямъ, поэтому они на поляхъ отложили рѣшеніе по этому вопросу, прося адмирала развить свои идеи. «Никогда никѣмъ не было выражено болѣе опредѣленнаго предложенія установить торговлю невольниками», высказывается по этому поводу одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, Гельпсъ. Далѣе Колумбъ прибавляетъ, что купилъ для своей колоніи нѣсколько судовъ изъ числа тѣхъ, на которыхъ они пришли сюда, и что суда эти останутся въ Пзабеллѣ и будутъ служить ему для дальнѣйшихъ открытій. Въ замѣткѣ сказано, что Фонсека уплатить стоимость судовъ ихъ хозяевамъ. Затѣмъ онъ даетъ понять, что слѣдуетъ дѣлать болѣе строгій выборъ должностныхъ лицъ, которые назначаются на службу въ колонію, такъ какъ предпріятіе уже пострадало вслѣдствіе неспособности многихъ. Монархи обѣщаютъ загладить свои ошибки. Онъ жалуется на кавалеристовъ Гренады, которые сами напросились въ экспедицію со своими великолѣпными лошадьми, а нынѣ обмѣняли этихъ лошадей на плохихъ ради своей личной выгоды. Онъ говоритъ, что пѣхотинцы дѣлали то же самое, чтобы набить свои карманы.

И такъ, помѣтивъ это посланіе 30 января 1494 года, человекъ, стремившійся стать первымъ торговцемъ живымъ товаромъ въ Новомъ Свѣтѣ, отложилъ перо въ сторону, вознося хвалу Господу Богу. Бѣдныя существа, бродившія тамъ и сямъ вокругъ испанскихъ хижинокъ, не замедлили сдѣлать свои собственные умозаключенія, которыя отличались не меньшей проницательностью, какъ и умозаключенія царственныхъ повелителей адмирала. Показывая кусокъ золота, туземцы стали говорить, — и Колумбъ самъ преподавалъ первый урокъ подобной философіи, — «Смотри, вотъ христіанскій богъ!» Бенцони, первый путешественникъ, смотрѣвшій на нихъ безпристрастно, достаточно смѣлый, чтобы не утаивать исторической правды, слышалъ, какъ они это говорили.

Поручивъ свое посланіе Антонио де-Торресу, котораго онъ поставилъ во главѣ двѣнадцати кораблей, возвращавшихся въ Испанію, Колумбъ проводилъ эту флотилію 2 февраля 1494 года. До насъ дошли еще два другихъ отчета о результатахъ второго путешествія Колумба; отчеты эти написаны въ это же время и, повидимому, были отправлены съ однимъ изъ отбѣжавшихъ. Одинъ изъ этихъ рассказовъ принадлежитъ доктору Чанкѣ, врачу колоніи, о которомъ Колумбъ въ своей памятной запискѣ къ монархамъ выражается съ большою похвалою, какъ о человекѣ, оказавшемъ серьезныя услуги колоніи и принесшемъ ради нея въ жертву болѣе значительныя выгоды, которыми онъ пользовался въ Севильѣ. Чанка послалъ свой рассказъ соборному капитулу Севильи. Ученые полагаютъ, что оригиналъ рукописи затерянъ; Навар-

1494 г.
30 январ.
Подписываетъ
свое письмо.

Золото—
христіанскій
богъ!

1494 г.
2 февраля.
Флотъ воз-
вращается
изъ Испанію.

Рассказъ
Чанки.

реть же пользовался копіей изъ коллекціи, собранной отцомъ Антоніо де-Аспа, монахомъ Маорадской обители, куда, какъ извѣстно, Колумбъ отдалъ на храненіе многіе изъ своихъ документовъ. Маіоръ перевелъ разсказъ Чанки на англійскій языкъ въ своемъ сборникѣ «Select Letters of Columbus». Переводъ Маіора вставленъ также въ англійскій переводъ другого отчета о второмъ путешествіи Колумба, сдѣланный покойнымъ Джемсомъ Леноксомъ въ 1859 году.

Въ этотъ послѣдній документъ вкралась курьезная погрѣшность — тамъ сказано, будто бы Колумбъ прошелъ въ эти новыя области по африканскому пути португальцевъ; недоразумѣніе это произошло несомнѣнно вслѣдствіе того, что италіанскій переводчикъ, Николай Сциллаціо, былъ недостаточно знакомъ съ географическими открытіями того времени. Испанецъ Гульельмо Кома писалъ, повидимому, Разсказъ
Комы. объ этихъ открытіяхъ въ письмахъ, и подробности передавались имъ очевидно со словъ чловѣка, который лично все это видѣлъ; Сциллаціо перевелъ эти письма на латинскій языкъ и издалъ ихъ въ Павіи, а, можетъ быть, и въ Пизѣ. Эта маленькая книжечка — библіографическая рѣдкость; Леноксъ, разбирая предположеніе Ронкини, что это изданіе, по всей вѣроятности, было уничтожено вслѣдствіе ошибокъ, которыя вкралась въ него благодаря редакціи Сциллаціо, обращаетъ вниманіе читателя на тотъ фактъ, что едва-ли это изданіе встрѣчается рѣже многихъ другихъ описаній путешествія Колумба, относящихся къ тому же времени, утрата которыхъ, однако, не обусловливается такою причиною.

Мы находимъ также нѣкоторые свѣдѣнія о дѣлахъ колоніи въ письмахъ одного флорентинскаго купца, Симоне Верде, которому Письма
Верде. свѣдѣнія эти были сообщены самимъ Торресомъ. Письма эти были найдены недавно (1875 г.) въ архивѣ Флоренціи и позднѣе съ ними ближе познакомилъ насъ Гарриссъ.

Глава XIII.

Второе путешествіе (продолженіе).

1494 г.

Съ уходомъ флота обнаружилась, наконецъ, угрожающая крамола со стороны тѣхъ, кому срокъ службы помѣшалъ отплыть въ Испанію. Эта организація недовольныхъ явилась естественнымъ результатомъ подавляющаго сознанія несбыточности тѣхъ мечтаній о благоденствіи и богатствѣ, которыя поддерживали ихъ, когда они рѣшились поки-

*Жизнь во
Изабеллѣ.*

нуть родину. Жизнь въ Изабеллѣ заставила многихъ изъ нихъ убѣдиться путемъ горькаго опыта въ отсутствіи тѣхъ благъ и удобствъ, на какія они разсчитывали. Несостоятельность учрежденія, которое въ наше время извѣстно подъ именемъ интендантства, въ тѣ времена была обычнымъ явленіемъ. Даже въ нашъ вѣкъ, обладающій большою опытностью въ дѣлѣ снаряженія великихъ экспедицій, нерѣдко судьба такихъ предпріятій подвергается тяжелому риску, вслѣдствіе плутовства подрядчиковъ. Ихъ мошенническіе приемы не новость. Фонсека не отличался большою осторожностью, а Колумбъ не былъ слишкомъ взыскателемъ, чтобы помѣшать подобнымъ продѣлкамъ поставщиковъ въ Севильѣ, которые въ своемъ дѣлѣ были такіе же ловкачи, какъ нынѣшніе подрядчики въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. Барышничество, при отсутствіи честности и распорядительности приѣмщиковъ, неизбежно повлекло за собою бѣдствіе и страданіе, вслѣдствіе того, что принасы испортились и стали негодны къ употребленію.

*Партія мя-
тежниковъ.*

Партія недовольныхъ постаралась извлечь выгоду изъ такого положенія дѣла; во главѣ ея стояли два человѣка, которые, по своему офиціальному положенію, давали заговору твердую почву. Одинъ изъ нихъ, Берналь Діацъ де-Пиза, былъ контролеромъ колоніи и поэтому могъ просматривать отчеты адмирала. Говорятъ, что онъ еще раньше поставилъ себя во враждебныя отношенія къ власти, вздумавъ повѣрять нѣкоторыя дѣйствія адмирала. И вотъ теперь онъ принялся толковать всѣмъ и каждому, что адмиралъ обманомъ и неправдоподобными описаніями страны добивался вліянія въ Испаніи. Діацъ рисовалъ передъ своими слушателями картины, кото-

рыя были несравненно мрачнѣе дѣйствительности, потому что обманъ можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Ему помогали пробирщики колоній, Ферминъ Кадо, который съ видомъ знатока разсуждалъ о плохомъ качествѣ золота, о привычкѣ индійцевъ собирать этотъ металлъ у себя по домамъ, такъ что небольшое количество, отданное туземцами Колумбу, не составляло приращенія за одинъ день, а являлось результатомъ труда цѣлыхъ поколѣній. Вожаки заговора рѣшили между собой общими усиліями захватить оставшіеся корабли и вернуться въ Испанію. Мятежники рассчитывали оправдаться, взваливъ на адмирала рядъ обвиненій, и Берналь Діацъ уже успѣлъ составить ихъ списокъ. Однако, заговоръ этотъ былъ открытъ и Ихъ планы открыты первымъ шагомъ административной дѣятельности Колумба было подавленіе бунта. Берналь Діацъ былъ арестованъ на одномъ изъ кораблей и отправленъ въ Испанію для суда надъ нимъ. Другіе бунтовщики были также наказаны тѣмъ или инымъ способомъ. А чтобы на будущее время отнять у мятежниковъ всякіе шансы на успѣхъ, Колумбъ приказалъ сложить на одинъ изъ кораблей всю военную амуницію и всѣ военные орудія и принадлежности и поручилъ надзоръ за этимъ складомъ вполнѣ довѣренному лицу.

Быстрая расправа адмирала вызвала разсужденія о прерогативахъ его власти, и многіе, по меньшей мѣрѣ, сочли такой поступокъ неосторожнымъ съ его стороны. Событіе это подняло въ душѣ колонистовъ чувство страстнаго озлобленія противъ метительности и необдуманнаго усердія, какъ они характеризовали дѣйствія Колумба. Ко всему этому присоединилось сознаніе, что они должны выносить притѣсненія отъ чужеземца, который опуталъ ихъ сѣтями своего безграничнаго честолюбія.

Но вотъ Колумбъ рѣшилъ самъ отправиться во внутрь страны за изслѣдованіемъ златоносныхъ областей. На время своего отсутствія онъ передалъ свои полномочія брату своему Колумбъ отправляется на золотыя россыпи. Діего—такому же чужестранцу! Ласказасъ, описывая младшаго Колумба, называетъ его добродушнымъ, сдержаннымъ, ласковымъ въ обращеніи. Говоря, что Діего былъ въ высшей степени благочестивъ и набоженъ, Ласказасъ указываетъ на его неопытность и непрактичность въ торговыхъ дѣлахъ, что не спасло его отъ низкихъ надувательствъ ловкихъ мошенниковъ. Діего Колонъ.

12 марта Колумбъ двинулся въ путь. Онъ велъ съ собою армію изъ 400 хорошо вооруженныхъ солдатъ, включая сюда извѣстное число всадниковъ. Съ нимъ шли рабочіе, рудокопы, ремесленники и носильщики, нагруженные товарами всякаго рода 1494 г. 12 марта. и необходимыми запасами. За пекателями золота потянулась огромная толпа туземцевъ.

Шествіе Колумба имѣло вполнѣ воинственный видъ. Повсюду развѣивался знамена. Барабаны и трубы гремѣли. Латы и оружіе солдатъ сверкали на солнцѣ. Пройдя всю низменность, они подошли къ ущелью

горъ. Дороги не было, а только змѣилась извилистая тропинка вверхъ по скалѣ и черезъ непроходимый густой лѣсъ. Идти по такому пути было не подъ силу тяжело вооруженному войску. Нѣсколько молодыхъ всадниковъ бросились впередъ и, собравъ вокругъ себя дровосѣковъ и землекоповъ, проложили дорогу. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ прошла экспедиція Колумба, была проложена первая дорога въ Новомъ Свѣтѣ. Этотъ путь, проложенный уси-
Колумбъ пролагаетъ первую дорогу въ Новомъ Свѣтѣ.
 ліями смѣлыхъ всадниковъ, былъ названъ «El Puerto de los Hidalgos». Снова съ вершины горы открылся прелестный видъ роскошной долины, которая привела въ восхищеніе Охеду—цар-

Царская Долина.

ственно-богатой во всѣхъ отношеніяхъ и заслуживающей данное ей Колумбомъ названіе Вега Реаль (Царская Долина).

Здѣсь, на вершинѣ Санто-Церро, по преданію островитянъ, Колумбъ водрузилъ тотъ самый крестъ, который путешественникъ нашего времени можетъ увидѣть въ одной изъ боковыхъ часовенекъ соборной церкви въ Санто-Доминго. По свидѣтельству вѣрующихъ, крестъ этотъ произвелъ не мало чудесъ, стоя на горной вершинѣ, и во время землетрясенія былъ спасенъ также чудомъ. Де-Лоргъ не рѣ-
Колумбъ водружаетъ крестъ.
 шается считать этотъ водруженный Колумбомъ крестъ за тотъ, который нынѣ составляетъ священную арматуру собор-

ной церкви. Спустившись въ долину, маленькая армія и ея спутники привлекли вниманіе изумленныхъ аборигеновъ громомъ, звономъ и пышностью воинскихъ доспѣховъ. Восторженное удивленіе дикарей дошло до высшаго предѣла, когда испанцы заставили своихъ лошадей галопировать, проходя черезъ индійскія деревушки. Ласказъ говоритъ, что когда индійцы увидѣли въ первый разъ, какъ всадникъ сошелъ съ лошади, то имъ показалось, что одно и тоже существо раздѣлилось на двѣ части. Сначала индійцы робѣли, но при видѣ бездѣлушекъ стали смѣлѣе и забавлялись ими черезъ переводчиковъ. Такимъ образомъ постепенно испанцы снискали ихъ расположеніе; индійцы за ихъ ласку кормили и поили ихъ, оказывая имъ при этомъ много другихъ услугъ. Армія приблизилась къ большой рѣкѣ, которую Колумбъ назвалъ Камышевой рѣкой. Это была та самая рѣка, которую онъ видѣлъ ранѣе только у ея устья, при впаденіи ея въ море, и назвалъ Рѣкою Золота, потому что въ пескѣ ея нашелъ крупинки этого металла. Здѣсь Колумбъ расположился лагеремъ. Солдаты выкупались въ рѣкѣ. Если вѣрить ихъ рассказамъ, повтореннымъ съ ихъ словъ, все здѣсь казалось имъ земнымъ раемъ. Пейзажъ, который они увидали, былъ совсѣмъ не похожъ на описаніе Берналя Діаца, если только когда-нибудь описаніе это достигло до слуха севильскаго двора.

Рѣка была очень широка и глубока; перейти ее въ бродъ было невозможно и пришлось сдѣлать паромы, на которые помѣстили все, кромѣ лошадей. Послѣднія переправились вплавъ. Затѣмъ перешло рѣку войско и тутъ, наконецъ, очутилось передъ крутыми склонами горъ Цибано. Солдаты съ трудомъ, медленно

Горы Цибано.

взбирались по ущелью. Землекопы сдѣлали все, что могли, чтобы хотя немного укатать дорогу, но тѣмъ не менѣе восхожденіе было утомительно. По временамъ они оглядывались назадъ на роскошную долину, которую покидали за собою, а затѣмъ видѣніе исчезало и передъ ними открывалось широкое необозримое пространство. По описанію Ласказаса, оно имѣло восемьдесятъ лигъ въ одномъ направленіи и двадцать или тридцать—въ другомъ.

Позади они оставляли мѣстность чудной красоты; впереди высились безплодные вершины, тощія ели да скалистые бездны. Они отошли отъ Пзабеллы на восемнадцать лигъ, и такъ какъ Колумбу вообразилось, что тутъ должны быть золото, амбра, лазуревый камень, мѣдъ и, Богъ вѣсть, еще какія сокровища, то онъ задумалъ, не пидя дальше, возвести тутъ укрѣпленіе. Онъ осмотрѣлся хорошенько кругомъ и облюбовалъ у подножія одного изъ склоновъ этой гористой мѣстности плодородную равнину, по которой протекала рѣка, журча по яшмовому и мраморному ложу; посреди находился небольшой холмъ, который укрѣпить было не трудно, такъ какъ рѣка окружала его почти отовсюду словно естественнымъ каналомъ. Здѣсь онъ и построилъ свой фортъ. Новѣйшіе путешественники раз- Фортъ
Св. Фомы.сказываютъ, что на этомъ мѣстѣ нынѣ растутъ роскошныя купы дерезьевъ. По его мнѣнію, крѣпость эта была такъ близко отъ золота, что каждый могъ увидѣть его своими глазами и ощупать своими руками; поэтому, по словамъ Ласказаса, онъ назвалъ этотъ фортъ именемъ Св. Фомы.

Индійцы уже научились распознавать «бога христіанъ». Они добывали кусочки золотого божества въ рѣкахъ. Они смиренно подносили этого идола его воинственному народу. Бѣдные аборигены, съ своей стороны, предпочитали колокольчики и бубенчики, и такимъ образомъ были положены основы торговли между бѣлыми и индійцами. Этимъ способомъ Колумбъ добылъ нѣкоторое количество золота; но еще болѣе онъ слышался разсказовъ о другихъ мѣстахъ, относительно которыхъ туземцы давали неопредѣленные указанія. Тамъ-то было самородное золото, передъ которымъ всѣ эти кусочки его показались бы ничтожными крохами. Колумбъ началъ удивляться, почему это ему не удастся напасть на лучшія мѣста.

Очень скоро испанцы хорошо ознакомились съ мѣстностью. Хуанъ де-Луксанъ, посланный Колумбомъ съ частью людей для Осмотръ
страны.развѣдокъ, возвратившись, заявилъ, что эта гористая страна въ верхней части своей безводна, за то здѣсь много прелестныхъ долинъ, много земли, годной для обработки подъ пашню, и чудесныя пастбища для скота. Всѣ эти свѣдѣнія ободрили солдатъ и они съ большимъ усердіемъ принялись за постройку цитадели Св. Фомы, которая и была скоро окончена. Оставивъ здѣсь Колумбъ
возвращается
въ Пзабеллу.пятьдесятъ шесть человѣкъ подъ командою Недро Маргарита, Колумбъ отправился обратно въ Пзабеллу.

Вступая въ долину, адмиралъ встрѣтилъ обозъ съ провіантомъ, шедшій къ форту Св. Томы; такъ какъ далѣе обозу приходилось переходить рѣку и встрѣчались другія препятствія, то Колумбъ остановился, чтобы дать обозу необходимыя указанія, какъ дойти до мѣста назначенія. Это обстоятельство повело къ сношеніямъ съ деревнями, разбросанными въ долині, и онъ познакомился ближе съ народомъ, среди котораго приходилось жить его колонистамъ. Однако, онъ не сумѣлъ разглядѣть, что этотъ обыкновенно миролюбивый народъ обладалъ большимъ запасомъ мужества и рѣшительности и что неблагоприятно было раздражать его, вызывая въ немъ мстительность. Онъ узналъ также, что у народа этого была религія, быть можетъ, внушавшая ему тѣ добродѣтели, существованія которыхъ Колумбъ и не подозрѣвалъ въ своей, и что народъ этотъ ревниво охранялъ своихъ идоловъ. Онъ узналъ, что индійцы были хорошо знакомы съ лекарственными свойствами своихъ травъ и деревьевъ. У нихъ существовали мистическія представленія насчетъ мѣстностей; они считали солнце и луну созданиями своего острова, которыя вырвались на свѣтъ Божій изъ одной пещеры; родъ человѣческій, по ихъ понятіямъ, выскочилъ изъ расщелинъ въ скалахъ. Щедрая природа, не требовавшая заботъ и попеченій о завтрашнемъ днѣ, развила въ нихъ любовь къ гостепріимству. Колумбъ повсюду встрѣчалъ у туземцевъ хорошій пріемъ, пока самъ онъ и его люди не стали злоупотреблять своимъ привилегированнымъ положеніемъ.

29 марта Колумбъ вернулся въ Пизабеллу; январскіе поѣзды уже дали плоды, и колонія, по крайней мѣрѣ, сулила хорошій сборъ земледѣльческихъ продуктовъ съ тѣхъ небольшихъ пространствъ, которыя уже были обращены въ поля и огороды. За то извѣстія изъ новаго форта въ горахъ, только что принесенныя гонцомъ, не были такъ утѣшительны; повидимому, и форту Св. Томы угрожала участь форта Рождества. Произволъ и чрезмѣрная требовательность гарнизона возмутили туземцевъ, и въ своемъ посланіи Педро Маргаритъ высказывалъ опасеніе, какъ бы Каонабо не вздумалъ напасть на ихъ постъ, собравъ дикарей, раздраженныхъ до крайности несправедливостями испанцевъ. Колумбъ отправилъ форту небольшое подкрѣпленіе и отрядилъ часть войска для расчищенія дороги, чтобы облегчить сообщеніе для будущихъ операцій.

Болѣе неотложнаго вниманія требовало положеніе обитателей Пизабеллы. Перемежающаяся лихорадка и другія болѣзни, вслѣдствіе испареній нововспаханной земли, производили страшныя опустошенія въ колоніи. Это замедляло дѣло построекъ. Больные отрывали здоровыхъ отъ дѣятельнаго труда, либо оставались безъ всякаго надзора и помощи. Вслѣдствіе сырости и непредусмотрительной расточительности запасы провизіи до такой степени истощились, что понадобилось употреблять въ пищу даже испорченный про-

*Туземцы
долины.*

*1494 г.
29 марта
Колумбъ въ
Пизабеллу.*

*Положеніе
города.*

віантъ. Въ предупрежденіе грозившаго имъ голода общественныя работы были приостановлены. Колонисты принялись молотъ муку на мельницѣ. Несчастье сравняло ихъ всѣхъ, — рыцарь и патерь принуждены были одинаково нести общественную службу. Адмиралу пришлось по необходимости прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, потому что даже такая осязательная нужда не мѣшала равнодушнымъ уклоняться отъ долга, а патеру и гидальго кичливо предъявлять свои права на привилегированное положеніе, лишь бы увильнуть отъ работы. Всякая новая жертва озлобляла гордый духъ испанцевъ и низменность труда оскорбляла и приводила ихъ въ отчаяніе, такъ что скоро ряды благородныхъ гидальго сильно порѣдѣли. Умирающіе проклинали призраки, которыми ихъ заманили въ Новый Свѣтъ, и называли себя жертвами жадности и обмана ненавистнаго иноземца.

Безпечность роковымъ образомъ повела бы колонію къ гибельному концу. Неустанное движеніе впередъ, какого бы то ни было рода, было единственнымъ спасеніемъ при этихъ условіяхъ. Дѣятельный умъ адмирала придумалъ отвлечь вниманіе колонистовъ въ другую сторону, — предприняли дальнѣйшее изслѣдованіе края съ такимъ войскомъ, какое возможно было вооружить. Колумбъ собралъ маленькую армію, въ составъ которой вошли 250 человѣкъ вооруженныхъ самострѣлами, 100 человѣкъ — мушкетами, 16 всадниковъ съ коньями и 200 офицеровъ. Армія эта, подъ начальствомъ Охеда, была отправлена въ фортъ Св. Томы; Охеда становился командиромъ форта, а Маргариту приказано было вести экспедицію для изслѣдованія страны. У Наваррета мы находимъ инструкціи, полученные имъ отъ Колумба. Въ нихъ онъ предписывалъ испанцамъ осторожно обращаться съ туземцами, которые, однако, обязаны были доставлять имъ все необходимое по сходнымъ цѣнамъ. Особенно же онъ предупреждалъ испанцевъ, чтобы никто изъ нихъ не занимался частной торговлей, такъ какъ всѣ барышни отъ подобнаго объѣма принадлежали коронѣ; но Колумбъ ничего не могъ подѣлать съ упорствомъ колонистовъ, знавшихъ, что иноземный выскочка, подобный ему, дѣлилъ эти барышни съ короной. Маргариту было также приказано захватить силой или хитростью кацика Каонабо и его братьевъ.

*Колумбъ
отправляетъ
Охеда въ
фортъ Св.
Томы.*

Охеда, выступившій въ походъ 9 апрѣля, дойдя до Царской Долины, узналъ, что три испанца, возвращавшіеся изъ форта Св. Томы, были ограблены шайкой индійцевъ, подвластныхъ сосѣднему кацiku. Охеда поймалъ виновныхъ, отрѣзалъ одному изъ нихъ уши, затѣмъ взялъ въ плѣнъ самого кацика и нѣсколько человѣкъ изъ его семейства и отослалъ всѣхъ этихъ людей въ Изабеллу. Колумбъ тотчасъ же произнесъ судъ надъ виновными; но въ ту минуту, когда приговоръ его должны были привести въ исполненіе, онъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ другого кацика, рассчитывая удержать такимъ образомъ за собою репутацію милосердаго. Скоро затѣмъ явился другой всадникъ изъ крѣпости Св. Томы; всад-

*1494 г.
9 апрѣля.*

никъ этотъ по дорогѣ освободилъ одинъ, безъ посторонней помощи, благодаря ужасу, который лошадь его возбуждала въ индійцахъ, пятахъ испанцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ тѣмъ же племенемъ.

Такія легкія побѣды убѣдили Колумба, что съ помощью извѣстной осторожности можно управлять этимъ народомъ даже съ меньшей вооруженной силой. Памятуя о тѣхъ опасеніяхъ, какія Португалія внушала испанскому двору, когда онъ покидалъ Севилью, Колумбъ стремился еще разъ болѣе тщательно осмотрѣть Кубу, которая, по его предположенію, была частью сосѣдняго Китая. Поэтому онъ передалъ свои полномочія юнтѣ, а самъ приготовился отправиться въ экспедицію моремъ. Во время его отсутствія во главѣ правленія оставался братъ его, Діего, а при немъ онъ назначилъ совѣтниками патера Бойля, Педро Фернандеса Коронеля, Алонзо Санхеца Карвахала и Хуана де-Луксана. Колумбъ взялъ съ собою три самыя маленькія судна изъ своего флота, которые были предназначены для подобныхъ экспедицій, оставивъ два большія судна въ Пзабеллѣ.

Діего и юнта.

24 апрѣля Колумбъ вышелъ изъ гавани и отправился на западъ. Онъ остановился у стараго форта Рождества, и увидалъ, что Гваканнагари избѣгалъ его, но у него не было времени доискиваться причины этого. 29 апрѣля онъ оставилъ Эспаньолу далеко позади, а самъ поспѣшилъ къ берегамъ Кубы. Слѣдуя по южной сторонѣ этого острова, онъ въ первый разъ бросилъ якорь въ гавани, гдѣ жители устроили туземный пиръ; но какъ только испанцы высадились на берегъ, туземцы разбѣжались, а полуголодные испанцы съѣли оставленные кушанья. Переводчику лукайцу, котораго Колумбъ взялъ съ собою въ экспедицію, удалось убѣдить единственнаго индійца, болѣе смѣлаго, чѣмъ остальные, подойти къ испанцамъ; этотъ житель Кубы, услышавъ отъ своего соплеменника, что у испанцевъ не было враждебныхъ намѣреній, пошелъ передать объ этомъ другимъ; немного спустя вокругъ Колумба собралась большая толпа. Онъ приказалъ заплатить имъ за съѣденное кушанье и затѣмъ распрощался съ изумленнымъ народомъ.

1494 г. 24 апрѣля Колумбъ плыветъ къ Кубу.

1 мая онъ поднялъ якорь и снова пошелъ на западъ, не удаляясь отъ берега. Страна становилась болѣе населенной. Вѣсть о его любезномъ обхожденіи уже облетѣла весь берегъ, такъ что туземцы охотно снабжали его экипажъ свѣжими фруктами. Пироги постоянно выходили на встрѣчу кораблямъ Колумба. Затѣмъ онъ бросилъ якорь въ той гавани, которая нынѣ называется Сантъ-Яго де-Куба; тутъ онъ встрѣтилъ тоже радушіе и роздалъ туземцамъ взамѣнъ обычныя бездѣлушки.

1494 г. 1 мая. Вдоль берега Кубы.

Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, туземцы сказали лукайцу, что далѣе къ югу лежитъ большой островъ, откуда они получаютъ золото. Эти слухи слишкомъ часто повторялись, чтобы не внушить къ себѣ довѣрія, поэтому, 3 мая, Колумбъ смѣло отошелъ отъ берега и сталъ держать курсъ прямо на югъ.

1494 г. 3 мая. Идетъ по направлению къ Ямаикѣ.

Очень скоро тонкія синія очертанія обрисовались на горизонтѣ. Очертанія эти постепенно сгущались и, наконецъ, выдѣлились въ формѣ горныхъ вершинъ. Черезъ два дня корабли подошли довольно близко къ этимъ громадамъ; тутъ испанцы увидѣли передъ собою берегъ, сплошь усѣянный жилищами. Колумбъ присталъ вплотную къ землѣ. Туземная флотилія встрѣтила пришельцевъ сперва съ угрозами, но вскорѣ индійцы перешли къ дружелюбному настроенію, успокоенные ласковыми знаками испанцевъ. Однако, дѣло не обошлось такъ просто въ гавани, гдѣ на слѣдующій день онъ намѣревался остановиться, чтобы поправить одинъ изъ своихъ кораблей, въ которомъ оказалась течь. Здѣсь на берегу кишѣла толпа татуированныхъ людей, и нѣсколько пироговъ съ воинами въ перьяхъ приблизились, имѣя намѣреніе помѣшать испанцамъ высадиться на берегъ. Они швыряли въ нихъ дротиками, но безъ успѣха, и оглашали воздухъ дикими криками и гиканьемъ. Тогда Колумбъ спустил свои лодки къ берегу, такъ какъ его корабли не могли подойти такъ близко; подъ прикрытіемъ выстрѣловъ изъ бомбардъ часть экипажа высадилась и самострѣлами обратила индійцевъ въ бѣгство. Бернальдецъ рассказываетъ, что на дикарей была выпущена собака и это первое упоминаніе о травлѣ индійцевъ собаками, которую испанцы впоследствии обратили въ такое жестокое средство борьбы съ туземцами. Колумбъ высадился на берегъ и занялъ этотъ островъ, назвавъ его Сантъ-Яго, но имя это не вытѣснило туземнаго названія «Ямайка». Урокъ, данный испанцами туземцамъ, оказалъ свое дѣйствіе, и на слѣдующій день кацикъ этой области прислалъ своихъ пословъ съ предложеніемъ дружбы, которое было тотчасъ же принято. Въ теченіе трехъ дней стороны обмѣнивались выраженіями дружества и обычными подарками. Но испанцы замѣтили рѣзкое различіе въ характерѣ этого новаго народа. Ямайцы были гораздо воинственнѣе и болѣе искусными моряками, чѣмъ всѣ остальные индійскія племена, встрѣчавшіяся имъ съ тѣхъ поръ, какъ они покинули Карибскіе острова. Громадные стволы краснаго дерева служили для выдалбливанія самыхъ большихъ пироговъ. Колумбъ видѣлъ пирогу, имѣвшую 96 футовъ въ длину и восемь футовъ въ ширину. Народъ этотъ, кромѣ того, отличался такою веселостію, какой еще испанцы не наблюдали у другихъ индійцевъ; они были гораздо послушнѣе и обладали живымъ умомъ; Петеръ Мартиръ слышалъ отъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось говорить, что ямайцы почти во всѣхъ отношеніяхъ были отважнѣе и искуснѣе другихъ индійскихъ племенъ. Одежда, оружіе и утварь ихъ мало чѣмъ отличалась отъ подобныхъ же предметовъ у другихъ туземныхъ племенъ, но работа ихъ была лучше.

Снявшись съ якоря, Колумбъ снова сталъ держать курсъ къ западу, не встрѣчая болѣе сопротивленія со стороны туземцевъ. Последніе приходили отовсюду потроговать съ бѣлыми. Наконецъ, къ испан-

Туземцы на о. Ямайки.

Колумбъ выпускаетъ собаку на нихъ.

Сантъ-Яго или Ямайка.

Характеръ туземцевъ.

цамъ явился юноша и просилъ ихъ взять его съ собою; «Historie» повѣствуетъ, что, когда юноша прощался со своимъ роднымъ племенемъ, произошла тяжелая сцена, но онъ остался вѣренъ своему желанію, несмотря на всѣ ихъ усилія отговорить его. Колумба поразило мужество и довѣріе юноши, и онъ отдалъ приказъ своему экипажу особенно ласково обходиться съ этимъ мальчикомъ. Дальнѣйшая его судьба намъ совершенно неизвѣстна.

Дойдя до западной оконечности Ямайки и замѣтивъ, что вѣтеръ несетъ его прямо къ Кубѣ, онъ направилъ туда свой маленький флотъ и пошелъ на сѣверъ. 18 мая онъ снова очутился у береговъ этого острова. Населеніе вездѣ

Колумбъ возвращается къ Кубѣ.

1494 г.

18 мая.

встрѣчало его дружественно. Онъ услышалъ отъ здѣшнихъ жителей, что Куба островъ, только такой огромный, что имъ никогда не удавалось видѣть, гдѣ онъ кончается. Но это не разубѣдило Колумба въ его увѣренности, что Куба материкъ. И такъ онъ отправился къ западу, вполне увѣренный, что придетъ въ Китай; по крайней мѣрѣ, онъ рассчитывалъ на эту счастливую случайность. Вскорѣ онъ круто повернулъ къ видѣвшейся точкѣ и передъ нимъ открылся большой архипелагъ. Въ данную минуту онъ находился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мысъ де-ла-Круцъ съ южной стороны, а этотъ архипелагъ съ сѣверо-западной стороны замыкаетъ широкій заливъ. Острововъ было здѣсь такое множество, что, казалось, ихъ не перечесть и они выступали на морѣ зелеными пятнами. Колумбъ назвалъ

Сады Королевы.

этотъ архипелагъ Садами Королевы. Ему было легче идти, держась южной стороны и пройти мимо этихъ острововъ; но его взяло сомнѣніе, что это именно тѣ самые острова, которые, по свидѣтельству Марко Поло и Мандевилля, скучены вдоль береговъ Китая, поэтому онъ готовъ былъ, несмотря на опасность, зайти въ воды этого архипелага; онъ близко подошелъ къ берегу, убѣжденный, что приблизился къ владѣніямъ великаго хана. Скоро ему стало ясно, какимъ опасностямъ онъ подвергаетъ свой флотъ. Проливы безпрестанно мѣняли свою форму. Мели то и дѣло преграждали ему путь. Во многихъ мѣстахъ было невозможно повернуть черезъ фордевиндъ и по временамъ лодкамъ приходилось тащить суда на буксирѣ въ опасныхъ мѣстахъ. Подвигаясь впередъ, испанцы должны были безпрестанно бросать флотъ. Дулъ переменный вѣтеръ и буря грозила разразиться надъ ними.

Несмотря на безпокойство, какое испытывалъ Колумбъ, онъ убаюкивалъ себя пріятными мечтами. Вся природа этого архипелага напоминала рассказы путешественниковъ о Востокѣ. Но испанцы не видѣли здѣсь обитателей. Наконецъ, они примѣтили деревушку на одномъ изъ острововъ, но когда они причалили къ берегу, то тутъ не оказалось ни души (22 мая); видѣлись лишь морскіе отбросы, словно здѣсь рыбаки ловили рыбу. Въ другой разъ они встрѣтили пирогу, на которой было нѣсколько дикарей, ловившихъ рыбу. Люди

эти безъ страха подошли къ кораблямъ Колумба и дали испанцамъ столько рыбы, сколько они пожелали взять. У туземцевъ былъ особый удивительный пріемъ для рыбной ловли. Они для этой цѣли употребляли живую рыбу, точь въ точь, какъ употребляютъ сокола наохотѣ. Рыба эта хватала добычу особыми придатками, которые находились у нея вокругъ головы. Туземные рыболовы опускали эту рыбу въ воду, подвязавъ веревочку къ ея хвосту, а затѣмъ, когда добыча была схвачена, вытаскивали и ловца и уловъ изъ воды. Отъ этихъ дикарей Колумбъ услышалъ ту же исторію насчетъ безконечнаго протяженія западнаго берега Кубы.

Колумбъ вышелъ изъ водъ этого архипелага и направился къ гористымъ островамъ; здѣсь онъ снова высадился на берегъ и вступилъ въ сношенія съ мирными жителями этого острова, 3 іюня. Старый кацикъ повторилъ ему ту же самую исторію о землѣ, не имѣющей границъ, и упомянулъ о Мангонѣ, который, по его словамъ, лежалъ далѣе къ западу. Названіе это воспламенило воображеніе адмирала. Вѣдь Манги, по свидѣтельству сэра Джона Мандевилля, была богатѣйшая область. Ему сказали также, что тамошніе обитатели имѣютъ хвосты, точь въ точь, какъ описывалъ упомянутый правдивый повѣствователь, а чтобъ скрыть этотъ непріятный придатокъ, обладатели его носятъ длинныя одежды. Какой удивительный кортежъ можно будетъ устроить изъ этихъ азіатовъ во время второго пріема при испанскомъ дворѣ!

Ничто не мѣшало флоту идти далѣе, и суда продолжали плыть держась западнаго курса. Каждый день дружественныя пироги подвозили матросамъ свѣжіе плоды. Испанцы даромъ наслаждались благоуханіями, которыя неслись съ земли. Они скоро пришли въ заливъ Кеагуа и, перейдя его, снова очутились на мелководіи; море казалось бѣлымъ отъ песку. Кораблямъ приходилось лавировать посреди мелей, но вотъ наконецъ они нашли мѣсто, удобное для стоянки. Чтобы безопасно выбраться изъ этого лабиринта, Колумбъ пустилъ впередъ самое маленькое судно, а затѣмъ, вслѣдъ за нимъ маленькій флотъ вышелъ на фарватеръ, нѣсколько разъ рискуя при этомъ потерпѣть крушеніе. Затѣмъ справа Колумбъ увидѣлъ глубокій заливъ и, перейдя черезъ него, онъ направился къ горамъ, которыя видѣлись издали. Здѣсь онъ сталъ на якорь, чтобы застисъ прѣсною водою. Одинъ изъ стрѣлковъ прошелъ къ лѣсу и вернулся оттуда бѣгомъ, крича, что видѣлъ людей въ бѣлыхъ одеждахъ. И такъ здѣсь жили люди, прятаншіе свои хвосты, подумалъ Колумбъ! Онъ сейчасъ же отправилъ двѣ партіи на развѣдку. Онѣ ничего не нашли, кромѣ дико-разросшагося лѣсу. Трусливый и легковѣрный стрѣлокъ принялъ бѣлыхъ журавлей, которые стаями разгуливали по саваннѣ, за мнимыхъ хвостатыхъ людей. Таково объясненіе Ирвинга. Гумбольдтъ подтверждаетъ это объясненіе на основаніи личнаго знакомства съ привычками этихъ птицъ.

1494 г.
3 іюня.

Люди съ
хвостами.

Заливъ
Кеагуа

Люди въ бѣ-
лыхъ одеждахъ.

Адмиралъ продолжалъ идти на западъ; онъ завязалъ сношенія съ береговыми жителями, но это принесло ему мало пользы, такъ какъ его лукаецъ не понималъ ихъ діалекта. Дикари постоянно указывали имъ на западъ, и Колумбу кое-какъ посчастливилось разобрать изъ ихъ знаковъ, что тамъ царствовалъ могущественный вожь, носившій бѣлое одѣяніе. Такъ переданъ этотъ рассказъ у Бернальдеца; а Колумбъ, быть можетъ, думалъ, что это было предувѣдомленіе о священникѣ Джонѣ. Судя по знакамъ дикарей, берегъ тянулся къ западу, но никто не зналъ, какъ велико было его протяженіе. Снова Колумбъ попалъ на мелководіе и суда задѣвали подводные камни. Въ разсказахъ говорится объ удивительномъ множествѣ черепахъ, покрывавшихъ море, о стаяхъ голубей, отъ которыхъ небо казалось темнымъ, о ярко-красшенныхъ бабочкахъ, которыя носились въ воздухѣ несмѣтными роями. На этомъ берегу нельзя было жить вслѣдствіе его низменнаго положенія; но на возвышенныхъ мѣстахъ этого острова испанцы замѣтили дымъ и другіе признаки жизни. Когда береговая линія начнетъ поворачиваться къ юго-западу,—

Колумбъ воображаетъ, что сидитъ передъ собою Золотой Херсонесъ.

такъ сказано у Марко Поло,—то непременно за ея предѣлами откроется Золотой Херсонесъ древнихъ, который нынѣ носитъ названіе Малаккского полуострова.

Что же будетъ дальше? вотъ мысль мелькнувшая въ лихорадочно возбужденномъ умѣ адмирала. Отвѣтъ у него былъ уже на готовѣ. То-то удивятся его бѣдные колонисты въ Пзабеллѣ, услышавъ, что онъ въ Испаніи! За чертою Золотаго Херсонеса, передъ нимъ открывались на выборъ два пути: вернуться въ Испанію черезъ Цейлонъ и мысъ Доброй Надежды,—это поразить португальцевъ еще больше его входа въ устья Таго! или, выйдя изъ Индійскаго океана, вступить въ Черное море, проплыть до его сѣверной оконечности, сойти съ корабля, присоединиться къ одному изъ каравановъ, удушихъ въ Іерусалимъ и Яффу, а затѣмъ снова сѣсть на судно и черезъ Средиземное море войти въ Барселонскій портъ еще съ большей славою, чѣмъ въ свое первое путешествіе?

и черезъ него намѣревается вернуться въ Испанію.

Такими высокопарными мечтами былъ занятъ умъ адмирала, когда флотъ его неся вдоль далеко уходящаго берега. По крайней мѣрѣ, другъ его, Бернальдецъ, вынесъ такое впечатлѣніе изъ своей бесѣды съ адмираломъ по возвращеніи послѣдняго въ Испанію.

Если бы не истощился духъ покорности у людей его экипажа, то, быть можетъ, онъ продолжалъ бы свой путь дальше и былъ бы принужденъ измѣнить свои географическія вѣрованія въ силу дѣйствительныхъ фактовъ, которые открылись бы передъ нимъ. Къ несчастью, въ судахъ его открылась течь по всѣмъ направленіямъ. Морская вода перепортила всѣ припасы. Неустанный трудъ расшаталъ здоровье матросовъ. Они предпочитали возвратиться въ Пзабеллу, подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ;

Бунтъ его экипажа.

перспектива увидѣть Яффу и Средиземное море со всеѣми несказанными опасностями этого пути нѣсколько имъ не улыбалась.

Однако же, адмиралъ продолжалъ идти въ теченіе нѣсколькихъ дней до пункта, который Гумбольдтъ считаетъ противоположнымъ острову Камней Св. Филиппа; въ этомъ мѣстѣ берегъ круто поворачивалъ къ юго-западу. Экипажъ Колумба началъ громко роптать и адмиралъ рѣшилъ не идти далѣе. Это происходило 12 іюня 1494 года.

Если бы у насъ не было другихъ источниковъ, кромѣ «Historie», то мы никогда не узнали бы, какой странный оборотъ приняло положеніе дѣла. Къмъ бы ни была написана эта книга, авторъ ея сознавалъ, что для поддержанія славы адмирала не мѣшало подчасъ предавать забвенію нѣкоторыя факты. Однако же, оригинальный документъ, интересующій насъ въ данную минуту, не затерянъ и мы находимъ его въ коллекціи Наваррета.

1494 г.
12 іюня
Колумбъ
возвращается
назадъ.

Не трудно понять тревожнаго состоянія души Колумба. Онъ рѣшилъ найти Китай, какъ противовѣсъ тревожнымъ условіямъ существованія въ Пзабеллѣ,—какъ для того, чтобы разсѣять мрачныя пречувствія колонистовъ, такъ и для того, чтобы успокоить волненіе умовъ въ Испаніи, какое,—онъ хорошо это понималъ,—вызываютъ извѣстія, посланныя имъ въ Европу съ Торессомъ. Мятежный экипажъ заставилъ его вернуться; но его недовольные товарищи могли же быть настолько обязательными, чтобы высказать извѣстное мнѣніе, даже не будучи настолько податливыми, чтобы идти далѣе на встрѣчу опасностямъ. Такимъ образомъ Колумбъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству легковѣрныхъ умовъ, работающихъ надъ разрѣшеніемъ географическихъ или историческихъ задачъ. Средство это заключается въ стремленіи установить истину посредствомъ сооруженія памятниковъ, начертанія надписей и свидѣтельскихъ показаній подъ присягою. Онъ заставилъ восемьдесятъ человѣкъ, составлявшихъ экипажъ его небольшой эскадры, — имена этихъ лицъ находятся въ «Solón y Pinzón» Дуро,—показать подъ присягою у нотаріуса, что они могли вернуться въ Испанію съ Кубы сухимъ путемъ, черезъ Азію. Въ этомъ свидѣтельствѣ торжественно заявлялось, что если кто-либо изъ нихъ откажется отъ своего слова, то этотъ презрѣнный скептикъ уплачиваетъ штрафъ въ 10.000 мараведи, если онъ офицеръ; матросъ за то же самое получаетъ сто ударовъ плетью и у него вырываютъ языкъ. Колумбъ считалъ необходимымъ употребить такіе далеко не героическіе способы даже въ томъ случаѣ, если бы ему удалось подорвать мнѣніе, что все эти острова Индіи были просто на-просто океанійскимъ архипелагомъ и что никто еще не опредѣлилъ съ достовѣрностью, какъ велико то невидимое пустое пространство между Европою и Азіей, которое, по своему крайнему убѣжденію, онъ уже прошелъ. Легко было обратить Кубу въ материкъ посредствомъ показанія подъ присягой; онъ надѣялся, что благодаря этому установится тождество на-

Вымогаетъ
у своихъ
матросовъ
клятву.

въ томъ,
что Куба
материкъ.

званной территоріи съ царствомъ великаго хана. Во время перваго путешествія, насколько онъ могъ понять объясненія туземцевъ, Куба представлялась ему островомъ. Теперь же онъ дошелъ до такого нравственнаго состоянія, что не рѣшался считать Кубу островомъ.

Мѣстами въ «Historie», — написанной, какъ извѣстно, въ то время, когда географія Новаго Свѣта была вполне выяснена, — доказывается, что Колумбъ на самомъ дѣлѣ никогда не воображалъ, что заѣхалъ въ Азію; такого же мнѣнія объ этомъ фактѣ и Геррера. Если это вѣрно, то онъ разыгрывалъ чрезвычайно трудную роль: — чтобы обмануть другихъ, ему надобно было представляться самому обманутымъ, о чемъ свидѣлствуютъ вышеупомянутое нотаріальное показаніе и его торжественное клятвенное увѣреніе, данное имъ папѣ въ 1502 году. Вышеупомянутые авторы говорятъ, что Колумбъ просто на-просто надулъ міръ, назвавъ эти области Индіей, такъ какъ названіе это могло послужить хорошей приманкой для переселенцевъ. Но допустить такіа объясненія значило бы признать подложный характеръ нотаріальнаго свидѣтельства. Однако, справедливость требуетъ сказать, что Колумбъ въ письмѣ къ Петеру Мартиру, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Изабеллу, просилъ искренно вѣрить тому, что онъ побывалъ около области Ганга; отдѣливъ отъ этого заявленія всѣ тѣ выдумки, какими облекли его другіе, намъ кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ Колумбъ искренно высказывалъ свое убѣжденіе.

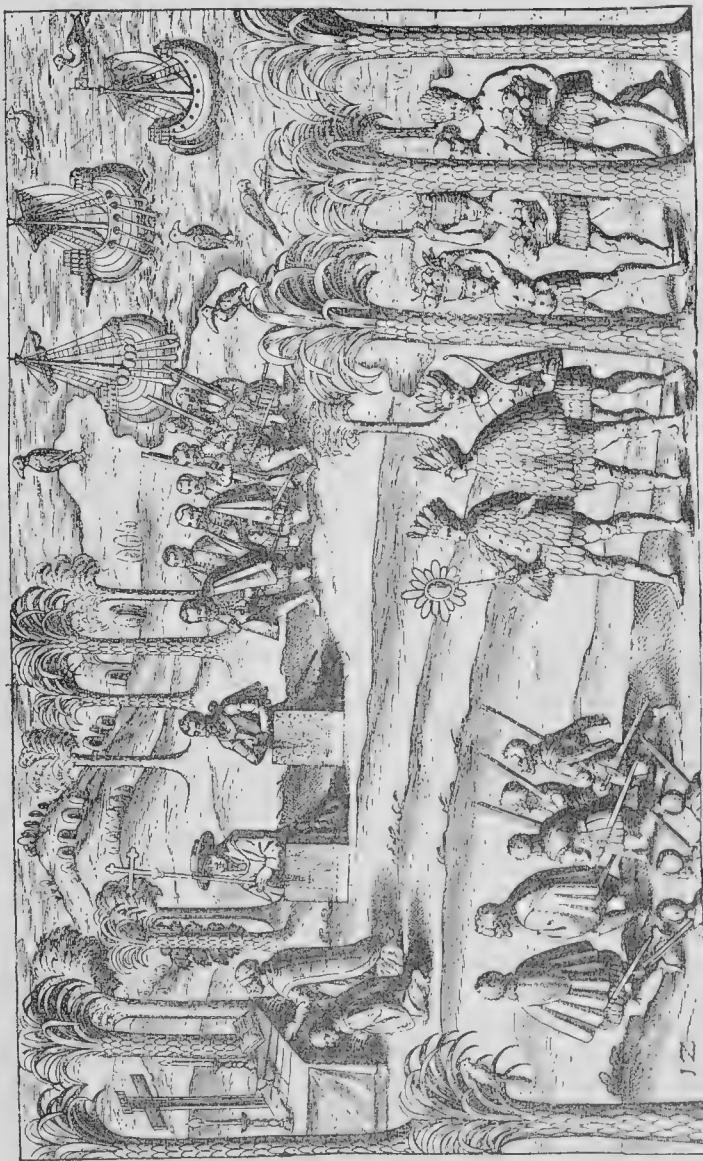
На другой день, отправившись на юго-востокъ, Колумбъ пришелъ къ большому острову, нынѣ называемому Сосновымъ островомъ; Колумбъ назвалъ его «Евангелисты». Пытаясь обогнуть островъ этотъ съ южной стороны, онъ опять очутился въ томъ затруднительномъ положеніи, которое уже разъ заставило его отказаться отъ надежды пройти болѣе прямымъ путемъ къ Эспаньолѣ, такъ что онъ рѣшился идти обратно тѣмъ же берегомъ, какимъ пришелъ. Онъ потерялъ десять дней въ этихъ бесплодныхъ попыткахъ, а между тѣмъ стѣсныя припасы быстро уменьшались, возбуждая безпокойство въ экипажѣ. 30 іюня, когда маленькій флотъ лавировалъ въ узкихъ проливахъ, которые доставили ему ранѣе не мало затрудненій, внезапно корабль адмирала, ударившись о камень, сѣлъ на мель; въ первое мгновеніе всѣ опасались крушенія. Однако, корабль удалось вытянуть и черезъ нѣсколько времени онъ быстро несся по волнамъ къ востоку: Испанцы уже миновали тѣ болотистые берега, которые помѣшали имъ выйти на сушу; они надѣялись скоро найти гавань, гдѣ имъ можно будетъ подкрѣпить свои силы пищей и отдыхомъ. Ежедневная порція экипажа состояла теперь изъ одного фунта заплѣ-сневлдаго хлѣба и одного или двухъ глотковъ вина. 7 іюля испанцы бросили якорь въ довольно удобной гавани. Здѣсь они высадились на берегъ и обмѣнялись обычными выраженіями дружбы съ кацикомъ, который самъ явился на берегъ. Колумбъ

1494 г.
13 іюня.

1494 г.
30 іюня.

1494 г.
7 іюля.

приказалъ матросамъ срубать нѣсколько деревьевъ; соорудили большой крестъ, поставили его въ прохладномъ мѣстечкѣ и тутъ же испанцы

Месса на берегу. (Изъ «*Nova Typis Transacta Navigatio*» Филиппуса).

отслужили мессу, окруженные толпою индійцевъ. Почтенный индійскій старецъ, слѣдившій съ глубокимъ вниманіемъ за цермоніей богослу-

женія, угадалъ ея религіозное значеніе и черезъ лукайца передалъ адмиралу въ трогательныхъ словахъ кое-что изъ символа вѣры своего родного народа. Колумбъ былъ увѣренъ, что умъ туземцевъ неспособенъ къ воспринятію такихъ высокихъ идей, какія высказывалъ этотъ бѣдный индѣецъ; поэтому его пріятно поразило, когда этотъ величавый старикъ, несознававшій своего величія, представилъ картину возмездія за добрыя и злыя дѣла на томъ свѣтѣ. Затѣмъ, повернувшись къ адмиралу, онъ напомнилъ ему, что тотъ, кто обижаетъ безобидныхъ, не можетъ рассчитывать на блаженство въ будущей жизни. Историкъ, передающій намъ этотъ рассказъ, говоритъ, что эти слова произвели сильное впечатлѣніе на адмирала; но онъ не упоминаетъ о томъ, смутили ли они его покой тогда именно, когда безобиднымъ были нанесены жестокія обиды. Быть можетъ, вслѣдствіе этой забывчивости Колумбъ отнялъ одного юнаго индѣйца у его друзей и родныхъ, по рассказамъ лѣтописцевъ, именно въ этой гавани.

16 іюля Колумбъ оставилъ гавань; онъ постарался отойти по-
1494 г.
16 іюля. дальше отъ берега, чтобы миновать запутанный лабиринтъ проходовъ между Садами Королевы; скоро онъ вышелъ въ открытое море и направился къ Эспаньолѣ. Наступила буря и

1494 г.
18 іюля. суда принуждены были искать спасенія въ гавани мыса де-Круцъ. Тутъ они пробыли три дня, но такъ какъ вѣ-
теръ все еще дулъ съ востока, то адмиралъ счелъ удобнымъ обойти вокругъ Ямайки и направился къ этому острову. Цѣлый мѣсяцъ онъ

На берегу
Ямайки. лавировалъ къ востоку вдоль южнаго берега Ямайки, потому что направленіе вѣтра безпрестанно мѣнялось. Всякую ночь онъ приставалъ къ берегу и туземцы снабжали его съѣстными припасами. Въ одномъ мѣстѣ къ нему явился самъ кацикъ въ богатомъ нарядѣ изъ перьевъ, съ женою и родственниками, съ пышною свитою, разряженною по модѣ дикарей; кацикъ этотъ пришелъ отдать честь адмиралу. Насколько эффектно лукаецъ умѣлъ изобразить своимъ соплеменникамъ славу и доблесть испанскаго народа, видно изъ того факта, что кацикъ самъ сталъ просить Колумба взять его и всю его свиту съ собою въ великую страну испанскаго короля. Но предложеніе это явилось очень не кстати—провіантъ адмирала почти весь вышелъ и на судахъ его было очень тѣсно. Онъ отдѣлался обѣщаніемъ, что постарается исполнить желаніе кацика при болѣе удобномъ случаѣ.

19 августа Колумбъ миновалъ самую восточную оконечность
1494 г.
19 августа. Ямайки, а на слѣдующій день обогнулъ длинный полу-островъ съ выступами на юго-западномъ углу Эспаньолы. Однако, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, гдѣ находится; 23 августа

1494 г.
23 августа. къ судамъ подошелъ кацикъ и, говоря съ Колумбомъ, называлъ его адмираломъ, пересыпая свою рѣчь кастильскими словами. Тутъ выяснилось, что корабли были почти у цѣли, такъ что имъ оставалось только слѣдовать по окружности острова. Это было

не такъ-то легко сдѣлать—силы экипажа истощились, а корабли отказывались служить. Буря разъединила маленькій флотъ; Колумбъ подошелъ къ высокому скалистому острову, извѣстному теперь подъ именемъ Большого Паруса, такъ какъ очертанія его напоминаютъ большой корабль съ распушенными парусами; Колумбъ сталъ за вѣтромъ и, отправивъ лодку къ берегу, приказалъ матросамъ подняться на вершину горы, чтобы узнать, не видно-ли гдѣ-нибудь его судовъ. Изъ этого осмотра ничего не вышло, но оставшіе суда не замедлили присоединиться. Далѣе адмиралъ узналъ отъ туземцевъ, что въ этой части острова побывали испанцы. Узнавъ такимъ образомъ изъ рассказовъ туземцевъ, что въ Пзабеллѣ все благополучно, онъ отправилъ девять человѣкъ на берегъ, чтобы увѣдомить о своемъ приходѣ. Собираясь буря, поэтому Колумбъ отыскалъ немного далѣе къ востоку гавань, гдѣ непогода продержала его впродолженіе восьми дней. Кораблю адмирала посчастливилось укрыться въ рейдѣ, но остальные суда остались въ открытомъ морѣ и боролись съ бурей, постоянно паводившей на нихъ ужасъ.

*Островъ
Большой
Парусъ.*

Во время этой остановки Колумбъ воспользовался затмѣніемъ луны для опредѣленія долготы своего мѣстопохожденія. По его расчетамъ, онъ находился въ пяти съ половиною часахъ отъ Севиллы—погрѣшность равнялась часу съ четвертью или восемнадцати градусамъ. Погрѣшность эта являлась результатомъ неточности самого способа опредѣленія и простительныхъ ошибокъ въ лунныхъ таблицахъ Региомонтануса (Венеція, 1492 г.), которыя пользовались въ ту эпоху широкою извѣстностью. Таблицы эти были составлены по методамъ, которыми ученые руководились болѣе или менѣе при вычисленіяхъ со временъ Гиппарха.

*Колумбъ
наблюдаетъ
затмѣніе
луны.*

Настъ не должна удивлять ошибка Колумба. Даже спустя цѣлое столѣтіе, когда Робертъ Гю издалъ трактатъ о глобусѣ Молино (1592 г.), такія погрѣшности по большей части были неизбежны. «Самымъ точнымъ способомъ для этой цѣли,—пишетъ этотъ математикъ,—по общему признанію всѣхъ авторовъ, есть способъ опредѣленія посредствомъ лунныхъ затмѣній. Нынѣ же затмѣнія эти происходятъ рѣдко, наблюдаютъ ихъ еще рѣже; а рѣже всего наблюдаютъ ихъ искусные служители этой науки. И такъ этимъ способомъ опредѣлена долгота весьма немногихъ мѣстъ. Но этотъ методъ неточенъ и представляетъ массу трудностей. Другіе употребляютъ иные способы для этого, а именно они отмѣчаютъ пространство равноденственныхъ часовъ между меридіанами двухъ мѣстъ, которые слѣдуетъ опредѣлять при помощи солнечныхъ часовъ, или простыхъ часовъ, или песочныхъ часовъ. Но всѣ эти соображенія, всѣ эти приспособленія, послѣ болѣе строгой и точной критики были сданы въ архивъ всѣми учеными,—по крайней мѣрѣ, учеными, обладающими болѣе зрѣлой логикой,—такъ какъ методы эти совсѣмъ непригодны для требуемыхъ цѣлей. Не стану останавливаться на разоблаченіи ошибокъ и неточностей этихъ ана-

ратовъ. Богъ съ ними, со всѣми этими пустыми, обманчивыми штуками!»

Погода стихла; Колумбъ вышелъ изъ Саонскаго пролива 24 сентября и, соединившись съ другими судами, которыя справились съ бурей, опять направился къ востоку. Испанцы пришли къ самому отдаленному концу Эспаньолы, насупротивъ Порто-Рико, и проплыли къ острову Монѣ, въ проливѣ между двумя большими островами. Вскорѣ послѣ того, какъ флотъ оставилъ Мону, Колумбъ захворалъ; его изнурили мучительныя тревоги пятимѣсячнаго путешествія, во время которыхъ его поддерживали нервное возбужденіе и великія надежды. Близость Изабеллы только ускорила наступленіе реакціи; во всей его нервной системѣ произошло внезапное потрясеніе. Онъ лежалъ въ полномъ оцѣпенѣніи, почти безъ сознанія, ничего не помня, съ помутившимися глазами; жизненная энергія оставила его. Флотъ вошелъ въ гавань Изабеллы подѣ командой другого. Возвращеніе было печальное, но желанное.

Главнымъ источникомъ при описаніи этой поразительной крейсеровки намъ служилъ трудъ Бернальдеца, на который мы уже ссылались.

*Колумбъ
приходитъ
въ гавань
Изабеллы.*

Глава XIV.

Второе путешествіе; (продолженіе).

1494 — 1496.

29 сентября 1494 года въ гавань Изабеллы вошли — «Нина» съ безчувственнымъ адмираломъ въ каютѣ и другія суда, участвовавшія въ экспедиціи. На берегу больного ожидала большая радость — братъ его, Бартоломей, прибылъ въ колонію во время отсутствія адмирала.

1494 г. 29
сентября
Колумбъ въ
Изабелль.

Нѣсколько долгихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разстались родные братья. Мы уже говорили, что Бартоломей Колумбъ, вѣроятно, участвовалъ въ экспедиціи Бартоломея Діаца, когда имъ былъ открытъ африканскій мысъ. Существуетъ предположеніе, что на картѣ, представленной Бартоломеемъ Генриху VIII, были указаны открытія Діаца. Карту эту Бартоломей взялъ съ собою въ Англію, надѣясь убѣдить Генриха VIII принять участіе въ предпріятіи Колумба. Тутъ дѣйствія Бартоломея покрываются мракомъ неизвѣстности, но все-таки есть основаніе предположить, что англійскій король выслушалъ его благосклонно и подалъ ему нѣкоторую надежду; это заставило Бартоломея поспѣшить въ Испанію для переговоровъ со своимъ братомъ. Въ «Historie» сказано, что Генрихъ VIII тотчасъ же принялъ предложенія Бартоломея; то же самое говорятъ старѣйшіе англійскіе авторы, напр., Гаклюйтъ и Бэконъ; Овiedo же говоритъ, что планы Бартоломея были осмѣяны, а по словамъ Джеральдина король отклонилъ ихъ. Бартоломей пріѣхалъ въ Парижъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда сюда долетѣла вѣсть о возвращеніи Колумба изъ его перваго путешествія. Рожденіе его съ адмираломъ и собственныя его идеи относительно географическихъ задачъ заставили французскій дворъ обратить на него вниманіе. Говорятъ, что французскій король Карлъ VIII далъ ему необходимыя средства вернуться въ Испанію, такъ какъ въ кошелькѣ у Бартоломея было пусто. Но онъ не засталъ адмирала, который уже успѣлъ выйти со своимъ флотомъ изъ Кадикса. Бартоломей узналъ, что сыновья его брата оставлены при Дворѣ пажами; онъ розыскалъ ихъ и выѣхавъ съ ними представился испанскимъ монархамъ въ Вальядо-

Дѣятельность
Бартоломея
въ Англіи.

Въ Испаніи.

лидѣ. Король и королева въ это время были заняты снаряженіемъ флота, который готовился отплыть въ Эспаньолу; Бартоломею была поручена команда надъ тою частью флота, которая должна была уйти впередъ. Такимъ образомъ, выйдя въ море 30 апрѣля 1494 г., съ тремя небольшими судами, Бартоломей прибылъ въ Пзабеллу въ Пвановъ день, вслѣдъ за уходомъ адмирала въ крейсировку на западъ.

Едва-ли было благоразумно со стороны Колумба взять себѣ въ помощники другого чужестранца, но Бартоломей былъ гораздо способнѣе и мужественнѣе Діего. Адмиралъ могъ вполне положиться на такого дѣятельнаго и смѣлаго помощника; Бартоломей, на-
Характери-
стика Барто-
ломея. самомъ дѣлѣ болѣе суровый чѣмъ адмиралъ въ обращеніи, отличался отвагой и бодростью, словно созданный для того, чтобы повелѣвать. Разумѣется, качества эти мало годились для укрощенія надменныхъ гидальго, но они дѣлали его способнымъ противостоять недовольству колонистовъ, сохраняя при этомъ непоколебимое спокойствіе духа. Бартоломей счумѣлъ обставить управленіе этой разношерстной общиной тѣми условіями, какихъ не доставало адмиралу. Первый былъ далеко не такой увлекающійся, какъ послѣдній, и не любилъ давать волю своимъ фантазіямъ; по свидѣтельству Ласказаса, Бартоломей былъ образованнѣе своего брата, поэтому въ разговорѣ и письмахъ выражался съ большей точностью и ясностью, чѣмъ Колумбъ. Онъ лучше умѣлъ обращаться съ людьми, работа подъ его присмотромъ пошла гораздо правильнѣе и ему удалось спасти по возможности колонію отъ гибели и раззоренія, которыя ей грозили, вслѣд-
Бартоломей
возведенъ въ
званіе «adel-
lantado». ствіи неумѣлаго управленія его брата. Такимъ мы представляемъ себѣ Бартоломея по описанію Ласказаса. Колумбъ сдѣлалъ своего брата своимъ представителемъ по нѣкоторымъ дѣламъ, съ титуломъ «adelantado».

Адмиралу, больному и усталому, доставило большую отраду узнать, что дѣти его живы и здоровы, что онъ самъ по прежнему въ милости при Дворѣ; онъ и не думалъ оне удовольствіи Фердинанда, когда послѣдній узнаетъ, что Колумбъ самовольно учредилъ должность adelantado. Недавнія изслѣдованія, произведенныя Колумбомъ, давали возможность до извѣстной степени предупредить попытки португальцевъ въ томъ же направленіи, такъ какъ ему было не безызвѣстно волненіе лиссабонскаго двора, вызванное Демаркаціонной буллою папы. Онъ былъ очень доволенъ, услышавъ отъ своего брата, что тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ его собственный флотъ вышелъ въ море изъ Кадикса, въ сентябрѣ 1493 года, папа издалъ 26 того же мѣсяца другую буллу; въ ней было объявлено, что всѣ области восточной Индіи, которыя будутъ открыты испанцами, должны войти въ дарственный актъ, данный Испаніи, если земли эти еще не составляютъ христіанскихъ владѣній. Эта дополнительная булла была
Дополнитель-
ная булла
папы. новой непріятностью для Португаліи и далѣе мы узнаемъ

вызванные ею результаты. Папа Александръ ни на югу не отступилъ отъ рѣшенія, принятаго имъ въ маѣ.

А теперь посмотримъ, что происходило въ Эспаньолѣ во время отсутствія Колумба; но прежде всего мы должны обратить вниманіе читателя на туземное раздѣленіе этого острова, съ кото-

*Событія въ
Эспаньолѣ
во время
отсутствія
Колумба.*

рымъ такъ тѣсно связана историческая судьба Колумба. Тотчасъ за Пзабеллой и вокругъ Царской Долины, которая восхищала новѣйшихъ путешественниковъ чудной красотой своихъ густыхъ лѣсовъ и саваннъ, лежали земли, подвластныя кацiku, по имени Гваріонексу, соединившіяся на югѣ съ златоносными горами Цibaо. Къ югу отъ этихъ горныхъ кряжей, вдоль южнаго берега острова лежала область (Магвана) самаго воинственнаго изъ всѣхъ туземныхъ государей, Каонабо; онъ былъ женатъ на сестрѣ Бегекіо, правителя Ксаравы—такъ называлась самая большая часть южнаго берега, къ западу отъ владѣній Каонабо, вмѣстѣ съ длиннымъ юго-западнымъ полуостровомъ. Сѣверо-восточная часть острова (Маріенъ) принадлежала Гваканагари, кацiku, жившему близъ крѣпости Рождества. Восточная оконечность острова (Гигвэй) была подвластна кацiku по имени Котабанану.

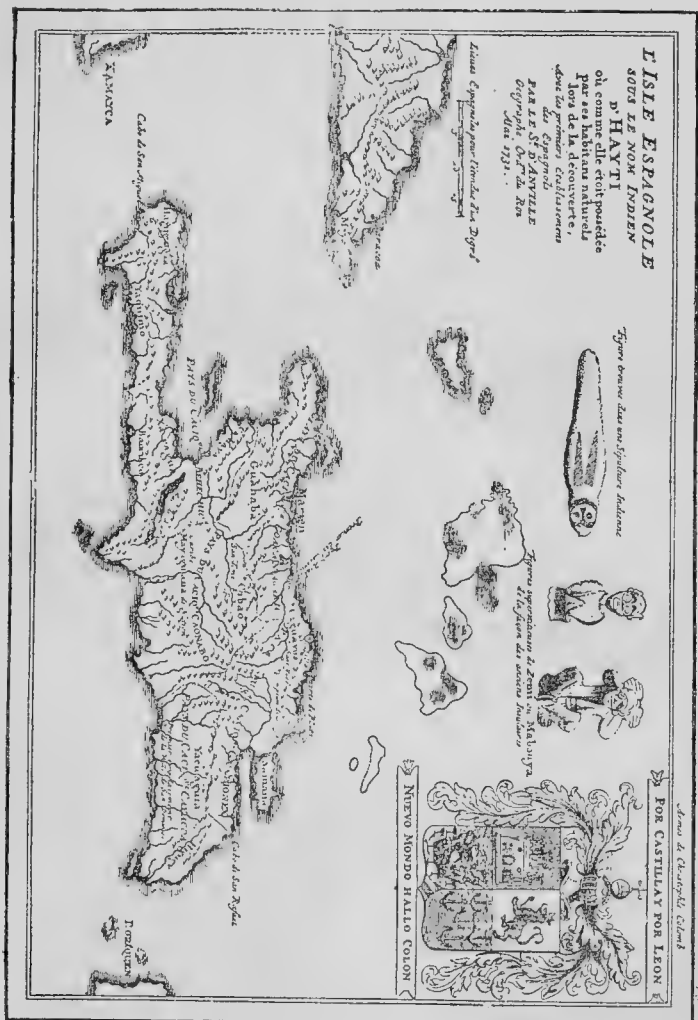
Мы должны вспомнить, что передъ отплытіемъ въ Кубу адмиралъ снарядилъ экспедицію, которую онъ отправилъ въ фортъ Св. Ѳомы въ распоряженіе Педро Маргарита. Офицеру этому даны были инструкціи произвести развѣдки въ горахъ Цibaо и отмѣтить на картѣ найденныя минеральныя богатства. Ему было приказано не обременять аборигеновъ палочками, а только внушить имъ страхъ къ его власти. Онъ долженъ былъ также избѣгать траты запасовъ колоніи, возложивъ на туземцевъ продовольствіе своей экспедиціи. Если они не согласятся добровольно доставлять продовольствіе его солдатамъ, то онъ долженъ принудить ихъ къ этому силою. Такія инструкціи имѣли въ себѣ много рискованнаго; но Маргаритъ былъ не такой человѣкъ, чтобы задуматься надъ этимъ. Онъ также не понималъ смысла инструкцій Колумба объ устройствѣ западни Каонабо, «которые были до такой степени гнусны и полны такого вѣроломства, что трудно себѣ даже представить», говоритъ Гельпсъ и читатель можетъ убѣдиться въ этомъ, обратясь къ Наваррету.

Командиръ крѣпости проводилъ большую часть своего времени среди роскошной природы Царской Долины, хищнически отнимая у ея обитателей ихъ съѣстные припасы и тратя силы своихъ солдатъ въ чувственныхъ развлеченіяхъ. Туземцамъ было вмѣнено въ обязанность оказывать ему содѣйствіе, но они озлобились его вымогательствами и возмущились противъ оскверненія испанцами ихъ домашнего очага. Излишества испанцевъ вызвали такой грозный отпоръ со стороны индійскихъ племенъ, что Діего Колумбъ, предсѣдатель совѣта, написалъ замѣчаніе Маргариту и напомнилъ ему о приказѣ адмирала произвести развѣдки въ горахъ.

Спѣсивый испанецъ, оскорбленный тѣмъ, что ему казалось посягательствомъ на его административныя права, тотчасъ же примкнулъ къ партіи враждебной Колумбу. Маргаритъ и патеръ Бойль, — каталанскій монахъ, вѣроломно измѣнившій своему долгу службы, такъ какъ онъ былъ членомъ совѣта правленія, и даже нарушившій королевскій приказъ оставаться въ колоніи, — образовали

Заново.

(Изъ «L'Isle Espagnole» Шаравута, Амстердамъ, 1733 г.).

въ Пизабелѣ партію бунтовщиковъ. Новѣйшіе французскіе канонизаторы, желая какъ-нибудь оправдать выборъ папы относительно этого мятежнаго патера, стараются доказать, что его святѣйшество, а быть можетъ, самъ король, дѣйствовавшій отъ его имени, смѣшали бенедиктинца и францисканца, носившихъ одно и тоже имя; такимъ

образомъ, францисканскій монахъ былъ нечаянно замѣненъ бенедиктинскимъ монахомъ, — какъ знать, не было-ли это сдѣлано съ умысломъ.

Діего не сумѣлъ помѣшать этимъ заговорщикамъ отправится въ Испанію на корабляхъ, которые пришли съ Бартоломеемъ Колумбомъ. У Діего не было достаточно силы воли, чтобы бороться съ этими бунтовщиками и онъ принужденъ былъ съ горькимъ чувствомъ униженія увидѣть, какъ корабли ушли изъ гавани съ мятежниками. Впрочемъ, Діего утѣшалъ себя мыслью, что колонія избавилась отъ такихъ опасныхъ нарушителей общественнаго порядка; но къ этому отрадному чувству примѣшивалось безпокойное сомнѣніе, какое дѣйствіе произведутъ ихъ жалобы на испанскій дворъ. Такое же чувство тревожнаго недоумѣнія начало мучить душу адмирала по его возвращеніи въ колонію.

Діего и Бартоломей принуждены были рассказать Колумбу о печальныхъ послѣдствіяхъ этого мятежнаго отбытія зачинщиковъ изъ колоніи. Разнузданность, допущенная Педро Маргаритомъ, достигла своего высшаго предѣла, когда небольшое войско колоніи очутилось предоставленнымъ самому себѣ. Оно очень скоро самовольно разбрелось въ разныя стороны, и шайки безчинствующихъ солдатъ стали разгуливать по всей странѣ, гдѣ только страсть или алчность могли найти себѣ добычу. Долгія страданія индійцевъ перешли границу терпѣнія. Нѣсколько удавшихся попытокъ мести поощрили индійцевъ къ дальнѣйшему мщенію, и вотъ, небольшіе отряды испанцевъ были вырѣзаны повсюду, куда они ни появлялись, чтобы перехватить корму или удовлетворить своему сладострастію. Жители деревень возстали противъ такихъ мародеровъ, которые злоупотребляли ихъ гостепріимствомъ. Дома, куда прятались испанцы, сжигали до тла. Высылавшіеся противъ нихъ отряды индійцы брали осадой.

Когда индійцы начали брать верхъ, Каонабо задумалъ напасть врасплохъ на фортъ Св. Θомы. Охеда, находившійся здѣсь съ пятьюдесятью солдатами, имѣлъ въ своемъ распоряженіи только незначительную часть войска, которая готова была повиноваться дисциплинѣ опытнаго вождя. Отъ бдительности Охеды не укрылись намѣренія Каонабо. Онъ далъ обѣтъ Пресвятой Дѣвѣ передъ фламандскимъ изображеніемъ Богородицы, висѣвшимъ у него въ комнатѣ, въ фортѣ; къ этому образу онъ всегда прибѣгалъ въ тяжелыя минуты своей жизни и никогда съ нимъ не разставался, гдѣ бы онъ ни былъ и куда бы онъ ни шелъ. У всѣхъ и каждого было въ рукахъ оружіе, всѣ были на-сторожѣ; командиръ, обладавшій великимъ духомъ, несмотря на маленькій ростъ, выстроилъ на валу форта своихъ пятьдесятъ солдатъ въ тотъ моментъ, когда Каонабо приближался со своими голыми воинами, чтобы напасть на него врасплохъ. Обиженный кацикъ опоздалъ. Обнаженнымъ туземцамъ не удалось подойти къ испанцамъ, вооруженнымъ самострѣлами и аркебузами. Охеда встрѣ-

*Каонабо
и фортъ
Св. Θомы.*

чалъ каждого, кто пробирался украдкой, вылазкой, и храбрѣйшіе воины Каонабо падали убитые наповалъ.

Затѣмъ кацикъ попытался истребить испанцевъ голодомъ. Отряды его воиновъ нападали на нихъ повсюду; если испанскіе отряды шли на фуражировку или высылались подкрѣпленіе для этой цѣли—туземцы цѣлыми толпами набрасывались на нихъ и побивали ихъ. Фортъ угрожалъ голодъ. Проволочки осаднаго положенія всегда выручаютъ бѣлыхъ, когда врагами ихъ являются дикари. Туземные воины пришли въ уныніе отъ этой военной медленности и Каонабо снялъ наконецъ осаду.

Теперь индійскій вождь задумалъ болѣе широкое предпріятіе. Лазутчики его донесли ему о плохомъ состояніи Пзабеллы, и Каонабо рѣшилъ образовать союзъ изъ главныхъ кациковъ этого острова, чтобы атаковать это поселеніе. Куда только проникли испанцы, повсюду дружественныя чувства къ себѣ они обратили въ ненависть, и въ остальныхъ частяхъ острова рассказы объ опустошеніяхъ, произведенныхъ испанцами, распалили мщеніе туземцевъ почти также, какъ обиды, перенесенныя ими отъ бѣлыхъ пришельцевъ. Не мало трудовъ стоило Каонабо убѣдить другихъ кациковъ въ томъ, что сверхъестественная природа испанцевъ не устоитъ противъ соединенныхъ усилій индійцевъ. Онъ уговорилъ всѣхъ кациковъ къ дружному дѣйствію; не удалось ему только склонить на свою сторону Гваканегари,—этотъ старѣйшій другъ Колумба сохранилъ непоколебимую преданность испанцамъ. Довѣріе адмирала къ нему вполне оправдалось. На него напали другіе начальники индійскихъ племенъ, но вѣрность его не поколебалась. Въ одинъ изъ этихъ набѣговъ, были убиты и взяты въ плѣнъ его жены и между ними, какъ утверждаютъ историки, находилась также безстрашная Каталина; но эти несчастія не поколебали его преданности къ бѣлымъ сосѣдямъ его.

Услышавъ, что Колумбъ вернулся, Гваканегари отправился въ Пзабеллу и отъ этого вѣрнаго союзника адмиралъ узналъ обо всѣхъ намѣреніяхъ индійцевъ; послѣдніе ожидали только удобнаго момента, чтобы привести въ исполненіе задуманное.

Предупрежденный такимъ образомъ о грозившей ему опасности, Колумбъ направилъ всѣ свои усилія на то, чтобы въ самомъ началѣ помѣшать союзу между индійцами. Но его порядкомъ затруднялъ выборъ человѣка, которому онъ могъ бы поручить веденіе войны съ дикарями. Едва-ли было политично назначить на такой постъ Бартоломея, обойдя немногихъ оставшихся испанскихъ гидальго, которые своею храбростью одушевляли всякое военное предпріятіе. Однако, онъ послалъ отрядъ солдатъ на помощь маленькому гарнизону, стоявшему близъ деревень Гватигваны, данника великаго кацика Гваріонекса; но солдаты эти принялись за старья безобразія и почти разстроили всѣ замыслы Колумба. Однако же, испанцамъ удалось

убѣдить Гватигвану явиться въ испанское поселеніе, а Колумбъ, для закрѣпленія дружескаго союза съ нимъ, уговорилъ его позволить лукайцу, состоявшему переводчикомъ при адмиралѣ, жениться на его дочери. Этотъ дипломатическій аргументъ адмиралъ под-
Фортъ Св. Зачатія.
 крѣпилъ еще болѣе сильнымъ аргументомъ—построивъ фортъ Св. Зачатія на такомъ мѣстѣ, откуда открывалась вся Царская Долина.

Вскорѣ затѣмъ изъ Испаніи прибыли четыре корабля подъ коман-
Прибытіе кораблей Торреса.
 дою Антонио Торреса; они привезли новые запасы съѣстныхъ припасовъ, другого врача, много лекарствъ, а главное, ремесленниковъ и садовниковъ, въ которыхъ колонія особенно нуждалась. Теперь можно было надѣяться, что обработка почвы дастъ колоніи возможность прокормиться своими средствами.

Адмиралъ вмѣстѣ съ этимъ получилъ письмо отъ Фердинанда и Изабеллы, помѣченное 16 августа, въ которомъ они увѣдомляли его, что все затрудненія съ Португаліей были улажены полюбовно. Лиссабонскій дворъ успокоился, видя, что папа Александръ не намѣренъ отказаться отъ принятаго имъ рѣшенія и что Испанія не домогается никакихъ отличій, которыя повлекли бы за собою непріязненные дѣйствія; поэтому оба государства легко пришли къ соглашенію, заключенному въ Тордесильясѣ, 7 июня 1494 г.; по смыслу этого
1494 г.
7 июня
Тордесилья-
ский договоръ.
 соглашения демаркаціонная линія отодвигалась за 370 лигъ на западъ отъ острововъ Зеленаго мыса. Оба государства обязывались не касаться правъ, дарованныхъ каждому изъ нихъ буллой, измѣненной въ этомъ смыслѣ. Историческое изслѣдованіе этой дипломатической полемики по поводу раздѣленія міра папскимъ указомъ затрудняется отсутствіемъ документальныхъ свѣдѣній относительно переписки между Испаніей, Португаліей и папою.

Это письмо отъ 16 августа было очень пріятно для самолюбія Колумба. Ихъ величества писали ему, что открытія его радуютъ ихъ главнымъ образомъ потому, что они видятъ
Письмо испанскихъ государей къ Колумбу.
 въ нихъ доказательство его генія и настойчивости, такъ какъ событія оправдали его предвидѣнія и ихъ надежды. Нынѣ же, имѣя въ виду опредѣлить новую демаркаціонную линію и надѣясь, что эта линія пройдетъ черезъ какой-нибудь океанскій островъ, гдѣ можно будетъ воздвигнуть памятникъ, они просятъ его помочь имъ въ этомъ дѣлѣ; если же почему-либо онъ не можетъ вернуться для принятія участія въ окончательныхъ переговорахъ, то пусть онъ пришлетъ вѣсто себя кого-нибудь, кто хорошо знакомъ съ географіей.

Торресъ привезъ также письмо, обращенное ко всемъ колонистамъ вообще, въ которомъ имъ повелѣвалось повиноваться всемъ
и къ коло-
нистамъ
 требованіямъ Колумба и преклоняться передъ властью адмирала. Хотя онъ лично не былъ виноватъ,—по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени,—въ несомнѣнной коммерческой несостоятельности

колоніи, однако онъ хорошо понималъ, что отсутствіе доходовъ въ связи съ ожиданіями и расходами неминуемо повліяють на его популярность въ Испаніи и на довѣріе къ нему его царственныхъ покровителей; какъ знать, убѣжденные доводами Маргарита и его сообщниковъ, Фердинанда и Изабеллы уже, быть можетъ, отказались поддерживать его.

Всѣ эти соображенія требовали безотлагательной отправки только что пришедшихъ кораблей съ успокоительными извѣстіями и съ доходами, какіе только возможно было раздобыть. Флотъ ушелъ 24 февраля 1495 года. Самъ Колумбъ чувствовалъ себя еще слишкомъ слабымъ, а присутствіе брата его, Бартоломея, было ему необходимо, чтобы замѣстить его, пока онъ былъ не въ силахъ заниматься лично дѣлами; поэтому онъ счелъ за лучшее возложить на своего другого брата исполненіе желанія, выраженнаго ихъ величествами. И такъ, Діего отправился въ Испанію на одномъ изъ судовъ, съ картами и инструкціями, да кромѣ того и съ порученіемъ защищать въ случаѣ надобности интересы адмирала передъ испанскимъ дворомъ. Все собранное золото было отдано на храненіе Діего, но, собственно говоря, этого металла была самая малость. Колумбъ посылалъ въ Испанію массу разнообразныхъ плодовъ и пряностей, а также образцы менѣе цѣнныхъ металловъ, которые пополняли этотъ грузъ. У него оставалось еще одно средство добыть золото. Онъ намекнулъ на свою готовность воспользоваться этимъ средствомъ, когда высказывалъ свои взгляды ихъ величествамъ въ томъ письмѣ, которое уже было имъ доставлено Торресомъ.

Теперь онъ задумалъ привести свой проектъ въ исполненіе и биткомъ набилъ маленькое грузовое судно пятьюстами несчастныхъ туземцевъ, чтобы отправить ихъ на продажу въ рабство. «Тотъ самый корабль,—говоритъ Гельсгеръ,—который привезъ благородный отвѣтъ Фердинанда и Изабеллы, чтобы Колумбъ отыскалъ какія-нибудь другія средства для обращенія въ христіанство свирѣпыхъ людоедовъ, только не рабство, отправился обратно, нагруженный невольниками, которые были набраны среди кроткихъ жителей острова Эспаньола». Поступокъ этотъ имѣлъ огромное значеніе, какъ первый шагъ къ тѣмъ жалкимъ униженіямъ, на какія Колумбъ обрекъ этихъ несчастныхъ созданій, о существованіи которыхъ онъ повѣдалъ міру. Почти одновременно съ этимъ, въ письмѣ своемъ къ Сантангелу, онъ давалъ понять, что въ будущемъ торговля невольниками обуславливается именно этимъ существованіемъ дикарей. Оправданіемъ ему служить примѣръ церкви и королей, которые прибѣгали къ такому безчеловѣчному средству для покрытія расходовъ въ завоеванныхъ земляхъ. Португальцы сдѣлали это въ Африкѣ; испанцы—въ Испаніи. Современная исторія того вѣка, такъ сказать, звучитъ стономъ и рыданіями такихъ негритянскихъ и мавританскихъ жертвъ. Католицизмъ не краснѣя санкціони-

1495 г.
24 февраля.
Флотъ возвра-
щается изъ
Испанію.

Вывозъ не-
вольниковъ.

Колумбъ и
рабство.

роваль такое позорное преступленіе. Теологи доказывали, что Слово Божіе можетъ обречьъ человѣческія существа на страданіе и горе, если только въ награду за это дается свободный пропускъ въ христіанскій рай.

Колумбъ считалъ себя выше всѣхъ ученыхъ своего времени въ области космографическихъ знаній; такова была заслуга, которую онъ себѣ присвоивалъ. Заслуга же Ласказаса состояла въ томъ, что онъ противопоставилъ грязнымъ страстямъ поработителя свѣтъ религіи, которая была выше всяческихъ лжеумудрствованій и чище корыстолюбивыхъ расчетовъ. Существованіе Ласказаса есть приговоръ Колумбу.

Разумѣется, невозможно требовать отъ слабаго человѣчества, чтобы оно было совершенно во всѣхъ своихъ поступкахъ; на этомъ умо-заключеніи основана жалкая защита Колумба, родоначальника американскаго рабства.

Вскорѣ случилось пѣчто ужасное. Въ Царской Долинѣ начали собираться толпы вопиственныхъ дикарей; Колумбъ, окончательно выздоровѣвшій, могъ собрать для своей защиты только двѣсти человѣкъ пѣхоты и двадцать человѣкъ кавалеріи, но его солдаты были въ желѣзныхъ латахъ, а туземцы сражались нагишомъ. Въ этомъ отношеніи борьба была неравная, тѣмъ болѣе, что испанцы могли теперь брать съ собою на поле битвы штукъ двадцать свирѣпыхъ ищеекъ. Обнаженные тѣла индійцевъ были беззащитны противъ ненасытной кровожадности этихъ страшныхъ псовъ.

*Индійцевъ
преслѣдуютъ
собаки.*

27 марта 1495 года Колумбъ во главѣ своей маленькой арміи выступилъ изъ Пзабеллы, чтобы сразиться съ туземнымъ войскомъ, которое, по свидѣтельству Ласказаса, состояло изъ 100.000 человѣкъ, скученныхъ подъ предводительствомъ Маникаотекса. Бѣлые поднялись на гору черезъ Проходъ Гидальго, гдѣ Колумбъ годъ тому назадъ продолжилъ дорогу, и спустились въ прелестную долину, которая еще недавно была для нихъ гостепріимнымъ раемъ. Приблизившись къ ордѣ дикарей, Колумбъ отдалъ приказанія: испанцы должны были атаковать непріятеля сразу, разнообразя способы нападенія. Индійцы были застигнуты врасплохъ выстрѣлами изъ аркебузъ; стрѣляли со всѣхъ сторонъ подъ прикрытіемъ лѣсной чащи, а громъ непріятельскихъ барабановъ и звуки трубъ заглушали крики дикарей. Туземцы, пораженные и приведенные въ смятеніе, не знали, что дѣлать; Охеда воспользовался этой минутой всеобщаго замѣшательства и бросился со своими всадниками, вооруженными коньями, прямо въ средину этой массы темнокожихъ дикарей. Собаки бѣжали въ толпу съ фланга, исполняя свою кровавую работу. Расправа была короткая. Лѣса наполнились дикарями, бѣжавшими съ криками ужаса. Союзъ кациковъ былъ сломленъ и побѣдителямъ оставалась только забота собирать массы своихъ плѣнниковъ. Гваканатари, слѣдовавшій

*1495 г.
27 марта
Колумбъ вы-
ступаетъ
противъ
индійцевъ.*

*и сражается
съ ними въ
Царской
Долинѣ*

за бѣлою арміею съ толпою своихъ подданныхъ, смотрѣлъ на происходившее, удивленный не менѣе индійцевъ, потерпѣвшихъ пораженіе. Ему не пришлось принять участія въ сраженіи. Индійцы были разбиты на голову. Эта замѣчательная битва произошла 25 апрѣля 1495 г.; она является центромъ въ невообразимой путаницѣ событій, такъ

1495 г.

25 апрѣля.

Охеда беретъ
въ плѣнъ
Каонабо.

какъ не всегда возможно установить ихъ послѣдовательность, благодаря способу передачи ихъ нашими авторитетами. Вопросъ, какъ отдѣлаться отъ Каонабо, былъ теперь самымъ важнымъ. Онъ былъ рѣшенъ, благодаря хитрости и находчивости Охеда. Послѣдній представилъ свой планъ адмиралу, который приказалъ Охедѣ привести его въ исполненіе. Взявъ съ собою десять человѣкъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться, Охеда смѣло розыскалъ деревню, гдѣ жилъ Каонабо, и съ безстрашнымъ лукавствомъ отдался въ руки кацика. Начальникъ дикарей не былъ лишенъ рыцарскаго благородства; довѣріе и отвага Охеда поправились ему. Онъ принялъ Охеду какъ своего гостя и они обмѣнялись выраженіями взаимнаго уваженія. Охеда предложилъ Каонабо отправиться съ нимъ въ Пзабеллу, чтобы заключить дружественный договоръ съ вице-королемъ. Тогда между индійцами и испанцами наступилъ полный миръ. Каонабо часто съ восторженнымъ удивленіемъ слушалъ рассказы о большомъ колоколѣ въ капеллѣ, въ Пзабеллѣ; онъ слышалъ, какъ звонили въ этотъ колоколъ, когда ему приходилось укрываться поблизости селенія, поэтому онъ легко пошелъ на удочку, когда Охеда обѣщалъ, что ему подарятъ этотъ колоколъ. Охеда уже поздравлялъ себя съ успѣхомъ подстроенной имъ ловушки, но кацикъ разстроилъ его планы, пожелавъ сдѣлать визитъ Колумбу въ сопровожденіи многочисленнаго вооруженнаго войска. Чтобы помѣшать этому, Охеда прибѣгнулъ къ хитрости, рассказъ о которой сохранился у Ласказаса; по словамъ этого историка, ему нрѣдко приходилось его слышать, когда шесть лѣтъ спустя онъ впервые прибылъ на этотъ островъ. Муньоцъ не вѣрилъ этому разсказу; но, по мнѣнію Гельпса, онъ весьма правдоподобенъ.

Испанцы и индійцы шли вмѣстѣ и стали лагеремъ возлѣ рѣки. Охеда показалъ цѣлую серію ручныхъ кацаловъ и сказалъ кацикѣ, что эти украшения испанскій король надѣваетъ въ торжественныхъ случаяхъ и приказалъ подарить ихъ самому именитому туземному государю. Сперва Охеда предложилъ кацикѣ выкупаться въ рѣкѣ. Когда они переплыли рѣку, Охеда усадилъ Каонабо верхомъ, позади себя на своего коня. Блестящія игрушки очутились на рукахъ дикаря, по видимому, не возбудивъ въ немъ никакого подозрѣнія, посреди гордаго восторга индійцевъ при видѣ своего начальника высоко сидящимъ на дивномъ животномъ. Охеда и его копѣеносцы помчались галопомъ во весь карьеръ, заставивъ разбѣжаться въ разныя стороны изумленную свиту кацика. Затѣмъ, когда кругъ порядкомъ раздался,

Охеда прищпорилъ своего коня, а весь отрядъ всадниковъ бросился стрѣлою въ лѣсъ. Испанцы остановились только тогда, когда уже индійцы кацика не могли ихъ настигнуть и покрѣпче прикрутили Каонабо къ сѣдлу. Такимъ-то образомъ, эта маленькая кавалькада примчалась въ Пзабеллу съ плѣннымъ кацикомъ въ оковахъ.

Въ моментъ встрѣчи чувства, волновавшія Колумба и его плѣнника, были весьма различны: адмиралъ радовался, что сильнѣйшій его врагъ, наконецъ, попалъ въ его руки, а кацикъ не испытывалъ ни малѣйшей робости, увѣренный въ неприкосновенности своихъ правъ. Ласказасъ рассказываетъ, что когда Каонабо лежалъ, скованный, въ одной изъ комнатъ въ домѣ адмирала, народъ приходилъ посмотреть на него. Ласказасъ говоритъ также, что отважный Охеда былъ единственный человѣкъ, въ отношеніи котораго плѣнникъ выказывалъ нѣкоторое почтеніе, выражая этимъ удивленіе его смѣлости. Онъ держалъ себя съ равнодушной надменностью по отношенію къ адмиралу, у котораго, по его выраженію, не хватило мужества сдѣлать самому то, что онъ поручилъ своему храброму лейтенанту.

*Каонабо
передъ
Колумбомъ.*

Теперь Охеда вернулся на свой постъ въ фортъ Св. Томы, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда братъ Каонабо собралъ индійцевъ для новаго нападенія. И тутъ Охеду спасла его неустрашимая отвага. Онъ привелъ съ собою отрядъ новыхъ солдатъ; оставивъ гарнизонъ въ крѣпости, онъ сдѣлалъ вылазку со своими всадниками; пѣшихъ съ нимъ было столько человѣкъ, сколько онъ могъ вооружить. Охеда атаковалъ непріятельскую орду, — натискъ блестящихъ лошадей и сабельные удары быстро разорвали ряды темнокожихъ. Дикари бѣжали, оставивъ своего предводителя въ плѣну у Охеды.

*Охеда
атакуетъ
индійцевъ.*

Колумбъ по всей странѣ торжествовалъ побѣду за побѣдой надъ индійцами. Всякое сопротивленіе со стороны индійцевъ было также легко подавить. Долина успокоилась, наконецъ, въ мрачной покорности. Союзные кацики пошли все на мировую, исключая Бегекю, царствовавшего на юго-западномъ концѣ острова. Бѣлые еще не захватили его территоріи. Онъ угрюмо удалился восвояси, увезя съ собою сестру свою, Анакаону, жену взятаго въ плѣнъ Каонабо.

Борьба и послѣдовавшее затѣмъ оцѣпенѣніе рѣшили судьбу несчастныхъ туземцевъ. Началась во всемъ своемъ ужасѣ система управленія, при которой, путемъ насилия, людей заставляли платить испанской алчности подать за право жизни и собственности; вскорѣ туземцевъ заставили работать на испанскихъ фермахъ, которыя подъ названіями «repartimientos» и «encomiendas» имѣли деморализующее вліяніе на жизнь господина и раба. Когда же плѣнниковъ набралось такое громадное множество, что стало обременительно стеречь ихъ, то очень скоро была рѣшена торговля невольниками въ пользу испанской короны и такой

«Repartimientos» и «encomiendas».

исходъ сталъ однимъ изъ элементовъ колониальной политики Испаніи. По мнѣнію Колумба, теперь у него были нѣкоторые шансы опровергнуть обвиненіе Маргарита и патера Бойля, представивъ осязательные доходы въ видѣ живого мяса темнокожихъ и блестящаго металла. На основаніи такихъ соображеній была установлена цѣлая система принудительной контрибуціи золотомъ. Каждый туземецъ старше четырнадцати лѣтъ былъ обязанъ вносить черезъ каждые три мѣсяца въ испанскую казну свою долю золота, которая должна была равняться вмѣстимости полбубеньчика для обыкновенныхъ дикарей и вмѣстимости тыквенной бутылки для кацика. Въ областяхъ, удаленныхъ отъ золотыхъ мѣсторожденій, золото замѣнялось хлопкомъ, по двадцатипяти фунтовъ съ каждаго человѣка. На шею каждаго индѣйца вѣшали мѣдную медаль за каждую уплату дани, а если кто забывалъ показать свои медали, съ того взыскивались новыя подати. Размѣръ золотой подати превышалъ то количество, какое могли добыть несчастные туземцы, и Гваріонексъ просилъ, чтобы вмѣсто золота испанцы брали хлѣбъ, но Колумбъ былъ неумолимъ въ своей алчности къ золоту. Онъ предпочелъ сократить подать, лишь бы не измѣнить ея родъ. Ему было пріятнѣе получать полбубеньчика золота, чѣмъ груды хлѣба. «Какъ странно, — пишетъ Првингъ, — тяжелые труды несчастныхъ туземцевъ стали вымѣривать тѣми самыми игрушками, которые сперва такъ очаровали ихъ».

Для того, чтобы обезпечить взносъ этихъ платежей, оказалось необходимымъ учреждать по всей странѣ вооруженные посты; ^{Новые форты.} ихъ настроили нѣсколько на скорую руку — фортъ Магдалины въ Долину, фортъ Надежды въ Цибао, фортъ Каталины вмѣстѣ съ фортами Св. Зачатія, о которомъ уже было упомянуто.

Жалкая переменѣна произошла въ жизни туземцевъ. Промываніе ^{Приниженіе туземцевъ.} рѣчного песка для полученія золота еще недавно было для нихъ простой забавою, имѣвшей пѣлью добыть нѣсколько кусочковъ блестящаго металла, чтобы повѣсить ихъ на себя въ видѣ украшеній; теперь же добыча золота обратилась въ униженный тяжкій трудъ. Они должны были обрабатывать поля подъ лучами тропическаго солнца тамъ, гдѣ прежде грѣлись, веселые и беззаботные; ихъ природная веселость обратилась въ горькое отчаяніе. Они выразили свои страданія въ грустныхъ пѣсняхъ, какъ рассказываетъ Петеръ Мартиръ. Постепенно они ушли со своихъ старыхъ пещищъ и, прячась въ горахъ, пытались избѣжать контрибуцій; они думали, что испанцы, не имѣя возможности эксплуатировать трудъ туземцевъ, принуждены будутъ покинуть свои посты и удалиться въ Пизабеллу, а, можетъ быть, и совсѣмъ покинуть островъ. Они предпочитали жить въ проголодь, прячась въ нездоровыхъ сырыхъ вертепахъ, тяжелымъ работамъ подъ надзоромъ смотрителя. Они вымирали въ своихъ укромныхъ убожищахъ, лишь бы не возвращаться къ своимъ ужаснымъ работамъ. Даже для испытаннаго друга испанцевъ,

Гваканнагари, не было сдѣлано исключенія. И онъ, и народъ его страдали подъ тяжестью контрибуцій вмѣстѣ съ остальными своими соотечественниками. Говорятъ, что въ концѣ концовъ *Гваканнагари исчезаютъ.* кацикъ этотъ похоронилъ себя заживо въ неприступныхъ горахъ и скрылся такимъ образомъ отъ людскихъ глазъ.

Но испанцевъ не такъ-то легко было заставить отказаться отъ разъ намѣченныхъ ими цѣлей. Они дѣлали себѣ забаву, выпуская собакъ на несчастныхъ созданій; тѣ, которые оставались въ живыхъ, водворялись въ рабство, подгоняемые ударами плети. Всякое чувство мщенія было такъ глубоко искоренено въ робкихъ отъ природы индійцахъ, что, по словамъ Ласказаса, каждый испанецъ могъ преспокойно ходить въ одиночку по самымъ отдаленнымъ дебрямъ острова и быть увѣреннымъ, что всѣ его требованія будутъ безпрекословно исполнены.

Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе произвели жалобы Маргарита и патера Бойля на испанскій дворъ. Безъ сомнѣнія, при созиданіи вышеописанной системы жестокихъ поборовъ съ туземцевъ, Колумбъ руководился страхомъ, какъ бы два вышеназванныхъ врага его не повлияли на его царственныхъ покровителей; въ тоже время онъ разсчитывалъ отвѣтить на ихъ пасмѣшливые разсказы о его неудачахъ отправкой въ Испанію богатой дани. Обвиненіе Колумба въ томъ, что онъ велъ плохо дѣла колоніи и отправилъ къ ихъ величествамъ лживый докладъ, произвело желаемый эффектъ, такъ какъ съ противной стороны не явилось никакихъ опроверженій. Тутъ были пущены въ дѣло и зависть, и гордость, причѣмъ ни словомъ не упоминалось ни объ одномъ смягчающемъ обстоятельстве.

*Кредитъ
Колумба
въ Испаніи.*

Подозрительная сдержанность, какою болѣе или менѣе было проникнуто отношеніе Фердинанда къ поступкамъ героя, получила почву, и въ душѣ короля пробудились новыя тревожныя опасенія. Историки обвиняютъ Фонсеку и контролера Хуана де-Сорія въ томъ, что они поддались всяческому инсинуаціямъ противъ вице-короля. Канонизаторы не находятъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія ненависти къ Фонсекѣ. Они попеременно дѣлаютъ изъ него то креатуру, то человѣка, подчинившаго своему влиянію короля. Всѣ они изображаютъ его человѣкомъ низкопоклоннымъ, занимавшимся продажей епископскихъ мѣстъ, и ярымъ ненавистникомъ Колумба.

Такимъ образомъ врагамъ Колумба удалось обвинить его. Свидѣтельство сборщика податей, возражавшаго противъ обвиненій, не представляло большого значенія. 7 апрѣля 1495 года были сдѣланы распоряженія о немедленной отправкѣ припасовъ для продовольствія колоніи, а два дня спустя испанское правительство условилось съ Беради,—съ которымъ, какъ мы уже видѣли, состоялъ въ товариществѣ Веспуччи,—относительно снаряженія двѣнадцати кораблей въ Эспаньолу. Было рѣшено послать агента для разслѣдованія положенія дѣлъ въ колоніи. Въ томъ случаѣ, если онъ не застанетъ адмирала,—

продолжительность его крейсировки уже возбудила опасенія насчетъ его цѣлости,—тому же самому агенту было поручено присмотрѣть за раздачей припасовъ, которые онъ везъ съ собою. Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда Торресь, въ апрѣлѣ 1495 года, прибывъ со своимъ флотомъ, объявилъ о благополучномъ возвращеніи адмирала и представилъ ихъ величествамъ нотаріальный документъ, въ которомъ, ради своего личнаго удовлетворенія, Колумбъ доказывалъ, что Золотой Херсонесъ былъ у него подъ самымъ носомъ. Разсказъ Првинга, будто эта фантазія географическаго предвѣдѣнія придала экспедиціи Колумба мгновенный блескъ и снова вызвала у ихъ величествъ порывъ благодарности къ адмиралу, долженъ быть отнесенъ къ вымысламъ воображенія; вѣрно только то, что испанскіе государи не отказались отъ своего рѣшенія послать въ колонію развѣдчика; для этой миссіи былъ выбранъ тотъ самый Хуанъ Агуадо, чѣмъ привезъ вѣрительныя грамоты отъ адмирала.

Агуадо посылается въ Испаньолу.

Агуадо везъ адмиралу нѣсколько новыхъ приказаній, которыя ясно показали Колумбу, что его исключительная власть была серьезна ослаблена. 10 апрѣля 1495 года, вышелъ указъ, которымъ каждому природному испанцу дозволялось свободно ходить по морямъ, какія доселѣ были ненарушимо предоставлены Колумбу; такому мореплавателю дозволялось открывать, чѣмъ онъ только будетъ въ силахъ открыть, и даже колонизироваться на Эспаньолѣ. Указъ этотъ позднѣе былъ причиною серьезной жалобы со стороны Колумба, такъ какъ этимъ дозволеніемъ воспользовались недостойные пройдохи. Онъ заявляетъ, что послѣ того, какъ имъ указана дорога, даже портные могутъ попасть въ изслѣдователи. Повидимому, это безконтрольное плаваніе по океану, продолжавшееся, пока Колумбъ не убѣдилъ своихъ манарховъ отмѣнить указъ въ іюнѣ 1497 года, ввело въ картографію того времени массу новыхъ областей, начало которыхъ трудно прослѣдить. Гомара увѣряетъ, что въ продолженіе этого періода было много безымянныхъ путешественниковъ, о дѣятельности которыхъ у насъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ; Наварреть и Гумбольдтъ находятъ доказательства многихъ изслѣдованій, которыя иначе невозможно было бы объяснить.

*1495 г.
10 апрѣля.
Всѣмъ испанцамъ дозволяется производить изслѣдованія.*

Безымянные путешественники.

Какъ далеко съ этой стороны простирались происки враговъ Колумба, не выяснено. Говорятъ, что тѣ изъ Пинзоновъ, которые оставались въ живыхъ, отчасти повліяли на рѣшеніе монарховъ, но, безъ сомнѣнія, при этомъ играло немалое значеніе участіе короны въ прибыляхъ отъ всѣхъ подобныхъ спекуляцій; соображенія эти были такою же побудительной причиною изданнаго указа, какъ и настоятельныя домогательства мореплавателей. Расходы по снаряженію официальныхъ экспедицій были обременительны для истощенной королевской казны; интересы казны были отодвинуты на задній планъ, благодаря полномочіямъ, какія Колумбу удалось выманить у

Враги Колумба.

испанской короны, сообразившей, наконецъ, всю невыгодность для государства подобныхъ привилегій.

Въ это же время между Фонсекой и Діего Колономъ произошло неприятое объясненіе. Братъ адмирала привезъ золото, которое, по его заявленію, принадлежало лично ему. Фонсека задержалъ это золото, но въ концѣ концовъ послушался королевскаго приказа и вернулъ его Діего. Было не время усложнять еще болѣе отношенія короны къ вице-королю, находившемуся такъ далеко.

*Фонсека
и Діего
Колонъ.*

Агуадо привезъ королевское письмо, въ которомъ Колумбу повелѣвалось уменьшить до пятисотъ человекъ штатъ колониальнаго управленія въ виду необходимости сокращенія расходовъ. Оно состояло первоначально изъ тысячи человекъ. Приказывалось также контролировать раздачу провіанта. Присланъ былъ новый металлургъ и знатокъ горнаго дѣла, Пабло Бельвисъ, которому были даны чрезвычайно большія льготы по разработкѣ рудниковъ. По словамъ Муньоца, онъ ввелъ здѣсь отдѣленіе золота отъ песка посредствомъ ртути. Наѣхало множество патеровъ, чтобы замѣстить тѣхъ, которые вернулись или предполагали вернуться на родину.

*Королевское
письмо къ
Колумбу.*

Таковы были инструкціи и дѣятелн, которыхъ Агуадо долженъ былъ доставить Колумбу. Замѣчалось еще и другое стремленіе въ политикѣ испанскаго правительства, представлявшее мало успокоительнаго для вице-короля. Отправка плѣнниковъ вызвала серьезный вопросъ. Колумбъ отлично зналъ, что ему не было дано полномочій на обращеніе туземцевъ въ рабство; но въ первую минуту послѣдовалъ королевскій приказъ отправить живой товаръ, присланный адмираломъ, для продажи на рынкахъ въ Андалузіи. Нѣсколькими днями позже, благодаря вліянію Изабеллы, исполненіе этого приказа было приостановлено, пока не выяснится, почему эти туземцы были захвачены въ плѣнъ и пока теологи не выскажутъ своего заключенія относительно законности подобной продажи. Если вѣрить Бернальдецу, описывающему страданія этихъ несчастныхъ, ихъ продали впослѣдствіи въ Севилью. Однако, Муньоцъ говоритъ, что ему не удалось узнать, было-ли когда-либо разрѣшено сомнѣніе, тревожившее теологовъ. Такая перфшительность ставила вице-короля въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ единственное средство немедленно добыть золото, которое отъ него требовала корона, чуть не ушло у него изъ рукъ, благодаря тому, что Колумбъ называлъ не кетати выказаннымъ милосердіемъ королевы. Онъ не понималъ, какъ объясняетъ Муньоцъ, почему бы не подвергнуть самымъ жестокимъ карамъ вассаловъ короны, осмѣлившихся выказать сопротивленіе. Гумбольдта поражаетъ такая перфшительность по поводу продажи въ рабство индійцевъ, между тѣмъ какъ великій инквизиторъ, Торквемада, сожигалъ въ то же время еретиковъ съ такою ненасытной лю-

*Колумбъ и
рабство.*

тостью, что подобныя жертвоприношенія несчастныхъ мавровъ и евреевъ доходили до 8.800 человекъ между 1481 и 1498 годами!

Агуадо съ четырьмя судами, въ сопровожденіи Діега Колумба, вышелъ изъ Кадикса въ концѣ августа 1495 года и прибылъ въ гавань Пзабеллы въ началѣ октября. Новый уполномоченный короля не засталъ адмирала, который былъ занятъ дѣлами въ другой части острова. Агуадо тотчасъ же заявилъ о данныхъ ему полномочіяхъ. Они заключались въ краткомъ посланіи, помѣченномъ 9 апрѣля 1495 года. Вотъ содержаніе этого письма въ переводѣ Првинга: «Рыцари, оруженосцы и прочія лица, находящіеся по нашему повелѣнію въ Индіи, посылаемъ къ вамъ Хуана Агуадо, нашего камергера, который будетъ съ вами говорить отъ нашего имени. Повелѣваемъ вамъ вѣрить ему». Дѣйствительный смыслъ такого приказа относился къ дѣламъ короля, которые за нимъ были скрыты, и отъ благоусмотрѣнія уполномоченнаго, которому было предоставлено сообразоваться съ этими дѣлами, какъ ему заблагоразсудится. Првингъ и другіе авторы обвиняли Агуадо въ томъ, что онъ перешелъ границы полномочій, данныхъ ему монархами, возгордившись своей временной властью. Вопросъ этотъ трудно разрѣшить. Повидимому, когда вышеприведенный актъ былъ провозглашенъ при звукѣ трубъ, никому не пришло въ голову, чтобы королевскій приказъ отмѣнялъ полномочія вице-короля. Аделантадо, управлявшій дѣлами колоніи во время отсутствія Колумба, увидалъ, что новый уполномоченный короля отдаетъ приказанія объ арестахъ, отмѣняетъ распоряженія его, аделантадо, и вездѣ присвоиваетъ себѣ власть губернатора. Бартоломею оставалось лишь кротко дѣлать представленія. Онъ хорошо понималъ, что небезопасно раздражать огромную массу недозвольныхъ колонистовъ, которые теперь открыто заявляли, что король прислалъ имъ защитника.

Колумбъ слышалъ о пріѣздѣ Агуадо и тотчасъ же возвратился въ Пзабеллу. Агуадо отправился на встрѣчу ему въ сопровожденіи отряда всадниковъ, но ошибся дорогой, поэтому свиданіе ихъ состоялось позже. Когда дошло дѣло до объясненій, Колумбъ съ видомъ полнымъ благородной вѣжливости преклонился передъ высшей властью. Рассказываютъ, что такая спокойная покорность не понравилась Агуадо, который рассчитывалъ въ случаѣ ссоры прибѣгнуть къ рѣшительнымъ насильственнымъ мѣрамъ. Говорятъ также, что впоследствии онъ пытался доказать, что Колумбъ не былъ такъ учтивъ и сговорчивъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

Тотчасъ же обнаружилось, что это отрѣшеніе адмирала отъ должности воскресило надежду даже въ душѣ туземцевъ; кадики ихъ посѣщали представитѣлей верховной власти свои жалобы, разумѣется, подтвержденные доказательствами, на безчеловѣчныя вымогательства и насилія адмирала.

Такимъ образомъ у Агуадо составилъ порядочный запасъ обви-

1495 г.
октябрь.
Агуадо въ
Пзабеллу.

Встрѣча
Агуадо съ
Колумбомъ.

нений противъ Колумба и королевскій агентъ сталъ готовиться къ отплытію въ Испанію. Положеніе Колумба становилось серьезнымъ. Во всемъ этомъ разборѣ его правительственной дѣятельности онъ усмотрѣлъ происки Маргарита и патера Бойли.

Онъ обвиняетъ Колумба.

Ему была извѣстна вредная убѣдительность доводовъ Пинзоновъ. На умѣнье Діего въ роли защитника была плохая надежда. Ничего другого ему не оставалось, какъ самолично отвѣтить на обвиненія, какія собирался подкрѣпить Агуадо. Онъ рѣшился вернуться въ Испанію на отплавившихъ туда корабляхъ. «Одной изъ странныхъ особенностей въ исторической судьбѣ Колумба, — говоритъ Првингъ, — является тотъ фактъ, что, потративъ столько лѣтъ для того, чтобы убѣдить людей о существованіи новаго міра, который надобно открыть, ему потребовалось почти столько же труда, чтобы доказать имъ всю выгоду этого открытія». Самому ему никогда этого не удалось доказать.

Корабли были готовы къ отплытію. Они стояли на якорѣ въ рейдѣ. На востокъ показалось облако пара и пыли. Надъ колоніей разразился такой страшный ураганъ, какого еще ни разу не видали испанцы и равнаго которому не запомнили туземцы. Ураганъ этотъ пронесся черезъ лѣса. Взбаламученное море кипѣло и пѣнилось, и волны его высоко вздымались, словно охваченныя ужасомъ; онѣ вышли изъ береговъ, разрушили естественныя преграды и затопили островъ. Ураганъ сорвалъ корабли съ якорей, изломалъ снасти, изорвалъ канаты; три судна пошли ко дну, остальные разбились о берегъ. Вся эта ужасная сумятица продолжалась три часа, затѣмъ надъ веѣмъ этимъ разрушеніемъ ярко засвѣтило солнце.

Крушеніе кораблей съ гавани.

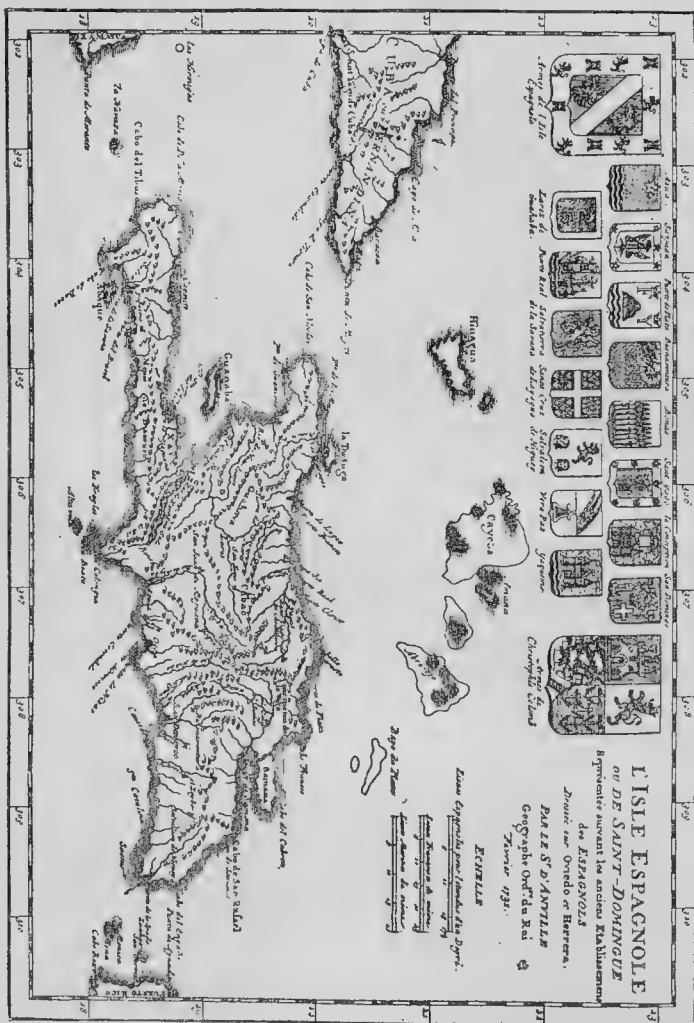
Въ гавани оставалось только одно судно, да и оно было обращено бурею въ щепки. То была «Нина», на которой Колумбъ совершилъ свою западную крейсеровку. Какъ только колонія пришла въ себя отъ неожиданнаго потрясенія, тотчасъ же были посланы солдаты починаить единственное оставшееся у испанцевъ судно и строить новое изъ оставшихся обломковъ.

Въ то время, какъ произошло все вышеописанное, въ Изабеллу явился молодой испанецъ, по имени Мигуэль Діацъ. Онъ находился раньше на службѣ у аделантадо и его тотчасъ же признали. Незадолго передъ тѣмъ этотъ юноша ранилъ другого испанца въ поединкѣ и предполагая, что рана его соперника была смертельна, онъ убѣжалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями въ лѣса; онъ скитался такимъ образомъ, пока не дошелъ до береговъ рѣки Оземы, на южномъ берегу острова, у устья которой стоитъ теперь городъ Санто-Доминго. Здѣсь, по его словамъ, онъ поправился, женился, кацiku этой области, и сдѣлался ея любовникомъ. Она открыла ему, что въ ея владѣніяхъ находятся богатые золотые руды; чтобы сдѣлать его жизнь болѣе пріятною въ ея обществѣ, она предложила ему узнать, не захочетъ-ли адмиралъ, узнавъ объ этихъ рудникахъ, оставить Изабеллу, гдѣ почва была низменная, и переселиться

Мигуэль Діацъ находитъ золото.

на берега Оземы. Побуждаемый рѣчами этой женщины, Діацъ съ помощью проводниковъ вернулся въ окрестности Цзабеллы, но укрывался, не рѣшаясь войти въ поселеніе, пока не узналъ, что противникъ его живъ. Тутъ, какъ уже сказано, онъ рѣшился войти въ городъ. Разсказъ его оказалъ благоприятное впечатлѣніе и аделантадо былъ тотчасъ-же посланъ съ войскомъ, чтобы проверить слова Діаца. Въ ско-

Поселеніа поселеніи въ Испаніи.
[Изъ „L'Isle Espagnole“ Шарльера (Амстердамъ, 1733 г.).]

Золото
Гайаны.

ромъ времени экспедиція вернулась назадъ. Близъ рѣки Гайаны она нашла такъ много золота, что въ сравненіи съ этими мѣсторожденіями розсыпи Цбао были ничтожны. Пзслѣдователи находили золото во всѣхъ рѣкахъ и замѣтили его присутствіе на склонахъ горъ. Они открыли двѣ глубокія пещеры, свидѣтельствовавшія, что когда-то здѣсь добывалъ золото болѣе предъ-

примчивый народъ, такъ какъ мѣстные жители ничего не знали объ этомъ. Еще разъ воображеніе адмирала воспламенилось мечтами. Онъ былъ убѣжденъ, что открылъ Офиръ Соломона. Уже не изъ этихъ-ли мѣсторожденій добывалось то золото, изъ котораго былъ построенъ великій храмъ? Развѣ адмиралъ не открылъ уже курсъ, по которому должны были слѣдовать корабли Соломона, отправлявшіеся за золотомъ? Вѣдь корабли эти шли изъ Персидскаго залива, обходя Золотой Херсонесъ, прямо на востокъ; а развѣ онъ не прошелъ тѣмъ же самымъ курсомъ на обратномъ пути въ Изабеллу? Вотъ то новое великолѣніе, какое онъ принесетъ въ дань испанскому двору. Названіе «Индія» было полно благоуханіями восточныхъ приностей и благовоній, а имя «Офиръ» будетъ сіять блескомъ золота! Такая вѣсть заслуживала, чтобы отвезти ее въ Европу.

Скоро были готовы оба судна. Аделантадо былъ оставленъ во главѣ управленія; въ случаѣ его смерти, его замѣщалъ Діего. Главнымъ судьей былъ назначенъ Франциско Ролданъ; патеры Хуанъ Берцоньонъ и Романъ Панэ оставались въ колоніи для миссіонерской пропаганды среди туземцевъ. Были даны инструкціи относительно занятія долины по рѣкѣ Оземъ и постройки тамъ форта. Діацъ и его царственная Каталина получили большое вліяніе.

Оба судна были биткомъ набиты, самымъ разношерстнымъ элементомъ—тутъ было до двухсотъ пятидесяти человѣкъ недовольныхъ и бродягъ. На одномъ суднѣ былъ Колумбъ, на другомъ Агуадо. Они вышли изъ гавани 10 марта 1496 года. Путешествіе ихъ было полно приключеній и опасностей. Они везли съ собою до тридцати индійцевъ-плѣнниковъ, въ ихъ числѣ и Каонабо, закованнаго въ кандалы, съ его родственниками. Колумбъ говорилъ Бернальдецу, что онъ взялъ съ собою начальника индійцевъ съ цѣлью показать ему испанское могущество, намѣреваясь затѣмъ отослать его на родину и отпустить его на свободу. Освободился Кацикъ инымъ путемъ. Тутъ есть нѣкоторое разногласіе относительно этого обстоятельства; одни говорятъ, что онъ утонулъ во время бури въ гавани, другіе—что онъ умеръ на пути въ Испанію, съ отчаянія. Последнее, кажется, болѣе достоверно. Во всякомъ случаѣ, онъ никогда не появлялся въ Испаніи и въ послѣдній разъ мы съ нимъ встрѣчаемся на кораблѣ.

Мы уже говорили, что, возвращаясь въ Испанію, въ 1492 году, Колумбъ шелъ сперва на сѣверъ, а затѣмъ уже повернулъ на востокъ. Неизвѣстно, зналъ-ли онъ что-либо о восточныхъ курсахъ Торреса. Можетъ быть, онъ пошелъ прямо на востокъ, желая сдѣлать новый опытъ. Ему на встрѣчу дули пассатные вѣтры и море было тихо какъ у тропиковъ; онъ шелъ уже около мѣсяца, и вотъ, 6 апрѣля, очутился снова у острововъ карибовъ. Экипажъ его нуждался въ провіантѣ и онъ отправился за нимъ къ берегу. На минуту онъ остановился у Маригаланте, а затѣмъ отправился къ Гвадалупѣ.

*Офиръ
Соломона.*

*1496 г.
10 марта
Колумбъ и
Агуадо вышли
изъ Испаніи,
заключивъ съ со-
бою
Каонабо.*

*6 апрѣля
1496 г.*

Ему было не такъ-то легко высадиться на берегъ, потому что тутъ собралась огромная толпа дикарей; они кричали и грозили ^{На} бѣлымъ. Залпомъ изъ аркебузъ испанцы прорѣзали себѣ ^{Гвадалупъ.} дорогу, а затѣмъ отрядъ людей Колумба захватилъ въ лѣсу нѣсколько храбрыхъ женщинъ этого племени. Ихъ всѣхъ отпустили назадъ, за исключеніемъ одной сильной женщины огромнаго роста, которая вмѣстѣ съ дочерью отказалась возвратиться къ своимъ лѣсамъ; причина этого, какъ говорятъ, была пылкая страсть, которою она загорѣлась къ Каонабо. 20 числа корабли опять поплыли далѣе; но тѣ же самые пассатные вѣтры снова сбили ихъ съ дороги и продержали еще цѣлый мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ. Въ началѣ іюня у нихъ ^{1496 г.} ^{іюнь.} осталось такъ мало провіанта, что имъ угрожалъ голодъ; тутъ поднялись толки, не придется ли путешественникамъ послѣдовать примѣру карибовъ и попробовать мяса индійцевъ. Но Колумбъ возразилъ, что эти несчастныя существа—христіане и не заслуживаютъ такой ужасной участи; однако, оказалось, что христіанство не спасло ихъ отъ участи быть проданными въ Андалузію гуртомъ. Чутье Колумба убѣдило его, что земля недалеко и его предположенія были подтверждены счисленіемъ по лагу. Однако, мнѣніе Колумба возбудило споръ; многимъ, даже самымъ опытнымъ кормчимъ, находившимся на кораблѣ, было не понятно, какъ могли они очутиться такъ близко къ мысу Св. Винцента, какъ увѣрялъ адмиралъ. Нѣкоторые изъ этихъ моряковъ плавали въ Бискайскій заливъ, другіе даже въ Англійскій проливъ. Ночью Колумбъ приказалъ имъ убрать паруса: земля была совсѣмъ близко. На утро они увидѣли землю неподалеку отъ мыса Св. Винцента. 11 іюня они вошли въ Кадикскую гавань.

^{1496 г.}
^{11 іюня.}
^{Кадикса.}

Глава XV.

Въ Испаніи, 1496—1498 гг.

Да-Гама, Веспуччи, Каботъ.

Вотъ что говоритъ Првингъ о высадкѣ экипажа Колумба: «Эти несчастные выползали, изнуренные болѣзнями въ колоніи ^{1496 г.} и тяжкими лишеніями путешествія; ихъ желтыя лица, по ^{Колумбъ} выраженію одного стариннаго писателя, являлись пародіей ^{приходитъ} того золота, которое было предметомъ ихъ стремленій и всѣ ихъ рассказы ^{въ Каокисъ} о Новомъ Свѣтѣ сводились къ жалобѣ на болѣзнь, бѣдность и разочарованіе». Въ этомъ лежитъ причина контраста настоящей встрѣчи съ тою, какой привѣтствовали возвращеніе Колумба въ Палось.

Колумбъ высадился въ Кадиксъ одѣтый въ рясу францисканскаго монаха и опоясанный веревкой. Онъ обросъ длинной бородой. Неизвѣстно, совершалъ-ли онъ обѣтъ покаянія или желалъ расположить къ себѣ народъ этой публичной выставкой благочестія. Овiedo говоритъ, что этимъ онъ хотѣлъ выразить свою покорность судьбѣ; его униженная гордость нуждалась въ подобномъ выраженіи.

Въ гавани стояли три грузовыя судна, готовившіяся выйти въ море; они отправлялись въ Эспаньолу съ запоздавшимъ провіантомъ. Предположено было послать часть этихъ запасовъ въ январѣ; но корабли, нагруженные ими, потерпѣли крушеніе у соеѣдинхъ береговъ. Онъ успѣлъ только взять у Педро Алонзо Ниньо, командира этого маленькаго флота, адресованныя къ нему письма,—ему необходимо было узнать настроеніе умовъ въ Испаніи, съ которымъ ему предстояло имѣть дѣло. Болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, письма эти показали ему крайнюю необходимость сдѣлать изъ колоніи доходную статью для испанской короны. Было ясно, какъ день, что ихъ величества не желали терпѣть долѣе разлада среди колонистовъ ^{и узнаетъ} и нести непронизводительные расходы. И такъ онъ отпра- ^{о настроеніи} вилъ къ аделантадо съ этими кораблями письмо, чтобы тотъ уско- ^{умовъ въ} рилъ отправку экспедиціи, успокоилъ колонистовъ, и установилъ бы ^{Испаніи.} такой надзоръ за собираніемъ даннъ съ острова, чтобы золото полилось широкой рѣкой въ испанское казначейство. Для этого необходимо было произвести дальнѣйшія развѣдки въ новыхъ мѣсторожде-

нѣхъ Гайаны и усердно приняты за ихъ разработку. По близости не мѣшало бы устроить пристань для нагрузки судовъ, и считать онъ далѣе. Флотъ вышелъ 17 июня 1496 года, унося эти инструкции Бартоломео. Не безъ тренета Колумбъ послалъ извѣстить Дворъ о своемъ прибытіи. Если бы сохранились два письма, посланные имъ, мы бы яснѣе могли судить объ его душевномъ состояніи въ эту минуту.

Какъ только ихъ величества получили письма Колумба, въ Алмазанѣ, гдѣ онъ тогда находились, тотчасъ же, 12 июля 1496 года, они отвѣтили ему; они приглашали его явиться ко двору и ласковый тонъ ихъ письма ободрилъ его упавшій духъ. И такъ они отправились ко Двору немного успокоенный. Онъ взялъ въ свою свиту нѣсколько разряженныхъ индійцевъ; «въ городахъ» онъ приказывалъ кацiku надѣвать золотое ожерелье, на удивленіе толпы.

Бернальдець рассказываетъ, что Колумбъ съ такими хитрыми уловками совершилъ свой путь по Кастиліи, — «это самое ожерелье, прибавляетъ названный авторъ, и я видѣлъ и держалъ въ своихъ собственныхъ рукахъ»; тутъ же онъ описываетъ другія украшенія дикарей, которыя Колумбъ выставялъ напоказъ изумленной толпѣ зѣвакъ. Въ «Historie» 1571 года встрѣчается анохронизмъ, — тамъ говорится, что дворъ находился въ это время въ Бургосѣ, гдѣ праздновалось бракосочетаніе наслѣднаго принца съ принцессой Маргаритой австрійской. Авторъ «Historie» говоритъ, что самъ видѣлъ эти празднества, состоя въ это время пажемъ при донѣ Хуанѣ. Такая забывчивость со стороны Фердинанда Колумба, — если только книга написана имъ, — кажется намъ весьма странной: онъ относилъ къ одному и тому же времени два событія — прїѣздъ своего отца ко Двору съ парадомъ по этому случаю и празднество по случаю свадебнаго фествалиа. На самомъ же дѣлѣ свадьба королевскаго принца происходила девять мѣсяцевъ спустя, въ апрѣлѣ 1497 года.

Монархи приняли Колумба милостиво и адмиралъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы описать, по обыкновенію усиливая краски, богатства мѣсторожденій Офира. Ободренный впечатлѣніемъ, какое произвело его восторженное краснорѣчіе, онъ рѣшился попросить, чтобы ему дали другой флотъ — онъ пошлетъ его въ Испанюлу съ добавочными запасами, но главнымъ образомъ это дастъ ему возможность открыть материкъ, лежащій далѣе къ югу, о которомъ онъ такъ много слышалъ.

Монархамъ было не трудно давать пышныя обѣщанія, а еще легче забывать о нихъ, по крайней мѣрѣ, на время. Они были озабочены дѣлами, которыя касались ихъ политическаго честолюбія. Непріязненные отношенія къ Франціи требовали бдительнаго надзора за Пиренеями. Надо было держать постоянный флотъ на Средиземномъ морѣ и на

1496 г.
17 июня
Колумба пи-
шетъ письмо
къ Бартоло-
мео.

Его прила-
щаютъ каваль-
еру.

Король и ко-
ролева при-
нимаютъ
Колумба.

Онъ предла-
гаетъ новыя
требованія.

берегу Атлантическаго океана, чтобы отражать нападенія въ каждую данную минуту. Снаряжалась величественная армада, чтобы везти во Фландрію принцессу Хуану для обрученія ея съ Филиппомъ австрійскимъ. Та же армада должна была, возвращаясь, привести сестру Филиппа, Маргариту, нареченную невѣсту принца Хуана, для торжественнаго бракосочетанія, о которомъ уже было упомянуто.

Событія эти поглощали все вниманіе монарховъ; Колумбу по неволѣ приходилось выжидать болѣе удобнаго момента. Только осенью 1496 года были приняты мѣры по снаряженію небольшой эскадры для него. Но надежды, возбужденныя этими приготовлениями, скорѣ рухнули: королю понадобились ^{1496 г. Осень. Снаряжается новая экспедиція.} деньги, такъ какъ ожидалась война съ Франціей, и суммы, назначенныя для Колумба, были обращены на эту новую надобность. Хуже всего, по мнѣнію Колумба, было то, что приходилось отдать въ казну все золото, которое, Ниньо привезъ изъ мѣсторожденій Гайаны. Офицеръ этотъ, какъ только прибылъ въ Кадиксъ, тотчасъ же отправилъ ко Двору хвастливыя извѣстія относительно прибытія везеннаго имъ золота, но они оказались невѣрными, когда въ декабрѣ прочитано письмо отъ аделантадо, которое Ниньо позабылъ послать раньше. Ближайшимъ средствомъ раздобыть это золото являлись темнокожіе невольники, которыми были нагружены новоприбывшія суда; колонія по старому находилась въ бѣдственномъ положеніи, судя по письму Бартоломея. Такія извѣстія представляли мало утѣшительнаго для адмирала и для Двора; еще разъ Новый Свѣтъ съ пренебреженіемъ былъ всѣми поднятъ на смѣхъ.

Съ наступленіемъ весны 1497 года въ душѣ Колумба воскресли надежды. Свадьбу принца Хуана уже отпраздновали въ Бургосѣ и у королевы было теперь больше свободнаго времени, чтобы подумать о новооткрытыхъ земляхъ, которыя она приняла подъ свое покровительство. Король стано- ^{1497 г. Весна. Права, данныя Колумбу снова подтверждаются.} вился къ этому вопросу съ каждымъ днемъ равнодушіемъ, нѣкоторые же изъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ выказывали активную или пассивную враждебность къ дѣлу Колумба. Благодаря вліянію королевы, старыя права, дарованныя Колумбу были вновь подтверждены (23 апрѣля 1497 г.), и ему было предложено большое имѣніе въ Эспаньолѣ съ новымъ титуломъ; но онъ отлично понималъ, что принять этотъ подарокъ значило бы усложнить свои и безъ того запутанныя дѣла. Однако же, ему была дана возможность поправить хотя отчасти свои денежныя затрудненія; онъ освобождался отъ одной восьмой части издержекъ по изслѣдованіямъ за послѣдніе три ^{Новыя помощія.} года, но въ то же время отказывался отъ своихъ правъ на прибыли; что же касается до будущаго трехлѣтія, то Колумбу предоставлялись одна восьмая часть всего валоваго дохода и десятая часть съ чистой прибыли. Затѣмъ снова должно было войти въ силу первоначальное соглашеніе. Братъ его, Бартоломей, назначался на должность аде-

лантадо; такимъ образомъ административное распоряженіе адмирала получало королевскую санкцію. Въ привилегіяхъ, дарованныхъ Колумбу до его второго путешествія, ихъ величества вполне опредѣленно удерживали за собою право давать также другія льготы, и Фонсека являлся уполномоченнымъ отъ короны, такъ что Колумбу предоставлялось только одна восьмая часть пошлинъ съ вывоза и ввоза товаровъ потонно. Приказомъ 2 іюня 1497 г. отмѣнялись теперь всѣ прежнія привилегіи съ сохраненіемъ пунктовъ, которые были не совмѣстимы съ правами Колумба. Рѣшено было также, что испанское правительство предоставить въ

Фонсека
уполномо-
ченъ да-
вать приви-
легіи

Фердинандъ Арагонскій.

(Изъ коллекціи Буккингэма Смита, со стариннаго медаліона).

его распоряженіе команду изъ трехсотъ офицеровъ, солдатъ и служителей для его новой экспедиціи; число это можетъ быть затѣмъ увеличено, если доходы колоніи оправдаютъ затраченные на нее расходы. Колумбу было дано полномочіе жаловать землю тѣмъ изъ колонистовъ, которые обработаютъ ее въ продолженіе четырехъ лѣтъ; но все бразильское дерево и всѣ металлы должны были составлять исключительную собственность короны.

Все это, казалось, свидѣтельствовало, что жалобы на притѣсненія и жестокость адмирала не поколебали готовности королевы покровительствовать ему. И дѣйствительно, мы нигдѣ не находимъ официа-

ныхъ документовъ, относящихся къ этому времени, въ которыхъ бы Дворъ коснулся прерогативъ Колумба; по мнѣнію Ирвинга, ничто не указывало на какое бы то ни было проявленіе неудовольствія со стороны ихъ величествъ, за исключеніемъ нѣсколько разъ повторенныхъ приказаній, чтобы въ отношеніяхъ своихъ къ туземцамъ и колонистамъ онъ руководился снисходительностью, если строгости не будутъ вызваны особыми обстоятельствами.

Получивъ дозволеніе передать потомству свои титулы и прену-

Бартоломей Колумбъ.
(Изъ «Herrera» Варшн).

щества по наслѣдству, Колумбъ въ завѣщаніи (20 февраля 1498 г.) установилъ такой порядокъ наслѣдованія: титулы и имущество его переходили къ его наслѣдникамъ, въ мужескомъ родѣ, съ сохраненіемъ права наслѣдства за Фердинандомъ, въ случаѣ прекращенія линіи Діеги; затѣмъ къ наслѣдникамъ его братьевъ въ мужескомъ родѣ; а за отсутствіемъ наслѣдниковъ въ мужескомъ родѣ, наслѣдство переходило по женской линіи. Званіе адмирала обращалось въ почетный титулъ и становилось пожизненнымъ отличіемъ представителей его рода. Десятая часть

1498 г. 22
февраля Ко-
лумбъ состав-
ляетъ свое
завѣщаніе.

доходовъ наслѣдства навсегда обращалась въ пользу благотворительныхъ цѣлей. Генуя пользовалась особою заботливостью со стороны послѣдующихъ представителей его рода, причемъ завѣщатель заповѣдалъ своимъ наслѣдникамъ всегда оказывать этому городу содѣйствіе, которое не противорѣчило бы интересамъ церкви и испанской короны. По временамъ наслѣдники должны были дѣлать взносы въ банкъ Св. Георгія, въ Генуѣ, чтобы образовать фондъ, предназначенный для освобожденія Святого Гроба Господня. Фондъ этотъ въ удобный моментъ долженъ былъ покрытъ издержки крестоваго похода, предпринятаго государствомъ или частными лицами. Онъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ сохранить вѣчную, непоколебимую вѣрность католической церкви и испанской коронѣ. Представитель его рода обязанъ былъ во всѣ тѣ дни, которые опредѣлены церковью для покаянія, открывать свои цѣли духовнику, и прочитавъ ему завѣщаніе, убѣдительно просить его оглашать пункты его, касающіеся освобожденія Святого Гроба.

Въ томъ же документѣ Колумбъ указываетъ, какъ должны подписываться его представители въ послѣдующихъ поколѣніяхъ; это была формула подписи, которую онъ самъ всегда употреблялъ.

*Подпись
Колумба.*

.S.

.S. A. S.

X. M. Y.

X^{ro} FERENS.

Подпись эта истолковывается различно: Servus supplex Altissimi Salvatoris, Christus, Maria, Yosef, Cristo ferens, таково одно изъ этихъ толкованій; Servidor sus Altezas sacras, Christo, Maria, Ysabel—другое. Но ихъ имѣется еще нѣсколько.

Ласковое обращеніе королевы дѣйствовало на него успокоительно; она взяла его сына Фердинанда въ пажы къ себѣ (18 февраля 1498 г.), что также льстило Колумбу; но это не могло вполне вознаградить его за враждебное настроеніе общественнаго мнѣнія, которое отовсюду давало знать о себѣ. Тутъ были и клевета, которую далеко разносила глухая молва, и громкое выраженіе укоризны. Физическое истощеніе его вернувшихся товарищей являлось рѣзкимъ контрастомъ его постоянныхъ разсказовъ о земномъ раѣ. Сколько было растрачено состояній, сколько потеряно труда и успій, сколько загублено жизней и въ результатъ всѣхъ этихъ жертвъ получилось нѣсколько сотенъ несчастныхъ невольниковъ! Послушать его,—тамъ были очаровательныя мѣста, но привезенныя имъ алоэ и мастика, по мнѣнію испанцевъ, не имѣли никакой цѣнности. Гидальго говорили, что тамъ не было и признака тѣхъ богатствъ, какія сулилъ Колумбъ. Никакихъ пышныхъ городовъ великаго хана они не нашли. Такимъ уколамъ и оскорбленіямъ подвергался онъ на каждомъ шагѣ.

*Непопулярность
Колумба.*

Оставаясь въ Испаніи, онъ долго прожилъ въ домѣ Андреса Бернальдеца, и въ исторіи испанскихъ королей, написанной этимъ авторомъ, мы находимъ содержаніе бесѣдъ, какія Жизнь его у Бернальдеца. вели между собою эти два друга.

Извѣстно, что адмиралъ оставилъ у Бернальдеца разныя дѣловыя бумаги въ присутствіи Хуана де-Фонсеки. Изъ того, что говоритъ о нихъ Бернальдецъ, можно заключить, что это были отчеты о первомъ путешествіи Колумба; эти документы и послужили Бернальдецу матеріаломъ для его собственныхъ разсказовъ.

Бернальдецъ говоритъ, что зналъ Колумба гораздо раньше, когда этотъ генуэзецъ былъ продавцемъ книгъ въ Андалузіи; описывая личность Колумба, онъ называетъ своего друга Миніе Бернальдеца о Колумбѣ. въ другомъ мѣстѣ человекомъ съ благородными стремленіями, но не особенно образованнымъ, и изъ его словъ каждый можетъ вывести заключеніе, что книгопродавецъ былъ не большой любитель своего товара.

Бернальдецъ, какъ и другіе авторы, указываетъ на то разочарованіе, какое испанцы выражали по поводу явной неудачи этихъ путешествій Колумба въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ нимъ.

Коротко говоря, этотъ историкъ доказываетъ, что расходы на эти путешествія были такъ велики, а доходы съ новооткрытыхъ земель такъ ничтожны, что всё пришло къ заключенію, будто въ новыхъ областяхъ почти нѣтъ золота. Дѣлая выводы изъ перваго путешествія, — а второе едва-ли было успѣшнѣе, принимая во вниманіе болѣе удобныя условія, которыми оно было обставлено, — Гарпесъ сравнилъ, на примѣръ, всё данное относительно золота, собраннаго Колумбомъ; хотя въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія, тѣмъ не менѣе почти всё они сводятся къ незначительной суммѣ, которая составлялась главнымъ образомъ изъ стоимости украшеній, отнятыхъ у частныхъ лицъ. Существуютъ легендарные разсказы о золотѣ, привезенномъ изъ этихъ путешествій, которое пошло на позолоту дворцовъ и церквей, на отдѣлку алтаря въ Толедскомъ соборѣ, на подношенія папѣ; но мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что подобные разсказы не имѣютъ за себя ни одного серьезнаго доказательства.

Несмотря на всё эти знаки королевскаго расположенія, Колумбу было очень трудно снарядить новую экспедицію въ видѣ общественнаго недовольства и раздраженія противъ него. Купцы высказывали такое явное нежеланіе снабжать корабли продовольствіемъ, что потребовался приказъ со стороны короля, въ силу котораго налагалось запрещеніе на ихъ имущество, пока не будетъ готовъ маленькій флотъ.

Еще больше трудностей представила вербовка экипажа и колонистовъ. Увлеченіе, съ какимъ каждый стремился примкнуть къ его второму путешествію, совершенно миновало, и Колумбу пришлось прибѣгнуть къ безумной мѣрѣ, — от- Затрудненія снарядить новую экспедицію.

*Вербооска
преступ-
никовъ.*

крыть арестантамъ двери тюремъ, чтобы пополнить ими контингентъ своей экспедиціи.

*1498. Два
грузовыхъ
суда от-
плываютъ въ
Испаньолу.*

Такъ какъ дѣло подвигалось крайне медленно, а колонисты Эспаньолы терпѣли нужду въ сѣбѣстныхъ припасахъ, то королева отдала приказъ двумъ грузовымъ судамъ этого флота отправиться подъ командою Педро Фернандеса Коронеля, въ началѣ 1498 года. Для этого королевѣ пришлось взять часть денегъ, отложенныхъ ею въ приданое ея дочери, Пзабеллы, которая была обручена съ португальскимъ королемъ.

Это было очень пріятно Колумбу; но экспедиція предпринималась главнымъ образомъ для новыхъ открытій; а между тѣмъ масса утомительныхъ проволочекъ мѣшала Колумбу отплыть съ остальнымъ флотомъ. Какъ мы увидимъ далѣе, это промедленіе дало возможность другой экспедиціи, подъ командою другого итальянца, отправиться раньше Колумба и открыть впервые материкъ. Королева была добра,

*Фонсека
относится
къ экспе-
диціи безу-
частно.*

но тутъ на нее обрушилось горе, которое отвлекло ея вниманіе, — смерть принца Хуана. Фонсека, на котораго теперь были возложены хлопоты по снаряженію судовъ, казалось, потерялъ вѣру въ предпріятіе, но льстивые біографы Колумба, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, выставляютъ этого агента испанскихъ монаховъ завзятымъ врагомъ Колумба.

Даже отрѣбье тюремъ предпочитало свое заточеніе рискамъ путешествія; экспедиція собиралась очень медленно и Колумбу не удавалось довести ее до желаемого комплекта. По словамъ Ласказаса, не-пріятности слѣдовали за нимъ по пятамъ даже въ порту.

*Ссора
Колумба
со счетово-
дкомъ Фон-
секи.*

Между казначеемъ Фонсекой, ибнѣмъ Ксипмено де-Бревинска, и адмираломъ произошло столкновеніе, во время котораго

Колумбъ порядкомъ поколотилъ своего противника. Ласказасъ рассказываетъ далѣе, что эта запальчивость, о которой Фонсекъ адонесъ монархамъ, произвела на нихъ болѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ доказательства жестокости и мстительности адмирала, какія постоянно приводились доносчиками изъ Эпаньолы; это и стало непосредственной причиною охлажденія къ нему монарховъ, которое обнаружилось вскорѣ послѣ того. Колумбъ, повидимому, понялъ очень скоро сдѣланный имъ промахъ и написалъ къ ихъ величествамъ письмо, желая загладить дурное впечатлѣніе. Съ чувствомъ новой тревоги на сердцѣ въ третій разъ Колумбъ ввѣрилъ капризному року свои стремленія къ невѣдомымъ открытіямъ. Канонизаторы нашли необходимымъ доказывать, что ихъ герой, котораго они хотятъ во что бы то ни стало возвести въ святые, этимъ проявленіемъ силы въ минуту личнаго гнѣва показалъ, что годы не ослабили его мужества для борьбы!

Прежде чѣмъ послѣдовать за Колумбомъ въ это путешествіе, не мѣшаетъ читателю бросить взглядъ на состояніе новыхъ открытій той эпохи, такъ какъ значеніе путешествій самого Колумба тѣсно связано съ другими подобными же событіями.

Португальцы, как мы уже видѣли, задались цѣлью достигнуть Индіи, обогнувъ бурный мысъ Африки. Еще прежде, чѣмъ Колумбъ пустился въ свое первое путешествіе, молва объ этомъ пути возбудила предпримчивость короля Іоанъ II. Его эмиссары въ Каирѣ слышали отъ арабскихъ мореплавателей, что можно обойти Африканскій мысъ со стороны Индійскаго океана. Успѣхи его соперниковъ, испанцевъ, при содѣйствіи Колумба еще болѣе возбудили предпримчивость короля, или по меньшей мѣрѣ подстрекнули его къ новой попыткѣ.

Васко да-Гама открываетъ проходъ мимо мыса Доброй Надежды.

Съ этой цѣлью специально снарядили флотъ подъ командою Васко Да-Гамы. Нѣсколько лѣтъ назадъ боцманъ его, Перо де-Алемквертъ, провелъ Діаца какъ разъ мимо этого мыса.

Въ воскресенье, 8 іюля 1497 года, да-Гама вышелъ изъ Лиссабона, а 20 ноября прошелъ на всѣхъ парусахъ мимо страшнаго мыса. Однако, только 17 декабря португальцы дошли до того мѣста, гдѣ Діацъ повернулъ свои корабли въ обратный путь. О его дальнѣйшемъ путешествіи здѣсь мы не будемъ говорить. Достаточно сказать, что онъ бросилъ якорь въ Калькутѣ 20 мая 1498 года; такимъ образомъ морской путь въ Индію былъ най-

Васко Да-Гама.
(Изъ книги Стэнли «*Da Gama*»).

денъ десятью днями ранѣе, чѣмъ Колумбъ пустился въ третій разъ провѣрять свои собственные предположенія, въ дѣйствительности же для того, чтобы узнать ихъ ошибочность.

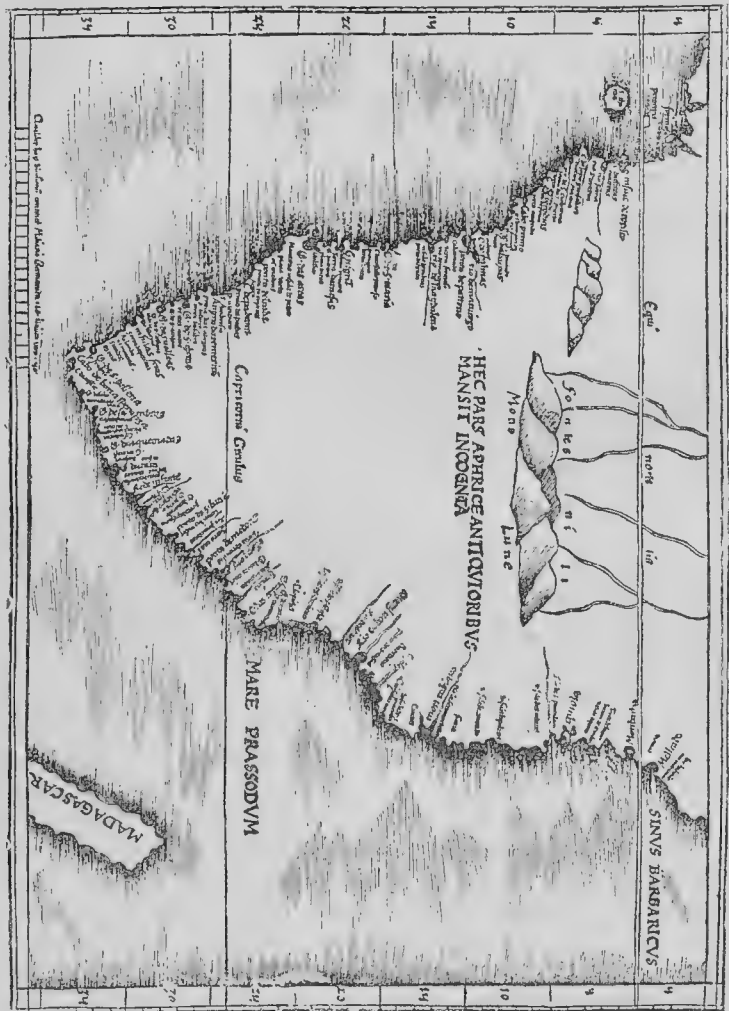
Приходитъ въ Калькутту 20 мая 1498 г.

Въ послѣднихъ числахъ августа, а можетъ быть въ началѣ сентября, въ слѣдующемъ году (1499), Да-Гама вернулся въ Лиссабонъ; на-самомъ дѣлѣ одно изъ его судовъ пришло ранѣе — оно отдѣлилось отъ флота въ апрѣлѣ или въ маѣ и прибыло въ Португалію 10 іюля. Наконецъ-то Португалія торжествовала побѣду. Флотъ вернулся, потерпѣвъ сильныя крушенія, матросы были страшно измучены, поло-

вины судовъ не досчитывались; но рѣшеніе великой задачи было найдено!

Путешествіе Да-Гамы, сразу открывшее путь къ торговымъ сношеніямъ, которыхъ такъ упорно добивались португальцы, какъ мы увидимъ, явилось рѣзкимъ контрастомъ въ сравненіи съ ничтожностью

Южная часть Африки.
(Изъ «Итомога», 1513 г.).

непосредственныхъ результатовъ, какими завершились велерѣчивыя усилія Колумба открыть путь къ тѣмъ же самымъ областямъ.

Нѣкоторые историки, изучавшіе подвиги этихъ первыхъ мореплавателей, утверждали, что въ то самое время, когда Колумбъ боролся съ проволочками, тормазившими его третью

Предполагаемое
путешествіе
Веспуччи.

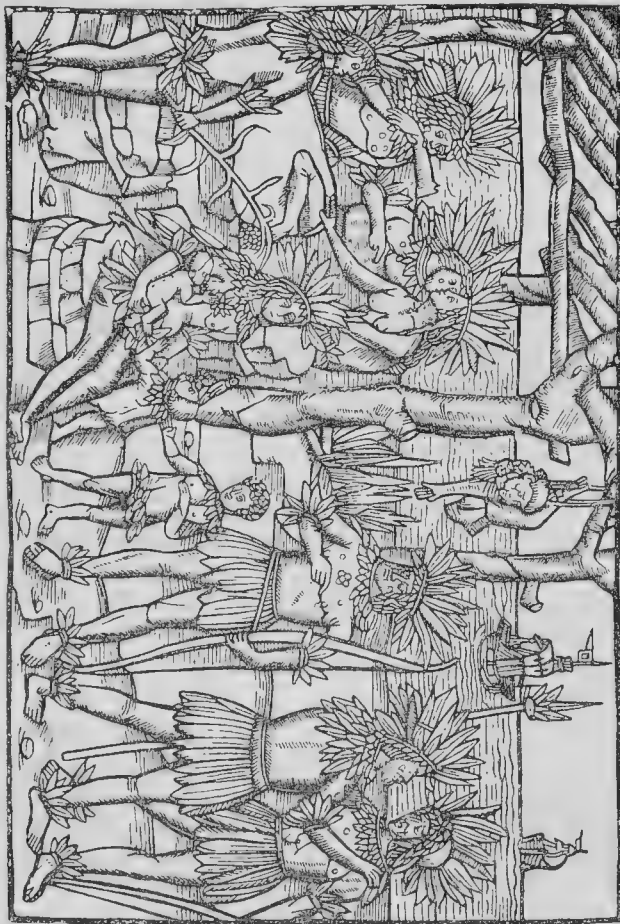
экспедицію; флорентинецъ Веспуччи,—съ нимъ мы уже встрѣчались, когда онъ помогать Берарди при снаряженіи кораблей Колумба,— время путешествія котораго недостаточно выяснено, уже открылъ въ 1497 году и объѣхалъ сѣверные берега материка, лежавшаго къ югу отъ Карибскаго моря.

Бернальдецъ рассказываетъ, что въ теченіе промежутка между вторымъ и третьимъ путешествіями Колумбъ «далъ позволеніе другимъ капитанамъ дѣлать открытія на западѣ; они воспользовались этимъ дозволеніемъ и открыли многіе острова». Относится ли это указаніе Бернальдеца къ путешествію Веспуччи, или нѣтъ, мы рѣшить не беремся.

Вопросъ о томъ, кѣмъ впервые была открыта Южная Америка,—мы увидимъ, что материкъ Сѣверной Америки былъ уже открытъ,—Колумбомъ или Веспуччи, долго волновалъ историковъ, да еще и теперь не вполне для нихъ выяснился, хотя общее ^{Кто открылъ Южную Америку?} мнѣніе склоняется въ наше время въ пользу Колумба, отправившагося именно въ то путешествіе, куда мы скоро за нимъ послѣдуемъ. Вопросъ усложняется больше благодаря неточностямъ и запутанности разсказовъ, которые только и служатъ матеріаломъ для нашихъ выводовъ и умозаключеній. Если самъ Веспуччи не претендовалъ на открытіе Южной Америки, за то другіе энергично отстаивали это открытіе въ его пользу. Обстоятельства, связанныя съ этимъ открытіемъ, также заставили отчасти усомниться въ разсказахъ, относящихся къ путешествію Пинзона и Солиса къ Гондурасскому берегу, которое обыкновенно относятъ къ позднѣйшему времени; но, по свидѣтельству Овiedo и Гомары, путешествіе это предшествовало путешествію Колумба.

Притязанія, высказываемыя учеными за Веспуччи, основываются на предположеніи найти совпаденіе въ датахъ писемъ, опубликованныхъ о путешествіяхъ. Каждый комментаторъ, задающійся ^{Притязанія ученыхъ въ пользу Веспуччи.} цѣлью отыскать пистину, необходимо долженъ самъ строить гипотезы—не только относительно различныхъ несообразностей разсказа, но также и относительно разнородныхъ опечатокъ, которые могли вкратъ въ небольшую книгу, содержащую отчеты о путешествіяхъ. Муньоцъ, само собою разумѣется, задался цѣлью доказать, что Веспуччи не могъ быть на берегу Америки въ тотъ день, къ которому относятъ его открытіе; по мнѣнію многихъ историковъ, документы не доказываютъ всего того, что утверждали Муньоцъ, Наварретъ и Гумбольдтъ; но и сторонникъ Веспуччи, Варигагенъ, въ своемъ пристрастіи не видитъ фактовъ, которые несогласны съ его желаніями. Самое большее, что мы можемъ сказать, это—что доказательство, приводимое въ опроверженіе мнѣнія Варигагена, который относитъ путешествіе Веспуччи къ 1497 году, не вполне основательно. Насколько возможно было разъяснить этотъ вопросъ, Веспуччи перешелъ отъ одного командира къ другому въ такое время 1499 года, когда Охеда еще не окончилъ своего путешествія, а Пин-

зонъ только что отправился въ путь. И такъ, допустивъ, что Веспуччи вернулся въ Испанію для того, чтобы снова отправиться въ море съ Пинзономъ, возможно также предположить, что въ 1499 году онъ состоялъ на службѣ у двухъ различныхъ командировъ. Если такой взглядъ на дѣло вѣренъ, то, разумѣется, открытіе Веспуччи было сдѣлано позже, чѣмъ открытіе материка Колумбомъ. Во всякомъ случаѣ,

Древнѣйшее изображеніе индейцевъ Южной Америки, 1497—1504 гг.
(Въ репродукціи въ «*American Bibliography*», Швеция).

это не больше, какъ вѣроятная гипотеза; но такая гипотеза является необходимой, чтобы нѣсколько разсѣять хаосъ. До сихъ поръ это предположеніе о перемѣнѣ службы Веспуччи есть самое вѣроятное изъ всѣхъ другихъ.

Слѣдовательно, предположеніе, что Веспуччи былъ вмѣстѣ съ Пинзономъ, — а, по увѣренію Овiedo, этотъ послѣдній мореплаватель прошелъ къ матеріку Америки раньше Колумба, — не можетъ помѣшать разногласію

въ мнѣніяхъ авторовъ: одни совершенно игнорируютъ флорентинскаго мореплавателя, тогда какъ другіе смѣло строятъ на основаніи выше-приведеннаго предположенія исторію его открытія, которая, въ свою очередь, пустила корни и получила широкое распространеніе.

Ни одинъ изъ португальскихъ историковъ того времени не упоминаетъ о путешествіи 1497 года. Это отсутствіе данныхъ является серьезнымъ доказательствомъ противъ реальности самаго факта. Кажется вполне достовернымъ, что въ продолженіе двадцати лѣтъ послѣ того, какъ были напечатаны рассказы, приписываемые Веспуччи, многіе сомнѣвались въ ихъ исторической правдивости. Себастьянъ Каботъ говоритъ въ 1501 году, что не вѣритъ этимъ рассказамъ о томъ единственномъ путешествіи, какое хотятъ навязать Веспуччи, во что бы то ни стало; Ласказасъ также, какъ и Каботъ, вполне убѣжденъ, что рассказъ этотъ не имѣетъ реальной подкладки. По всей вѣроятности, бумаги Ласказаса перешли въ руки Герреры и послѣдній, повидимому, подъ влияніемъ ихъ изложилъ рядъ доводовъ въ доказательство того, что Веспуччи поддѣлалъ даты, превративъ 1499 годъ въ 1497 годъ. Чтобы доказать всю неосновательность притязаній Пинзона и Солиса, Геррера отнесъ ихъ путешествіе къ 1506 году. Этотъ историкъ изложилъ свои взгляды въ 1601 году и ему удалось согласить по этому вопросу мнѣнія Европы на цѣлые полтора вѣка, не исключая и Англіи, черезъ посредство Робертсона, такъ что на репутацію Веспуччи легло пятно въ глазахъ всего свѣта. Попытка Бандини въ половинѣ прошлаго столѣтія очистить имя Веспуччи не увѣчилась большимъ успѣхомъ, но гораздо больше посчастливилось рѣчи Кановаи, которая и въ то время, и въ послѣдствіи, въ связи съ другими его сочиненіями, явилась какъ бы вызовомъ, брошеннымъ духу клеветы стараго времени. Эти обличительные взгляды были энергично разрабатаны, съ помощью Наваррета, Сантаремомъ въ «Colección» этого испанскаго ученаго, откуда Ирвингъ въ свою очередь почерпнулъ свои выводы. Сантаремъ заявилъ во всеуслышаніе, что самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ португальскія и французскія рукописи, но нигдѣ не нашелъ слѣдовъ вышеназваннаго флорентинца.

Португалецъ Варнгагенъ не испугался всѣхъ этихъ отрицательныхъ доводовъ и уже въ 1839 году издалъ цѣлый рядъ статей съ цѣлью возстановить имя Веспуччи, вопреки взглядамъ всѣхъ новѣйшихъ писателей—Гумбольдта, Наваррета, Сантарема и другихъ. Гумбольдтъ заявилъ о возможности доказать, что Веспуччи все это время находился въ Европѣ. Въ концѣ концовъ самъ Варнгагенъ пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ спорномъ путешествіи 1497 года Веспуччи, дѣйствуя подъ начальствомъ Випенте Іапьеца Пинзона и Хуана Діаца де-Солиса, дѣйствительно дошелъ до материка Гондураса, а затѣмъ прослѣдовалъ по извилинамъ береговой линіи къ сѣверу, до мысовъ Чезаника. Потомъ онъ поплылъ къ востоку, прошелъ мимо Бермудскихъ острововъ и вернулся въ

*Ссылки на
путешествіе
1497 года.*

Севилю. Если все это произошло именно такимъ образомъ, то онъ обошелъ вокругъ архипелага Антильскихъ острововъ и наглядно опровергнулъ континентальное соединеніе Кубы. Варигагенъ заходитъ такъ далеко въ своихъ предположеніяхъ, что утверждаетъ, будто Веспуччи не счелъ открытый имъ берегъ за азіатскій, а сразу угадалъ истину. Впрочемъ, Варигагенъ въ своихъ заключеніяхъ стоитъ одиноко.

Въ наше время Валентини высказалъ даже предположеніе, что неполное изображеніе Кубы на картѣ Рюйша 1508 года въ дѣйствительности есть берегъ Юкатана, который обогнулъ Веспуччи.

Едва ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія притязаніе нѣсколькихъ французскихъ фанатиковъ морскихъ открытій, которые пытались доказать, будто норманскіе искатели приключеній побывали въ 1497—1498 гг. на берегу Бразиліи.

Обратимся теперь къ другимъ вопросамъ. Англія вовсе не хотѣла подчиниться рѣшеніямъ Демаркаціонной буллы; «*Western Planting*» Гаклюйта является выраженіемъ настроенія англійскаго народа по отношенію къ упомянутой папской буллѣ. Этотъ лѣтописецъ подозрѣваетъ, что «тайныя причины» ея, — слова эти онъ нашелъ въ папской буллѣ, въ которую они вкрались, вѣроятно, благодаря плохому переводу, — были ничто иное, какъ «страхъ и зависть, что король Генрихъ англійскій, съ которымъ Бартоломей Колумбъ долженъ былъ начать это предпріятіе и который даже теперь готовился послать его въ Испанію позвать его брата въ Англію, вмѣшается въ это дѣло»; такъ что папа, «опасаясь, какъ бы король португальскій не примирился съ Колумбомъ, или его не переманили въ Англію, задумалъ втихомолку этимъ незаконнымъ раздѣломъ лишить Англію и Португалію этой выгоды». Такимъ образомъ у Англіи и Португаліи явились до нѣкоторой степени общіе интересы; у Кабота, а затѣмъ позднѣе у Кортереала мы находимъ рассказъ о томъ, какъ эти державы взяли за это дѣло. Мы рассмотримъ съ этой стороны только рассказъ Кабота.

Бристоль долгое время былъ центромъ англійской торговли съ Исландіей; въ обмѣнъ за свои товары, Англія получала въ числѣ другихъ продуктовъ треску, которую Каботъ открылъ на Ньюфаундлэндскихъ меляхъ. Эти рассказы Кабота о ловлѣ трески припомнилъ Гальвано въ 1555 году, а спустя полстолѣтія — Гаклюйтъ, когда узнали, что Германія по своему географическому положенію находится не далеко отъ широты Баккалао *); рассказывали, будто къ Любеку теченіемъ занесло пирогу съ нѣсколькими странными людьми во времена Барбароссы (въ 1153 г. по Р. Х.).

Весьма возможно, что баски и другіе рыболовы изъ Европы уже заходили къ этимъ Ньюфаундлэндскимъ мелямъ раньше Кабота; были

*) *Baccalao* по испански значить треска; *Baccalaos* — тресковые мели.

даже найдены слѣды ихъ посѣщенія Лабрадора, но прежніе ученые не были въ этомъ убѣждены.

Венеціанецъ, по имени Цуанъ Кабото, переселившійся въ Англію и съ этого времени назвавшій себя Джономъ Каботомъ, ^{Джонъ Каботъ.} много путешествовалъ въ своей жизни; разъ какъ-то онъ увидѣлъ въ Меккѣ караванъ, возвращавшійся съ востока, это его поразило, какъ и Колумба, и убѣдило въ шарообразности земли. Очень вѣроятно, что мнѣніе его еще болѣе окрѣпло, благодаря рассказамъ, дошедшимъ въ Англію, объ удачномъ путешествіи испанцевъ. Дѣйствительно, Рамузіо опредѣленно говоритъ, что молва о первомъ путешествіи Колумба внушила Каботу «пламенное желаніе попытаться сдѣлать что-нибудь замѣчательное».

Когда король Генрихъ VII далъ Каботу и его тремъ сыновьямъ, — одинъ изъ нихъ и былъ Себастьянъ Каботъ, — привилегію <sup>1496 г.
5 марта.
Привилегія
Кабота.</sup> (5 марта 1496 года) на открытія и установленіе торговыхъ сношеній съ невѣдомыми заоканійскими землями, Фердинандъ и Изабелла немедленно отправили къ англійскому двору посла съ протестомъ противъ такого нарушенія правъ Испаніи въ западныхъ областяхъ. Непозвѣстно, повліялъ-ли этотъ протестъ испанскаго двора на отсрочку отплытія Кабота или нѣтъ, <sup>1497 г. май.
Отплытіе Ка-
бота.</sup> такъ какъ Каботъ вышелъ изъ Бристоля въ май 1497 года.

Изъ того, что говоритъ Беневертанусъ въ своемъ «Ptolemy» 1508 г., мы можемъ заключить, что Рюйшъ, составившій первую гравированную карту открытій Кабота, сопровождалъ послѣдняго въ его первомъ путешествіи. Беневертанусъ говоритъ, что узналъ отъ Рюйша о его приключеніяхъ, — онъ отправился съ юга Англій къ мѣсту, находившемуся въ 53° сѣверной широты, а оттуда прямо на западъ; сказанное должно имѣть какое-нибудь отношеніе къ его экспедиціи изъ Бристоля. Изъ разговора, передаваемого Рамузіо, — если только здѣсь нѣтъ какой-нибудь ошибки, — оказывается, что Каботъ догадывался о томъ, что мы называемъ большимъ кругомъ плаванія и увѣрялъ, что, отправляясь на сѣверо-западъ, можно открыть въ Индію кратчайшій путь, чѣмъ слѣдуя западному курсу, котораго держался Колумбъ.

Отправившись на западъ и проплывъ 700 лигъ, Каботъ увидѣлъ землю 24 іюня 1497 года. Въ разное время, и раньше, <sup>1497 г.
24 іюня Ка-
ботъ видитъ
землю.</sup> и позже, нѣкоторые авторы увѣрили, что это первое путешествіе Кабота въ дѣйствительности было совершено тремя годами ранѣе показаннаго времени. Мнѣніе это произошло отъ того, что на экземплярахъ, повидимому, болѣе старой карты, приписываемой Себастьяну Каботу, стоялъ 1494 годъ; Гаклюйтъ оттуда списалъ въ 1589 году этотъ 1494 годъ, хотя одиннадцать лѣтъ спустя перемѣнилъ его на 1497 г. Достаточно сказать, что весьма немногіе, за исключеніемъ Д'Авзака, придерживаются 1494 года. Майоръ полагаетъ, что карта

1544 года, находящаяся нынѣ въ Парижской библіотекѣ и приписываемая Каботу, была переснята съ испанскаго оригинала, на которомъ число римскими цифрами, VII, было начертано такъ небрежно, что можно было прочесть III; отчасти того же объясненія придерживался Генри Стевенсъ, издавая свою небольшую брошюру о Себастьянѣ Каботѣ въ 1870 году.

Каботъ принялъ за часть Азіи ту страну, которую увидѣлъ впервые; онъ думалъ, что она обитаема, хотя и не видалъ ея жителей.

Болѣе трехсотъ лѣтъ ученые думали, что открытая Каботомъ земля была берегомъ Лабрадора; по крайней мѣрѣ, мы не находимъ ни одного указанія, чтобы надпись на картѣ 1544 года, по которой эта земля находится вблизи Бретонскаго мыса, принималась современниками и послѣдователями Кабота за непреложную истину. Биддль и Гумбольдтъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, безъ всякихъ разсужденій, признали, что это былъ Лабрадоръ. Но вотъ въ 1843 году нашли ландкарту Кабота 1544 года; на ней, усмотрѣнный имъ берегъ соответствовалъ острову Бретонскаго мыса, — ученые почувствовали нѣкоторое утѣшеніе влѣдствіе того, что неопредѣленное получило извѣстную степень ясности; но какъ только ученые освоились съ новыми данными, тотчасъ же потеряли они довѣріе къ нимъ: разнообразныя неточности документа даютъ много оснований отвергать сплошь его данныя, несогласныя съ самыми достовѣрными фактами. Вполнѣ возможно, что какая-нибудь другая область можетъ представить болѣе удовлетворительныя данныя для опредѣленія берега, усмотрѣннаго впервые Каботомъ, но до сихъ поръ ученые еще не встрѣчали такихъ данныхъ.

Въ настоящее время ученые вообще придерживаются того мнѣнія, что Каботъ, усмотрѣвъ землю у Бретонскаго мыса, направилъ свой путь къ сѣверу, прошелъ мимо нынѣшняго острова Принца Эдуарда и затѣмъ прошелъ черезъ проливъ Бель-Иль, — по крайней мѣрѣ, такимъ именно представляется его путь изъ краткихъ отчетовъ, хотя въ нихъ нѣтъ ничего похожего на общепризнанный путь. Есть нѣкоторое основаніе думать, что онъ не заходилъ въ заливъ Св. Лаврентія. Онъ не приставалъ ни къ одному берегу и не видалъ жителей. Если онъ наткнулся на материкъ, то, безъ сомнѣнія, это были берега Новаго Брунсвика или Лабрадора, окаймляющіе заливъ Св. Лаврентія. Два острова, замѣченные имъ справа, по всей вѣроятности, были мысы Ньюфаундлэнда, издали показавшіеся ему отдѣльными островами.

Онъ прибылъ въ Бристоль, въ августѣ послѣ трехмѣсячнаго отсутствія. Раймондо де-Сончино 24 августа написалъ въ Италію о возвращеніи Кабота, а немного ранѣе, 10 августа, мы находимъ замѣтку о десяти фунтахъ стерлинговъ, данныхъ ему Каботомъ въ благодарность за эту услугу. Изъ этого очевидно,

1497 г.
августъ.
Каботъ возвращается.

что экспедиція Кабота произвела бѣольшую сенсацію, чѣмъ какая-нибудь другая экспедиція въ Англіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ Бристолѣ воспитывалось поколѣніе отважныхъ моряковъ. Они смѣло шли на встрѣчу опасностямъ великаго невѣдомаго океана, стремясь отыскать чудесный островъ Бразиль, и по временамъ пускались наудачу къ западу, но каждый разъ возвращались, не найдя ничего. Сношенія Англіи съ сѣверными народами и съ Псландіей доставили имъ свѣдѣнія о Гренландіи; но по всему видно, что они считали эту страну обширнымъ полуостровомъ Европы, глубоко вдавшимся въ Сѣверный Атлантическій океанъ. Разказы Кабота о новой землѣ, его предположеніе, что то была имперія великаго хана, его описаніе удивительныхъ отмелей, покрытыхъ рыбою, гдѣ воды кишѣли ею, такъ что суда его не могли подвигаться, его надежда найти страну, гдѣ было изобиліе приностей и благовоній, если только онъ пройдетъ къ югу отъ усмотрѣнной имъ земли,—все эти исторіи возбуждали воображеніе и жажду спекуляцій. Неудивительно поэтому, что Англія увидѣла въ Каботѣ новаго героя моря, такого же, какого имѣла Испанія въ своемъ Колумбѣ; что король далъ ему денегъ и пенсію; что, полный сознанія своего достоинства, Каботъ прошелъ по всему го- Каботъ
въ Англіи.роду, обращая вниманіе зѣвакъ на чудные шелка, въ которые онъ облачился.

Не успѣвъ Каботъ возвратиться, какъ Педро де-Айала, посолъ испанскаго двора въ Лондонѣ, снова заявилъ протестъ и Испанія зави-
дуетъ Англіи.далъ знать королю, что открытая Каботомъ земля принадлежить его государю. Есть нѣкоторыя основанія думать, что Испанія охраняла сѣверную границу страны въ послѣдующіе годы и даже намѣревалась устроить тамъ поселеніе.

Этотъ испанскій посланникъ написалъ изъ Лондона въ Испанію, 25-го іюля 1498 г., что послѣ своего перваго путешествія Каботъ ѣздилъ въ Севилью и Лиссабонъ. Это обстоятель- Каботъ
въ Севильи.ство заставляетъ подозревать, что у него были переговоры съ Ла-Козой и Колумбомъ.

По возвращеніи изъ перваго путешествія Каботъ представилъ карту, сдѣланную имъ; на ней и на прочномъ глобусѣ, Карты
Кабота.также своего издѣлія, онъ изобразилъ ту землю, до которой онъ дошелъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Иностран-ные дипломатическіе агенты при англійскомъ дворѣ донесли объ этихъ фактахъ дворамъ Италіи и Испаніи. На картѣ Ла-Козы (1500 г.) мы видимъ, такъ сказать, отраженіе этой карты Кабота въ словахъ, написанныхъ вдоль полосы сѣверо-восточнаго берега Азіи; въ нихъ сказано, что прилегающія къ этому берегу воды суть тѣ, въ которыя заходили англичане, а сосѣдняя возвышенность названа мысомъ Англичапъ. Даже то, что Ла-Коза воспользовался картою Кабота, было забыто и только Гумбольдтъ напомнилъ объ этомъ, найдя карту въ Парижѣ, въ 1832 году, въ библіотекѣ барона Валькенера; отсюда она

перешла, въ 1853 году, въ королевскій музей, въ Мадридѣ. Взгляды Кабота относительно этой области, повидимому, скоро заслонились болѣе распространенными картами, на которыхъ показаны путешествія Кортереалей, а мысъ Англичанъ быстро исчезъ въ «Cabo de Portogesi» — предшественникъ такъ-называемаго нынѣ Cape Race.

Такая заманчивая сказка, какая сложилась о первомъ путешествіи Кабота, не могла остаться безъ послѣдствій. 3 февраля 1497—98 гг. 1497—98 года, за четыре мѣсяца до отплытія Колумба въ третье путешествіе, англійскій король далъ новую грамоту Джону Каботу; ему предоставлялось право снарядить шесть кораблей, если ему будетъ возможно, а въ маѣ онъ уже вышелъ въ море. Хотя о сыновьяхъ его не упоминалось въ грамотѣ, тѣмъ не менѣе полагаютъ, что и Себастьянъ Каботъ сопровождалъ своего отца. Одно судно вернулось въ Ирландію, а пять другихъ отправились далѣе, унося Джона Кабота на западъ и въ море забвенія, потому что мы съ этой минуты навсегда теряемъ его изъ виду. Стевенсъ высказываетъ предположеніе, что Джонъ Каботъ умеръ во время путешествія, въ 1498 году, вслѣдствіе чего Себастьянъ сдѣлался командиромъ флота и получилъ извѣстность своими воспоминаніями о путешествіи, которыя признаются за скрытое описаніе участія его отца въ этой экспедиціи. Кажется, что одно судно находилось подъ командою Ланслота Тиркилла изъ Лондона.

Намъ извѣстны объ этомъ второмъ путешествіи только неясные отрывки, появившіеся въ позднѣйшіе годы, очевидно показывающіе, что Себастьянъ говорилъ объ этомъ путешествіи; при этомъ, изложеніе не отличается точностью, такъ какъ смѣшиваются событія этого и прежняго путешествія. То, что намъ извѣстно объ этомъ второмъ путешествіи, мы находимъ у Петера Мартира, который говоритъ, что Себастьянъ посѣщалъ область Тресковыхъ мелей, и у Рамузіо, передающаго разсказъ Себастьяна изъ вторыхъ рукъ, написанный черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого событія. Изъ такихъ смутныхъ источниковъ мы можемъ заключить, что маленький флотъ отправился на сѣверо-западъ и зашелъ въ воды, покрытыя льдами; подъ этою широтою ночи были очень короткія. Отсюда флотъ повернулъ на югъ и очутился у 36° сѣверной широты. Матросы высаживались на берегъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и встрѣчали здѣсь людей, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры и употреблявшихъ въ хозяйствѣ мѣдную посуду. Намъ неизвѣстно точное время ихъ прибытія въ Англію, но это было послѣ октября 1498 года.

По мнѣнію Стевенса, Каботъ не доходилъ до Флориды, какъ увѣряли нѣкоторые авторы, потому что, если бы это случилось, то едва ли онъ согласился бы признать притязанія Понса де-Леона, Айллона и Гомеца, что они первые дошли до берега Флориды, когда Себастьянъ Каботъ, какъ старшій штурманъ Испаніи (1518 г.) и предсѣдатель конгресса въ Бадахосѣ (1524 г.),

*Какъ далеко
простиралось
это путеше-
ствіе.*

занимался разборомъ подобныхъ претензій. Противъ такого мнѣнія возражаютъ, что результаты путешествій не официальныхъ изслѣдователей въ томъ видѣ, какъ они показаны на португальской картѣ Кантино (если только предположеніе это выдерживаетъ критику) и англійскихъ мореплавателей, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ Каботъ, не подлежали испанскому суду. Не трудно доказать, что Испанія никогда не признавала правъ изслѣдователей другихъ національностей.

Нѣкоторые ученые полагали также, что пустынный видъ берега, вдоль котораго проходилъ Каботъ, долженъ былъ убѣдить его, что онъ находился близъ какой-нибудь континентальной области, лежавшей между нимъ и настоящимъ берегомъ Азій; изъ того, что онъ съ «большимъ огорченіемъ» замѣтилъ, какъ земля «убѣгаетъ» на сѣверъ, они вывели, что Каботъ въ дѣйствительности понялъ географическое положеніе Америки задолго до того, какъ его уразумѣли испанцы. Но карты Ла-Розы и Рюйша не подтверждаютъ этого мнѣнія.

Можно почти съ увѣренностью сказать, что успѣхъ путешествія Кабота не далъ такихъ осязательныхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя бы поддержали движеніе въ Англіи на долгое время. Тѣмъ не менѣе, ради политическихъ соображеній, Англія объявила, что неизвѣстная область есть новый материкъ, представля-
Англія от своих притязанійхъ открытій.
 ющій цѣнность, и затѣмъ Англія никогда не забывала выстав-
 лять свои права на это открытіе; и даже ея преемники, американцы, также постарались извлечь изъ этого открытія значительныя привилегіи. Географическіе результаты этихъ путешествій были представлены на самой ранней картѣ, которая имѣется для новыхъ земель, открытыхъ Испаніей и Англіей — на большой картѣ изъ воловьей кожи, начерченной Хуаномъ де-Ла-Розой, товарищемъ Колумба по второму путешествію, составителемъ карты его открытій, о которой мы уже упоминали. Описаніе ея мы дадимъ нѣсколько позднѣе.

Почему намъ ничего болѣе неизвѣстно объ этихъ путешествіяхъ Каботовъ? Есть нѣкоторое основаніе подозрѣвать, что «карты и бесѣды», оставшіяся послѣ смерти Себастіана Кабота въ рукахъ Уилльяма Уортингтона, попали путемъ подкупа къ испанцамъ — со-
Скучность со-
опиніи о путе-
шествіяхъ Ка-
бота.
 перникамъ Англіи, какъ разъ вслѣдъ за изданіемъ «Divers Voyages» Гаклюйта (1582 г.); изъ этого сочиненія обна-
 ружилось, что книга Кабота находилась у Уортингтона. По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе Биддля; оно имѣетъ за себя нѣкоторое вѣроятіе въ исторіи пресловутой карты Кабота, 1544 года, которая приведена въ извѣстность только триста лѣтъ спустя. Существовала карта, очевидно, составленная отчасти на основаніи такихъ свѣдѣній, которыя были извѣстны Испаніи. Карта эта была гравирована, —
Ландкарта
Кабота.
 хотя съ претензіей на то, что ея авторомъ былъ Каботъ, — въ Нидерландахъ; на ней не обозначено ни имени издателя, ни мѣста, гдѣ она была отпечатана, какъ бы во избѣжаніе отвѣтственности.

Несмотря на то, что это была гравированная карта, съ которой, по всей вѣроятности, сдѣлано множество снимковъ, — она исчезла безслѣдно; о ней такъ бы ничего и не узнали, если бы не было ссылокъ на такую карту, которая висѣла въ галлерей, въ Уайтгаллѣ, и находилась въ распоряженіи Ортелиуса до 1570 года; о ней упоминаетъ Сануто въ 1588 году. Такое тщательное уничтоженіе этой карты, повидимому, указываетъ на стремленіе испанскихъ властей помѣшать міру воспользоваться опубликованіемъ морскихъ открытій, которыя тайнымъ путемъ освободились изъ-подъ контроля испанскаго гидрографическаго управленія. Это уничтоженіе удалось испанцамъ, такъ какъ только одинъ единственный экземпляръ этой карты дошелъ до насъ; онъ теперь находится въ Парижской національной библиотекѣ, а нашелъ его въ Германіи фонъ-Марціусъ, въ 1843 году.

Въ послѣдніе годы учеными было сдѣлано многое для выясненія сомнительныхъ сторонъ двухъ путешествій Джона Кабота въ 1497 и въ 1498 годахъ; неизвѣстность въ данномъ случаѣ была такъ велика, что въ продолженіе двухсотъ лѣтъ никто изъ ученыхъ не подозрѣвалъ, что здѣсь скрывалось нѣчто болѣе значительное, чѣмъ простое путешествіе.

Главными изслѣдователями по этому вопросу являются Авторы,
писавшіе о
Каботѣ. гои Биддль, выступившій въ 1831 году съ замѣчательной книжкой «Sebastian Cabot», которая доказываетъ, какъ много возможно сдѣлать для разъясненія путаницы, если авторъ обладаетъ способностью критическаго анализа, покойный докторъ Чарльзъ Динъ, посвятившій Каботу цѣлую главу въ своемъ трудѣ «Narrative and Critical History of America» и Гаррисъ, давшій намъ «Jean et Sébastien Cabot» (Парижъ, 1882 г.). Эта путаница произошла, повидимому, главнымъ образомъ, отъ способа изложенія Себастьяномъ Каботомъ своихъ изслѣдованій, или скорѣе отъ способа передачи того, что приписываетъ ему компиляторъ.

Глава XVI.

Третье путешествіе.

1498—1500.

При описаніи событій и обстоятельствъ третьяго путешествія Колумба, мы главнымъ образомъ пользуемся двумя письмами, написанными самимъ адмираломъ. Одно изъ этихъ писемъ адресовано имъ къ испанскимъ монархамъ и сохранилось въ копіи, снятой съ него Ласказасомъ. Петеръ Мартиръ, повидимому, заимствовалъ свой рассказъ изъ этого письма. Другое письмо адресовано адмираломъ къ «нянѣ» принца Хуана; копіи этого письма хранятся въ Колумбовой кустодіи, въ Генуѣ, и въ коллекціи Муньоца, принадлежащей королевской Академіи Исторіи въ Мадридѣ. Оба эти письма напечатаны въ книгѣ Наваррета и въ другихъ историческихъ трудахъ; Маюръ въ своихъ «Select Letters of Columbus» даетъ англійскій переводъ этихъ писемъ.

*Источники.
Письма и
дневникъ
Колумба.*

Есть нѣкоторое основаніе думать, что отчетъ объ этомъ путешествіи Колумба, помѣщенный въ «Itinerarium Portugalensium», составленъ по дневнику адмирала; мы знаемъ, что Ласказасъ имѣлъ въ своихъ рукахъ этотъ дневникъ и пользовался имъ при составленіи своей «Histoiria», прибавивъ къ нему нѣкоторыя подробности, которыя сообщилъ ему Бернальдо де-Пбарра, одинъ изъ товарищей Колумба по путешествію, на самомъ же дѣлѣ его секретарь. Карта, приложенная къ этимъ отчетамъ Колумба, потеряна. Существованіе ея извѣстно намъ только потому, что ею пользовались Охеда и другіе.

Ласказасъ перемѣшалъ подробности, взятые имъ изъ дневника Колумба, съ нѣкоторыми данными, которыя ему были переданы Алонзо де-Валлехо. Одинъ изъ штурмановъ, Гернанъ Перецъ Матеосъ, сообщилъ Овиедо много такого, чего не находятъ въ другихъ источникахъ, кромѣ того, много добавочныхъ свѣдѣній было получено черезъ свѣдѣтельскія показанія въ процессѣ Колумба. Есть кое-что, хотя не имѣющее особаго значенія, въ письмѣ Симона Верде, напечатанномъ Гаррисомъ.

Передъ отплытіемъ Колумбъ написалъ наставленія для своего сына, Діего, которыя дошли до нашего свѣдѣнія только въ послѣднее время, въ замѣткахъ, появившихся въ бюллетеняхъ

*Сынъ Колумба
Діего.*

Итальянскаго Географическаго Общества, за декабрь 1889 года. Въ этихъ наставленіяхъ онъ приказываетъ своему сыну, Діего, относиться съ любовью и уваженіемъ къ матери своего единокровнаго брата, Фердинанда, даетъ ему нѣсколько правилъ, какъ вести себя въ отношеніи своихъ монарховъ и своихъ товарищей и совѣтуетъ ему обращаться къ отцу Гаспару Горриціо всякій разъ, когда ему понадобится совѣтъ.

30 мая 1498 года Колумбъ снялся съ якоря въ портъ Санъ-Лукаръ де-Баррамеда. Физически онъ чувствовалъ себя далеко не хорошо для такого рискованнаго предпріятія. Онъ надѣялся, — говоритъ онъ своимъ государямъ, — «отдохнуть въ Писпаин, вмѣсто того, наоборотъ, я испытывалъ только помѣху и огорченіе». Флотъ его, состоявшій изъ шести судовъ, держался юго-западнаго направленія, чтобы избѣжать встрѣчи съ французскимъ, — а по другимъ источникамъ, съ португальскимъ флотомъ, который, по слухамъ, крейсировалъ близъ мыса Св. Винченца. Онъ составилъ себѣ вполне определенный маршрутъ — плыть на югъ вплоть до экваторіальныхъ областей, а затѣмъ повернуть на западъ. Слѣдуя по такому направленію, Колумбъ рассчитывалъ придти прямо къ большому матеріку, о существованіи котораго онъ слышалъ отъ коренныхъ жителей Эспаньолы и на который ему указывало склоненіе береговой линіи Кубы, замѣченное имъ во время его послѣдняго путешествія. По свидѣтельству Герреры, португальскій король открыто говорилъ, что ему кое-что извѣстно о континентѣ, находящемся въ этомъ направленіи; это заявленіе, можетъ быть, имѣетъ связь съ разсказами относительно Бѣгема и другихъ лицъ, уже ходившихъ по этому направленію, судя по нѣкоторымъ даннымъ; но едва-ли мнѣніе это шло далѣе предположенія, что географическій планъ заатлантическаго пространства долженъ соотвѣтствовать балансу Африки противъ Европы въ восточномъ полушаріи. Возможно также, — хотя на это нѣтъ положительнаго доказательства, — что слухи изъ Англіи объ открытіяхъ Кабота на сѣверѣ внушили мысль, что и на югѣ должно находиться такое же материковое продолженіе. Но въ эпоху Колумба преобладалъ болѣе сильный двигатель, сопровождавшій то, что Мишлэ называетъ «страшною болѣзнью этого вѣка Европы», а именно — голодъ и жажду золота и другихъ драгоценныхъ вещей, обладаніе которыми соединялось съ мыслью о жаркихъ странахъ земнаго шара.

«На югъ, — говоритъ Петеръ Мартиръ. — Тотъ, кто хочетъ найти богатства, долженъ избѣгать холоднаго сѣвера!»

Наварретъ сохраняетъ письмо, написанное къ адмиралу Ханмомъ Ферреромъ, извѣстнымъ гранильщикомъ того времени. Ювелиръ этотъ подтверждалъ господствовавшее мнѣніе и говорилъ, что во время своихъ странствованій по отдаленнымъ рынкамъ, откуда Европа получала золото и драгоценныя камни, ему приходи-

1498 г. 30 мая.
Колумбъ уходитъ въ море.

Слухи о южномъ материкѣ.

Ханмъ Ферреръ.

лось слышать отъ купцовъ, что этотъ товаръ обыкновенно получался въ болѣе изобиліи изъ странъ, лежавшихъ близъ экватора, гдѣ преобладаютъ черныя расы. «И такъ;—говорилъ Ферреръ Колумбу, — направьте путь своихъ кораблей на югъ, найдите черную расу, если хотите добыть такіа богатая сокровища». Адмиралъ помнилъ, что въ Эспаньолѣ ему говорили о черныхъ людяхъ, которые въ старину приходили съ юга на этотъ островъ; Колумбъ отвезъ въ Испанію куски металла, изъ котораго, по словамъ аборигеновъ, были сдѣланы наконецники у дротиковъ этихъ черныхъ пришельцевъ. Испанскіе пробирщики нашли, что эти куски состояли изъ золота, мѣди и серебра.

Съ такими-то надеждами Колумбъ устремился теперь на югъ. Въ Порто-Санто и на Мадейрѣ онъ запасся дровами и водою, а затѣмъ пошелъ далѣе къ Гомерѣ. Здѣсь, 16 іюня, онъ ^{Колумбъ направляется къ югу. 1498 г. 16 іюня. У Гомеры.} встрѣтилъ французское пиратское судно съ двумя испанскими судами, взятыми въ плѣнъ; всѣ три корабля ушли въ море ему не удалось ихъ захватить. Онъ послалъ за ними въ погоню три судна; испанцы, взятые въ плѣнъ, бросились на экипажъ одного изъ захваченныхъ судовъ; оно было безъ труда взято людьми Колумба и отведено въ портъ.

Испанскій флотъ поплылъ далѣе 21 іюня. Адмиралъ приказалъ тремъ судамъ идти прямо въ Эспаньолу, въ новый портъ на южномъ берегу, близъ золотыхъ мѣсторожденій Гайана. ^{Посылаетъ три корабля прямо въ Эспаньолу.} Капитаны этихъ судовъ должны были командовать маленькой эскадрой поочередно всякую недѣлю. Вотъ имена этихъ лицъ: Алонзо Санхеъ де-Карвахаль, пользовавшійся всеобщимъ расположеніемъ; Педро де-Арона, братъ Беатрисы де-Энрикеъ, которая родила адмиралу Фердинанда; Хуанъ Антоніо Коломбо, генуэзецъ и дальній родственникъ адмирала.

Разставшись съ этими судами у береговъ Ферро, Колумбъ съ тремя остальными судами,—одно изъ нихъ флагманское судно, съ закрытой палубой, въ сто топнъ, требовало не менѣе трехъ фатомовъ глубины,—направилъ путь къ островамъ Зеленаго мыса. Онъ выбралъ очень неудачную стоянку для своего флота. Тяжелый пропитанный сыростью воздухъ и бесплодная почва подѣйствовали вредно на его здоровье и на здоровье его матросовъ. Такъ какъ здѣсь было затруднительно доставать съѣстные припасы и рогатый скотъ, то онъ снова вышелъ въ море 5 іюля, держа курсъ на юго-западъ. Однако, штиль и теченіе между островами сбивали его съ пути, и только 7 іюля онъ увидѣлъ передъ собою высокую вулканическую вершину острова Дель-Фуэго. 15 іюля онъ дошелъ ^{Колумбъ у острововъ Зеленаго мыса. 1498 г. 15 іюля.} до 5° сѣверной широты. Теперь онъ находился въ экваторіальной полосѣ безвѣтрія. Раскаленный воздухъ дѣйствовалъ на все разрушительно; деготь растопился и медленно стекалъ по снастямъ; швы кораблей разошлись; съѣстные припасы стали гнить, бочки ст.

виномъ разохлись и стали течъ. Адская жара истощала всякое терпѣніе экипажа, да и самому адмиралу требовалась вся сила его мужества, чтобы сохрѣнать спокойный видъ посреди мучительныхъ приступовъ подагры, которые изнуряли его. Онъ перемѣнилъ курсъ, пытаясь какъ-нибудь выбраться изъ этой полосы нестерпимой жары, и послѣ утомительнаго плаванія посреди влажной и расслабляющей атмосферы корабли постепенно перешли въ болѣе прохладную полосу. Свѣжій вѣтеръ покрывалъ зыбью морскую гладь, солнце ярко сіяло, и тѣмъ живительнѣе дѣйствовала навѣваемая прохлада. Теперь онъ пошелъ прямо на западъ въ надеждѣ встрѣтить землю прежде, чѣмъ выйдетъ вся провизія и вода. Земли долго не было видно и Колумбъ опять пустился къ сѣверу, рассчитывая напасть на Карибскіе острова. 31 іюля наступилъ конецъ страданіймъ экипажа, и давно было пора, такъ какъ у нихъ не оставалось ни капли воды. Матросъ, около полудня, зорко всматриваясь съ верхушки мачты въ безпредѣльную даль, разстилавшуюся передъ ними, замѣтилъ три коническихъ возвышенія, рѣзко выступавшія на горизонтѣ. Крикъ «земля!» прозвучалъ словно благовѣсть. Повсюду на кораблѣ раздалось торжественное пѣніе «Salve Regina». Колумбъ теперь направился со своимъ флотомъ къ берегу. По мѣрѣ приближенія кораблей, три остроконечныя вершины вырисовывались въ тройную цѣпь горъ; Колумбъ далъ острову имя Тринидадъ, чтобы вершины его напоминали Св. Троицу,—передъ отплытіемъ изъ Испаніи онъ рѣшилъ назвать этимъ именемъ первую землю, которую увидитъ. Онъ остановился въ виду берега, отыскивая удобную стоянку, чтобы починить свои корабли и заpastись водою.

1 августа онъ бросилъ якорь у самого берега, чтобы отправиться за водою, и былъ пріятно удивленъ роскошною растительностью страны. Пздали онъ увидѣлъ жилища, но вдоль берега незамѣтно было ни единого признака жизни. Матросы его, ходившіе за водою, замѣтили на землѣ слѣды ногъ и другіе признаки человеческой жизни, но всё обитатели острова попрятались.

Онъ находился теперь на южномъ концѣ острова, въ томъ проливѣ, который отдѣлялъ Тринидадъ отъ низменности возлѣ устьевъ Ориноко. Далеко передъ собою онъ могъ видѣть противоположный берегъ, тянувшійся на двѣсти лигъ, но онъ не подозрѣвалъ, чтобы эта полоса была чѣмъ-нибудь инымъ, а не островомъ, и назвалъ ее Ла Пзла Санта (Святой островъ).

Въ самомъ дѣлѣ, странно, но не удивительно, что Колумбъ нашелъ островъ новаго континента и принялъ его за материкъ Старого Свѣта, какъ это случилось во время его первыхъ двухъ путешествій; точно также поразительно, что теперь, когда онъ дѣйствительно увидѣлъ материкъ Новаго Свѣта, онъ этого не понималъ.

Второго августа адмиралъ приблизился къ тому узкому проливу, гдѣ юго-западный уголъ Тринидада ближе всего подходитъ къ материкъ

*Безопріятіе и
тропическія
жары.*

*1498 г. 31 іюля.
Открытіе
Тринидада.*

1 августа.

*Впервые ви-
дитъ берегъ
Южной Аме-
рики.*

и здѣсь бросилъ якорь. Огромная пирога, въ которой сидѣло двадцать пять индійцевъ, направилась отъ берега къ его кораблямъ, но затѣмъ дикари налегли на весла и отошли отъ бѣлыхъ на разстояніе выстрѣла. По описанію Колумба, эти индійцы были стройнаго красиваго сложенія, безъ всякой одежды, кромѣ пояса вокругъ бедръ, съ пестрыми повязками вокругъ головы. Цвѣтъ кожи у нихъ былъ свѣтлѣе, чѣмъ у индійцевъ, которыхъ адмиралъ видѣлъ раньше. Фактъ этотъ былъ не утѣшителенъ, въ виду увѣренности, что драгоценные продукты будутъ имъ найдены въ странѣ, обитаемой черною расою. У этихъ дикарей, кромѣ того, были щиты для защиты, чего онъ никогда еще не видалъ у новооткрытыхъ имъ племенъ. Онъ попробовалъ заманить ихъ разными блестящими бездѣлушками на бортъ, а матросовъ своихъ заставилъ играть и плясать. Последнее проявленіе было принято дикарями за враждебный вызовъ и въ отвѣтъ они стали пускать въ испанцевъ стрѣлы. Испанцы въ свою очередь сдѣлали по нимъ два выстрѣла изъ самострѣловъ и пирога поспѣшила ретироваться. Аборигены, повидимому, меньше боялись небольшихъ судовъ и подошли къ нимъ довольно близко, такъ что капитану одного судна удалось бросить къ нимъ въ пирогу нѣсколько подарковъ—колпакъ, плащъ и т. д.; но какъ только индійцы замѣтили, что къ кораблю адмирала была спущена лодка, они опять поторопились уйти.

Когда суда стали на якорѣ, то Колумбъ позволилъ своимъ матросамъ пойти освѣжиться на берегъ. Они наслаждались, вдыхая полною грудью утреннюю и вечернюю прохладу, наступавшую послѣ удушливаго зноя безвѣтренныхъ широтъ. Никогда еще природа не оказывала на нихъ такого животворнаго дѣйствія.

Колумбъ начиналъ тревожиться на этой небезопасной стоянкѣ, такъ какъ ему не удалось еще найти рейдъ. Теченіе было тутъ такое быстрое, что онъ сталъ совершенно въ тупикъ. Воды, казалось, проходили въ круговоротъ, протискиваясь въ узкій проливъ, находившійся передъ ними. Впервые Колумбъ имѣлъ дѣло съ тѣмъ африканскомъ теченіемъ, которое, пересѣкая океанъ, стремительно бросается въ Карибское море и, обойдя вокругъ большаго залива, переходитъ на сѣверъ въ такъ называемый Гольфстремъ. Притомъ Колумбъ еще не зналъ, что на этомъ островѣ обиліе воды, которая изливается вдоль берега многочисленными устьями р. Ориноко; а когда ночью онъ услышалъ страшный шумъ волнъ въ проливѣ, — весьма вѣроятно, громадная масса рѣчной воды сразу ворвалась въ него, — и увидалъ, какъ его собственный корабль снялся съ якоря и на одномъ грузовомъ суднѣ лопнулъ канатъ, то его охватило ощущеніе новой опасности, съ которой, ему казалось, онъ былъ не въ силахъ бороться. Да и всякому моряку, незнакому съ подобными явленіями, положеніе кораблей представилось бы крайне опаснымъ. Передъ нимъ вздымались волны потока, стремительно врывавшагося

1498 г.
2 августа.

Гольф-
стремъ.

въ узкій проливъ, который онъ уже окрестилъ «Змѣиной Пастью» (Boca del Sierpe). Пробовать пройти черезъ нее было почти безуміемъ. Вернуться къ берегу, идя противъ такого бурнаго теченія, представлялось крайне рискованнымъ. Онъ приказалъ матросамъ на лодкахъ осмотрѣть проливъ; оказалось, что въ немъ воды было гораздо больше, чѣмъ они думали; тогда, успокоенный увѣреніями своего штурмана и попутнымъ вѣтромъ, Колумбъ повелъ свои корабли прямо въ пѣнящійся водоворотъ. Переходъ совершился благополучно и вскорѣ передъ нимъ открылась широкая гладь воды. Берегъ Тринидада тянулся къ сѣверу, и онъ повернулъ свои корабли по направленію береговой линіи, но кто-то изъ матросовъ, попробовавъ воду, нашелъ, что она прѣсная на вкусъ. Опять его поразила эта новая неожиданность. Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что находился въ закрытой континентальной бухтѣ и что теченіе въ ней сглаживалось напоромъ воды изъ Ориноко. Приближаясь къ сѣверо-западной границѣ Тринидада, онъ увидѣлъ высокій мысъ, выступавшій изъ подобной же береговой окранны земли, лежавшей насупротивъ къ западу, а между этой частью Тринидада и видѣвшейся землею находился другой такой же бурливый проливъ, окруженный скалами и казавшійся еще болѣе опаснымъ, чѣмъ только что пройденный. Поэтому Колумбъ далъ этому проливу болѣе страшное названіе «Драконовой Пасти» (Boca del Drago). Пройти къ берегу открывавшейся передъ ними земли не представляло такого большого риска, поэтому Колумбъ,—все еще не понимая, какимъ образомъ флотъ его очутился запертымъ въ этихъ удивительныхъ водахъ,—поплылъ въ воскресенье, 5 августа, къ противолежащему берегу. Тутъ онъ увидѣлъ, что къ сѣверу заливъ становился гораздо шире; онъ принялъ этотъ узкій полуостровъ за другой островъ. Вода становилась все болѣе прѣсной, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался далѣе. Берегъ манилъ его къ себѣ своими гаванями и здоровымъ мягкимъ воздухомъ, но ему страшно хотѣлось выйти поскорѣе въ открытое море. Онъ не замѣтилъ обитателей. Онъ увидалъ здѣсь только массу необычайно живыхъ марышекъ, суетливо перекликавшихся между собою. Наконецъ берегъ сталъ ровнѣе; Колумбъ вошелъ въ устье рѣки и бросилъ якорь. Быть можетъ, именно въ этомъ мѣстѣ испанцы впервые ступили на материкъ Южной Америки. Разказы объ этомъ событіи представляютъ нѣкоторую запутанность и нужна извѣстная свобода толкованія, чтобы согласить ихъ. Очень возможно, что испанцы высадились на континентъ ранѣе.

На берегу показалось пирога съ тремя индійцами. Испанскій капитанъ овладѣлъ этими людьми, употребивъ слѣдующую уловку. Давъ имъ понять знаками, что желаетъ отправиться на берегъ въ ихъ лодкѣ, онъ быстро вскочилъ на планширь и опрокинулъ пирогу. Индійцевъ безъ труда переловили въ водѣ. Ихъ взяли на флагманское судно и, по обыкновенію, надававъ имъ бубенчиковъ, испанцы

сразу расположили къ себѣ дикарей; затѣмъ ихъ отпустили восвояси улаживать своихъ товарищей полученными ими диковинками. Послѣдовали новые переговоры и взаимный обмѣнъ подарковъ. Колумбъ убѣдился, насколько это было возможно при помощи зна-
Парія.

Заливъ Парія.

этой страны. Индійцы рукою показывали на западъ и давали понять, что тамъ было гораздо больше людей. Испанцы дивились высокому росту дикарей и имъ бросилось въ глаза отсутствіе у нихъ заплетанія волосъ. Любопытно было видѣть, какъ они обнюхивали каждый незнакомый для нихъ предметъ—напр., мѣдныя деньги. Повидимому, они привыкли изслѣдовать и распознавать вещи путемъ обонянія. Едва ли

Колумбъ принималъ участіе въ этомъ взаимномъ обмѣнѣ любезностей на берегу. Онъ страдалъ сильнымъ воспаленіемъ глазъ и, по словамъ одного изъ свидѣтельствъ, формально завладѣлъ страной его уполномоченный. Показаніе это оспаривается другими.

Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ привлекательнѣе становилась новооткрытая страна, изрѣзанная множествомъ рѣкъ съ чистою прозрачною водою, покрытая большими роскошными лѣсами съ высоко-вѣющимися виноградомъ и безчисленнымъ множествомъ блестящихъ птицъ. Поэтому онъ называлъ это мѣсто Садами. Туземцы показались ему такъ же

Туземцы.

щедро одаренными, какъ обружавшая ихъ природа. Онъ нашелъ ихъ болѣе мужественными по виду, болѣе стройными по тѣлосложенію; въ выраженіи ихъ глазъ свѣтилось больше ума, чѣмъ у рабѣ открытыхъ имъ дикарей. Очевидно, и ихъ развитіе было гораздо выше, такъ напр., лодки ихъ были удобнѣе, легче, съ крытыми павильонами надъ сидѣніемъ. Женщины носили украшенія изъ нитокъ жемчугу, что расшевелило алчность испанцевъ. Матросы нашли устрицъ, прилипшихъ къ сучкамъ, которые висѣли вдоль берега. Колумбу вспомнилось, что у Плинія онъ читалъ о привычкѣ жемчужныхъ устрицъ открывать ротъ, чтобы собирать росу, которая затѣмъ обращалась внутри тѣла этихъ животныхъ въ жемчугъ. Народъ здѣшній былъ также гостепріименъ, какъ и красивъ, и дикари угощали чужеземцевъ повсюду, куда бы они ни заходили. Индійцы показывали имъ рукою, что за ихъ холмами лежалъ другой берегъ, гдѣ ловилось огромное количество жемчуга.

Пришлось покинуть этотъ рай. 10-го августа корабли пошли далѣе и снова очутились въ прѣсныхъ и болѣе мелкихъ водахъ. Наконецъ, не рѣшаясь заводить свое флагманское судно въ такое мелководіе, Колумбъ послалъ впередъ самое легкое судно и сталъ ждать его возвращенія. Оно вернулось на слѣдующій день съ извѣстіями, что за тѣми островами, которые видѣлись передъ ними, былъ еще другой закрытый заливъ, въ который вливалась масса прѣсной воды, словно стекая сюда съ большого материка. Условія для произведенія дальнѣйшихъ изслѣдованій теперь были болѣе благоприятны и вотъ, 11 августа, Колумбъ обратно вернулся къ Драконовой Пасти. Его повара заявили ему, что провіантъ становится негоднымъ, и даже большіе запасы съѣстныхъ припасовъ, которые предназначались для колоніи, начали портиться. Было необходимо поспѣшить къ мѣсту назначенія. Здоровье самого Колумба становилось день ото дня хуже. Припадки подагры повторялись почти безъ перерыва. Глаза его почти смыкались отъ истощенія, которое онъ уже испыталъ въ свою крейсеровку вдоль береговъ Кубы и ему приходилось поневолѣ думать о томъ, какъ его привезли изъ этой экспедиціи въ Изабеллу въ состояніи полного изнеможенія.

Неподалеку отъ Драконовой Пасти Колумбъ зашелъ въ гавань,

чтобы приготовиться къ выходу изъ этого бурнаго пролива. Избѣ-
 жать этого опаснаго шага не представлялось никакой возможности.
 Находившійся передъ нимъ проливъ былъ достаточно широкъ самъ
 по себѣ, но двумя островами теченія его раздѣлялись, и воды, пѣня-
 щимися волнами, съ силою врывались въ сѣуженный проходъ. Ко-
 лумбъ провѣрилъ направленіе этихъ теченій и въ концѣ концовъ
 пришелъ къ заключенію, что водоворотъ этотъ происходилъ во
 всякомъ случаѣ отъ встрѣчи морского теченія съ потоками прѣс-
 ной воды, устремлявшимися въ открытое море, а вовсе не отъ подвод-
 ныхъ камней и отмелей. Какъ бы то ни было, ему надобно было выйти
 изъ этого пролива. Вѣтеръ дулъ прямо съ кормы, Колумбъ
 велѣлъ поднять паруса и вошелъ въ бурный протокъ. Колумбъ
проходитъ че-
резъ Драко-
нову Пастъ
 Пока вѣтеръ продолжалъ дуть, ему было легко направ-
 лять свои суда. Но къ несчастью, вѣтеръ затихъ и Колумбъ отдался
 на волю слѣпому случаю и быстрого теченія. Они вынесли его благо-
 получно въ открытое море. Тутъ онъ увидѣлъ на сѣверо-востокъ два
 острова. По всей вѣроятности, то были нынѣшніе острова Тобаго и Гре-
 нада. Было 15-е августа и Колумбъ повернулъ на западъ, Тобаго и
Гренада.
Любава и
Маргарита.
 направляясь вдоль берега. Онъ пришелъ къ островамъ Кю-
 багва и Маргарита, гдѣ стояло нѣсколько туземныхъ лодокъ:
 дикари занимались ловлею жемчуга. Матросы Колумба сейчасъ же завя-
 зали переговоры съ туземцами и, разломавъ на кусочки нѣсколько бездѣ-
 лушекъ изъ Валенцы, испанцы такъ удачно сбыли эти кусочки въ обмѣнъ
 за жемчугъ, что, по словамъ Колумба, у нихъ набралось три фунта этихъ
 драгоценностей, которыхъ они такъ жадно домогались. Онъ Жемчугъ.
 утѣшалъ себя мыслью, что открылъ здѣсь новыя богат-
 ства, которыхъ будетъ достаточно, чтобы поднять его кредитъ въ
 Испаніи; но здѣсь ему нельзя было остаться. Повернувъ свои ко-
 рабли, онъ оставилъ позади себя гористый берегъ тянувшійся на за-
 падъ и охотно готовъ былъ допустить, что Индія лежала въ этомъ
 направленіи, какъ тогда за Кубой. И тамъ, и здѣсь, ему казалось, что
 онъ коснулся предѣловъ Азіи—двухъ возвышенныхъ полуострововъ,
 а быть можетъ, двухъ континентальныхъ массъ, отдѣленныхъ про-
 ливомъ, который, вѣроятно, лежалъ впереди.

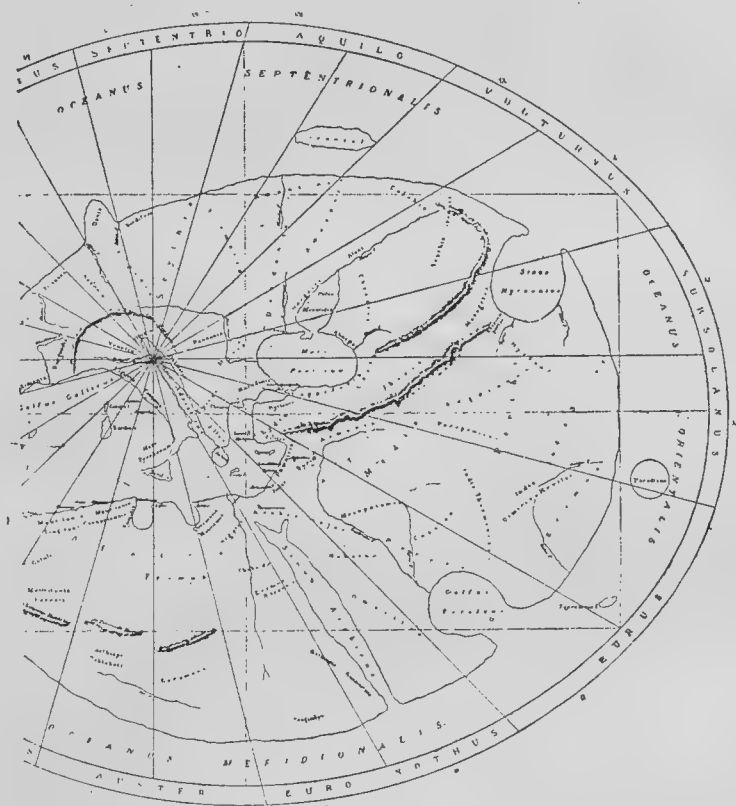
Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ было много новаго для него. Ко-
 лумбъ почувствовалъ, что Новый Свѣтъ широко открылъ Географиче-
скія иллюзіи
Колумба.
 передъ нимъ ворота къ своимъ дивнымъ тайнамъ. Лежа
 на своей койкѣ, обезсиленный жестокими страданіями вслѣд-
 ствіи подагры, съ больными глазами, полуослѣпшій, адмиралъ про-
 должалъ дѣятельно обдумывать за-ново старыя задачи. Обо всемъ
 этомъ мы узнаемъ изъ письма, которое онъ черезъ нѣсколько недѣль
 составилъ для прочтенія своимъ государямъ и изъ его разсказовъ
 Петеру Мартиру, которые этотъ историкъ занесъ въ свою лѣтопись.
 Мы узнаемъ изъ этого письма, что мысли его все еще витали на
 горѣ Сопорѣ Соломона,—«горой этой ваши величества нынѣ владѣете

на островъ Эспаньолъ». Слова эти были удобной ступеню къ массѣ другихъ легкомысленныхъ фантазій, какъ мы увидимъ далѣе. Огромная масса прѣсной воды, съ какою онъ встрѣтился въ заливѣ «Нарія» свидѣтельствовала, по его мнѣнію, о существованіи большого бассейна водъ позади его. Онъ сослался на свидѣтельство Ездры, что на земномъ шарѣ преобладаетъ земля,—послѣдней въ шесть разъ больше, чѣмъ воды,—и вотъ, ему показалось, что онъ нашелъ подтвержденіе библейскихъ словъ въ этомъ громадномъ потокѣ, который являлся доказательствомъ соотвѣтствующаго протяженія земли. Онъ вспомнилъ все, что было имъ собрано у Аристотеля и другихъ ученыхъ. Онъ вернулся къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ среди океана, когда его испугало совпаденіе магнитной стрѣлки съ полярной звѣздой. Онъ припомнилъ, какъ измѣнились всѣ условія температуры и другіе физическіе признаки, когда онъ перешелъ за эту линію, словно его уносило въ заоблачныя страны. Ту же самую разницу онъ нашелъ, перейдя нѣсколько недѣль назадъ отъ всеокрушающихъ жаровъ тропической полосы безвѣтрія. Онъ началъ думать, что эта линія, гдѣ нѣтъ отклоненія магнитной стрѣлки, съ соотвѣтствующими чудесами природы, указывала только на начало новыхъ областей земного шара, о которыхъ до того времени никому и въ мечтахъ не грезилось. Св. Августинъ, св. Василій и св. Амвросій помѣстили сады Эдема на дальнемъ востокѣ Стараго Свѣта, вдали отъ близости людей, высоко надъ низменными частями земли, въ области, купающейся въ волнахъ чистѣйшаго ээира и такой высокой, что потоги не могъ до нея достигнуть. Всѣ эти легенды среднихъ вѣковъ, которыя поглотила въ себя умозрительная философія его эпохи, указывали на дальній востокъ, какъ на мѣстонахожденіе рая; и развѣ теперь онъ не подошелъ къ этому востоку западнымъ путемъ? Если ограниченныя богатства земли не могутъ возродить энтузіазма, вспыхнувшего въ вялыхъ душахъ европейцевъ благодаря его первымъ открытіямъ, то не откроются-ли снова ихъ глаза при видѣ чуднаго блаженства райскихъ садовъ? Онъ употребилъ много усилій, чтобы заставить своихъ современниковъ уразумѣть, что земля кругла и наглядно доказалъ это,—такъ онъ думалъ,—почти дойдя западнымъ путемъ до Золотого Херсонеса. Замѣчательно, что въ позднѣйшей «Historie» 1571 года выпущены эти фантазіи Колумба о земномъ раѣ. Міръ подвинулся впередъ и географическія открытія въ то время сдѣлали кое-какіе успѣхи, грозившіе опасностью для біографа Колумба.

Въ умѣ Колумба новая идея возникла въ связи съ этой надеждой, что рай былъ найденъ. Если эта чудная природа, полная животворной и оздоровляющей силы, которую онъ видѣлъ и чувствовалъ, не могла возстановить его здоровье, то она являлась какъ бы предверіемъ его восхожденія на выпуклую вершину земли, поддерживавшую садъ эдема. Его уму стало ясно, что

*Рай
найденъ.*

земля была не шарообразная, а грушевидная, и что продолжая восходить на эту громадную возвышенность, онъ постоянно поднимался въ болѣе чистыя сферы. Великій родникъ, орошавшій этотъ обширный садъ первой человѣческой расы, излилъ свои потоки на эти эфирные склоны и освѣжилъ весь этотъ заливъ, не хотѣвшій выпустить его изъ своихъ предѣловъ. Если такъ велики были чудеса этихъ аванпостовъ заоблачной жизни, то каковы должны быть произведенія, которыя еще предстоитъ узрѣть тому, кто будетъ продол-

Ландкарта періода предшествовавшего открытіямъ Колумба, сохранившаяся въ Равеннѣ; ландкарта эта реставрирована граверомъ по Д'Авзаку въ «*Bulletin de la Société Normande*», 1888 г.

жать свой путь все выше и выше, вдоль такихъ небесныхъ потоковъ? Направивъ свои корабли въ Эспаньолу, Колумбъ нашелъ опять, что ему помогали плыть теченія; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. Не доказываетъ-ли это, что ему легко было спускаться внизъ съ этой дивной покатости?

Такия отвлеченныя разсужденія убѣдили его, что онъ открылъ

опять материкъ. У него не было никакого представленія о физической истинѣ. Фантастическіе вымыслы его эпохи нашли въ немъ выразителя самыхъ необузданныхъ галлюцинацій. Это блужданіе мысли явилось мощною причиною, лишившей его возможности назвать своимъ собственнымъ именемъ завѣтную цѣль своихъ стремленій. Много записало это и отъ болѣе сильнаго впечатлѣнія, какое Америко Веспуччи произвелъ своимъ болѣе ясными понятіями на образованный міръ, жаждавшій услышать разумное слово. Путешествіе этого флорентинскаго купца, — одного изъ тѣхъ правонарушителей, на которыхъ горько жаловался Колумбъ, — имѣло цѣлю, — прежде чѣмъ Колумбъ снова вернется въ Испанію, — опубликовать рассказъ, отнявшій у истиннаго открывателя законное право дать свое имя новому міру, который онъ нашелъ самъ того не зная. Дикія фантазіи, которыя Колумбъ собиралъ изъ всевозможныхъ источниковъ суевѣрія прошлыхъ вѣковъ, придавая этимъ суевѣріямъ форму вѣрованій, остались безвліянія на болѣе трезвые умы его времени; безпорядочныя описанія его, выраженные въ болѣе пространныхъ разсужденіяхъ со всеми

Колумбъ и Веспуччи. признаками умственного разстройства, представляли рѣзкій контрастъ съ болѣе солиднымъ мышленіемъ Веспуччи.

Какъ мы увидимъ далѣе, гораздо болѣе точное описаніе послѣдняго дало ему значеніе признаннаго авторитета. Между тѣмъ, какъ Колумбъ ломалъ себѣ голову надъ абераціей полярной звѣзды и создавалъ уродливыя представленія о землѣ, Веспуччи понялъ законъ тяготѣнія, управляющій нашей сферой, которая несется въ міровомъ пространствѣ, и въ заключеніе представилъ свои идеи въ діаграммѣ для большей наглядности своего разсказа. Намъ придется еще вернуться въ дальнѣйшемъ изложеніи къ причинамъ, вызвавшимъ названіе Америки.

Впродолженіе четырехъ дней Колумбъ плылъ на сѣверо-западъ, становясь на ночь изъ предосторожности въ подвѣтренную сторону; 19 августа передъ нимъ открылась Эспаньола, по его разсчету, въ пятидесяти лигахъ къ западу отъ того мѣста, гдѣ должны были устроить портъ для мѣсторожденій Гайаны. Онъ держалъ путь ближе къ этому мѣсту, но, по всей вѣроятности, его отнесло ночью теченіемъ къ западу, незамѣтно для него самого, какъ это случилось съ кораблями, съ которыми онъ разстался у береговъ Ферро. Колумбъ разсчитывалъ на это постоянное морское теченіе съ тою проникательною наблюдательностью относительно явленій природы, которая приводила въ восхищеніе Гумбольдта и которая дѣйствительно была поразительна, если мы отдѣлимъ эту способность его ума отъ безпорядочной прихотливости его воображенія; въ то же время онъ полагалъ, что преобладавшая форма острововъ, открытых имъ, обуславливалась треніемъ вслѣдствіе теченія, причемъ наибольшая ихъ длина соотвѣтствовала направленію теченія. Онъ зналъ, что оно можетъ порядкомъ замедлить его движеніе на востокъ, а потому сейчасъ же открылъ сообщеніе съ берегомъ въ

Наблюдательность Колумба.

надеждѣ найдти кого-нибудь, чтобы отправить письмо къ аделантадо. Это не представило никакого затрудненія; письмо дошло по назначенію, и Бартоломей сейчасъ же вышелъ въ море на встрѣчу адмиралу. Съ тревожнымъ предчувствіемъ бѣды продолжалъ Колумбъ свой путь: онъ увидалъ у одного изъ аборигеновъ ружье, а такъ какъ испанцы не допускали ружей въ продажу, то ему пришла мысль о такомъ же несчастіи, какое постигло фортъ Рождества. Поэтому онъ очень обрадовался, когда вскорѣ послѣ того увидѣлъ испанское судно, шедшее ему на встрѣчу; окликнувъ судно, Колумбъ узналъ аде- Встрѣча его лантадо, который явился поздравить его съ благополуч- съ аделантадо. нымъ возвращеніемъ.

Въ это первое свиданіе имъ надо было сообщить другъ другу массу новостей и соображеній; Колумбъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ услышать о положеніи колоніи; дѣла въ ней шли очень дурно и та непріятная исторія, которая теперь раскрылась передъ Колумбомъ, едва-ли могла встрѣтить въ Испаніи лучшій приемъ, чѣмъ до-несенія о его собственномъ управленіи островомъ.

Главная сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ: Бартоломей прежде всего взялся за исполненіе приказаній адмирала относительно оккупации области Гайаны. Онъ построилъ тамъ крѣпость, назвалъ ее Санъ-Кристоваль, но рабо- Событіе въ Эспаньволѣ чіе, найдя частички золота въ камняхъ и пескѣ, которые шли на отсутствіе Колумба. постройку крѣпости, прозвали послѣднюю Золотой Башней. Пока шла эта работа, случился недостатокъ въ продовольствіи рабочихъ. Провіантъ былъ на исходѣ, а индійцы не на- Основаніе Санто-Доминго. мѣрены были дѣлиться съ испанцами тѣмъ, что у нихъ было. Правда, аделантадо могъ пойти въ Долину и силой взыскать съ туземцевъ дань за три мѣсяца; но такая мѣра едва-ли избавила бы рабочихъ Санъ-Кристовала отъ голода. До сихъ поръ земля возлѣ форта оставалась невоздѣланной, скотъ еще не пригнали. Поселеніе Изабеллы отстояло слишкомъ далеко, чтобы можно было разсчитывать на по-мощь оттуда. Тѣмъ временемъ пришелъ Ниньо съ грузомъ, но при-везенныхъ имъ запасовъ было недостаточно, на пути масса ихъ испор-тилась. Ниньо передалъ Бартоломею письмо, которое Колумбъ напи-салъ къ нему изъ Кадикской гавани, возвратившись изъ своего вто-рого путешествія, когда онъ понялъ настроеніе общественнаго мнѣнія по отношенію къ его дѣятельности. Тогда же Ниньо повторилъ Бар-толомею рѣшеніе теологовъ, что индійцы заслужили свою участь быть проданными въ рабство гуртомъ, разъ они пошли войною Колумбъ и рабство. на испанцевъ и позволили себѣ убивать подданныхъ ихъ величествъ. Слѣдовательно, распоряженія адмирала навѣрно оставались въ своей силѣ, благодаря высказанному критеріуму теологовъ, отно-сительно доставки въ Испанію невольниковъ; а такъ какъ никто не оспаривалъ рѣшеніе его уполномоченнаго, то Ниньо взялъ съ собою въ Испанію триста невольниковъ, которые, какъ мы уже ви-

дѣли, были такъ быстро обращены въ пресловутое золото послѣ его прибытія.

Бартоломей избралъ для новаго города мѣсто близъ устьявѣ Оземи Новое поселеніе называлось Санто-Доминго. гдѣ можно было производить нагрузку судовъ сокровищами Гайаны; сперва онъ назвалъ этотъ городъ «Новая Изабелла», но скоро городъ стали называть Санто - Доминго и имя это осталось за нимъ.

Бартоломей разсказалъ Колумбу пріятную исторію о томъ, какъ ему Покореніе Ксарагвы. удалось покорить Бегекію и его область, Ксарагву. Территорія эта лежала на западъ отъ того мѣста, гдѣ Колумбъ бросилъ якорь нѣсколько дней назадъ. Анакаона, жена Каонабо, — теперь же его вдова, — нашла пріютъ у Бегекію, своего брата, Бегекію и Анакаона. послѣ того, какъ ея мужъ попался въ руки испанцевъ. По описаніямъ она была красавица и отличалась большимъ изяществомъ и большей воспримчивостью, чѣмъ вообще люди ея расы; быть можетъ, Бартоломей сказалъ своему брату то, что затѣмъ подозрѣвали испанскіе авторы — что она дала ему понять свои дружескія чувства къ небожителямъ, посѣтившимъ островъ. Отправившись сюда съ такимъ войскомъ, какое только могъ собрать для этой экспедиціи, Бартоломей увидѣлъ, что кацикъ, встрѣтившій его со своими воинами, охотно соглашался, — по той или другой причинѣ, быть можетъ, благодаря вліянію Анакаоны, — распустить своихъ вооруженныхъ воиновъ и конвоировать своего гостя по своимъ владѣніямъ, оказывая ему почетъ. Когда они пришли въ столицу кацика, послѣдній устроилъ большое празднество въ честь аделантадо и для потѣхи велѣлъ разыграть «шуточное» военное состязаніе, причемъ не обошлось безъ настоящаго кровопролитія на смерть. Петеръ Мартиръ говоритъ, что когда красивыя молодыя индійскія дѣвушки приблизились съ пальмовыми вѣтвями къ аделантадо и привѣтствовали его, то, казалось, будто прекрасныя дріады старинныхъ балладъ вышли изъ зеленыхъ лѣсовъ. Затѣмъ появилась Анакаона на носилкахъ, безъ всякихъ одеждъ, въ уборѣ изъ цвѣточныхъ гирляндъ — прекрасѣйшая дріада изъ всѣхъ. Всѣ пировали и Бартоломей, чтобы сдѣлать пріятное угощавшему его кацикъ, ѣлъ и похваливалъ самое изысканное блюдо индійцевъ — изъ игуаны; испанцевъ и прежде часто угощали этимъ кушаньемъ, но они ни разу еще не рѣшились его попробовать. Послѣ этого испанцы полюбили это мясо названной ящерицы. Впродолженіе двухъ или трехъ слѣдующихъ дней обѣ стороны всячески старались скрѣпить эту дружбу; но вотъ аделантадо вздумалъ испробовать эту дружбу и приступилъ къ цѣли своего прихода. Онъ сталъ говорить кацикъ о великомъ могуществѣ своего господина и объ испанскихъ государяхъ; о ихъ милостивомъ вниманіи по отношенію ко всѣмъ ихъ далекимъ подданнымъ и о томъ, что за свое покровительство они надѣются получить ничтожную дань. «Золото! — воскликнулъ кацикъ, — да у насъ здѣсь нѣтъ золота». — «О, ну что у васъ есть, — хлопокъ, пенька, маникоковый

хлѣбъ,— все будетъ принято». Такимъ образомъ дѣло это уладилось. Кацикъ былъ доволенъ, что отдѣлался такъ легко, а испанцы вернулись восвояси.

Это посѣщеніе и другое, когда Бартоломей отправился получать дань отъ кацика Ксарагвы, были единственными пріятными событіями въ печальномъ отчетѣ о томъ, что произошло въ колоніи за время отсутствія адмирала. Было отъ чего потерять голову и придти въ въ отчаяніе. Бартоломей построилъ линію военныхъ постовъ, соединившихъ оба поселенія испанцевъ, а для подневныхъ работъ въ этихъ укрѣпленіяхъ и въ прилежащихъ къ нимъ деревняхъ аделантадо выселилъ часть колонистовъ изъ Изабеллы, что дало ему возможность уменьшить скученность этого поселенія. Не успѣлъ онъ покончить съ этимъ, какъ ему надо было заняться подавленіемъ заговора туземцевъ. Два патера обратили нѣсколькихъ изычниковъ ^{Заговоръ туземцевъ.} въ Долинѣ и построили капеллу для новообращенныхъ. Одинъ испанецъ обидѣлъ жену мѣстнаго кацика. По этой-ли причинѣ, потому-ли, что патеры дерзко вели свою пропаганду, не стѣсняясь народными традиціями,—но толпа туземцевъ ворвалась въ испанскую капеллу, разрушила алтарь и закопала въ землю нѣкоторые изъ священныхъ сосудовъ. По словамъ правдивыхъ рассказчиковъ, на томъ мѣстѣ выросла трава, образуя крестъ. Однако испанцы не удовлетворились этимъ. Они схватили нѣсколько человекъ индійцевъ, за-подозрѣнныхъ въ этомъ святотатствѣ, и сожгли ихъ, какъ сжигали мавровъ и евреевъ. Ужасное наказаніе подняло въ душѣ кацика Гваріонекса новый взрывъ озлобленія. Онъ составилъ заговоръ съ сосѣдними кациками. Ихъ соединенныя войска грозили форту Св. Зачатія, но тутъ аделантадо подослѣлъ къ нимъ на помощь. Ловкимъ маневромъ Бартоломей ночью передовилъ всѣхъ вожаковъ этого заговора по ихъ деревнямъ и двухъ изъ нихъ казнилъ. Остальныхъ онъ простилъ изъ показного великодушія и сообщилъ Колумбу, что индійцы стали прославлять его милосердіе.

Но изъ всѣхъ дурныхъ вѣстей, переданныхъ Бартоломеемъ, ни одна не произвела на адмирала такого удручающаго впечатлѣнія, какъ вѣсть о возмущеніи Ролдана, главнаго судьи острова, — ^{Возмущеніе Ролдана.} человека темнаго пропехожденія, съумѣвшаго заслужить такое уваженіе, что Колумбъ отдалъ въ его руки всю судебную часть. Слухи о непопулярности Колумба въ Испаніи и возраставшая ненависть колонистовъ къ управленію Бартоломея, такого же иноземца, какъ Колумбъ,—все это вмѣстѣ послужило къ сплоченію возраставшей массы недовольныхъ; Ролданъ воспользовался удобнымъ случаемъ пріобрѣсти популярность путемъ организаціи этихъ въ тайнѣ возмущавшихся людей. Замышляли даже убить аделантадо подъ прикрытіемъ безпорядка, который имѣлось въ виду произвести по случаю казни, назначенной по его приказанію; но такъ какъ аделантадо простилъ преступника, то они обманулись въ своихъ расчетахъ. Отъѣздъ Бартоломея въ

Ксаравгу доставилъ имъ другой удобный случай. Онъ отправилъ изъ названной области судно, нагруженное хлопкомъ—дань кадика, и Діего, управлявшій въ то время колоніей, послѣ разгрузки судна, притянулъ послѣднее къ берегу. Сейчасъ же пошли слухи, что это было сдѣлано просто на-просто съ цѣлью помѣшать кому бы то ни было сѣсть на корабль и повезти въ Испанію вѣсти о бѣдственномъ положеніи, въ какое повергло колонію правленіе Колумбовъ. Чернь завела споръ по этому дѣлу и требовала, чтобы судно это отправили въ Кадиксъ за съѣстными припасами. Діего противился этому рѣшенію и, чтобы отвлечь умы отъ смутъ, а также удалить Ролдана съ поля его тайныхъ замысловъ, онъ послалъ его съ войскомъ въ Долину съ цѣлью пострашать кадики, которые медлили присылать дань. Однако, это порученіе только послужило къ большому объединенію партіи заговорщиковъ и дало Ролдану возможность подстрекнуть кадики къ сопротивленію.

Ролданъ вернулся въ Изабеллу съ отрядомъ изъ семидесяти хорошо вооруженныхъ солдатъ, имѣя намѣреніе открыто напасть на Бартоломея, который уже успѣлъ въ то время возвратиться изъ Ксаравги. Но аделантадо не такъ-то легко было испугать; Ролданъ, видя, что надежды его не осуществились и, не находя безопаснымъ произвести открытое возстаніе, удалился въ Долину, рассчитывая захватить фортъ Св. Зачатія. Однако, этотъ постъ и другое отдаленное укрѣпленіе не измѣнили Колумбу и Ролданъ потерпѣлъ неудачу съ этой стороны. Бартоломей вовсе не былъ увѣренъ въ нѣсколькихъ главныхъ испанскихъ начальни-

*Мятежники
въ Дорской
Долинѣ.*

кахъ, но онъ не могъ опредѣлить, какъ далеко зашло недоброжелательство враждебной партіи. Хотя ему было извѣстно расположеніе нѣкоторыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, онъ вовсе не желалъ относится къ этому дѣлу пассивно. Его личная безопасность зависѣла отъ рѣшительнаго шага и потому онъ тотчасъ же двинулся въ Долину. Ролданъ находился неподалеку и Бартоломей пригласилъ его для переговоровъ. Они не привели ни къ какому результату. Бунтовщикамъ вдругъ захотѣлось отправиться въ Ксаравгу, чтобы

Въ Изабеллѣ.

насладиться прелестями тамошней жизни; они внезапно нагрянули въ Изабеллу, разграбили арсеналъ и общественные склады и пытались спустить на море судно. Но оно слишкомъ крѣпко засѣло въ землю и сдвинуть его не удалось; поэтому Ролданъ былъ вынужденъ отправиться въ Ксаравгу сухимъ путемъ. Оставить позади себя аделантадо—значило подвергнуться неминуемо нападенію врага съ тылу; на этомъ основаніи Ролданъ нашелъ болѣе безопаснымъ захватить гарнизонъ въ укрѣпленіи Св. Зачатія и, быть можетъ, взять въ плѣнъ самого аделантадо. Маневръ этотъ не удался ему; но Ролданъ успѣлъ снискать расположеніе кадики, платившихъ Испаніи дань, и преградить путь къ доставкѣ продовольствія гарнизону. При такихъ-то обстоятельствахъ, когда положеніе Бартоломея, запертаго въ фортъ,

казалось отчаяннымъ, были получены извѣстія о приходѣ (3 февраля 1498 г.) въ новый портъ Санто-Доминго нѣсколькихъ су-
 довъ флота адмирала, посланныхъ сюда, какъ мы уже знаемъ, благодаря стараніямъ королевы, подѣ командою Педро Фернандеса Коронеля.

*Коронель при-
ходитъ въ
портъ Санто-
Доминго.*

Бартоломей разсказалъ адмиралу, что извѣстія, полученные черезъ Коронеля, оказали благотворное вліяніе на колонистовъ. Они узнали, что сами государи утвердили его въ званіи аделантадо; что за Колумбомъ были оставлены старыя отличія и почести и въ будущемъ ему были обѣщаны новыя блага. Бунтовщики сейчасъ же замѣтили, что дѣла принимали иной оборотъ. Теперь, повидимому, имъ нельзя было свалить причину возстанія на непопулярность адми-
 рала при Дворѣ, которая главнымъ образомъ поддерживала смѣлость ихъ дѣйствій.

*Новыя почести
Бартоломей.*

Отправившись въ Санто-Доминго, Бартоломей заявилъ во всеуслышаніе о своихъ новыхъ почестяхъ; нетерпѣливо желая возстановить на островѣ миръ и спокойствіе до прибытія Колумба, онъ послалъ Коронеля для переговоровъ съ Ролданомъ, который угрюмо послѣдовалъ за аделантадо, когда послѣдній вышелъ изъ Долины. Ролданъ отказался наотрѣзъ отъ переговоровъ и, спрятавшись въ горномъ ущельи, предупредилъ Коронеля, что ему лучше всего удалиться. Онъ, Ролданъ, не подчинится никому, кромѣ адмирала.

Аделантадо оставалось одно—поставить бунтовщиковъ внѣ закона, а тѣ, въ свою очередь, поспѣшили туда, гдѣ ихъ ждали, выражаясь словами Крвинга, «сладкія очарованія» лѣсныхъ нимфъ Ксарагвы. Вожакъ бунтовщиковъ такимъ образомъ на нѣкоторое время отошелъ въ сторону; но онъ продолжалъ вести смуту среди индійцевъ Царской Долины и вскорѣ послѣ того, какъ онъ оставилъ фортъ Св. Зачатія, гарнизонъ узналъ, что туземцы замышляютъ напасть на фортъ врасплохъ.

*Бунтовщики
уходятъ въ
Ксарагуа*

Тотчасъ же было послано увѣдомленіе объ этомъ аделантадо, который немедленно двинулся на помощь форту. Гваріонексъ, снова стоявшій во главѣ бунтовщиковъ, бѣжалъ въ горы Цигвэ; кацикъ горной области, Майобанексъ, тотъ самый, что велъ атаку противъ испанцевъ у Саманасскаго залива, пріютилъ у себя бѣжавшаго кацика Долины.

*Возстаніе
Гваріонекса*

Въ эти-то неприступныя горы аделантадо погнался за бѣглецами съ войскомъ изъ девяноста человѣкъ пѣхоты, нѣсколькихъ кавалеристовъ и небольшого числа индійцевъ. Онъ смѣло шелъ по ущельямъ, переходилъ черезъ рѣчные потоки, подѣ градомъ дротиковъ и стрѣлъ. Орды дикарей бѣжали передъ нимъ, а онъ зажигалъ ихъ деревни, рассчитывая заставить цигвоинцевъ выдать своего гостя; но вожди горныхъ племенъ свято и непорушимо чтутъ права гостепріимства. Когда Майобанексъ и Гваріонексъ не могли болѣе защищаться оружіемъ, то скрылись на вершинахъ горъ.

Теперь аделантадо отослалъ всѣхъ своихъ солдатъ обратно въ Долину, такъ какъ наступала жатва; у себя онъ оставилъ только тридцать человѣкъ и съ ними рѣшился переловить мятежниковъ. Не удалось бы ему ничего добиться, не прибѣгни онъ къ хитрости и обману. Майобанексъ и Гваріонексъ были предательски выслѣжены въ своихъ тайныхъ убѣжищахъ и взяты въ плѣнъ. Ихъ семействамъ и приверженцамъ было дано помилованіе, но оба кадика были закованы и остались заложниками для поддержанія спокойствія, которое такимъ образомъ было обезпечено до извѣстной степени.

Въ такомъ положеніи находились дѣла колоніи, когда Колумбъ ^{1498 г.} вернулся и услышалъ. ^{30 августа.} рассказъ о томъ, что произошло ^{Возвращеніе} въ продолженіе этихъ слишкомъ двухъ тревожныхъ лѣтъ, ^{Колумба.} пока онъ былъ въ отсутствіи.

30 августа Колумбъ и его братъ вышли на берегъ Санто-Доминго. То, что адмиралъ здѣсь нашелъ, было также неутѣшительно, какъ и исторія предыдущихъ событій. Никакія самыя краснорѣчивыя описанія не въ состояніи дать картину безпорядка, разврата, грабежа, пронырства и лѣности, которую онъ увидѣлъ. Колонія Изабеллы пришла въ упадокъ и обнищала. Запасы, которые онъ везъ съ собою, могли возстановить довѣріе и благосостояніе населенія; но для него участь этихъ трехъ судовъ была новымъ источникомъ мучительныхъ тревогъ, потому что о нихъ не было ни слуху, ни духу съ той минуты, какъ онъ разстался съ ними у береговъ Ферро.

Суда эти вскорѣ появились, принося съ собою поводъ къ новымъ затрудненіямъ. Теченія, въ которыхъ матросы на этихъ судахъ ничего не смыслили, отнесли ихъ къ западу и вотъ они блуждали по незнакомымъ морямъ въ поискахъ за Эспаньолой. За нѣсколько дней до прихода въ Санто-Доминго корабли эти бросили якорь у береговъ ^{Ролданъ и} территоріи Бегекію, гдѣ уже находился въ это время Ролданъ ^{запоздавшіе} со своими сообщниками. Бунтовщики замѣтили ^{корабли.} приближеніе судовъ; они не знали, что имъ думать, — ихъ брало сомнѣніе, ужъ не за ними ли присланы эти корабли, чтобы переловить всю ихъ шайку. Но Ролданъ смѣло взошелъ на бортъ и узнавъ, откуда эти корабли и зачѣмъ они пришли, сыгралъ такую штуку: онъ сказалъ, будто находится здѣсь на посту, чтобы собирать дань съ индійцевъ, что ему нужны съѣстные припасы, оружіе и военные запасы. Командиръ судна сейчасъ же послалъ на берегъ то, что онъ спрашивалъ; а пока все это происходило, солдаты Ролдана познакомились съ людьми экспедиціи на бортѣ и очень быстро наговорбывали изъ нихъ охотниковъ бунтовать. Такъ какъ среди новоприбывшихъ было много освобожденныхъ каторжниковъ, которыхъ Колумбъ такъ неблагоразумно набралъ для пополненія своего экипажа, то людей этихъ было не трудно сманить обѣщаніями безпечальнаго житія. Какъ только Ролданъ обезпечилъ за собою запасы и провіантъ, онъ приготовился тотчасъ же объявить, кто онъ такой на самомъ дѣлѣ; капитаны

судовъ не могли поручиться за вѣрность своихъ матросовъ. Старшій командиръ попробовалъ было, когда стала извѣстна продѣлка Ролдана, усовестить мятежниковъ и вернуть ихъ на путь долга и чести, но всѣ его убѣжденія остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Дулъ восточный вѣтеръ и плыть въ Санто-Доминго отняло бы много времени, поэтому рѣшили, что одинъ изъ капитановъ, Коломбо, поведетъ съ собою сорокъ вооруженныхъ человѣкъ сухимъ путемъ въ новый городъ. Когда онъ высадился съ ними на берегъ, коварство мятежниковъ сбросило маску. У Коломбо осталось всего восемь человѣкъ команды, большая часть перешла къ мятежникамъ, каждый съ оружіемъ въ рукахъ. По необходимости пришлось отказаться отъ намѣренія пройти сухимъ путемъ въ Санто-Доминго и всѣ три судна, въ предупрежденіе дальнѣйшаго дезертирства, поторопились поднять паруса и выйти изъ гавани. Карвахаль остался, чтобы уговорить Ролдана вернуться къ своему долгу; но ему удалось только вырвать у него обѣщаніе, что онъ покорится адмиралу, если будетъ прощенъ, но не аделантадо.

Извѣстія, которыя Карвахаль принесъ Колумбу, явившись вскорѣ вслѣдъ за своими товарищами въ Санто-Доминго, сухимъ путемъ, имѣли въ себѣ мало успокоительнаго. Колумбъ слишкомъ хорошо сознавалъ силу недовольства колонистовъ, а теперь ему пришлось еще испытать, какъ ненадежны были его новобранцы изъ тюремъ. Онъ пришелъ къ мысли, что всѣ подобные люди грозили спокойствію колоніи и что лучше всего было поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ. Поэтому онъ объявилъ, что пять кораблей готовы къ отплытію въ Испа-^{1498 г.}нію и каждый желающій можетъ отправиться въояси ^{12 сентября.} на родину, причемъ провѣздъ будетъ даровой.

Узнавъ отъ Карвахалья, что Ролданъ, какъ видно, скоро намѣренъ повести своихъ солдатъ къ форту Св. Зачатія, Колумбъ предупредилъ командира крѣпости, Мигуэля Баллестера, держать ухо востро. Онъ далъ ему также инструкцію устроить свиданіе съ предводителемъ мятежниковъ и постараться вернуть его къ долгу, обѣщая ему прощеніе адмирала. Какъ только Баллестеръ узналъ о приближеніи Ролдана, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Однако, Ролданъ и не ^{Ролданъ и Баллестеръ.}думалъ покоряться. Войско его увеличилось и многіе изъ вліятельныхъ испанцевъ перешли на его сторону. Такимъ образомъ, въ своихъ рѣчахъ онъ выказалъ неуваженіе къ адмиралу и послалъ ему сказать, что если онъ имѣетъ что-либо сообщить ему, то пусть пошлетъ къ нему Карвахалья, такъ какъ ни съ кѣмъ другимъ онъ не желаетъ вступать въ переговоры. Колумбъ, получивши такое посланіе и не зная, что заговоръ охватилъ почти всю колонію, приказалъ войскамъ поселенія выступить на мятежниковъ. На призывъ собралось не болѣе семидесяти солдатъ, да и на ихъ вѣрность ^{1498 г. 18}была плохая надежда. Такъ какъ не предвидѣлось, чтобы ^{октября кораб-ли уходятъ въ Испанію.}дѣла приняли лучший оборотъ, то Колумбъ приказалъ ожидавшимъ кораблямъ сняться съ якоря и 18 октября они вышли въ море.

Корабли везли два письма, которые Колумбъ написалъ монархамъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ говорилъ о своихъ новыхъ открытіяхъ и о тѣхъ мысляхъ, которые возникли въ его умѣ при видѣ этихъ новыхъ феноменовъ, какъ уже было описано; онъ обѣщался въ скоромъ времени послать аделантадо съ тремя кораблями для произведенія дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ другомъ письмѣ онъ рассказывалъ все, что случилось въ Эспаньолѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ высадился въ Санто-Доминго. Онъ убѣдительно просилъ, чтобы Ролдана отозвали въ Испанію для допроса, либо поручили Карвахалю и Балластеру разслѣдовать, на чемъ основаны его жалобы. Въ то же время онъ хода-

*Колумбъ и
рабство.*

тайствовалъ о продленіи еще на два года привилегіи на захватъ и пересылку невольниковъ. Очень возможно, что дѣло Ролдана и его соумышленниковъ было описано съ одинаковой откровенностью и въ другихъ письмахъ, потому что между пассажирами было не мало такихъ, кому можно было довѣрить эти посланія.

Послѣ отплытія кораблей адмиралъ отдался не легкимъ заботамъ водворить миръ и спокойствіе среди колонистовъ. Суровое управление аделантадо вооружило массу людей и теперь надо было всячески задобрить этихъ враговъ, хотя Ласка-засъ и говоритъ, что управление это только отвѣчало критическимъ обстоятельствамъ, настоятельно вызывавшимъ извѣстныя строгія мѣры. Двадцатаго октября Колумбъ написалъ письмо, полное укоризнъ, къ

*Колумбъ ста-
рается успоко-
ить колонію.*

*1498 г. 20
октября.*

Ролдану. Послать письмо черезъ Карвахалю,—а это было необходимо для того, чтобы Ролданъ получилъ его,—значило поручить веденіе переговоровъ лицу, которое уже до нѣкоторой степени было посвящено въ замыслы бунтовщиковъ; такъ, по крайней мѣрѣ, полагали многіе изъ приближенныхъ адмирала, повидимому, слишкомъ съ горяча. Самъ Колумбъ не раздѣлялъ этого недовѣрія и Карвахаль былъ посланъ. Въ это же время Колумбъ получилъ письмо отъ главныхъ мятежниковъ, въ которомъ они требовали, чтобы Колумбъ освободилъ ихъ отъ своей службы, и выражали твердое рѣшеніе сохранить свою независимость.

Карвахаль прибылъ въ Бонао, гдѣ засѣли мятежники, Балластеръ сопровождалъ его,—и имъ сообщая удалось повліять на Ролдана и другихъ главнѣйшихъ мятежниковъ; но остальные соучастники бунта—масса—мѣшали главарямъ входить въ какія бы то ни было соглашенія иначе, какъ подъ условіемъ письменнаго обязательства въ ихъ безопасности, а равно въ безопасности тѣхъ, которые послѣдуютъ за ними. И такъ, посланіе это отправили Колумбу обратно, а Балластеръ написалъ ему въ то же время, что возстаніе сплѣно разрослось, что въ гарнизонахъ сильное раздраженіе противъ него и распаденіе вслѣдствіе дезертирства, а на чернь адмиралу нельзя разсчитывать въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до войны. Поэтому Балластеръ совѣтовалъ поспѣшить примириться или пойти на какое-нибудь соглашеніе съ бунтовщиками. Требуемое обязательство было послано и

*Переговоры съ
Ролданомъ.*

Ролданъ скоро самъ явился къ адмиралу: Требованія мятежника и прерогативы адмирала, какъ оказалось, слишкомъ расходились, чтобы возможно было придти къ какому-нибудь соглашенію. И такъ, Ролданъ, убѣдившись лично въ господствовавшемъ настроеніи умовъ въ Санто-Доминго, вернулся къ своимъ сообщникамъ; онъ далъ обѣщаніе изложить письменно свои окончательныя условія. Последнія, помѣченные 6 ноября 1498 года, были имъ посланы адмиралу съ просьбою отвѣтить ранѣе 11 того же ноября. Условія были вполнѣ невозможныя. Чтобы лишить почвы тѣхъ, кто обвинялъ его въ насилии, Колумбъ обнародовалъ прокламацію о своей готовности даровать прощеніе всѣмъ, кто возвратится къ долгу присяги въ продолженіе тридцати дней; всѣмъ этимъ лицамъ онъ даетъ право на свободный проѣздъ въ Испанію. Карвахаль взялся доставить эту бумагу Ролдану. Его сопровождалъ мажордомъ Колумба, Діего де-Саламанка. Колумбъ надѣялся, что они вдвоемъ составятъ условія къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ.

Ролданъ уже двинулся изъ Бонао и осаждалъ Балластера въ крѣпости Св. Зачатія. Возстаніе, повидимому, зашло такъ далеко, что остановить его было невозможно, но уговоры посредниковъ одержали, наконецъ, верхъ и условія соглашенія были составлены. Въ нихъ объявлялось полное прощеніе и мятежникамъ выдавались свидѣтельства о добромъ поведеніи; право дарового проѣзда въ Испанію изъ Ксарагвы, куда должны быть посланы два корабля; полный комплектъ невольниковъ, которымъ пользовались другіе колонисты; право взять съ собою своихъ туземныхъ женъ для тѣхъ, кто ихъ имѣлъ, и возвращеніе конфискованнаго имущества. Ролданъ и его товарищи подписали это соглашеніе 16 ноября и согласились ждать въ продолженіе восьми дней подписи адмирала. Колумбъ подписалъ эту бумагу 21 ноября и затѣмъ даровалъ уступки разнаго рода тѣмъ изъ мятежниковъ, которые пожелали остаться въ Эспаньолѣ.

По условію соглашенія корабли должны были приготовиться къ отплытію въ теченіе пятидесяти дней, но вслѣдствіе полной дезорганизации колоніи Колумбъ не могъ избѣжать промедленія и по всему было видно, что онъ напрасно поздравлялъ себя съ избавленіемъ отъ орды бунтовщиковъ. Онъ переживалъ это гнетущее впечатлѣніе одинъ, такъ какъ аделантадо находился въ отсутствіи, занятый осмотромъ военныхъ постовъ по всему острову и рѣшеніемъ задачи, какъ возстановить правильное теченіе жизни и занятій; между тѣмъ всѣ приготовленія и распоряженія, сдѣланныя Колумбомъ для выполненія соглашенія съ Ролданомъ, потерпѣли полнѣйшее крушеніе. Прошло почти вдвое больше времени, назначеннаго для подготовленія судовъ, когда это послѣднія вышли наконецъ изъ Санто-Доминго, чтобы пройти къ Ксарагвѣ. Буря сильно попортила одно судно, что еще произвело нѣкоторую отсрочку; а когда все, наконецъ, было

1498 г. 6
ноября.

Условія
Ролдана.

Колумбъ
принимаетъ
условія
Ролдана.

Промедленіе.

готово, это промедленіе въ снаряженіи кораблей дало поводъ къ новымъ спорамъ. Потребовался пересмотръ соглашенія. Посредникомъ снова былъ назначенъ Карвахаль. Ролданъ встрѣтилъ адмирала на суднѣ, которое шло въ Ксарагву. Условія, предложенныя Ролданомъ, теперь состояли въ томъ, что ему будетъ дозволено послать въ Испанію нѣсколько человѣкъ изъ своихъ друзей — числомъ пятнадцать, если онъ это найдетъ нужнымъ; остающіеся получаютъ въ собственность землю; Колумбъ заявляетъ въ прокламаціи, что обвиненіе Ролдана и его товарищей было вполне неосновательнымъ, онъ, Ролданъ, снова вступаетъ въ свою должность главнаго алькада. Колумбъ только что получившій письмо отъ Фонсеки, изъ котораго ясно было видно, что на помощь Испаніи разсчитывать ему нечего, понялъ безпомощность своего положенія и унижился до того, что принялъ эти условія. Когда условія эти были представлены всей шайкѣ бунтовщиковъ, то послѣдніе прибавили къ нимъ еще одну оговорку, которая давала имъ право ввести исполненіе этого соглашенія силою, въ случаѣ, если адмиралъ не исполнитъ его. Колумбъ далъ свое согласіе и на эту оговорку, при этомъ адмиралъ старался нѣсколько сгладить унижительный смыслъ этого акта, вставивъ оговорку, которая обязывала повиноваться повелѣніямъ государей, его самого и его законно назначенныхъ судей. Соглашеніе это было утверждено въ Санто-Доминго, 28 сентября 1499 года.

*Соглашеніе
подписано 18
сентября
1499 г.*

Не особенно пріятно было Колумбу выносить присутствіе Ролдана и его побѣдоносной партіи въ Санто-Доминго. Вновь утвержденный алькадъ не давалъ себѣ труда быть очень любезнымъ, послѣ того какъ адмиралъ склонился передъ нимъ.

*Ролданъ
возвращается
къ своей
влажности.*

Колумбъ старался, раздавая земли, отдѣлить по возможности вернувшихся бунтовщиковъ, во избѣжаніе случайностей другихъ мятежныхъ заговоровъ. Онъ вступилъ съ кадиками въ договоръ, — они освобождались отъ обыкновенной подати въ видѣ золота, — если доставятъ работниковъ для фермы этихъ заново испеченныхъ собственниковъ. Та-

«Repartimientos».

кимъ образомъ въ рукахъ Колумба явилось начало той системы «repartimientos» со всѣми бѣдствіями, которыя обрушились на несчастныхъ аборигеновъ и окончились ихъ полнымъ истребленіемъ. Защитники Колумба находятъ, что всѣ эти ужасныя мѣропріятія вызывались исключительными

*Колумбъ и
рабство.*

условіями его положенія и что его нельзя считать отвѣтственнымъ за эти жестокости, такъ какъ онъ не былъ результатомъ его свободной воли. Защитники эти забываютъ выраженія его перваго письма къ Сантангелу, въ которомъ были заранѣе представлены всѣ бѣдствія, міриадами обрушившіяся на эти несчастныя существа. Къ несчастію, исторія показываетъ, что Колумбъ неизмѣнно пролагалъ дорогу ко всѣмъ этимъ притѣсненіямъ, а отнюдь не былъ ихъ невольнымъ исполнителемъ. Его изобрѣтательность съ особенною радостью хваталась за всякую новую затѣю, если только послѣдняя являлась способомъ

этихъ привилегій. Это было не все. Ролданъ побывалъ въ Бонао и одного изъ своихъ бывшихъ лейтенантовъ назначилъ на должность помощника алькада — нѣкоторые историки говорятъ, что Колумба оскорбило такое присвоеніе власти назначать служащихъ, но, судя по «*Histoire*», назначеніе это не вызвало съ его стороны неблагопріятнаго отношенія. Однако, когда узнали, что этотъ новый чиновникъ занялся постройкой, которая выдавалась за ферму, но гораздо болѣе походила на крѣпость, пригодную для какихъ-нибудь новыхъ мятежныхъ замысловъ, то Колумбъ, наконецъ, вошелъ въ свои права и запретилъ постройку.

Въ октябрѣ 1499 года адмиралъ послалъ въ Испанію два судна. Онъ считалъ небезопаснымъ для себя отправиться съ ними, хотя присутствіе его было необходимо при Дворѣ для уничтоженія злыхъ умысловъ его враговъ и друзей Ролдана. Нѣкоторые изъ послѣднихъ отправились на этихъ корабляхъ. Самое большое, что онъ могъ сдѣлать, это — поручить свое дѣло Мигуэлю Балластеру и Гарсиа де-Баррантесу, которые отправились въ Испанію въ качествѣ его представителей. Они везли его письма къ монархамъ. Въ этихъ письмахъ онъ перечислялъ наслія, какія принудили его подписать примирительный договоръ съ Ролданомъ, и просили ихъ величества смотрѣть на этотъ договоръ, какъ на насильственный, и подвергнуть мятежниковъ суду. Затѣмъ онъ заявлялъ, что ему необходимо имѣть помощниковъ для управленія страной, напр., опытнаго судью и разумныхъ членовъ совѣта. Онъ заканчивалъ просьбою, чтобы Дворъ назначилъ ему въ помощники сына его, Діего.

Колумбъ, обращаясь съ этими просьбами, оставался въ невѣдѣніи относительно того, что испанскій дворъ уже значительно нарушилъ прерогативы, данныя ему, какъ адмиралу новооткрытыхъ земель. Въ письмѣ своемъ къ монархамъ онъ сказалъ: «Жду рѣшенія вашихъ величествъ, что слѣдуетъ сдѣлать» относительно этихъ новыхъ открытій въ Паріи. Скоро ему пришлось узнать съ чувствомъ тяжелой обиды, что было сдѣлано. Настоящій герой второго путешествія Колумба, Охеда, снова выступаетъ на сцену.

Онъ былъ въ Испаніи въ то время, когда отчетъ Колумба, въ которомъ онъ сообщалъ Двору о своихъ открытіяхъ въ заливѣ Парія, былъ полученъ въ Севильѣ. Яркія описанія адмирала воспламенили его честолюбіе; узнавъ изъ другихъ писемъ Колумба и изъ рассказовъ возвратившихся о критическомъ положеніи дѣлъ въ Эспаньолѣ, онъ сдѣлалъ вѣрное предположеніе, что адмиралъ не будетъ въ состояніи такъ скоро уладить безпорядки въ колоніи, чтобы рискнуть оставить ее для новыхъ изслѣдованій. Кромѣ того, онъ увидалъ карты, присланныя Колумбомъ, и собранный имъ жемчугъ. Все это онъ удостовѣрилъ въ показаніи подъ присягою данномъ въ Санто-Доминго, въ 1513 году. И такъ онъ предложилъ Фонсеку предпринять

1499 г. октябрь.
Судна, посланные въ Испанію.

Колумбъ
посылаетъ
Балластера
засищать
его дѣло
при Дворѣ.

Королевское
нарушеніе
привилегій
Колумба.

1499 г. Путешествіе Охеды.

частное путешествіе въ эту новооткрытую область; съ правомъ извлечь пользу для себя и для короны изъ богатствъ страны, такъ какъ самому Колумбу не скоро будетъ возможно сдѣлать это. Фонсека съ готовностью одобрилъ этотъ планъ и далъ ему просимое дозволеніе подъ условіемъ, что онъ будетъ избѣгать владѣній португальцевъ и земель, открытыхъ Колумбомъ до 1495 года. Это было сдѣлано съ цѣлью открыть ему доступъ въ Парію. Корабли были готовы въ Севильѣ, въ началѣ 1499 года, и въ этой экспедиціи приняли

*Веспуччи
въ экспедиціи
Охеда.*

участіе нѣсколько человекъ, прославившихся въ эту эпоху. Тутъ былъ Америго Веспуччи, который, повидимому, впервые отправлялся теперь въ Новый Свѣтъ, такъ какъ именно къ этой экспедиціи относится путешествіе его, по какой-то хронологической ошибкѣ толкованія отнесенное къ 1497 году. Тутъ былъ также Ла-Ко́за, знаменитый гидрографъ, сопровождавшій Колумба въ его вторую крейсеровку по берегу острова Кубы. По свидѣтельству Ирвинга, онъ участвовалъ и въ первомъ путешествіи

Хуанъ де-Ла-Ко́за.

Колумба, но другіе авторы полагаютъ, что Ла-Ко́за, который значится въ спискѣ лицъ первой экспедиціи, былъ только однофамильцемъ гидрографа. Охеда взялъ также съ собою многихъ изъ тѣхъ, которые вернулись изъ Эспаньолы послѣ крейсеровки Колумба въ заливѣ Парія; между ними находился и Бартоломей Ролданъ, кормчій флота Колумба. Экспедиція Охеда вышла въ море 20 мая 1499 года. Корабли его подошли къ берегу въ 200 лигахъ отъ Орипоко и затѣмъ, съ помощью картъ Колумба, прошли по намѣченному имъ пути черезъ Змѣиную и Драконову Пасти.

*1499 г. 20
мая Охеда
выходитъ въ
море.*

Затѣмъ, пройдя Маргариту, они направились къ горамъ, которыя замѣтилъ Колумбъ, и наконецъ вошли въ заливъ, гдѣ увидели нѣсколько жилищъ свайныхъ построекъ туземцевъ. Они назвали этотъ бассейнъ Венецуалой въ память великаго приморскаго города Адриатики. Интересно, что Охеда въ своемъ отчетѣ объ этомъ путешествіи ихъ величествамъ, говоритъ, что встрѣтилъ неподалеку отъ этого мѣста нѣсколько англійскихъ судовъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, экспедиціи, вызванной удачнымъ путешествіемъ Кабота. Въ то же время слѣдуетъ замѣтить, что у Охеда мы находимъ это единственное свидѣтельство о такомъ раннемъ посѣщеніи англичанами береговъ Новаго Свѣта; свидѣтельство это опровергается Биддлемъ, Гельсомъ и другими новѣйшими авторами. Вскорѣ затѣмъ Охеда повернулъ на востокъ, такъ какъ у него провіантъ былъ на исходѣ. Онъ приблизился къ Эспаньолѣ, несмотря на запрещеніе, и рассчитывалъ обойти последнее, производя фуражировку на западной оконечности острова.

Въ Венецуалѣ.

Въ этомъ-то мѣстѣ и были замѣчены суда Охеда и тотчасъ было дано объ этомъ знать въ Санто-Доминго. Не зная, какъ ему быть съ этими самозванцами, врывавшимися въ его владѣнія, Колумбъ не рѣшился вернуться въ Испанію на

*1499 г. 5 сен-
тября Охеда
бросаетъ якорь
у Эспаньолы.*

тѣхъ корабляхъ, которые отправилъ туда въ октябрѣ. Охеда появился на берегу 5 сентября 1499 года, а когда Колумбу было объ этомъ донесено, всѣмъ стало извѣстно, что Охеда командуетъ флотомъ и занять вырубкою красивыхъ деревьевъ въ окрестностяхъ.

Теперь наступило время примириться съ Ролданомъ и доставить ему случай возстановить свою репутацію. И такъ адмиралъ выбралъ своего недавняго злѣйшаго врага въ начальники экспедиціи, которую счелъ необходимымъ послать на мѣсто самовольныхъ дѣйствій Охеды. Ролданъ вышелъ съ двумя судами 29 сентября и, подойдя, не будучи замѣченнымъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояли на якорѣ корабли Охеды, высадили съ двадцатью пятью солдатами и послали ихъ на рекогносцировку. Они скоро принесли извѣстіе, что Охеда неподалеку отъ стоянки своихъ кораблей, въ индійской деревушкѣ, собираетъ маниоковый хлѣбъ. Охеда узналъ о приближеніи Ролдана, но не успѣлъ помѣшать послѣднему занять позицію между нимъ и его кораблями. Самозванецъ дерзко вышелъ ему на встрѣчу, объявилъ, что ему поручено начальство надъ экспедиціей для изслѣдованій и что онъ явился сюда за съѣстными припасами для своего экипажа; а если Ролдану угодно послѣдовать за нимъ на бортъ его кораблей, онъ покажетъ ему разрѣшеніе, подписанное Фонсекой. Ролданъ, придя на бортъ, убѣдился своими глазами въ существованіи такого документа. Изъ разговоровъ съ лицами, бывшими на корабляхъ, — тутъ было нѣсколько человѣкъ, которыхъ онъ зналъ, а также нѣсколько человѣкъ, побывавшихъ въ Эспаньолѣ, — Ролданъ узналъ, что имя адмирала въ немилости при Дворѣ, что ему угрожаетъ неминуемая опасность быть отрѣшеннымъ отъ управленія Эспаньолой. Кромѣ того, королева, которая, несмотря ни на чьи прописки продолжала ему покровительствовать, была больна при смерти. Охеда далъ обѣщаніе пройти къ Санто-Доминго, чтобы объяснить свое поведеніе адмиралу; Ролданъ расстался съ нимъ и поспѣшилъ извѣстить обо всемъ Колумба.

Вице-король Индіи терпѣливо ждалъ появленія судовъ Охеды и объясненія того, что онъ считалъ явнымъ нарушеніемъ его правъ. Охеда, освободившись отъ Ролдана, исполнилъ все, что подразумѣвалъ подъ своимъ обѣщаніемъ. Онъ пошелъ къ восточному берегу Эспаньолы, бросилъ якорь у Ксарагвы и открылъ переговоры съ испанскими колонистами, бывшими соучастниками заговора Ролдана, которымъ не особенно была по сердцу дѣятельность ихъ бывшаго вождя, — вновь попавшаго въ чиновники, — въ качествѣ Колумбова эмиссара. Охеда съ жаромъ искренняго сочувствія выслушалъ ихъ жалобы и согласился отправиться въ Санто-Доминго отъ ихъ имени, чтобы потребовать нѣкотораго улучшенія въ ихъ пользу; какъ вдругъ снова передъ нимъ явился Ролданъ, посланный Колумбомъ для наблюденія за нимъ. Охеда увернулся отъ переговоровъ и ушелъ на корабль. Ролданъ захватилъ въ гавани дезертира съ одного изъ судовъ Охеды

*Колумбъ
посылаетъ
Ролдана при-
гласить Охеду
удалиться.*

и отказывался выдать его; тогда Охеда воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и захватилъ двухъ солдатъ Ролдана въ заложники. Такимъ образомъ, два ловкіе авантюриста старались провести одинъ другого. Черезъ нѣсколько времени Охеда со своими кораблями направился внизъ по берегу. Ролданъ послѣдовалъ за нимъ. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ стояли на якорѣ корабли Охеды, Ролданъ склонилъ Охеду послать на берегъ лодку и тутъ хитростью захватилъ и лодку, и людей бывшихъ въ ней. Эта игра въ военныя стратагемы закончилась соглашеніемъ: Охеда уходилъ съ острова, а Ролданъ возвращалъ ему лодку; при этомъ обмѣнялись плѣнниками. Охеда отошелъ отъ берега, и хотя Ролданъ услышалъ, что онъ снова высадился на берегъ подальше отъ своего непріятеля, но когда Ролданъ подошелъ къ тому мѣсту, Охеда уже успѣлъ уйти. Ласказасъ говоритъ, что Охеда заходилъ на нѣсколько острововъ для пополненія живой кладѣ—невольниковъ, а затѣмъ отправился въ Испанію и прибылъ въ Кадиксъ, въ іюнь 1500 года.

1500 г. іюнь,
Охеда приходитъ въ Кадиксъ

Въ то время какъ Колумбъ поздравлялъ себя, что такъ счастливо отдѣлался отъ этого опаснаго гостя, онъ еще не зналъ, какую неутолнимую жажду возбудили радостныя вѣсти о жемчугѣ въ страстномъ до наживы людѣ приморскихъ городовъ Испаніи. Такимъ же ярымъ любителемъ легкой наживы былъ и лопманъ, Педро Алонзо Ниньо, сопровождавшій Колумба въ его первомъ путешествіи и теперь только что возвратившійся съ береговъ залива Парія,—онъ также участвовалъ и въ третьемъ путешествіи Колумба. У Фонсеки онъ нашелъ ту же готовность, какую нашелъ Охеда, если только корона будетъ имѣть свою долю въ предпріятіи; нарушеніе правъ, принадлежавшихъ Колумбу, нимало не заботило Фонсеку. И такъ, Ниньо было дано дозволеніе всего спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ такое же дозволеніе было дано Охедѣ и на подобныхъ же основаніяхъ. Ниньо былъ человекъ бѣдный и снарядилъ, съ помощью Люиса Гверры, маленькое судно, всего въ пятьдесятъ тоннъ; а за эту услугу братъ Гверры, Кристоваль, получилъ команду названнаго судна, экипажъ котораго состоялъ всего на всего изъ тридцати трехъ человекъ. Они вышли изъ Палоса въ началѣ іюля 1499 года и только пятнадцатью днями позже Охеды явились на берегъ Ю. Америки. Они видѣли здѣсь туземцевъ и угощались съ ними; но они настойчиво преслѣдовали главную цѣль своего путешествія—обмѣнъ на жемчугъ; когда же они вернулись въ Испанію, 8 апрѣля 1500 года, и распредѣлили по частямъ огромное количество собраннаго ими жемчуга,—коронѣ, Гверрѣ и экипажу, — то люди говорили: «Вотъ, наконецъ, хоть одно путешествіе къ новымъ островамъ принесло какую-нибудь прибыль на затраченныя деньги». Такимъ-то образомъ, первый оцѣненный по его достоинству продуктъ Индіи, вмѣсто того, чтобы поднять кредитъ Колумба, послужилъ для наживы авантюриста, присвоившаго себѣ чужія права.

Путешествіе
Ниньо къ
жемчужному
берегу.

Ниньо
помогаетъ
Гверра.

Еще болѣе значительное предпріятіе такого же противозаконнаго характера досталось Виценте Іаньесу Пинзону, товарищу Колумба по первому путешествію. Заключивъ союзъ съ матросами адми-
Путешествіе
В. І. Пинзона. рала; — между которыми было и нѣсколько оштурмановъ, принимавшихъ участіе въ его послѣднемъ путешествіи, — Пинзонъ сна-
 рядилъ въ Палосъ четыре судна; они вышли въ море въ началѣ де-

1499 г.
декабрь.

кабря 1499 года, незадолго до того времени, когда Колумбъ, вслѣдствіе бѣгства Охеды, вообразилъ, что наступилъ конецъ самозваннымъ вторженіямъ въ предѣлы морей, оставлен-
 ныхъ за нимъ. Пинзономъ руководила не столько алчность къ на-
 живѣ, сколько то самое чувство, которое побудило его съѣсть на ко-
 раблѣ съ Колумбомъ въ 1492 году, т. е. неподдѣльная страсть къ
 изслѣдованію. Ему суждено было сдѣлать то, что помѣшала сдѣлать
 Колумбу страшная жара и деморализація его экипажа, — а именно,
 «набѣжать» на Новый Свѣтъ въ экваторіальныхъ широтахъ. И такъ,

Пинзонъ
перспективѣ
экваторъ.

онъ смѣло двинулся на юго-западъ и пересѣкъ линію эква-
 тора; онъ первый сдѣлалъ это на западъ отъ демаркаціон-
 ной линіи. Тутъ онъ увидалъ новыя созвѣздія и новый
 континентъ для заатлантическаго изслѣдователя. Полярная звѣзда
 исчезла изъ виду. Такимъ образомъ, южные небеса пред-
 ставляли новыя затрудненія для мореплавателей, а невидан-
 ные дотолѣ группы созвѣздій — для любознательнаго наблюдателя.
 Мореходы сѣверныхъ морей издавна привыкли къ неподвижности
 полярной звѣзды при опредѣленіи широты. На южныхъ небесахъ не
 было видно никакой звѣзды по близости къ полюсу; для того, чтобы
 найти точку опоры при опредѣленіи широты, была избрана звѣзда у
 подножія Южнаго Креста, но всякій разъ приходилось вычитать 30°
 при вычисленіяхъ.

Южное небо.

20 января 1500 года, или около того, Пинзонъ увидѣлъ мысъ,

1500 г. 20
января. Ви-
дитъ мысъ
Утѣшеній.

названный имъ мысомъ Утѣшенія, по всей вѣроятности, нынѣшній мысъ св. Августина, — хотя тождество этихъ
 двухъ мысовъ до сихъ поръ не установлено вполне удо-
 влетворительно, — поэтому Пинзонъ является первымъ европейцемъ,
 увидившимъ самую восточную границу великаго южнаго материка.
 Такое мнѣніе необходимо заставляетъ насъ опровергнуть взглядъ Варна-
 гагена, будто бы въ іюнѣ предшествовавшаго года (1499) Охеда за-
 мѣтилъ землю какъ разъ въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ на востокѣ.

Идетъ къ
сѣверу.

Пинзонъ завладѣлъ страной, и затѣмъ, направивъ свои ко-
 рабли къ сѣверу, вошелъ въ устье Амазонской рѣки; за-
 долго до того, какъ передъ нимъ открылся берегъ, онъ могъ напол-
 нить свои бочки прѣсной водою, которую великая рѣка несла въ
 океанъ. Его практическому уму не пришла мысль, что онъ пьетъ
 райскую воду, какъ это случилось при одинаковыхъ условіяхъ съ
 Колумбомъ.

Дойдя до залива Парія, Пинзонъ вышелъ изъ него въ Карибъ-

ское море и присталъ къ Эспаньолѣ въ послѣднихъ числахъ іюня 1500 года. Отсюда онъ направился къ Лукайскимъ островамъ; но буря поглотила два его судна, а остальные два потерпѣли сильную аварію. Чтобы починить ихъ, онъ прошелъ къ Эспаньолѣ, затѣмъ снова вышелъ въ море и вернулся въ Палосу, въ сентябрѣ 1500 года.

1500 г. іюнь
Пинзона съ
Эспаньолы.
Приходитъ
въ Палосу,
въ сентябрь
1500 г.

Въ то же самое время, по слѣдамъ Пинзона, Діего де-Лепе, отправившись также изъ Палоса, въ январѣ 1500 г., съ двумя судами, прошелъ вдоль берега на сѣверъ отъ мыса Св. Августина. Онъ первый обошелъ вокругъ этого мыса, какъ показано на его картѣ, которую онъ представилъ Фонсекѣ; при этомъ онъ замѣтилъ, что берегъ тянется прямо къ юго-западу. Съ этого времени Южная Америка на картахъ изображалась съ этимъ протяженіемъ берега. Гумбольдтъ полагаетъ, что Діего приставалъ къ берегу Эспаньолы передъ тѣмъ, какъ вернуться въ Испанію, въ іунѣ 1500 г.

1500 г.
январь. Путь-
шествіе Діего
де-Лепе.

Теперь мы должны вернуться къ дальнѣйшему изслѣдованію африканскаго пути португальцами. Мы теперь подошли къ тому періоду, когда совершенно случайно, при пересмотрѣ демаркаціонной линіи, португальцы, продолжая идти африканскимъ путемъ, приобрѣли одновременно право на американскій берегъ, который съ тѣхъ поръ они отстаивали въ Бразиліи, противъ притязаній испанцевъ, такъ какъ, повидимому, берегъ этотъ былъ открытъ нѣсколько ранѣ Пинзономъ, во время уже описаннаго нами путешествія.

Изслѣдованіе
португальцевъ
черезъ афри-
канскій путь.

Португальское правительство, разумѣется, поспѣшило установить свои торговые сношенія съ Калькутой на болѣе прочныхъ началахъ тотчасъ вслѣдъ за возвращеніемъ въ Лиссабонъ Да-Гамы, который привезъ рассказы о чудесахъ африканскаго пути въ Индію. Поэтому португальцы снарядили три корабля, чтобы еще разъ совершить то же путешествіе. Командиромъ флота былъ назначенъ Педро Альварецъ Кабраль, а въ помощники ему былъ назначенъ Діацъ, который впервые обогнулъ бурный мысъ, и Козахо, сопровождавшій Да-Гаму. Экспедиція вышла въ море 9 марта 1500 года. Отойдя отъ острововъ Зеленаго мыса, Кабраль взялъ курсъ болѣе къ западу, чѣмъ Да-Гама, но неизвѣстно, вслѣдствіе какого соображенія. Быть можетъ, онъ имѣлъ въ виду миновать безвѣтріе береговъ Гвины; быть можетъ, это было сдѣлано, чтобы уйти отъ бури; на самомъ же дѣлѣ, это могло произойти единственно изъ желанія узнать, не лежитъ-ли каканибудь земля нѣсколько восточнѣе отъ демаркаціонной линіи. Каковы бы ни были мотивы, руководившіе Кабралемъ, флотъ его очутился 22 апрѣля противъ большой возвышенности, которая была названа Монте-Паскоаль; въ настоящее время, какъ и тогда, по праву открытія, она находится въ предѣлахъ португальскихъ владѣній въ Южной Америкѣ и есть Земля Истиннаго

1500 г.
9 марта.

Кабраль
открываетъ
берегъ
Бразиліи.

Креста, какъ назвалъ ее Кабраль — «Вера Крузъ»; впрочемъ, позднѣе это названіе превратилось въ Санта-Крузъ. Берегъ осматрѣли и 1 мая въ заливѣ Порто-Сегуро португальцы формально завладѣли этой землей. Кабраль послалъ судно съ извѣстіями, которыя заключались въ письмѣ, сочиненномъ Педро Вацъ де-Камингой. Письмо это, помѣченное датой того дня, когда произошла церемонія завладѣнія, было обнародовано впервые Муньономъ, который нашелъ его въ Лиссабонскомъ архивѣ. Только 29 іюля король португальскій извѣстилъ испанскихъ монарховъ объ открытіи Кабрала и письмо это было напечатано въ Римѣ, 23 октября, 1500 года.

Португальцы держались той мысли, — если вѣрить письму, — что новый берегъ лежитъ прямо по направленію къ мысу Доброй Надежды, хотя справа.

Оставивъ на этомъ берегу двухъ преступниковъ, приговоренныхъ къ изгнанію, для того, чтобы они попытались устроить здѣсь свою жизнь и произвели бы разслѣдованія продуктовъ этой страны, Кабраль отплылъ 22 мая и направился къ мысу Доброй Надежды. Тутъ его ожидали страшныя бури, четыре судна погибли и его помощникъ Діацъ нашелъ свою могилу въ океанѣ у береговъ бурнаго мыса, который онъ открылъ. Но все-таки Кабраль дошелъ, наконецъ, до Калькуты 13 сентября.

Относительно открытія Кабрала ученые отмѣчаютъ двѣ даты, между которыми одинъ или два дня разницы. Рамузіо, ссылаясь на показаніе штурмана флота четырнадцать мѣсяцевъ послѣ описанныхъ событій, говоритъ, что это случилось 24 апрѣля; главные португальскіе историки придерживаются той же даты. Но въ письмѣ, посланномъ Кабралемъ въ Португалію, какъ уже замѣчено нами, говорится, что это было 22 апрѣля. Въ сущности это такая ничтожная разниа, что о ней и разсуждать бы не стоило, по мнѣнію Гумбольдта; но вопросъ, въ какомъ именно мѣстѣ онъ усмотрѣлъ этотъ случайный берегъ, включаетъ въ себѣ вычисленія разстоянія, пройденнаго Кабралемъ прежде, чѣмъ онъ вступилъ въ гавань Порто-Сегуро. Вѣроятно, это было на сто семьдесятъ лигъ южнѣе того мѣста, куда пришли ранѣе (январь 1500 г.) Пинзонъ и Де-Лене. Относительно этого пункта существуютъ также различія, которыя были проверены Гумбольдтомъ.

Однако, самые безпристрастные критики вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ признаютъ за Пинзономъ первенство, если не считать сорокавосемидневной стоянки Кабрала въ Лиссабонѣ, какъ увѣряетъ Гумбольдтъ.

Если только выводы Барроса вѣрны, то флоту Кабрала было неизвѣстно, что Колумбъ уже открылъ въ заливѣ Парія область, которую онъ принялъ за азіатскій материкъ. Первою мыслью португальцевъ было естественное предположеніе, что они натолкнулись на новую группу острововъ, либо на отдѣльно лежащіе острова изъ

группы Антильскихъ. Разумѣется, имъ еще ничего не было извѣстно объ открытіяхъ Пинзона и Лепе.

Часто говорили, что если бы Колумбъ не отправился въ море въ 1492 году, то Кабраль открылъ бы Америку въ 1500 году.

Насъ поражаетъ тотъ фактъ, что португальцы въ своихъ ^{Результаты африканскаго пути.} поискахъ за Индіей выказали пониманіе и предположеніе, которыя были подтверждены послѣдующими географическими открытіями. Испанцы шли наугадъ и прошло около тридцати лѣтъ прежде, чѣмъ они нашли дорогу, которая привела ихъ въ антиподамъ, гдѣ они могли защищать свои права по Демаркаціонной буллѣ. Колумбъ искалъ Индію и нашелъ Америку, не зная того. Кабраль, отправившись къ мысу Доброй Надежды, наткнулся на Бразилію и заранѣе обезпечилъ за Португаліей долю въ Новомъ Свѣтѣ, подобно Васко Да-Гамѣ, сдѣлавшему для Португаліи то же въ Азіи. Слѣдовательно, африканскій путь открылъ и Китай, и Америку.

Относительно всѣхъ этихъ путешествій, перепутавшихся съ путешествіями Колумба вдоль береговъ Карибскаго моря, мы находимъ самыя подробныя свѣдѣнія въ свідѣтельскихъ ^{Процессъ Колумба.} показаніяхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ путешествіяхъ; показанія эти были даны въ знаменитомъ процессѣ, который испанская корона рискнула завести съ наслѣдниками Колумба. Карта Хуана де-Ла-Козы, пользующаяся всеобщей извѣ- ^{Карта Ла-Козы 1500 г.} стностью, очень наглядно представляетъ результаты географическихъ открытій во время этихъ путешествій вплоть до лѣта 1500 года.

Ла-Коза былъ, какъ о немъ выражается Ласказъ, лучшимъ изъ всѣхъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ штурмановъ, и говорятъ, что онъ ставилъ себя выше даже самого Колумба въ знаніи морского дѣла.

Ла-Коза вернулся въ Испанію вмѣстѣ съ Охедой, въ іюнь 1500 года, а въ октябрѣ снова вышелъ море съ Бастидасомъ, слѣдовательно, эта знаменитая карта была имъ приготовлена, повидимому, въ промежутокъ между этими двумя путешествіями, такъ какъ въ надписи къ картѣ значится, что послѣдняя составлена въ 1500 году. Переносъ на карту географическія открытія, Ла-Коза руководился собственными знаніями, прибрѣтенными имъ въ путешествіяхъ съ Колумбомъ (1492—96) и съ Охедой (1499—1500). Жаль, что мы не имѣемъ позднѣйшихъ чертежей его работы, потому что онъ долго ходилъ по этимъ морямъ и хорошо ихъ изучилъ; въ 1500—1502 гг. онъ сопровождалъ Бастидаса, водилъ свои собственныя экспедиціи въ 1504—1506 гг. и въ 1507—1508 гг. и снова ходилъ съ Охедой въ 1509 году.

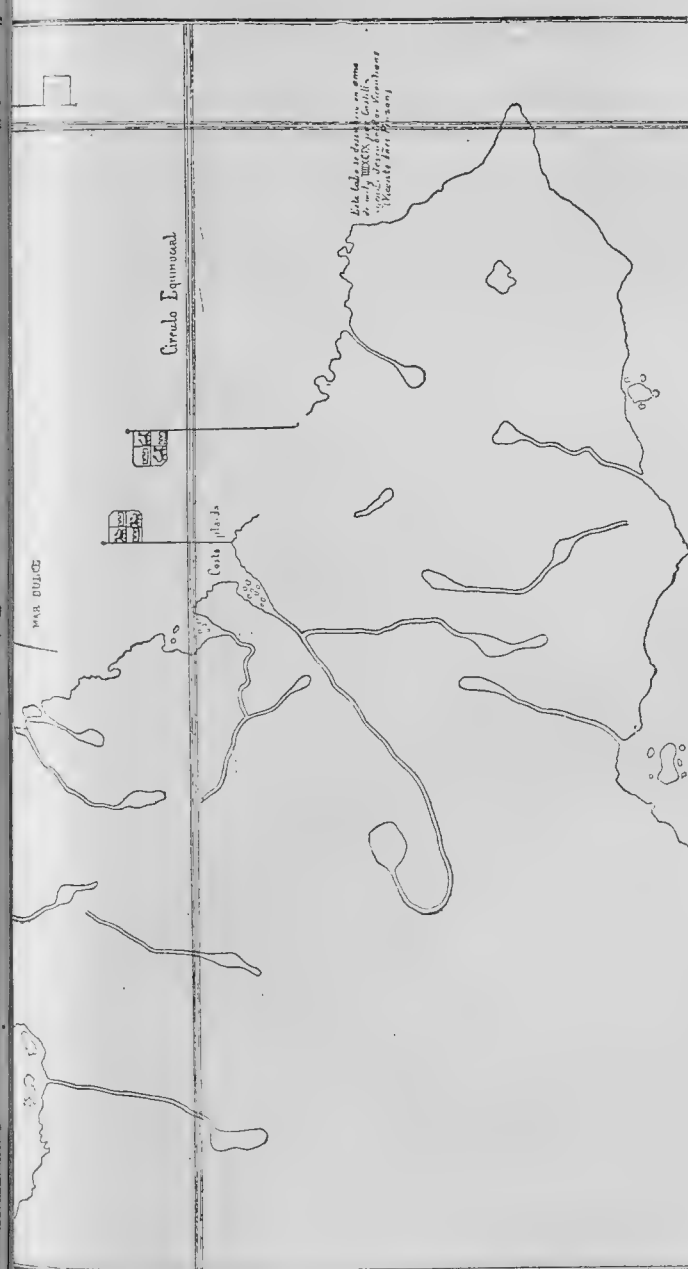
И дѣйствительно, Ла-Коза, повидимому, не дѣлалъ на своей картѣ никакихъ позднѣйшихъ поправокъ; онъ точно обозначаетъ внизу мысъ Св. Августина—другое доказательство, что мысъ этотъ видѣли Пинзонъ или Лепе, и извѣстіе объ его открытіи дошло до свѣдѣнія картографовъ.

Какъ источникъ историческихъ свѣдѣній, карта Ла-Козы вызываетъ слѣдующія возраженія: 1) очертаніе Кубы сдѣлано невѣрно и Куба изображена въ видѣ острова восемью годами ранѣе, чѣмъ Окампо объѣхалъ вокругъ нея, 2) берегъ,

*Возраженія
противъ кар-
ты Ла-Козы.*

направляющійся къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ долженъ быть Мексиканскій заливъ, нельзя узнать вслѣдствіе неточности очертаній. Генри Стевенсъ, въ своихъ «Historical and Geographical Notes», взялся отвѣтить на эти возраженія.

Планъ рѣки Ла-Козы.

Прежде всего Стевенсъ указываетъ на увѣреніе Ла-Козы, что онъ не представлялъ себѣ Кубу островомъ, такъ какъ еще никто не видывалъ острова длиною въ 335 лигъ; Колумбъ и онъ самъ измѣрили Кубу, пройдя вдоль ея южнаго берега, причемъ они основывали свои измѣренія скорѣе на пройденномъ ими разстояніи, чѣмъ на настоящихъ границахъ Кубы. Стевенсъ основывается на увѣренности Колумба, что воображаемый заливъ острововъ былъ заливомъ Ганга—предполагая, что Петеръ Мартиръ цитировалъ слова Колумба въ своемъ письмѣ отъ августа 1495 года. Если Варнгагенъ даетъ точныя указанія путей Веспуччи, то мореплаватель этотъ въ 1497 году, обходя Мексиканскій заливъ, убѣдился, что Куба островъ. Не мѣшаетъ помнить, что теоріи Варингагена раздѣляютъ немногіе изъ новѣйшихъ ученыхъ. Послѣ того, какъ Гумбольдтъ опубликовалъ карту Ла-Козы въ 1833 году, возникъ вопросъ, какимъ образомъ составитель ея могъ узнать о томъ, что Куба островъ? Гумбольдтъ былъ убѣжденъ, что хотя Ла-Коза и является «обязательнымъ свидѣтелемъ» въ смѣшномъ нотаріальномъ договорѣ Колумба, составленномъ во время его второго путешествія, тѣмъ не менѣе онъ осмѣлился сказать правду даже подвергаясь риску, что ему вырвутъ за это языкъ.

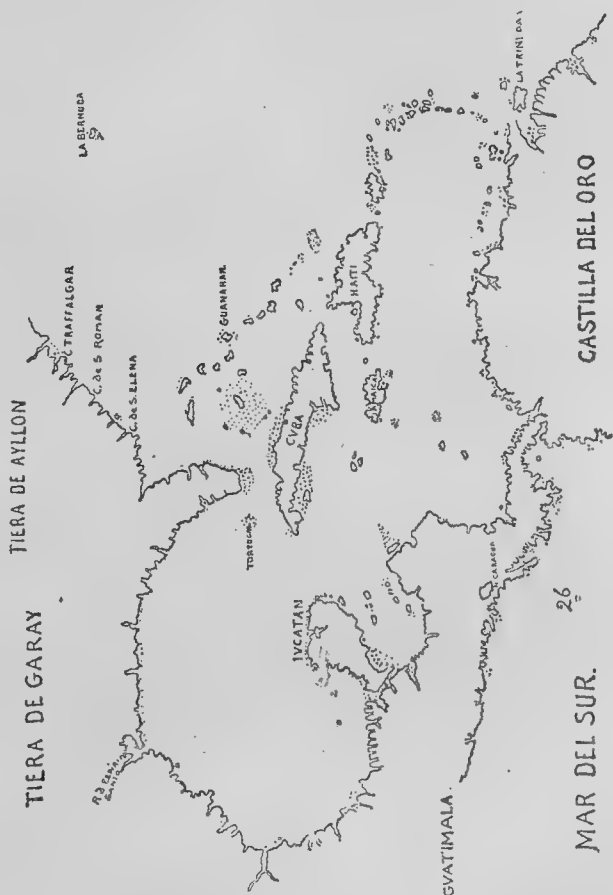
Увѣренность адмирала, подкрѣпленная по свойственному ему обыкновению подкупомъ экипажа, далеко не раздѣлялась всѣми его людьми.

Петеръ Мартиръ, вскорѣ послѣ того, провозгласилъ возраставшія сомнѣнія. Стали думать, что земля гораздо обширнѣе, чѣмъ полагалъ Колумбъ, и что открытія его не привели его въ Китай. Каждое новое извѣстіе поворачивало флюгеръ на колокольнѣ этого стараго болтуна, и чему онъ вѣрилъ сегодня, въ то переставалъ вѣрить завтра.

Быть можетъ, мы должны теперь задаться вопросомъ, не имѣло-ли официальное провозглашеніе круговаго объѣзда Кубы Себастьяномъ Окампо въ 1508 году большаго значенія, чѣмъ признаніе Испаніей, что Куба островъ, когда уже нельзя было этого отрицать? Генрихъ Стевенсъ объявилъ, что не трудно согласить изображеніе острова Кубы на картѣ Ла-Козы съ представленіями Колумба, по крайней мѣрѣ, хотя отчасти. Западная граница Кубы на картѣ Ла-Козы нарисована «однимъ взмахомъ зеленой краской»; по мнѣнію Генри Стевенса, этой краской обыкновенно обозначались неизвѣстные берега. Онъ изучилъ карту, помѣщенную въ раскрашенномъ факсимиле Жомара и положился на ея вѣрность оригиналу, котораго не изслѣдовалъ, хотя, по всей вѣроятности, видѣлъ его въ Парижѣ, въ аукціонной камерѣ, въ 1853 г.: онъ явился тутъ конкурентомъ испанскаго правительства и порядкомъ поднялъ цѣну на подлинную карту Ла-Козы. Она окончательно была куплена испанскимъ правительствомъ. Онъ говоритъ, что такую же зеленою краской, служившей эмблемой невѣдомыхъ земель, закрашенъ и берегъ Азіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ полуостровъ Куба долженъ былъ бы соединиться съ нимъ. Онъ, кажется, забываетъ, что нашелъ бы для подкрѣпленія своей теоріи лучшее доказательство въ

пробѣлъ, который на картѣ Ла-Козы заполненъ виньеткой, изображающей св. Христофора.

Рюйшъ въ 1507 году отмѣтилъ на своей картѣ эту неизвѣстную западную границу условною чертою; сѣверный же берегъ у него отмѣченъ какъ азіатскій берегъ у Мауро (1457 г.) и у Бэгема (1492 г.) безъ пробѣла. По объясненію Стевенса, на картѣ Санъ-Діе 1508—1513 гг. Куба въ видѣ полуострова показана тамъ, гдѣ у него ма-

Антильскіе острова Рибера, 1529 г.

терикъ, а копія Кубы—въ видѣ острова отмѣчена у него словомъ «Изабелла». Но это объясненіе ни на чемъ не основано; подѣ прикрытіемъ Ла-Козы и Рюйша, Діе перенесъ названія ихъ Кубы на континентальный берегъ, изображенный у него на картѣ; что же касается «Изабеллы», то на ней не имѣется никакихъ названій.

Стевенсъ высказываетъ мнѣніе, что Ла-Коза принималъ участіе и въ первомъ путешествіи Колумба, какъ и во второмъ; въ дока-

зательство онъ приводитъ чрезвычайную точность въ изображеніи сѣвернаго берега Кубы, вдоль котораго Колумбъ тогда прошелъ, но авторъ забываетъ возможность, — въ данномъ же случаѣ реальный фактъ, — что эта приблизительная точность могла быть достигнута посредствомъ копирования указанного берега съ карты перваго путешествія Колумба.

Однако, Варигагенъ, убѣжденный, что путешествіе Веспуччи въ 1497 году послужило къ установленію факта, что Куба — островъ, даетъ совершенно другое объясненіе для карты Санъ-Діе: вмѣсто залива Ганга, на ней показанъ абрисъ Мексиканскаго залива съ устьемъ Миссисипи.

Куба

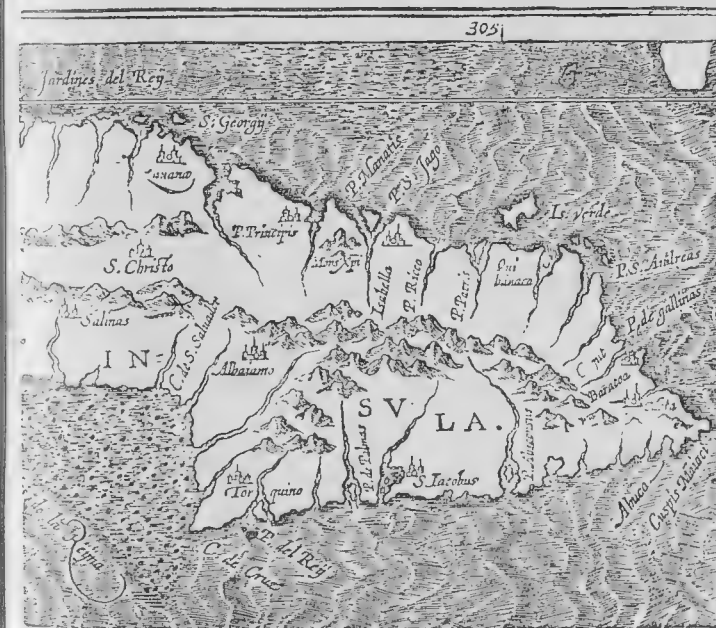
Далѣе Стевенсъ объясняетъ, что Ла-Коза начертилъ на своей картѣ, вмѣсто сѣвернаго берега Кубы, берегъ Азіи, какъ онъ его представлялъ себѣ. Едва-ли это требуетъ объясненій. Но не такъ основательно его мнѣніе, что сѣверная часть этого азіатскаго берега, которую Ла-Коза намѣревался изобразить согласно свѣдѣніямъ, дошедшимъ отъ Марко Поло и другихъ, есть просто сѣверный берегъ залива Св. Лаврентія, обнаруженный благодаря изслѣдованіямъ Кабота. Если мы примемъ, что этотъ берегъ начертанъ по рассказамъ Кабота, то это докажетъ, что названный

Берегъ Азіи
на картѣ
Ла-Козы.

мореплавателю не зналъ входа въ этотъ заливъ съ южной стороны. Этимъ только увеличится неточность такъ называемой ландкарты Кабота 1544 года. Что Ла-Коза относилъ берега открытій Кабота къ внутреннимъ водамъ, это, по мнѣнію Стевенса, видно изъ того, что море у него обозначено словомъ «Маг», а не «Маг океанус».

Значеніе этихъ дополнительныхъ взглядовъ Стевенса очень сбивчиво и чертежъ Ла-Козы въ мѣстѣ обозначенія сѣверныхъ областей изображаетъ просто на-просто Азію, слегка измѣненную благодаря выдающимся точкамъ внѣшнихъ береговыхъ линий, усмотрѣнныхъ Каботомъ.

Если испанскому послу въ Англіи удалось отослать въ Испанію

Уайтфлинта.

экземпляръ карты Кабота, то, безъ сомнѣнія, она побывала въ рукахъ Ла-Козы. Мы уже упоминали, что Джонъ Каботу представлялся случай посѣтить полуостровъ въ промежуткѣ между двумя его путешествіями.

Мнѣніе, что Колумбъ можетъ быть слышалъ о путешествіяхъ Кабота, — очевидныхъ доказательствъ этого факта у насъ нѣтъ, — основывается преимущественно на томъ, какимъ образомъ Ла-Коза узналъ о нихъ; кромѣ того, изображеніе св. Христофора съ младенцемъ Іисусомъ многіе считали прямымъ указаніемъ на командира Ла-Козы, что также возможно; въ такомъ

Путешествіе
Колумба и
Кабота.

случаѣ Колумбъ зналъ навѣрно объ оказанномъ ему почтеніи, а слѣдовательно и о заимствованіяхъ изъ карты Каботовъ.

Понималъ-ли Ла-Коза туземцевъ лучше, чѣмъ Колумбъ, были-ли у него такія свѣдѣнія, о которыхъ намъ ничего неизвѣстно? Мы знаемъ только, что черезъ два года до слуха португальцевъ дошла вѣсть, что западная оконечность Кубы приближается къ континентальному берегу, простираясь на сѣверъ ближе къ восточному берегу Соединенныхъ Штатовъ. Это ясно видно на картѣ Кантино, которая была послана изъ Лиссабона въ Италію ранѣе ноября 1502 года и

Карта Кантино. является подражаніемъ такъ называемой картѣ адмирала въ книгѣ Птоломея 1513 г. Впослѣдствіи мы рассмотримъ мнѣніе Стевенса, будто этотъ предполагаемый берегъ Сѣверной Америки былъ просто копіей Кубы, обращенной на сѣверъ и на югъ, и простирающейся отъ жаркаго пояса, — какъ это знали испанцы, — къ холоднымъ областямъ сѣвера. Карта Ла-Козы имѣла очень незначительное вліяніе на самыя раннія печатныя карты Новаго Свѣта, въ этомъ ея отличіе отъ карты Кантино.

Мы не знаемъ, какія неожиданныя открытія могли явиться въ слѣдствіи результатомъ неизвѣстныхъ и случайныхъ экспедицій, которыя, съ легкой руки Колумба, сдѣлались обычнымъ дѣломъ и о которыхъ зачастую въ исторіи упоминается только вскользь. Разказы о золотѣ и жемчугѣ разжигали жажду путешествій. Вѣкъ Колумба былъ вѣкомъ искателей и авантюристовъ. Но самымъ выдающимся путешествіями остаются экспедиціи Охеды, Ниньо и Пинзона.

*Менѣе
известныя
экспедиціи.*

Глава XVII.

Разжалованіе Колумба и упадокъ его духа.

1500 г.

Въ своемъ письмѣ къ ихъ величествамъ изъ Эспаньолы Колумбъ говорилъ, намекая на оппозицію, съ которою ему приходилось имѣть дѣло всю свою жизнь:

«Да проститъ Богъ тѣмъ, кто поносилъ и продолжаетъ поносить мое прекрасное предпріятіе, кто мѣшалъ и продолжаетъ Противники Колумба. мѣшать его дальнѣйшимъ успѣхамъ; люди не хотятъ сообразить, что оно возвеличитъ славу и силу вашихъ величествъ передъ лицомъ всего міра. Они ничего не находятъ сказать въ осужденіе этого предпріятія, кромѣ того, что оно требуетъ расходовъ и что я не послалъ тотчасъ же корабли, нагруженные золотомъ».

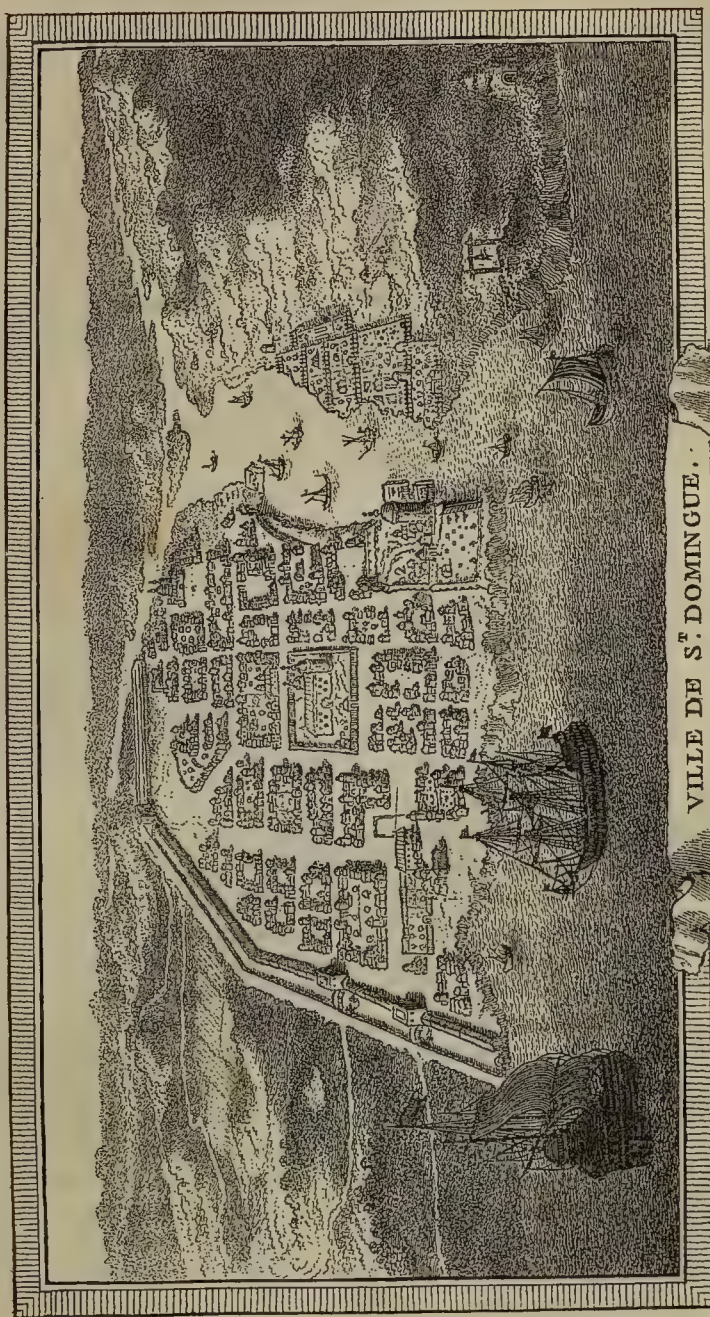
Было ли такое объясненіе чистосердечно? Колумбъ отлично зналъ, что тутъ было нѣчто болѣе важное, чѣмъ разочарованіе въ матеріальной доходности новооткрытыхъ земель. Онъ зналъ о всеобщемъ неудовольствіи, возбужденномъ его личнымъ неумѣніемъ управлять колоніей; его явными высокомеріемъ и алчностью, какъ чужестранца; его пристрастнымъ покровительствомъ своимъ роднымъ; его чрезмѣрными обѣщаніями и отсутствіемъ прочныхъ убѣжденій въ связи съ громаднымъ самомнѣніемъ. Онъ зналъ также, что энтузіазмъ его очаровалъ королеву и, пока будетъ продолжаться очарованіе, онъ могъ разсчитывать на ея содѣйствіе. Если только убѣжденія, высказанныя королевой относительно торговли невольниками, были искренни, то онъ зналъ, какое оскорбленіе нанесетъ этимъ убѣжденіямъ. Даже въ то время, когда онъ писалъ это письмо, ему приходило въ голову, что для него были одинаково опасны и эта настойчивость, съ какою его противники продолжали свои доносы, и неосторожное высокомеріе подобной озлобленности съ его стороны.

«Я знаю,—говоритъ онъ,—что вода, падая по каплямъ, въ концѣ концовъ проточитъ камень». Мы увидимъ, что предсказаніе его уже давно сбылось. Однимъ изъ странныхъ противорѣчій въ жизни Колумба, полной удивительныхъ превратностей,

*Обвиненія
противъ
Колумба.*

*Колумбъ и
Роданъ.*

является отношеніе къ нему Ролдана, — изъ мятежника послѣдній превратился въ рабски угодливаго исполнителя приказаній Колумба. Наступило новое испытаніе для Ролдана и для Колумба. Молодой испанецъ хорошей фамиліи, Фернандо де-Гевара, недавно появившійся въ Эспаньоль, надѣлалъ своими безпутствами такихъ скандаловъ въ Санто-Доминго, что Колумбъ приказалъ ему оставить островъ. Испанца этого отправили въ Ксарагву, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на одинъ изъ кораблей Охеды; но послѣдній уже ушелъ въ море, когда изгнанникъ прибылъ въ названный портъ. Въ ожиданіи другою удобнаго случая для отплытія въ Испанію Гевара остался на островѣ подъ надзоромъ Ролдана. Послѣдній не запрещалъ ему бывать въ обществѣ Анакаоны; Гевара влюбился въ дочь Анакаоны, Гигвамоту, унаслѣдовавшую, повидимому, царственную красоту и душевныя качества своей матери, и страсть его была встрѣчена взаимностью. Онъ подружился также съ однимъ изъ лейтенантовъ Ролдана, бывшимъ начальникомъ въ его послѣднемъ возстаніи, Адрианомъ де-Мохика, который жилъ тутъ же поблизости и питалъ къ Геварѣ вдобавокъ чувство родственной привязанности, такъ какъ они были двоюродными братьями. Ласказъ рассказываетъ, что Ролданъ самъ питалъ страсть къ молодой индианкѣ-красавицѣ и это было причиною, равно какъ и желаніе угодить адмиралу, что онъ приказалъ молодому дворянину отправиться въ болѣе отдаленную провинцію. Страстно влюбленный юноша думалъ о томъ, какъ бы поскорѣ обвѣнчаться съ дѣвушкой и подыскалъ патера, чтобы окрестить ее. Тогда Ролданъ сталъ настойчивѣе требовать его удаленія; Гевара сдѣлалъ видъ, что исполнилъ приказаніе и потихоньку вернулся назадъ, скрываясь съ нѣсколькими товарищами въ домъ Анакаоны. Эта царственная женщнна, кажется, относилась благосклонно къ ухаживанію молодого испанца за ея дочерью. Ему снова было приказано удалиться; тогда онъ началъ держать себя дерзко, но вскорѣ перемѣнилъ тактику и принялъ видъ смиренной мольбы. Ролдана смягчила эта покорность. Однако, Гевара только надѣлъ маску, чтобы отмстить за себя и съ нѣсколькими друзьями составилъ заговоръ убить Ролдана. Замыселъ не удался и юноша вмѣстѣ со своими сообщниками былъ схваченъ и отправленъ въ Санто-Доминго. Поступокъ этотъ возмущилъ стараго союзника Ролдана — Мохика; раздраженный такимъ обращеніемъ бывшаго мятежника со своими прежними товарищами, Мохика рѣшился отмстить Ролдану. Чтобы привести задуманное въ исполненіе, Мохика отправился по всему острову собирать прежнихъ бунтовщиковъ, которые охотно общались ему свою помощь. Въ числѣ его сообщниковъ находился и Педро Риквельме, котораго Ролданъ сдѣлалъ помощникомъ алькада. Старая закваска мятежа неудержимо забродила вновь. Сообщники шли на проломъ, готовые на самыя крайнія поступки относительно Ролдана или адмирала, — все равно. Ко-

VILLE DE S^T DOMINGUE.

SANTO DOMINGO, 1754.

Санто-Доминго, 1754 г.

лумбъ находился въ фортѣ Св. Зачатія, въ самомъ центрѣ возстанія, когда дезертиръ, измѣнившій заговорщикамъ, увѣдомилъ адмирала о планѣ заговора. Адмиралъ съ небольшимъ отрядомъ солдатъ напалъ

*Мохики
схвачены.*

ночью врасплохъ на безпечныхъ вожаковъ заговора; Мохики и нѣсколько главныхъ бунтовщиковъ были схвачены и посажены въ крѣпость. Тотчасъ же главнаго зачинщика приговорили къ смертной казни. Потерявъ терпѣніе, что осужденный слишкомъ долго растягивалъ свою предсмертную исповѣдь, Колумбъ приказалъ сбросить его внизъ головою съ крѣпостной стѣны. Французскіе канонизаторы стараются обѣлить Колумба относительно этого поступка, взваливая всю отвѣтственность за него на Ролдана. Другіе сообщники заговора были закованы въ кандалы и заключены въ тюрьму въ фортѣ Св. Зачатія, исключая Риквельме, котораго поймали впоследствии и отвезли въ Санто-Доминго.

Такимъ образомъ возстаніе было сразу подавлено. Съ тѣми, кто успѣлъ убѣжать въ Ксарагву, безжалостно расправились аделантадо и Ролданъ.

Быть можетъ, никогда еще Колумбъ не пользовался такимъ вліяніемъ въ своей колоніи, какъ послѣ этого энергическаго проявленія своей власти. Такое проявленіе быстрой и смѣлой рѣшительности было необходимо для возстановленія нравственнаго престижа его власти, пошатнувшагося вслѣдствіе его послабленій подъ угрозами Ролдана. Но недолго продолжались красные дни Колумба.

*Колумбъ и
его колонія.*

*1500 г. 23
августа.
Прибытіе
Бобсидлаи.*

Рано утромъ 23 августа 1500 г., въ гавани Санто-Доминго возвысились съ берега о прибытіи двухъ кораблей. Братъ адмирала, Діего, сталъ теперь во главѣ правленія, такъ какъ Колумбъ еще находился въ фортѣ Св. Зачатія, а Бартоломей и Ролданъ были въ отсутствіи. Діего выслалъ пирогу узнать о намѣреніяхъ посѣтителей. Она возвратилась съ извѣстіемъ, что прибылъ уполномоченный для разслѣдованія недавняго возстанія Ролдана. Въ то же самое время посланные Діего увѣдомили уполномоченнаго о болѣе недавнемъ возмущеніи Мохики и о предстоящихъ казняхъ, въ особенности объ участи, ожидавшей Риквельме и Гевару, которые были посажены въ городскую тюрьму. Въ тотъ моментъ, когда корабли вошли въ устье рѣки, видъ висѣлицъ съ каждой стороны крѣпостнаго вала съ качавшимися на нихъ трупами испанцевъ показалъ королевскому комиссару, что ему предстоитъ разслѣдованіе другихъ безпорядковъ, помимо тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь въ его полномочіяхъ. Пока комиссаръ оставался на борту своего корабля, принимая записки тѣхъ, кто заранѣе хотѣлъ снискать его благоволеніе, пока онъ собиралъ предварительныя свѣдѣнія о состояніи острова главнымъ образомъ отъ тѣхъ, кто рассчитывалъ чѣмъ-нибудь поживиться, усиливая наговоры, — намъ необходимо на мгновеніе оглянуться назадъ и выяснить, кто былъ этотъ комиссаръ и въ чемъ заключалась та важная миссія, для которой онъ былъ посланъ.

Распоряженія, касавшіяся его миссін, подготавливались неподоволь. Планъ его дѣйствій былъ уже намѣченъ въ то время, кагда Охеда ушелъ въ море со своею экспедиціей, такъ какъ въ своихъ переговорахъ съ Ролдапомъ Охеда сдѣлалъ темный намекъ, Возрастаніе королевскаго неудовольствія на Колумба. что для адмирала подготавливался сюрпризъ въ этомъ родѣ. Очевидно, Фонсека не далъ бы Охедѣ дозволенія на отплытіе, не будь тутъ какихъ-нибудь цѣлей въ виду.

Несмотря на все это, Колумбъ громкогласно заявлялъ, что его ни въ чемъ нельзя обвинять, кромѣ недостаточности доходовъ сравнительно съ громадными тратами на его экспедиціи; онъ постоянно поступалъ такъ, какъ будто бы зналъ, что длинный рядъ обвиненій предъявлялся противъ него въ Испаніи, съ цѣлью подорвать милостивое отношеніе къ нему королевы. Во время своего послѣдняго посѣщенія Испаніи онъ убѣдился въ этомъ съ горькимъ чувствомъ и, какъ мы уже видѣли, не нашлось людей, желающихъ провожать его въ экспедицію и стать подъ его власть, такъ что ему надо было освободить преступниковъ изъ тюрьмы, чтобы не остаться безъ экипажа. Онъ не подумалъ, что такое абсолютное пренебреженіе къ чувству нравственности и самоуваженія людей, которыхъ онъ поселилъ въ Новомъ Свѣтѣ, влекло за собою возмездіе, опутывая его самого, хотя бы и несправедливо, тѣми цѣпями, какія онъ снялъ съ преступниковъ, посреди ликующаго торжества этихъ послѣднихъ. Подобныя обвиненія были словно капли воды, протачивающія камень, и, какъ мы уже упоминали, онъ предчувствовалъ неизбежность роковыхъ послѣдствій.

Не трудно вообразить себѣ, что дѣйствіе этихъ обвиненій еще усилилось обманутыми ожиданіями массы золота. Разумѣется, Колумбъ не былъ въ этомъ виноватъ; но онъ былъ виноватъ въ томъ, что внушилъ всѣмъ чрезмѣрную вѣру въ неистощимыя богатства новооткрытыхъ земель. Его постоянные рассказы объ удивительномъ великолѣпіи новой области сдѣлали свое дѣло. Его разглагольствованія о стремленіи облагодѣтельствовать міръ благородными подвигами добра и употребить свои сокровища на освобожденіе Святого Гроба Господня были пустою похвалюбою челоуѣка, желавшаго попасть въ списокъ благодѣтелей церкви. Онъ не замѣчалъ, что народъ при видѣ его богатства неминуемо задастъ себѣ вопросъ, откуда оно къ нему пришло, — собрать столько золота онъ могъ только утаивая долю короны. Есть что-то забавное въ томъ извиненіи, какое онъ выставилъ въ свое оправданіе впоследствии по поводу утаиванія отъ ихъ величествъ массы собраннаго имъ жемчугу. Онъ нашелъ достаточнымъ сказать, что ждалъ, пока не накопится такой же массы золота, чтобы показать ихъ сразу! Даже въ пятнадцатомъ столѣтіи были нѣкоторыя вещи, считавшіяся христіанами болѣе священными, чѣмъ отнятіе Іерусалима изъ

Обвиненіи противъ Колумба.

Превеличешное превознесение имъ богатствъ Индіи.

Колумбъ обманываетъ корону.

рукъ мусульманъ, а именно, отдача трудовыхъ денегъ тѣмъ, кто ихъ заработалъ, и прокормленіе народа, который вслѣдствіе постигшихъ его бѣдствій былъ пущенъ по міру. Не даромъ раздавались крики народа о его вѣрности престолу, когда пронеслось извѣстіе, что государи и ихъ любимцы обогащались на счетъ народныхъ страданій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что толпы этихъ голыхъ и изнуренныхъ жертвъ бродили вокругъ Алаамбры, подъ королевскими окнами, и требовали слѣдуемой имъ заработной платы. Неудивительно также, что свистки и гиканья этихъ озлобленныхъ народныхъ массъ преслѣдовали сыновей адмирала, пажей королевы, когда они проходили мимо.

*Сыновья
Колумба
освистаны въ
Алаамбры.*

Фердинандъ, никогда не раздѣлявшій пылкаго энтузіазма, давно сознавалъ, что было огромной административной ошибкой со стороны короны дать Колумбу такія исключительныя и обширныя полномочія. Тоже онъ сказалъ впоследствии и Понсу де-Леонъ.

*Фердинандъ
сознаетъ свою
ошибку.*

Королева была полна вѣры въ Колумба, но повторявшіяся жалобы на адмирала поколебали, наконецъ, и ея постоянство. Не было-ли дѣйствительно что-нибудь не такъ, какъ бы слѣдовало, иначе почему бы усиливаться этимъ обвиненіямъ? Не выполнилъ-ли великій открыватель свою миссію, открывши новый міръ? Не было-ли ошибочно полагать, что искусство управлять этимъ міромъ шло рука объ руку съ гениемъ, открывшимъ его? Такіе вопросы Пизабелла стала задавать себѣ. Не въ ея характерѣ было колебаться, разъ въ душѣ ея назрѣвало убѣжденіе. Она доказала это своимъ обращеніемъ съ евреями, маврами и другими еретиками. Теперь въ ея душу стало проникать убѣжденіе, что Колумбъ былъ недостойнъ ея довѣрія. Извѣстія о серьезномъ взрывѣ неудовольствія противъ адмирала, выразившемся въ заговорѣ Ролдана, побудили ихъ величествъ подвергнуть это дѣло разслѣдованію, и вотъ, весною 1499 года,

*Пизабелла
начинаетъ
сомнѣваться
въ Колумбѣ.*

они рѣшили отправить кого-нибудь въ Пизабеллу съ почти неограниченными полномочіями, такъ какъ замѣщеніе Колумба было уже рѣшено въ принципѣ. Правда, подробности еще не были окончательно выработаны, такъ какъ нѣкоторыя стороны внутренняго и внѣшняго благосостоянія Испаніи требовали настоящаго вниманія государей. Весьма вѣроятно, что извѣстіе о новой находкѣ Колумба, — Жемчужнаго берега Паріи, — на время отдалило надвигавшуюся грозу. Съ приходомъ же кораблей, которые привезли въ Испанію массу сообщниковъ Ролдана, вопросъ объ управленіи Колумба снова выступилъ на очередь.

*Глики
противъ
Колумба.*

Друзья Колумба, Баллестеръ и Баррантесъ, не могли ничего подѣлать противъ множества ожесточенныхъ уликъ другой стороны. Кромѣ того, Пизабелла поневолѣ должна была увидѣть въ партіи рабовъ, присланныхъ съ тѣми же кораблями, упрямое противо-дѣйствіе Колумба ея желаніямъ. По словамъ Ласказаса, негодованіе

королевы было такъ велико, что только память о прежнихъ заслугахъ Колумба спасла его отъ окончательной немилости. Разумѣется, рабы были посланы отчасти въ силу условій перемирія, заключеннаго Колумбомъ съ мятежниками, но развѣ вице-король Индіи былъ обязанъ идти на подобныя сдѣлки? Развѣ онъ счумѣлъ поставить колонию въ такія условія, которыя заслуживали бы ея королевскаго покровительства, развѣ ей доносили, что дочери кациковъ то и дѣло рожали смѣшанныхъ дѣтей? «Какое право имѣлъ мой намѣстникъ доводить до такого позора моихъ вассаловъ?» спрашивала она.

Въ своихъ послѣднихъ письмахъ Колумбъ двумя просьбами самъ далъ оружіе противъ себя какъ разъ въ этотъ критическій моментъ. Одна изъ нихъ касалась опять-таки дозволенія торговли невольниками. На эту петицію Пизабелла отвѣтила приказомъ розыскать всѣхъ невольниковъ, присланныхъ имъ въ Испанію, и отправить ихъ обратно въ Индію. Агенты ея нашли ихъ нѣсколько. Другая просьба касалась назначенія судьи для разбора несогласій между нимъ и Ролданомъ. На это послѣднее желаніе отвѣтилъ Фердинандъ, назначивъ комиссара, о прибытіи котораго въ Санто-Доминго мы уже упоминали выше. Комиссаръ этотъ былъ Франциско Бобадилла, приближенный ко Двору.

*Колумбъ и
торговля
невольниками.*

*Бобадилла
избранный
комиссаромъ.*

Прежде чѣмъ заняться изложеніемъ того, что Бобадилла сдѣлалъ въ Санто-Доминго, постараемся уяснить его цѣли и намѣренія.

Изъ всѣхъ лицъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ дѣятельностью Колумба, нѣтъ ни одного, — не исключая и самого Фонсеки, — кого бы вообще поносили болѣе, чѣмъ этого человека; а между тѣмъ, по свидѣтельству Овiedo, Бобадилла былъ человекомъ высокой честности и нравственности. Большинство историковъ Колумба не хочетъ примѣнить относительно Бобадиллы ту мѣру снисхожденія, которую оно съ такою готовностью примѣняетъ въ Колумбу. Если же провести параллель между тѣмъ и другимъ, то Бобадилла съ честью выдержитъ сравненіе съ Колумбомъ во всемъ, что можетъ извинить проступки, вызванные крайнимъ раздраженіемъ и сознаніемъ отвѣтственности. Грубая поспѣшность можетъ быть результатомъ излишняго усердія точно также, какъ и необузданной злобы.

Его личность.

Быть можетъ, не вполне рѣшено, явились-ли тѣ ужасныя условія, которыя былъ посланъ измѣнить этотъ человекъ, результатомъ слабости или неумѣнія Колумба, или же они были простымъ стеченіемъ обстоятельствъ, вѣвъ его власти, служившихъ ему оправданіемъ. Однако, не подлежитъ также сомнѣнію, что испанское правительство имѣло обязанности по отношенію къ себѣ и своимъ подданнымъ, которыя никоимъ образомъ не позволяли ему ставить на карту интересы, связанные съ подобными обязанностями.

Безспорно, Бобадиллѣ были даны опасныя полномочія, по отноше-

не болѣе опасныя, чѣмъ полномочія Колумба. Когда два такихъ оли-
Полномочія
Бобадиллы. цетворенія необузданной власти приходятъ въ столкнове-
 ніе,—тотъ, кто обладаетъ большей властью, неизмѣнно одер-
 живаетъ верхъ путемъ соответственныхъ насилій надъ своимъ про-
 тивникомъ. Полномочія Бобадиллы были безмолвнымъ приказаніемъ
 покончить съ Колумбомъ именно такимъ образомъ. Ему бы слѣдовало
 сохранить больше собственного достоинства и помнить, что довѣріе,
 оказанное ему, налагало на него отвѣтственность передъ тѣми, кто
 далъ ему полномочія, и что отвѣтственность эта могла его постигнуть
 въ ту минуту, когда они захотятъ отказаться отъ своихъ собствен-
 ныхъ инструкцій. Ему бы слѣдовало знать, что въ извѣстную кри-
 тическую минуту всѣмъ правительствамъ весьма часто приходится
 дѣлать подобныя уступки. Ему бы слѣдовало отнестись съ болѣе-
 шимъ уваженіемъ къ человѣку, котораго еще вчера Испанія носила на ру-
 кахъ. Ему бы не слѣдовало забывать, — хотя бы всѣ объ этомъ за-
 забыли, — что адмиралъ подарилъ Испаніи новый міръ. Ему бы не слѣ-
 довало забывать, — хотя бы всѣ объ этомъ забыли, — что этотъ новый
 міръ когда-то былъ мечтою, а нынѣ превратился въ чудное видѣніе.
 Но всѣ эти разсужденія были слишкомъ сложны для человѣка той
 эпохи. Бобадилла, вызывая Колумба на судъ въ Санто-Доминго и
 заранѣе предрѣшая его виновность, показалъ также мало уваженія
 къ власти своего противника, которую онъ присланъ былъ урегули-
 ровать, какъ и Колумбъ въ отношеніи обманутыхъ колонистовъ,
 когда онъ ради корыстныхъ цѣлей заразилъ ихъ ядомъ тюремнаго
 отребья. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, забывать, что самой сильной
Колумбъ и
преступники. поддержкой новому агенту служили именно тѣ самые по-
 рочные элементы, которыми Колумбъ заселялъ островъ.
 Онъ понялъ это и впослѣдствіи былъ вынужденъ произнести приго-
 воръ своему собственному поступку, когда онъ началъ убѣдительно
 просить, чтобы въ колонію присылали людей завѣдомо порядочныхъ,
 «чтобы заселить страну честными людьми».

По словамъ Ласказаса, Бобадилла былъ человѣкъ неподкупной
 честности и вполне безкорыстный. Если-бы потомству пришлось рѣ-
 шать между словами Ласказаса и Колумба относительно опредѣленія
Характеристика
Бобадиллы. добродѣтели и честности, то, само собою разумѣется, оно
 безусловно стало бы на сторону перваго. При назначеніи
 Бобадиллы ихъ величества руководились главнымъ образомъ
 желаніемъ выбрать наиболѣе честную личность. Поэтому есть много осно-
 ваній предположить, что ему были даны самыя полныя инструкціи, при-
 чемъ было обращено вниманіе на всякія случайности и непредвидѣнныя
 обстоятельства. А разъ это было сдѣлано, все остальное зависѣло отъ
 благоусмотрѣнія довѣреннаго лица. Въ лѣтописяхъ мы можемъ про-
 читать формальныя инструкціи; но рядомъ съ ними, какъ это выра-
 жено вполне опредѣленно, Бобадиллѣ были даны словесныя указанія,
 насчетъ которыхъ можно строить только догадки и предположенія

Бобадиллу обвиняли въ томъ, что онъ перешелъ границы въ своемъ усердіи угодить королевѣ. Но такъ-ли это? Ничто не доказываетъ, чтобы въ послѣдствіи монархи нашли политическимъ не признавать поступковъ своего агента. Подобное отступничество спланныхъ міра отъ исполнителей ихъ приказаній было дѣломъ весьма обыкновеннымъ въ тѣ времена, да и теперь, вѣроятно, встрѣчается не рѣдко.

Превысилъ-ли онъ свои полномочія?

Изабелла, которая «изъ любви къ Христу и къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи» могла опустошать города, — она сама говорила, что дѣлала это, — посредствомъ казней инквизиціи, и наполнять свои сундуки секвестрованными богатствами своихъ жертвъ, вслѣдствіе подобнаго же убѣжденія, согласнаго съ долгомъ, не стала бы сдерживать своей мстительности и религіознаго рвенія по отношенію къ адмиралу, ею же созданному и осмѣлившемуся пойти противъ ея желаній.

Необходимо представить здѣсь краткій очеркъ полномочій, данныхъ Бобадиллѣ въ письменной формѣ. Уполномочивающая грамота отъ 21 марта 1499 г. начиналась ссылкой на доносенія о возстаніи Ролдана, причемъ Бобадиллѣ приказывалось, въ случаѣ если онъ найдетъ виновныхъ лицъ, арестовать ихъ и секвестровать ихъ имущество, а также обратиться къ содѣйствію адмирала для приведенія этихъ приказаній въ исполненіе. Два мѣсяца спустя, 21 мая, былъ составленъ циркуляръ, обращенный ко всемъ должностнымъ лицамъ острова; циркуляромъ этимъ, повидимому, они оповѣщались о передачѣ полномочій Бобадиллѣ въ случаѣ отставки адмирала. Въ этомъ приказѣ этимъ должностнымъ лицамъ было объявлено о полномочіяхъ, данныхъ Бобадиллѣ въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ. Другимъ приказомъ отъ того же числа, обращеннымъ къ «адмиралу океана-моря», повелѣвается сдать всю королевскую собственность, будь то форты, оружіе или что другое, на руки Бобадиллѣ; очевидно, приказъ этотъ долженъ былъ сопровождать дѣйствіе перваго. Пятью днями позже въ другомъ приказѣ, обращенномъ къ адмиралу, значится слѣдующее:

Полномочія Бобадиллы.

«Мы приказали Франциско де-Бобадиллѣ, подателю сего, сказать вамъ отъ нашего имени нѣкоторыя вещи, которыя онъ долженъ передать. Предлагаемъ вамъ вѣрить тому, что онъ скажетъ, и повиноваться ему. 26 мая 1499 г.»

Приказъ этотъ есть ясное свидѣтельство со стороны ихъ величествъ, что Бобадиллѣ были даны словесныя инструкціи. Въ до-
бавленіе къ послѣднимъ, королевскій приказъ повелѣваетъ комиссару привести въ извѣстность, сколько должна была корона по неуплаченнымъ окладамъ и понудить адмирала присоеди-
ниться къ ликвидаціи подобныхъ обязательствъ, насколько онъ былъ къ нимъ причастенъ, «дабы устранить всѣ дальнѣйшія жалобы и клузы». Если вѣрить собственнымъ показаніямъ Колумба въ послѣдующемъ письмѣ его къ нянѣ принца Хуана, то эти просроченные

Словесныя инструкціи ему

платежи накопились не вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, а вслѣдствіе его небрежности. Бобадилла были также вручены бланки за подписью государей, чтобы поскорѣе привести въ исполненіе намѣченныя цѣли, какъ онъ найдетъ наиболѣе удобнымъ, по своему благоусмотрѣнію.

Заручившись этими экстраординарными документами и такими словесными и конфиденціальными указаніями, о которыхъ мы можемъ только догадываться, Бобадилла отплылъ въ іюль 1500 года, черезъ годъ слишкомъ послѣ того, какъ была написана его уполномочивающая грамота. Его два судна привезли обратно въ Эспаньолу небольшое число туземцевъ, которые отданы были на попеченіе нѣсколькихъ францисканскихъ монаховъ.

Мы оставили Бобадиллу на кораблѣ, выслушивающаго всѣхъ, кто только хотѣлъ поскорѣе понаушничать ему. Онъ высадился на берегъ только на слѣдующій день, въ сопровожденіи двадцати пяти человекъ стражи и отправился въ церковь на мессу.

Когда месса отошла, толпа народу собралась передъ церковью. Бобадилла приказалъ герольду прочитатъ подлинный актъ его полномочій отъ 21 марта 1499 года, и затѣмъ приказалъ настоящему губернатору города, Діего, который присутствовалъ тутъ же, сдать ему Гвевару, Риквельме и другихъ арестантовъ вмѣстѣ съ бумагами, относящимися къ ихъ дѣлу, приглашая обвинителей и судей также явиться къ нему. Діего предложилъ ему обратиться къ адмиралу, такъ какъ только ему одному принадлежала власть въ дѣлахъ такого рода, и попросилъ у него копію съ грамоты, чтобы отправить ее къ Колумбу. Бобадилла отказался дать копію и удалился, намекнувъ, однако же, что у него имѣются про запасъ такія полномочія, передъ которыми долженъ будетъ преклониться даже адмиралъ.

Повидимому, не предстояло никакой надобности въ такихъ рѣшительныхъ мѣропріятіяхъ; если бы Бобадилла дождался возвращенія адмирала, не случилось бы особой бѣды, сравнительно съ тѣмъ, что послѣдовало за такимъ внезапнымъ ниспроверженіемъ установленной власти въ отсутствіи ея представителя. Тѣмъ не менѣе, исключительность положенія имѣетъ свои требованія. Желательно было пріостановить ожидавшіяся казни; да мы еще не знаемъ, какими только ужасами не прожужжали уши Бобадиллы. Въ то же время, повидимому, представлялся случай передать Колумбу письмо, въ которомъ ему повелѣвалось повиноваться словеснымъ инструкціямъ ихъ величествъ; это, быть можетъ, измѣнило бы стремительный ходъ событій, потому что Колумбъ доказалъ, — когда былъ присланъ Агуадо, — что онъ умѣетъ подчиняться верховной власти. Однако, вмѣсто всего этого Бобадилла на слѣдующій день снова появился на мессѣ и приказалъ прочитатъ свои другія полномочія, которыми упразднились полномочія адмирала.

Но Діего и члены совѣта необдуманно отказались признать верховность Бобадиллы. Затѣмъ были одно за другимъ прочитаны другія предписанія; такимъ образомъ, однимъ скачкомъ были пройдены всѣ ступени, которыя, повидимому, имѣлись въ виду, и Бобадилла сразу очутился на вершинѣ полномочій. Такого взгляда держатся біографы Колумба, принимая во вниманіе рядъ послѣдовательныхъ полномочій, данныхъ Бобадиллѣ. Но это не болѣе какъ предположеніе, такъ какъ намъ неизвѣстны словесныя инструкціи, данныя Бобадиллѣ относительно провозглашенія этихъ полномочій. Эта-то неизвѣстность придаетъ дѣлу сомнительный характеръ. Очевидно, чтеніе этихъ документовъ произвело впечатлѣніе на чернь, хотя, быть можетъ, лица, стоявшія во главѣ правленія, остались равнодушными. Приказъ, повелѣвавшій уплатить по просроченнымъ обязательствамъ, оказалъ очень благопріятное вліяніе на тѣхъ, кто пострадалъ отъ такихъ отсрочекъ. Ничто, однако, не поколебало духа представителей вице-короля, которые не могли повѣрить, чтобы что-либо могло взять верхъ надъ его властью, которой правительство Испаніи такъ долго потворствовало.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ раздраженіи, какое испытываетъ должностное лицо, видя, что его несомнѣнныя прерогативы упорно отвергаются, и къ такому именно раздраженію мы должны отнести нѣсколько странное поведение Бобадиллы, когда онъ пошелъ взять приступомъ крѣпость, гдѣ были заключены Гевара и другіе узники. Мигуэль Діацъ, командиръ форта, тотъ самый, что открылъ мѣсторожденія Гайаны, услышавъ приказаніе сдаться, указалъ Бобадиллѣ на адмирала, отъ котораго онъ получилъ свои инструкціи и просилъ дать ему копію съ уполномочивающей граматы и другихъ приказовъ, для болѣе внимательнаго съ ними ознакомленія. Подобными увертками трудно было провести Бобадиллу, — вѣдь у него было за спиною вооруженное войско, которому помогали его экипажъ и возбужденная чернь, а передъ нимъ была ничтожная плохо защищенная цитадель. Сопротивляться смѣльному нападенію осаждающихъ было некому; слабые засовы подались сразу и лѣстницы, подставленныя для виду, оказались излишними. Діацъ и одинъ его товарищъ, съ мечами на голо, пассивно стояли, представляя своимъ видомъ оскорбленіе званія командира. Бобадилла вошелъ въ крѣпость побѣдителемъ, а Гевара въ кандалахъ и остальные арестанты перешли въ вѣдѣніе новыхъ и менѣе строгихъ сторожей.

Теперь Бобадилла имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ средства полномочія. Онъ поселился въ домѣ Колумба, завладѣлъ всѣми его вещами, до его документовъ включительно, не дѣлая различія между тѣмъ, что было общественной и личной собственностью, а всѣ найденныя деньги употребилъ на уплату долговыхъ обязательствъ адмирала, какія предъявили его кредиторы. Такой образъ дѣйствій былъ прекрасно разсчитанъ на усиленіе своей популяр-

*Бобадилла
осаждастъ
фортъ.*

*Бобадилла
становится
полнымъ
властнымъ.*

ности; послѣдняя возросла еще болѣе, когда онъ объявилъ дозволеніе всѣмъ и каждому добывать золото въ теченіе двадцати лѣтъ, съ уплатою въ казну лишь одной седьмой доли, вмѣсто трети добычи.

Обратимся теперь къ самому Колумбу. Донесенія, полученные имъ въ фортѣ Св. Зачатія, сначала не дали ему точнаго понятія о томъ, что его ожидало. Въ его представленіи дѣйствія Бобадиллы связывались съ недозволенными захожденіями кораблей Охеды и Пинзона въ отведенныя ему владѣнія. Однако, большая смѣлость Бобадиллы, угрозы послѣдняго отослать его въ Испанію въ оковахъ и вѣсть о насильственномъ захватѣ Бобадиллой города, внушали Колумбу мало довѣрія къ скорому прекращенію вспыхнувшего возстанія. Онъ двинулся къ Боао, чтобы быть поближе къ смутѣ и здѣсь встрѣтилъ офицера, который принесъ ему копію съ документовъ, по которымъ управленіе островомъ передавалось Бобадиллѣ. Только письмо, адресованное Колумбу, въ которомъ ему повелѣвалось покориться, не было ему вручено. Это наглядно доказывало, что Бобадилла понималъ, что онъ переступилъ законныя границы своихъ полномочій. Колумбъ, съ своей стороны, былъ далекъ отъ мысли о такомъ исходѣ дѣла и старался выиграть время. Онъ написалъ Бобадиллѣ письмо въ извинительномъ и выжидательномъ духѣ, говоря, что собирается уѣхать въ Испанію, когда все перейдетъ по праву въ распоряженіе Бобадиллы. Онъ послалъ другія письма, въ надеждѣ добиться отсрочки, къ францисканцамъ, прибывшимъ съ Бобадиллой. Онъ самъ состоялъ членомъ этого братства и, быть можетъ, думалъ, что вліяніе его не будетъ оставлено безъ вниманія. Но онъ не получилъ отвѣта на свои письма и, быть можетъ, никогда не узналъ отношенія этихъ монаховъ къ его личности. Очевидно, на нихъ тоже подѣйствовала та масса уликъ противъ адмирала, которую собралъ Бобадилла. Немного позже, мы находимъ въ донесеніи одного изъ этихъ братьевъ, Николая Гласбергера (онъ говоритъ о 1.500 туземцахъ, которыхъ монахи поспѣшили окрестить въ Санто-Доминго), нѣкоторыя изъ ужасныхъ обычныхъ инсинуаций о Колумбѣ въ слѣдующихъ словахъ: «нѣкій адмиралъ, капитанъ и начальникъ мучилъ этихъ туземцевъ: отнимая у нихъ имущество и ихъ женъ и захватывая насильно ихъ дѣвственныхъ дочерей, онъ посылалъ ихъ закованными въ Испанію».

Но едва-ли Колумбъ могъ предвидѣть, что ему будетъ нанесено такое гнусное оскорбленіе—наложеніе цѣпей на его руки и ноги. Не подозрѣвалъ онъ также, что Бобадилла воспользуется бланками за подписью государей, чтобы заручиться поддержкою Ролдана и другихъ депутатовъ вице-короля, разбросанныхъ по всему острову. Въ такой нерѣшимости Колумбъ заявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что считаетъ свои постоянныя полномочія пока не отмѣненными, если только возможно ихъ вообще отмѣнить когда-либо. Самоувѣренность его получила жестокое потрясеніе,

*Колумбъ
узнаетъ о
пріѣздѣ
Бобадиллы.*

*Колумбъ и
францисканцы.*

*Бобадилла
получаетъ
письмо
государей
Колумбу.*

когда нѣсколько позже ему было передано Францискомъ Веласкепой, уполномоченнымъ казначеемъ Хуаномъ де-Пуазьерра—однимъ изъ братьевъ францисканцевъ—письмо, посланное ему государями и повѣлѣвавшее подчиниться приказаніямъ Бобадиллы. Тутъ уже не оставалось никакого сомнѣнія; когда ему передали приглашеніе Бобадиллы явиться къ нему, онъ не колебался болѣе, и безъ свиты и блеску, какъ подобало его опальному положенію, отправился прямо въ Санто-Доминго.

Братъ адмирала, Діего, уже былъ закованъ въ кандалы и арестованъ на одномъ изъ кораблей; Бобадилла, притворившись, какъ увѣряетъ Првингъ, что не вѣритъ въ готовность Колумба покориться, началъ суетливо готовиться къ вооруженному насилию. Однако, со стороны Колумба не было враждебныхъ намѣреній, съ той минуты, какъ онъ получилъ королевскій приказъ о безусловномъ повиновеніи новопривышему комиссару. Онъ пришелъ спокойно, какъ только позволяли обстоятельства, а когда новый правитель острова узналъ, что онъ у него въ рукахъ, то велѣлъ схватить его и засадить въ тюрьму, что и было немедленно исполнено (23 августа 1500 года). Въ юго-восточной части города и теперь еще стоитъ башня, слегка обветшавшая, въ которую нѣсколько вѣковъ назадъ былъ заключенъ удрученный уныніемъ адмиралъ; съ верхушки ея въ настоящее время подають сигналы о всѣхъ приходящихъ судахъ. Ласказась упоминаетъ о безстыдномъ и безжалостномъ поварѣ, принадлежавшемъ къ штату домашней прислуги Колумба, который заковалъ въ кандалы своего господина. «Я зналъ этого негодяя,—говоритъ историкъ,—насколько мнѣ помнится, его звали Эпинноза».

Бобадилла не вполне могъ считать себя побѣдителемъ, пока у аделантадо была вооруженная сила и онъ находился на свободѣ. Бобадилла приказалъ Колумбу написать своему брату и посовѣтовать ему сдаться. Колумбъ исполнилъ это требованіе, убѣждая аделантадо положиться на правосудіе королевской власти. Бартоломей повиновался, но свидѣтельству самыхъ извѣстныхъ историковъ, хотя Петеръ Мартиръ приводитъ слухи о томъ, будто бы аделантадо выказалъ сопротивленіе и поэтому былъ схваченъ силою. Достоверно только, что и на него надѣли цѣпи и арестовали его на одномъ изъ кораблей. Цѣль Бобадиллы состояла въ томъ, чтобы держать главныхъ лицъ правленія отдѣльно другъ отъ друга, не давая имъ возможности сговориться между собою, и даже помѣшать имъ получать какія бы то ни было свѣдѣнія извнѣ о ходѣ слѣдствія, которое теперь уже началось. Очевидно, Бобадилла,—по собственному-ли побужденію или повинуваясь тайнымъ предписаніямъ,—дѣйствовалъ секретно и съ такою поспѣшностью, которую могло бы оправдать развѣ вооруженное сопротивленіе, чего не было въ настоящемъ случаѣ. Колумбъ впоследствии рассказывалъ, что ему совершенно отказали въ одеждѣ и наносили

Колумбъ приближается въ Санто-Доминго.

1500 г. 23 августа Колумбъ въ окрѣпѣ посаженъ въ тюрьму.

ему всякія другія обиды и оскорбленія. Онъ говоритъ, кромѣ того, что ему не было предъявлено, въ чемъ собственно его обвиняли. <sup>Обвиненія
противъ
Колумба.</sup> Впослѣдствіи Шарльвуа придумалъ, что такія обвиненія были представлены Колумбу въ письменной формѣ; обвиняемый отвѣчалъ на нихъ также письменно.

Безъ сомнѣнія, процессъ этотъ замѣчательнъ по тому способу, какъ онъ велся, если не смотрѣть на него какъ на судебное разбирательство *ex parte*, только съ цѣлью составленія обвинительнаго акта,—что и было на самомъ дѣлѣ. Првингъ горячо обвиняетъ Бобадиллу въ нарушеніи естественнаго порядка процедуры, причемъ имъ имѣлось въ виду заранѣе осудить лицо, дѣло котораго онъ былъ посланъ разсмотрѣть. Првингъ думаетъ также, что новый намѣстникъ торопился съ рѣшеніемъ этого дѣла, стараясь этимъ показать, что онъ былъ вынужденъ къ такой поспѣшности. Оно нѣсколько похоже на то. «Мятежники, которыхъ онъ былъ посланъ судить, вслѣдствіе такого страннаго извращенія порядка судопроизводства, — говоритъ Првингъ,—стали необходимыми и почтенными уликами для обвиненія въ преступленіи тѣхъ, противъ кого они взбунтовались». Въ этомъ заключается ошибка защитниковъ Колумба. Бобадилла, повидимому, былъ присланъ судить обѣ стороны, а вовсе не для того, чтобы взвалить всю вину на одну изъ нихъ. Да и самъ Првингъ догадывается о настоящихъ намѣреніяхъ короны. Онъ допускаетъ, что Бобадилла никогда не посмѣлъ бы зайти такъ далеко, если бы не чувствовалъ, что «нѣкоторыя вещи», какъ значилось въ письмѣ къ Колумбу, не будутъ непріятны королю.

Обвиненія противъ адмирала накопились годами и, мы не разъ уже упоминали о нихъ въ теченіе нашего разсказа. Обвиненія эти были впослѣдствіи перечислены въ документахъ, изданныхъ Наварретомъ, повторены и суммированы Петеромъ Мартиромъ. Быть можетъ, было нѣчто новое въ клятвенномъ показаніи, будто недавній отказъ Колумба окрестить нѣсколькихъ индійцевъ происходилъ оттого, что это лишало его права продать упомянутыхъ индійцевъ въ рабство. Принимая во вниманіе идеи Колумба о торговлѣ невольниками, которую онъ создалъ, въ этомъ обвиненіи также мало удивительнаго, какъ и въ другихъ обвиненіяхъ, выставленныхъ противъ него.

Ласказасъ разсказываетъ, какъ была возмущена Пизабелла его <sup>Колумбъ
и рабство.</sup> презрительнымъ обращеніемъ съ тѣми, которыхъ она называла своими подданными; какъ мы уже говорили, приказомъ отъ 20 іюня 1500 года, она велѣла вернуть обратно на корабляхъ Бобадиллы девятнадцать человѣкъ изъ проданныхъ невольниковъ. Очевидно, Бобадилла, желая заслужить одобреніе королевы, больше всего воспользовался этимъ злополучнымъ участіемъ Колумба въ торговлѣ невольниками.

По мѣрѣ того, какъ накопились обвиненія, въ умѣ Бобадиллы формулировалось заключеніе, что вице-король былъ человѣкъ жестоко-

сердый и неспособный управлять страной,—фраза эта весьма близка къ истинѣ, но едва-ли для установленія этой истины требовались тѣ крайнія мѣры, къ какимъ прибѣгнулъ новый правитель. Нечего и говорить, что общественное мнѣніе колоній,—по крайней мѣрѣ, насколько оно осмѣливалось заявлять о себѣ,—одобряло дѣйствія Бобадиллы. Колумбъ не могъ увидѣть этого изъ своей тюрьмы собственными глазами, но если вѣрить лѣтописямъ, до ушей его доносились черезъ стѣны гулъ и насмѣшливые крики толпы, которая этимъ способомъ выражала радостное чувство освобожденія, благодаря постигшему его року. Колумбъ самъ признавался, что Бобадилла «удалось вполне» сдѣлать его ненавистнымъ народу. Надъ всѣмъ этимъ онъ горько размышлялъ въ своемъ одиночествѣ. Онъ преувеличивалъ значеніе ничтожныхъ намековъ. Онъ считалъ себя жертвой жестокаго рока. Когда Виллехо пришелъ за нимъ въ тюрьму, чтобы везти его въ Испанію на уходящихъ туда корабляхъ, Колумбъ впервые отдалъ себѣ нѣкоторый отчетъ въ своемъ злополучномъ положеніи.

Ласказась, передавая объ этомъ свиданіи, говоритъ, что Виллехо былъ «гидальго благороднаго характера и мой близкій другъ», и несомнѣнно, онъ слышалъ отъ него самого о томъ, что произошло между ними.

— Виллехо,—сказалъ узникъ,—куда ведете вы меня?

— Посадить васъ на корабль, ваше превосходительство.

— Посадить на корабль, Виллехо? Правда-ли это?

— Истинная правда,—сказалъ капитанъ.

Впервые несчастный адмиралъ почувствовалъ, что, быть можетъ, увидитъ Испанію и ея государей.

Корабли отплыли изъ Эспаньолы въ октябрѣ 1500 г. и скоро до слуха несчастныхъ узниковъ перестали долетать прово-^{1500 г. октябрь.} жавшіе ихъ свистки толпы. Новые сторожа Колумба не были похожи на тѣхъ, которые угощали его такими про-^{Колумбъ отправленъ въ Испанію.} щальными глумленіями. Если вѣрить «Historie», Бобадилла приказалъ, чтобы цѣпи не снимали съ Колумба во время путешествія, такъ какъ Колумбъ въ одну прекрасную минуту могъ броситься въ воду и вернутся назадъ впасть, если-бы ему дали свободу, — запугиваетъ эта книга. Виллехо былъ челоѣкъ доброй души, хозяинъ судна, Андреасъ Мартинъ, тоже. Они предложили Колумбу снять съ него оковы во время пути; но адмиралъ отказался съ тѣмъ излюбленнымъ упрямствомъ, которое люди испытываютъ,—не всегда благо-разумно,—въ подобнаго рода положеніяхъ, полагая этимъ возвеличить мученичество. «Нѣтъ, — сказалъ онъ, — мои государи по-^{Цѣпи Колумба.} велѣли мнѣ повиноваться, а Бобадилла надѣлъ на меня кандалы. Я останусь въ этихъ цѣпяхъ, пока королевскимъ приказомъ не будетъ повелѣно снять ихъ и я сохраню ихъ на память о своихъ заслугахъ».

Отношенія Колумба и Бобадиллы обнаруживаютъ передъ нами одно

изъ самыхъ поразительныхъ обстоятельствъ въ сложной массѣ событій, составляющихъ исторію судьбы, быть можетъ, болѣе жалкой,—несмотря на всю ея славу, чѣмъ судьба какого бы то ни было другого историческаго дѣятеля. Униженіе такого чловѣка невольно вызываетъ къ нему болѣе горячую симпатію, чѣмъ какое-бы то ни было другое событіе въ лѣтописяхъ чловѣчества. Сочувствіе это затемнило важное значеніе его униженія, а полный мрачнаго отчаянія рассказъ о событіяхъ, написанный Колумбомъ либо во время пути, либо вскорѣ по прибытіи въ Испанію, и отправ-

*Униженіе
Колумба.*

*Равборъ его
письма къ
князю принца
Хуана.*

ленный имъ къ князю дона Хуана, долго волновалъ чувствительность людей, близко принимавшихъ къ сердцу его несчастія. Да и мы не въ состояніи читать это письмо безъ состраданія, какъ не можемъ читать его съ безпристрастіемъ хладнокровія, не замѣчая, что чувства чловѣка, писавшаго это письмо, вслѣдствіе его заблужденій и страданій, потеряли всякое равновѣсіе. Его изложеніе случившагося факта вполне односторонне. Онъ не видалъ того, что ему тяжело видѣть. Онъ забываетъ все то, о чемъ долженъ помнить врагъ. Ему трудно высказать правду и онъ прибѣгаетъ къ повторенію однихъ и тѣхъ же фразъ, которыя желаетъ выдать за истину. Онъ увѣряетъ, что не имѣетъ понятія, за что его посадили въ тюрьму, между тѣмъ какъ онъ отлично знаетъ,—да онъ говоритъ это самъ,— что онъ старался создать оппозицію уполномо-

*Обвиненія
противъ
Колумба.*

ченной власти «посредствомъ словесныхъ и письменныхъ заявленій»; онъ возобновляетъ это объясненіе уже послѣ того, когда преклонился передъ королевскими приказаніями, которыя были также ясно выражены, какъ его собственный образъ дѣйствій полонъ упорства. На самомъ же дѣлѣ онъ ставитъ себя въ смѣшное положеніе, отвѣчая на длинный рядъ обвиненій, и въ то же время говоря, что ему неизвѣстно, въ чемъ именно его обвиняютъ.

Въ этомъ же письмѣ Колумбъ жалуется, что его судили несправедливо, примѣняя къ нему ту степень ответственности, какая установлена законами благоустроенныхъ государствъ, а вовсе не законами, предоставляющими особыя права завоевателю многочисленной и воинственной націи. Положеніе это интересно тѣмъ, что оно не выжесъ его открыто выраженными намѣреніями быть единственнымъ правителемъ колоніи, поступая по правдѣ и истинѣ передъ лицомъ Бога и людей. Испанскіе государи дали ему полномочія установить именно то, что, по его заявленію, не было установлено,—то есть, управленіе на основаніи законовъ, которые одинаково ограждали бы интересы испанцевъ и туземцевъ, и несмотря на это онъ все еще не могъ взять въ толкъ, почему распоряженія его возбудили сомнѣніе въ ихъ пригодности. Онъ неоднократно похвалялся тѣмъ, что туземцы вовсе не воинственный и не опасный народъ, что два десятка испанцевъ могли обратить въ бѣгство семь тысячъ туземцевъ, какъ значилось въ одномъ изъ его дописаній. Главные пункты выставленныхъ противъ

него обвиненій касались злодѣйствъ его не въ отношеніи туземцевъ, а въ отношеніи самихъ испанцевъ, и было бездоказательно считать испанскихъ поселенцевъ завоеванной націей. Если бы ему сказали, что и по отношенію къ нимъ не было установлено прочнаго управленія, то онъ бы никогда съ этимъ не согласился; а если бы ему доказали вѣрность такого положенія, то онъ болѣе всѣхъ оказался бы отвѣтственнымъ за отсутствіе правильно дѣйствующихъ законовъ. Далѣе онъ говоритъ: «Меня должны судить рыцари, сами одерживавшіе побѣды, дворяне, но не законовѣды». Фактъ состоялъ въ томъ, что дѣло его судили гidalго безъ числа и судъ этотъ закончился его позоромъ; такимъ образомъ, они лишались права защищать его передъ закономъ; да онъ и самъ признаетъ, что въ Пидіи не существуетъ «ни гражданскаго права, ни суда». А такъ какъ всѣ законы, ограждающіе жизнь и свободу, должны были исходить отъ него въ этой самой Пидіи, то этими словами онъ признаетъ несостоятельность собственныхъ охранительныхъ мѣропріятій. Есть что-то дѣтски непродуманное въ его предложеніи, чтобы его судили лица, находившіяся у него на жалованьи.

Разумѣется, необходимо оказать писавшему это письмо все то списхождение, какого заслуживаетъ человѣкъ въ его отчаянномъ и опальномъ положеніи. Въ дѣйствительности Смѣненіе его вѣры. Колумбъ замѣтно поддавался вліянію призрачныхъ мечтаній и заблужденій еще съ тѣхъ поръ, какъ поддерживавшая его сила великаго дѣла оставила его. Съ того самого момента, какъ онъ повернулъ своего мула по приказанію, посланному къ нему отъ имени Пзабеллы, великая цѣль обратилась въ тревожную жажду наживы, къ которой онъ постоянно примѣшивалъ даже участіе самого божества. Въ томъ же самомъ письмѣ онъ говоритъ, что передъ нимъ прошло видѣніе Рождества; Господь чудеснымъ образомъ предсталъ передъ нимъ и напомнилъ ему его обѣтъ накопить достаточное количество золота въ теченіе семи лѣтъ, чтобы предпринять крестовый походъ въ Іерусалимъ. Это видѣніе Божества подкрѣпило въ немъ увѣренность, что божественная сила озаботится объ этомъ. «Семь лѣтъ, которые тебѣ предстояло употребить на это дѣло, еще не прошли. Вѣруй въ меня и твое желаніе исполнится». Можно указать на нѣсколько подобныхъ случаевъ въ жизни Колумба и канонизаторы пользуются ими, какъ доказательствами высокаго упованія на Бога его преданнаго служителя; но, я думаю, едва-ли кто можетъ забыть неразлучныхъ спутниковъ всѣхъ подобныхъ откровеній. Самое большее, что мы можемъ допустить—это невѣроятныя проявленія сильно измученной совѣсти.

Глава XVIII.

Колумбъ снова въ Испаніи.

1500 — 1502.

Въ октябрѣ 1500 г., послѣ довольно благополучно совершеннаго путешествія корабли Виллехо съ плѣнникомъ въ кандалахъ вошли въ гавань Кадикса. Бобадилла осудилъ своего главнаго плѣнника, не изслѣдовавъ его дѣла и не давъ ему возможности сказать что-либо въ свое оправданіе; общественное мнѣніе также стремительно и безотчетно выразило свое сочувствіе, когда стало извѣстно, что Колумба привезли въ кандалахъ. Въ эту минуту Бобадилла не дали бы возможности къ безпристрастному разбору дѣла. Открыватель Новаго Свѣта, возвращающійся оттуда въ качествѣ разжалованнаго узника, представлялъ зрѣлище, съ которымъ не могло примириться общественное мнѣніе; умъ народа былъ еще полонъ воспоминаніями о дняхъ перваго возвращенія Колумба въ Палось, когда передъ глазами толпы прошелъ новый рядъ представленій изъ дѣйствительнаго міра. Этотъ общій взрывъ негодованія показалъ, — какъ не разъ прежде, такъ и послѣ, — что чувство справедливости въ людяхъ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе страстнаго аффекта, чѣмъ хладнокровнаго анализа. Этотъ пароксизмъ страстнаго негодованія, разумѣется, не могъ долго продолжаться — и прошелъ.

На пути, или вскорѣ послѣ возвращенія въ Испанію, Колумбъ написалъ письмо къ одной придворной дамѣ, которую обыкновенно принято называть нянею принца Хуана; письмо это мы разсмотрѣли уже въ предыдущей главѣ. Прежде чѣмъ бумаги по судебному слѣдствію, отправленныя Бобадиллой съ тѣми же кораблями, были доставлены испанскому двору, въ эту минуту находившемуся въ Алгамбрѣ, Колумбъ, благодаря снисхожденію Мартина, капитана корабля, послалъ съ особымъ гонцомъ уже извѣстное оправдательное письмо. Дама, къ которой обратился Колумбъ, была донья Хуана де-ла-Торре, — любимая подруга королевы, — съ которою оба сына адмирала, будучи пажами при королевѣ, видѣлись

1500 г.
Октябрь.
Колумбъ въ
Кадиксѣ.

Общественное
сочувствіе къ
адмиралу при
видѣ его
пленника.

Письмо Ко-
лумба къ ня-
не принца
Хуана.

ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Оригиналъ этого письма сталъ извѣстенъ съ давнихъ поръ. Ласказасъ списалъ его цѣликомъ въ своей «Historia». Наварретъ даетъ это письмо съ другого экземпляра, исправленнаго по оригиналу, сохранившемуся въ Генуѣ; Гарриссъ говоритъ, что въ письмѣ, находящемся въ Парижѣ, есть одно важное мѣсто, котораго нѣтъ въ письмѣ, находящемся въ Генуѣ.

Если его порывисто-безпорядочная аргументація плохо разсчитана, чтобы ввести въ заблужденіе безпристрастнаго историка, за то въ ней было достаточно огня, составлявшаго рѣзкій контрастъ съ общимъ тономъ горькаго смиренія, чтобы вызвать сочувствіе получившей его особы и королевы, которой письмо это, разумѣется, сейчасъ-же было показано. «Теперь я дошелъ до того, что нѣтъ достаточно низкаго человѣка, который не считалъ бы себя въ правѣ оскорбить меня»,— эти слова, почти съ первыхъ же строкъ, бросились имъ въ глаза. Читая далѣе письмо, они увидѣли передъ собою адмирала въ оковахъ. Весьма вѣроятно, слухи о вспыхнувшемъ негодованіи, которое изъ Кадикса пронеслось въ Севилью, изъ Севиллы въ другіе города, точно также письма кадикскаго алькада, которому былъ сданъ Колумбъ, и Виллехо, подъ стражей котораго онъ находился, усилили волненіе чувствъ этого маленькаго кружка монарховъ и доньи Хуаны. Принявъ во вниманіе быстрое распоряженіе государей немедленно освободить Колумба, сочувственное письмо, выражавшее негодованіе противъ недостойнаго обращенія съ нимъ, двѣ тысячи золотыхъ, выданныхъ ему для того, чтобы онъ могъ предстать ко Двору въ приличномъ видѣ и дружеское королевское приглашеніе,—принявъ всѣ эти вещи за чистую монету, безпристрастный наблюдатель по неволѣ теряетъ довѣріе къ оправданію Бобадиллы на основаніи тайныхъ инструкцій, будто бы данныхъ ему. Если же послѣдователь прослѣдитъ исторію этого факта и обратитъ вниманіе на послѣдующее, то онъ придетъ къ убѣжденію, что монархи, въ виду возрастающаго взрыва негодующей симпатіи общества, поспѣшили оправдать себя, взваливъ всю отвѣтственность на своего комиссара. Истиннаго положенія дѣла исторія никогда не узнаетъ.

*Государи
повелеваютъ
освободить
Колумба.*

Произошла потрясающая сцена, когда съ Колумба сняли кандалы и онъ впервые свидѣлся съ монархами 17 декабря 1500 года. Овiedo присутствовалъ при этомъ свиданіи; но мы находимъ больше подробностей въ разсказѣ Герреры, чѣмъ въ сжатомъ изложеніи «Historie». Гумбольдтъ думаетъ, что книга эта написана сыномъ адмирала. У автора не хватаетъ духу распространяться объ изліяніяхъ короля, такъ какъ изліянія эти плохо вязались, по понятію автора, съ почетнымъ пріемомъ, ожидавшемъ Бобадиллу и Ролдана, если бы послѣднимъ удалось спастись отъ разъяренныхъ волнъ, поглотившихъ ихъ во время бури. Волненіе встрѣчи съ Колумбомъ улеглось и было бы странно воображать, что корона откажется благосклонно принять этихъ отсутствующихъ слугъ своихъ.

*1500 г., 17
декабря.
Колумбъ
при Доорн.*

У Герреры мы находимъ описаніе трогательной сцены этого перваго свиданія, 17 декабря; королева разрыдалась, а взволнованный адмиралъ упалъ къ ея ногамъ. Когда Колумбъ былъ въ состояніи заговорить, онъ началъ отпираться отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя повели къ заключенію его въ тюрьму и повторилъ въ смиренныхъ выраженіяхъ свои оправданія. Онъ забылъ, что въ письмѣ, которое такъ сильно возбудило ихъ сочувствіе къ нему, онъ категорически заявлялъ о своемъ невѣдѣніи этихъ причинъ, и монархи также объ этомъ забыли. Свиданіе вызвало къ жизни наиболѣе чувствительныя стороны ихъ души и ими овладѣло волненіе при видѣ его. Они давали ему обѣщаній осыпать его щедротами и возвратить ему отнятое у него, но все это было только на словахъ и Гарриссъ не могъ найти письменныхъ обѣщаній подобнаго рода; только въ своихъ инструкціяхъ отъ 14 марта 1502 года они высказываютъ указанія, которыми онъ долженъ руководиться во время своей будущей экспедиціи. Къ адмиралу вернулась его прежняя самоувѣренность въ ихъ присутствіи. Ему всегда удавалось затрогивать въ личныхъ сношеніяхъ съ королевой извѣстныя струны ея души. Очевидно, онъ не потерялъ этой силы. И ему уже рисовалось въ воображеніи, какъ онъ возвратится торжествующій въ Санто-Доминго. Но это были пустыя мечтанія. Никогда болѣе ему не суждено было сдѣлаться вице-королемъ Индіи.

Безпорядки въ Эспаньолѣ только отчасти способствовали рѣшенію теперь же отрѣшить адмирала отъ должности наместника, по крайней мѣрѣ, на время, если не на всегда. Мы уже видѣли, какимъ образомъ испанское государство занялось

Колумба отрешаютъ отъ власти.

другими открытіями, воспользовавшись картами, присланными Колумбомъ въ Испанію. Открытія эти стали новымъ источникомъ даней, которой не слѣдовало упускать изъ виду. Притомъ другія государства не хотѣли отставать отъ Испаніи; португальскіе и англійскіе корабли позволяли себѣ заходить за неоспоримыя границы Испаніи, которыя были ею выговорены при заключеніи трактата въ Тордесильясѣ.

Португалія и Англія продолжали свои изысканія на сѣверѣ и на югѣ, разсчитывая на счастливый случай найти новыя области, которыя простирались бы достаточно далеко на востокъ, чтобы дать возможность отнести ихъ къ португальской сторонѣ демаркаціонной линіи. Португалія уже заявила, что

Другіе изслѣдователи въ американскихъ водахъ.

Кабраль нашелъ такую область подъ экваторомъ и къ югу отъ него. На португальскихъ картахъ того времени очень часто встрѣчается очертаніе восточнаго берега Бразиліи, отстоящаго на двадцать градусовъ слишкомъ къ югу отъ экватора.

Притязанія Португаліи.

13 мая 1501 года, новый португальскій флотъ изъ трехъ кораблей, подъ командою Гонцало Коэльо, отплылъ изъ Лиссабона для дальнѣйшаго изслѣдованія берега южной части Вера Крузъ, — такъ называлась теперь Южная Аме-

1501 г. 13 мая. Путешествіе Коэльо.

рика,—причемъ имѣлось въ виду узнать, нѣтъ ли возможности пройти этимъ путемъ къ Молуккскимъ островамъ. Въ іюнѣ у острововъ Зеленаго мыса флотъ этотъ встрѣтился съ судами Кабраля возвращавшимися изъ Индіи. Здѣсь-то переводчикъ Кабраля, Гаспаро, передалъ Веспуччи подробности объ открытіи Кабраля; флорентинецъ, по всей вѣроятности,—хотя утверждать этого нельзя никомъ образомъ,—находился въ этомъ флотѣ, плывшемъ за границу. Графъ Бальделли Бонни открылъ письмо,—но оно написано не рукою Веспуччи,—въ которомъ писавшій его сообщаетъ Пьеру Франциско де-Медичи результаты свѣдѣній, сообщенныхъ ему Кабралемъ; письмо помѣчено 4 іюня 1501 года. Варнгагенъ сомнѣвается въ подлинности этого письма. И дѣйствительно, взвѣсивъ всѣ доказательства, приводимыя за и противъ участія Веспуччи въ этомъ путешествіи, историкъ сомнѣвается, чтобы флорентинецъ былъ на кораблѣ, а Сантаремъ положительно увѣренъ, что его тамъ не было. Наварретъ думаетъ, что, быть можетъ, онъ занималъ въ этой экспедиціи какую-нибудь подчиненную должность. Гумбольдтъ удивляется заявленію Веспуччи, который все еще видѣлъ Большую Медвѣдью надъ горизонтомъ въ 32° къ югу, тогда какъ это созвѣздіе теряется изъ виду при 26°.

*Участвовалъ
ли Веспуччи
въ этомъ пу-
тешествіи?*

Несмотря на всѣ эти сомнѣнія, мы не можемъ обойти молчаніемъ другое письмо, написанное, какъ значится въ изданной копіи съ него, въ 1503 году, самимъ Веспуччи объ этомъ путешествіи; изъ этого письма мы узнаемъ, что корабль набѣжалъ на мысъ Св. Рока 17 августа 1501 года. 28 августа открыватели дошли до мыса, который называли мысомъ Св. Августина. 1 ноября они были въ Багайѣ. 3 апрѣля 1502 года, они дошли до 52° южной широты; тутъ сильная буря отнесла ихъ далеко отъ берега, повидимому, къ острову Георгія, откуда они поднялись къ берегамъ Африки и пришли въ Лиссабонъ 7 сентября 1502 года. Намъ неизвѣстно, какъ называлъ Веспуччи этотъ берегъ Южной Америки, такъ какъ итальянскій подлинникъ потерянъ, но въ компиляціи или переводѣ на латинскій языкъ «Mundus Novus» чувствуется присутствіе какого-то новаго открытія, не похожаго на пріятный Востокъ. Варнгагенъ убѣжденъ, что Веспуччи, въ противоположность Колумбу, получилъ въ умѣ представленіе о совершенно новыхъ странахъ земного шара. Впрочемъ, нѣтъ основанія полагать, что онъ былъ въ этомъ твердо убѣжденъ. Небольшая брошюра Веспуччи была написана простымъ популярнымъ языкомъ; въ 1504 и 1505 годахъ она вышла нѣсколькими изданіями на латинскомъ языкѣ въ Германіи и во Франціи, а затѣмъ была переведена на итальянскій, нѣмецкій и голландскій языки, такъ что слава Веспуччи разнеслась по всей Европѣ. Къ этому путешествію мы относимъ начало номенклатуры континентальнаго берега Южной Америки, который разрослся и воспроизводился на болѣе раннихъ картахъ, напр., въ 1504 г., на картѣ Лоренца Фриса.

*"Mundus
Novus"
Веспуччи.*

Полагали, что письмо отъ 12 августа 1507 года, сохраненное въ
Открытіи «Epistolarum familiarum libri duo» (1536 г.),
Веспуччи. касалось отпечатанной карты, на которой показаны от-
 крытія Веспуччи, простирающіяся до 10° къ югу. Карта эта, оче-

Mundus Novus

**De natura et moribus et ceteris idignis generis
 que in nouo mundo opera et impensis serenissimi
 portugallie regis superioribus annis inuento**

Albericus vespucius Laurentio petride medico Salutē plurimā dicit
 Up̄riorib⁹ diebus satis ample tibi scripsi de reditu meo ab no-
 uis illis regionib⁹ quas et classe et impensis et mandato istius
 serenissimi portugallie regis persequimur et inuenimus quasq⁹
 nouū mundū appellare licet Quando apud maiores nostros nulla de ip-
 sis fuerit habitatio cognita et audientib⁹ omnib⁹ sit nouissima res. Et cum hec
 opinio nostrorū antiquorū excedit et illos maior pars dicat ultra line-
 am equinoctialem et versus meridiem esse sitientē, sed mare om̄ quod
 ex lentici vocat et si qui eorū sitientē ibi esse affirmauerūt et dicerent
 habitabile multis rōnib⁹ negauerūt Sed hanc eorū opinionē esse falsā
 et veritati om̄o contrariam hec mea vltima nauigatio declarauit et in pa-
 rto illos meridianos sitientem inuenimus frequētib⁹ populis et aia-
 lib⁹ habitatis. Quā nostram Europam seu Asiam vel Africā cui sup̄ aerē
 magis sp̄atium et auiens. Quā quauis alia regione a nobis cognita prout
 inferius intelliges. vbi succūctetamū rez capita scribemus. et res dig-
 niores annotauimus et memora que a me vel vīse vel audite in hoc nouo
 mundo fuisse. vti infra patebit.

Postero cursu quartodecimo mēsis Maii Millesimo quingenta
 et simo primo recessimus ab Olyssippo mādāte p̄fato regē cli-
 trib⁹ nauib⁹ ad inquirendas nouas regiones et austrū U-
 gentimētib⁹ sitienter nauigauimus ad meridiē Cuius nauigatiois or-
 do talis est Nauigatio nostra fuit p̄ insulas fortunatas. sic olim dictas
 nūc autē appellātur insule magnę canarie. que sunt in terpe climate. et re-
 p̄antib⁹ habitatis occidentis Inde p̄ oceanū totū littus africa. et p̄tē ethi-
 opice curruis vīq⁹ ad promontoriū ethiopi. sic a p̄tolomeo dictū qd
 nūc a nostris appellat Caput viride. et ab ethiopiis Segabice. et regio
 illa mandinga gradib⁹ quatuordecim intra torridam zonam a linea e-
 quinoctiali versus Septentrionē q̄a nigris gētib⁹ et populis habitant
 vbi resumptis virib⁹ et necessariis nostre nauigationis et ceteris ancho-
 ras et repaudimus vela ventis. et nostrū iter p̄ vastissimū oceanū dirigē-
 tes versus antarctum pariter p̄ occidentē insisterimus p̄ ventum. qui
 Vulturinus dicit. et adiequa recessimus a dicto promontorio duā men-
 sum. et triū dierū sp̄acio nauigauimus ante q̄ vīla terra nobis appareret
 In ea autē maris vastitate quid passi fuimus q̄ naufragi pericula. et q⁹
 corporis incōmoda sustinuerimus q̄busq⁹ anxietatib⁹ animi laborauimus.
 et sitinationē eorū relinquo. qui multarū rerū experientia optime norūt
 qd sitinētia querere. et q̄ an si sitinētia querere vīdē. et vīno q̄b⁹
 vīueria p̄stringam scies qd ex dict⁹ sexaginta septem quib⁹ nauigau-
 imus p̄tinuōs Quadraginta quatuor habuim⁹ et pluuia. contritus et co-
 nūctationib⁹. itaq⁹ obtauros. vī neq⁹ solem in die neq⁹ serenum celū in nocte

«Mundus Novus», первая страница.

видно, неизвестна и подробности ея описанія не соотвѣтствуютъ
 картѣ Рюйша, — единственной картѣ, составленной, насколько извѣстно,
 ранѣе упомянутого письма. Быть можетъ, эта затерявшаяся карта,

должала свои открытія въ области, которую уже изслѣдовалъ Каботъ? Испанцы здѣсь опоздали. Монархи обратили свое вниманіе въ эту сторону и подумывали уже отправить корабли въ моря, «открытыя Себастьяномъ Каботомъ»; но были отвлечены отъ этой мысли, встревоженные не на шутку допесеніями отъ 6 мая 1500 г. о безпорядкахъ въ Эспаньолѣ. И такъ, въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ничего, хотя Наварретъ находитъ составленный планъ экспедиціи въ ту сторону подъ командою Хуана Дорнелоса и Охеды.

1500 г. Пред-
полагавшаяся
экспедиція
испанцевъ на
сѣверъ.

Если вѣрить рассказамъ объ изслѣдованіяхъ на сѣверѣ, произведенныхъ бретонцами и нормандцами, то они основали на побережьи Лабрадора поселеніе, по имени Брестъ, какъ разъ у входа въ проливъ Бель-Иль, на берегу залива, удержавшаго названіе Браторъ, данное ему въ 1500 году. Говорятъ, что до сихъ поръ сохранились слѣды ихъ жилищъ. Но нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о томъ, что было ими сдѣлано, относящихся къ тому времени. О движеніи португальцевъ у насъ имѣются такія данныя, хотя и помимо испанскихъ историковъ. Странно въ высшей степени, что Петеръ Мартиръ, постоянно живо интересовавшійся всѣми такими событіями, ни единымъ словомъ не обмолвился о путешествіяхъ португальцевъ; изъ испанскихъ авторовъ только у Гомары (1551 г.) мы находимъ ссылки на рассказы объ этихъ путешествіяхъ. Въ то же самое время у Гомары путаница въ хронологіи.

Бретонцы и
нормандцы на
сѣверъ.

Португалія упустила по своей винѣ дававшійся ей въ руки великолѣпный случай, оказавъ пренебреженіе Колумбу; но вотъ она наконецъ нашла утраченное въ Васко Да-Гамѣ. Теперь она только поджидала удобной минуты, чтобы наверстать свое движеніе по южному пути и сравнить его съ западнымъ, или скорѣе съ сѣвернымъ, во что бы то ни стало, въ такомъ направленіи, которое бы послужило оправданіемъ ея скрытыхъ усилій нарушить договоръ, заключенный ею съ Испаніей вслѣдъ за Демаркаціонной буллою. Кстати для ея цѣлей, въ Лиссабонѣ пришло извѣстіе объ успѣхахъ экспедицій Кабота и являлась вѣроятность предположить на сѣверѣ существованіе острововъ и промежуточныхъ путей, схожихъ по очертаніямъ съ тѣми, которые уже были открыты испанцами болѣе къ югу. По всѣмъ даннымъ, Каботъ встрѣтилъ подобную землю на португальской сторонѣ отъ линіи раздѣла по Тордесильяскому трактату.

Путешествіе
Да-Гамы.

У короля Эммануила былъ вассаль, Гаспаръ Кортереаль, которому въ это время было около пятидесяти лѣтъ; въ былые годы онъ водилъ океанійскія экспедиціи, хотя нѣтъ историческихъ свѣдѣній о ихъ результатахъ. Высказывалось предположеніе, что Колумбъ зналъ его, но достоверно ничего неизвѣстно. Какъ бы то ни было, среди тревогъ, осаждавшихъ Колумба въ Эспаньолѣ, когда онъ былъ брошенъ, скованный, въ тюрьму, лѣтомъ 1500 г., ему было некогда вспоминать о какомъ-то сѣверномъ конкурентѣ, хотя

1500 г.
Гаспаръ
Кортереаль.

Quitance écrite et signée par Gaspar
Corte-Real, à Lisbonne, le 21 avril 1501

Yo Gaspar Corte-Real, de almorax, primo de
nuestro señor, de los quales en el descubrimiento de
de nuevo que de mi descubrimiento, aver de
sabido, de lo que
Gaspar Corte-Real

Рукопись Гаспара Кортуреала.
(Изъ монографии Гарнсеа «Cortezal, Postscriptum», 1883 г.).

появленія Охеды и Пинзона на островѣ были дурнымъ предзнаменованіемъ. Какъ разъ въ это время Кортереаль отплылъ изъ Португаліи на сѣверо-западъ. Онъ открылъ Лабрадорскую землю (Terra do Labrador—земля работы), которую называлъ этимъ именемъ, повидимому, вслѣдствіе предположенія, что ея аборигены съ удобствомъ увеличатъ невольничій трудъ въ Португаліи. Чтобы продолжать свои

1501 г.
Гаспаръ
Кортереаль
опять отплы-
ваетъ въ
Индію.

развѣдки, Гаспаръ снова вышелъ въ море съ тремя кораблями, 15 мая 1501 года — дата эта показана Даміаномъ де-Гозъ. Гарриссъ не вполне довѣряетъ ей; 21 апрѣля 1501 года Гаспаръ все еще находился въ портѣ. Кортереаль сталъ держать курсъ немного болѣе къ западу; онъ подошелъ къ берегу, пройдя, какъ онъ вычислилъ, двѣ тысячи миль далѣе. Береговая линія, повидимому, тянулась бесконечно. Рѣки были очень велики и Кортереаль заключилъ, что это была несомнѣнно поверхность материка. Путешественники увидали въ рукахъ у нѣсколькихъ туземцевъ, которыхъ они здѣсь встрѣтили, сломанный мечъ и пару серебряныхъ сережекъ, очевидно, итальянской работы. Этимъ какъ бы намекается, что они очутились посреди племенъ, встрѣченныхъ уже Каботомъ во время его второго путешествія, если только эти предметы не указываютъ на болѣе раннихъ посѣтителей. Кортереаль открылъ также въ высокой широтѣ область, названную имъ Terra Verde—Зеленою Землей. Два судна вернулись благополучно и привезли въ Португалію нѣсколько человѣкъ туземцевъ; повидимому, главною цѣлью изслѣдователей было именно желаніе захватить этихъ несчастныхъ, чтобы оправдать названіе данное новооткрытой землѣ. Третій корабль, на которомъ находился и Гаспаръ, пропалъ безъ вѣсти.

Случилось, что Пасквалиго, венеціанскій посланникъ въ Лиссабонѣ, въ письмѣ, написанномъ изъ Лиссабона отъ 19 октября 1501 года, сообщалъ о возвращеніи перваго изъ этихъ судовъ; вотъ изъ этого письма, вошедшаго въ составъ хорошо извѣстнаго труда «*Raesi nuovamente ritrovati*» (Виченца, 1507 г.), мы заимствуемъ немногія данныя объ этихъ путешествіяхъ. По счастію, свѣдѣнія эти пополнились Гарриссомъ, который отыскалъ въ архивѣ Модены письмо, помѣченное 7 октября 1501 года; въ немъ нѣкто Альберто Кантино рассказываетъ, что онъ слышалъ, какъ капитанъ судна, пришедшаго вторымъ, рассказалъ всю исторію королю. При письмѣ этомъ, адресованномъ къ герцогу Феррарѣ, была приложена карта новыхъ открытій. Этотъ картографическій мемуаръ былъ уже извѣстенъ нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ Гарриссъ воспроизвелъ его въ большемъ масштабѣ. Эта карта показываетъ, что открыватели думали, или дѣлали видъ, что думаютъ, будто новооткрытыя области лежали къ западу отъ Ирландіи, на полпути отъ береговъ Америки. Доказать, что они дѣлали только видъ, что знаютъ, вовсе того не вѣдая, будто эти земли лежатъ на востокѣ отъ ихъ пограничной линіи—невозможно; но усомниться въ ихъ честности, вѣроятно,

Оригинальные
источники
экспедицій
Кортереаля.

были какія-нибудь основанія, заставившія Роберта Торна, изъ Бристоля, говорить о цѣли, съ какою португальцы поддѣлывали свои географическія карты. Поддѣлки эти не ограничивались ^{Обыкновеніе португальцевъ скрывать свои соопы.} одними картами. Пискались переводы, извращался смыслъ разсказовъ. Биддль въ своемъ трудѣ «Life of Cabot» указываетъ на рѣзкій примѣръ подобнаго извращенія,—простому раз-

*Quittance écrite et signée par Miguel
Corte-Real, à Malaga, le 7 août 1501.*

Рукопись Мигуэля Кортереаля.
(Изъ монографіи Гаррисса «Cortereal, Postscriptum»).

сказу Пасквалиго приданъ такой смыслъ, изъ котораго можно вывести заключеніе, что туземцы съ давнихъ поръ были знакомы съ итальянскими товарами, а, слѣдовательно, итальянцы уже ранѣе посѣщали эту область; Биддль полагалъ, что эту идею впоследствии отстаивалъ Дзени въ своемъ повѣствованіи съ такимъ искусствомъ, что многіе авторы поддались обману. Мы скоро вернемся къ картѣ Кантино.

Лѣтомъ 1501 года Мигуэль Кортереаль предпринялъ <sup>1501 г.
Мигуэль
Кортереаль.</sup> путешествие, связанное съ цѣлою серіей сѣверо-западныхъ путешествій; Гарриссъ того мнѣнія, что Мигуэль Кортереаль совсѣмъ не былъ въ Новомъ Свѣтѣ, а путешествие его имѣло цѣлю островъ Великаго Турка. Кортереаль вернулся оттуда 4 ноября 1501 г.

10 мая 1502 года, Мигуэль Кортереаль вышелъ въ море снова отыскивать пропавшаго Гаспара Кортереаля, держа курсъ на сѣверо-западъ. Съ нимъ было два или три корабля. Путешественники нашли тотъ же берегъ, что и раньше, обыскали его безуспѣшно и вернулись снова безъ командира: корабль Мигуэля отсталъ отъ другихъ кораблей и пропалъ безъ вѣсти.

1501 г.
Мигуэль
Кортереаль
снова уходитъ
въ море.

Стремленія португальцевъ въ этомъ направленіи не прекратились; область, которую они нанесли на карту, вскорѣ на ихъ картахъ получила названіе: «Земля Кортереаля» — *Terre des Cortereal*, или «*Terra dos Cortereals*», или въ латинскомъ переводѣ Сильвануса — «*Regalis Domus*». Однако, всѣ эти обстоятельства имѣютъ мало связи съ позднѣйшей исторіей, за исключеніемъ, быть можетъ, того, что на многихъ картахъ послѣдней половины шестнадцатаго столѣтія мы встрѣчаемъ смутное представленіе о фантастическомъ Аніанскомъ проливѣ. Никѣмъ еще не указано вполне точно, откуда явилось названіе или идея подобнаго пролива. Пыные думаютъ, что проливъ этотъ произошелъ изъ «Аніи» Марко Поло, находившейся, какъ полагали, на сѣверѣ. По мнѣнію же Наваррета, Гумбольдта и другихъ авторовъ, Аніанскій проливъ получилъ свое происхожденіе изъ вышеописанныхъ путешествій Кортереалей; Гумбольдтъ полагаетъ, что въ это время входъ въ Гудзоновъ заливъ, при 60° сѣверной широты, принимали за начало какой-то сухопутной дороги, которая вела невѣдомо куда. Первоначально названіе это не было связано со всѣми позднѣйшими представленіями о королевствѣ или «гегниш» аніянъ, какъ оно обозначалось по латыни. Главный городъ этого королевства — Квивира, появляется не ранѣе второй половины шестнадцатаго столѣтія, да и тогда не было вполне выяснено съ космографической точки зрѣнія, не слѣдовало-ли скорѣе отнести къ Азіи все это великолѣпіе. Этотъ мнимый проливъ въ продолженіе долгаго періода времени помѣщали вдоль параллелей широтъ гдѣ-нибудь въ сѣверныхъ областяхъ Нового Свѣта, послѣ того, какъ за Америкой было признано самостоятельное существованіе, по крайней мѣрѣ, къ югу отъ полярныхъ областей. Затѣмъ направленіе пролива вдругъ измѣнили — онъ сталъ пересѣкать параллели, какъ бы заранее давая изображеніе открытаго въ послѣдствіи Берингова пролива; это рѣзко выражено на картахъ Дзалтеріуса (1566 г.) и Меркатора (1569 г.) и на картахъ, которыя представляютъ подражанія картамъ этихъ лучшихъ картографовъ.

Потребовалось тридцать лѣтъ прежде, чѣмъ открытія Кортереаля сдѣлались достояніемъ испанскихъ картографовъ. Происхожденіе дала-ли такая отсталость въ понятіяхъ влѣдствіе недостаточности необходимыхъ свѣдѣній, забывчивости, или же просто влѣдствіе героическаго упорства, продолжавшаго игнорировать все то, что составляло не ихъ національную гордость, — вопросъ этотъ находитъ себѣ объясненіе въ характерѣ испанцевъ. Однако, повиди-

Испанскія
географическія
карты.

тому, одинъ итальянскій дворянинъ заинтересовался этими открытіями настолько, что сталъ доискиваться необходимыхъ свѣдѣній, какъ мы это видимъ изъ карты Кантино; тѣмъ не менѣе, открытія эти ускользнули даже отъ вниманія Рюйша въ 1508 году. Только въ 1511 году, когда Сильванусъ выпустилъ свое изданіе Птолемея, на гравированной картѣ появились нѣкоторые признаки вышеупомянутыхъ экспедицій Кортереала.

*Карты
открытій
Кортереала.*

Карта Кантино.

Прошло не много лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ ученымъ, занимающимся изслѣдованіемъ этихъ картографическихъ областей, былъ впервые данъ свободный доступъ къ изученію карты Кантино. Послѣ карты Ла-Козы карта Кантино самая интересная изъ всѣхъ первыхъ картъ береговъ Америки, показывающая постепенное расширеніе ихъ очертаній въ продолженіе десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за первымъ путешествіемъ Колумба.

*Карта
Кантино.
1502 г.*

Эта карта интересна, главнымъ образомъ, съ трехъ сторонъ. Во первыхъ, составитель карты, очевидно, имѣлъ въ виду, посылая ее въ

1502 году къ своему корреспонденту въ Италію, показать наглядно, что берега, которые португальцы изслѣдовали на сѣверо-западѣ Атлантики, настолько выдвигались къ востоку, что вышли на португальскую сторону демаркаціонной линіи. Однако, повидимому, сами португальцы считали, что, поступая такимъ образомъ, они только приближаются къ Азіи, такъ какъ полуостровъ къ сѣверу отъ этихъ областей названъ «мысомъ Азіи». Вообще по понятіямъ географовъ того времени Гренландія считалась продолженіемъ сѣверной Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшено окончательно, что «Тегга Верде» (Зеленая Земля) Кортереала и Гренландія, — одноименная область въ древнескандинавскихъ сагахъ, — одна и та же страна.

Во вторыхъ, повидимому, есть связь между этой географической картой и географическими картами, которыя явились прямыми или косвенными результатами путешествій Колумба. Колумбъ составилъ карту своего пути черезъ заливъ «Парія» и отправилъ ее въ Испанію, а Охеда, съ помощью этой карты, прошелъ въ ту же самую область. Намъ извѣстно изъ письма Анджело Тривиджіано, секретаря венеціанскаго посла въ Испанію, отпущеннаго имъ изъ Гренады отъ 21 августа 1501 года къ Доменико Малиньеро, что въ это время Колумбъ, сѣмѣвшій пріобрѣсти расположеніе автора письма, жилъ безъ всякихъ средствъ, въ большой нуждѣ и немилости у испанскаго двора. Авторъ упомянутого письма говоритъ о ходатайствѣ передъ Петеромъ Мартиромъ относительно описанія имъ путешествій Колумба и о просьбѣ, обращенной къ самому Колумбу, относительно полученія копій его собственныхъ писемъ къ государямъ, отданныхъ ему, а также географической карты новыхъ открытій, составленной по собственной картѣ адмирала; переговоры эти Анджело Тривиджіано велъ съ Колумбомъ въ Гренадѣ.

Тривиджіано написалъ три письма, но ихъ нѣтъ въ подлинникѣ. Въ 1752 году Фоскарини пользовался ими для своего труда «Della Letteratura veneziana»; онъ говоритъ, что нашелъ эти письма въ библіотекѣ Іакопо Соранцо; но Гарриссу не удалось сыскать ни подлинныхъ писемъ, ни копій, снятыхъ Фоскарини, поэтому онъ даетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны у Цурлы — цѣлкомъ или въ извлеченіи.

До насъ дошла, повидимому, только часть этихъ писемъ и остается только пожалѣть объ уtratѣ остального текста. Тривиджіано выражаетъ надежду, что карта будетъ исполнена превосходно, въ большомъ масштабѣ, чтобы дать вполнѣ ясное и подробное представленіе о новооткрытыхъ земляхъ. Онъ упоминаетъ о случайной задержкѣ вслѣдствіе того, что эту карту для выполненія приходится посылать въ Палось, такъ какъ только тамъ можно найти лицъ, способныхъ исполнить такую работу.

Въ настоящее время неизвѣстно ни одного экземпляра той карты,

что была изготовлена для Малиньеро. По мнѣнію Гаррисса, если таковая когда-нибудь отыщется, то она, весьма вѣроятно, будетъ похожа на карту Кантино, за исключеніемъ открытій Кортереала, которыхъ не будетъ на ней. Тотъ же историческій критикъ замѣчаетъ, что, судя по указаніямъ карты Кантино, составитель ея при нанесеніи области вокругъ залива Парія, работалъ либо по картѣ Колумба, либо по какой-нибудь копіи съ нея, такъ какъ его свѣдѣнія объ этой области представляются болѣе точными, чѣмъ свѣдѣнія Ла-Козы по тому же предмету.

Въ третьихъ, на картѣ Кантино есть одно интересное мѣсто, дающее поводъ къ противоположнымъ толкованіямъ, — Что представляется собою берегъ изъ свѣту отъ Кубы. именно относительно берега, который на сѣверѣ дополняетъ островъ Кубу; на первый взглядъ его безъ колебаній принимаютъ за Атлантическое побережье Соединенныхъ Штатовъ выше Флориды. Но такъ-ли это? Едва-ли у тогдашнихъ картографовъ были какія-нибудь данныя, кромѣ догадокъ, по этому вопросу.

Письмо Насквалиго, посланное изъ Лиссабона 18 октября 1501 года, и найденное фонъ-Ранке въ Венеціи, въ дневникѣ Марино Сануто, — дневникъ этотъ есть текущая хроника событій, начиная отъ 1496 года, — по объясненію Гумбольдта, показываетъ, что въ эту эпоху португальцамъ, интересовавшимся морскими новостями, было извѣстно, что континентальная береговая полоса соединяла испанскія открытія въ Антильскомъ морѣ съ открытіями португальцевъ на сѣверѣ. Гарриссъ сомнѣвается въ вѣрности этого объясненія и полагаетъ, что это было не знаніе, какъ думаетъ Гумбольдтъ, а только догадка. Если карта Кантино является результатомъ этого знанія, то, очевидно, на ней слишкомъ удалены области, открытыя Кортереалемъ, чтобы установить такое соотношеніе. Разумѣется, возможно, что въ этомъ случаѣ карта представляетъ поддѣлку, такъ какъ имѣлось въ виду, чтобы демаркаціонная линія служила интересамъ Португаліи; такая поддѣлка весьма вѣроятна.

Мы должны вспомнить, что на картѣ Ла-Козы безъ малѣйшихъ колебаній Антильскіе острова отнесены къ берегамъ Азіи, а область, открытая Каботомъ, — къ побережью Китая. Следовательно, существуетъ громадная разница между картами Ла-Козы и Кантино относительно этой области, лежащей къ сѣверу отъ Кубы. Въ эти два или три года (1500—1502) случилось нѣчто такое, что, повидимому, возбудило подозрѣніе, что, можетъ быть, эта континентальная линія совсѣмъ не относится къ Азіи, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ очертанія, которое ей придавали согласно теоріи азіатскихъ береговъ. Интересно было бы узнать, кто первый сообщилъ это указаніе. Ужъ не былъ-ли этотъ берегъ на картѣ Кантино побережьемъ Юкатана, изображеннымъ не на своемъ мѣстѣ, — догадывались нѣкоторые. Но такая догадка заключаетъ въ себѣ признаніе

*Разногласіе
въ картѣ
Ла-Козы и
Кантино.*

какой-нибудь экспедиціи на побережье Юкатана, а намъ ничего неизвѣстно о подобной экспедиціи. Не былъ-ли это результатъ одного изъ путешествій Веспуччи и не правъ-ли былъ Варнгагенъ, отмѣтивъ путь этого мореплавателя выше восточнаго берега Флориды? Или, можетъ быть, указаніе это было занесено какими-нибудь контрабандными испанскими моряками, которые посягали на принадлежавшія адмиралу права,—мы знаемъ, что Колумбъ жаловался на такихъ непрошенныхъ посѣтителей его морей, — а можетъ быть, тѣмъ, кому онъ рѣшился окончательно уступить привилегію на изслѣдованія? Не было-ли это открытіемъ того англійскаго изслѣдователя, котораго описываетъ Охеда въ 1501 году, жалуясь на то, что нѣсколько лѣтъ назадъ въ этихъ областяхъ уже успѣли побывать люди англійской націи? Не было-ли это открытіемъ кого-либо изъ тѣхъ лицъ, противъ которыхъ былъ изданъ запретительный королевскій указъ католическими королями, 3 сентября 1501 года? Не былъ-ли это результатъ смутнаго сообщенія, полученнаго отъ индійцевъ съ Лукайскихъ острововъ, относительно земли Бимини, лежащей далеко оттуда? Восемь или девять лѣтъ спустя, Петеръ Мартиръ допускалъ послѣднее предположеніе, какъ видно изъ карты, опубликованной имъ въ 1511 году; рассказы объ источникѣ молодости въ областяхъ, лежащихъ въ этомъ направленіи, ходили, по словамъ Мартира, уже тогда. Въ промежуткѣ отъ появленія карты Ла-Розы въ 1500 году и упомянутой карты Мартира въ 1511 году, повидимому, не имѣется испанскихъ картъ, свидѣтельствующихъ о какомъ-либо знакомствѣ испанцевъ съ такимъ сѣвернымъ побережьемъ.

На этой картѣ отъ 1511 года есть самое смутное указаніе того, что было извѣстно испанцамъ о Флоридѣ; по мнѣнію Бреворта, рѣдкость этой карты объясняется именно этимъ указаніемъ берега, такъ какъ испанцы строго слѣдили за всѣми картографическими извѣстіями объ открытіяхъ, сдѣланныхъ ея изслѣдователями.

*Карта
Петера
Мартира,
1511 г.*

Если мы признаемъ, что на картѣ Кантино показанъ берегъ Соединенныхъ Штатовъ, то, очевидно, карта эта по своимъ очертаніямъ ближе подходитъ къ источнику географическихъ открытій на нѣсколько лѣтъ, чѣмъ карты, извѣстныя съ давнихъ поръ новѣйшимъ ученымъ, каковы: карта Вальдземюллера 1508 года, карта Стобничи 1512 года, карта Рейша 1515 года и, такъ называемая, карта адмирала 1513 года; всѣ эти карты несомнѣнно произошли изъ одного и того же источника, какъ и карта Кантино. Что же это за источникъ? Есть нѣкоторое основаніе предположить, что источникъ картографическихъ свѣдѣній слѣдуетъ искать въ описаніяхъ португальцевъ скорѣе, чѣмъ въ описаніяхъ мореходовъ другихъ странъ. Такое мнѣніе согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно о дружескихъ отношеніяхъ между Португаліей и герцогомъ Ренэ, подъ покровительствомъ котораго работалъ Вальдземюллеръ. Такимъ образомъ

оказывается, что въ то время, какъ Испанія мѣшала распространенію въ Европѣ географическихъ познаній путемъ картъ, Португалія такъ энергично способствовала успѣхамъ географической науки, что уже задолго до этого Европа ознакомилась съ космографическими идеями, получившими начало въ Португаліи, благодаря изданіямъ трудовъ Птолемея и другихъ авторовъ центральной и южной Европы.

Раньше уже говорилось нами, что Гумбольдтъ въ «*Examen Critique*» (IV. 262) ссылается на письмо, которое показываетъ, что въ октябрѣ 1501 г. португальцамъ уже стало извѣстно,—или у нихъ только явилась догадка,—что побережье Антильской области непрерывно тянулось на сѣверъ и тамъ соединилось съ снѣжными берегами сѣверныхъ новооткрытыхъ земель. Поэтому, кажется, составитель карты Кантино почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ португальскаго источника, въ видѣ догадки, если не въ видѣ факта. Также упоминалось и о рѣшеніи этого вопроса Гаррисомъ; этотъ ученый принимаетъ письмо, найденное фонъ-Ранке, и письмо, отправленное Пасквалигой въ Венецію относительно путешествій Кортереала,—за одинъ и тотъ-же документъ, полагая, что португальцы въ эту эпоху догадывались, а вовсе не знали о фактѣ соотношенія между западными и сѣверными открытіями.

Какъ мы уже видѣли, прямая трудность картографической задачи, которую пытались разрѣшить португальцы, состояла въ томъ, чтобы не дать замѣтить нарушенія ими Тордесильяесскаго соглашенія, когда они завладѣли новою областью. Мы уже говорили, что трудно отыскать связь береговой линіи восточной Флориды съ этими указаніями крайняго положенія португальцевъ на востокѣ, которые отмѣчены на картѣ Кантино и аналогичныхъ съ нею картахъ Ньюфундлэндской области. На картахъ между этими предѣлами существуетъ открытое океанійское пространство, а между тѣмъ, судя по описаніямъ, береговая линія должна бы продолжаться непрерывно.

И такъ, мы указали на возможные раздѣленія этого континентальнаго берега выше Флориды. Надо признаться, что истинны допущенія въ данномъ случаѣ въ высшей степени трудно и, можетъ быть, пройдетъ много времени прежде, чѣмъ мы, наконецъ, узнаемъ,—если только это удастся узнать когда-нибудь,—чья рука начертила этотъ берегъ въ томъ видѣ, какъ онъ показанъ на картѣ Кантино.

Помимо карты Кантино, есть еще и другія доказательства, что португальцы побывали во Флоридѣ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія; Лелеуэль пытался представить ихъ открытія, от-
Была-ли известна береговая линія Флориды?
 носившіяся къ отдѣльнымъ датамъ, на гадательной картѣ, которую онъ отмѣчаетъ 1501—1504 годами и которая похожа на карту Птолемея 1513 года. Эта гадательная картографія находитъ значительную поддержку въ картѣ Кантино.

Существуетъ теорія, которая нѣкоторыми учеными принимается за рѣшеніе вопроса, не требуя при этомъ признанія за португальцами

какихъ бы то ни было свѣдѣній о подобной землѣ — тайныхъ или явныхъ.

Бревоортъ въ своемъ «Verrazano» уже выказалъ готовность признать мнѣніе, на которое Стевенсъ обратилъ особое вниманіе въ своемъ «Schöner»; мнѣніе это было повторено Кутомъ, когда онъ редактировалъ изданіе этого посмертнаго труда.

Этотъ берегъ на картѣ Кантино есть очертаніе Кубы въ дубликатѣ. По убѣжденію Стевенса, Окампо впервые съ достовѣрностью открылъ этотъ берегъ въ 1508 году; а Понсе-де-Леонъ въ 1513 году признанъ фактически первымъ его открывателемъ.

Теорія Стевенса заключается въ томъ, что эта мнимая Флорида произошла изъ ошибочнаго представленія португальцами о первыхъ двухъ путешествіяхъ Колумба, такъ какъ португальцы думали, что Колумбъ подходилъ къ берегамъ двухъ различныхъ областей, а не къ различнымъ сторонамъ одной и той же области, какъ это было на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно, то, что другіе авторы принимаютъ за раннее знакомство съ Флоридой и верхними берегами ея, есть просто дубликатъ Кубы, чтобы наглядно выразить представленіе португальцевъ. Не объяснено только, какъ могло возникнуть такое непониманіе весьма наглядныхъ истинъ, или какимъ образомъ берегъ, простирающійся такъ далеко на сѣверъ и югъ, могъ быть смѣшанъ съ берегомъ, который тянется подъ прямыми углами на весьма короткое разстояніе.

Стевенсъ изображаетъ вліяніе своей такъ называемой «ложной Кубы» въ цѣлой серіи картъ, основанныхъ на представленіяхъ португальцевъ — а именно, карты Вальдземюллера (1513), Стобиниша (1512), Шенера (1515 — 1520), Рейша (1515), Бордоне (1528), Соллиуса (1520), Фриса (1522) и Гринуса (1532 — по всей вѣроятности, карта эта сдѣлана ранѣе); противоположное вліяніе испанцевъ, ближе подходившее къ истинѣ, выразилось въ картахъ Рюйша (1507—1508) и Петера Мартира (1511 г.).

Такой взглядъ на интересующій насъ вопросъ при настоящихъ нашихъ знаніяхъ нельзя ни легкомысленно отвергнуть, ни признать безапелляціонно. Мы должны ожидать отъ будущихъ изслѣдованій окончательнаго его рѣшенія.

Дѣйствительно, вслѣдствіе ошибочной идеи, что этотъ берегъ былъ берегомъ Азіи и что Куба была частью Азіи, названія, данныя Колумбомъ сѣверному берегу его мнимаго полуострова Кубы, переносились на карты; но это доказываетъ только ошибку въ названіяхъ, а вовсе не установленіе новаго берега. Одно время эта континентальная земля была отодвинута вверхъ на картахъ по такому меридіану, что тайна ея западныхъ границъ терялась и ее можно было принять за отрѣзокъ Азіи. Затѣмъ, она изображалась въ сторонѣ, съ очертаніями сѣверной и западной линій, но по ту сторону Азіи, словно она не была частью послѣдней; такое очертаніе удержалось даже и тогда,

когда явилось раздѣленіе географическаго понятія о Сѣверной Америкѣ и объ Азіи.

Изъ того, что Куба на картахъ Кантино и Ла-Козы представлена въ видѣ острова, нѣкоторые авторы предположили, что не всѣ современники Колумба раздѣляли его мнѣніе, что Куба—Куба—островъ. полуостровъ. Уже изъ того безумнаго поступка, когда адмиралъ, подъ условіемъ строгаго наказанія, заставилъ свой экипажъ поклясться, что Куба была частью материка, ясно видно, что онъ не ожидалъ убѣдить другихъ космографовъ своими увѣреніями. Если согласиться съ мнѣніемъ Варнгагена, что Веспуччи въ своемъ путешествіи (1497 года), обогнулъ Мексиканскій заливъ, то окажется, что уже въ то время узнали, что Куба — островъ; но, по мнѣнію Генри Стенсона, какъ уже было упомянуто, зеленое очертаніе западныхъ частей Кубы на картѣ Ла-Козы есть только условное указаніе неизвѣстнаго берега. Слѣдовательно, это не показываетъ, что Кубу считали островомъ. Предположивъ, что у португальцевъ былъ тотъ же способъ изображать неизвѣстные берега, мы найдемъ, что Куба была безспорно признана островомъ въ 1502 году, такъ какъ на картѣ Кантино нѣтъ условной окраски берега. Кромѣ того, на картѣ Кантино изображеніе Кубы очень похоже на изображеніе ея на картѣ Ла-Козы, слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Куба была начерчена съ одного и того же образца. Если только составитель карты Кантино подражалъ картѣ Ла-Козы, или копировалъ съ этой карты, или вообще пользовался матеріалами, послужившими для карты Ла-Козы, то нѣтъ возможности доказать, чтобы вышеупомянутый составитель подозрѣвалъ, что Куба—полуостровъ.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Испаніи, Колумбъ,—въ часы пренебреженія къ нему бесполезно стараясь обратить вниманіе на свои просьбы о признаніи дарованныхъ ему правъ,—никогда не могъ понять всего значенія энергическихъ усилій португальцевъ предупредить его собственныя стремленія отыскать западный путь черезъ Золотой Херсонесъ; но предпріятія Мендозы, Кристобаля Гверры и другихъ подданныхъ Испаніи не исполнили ускользнули отъ его вниманія.

Въ октябрѣ 1500 года, прежде чѣмъ Колумбъ узналъ, какой пріемъ ожидалъ его въ Испаніи, Родриго де-Бастидасъ, въ сопровожденіи Ла-Козы и Васко Нуньеса Бальбоа, отплылъ изъ Кадикса въ экспедицію, имѣвшую цѣлью обезпечить за испанскимъ государствомъ четвертую часть прибылей и осмотрѣть береговую линію по ту сторону залива Венецуэлы; надо было убѣдиться, что за этимъ заливомъ не существовало пролива въ открытое море. Оба судна шли вдоль берега къ Номбре де-Диосъ, а затѣмъ у самой узкой части перешейка мореплаватели повернули назадъ, не подозрѣвая, какъ близко они находились къ желанному морю. Судакъ оказался непригоднымъ для дальнѣйшаго плаванія вследствие

*Колумбъ
видитъ,
какъ другіе
даннымаются
испытаніямъ.*

*1500 г.
октябрь.
Экспедиція
Бастидаса.*

того, что червоточина испортила ихъ подводную часть, и вотъ они отыскали гавань въ Эспаньолѣ, близъ которой суда ихъ потонули, послѣ того какъ имъ удалось спасти часть своего груза. Впослѣдствіи это дало основаніе Бобадиллѣ арестовать командира экспедиціи за недозволенную торговлю съ туземцами. Но тутъ, очевидно, былъ просто обмѣнъ бездѣлушекъ за съѣстные припасы, когда Бастидасу пришлось вести своихъ людей по сухому пути къ испанскимъ поселеніямъ.

Въ 1501—1502 гг., находясь въ этой экспедиціи съ Бастидасомъ, *Португальцы и англичане въ этихъ областяхъ.* Ла-Роза доноситъ, что онъ видѣлъ португальцевъ, заходившихъ въ карибскія и мексиканскія воды, съ цѣлью отыскать путь въ Калькуту. Ла-Роза, посланный въ Лиссабонъ съ замѣчаніемъ по поводу этого нарушенія Тордесильяскаго договора, былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму; онъ просидѣлъ въ ней до августа 1504 года.

Въ 1499 году, какъ мы видѣли, Охеда встрѣтилъ англійскія суда, или слышалъ о нихъ на берегу Терра-Фирма (Континентальная земля); по крайней мѣрѣ, онъ заявилъ объ этомъ. Испанское правительство, опасаясь, что эти англичане являлись лишь предвѣстниками другихъ изслѣдователей, которые, пожалуй, захотятъ завладѣть берегомъ, рѣшило помѣшать этому и, если удастся, занять это побережье. Охедѣ были даны полномочія устроить тамъ колонію, если онъ можетъ это сдѣлать, не вводя *1502 годъ январь. Путешествіе Охеды.* рону въ расходы, что отнимало часть его прибылей. Ему помогли Хуанъ де-Вегара и Гарсія де-Окампо и вмѣстѣ съ ними онъ отправился на четырехъ судахъ изъ Кадикса въ январѣ 1502 года, въ то самое время, когда Колумбъ готовилъ свой собственный маленькій флотъ для своего послѣдняго путешествія. Однако, экспедиція Охеды потерпѣла неудачу. Туземцы возстали всѣ, какъ одинъ человекъ, у экинажа изсякъ провіантъ, вожаки экспедиціи перессорились между собою и соучастники Охеды, сговорившись между собою, взяли верхъ надъ нимъ (1502 г. май) и отослали его плѣнникомъ въ Эспаньолу, куда онъ прибылъ въ сентябрѣ 1502 года.

Никогда не было выяснено вполне опредѣленно, кто такіе были эти англичане и съ какими цѣлями они заходили туда въ началѣ шестнадцатаго вѣка. Есть историческое свидѣтельство, что Генрихъ VII около этого времени разрѣшилъ своимъ подданнымъ вступитъ въ долю съ португальцами по какимъ-то рискованнымъ предпріятіямъ, но намъ ничего неизвѣстно объ областяхъ, которыя они посѣтили; только въ отчетѣ объ издержкахъ, изъ личныхъ суммъ короля показано, что нѣсколькимъ брпстольцамъ было выдано денежное вознагражденіе за то, что они побывали на «Ньюфаундъ-Лаундѣ». Есть также неопредѣленное указаніе, будто самъ Себастьянъ Каботъ снова посѣтилъ эту область въ 1503 году и привезъ въ Англію трехъ туземцевъ,—не говоря уже о болѣе неопредѣ-

*Англичане
въ Западной
Индіи.*

ленныхъ намекахъ на другія попытки въ этомъ родѣ со стороны англичанъ, относящихся къ тому же времени.

Перечисляя эти океанійскія движенія, продолжавшіяся своимъ чередомъ, мы уже упоминали вскользь о томительныхъ надеждахъ на улучшеніе своего положенія, которыми утѣшалъ себя Колумбъ въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Испаніи. Необходимо нѣсколько подробнѣе описать его несчастное существованіе, хотя у насъ не особенно много данныхъ для этого.

Фердинандъ зорко слѣдилъ за всѣми этими экспедиціями: онѣ совершенно также угрожали преобладанію испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ, какъ его личная немилость адмиралу, упавшему духомъ. Для Фердинанда стало ясно, что, связавъ себѣ руки договоромъ, со-
Жизнь
Колумба въ
Испаніи.
1500—1502 гг.
 блюденіе котораго настоятельно требовалъ Колумбъ, ко-
 роль упустилъ благоприятные случаи, которыми онъ могъ бы воспользо-
 ваться, благодаря новому возбужденію охоты къ изслѣдованіямъ
 въ морскихъ портахъ. Несмотря на это, мы видѣли, что черезъ по-
 средство Фонсеки онъ санкціонировалъ экспедиціи Охеды, Пинзона и
 другихъ; а экспедиція Ниньо принесла его казнѣ огромныя вы-
 годы. Онъ сдѣлалъ это, пренебрегая правами, принадлежавшими Ко-
 лумбу, и нѣтъ сомнѣнія, что Колумбъ попалъ въ немилость и былъ
 лишенъ своихъ полномочій именно вслѣдствіе желанія короля предо-
 ставить поле открытій предпримчивости каждаго другого лица.
 Лишивъ вице-короля Индіи его престола и обративъ его въ обык-
 новеннаго просителя, ожидающаго своей очереди, Фер-
Фердинандъ
разрѣшаетъ
другія
экспедиціи.
 динандъ не задумался для своихъ честолюбивыхъ пла-
 новъ послать другихъ изслѣдователей. Опытъ научилъ его
 не заключать никакихъ соглашеній съ изслѣдователями, на основа-
 нии которыхъ послѣдніе стали бы предъявлять чрезмѣрные требова-
 нія относительно добычи и барышей отъ своихъ рискованныхъ пред-
 пріятій. Теперь каждый могъ пуститься въ океанъ на западъ; чтобы
 найти берегъ на противоположной сторонѣ, уже не требовалось му-
 жества убѣжденія передъ невѣдомыми безднами океана. Колумбъ пока-
 залъ дорогу и теперь его выбросили за бортъ, какъ безполезнаго
 кормчаго.

Королю не трудно было придумывать извиненія, когда Колумбъ начиналъ настойчиво просить о восстановленіи его полномочій. Было бы бесполезно посылать назадъ нелюбимаго вице-короля, пока колонія не успокоится совершенно. Надо повременить съ этимъ дѣломъ. Будетъ всегда удобно послать къ ней ея стараго господина, когда забудутся бѣдствія, какія она претерпѣла въ его правленіе: быть можетъ, найдется кто-нибудь способнѣе Бобадиллы для подавленія смуты, ну въ такомъ случаѣ его можно будетъ послать туда. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и твердаго рѣшенія короля, Колумбу оставалось только соглашаться и еще разъ покориться обстоятельствамъ. Для него такая покорность была не въ диковинку.

Вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ въ Испаніи, стало ясно, что Бобади́лла придется замѣнить другимъ правителемъ. Несчастная колонія въ Эспаньолѣ, освободившись отъ стѣсненій, на которыя она такъ сильно жаловалась въ правленіе Колумба, и даже добившись многихъ льготъ, быстро пришла еще въ худшее положеніе, чѣмъ прежде. Новый правитель надѣялся, что отсутствіе стѣсненій сдѣлаетъ то, чего не могла сдѣлать чрезмѣрная строгость. Онъ ошибся въ своихъ расчетахъ и колонія пришла въ упадокъ при немъ. Повсюду царилъ необузданный произволъ. Единственное требованіе, какое предъявлялъ Бобади́лла, была подать золотомъ. Онъ уменьшилъ размѣръ этой подати съ одной трети на одну одиннадцатую, но въ тоже время отдалъ трудъ туземцевъ въ полное распоряженіе колонистовъ, такъ что добыча золота быстро возросла и его получалось болѣе при налогѣ въ одну одиннадцатую, чѣмъ при налогѣ въ одну третью часть. Это безчеловѣчное уничиженіе бѣдныхъ туземцевъ обратилось въ организованное бѣдствіе, когда Ласказасъ, прибывъ позднѣе въ колонію, принялся описывать мрачный контрастъ между пидійцами и ихъ прекраснымъ островомъ. Золото имѣло страшную силу, но и его силѣ не удалось удержать Бобади́лла на мѣстѣ. Краснорѣчивыя описанія страдальческой жизни туземцевъ, способны были затронуть самое жестокое равнодушіе, и было рѣшено тотчасъ же отправить въ Эспаньолу новаго правителя.

Выборъ палъ на Николаса де-Овандо, человѣка, по отзыву Ласказаса, который отправился въ Эспаньолу вмѣстѣ съ нимъ, отличавшагося высокими качествами справедливости, благоразумія и милосердія. Быть можетъ, онъ заслуживалъ такого отзыва.

*Овандо
посылается
въ Эспаньолу.*

Приверженцы Колумба недовѣрчиво относятся къ такимъ похваламъ. Овандо былъ назначенъ правителемъ надъ всѣми континентальными и островными владѣніями Новаго Свѣта, присвоенными уже испанскою короною или имѣющими присоединиться къ ней въ будущемъ. Его столицей назначался городъ Санто-Доминго. Его посылали, почти съ такими же неограниченными полномочіями, какъ ранѣе Бобади́лла, для исправленія злоупотребленій и наказанія виновныхъ; онъ долженъ былъ при этомъ получить одну треть всего золота, которое уже было собрано, и половину золота, которое имѣлось въ виду собрать. Всю торговлю онъ долженъ былъ сосредоточить въ рукахъ испанской короны, какъ ея монополію. Онъ долженъ былъ, насколько возможно, распредѣлить колонистовъ по поселеніямъ. Никому не дозволялось требовать отъ туземцевъ припасовъ или пособій иначе, какъ черезъ королевскаго коммисіонера. Францисканскіе монахи, сопровождавшіе Овандо, должны были приложить новыя усилія для обращенія дикарей въ христіанство. Туземцы должны были работать въ рудникахъ на условіяхъ найма, получая плату отъ короны.

Уже давно стало очевиднымъ, что такой трудъ, какъ извлеченіе золота изъ рудниковъ, былъ не по силамъ туземцамъ, — средняя

смертность между ними была такъ велика, что можно было опасаться окончательнаго истребленія ихъ племени. Путемъ Идея о вывозѣ рабовъ черной расы. софистики, которая составляла отличительную черту христіанъ шестнадцатаго столѣтія, придумали продлить существованіе этой несчастной расы вывозомъ негровъ изъ Африки, чтобы взвалить на нихъ большую тяжесть труда, въ томъ предположеніи, что негры будутъ при этомъ вымирать медленнѣе. Такимъ образомъ, королевскимъ указомъ было повелѣно перевозить въ Испанію рабовъ, рожденныхъ въ Испаніи отъ черной расы. Общаніе Колумба, выраженное въ письмѣ къ Санхецу, оказывалось обманомъ. Въмѣсто одной потребовалось униженіе двухъ расъ. Вотъ и все!

Чтобы утѣшить Колумба, огорченного этимъ насильственнымъ отнятіемъ у него власти, ему сообщили, что королевскимъ приказомъ, отъ 27 сентября 1501 года, Овандо повелѣ- 1501 г. Колумбу возвращаются его имущество. вается позаботиться о возвращеніи всего имущества, принадлежавшаго Колумбу, которое Бобадылла присвоилъ себѣ, и адмиралу дозволено было послать довѣренное лицо съ флотомъ для охраненія его интересовъ на основаніи условій, касавшихся раздѣленія золота и другихъ богатствъ странъ между нимъ и короною. Колумбъ назначилъ своимъ довѣреннымъ лицомъ Алонзо Санхеца де-Карвахала.

Пышно снаряженный флотъ Овандо былъ горькимъ сарказмомъ, брошеннымъ въ лицо несчастному адмиралу. Повидимому, Флотъ Овандо. онъ не былъ очень высокаго мнѣнія о штурманахъ этого флота, такъ какъ въ письмѣ своемъ къ государямъ, отъ 6 февраля 1502 года, онъ излагаетъ передъ ними нѣкоторые замѣчанія по поводу искусства мореплаванія и говоритъ между прочимъ: «Найдется не мало желающихъ плыть къ новооткрытымъ островамъ; и если извѣстна дорога туда, то тѣ, кому она хорошо знакома, могли бы съ болѣею безопасностью совершить это путешествіе». Быть можетъ, онъ хотѣлъ этимъ выразить, что болѣе искусные кормчіе были необходимы, чѣмъ выставка всего этого великолѣпія. Въ самое лучшее время, когда онъ былъ въ милости у Двора, ему ни разу не снарядили флота въ тридцать судовъ, изъ которыхъ очень многія были большими кораблями. Ни разу не увозилъ онъ съ собою такой массы всадниковъ и столько высокопоставленныхъ особъ, придававшихъ яркій блескъ этой экспедиціи изъ 2.500 душъ. Какой жалкій контрастъ составляла его францисканская ряса, опоясанная веревкой, съ блестящимъ одѣяніемъ Овандо изъ шелка и парчи, затканной золотомъ, которое монархи дали ему право носить! Тѣлохранители новаго правителя составляли гвардію изъ двадцати двухъ оруженосцевъ, конныхъ и пѣшихъ, — о такомъ штатѣ Колумбъ не смѣлъ и мечтать въ Санто-Доминго. Въмѣсто гнусныхъ колодниковъ тутъ были почтенные женатые люди со своими семействами, — 1502 г. 3 февраля, отплытіе флота Овандо въ Испанію. служившіе ручательствомъ честной жизни. И такъ, когда

флотъ вышелъ въ море, 3 февраля 1502 года, то стали надѣяться, что наконецъ-то найденъ правильный способъ устройства колоніи, основанной на прочныхъ устояхъ семейной жизни.

Не успѣлъ флотъ выйти въ открытое море, какъ надъ нимъ раз-
1502 г.
апрѣль.
Флотъ
приходитъ
въ Санто-
Доминго. разлилась буря, во время которой погибъ одинъ изъ ко-
раблей; грузовая палуба, оторвавшись, приплыла къ берегу
и возбудила опасеніе, что флотъ пострадалъ гораздо
серьезнѣе. Но, за исключеніемъ этого единственнаго ко-
рабля, онъ благополучно достигъ береговъ Санто-Доминго въ половинѣ
апрѣля 1502 года.

А теперь вернемся къ самому Колумбу. Какъ мы уже сказали, ему удалось обрѣсти нѣкоторое душевное спокойствіе, убѣдившись, что въ настоящее время его ожидало только пренебреженіе. И вотъ его дѣятельный умъ погрузился въ область призрачныхъ мечтаній и отвлеченнаго мышленія, гдѣ онъ искалъ отдыха,—усталый физически, измученный душевно.

Онъ засѣлъ за сочиненіе, наполненное вздорными бреднями и не-
Libros de
las proficias
Колумба. лѣпостями, которое хранится въ Колумбовой библіотекѣ, въ
Севильѣ. Оно озаглавлено «Libros de las proficias».

Однако, манускриптъ написанъ не рукою Колумба и никто
не призналъ это сочиненіе заслуживающимъ напечатанія въ цѣломъ.

Въ немъ видны слѣды его изученія Библии и Писаній святыхъ
отцовъ церкви подъ руководствомъ картезіанскаго монаха; оно пока-
зываетъ, какъ и письмо его къ нянѣ принца Хуана, что онъ въ
концѣ концовъ убѣдился въ бесполезности всей своей прежней аргу-
ментации относительно западнаго пути; что имъ просто руководило
нѣчто такое, чего онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ въ то время; и что

онъ явился только исполнителемъ миссіи заранѣе предо-
Пророчество
Исайи. предѣленной, которая,—какъ онъ вообразилъ себѣ,—со-
ставляла пророчество Исайи въ Апокалипсисѣ. Пророчество свершилось,
но прежде чѣмъ настанетъ конецъ всему земному, оставалось еще за-

воевать Святую Землю и ему предназначалось стать во
Засоеваніе
Святой
Земли. главѣ этого подвига. Онъ обращался съ этимъ старчески-
безсвязнымъ изложеніемъ бреда къ Фердинанду и Пза-
беллѣ, настойчиво прося ихъ взять на себя инициативу новаго кре-
стоваго похода, но ему не удалось убѣдить ихъ, чтобы такое само-
званное орудіе Бога было вполнѣ достойно ихъ вниманія.

По вычисленію Колумба, великая катастрофа кончины міра ожи-
Конецъ
міра. далась черезъ 155 лѣтъ. Свои математическіе расчеты онъ
основывалъ на мнѣніи св. Августина, что міръ будетъ
существовать въ теченіе 7.000 лѣтъ, а также на вычисленіи короля
Альфонса, что со времени явленія Христа прошло уже около 5.344
лѣтъ. 1501 годъ, прибавленные къ упомянутому числу, составляли
сумму 6.845 лѣтъ, слѣдовательно, до 7.000 не доставало только
155 лѣтъ.

Онъ воображалъ также, — или притворился, что воображаетъ, — въ письмѣ, которое написалъ впослѣдствіи къ папѣ, что лишеніе его титуловъ и правъ было дѣломъ дьявола, который ^{Его сокрушилъ сатана.} понялъ, что успѣхъ Колумба въ Индіи былъ только подготовленіемъ къ давно желанному адмираломъ возвращенію Святой Земли. А между тѣмъ испанское правительство знало, — и имѣло основанія знать это, — что, лишивъ его прерогативъ, оно имѣло массу хлопотъ, не уступавшихъ цѣлому легіону дьявольскихъ ухищреній. Къ несчастію для Колумба, ни они, ни самъ папа не были склонны дѣйствовать, руководясь такими истолкованіями роковой случайности, которыя были несомнѣнны съ гражданскими законами справедливости и благосостоянія.

Эти видѣнія Колумба не приносили никому вреда и служили адмиралу утѣшеніемъ, наполняя его душу набожными фантазіями. Но тоска не покидала его. Онъ скоро вернулся къ старымъ географическимъ вопросамъ. Португальцы отыскивали на сѣверѣ и на югѣ путь, который привелъ бы въ какую-нибудь неизвѣстную дотолѣ страну пряностей и благовоній и далъ бы имъ новый способъ для торговыхъ сношеній съ Калькутой и Молуккскими островами, откуда, въ то же самое время, африканскимъ путемъ въ португальскую казну приливало золото, что составляло блестящій контрастъ въ сравненіи со скуднымъ доходомъ отъ испанской Индіи. Онъ ^{Его географическій мечтъ.} сталъ питать увѣренность, что можно найти еще болѣе удобный путь за предѣлами Карибскаго моря. Ла-Коза, помѣтивъ вынѣтку съ изображеніемъ св. Христофора и младенца Іисуса перпендикулярно къ воображаемому соединенію Азіи и Южной Америки, уклонился отъ вопроса, но не рѣшилъ его. Колумбъ теперь отправится туда и займется рѣшеніемъ задачи на мѣстѣ. Его надежда найти желанный открытый путь въ этомъ направленіи основывалась на физическихъ явленіяхъ, но фактически только на знакомствѣ съ ними отчасти. Онъ обратилъ вниманіе на сильныя теченія, какія направлялись къ западу черезъ Карибское море, и замѣтилъ, что теченія эти идутъ къ западу, когда онъ приблизился къ тому пункту, гдѣ закончились его изслѣдованія южнаго берега Кубы. Бастидасъ, который прошелъ далѣе на западъ вдоль главнаго берега, вернулся назадъ, такъ какъ теченія продолжали идти вдоль того берега, который казался безконечнымъ. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Колумбъ отплылъ, Бастидасъ прибылъ въ Испанію, потому что все это время онъ находился въ плѣну у Португалии. Однако, извѣстія о результатахъ его изслѣдованій дошли въ Испанію, или, быть можетъ, позднѣе адмиралъ ^{Колумбъ предлагаетъ искать путь къ западу черезъ Карибское море.} услышалъ отъ него самого подтвержденіе этихъ взглядовъ, когда нашелъ этого путешественника къ Санто-Доминго. Колумбъ былъ увѣренъ, что Куба другой материкъ, сдерживающій эту движущуюся впередъ массу воды къ югу отъ него. Для

^{Колумбъ ошибочно истолковываетъ направление теченія}

него было ясно, что такія теченія должны находить выходъ на западъ и только бы ему пайти путь въ открытый океанъ—путь этотъ вынесетъ его въ море, омывающее берегъ Золотого Херсонеса. Онъ такъ и умеръ не узнавъ правды. Тоже самое теченіе, отходя отъ Гондураса и Юкатана, разбрызгивается сѣвернымъ кольцомъ вокругъ большого Мексиканскаго залива и, перейдя черезъ мысъ и Флориду, направляется къ сѣверу, образуя такъ называемый Гольф-стремъ.

Гольф-стремъ.

Изъ всѣхъ успій канонизаторовъ Колумба нѣтъ ничего ребячески нелѣпѣе изложенія де-Лорга, какимъ образомъ Колумбъ увѣровалъ въ этотъ путь. Ему явилось видѣніе и онъ узрѣлъ его! Бѣда только въ томъ, что несчастный адмиралъ дошелъ до такого экстаза въ своихъ галлюцинаціяхъ, что принялъ узкій перешеекъ за узкій проливъ!

По мнѣнію Фердинанда, предпринять такого рода изысканіе было до-
вольно кстати. При Дворѣ нѣкоторые держались того мнѣнія, что неблагоразумно давать занятіе чело-
вѣку, котораго ли-
шили чиновъ и званія; но королю показалось весьма удоб-
нымъ отдѣлаться этимъ путемъ отъ упорнаго и дѣятель-
наго челобитчика, удаливъ его отъ Двора и отправивъ въ
погоню за чѣмъ-то новымъ; да и едва-ли нашелся бы чело-
вѣкъ, который
не согласился бы, что въ его новыхъ взглядахъ была доля истины. Во
всякомъ случаѣ не мѣшало попытаться. И такъ, еще разъ, въ силу
королевскаго приказа, Колумбъ сталъ хлопотать о снаряженіи малень-
каго флота. Осенью 1501 года онъ появился въ Севильѣ съ при-
казаніемъ отъ Фердинанда. Адмиралъ проводилъ свое время за пригото-
вленіемъ кораблей и за своимъ трактатомъ о пророчествахъ, причемъ
монахъ, по имени Гаспаръ Горриціо, помогалъ ему въ
этомъ трудѣ. Въ началѣ 1502 года онъ привелъ свое сочи-
неніе въ такой видъ, что могъ представить его своимъ го-
сударямъ, а въ февралѣ написалъ папѣ Александру VII уже упомянутое
нами письмо.

*Фердинандъ
посылаетъ
Колумба за
новыми поиско-
ми лишь бы из-
бавиться отъ
него.*

*1502 г. февраль.
Колумбъ пи-
шетъ къ папѣ.*

По мѣрѣ того, какъ шли приготовленія къ отплытію, онъ сталъ
подумывать объ Эспаньолѣ и о томъ, не будетъ ли ему
дозволено высадиться тамъ; но былъ отданъ приказъ, за-
прещавшій ему подходить къ Эспаньолѣ на пути изъ Пе-
наніи, хотя дозволялось сдѣлать это на возвратномъ пути, въ на-
деждѣ, что къ тому времени смуты на островѣ будутъ подавлены.
Было сдѣлано распоряженіе, чтобы его сопровождали аделантадо и
его сынъ, Фердинандъ; на бортъ были приглашены толмачи, хорошо
знавшіе арабскій языкъ, на случай, если бы ему посчастливилось войти
въ сношенія съ народомъ великаго хана.

Отмѣна его преимуществъ лежала тяжелымъ бременемъ на его
душѣ и въ началѣ марта онъ рискнулъ еще разъ напомнить объ этомъ
въ письмѣ къ ихъ величествамъ. Они отвѣтили ему 14 марта вмѣстѣ

*Ему запрещено
подходить къ
Эспаньолѣ.*

съ нѣсколькими инструкціями, которыя послали ему изъ Валенціи де-Торре, совѣтуя не тревожиться и оставить всѣ эти вопросы попеченію сына своего Діего. Они увѣряли его, что въ свое время все будетъ ему возвращено надлежащимъ образомъ и что ему слѣдуетъ потерпѣть немного.

Онъ уже сдѣлалъ попытку обезпечить навсегда память о своихъ почестяхъ и дѣлахъ, если нельзя было упрочить ничего другого. Въ Севильѣ, 5 января 1502 года, Колумбъ за-^{1502 г., 5 января. Заботы Колумба о сохраненіи своихъ титуловъ и пр.} свидѣтельствовалъ нотаріальнымъ порядкомъ у себя на дому всѣ тѣ документы относительно его титуловъ и прерогативъ, которые такъ свято хранятся въ Генуѣ. Бумаги эти, какъ мы видѣли,—копіи, снятыя Колумбомъ въ послѣднее время съ подлинныхъ документовъ, хранившихся въ испанскомъ адмиралтействѣ; въ число ихъ онъ включилъ и отмену льготъ отъ 2 іюня 1497 г., которыя, къ великой досадѣ Колумба, были дарованы въ 1495 году другимъ лицамъ на право изслѣдованія новыхъ областей. Мы не должны этому удивляться, но трудно догадаться, почему онъ такъ тщательно сохранилъ документъ, причинившій ему обиду, огорченіе и потерю его полномочій. Тутъ же находятся королевскіе приказы, позволяющіе Колумбу, по его просьбѣ, пополнить колонію освобожденными колодниками. Это бы слѣдовало также предать забвенію. Королевскій приказъ, повелѣвавшій Бобадиллѣ или его преемнику возвратить все секвестрованное имущество Колумба и новую декларацію его правъ, ему бы хотѣлось также сохранить.

Еще былъ одинъ актъ, который онъ задумалъ совершить теперь же, такъ какъ день открытія былъ уже близокъ. Онъ хотѣлъ принять предосторожности, чтобы наслѣдники его могли оказать какую-нибудь услугу его родному городу и для этой цѣли онъ приказалъ помѣстить извѣстный капиталъ въ банкъ Св. Георгія. Онъ извѣстилъ о своемъ намѣреніи директоровъ банка въ ^{Колумбъ и банкъ Св. Георгія.} письмѣ, которое въ высшей степени замѣчательно, такъ какъ въ немъ выражается пунктъ его помѣшательства. Вотъ его копія въ переводѣ Гаррисса на англійскій языкъ:

«Высокопочтенные благородные лорды. Хотя тѣло бродитъ тутъ, но сердце постоянно тамъ. Господь Богъ излилъ на меня свои величайшія милости, равныхъ которымъ не было со временъ Давида. Результаты моего предпріятія уже дали о себѣ знать и они сіяли бы еще ярче, если бы они не скрывались благодаря непониманію правительства. Я снова отправляюсь въ Индію подъ покровомъ Пресвятой Троицы, чтобы скоро вернуться обратно; а такъ какъ я могу умереть, то завѣщаю сыну моему, Діего, чтобы вы ежегодно получали, на вѣки вѣчные, одну десятую часть со всего моего дохода, какимъ онъ будетъ, для уменьшенія палого на хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы. Если эта десятая часть дойдетъ до нѣкоторой суммы—примите ее. Если нѣтъ, считайте, по крайней мѣрѣ, желаніе за дѣло. Прошу

васть обратить вниманіе на сына, котораго я вамъ поручилъ. Николо де-Одериго знаетъ мои дѣла лучше, чѣмъ я самъ, и я отправилъ къ нему копіи съ каждой изъ привилегій и съ писемъ на храненіе. Я былъ бы радъ, если бы вы взглянули на нихъ. Милорды, король и королева стараются почтить меня болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Да сохранитъ Пресвятая Троица ваши благородныя особы и да пошлетъ преуспѣяніе вашему высокочтимому дому. Дано въ Севильѣ, 2 апрѣля дня 1502 года.

«Главный адмиралъ океана, вице-король и генераль-губернаторъ острововъ и континента Азіи и Индій, моихъ государей, короля и королевы, генеральный капитанъ моря и ихъ совѣта.

S.

. S . A . S .

X M Y

Xpo FERENS».

Письмо было вручено Колумбомъ генуэзскому банкиру, бывшему тогда въ Испаніи,—Франциско де-Риваролла, который отправилъ его къ Одериго; но такъ какъ этотъ посланникъ въ это время былъ на пути въ Испанію, то Гарриссъ думаетъ, что онъ не получилъ письма до своего возвращенія въ Геную, потому что отвѣтъ банка помѣченъ 8 декабря 1502 г., много времени спустя послѣ того, какъ отплылъ Колумбъ. Отвѣтъ этотъ былъ отправленъ на имя Діего и въ него было вложено письмо къ адмиралу. Великая любовь и доброе стремленіе Колумба къ «его первому отечеству» несказанно ихъ радовали,—такъ писали они къ сыну Колумба; а въ письмѣ къ самому Колумбу они признавали его намѣренія «столь великими и необыкновенными, что такихъ не запомнитъ міръ, принявъ во вниманіе, что своимъ собственнымъ умомъ, энергіей и благоразуміемъ вы открыли столь значительную часть этой земли и сферы низшаго міра, оставшагося въ теченіе столькихъ лѣтъ и вѣковъ неизвѣстнымъ его обитателямъ».

Письмо Колумба къ банку хранится въ связкахъ бумагъ этого учрежденія—это простой листъ бумаги, исписанный только съ одной стороны, проколотый посрединѣ для шнура, на который напизанъ рядъ бумагъ. Письмо это долго скрывалось въ архивѣ, пока архивариусъ банка не обратилъ случайно вниманія на обертку его: M D II, Еrла D. Адмирати Дон Хвортони Колумби; въ 1829 году подлинность этого письма была удостовѣрена и, по требованію генуэзскихъ властей, оно было перенесено на храненіе въ государственный архивъ города. Въ настоящее время письмо это можно видѣть въ городской ратушѣ; оно сохраняется между двумя стеклянными досками, такъ что можно читать все написанное съ обѣихъ сторонъ бумаги.

Глава XIX.

Четвертое путешествие.

1502—1504.

Ихъ величествамъ видимо было непріятно, что Колумбъ отсрочивалъ свое отплытіе, такъ какъ подобныя промедленія ничего не приносили, кромѣ постоянныхъ назойливыхъ жалобъ со стороны адмирала. Въ мартѣ 1502 года они приказали ему отплыть немедля долѣе. Несмотря на это, Колумбъ, — объявившій, по свидѣтельству Тривиджіано, что открытія, которыя онъ готовится сдѣлать въ это путешествіе, превзойдутъ всѣ остальные и принесутъ огромную пользу, такъ какъ онъ имѣетъ намѣреніе совершить кругосвѣтное плаваніе, — вышелъ изъ Кадикса 9 или 11 мая 1502 года — даются различныя даты. У него было четыре судна, каждое вмѣстимостью въ пятьдесятъ—семьдесятъ тоннъ, и въ общемъ экспедиція его состояла изъ ста пятидесяти человѣкъ, не болѣе.

*1502 г. мартъ.
Колумбу
приказано
отплыть.*

*9—11 мал
уходитъ въ
море.*

Ихъ величества не забыли, повидимому, какъ адмиралъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, утаилъ жемчугъ во время третьяго путешествія, и вотъ, они въ своихъ инструкціяхъ особенно приказывали ему все золото и другіе дорогіе товары, которые онъ можетъ найти, передать немедленно на сохраненіе Франсуа де-Поррасу; послѣдній отправлялся съ нимъ съ тою цѣлью, чтобы монархи имѣли свидѣтеля, подтверждающаго достовѣрность его отчетовъ о количествѣ полученныхъ имъ золота и другихъ цѣнностей. Точно также, помня о прежнихъ его отступленіяхъ, монархи запрещали ему брать рабовъ.

*Инструкціи,
данныя
Колумбу.*

Старость наложила свою тяжелую руку на личность Колумба. Организмъ его надорвался, подвергаясь продолжительному вліянію бурь и непогодъ, душевная бодрость оставила его. Конечно, надежда не совсѣмъ покинула его пламенную натуру; но надежда эта вынесла столько превратностей, — крылья у нея были подрѣзаны. Еще не было недостатка у него въ жизненной дѣятельности ума; но разумъ его потерялъ равновѣсіе и его разсудокъ омрачался галлюцинаціями.

*Физическое и
душевное
состояніе
Колумба.*

Въ это время величайшимъ желаніемъ ихъ величествъ было под- держать дружескія отношенія съ португальскимъ дворомъ и они от- дали распоряженіе, чтобы въ случаѣ встрѣчи Колумба съ португаль- скимъ флотомъ испанцы обмѣнялись съ португальцами самыми дру- жескими привѣтствіями. Испанскіе монархи отдали также приказъ Колумбу идти сперва къ африканскому берегу на помощь португаль- скому гарнизону, который осадили мавры.

15 мая онъ дошелъ до этой гавани на африканскомъ берегу, но мавры уже удалились. Поэтому, безъ дальнѣйшихъ прово- *Колумбъ оста- навливается на африкан- скомъ берегу.* лочекъ, обмѣнявшись привѣтствіями съ португальцами, онъ въ тотъ же день снялся съ якоря и вышелъ въ море.

20 — 25 мая, съ Канарскихъ острововъ, куда онъ присталъ, чтобы *1502 г. май. У Канарскихъ острововъ.* запастись водою и дровами, Колумбъ написалъ своему пре- данному другу Горрицію письмо, которое сохраняетъ На- варреть. «Теперь путешествіе мое будетъ во имя Святой Троицы,—пишетъ Колумбъ,—и я надѣюсь на успѣхъ».

Во время путешествія ничего особеннаго не случилось; все обстояло благополучно и 15 іюня Колумбъ дошелъ до Мартинико *1502 г. 15 іюня. Прихо- дитъ въ Мартинико.* (Мартинико). Онъ самъ говоритъ, что отъ Кадикса до Мар- тинико шелъ только двадцать дней, но, по обыкновенію, его показаніе не отличается строгою точностью. Отсюда онъ пошелъ не спѣша приблизительно по тому же пути, какого держался въ свое второе путешествіе, пока не направилъ своего флота окончательно къ Санто-Доминго.

Слѣдуетъ вспомнить, что королевскія приказанія, полученные имъ передъ отправленіемъ изъ Писаніи, были въ совершенномъ противо- рѣчій съ желаніемъ Колумба: ему отказывалось въ удовольствіи при- *Рѣшается идти въ Испаньолу.* стать къ Эспаньолѣ. Нечего и говорить о благоразуміи такого приказа, которымъ теперь адмиралъ рѣшился пре- небречь. Его оправданіе состояло въ томъ, что главное его судно оказалось плохимъ и ему казалось, что онъ не совершитъ про- ступка, желая обезпечить своей экспедиціи большую вѣроятность успѣха посредствомъ обмѣна въ этомъ портѣ своего негоднаго судна на бо- лѣе надежное. Онъ забылъ свое собственное поведеніе относительно Охеды, когда онъ прогналъ этого авантюриста съ острова, гдѣ Охеда осмѣлился захватить часть его власти, чтобы спасти свой экипажъ отъ голодной смерти. Если мы внимательно посмотримъ на это стрем- леніе Колумба пробраться, во что бы то ни стало, въ эту нерасполо- женную къ нему колонію и притомъ вспомнимъ его необычайно скорое и благополучное путешествіе, отсутствіе какого бы то ни было намека на плохое состояніе его судна въ томъ письмѣ, которое онъ написалъ съ Канарскихъ острововъ, — мы необходимо придемъ къ заключенію, что рѣшеніе посѣтить Эспаньолу явилось у него вне- занно. Все его поведеніе въ этомъ дѣлѣ представляется какъ бы упорнымъ желаніемъ поступить непременно по своему, противъ коро-

левскихъ приказаній, точь въ точь, какъ онъ пробовалъ поступить противъ увѣщаній, касавшихся обращенія туземцевъ въ рабство. Мы не должны этого забывать, когда намъ придется разбирать позднѣйшее невниманіе короля къ адмиралу. Мы не должны также забывать, какъ осторожно было выражено это повелѣніе: «Не годится, чтобы вы теряли столько времени; гораздо удобнѣе для васъ идти другимъ путемъ; хотя, если окажется необходимымъ, и будетъ на то Божье соизволеніе, вы можете тамъ остановиться на нѣкоторое время на возвратномъ пути».

Розелли де-Лоргъ со своей обычной недобросовѣстностью просто говоритъ, что Колумбъ пришелъ въ Санто-Доминго передать письма, которыя были ему сданы на бортъ, и перемѣнить одно судно.

29 іюня маленькій флотъ Колумба подошелъ къ порту. Онъ по-

слалъ на берегъ одного изъ своихъ капитановъ попросить дозволеніе укрыть корабли въ гавани и право войти въ переговоры относительно перемѣны судна, такъ какъ «одинъ изъ его кораблей не можетъ противостоять бури и не выдержитъ далекаго плаванія». Просьба его была представлена Овандо, настоящему правителю Эспаньолы. Овандо оставилъ Испанію въ февралѣ, только мѣсяцемъ раньше, чѣмъ Колумбъ получилъ свои инструкціи, и несомнѣнно Фонсека передалъ ему, что этими инструкціями Колумбу приказано ни въ какомъ случаѣ не усложнять принятаго Овандо управленія приближеніемъ къ его столицѣ. Ласказасъ, повидимому, приходитъ къ такому именно заключенію. Какъ бы то ни было, Овандо имѣлъ полное право дѣйствовать такъ, какъ онъ счелъ за лучшее при данныхъ обстоятельствахъ; ему также были даны инструкціи. Колумбъ выставлялъ на видъ, что наступаетъ буря, — вѣрнѣе, въ «Historie» говорится, что такъ именно было. Надо замѣтить, что у самого Колумба нѣтъ такого указанія. Такъ или иначе, лодка Колумба возвратилась съ письмомъ къ нему, въ которомъ ему запрещалось заходить въ гавань. Првиингъ обзываетъ это письмо «злѣбнымъ отказомъ».

Послѣдующія событія доставили защитникамъ адмирала удобный случай вывести правоученіе, которое представляетъ его въ выгодномъ свѣтѣ, а также, — если вѣрить этому сомнительному разсказу, — Колумбъ, убѣжденный въ безошибочности своего предвѣщанія, послалъ опять письмо къ Овандо. Въ немъ говорилось, что флоту, стоящему въ гавани и готовому къ отплытію, грозитъ гибель, такъ какъ должна разразиться буря. Повидимому, совсѣмъ неизвѣстно, знали-ли въ это время его экипажъ о причинахъ его приближенія къ Эспаньолѣ или о томъ, что входъ въ портъ былъ ему воспрещенъ. По крайней мѣрѣ, Норрасъ, описывая все случившееся, заставляетъ читателя придти къ такому заключенію.

Флотъ, стоявшій въ гавани, былъ тотъ самый, съ которымъ пришелъ Овандо; теперь онъ возвращался съ грузомъ въ Испанію. Въ числѣ его пассажировъ находился, — какъ, вѣ-

1502 г.
29 іюня.
Колумбъ подо-
ходитъ къ Сан-
то-Доминго.

Колумбу
запрещается
входить въ
гавань.

Флотъ
Овандо.

роятно, узналъ Колумбъ черезъ своихъ посланцевъ, — самый ненавистный для него человекъ во всемъ мірѣ, Бобадилла, который любезно передалъ полномочія Овандо два мѣсяца назадъ; о Бобадиллѣ не пришлось услышать ни одного худого слова Ласказасу, который былъ въ Эспаньолѣ новымъ человекомъ и старался подробно ознакомиться со всѣмъ, что касалось Индіи, тутъ же на мѣстѣ. На томъ же кораблѣ находился старый мятежный и измѣнчивый товарищъ Колумба, Ролданъ, поведение котораго разслѣдовалось за эти два мѣсяца и котораго отправляли въ Испанію для дальнѣйшаго слѣдствія надъ нимъ. Тутъ же былъ, закованный въ кандалы, несчастный кацикъ Долины, Гваріонексъ, котораго посылали на позорище въ Севилью. Корабли были нагружены такими богатствами, какихъ еще ни разу не отправлялось съ острова. Тутъ было золото, собранное Бобадиллой, включая сюда замѣчательный самородокъ, найденный одной индійской женщиной въ ручьѣ, и масса золота, составлявшая прибыль Ролдана и его друзей съ ихъ частныхъ предпріятій. Карвахаль, посланный Колумбомъ съ Овандо въ качествѣ повѣреннаго адмирала, для наблюденія за его денежными интересами, согласно предписанію королевскаго приказа, уложилъ также на одномъ изъ кораблей четыре тысячи золотыхъ монетъ, — которые получились отъ ликвидаціи Овандо съ Бобадиллой, — и золото, составлявшее приращеніе доли адмирала въ прибыляхъ короны.

Флотъ этотъ не обратилъ вниманія на предостереженія адмирала и вышелъ въ море; между тѣмъ небольшія суда адмирала неслышно прокрались къ берегу, чтобы по возможности укрыться отъ бури. Флотъ Овандо направился на родину, но едва корабли очутились въ открытомъ морѣ у восточной оконечности Эспаньолы, какъ разразилась страшная буря. Корабль, гдѣ находились Бобадилла, Ролданъ и Гваріонексъ, пошелъ ко дну. Другія суда потонули впоследствии. Нѣкоторымъ изъ нихъ, въ сильно поврежденномъ видѣ, посчастливилось вернуться въ Санто-Доминго; единственное судно, — какъ принято утверждать, — пережило крушеніе, такъ что оно одно могло продолжать путь, если вѣрить свидѣтельству историковъ, оно было самое надежное изъ всѣхъ и оно-то везло золото Колумба. На одномъ изъ судовъ, вернувшихся въ Санто-Доминго для починки, находился Бастидасъ, отправлявшійся въ Испанію для судебного разбирательства. Судно это прибыло въ Кадиксъ, въ сентябрѣ 1502 года.

Корабли Колумба выдержали бурю. Корабль адмирала, приставшій плотно къ берегу, находился въ лучшемъ положеніи. Другія суда, носившіяся по волнамъ, пострадали больше. Они потеряли изъ виду другъ друга во время самаго сильнаго напора бури; затѣмъ, когда непогода стихла, они сошлись у порта Гермозо, на западной оконечности острова. Описывая бурю, авторы,

*Бобадилла,
Ролданъ и
другіе
пассажиры
флота.*

*Довѣренный
Колумба
попыталъ его
золото на
одномъ изъ
кораблей.*

*Флотъ Овандо
выходитъ въ
море, и
гибнетъ отъ
крушенія.*

*но корабль съ
золотомъ
Колумба
спасается.*

*Флотъ
Колумба
выдерживаетъ
бурю.*

сочувствующіе судьбѣ Колумба, считаютъ ее яркимъ возмездіемъ высшей правды, и эти сентиментальныя изліянія въ концѣ концовъ заняли мѣсто исторической истины. Де-Лоргъ не упускаетъ удобнаго случая извлечь изъ этого факта какъ можно болѣе пользы для своихъ цѣлей.

Колумбъ замѣшкался на нѣкоторое время у береговъ острова для починки судовъ и для отдыха своего экипажа, а также во избѣжаніе другого шторма; онъ отошелъ только 14 іюля и прямо направился въ Терра-Фирма (Континентальная земля). Теченія привели его въ нѣкоторое недоумѣніе, погода стояла почти безвѣтренная, поэтому его отнесло на западъ рапѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ сначала присталъ къ нѣсколькимъ островамъ неподалеку отъ Ямайки. Отсюда онъ шелъ на западъ, въ сторону отъ юго-запада, въ теченіе четырехъ дней, не видя земли, какъ рассказываетъ Поррасъ, и пораженный этимъ онъ повернулъ свой курсъ на сѣверо-западъ, а затѣмъ на сѣверъ. Тутъ, очутившись (24 іюля) въ архипелагѣ близъ Кубы, названномъ имъ во время второго путешествія «Садами», онъ вскорѣ при благоприятномъ вѣтрѣ (27 іюля) пошелъ на юго-западъ и 30 іюля встрѣтилъ небольшой островокъ, лежащій въ океанѣ, противъ сѣвернаго берега Гондураса, называвшійся у туземцевъ Гванайя, а имъ самимъ названный островомъ Сосенъ. Передъ ними открылись горныя цѣпи на материкѣ. Туземцы поразили его своимъ физическимъ видомъ, совершенно непохожимъ на всѣ другіе типы, видѣнные имъ рапѣе. Къ нимъ подошла громадная пирога, въ восемь футовъ ширины, очень длинная, хотя сдѣлана она была изъ одного цѣльнаго дерева, съ еще болѣе странными людьми на ней. Вѣроятно, они пришли сюда съ сѣвера; на пикафутѣ подъ балдахиномъ сидѣлъ кацикъ со своими приближенными. Въ пирогѣ находилось двадцать пять гребцовъ. Въ ней было множество разнообразныхъ предметовъ, показывавшихъ, что Колумбъ нашелъ народъ болѣе культурный, чѣмъ расы, открытыя имъ рапѣе. У этихъ людей были мѣдныя орудія, топоры, колокольчики и т. п. предметы. Онъ увидѣлъ у нихъ нѣчто въ родѣ тигеля для плавки металла. Ихъ деревянные мечи были съ острыми кремневыми зубцами, одежда на нихъ была хорошая, всѣ ихъ орудія были отшлифованы и удобны для употребленія. Колумбъ обмѣнялся съ ними бездѣлушками на вещи, какія ему приглянулись. Если бы онъ отправился теперь по тому направленію, откуда пришла эта удивительная пирога, то открылъ бы дивный міръ Юкатана и Мексики и завершилъ бы свою дѣятельность болѣе яркими открытіями. Но мечтанія, которыя онъ считалъ вдохновеніемъ воли Божества, увлекли его къ югу. Тамъ долженъ онъ найти химерическій проливъ. Между индійцами нашелся старикъ, котораго Колумбъ взялъ въ проводники, такъ какъ этотъ человекъ могъ на чертить нѣчто въ родѣ береговой карты. Остальныхъ онъ отпустилъ

1502 г.
14 іюля.
Колумбъ
отплываетъ
въ море.

30 іюля.
У острова
Гванайи.

Встрѣчаетъ
странную
пирогу.

съ подарками, выманивъ у нихъ все, что ему хотѣлось. Подойдя къ матерiku, близъ нынѣшняго мыса Гондураса, аделантадо
На берегу высадили на немъ въ воскресенье 14 августа; испанцы
Гондураса, отслужили мессу въ тѣни лѣса, неподалеку отъ побережья. Затѣмъ,
 17 числа, Бартоломео высадили на берегъ, на незначительномъ раз-
 стояніи отъ перваго мѣста, на востокъ, и здѣсь, пройдя по рѣкѣ

Гондурасъ Беллипа.

(рѣка Владѣнія, нынѣ Ріо-Тинто), онъ водрузилъ знамя Кастиліи и формально завладѣлъ страной. Индійцы встрѣтили испанцевъ дружелюбно и съ обѣихъ сторонъ произошелъ обмѣнъ мѣстныхъ припасовъ и бездѣлушекъ. Аборигены были татуированы, у нихъ были своеобразные обычаи, напр., они носили миткалевые куртки и массив-

ныя серьги въ ушахъ, чего ранѣ испанцы не видали у другихъ индійцевъ.

Продолжая слѣдовать вдоль берега къ востоку, Колумбъ боролся съ теченіями, повидимому, не разсуждая, что, быть можетъ, Въ поискахъ за проливомъ. такимъ образомъ онъ удаляется отъ пролива, до такой степени его обуяла мысль, что подобный проливъ находится непременно гдѣ-то далеко на югѣ. Видѣнія его не помогли ему разгадать теченія воды, которое опровергло бы его смѣшныя клятвы насчетъ побережья острова Кубы. И такъ, онъ шелъ все время противъ бури и теченія и, удивленный, медленно подвигался вдоль берега. Отъ всѣхъ этихъ поворотовъ изорвались его паруса, изломались его суда и выбились изъ силъ его матросы. Они пришли въ отчаяніе и стали исповѣдоваться другъ друга. Иные приносили обѣты покаянія, если Богу угодно будетъ сохранить ихъ живыми. Самого Колумба сразила подагра и вотъ онъ, лежа на шканцахъ подъ прикрытіемъ Колумбъ, измученный подагрой. холщоваго навѣса, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что имъ попадалось на пути. «Страданія моего сына, — говоритъ онъ, — терзали мою душу, особенно при мысли о его нѣжномъ возрастѣ; вѣдь ему было всего тринадцать лѣтъ, а онъ такъ долго выносилъ эту утомительную пытку». «Братъ мой, — прибавляетъ онъ далѣе, — находился на самомъ плохомъ суднѣ, которому ежеминутно грозила гибель; меня несказанно тревожило это, потому что я взялъ его съ собою противъ его воли»

Не легко было пройти семьдесятъ лигъ отъ мыса Гондураса къ мысу Граціосъ а-Діосъ (Слава Богу); самое названіе, которое онъ далъ этому мѣсту, показываетъ его благодарность Богу, 1502 г. сентябрь мысъ Граціосъ а-Діосъ. когда, наконецъ, послѣ сорокадневныхъ тяжелыхъ усилій суда его обогнули мысъ 12 сентября (или 14). Передъ нимъ тянулось далеко на югъ открытое побережье — пылѣвшій берегъ Москитовъ. Теченія, которыя до сихъ поръ такъ упорно направлялись на западъ, здѣсь раздѣляются и посылаютъ одну вѣтвь къ этому берегу. И такъ, съ «попутнымъ вѣтромъ и теченіемъ», выражаясь его словами, испанцы шли, а передъ ними безпрестанно мѣнялся пейзажъ — то скалистыхъ, то низменныхъ береговъ болѣе чѣмъ на шестьдесятъ лигъ, пока они не увидали огромную массу рѣчной воды. Имъ, повидимому, представлялся удобный случай наполнить свои бочки свѣжей водой и запастись дровами. 16 сентября они бросили здѣсь якорь и на лодкахъ отправились осмотрѣть берега. Какъ разъ на барѣ лодки попали въ водоворотъ, — два встрѣчныхъ теченія, морского прилива и рѣчного прилива, бѣшено обдали ихъ своими волнами. Матросы не въ силахъ были преодолѣть Гибель лодки и людей, бывшихъ на ней. силу потока и одна изъ лодокъ пошла ко дну со всѣми людьми, которые на ней находились. Въ память этого несчастія Колумбъ назвалъ рѣку El Rio del Desastre, т. е. рѣкою Несчастія. Продолжая идти далѣе, 25 сентября они подошли 1502 г. 25 сентября. Ла-Хуэрта. къ прекрасному рейду между островомъ и материкомъ;

тутъ была чудная зелень и воздухъ пропитанъ благоуханіями. Мѣсто это Колумбъ назвалъ Садоу (La Huerta). Здѣсь, ставъ на якорѣ, они въ теченіе одного дня или двухъ дней чинили свои корабли, поврежденные бурей, просушивали свой провіантъ, намокшій отъ непрерывныхъ проливныхъ дождей. Аборигены слѣдили за ними съ берега и съ любопытствомъ разсматривали ихъ оружіе. Но видя, что испанцы остаются спокойными, дикари стали смѣлѣе и скоро вплавъ приблизились къ испанскимъ судамъ. Колумбъ попробовалъ расположить ихъ щедростью, отказываясь отъ обмѣна, одѣлая ихъ разными испанскими бездѣлушками. Эти подарки, однако же, возбудили недовѣріе дикарей и всѣ бездѣлушки были ими возвращены назадъ. Пока испанцы ходили на берегъ за водою, дикари прислали на бортъ двухъ юныхъ дѣвушекъ въ видѣ залога; но дикари отняли всѣ украшенія даже у этихъ дѣвушекъ, когда послѣднія вернулись къ нимъ, и все до послѣдней вещицы возвратили испанцамъ. Тутъ у Колумба есть разногласіе съ «Historie» относительно этихъ молодыхъ женщинъ, — Колумбъ изображаетъ ихъ болѣе безнравственными, чѣмъ его лѣтописецъ. Когда аделантадо пошелъ на берегъ съ нотаріусомъ, а послѣдній развернулъ бумагу и вынулъ письменный приборъ, индіянамъ показалось, что испанцы хотятъ совершить какое-то колдовство, дикари убѣжали и вернулись съ чѣмъ-то напоминавшимъ курильницу, откуда они во всѣ стороны пускали дымъ, какъ бы желая прогнать злыхъ духовъ.

Характеристики аборигеновъ.

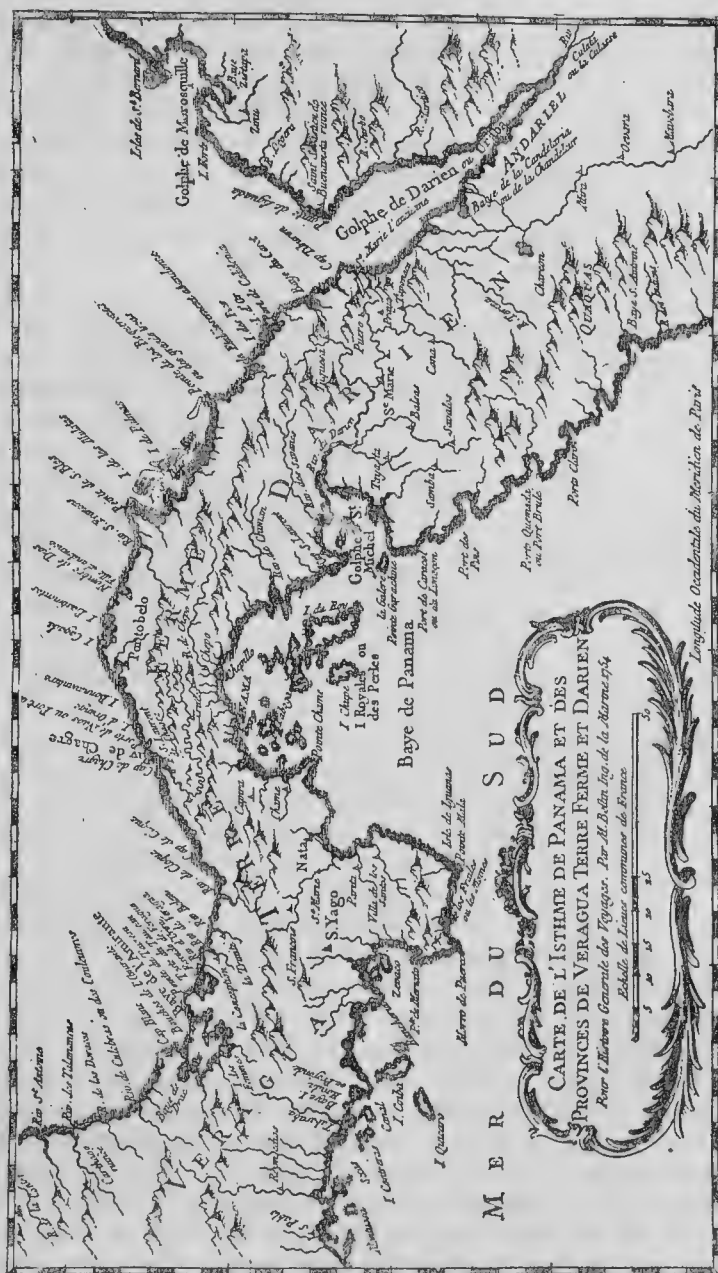
Эти своеобразные обычаи индійцевъ сильно подѣйствовали на суевѣрныхъ испанцевъ. Они вообразили, что попали къ колдунамъ, а Колумбъ, думая о двухъ молоденькихъ индіанкахъ, которыя побывали у него на кораблѣ, убѣдился, что дикари напустили на нихъ волшебныя чары и впослѣдствіи не могъ вполне отдѣлаться отъ этой мысли.

Колумбъ отпустилъ на мысъ Граціосъ-а-Діосъ того стараго индійца, котораго взялъ въ проводники, приставивъ къ берегу, щедро наградивъ его; поэтому теперь Колумбъ захватилъ семерыхъ изъ этого новаго племени и, выбравъ изъ нихъ въ проводники двухъ, которые показались ему смышленѣе другихъ, отпустилъ остальныхъ. Это насильственное лишеніе свободы одного изъ ихъ соплеменниковъ было очень близко принято къ сердцу дикарями, — они подсылали своихъ эмиссаровъ для переговоровъ объ освобожденіи плѣнниковъ, но, разумеется, безуспѣшно.

5 октября испанцы отошли изъ этой области, которая у туземцевъ называлась Каріари и гдѣ до сихъ поръ сохранилось имя Колумба въ заливѣ, названномъ заливомъ Адмирала (Bahia del Almirante) и скоро замѣтили, что берегъ продолжаетъ тянуться на востокъ. Они находились у побережья, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ Коста-Рика. Скоро они вошли въ широкій, усѣянный островами заливъ Карибаро. Испанцы пришли въ восхище-

*1502 г.
октябрь.
Каріари.*

ние, увидавъ здѣсь туземцевъ, которые были обвѣшаны золотыми пластинками. Они было вздумали предложить имъ обычный обмѣнъ, по

индійцы ни за что не хотѣли разстаться со своими украшениями. Дикари дали понять испанцамъ, что этого металла очень много въ мѣстѣ, называемомъ Верагуа. И такъ корабли отплыли 17 октября и пришли къ этому берегу. Испанцы подошли къ рѣкѣ; но аборигены послали имъ враждебный вызовъ, забрасывая ихъ раковинами и потрясая копьями. Войдя въ потокъ, они стали забрызгивать ихъ водою въ знакъ презрѣнія къ нимъ. Проводники Колумба скоро ихъ успокоили и тутъ послѣдовалъ круговой обмѣнъ, благодаря которому семнадцать золотыхъ кружочковъ перешли въ руки испанцевъ за три бубенчика. Однако, обмѣнъ закончился было ссорой, но испанскіе бомбарды и самострѣлы сразу привели индійцевъ въ повиновеніе.

Флотъ пошелъ далѣе. Повсюду повторялась та же сцена—изумленіе дикарей, враждебный видъ и быстрое обращеніе ихъ къ мирнымъ чувствамъ, благодаря диковинкамъ. Въ одномъ мѣстѣ испанцы увидели то, чего еще нигдѣ до того времени не встрѣчали,—стѣну сложенную изъ камня и извести, такъ что Колумбъ снова сталъ предаваться мечтамъ о культурномъ Востокѣ. Береговые народы, по его словамъ, были вездѣ въ дикомъ состояніи; но внутри страны попадаются богатые народы. Когда онъ проходилъ вдоль берега Верагуа,—такъ принято писать это названіе, хотя нотаріусъ записалъ его по индійскому произношенію «Кобраба»,—проводники его указали ему на деревни и на главную изъ нихъ; а когда испанцы подвинулись еще далѣе, индійцы сказали ему, что тутъ страна золота. Колумбъ не былъ вполне увѣренъ въ ихъ словахъ, но индійцы старались убѣдить его открыть сообщеніе съ берегомъ, что дало бы имъ возможность вырваться на свободу. Но искателю пролива было теперь не до золота. Видѣніе увлекало его въ страну, полную чудесъ, по имени Сигуарэ: всѣ племена дикарей, которыхъ онъ встрѣчалъ, говорили ему, что на десятидневномъ разстояніи внутри страны

живетъ народъ, который «ѣсть и пьетъ на золотѣ», ходитъ въ море на корабляхъ и ведетъ торговлю пряностями и другими дорогими товарами. Они говорили, что женщины тамъ съ головы до ногъ покрыты кораллами и жемчугами. «Я бы удовольствовался десятой долей того, что сулятъ ихъ рассказы»,—говоритъ Колумбъ. Онъ даже вообразилъ по всему, что могъ понять изъ ихъ жестовъ и языка, что обитатели Сигуарэ были также воинственны какъ испанцы и ѣздили на животныхъ. «Говорятъ также, что кругомъ Сигуарэ море, а въ десятидневномъ разстояніи оттуда находится рѣка Гангъ». Гумбольдтъ думаетъ, кажется, что во всемъ этомъ Колумбъ выражалъ понятіе о томъ великомъ западномъ океанѣ, который былъ къ нему гораздо ближе, чѣмъ онъ это полагалъ. Можно сомнѣваться, было ли все это такъ ясно въ представленіи Колумба, какъ думаетъ Гумбольдтъ, но есть большое основаніе думать, что Колумбъ воображалъ эту чудную страну на полпути отъ Ганга. Если бы, какъ го-

рячо утверждаютъ его канонизаторы, онъ не принялъ въ своихъ видѣніяхъ перешейка за проливъ, то онъ быстро перешелъ бы ту незначительную преграду, которая отдѣляла его теперь отъ цѣли его стремленій.

У перешейка.

2 ноября корабли Колумба снова стали на якорѣ въ обширной гавани; ея тѣнистыя рощи и плоды были такъ прекрасны, вода такъ глубока у самаго берега, что Колумбъ называлъ это мѣсто Пуэрто-Белло (Порто-Белло)—имя, удержавшееся за этой гаванью навсегда. Семь дней шелъ дождь, испанцы ничего не дѣлали, только вели съ индійцами мѣновую торговлю на провiантъ. У здѣшнихъ дикарей золота почти не было и они не предлагали его въ обмѣнъ. Отправившись далѣе, испанцы приблизились къ мысу Номбре де-Діосъ, но имъ долго не удавалось пройти его. Они скоро нашли гавань, гдѣ простояли до 23 ноября; затѣмъ, продолжая свой путь, бросили якорь въ такой крошечной бухтѣ, что судамъ пришлось стать совсѣмъ близко къ берегу. Непогода удержала здѣсь Колумба цѣлыя девять сутокъ. Грѣющіеся на солнцѣ аллигаторы напоминали ему нильскихъ крокодиловъ. Аборигены были необыкновенно пріятливы и ласковы и провизіи у испанцевъ было вдоволь. Матросамъ было очень удобно уходить тайкомъ по ночамъ на берегъ и это обстоятельство подѣйствовало на команду Колумба деморализующимъ образомъ,—въ домахъ туземцевъ стали совершаться всякія гнусности и безобразія. Терпѣніе дикарей, наконецъ, истощилось и веселыя походы испанцевъ закончились нападеніемъ индійцевъ на ихъ корабли. По обыкновенію расправа съ дикарями была короткая: нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей и побѣда осталась за бѣлыми.

1502 г.

2 ноября.

Порто-Белло.

Номбре

де-Діосъ.

Колумбъ еще не нашелъ ни малѣйшаго отклоненія того теченія, которое стремится отсюда въ Мексиканскому заливу. Ему приходилось бороться съ этимъ мощнымъ теченіемъ шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался вдоль берега. Убѣдиль-ли его этотъ реальный фактъ въ химеричности его видѣнія пролива — неизвѣстно. Узналъ-ли онъ въ дѣйствительности, что въ настоящую минуту онъ соединялъ свои собственные открытія, идя на востокъ, съ открытіями Бастидаса, который шелъ съ запада—также неизвѣстно, хотя, быть можетъ, онъ и слышалъ отъ аборигеновъ о появленіи въ ихъ краяхъ небесныхъ и крылатыхъ чудовищъ. Если только онъ это понялъ, то ему стало ясно, что,—по крайней мѣрѣ, въ этомъ направлении,—пролива нѣтъ. Мы уже видѣли, что Бастидасъ находился на одномъ изъ кораблей Бобадиллы, когда Колумбъ отошелъ отъ Санто-Доминго. Посланному Колумба на берегъ представлялась возможность повидаться съ Бастидасомъ и взглянуть на его карты,—быть можетъ, онъ сообщилъ нѣкоторые данныя изъ этихъ картъ. Нѣсколько товарищей Бастидаса, участвовавшихъ въ его экспедиціи, прибыли въ Испанію раньше отплытія Колумба, и онъ

*Изслѣдованіе
этого берега
Бастидасомъ.*

могъ кое-что узнать о результатахъ экспедиціи хотя бы этимъ путемъ. Но если Колумбу и было извѣстно объ этомъ, онъ никому объ этомъ не говорилъ.

Можетъ быть, въслѣдствіи Поррасъ узналъ объ этомъ гораздо больше, по крайней мѣрѣ; у него говорится гораздо больше, чѣмъ у Колумба. Напр., онъ говоритъ, что многими чертами народъ здѣшняго края походитъ на народъ Жемчужнаго берега, въ Паріи; и по картамъ, какія имѣлись у нихъ, это былъ тотъ самый географическій пунктъ, куда доходили Охеда и Бастидаъ.

Были и другія причины, — помимо того, что онъ отчаялся пайти проливъ, — заставившія Колумба вернуться назадъ. ^{Колумбъ осраицается назадъ.} Экипажъ его былъ недоволенъ, что они бросили золото Верагуа. Корабли его сильно попортились червоточиною,

да вдобавокъ отъ бурь и непогоды, безпощадно слѣдовавшихъ за путешественниками, становились день ото дня болѣе негодными для пла-

^{5 октября 1502 г.} ванія. И такъ, 5 декабря 1502 года, Колумбъ, выйдя изъ гавани Эль-Ретрета, пошелъ въ обратный путь. Скоро вѣтеръ, который до того времени непрерывно дулъ имъ въ лицо, теперь сталъ дуть съ запада, мѣшая имъ идти назадъ, какъ ранѣе мѣшалъ подвигаться впередъ. Казалось, стихіи обратились противъ него. Буря словно издѣвалась надъ нимъ, кружась по всѣмъ направленіямъ. Берегъ этотъ въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ названіе, данное ему Колумбомъ — берега Противоположностей (La Costa de los Contrastes).

^{Буря.} Молнія безпрестанно прорѣзывала небо. Громъ наполнялъ ужасомъ душу матросовъ. Въ теченіе девяти дней маленькіе корабли, словно въ предсмертной агоніи, боролись съ волнами — расстрескавшіеся по всѣмъ швамъ, давая повсюду течь, изрѣшенные червями тропическаго моря. Вдругъ у нихъ на глазахъ образовался смерчъ громадныхъ размѣровъ. Море бурно вздымалось у его основанія. Облака спустились, чтобы придать ему больше силы. Онъ на-двигался, пошатываясь, толчками, на хрупкія барки. Люди Колумба начали отчитывать нечистую силу воды, повторяя Евангеліе отъ святого Іоанна Евангелиста; и столбъ, готовый рухнуть, прошелъ мимо.

Въ довершеніе всѣхъ этихъ опасностей имъ угрожали ужасы голода. Сухари невозможно было ѣсть, такъ какъ въ нихъ кишѣли черви. Они ловили акулъ и питались ихъ мясомъ.

Наконецъ, 17 декабря, флотъ соединился, — во время бури корабли потеряли другъ друга изъ виду, — и вошелъ въ гавань; тутъ они увидали жилища аборигеновъ, устроенные на верхушкахъ деревьевъ, чтобы укрыться отъ грифовъ, либо отъ другихъ какихъ-нибудь звѣ-

^{17 декабря 1502 г.} рей. Послѣ цѣлаго ряда другихъ напастей отъ непогоды они въ концѣ концовъ увидали гавань на берегу Верагуа, въ рѣкѣ, которую Колумбъ назвалъ Санта-Марія де-Беленъ (Виноземъ), такъ какъ былъ день Крещенія; тутъ бросили якорь два корабля

9 января, а другіе два—10 января 1503 года. Колумбъ употребилъ около мѣсяца, чтобы пройти тридцать лигъ вдоль берега. Сперва обычнымъ способомъ успокоили индійцевъ, а затѣмъ посредствомъ обмѣна получили отъ нихъ немного золота. Едва устроились здѣсь испанцы, какъ 24 января 1503 года съ ними случилась бѣда — рѣка вдругъ вздулась и имъ угрожало затопленіе. Очевидно, это произошло отъ постоянныхъ дождей въ отдаленныхъ горахъ, ^{1503 г.} ^{24 январ.} которыя они могли видѣть изъ своего убѣжища. Корабли ихъ ударились одинъ о другой словно лодки. На кораблѣ адмирала переломилась мачта. «Дождь шелъ не переставая вплоть до 14 февраля», — вспоминаетъ адмиралъ о своихъ бѣдствіяхъ. Пока продолжался штормъ на морѣ, Колумбъ послалъ аделантадо на лодкѣ вверхъ по рѣкѣ Верагуа, за три мили отъ мѣста ихъ стоянки, съ цѣлью отыскать мѣсторожденія золота. Эта маленькая экспедиція прошла 6 февраля на лодкахъ такъ далеко, насколько ей дозволили ея силы, а затѣмъ взявъ съ собою проводниковъ, которыхъ имъ далъ Квибианъ, — такъ назывался правитель этой страны, — они дошли до области, гдѣ земля будто сверкала частичками золота. Колумбъ говоритъ, какъ онъ узналъ впоследствии, что коварный Квибианъ провелъ ихъ нарочно къ мѣсторожденіямъ одного изъ враждебныхъ ему царьковъ, между ^{Бартоломео} ^{ищетъ золото.} тѣмъ, какъ его собственныя мѣсторожденія были и богаче, и ближе; но тѣмъ не менѣе послѣдніе не ускользнули отъ испанцевъ, обладавшихъ особымъ нюхомъ къ золоту. Бартоломео сдѣлалъ нѣсколько другихъ экскурсій вдоль берега, но ему показалось, что нигдѣ не было такъ много золота, какъ въ Верагуа.

Теперь Колумбъ снова вернулся къ былымъ химерамъ. Онъ вспомнилъ, какъ Иосифъ описывалъ доставку золота для Иерусалимскаго храма изъ Золотого Херсонеса — ужъ не здѣсь-ли онъ находился? «Иосифъ полагаетъ, что это золото, о которомъ говорится въ Паралипоменонѣ и въ Книгѣ Царствъ, было найдено въ Ауреи, — пишетъ онъ. — Если это вѣрно, то я утверждаю, что мѣсторожденія Ауреи и Верагуа ^{Золото} ^{Ауреи.} одни и тѣ же. Давидъ завѣщалъ Соломону 3.000 центнеровъ индійскаго золота на постройку храма и, по мнѣнію Иосифа, золото это шло изъ этихъ странъ». По его словамъ, въ два дня онъ здѣсь нашелъ больше шансовъ къ открытію золота, чѣмъ въ Эспаньолѣ за четыре года! Какимъ ничтожнымъ представлялся ему теперь его Офиръ въ Гайанѣ! Тѣ богатства остались въ рукахъ его обидчиковъ. Пусть жемчугъ берега Паріи станетъ добычею низкаго авантюриста. Здѣсь была царственная область божественно вдохновеннаго открывателя, который, наконецъ, получилъ свою награду!

Тотчасъ же былъ составленъ планъ объ основаніи здѣсь поселенія, чтобы удержать за собою эту область и изслѣдовать ее, пока Колумбъ отправится за необходимыми пособіями въ Испанію. Въ новой колоніи должны были остаться ^{Колумба} ^{ни-} ^{тается} ^{осно-} ^{вать} ^{здѣсь} ^{поселеніе.} восемьдесятъ человѣкъ. Испанцы принялись строить дома. Они раз-

дѣлили всѣ запасы провіанта и амуницію и перенесли то, что предназначалось для колоніи, на одно судно, которое Колумбъ имъ оставлялъ. Старались всячески задобрить туземцевъ подарками, а Квибіана угощали и осыпали подношеніями. Когда все было уже налажено, оказалось, что наступило полное бездождіе и на барѣ было такое мелководіе, что невозможно было отплыть изъ гавани.

А въ это самое время Квибіанъ составилъ союзъ, чтобы перебить *Подвиги Діега Мендеса.* непрошенныхъ гостей. Колумбъ отрядилъ разузнать, въ чемъ дѣло, одного храбраго молодца, по имени Діега Мендеса. Онъ встрѣтилъ цѣлое войско дикарей, шедшихъ ихъ атаковать; но этому одинокому испанцу удалось привести ихъ въ замѣшательство и они отложили свои враждебныя намѣренія. Опять тотъ же Мендесъ съ единственнымъ товарищемъ, по имени Родриго де-Эскобаръ, безстрашно отправился въ деревню Квибіана и живо вернулся назадъ рассказать адмиралу обо всѣхъ приготовленияхъ къ войнѣ, которыя онъ видѣлъ или которыя имѣлись въ виду. Извѣстія эти подстрекнули дѣятельнаго аделантадо и, согласно плану Мендеса, онъ двинулся на дикарей съ вооруженной силою 30 марта. Онъ такъ быстро пришелъ въ деревню кацика, что дикари были застигнуты врасплохъ; съ ловкою поспѣшностью онъ окружилъ помѣщеніе Квибіана и захватилъ его вмѣстѣ съ пятидесятью его приверженцами. Аделантадо отослалъ его, связавъ по рукамъ и ногамъ, подъ стражею внизъ по рѣкѣ, поручивъ Хуану Санхецу хорошо стеречь плѣнника. Когда лодка приблизилась къ устью рѣки, командиръ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ Квибіана развязать связывавшія его путы; улучивъ удобную минуту, кацикъ бросился за бортъ и нырнулъ ко дну. Ночь была темная и его уви- *Ему удается блѣзнуть.* дѣли на поверхности воды только тогда, когда уже догонять его было поздно. Другихъ плѣнниковъ сдали на руки адмиралу. Тѣмъ временемъ аделантадо успѣлъ разграбить хижину кацика и принесть всѣ находившіеся въ ней запасы золота.

Колумбъ, полагая, что Квибіанъ утонулъ; а острастка, которую они задали его племени, будетъ для нихъ памятнымъ урокомъ, снова сталъ готовиться къ отплытію въ Испанію. Воды въ рѣкѣ прибыло немного и ему удалось проташить свои разгруженные корабли черезъ баръ; тутъ онъ бросилъ якорь и снова сталъ ихъ гру- *1503 года 6 апрѣля.* зить. Желая отдать послѣднія приказанія и зацѣпиться прѣсною водою, Колумбъ послалъ 6 апрѣля лодку подъ командою Тристана Діега къ аделантадо, который оставался во главѣ экспедиціи послѣ отъѣзда Колумба. Тристанъ засталъ поселеніе въ страшной опасности. Квибіанъ, благополучно добравшись къ берегу послѣ своего приключенія, быстро собралъ новый отрядъ воиновъ и напалъ на поселеніе. Дикари уже одолѣвали бѣлыхъ, такъ какъ неравная борьба длилась приблизительно три часа, *Дикари нападаютъ на поселеніе испанцевъ.* но тутъ аделантадо и Мендесъ, собравъ небольшой от-

рядъ, такъ неистово ринулись на туземцевъ съ помощью кровожадной ищейки, что въ одно мгновеніе туземнаго войска какъ не бывало. Только одинъ испанецъ былъ убитъ, да восемь человѣкъ ранены, включая аделантадо; за то пораженіе индійцевъ было полное.

Какъ разъ въ то время, когда происходили эти сцены, подошелъ Тристанъ на лодкѣ къ противоположному берегу. Онъ благоразумно переждалъ здѣсь, пока не окончилась вся эта свалка, а затѣмъ поднялся вверхъ по рѣкѣ, чтобы набрать воды. Товарищи, бывшіе на берегу, предупредили его, что тамъ можетъ быть засада; но онъ не обратилъ вниманія на ихъ предостереженія. Когда онъ от-
Тристанъ
убитъ.
шылъ такъ далеко, что ему нельзя уже было разсчиты-
вать на помощь поселенія, на лодку его посыпались справа и слева дротики съ нависшихъ скалъ, а спереди и сзади его атаковали, въ огромномъ множествѣ, пироги. Только одному испанцу удалось спастись нырнувъ въ воду; онъ-то и принесъ печальную вѣсть о гибели своихъ соотечественниковъ.

Положеніе колоніи стало теперь опаснымъ. Индійцы, ободренные, что имъ удалось осилить лодку, еще разъ дружно напали на маленькую кучку «испанскихъ узурпаторовъ», какъ бы слѣдовало Колумбу назвать своихъ товарищей. Дома, гдѣ они укрывались, стояли такъ близко къ густому лѣсу, что дикари подходили къ нимъ со всѣхъ сторонъ подъ прикрытіемъ чащи. Лѣса оглашались ихъ криками и шумомъ бросаемыхъ имъ раковинъ. Испанцы, охваченные внезапнымъ непреодолимымъ ужасомъ, вышли изъ повиновенія аделантадо. Они подумывали взять судно и спуститься внизъ по рѣкѣ; но оказалось, что судно невозможно снять съ бара. Тогда они рѣшились послать лодку къ адмиралу, намѣреваясь не отпускать его въ Испанію безъ нихъ; но встрѣчные токи произвели на барѣ такое бурное волненіе, что не было никакой возможности спустить лодку въ море. Трупы Тристана и его людей принесло къ берегу теченіемъ воды, а на нихъ сидѣли вороны, наслаждаясь ужаснымъ пиромъ. Казалось, будто сама природа посылала имъ свои предостереженія. Наконецъ, аделантадо удалось подбодрить большинство испанцевъ, и вотъ они устроили кое-какъ и изъ чего попало нѣчто въ родѣ бруствера, неподалеку отъ берега, гдѣ было открытое мѣсто. Тутъ они могли употребить въ дѣло свои кремневые ружья и задать жару своимъ врагамъ. Испанцы поставили позади этого бульварка два маленькихъ фальконета и приготовились защищаться. Въ такомъ положеніи находились они уже четыре дня. Однако, съѣстные припасы у нихъ были на исходѣ и каждый испанецъ, рѣшавшійся идти на фуражировку, могъ быть ранѣе увѣренъ, что ему не вернуться живымъ. Вдобавокъ и во-
енные припасы ихъ порядкомъ поистощились.

Между тѣмъ Колумбъ переживалъ подобное же состояніе мучительной тревоги. «Адмиралъ страдалъ сильной лихорадкой,— пишетъ онъ, — и усталость измучила его». Корабли его стояли на якорѣ

по ту сторону бара; каждую минуту онъ рисковалъ быть вынужденнымъ выйти въ море, чтобы выбраться на подвѣтренную сторону. Его сильно беспокоило продолжительное отсутствіе Тристана. Другое событіе было не менѣе зловѣщаго характера. Соучастники Квибиана были заключены на корабль, на бакъ; адмиралъ намѣревался взять ихъ съ собою въ Испанію, какъ заложниковъ, чтобы обезопасить положеніе остававшейся колоніи. Приставленные къ этимъ плѣнникамъ сторожа по небрежности оставляли открытымъ рѣшетчатый люкъ и въ одну прекрасную ночь позабыли замкнуть его, рассчитывая, по всей вѣроятности, на бдительность нѣсколькихъ матросовъ, спавшихъ надъ люкомъ. Дикари, устроивши подмостки съ помощью балласта, который они нагромоздили себѣ подъ ноги, внезапно откинули крышку отъ люка, отбросивъ изъ всей силы въ сторону спавшихъ матросовъ, и прежде чѣмъ успѣли позвать сторожа, бѣлая часть плѣнныхъ прыгнула въ море и спаслась. Остальныхъ, которыхъ удалось поймать, втокнули опять въ ихъ тюрьму, но на слѣдующее утро нашли ихъ всѣхъ мертвыми—они удавились.

Послѣ такихъ проявленій жестокой рѣшимости со стороны дикарей, Колумбъ сильнѣе прежняго сталъ тревожиться за безопасность товарищей своего брата и Тристана. Въ теченіе долгихъ дней сильный бурю ставилъ неодолимую преграду между ними и берегомъ. У него была только одна лодка и онъ не рѣшался рисковать ея цѣлостью, чтобы пристать къ берегу. Наконецъ, севильскій лоцманъ, ^{Подвигъ Ледезмы.} Педро Ледезма, предложилъ помѣряться съ бурными волнами и добраться до берега вплавь, если только лодка возьметъ его близко къ прибою. Попытка Ледезмы удалась; онъ довѣрился прибою и благодаря своей силѣ и ловкости, преодолѣлъ волну за волной и выплылъ въ болѣе тихія воды; съ корабля скоро увидѣли, какъ онъ взмошелъ на берегъ. Немного погодя его снова увидѣли на берегу; онъ опять бросился въ море и опять ему удалось переплыть черезъ его разъяренныя волны. Тутъ его подхватили въ лодку. Печальную исторію рассказалъ онъ адмиралу. Испанцы вышли изъ повиновенія, аделантадо не могъ съ ними ничего подѣлать, у всѣхъ было одно общеное желаніе—вырваться оттуда такъ или иначе. Ледезма сказалъ, что они готовились придти къ кораблямъ на пирогахъ, такъ какъ судно не могло перейти черезъ баръ.

Много было потрачено времени на разсужденія въ эти часы всеобщаго унынія; но въ концѣ концовъ было рѣшено освободить колонію и покинуть этотъ берегъ. Вѣтры не стихали, и корабли Колумба, совершенно расшатанные, держались на поверхности воды только благодаря неусыпной заботливости. Потеря части экипажа отозвалась на оставшихся: теперь на долю ихъ выпало больше труда и стѣсненій. Пока прибой продолжался, невозможно было послать на берегъ единственную лодку, которая у нихъ оставалась. Точно также невозможно было его колонистамъ пе-

реходить баръ на хрупкихъ индійскихъ лодкахъ. Колумбу оставалась одна только перспектива — стараться удержатъ свои суда на якорѣ, пока возможно, и ждать.

Наша жалость къ этому человѣку подчасъ дѣлаетъ насъ неспособными судить о его собственныхъ запискахъ. Попробуемъ повѣрить тому, что онъ говоритъ о себѣ самомъ и послушаемъ бредъ его больного ума. «Истомленный, — пишетъ онъ, — я за-
Колумбъ
въ бреду
слышитъ
голосъ.
 спулъ на самой верхней части корабля и услышалъ голосъ полный состраданія, взывавшій ко мнѣ». Голосъ этотъ повелѣвалъ ему не терять бодрости и искать опоры въ служеніи Богу! То, что Богъ сдѣлалъ для Моисея и Давида, будетъ сдѣлано и для него! По мѣрѣ того, какъ мы читаемъ пространный рассказъ о Божественномъ увѣщаніи, тщательно занесенный Колумбомъ въ его дневникъ, мы узнаемъ, что Творцу вселенной было извѣстно имя его служителя, чудно раздававшееся по всей землѣ. Однако, мы видимъ, что божественная мысль служить курьезнымъ отраженіемъ убѣжденія Колумба, что имъ была открыта Индія, а не Америка. «Вспомни Давида, — говорилъ голосъ, — онъ былъ пастухомъ, а сталъ царемъ. Вспомни Авраама, — ему было сто лѣтъ, когда онъ родилъ Псаака, и что есть молодость и въ старости». Колумбъ прибавляетъ, что голосъ порицалъ его; а онъ плакалъ о своихъ заблужденіяхъ; все это ему слышалось, какъ будто въ летаргическомъ снѣ.

Прямое объясненіе всего этого слѣдующее: либо Колумбъ имѣлъ намѣреніе подобными баснями повліять на своихъ государей, для которыхъ онъ писалъ, либо галлюцинаціи до такой степени потрясли его сознание, что онъ сталъ вѣрить въ то, что записывалъ. Преклоненіе передъ героемъ помогаетъ Ирвингу рѣшить этотъ вопросъ безъ дальнихъ размышленій. «Подобная мысль, — говоритъ Ирвингъ по поводу обвиненія Колумба въ обманѣ, забывая при этомъ пристрастіе адмирала къ надувательству, — несовмѣстима съ характеромъ Колумба. Вспоминая сонъ, каждый безсознательно придаетъ ему нѣкоторую связь съ дѣйствительностью». Ирвингъ доказываетъ, что Колумбъ, въ лихорадочномъ возбужденіи своего ума, принялъ простой сонъ за откровеніе. «Безыскусственность, — продолжаетъ этотъ біографъ, — съ какою онъ перемѣшиваетъ мысли и мечты своего воображенія съ обыкновенными фактами и здравыми практическими наблюденіями, выражая ихъ, такъ сказать, библейски-торжественнымъ и поэтическимъ языкомъ, является однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ натуры, богато одаренной самыми удивительными и, повидимому, противоположными элементами». Быть можетъ, мы имѣемъ право спросить: былъ-ли герой Ирвинга обманщикъ или сумасшедшій? Есть много данныхъ полагать, что все эти видѣнія были простымъ результатомъ тѣхъ припадковъ душевнаго разстройства, которые въ послѣдніе годы перѣдко посѣщали Колумба. Умъ его часто не въ состояніи былъ противостоять галлюцинаціямъ посреди разочарованій и тревогъ, окружавшихъ его.

Гумбольдтъ говоритъ, что въ письмѣ Колумба, гдѣ списывается это видѣніе, выражается нарушенная гармонія гордой души, подавленной погибшими надеждами. Ему не странно, что эта странная смѣсь силы и слабости, гордости и трогательнаго смиренія, которыми сопровождаются тайныя терзанія его духа, возбудить въ людяхъ когда-нибудь другія чувства, помимо состраданія.

Трудно произносить слово осужденія надъ душой, которая переживаетъ такую агонію; тутъ неприложима мѣрка лучшихъ дней. «Пусть спросятъ у тѣхъ, кто поносятъ и клеветятъ, сидя у себя дома въ полной безопасности,—почему не сдѣлалъ ты такъ-то и такъ-то при такихъ обстоятельствахъ?» говоритъ Колумбъ самому себѣ. Гораздо легче броситься самому въ водоворотъ и быть подталкиваемому симпатіей. Но четыреста лѣтъ научили насъ чему-нибудь и очистили нашъ умъ отъ миражей. Не всегда благородно то, что достойно сожалѣнія.

Разумѣется, голосъ въ представленіи Колумба имѣлъ связь съ послѣдовавшею хорошею погодою. А въ это время испанцы устроили паромъ изъ двухъ индійскихъ лодокъ, связанныхъ вмѣстѣ Отплытіе колоній. у платформы и подвезли на немъ благополучно все имущество колоній къ кораблямъ, такъ что, въ концѣ концовъ, имъ не пришлось ничего бросить за собою, кромѣ полусгнившаго, выброшеннаго на берегъ судна. Работа эта была исполнена подъ руководствомъ Діего Мендеца, котораго въ награду адмиралъ поцѣловалъ въ щеку и назначилъ его командиромъ вмѣсто убитаго Тристана на флагманскомъ суднѣ.

Станнымъ комментариемъ судьбы и славы Колумба является названіе этого рокового берега, напоминающее объ адмиралѣ и понынѣ въ титулѣ его потомка, герцога Верагуа. Едва-ли когда-либо приходилось мореплавателю поворачивать свои корабли съ большей горестью и съ бѣдлшимъ облегченіемъ, чтобы уйти отъ мучительныхъ сценъ, которыя онъ желалъ бы скорѣе позабыть, какъ это сдѣлалъ Колумбъ, выйдя въ море, въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1503 года, съ обезсиленнымъ экипажемъ и обветшалыми судами; онъ рассчитывалъ плыть въ Эспаньолу. И вотъ три мѣсяца спустя, тутъ же рядомъ съ повѣстью о своихъ бѣдствіяхъ, съ тою забывчивостью, какая такъ часто заволакивала его блуждающій разумъ, онъ писалъ своимъ государямъ, что «нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ жители были бы такъ смирны; притомъ тутъ отличная гавань, чудесная рѣка, и все мѣсто легко обратить въ крѣпость. Если вашъ народъ, придя сюда, захотѣлъ бы завладѣть продуктами другихъ странъ, то понадобилось бы для этого насиліе или оставалось бы удалиться съ пустыми руками. Въ этой же странѣ людямъ слѣдуетъ просто довѣряться дикарямъ». Очевидно, Колумбъ помѣшался.

Колумбъ направилъ курсъ къ востоку, такъ что корабли его кружились вокругъ намѣченнаго пути. Не безъ страха и даже негодованія люди его видѣли, какъ имъ казалось, его намѣреніе прямо плыть въ Испанію, несмотря на жалкое состояніе кораблей. Дѣйствительно, Мен-

1503 г.
апрѣль. Колумбъ отплылъ въ обратный путь.

дець, управлявшій судномъ самого адмирала, говоритъ, что «они считывали дойти до Испаніи». Однако, у адмирала было; повидимому, двѣ цѣли. Онъ намѣревался отплыть достаточно далеко къ востоку, а затѣмъ подняться къ Санто-Доминго. Онъ намѣревался также насколько возможно измѣнить обратный путь, боясь, какъ бы другіе не воспользовались свѣдѣніями его людей для открытія вновь этихъ золотыхъ береговъ. Ему вспомнилось, какъ бывшіе его спутники въ экспедиціи къ заливу «Парія» провели къ жемчужной области другихъ охотниковъ. Говорятъ также, что онъ отобралъ у своего экипажа всѣ памятные замѣтки объ этомъ путешествіи: «Никто изъ нихъ не въ состояніи объяснить, куда я пошелъ или откуда я пришелъ,— говоритъ онъ.— Имъ не узнать, какъ вернуться сюда».

Тѣмъ временемъ онъ дошелъ до Пуэрто-Белло, одинъ изъ его кораблей до такой степени попортился отъ червоточины, что ему пришлось бросить его и размѣстить ^{Въ Пуэрто-Белло.} своихъ людей на двухъ оставшихся судахъ. Спутники его стали роптать, когда они дошли до Даріенскаго залива; тутъ ^{Въ Даріенскомъ заливѣ.} онъ счелъ благоразумнымъ перемѣнить свой восточный курсъ и направить свои корабли на сѣверъ. Наступило 1 мая. Онъ держался вѣтра, чтобы одолѣть теченія, но, увидѣвъ ^{1503 г. 10 мая.} 10 мая острова къ западу отъ Эспаньолы, долженъ былъ убѣдиться, что все время теченіями его относило къ западу. Они продолжали относить его къ западу и вотъ, 30 мая, онъ ^{30 мая. На берегу Кубы.} очутился посреди острововъ у берега Кубы, которые онъ назвалъ Садами. «Я дошелъ,— говоритъ онъ, повторяя старую химеру,— до провинціи Маго, смежной съ Китаемъ». Тутъ онъ бросилъ якорь, чтобы дать отдохнуть своимъ людямъ. Выкачиваніе воды страшно ихъ утомило, а стоя на рейдѣ они могли продолжать эту работу съ небольшимъ раздыхомъ, лишь бы погода была хорошая. Однако, имъ въ этомъ не посчастливилось. Разразилась буря, во время которой они потеряли свои якоря. Кромѣ того, два судна сильно пострадали отъ столкновенія. На суднѣ адмирала сорвались всѣ якоря, исключая одного, да и на немъ капать едва держался. Послѣ шестидневнаго шторма, Колумбъ, наконецъ, рѣшился осторожно пройти вдоль берега. По счастью онъ раздобылъ въ одномъ мѣстѣ туземнаго провіанта и это дало ему возможность накормить своихъ людей, проголодавшихся до-смерти. Однако, его кораблямъ было не подъ силу бороться съ теченіями и противными вѣтрами. Каждую минуту они могли пойти ко дну. «Работая тремя насосами, горшками и котлами,— пишетъ онъ,— мы едва успѣвали откачивать воду притекавшую въ корабли, а другого средства не было, до такой степени они были повреждены червоточинной». Поэтому, по неволѣ, ему пришлось идти къ Ямайкѣ; 23 іюня онъ вошелъ въ гавань Пуэрто-Буэно ^{1503 г. 23 іюня Колумбъ доходитъ до Ямайки.} (Сухая Гавань). Не найдя здѣсь ни воды, ни провіанта, онъ на слѣдующій же день прошелъ къ Порту Санъ-Гло-

рія, въслѣдствіи названному убѣжищемъ Дона Христофора. Здѣсь онъ нашелъ необходимымъ немного позднѣе (23 іюля и 12 августа) поставить свои тонущіе корабли на мель; онъ постарался только поставить ихъ рядомъ, одинъ возлѣ другаго, чтобы можно было связать ихъ вмѣстѣ. Вскорѣ они наполнились водою. Жилы помѣщенія устроили на кормѣ, а вдоль шкафутовъ возвели, на сколько хватило у нихъ умѣнья, бульварки для защиты отъ непріятеля. Теперь Колумбъ зорко слѣдилъ за своими людьми, не дозволяя имъ рыскать по берегу, потому что было крайне важно въ ихъ почти безвыходномъ положеніи не надѣлать какихъ-нибудь безобразій по отношенію къ туземцамъ.

Въ то же время передъ нимъ стоялъ вопросъ, какъ прокормить ему своихъ людей? Всѣ скудные запасы, оставшіеся на корабляхъ, поставленныхъ на мель, стали окончательно негодными къ употребленію. Его ближайшіе сосѣди-дикари доставили испанцамъ маіоковаго хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, но это была временная помощь и эти источники скоро изсякли.

Тутъ Діего Мендець предложилъ, вмѣстѣ съ тремя матросами, взять товары для обмѣна и обойти островъ, онъ хотѣлъ повидаться съ разными кациками и переговорить съ ними о приготовленіи и доставкѣ провіанта испанцамъ. Онъ успѣлъ сразу войти въ соглашеніе съ кациками и отправилъ одного матроса назадъ, нагруженного всѣмъ, что только онъ могъ захватить съ собою, чтобы увѣдомить адмирала, что дѣло сладилось и надо только приготовить разныя бездѣлушки для дальнѣйшаго обмѣна съ туземцами. Наконецъ, Мендець, оставшись безъ товарищей продолжалъ свой путь одинъ, взявши съ собою индійскихъ носильщиковъ, которые помогали ему переносить вещи съ одного мѣста на другое. Такимъ образомъ онъ дошелъ до восточной оконечности острова, съумѣлъ снискать расположеніе могущественнаго кацика и скоро они оба стали друзьями. Этотъ индійскій властитель далъ ему пирогу съ туземными гребцами; Мендець нагрузилъ ее провіантомъ и пошелъ на западъ вдоль берега вплоть до гавани, гдѣ стояли испанцы. Его миссія сулила много хорошаго, провизіи было вдоволь, благодаря соглашенію Мендеца съ индійцами.

Тотчасъ же Колумбъ сталъ подумывать, какъ бы ему отправить письмо къ Овандо въ Эспаньолу, чтобы этотъ правитель могъ прислать судно и выручить ихъ изъ бѣды. Колумбъ предложилъ Мендецу попытаться пройти въ Эспаньолу на пирогѣ, въ которой онъ вернулся изъ своей экспедиціи. Мендець описалъ ему всю опасность такого путешествія, — пройти сорокъ лигъ по этимъ предательски-измѣнчивымъ морямъ въ хрупкой пирогѣ, — и намекнулъ адмиралу, не лучше ли сперва испытать мужество всей компаніи. Онъ сказалъ при этомъ, что если никто изъ нихъ не рѣшится отправиться въ Эспаньолу, то онъ пристыдитъ ихъ своимъ примѣромъ, какъ уже не разъ дѣлалъ.

это ранѣе. Такимъ образомъ созвали всѣхъ, кто былъ на лицо, и Колумбъ повторилъ свое предложеніе. Всѣ они отступили передъ предстоявшими опасностями, а Мендець снова остался побѣдителемъ, какъ и надѣялся заранее. Тогда онъ принялся оснащать пирогу для этого путешествія. Онъ придѣлалъ къ ней киль, закрѣпилъ ея бока, чтобы она лучше могла противостоять силѣ волнъ, поставилъ мачту и парусъ. Затѣмъ онъ нагрузилъ ее всѣми необходимыми запасами для себя, еще одного испанца и шести индійцевъ-гребцовъ.

Пока шли эти приготовленія, адмиралъ написалъ письмо къ своимъ государямъ; было рѣшено, что Мендець, устроивши съ Овандо дѣло объ освобожденіи погибавшихъ, самъ при первомъ удобномъ случаѣ, отправится въ Испанію. Гумбольдтъ полагаетъ, что это было то самое письмо, которое дошло до насъ помѣченнымъ 7 іюля 1503 г.

Неизвѣстно, было-ли оно напечатано въ то время, хотя, повидимому, по рукамъ ходили рукописныя копія съ него. Впрочемъ, оно было напечатано въ Венеціи, въ переводѣ, за годъ до смерти Колумба. Но о подлинномъ письмѣ на испанскомъ языкѣ ученымъ не было ничего извѣстно, пока Наварретъ не отыскалъ въ Королевской бібліотекѣ, въ Мадридѣ, старую копию съ него, которая была напечатана въ первомъ томѣ его «Colección». Документъ этотъ обыкновенно называется «Lettera rarissima di Cristoforo Colombo» — по заглавію итальянскаго перевода Морелли, перепечатаннаго въ 1810 году. Письмо это есть печальное доказательство его утомлѣнности, болѣе даже, чѣмъ трактатъ его о пророчествахъ. Мѣстами оно представляетъ рядъ безпорядочно скомканныхъ мыслей, безъ всякой связи и цѣли. Въ иныхъ мѣстахъ оно возбуждаетъ глубочайшее состраданіе къ его автору. Безъ всякаго сомнѣнія, оно было написано завѣдомо въ отчаянныя минуты, такъ какъ представлялось весьма мало шансовъ, чтобы оно когда-нибудь попало въ руки его государей. «Я посылаю это письмо, — пишетъ онъ, — черезъ посредство индійцевъ; будетъ чудомъ, если оно дойдетъ по назначенію».

Въ немъ онъ не только возвращается къ разсказу о несчастныхъ событіяхъ настоящей экспедиціи, на который мы уже не однократно ссылались на предыдущихъ страницахъ, но отдается печальнымъ воспоминаніямъ болѣе далекаго прошлаго. Онъ останавливается на препятствіяхъ, какія тормозили его дѣятельность въ первые годы его служенія Испаніи. «Всѣ и каждый, кому только ни было извѣстно о предпріятіи, — говоритъ онъ о томъ времени, — глумились надъ нимъ, а теперь нѣтъ человѣка, — даже между портными, — который бы не испрашивалъ себѣ дозволенія стать открывателемъ». Онъ вспоминаетъ о небрежномъ отношеніи, какое послѣдовало за первымъ взрывомъ негодованія, когда онъ вернулся въ Испанію закованный въ кандалы.

«Двадцать лѣтъ моей службы, въ теченіе которыхъ я вынесъ столько трудовъ и опасностей, не принесли мнѣ ровно ничего, и по сей день у меня нѣтъ крова въ Испаніи, который бы я могъ назвать своимъ. Чтобы поѣсть и заснуть, мнѣ некуда идти, кромѣ плохой гостиницы, и большей частью мнѣ нечѣмъ бываетъ заплатить по счету. Другое горе терзаетъ мою душу, когда я подумаю, что сынъ мой, Діего, котораго я оставилъ сиротою въ Испаніи, лишень дома и имущества, которое должно ему принадлежать за мой счетъ, хотя я твердо уповаю, что ваши величества, какъ справедливые и милостивые государи, возвратите ихъ ему полностью съ нарушенными процентами».

«Мнѣ было двадцать восемь лѣтъ,—говоритъ онъ далѣе,—когда я поступалъ на службу вашихъ величествъ; а нынѣ у меня всѣ волосы посѣдѣли, я сталъ хилымъ и слабымъ, и все, что у меня оставалось, точно также, какъ у моего брата, было у насъ отнято и продано, даже до рясы включительно, которую я носилъ, къ великому моему позору».

Затѣмъ, говоря о своемъ настоящемъ положеніи, онъ прибавляетъ: «Одинокій въ моей бѣдѣ, ежедневно ожидая смерти, я окруженъ милліонами враждебныхъ дикарей, исполненныхъ жестокости. Плачьте обо мнѣ, кто имѣетъ милосердіе, вѣру и справедливость!»

Тутъ же въ его умѣ возникаетъ мысль о старыхъ географическихъ задачахъ. Ему вспоминаются его вычисленія относительно затмѣнія 1494 года, когда онъ ошибочно вообразилъ, что «проплылъ двадцать четыре градуса къ западу въ теченіе девяти часовъ». Ему вспоминаются рассказы, слышанные имъ о берегахъ Верагуа, и онъ думаетъ, что уже знаетъ ихъ всѣ изъ книгъ. Маринусъ подошелъ близко къ истинѣ, объявляетъ онъ, и португальцы доказали, что Индія въ Эіопіи, какъ сказалъ Маринусъ, отстоитъ на двадцать четыре градуса отъ экватора. «Но міръ не великъ,—повторяетъ онъ,—изъ семи его частей суша занимаетъ шесть, а седьмая—покрыта сплошь водою. Я говорю, что міръ не такъ великъ, какъ привыкли думать; одинъ градусъ отъ экваторіальной линіи равняется пятидесяти шести милямъ съ двумя третями—это можно доказать самымъ точнымъ образомъ».

А затѣмъ мысли его обращаются къ его поискамъ золота, совершенно также, какъ около Даріенскаго залива, когда онъ отчаялся найти искомый проливъ. По его мнѣнію, золото спасало души отъ чистилища. Онъ восклицаетъ: «Золото самый дорогой изъ всѣхъ товаровъ. Золото составляетъ сокровище, и тотъ, кто имъ владѣетъ, имѣетъ все, что ему нужно на этомъ свѣтѣ; точно также онъ имѣетъ средства избавить души отъ чистилища и возвратитъ ихъ къ райскому ближенству».

Далѣе его надежды даютъ ему видѣніе того воображаемаго богатства, которое онъ будто бы открылъ и къ которому онъ еще думаетъ вернуться. Онъ одинъ владѣетъ доступомъ къ нему, и скрываетъ его отъ всѣхъ другихъ. «Могу съ полною увѣренностью утверждать, что, по

*Колумбъ
о золотѣ.*

моему мнѣнію, люди мои, возвратись въ Испанію, принесутъ туда самыя хорошія вѣсти».

«...Я, разумеется, предвидѣлъ, какъ все это будетъ. Въ торговомъ отношеніи я рассчитываю на это открытіе гораздо болѣе, чѣмъ на все то, что было сдѣлано въ Индіи. Это дѣло не останется на попеченіи мачихи».

Затѣмъ идутъ мысли, по большей части, безпорядочныя, безсвязныя, унылыя, мучительныя, подавляющія и печальныя, начертанныя подъ звуки шумныхъ приготовленій Мендеца, вмѣстѣ съ письмомъ на имя Овандо и другимъ письмомъ къ его другу въ Испанію—патеру Горриціо, которому онъ сообщаетъ нѣкоторыя изъ своихъ безумныхъ надеждъ. «Если только путешествіе мое закончится также благополучно для моего здоровья, — пишетъ онъ, — и для спокойствія моей семьи, какъ оно закончилось уже для славы моихъ царственныхъ хозяевъ, я проживу долго».

Мендецъ отправился въ путь-дорогу молодцомъ. Онъ прошелъ вдоль берега острова къ его восточной оконечности; однако, *Отплытіе Мендеца.* ему угрожала опасность—со стороны моря и со стороны индійцевъ. Въ концѣ концовъ, его индійцы были взяты въ плѣнъ какимъ-то страшнымъ кацикомъ; но пока дикари спорили о томъ, какъ имъ подѣлить между собою захваченную добычу, Мендецу удалось вскочить на лодку; оттолкнувъ ее отъ берега, онъ съ помощью веселья поплылъ одинъ назадъ къ кораблямъ, лежавшимъ на мели.

Новая попытка была сдѣлана опять съ большими приготовленіями. Экспедиція взяла съ собою еще одну пирогу и она была отдана подъ начальство генуэзца Бартоломео Фіеско, который командовалъ однимъ изъ кораблей адмирала. Смѣлые авантюристы опять отправились въ путь, а за ними берегомъ шла партія вооруженныхъ испанцевъ подъ предводительствомъ аделантадо. *Мендецъ снова отплываетъ.*

Обѣ партіи, морская и сухопутная, дошли до конца острова безъ непріятностей и затѣмъ, распростившись другъ съ другомъ, пироги смѣло поплыли въ море и скоро скрылись отъ взоровъ аделантадо въ сгущавшихся сумеркахъ. Сухопутная партія вернулась къ адмиралу безъ приключеній. Теперь для бѣдной команды ничего другого не оставалось, какъ только ждать терпѣливо возвращенія Фіеско, которому было приказано придти обратно тотчасъ же и дать знать адмиралу, что Мендецъ благополучно исполнилъ свою миссію.

Дни проходили за днями и глаза всѣхъ напряженно были устремлены по направленію береговой линіи, ожидая, не мелькнетъ-ли пирога Фіеско; но ее какъ не бывало. Страхъ и уныніе нечѣмъ было успокоить или подавить. Тѣсныя, душныя помѣщенія на старыхъ полусгнившихъ судахъ, плохая пища и тщетныя ожиданія помощи, которая не приходила,—все это скоро вызвало ропотъ недовольства и требовался только толчокъ хитраго вожака, чтобы обратить это

броженіе въ бурное возмущеніе. Скоро явился и такой зачинщикъ смуты. Въ командѣ Колумба находились два брата—Франциско де-Поррасъ, командовавшій однимъ изъ кораблей, и Діего де-Поррасъ, который, какъ мы видѣли, присоединился къ экспедиціи для контроля надъ адмираломъ относительно пріобрѣтенныхъ сокровищъ. Эта чисто шпіонская должность была оскорбленіемъ адмиралу. Благодаря интригамъ этихъ двухъ людей, чуждый духъ колоніи нашелъ себѣ дѣятельнаго выразителя, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ нихъ. Трудно теперь сказать, насколько вѣрили вообще обвиненіямъ противъ адмирала, какія люди эти начали взводить на него. Ради своихъ цѣлей зачинщики мятежа старались показать, будто Колумбъ въ сущности былъ изгнанъ изъ Испаніи и не имѣлъ намѣренія возвращаться туда, пока Мендену и Фіеско не удастся упротить за него Дворъ; будто для этого Колумбъ и послалъ этихъ лейтенантовъ. Слѣдовательно, было необходимо, чтобы тѣ, кому опостылѣло это жестокое заточеніе на Ямаикѣ и кто не хотѣлъ умереть медленной смертью, смѣло выступили впередъ и потребовали бы, чтобы ихъ вели въ Эспаньолу хотя бы на индійскихъ пирогахъ.

2 января 1504 года, заручившись сообщниками, которые ждали только его призыва, Франциско де-Поррасъ неожиданно-негаданно явился въ каюту измученнаго адмирала, лежавшаго въ постели по болѣзни. Завязалась ссора, во время которой адмиралъ, вставъ на своемъ ложѣ, пытался успокоить рѣзкія выходки своего обвинителя и образумить его, призывая къ терпѣливому исполненію долга, какъ того требовали исключительныя обстоятельства ихъ положенія. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда крайняя опасность какъ бы возстановила силы Колумба. Однако, ничто не могло. При настоящемъ настроеніи мятежниковъ, кризиса этого невозможно было избѣжать. Поррасъ, видя, что адмиралъ остается непреклоннымъ, закричалъ во весь голосъ: «Я за Кастилію! Пусть кто желаетъ, идетъ за мною!» Только и ждали этого сигнала и воздухъ огласился ликующими криками тѣхъ, кто былъ въ заговорѣ. Колумбъ вскочилъ съ своего ложа и, шатаясь, появился передъ ними; но его присутствіе не прекратило сумятицы. Нѣсколько вѣрныхъ его товарищей, боясь насилія, увели его и уложили въ постель. Аделантадо схватился за копье, готовый сразиться съ бунтовщиками, но друзья адмирала убѣдительно просили его успокоиться. Они сказали съ благородной рѣшимостью: «Пусть мятежники уходятъ. А мы останемся». Раздраженная партія захватила десять пирогъ, которыя адмиралъ получилъ отъ индійцевъ, и уложивъ въ нихъ, что только имъ удалось раздобыть, они отправились на этихъ пирогахъ въ свое рискованное путешествіе. Нѣсколько человѣкъ, не принимавшихъ участія въ заговорѣ, прельстились надеждой на освобожденіе,—ихъ было всего на всего сорокъ восемь душъ,—и маленькая флотилія отплыла на пирогахъ изъ роковой гавани, а имъ

*Дружнѣ
Порраса.*

*1504 г.
2 января
Требованіи
Порраса.*

*Флотилія
Порраса
уходитъ.*

въ догонку неслись проклятія и ропотъ слабыхъ и упавшихъ духомъ товарищей ихъ, оставшихся позади.

Ушли почти всѣ, кто былъ покрѣиче и посильнѣе. Въ небольшой командѣ, оставшейся у адмирала, было мало мужественныхъ сердецъ; болшинство же состояло изъ жалкихъ субъектовъ, удрученныхъ душевно, немощныхъ физически, болѣе или менѣе истощенныхъ болѣзнями и лишениями. Скоро покинутые товарищи пришли къ убѣжденію, что ихъ можетъ спасти только твердое рѣшеніе братски помогать другъ другу и поддерживать, насколько возможно крѣиче, бодрость и мужество, дремавшія въ ихъ душахъ. Они бы не могли отразить нападеніе туземцевъ и хорошо это понимали. Такое сознаніе сдѣлало ихъ осмотрительнѣе въ обращеніи со своими сосѣдями и въ продолженіе нѣкотораго времени они получали вдоволь нужный имъ провіантъ отъ тѣхъ, кто посѣщалъ ихъ. Но у дикарей не было въ обычаѣ собирать про запасъ болѣе того, что имъ требовалось на нынѣшній день; а когда испанскія побрякушки потеряли свою диковинную привлекательность, то не стало побудительной силы, заставлявшей индійцевъ заботиться о снабженіи бѣлыхъ съѣстными припасами, и послѣдніе припасились все рѣже и рѣже. Скоро и бубенчики утратили свою прежнюю цѣнность. Пришлось давать ихъ по нѣсколько штукъ, чтобы утолить алчность дикарей, а прежде довольно было одного.

Новая непріятность обрушилась на Колумба. Отдаленныя деревушки стали неакуратно присылать свои обычные подати и вскорѣ Колумбъ узналъ, что Поррасъ и его экинажъ вѣсто того, чтобы отплыть, рыскали по острову, вымогая продовольствіе насиліемъ и творя всяческія безчинства по отношенію къ его дикимъ обитателямъ повсюду, куда ни появлялись.

*Поррасъ со
своими
людьми
сиг на
островъ.*

Повидимому, всѣ десять пирога прошли берегомъ къ ближайшему пункту отъ Эспаньолы, т. е. къ восточной оконечности острова; тутъ они подождали штиля и, заручившись нѣсколькими индійцами-гребцами, мятежники двинулись наконецъ въ путь. Но лодки не отошли и на четыре лиги отъ берега, какъ поднялся вѣтеръ и море возбудило въ нихъ страхъ. И такъ, они вернулись. Испанцы не умѣли обращаться съ пирогами и скоро очутились въ большой бѣдѣ. Явилась необходимость облегчить пироги, въ которыхъ набралось страшно много воды. Они выбросили за бортъ массу провіанта; но положеніе отъ этого не улучшилось. Тогда они стали бросать въ море, одного за другимъ, туземцевъ. А если несчастные оказывали сопротивленіе, то взмахомъ меча прикачивали ихъ жалкую жизнь. Несчастные индійцы, брошенные въ воду, хватались за шкафутъ, но испанскіе мечи рубили имъ руки. Такъ что всѣ они были брошены въ море, за исключеніемъ нѣсколькихъ, которые были рѣшительно необходимы для управленія пирогами. Таковы были опасности, испытанныя мятежниками прежде, чѣмъ они добрались до суши.

*Неудача
его путеше-
ствія.*

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ прежде, чѣмъ наступило затишье на морѣ;

но какъ только они собрались плыть, море снова зашумѣло и заволновалось и имъ пришлось снова вернуться на островъ. Теперь они бросили всякую надежду на успѣхъ. Съ этой минуты Поррасъ и его шайка повели безпорядочную, бродяжническую жизнь и возбудили снова подозрительное недовѣріе среди племенъ. Какъ мы уже видѣли, благодаря этимъ вымогательствамъ, они, наконецъ, закрыли отдаленные источники продовольствія для адмирала и его вѣрныхъ единомышленниковъ.

Колумбъ прибѣгнувъ къ способу, который служитъ характернымъ примѣромъ изобрѣтательности его ума. Его астрономическія таблицы дали ему возможность узнать, когда наступитъ затменіе луны (29 февраля 1504 года); незадолго до затменія онъ поспѣшилъ созвать нѣсколько сосѣднихъ кациковъ. Онъ сказалъ имъ, что Богъ испанцевъ разсердился на индійцевъ, что они не хотятъ кормить его народъ; за это Онъ накажетъ ихъ, отнявъ у нихъ луну и предавъ ихъ всѣмъ бѣдамъ, какія они вызвали своимъ поведеніемъ. Когда наступила ночь и тѣнь закрыла мѣсяцъ, поднялся отовсюду вопль ужаса и перепуганные кацики обѣщали доставлять Колумбу провизію. Они бросились къ ногамъ адмирала, умоляя о защитѣ. Колумбъ удалился какъ бы для переговоровъ съ всемогущимъ Духомъ и въ ту самую минуту, когда затменіе должно было прекратиться, онъ появился сказать индійцамъ, что своей покорностью они смягчили гнѣвъ Божества и увидятъ сейчасъ знакъ Его благоволенія. Понемногу мѣсяцъ вышелъ изъ-за тѣни и когда на ясномъ небѣ вновь появилось ночное свѣтило, удивленіе индійцевъ не знало предѣловъ. Послѣ этого Колумбу никогда не приходилось бояться голода.

Пора, однако, узнать, насколько удачно было путешествіе Мендеца и Фіеско. Правда, они добрались до Эспаньолы, но вынесли столько опасностей и страданій, что Фіеско не могъ уговорить гребцовъ вернуться съ нимъ къ адмиралу.

*Путешествіе
Мендеца
на пироги.*

Имъ пришлось сдѣлать этотъ переходъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ тропической жары, при которой имъ негдѣ было укрыться. У нихъ вышла вся вода и началась мука жажды. Они ожидали увидѣть

*На островѣ
Навазы*

небольшой островъ Навазу, лежавшій имъ по пути, и надѣялись найти въ расщелинахъ его скалъ немного воды. Ожиданія ихъ были тщетны. Прошелъ день, они не увидали острова, и наступала ночь. Одинъ изъ индійцевъ умеръ и его спустили за бортъ. Другіе индійцы лежали тяжело дыша, выбившись изъ силъ, на днѣ лодокъ. Мендецъ сидѣлъ, наблюдая за мерцающимъ свѣтомъ на восточной сторонѣ горизонта, предвѣстникомъ восходящей луны. Скоро слабое сіяніе выросло въ сегментъ ночного свѣтила. Онъ могъ теперь рассмотреть ватерлинію по мѣрѣ того, какъ море озарялось все ярче и ярче луннымъ свѣтомъ. Нижний уголокъ сегмента заволакивался какою-то темной полосой. То была земля! Наваза была найдена. Къ утру они доплыли до острова. Они нашли воду въ расщелинахъ скалъ;

но тѣ, кто слишкомъ жадно набросился на воду, поплатились жизнью за свою невольность. На берегу собрали ракушекъ, развели огонь и сварили ихъ. Впродолженіе цѣлаго дня они съ томительнымъ нетерпѣніемъ смотрѣли на горы Эспаньолы, которыя вырѣ-

*Они видятъ
Эспаньолу.*

зывались передъ ними на далекомъ горизонтѣ. Освѣжившись дневнымъ отдыхомъ, они снова сѣли на пироги при наступленіи ночи и на слѣдующій день подошли къ мысу Тибурону, — юго-западному

полуострову Эспаньолы, пробывъ въ дорогѣ четверо сутокъ отъ Ямайки. Они высадились на берегъ посреди гостепріимныхъ туземцевъ; отдохнувъ два дня, Мендець взялъ

*Мендець
высаживается
въ Эспаньолу.*

съ собою нѣсколько дикарей и отправился на пирогѣ въ Санто-Доминго, отстоявшей отъ того мѣста на сто тридцать лигъ. Онъ уже прошелъ приблизительно двѣ трети всего разстоянія, когда узналъ отъ береговыхъ жителей, что Овандо не было въ это время въ Санто-Доминго и онъ находился въ Ксарагвѣ. Мендець бросилъ пирогу и пошелъ одинъ лѣсомъ отыскивать правителя Эспаньолы.

Овандо припалъ его радушно, но извинился, что сейчасъ не можетъ оказать помощь Колумбу. У него самого шла въ

*Овандо
дѣлаетъ
провоочки
относительно
отправки
помощи на
судно
Колумба.*

данную минуту война съ туземцами. Въ Санто-Доминго не было ни одного большого судна, достаточно помѣстительнаго для экспедиціи, которую надо было выручить изъ бѣды. Такимъ образомъ, все извиняясь и отдѣлываясь передъ Мендецомъ пустыми обѣщаніями, Овандо продержалъ посланнаго Колумба семь мѣсяцевъ въ своемъ лагерѣ. У правителя всегда были наготовѣ причины, по которымъ онъ не позволялъ Мендецу отправиться въ Санто-Доминго, гдѣ тотъ надѣялся достать судно. Эти провоочки естественно возбудили подозрѣніе, что Овандо вовсе и не думалъ объ освобожденіи Колумба отъ грозившей ему гибели, и несомнѣнно, что если-бы Колумбъ погибъ безслѣдно и канулъ въ рѣку забвенія, то правитель и его царственный хозяинъ избавились бы отъ многихъ затрудненій.

Наконецъ, Овандо согласился на отъѣздъ Мендеца въ Санто-Доминго. Туда ожидали прибытія флота, и Мендець горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, нельзя-ли будетъ достать судно для освобожденія адмирала и его команды. Онъ сталъ такъ настойчиво приставать къ Овандо, что послѣдній согласился, наконецъ, на его отъѣздъ въ этотъ портъ, отстоявшій за семьдесятъ лигъ оттуда.

Не успѣлъ Мендець удалиться, какъ Овандо рѣшился узнать настоящее положеніе экспедиціи въ Ямайкѣ, не помогая ей, и для этой цѣли отправилъ судно. Поэтому онъ отправилъ мелкое судно, такъ чтобы Колумбу не было никакого оправданія, если бы онъ вздумалъ перевозить на немъ свою команду; а чтобы Колумбъ не захватилъ судна силою, командиру его было приказано остановиться далеко отъ берега и послать только лодку для переговоровъ съ однимъ только Колумбомъ; а въ особен-

*Овандо
посылаетъ
Эскабара
развѣдать о
положеніи
Колумба.*

ности Овандо наказывалъ своему посланцу не поддаваться на просьбы посѣтить корабли лежавшіе на мели. Команда на этомъ шпионскомъ суднѣ была вручена одному изъ враговъ Колумба, Діего де-Эсkobару, бывшему пособнику мятежнаго Ролдана.

Уже прошло восемь мѣсяцевъ со дня отплытія Мендеца и Фіеско, когда судно Эсkobара показалось въ виду гавани, гдѣ находился Колумбъ. Всякая надежда услышать что-либо объ отплывшихъ товарищахъ покинула несчастныхъ. Между туземцами прошелъ слухъ, будто было усмотрѣно судно, опрокинутое дномъ вверхъ, принесенное теченіемъ. Говорятъ, что исторію эту придумалъ Поррасъ, чтобы привести въ отчаяніе сторонниковъ Колумба. Повидимому, исторія эта ускорила позднѣйшій разладъ въ злополучной командѣ, готовилось уже новое возстаніе, когда съ берега увидали маленькое судно Эсkobара, остановившееся на морѣ, вдали отъ берега.

Испанцы увидали, какъ судно легло въ дрейфъ и отъ него отдѣлилась лодка. Она подвигалась безъ обычныхъ привѣтствій и на ней узнали физіономію Эсkobара. Колумбъ помнилъ, что когда-то приговорилъ этого человѣка къ смертной казни. Бобадилла простилъ его. Лодка ударилась о бокъ одного изъ лежавшихъ на мели кораблей; команда поставила ее въ сторонѣ отъ полуразрушеннаго судна и затѣмъ передала письмо къ адмиралу. Люди Колумба спѣшили принять бочку съ виномъ и солонину, которыя товарищи Эсkobара передали на бортъ. Вдругъ быстрымъ движеніемъ лодку оттолкнули отъ кораблей и Эсkobаръ остановилъ ее только тогда, когда до нея уже нельзя было добраться. Онъ обратился къ Колумбу, увѣряя его, что Овандо сожалѣетъ, что не располагаетъ въ данную минуту подходящимъ судномъ, которое могъ бы послать ему, но надѣется вскорѣ имѣть таковое. Онъ прибавилъ, что если Колумбъ желаетъ отвѣтить на письмо Овандо, то онъ, Эсkobаръ, подождетъ немного, пока адмиралъ напишетъ свой отвѣтъ.

Адмиралъ отвѣтилъ на скорую руку, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, прося правителя Эспаньолы не оставить милостивымъ вниманіемъ Мендеца и Фіеско; въ заключеніе Колумбъ написалъ, что вполне полагается на выраженное Овандо намѣреніе выручить его людей изъ бѣды и будетъ терпѣливо ждать на обломкахъ своего флота, пока не придутъ корабли. Эсkobаръ принялъ письмо и вернулся на свое судно, которое скоро печезло въ ночной темнотѣ.

Колумбъ опасался, что Эсkobаръ пришелъ только для того, чтобы удостовѣриться живы ли еще адмиралъ и его команда, и Ласказасъ, бывший тогда въ Санто-Доминго, кажется, думалъ, что у Овандо въ то время не было иныхъ намѣреній. Выборъ Эсkobара для доставки добрыхъ вѣстей далъ, разумѣется, сомнительную окраску всѣмъ выраженіямъ дружескаго участія. Поступокъ Овандо могъ допустить и другое объясненіе. Овандо имѣлъ основаніе не желать, чтобы Колумбъ и его вѣрные приверженцы долго оставались въ

Эспаньолѣ, что могло легко случиться за отсутствіемъ кораблей для возвращенія въ Испанію. Ходили слухи, будто бы Колумбъ, возмущенный обидами и несправедливостями, нанесенными ему его испанскими государями, рѣшился предоставить свои новыя открытія Генуѣ, и адмиралъ намекнулъ на такіе слухи въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ монархамъ. Такія извѣстія заставляли Овандо быть на-сторожѣ; ему хотѣлось получить инструкціи изъ Испаніи относительно того, какъ ему быть съ Колумбомъ. Во всякомъ случаѣ было ясно, какъ Божій день, что Овандо дѣйствовалъ осторожно, быть можетъ, безчеловѣчно, и Колумбъ былъ оставленъ на произволъ судьбы, пока допесеніе Эскобара не рѣшитъ, какъ лучше поступить въ этомъ дѣлѣ.

Колумбъ попытался воспользоваться письмомъ, которое ему привезъ Эскобаръ отъ Овандо, чтобы вернуть Порраса и его бродягъ на путь вѣрности и долга. Онъ отправилъ по-<sup>Колумбъ
вступаетъ
въ переговоры
съ Поррасомъ.</sup> словъ въ ихъ станъ объявить имъ, что Овандо извѣстилъ его о своемъ намѣреніи прислать судно за ними. Адмиралъ готовъ былъ простить и забыть ихъ вину, если только мятежники явятся къ нему и подчинятся требованіямъ дисциплины его команды. Онъ послалъ имъ въ то же время часть солонины, которую Эскобаръ привезъ въ видѣ подарка отъ правителя Эспаньолы. Однако, эта приманка не подѣйствовала. Поррасъ встрѣтилъ пословъ и отклонилъ ихъ предложенія. Онъ сказалъ, что его послѣдователи вполне довольны вольною жизнью на островѣ. Дѣло въ томъ, что, повидимому, мятежники не вполне довѣряли искренности адмирала и боялись отдаться въ его власть. Они готовы были явиться, когда придутъ корабли, если только имъ будетъ дозволено сѣсть всею вмѣстѣ не разлучаясь; а до того времени они не станутъ досаждать партіи адмирала, если только Колумбъ не откажется подѣлиться съ ними своими запасами и бездѣлушками, которые имъ необходимо получить отъ него мирнымъ или насильственнымъ путемъ, такъ какъ они потеряли всѣ свои запасы во время бурь, заставившихъ ихъ вернуться назадъ.

Очевидно, Поррасъ и его шайка не были въ такомъ стѣсненномъ положеніи, чтобы на нихъ могли подѣйствовать убѣжденія, и посланные Колумба вернулись ни съ чѣмъ.

Авторы «Histórie» и другіе писатели, которые придерживаются его повѣствованія, говорятъ, что шайка мятежниковъ далеко не отличалась такою дерзостью, какъ ея вожаки, была податлива на уговоры и была рада ухватиться за первый удобный случай, чтобы освободиться отъ Порраса. Вожакамъ стоило огромныхъ усилій поддерживать въ нихъ духъ мятежа. Поррасъ и его клеветы описывали въ самыхъ черныхъ краскахъ жестокости адмирала и даже обвиняли его въ колдовствѣ, будто бы онъ вызвалъ духа корабля, чтобы увѣрить свою команду въ приходѣ Эскобара. Затѣмъ, для приданія себѣ большей смѣлости, вся шайка направила въ гавань подѣ предло-

гомъ захватить запасы. Аделантадо вышелъ на встрѣчу мятежникамъ; съ нимъ было пятьдесятъ вооруженныхъ человѣкъ,—все что было лучшаго въ изнуренной командѣ Колумба. Поррасъ отказался отъ всякихъ переговоровъ и повелъ свою шайку на приступъ. Было заранѣе условлено, что шестеро самыхъ здоровыхъ изъ нихъ нападутъ сразу на аделантадо, думая, что, разъ вождь будетъ осилень, команда разбѣжится. Мужество аделантадо возросло вмѣстѣ съ опасностью, какъ тому и слѣдовало быть. Онъ такъ хорошо дѣйствовалъ своимъ мечемъ, что нападающіе падали одинъ за другимъ. Наконецъ, Поррасъ нанесъ

*Бартоломео
и его люди
наступаютъ
на мятеж-
никовъ.*

ему такой ударъ, что щитъ аделантадо раскололся и онъ получилъ рану въ руку. Ударъ этотъ пришелся не подъ силу тому, кто его нанесъ. Мечъ Порраса застрялъ въ щитѣ и далъ возможность аделантадо схватить своего врага, пока тотъ пытался вытащить свое оружіе. Остальные подошли на помощь аделантадо и Порраса связали по рукамъ и ногамъ.

*Поррасъ
связанъ.*

Это дало другой оборотъ схваткѣ. Мятежники, видя поражение своего вожака, разбѣжались въ безпорядкѣ, оставивъ побѣду за аделантадо. Схватка была жестокая. Въ числѣ убитыхъ мятежниковъ находился Хуанъ Санхеъ, который выпустилъ плѣннаго Квибиана, а въ числѣ раненыхъ — Педро Ледезма, который такъ смѣло переплылъ черезъ бурунь у берега Верагуа. Ласказасъ, познакомившійся съ нимъ впоследствии,

*Санхеъ
убитъ.*

*Ледезма
раненъ.*

составилъ свой рассказъ о событіяхъ этихъ злополучныхъ мѣсяцевъ, пользуясь его сообщеніями; Ледезма показывалъ Ласказасу множество ужасныхъ ранъ, полученныхъ имъ, въ доказательство своего возмущенія и мужества, и смѣлости нападавшихъ. Отъ него же и его товарищей, явившихся свидѣтелями впоследствии въ процессѣ Діего Колона съ короною, мы узнаемъ нѣкоторыя подробности, которыхъ не имѣется у главнѣйшихъ историковъ Колумба.

Казалось, друзьямъ адмирала покровительствовалъ какой-то талисманъ. Никто изъ его приверженцевъ не былъ убитъ и, кромѣ аделантадо, раненъ только одинъ человѣкъ—секретарь адмирала, который вслѣдъ за тѣмъ умеръ.

Побѣдители вернулись на корабли со своими плѣнниками; и вотъ на другой день въ самый разгаръ ихъ торжества, 20 марта 1504 года, бѣглецы прислали адресъ къ Колумбу, прося его простить имъ и принять ихъ снова на свое попеченіе и въ полное свое распоряженіе. Они признавались въ своихъ заблужденіяхъ въ самыхъ низменныхъ выраженіяхъ и призывали гнѣвъ Неба и людскую кару на того, кто отнынѣ измѣнитъ долгу вѣрности. Это предложеніе сдаться представляло нѣкоторыя затрудненія. Во первыхъ, адмиралъ боялся, какъ бы они снова не затѣяли смуты, собравшись около него. Во вторыхъ, его провіантъ былъ почти на исходѣ. На этомъ основаніи, принявъ ихъ повинную, адми-

*1504 г.
20 марта.
Мятежники
желаютъ
подчиниться
Колумбу.*

ралъ отдалъ ихъ подъ команду офицерамъ, на которыхъ могъ вполне положиться, и, снабдивъ ихъ товарами для мѣновой торговли, позволилъ имъ ходить по острову не нарушая порядка, надѣясь, что они найдутъ себѣ продовольствіе. Однако, онъ обѣщался увѣдомить ихъ, когда придутъ желанные корабли.

Имъ не долго пришлось ждать этихъ кораблей. Въ одинъ прекрасный день противъ гавани остановились два корабля. Одинъ изъ нихъ былъ купленъ Мендецомъ за счетъ адмирала изъ числа трехъ кораблей, только что прибывшихъ изъ Песани, и снабженъ провіантомъ. Дождавшись его отплытія изъ Санто-Доминго, Мендець отправился съ другими кораблями этого флота, явившагося такъ кетати, чтобы исполнить дальнѣйшія инструкціи адмирала.

*Корабли
приходятъ
за ними.*

Другой корабль находился подъ командою Діего де-Салцедо, комисіонера адмирала; корабль этотъ присылалъ Овандо. Ласказасъ рассказываетъ, что правитель Эспаньолы вынужденъ былъ въ дѣйствительности уступить общественному желанію, которое усилилось благодаря рассказамъ Мендеца объ ужасныхъ испытаніяхъ Колумба. Говорятъ, что даже патеры, не колеблясь, говорили съ каѳедры поученій, въ которыхъ прямо осуждалась эта запоздалость въ подаваніи помощи ближнему.

Наконецъ, 28 іюня все было готово къ отплытію и Колумбъ оставилъ мѣста, гдѣ вынесъ столько бѣдствій. «Колумбъ говорилъ мнѣ впоследствии, въ Песани,—заявляетъ Мендець въ своихъ воспоминаніяхъ,—что никогда въ своей жизни онъ не испытывалъ такой радости, какъ въ тотъ день, такъ какъ онъ потерялъ всякую надежду выбраться отсюда живымъ». Черезъ четыре года, по приказанію сына адмирала, Діего, въ этомъ самомъ мѣстѣ былъ основанъ городъ Севилья Нуэва (Новая Севилья), впоследствии названный Севилья д'Оро (Золотая Севилья).

*1504 г.
28 іюня
Колумбъ
уходитъ изъ
Ямайки.*

Еще разъ адмиралъ отдался на волю предательскихъ теченій и противныхъ вѣтровъ этихъ морей. Мы видѣли, что Мендець прошелъ океанійское пространство между Ямайкой и ближайшимъ пунктомъ Эспаньолы въ четверо сутокъ; но корабли Колумба употребили около семи недѣль, чтобы дойти до гавани Санто-Доминго. У Колумба было достаточно времени въ продолженіе этого долгаго и утомительнаго путешествія, чтобы выслушать отъ Салцедо ужасную исторію колоніи, которая была отнята у адмирала, но даже при болѣе широкихъ полномочіяхъ Овандо не избѣжала разнообразныхъ несчастій. Постараемся вкратцѣ изложить событія въ томъ видѣ, какъ объ нихъ слышалъ Колумбъ. О томъ, что произошло въ первые мѣсяцы правленія Овандо, Колумбъ слышалъ только самые ничтожные намеки, когда онъ тщетно старался черезъ своего посланнаго добиться позволенія войти въ гавань, болѣе двухъ лѣтъ назадъ. Историкъ этого періода

*Событія въ
Эспаньолѣ
за отсут-
ствіе Ко-
лумба.*

*Правленіе
Овандо.*

долженъ главнымъ образомъ брать свои данныя у Ласказаса, который прибылъ въ Эспаньолу вмѣстѣ съ Овандо, и въ нашемъ повѣствованіи приходится придерживаться разсказа, слышаннаго Колумбомъ отъ названнаго автора «Historia». То былъ жалкій разсказъ все о тѣхъ же обманутыхъ искателяхъ богатой наживы, въ погонѣ за рискованной и тяжелой добычей золота,—масса труда, несбыточные надежды, недостатокъ въ провіантѣ, отсутствіе золота, болѣзни, отвращеніе и унылое возвращеніе тружениковъ изъ мѣстъ, куда ихъ неотступно тянуло еще такъ недавно. Не прошло и недѣли, какъ толпы людей, которыхъ привезъ флотъ Овандо, исходили пѣшкомъ окрестныя горы, вернулись обратно, упавшіе духомъ, полубольные.

Колумбъ, прислушиваясь къ тому, что говорилось о страданіяхъ вынесенныхъ туземцами въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ его отсутствія, не могъ не придти къ живому сознанію, какое роковое значеніе имѣла введенная имъ система, въ силу которой несчастные индійцы цѣлыми массами отдавались въ распоряженіе безчеловѣчной шайки Ролдана на тяжелый, непосильный трудъ. Установленіе такого распредѣленія труда естественно приняло большіе размѣры, но при Бобадиллѣ оно дошло до такихъ ужасающихъ предѣловъ, что его замѣстителю, Овандо, былъ отданъ приказъ положить этому злу конецъ. Скоро правитель Эспаньолы во очію убѣдился въ отчаянномъ положеніи индійцевъ, когда они толпами потянулись изъ рудниковъ, изнуренные, обнищавшіе. Очевидно, такъ какъ добычи здѣсь совсѣмъ не было, то и корона не могла получить ожидавшагося дохода въ видѣ половинной добычи золота. Поэтому, чтобы поднять духъ промышленности, Овандо сократилъ долю короны до одной трети, затѣмъ до одной пятой, но все было безуспѣшно. Было слишкомъ ясно, что испанцы не станутъ заниматься работами, которыя давали имъ такъ мало. Въ тотъ самый моментъ, когда Колумбъ льстилъ себя надеждой, что онъ открылъ болѣе богатые мѣсторожденія золота въ Верагуа, Овандо задумалъ возобновить способъ адмирала принудительнаго невольническаго труда для разработки мѣсторожденій Гайаны, какова бы ни была добыча. Онъ послалъ государямъ письма, въ которыхъ увѣдомлялъ ихъ, что доброта ихъ относительно туземцевъ была въ сущности неблагоразумна; что эти жалкія существа, освобожденные отъ труда, предаются зловреднымъ дѣяніямъ; и что, ради цѣли сдѣлать изъ нихъ добрыхъ христіанъ, необходимо развить въ душѣ дикаря стремленіе къ здоровому труду. Это заявленіе и скудость доходовъ, получавшихся въ королевское казначейство, вызвали въ испанскихъ монархахъ полное сочувствіе къ идеямъ Овандо; оплакивая жестокости по отношенію къ бѣднымъ туземцамъ и высказывая надежды на ихъ духовное успокоеніе, ихъ величества не имѣли ничего противъ мысли, какъ они выражались (20 декабря 1503 г.), чтобы эти индійцы работали столько, сколько потребуется для ихъ здоровья. Этого было довольно для Овандо. Ро-

Колумбъ
и невольни-
чество.

1503 г.
20 декабря.
Колумбовъ
требованіе
аминьцевъ.

ковая система Колумба воскресла съ усиленіемъ ея ужасовъ. Впро-
долженіе шести или семи мѣсяцевъ каждый дикарь обязанъ былъ не-
прерывно работать при недостаточномъ продовольствіи. Несчастныхъ
отрывали отъ ихъ семействъ, перегоняли въ отдаленныя мѣста острова,
держали за работою съ помощью нагайки, а если кто рѣшался на
бѣгство, того почти всегда ловили и заставляли работать въ канда-
лахъ, сверхъ положеннаго срока. А когда ихъ отпускали на время,
пока не потребуется вновь ихъ трудъ, то, по словамъ Ласказаса, можно
было прослѣдить путь этихъ несчастныхъ существъ, по ихъ разла-
гавшимся трупамъ. Если бы Колумбу была присуща та глубокая
любовь къ человѣку, какою горѣла душа Ласказаса, то разска-
зъ этотъ навелъ бы его на тяжелое раздумье.

Еще одинъ разсказъ пришлось выслушать Колумбу. Весьма вѣ-
роятно, что Сальцедо узналъ всѣ подробности его отъ Діега Мендеца,
которому привелось быть свидѣтелемъ гнусныхъ дѣлъ, случившихся
въ продолженіе семи мѣсяцевъ, когда Овандо, находившійся
въ Ксарагвѣ, задержалъ въ этой области посланнаго Ко-
лумба. Анакаона, сестра Бегекіо, наслѣдовала ему въ управ-
леніи Ксарагвой. Безстыдное поведеніе и произволъ испан-
цевъ, которые поселились въ этой области, усилили естественное
недовѣріе и негодованіе индійцевъ; проявились нѣкоторые признаки
недовольства и объ этомъ было допесено Овандо,—готовилось воз-
станіе, которое слѣдовало подавить въ самомъ началѣ. И вотъ прави-
тель Испаньолы двинулся въ эту область; при немъ было триста человѣкъ
пѣхоты и семьдесятъ человѣкъ конницы. Предводительница Анакаона
вышла къ нему на встрѣчу съ большой помпой, оказывая почести, какія
только по представленію дикарки подобали ея важному гостю. Она
отвела ему самое лучшее помѣщеніе, какое только у нея нашлось, и
для его развлеченія дикари играли въ разныя туземныя игры. Вза-
мѣнъ этого Овандо подготовилъ турниръ, который долженъ былъ
привлечь вниманіе его простодушныхъ хозяевъ; всадники и пѣшіе
солдаты вышли на арену въ полномъ вооруженіи и парадѣ, какъ бы
на смотрѣ. По знаку Овандо невинный парадъ превратился
въ одно мгновеніе ока въ бѣшеный штурмъ. Собравшихся
кациковъ окружили цѣпью вооруженныхъ солдатъ и сожгли въ ихъ
хижинахъ. Вооруженная конница колола и топтала индійцевъ, спаслись
только тѣ, кому посчастливилось увернуться отъ бѣшеннаго натиска
кавалеріи. Анакаону схватили и въ кандалахъ отвезли въ Санто-До-
минго; тутъ подъ самымъ пустымъ предлогомъ ее обвинили въ заго-
ворѣ и повѣсили безъ дальнѣйшихъ околичностей.

Это называлось укрощеніемъ Ксарагвы. Укрощеніе Гигвэ, самой
восточной провинціи, гдѣ еще не были знакомы съ вла-
дѣтельствомъ Испаніи, послѣдовало съ такими же жестоко-
стями. Одинъ кацикъ изъ этой области былъ разорванъ
кроважнѣйшей испанской собакой, которую натравили на него. Это

*Съ Анакаоной
поступаютъ
предатель-
ски.*

*Избѣженіе
индійцевъ.*

*Опустошеніе
Ксарагвы
и Гигвэ.*

побудило нѣсколько туземцевъ стоявшихъ на берегу, напасть на пирогу, гдѣ сидѣло восемь испанцевъ и перебить ихъ; вслѣдъ затѣмъ Овандо послалъ Хуана де-Эсквибеля съ четырьмя ^{Походъ Эсквибеля.}стами солдатъ въ походъ на Котабанаму, главнаго кацика Гигвэ. Завоеватели встрѣтили въ защитникахъ этой страны болѣе героизма, чѣмъ они привыкли видѣть у индійцевъ, но оружіе дало возможность Эсквибелю проѣхать по всей странѣ, почти всегда одерживая верхъ надъ ея коренными обитателями. Индійцы, наконецъ, стали просить мира и согласились давать дань провіантомъ. Эсквибель построилъ маленькую крѣпость и, оставивъ въ ней нѣсколько солдатъ, вернулся въ Санто-Доминго; однако, раньше онъ принялъ у себя въ лагерѣ Котабанаму. Испанскій полководецъ разсказалъ Овандо о богатой силѣ этого начальника дикихъ—его ростъ, тѣлосложеніе и крѣпкія мышцы приводили испанцевъ въ восхищеніе.

Миръ продолжался недолго. Безчинство гарнизона еще разъ заставило индійцевъ подняться на своихъ мучителей и послѣднія свѣдѣнія, которыя Сальцедо слышалъ въ Санто-Доминго какъ разъ передъ отплытіемъ въ Ямайку, были извѣстія о новомъ возстаніи въ Гигвэ. ^{Новое возстаніе въ Гигвэ.}

Такіе-то разсказы слушалъ Колумбъ во время своего скучнаго путешествія, которое близилось къ концу. 3 августа корабли его подошли съ подвѣтренной стороны къ острову Беатъ, лежащему на полпути отъ южнаго берега Эспаньолы. Здѣсь онъ высадилъ на берегъ посла и приказалъ ему передать письмо къ Овандо, въ которомъ Колумбъ предупреждалъ правителя о своемъ приближеніи. Сальцедо сказалъ Колумбу, что правитель боялся, какъ бы его прибытіе не вызвало какихъ-нибудь мятежныхъ беспорядковъ въ народѣ, и въ этомъ письмѣ Колумбъ старался разуверить Овандо въ его подозрѣніяхъ и выразить, что онъ, Колумбъ, самъ имѣетъ въ виду избѣжать всего, что могло бы поставить администрацію острова въ непріятное положеніе. Отправивъ письмо, Колумбъ снова поднялъ паруса и 15 августа корабль его вошелъ въ гавань Санто-Доминго. Овандо принялъ его съ наружными знаками почтенія и помѣстилъ его у себя въ домѣ. Однако, Колумбъ всегда думалъ, что это офиціозное расположеніе было маской, подъ которой Овандо таилъ свою нелюбовь, если не ненависть. Народъ сочувствовалъ несчастіямъ, выстрадавшимъ Колумбомъ, но отношенія его съ правителемъ были не такого рода, чтобы облегчить ему его тоскливое пребываніе здѣсь. Извѣстно, что Кортесъ въ это время только что прибылъ въ Санто-Доминго; но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ предположеній, въ чемъ заключалось его участіе къ разсказамъ Колумба. ^{1504 г. 15 августа. Въ Санто-Доминго.}

Скоро наступила очередь вопросовъ, касавшихся права суда и расправы. Овандо приказалъ освободить Порраса и отослать его для суда въ Испанію. Правитель хотѣлъ также вмѣшаться въ дѣла адми-

рала по управленію его собственной командой, — на томъ основаніи, что его полномочія распространялись на все области новооткрытыхъ острововъ и материка. Колумбъ сослался на инструкціи, дававшія ему власть управлять и судить своихъ спутниковъ. Овандо не настаивалъ на своихъ претензіяхъ, но натянутыя отношенія ихъ продолжались, и, судя по послѣднимъ письмамъ Колумба, адмиралъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая собирать все скандальныя исторіи и разсказы, какіе только онъ могъ услышать о дурномъ управленіи Овандо, чтобы просить государей о возвращеніи отнятыхъ у него правъ. Адмиралъ освѣдомился также о своихъ денежныхъ интересахъ на островѣ; ему показалось, что Овандо мѣшалъ его комиссіонеру собирать его часть доходовъ. И дѣйствительно, тутъ была извѣстная доля правды; Карвахаль, первый комиссіонеръ Колумба, жаловался государямъ на подобныя дѣйствія, которыя вызвали съ ихъ стороны замѣчаніе Овандо.

*Колумбъ и
Овандо.*

Все деньги, какія только могъ собрать теперь Колумбъ, были имъ употреблены для починки корабля, на которомъ онъ пришелъ изъ Ямайки, и онъ отдалъ его въ распоряженіе аделантадо. Затѣмъ, получивъ другое судно для своего путешествія, онъ съѣлъ на него вмѣстѣ со своимъ сыномъ и 12 сентября оба корабля вышли изъ гавани въ обратный путь въ Испанію. Едва они очутились въ от- 1504 г. 12 сеп-
крытомъ морѣ, какъ наступила буря и сломала мачту на тлября. Ко-
корабль адмирала. Онъ перешелъ вмѣстѣ со своими при- лумбъ уходитъ
верженцами на другое судно, а поломанное отослалъ обратно въ въ Испанію.
Санто-Доминго. Его одинокій корабль неся впередъ по волнамъ океана, посреди невзгодъ и несчастій, которыя словно явились неизбѣжными спутниками послѣдней экспедиціи Колумба. Буря за бурей преслѣдовали его. Мачты трещали и ломались; безпомощный и поломанный, злополучный корабль вступилъ, наконецъ, въ портъ Санъ-Люкаръ 7 ноября 1504 года. Колумбъ находился въ отсутствіи въ теченіе двухъ лѣтъ съ половиною.

1504 г. 7 ноя-
бря. Приго-
дитъ въ ги-
ванъ Санъ-
Люкаръ.

Глава XX.

Послѣдніе годы Колумба. — Смерть и характеристика Колумба.

1504—1506.

Изъ Санъ-Люкара Колумбъ,—больной, ища лишь отдыха и покоя,—былъ перевезенъ въ Севилью. Къ несчастью, его душѣ не суждено было найти успокоеніе или миръ. Онъ оставался въ этомъ городѣ, упавшій духомъ, почти разбитый и безпомощный тѣломъ. Мы можемъ прослѣдить за различными переѣздами его умственного настроенія въ теченіе этихъ Колумбъ въ Севилью до мая 1505 г. мѣсяцевъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ; большая часть ихъ Письмо къ его сыну. была адресована къ его сыну, Діего, въ то время стоявшему очень близко ко Двору. Письма эти, по счастью, дошли до насъ; они составляютъ единственную серію писемъ Колумба, гдѣ отражается состояніе его души послѣдовательно за опредѣленный періодъ времени, такъ что мы можемъ узнать изъ нихъ всѣ думы, волновавшія его. Письма эти—горькія сѣтованія заброшенной души, вопли челоуѣка, надежды котораго были жестоко обмануты. Въ цѣломъ письма эти утомительно читать вслѣдствіе ихъ беспорядочности и неясности, какъ только онъ пускается въ отвлеченныя разсужденія. Однако, они не въ такой степени свидѣтельствуютъ о нарушенномъ умственномъ равновѣсіи, какъ, напримѣръ, письмо посланное изъ Ямайки. Это происходитъ, быть можетъ, оттого, что въ нихъ господствуетъ одна забота, къ которой сводятся всѣ его мысли, это — его надежда вернуть то высокое положеніе, которое было у него отнято.

Черезъ двѣ недѣли послѣ высадки въ Санъ-Люкарѣ, онъ пишетъ 1504 г. 21 ноябр. своему сыну отъ 21 ноября 1504 года, какъ онъ проситъ своего стараго друга, доминиканца Дезу, бывшаго въ настоящее время епископомъ въ Паленціи, ходатайствовать передъ государями, чтобы ему было оказано правосудіе по отношенію къ его доходу, уплату котораго Овандо все время оттягивалъ въ Эспаньолѣ, какъ это ему достовѣрно было извѣстно. Онъ старается доказать, что если бы ихъ величества знали, то они, возвративъ ему его полномо-

чія, увеличили бы тѣмъ свою собственную долю въ годъ. Онъ надѣется, что они не сомнѣваются въ его усердіи къ ихъ интересамъ, которое такъ же велико, какъ стараніе, съ какимъ онъ сталъ бы добиваться рая; онъ надѣется, что они вспомнятъ по отношенію къ ошибкамъ, которыя онъ могъ совершить, что всемогущій Богъ судитъ наши поступки и дѣянія по ихъ намѣреніямъ, а не по результатамъ. Его безпокоитъ, повидимому, подозрѣніе, какъ бы Поррасъ, находящійся теперь на свободѣ и при Дворѣ, не сталъ строить козни противъ своего бывшаго командира, и онъ говоритъ, что ни Поррасъ, ни его братъ не были на своемъ мѣстѣ на занимаемыхъ ими должностяхъ и слѣдствіе покажетъ все, что онъ для нихъ сдѣлалъ. «Ихъ возстаніе,—пишетъ онъ,—поразило меня, принимая во вниманіе все, что я сдѣлалъ для нихъ, совершенно также, какъ если бы солнце стало посылать мракъ вмѣсто свѣта». Онъ жалуется на отобраніе у него правителемъ Эспаньолы арестантовъ, бывшихъ сообщниковъ Порраса; теперь, очутившись на свободѣ, они осмѣлились даже явиться ко Двору. «Я писалъ,—прибавляетъ онъ,—объ этомъ ихъ величествамъ и говорилъ, что невозможно, чтобы они потерпѣли такое оскорбленіе». Онъ говоритъ далѣе, что писалъ къ королевскому казначею, прося его не произносить никакого рѣшенія на представленія подобныхъ клеветниковъ, пока не будетъ выслушана и другая сторона, и прибавляетъ, что отправилъ къ казначею конію съ клятвы, которую ему прислали мятежники послѣ того, какъ Поррасъ былъ схваченъ. «Напомни всемъ этимъ людямъ,—пишетъ онъ къ своему сыну,—о моихъ немощахъ и о вознагражденіи, какое мнѣ слѣдуетъ за мои заслуги».

Діего, разумѣется, благодаря своему положенію при Дворѣ, былъ подходящимъ посредникомъ для передачи всѣхъ желаній Колумба тѣмъ, кто окружалъ государей. Адмиралъ снова пишетъ къ Діего,—онъ надѣется, что ихъ величества позаботятся объ уплатѣ жалованья его людямъ, вернувшимся изъ экспедиціи на родину. «Они бѣдны и находились въ отсутствіи три года,—говоритъ онъ.—Они приносятъ на родину свидѣтельства о величайшихъ надеждахъ, которыя заключаются въ новыхъ золотыхъ мѣсторожденіяхъ Верагуа»; а затѣмъ онъ совѣтуетъ своему сыну обратить на это дѣло вниманіе всѣхъ, кого оно касается, и настоять на колонизаціи новой страны, такъ какъ этимъ путемъ легче всего воспользоваться этими золотыми мѣсторожденіями. Одно время онъ питалъ надежду, что сможетъ самъ побывать при Дворѣ и въ его распоряженіе были предоставлены посланки; служившія на похоронахъ кардинала Мендозы; но вскорѣ онъ отказался отъ этого намѣренія. Черезъ недѣлю, получивъ въ этотъ промежутокъ времени письмо отъ своего сына, помѣченное 15 ноября, Колумбъ пишетъ снова отъ 28 ноября. Въ этомъ посланіи онъ говоритъ о своей тяжелой болѣзни, удерживающей его въ Севильѣ; однако, онъ надѣется выѣхать отсюда на будущей недѣли, а затѣмъ говоритъ объ

огорченіи, что монархи не отвѣтили ему на его просьбы. Онъ посылаетъ свой дружескій привѣтъ Діеغو Мендепу, надѣясь, что его дружеское усердіе и любовь къ истинѣ, позволятъ ему восторжествовать надъ ложными доносами и ковами Порраса.

Колумбъ не зналъ еще въ это время, что приближавшаяся смерть королевы отчасти задерживала движеніе его дѣлъ при Дворѣ. За два дня до того, какъ онъ писалъ эту записку, Изабелла умерла (26 ноября 1504 года), состарѣвшись отъ трудовъ и подавленная огорченіями, которыя она испытала въ своемъ домашнемъ кругу. Она была въ высшей степени несимпатичная женщина, гонительница христіанскаго милосердія, но своими хитрыми уловками сѣмѣла привлечь Колумба и заставила его вѣрить въ ея благоволеніе къ себѣ. Условная оцѣнка ея личности, подкрѣпленная черезчуръ щедрыми описаніями Прескотта, есть дѣло лъстцовъ ея эпохи; но историческія изслѣдованія далеко не подтверждаютъ этой оцѣнки. О ней болѣе, чѣмъ о Колумбѣ, можно сказать: она была въ самомъ широкомъ смыслѣ создателемъ своего вѣка, чтобы судить ее исключительно съ общей точки зрѣнія, приложимой къ возвышеннымъ натурамъ.

Утраченное ею вліяніе на короля, какъ оказалось, лишило Колумба даже заманчивой иллюзіи надеждъ. По выраженію составителя «Historie», «Колумбъ всегда пользовался ея милостивымъ расположеніемъ и покровительствомъ, тогда какъ король былъ постоянно равнодушенъ и даже враждебенъ». Дѣйствительно, во время отсутствія адмирала, совершавшаго свое послѣднее путешествіе, она высказала нѣсколько новую оцѣнку его заслугъ, и ей ничего не стоило, сдѣлать его сына однимъ изъ своихъ тѣлохранителей и дать брату Колумба, Діеغو, права гражданства, чтобы предоставить ему возможность подвигаться въ чинахъ на духовномъ поприщѣ.

1 декабря, все еще оставаясь въ невѣдѣніи относительно печальныхъ событій при Дворѣ, Колумбъ снова пишетъ и журить Діеغو, который пренебрегаетъ писать къ своему несчастному отцу. «Тебѣ-бы слѣдовало знать,—пишетъ онъ,—что письма твои теперь моя единственная отрада». Въ это время Колумбъ уже узналъ, благодаря постоянному прибытію гонцовъ, о придворныхъ тревогахъ насчетъ здоровья королевы,—онъ молить Святую Троицу возвратитъ ей здоровье, чтобы всѣ ея начинанія пришли къ благополучному окончанію. Онъ повторяетъ то, о чемъ уже писалъ, объ усилившейся его тяжелой болѣзни, о своей неспособности отправиться въ дорогу, о нуждѣ въ деньгахъ, о томъ, какъ онъ издержалъ все, что ему удалось достать въ Эспаньоль, чтобы привести на родину своихъ бѣдныхъ товарищей по экспедиціи. Снова онъ поручаетъ Діеغو его младшаго брата, Фердинанда, говоря, что по характеру этотъ юноша выше своего возраста. «Если бы у тебя вмѣсто одного было десять братьевъ, то и тогда ихъ было бы немного,—прибавляетъ онъ,—какъ

1504 годъ.
26 ноября.
Королева
Изабелла
умираетъ.

Личность
Изабеллы.

1504 года
1 декабря.

въ радости, такъ и въ несчастіи, братья мои были моими лучшими друзьями».

Больше всего онъ беспокоится о замедленіи придворныхъ извѣстій. До него дошли слухи о предположеніи послать нѣсколько епископовъ въ Индію и о возложеніи этого дѣла на епископа Паленціи. Онъ проситъ Діега сказать этому епископу, что въ интересахъ всѣхъ ему слѣдуетъ сперва переговорить съ адмираломъ. Объясняя, почему онъ не пишетъ Діегу Мендецу, онъ говоритъ, что принужденъ писать ночью, такъ какъ днемъ руки его слабы и болятъ. Онъ прибавляетъ, что пришло то судно, которое было отослано назадъ въ Санто-Доминго и привезло бумаги по дѣлу Порраса,—результатъ слѣдствія, произведеннаго въ Ямаикѣ,—такъ что онъ можетъ теперь представить Совѣту Индіи обвинительный актъ по этому дѣлу. Говоря объ этомъ, онъ приходитъ въ негодованіе.—«Можетъ-ли быть кто-либо гнуснѣе и безчеловѣчнѣе! Если ихъ величества оставятъ это дѣло безъ вниманія, то кто же снова рѣшится управлять людьми у нихъ на службѣ!»

Черезъ два дня (3 декабря) онъ снова пишетъ къ Діегу относительно невниманія, которое онъ терпитъ отъ него и отъ ^{1504 г.} другихъ лицъ, находящихся при Дворѣ.—«Всѣ получаютъ 3 декабря письма, кромѣ меня»,—пишетъ онъ. Къ письму своему онъ прилагаетъ памятную записку о томъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ сдѣлать при настоящемъ стеченіи его дѣлъ. Документъ этотъ начинается обращеніемъ къ Діегу, чтобы онъ горячо молился Богу объ упокоеніи души королевы. «Всѣ убѣждены, что она теперь одѣта славою святости и не жалѣетъ о горечаяхъ и тягостяхъ этой жизни». «Король,—прибавляетъ онъ,—заслуживаетъ всей нашей симпатіи и преданности». Затѣмъ онъ увѣдомляетъ Діега, что приказалъ его брату, его дядѣ и Карвахалю присоединить ихъ настоятельныя просьбы къ просьбамъ его сына и къ письменнымъ мольбамъ, которыя онъ уже отослалъ, чтобы обратили вниманіе на дѣла въ Индіи. «Ничто,—говоритъ онъ,—не представляетъ такой безотлагательной важности, какъ прекращеніе тамошнихъ злоупотребленій». Курьезно, что во всѣхъ своихъ доводахъ онъ примѣняется къ тону своихъ же обвинителей нѣсколько лѣтъ назадъ. Онъ выставляетъ на видъ, что денежные доходы изъ Эспаньолы запаздываютъ; что правителя всѣ ненавидятъ; что если послать туда опытное лицо, то менѣе, чѣмъ въ три мѣсяца все можетъ быть приведено въ стройный порядокъ; что можно было бы построить другія крѣпости, въ которыхъ чувствуется большая потребность. «Во всемъ этомъ я могу быть полезнымъ ихъ величествамъ,—восклицаетъ онъ,—и никому другому не сдѣлать этого такъ хорошо, потому что никто въ этомъ дѣлѣ не заинтересованъ болѣе моего!» Затѣмъ онъ повторяетъ, какъ, тотчасъ по прибытіи въ Санъ-Люкаръ, онъ написалъ королю очень длинное письмо, въ которомъ высказывалъ свои соображенія по этимъ вопросамъ, но не получилъ ни слова въ отвѣтъ.

Во время отсутствія Колумба въ послѣдней его экспедиціи, королевскимъ приказомъ, даннымъ въ Алкалъ, 20 января 1503 года, была учреждена знаменитая Casa de Contratacion (Торговая палата) для завѣдыванія торговыми дѣлами Индіи, съ полномочіями давать льготы, посылать флоты, пользоваться результатами торговли или изслѣдованіями, причемъ этому учрежденію были предоставлены также нѣкоторыя судебныя прерогативы. Этотъ Совѣтъ состоялъ изъ казначея, коммисіонера и контролера, которымъ были даны въ совѣтники два лица свѣдущія въ законахъ. Александръ VI уже разрѣшилъ буллой отъ 16 ноября 1501 года вносить въ новыя испанскія правительственныя учрежденія всѣ церковныя доходы Индіи, что на долгое время дало Испаніи, вмѣстѣ съ политической властью, преобладаніе въ духовныхъ дѣлахъ Индіи.

На этотъ-то Совѣтъ Колумбъ намекаетъ, рассказывая, какъ онъ говорилъ членамъ Contratacion, что они должны держаться устныхъ и письменныхъ приказаній короля, а главное должны зорко слѣдить, какъ бы кто не отправился въ Индію безъ надлежащаго разрѣшенія. Онъ обращалъ ихъ вниманіе на жалкій составъ населенія, уже проникшаго въ Новый Свѣтъ, и о томъ, что казна оставалась безъ должной охраны.

Десять дней спустя (13 декабря), онъ снова пишетъ къ Діего, возвращаясь къ обиднымъ для него воспоминаніямъ объ Овандо, обвиняя его въ утаиваніи его доходовъ и въ такомъ высокомеріи, которое не допускало возраженій. «Всѣ знаютъ, что у меня въ Эспаньолѣ 11.000 или 12.000 кастеллано, а я не получилъ и четвертой части этого золота. Съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда удалился, онъ долженъ былъ получить 5000». Затѣмъ онъ настаиваетъ, чтобы Діего упростилъ отправить Овандо предписаніе о немедленной уплатѣ должныхъ ему суммъ. «Нарвахалю хорошо извѣстно, что мое дѣло правое. Покажи ему это письмо», прибавляетъ онъ. Далѣе, упоминая о своихъ непризнанныхъ правахъ, и о лучшемъ способѣ побуждать короля къ выполненію его давнишнихъ обѣщаній, Колумбъ тутъ же совѣтуетъ Діего сократить свои расходы; обращаться со своимъ дядей съ тѣмъ уваженіемъ, которое онъ заслуживаетъ, а къ своему младшему брату относиться такъ, какъ слѣдуетъ старшему брату. «У тебя нѣтъ другихъ братьевъ,—говоритъ онъ;—слава Богу, этотъ настолько хорошъ, что лучшаго брата тебѣ и желать нельзя. У него прекрасная натура». Затѣмъ онъ возвращается вновь къ смерти королевы. «Мнѣ говорилъ,—пишетъ онъ,—что, умирая, она выразила желаніе о восстановленіи моей власти въ Индіи».

Черезъ недѣлю (21 декабря) онъ еще разъ горько жалуется, что его оставляютъ безъ извѣстій. Онъ подробно излагаетъ какихъ трудовъ ему стоило послать деньги своимъ адвокатамъ при Дворѣ; онъ говоритъ Діего, что ему надо продолжать такъ

или иначе пролагать себѣ дорогу, пока ихъ величества не соизволятъ вернуть имъ ихъ полномочій. Онъ повторяетъ, что проѣздъ его спутниковъ изъ Санто-Доминго въ Испанію стоитъ ему тысячу двѣсти кастеллано, что онъ уже обратилъ вниманіе короля на королевскій долгъ по этому предмету, но издержанныя имъ деньги не были ему возвращены. Онъ проситъ Діего узнать, не упоминала-ли королева, «нынѣ, безъ сомнѣнія, пребывающая съ Богомъ», въ своемъ завѣщаніи о немъ; быть можетъ, епископу Паленціи, «который побудилъ ихъ величества пріобрѣсти Индію и вернуть меня ко Двору, когда я уѣхалъ», или камергеру короля что-нибудь извѣстно объ этомъ. Колумбъ могъ бы узнать, что королева вспомнила, вѣроятно, о немъ только при составленіи того параграфа своего завѣщанія, гдѣ она выказала свое возмущеніе противъ гнусностей, какія Колумбъ сдѣлалъ удѣломъ индійцевъ; гнусности эти повели къ такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ, что, по словамъ Ласказаса, всячески старались не доводить ихъ до свѣдѣнія королевы. Она горячо наказывала своимъ наслѣдникамъ измѣнить свое отношеніе къ несчастнымъ индійцамъ.

Далѣе Колумбъ говоритъ, что папа сожалѣетъ, что въ Римъ не было послано отчета о его путешествіи, поэтому онъ при-
 готовилъ такой отчетъ и хотѣлъ, чтобы Діего прочиталъ его и далъ бы также королю и епископу для прочтенія, прежде чѣмъ Колумбъ отправитъ его въ Римъ. По всей вѣроятности, съ этимъ письмомъ былъ посланъ аделантадо. Канонизаторы говорятъ, что это посольство въ Римъ имѣло секретную цѣль помѣшать намѣреніямъ Фонсеки создать въ Эспаньолѣ епархію; въ концѣ концовъ мнѣніе Колумба одержало верхъ надъ «хитросплетеніями дипломатіи».

Незадолго до того времени вслѣдствіе затрудненій, какія представляло снабженіе лошадьми королевской кавалеріи, былъ изданъ приказъ, воспрещавшій путешествовать на мулахъ, такъ какъ полагали, что ухудшеніе лошадей и недостатокъ въ нихъ явились результатомъ предпочтенія къ муламъ. Колумбъ намекалъ именно на этотъ приказъ, прося Діего получить для него разрѣшеніе поѣхать на мулѣ, — что для него легче, чѣмъ на лошади, — когда онъ отправится ко Двору; онъ надѣется этимъ способомъ пуститься въ путь черезъ нѣсколько недѣль. Въ свое время послѣдовало такое разрѣшеніе — 24 февраля 1505 года.

29 декабря Колумбъ снова написалъ письмо. Оно полно все тѣхъ же жалобъ. Онъ не получилъ никакихъ писемъ. Онъ все повторяетъ старую исторію съ кредитивами, которые онъ послалъ и которые не были приняты. Никому изъ его людей не заплатили жалованья, писалъ онъ, ни тѣмъ, кто остался вѣренъ, ни бунтовщикамъ. «Всѣ они люди бѣдные. Они отправляются ко двору, — прибавляетъ онъ, — потропить рѣшеніе своего дѣла. Помогите имъ въ этомъ». Однако, онъ исключалъ изъ числа лицъ, которыхъ поручалъ милостивому вниманію своихъ друзей, двухъ человѣкъ, бывшихъ съ нимъ въ его послѣд-

*Колумбъ
пишетъ
къ папѣ.*

*1505 г. 29
февраля.
Колумбу
разрѣшается
ѣхать
на мулѣ.*

ней экспедиціи—нѣкоего Камачо и Мастера Берналя, врача на флагманскомъ суднѣ. Берналь былъ подстрекателемъ въ мятежѣ Порраса, говоритъ Колумбъ «и я простилъ его по просьбѣ моего брата».

Читатель долженъ вспомнить, что передъ отправленіемъ въ свое послѣднее путешествіе Колумбъ написалъ въ банкъ Св. ^{Колумбъ и банкъ Св. Георгія.} Георгія въ Генуѣ, предложивъ ему въ даръ одну десятую своихъ доходовъ въ пользу своего родного города.

Письмо это не скоро дошло въ банкъ, но отвѣтъ былъ отправленъ Колумбу черезъ сына его, Діего. Колумбъ никогда не получилъ этого отвѣта и такое кажущееся пренебреженіе со стороны Генуи къ его дару не мало способствовало его отвращенію къ свѣту.

27 декабря 1504 года, онъ упоминалъ объ этомъ письмѣ въ посланіи къ Николо Одериги и жаловался, что онъ надѣялся ^{1504 г. 27 декабря.} по возвращеніи быть встрѣченнымъ какимъ-нибудь довѣреннымъ агентомъ банка, но послѣдній не прислалъ ему даже отвѣтнаго письма. «Было нелюбезно со стороны этихъ господъ не удостоить меня отвѣтомъ». Въ дѣйствительности же, намѣренію Колумба вовсе не было оказано пренебреженія, а впоследствии оно было превознесено, словно настоящее пожертвованіе, чѣмъ не мало гордились генуэзцы. Однако, намѣреніе это никогда не было приведено въ исполненіе.

4 января 1505 года, адмиралъ написалъ къ своему другу, патеру ^{1505 г. 4 января.} Горрицію, что Діего Мендець пріѣхалъ отъ Двора, и просилъ этого монаха покрыть воскомъ документы о привилегіяхъ адмирала, которыя онъ ему отдалъ на храненіе, и переслать ему эти документы. «Мнѣ становится день ото дня хуже», прибавляетъ онъ.

18 января 1505 года, онъ снова написалъ письмо. Посланіе это ^{1505 г. 18 января.} было нѣсколько веселѣе другихъ. Діего откликнулся, наконецъ. «Сюда прибылъ гонецъ Замора и я былъ ужасно радъ, получивъ письмо отъ тебя, отъ твоего дяди, отъ твоего брата и отъ Карвахала». Діего Мендець, говоритъ онъ, черезъ три или четыре дня отправляется съ приказаніемъ произвести уплату, кому слѣдуетъ. Онъ даже шутитъ по поводу Фонсеки, который какъ разъ въ это время былъ назначенъ епископомъ Плаценціи и еще не вернулся изъ Фландріи занять это мѣсто. «Если епископъ Плаценціи уже пріѣхалъ,—или когда онъ пріѣдетъ,—скажи ему, какъ я доволенъ его повышеніемъ; когда я пріѣду ко Двору, то намѣренъ поселиться у его милости, — захочетъ онъ или нѣтъ, — чтобы возобновить нашу старую братскую дружбу». Біографы Колумба недоумѣвали, шла ли здѣсь въ самомъ дѣлѣ рѣчь о Фонсекѣ или о его старомъ другѣ, Дезѣ, только что переведенномъ изъ названной епархіи на болѣе высокій постъ архиепископа Севильи. Если принимать въ соображеніе даты, то слова Колумба относятся къ Фонсекѣ. Однако, полагаютъ, что Колумбу доставили неточныя свѣдѣнія. Дѣйствительно, трудно представить этотъ шутливый тонъ по отношенію къ Фонсекѣ, котораго Првингъ изображаетъ злѣйшимъ врагомъ адмирала.

Нѣсколько кораблей пришло изъ Эспаньолы въ устье Таго. «Они не пришли сюда изъ Лиссабона,—пишетъ онъ.—Они привезли много золота, только не для меня».

Въ это же самое время Колумбъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ однимъ изъ своихъ современниковъ, съ извѣстностью котораго такъ несчастливо связана его собственная слава. Выше приводились нѣкоторыя данныя о путешествіи, совершенномъ Веспуччи съ Коэльо вдоль берега Южной Америки, откуда онъ ^{Всегда Колумба съ Веспуччи.} вернулся въ Лиссабонъ, въ сентябрѣ 1502 года. Событія эти и описанія Веспуччи уже доставили ему выдающуюся извѣстность повсюду въ Европѣ, но едва ли ранѣе его второго путешествія, весною или въ началѣ лѣта въ 1503 году, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Колумбъ стремился выбраться съ берега Верагуа въ Эспаньолу. Историки не согласны между собою, когда именно Веспуччи съ маленькимъ португальскимъ флотомъ вышелъ изъ Таго — 10 мая 1503 года или мѣсяцемъ позже, т. е. 10 іюня, — съ цѣлью пройти отъ того же великаго берега Южной Америки къ Молуккскимъ островамъ. Экспедиція эта отправилась въ путь подъ командой Коэльо; но на пути, вслѣдствіе несчастій, флотъ раздѣлился, и Веспуччи со своимъ собственнымъ судномъ, къ которому затѣмъ присоединилось другое судно, прошелъ въ Багаию, гдѣ устроили факторію для склада бразильскаго дерева; отсюда, послѣ недолгой стоянки, Веспуччи отправился въ Лиссабонъ; онъ вернулся, пробывъ въ отсутствіи ^{Разсказъ Веспуччи о своемъ путешествіи.} семьдесятъ семь дней, 18 іюня 1504 года. Позднѣе, 4 сентября, Веспуччи написалъ, или вѣрнѣе отмѣтилъ этимъ чи-
словъ свой разсказъ о путешествіи, повліявшій такимъ удивительнымъ образомъ, какъ увидимъ далѣе, на его славу и на славу Колумба. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Колумбу было извѣстно это письмо отъ 4 сентября, погубившее всю его вполне заслуженную славу; и судя по тому, что разсказывалъ Колумбъ о своей бесѣдѣ съ Веспуччи, нѣтъ также никакихъ основаній думать, чтобы флорентинецъ имѣлъ какое-либо понятіе объ уже совершившихся послѣдствіяхъ этого рокового письма. О послѣдствіяхъ этихъ будетъ упомянуто далѣе.

5 февраля 1505 года, Колумбъ писалъ къ Діего: «Два дня тому назадъ, я говорилъ съ Америко Веспуччи, который пере-^{1505 г. 5 февраля.} дастъ тебѣ это письмо; Веспуччи приглашенъ ко Двору по дѣламъ мореплаванія. Онъ всегда выказывалъ мнѣ дружеское расположеніе. Счастіе не всегда ему улыбалось и въ этомъ отношеніи судьба его не отличается отъ судьбы многихъ другихъ людей. Его начинанія не всегда были такъ успѣшны, какъ бы ему того хотѣлось. Онъ высказалъ массу самыхъ дружескихъ намѣреній относительно моего дѣла, и сдѣлаетъ для меня все зависящее отъ него. Мнѣ было трудно рѣшить, чѣмъ онъ могъ быть мнѣ полезенъ, такъ какъ мнѣ было неизвѣстно, зачѣмъ его зовутъ ко Двору. Подумай хоро-

шенъко, что онъ можетъ сдѣлать—онъ сдѣлаетъ это охотно; только устрой такъ, чтобы онъ и не подозрѣвалъ, что оказываетъ мнѣ помощь. Я разскажалъ ему о своихъ дѣлахъ все, что было возможно сказать ему о нихъ, не исключая того, что я сдѣлалъ, и какова была моя награда за все это. Покажи это письмо аделантадо, пусть онъ придуваетъ, чѣмъ и какъ можетъ быть намъ полезенъ Веспуччи».

Вскорѣ послѣ того мы встрѣчаемъ Веспуччи въ качествѣ агента отъ испанскаго правительства, обезпечившаго за нимъ права гражданина Кастиліи, и надсмотрщика въ одномъ изъ приморскихъ портовъ по снаряженію экспедицій въ Индію, съ ежегодною платою въ тридцать тысячъ мараведи. Нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, чтобы онъ оказалъ какую-нибудь помощь по дѣлу Колумба.

А въ это самое время произошли событія, которымъ Колумбу, быть можетъ, удалось бы помѣшать, если бы только король выслушалъ его внимательно. Въ февралѣ, въ Эспаньолу было послано предписаніе продать движимое имущество Колумба, а въ апрѣлѣ наложили запрещеніе на другое имущество адмирала, для удовлетворенія его кредиторовъ.

Въ маѣ 1505 года, Колумбъ, съ дружескою помощью своего брата Бартоломео, отправился въ путь въ Сеговию, гдѣ въ то время находился Дворъ. Такъ показано у Ласказаса, по Гарриссу не находить никакихъ доказательствъ посѣщенія Колумбомъ Двора ранѣе августа; тутъ, 25-го числа этого мѣсяца, онъ засвидѣтельствовалъ свое завѣщаніе нотаріальнымъ порядкомъ, какъ выяснится далѣе. Перемѣна, въ которой онъ вообщю убѣдился въ присутствіи своего государя, еще мучительнѣе заставила его почувствовать свое уничиженіе.

Его личныя просьбы къ королю не оказали ни малѣйшаго вліянія, какъ и письма. Фердинандъ наружно выказывалъ благоволеніе, а въ душѣ оставался непреклоннымъ. Разказы адмирала о его послѣдней экспедиціи, обѣщавшей богатства и вмѣстѣ серьезныя заботы, не произвели желаннаго впечатлѣнія. Ласказасъ полагаетъ, что наговоры Порраса крѣпко засѣли въ умъ короля. Чтобы отдѣлаться самому отъ досадливыхъ приставаній Колумба, король предложилъ ему рѣшить его претензіи третейскимъ судомъ и охотно согласился, когда Колумбъ выбралъ своимъ посредникомъ своего стараго друга, Дезу, нынѣ севильскаго архіепископа; но Колумбъ слишкомъ непоколебимо держался за свои права, чтобы дать согласіе на такое посредничество въ этомъ дѣлѣ; самое болѣе, на что онъ согласился — опредѣлить его доходы. Что же касается до его привилегій, записанныхъ въ королевскую грамоту, и до королевскаго слова, служившаго порукой этихъ привилегій—такія вещи ни подлежали ни обсужденію, ни измѣненію. Однако же, король былъ объ этихъ вещахъ иного мнѣнія. Онъ ласково уклонялся отъ этого предмета въ своихъ

1505 г.
24 апрѣл.
Веспуччи по-
лучаетъ права
гражданина
въ Испаніи.

Продажа
движимаго
имущества
Колумба.

1505 г. май.
Колумбъ
отправляется
въ Сеговию.

23 августа.
Солдатъ
своими
заслугами по-
лучаетъ
поручикомъ.

Колумбъ и
Фердинандъ.

разговорахъ, а на дѣлѣ ничего не предпринималъ, имѣя намѣреніе передать этотъ вопросъ вновь Совѣту, собравшемуся для приведенія въ исполненіе завѣщанія королевы. Совѣтъ этотъ не сдѣлалъ также рѣшительно ничего. Ласказасъ говоритъ намъ, что только виѣшнее приличіе удерживало короля отказаться публично отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ адмиралу, который онъ взялъ на себя вмѣстѣ съ королевой.

Во всемъ этомъ Колумбъ не нашелъ ни малѣйшаго облегченія своей болѣзни и унылаго настроенія; съ горя онъ слегъ въ постель. Но онъ нашелъ въ себѣ довольно крѣпости, чтобы составить завѣщаніе 25 августа, подтверждавшее завѣщаніе, написанное имъ въ 1502 году, передъ его отплытіемъ въ послѣднюю экспедицію. Припадки его болѣзни возобновились опять. Открылась одна старая рана. Онъ снова принялся за свои письменныя жалобы съ ложа страданій. Теперь его покинули всѣ личныя надежды, но онъ хлопоталъ о томъ, чтобы почести, которыя стоили ему такихъ тяжелыхъ трудовъ, были дарованы его сыну.

1505 г.
25 августа.
Его завѣщаніе.

Въ то же самое время Діего общался, поддерживая просьбу своего отца, въ случаѣ восстановленія полномочій Колумба въ Индіи, взять къ себѣ въ совѣтники тѣхъ людей, на которыхъ укажетъ король. Ни протестами, ни жалобами нельзя было ничего получить отъ упрямаго короля. «Чѣмъ болѣе Колумбъ тратилъ времени на просьбы,—говоритъ Ласказасъ,—тѣмъ ласковѣе король уклонялся отъ какихъ бы то ни было соглашеній. Онъ надѣялся истощить этимъ путемъ терпѣніе адмирала и заставить его принять нѣсколько помѣстій въ Кастили, взаменъ подобныхъ же владѣній въ Индіи. Колумбъ отвергалъ съ негодованіемъ всѣ подобныя намеки. Ему ничего не надо было, кромѣ правъ, принадлежавшихъ ему по договору. «Я сдѣлалъ все, что только было въ моихъ силахъ»,—говоритъ онъ въ мрачномъ, полномъ отчаянія письмѣ къ Дезъ.—Мнѣ остается предоставить рѣшеніе этого дѣла Богу. Онъ всегда былъ моею опорой въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ».

Колумбъ хлопотаетъ о своемъ сынѣ.

Отвергаетъ предложенія помѣстій въ Кастили.

«Это доказываетъ,—говоритъ Прескоттъ въ поясненіе къ предъидущему,—меньше проницательности со стороны короля, чѣмъ онъ обыкновенно выказывалъ въ пониманіи людей, разъ онъ могъ вообразить, что человѣкъ, не захотѣвшій торговаться въ самомъ началѣ сомнительнаго предпріятія лишь бы не уступить ни юты изъ своихъ требованій,—согласится къ подобнымъ уступкамъ теперь, когда успѣхъ предпріятія былъ установленъ съ такой блестящей славой».

Адмиралъ былъ въ продолженіе этого времени своего искательства, по видимому, въ Саламанкѣ, потому что Мендець рассказываетъ, что адмиралъ лежалъ здѣсь въ подагрѣ, между тѣмъ какъ самъ Мендець употреблялъ всѣ усилія, чтобы продвинуть требованія своего господина о признаніи правъ Діего. Въ награду за эту услугу Мендець просилъ для себя пожизненнаго мѣста главнаго

Колумбъ въ Саламанкѣ.

алгвазила въ Эспаньолѣ и говоритъ, что адмиралъ признавалъ такое назначеніе ничтожнымъ вознагражденіемъ за всѣ его великія услуги, но награда эта такъ-таки никогда не досталась Мендену.

Менденъ и Колумбъ.

Но вотъ блеснулъ лучъ надежды. Послѣ смерти королевы престолъ Кастиліи остался за ея дочерью, Хуаной, женою Филиппа Австрійскаго, и они пріѣхали изъ Фландріи для утвержденія въ престолонаслѣдіи. Колумбъ, прослѣдовавшій изъ Сеговіи въ Саламанку, а отсюда въ Вальядолидъ, не былъ въ силахъ, вслѣдствіе полнѣйшаго разрушенія своего организма, отправиться далѣе; онъ послалъ аделантада снискать благоволеніе дочери Изабеллы, надѣясь, что сочувствіе покойной королевы къ нему побудитъ Хуану милостиво отнестись къ его мольбамъ. Бартоломео не пришлось болѣе свидѣться со своимъ братомъ и имѣть удовольствіе сообщить ему о пріятныхъ надеждахъ, возбужденныхъ благосклоннымъ пріемомъ молодой королевы.

Колумбъ не въ силахъ выжить изъ Вальядолида на острую Филиппу и Хуану.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ адмиралъ побывалъ при Дворѣ,—все равно, гдѣ бы это ни происходило,—а дѣло его не подвинулось ни на шагъ. Да и вообще, относительно Индіи, ничего новаго не было сдѣлано. Была попытка посылать черныхъ невольниковъ въ Эспаньолу, какъ бы въ доказательство того, что туземное рабство необходимо было усилить; но Овандо донесъ, что опытъ этотъ оказался неудачнымъ, такъ какъ негры только смѣшивались съ индійцами и передавали имъ свои пороки. Фердинанду не было до этого никакого дѣла и изъ Сеговіи, 15 сентября 1505 года, онъ объявилъ Овандо, чтобы негровъ посылалось на работы нѣсколько больше. Дошла-ли до свѣдѣнія Колумба такая перемѣна въ способѣ добыванія золота,—мы не знаемъ.

Съ отъѣздомъ Бартоломео по дѣлу адмирала, болѣзнь послѣдняя усилилась. Онъ понималъ, что настало время сдѣлать ему свои послѣднія распоряженія. 4 мая 1506 года, согласно общепринятому разсказу, онъ сдѣлалъ приписку къ своему духовному завѣщанію, на бѣлой страницѣ молитвенника, который былъ ему подаренъ, по его словамъ, Александромъ VI и который «утѣшалъ его въ битвахъ, въ тюрьмѣ и въ несчастіяхъ». Нѣкоторые историческіе критики признаютъ подлинность этого документа; Гаррисъ же и другіе убѣждены въ его апокрифическомъ характерѣ. Документъ этотъ былъ найденъ только въ 1779 году. Если только онъ принадлежитъ Колумбу, то возбуждаетъ удивленіе. Тутъ говорится, что такіе титулы, какіе получилъ онъ отъ испанской короны,—признаны они или нѣтъ,—онъ имѣлъ право отнять у испанскаго престола. Это было просто похвалюбою, какъ бы въ насмѣшку надъ властью, которая осмѣлилась лишить его владѣній его. Онъ передаетъ наслѣдникамъ въ мужеской линіи свои почести, а если имъ не удастся получить ихъ, то онъ завѣщаетъ

Въ Эспаньолу отправляютъ негровъ.

1506 г. 4 мая. Приписка къ завѣщанію Колумба.

Думаютъ, что это подложный документъ.

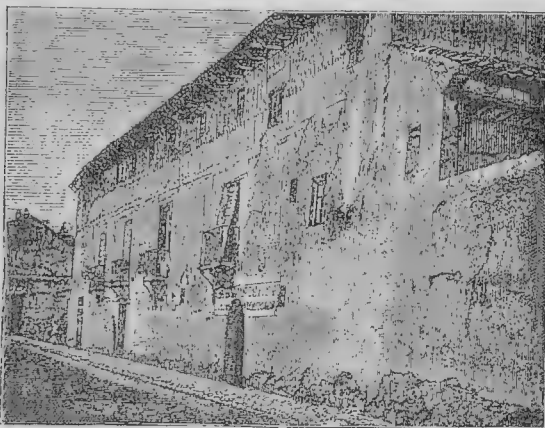
эти почести генуэзской республикѣ! Только сумасшедшій могъ вообразить, что такіа притязанія могли бы создать враждебныя отношенія между Испаніей и Генуей. Также безсмысленно онъ дарить своему родному городу средства для постройки больницы и говорить, что такіе ресурсы могутъ быть найдены въ его итальянскихъ помѣстьяхъ, гдѣ бы они ни находились. Конечно, нѣтъ ничего проще, какъ принять этотъ документъ за поддѣльный. Если это такъ, то онъ задуманъ въ духѣ сумасшествія адмирала и пущены въ ходъ слухи о томъ, будто бы Колумбъ имѣлъ намѣреніе облагодѣтельствовать Геную насчетъ Испаніи.

Черезъ двѣ недѣли (19 мая) онъ утвердилъ свое подлинное завѣщаніе, написанное имъ собственноручно за годъ передъ тѣмъ въ Сеговіи, съ соблюденіемъ всѣхъ надлежащихъ формальностей. Въ его распоряженіяхъ не было ничего неестественнаго. Онъ дѣлалъ своимъ наслѣдникомъ Діего и наслѣдуемое имущество, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ у Діего, переходило къ его незаконному сыну Фердинанду, а отъ него, въ подобномъ же случаѣ, къ собственному брату адмирала. аделантадо, и его мужскимъ потомкамъ; а въ случаѣ пресѣченія мужской линіи — къ женскимъ линіямъ въ такой же постепенности наслѣдованія. Онъ приказывалъ своимъ представителямъ во всѣхъ поколѣніяхъ вѣрою и правдою служить испанскому королю. Онъ вмѣнялъ въ обязанность Діего и позднѣйшимъ представителямъ фамиліи помогать всѣмъ нуждающимся родственникамъ и другимъ бѣднымъ людямъ. Онъ приказывалъ своему законному сыну назначать кого-либо изъ ихъ рода для постоянного жительства въ Генуѣ, чтобы поддерживать фамиліальное достоинство. Онъ приказывалъ ему выдавать своему брату и своему дядѣ должныя пенсіи; а когда имѣнія его принесутъ ему хорошій доходъ, построить часовню въ Долинѣ Эспаньолы, гдѣ бы ежедневно служились мессы за упокоеніе его души и душъ ближайшихъ его родственниковъ. Въ зависимости отъ увеличенія доходовъ, онъ ставитъ также будущій крестовый походъ для освобожденія Святого Гроба Господня. Онъ приказывалъ также Діего заботиться о доннѣ Беатрисѣ Энрикесѣ, матери Фердинанда, «особѣ, передъ которой я состою въ неоплатномъ долгу, и пусть это будетъ сдѣлано тобою для облегченія моей совѣсти, потому что на моей душѣ это лежитъ тяжкимъ бременемъ, по причинамъ, которыя я не имѣю право здѣсь объяснить»; въ своемъ собственномъ завѣщаніи Діего сознается, что онъ не исполнялъ этой заповѣди въ послѣдніе годы жизни упомянутой особы. Затѣмъ, въ припискѣ къ завѣщанію, Колумбъ перечисляетъ различныя маленькія суммы, которыя онъ отказываетъ другимъ лицамъ въ память ихъ добраго отношенія къ нему. Онъ честно присвокунулъ къ этому, что, пока права его не будутъ признаны, всѣ эти дарственные завѣщанія остаются фиктивными. «До сихъ поръ у меня не было, да и теперь нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ доходовъ»,

1506 г. 19 мая.
Колумбъ утверждаетъ свое завѣщаніе.

Онъ упустилъ изъ виду выразить какое-либо желаніе о мѣстѣ своего погребенія. Документы эти онъ отдалъ на храненіе нотаріусу, а сынъ его, Діего, въ 1524 году досталъ изъ нотаріальнаго архива копію съ нихъ и копія эта находится и по сей день, между фамильными бумагами, въ рукахъ герцога Верагуа.

Составленіе завѣщанія было почти послѣднимъ его дѣйствіемъ. На слѣдующій день онъ приобщился Св. Тайнъ и, проговоривъ: «Въ твои руки, о Боже, предаю мой духъ», испустилъ послѣднее дыханіе. 20 мая 1506 года, — по нѣкоторымъ даннымъ можно бы предположить, что это случилось 21 мая, — въ городѣ Вальядолидѣ угасла эта необыкновенная, такъ много общавшаяся, такая унылая, такая скорбная жизнь. Онъ умеръ въ домѣ № 7, въ улицѣ Колона (Calle de Colon); домъ этотъ и нынѣ еще показываютъ путешественникамъ.

Домъ, гдѣ умеръ Колумбъ.
(Изъ «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen» Рюге).

Оплакивалъ его небольшой кружокъ друзей и родныхъ. Вѣсть о его смерти, словно печальное завываніе вѣтра, коснулась слуха другихъ лицъ, которыя не находили способовъ облегчить несчастье, заслуживавшее ихъ сочувствія. Король нашелъ въ этой вѣсти успокоеніе своимъ необдуманымъ первона-

чальнымъ обѣщаніямъ. Вообще міръ также мало обратилъ вниманія на печальное шествіе, провожавшее на кладбище это тѣло, измощенное долгими странствованіями, какъ если бы то былъ какой-нибудь неизвѣстный бѣднякъ, котораго свезли на дрогахъ на погостъ.

Трудно понять какимъ образомъ человѣкъ, — чьи дѣла въ 1493 году заставляли ученыхъ людей плакать отъ восторга и чьи подвиги пробудили духъ открытія въ каждомъ приморскомъ портѣ западной Европы, — былъ такъ полно забытъ, что завзятый хроникеръ Петеръ Мартиръ, извѣстный сплетникъ и болтунъ, не обмолвился ни единымъ словомъ о его болѣзни и смерти. До насъ дошли пять длиннѣйшихъ писемъ съ массою новостей и сплетень, написанныхъ Мартиромъ изъ Вальядолида какъ разъ въ это самое время, и въ нихъ нѣтъ ни слова

Смерть его
проходитъ не-
замеченною.

о челоуѣкѣ, о которомъ онъ такъ часто вспоминалъ. Фраканціо да-Монтальбоддо, напечатавшій въ 1507 году нѣкоторыя поправки къ его первымъ путешествіямъ, не слыхалъ о смерти Колумба; не зналъ также объ этомъ и Мадриньяно, помѣчавшій числами свой латинскій переводъ той же книги въ 1508 году. Только двадцать семь лѣтъ спустя послѣ смерти Колумба въ официальномъ органѣ города была сдѣлана самая коротенькая замѣтка о томъ, что «названный адмиралъ умеръ!»

Неизвѣстно даже, гдѣ было сперва положено его тѣло, хотя обыкновенно утверждаютъ, будто оно было положено въ фрацисканскомъ монастырѣ, въ Вальядолидѣ. Нѣтъ также ни- Его погребеніе. какихъ доказательствъ вѣрности другого постоянно передаваемого разсказа, будто король Фердинандъ приказалъ, семь лѣтъ спустя, перенести останки Колумба въ Севилью, гдѣ былъ воздвигнутъ монументъ съ этимъ нерѣдко цитируемымъ двустипшіемъ:

A Castilla y a Leon
Nuevo Mundo dió Colon,—

но достовѣрно извѣстно, что надпись эта впервые была подсказана Кастильяносомъ въ его «Elegias», въ 1588 году. Если только завѣщаніе Діего въ 1509 году понимается вѣрно въ отношеніи этого вопроса, то, повидимому, несомнѣнно, что черезъ три года (1509 г.) послѣ смерти Колумба,—а не черезъ семь,—гробъ его былъ Гробъ его перенесенъ въ Севилью. отправленъ въ Севилью и помѣщенъ въ монастырѣ Ласъ Куевасъ, въ Картезіанскомъ склепѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ должны были въ свое время быть похоронены также его сынъ Діего и его братъ Бартоломео. Здѣсь останки Колумба оставались вплоть до 1535 года, а затѣмъ, въ монастырскихъ лѣтописяхъ показано, что они были сданы для перенесенія, хотя королевскій приказъ помѣченъ отъ 2 іюня 1537 года. Есть основаніе предполагать, что съ этого года вплоть до 1549 года останки Колумба покоились въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Впродолженіе этого промежутка времени его родные старались привести въ исполненіе то, что считалось волею адми- 1541 г. Его гробъ перенесенъ въ Санто-Доминго. рала, т. е. быть похороненнымъ на островѣ Эспаньоль. Мы знаемъ, что отъ 1537 г. по 1540 г. правительство издало три различные приказа относительно перенесенія останковъ Колумба, и полагаютъ, что перенесеніе состоялось на самомъ дѣлѣ въ 1541 году, вскорѣ послѣ того, какъ была закончена постройка собора Санто-Доминго. Было-ли гдѣ-нибудь записано въ то время указаніе мѣста установки гроба въ этомъ зданіи—неизвѣстно; въ 1676 году въ лѣтописи этого собора отмѣчено, что мѣсто погребенія находится справа отъ алтаря. Нѣсколько лѣтъ спустя (1683 г.), чтобы доказать такое свидѣтельство, потребовалось сослаться на воспомина-нія сторожилъ. Другихъ указаній мы не находимъ; только въ слѣдующемъ вѣкѣ, по случаю ремонта, каменная плита склепа, которая,

согласно преданіямъ, покрываетъ останки Колумба, оказалась лежащей со «стороны Евангелія» у алтаря, а другая плита—«со стороны Апостола», именно та, которая прикрываетъ останки Бартоломео Колумба. Таково было предполагаемое положеніе этихъ могилъ, когда Базельскимъ трактатомъ, въ 1795 году, Санто-Доминго былъ присо-

Останки Колумба переносить въ Гаванну.

единенъ къ Франціи; вслѣдствіе этого испанское правительство, съ согласія герцога де-Верагуа, какъ представителя фамиліи Колумба, рѣшило перенести останки адмирала въ Гаванну. Съ 1877 года былъ поднятъ вопросъ, перенесены ли только одни останки Колумба съ такой пышной торжественностью для преданія ихъ землѣ на Кубѣ? По этому пункту возникъ споръ,—епископъ Санто-Доминго и его сторонники отозвались, что останки Колумба по прежнему покоятся у нихъ, а перенесены были останки его сына, Діего. Академія Исторіи въ Мадридѣ опровергала это заявленіе, и въ длинномъ рапортѣ, обращенномъ ею къ испанскому правительству, удостовѣряла, что при перенесеніи не было сдѣлано ошибки, а добавочный ящикъ, который былъ найденъ, заключалъ въ себѣ останки внука адмирала,—Христофора Колона. Кромѣ того, ставили на видъ, что, судя по надписи на свинцовомъ ящикѣ, найденномъ не-

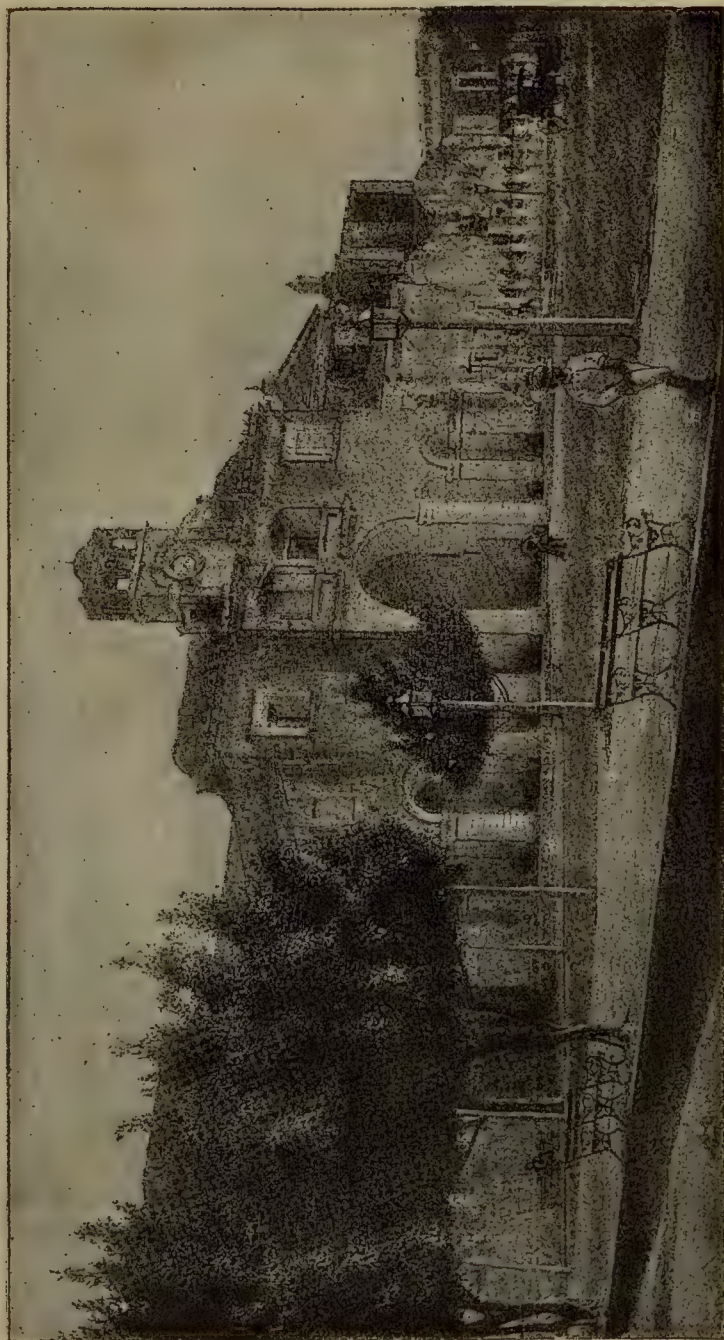
Вопросъ относительно подлинности его останковъ.

давно, повидимому, ящикъ перваго адмирала Индіи былъ мошеннически увеличенъ другимъ ящикомъ или подмѣненъ. Вопросъ по всей вѣроятности былъ отнесенъ къ категоріи сомнительныхъ вопросовъ, хотя предположеніе въ пользу Санто-Доминго представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны, которыя, разумѣется, защитники противоположнаго мнѣнія поставили очень рельефно на видъ, быть можетъ, къ немалому удовольствію болѣе тщательныхъ изслѣдователей. Полемическая литература по этому вопросу очень обширна. При произведеніи ремонта, въ 1877 году, въ соборѣ Санто-Доминго, оказалось пустое пространство въ склепѣ, откуда были взяты перенесенные останки; но тутъ же находится занятый склепъ внука Люпса, да еще другой склепъ, въ которомъ былъ свинцовый ящикъ со спорными надписями.

«Historie» утверждаетъ, что Колумбъ сохранилъ цѣпи, въ которыхъ вернулся въ Испанію изъ своего третьяго путешествія, и что онѣ были съ нимъ положены въ гробъ; по крайней мѣрѣ, таково было его желаніе. Разсказъ этотъ часто повторялся историками, но, кромѣ нѣскольکو сомнительнаго свидѣтельства упомянутой книги, мы не имѣемъ указаній по этому предмету у извѣстныхъ историковъ той эпохи; объ этомъ ничего не говорятъ Ласказасъ, Петеръ Мартиръ, Бернальдецъ и Овиедо.

Гумбольдтъ говоритъ, что до мелочей разспрашивалъ у тѣхъ, кто присутствовалъ при церемоніи погребенія въ Гаваннѣ, нашли-ли въ гробу какіе-нибудь слѣды этихъ оковъ или окиси желѣза. Изъ отчетовъ о новой находкѣ останковъ въ Санто-Доминго оказывается также, что въ ящикѣ не было найдено слѣдовъ цѣпей.

Уверенія, что Колумбъ прикавалъ похоронить съ собою свои цѣпи.

Соборъ въ Санто-Доминго.

Вѣкъ Колумба не имѣетъ себѣ почти равнаго, представляя, быть можетъ, самыя поразительныя явленія со времени восхожденія Вифлеемской Звѣзды. Въ этотъ вѣкъ Мартинъ Лютеръ сжегъ папскую буллу и явился защитникомъ независимости новаго рода. Въ этомъ вѣкѣ выступилъ Эразмъ — одинъ изъ людей поставившихъ жизни широкія задачи. Древнее искусство воскресло благодаря открытію самыхъ замѣчательныхъ его остатковъ. Новое искусство нашло такихъ выразителей, какъ Да-Винчи, Микель Анджело, Тицианъ, Рафаэль, Гольбейнъ и Дюреръ. Коперникъ въ небесахъ открылъ дивную систему безъ большой помощи телескопа. Путь португальцевъ черезъ африканскій мысъ и путешествіе Колумба открыли новыя міры для мысли и торговли. Они показали человѣку землю съ сѣвера и юга, востока и запада, какою онъ ее и не воображалъ себѣ. Казалось, никакими узами нельзя будетъ стѣснить торговыя стремленія людей. Товары приумножались удивительнѣйшимъ образомъ. Каждое движеніе впередъ открывало не только новыя и широкіе горизонты, но оно совершалось съ такою быстротою, что превосходило всякое пониманіе. Движеніе это можно удачнѣе всего сравнить съ тѣми преобразованіями, которыя пересоздали Японію въ наше время.

Продолжительное владычество мавровъ подверглось распаденію. Господство арабовъ въ наукѣ или мореплаваніи стало удѣломъ западнаго гения. Въ то время, когда Колумбъ былъ еще ребенкомъ (1453 г.), турки отпраздновали свою послѣднюю великую побѣду, завоевавъ Константинополь и, такимъ образомъ, поставивъ преграду торговлѣ христіанъ съ Востокомъ. Завоеваніе это заставило удалиться въ Европу всѣхъ образованныхъ христіанъ Востока, которые вкусили арабской эрудиціи, и вотъ они устремились въ западныя страны съ запасами знаній, вернувшись къ наслѣдникамъ римлянъ съ тѣмъ духомъ, который въ прошлые вѣка Римъ посылалъ на Востокъ.

Но то, что христіанская Европа утратила на Востокѣ, вернули ей португальцы и принцъ Генрихъ въ великомъ и заповѣдномъ западномъ просторѣ океана и вдоль африканскихъ береговъ. Въ то время какъ теплый приливъ магометанскаго нашествія прокатился надъ Босфоромъ, жаркій экваторіальный поясъ былъ прорѣзанъ съ сѣвера вдоль береговъ континента черныхъ расъ.

Италія, видя, какъ падало ея морское владычество по мірѣ того, какъ возрастало преобладаніе атлантическаго побережья, была вынуждена послать своихъ опытныхъ мореходовъ въ океанскіе порты, чтобы поддержать преобладаніе своего имени и гения въ лицѣ Кадамосто, Колумба, Веспуччи, Кабота и Верацано. Тѣ космографическія идеи, которыя перешли съ незапамятныхъ временъ черезъ цѣлый рядъ вѣковъ — то неясныя, то мгновенно озаренныя свѣтомъ сознанія, — причемъ слѣды этихъ идей таились въ умахъ образованныхъ людей почти въ непрерывной послѣдовательности въ теченіе долгихъ и долгихъ вѣковъ, — нашли, наконецъ, своего

Итальянскіе открыватели.

выразителя въ Колумбѣ. Чтеніе, бесѣды съ другими лицами, интересовавшимися этимъ вопросомъ, наблюденіе физическихъ явленій навели его на размышленіе о вѣроятности западнаго пути въ Индію, что было вполне ясно, разъ шаровидность земли была признана, и убѣжденіе это постепенно

*Убѣренность
Колумба въ
существованіи
западнаго
пути.*

въ немъ укрѣплялось и наполняло его. Убѣренностью, что онъ сумѣетъ и другихъ обратить въ свою вѣру. Было не мало людей, раздѣлявшихъ его убѣжденія, да и самый вѣкъ его былъ отраженіемъ долгихъ періодовъ такихъ вѣрованій. Требовалось лишь мужество и постоянство чело-вѣка глубоко-убѣжденнаго для практической демонстраціи идеи. Вѣкъ этотъ далъ такого чело-вѣка. Энтузіазмъ и заразительность осязательныхъ, хотя существовавшихъ лишь въ мечтахъ истинъ доставили Колумбу, послѣ многихъ неудачъ и страданій, поддержку въ высокихъ

Статуя Колумба въ Санто-Доминго.

сферахъ, что помогло ему достигнуть успѣха, хотя послѣдній былъ призрачнымъ. Для его памяти было бы хорошо, если бы онъ умеръ послѣ того, какъ свершилъ свою главную задачу. Преслѣдуя великую цѣль, которую оправдали результаты, хотя они далеко не были тѣми, какіе представлялись его воображенію, онъ, къ несчастью, по своимъ личнымъ свойствамъ не стоялъ выше уровня обыкновенныхъ смертныхъ и становился игрушкою обстоятельствъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надо было проявить дѣятельность самостоятельной мысли. Воображеніе его сослужило ему службу въ самомъ началѣ его карьеры, когда за увлеченіемъ въ дни ожиданій скрывались его недостатки. Позднѣе, задачи, ставшія ему на пути, потребовали умѣнья повелѣвать, дара убѣждать и искусства сдерживать, а у него не было ни одного изъ этихъ качествъ.

*Недостатки
характера
Колумба.*

Человѣкъ, который становится выразителемъ какого-либо мірового движенія, есть обыкновенно воплощеніе назрѣвшихъ стремленій своего времени. Таковъ былъ Колумбъ. Человѣкъ, въ которомъ мало общаго съ вѣкомъ, который указываетъ дорогу будущему отважному дѣятелю—есть предвозвѣстникъ подобнаго мірового движенія. Таковъ былъ Роджеръ Бэконъ, англійскій францискаецъ. На долю Бэкона выпало дать должное направленіе заново народившимся опытнымъ наукамъ, которыя были вызваны воскрес-

*Роджеръ
Бэконъ
и Колумбъ.*

шимъ къ жизни ученіемъ Аристотеля, и пошатнули твердыя основы платонизма. Имя Роджера Бэкона, выступающее на фонѣ науки, возстановленной арабами, нерѣдко связывается съ именемъ Альберта Великаго; оно воплотило въ себѣ все знанія и всю критику тринадцатаго столѣтія. Бэконъ далъ то направленіе мысли, какое было

*«Imago
Mundi» Иеро-
д'Айльи.*

схвачено кардиналомъ Пьеромъ д'Айльи и выражено имъ въ его «Imago Mundi» (1410 г.), книга эта стала связью между Бэкономъ и Колумбомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гумбольдтъ выразилъ свое убѣжденіе, что этотъ энциклопедическій Обзоръ Мира оказалъ болѣе важное вліяніе на открытіе Америки, чѣмъ даже быстрота рѣшенія, которую вынесъ Колумбъ изъ своей переписки съ Тосканелли. Какъ прилежно Колумбъ изучалъ страницы «Imago Mundi», мы знаемъ изъ его собственноручныхъ замѣтокъ, еще и понынѣ сохраняющихся въ Колумбовой библіотекѣ. Весьма вѣроятно, что Колумбъ почерпнулъ изъ нея непосредственно все, что ему было извѣстно о тѣхъ мѣстахъ изъ сочиненій Аристотеля, Страбона и Сенеки, гдѣ говорится, будто берега Азіи лежатъ прямо противъ Испаніи. Многое свидѣтельствуетъ, что книга эта была его постояннымъ спутникомъ даже во время путешествій и Гумбольдтъ доказалъ, что въ своемъ письмѣ отъ 1498 года, написанномъ имъ къ своимъ государямъ изъ Эспаньолы, Колумбъ дословно перевелъ одно мѣсто изъ «Imago Mundi».

Если мы, подобно Гумбольдту, возьмемъ на себя трудъ разобрать

все написанное рукою Колумба, чтобы ознакомиться съ цитируемыми имъ источниками, то найдемъ у него, повидимому, ^{Знакомство его съ древнейшими авторами.} обширное знакомство съ книгами. Однако, не слѣдуетъ забывать, что адмиралъ обыкновенно заимствовалъ свои цитаты изъ вторыхъ рукъ и былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ, съ классическими авторами, главнымъ образомъ, изъ той же книги Пьера д'Айяли «Imago Mundi». Въ списокъ авторовъ, съ которыми былъ знакомъ Колумбъ, Гумбольдтъ забылъ упомянуть о Священномъ Писаніи и о Писаніяхъ святыхъ отцовъ церкви; «въ нихъ, — по его словамъ, — Колумбъ былъ замѣчательно свѣдущъ». Вотъ этотъ списокъ авторовъ, приводимый Гумбольдтомъ:

Аристотель, Юлій Цезарь, Страбонъ, Сенека, Плиній, Птоломей, Солинусъ, Юлій Капитолинусъ, Альфрацано, Авенрюйцъ, раввинъ Самуиль де-Израиль, Псидоръ — севильскій епископъ, преподобный Бедъ, Страбусъ — аббатъ изъ Рейхенау, Дюнсъ Скотусъ, Франсуа Мейронидъ, аббатъ Іоакимъ изъ Калабрѣ, Сакробоско, т. е. англійскій математикъ Голливудъ, Николай де-Лира — норманскій францисканецъ, король Альфонсъ Мудрый и его мавританскіе «книжники», кардиналъ Петръ д'Айяли, Жерсонъ — канцлеръ парижскаго университета, папа Пій II, иначе называемый Эней Сильвій Пикколомини, Регіомонтанусъ, т. е. Іоганнъ Мюллеръ изъ Кенигсберга, хотя Колумбъ не называетъ его, Паоло Тосканелли — флорентійскій врачъ и Николай де-Конти, о которомъ онъ слышалъ, быть можетъ, отъ Тосканелли.

Гумбольдтъ не находитъ данныхъ, чтобы Колумбъ читалъ путешествія Марко Поло и не понимаетъ, на чемъ основано мнѣніе Наваррета по этому вопросу, хотя въ книгахъ, читанныхъ Колумбомъ, болѣею частью попадались рассказы Марко Поло; не понимаетъ Гумбольдтъ также, почему Првингъ говоритъ, будто Колумбъ бралъ съ собою книгу Марко Поло въ свое первое путешествіе.

Въ міровой исторіи мы часто наблюдаемъ у нѣсколькихъ дѣятелей одновременность зарожденія мысли. Тутъ и тамъ дѣятель работаетъ, не зная, что гдѣ-то у него есть неизвѣстный сотрудникъ. Слухи и манускрипты возбуждаютъ въ нихъ взаимное влеченіе другъ къ другу. Число единомышленниковъ увеличивается путемъ сношеній. Именно такого рода совпаденіе мы встрѣчаемъ въ Колумбѣ и Тосканелли; и можно почти допустить, что мудрый флорентійскій врачъ первый, — наперекоръ теоріи Гумбольдта, — посѣялъ въ душѣ Колумба его стремленія къ географическимъ истинамъ. Обыкновенно принято, говоря о Колумбѣ, непременно упомянуть и Тосканелли. Генуэзцу удалось въ качествѣ мореплавателя практически воспользо-^{Колумбъ и Тосканелли.}ваться идеями своего итальянскаго собрата.

Такимъ образомъ ищетъ исхода масса «двойничныхъ» проявленій пытливаго человѣческаго духа. Прогрессъ идетъ впередъ естественно параллельными шагами. Торговля проникаетъ въ самыя отдаленныя

области; церковь всегда въ погонѣ за новыми душами для обращенія ихъ на путь спасенія,—и съ томительнымъ ожиданіемъ вглядывается въ туманныя пространства, которыя лежатъ за предѣлами міровой географіи. Мореплаватели улучшаютъ свои методы, а люди, свѣдующіе въ искусствахъ, снабжаютъ первыхъ болѣе точными орудіями. Все это широкое разнообразіе проявленій новой жизни кристаллизуется, наконецъ, и какъ бы выраженіемъ этого развитія являются такія личности, какъ Гама и Колумбъ.

Такимъ образомъ открытіе Колумба пришло какъ разъ въ моментъ назрѣвшей идеи. Ни одно изъ предшествовавшихъ событій, заключавшее намеки на существованіе западной земли,—предпо-
*Своевременность
открытія
Колумба.* ложивъ даже, что во всѣхъ этихъ событіяхъ была доля правды,—не нашло почвы, подготовленной для дальнѣйшаго своего развитія. О Винландѣ,—гдѣ бы эта земля ни находилась,—абыли и думать. Сказки Фузанга никогда не возбуждали любопытства въ Европѣ. Мадокъ былъ также неизвѣстенъ, какъ Элидактонъ. Между тѣмъ какъ Новой Индіи не суждено было попасть въ забвеніе, открыватель ея самъ себя похоронилъ въ мірѣ предположеній. Преувеличенныя восхваленія Колумба скоро утратили свое вліяніе. Піонеръ затерялся въ новыхъ потокахъ мысли, которые онъ возбудилъ. Не послѣднюю роль игралъ интересъ открытія новыхъ человѣческихъ расъ, новыхъ проявленій въ животномъ и физическомъ царствахъ; въ то же время вопросъ о ихъ происхожденіи весьма скоро сталъ занимать умы съ точки зрѣнія богословія и науки того вѣка.

Ни одинъ человѣкъ не нуждается въ такой сильной степени, какъ Колумбъ, примѣненія къ нему критической оцѣнки со
*Колумбъ не
выигрываетъ
своего
опыта.* всѣми смягчающими обстоятельствами вслѣдствіе различія требованій его вѣка и нашего вѣка. Ни одно чадъ даннаго вѣка не сдѣлало менѣе Колумба для усовершенствованія своихъ современниковъ и весьма мало людей сдѣлало болѣе адмирала для подготовленія путей къ такому усовершенствованію. Вѣкъ создалъ Колумба и вѣкъ оставилъ его. Въ исторіи нѣтъ болѣе нагляднаго примѣра челоуѣка, показывающаго дорогу и теряющаго ее.

При всей нашей гордости прогрессомъ милосердія, совершенно невѣрно полагать, будто бы жестокости не меньшія, чѣмъ тѣ, какія мы приписываемъ Колумбу и его товарищамъ, не считались во все время позорными, какъ на примѣръ тѣ, которыя омрачили прошлые годы девятнадцатаго вѣка. Фактъ этотъ даетъ намъ право судить недостатки челоуѣка, принадлежащаго къ какому бы то ни было вѣку, съ высшей точки зрѣнія лучшихъ гуманитарныхъ побужденій во все вѣка. Колумбъ неизбѣжно долженъ пострадать, если къ нему будетъ примѣнена такая постоянная оцѣнка справедливости. Низкій уровень вѣковъ перестаетъ быть извиненіемъ для челоуѣка, стоящаго на высотѣ этихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, біографъ не можетъ забыть, что Колумбъ

есть портретъ въ рамкѣ изъ обстоятельствъ присущихъ его времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ біографъ обязанъ также помнить, что, помимо этой условной оцѣнки, поступки Колумба могутъ быть оцѣнены по мѣркѣ вѣчнаго величія.

Именно преобладающее вліяніе этого человѣка въ исторіи обоихъ полушарій даетъ намъ право судить о немъ въ строгомъ смыслѣ его ошибокъ и его заслугъ. Истинно великій человѣкъ стоитъ выше своего вѣка и идетъ впереди его; истинно великій человѣкъ не есть случайное явленіе, а воплощеніе продолжительнаго роста идей, которыхъ онъ является носителемъ и лучшимъ выразителемъ. По мнѣнію Гумбольдта, это господство личности бываетъ двухъ родовъ. Личность можетъ господствовать благодаря непосредственному вліянію своего характера; или же посредствомъ созиданія идеи, которая, независимо отъ личности, оказываетъ свою контролирующую миссію, измѣняя ходъ событій. Гумбольдтъ относитъ къ этой послѣдней категоріи вліяніе Колумба. Едва-ли найдется хотя одинъ примѣръ великой идеи, преобразившей исторію міра, которая была бы создана однимъ единственнымъ человѣкомъ. И подобной великой идеи не создавалъ Колумбъ. Всегда бывали провозвѣстники, дѣятельность которыхъ была оцѣнена невѣрно, потому что времена не благоприятствовали пониманію ихъ стремленій. Великая идея нерѣдко имѣетъ длинную родословную, выступая вдругъ изъ отдаленной древности; но она остается въ скрытомъ состояніи, пока не назрѣетъ подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ. Такова именно была судьба философской доктрины, начавшейся съ Аристотеля и перешедшей къ Колумбу. Первое путешествіе Колумба было дѣломъ безумной отваги,—такъ благоразумно заявляли многіе наблюдатели. Оно ничуть не стало менѣе безумно отважнымъ послѣ того, какъ было совершено. Если бы онъ достигъ до области могущественныхъ и богатыхъ царей Востока, то его маленькимъ шлюпкамъ и бывшему на нихъ храброму люду не поздоровилось бы за ихъ вторженіе. Его географическій промахъ, весьма вѣроятно, спасъ его отъ гибели.

Характеръ Колумба историки очерчивали различно, почти всегда съ сильной дозой личнаго пристрастія. Прескоттъ, напр., утверждаетъ, что «каковы бы ни были промахи Колумба въ области мышленія, историку трудно будетъ указать хотя бы на единственное пятно въ его нравственности». Дѣйствительно, трудно указать на болѣе возмутительное искаженіе истины, чѣмъ то, какое мы видимъ у Прескотта, когда онъ пишетъ далѣе: «Будемъ ли мы разсматривать личность Колумба въ его общественной или частной жизни,—во всѣхъ своихъ проявленіяхъ характеръ ея отличается одинаковымъ благородствомъ. Характеръ Колумба вполнѣ соотвѣтствовалъ величію его плановъ и дивнымъ результатамъ, которыхъ Небо не дало свершить дотолѣ никому изъ смертныхъ». Удиви-

Оцѣнка
его
характера.

Онъ
не создавалъ
идеи.

Историки
различно очер-
чиваютъ ха-
рактеръ Ко-
лумба.
Прескоттъ.

тельно, какъ послѣ такой высокой оцѣнки его характера въ частной и общественной жизни, очевидно, позабывши о раскаяніи Колумба за совершенныя имъ общественныя неправды, Прескоттъ дѣлаетъ выноску къ только что приведеннымъ строкамъ, чтобы упомянуть о его «незаконномъ» сынѣ. Повидимому, авторъ имѣетъ цѣлью во что бы то ни стало замаскировать истину. Это въ высшей степени рѣзко бросается

въ глаза у Првинга, который, поклоняясь герою, покрываетъ всѣ его грѣхи и прегрѣшенія, постоянно стараясь поддержать міровой образецъ на высотѣ мірового восхищенія и болѣе ради этого міра, чѣмъ ради Колумба.

Првингъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи распекаетъ біографа, который позволяетъ «пагубной эрудиціи» развѣнчивать міровой образецъ; а въ другомъ мѣстѣ, самъ того не замѣчая, произноситъ критическій приговоръ самому себѣ, говоря, что «историкъ, описывающій великаго человѣка только величественными и героическими чертами, можетъ дать прекрасное изображеніе, но отнюдь не точный портретъ». Првингъ восхваляетъ Герреру именно за то, что идетъ въ разрѣзъ съ высшими историческими цѣлями, такъ какъ онъ превозноситъ пренебреженіе этого историка къ требованіямъ правды.

Въ томъ, что Првингъ выдаетъ за исторію Колумба, ловкость автора, — выражаясь болѣе мягко, — заставила Гумбольдта предполагать, что хвалебный тонъ біографіи усилился именно во избѣжаніе съ его стороны преувеличеній; но отнюдь незачѣмъ было преувеличивать достоинства, разъ замазывались недостатки.

Нѣмецкій ученый прибавляетъ въ началѣ третьяго тома своего «Examen Critique» свое собственное мнѣніе о силѣ впечатлѣнія, какое производилъ Колумбъ. Сила эта не подлежитъ сомнѣнію; но она подобна урагану, который не знаетъ другихъ законовъ, кромѣ всеокрушающаго импульса истребленія.

Тайна оцѣнки Колумба Гумбольдтомъ легко раскрывается. Не обладая тою способностью къ картинному изображенію, какая такъ сильно дѣйствуетъ на читателей въ письмахъ Веспуччи, адмиралъ, разумѣется, не былъ лишенъ умѣнья наблюдать природу, но, къ несчастью, качество это нерѣдко примѣнялось имъ для низменныхъ цѣлей. Ученый съ такими стремленіями, какъ Гумбольдтъ, естественно симпатизировалъ этой наблюдательности. Онъ говоритъ въ своемъ «Cosmosъ» о развитіи этой точности изслѣдованія въ разнообразныхъ направленіяхъ, несмотря на предварительное отсутствіе у Колумба знаній по естественной исторіи, и утверждаетъ, что эта способность къ созерцанію естественныхъ явленій возникла у него изъ его соприкосновенія съ этими явленіями. Для славы Колумба было бы лучше, если бы онъ сохранилъ во всей неприкосновенности эту научную способность наблюденія. Напримѣръ, просто изъ нездороваго желанія изумлять другихъ, онъ перемѣшалъ теологическую и физическую доктрины о райской землѣ. Въ Испаніи и Италіи Петеръ

Мартиръ и другіе авторы тотчасъ же обозвали такое фокусничество дикими безсвязными рѣчами переутомленного ума; Гумбольдтъ же называетъ этотъ бредъ «отраженіемъ ложной эрудиціи». Очевидно, Колумбъ прибѣгнулъ къ усилюю того же рода, ухватившись за мифныя отцовъ церкви, будто земной рай находился на дальнемъ Востокѣ; онъ выказалъ ту же дерзость, когда на берегу Кубы принудилъ своихъ людей дать извѣстную клятву съ цѣлью доказать, что онъ на самомъ дѣлѣ достигъ самыхъ дальнихъ окраинъ Азіи.

Гумбольдтъ пытается объяснить это блужданіе мысли «внезапнымъ порывомъ его пламенной и страстной души»; разстройство мышленія явилось слѣдствіемъ непоследовательности въ методѣ и чрезмѣрной быстроты чтенія; оно усилилось вслѣдствіе его неудачъ и религіознаго мистицизма. Едва ли такое объясненіе спасаетъ Колумба отъ обвиненія въ болѣе грубомъ обманѣ. Мы постоянно встрѣчаемся въ дневникѣ его перваго путешествія съ этой настоятельной потребностью въ соотвѣтствующихъ чудесахъ, напр., каждая новая гавань, по его увѣренію, превосходитъ предыдущую красотой. Эта манера есть вулгарный способъ превознесенія, который въ наше время практикуется компаніями, занимающимся спекулированіемъ на земли. Въ дѣйствительности Гумбольдтъ перенесъ на своего героя часть той безпредѣльной любви къ природѣ, которую онъ самъ испыталъ въ тѣхъ же областяхъ; но вся разница между нимъ и Колумбомъ состоитъ именно въ томъ, что у перваго была врожденная любовь къ природѣ, а у втораго коммерческій расчетъ къ ея утилизаціи. Всякій разъ, когда Колумбу удавалось отвлечь свои помыслы отъ намѣреній *Наблюденія природы.* обратить Индію въ капиталъ, приносящій проценты, мы находимъ проблески сознательной работы мысли, показывающей его личную наблюдательность или усвоенную имъ отъ другихъ, — напр., когда онъ дѣлаетъ замѣчаніе по поводу уменьшенія дождей на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, послѣдовавшаго послѣ рубки лѣса; или когда онъ дѣлаетъ свои умозаключенія, что продолговатая форма Антильскихъ острововъ зависитъ отъ силы экваторіальнаго теченія.

Послѣ Ирвинга, Прескотта и Гумбольдта выступила легкомысленная школа французскихъ изступленныхъ фанатиковъ съ Розелли де-Лоргомъ во главѣ, который старается приписать Колумбу все добродѣтели святого. «У Колумба нѣтъ недостатковъ въ характерѣ и нѣтъ мірскихъ достоинствъ», говорятъ эти писатели. Пытливый духъ археологическаго изслѣдованія, какимъ одаренъ Гарриссъ и тѣ авторы, которые главнымъ образомъ посвятили себя самому тщательному изученію событій жизни Колумба, не столько коснулись измѣненія оцѣнки личности адмирала, сколько способствовали удаленію путаницы въ показаніяхъ и приведенію въ порядокъ совокупности всѣхъ фактовъ. Реакція вслѣдствіе хвалебныхъ гимновъ, воспѣваемыхъ Колумбу канонизаторами, не заставила ни одного сколько-нибудь серьезнаго автора

*Розелли де-Лоръ и его школа.
Гарриссъ.*

дать такую оскорбительную оцѣнку личности Колумба, къ какой могъ бы повести полный рассказъ установленныхъ фактовъ. Губертъ Банкрофтъ, мимоходомъ упоминая о Колумбѣ, коснулся кстати его характера и указалъ на его существенные недостатки. Даже Прескоттъ, который постоянно стремится къ восхищенію въ качествѣ льстиваго біографа, принужденъ по временамъ заговорить о «подозрѣніи временнаго умопомѣшательства», а по поводу письма, написаннаго Колумбомъ съ Ямайки къ своимъ государямъ, онъ вынужденъ признать, что «здравый рассказъ и разумныя размышленія страннымъ образомъ перемѣшаны съ бредомъ безумія и горькими жалобами». «Такія проявленія умопомраченія, — прибавляетъ онъ, — которыя находили по временамъ на его душу, словно тучи заволакивая свѣтъ его разума, возбуждаютъ въ читателѣ, какъ, безъ сомнѣнія, когда-то возбудили въ его государяхъ, смѣшанное чувство удивленія и состраданія». Книга американскаго писателя Аарона Гудриха, «*Life of the so-called Christopher Columbus*» (Нью-Йоркъ, 1875 г.), отличается страстнымъ обличительнымъ характеромъ, значительно ослабленнымъ влѣдствіе необдуманно-порывистаго тона пренебреженія; книга эта имѣетъ мало значенія, такъ какъ авторъ ея для серьезнаго критика чрезчуръ раздражителенъ и мнѣнія его слышатся въ односторонне-пристрастныхъ.

Душевные галлюцинаціи Колумба, такъ рѣзко обнаружившіяся въ послѣдніе годы его жизни, были замѣтны у него и въ болѣе молодомъ возрастѣ, и если бы кто пожелалъ получить вѣрное опредѣленіе его характера, тотъ долженъ былъ бы прослѣдить эти печальныя проявленія въ самомъ началѣ ихъ; въ такомъ случаѣ пришлось бы сдѣлать различіе между Колумбомъ, когда цѣли его были возвышенны и безкорыстны, и имъ же, когда онъ заразился корыстолюбіемъ и умъ его поддавался блужданіямъ. По временамъ приговоръ исторіи гораздо болѣе относится къ повѣствователю событій, чѣмъ къ самому характеру послѣднихъ, и вотъ почему Гумбольдтъ, оцѣнивая низкія и благородныя проявленія природы Колумба, находитъ, что даже самыя унижительныя изъ его поступковъ проникнуты сильною волею и, по крайней мѣрѣ, иногда вполнѣ осмыслены. Разумѣется, у Колумба до конца дней его бывали въ высшей степени ясныя, но мимолетныя проблески ума. Далѣе Гумбольдтъ говоритъ, что религіозность Колумба облегчала его ужасныя, мучительныя печали прелестью аскетическихъ мечтаній. Такимъ образомъ, Гумбольдтъ красивымъ эфимизмомъ старается спасти славу адмирала отъ болѣе рѣзкаго эпитета.

Вѣрою-же,—говоритъ тотъ же авторъ,—оправдывались обманъ и чрезмѣрная суровость деспотической власти, когда примѣненіе ихъ вызывалось религіозными цѣлями; несомнѣнно, это есть болѣе мягкая форма вульгарнаго выраженія—цѣль оправдываетъ средства. Однако, въ наше время лучшіе критики исторіи не считаютъ удобнымъ обольщать умъ читателя такой изящной осторожностью выраженія. Отли-

чительная черта современной критики, чтобы не сказать ее наибольшая заслуга — есть стремление извлечь пользу для новаго вѣка изъ преимуществъ, добытыхъ въ теченіе всѣхъ вѣковъ; именно поэтому современный историкъ освободился отъ всѣхъ путъ традиціоннаго рабства, выступая съ собственнымъ убѣжденіемъ и разрушая чары условленнаго поклоненія герою.

Д-ръ Ши, наиболее выдающійся современный католическій ученый, изучавшій характеръ Колумба, говоритъ слѣдующее: «Онъ сдѣлалъ меньше, чѣмъ многіе смѣльчаки на ^{Докторъ} ^{И. Дж. Ши.} плохо-снаряженныхъ судахъ. Повидимому, ему не удавалось привлекать къ себѣ людей и только немногіе оставались вѣрными его дѣлу. Подчиненные постоянно бунтовали и возставали противъ него; тѣ же, кто стоялъ выше его по положенію, находили его до крайности неуживчивымъ. Невозможно допустить, чтобы всѣ эти люди были врагами, воодушевленными дьявольскою непріязнью къ великому служителю Бога». А однако, именно Првингъ постоянными искаженіями и де-Лоргъ въ чудовищной степени стараются объяснить всѣ поступки своего героя.

Нѣтъ такихъ нелѣпостей въ дѣятельности Колумба, которыхъ бы французскіе канонизаторы не считали пригодными для ^{Французскіе} ^{канонизаторы.} своихъ цѣлей; напр., его сумасбродный обѣтъ вооружить 4.000 всадниковъ и 50.000 пѣхоты въ теченіе семи лѣтъ, чтобы съ этимъ войскомъ отнять Святой Гробъ Господень у невѣрныхъ, или самыя вульгарныя изъ его словоизверженій преисполненныхъ ханжества. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что Колумбъ былъ набожнымъ католикомъ согласно требованіямъ католицизма той эпохи, но если мы захотимъ приложить критеріумъ вѣчной правды къ Колумбу, то онъ не выдержитъ испытанія. Въ немъ не было великодушнаго и благороднаго духа любви къ ближнему и къ Богу въ томъ смыслѣ, какъ это понимали во всѣ времена величайшія души. Онъ не имѣлъ никакого представленія о Божествѣ, объемлющемъ все живое своею любовью. Во имя своего Бога Колумбъ могъ совершать вселенскіе ужасы. Онъ раздѣлялъ эту увертку вмѣстѣ съ Пизабеллой и другими. Если бы мы усомнились въ идеѣ безсмертнаго человеколюбія, то намъ слѣдуетъ только вспомнить, чѣмъ былъ Ласказасъ между своими современниками.

Мѣсторожденія, которыя Колумбъ отыскивалъ, было трудно найти. Народъ, который онъ спасалъ во Христѣ, было легко истребить. Онъ горько жаловался, что усилія его были дурно вознаграждены. Онъ не имѣлъ состраданія къ бѣдствіямъ другихъ людей, если только они не были его приверженцами или соучастниками въ его цѣляхъ. Онъ находилъ достойнымъ лѣтописи методъ управленія, заключавшійся въ томъ, что онъ отрѣзывалъ носы и отрывалъ уши у обнаженнаго язычника. Онъ оправдывалъ свои чрезвычайныя мѣропріятія тѣмъ, что покорителя Индіи нельзя судить на основаніи цивилизованной жизни, которая со-

ставляетъ удѣлъ прочно организованныхъ государствъ въ мирное правленіе. Однако, имѣя возможность организовать человѣчную жизнь посреди народовъ, которые легко поддавались передѣлкѣ въ хорошую сторону, онъ съ перваго же раза старался учредить среди нихъ наслѣдственные бѣдствія «благоустроенныхъ государствъ». Онъ много

Обращенные и невольники. разглагольствовалъ объ обращеніи бѣдныхъ душъ въ христіанскую вѣру и въ то же время, какъ только увидалъ этихъ несчастныхъ, поспѣшилъ отослать ихъ, какъ товаръ, для продажи въ рабство, словно первый шагъ къ обращенію въ христіанство былъ шагомъ къ низведенію человѣческой личности на степень скота.

Первый викарій, посланный въ Санто-Доминго для обученія туземцевъ христіанской вѣрѣ, возвратился въ Испанію, будучи не въ силахъ оставаться и быть пассивнымъ свидѣтелемъ жестокостей Колумба. Пизабелла помѣшала продажѣ туземцевъ въ рабство въ Испаніи, когда Колумбъ послалъ туда пять кораблей съ живымъ товаромъ. Ласказасъ рассказываетъ, что въ 1494—96 годахъ Колумба вообще ненавидѣли въ Эспаньолѣ за его гнусности и несправедливости и что политика адмирала въ отношеніи туземцевъ убила третью часть ихъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ. Францисканцы, прибывшіе на островъ, нашли колонистовъ въ великой радости, что они избавились отъ управленія, учрежденнаго Колумбомъ; бенедиктинцы и доминиканцы въ свою очередь подтвердили это свидѣтельство.

Какъ уже было замѣчено, первыя слова, употребленные имъ, когда онъ послалъ Европѣ рассказъ о своихъ чудесныхъ открытіяхъ, заключали планъ порабощенія этого чуждаго народа. Во время путешествія онъ уже вступилъ въ роль вербовщика невольниковъ, поймавъ девять довѣрчивыхъ туземцевъ.

Во второе путешествіе онъ отослалъ въ Испанію полное судно невольниковъ. подъ предлогомъ обращенія ихъ въ христіанство, но испанскіе государи дали ему понять, что будетъ дешевле обращать ихъ въ христіанскую вѣру у нихъ на родинѣ. Затѣмъ онъ придумалъ альтернативу послать невольниковъ въ Испанію на продажу, чтобы купить на вырученные за нихъ деньги провіантъ для тѣхъ, кто займется обращеніемъ туземцевъ, остающихся у себя по домамъ. Быть можетъ, монархи прельстились этимъ софизмомъ; и Колумбъ еще разъ послалъ въ Испанію четыре судна, нагруженные мясомъ, обливавшимся потомъ и кровью. Возвращаясь, въ 1496 году, въ Испанію, чтобы провести своихъ враговъ, онъ еще разъ, въ свою очередь и по своему лжеумудрствованію, постарался надуть діавола языческихъ душъ, отправивъ другія суда, нагруженные живымъ товаромъ. Наконецъ, черта была проведена. Они должны будутъ выносить ужасы рабства не для спасенія своихъ душъ, а въ наказаніе за то, что осмѣлились воевать противъ испанцевъ.

Колумбъ также положилъ начало тому ужасному преступленію, которое испанскій законъ санкціонировалъ подъ именемъ «repartimientos»;

по этому закону каждому колонисту, даже самому низкому, давалась безграничная власть надъ туземцами въ такомъ числѣ, какое онъ могъ взять себѣ на иждивеніе по своимъ средствамъ и по своему рангу. Ласказасъ говоритъ намъ, что Фердинандъ едва-ли имѣлъ вѣрное представленіе объ ужасахъ этой системы. Если это вѣрно, то это происходило вслѣдствіе того, что онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на свидѣтельства наблюдателей, между тѣмъ, какъ прислушивался въ рассказамъ, внушеннымъ алчностью, грабежомъ и жестокостью. Тѣ же лица, которыя имѣли доступъ къ Фердинанду, представляли ему, что система эта имѣла цѣлю вывободить языческія души изъ ада и въ то же время наполнить золотомъ его казну. Въ 1501 году доминиканцы вошли съ протестомъ противъ этой системы и Фердинандъ вслѣдствіе этого обратился за совѣтомъ къ людямъ, свѣдущимъ въ законѣ и въ томъ, что считалось въ тѣ дни нравственнымъ для христіанъ. Этотъ апелляціонный судъ призналъ необходимость такихъ усилій для приумноженія новообращенныхъ въ вѣрѣ и для вознагражденія поддержавшихъ эту вѣру.

Петеръ Мартиръ выразилъ чувства, лежавшія въ основѣ нравственности того вѣка: «Національное право и церковное право допускаютъ личную свободу человѣка. Однако, политика государства оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ. Обычай отвергаетъ идею. Долгій опытъ показалъ, что рабство необходимо, чтобы помѣшать новообращеннымъ церкви вернуться къ идолопоклонству и заблужденію». Всѣ завѣдомые служители церкви, за немногими исключеніями, какъ, напримѣръ, Ласказасъ, за одно съ Колумбомъ были сторонниками этихъ благовидныхъ мыслей; и Ласказасъ, признавая этотъ фактъ, спрашиваетъ, что можно было ожидать отъ стараго моряка и воина, какъ Колумбъ, если мудрейшій и почтеннѣйшій изъ всего духовенства раздѣлялъ его взгляды. Дѣйствительно, несчастье Колумба состояло въ томъ, что онъ упустилъ удобный случай стать умнѣ своихъ товарищей, случай, за которымъ всегда въ погонѣ умъ, любящій повелѣвать, а ему такой случай представлялся болѣе, чѣмъ кому-либо другому.

Не было ничего, что бы сдерживало зло. Алчность колонистовъ преодолѣвала всѣ преграды. Королева была обманута, давая двусмысленныя инструкціи Овандо, который замѣнилъ Бобадиллу, и вслѣдствіе ихъ, путемъ ихъ истолкованія, чудовищное зло росло еще болѣе. Въ 1503 году всѣ жестокости получили санкцію закона. Работа стала принудительною; невольниковъ перевозили повсюду, и, по крайней мѣрѣ, на восемь мѣсяцевъ въ году безжалостно расторгались семьи. Чувствуется какое-то удовлетвореніе, когда, наконецъ, самъ Колумбъ, въ письмѣ къ Діего, отъ 1-го декабря 1504 года, содрогается отъ лютой Овандо. Когда подумаешь, что цѣлая раса Антильскихъ острововъ была истреблена окончательно, — опредѣленно установленный фактъ ко времени смерти Колумба, — то желаешь, чтобы это мрачное ложе смерти въ Вальядолидѣ озарилось

*Усиленіе
рабства въ
Западной
Индіи.*

сознаніемъ, что рука, водрузившая знамя Испаніи и Христа на Санъ-Сальвадорѣ, сдѣлала кое-что для устраненія бѣдствія, которое систематизировали алчность и превратно понятая набожность. Когда чело-вѣкъ старается подыскать причины и выставляетъ ихъ напоказъ при совершеніи преступленій, онъ это дѣлаетъ, чтобы заглушить голосъ совѣсти. Колумбъ цѣлые годы занимался этимъ.

Вернувшись изъ Пзабеллы, знаменитый архіепископъ Гренады, Фер-
Талавера. нандо де-Талавера, котораго мы ранѣе видѣли настоятелемъ въ Прадо, выказалъ то же судорожное участіе къ индійцамъ. Съ 1478 года онъ состоялъ духовникомъ королевы и когда пришло время посылать миссіонеровъ на Антильскіе острова, то, естественно, они выбирались изъ ордена Святого Іеронима, къ которому принадлежалъ и самъ Талавера. Колумбъ изъ политическихъ цѣлей, заставившихъ его выставлять на видъ сліяніе своихъ личныхъ интересовъ съ интересами церкви, ранѣе этого надѣлъ на себя рясу фран-
Францисканцы. цисканцевъ и орденъ этотъ появился на Эспаньолѣ вторымъ, въ 1502 году. Францисканцы отличались крайней нетерпимостью и уже выказали расположеніе притѣснять и мучить индійцевъ, относясь высокомерно къ заступничеству королевы за бѣдныя души ихъ повобранцевъ. Доминиканцы проникли на Эспаньолу только послѣ смерти Колумба, въ 1510 г., и держались духа милосердія патеровъ ордена Св. Іеронима. Позднѣе и они отвернулись отъ чело-вѣколюбія.

Паденіе Колумба началось съ того момента, когда онъ исторгнулъ у несговорчивыхъ монарховъ такъ называемыя свои привилегіи и когда онъ требовалъ богатствъ, какъ непремѣннаго дополненія къ такому положенію, вытекавшему изъ этихъ привилегій. Согласіе на условія договора было дано, насколько дѣло касалось короля, только для того, чтобы прекратить приставанія, такъ какъ онъ вовсе не торопился утвердить этотъ договоръ. Домогательство Колумба въ этомъ отношеніи представляетъ странный контрастъ съ удовлетвореніемъ, какое находили капитаны принца Генриха, Да-Гама и другіе мореплаватели въ чистомъ торжествѣ науки. Корыстолюбивый Колумбъ

былъ вынужденъ сказать подобно Соломону: «Взглянулъ
Корыстолюбивый Колумбъ. я на все дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, что трудился я, совершая ихъ: и вотъ все суета и зати въ вѣтрыныя, и нѣтъ отъ нихъ выгоды подъ солнцемъ». Никогда еще проповѣдникъ не имѣлъ лучшаго примѣра. Колумбъ имѣлъ обык-новеніе говорить, что золото помогаетъ душѣ летѣть въ рай. Быть можетъ, онъ намекалъ этимъ на мессы, которыя можно было купить
Какъ онъ цри- нмалъ золото. за золото, или на милостыню, которая могла быть угодна Небу. Онъ бы лучше вспомнилъ слова предостереженія, обращенныя къ Баруху: «Щеешь-ли ты великихъ вещей для самого себя? Не щещи ихъ. Потому что,—сказалъ Господь,—твою жизнь отдамъ я имъ въ добычу во всѣхъ мѣстахъ, куда ты ни пойдешь». И во всѣхъ мѣстахъ онъ становился добычей.

Гумбольдтъ старается оправдать эту алчность къ наживѣ, объясняя ее врожденнымъ стремленіемъ каждого свободного генуэзца извлечь денежныя выгоды изъ коммерческаго предпріятія. Наживѣ придавали значеніе, потому что она являлась средствомъ пріобрѣсти власть и вліяніе въ республикѣ.

Если бы Колумбъ нашелъ въ Новомъ Свѣтѣ богатства такъ легко, какъ онъ вообразилъ себѣ заранѣе, очень возможно, что такое обиліе повліяло бы иначе на его характеръ въ дурную или хорошую сторону. Онъ скоро увидѣлъ передъ собою трудно разрѣшимую задачу—удовлетворить при недостаточныхъ средствахъ волчьему аппетиту испанскаго правительства, который возбудили его преувеличенныя описанія богатствъ новооткрытыхъ земель. Вслѣдствіе этого онъ не щадилъ никакихъ способовъ для полученія золота, которое сжидалось съ такою алчностью,—не обращая вниманія на то, что приходилось жертвовать туземцами,—и изъ простодушнаго обмана онъ покрывалъ своихъ плѣнниковъ золотыми цѣпиями и украшеніями, проходя съ ними черезъ испанскіе города.

Послѣ того, какъ Да-Гама открылъ дорогу въ Китай черезъ мысъ Доброй Надежды, а Колумбъ,—какъ ему казалось, — до- Николай де-Контти. шелъ до восточныхъ окраинъ той же страны, король Эммануилъ (1500 г.) приказалъ перевести на португальскій языкъ чудесныя разказы объ азіатскихъ великолѣпіяхъ Николая де-Контти. Неудивительно, что интересъ къ открытію 1492 года скоро исчезъ, когда люди стали сравнивать описанія области за Гангомъ Марко Поло и въ самое недавнее время Николая де-Контти, подтвержденныя, повидимому, португальцами, съ тѣми скудными средствами, которыя получались въ представленіи о той же странѣ, изъ всѣхъ разказовъ Колумба объ Антильскихъ островахъ и вывезенныхъ Недовольство свита. имъ оттуда продуктовъ. Опасное путешествіе черезъ море Тѣмы принесло мало пріятнаго, если всѣ вынесенныя изъ него диковинки состояли только изъ хвостатыхъ или одноглазыхъ людей, да племень амазонокъ и людоедовъ.

Разсматривая, какое вліяніе имѣлъ характеръ Колумба на умы людей, мы замѣчаемъ нѣсколько странныхъ аномалій. Прежде чѣмъ его увлеченіе омрачилось честолюбивыми мечтами о богатствѣ съ его послѣдствіями и въ то время, когда онъ настаивалъ на признаніи его идей ради нихъ самихъ, ясно, что онъ оказывалъ такое сильное впечатлѣніе на другихъ, какого нѣкогда не могъ произвести послѣ того, какъ за нимъ были обезпечены его прерогативы. Именно послѣ этой поворотной точки въ его жизни мы начинаемъ замѣчать его лживость и болтливость, но крайней мѣрѣ, мы находимъ эти качества въ его мемуарахъ. Случай съ движущимся свѣтомъ въ ночь передъ первымъ усмотрѣннымъ имъ берегомъ есть поразительный примѣръ его дерзкаго пренебреженія ко всѣмъ тѣмъ свойствамъ, которыя помогаютъ командиру управлять своими людьми. Не требуется много тонкости, чтобы

понять всю низменность такого плутовства. Благородное желаніе завоевать высочайшія почести открытія не могло удовлетворить мелочную, ненасытную алчность. Онъ притупилъ въ себѣ всякое чувство великодушія, лишивши бѣднаго матроса денежной награды, слѣдовавшей ему. Что тутъ не было никакого свѣта въ дѣйствительности, это ясно изъ разстоянія, пройденнаго открывателями подъ парусами, такъ какъ если бы свѣтъ находился впереди корабля, то они не продолжали бы идти, а если бы онъ перерѣзывалъ путь корабля, то они не оставили бы его. Только онъ да его рабъ видѣли этотъ свѣтъ, и Колумбъ въ то время сохранилъ свое видѣніе въ тайнѣ. Авторъ «Historie», чтобы выйти изъ затрудненія, пытается придать всему разсказу мечтательный характеръ, говоря, что свѣтъ этотъ былъ духовный, а не физическій. Наварретъ совѣтъ обходить этотъ эпизодъ, считая необходимымъ для репутаціи Колумба оставить о немъ въ невѣдѣніи публику.

Второй примѣръ несчастнаго безсилія Колумба въ такую минуту, когда честный человѣкъ положился-бы на свой характеръ, представляетъ его попытка показать, будто онъ дошелъ до береговъ Азіи, заставивъ для этой цѣли своихъ матросовъ произнести клятву, подъ угрозой вырыванія у нихъ языковъ, если бы они вздумали отказаться отъ своихъ словъ. Трудно вообразить что-либо болѣе унижительное въ примѣненіи власти.

Серьезнымъ промахомъ въ его жизни было настойчивое стремленіе къ территоріальной власти. Онъ воображалъ, заключая договоръ со своими государями, что, становясь вице-королемъ, онъ обезпечиваетъ за собою почетъ; на самомъ же дѣлѣ онъ отдавалъ въ залогъ свое счастье и сдѣлалъ невозможною свою жизнь. Онъ стремился добиться того, къ чему судьба не дала ему способностей, и вотъ, испанскіе монархи, въ одинъ несчастный день,—о чемъ они въ свое время и пожалѣли,—подчинились его продиктованнымъ галлюцинаціямъ. Колумбъ менѣ всякаго другого былъ способенъ управлять колоніей.

Самымъ печальнымъ фактомъ въ жизни Колумба является то роковое уметвленное оцѣненіе, когда его оставила всякая вѣра въ міръ естественныхъ явленій и онъ бросился очертя голову въ вихрь того, что онъ называлъ вдохновеніемъ.

Все въ его научной аргументаціи было логично. Она внушала довѣріе, свойственное мудрости. Въ ней видно было мужество зоркаго разума. Если бы онъ основывалъ свои требованія почестей на этой аргументаціи, онъ сталъ бы въ ряду съ великими пророками вселенной, съ Коперникомъ и ему подобными. Успѣхъ его притязаній въ отношеніи испанскихъ монарховъ вскружилъ ему голову и его паденіе началось съ того момента, какъ онъ унизилъ благородную цѣль до уровня торговой сдѣлки. Въ продолженіе перваго путешествія онъ больше искалъ опоры въ мелкихъ придиркахъ относительно своей

*Отсутствіе
великодушія
у Колумба.*

*Насильствен-
но взятіи или
клятвы съ
матросовъ.*

*Честолюбивое
желаніе его
обладать тер-
риторіальной
властью.*

*Его
признанное
вдохновеніе.*

команды, чѣмъ въ величїи цѣли и естественномъ вліяніи, присущемъ высокому дѣятелю. Обманъ этотъ былъ началомъ его паденія, которое закончилось печальнымъ самовозвеличеніемъ,—онъ уже не чувствовалъ себя болѣе способнымъ изслѣдовать тайны земли, а считалъ себя обладателемъ чудеснаго вдохновенія. Человѣкъ, умѣвшій владѣть собою, сталъ рабомъ лихорадочной галлюцинаціи.

Строгія умственные занятія, поддерживавшія въ немъ духъ изслѣдованія въ теченіе долгихъ лѣтъ, когда ему приходилось работать надъ разрѣшеніемъ великихъ физическихъ задачъ, были забыты. Онъ сталъ безнадежно приписывать Божеству размѣръ своихъ собственныхъ ошибокъ. «Богъ сдѣлалъ меня,—говоритъ онъ,—вѣстникомъ новаго неба и новой земли, о которыхъ Онъ говорилъ въ Апокалипсисѣ св. Іоанна, послѣ того, какъ Онъ говорилъ о нихъ устами Псайп, и Онъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ пайти ихъ». Онъ не думалъ болѣе, что имъ руководили идеи Аристотеля. Греку можно было простить его незнаніе Америки. Но было святотатствомъ приписывать такое невѣжество Божественной мудрости.

Позвинить Колумба можно только его сумасшествіемъ. Естественно онъ потерялъ своихъ друзей, утративъ мужественную преданность дѣлу. Я считаю началомъ такой потери само- ^{Теряет своихъ друзей.} сознанія уже его завѣщаніе, подписанное 22 февраля 1498 года, гдѣ онъ увѣряетъ, что Святая Троица внушила ему идею пройти западнымъ путемъ для открытія Индіи.

Въ письмѣ своемъ къ нянѣ дона Хуана онъ говоритъ, что пророчество Псайп въ Апокалипсисѣ нашло въ немъ истолкователя, посла, открывшаго новую часть міра. «Человѣческій разумъ,—писалъ онъ въ «Proficias»,—математика и географическія карты не принесли мнѣ ни малѣйшей пользы. Я просто выполнилъ только пророчество Давида».

Жалкаго человѣка постигла жалкая смерть. Едва-ли въ исторіи найдется еще другое болѣе величественное имя. Едва-ли ^{Его жалкая смерть.} въ лѣтописяхъ міра встрѣтится другая личность, сдѣлавшая такъ мало при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Открытіе его оказалось промахомъ; его промахъ оказался Новымъ Свѣтомъ; Новый Свѣтъ есть его памятникъ! Открыватель могъ сдѣлаться отцомъ этого Новаго Свѣта; онъ сталъ его грабителемъ. Онъ могъ дать юнымъ днямъ этого Новаго Свѣта столько добра, сколько міръ обыкновенно соединяетъ съ идеей Творца; онъ сдѣлалъ его послѣдїемъ разрушенія и преступленія. Онъ могъ быть безкорыстнымъ двигателемъ географической науки; онъ оказался свирѣпымъ искателемъ золота и вице-королевскаго достоинства. Онъ могъ благостью своего духа обратить языческія души ко Христу; онъ списалъ проклятїе добрыхъ ангеловъ. Подобно Ласказасу, онъ могъ явиться порицателемъ дьявольской злобы своихъ современниковъ; онъ далъ имъ примѣръ превратно понятой вѣры. Торжество въ Барселонѣ привело къ позору въ Вальядолидѣ, шагъ за шагомъ, вслѣдствіе постепеннаго паденія.

Глава XXI.

Наслѣдники почестей Колумба.

Колумбъ оставилъ послѣ себя естественными представителями своего имени и своихъ почестей слѣдующихъ родныхъ: брата Его родные. Бартоломео, у котораго въ 1508 году родилась незаконная дочь,—насколько извѣстно, его единственное дитя; брата Діега, который, какъ духовное лицо, не могъ имѣть законнаго потомства; сына Діега, который сдѣлался теперь первымъ наслѣдникомъ его почестей; незаконнаго сына, Фердинанда, самаго замѣчательнаго по умственнымъ способностямъ изъ всего ближайшаго рода Колумбовъ.

Передача его титуловъ по наслѣдству обуславливалась въ первой инстанціи бракомъ, какой заключить Діега. Въ теченіе Его сынъ Діега. года или двухъ Діега имѣетъ отъ двухъ различныхъ женщинъ двухъ незаконныхъ сыновей — Франциско и Крестовая, которые вслѣдствіе условій своего рожденія не имѣли правъ наслѣдства. Діега въ это время было около двадцати четырехъ лѣтъ.

Десять или двѣнадцать дней послѣ того, какъ Діега вступилъ въ свои наслѣдственныя права, Филиппъ Красивый, получившій участіе въ престолѣ Кастиліи въ качествѣ супруга Хуаны, дочери Изабеллы, приказалъ уплатить наслѣднику Колумба тѣ суммы, которыя Кастилія была должна адмиралу. Приказъ этотъ полученъ въ Эспаньолѣ, въ іюнѣ 1506 года, но его не спѣшили исполнить; а когда Фердинандъ Арагонскій вернулся изъ Италіи въ августѣ 1507 года и вступилъ на кастильскій тронъ, то онъ повторилъ приказъ 24 августа.

Повидимому, въ свое время Діега сталъ получать по 450.000 унцій Доходъ Діега. золота ежегодно изъ четырехъ плавильныхъ заводовъ въ Эспаньолѣ. Этого дохода,—хотя бы и при другихъ ресурсахъ,—отнюдь не было достаточно юному претенденту и вотъ онъ Діега настоящимъ требуетъ вознагражденія почестей Колумба. начался требовать, чтобы Фердинандъ возвратилъ его наслѣдственнымъ почестямъ и полномочія съ тѣмъ упорствомъ, какое составляло отличительно свойство просьбъ его отца. Когда Фердинандъ вернулся изъ Неаполя, Діега рѣшился добиться окончательнаго исхода, но Фердинандъ продолжалъ уклоняться отъ этого. По свидѣтельству Ласказаса и Герреры, Діега

попросилъ позволенія представить въ Индійскій Совѣтъ искъ противъ короны и король уступилъ этой просьбѣ, разсчитывая, по всей вѣроятности, на свое искусство измѣнять вердиктъ въ общественныхъ интересахъ. Процессъ начался въ 1508 году ^{1508 г.} *Искъ противъ короны.* и продолжался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прежде, чѣмъ все было закончено, а въ декабрѣ того же 1508 года Діего поручилъ вести свое дѣло повѣренному герцога Альвы.

Защита короны состояла въ томъ, что передача должности вице-короля сыну адмирала было бы противно государственной политикѣ и противорѣчило закону 1480 года, по которому въ испанскомъ королевствѣ не могла быть наслѣдственной ни одна судебная должность. Далѣе корона доказывала, что Колумбъ не былъ главнымъ орудіемъ перваго открытія и не открылъ материка, въ чемъ его предупредили другіе путешественники. Въ отвѣтъ на всѣ эти доводы Діего въ своемъ дѣлѣ опирался на договоры короны съ его отцомъ, которыми были утверждены отстаивавшіяся ими права. Онъ заявлялъ, что корона уже ранѣе этого признала часть договора своими приказами отъ 2-го іюня 1506 г. и отъ 24-го августа 1507 г., благодаря которымъ ему были возмѣщены доходы, слѣдуемые по условію договоровъ. Со стороны короны было также поставлено на видъ, что Колумбъ лишился своихъ полномочій, потому что употребилъ ихъ во зло, но въ отвѣтъ на это Діего возразилъ, что въ письмѣ отъ 1502 года государи признають дѣйствія Бобадиλλы самоуправствомъ. Были спрошены многіе мореплаватели по западнымъ морямъ для опроверженія доводовъ короны объ извѣстности берега до путешествій Колумба, главнымъ же образомъ для установленія первенства путешествія Колумба къ берегу Парія; свидѣтельства показали съ достаточной ясностью, что всѣ эти притязанія были просто на-просто превратно истолкованныя свѣдѣнія въ дѣйствительности позднѣйшаго путешествія Охеда въ 1499 году. Изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній въ томъ видѣ, какъ они приведены у Наваррета, біографы почерпаютъ значительный запасъ свѣдѣній о путешествіяхъ Колумба, не находящихся въ другихъ источникахъ; однако, историкъ долженъ во многихъ отношеніяхъ относиться съ разборчивостью къ этимъ свидѣтельскимъ показаніямъ.

Дѣло скоро склонилось въ пользу Діего, но, весьма вѣроятно, на такой благоприятный исходъ повліяла сама корона. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ этотъ является одной изъ странностей въ исторіи Колумба и его славы. Если этотъ процессъ имѣлъ цѣлью обезпечить вердиктъ противъ короны для того, чтобы охранить права короны, дарованныя ей Демаркаціонною буллою, то мы можемъ понять, почему не выдвигалось на сцену многое, что помогало положенію казны. Если же процессъ этотъ имѣлъ именно ту цѣль, которая вызвала его, т. е. являлся успіемъ освободить корону отъ обязательствъ, вырванныхъ у нея вслѣдствіе ложныхъ представленій

Діего выигрываетъ свой процессъ.

или обмана, то мы должны только удивляться такому упущенію доказательствъ.

Королю было предоставлено привести въ исполненіе рѣшеніе о возвращеніи прерогативъ адмирала его сыну, Діего. Навѣрно, благодаря извѣстной медлительности короля, исполненіе рѣшенія было бы отложено въ долгій ящикъ, если бы не ловкій маневръ со стороны Діего, который воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы явиться претендентомъ на руку доньи Маріи де-Толедо, дочери Фернандо де-Толедо. Этотъ аристократъ былъ родной братъ герцога Альвы, одного изъ самыхъ гордыхъ грандовъ Испаніи, и кузеномъ короля Фердинанда.

*Діего женится
на Маріи
де-Толедо.*

Брачный союзъ, заключенный на скорою руку, далъ молодому истцу могущественнаго друга въ его дядѣ, и семья ново-брачной была не прочь породниться съ наслѣдникомъ вице-королевской должности въ Индіи, разъ состоялось по этому вопросу утвержденіе Совѣта Индіи. Гарриссъ не находитъ нигдѣ доказательствъ, чтобы Діего получилъ за женою обѣщанное приданое; наоборотъ, онъ сталъ повидимому агентомъ по финансовымъ дѣламъ семейства своей жены. Теперь легче было добиться королевскаго со-

*Діего на
время от-
казывается
отъ своего
права на ти-
тулъ вице-
короля.*

гласія на постановленіе Совѣта и Фердинандъ охотно согласился на все, кромѣ дарованія титула вице-короля. Діего отложилъ на время въ сторону хлопоты объ этомъ и былъ назначенъ губернаторомъ въ Эспаньолу на мѣсто Овандо.

Въ самомъ дѣлѣ, Пизабелла передъ смертью настоятельно требовала, чтобы король отзывалъ Овандо вслѣдствіе возмутительныхъ разсказовъ о его жестокосердномъ отношеніи къ индійцамъ. Фердинандъ же находилъ, что неусыпная бдительность губернатора приносила тяжеловѣсные мѣшки съ золотомъ, а потому онъ и не выказывалъ особаго рвенія исполнить волю королевы. Онъ даже отдалъ приказъ Овандо начать переселеніе несчастныхъ лукайскихъ индійцевъ съ ихъ родныхъ острововъ на Эспаньолу для разработки ея мѣсторожденій,

*Овандо
отозванъ.*

вслѣдствіе чего скоро на Багамскихъ островахъ произошло истребленіе населенія. Теперь, будучи вынужденнымъ отозвать Овандо, онъ постарался сдѣлать эту отставку по возможности пріятной для Овандо, да и наконецъ объ его управленіи вообще отзывались съ большою похвалою. Въ самомъ дѣлѣ, по сравненію съ испанцами того времени, Овандо былъ достаточно хорошъ, чтобы заслужить любовь Ласказаса, «исключая нѣкоторыхъ заблужденій вслѣдствіе нравственнаго невѣдѣнія».

3 мая 1509 года Фердинандъ далъ Діего свои инструкціи, а 9 июня новый губернаторъ и его благородная жена отплыли изъ Санъ-Люкара. Вмѣстѣ съ массою благородныхъ испанцевъ, которые, по словамъ Овiedo, влили въ жилы колонистовъ лучшую испанскую кровь, съ Діего отправились — братъ его, Фердинандъ, которому было поручено, по словамъ Овiedo,

*1509 г. 9 июня
Діего отплы-
ваетъ въ
Эспаньолу.*

учрежденіе монастырей и церквей. Оба дяди также его сопровождали. Послѣ смерти Колумба Бартоломео ѣздилъ въ Римъ съ намѣреніемъ черезъ посредство папы Юлія II убѣдить короля снарядить новую экспедицію для открытій; по мнѣнію Гаррисса, это доказывается памятными замѣтками, касательно описанія береговъ Верагуа; полагають, что это описаніе Бартоломео далъ канонику латеранской

Папа Юлій II.

церкви, и нынѣ оно сохраняется въ Мельявекіанской библіотекѣ; оно было напечатано Гарриссомъ въ его «*Bibliotheca Americana Vetus et issima*». Быть можетъ, въ это свое посѣщеніе аделантадо бралъ съ собою въ Римъ ту карту Колумбовой экспедиціи къ этимъ берегамъ, которую онъ возилъ съ собою въ 1505 году, какъ принято думать, съ письмомъ Колумба къ папѣ.

Бартоломео отправлялся вмѣстѣ съ Діего на должность главнаго алгвазила въ Санто-Доминго, что вызвало много жалобъ со стороны Діего Мендеца, который претендовалъ на способствованіе возвращенію полномочій Діего и которому, по его словамъ, была обѣщана Колумбомъ и его сыномъ эта должность въ награду за множество оказанныхъ имъ услугъ.

*Бартоломео
Колумбъ и
Діего Мендецъ.*

Флотъ прибылъ къ мѣсту назначенія 10 іюля 1509 года. Жена губернатора завела у себя свиту, которая, по своему великолѣпію, превосходила все дотолѣ виданное въ Новомъ Свѣтѣ и въ маленькой столицѣ это дало ей возможность разыгрывать роль вице-королевы. Все это помогло Діего начать свое управленіе съ большой представительностью. Подобная блестящая обстановка была необходима для того, чтобы пустить пыль въ глаза колонистамъ, потому что, — какъ Бензони узналъ впоследствии, посѣтивъ эти мѣста, — прибытіе сына Колумба возбудило зависть и недовѣріе по поводу подчиненія колоніи опять такъ чужестранцу.

*1509 г. 10 іюля.
Діего въ Санто-
Доминго.*

Король рѣшилъ, что Діего будетъ управлять только Эспаньолю, и къ великому неудовольствію губернатора раздѣлилъ берега, которые Колумбъ прослѣдилъ близъ Панамскаго перешейка, на двѣ губерніи; въ восточной губерніи, названной Новой Андалузіей, король назначилъ правителемъ Охеду, а въ той губерніи, которая находилась за заливомъ Урабой, со включеніемъ Верагуа, Фердинандъ отдалъ въ вѣдѣніе Діего де-Никуюэсы, назвавъ эту часть Кастиліей Золота (Castilla del Oro).

*Охеда и
Никуюэса.*

Этотъ поступокъ короля и усилія его поставить въ Порто-Рико независимаго губернатора вызвали новыя жалобы со стороны Діего и послужили къ тому, что правленіе его на островѣ стало совершенно въ такія же стѣнительныя условія, какъ

*Партія
Пассамонте.*

правленіе его отца. Крамольная партія вызвала тѣ же непріятности. Казначей короля, Мигуэль Пассамонте, сталъ во главѣ мятежной партіи и, какъ кажется, самъ король поощрялъ его къ доносамъ въ своихъ конфиденціальныхъ бесѣдахъ съ нимъ. Королю то и дѣло доносили о злодѣяніяхъ и честолюбивыхъ замыслахъ Діего, угрожавшихъ даже королевской власти. Государь придумалъ ограничить власть губернатора учрежденіемъ впоследствии,

*1511 г.
5 октября.
«Audiencia».*

5 октября 1511 года, аппеляціоннаго суда («Audiencia»), куда могли обращаться обиженные колонисты для защиты противъ притѣсненій и вѣдомствъ губернатора. Само собою разумѣется, такое учрежденіе подрывало авторитетъ правительственной власти и ослабило вліяніе губернатора. Онъ увидѣлъ, что всѣ его усилія облегчить тягости индійцевъ парализованы, такъ какъ съ этой стороны нельзя было ничего подѣлать, не нарушивъ доходовъ важныхъ колонистовъ. Да и не было у него сильнаго побужденія отмѣнять мѣропріятія, приносившія ему выгоды больше, чѣмъ всякому другому, такъ что жестокое раззореніе туземнаго населенія

шло по прежнему своимъ чередомъ. Разумѣется, онъ-то самъ не могъ ниче-го имѣть противъ системы «repartimientos» для своихъ выгодъ и для выгодъ своихъ друзей.

Діего, побывавшій на короткое время въ Испаніи, вернулся, въ 1512 году, въ Эспаньолу; позднѣе отъ короля были присланы новыя

Werr Carol der Christenlich Keyser vnd Römisch Ertzherzog zu Österreich!

Erzogen zu Warganitz Ward geboren zu Gend. 14. Schenke. 1700. Geheben Hilpmanitz Admgt. 9. Februar. 1719. Erwele Admischer Admgt. 11. Juni. 1720. 11. 12. Admischer Admgt. 14. Februar. 1721. 1722. 1723. 1724. 1725. 1726. 1727. 1728. 1729. 1730. 1731. 1732. 1733. 1734. 1735. 1736. 1737. 1738. 1739. 1740. 1741. 1742. 1743. 1744. 1745. 1746. 1747. 1748. 1749. 1750. 1751. 1752. 1753. 1754. 1755. 1756. 1757. 1758. 1759. 1760. 1761. 1762. 1763. 1764. 1765. 1766. 1767. 1768. 1769. 1770. 1771. 1772. 1773. 1774. 1775. 1776. 1777. 1778. 1779. 1780. 1781. 1782. 1783. 1784. 1785. 1786. 1787. 1788. 1789. 1790. 1791. 1792. 1793. 1794. 1795. 1796. 1797. 1798. 1799. 1800. 1801. 1802. 1803. 1804. 1805. 1806. 1807. 1808. 1809. 1810. 1811. 1812. 1813. 1814. 1815. 1816. 1817. 1818. 1819. 1820. 1821. 1822. 1823. 1824. 1825. 1826. 1827. 1828. 1829. 1830. 1831. 1832. 1833. 1834. 1835. 1836. 1837. 1838. 1839. 1840. 1841. 1842. 1843. 1844. 1845. 1846. 1847. 1848. 1849. 1850. 1851. 1852. 1853. 1854. 1855. 1856. 1857. 1858. 1859. 1860. 1861. 1862. 1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871. 1872. 1873. 1874. 1875. 1876. 1877. 1878. 1879. 1880. 1881. 1882. 1883. 1884. 1885. 1886. 1887. 1888. 1889. 1890. 1891. 1892. 1893. 1894. 1895. 1896. 1897. 1898. 1899. 1900. 1901. 1902. 1903. 1904. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1910. 1911. 1912. 1913. 1914. 1915. 1916. 1917. 1918. 1919. 1920. 1921. 1922. 1923. 1924. 1925. 1926. 1927. 1928. 1929. 1930. 1931. 1932. 1933. 1934. 1935. 1936. 1937. 1938. 1939. 1940. 1941. 1942. 1943. 1944. 1945. 1946. 1947. 1948. 1949. 1950. 1951. 1952. 1953. 1954. 1955. 1956. 1957. 1958. 1959. 1960. 1961. 1962. 1963. 1964. 1965. 1966. 1967. 1968. 1969. 1970. 1971. 1972. 1973. 1974. 1975. 1976. 1977. 1978. 1979. 1980. 1981. 1982. 1983. 1984. 1985. 1986. 1987. 1988. 1989. 1990. 1991. 1992. 1993. 1994. 1995. 1996. 1997. 1998. 1999. 2000. 2001. 2002. 2003. 2004. 2005. 2006. 2007. 2008. 2009. 2010. 2011. 2012. 2013. 2014. 2015. 2016. 2017. 2018. 2019. 2020. 2021. 2022. 2023. 2024. 2025. 2026. 2027. 2028. 2029. 2030. 2031. 2032. 2033. 2034. 2035. 2036. 2037. 2038. 2039. 2040. 2041. 2042. 2043. 2044. 2045. 2046. 2047. 2048. 2049. 2050. 2051. 2052. 2053. 2054. 2055. 2056. 2057. 2058. 2059. 2060. 2061. 2062. 2063. 2064. 2065. 2066. 2067. 2068. 2069. 2070. 2071. 2072. 2073. 2074. 2075. 2076. 2077. 2078. 2079. 2080. 2081. 2082. 2083. 2084. 2085. 2086. 2087. 2088. 2089. 2090. 2091. 2092. 2093. 2094. 2095. 2096. 2097. 2098. 2099. 2100. 2101. 2102. 2103. 2104. 2105. 2106. 2107. 2108. 2109. 2110. 2111. 2112. 2113. 2114. 2115. 2116. 2117. 2118. 2119. 2120. 2121. 2122. 2123. 2124. 2125. 2126. 2127. 2128. 2129. 2130. 2131. 2132. 2133. 2134. 2135. 2136. 2137. 2138. 2139. 2140. 2141. 2142. 2143. 2144. 2145. 2146. 2147. 2148. 2149. 2150. 2151. 2152. 2153. 2154. 2155. 2156. 2157. 2158. 2159. 2160. 2161. 2162. 2163. 2164. 2165. 2166. 2167. 2168. 2169. 2170. 2171. 2172. 2173. 2174. 2175. 2176. 2177. 2178. 2179. 2180. 2181. 2182. 2183. 2184. 2185. 2186. 2187. 2188. 2189. 2190. 2191. 2192. 2193. 2194. 2195. 2196. 2197. 2198. 2199. 2200. 2201. 2202. 2203. 2204. 2205. 2206. 2207. 2208. 2209. 2210. 2211. 2212. 2213. 2214. 2215. 2216. 2217. 2218. 2219. 2220. 2221. 2222. 2223. 2224. 2225. 2226. 2227. 2228. 2229. 2230. 2231. 2232. 2233. 2234. 2235. 2236. 2237. 2238. 2239. 2240. 2241. 2242. 2243. 2244. 2245. 2246. 2247. 2248. 2249. 2250. 2251. 2252. 2253. 2254. 2255. 2256. 2257. 2258. 2259. 2260. 2261. 2262. 2263. 2264. 2265. 2266. 2267. 2268. 2269. 2270. 2271. 2272. 2273. 2274. 2275. 2276. 2277. 2278. 2279. 2280. 2281. 2282. 2283. 2284. 2285. 2286. 2287. 2288. 2289. 2290. 2291. 2292. 2293. 2294. 2295. 2296. 2297. 2298. 2299. 2300. 2301. 2302. 2303. 2304. 2305. 2306. 2307. 2308. 2309. 2310. 2311. 2312. 2313. 2314. 2315. 2316. 2317. 2318. 2319. 2320. 2321. 2322. 2323. 2324. 2325. 2326. 2327. 2328. 2329. 2330. 2331. 2332. 2333. 2334. 2335. 2336. 2337. 2338. 2339. 2340. 2341. 2342. 2343. 2344. 2345. 2346. 2347. 2348. 2349. 2350. 2351. 2352. 2353. 2354. 2355. 2356. 2357. 2358. 2359. 2360. 2361. 2362. 2363. 2364. 2365. 2366. 2367. 2368. 2369. 2370. 2371. 2372. 2373. 2374. 2375. 2376. 2377. 2378. 2379. 2380. 2381. 2382. 2383. 2384. 2385. 2386. 2387

Карлъ V.

распоряженія, между прочимъ, приказъ уменьшить трудъ индійцевъ на одну треть, перевозить черныхъ невольниковъ изъ Гвинеи ради облегченія туземцевъ и клеймить карибскихъ невольниковъ, чтобы этимъ предохранить другихъ индійцевъ отъ суроваго обращенія, предназначавагося только на долю карибовъ.

Діеґо снова былъ въ Испаніи, въ 1513 году; такъ какъ попытки

Охеды и Никуэссы окончились неудачно, то въ 1514 году были даны приказанія, возстановлявшія намѣстническія полномочія Діега, что дало ему возможность отправить своего дядю Бартоломео завладѣть берегомъ Верагуа. Но жизнь аделантадо приходила къ концу, онъ вскорѣ умеръ и потому ничего не состоялось.

*Смерть
Бартоломео
Колумба.*

Дѣла снова пришли въ такое положеніе, что Діега опять понадобилось прибѣгнуть къ покровительству Двора, чтобы уничтожить козни своихъ враговъ; еще разъ испросивши дозволеніе короля, онъ отплылъ въ Испанію 9 апрѣля 1515 года, оставивъ правленіе въ рукахъ вице-королевы и Совѣта.

*1515 г.
Діега
въ Испаніи.*

Король отнесся къ Діега чистосердечно и милостиво и былъ не прочь признать заслуги его правленія. Діега снова сталъ настаивать съ прежней горячностью на своихъ законныхъ правахъ. «Я бы охотно далъ тебѣ ихъ, — сказалъ ему король, — но я не могу сдѣлать этого, не вручивъ ихъ также твоему сыну и его наслѣдникамъ». — «Справедливо-ли, — возразилъ Діега, — чтобы я страдалъ изъ-за сына, котораго, можетъ быть, у меня никогда не будетъ?» Ласказасъ говоритъ, что Діега самъ передавалъ ему этотъ разговоръ.

Король счелъ необходимымъ изслѣдовать, дѣйствительно-ли Колумбъ прошелъ вдоль всѣхъ береговъ, въ которыхъ Діега требовалъ себѣ доли, и приказалъ этотъ вопросъ разсмотрѣть сызнова. Пока эти притязанія оставались открытыми, король скончался 23 января 1516 года.

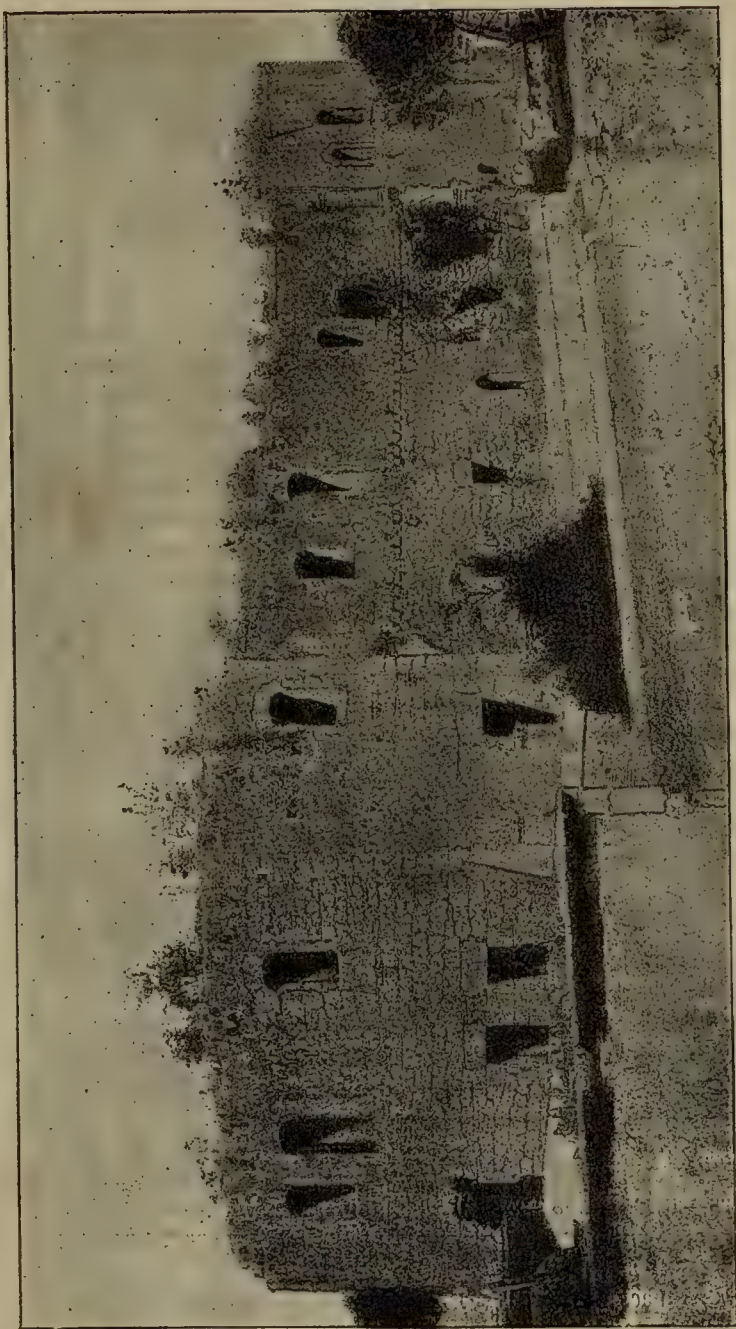
*1516 г.
23 января.
Смерть
Фердинанда.*

Событіе это значительно замедлило разрѣшеніе затрудненій. Кардиналъ Хименесъ, временно находившійся во главѣ испанскаго правительства, не желалъ заняться этимъ дѣломъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ дѣло стояло на точкѣ замерзанія; часть этого періода Діега, безъ сомнѣнія, провелъ въ Эспаньолѣ. Мы знаемъ также, что онъ присутствовалъ въ Барселонѣ на соборѣ, подъ предѣтельствомъ императора, когда Ласказасъ представилъ свою настоятельную защиту несчастныхъ индійцевъ и краснорѣчиво изобразилъ ихъ страданія. Наконецъ, когда въ 1520 году Карлу V понадобилось отправиться во Фландрію, Діега былъ въ состояніи дать авансомъ императору огромную сумму въ десять тысячъ дукатовъ, что, повидимому, составляло одну пятую его годового дохода въ Эспаньолѣ въ эту эпоху. Эта финансовая операція, повидимому, заставила императора отвергнуть всѣ обвиненія противъ Діега и послѣдній былъ возстановленъ въ званіи вице-короля Пиндін.

*Діега
отчасти
возстановленъ
въ званіи
вице-короля.*

Но это кажущееся возстановленіе сопровождалось непріятнымъ добавленіемъ, а именно: назначеніемъ высшаго контролера, который долженъ былъ находиться при дворѣ намѣстника и доносить обо всѣхъ его дѣйствіяхъ императору. Въ сентябрѣ 1520 года Діега еще разъ отплылъ въ свою провинцію

*1520 г.
сентябрь.
Діега
возвращается
въ Эспаньолу.*

Развалины дворца Диего Колона.

и 14 ноября мы находимъ его въ Санто-Доминго; немного спустя онъ взялся за постройку пышнаго дворца, въ которомъ намѣревался поселиться и который понынѣ путешественники могутъ видѣть въ Санто-Доминго. Прочность постройки дала поводъ къ толкамъ, что онъ готовилъ укрѣпленіе для дальнѣйшихъ цѣлей.

Діего вскорѣ нашелъ, что различныя административныя мѣры при-
мѣнялись плохо въ его отсутствіе. Правители въ нѣсколькихъ провин-
ціяхъ превысили свои полномочія и пришлось отрѣшить ихъ отъ долж-
ности. Какъ обыкновенно, это обратило ихъ въ его враговъ. Разведеніе
сахарнаго тростника быстро увеличилось при работѣ черныхъ неволь-
никовъ, перевезенныхъ изъ Африки, и доходы большей
частью поступали съ сахарныхъ плантацій, а не изъ руд-
никовъ. Негры расплодился въ такомъ огромномъ коли-
чествѣ, что скоро часть ихъ рѣшилась произвести возстаніе, но по-
пытка эта была подавлена быстрымъ напоромъ вооруженной конницы.

*Населеніе
петрианскихъ
невольниковъ
возрастаетъ.*

Не такъ-то легко было усмирить завистливые и мстительные наго-
воры враговъ Діего, и вотъ его вызвали въ Испанію отдалить отчетъ
въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, такъ какъ Люкасъ Васкецъ де-
Айлонъ представилъ обвиненія противъ него. 16 сентября 1523 года
Діего сѣлъ на корабль и высадился въ Санъ-Люкаръ 5 ноября. Онъ лично
представился императору въ Витторіи, въ январѣ 1524 года, и далъ
подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему удалось обезоружить сво-
ихъ враговъ и этотъ успѣхъ поощрилъ его снова приступить къ ходатай-

ству относительно своихъ наследственныхъ правъ. Просьба
его завершилась спорными вопросами, которые были пере-
даны на разсмотрѣніе Совѣта; въ продолженіе двухъ лѣтъ Діего
слѣдовалъ за Дворомъ въ его переѣздахъ, желая присутствовать лично
на засѣданіяхъ комиссіи по своему дѣлу. Здоровье его не выдержало
такого напряженнаго состоянія; дѣло все еще ничѣмъ не кончилось,
когда онъ умеръ въ Монтальванѣ, 23 февраля 1526 года,
переживъ своего отца только на двадцать лѣтъ, пол-
ныхъ тревогъ. Останки его были положены въ монастырѣ
де-Ласъ-Куэвасъ рядомъ съ останками Колумба. Затѣмъ они были
перенесены въ соборъ Санто-Доминго и, — если вѣрять совершенно
бездоказательному свидѣтельству патеровъ собора, — ошибочно перене-
сены, вмѣсто останковъ его отца, въ Гавану, въ 1795 году.

*1523 г.
Діего въ
Испанию.*

*1526 г.
23 февраля.
Діего
умираетъ.*

Вице-королева и ея семейство все еще находились въ Санто-До-
минго; у нея было семеро дѣтей, четыре дочери и три
сына. Наслѣдство почестей перешло окончательно къ по-
томкамъ одной изъ этихъ дочерей, Пзабеллѣ, которая вышла замужъ
за Георгія Португальскаго, графа Гельвэсъ. Изъ трехъ сы-
новей, Люисъ наследовалъ отцу, а ему въ свою очередь
наслѣдовалъ Діего, сынъ брата Люиса, Кристовалъ.

*Люисъ Колонъ
наслѣдуетъ
отцу.*

Вице-королева, сдѣлавъ напрасную попытку колонизаціи Верагуа,
въ чемъ ей оказала сопротивленіе Audiencia въ Эспаньолѣ, верну-

лась въ Испанію, въ 1529 году. Сынъ ея, Люисъ, наслѣдникъ, былъ еще ребенкомъ, такъ какъ онъ родился въ 1521 или 1522 году. Четырнадцать лѣтъ мать его осаждала просьбами императора, Карла V, и въ некоторое время находилась въ такой нуждѣ, что занимала деньги у Фердинанда Колумба и закладывала свои брильянты. Она прожила до 1549 года и умерла въ Санто-Доминго.

Въ началѣ 1536 года кардиналъ Гарсія де-Лойяза, по настоянію Совѣта Индіи, составилъ рѣшеніе, — въ которомъ онъ и Фердинандъ Колумбъ были третейскими судьями, — утвер-^{1536 г. Компромиссъ короля съ Люисомъ.} жденное императоромъ въ сентябрѣ того же года. Оно состояло въ слѣдующемъ: Люисъ отказывался отъ всѣхъ притязаній на доходы съ Индіи, на титулъ вице-короля и на право назначать чиновниковъ въ Новомъ Свѣтѣ; за это ему давалась въ ленное владѣніе островъ Ямайка, вѣчная рента въ десять тысячъ дукатовъ и титулъ герцога Верагуа съ имѣніемъ въ двадцать пять квадратныхъ лигъ въ этой провинціи, для поддержанія титула и обязанностей адмирала Индіи. Въ 1540 году Люисъ вернулся въ Эспаньолу съ титуломъ генераль-губернатора, а въ 1542 году онъ женился въ Санто-Доминго, противъ желанія своей матери, на Маріи де-Орозко, которая впослѣдствіи поселилась въ Гондурасъ и вышла замужъ за другого. Она еще была жива, когда Люисъ женился снова въ Санто-Доминго на Маріи де-Москоро. Въ 1551 г. онъ возвратился въ Испанію.

Все, что еще оставалось отъ правъ, которые Колумбъ заботился передать своимъ наслѣдникамъ, было уже измѣнено къ ихъ ущербу Карломъ въ его декретахъ, отъ 1540, 1541 и 1542 годовъ; наслѣдникъ Карла, Филиппъ II, въ началѣ 1556 года прежде всего принудилъ Люиса отказаться отъ леннаго владѣнія Верагуа и сложить съ себя полномочія адмирала. Совѣтъ Индіи принялъ это дѣло къ свѣдѣнію въ іюлѣ 1556 года, а въ сентябрѣ слѣдующаго года Филиппъ II, въ Гентѣ, вознаградилъ внука Колумба за его покорность неизбѣжному, даровавъ Люису почетный титулъ адмирала Индіи и герцога Верагуа съ доходомъ въ семь тысячъ дукатовъ. Такимъ образомъ въ пятьдесятъ лѣтъ всѣ мечты Колумба о территоріальномъ великолѣпнѣи обратились въ нуль и всѣ повелѣнія его завѣщанія разсѣялись какъ дымъ.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ Люисъ тайно женился, — между тѣмъ какъ его другія жены были еще живы, — на Аннѣ де-Кастро Оссоріо. Власти воспользовались этимъ множествомъ, чтобы избавиться еще отъ одного безпокойнаго Колона и арестовали его въ 1559 году. Его продержали въ тюрьмѣ около пяти лѣтъ; въ 1563 году онъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнему изгнанію, — половину этого срока онъ долженъ былъ пробыть въ Оранѣ, въ Африкѣ. Его дѣло еще продолжали разсматривать вслѣдствіе поданной имъ

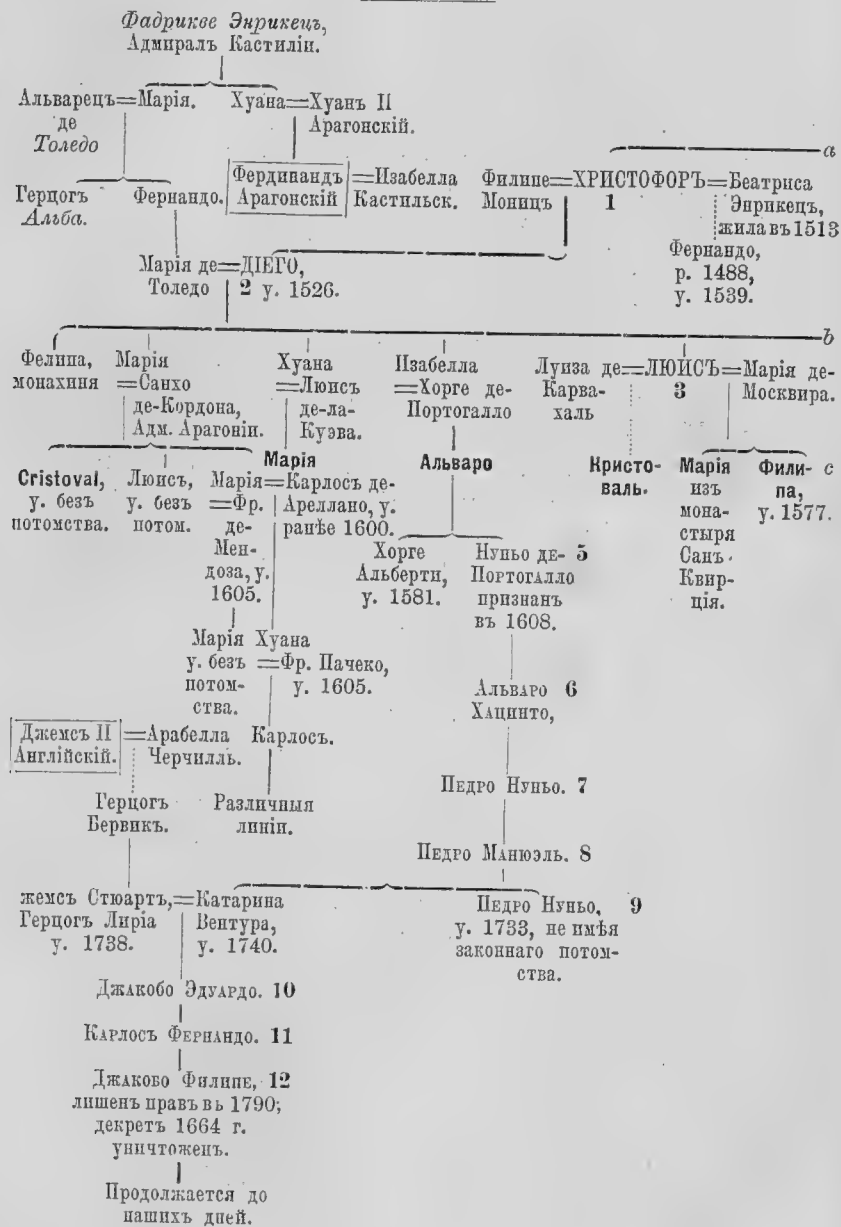
Права легіи Колумба постепенно сокращаются.

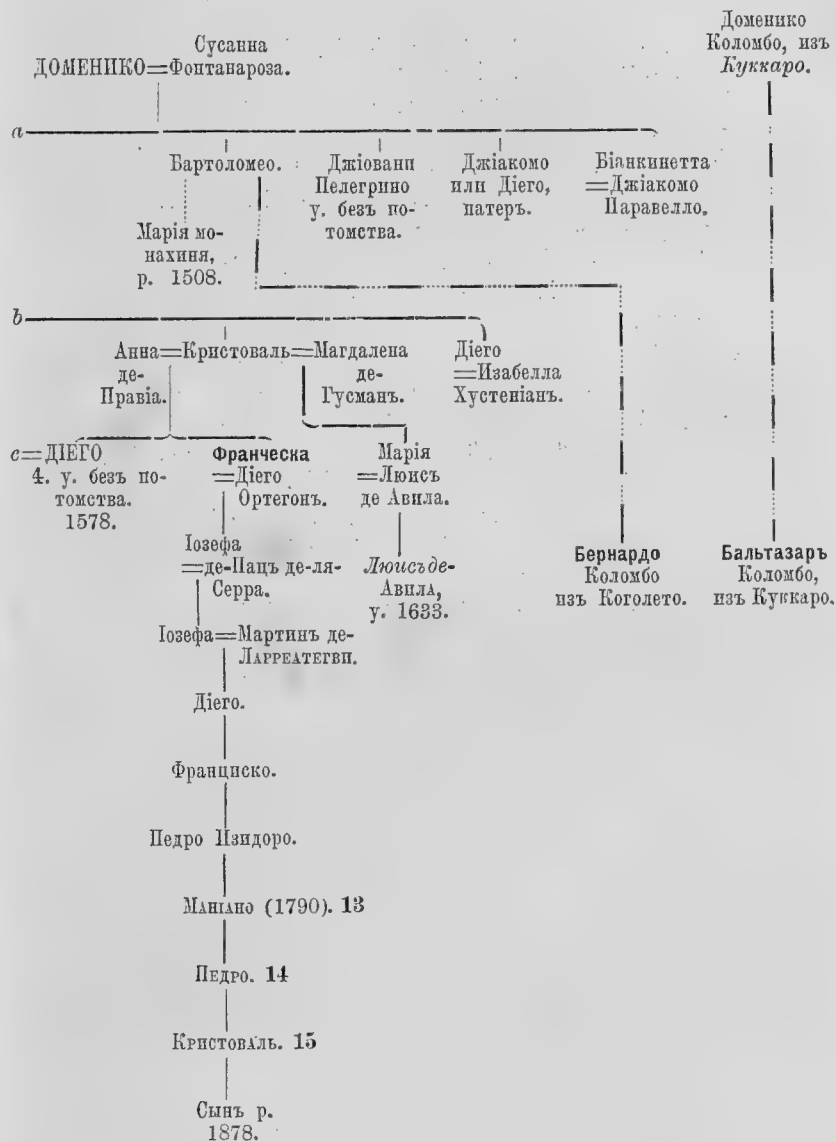
1556 г. Въ территоріальныя права Колумба утратили значеніе.

Люисъ — многоженецъ.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО КОЛУМБА.

Примѣчаніе. Пунктиромъ обозначены незаконные потомки; линія изъ пунктира и тире показываетъ мнимыхъ потомковъ. Цифры показываютъ дѣйствительныхъ наследниковъ почестей Колумба. Линіи *aa*, *bb*, *cc* соединяются между собою, каждая соответственно одной и той же буквѣ.

апелляціи, но тутъ его скандальная жизнь, въ которой преступленіе смѣнялось преступленіемъ, заставила окончательно утвердить приговоръ въ ноябрѣ 1565 года. Его отправили въ Оранъ, гдѣ онъ и умеръ 3 февраля 1572 года.

1572 г.
Люисъ
умираетъ.

Люисъ оставилъ послѣ себя двухъ незаконныхъ сыновей; но его законные наслѣдники были объявлены дѣтьми Маріи де-Москвера, — это были двѣ дочери, изъ коихъ одна монахиня, а другая Филиппа. Последняя предъявила притязанія на титулы противъ Діего, племянника ея отца. Она объявила этого кузена незаконнымъ сыномъ брата Люиса. Но эти обвиненія были забыты и партіи пришли къ окончательному соглашенію, такъ какъ Филиппа и Діего поженились между собою (15 мая 1573 г.) и Діего сталъ герцогомъ Верагуа. Филиппа умерла въ ноябрѣ 1577 года, а ея мужъ 27 января 1578 года. Такъ какъ у нихъ дѣтей на осталось, то мужеская линія Колумба угасла черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти.

Его
наслѣдники.

Дочь его
выходитъ
замужъ за
своего ку-
зена Діего,
наслѣдника
по мужеской
линии.

Мужеская
линія Колумба
прекращается.

Затѣмъ последовалъ процессъ, знаменитый въ своемъ родѣ, по установленію правъ наслѣдства. Процессъ этотъ длился тридцать лѣтъ. Тяжущихся было сначала восемь, но затѣмъ ихъ число уменьшилось до пяти, вслѣдствіе смерти остальныхъ въ теченіе производства слѣдствія.

Длинный
процессъ и
тяжущіеся.

Первая была Франческа, родная сестра Діего, покойнаго герцога. Ея претензіи были отвергнуты закономъ; но черезъ пять поколѣній титулы вернулись къ ея потомкамъ.

Вторая была Марія, дочь Люиса и свояченица Діего. Претензія ея представителя, — монастыря Санъ-Квирція, — была устранена.

Третій былъ Кристоваль, незаконный сынъ Люиса, который считалъ себя плодомъ брака Люиса, заключеннымъ имъ въ то время, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ многоженствѣ. Кристоваль умеръ въ 1601 году, прежде окончанія процесса.

Четвертый былъ Альваро де-Портогалло, графъ Гельвэсъ, сынъ Пизабеллы, сестры Люиса. Онъ безуспѣшно хлопоталъ о полученіи титуловъ послѣ смерти Люиса, въ 1572 году, и снова выставилъ свои претензіи, когда умеръ Діего, въ 1578 году, но и самъ скончался, до постановленія рѣшенія, въ 1581 году. Сынъ его, Хорхе Альберто, наслѣдовалъ его права, но умеръ въ 1589 году, до окончанія дѣла; его младшій братъ, Нуньо де-Портогалло сталъ претендентомъ и права его были признаны судомъ въ 1608 году, такъ что онъ сдѣлался герцогомъ Верагуа. Его пытались лишить этого титула, но безуспѣшно.

Пятый былъ Кристоваль де-Кордона, арагонскій адмиралъ, сынъ Маріи, старшей сестры Люиса. Этотъ претендентъ умеръ въ 1583 году, когда его претензія была уже признана, но затѣмъ отвергнута вслѣдствіе апелляціи его соперниковъ. Сестра его Марія была

признана наслѣдницей почестей, но она умерла въ 1605 году до окончательнаго постановленія.

Шестая была Марія де-Ла-Куэва, дочь Хуаны, сестры Люиса, которая умерла ранѣе декабря 1600 года, а дочь ея умерла въ 1605 году, оставивъ претендентомъ Карлоса Пачеко, права котораго были отвергнуты.

Седьмой былъ Бальтазаръ Коломбо, потомокъ Доменико Коломбо, который, по заявленію претендента, былъ отцомъ Колумба. Его генеалогическая претензія была отвергнута.

Восьмой былъ Бернардо Коломбо, считавшій себя потомкомъ Бартоломео Колумба, аделантадо,—ему тоже отказали.

Эти два послѣдніе претендента основывали свои претензіи отчасти на томъ фактѣ, что предки ихъ постоянно носили имя «Коломбо», а это было условіемъ, которое поставилъ Колумбъ наслѣдникамъ своихъ почестей. Предки другихъ претендентовъ носили имена—Кардона, Портогалло или Авила.

Отъ Нуньо де-Портогалло титулы перешли къ его сыну, Альваро Хасинто, и затѣмъ къ сыну послѣдняго — Педро Нуньо.

Права его оспаривалъ Люисъ де-Авила (внукъ Кривовала, брата Люиса Колона), который пытался въ 1620 году уничтожить вердиктъ 1608 года, и только въ 1664 году

Нуньо де-Портогалло наследуетъ и послѣдствіи линіи измѣняется.

Педро Нуньо удалось окончательно побѣдить своихъ противниковъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Педро Нуньо, умершій въ 1733 году. Съ нимъ прекратилась эта мужеская линія.

Титулы были незаконно присвоены сестрой Педро Нуньо, Катариной Вентура, которая посредствомъ брака передала ихъ своему мужу, Джейму Фицу-Джейму Стюарту, сыну знаменитаго герцога Бервика, а, по своимъ наслѣдственнымъ правамъ, герцогу Лирин. Послѣ его смерти, въ 1738 году, титулы перешли къ его сыну, Іакову Эдуарду; затѣмъ къ сыну послѣдняго, Іакову Филиппе. Послѣдній былъ принужденъ, въ силу вердикта 1790 года, уничтожавшаго декретъ 1664 года, уступить эти титулы линіи Франчески, сестры Діега — четвертаго наслѣдника. Эта Франческа вышла замужъ за Діега Ортегона, а внучка ихъ, Іозефа, вышла замужъ за Мартина Ларрантегви, которыхъ пра-пра-правнукъ Маріано (декретами 1790—96 гг.) сдѣлался герцогомъ Верагуа; отъ него титулъ этотъ перешелъ къ его сыну, Педро, а затѣмъ къ его внуку, Кривовалу, нынѣшнему герцогу, родившемуся въ 1837 году. Наслѣдникъ послѣдняго, будущій герцогъ, родился въ 1878 году. Говорятъ, что въ настоящее время доходы герцога равняются восьми или десяти тысячамъ долларовъ и получаются съ Кубы и Порто-Рико.

Въ заключеніе этого бѣлаго очерка наслѣдниковъ крови и почестей Колумба представляются двѣ поразительныя мысли. Ларрантегви—фамилія Басковъ. Кровь Колумба-генуэзца нынѣ смѣшивается съ кровью самыхъ отважныхъ мореплавателей западной Европы; если

когда-нибудь будутъ найдены доказательства болѣе ранняго знакомства Европы съ Новымъ Свѣтомъ, то эти Баски явятся предшественниками Колумба. Кровь предполагаемаго открывателя западнаго пути въ Азію течетъ вмѣстѣ съ кровью самаго старѣйшаго племени, оставшагося отъ того прилива Востока, который затопилъ Европу въ давно-минувшія времена, когда расы, нынѣ входящія въ составъ нашихъ христіанскихъ историческихъ народовъ, населяли долины и берега той части, которая составляла Западный Міръ.

Приложеніе.

Географическіе результаты.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ смерти Колумба прежде, чѣмъ усиленная борьба новыхъ географическихъ понятій вытѣснила старыя и міръ освоился съ тѣмъ фактомъ, что на пути въ Индію лежалъ громадный материкъ, представляя собою крѣпкую и самостоятельную преграду. Около полвѣка протекло прежде, чѣмъ люди вообще признали этотъ фактъ, да и тутъ въ *Прогрессъ въ области открытій.* большинствѣ случаевъ такое признаніе сопровождалось оговоркой о возможной связи этого материка съ Азіей на дальнемъ сѣверѣ. Прошло болѣе двухсотъ двадцати лѣтъ со смерти Колумба, прежде чѣмъ раздѣльность этого материка на сѣверѣ была неоспоримо доказана благодаря путешествію Беринга, и только черезъ сто тридцать лѣтъ позже, наконецъ, опредѣлили контуръ сѣвернаго побережья этого континента, благодаря долго искомому сѣверо-западному пути, пройденному въ 1850 году. Теперь въ дополненіе къ исторіи вліянія Колумба мы должны повторить нѣсколько сжато рассказъ объ этомъ прогрессивномъ развитіи чудеснаго путешествія 1492 года. Духъ западнаго открытія, сообщенный Колумбомъ, продолжалъ долго оказывать свое вліяніе.

«Если мы хотимъ точно ознакомиться, — говоритъ д-ръ Коль, — съ исторіей открытія Новаго Свѣта, мы не только должны послѣдовать за мореплавателями на ихъ судахъ, но должны также заглянуть въ кабинеты государей и въ купеческія конторы, а также посмотрѣть и послушать, что сдѣлали ученые, занимаясь изслѣдованіемъ теоретическихъ вопросовъ». Въ самомъ раннемъ періодѣ открытій связующей нитью для космографическихъ работъ ученымъ служили сочиненія и вліяніе Птолемея. *Вліяніе Птолемея и его дѣятельность.*

Объ этомъ географѣ древности намъ извѣстно немного, кромѣ того факта, что онъ жилъ въ первой половинѣ второго вѣка, главнымъ образомъ въ Александріи — этомъ любимомъ очагѣ географа того времени, такъ какъ этотъ египетскій городъ не имѣлъ себѣ равнаго по торговлѣ и образованію. Здѣсь Птолемею было удобнѣе, чѣмъ кому

другому, дѣлать то, что онъ совѣтуетъ всѣмъ географамъ, т. е. просматривать путевые мемуары, собирать свѣдѣнія о затмѣніяхъ, такъ какъ одни и тѣ же явленія наблюдались въ различныхъ мѣстахъ; напр., затмѣніе луны было отмѣчено въ Арбелахъ въ пятомъ, а въ Кареагенѣ—во второмъ часу.

Точность свѣдѣній Птолемея исчезла въслѣдствіе графическихъ фантазій космографовъ въ послѣдующіе вѣка, пока въ началѣ четырнадцатаго столѣтія не стали появляться въ Италіи и на западныхъ остро-

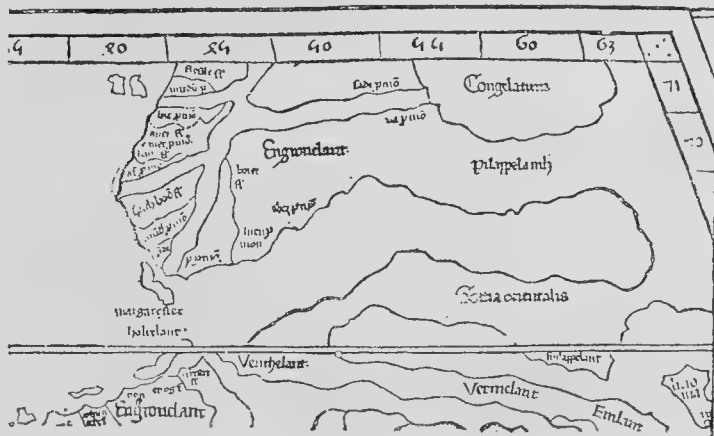
Птоломей.
(Изъ «Icones» Рейснера).

вахъ Средиземнаго моря атласы и морскія карты, дошедшіе до насъ подъ именемъ «portolanos»; а позднѣе рукописи Птолемея дали новый импульсъ географической наукѣ, вмѣстѣ съ его картами, которыя въ началѣ пятнадцатаго столѣтія стали часто встрѣчаться въ западной Европѣ, главнымъ образомъ благодаря вліянію сношеній съ византійскими народами.

Впрочемъ, portolanos'ы никогда не теряли своего важнаго значенія. По словамъ Норденшильда, изъ того, что они и теперь еще

очень распространены въ Пталін, мы имѣемъ право заключить, что въ шестнадцатомъ столѣтіи они имѣли большее распространеніе, чѣмъ печатные картографическіе труды. Въ италіанскихъ библіотекахъ извѣстно до пятисотъ такихъ морскихъ картъ и большинство изъ нихъ италіанскаго происхожденія.

Основой для старинныхъ печатныхъ изданій Птолемея служилъ латинскій переводъ, окончательно обработанный Якобусомъ Ангелусомъ въ 1400 — 1410 годахъ. Переводъ этотъ въ теченіе нѣкотораго времени находился въ обращеніи въ рукописи, иногда съ приложеніемъ картъ Стараго Свѣта съ названіями, передѣланными по латынѣ; то здѣсь, то тамъ, въ общественныхъ библіотекахъ Европы попадаются образцы этихъ старыхъ экземпляровъ; одинъ изъ нихъ, какъ полагаютъ, былъ извѣстенъ Пьеру д'Айльи. Сомнительно, чтобы Ангелусъ доставлялъ карты, которыя составляютъ обыкновенное при-

Донисъ, 1482.

ложеніе къ этимъ стариннымъ манускриптамъ и которыя вошли въ Болонское изданіе 1462 года (ошибочно помѣченное 1472 г.), а также въ переводъ стихами Берлинджіери. Карты эти,—всегда-ли однѣ и тѣ же въ старинныхъ-ли манускриптахъ или нѣтъ,—впослѣдствіи были замѣнены другими картами, новой коллекціи, приготовленными нѣмецкимъ картографомъ, Николаусомъ Дони-сомъ, который приложилъ ихъ къ исправленному латинскому пере-воду Ангелуса. Эти позднѣйшія карты были точныя копіи греческихъ картъ и къ нимъ были приложены другія карты подобной же от-дѣлки, которыя показывали у составителя ихъ болѣе полное знаніе географіи, чѣмъ у грековъ. Въ 1478 году эти карты До-ниса были впервые гравированы на мѣди; онѣ употребле-лись въ позднѣйшихъ изданіяхъ 1490 года и въ нѣсколько исправ-ленномъ видѣ—въ изданіяхъ 1507 и 1508 годовъ. Граверами были

Латинскій
переводъ
Итолемея.

Карты
Дониса.

Швейнгеймъ и Буккинъ; работа ихъ превосходно воспроизведена въ трудѣ Норденшильда «The Facsimile Atlas» (Стокгольмъ, 1889).

Въ этотъ же промежутокъ времени, въ 1482 году вышли въ Ульмѣ изданія перевода Ангелуса; къ нимъ были даны въ 1486 году приложенія съ картами, гравированными на деревѣ, въ различной проекціи въ обоихъ изданіяхъ; приготовленіе этихъ картъ приписываютъ Доминусу Николаусу Германусу, который, по мнѣнію Норденшильда, закончилъ манускриптъ пятнадцатью годами раньше. Замѣчательна, быть можетъ, та медленность, съ какою проникали слухи

Рюйшъ, 1508 г.

объ открытіяхъ португальцевъ на югъ, такъ что на географическихъ картахъ Африки незамѣтно увеличенія знаній со временъ Птолемея. Но если свѣдѣнія недостаточно полны относительно юга, за то на сѣверѣ обозначена будущая Америка въ очертаніяхъ Гренландіи, которая, — какъ мы уже указывали, — нерѣдко изображалась на рукописныхъ «portolanos'axъ», даже въ первой половинѣ того же столѣтія.

Два года спустя послѣ смерти Колумба мы находимъ въ изданіи 1508 года, а иногда и въ изданіи 1507 года, — между этими двумя изданіями нѣтъ никакой разницы, кромѣ заголовка, — первую гра-

Обозначеніе
Гренландіи
на картахъ.

вированную карту, на которой есть особое указание новыхъ географическихъ открытій того вѣка.

На картѣ Рюйша показаны открытія португальцевъ на африканскомъ побережьи, вмѣстѣ съ открытіями Марко Поло, болѣе къ востоку. Повидимому, Рюйшъ пользовался для своей географической карты тѣмъ самымъ матеріаломъ, который служилъ Бэгему для его глобуса. Карта Рюйша имѣетъ легенду относительно моря между Исландіей и Гренландіей, которая гласитъ, что здѣсь находился островъ, сожженный въ 1456 году. Этотъ разсказъ нѣкоторые авторы сопоставляли съ другимъ разсказомъ, заключающимся въ словахъ, будто съ одного острова, находящагося въ этомъ узкомъ проливѣ, можно видѣть и Гренландію, и Исландію.

1507—1508 г.
Карта
Рюйша.

Изъ другой легенды мы узнаемъ, что португальскія суда прошли вдоль южнаго американскаго берега до 50° южной широты, но историки этихъ раннихъ экспедицій не могли сказать намъ, кто были эти пионеры, оставившіе намъ столь раннее описаніе Бразиліи.

Изъ примѣчанія Беневентануса въ его Птоломей относительно карты Рюйша можно заключить, что при составленіи ея служила карта, составленная однимъ изъ Колумбовъ; извѣстно, что Бартоломео Колумбъ въ 1505 году, въ Римѣ, далъ карту новыхъ открытій канонику церкви Санъ-Джованни ди-Латерано и указаніе Беневентануса касается именно такой карты, которая, — если бы возможно было это установить, — представила бы тѣсное соотношеніе карты Рюйша съ картой Колумба. Полагаютъ также, что карта Рюйша имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ экспедиціи Кабота, такъ какъ, по всей вѣроятности, Рюйшъ совершилъ съ этимъ мореплавателемъ свое путешествіе въ новыя области къ западу отъ Англіи. Въ такомъ случаѣ указаніе на ту часть берега Азіи, которую открыли англичане, представляетъ личныя свѣдѣнія объ этомъ самомъ Рюйша. Если только признать все это вполне доказаннымъ, то карта Рюйша получаетъ огромный интересъ и такимъ образомъ устанавливается связь карты Колумба не только съ самой первой рукописной картой Ла-Козы 1500 года, но также и съ самой первой гравированной картой Новаго Свѣта, какою была карта Рюйша.

Колумбъ и
карта
Рюйша.

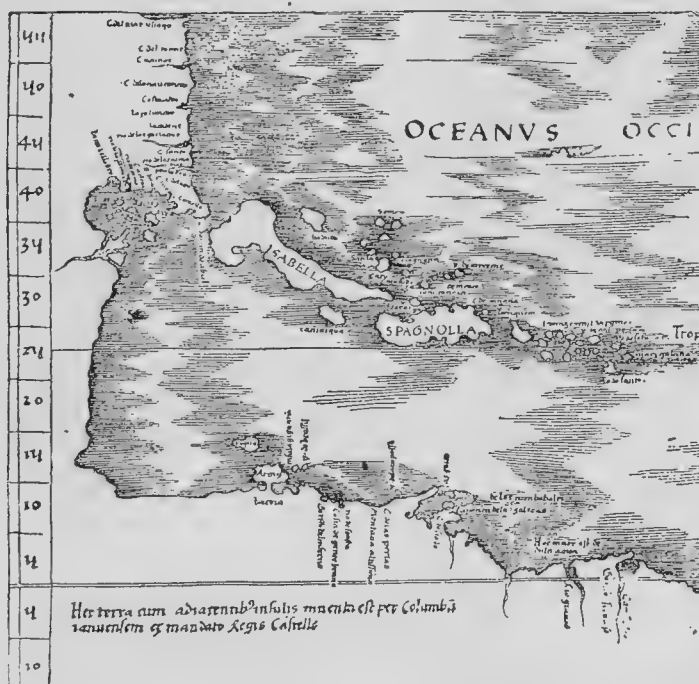
Разсматривая карту Рюйша, Генри Стевенсъ полагаетъ, что картографъ нанесъ на свою карту центральный архипелагъ Америки по даннымъ напечатаннаго письма Колумба, такъ какъ это былъ единственный печатный отчетъ въ 1507 году; но почему же полагать, что Рюйшъ ограничился только тѣми свѣдѣніями, какія были напечатаны, — вѣдь карта Ла-Козы, по всей вѣроятности, была скопирована, да и матеріалы, служившіе Ла-Козѣ, навѣрно побывали въ рукахъ у другихъ картографовъ? Развѣ карта Кантино не есть точная копія португальскихъ оригинальныхъ картъ, бывшихъ хорошо извѣстными въ различныхъ

Источники,
служившіе
Рюйшу при
составленіи
его карты.

кружкахъ, съ которыми Рюйшъ находился въ близкомъ общеніи, какъ это видно изъ его карты?

Въ то время, какъ фактически установлено, что центральная и сѣверная Европа заимствовала свои свѣдѣнія о Новомъ Свѣтѣ почти исключительно отъ Португаліи, что произошло, быть можетъ, отъ стараній Испаніи сохранить въ тайнѣ открытія своихъ изслѣдователей, мы не находимъ ни единой португальской гравированной карты, касающейся первыхъ лѣтъ этого періода открытій.

*Географія и
карты пор-
тугальцевъ.*

Такъ называемая «Карта адмирала».

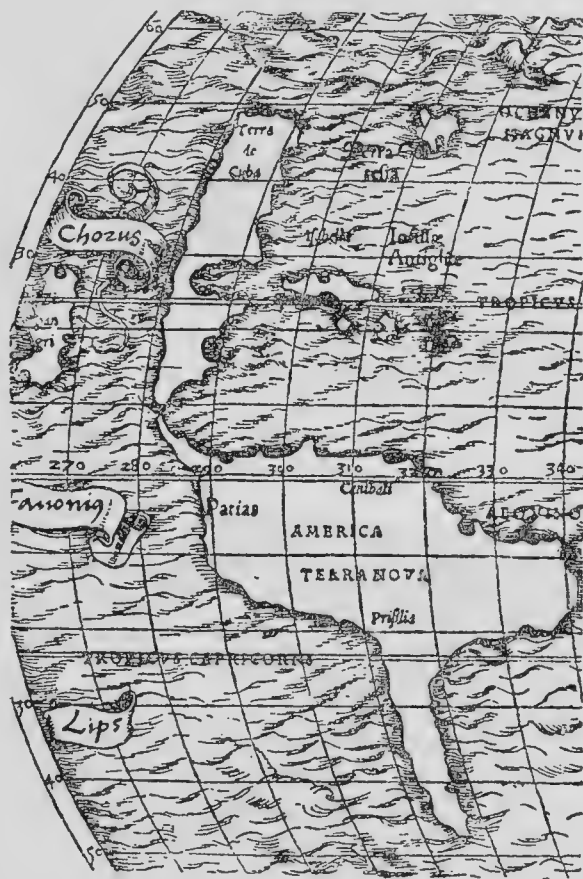
Большая карта, на которую нанесены открытія португальцевъ за недавніе годы, была приготовлена, вѣроятно, для короля Эммануила; карта эта дошла до насъ и хранится нынѣ въ Мюнхенѣ. На этой картѣ пропущены сполна всѣ испанскія открытія и только нанесены берега, пройденные на югѣ Кабралемъ и на сѣверѣ Кортереалами. Педро Рейнелъ даетъ намъ карту подобныхъ же географическихъ свѣдѣній, которая относится приблизительно къ тому же времени и на которой обозначенъ тотъ же выдающийся мысъ, что на картѣ Ла-Козы названъ Англійскимъ мысомъ — «Сапо Разо». Имя это сохранилось и по настоящее время въ мысѣ «Рэсъ» на Ньюфаундлендѣ.

Есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ о политикѣ замалчиванія

со стороны Испании. Это стремление къ утаиванію и въ то время уже обратило на себя вниманіе. Робертъ Торнъ въ 1527 г. и сэръ Гумфри Джильбертъ въ своей «Discoverie» жалуются, что Португалія впоследствии стала держаться такого же правила. Въ «Norte» Венція Линаджъ есть описаніе кабинетовъ, гдѣ хранились эти карты, а ключи отъ этихъ кабинетовъ были только у испанскаго старшаго лоцмана и у королевскаго космо-

Испанія и Португалія скрываютъ свои географическія тайны.

Испанія и
Португалія
скрываютъ
свои геогра-
фическія
тайны.

Мюнстеръ, 1532 года.

графа. Существует документъ, по которому одинъ изъ товарищей Магеллана, обязался не открывать дороги, по которой онъ прошелъ въ этомъ знаменитомъ путешествіи, подъ страхомъ уплаты штрафа въ двѣ тысячи дукатовъ. Мы видѣли также, какъ старался Колумбъ скрыть путь, по которому онъ слѣдовалъ въ свою послѣднюю экспедицію, когда онъ дошелъ до побережья Верагуа.

Вопросъ о проливѣ, ведущемъ въ азіатскія моря, на отысканіе

Globus mundi

Declaratio siue Descriptio mundi

et totius orbis terrarum, globulo rotundo comparati ut spera solida. Qua cuius etiam mediocriter docto ad oculū videre licet antipodes esse, quorum pedes nostris oppositi sunt. Et qualiter in una quaque orbis parte homines vitam agere queunt salutare, sole singula terre loca illustrante, que tamen terra in vacuo aere pendere videtur, solo dei nutu sustentata, alijsque permultis de quarta orbis terrarū parte nuper ab Americo reperta,

Globus Mundi.

котораго Колумбъ потратилъ столько усилій во время своего послѣд-
Противъ
Индю. няго путешествія, разсматривается различно на двухъ кар-
 тахъ, относящихся приблизительно къ одному и тому же
 времени; это самыя первыя гравированныя карты, имѣющіяся въ
 нашемъ распоряженіи: карта Рюйша 1508 года и такъ называе-

A treatise of
the newe India, With other new
founde landes and Ilandes, as well
eastwarde as westwarde, as they
are knowen and found in these our
dayes, after the description of Se-
bastian Munster in his booke of uni-
uersall Cosmographie: wherin the
diligent reader may see the good
successe and rewarde of noble
and honeste enterpryses,
 by the which, not onely worldes,
 but riches are obtayned,
 but also God is glo-
 rified, & the Chris-
 tian faith en-
 larged.
 Translated out of Latine into English. By
 Richard Eden.

Præter speciem sub spec.

Эдень.

мая карта адмирала 1507 года (1513 года). Мы видѣли, что Ла-Коза сознался въ своемъ незнаніи, прикрывъ сомнительное мѣсто вишнеткой. На картѣ Рюйша указана возможность такого прохода; на другой картѣ нѣтъ ничего подобнаго, такъ какъ побережье материка есть побережье самой Азии, береговая линія которой, непрерываясь, соединяется съ береговой линіей Южной Америки. Въ извѣстное время получилась увѣренность въ существованіи такого пролива и увѣренность эта поддерживалась даже послѣ того, какъ Кортесъ показалъ, что такое мнѣніе не имѣло никакого основанія. Мы находимъ этотъ проливъ на глобусахъ Шенера, въ «двухсторонникахъ» Тросса и, даже въ 1532 г., на запоздалой картѣ Мюнстера.

Карта «Globus Mundi» (Страсбургъ, 1509 года) имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ первая, которая показываетъ открытія португальцевъ и испанцевъ къ сѣверу отъ Альпійскихъ горъ; но берегъ Южной Америки представленъ только въ проекціи, чтобы указать на западные открытія.

*Старѣйшая
карта, пока-
зывающая
Америку къ
сѣверу отъ
Альпсовъ.*

Едва-ли въ англійской литературѣ были какія-либо указанія относительно новыхъ открытій, прежде чѣмъ Александръ Барклэй далъ въ 1509 году переводъ «Ship of Fools» Бранта (Корабль безумцевъ) и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по этому поводу встрѣчались лишь

*Англійская
литература
объ Америкѣ.*

случайныя указанія, не производившія никакого впечатлѣнія на литературу того времени. Только въ срединѣ столѣтія, въ 1553 году, Ричардъ Эденъ перевелъ отрывокъ изъ «Cosmographia» Себастіана Мюнстера и издалъ его въ Лондонѣ подъ заглавіемъ «Treatyse of the newe India», по-

знакомивъ такимъ образомъ впервые англійскую читающую публику съ тѣмъ, что было сдѣлано Европою въ противоположность бездѣйствію англійскихъ мореплавателей. Черезъ два года (въ 1555 г.) Эденъ изобразилъ эпоху открытій по Петеру Мартиру и своими «Decades of the Newe World» значительно расширилъ кругозоръ англійскихъ географическихъ познаній.

Но самымъ выдающимся и значительнымъ изъ всѣхъ литературныхъ движеній, вызванныхъ этими новыми океанійскими открытіями, было то, которое дало имя Новому Свѣту и сдѣлало материкъ, безсознательно найденный Колумбомъ, памятникомъ другого лица.

*Наименованіе
Америки.*

Въ сентябрѣ 1504 года, Веспуччи, вспомнивъ объ одномъ своемъ школьномъ товарищѣ во Флоренціи, Пьеро Содерини, который постоянно проживалъ въ этомъ городѣ, — сдѣлалъ извлеченіе на итальянскомъ языкѣ изъ того, что онъ писалъ о Новомъ Свѣтѣ. Помѣтивъ свой рефератъ 4-мъ сентября, Веспуччи отправилъ его въ Италію. Неизвѣстно, существуетъ-ли въ настоящее время оригиналъ этого сокращеннаго перевода Веспуччи, хотя Варнгагенъ и увѣряетъ, будто напечатанный имъ текстъ есть подлинникъ этого перевода; многіе ученые не раздѣляютъ его увѣренности.

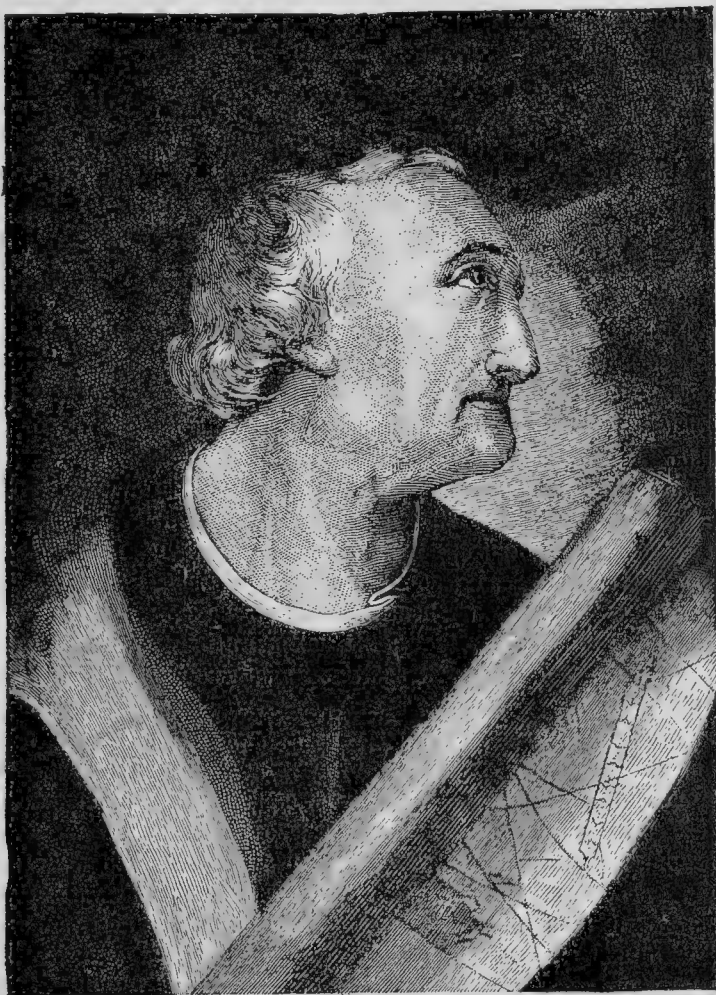
*1504 г.
сентябрь.
Письмо
Веспуччи.*

Для насъ важно только знать, что, — такъ или иначе, — экземпляръ этого сжатого отчета Веспуччи попалъ въ руки его земляка, Фра-Джованни Джіокондо, который въ это время находился въ Парижѣ и занятъ былъ постройкой моста черезъ Сену. Р. Г. Маіоръ, чтобы доискаться до начала французскаго перевода брошюры Веспуччи дѣлаетъ кое-какія предположенія и точное происхожденіе разсказа, сообщеннаго герцогу Рене Лотарингскому, подвержено нѣкоторому сомнѣнію. Предположеніе, что молодой эльзасецъ, находившійся тогда въ Парижѣ, Матіасъ Рингманъ, былъ другомъ Джіокондо и передалъ этотъ новый переводъ Рене, — также гадательно. Былъ-ли Рингманъ такимъ вѣстникомъ или нѣтъ, не важно, но наступило время, когда имя этого молодого человѣка стало связано съ предложеніемъ, сдѣланнымъ въ Сенъ-Діе, въ Вогезахъ, которое есть одно изъ тѣхъ неясныхъ, но полныхъ значенія умственныхъ предварительныхъ движеній, такъ часто оказывающихъ вліяніе на міро-

Сенъ-Діе.

вую исторію, безъ помощи великихъ именъ или великихъ событій. Это малоизвѣстное мѣстечко находилось въ предѣлахъ владѣній этого же герцога Рене; человека образованнаго, любившаго ученыхъ и ученныя книги. Подъ его покровительствомъ здѣсь процвѣтала маленькая коллегія и книгопечатня. Вокругъ герцога сгруп-

Герцога Рене.

Веспуччи.

пировался кружокъ образованныхъ людей или стремившихся къ знанію. Ученые другихъ странъ, прослышавшіе объ этомъ маленькомъ кружкѣ, удивлялись, какъ члены его собирались въ такомъ укромномъ мѣстѣ. Нѣкто Вальтеръ Людъ или Гвальтерусъ Людовикусъ, какъ имъ правилось измѣнять его имя по латынѣ, приближенный секретарь герцога

Рэне, былъ шестидесятилѣтній старикъ; онъ являлся центромъ и душою этого кружка ученыхъ. Въ составъ его недавно вошелъ вышеупомянутый Матіасъ Рингманъ, только что прибывшій изъ Парижа съ запасомъ учености, которою онъ постарался проникнуться подъ руководствомъ д-ра Джона Фабера. Если вѣрить разсказу Маіора, Рингманъ прибылъ въ эту рѣдкую общину полный страстнаго увлеченія подвигами Веспуччи, съ которыми онъ познакомился во французской столицѣ вслѣдствіе близости своей къ поклоннику флорентинца, архитектору Джіокондо.

Въ Сень-Діе Рингманъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка и вслѣдствіе обычной передѣлки имени на латинскій манеръ, сталъ называться Филезіусомъ; подъ этимъ именемъ онъ появляется немного поздиѣ по поводу латинскаго перевода французской брошюры Джіокондо, сдѣланнаго вскорѣ другимъ ученымъ въ Сень-Діе, каноникомъ тамошняго собора, Жапомъ Бассиномъ де-Сандакуромъ. Другой молодой человекъ, Вальтеръ Вальдзеемюллеръ, незадолго передъ тѣмъ, былъ назначенъ учителемъ географіи въ этой коллегіи и его имя, по обыкновенію, было передѣлано въ Гидакомилуса.

Тутъ передъ читателемъ всѣ дѣйствующія лица маленькой драмы въ Сень-Діе, на которую мы, американцы, должны смотрѣть черезъ нѣсколько вѣковъ, какъ на крещеніе нашего материка.

Герцогъ особенно покровительствовалъ изученію космографіи того вѣка, назначивъ въ преподаватели этого предмета энергичнаго молодого ученаго географа, который, повидимому, обладалъ умѣніемъ составлять географическія карты. По крайней мѣрѣ, Вальдзеемюллеръ составилъ карту новыхъ открытій на западъ и герцогъ приказалъ награвировать эту карту; мы находимъ бѣглыя замѣтки о продажѣ этой карты отдѣльными экземплярами уже въ 1507 году, хотя только въ 1513 году она предстала передъ публикой въ изданіи Птолемея того же года. Вальдзеемюллеръ изъ этихъ работъ составилъ также небольшой учебникъ космографіи, отпечатанный въ книгопечатнѣ коллегіи; небольшое in-quarto, весьма тощее по объему, было пополнено разсказомъ Веспуччи, въ латинскомъ переводѣ Бассина, съ нѣсколькими латинскими стихами Рингмана. Эта маленькая книжка, подъ заглавіемъ «Cosmographiae Introductio», вышла изъ малоизвѣстной книгопечатни коллегіи въ Сень-Діе, въ апрѣлѣ или августѣ 1507 года. Выпуски книжки отличались нѣсколько одинъ отъ другого такъ какъ та часть, которая составляла разсказъ Веспуччи, впоследствии вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Если только не считать, что мнѣніе Варнгагена первенствуетъ передъ мнѣніями всѣхъ другихъ ученыхъ, то разсказъ Веспуччи впервые былъ представленъ на судъ публики въ этомъ видѣ. Однако, самое важное значеніе книжонки заключалось въ предложеніи, которое Вальдзеемюллеръ высказалъ во введеніи вмѣстѣ съ анонимными взглядами на космографію. Историки полагаютъ, что Вальдзеемюллеръ не одинъ подалъ идею назвать

эту часть Новаго Свѣта, которую Америко Веспуччи описалъ, по имени этого путешественника, такъ наглядно изложившаго все видѣнное имъ на берегахъ Новаго Свѣта. Идея, какъ думаютъ ученые, встрѣтила одобреніе или даже явилась плодомъ всего маленькаго кружка ученыхъ Сень-Діе. Вообще ученые не думаютъ, чтобы этотъ маленькій кружокъ болѣе самого Веспуччи догадывался о дѣйствительной раздѣльности новооткрытыхъ областей отъ Азіатскаго материка, хотя Варнгагенъ

**COSMOGRAPHIAE
INTRODUCTIO
CVM QVIBVS
DAM GEOME
TRIAE
AC
ASTRONO
MIAE PRINCIPIIS AD
EAM REM NECESSARIIS**

*Insuper quattuor Americi
Vespucij nauigationes.*

*Vniuersalis Cosmographiae descriptio tam
in solido quam plano / eis etiam insertis
quae Ptholomaeo ignota a nu
peris reperta sunt.*

DISTHYCON

**Cum deus astra regat / & terrae climata Caesar
Nec tellus / nec eis sidera maius habent.**

Заглавіе «Cosmographiae Introductio».

увѣряетъ, будто бы Веспуччи зналъ этотъ фактъ. Одно вполне досто-
вѣрно: наименованіе «Америки» хотѣли дать только той части мате-
рика, которая составляетъ побережье Бразиліи и была изслѣдована
Веспуччи; на нее смотрѣли, какъ на область, совершенно отдѣльную
отъ острововъ, открытыхъ Колумбомъ. Пришли къ убѣжденію, что
архипелагъ Колумба не имѣлъ ничего общаго съ роскошнымъ, вели-
колѣпнымъ раемъ, на который указывали его чрезмѣрные восхваленія

и описанія Марко Поло, если только области обоихъ открывателей были однѣ и тѣ же. Кромѣ того, извѣстія, полученныя въ Европѣ о болѣе пространныхъ южныхъ областяхъ и о блестящихъ попугаяхъ,—такъ какъ такимъ обыкновеннымъ вещамъ придавали большое значеніе,—возбудили новыя ожиданія. Легковѣрные умы съ пылкимъ рвеніемъ схватились за новыя надежды, сулившія блага, примирявшія ихъ съ первымъ разочарованіемъ. Надежды эти поддерживалъ «*Mundus Novus*» Веспуччи, но Новый Свѣтъ здѣсь понимался не въ смыслѣ новаго материка.

Эспаньола, съ прилежавшими къ ней сосѣдними областями Колумба, Тресковья мели (Vassaloos) Кабота и Кортереала, тѣсно связанныя въ воображеніи съ описаніями Марко Поло, были ничто иное, какъ Старый Свѣтъ, къ которому мореплаватели приблизились съ востока, а не съ запада. Совершенно другое представлялъ «*Mundus Novus*» Веспуччи. Тутъ въ самомъ дѣлѣ была новая жизнь и новые обитатели, несомнѣнно имѣвшіе связь,—но какую, никто не зналъ,—съ большимъ западнымъ міромъ купцовъ. Область эта не соответствовала никакой другой области въ азіатской хорографіи. Область эта была готова къ усвоенію новаго названія отъ имени человѣка, который описалъ ее осенью 1502 г., и никто другой не могъ бы дать ей столь подходящаго имени. Европа и Азія прилегали одна къ другой въ географическомъ отношеніи; слѣдовательно, Азія и новая «Америка» должны были находиться въ такомъ же отношеніи между собою.

Внезапное помраченіе славы Колумба въ то время, какъ имя Веспуччи приобрѣло популярность, было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ судьбѣ извѣстныхъ именъ. Искусственная слава приобретается безъ труда, путемъ прессы, дѣйствующей въ интересахъ даннаго лица, если только множество благопріятныхъ обстоятельствъ способствуютъ крылатой молвѣ и разсказамъ, имѣющимъ цѣлью придать этому лицу исключительный интересъ. Любопытная публика охотно поддается на удочку, причемъ ей приходится платиться только легковѣріемъ и добродушіемъ.

Съ именемъ Веспуччи были соединены какъ разъ элементы такого успѣха, между тѣмъ какъ слава Колумба совершенно заглохла, а именно: широкая полоса континентальнаго побережья, обѣщавшая нѣчто болѣе, чѣмъ разбросанныя тамъ и сямъ островки нездороваго архипелага; новыя южныя небеса, представлявшія пную безпредѣльность звѣзднаго міра; описанія, рассчитанныя на то, чтобы поставить въ новыя условія и окружить новой таинственностью выдохшіеся разсказы о Чипанго и Китаѣ; дѣятельное стремленіе группы юныхъ и пылкихъ умовъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи печатный станокъ, возбудить общественное мнѣніе; и энтузіазмъ разсказчиковъ, которые желали приправить свои чудесныя сообщенія объ открытіяхъ новыми предестями и почестями.

Вліяніе Веспуччи на воображеніе европейцевъ, безъ сомнѣнія, до-

ставившее ему популярность, зависѣло отъ того самаго качества, ка-кимъ пользуются многіе писатели, обладающіе живымъ, картиннымъ слогомъ,—а именно, отъ блестящаго краснорѣчія при описаніи земли и южныхъ созвѣздіи, составляющаго выдающуюся черту его разсказовъ. Гумбольдъ доказалъ, что огромный интересъ, возбужденный Веспуччи, касается его послѣдующаго путешествія, а не приписываемой ему экспедиціи 1497 года.

Мы получаемъ вѣрное понятіе объ отношеніи публики къ дѣятельности Колумба и Веспуччи изъ письма, помѣченнаго 20 мая 1506 года, которое находится въ «*Dialogus Johannis Stamler de diversarum gentium sectis, et mundi regionibus*», изданномъ въ 1508 году. Въ этомъ сочиненіи упоминается о письмахъ Колумба (1493 г.) и Веспуччи (1503 г.), касательно ихъ относительныхъ открытій. Тамъ говорится о «Христофорѣ Колумбѣ, открывателѣ новыхъ острововъ, и объ Альберикусѣ Веспуччи, относительно новооткрытаго міра, которымъ много обязанъ нашъ вѣкъ». Слѣдуетъ вспомнить, что это ошибочное названіе Веспуччи Альберикомъ, вмѣсто «Америко», вкравшееся въ одно изъ первыхъ изданій его разсказа, въ теченіе нѣкотораго времени сбивало съ толку компиляторовъ.

Судя по діаграмѣ земного шара, представленной Веспуччи, съ изображеніемъ двухъ людей, изъ которыхъ каждый стоитъ въ сторонѣ девяноста градусовъ, опустивъ линію къ центру земли,—этотъ мореплаватель уразумѣлъ, вмѣстѣ съ идеей шаровидности земли, также и главныя основы тяготѣнія. Не могло быть и рѣчи о поднятій кораблей на гору, разъ зенитъ находился всегда надъ головою. Довольно курьезно было предположеніе со стороны Колумба, когда во время третьяго путешествія онъ нашелъ, что воздухъ сталъ холоднѣе и вообразилъ себѣ, что корабли его поднимаются въ гору, взбираясь на возвышенность земли, которая походила на черешокъ груши, съ вѣчной областью земного рая надо вѣтмъ этимъ! Это различіе въ истолкованіи показываетъ, что менѣе извѣстный мореплаватель лучше понималъ законы физики, и это обстоятельство не мало способствовало укрѣпленію за Веспуччи выдающагося положенія и прочной извѣстности.

Когда герцогъ Рене, поддерживавшій маленькій кружокъ въ Сентъ-Діе, умеръ въ 1508 году, то планы относительно напечатанія географическихъ работъ Вальдземюллера и его товарищей потерпѣли сильное крушеніе и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ничего не было слышно о предполагавшемся изданіи Птолемея. Въ слѣдующемъ году (1509) Вальдземюллеръ, выставившій свое имя на своемъ небольшомъ трудѣ, былъ принужденъ, вслѣдствіи банкротства книгопечатни коллегіи, отправиться въ Страсбургъ, для напечатанія новаго изданія (1509 г.). Такъ какъ предложеніе назвать континентальныя открытія именемъ Веспуччи не вызвало воз-

*Колумбъ
и Веспуччи.*

*Веспуччи о
тяготѣніи.*

*1508 г.
Смерть гер-
цога Рене.*

ражений, то онъ снова повторилъ это предложеніе. Напрасно-бы мы стали искать какой-нибудь замѣтки въ видѣ протеста на поляхъ экземпляра этого изданія, который былъ купленъ Фердинандомъ Колумбомъ въ Венеціи, въ іюль 1521 года, и нынѣ сохраняется въ Севильѣ. Авторъ «Historie»,—насколько Фердинандъ можетъ быть

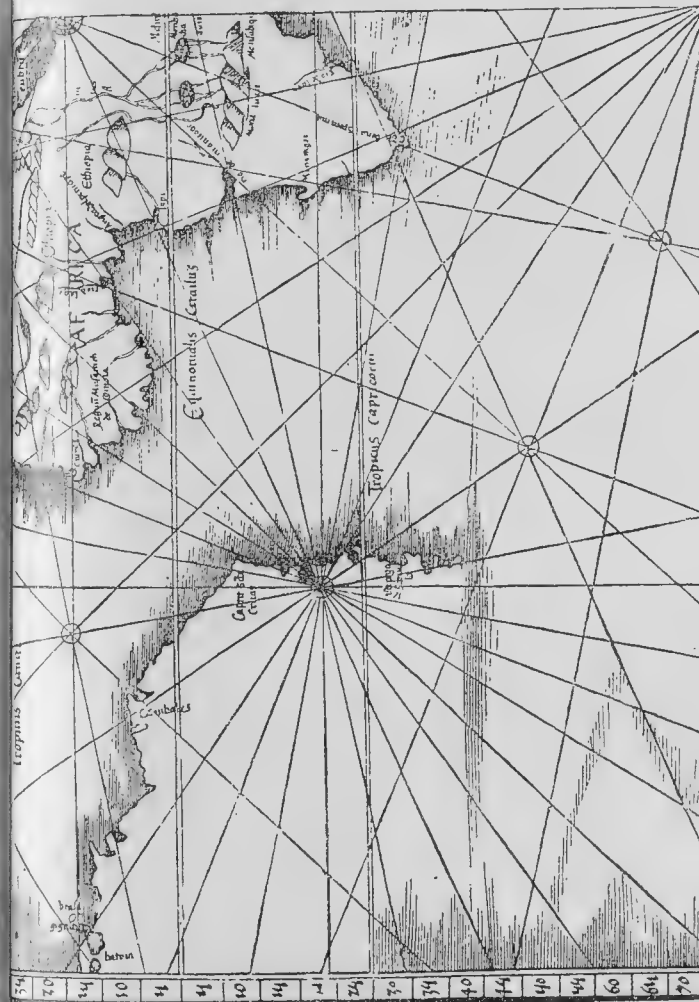

отвѣтственъ за эту книгу,—также сдержанъ. Очевидно, не было причины ему выражать свое неодобреніе. Названіе «Америка» признано подходящимъ и оно никоимъ образомъ не подрывало правъ Колумба на открытія далѣе, къ сѣверу; въ другомъ небольшомъ трудѣ, напечатанномъ въ то же самое время въ книгопечатнѣ Грюнигера, въ Страсбургѣ,—въ «Globe Mundi» безъ имени авто-

1509 г.
«Globe
Mundi».

ра,—названіе «Америка» принято въ текстѣ, хотя небольшой обрывокъ новаго берега, показанный на картѣ, названъ просто, какъ у самого Веспуччи «Newe Welt». (Новый Свѣтъ).

Наконецъ-то система Птолемея принесла плоды; въ Страсбургѣ также вышло изданіе этого труда въ 1513 году, съ картами работы

Часть карты въ книгѣ Птолемея, 1513 года

Вальдземюллера, причемъ текстъ обнаруживаетъ нѣкоторое вліяніе греческаго манускрипта древняго географа, раньше принесеннаго Рингманомъ изъ Италіи. Тутъ являлась возможность произвести впечатлѣніе на міръ ученыхъ и наблюдателей этимъ новымъ именемъ «Америки» въ такой книгѣ, которая представляла несравненно болѣе интереса, чѣмъ маленька

1513 г.
Страсбургское
изданіе
Птолемея.

анонимная книжка, и вотъ этотъ удобный случай былъ пропущенъ. Трудно разгадать причину подобнаго упущенія. Въ изданіи двѣ карты, на которыхъ этотъ материкъ Веспуччи обозначенъ совершенно одинаково, хотя только на одной изъ нихъ во всей полнотѣ представлена область, изслѣдованная Колумбомъ. На одной изъ этихъ картъ нѣтъ никакихъ обозначеній для южныхъ областей, а на другой, т. е. на «картѣ адмирала», находится надпись, указывающая на открытія въ области Колумба.

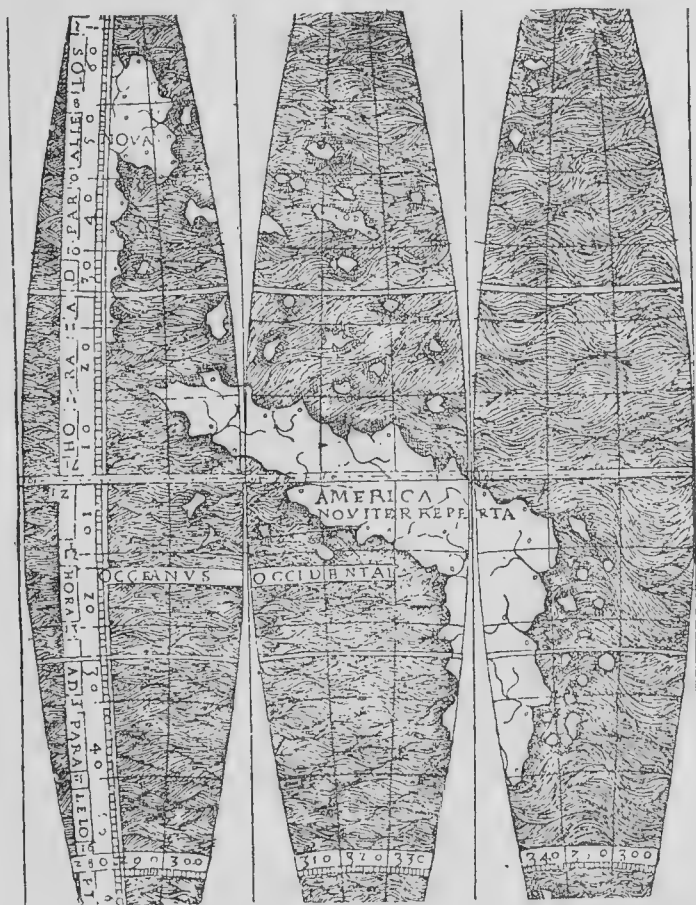
Во всей литературѣ того времени, дошедшей до насъ, мы не встрѣчаемъ какого бы то ни было неодобренія невѣжества или дерзости, лишившихъ Колумба справедливаго почета. Въ 1509 году, Вальдземюллеръ подкрѣпилъ славу Веспуччи, а въ 1513 году заговорилъ въ пользу Колумба — что, повидимому, служитъ доказательствомъ угрызений совѣсти, для удостовѣренія которыхъ, однако, не имѣется никакихъ другихъ данныхъ. Можетъ быть, дѣйствительно, эта возвратная симпатія сама по себѣ доказываетъ, что Вальдземюллеръ менѣе былъ заинтересованъ въ изданіи, чѣмъ это полагали. Трудно утверждать, что Вальдземюллеръ раскаялся въ своей поспѣшности, но, съ другой стороны, факты указываютъ именно на это.

Однако, подобно многимъ опрометчивымъ проектамъ, выдумка превзошла расчеты пустившихъ ее въ ходъ. Благозвучіе, — если не соотвѣтствіе, — названія «Америка» обратило на себя вниманіе и есть нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ картъ и изображеній земного шара, которыя въ самомъ началѣ усвоили это наименованіе для южнаго континента. Норденшильдъ («Facsimile Atlas», стр. 42) цитируетъ изъ комментаріевъ нѣмецкаго Коклеуса находящееся въ «Meteorologia Aristotelis» Іакобуса Фабера (Нюрнбергъ, 1512 г.) мѣсто, касающееся «Nova Americi Terra». Какъ бы для большаго усложненія этого дѣла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого въ Лайонсѣ появилось изданіе, безъ обозначенія на немъ года, брошюры Вальдземюллера, — быть можетъ, даже безъ его участія, — которое до 1881 года, находили постоянно безъ карты, хотя экземпляровъ этой брошюры было всего нѣсколько; но въ 1890 году былъ открытъ одинъ экземпляръ съ картой, нынѣ принадлежащій одному американцу, собирателю древностей; на этой картѣ южная Америка обозначена этимъ именемъ. Тутъ представленъ отрѣзокъ этой карты подъ названіемъ «Двусторонники» Тресса. При настоящихъ условіяхъ нашихъ свѣдѣній по этому вопросу, повидимому, слово «Америка» впервые появилось на напечатанной картѣ около 1516—1517 гг., если только не допустить, что на самомъ дѣлѣ оно появилось немного ранѣе на двухъ изображеніяхъ земного шара, въ коллекціи Гауслаба, въ Вѣнѣ. Однако, относительно даты появленія этихъ послѣднихъ мнѣнія весьма различны, и одинъ изъ этихъ глобусовъ былъ описанъ въ «Mittheilungen» Географическаго общества въ Вѣнѣ (1886 года, стр. 364). Но не

Названіе
«Америка»
сходится съ
употребленіемъ.

Около
«Америка»
первое
появленіе
на картѣ.

слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ описаніяхъ названіе «Америка» относилось исключительно къ землѣ, которую изслѣдовалъ Веспуччи, простиравшейся къ югу за экваторіальную линію, на восточной сторонѣ Южной Америки. Бальбоа показалъ, что земля эта имѣетъ такое же направленіе къ западу. Острова и область къ сѣверу, открытые первоначально Колумбомъ и Каботомъ,

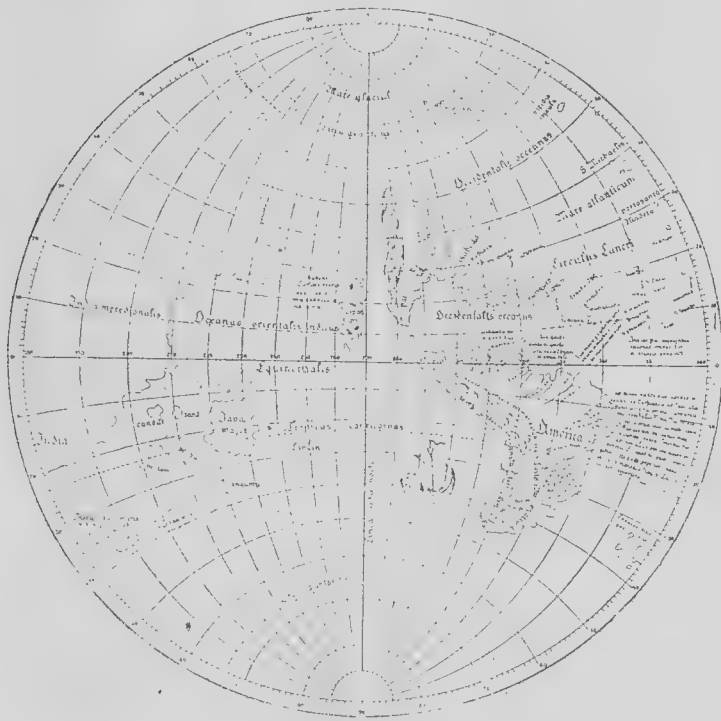
«Двусторонники» Трасса.

оставались по прежнему тайной по отношенію къ Азіи, и много времени прошло прежде, чѣмъ для всѣхъ стала ясна истина, т. е., что безбрежный океанъ простирается къ западу на сѣверѣ, какъ по указанію Бальбоа—къ западу на югѣ.

Такимъ образомъ, вскорѣ всѣмъ было признано за Южной Америкой это имя Веспуччи. Оно находится въ коллекціи «двусторонники» того времени, открытой въ послѣднее время Норденшильдомъ, и

было принято нюрнбергскимъ фабрикантомъ глобусовъ Шёнеромъ (1515 г., и пр.); Вадіанусомъ въ Вѣнѣ, когда онъ издалъ Помпоніуса Мелу (1515); Апіаномъ на картѣ, приложенной къ изданію Соллиуса, напечаганному Камерсомъ (1520); и Лоренцомъ Фриссомъ, — бывшимъ членомъ ученаго кружка герцога Рэне и корреспондентомъ Веспуччи, — на картѣ, приложенной къ Птоломею Грюнпгера, изданному въ Страсбургѣ (1522), гдѣ была также перепечатана карта Вальдземюллера, 1513 года. Это одно изъ самыхъ первыхъ изданій Птоломея, гдѣ мы встрѣчаемъ слово «Америка» на картахъ.

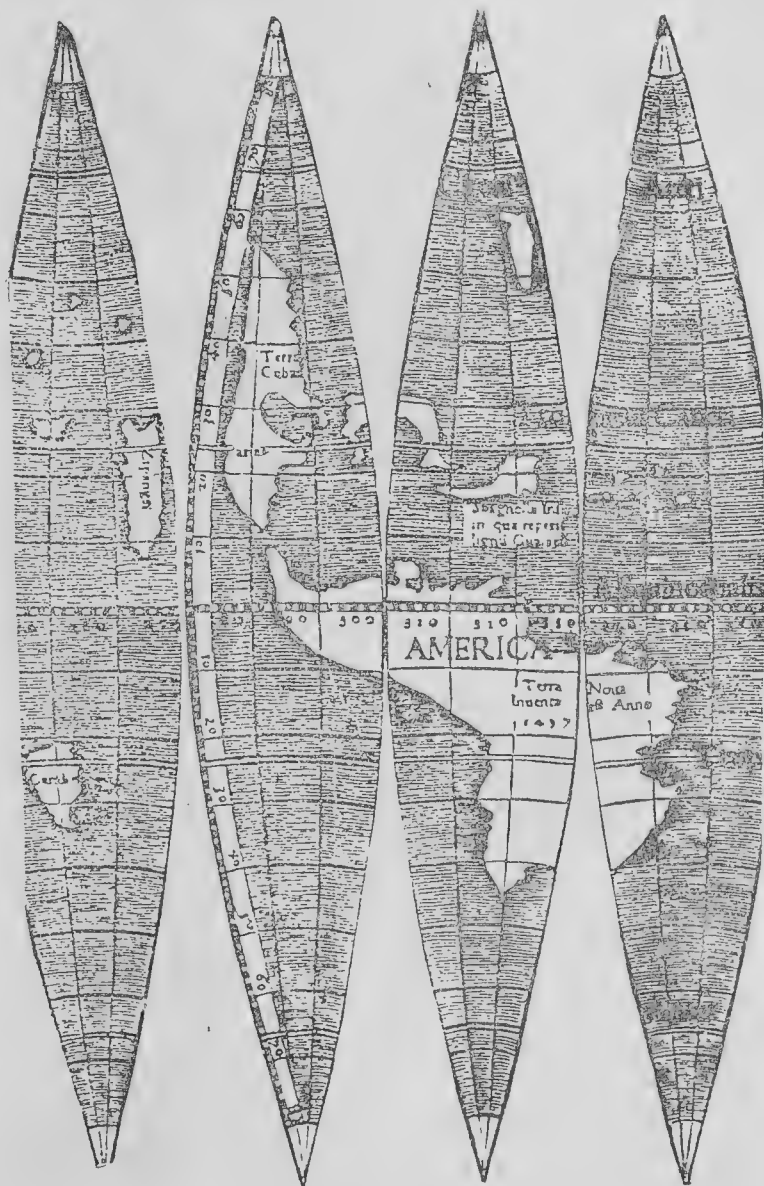
Названіе «Америка» впервые появляется въ Птоломее 1522 г.

Земной шаръ Гауслаба.

Въ процессѣ испанской короны съ наслѣдниками Колумба, послѣдовавшемъ послѣ смерти адмирала, замѣчательнъ тотъ фактъ, что защитники интересовъ правительства, старавшіеся доказать неосновательность притязаній Колумба на открытіе континентальнаго берега возлѣ залива Нарія, въ 1498 году, такъ какъ другіе изслѣдователи ранѣе этого года посѣщали этотъ берегъ, — ни разу не упомянули имени Веспуччи. Разумѣется, возможно и даже вѣроятно, что въ интересахъ обѣихъ сторонъ было не упоминать о лицѣ, служившемъ

Португаліи и посягавшемъ захватить то, что считалось территоріей Іспаніи. Едва-ли тѣмъ-же побужденіями руководился Фердинандъ Ко-

«Двусторонники», Норденшильда.

лумбъ, безмолвно признавшій, по словамъ одного современника, дѣй-
ствіе ученыхъ Сенъ-Діе. Повидимому, онъ придерживался того взгляда,

въ то время несомнѣнно общаго, что въ данномъ случаѣ не было рѣчи объ оспариваніи относительныхъ правъ мореплавателей, такъ

Атлантусъ, 1520 г.

какъ различныя области ихъ изслѣдованія не подавали повода къ подобнымъ спорнымъ притязаніямъ.

Однако, вслѣдствіе увѣренія Вальдеемюллера, что Вespуччи «нашелъ» необходимымъ дать этому континентальному пространству имя въ нѣкоторыхъ кружкахъ составилось убѣжденіе, которое при томъ

Глобусъ Шёнера, 1515 г.

легко было вывести из весьма неясной хронологіи его повѣствованія, что Веспуччи былъ въ самомъ дѣлѣ первый изслѣдователь, вступившій на часть этого обширнаго материка. Тутъ-то вскорѣ стала обнаруживаться подозрительность тѣхъ, кто дорожилъ славою Колумба, и немного спустя послѣ 1527 года,—если мы примемъ этотъ годъ за дату начала его труда по «Ни-

Это первый высаженный на южный материкъ?

Кто первый
высадился на
южный ма-
терик?

stories, — Ласказасъ, который былъ довольно близокъ съ Колумбомъ, заявляетъ, что обыкновенно указывали на самого Веспуччи, какъ на участвовавшего въ такомъ присвоеніи себѣ не принадлежавшей ему чести. Если только Ласказасъ или хроникеры, на которыхъ намекаетъ послѣдній, не имѣли данныхъ по этому вопросу, никому нынѣ неизвѣстныхъ, то, очевидно, нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы Веспуччи зналъ что-либо о предложеніи кружка Сень-Діе, точно также, какъ нѣтъ никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, чтобы при жизни Веспуччи была издана кака-нибудь карта съ указаніемъ на ней «Америки». Онъ былъ назначенъ старшимъ лоцманомъ Испаніи 22 марта 1508 года и умеръ 22 февраля 1512 года. До насъ не дошло ни одной карты, составленной самимъ Веспуччи, хотя извѣстно, что

*Карты
Веспуччи.*

въ 1518 году подобная карта была въ рукахъ у Фердинанда, брата Карла Пятаго. Если бы эта карта отыскалась, то, безъ сомнѣнія, такая находка оказала бы большую услугу, выяснивъ этотъ и другіе вопросы, касающіеся первыхъ лѣтъ картографіи Америки. Тогда бы мы увидали, насколько Веспуччи (если вообще это такъ) «согрѣшилъ передъ адмираломъ», по выраженію Ласказаса, который прибавляетъ: «Если Веспуччи намѣренно распространилъ мнѣніе, будто онъ первый высадился на материкъ, то это было очень не честно съ его стороны; а если онъ сдѣлалъ это безсознательно, то такой поступокъ все же кажется непригляднымъ». Однако, при всемъ предрасположеніи къ обвиненію Веспуччи, Ласказасъ былъ настолько остороженъ, что принялъ во вниманіе возможность ответственности за распространеніе ложныхъ слуховъ исключительно кружка Сень-Діе.

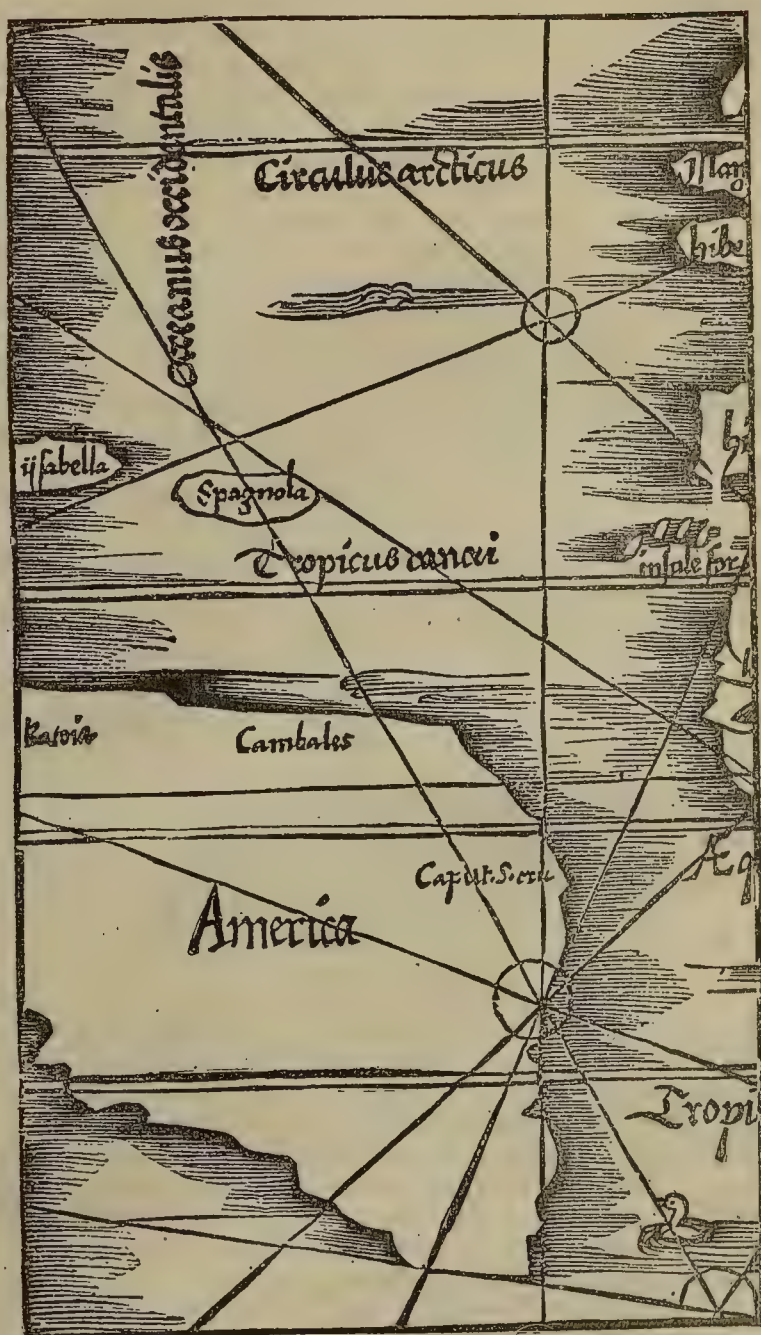
*Веспуччи не-
повиненъ въ
наименованіи
Америки.*

*Слово «Аме-
рика» не упо-
требляется
въ Испаніи.*

Вполнѣ ясно, что въ Испаніи не признавали названія «Америки» и официально названіе это никогда не было признано испанскимъ правительствомъ. Ласказасъ давалъ понять, что это названіе употреблялось «чужеземцами», которые, какъ онъ выражается, «назвали Америкой то, что слѣдовало назвать Колумбой». Нельзя съ точностью опредѣлить даты этого протеста со стороны Ласказаса. Если протестъ этотъ былъ высказанъ позже по-

*1541 г.
Меркаторъ
первые при-
милъ это
названіе къ
Северной и
Южной Аме-
рике.*

явленія карты Меркатора въ 1541 году, на которой, насколько извѣстно, впервые Америкой названы сѣверная и южная части новооткрытаго материка, то, разумѣется, у Ласказаса была основательная причина волноваться. Если же Ласказасъ выразилъ свое негодованіе ранѣе выхода упомянутой карты, то это случилось потому, что съ распространеніемъ свѣдѣній объ открытіи становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что всѣ части новыхъ областей были составными частями одного условно новаго материка, который слѣдовало назвать по имени открывшаго часть этого материка, — будь это островъ или материкъ. Ласказасъ говоритъ, что со стороны «иностранныхъ писателей» было не меньшимъ оскорбленіемъ Испаніи, какъ и ея великаго усыновленнаго

Фрисъ (Friscius), въ Птоломеѣ 1522 г.

ею адмирала, назвать міръ, открытый благодаря предпринимчивости испанцевъ, именемъ, которое представляло антагонизмъ ихъ интересамъ.

Такимъ образомъ идея, зародившаяся въ Вогезахъ, встрѣтила сочувственный приемъ во всей центральной Европѣ. Успѣху распространѣнія ея способствовалъ, безъ всякаго сомнѣнія, исключительный духъ испанскаго правительства, ревниво скрывавшій отъ всѣхъ свои гидрографическія открытія, наравнѣ съ другими причинами. Мы видѣли, какъ названіе «Америка» распространилось по Австріи и Германіи. Въ 1512 году оно было введено Стобницемъ въ Польшѣ, въ предисловіи къ Птолемею, изданному въ Краковѣ; названіе это было принято также многими другими географами центральной и южной Европы. Оно было употреблено въ «New Interlude», издававшемся въ Англіи, въ 1519 году, а къ срединѣ вѣка имя Веспуччи заняло въ Англіи выдающееся мѣсто, благодаря трудамъ сэра Томаса Мора и Уилльяма Кунингэма, такъ что совершенно вытѣснило память о Колумбѣ.

Но прошло нѣкоторое время и на Веспуччи посыпались обвиненія въ стараніяхъ прославиться, нарядившись въ чужія перья. Ласкались ли первый высказалъ такія обвиненія въ тѣхъ словахъ, которыя приведены нами выше, или кто другой, — но мнѣніе этого писателя было еще въ рукописи и не могло получить широкой извѣстности.

Первое обвиненіе въ печати, насколько это обнаружено, принадлежало нѣмецкому географу Иоганну Шёнеру; въ своихъ прежнихъ глобусахъ онъ уже принялъ названіе Америки, но въ брошюрѣ подъ заглавіемъ «*Opusculum Geographicum*», напечатанной въ Нюрнбергѣ, въ 1533 году, открыто обвиняетъ Веспуччи въ названіи своимъ именемъ области Верхней Индіи. Два года спустя, Серветусъ, приложившій въ 1535 году къ своему изданію Птолемея прежнія карты съ названіемъ Америки, въ то же время возсталъ въ пояснительномъ текстѣ, противъ употребленія этого названія, доказывая, что Колумбъ ранѣе Веспуччи открылъ новый материкъ.

Прошло немного болѣе года со смерти Веспуччи и въ то время, когда приписываемыя Вальдсеюмюллеру карты обратили на себя вниманіе ученыхъ, благодаря открытію Бальбоа, стало извѣстно, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно, что великій южный материкъ, названный именемъ Америки, составляетъ неразрывное сплошное цѣлое.

А теперь посмотримъ, какимъ образомъ въ теченіе этихъ первыхъ лѣтъ шестнадцатаго столѣтія развивались свѣдѣнія относительно великой, но неподозрѣваемой преграды, дѣйствительно, лежавшей на пути изслѣдователей, которые шли отыскивать Азію насупротивъ Испаніи.

На сѣверѣ открытія англичанъ при содѣйствіи Кабота и португальцевъ при участіи Кортереалей вскорѣ заставили нормандцевъ и бретонцевъ изъ Діенна и Сенъ-Мало пойти по слѣдамъ этихъ морепла-

1533 г.
Шенеръ
обвиняетъ
Веспуччи въ
присвоеніи
себѣ чужой
славы.

Существованіе
преграды по-
дозрѣвается.

вателей. Уже въ 1504 году рыбаки изъ этихъ приморскихъ городковъ побывали, повидимому, на сѣверныхъ берегахъ и дали имя мысу «Бретонъ», которое считается самымъ стариннымъ французскимъ именемъ въ нашей американской географіи. «Grap Capitan». Рамузіо свидѣтельствуетъ о такихъ раннихъ посѣщеніяхъ сѣвера бретонцами, хотя у насъ нѣтъ положительныхъ картографическихъ свѣдѣній о подобныхъ посѣщеніяхъ до 1520 года, къ которому относится карта Кунстмана въ его «Atlas's».

*Открытія
на сѣврѣ.
1504 г.
Нормандцы и
бретонцы.*

Въ 1505 году нѣсколько португальцевъ снова побывали на Ньюфаундлендскомъ побережьи подъ королевскимъ покровительствомъ Генриха VIII, а съ 1506 года португальцы стали постоянными посѣтителями ньюфаундлендскихъ отмелей. На старыхъ картахъ португальскія названія расбросаны по соседнимъ береговымъ линіямъ, такъ какъ португальскіе рыбаки продолжали посѣщать эту мѣстность вплоть до конца вѣка.

*1505 г. Пор-
тугальцы.*

Ходили также рассказы объ одномъ испанцѣ, Веласко, посѣтившемъ заливъ Св. Лаврентія въ 1506 году, а въ 1511 году Хуанъ де-Аграмонте вошелъ въ соглашеніе съ испанскимъ королемъ относительно болѣе дѣятельнаго продолженія открытій въ этихъ мѣстахъ, но намъ неизвѣстно, что вышло изъ этихъ переговоровъ.

*1506 г.
Испанцы.*

Смерть Фердинанда 23 января 1516 года, повидимому, остановила экспедицію, проектированную Себастьяномъ Каботомъ въ интересахъ Испаніи, съ цѣлью отыскать сѣверо-западный путь; но въ слѣдующемъ (1517) году Каботъ отправился ради интересовъ Англіи къ Гудзонову проливу, а отсюда на сѣверъ къ 67° 30'; тутъ «не было ночи» и компасъ показывалъ чрезвычайно большія отклоненія. Немного позднѣе португальцы заявили весьма сомнительныя притязанія на изслѣдованія залива Св. Лаврентія въ 1521 году подъ руководствомъ Фагундеса.

*1517 г.
Себастьянъ
Каботъ.*

*1521 г. Пор-
тугальцы.*

Съ 1506 года относительно нормандцевъ существуютъ болѣе достоверныя свѣдѣнія и подъ вліяніемъ богатаго уроженца Діеппа, Жана Анго, мы видимъ вскорѣ цѣлый классъ отважныхъ моряковъ, пускающихся въ отдаленныя и чудесныя моря. У Рамузіо мы знакомимся съ именами Пьера Крибона и Томаса Обера изъ Діеппа, Жана Дениса изъ Онфлера и Жана Пармантье. Самые полные рассказы принадлежатъ Жану Денису въ 1506 г. и немного позднѣе Томасу Оберу. Денису приписывалась таинственная карта залива Св. Лаврентія; но если сохранившаяся копія представляетъ эту карту, то, безъ колебанія, ее можно отнести къ картографическимъ работамъ позднѣйшаго времени. Говорятъ, что оригиналъ этой карты былъ найденъ въ архивѣ военнаго министерства, въ Парижѣ, въ 1854 году, но теперь тамъ не имѣется такой карты. Копія, снятая съ нея для архива Канады, находится въ Оттавѣ и власти были настолько любезны, что дозво-

*1506 г.
Капитанъ
Анго.*

*Карта
Дениса.*

цевъ изъ той области. Спусти десять или болѣе лѣтъ (1519 г.) баронъ де-Лэри пытался устроить тамъ французскую колонію, отъ которой остались, быть можетъ, единственные слѣды въ видѣ нѣсколькихъ штукъ европейскаго скота, — потомковъ его маленькаго стада, перевезеннаго сюда въ 1528 году, — найденныхъ по прошествіи многихъ лѣтъ на Песчаномъ островѣ.

1518 г. Лэри.

Жакъ де-Леонъ.
(Изъ «Herrera» Барціи).

Геррера говоритъ, что въ 1526 году Николай Донъ, бретонецъ, ловилъ рыбу на Тресковыхъ меляхъ, а Рутъ повѣствуетъ, что въ 1527 году нормандцы и бретонцы занимались рыбною ловлею на берегахъ Ньюфаундланда. Подобныя указанія ^{1526 г.} Николай Донъ. свидѣтельствуютъ о раннемъ знакомствѣ французовъ съ этими сѣверными берегами, но все это даетъ мало свѣдѣній относительно прогресса въ географическихъ познаніяхъ.

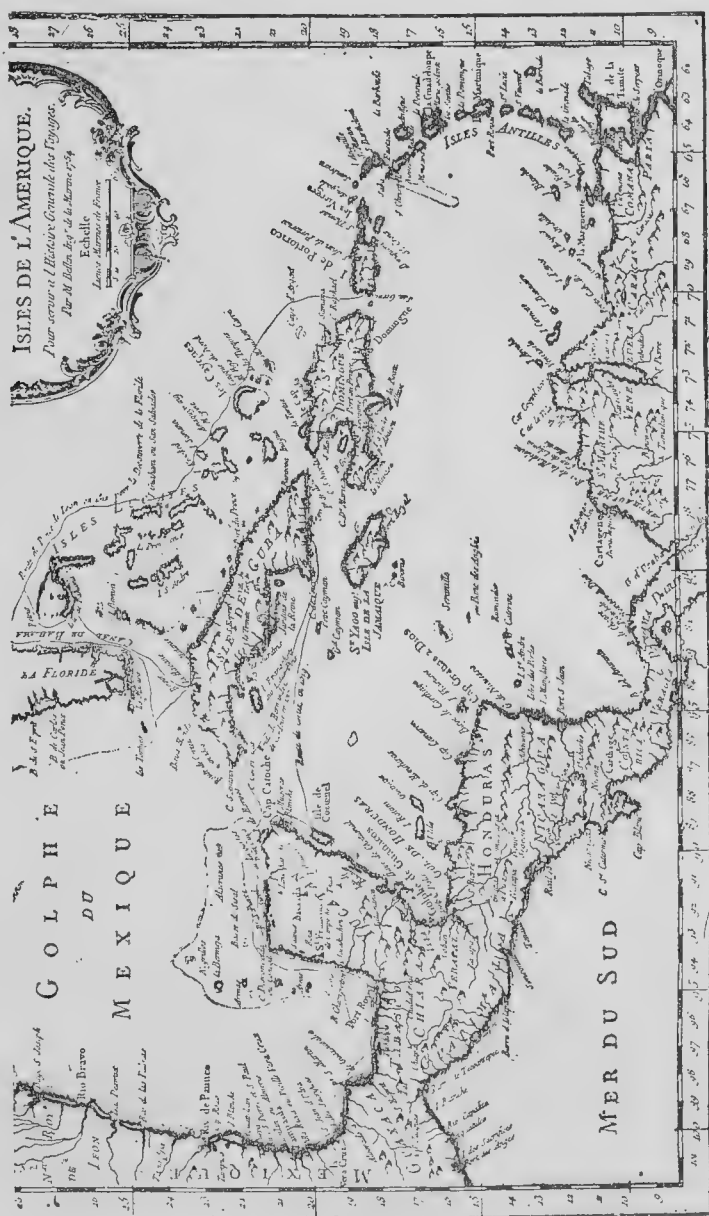
Однако, раньше этого была сдѣлана первая серьезная попытка, Попытка най-
ти связь меж-
ду северными
открытіями
и открытіями
испанцевъ. безспорно доказанная, найти связь между этими сѣвер-
ными открытіями и открытіями испанцевъ на Антильскихъ
островахъ. Уже въ 1511 году, благодаря картѣ, представ-
ленной Петеромъ Мартиромъ, возникло мнѣніе о существо-
ваніи земель, лежащихъ къ сѣверу отъ Кубы. Въ 1512 году Понсъ
де-Леонъ просилъ дозволенія отправиться и посмотреть, что это была
за земля, въ которой находился источникъ молодости. Онъ получилъ
это дозволеніе 23 февраля 1512 года, когда Фердинандъ поручилъ ему
«найти и колонизировать островъ Бимини», если тамъ
еще не было никого, или если Португалія уже не завла-
дѣла частью тѣхъ земель, которыя онъ предполагалъ найти.
Замедлившіяся приготовленія отсрочили отплытіе его экспедиціи изъ
Порто-Рико до марта 1513 года. 23 числа этого мѣсяца,
въ Свѣтлое Христово воскресенье, онъ набѣжалъ на ма-
терикъ, находящійся противъ Багамскихъ острововъ, и назвалъ эту
страну Флоридой, по обозначенію этого дня въ календарѣ.
Онъ прошелъ вдоль берега къ сѣверу немного выше 30°
сѣверной широты. Затѣмъ вернулся прежнимъ путемъ и, обогнувъ
южный мысъ, поднялся къ западной сторонѣ полуострова. Заходили ли
ранѣе на берега Флориды какіе-нибудь случайные изслѣдователи—не-
извѣстно. Есть данныя полагать, что въ прилежащихъ водахъ нѣ-
сколько лѣтъ передъ тѣмъ появлялись частные испанскіе или порту-
гальскіе авантюристы, и даже, можетъ быть, англичане. Экспедиція
Понса де-Леона несомнѣнно является первымъ государственнымъ пред-
пріятіемъ, и слѣдовало бы ожидать, что вскорѣ открытіе Понса де-Леона
будетъ нанесено на географическія карты. Однако, запрещенія Совѣта
Индіи имѣли слишкомъ большую силу и старыя границы карты Кан-
тино еще продолжали удерживаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на
картахъ, хотя съ 1520 года полуостровъ Флорида начинаетъ прини-
мать довольно ясныя очертанія на нѣкоторыхъ испанскихъ картахъ.

Что именно подразумѣвалось подъ именемъ «Бимини» въ отчетахъ
по этой экспедиціи, неясно; но можно предположить, что это не былъ
полуостровъ Флорида, такъ какъ при выдачѣ Понсу де-
Леону новаго патента въ сентябрѣ 1514 года, ему доз-
волялось колонизировать оба «острова» Бимини и Флориду, а Діего
Колону, какъ вице-королю, было приказано помогать движенію экспе-
диціи. Однако, прошло семь лѣтъ въ отсрочкахъ и только въ 1521
году онъ попробывалъ завести здѣсь колонію, но гдѣ именно —
неизвѣстно. Болѣзнь и гибель его людей въ стычкахъ съ индій-
цами вскорѣ обезсилили его и онъ вернулся въ Кубу, чтобы уме-
реть тутъ отъ раны, нанесенной ему стрѣлою во время одного на-
паденія туземцевъ.

Еще не было извѣстно, соединяется ли Флорида съ какими-нибудь
прилежащими къ ней землями. Нѣсколько меньшихъ экспедицій рас-

ширили береговую полосу, но задача относительно материка все еще оставалась нерешенной. Въ 1519 году Пиннеда обошелъ кругомъ сѣверныхъ береговъ Мексиканскаго залива, а у рѣки

1519 г.
Пиннеда.

Путь экспедиции Понса де-Леона.

Папуко ему преградилъ путь Кортесъ, какъ посягавшему на права его правительства. Повернувъ на востокъ, Пиннеда нашелъ устье рѣки,

названной имъ рѣкою Святого Духа, которая многими учеными принимается за первое историческое указаніе великой рѣки Миссисипи, тогда какъ, по мнѣнію другихъ ученыхъ, первые признаки этой рѣки слѣдуетъ отнести къ Кабесѣ де-Вака, въ 1528 году, или къ прохожденію выше ея теченія, совершенному Де-Сото въ 1541 году. Сперва Пинеда принялъ названную рѣку за долгоносый проливъ въ Индію; но, войдя въ эту рѣку, онъ долженъ былъ убѣдиться, что въ нее собирались воды бассейна материка, названнаго въ этомъ мѣстѣ Амичель. При этомъ выяснилось, что на западѣ въ этомъ мѣстѣ залива не было прохода и что Флорида не островъ.

Въ то время, какъ эти изслѣдованія производились въ самомъ заливѣ, другія изслѣдованія предпринимались на атлантическомъ побережьи Флориды. Если только найденный въ штатѣ Нью-Йоркѣ, къ вящему смущенію ученыхъ историковъ, помпейскій камень слѣдуетъ считать подлин-

Карта Айллона.

нымъ, то это служить доказательствомъ, что испанцы проникли въ 1520 году съ какого-нибудь пункта берега въ эту область. Въ 1520 году мы встрѣчаемъ наглядное доказательство, что Люкасъ Васкецъ де-Айллонъ послалъ судно подъ начальствомъ Гордилю, которое на пути присоединилось къ другому судну, отправившемуся въ экспедицію за невольниками, и оба эти судна, идя къ сѣверу, осматривали побережье материка у рѣки, у 33 съ половиною градусовъ сѣверной широты, на берегу Южной Каролины. Они вернулись назадъ, не успѣвши произвести дальнѣйшихъ изслѣдованій. Айллонъ безъ особаго успѣха пустился на дальнѣйшія развѣдки въ 1525 году; но въ 1526 году онъ снова отправился съ большей подготовкой и открылъ землю немного сѣвернѣе, возлѣ устьевъ Мокрой рѣки, которую онъ назвалъ Иорданомъ, и проплывъ къ Чизапику, гдѣ съ помощью черныхъ невольниковъ, впервые ввезенныхъ въ эту область,

взялся за постройку города въ томъ мѣстѣ или неподалеку, гдѣ англичане въ слѣдующемъ столѣтіи заложили Джэстоунъ; Испанцы въ Виргиніи. по крайней мѣрѣ, таково предположеніе д-ра Шн. Здѣсь Айллопъ умеръ отъ злокачественной лихорадки 18 октября 1526 года, а обезкураженные колонисты, числомъ сто тридцать пять изъ бывшихъ въ началѣ пятисотъ человѣкъ, вернулись въ Санто-Доминго.

Въ то время, когда происходили эти неудачныя попытки, Эстеванъ Гомецъ, посланный испанскимъ правительствомъ, по заключеніи Бадахосскаго договора, для удостовѣренія, что къ 1524 г. Гомецъ. Молуккскимъ островамъ нельзя было пройти нигдѣ вдоль этого атлантическаго побережья, вышелъ въ море осенью 1524 года, изъ Корунны на сѣверѣ Испаніи, если только имѣющіяся у насъ даты позволяютъ сдѣлать такое заключеніе относительно времени его отплытія. Согласно приказу Карла V, Гомецъ прямо прошелъ къ области Тресковыхъ мелей, весьма вѣроятно, коснулся материка у Лабрадора, а затѣмъ повернулъ курсъ на югъ, тщательно осматривая всѣ пути. У насъ нѣтъ разказа объ этой экспедиціи, удостовѣреннаго его именемъ или именемъ кого-либо изъ его спутниковъ; карта, составленная Алонзо Чавесомъ для наглядныхъ соображеній всего видѣннаго Гомецомъ, не дошла до насъ, но главнѣйшія Карта Чавеса. указанія, относящіяся къ этой экспедиціи, повидимому, вошли въ большую географическую карту Рибера (1529 г.) и, кромѣ того, мы имѣемъ разныя отрывочныя свѣдѣнія о ней въ позднѣйшихъ историческихъ хроникахъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что Гомецъ прослѣдовалъ вдоль побережья къ югу до Флориды и убѣдилъ большинство, что въ Индію не было свободнаго морского пути, хотя оставалось сомнѣніе, что заливъ Св. Лаврентія недостаточно полно изслѣдованъ.

Обратимся теперь къ южнымъ берегамъ Карибскаго моря. Въ 1508—1509 годахъ были сдѣланы новыя попытки ихъ колонизаціи. Къ этому времени все побережье, вплоть до Гондураса, было очень тщательно изслѣдовано, главнымъ образомъ благодаря экспедиціямъ Охеда и Хуана де-Ла-Козы. Система изслѣдованія была двойная и указываетъ на двѣ новыя области, раздѣленныя берегомъ, извѣстнымъ подъ именемъ залива Урабы. Сюда были посланы Охеда и Никуэсса для устройства губерній и управленія въ теченіе четырехъ лѣтъ провинціями — 1529 г. Карта Рибера. Новой Андалузійей и Кастиліей Золота. Объ этомъ уже упоминалось въ предыдущей главѣ. Они отерочивали устройство своихъ губерній, ссорились между собою относительно границъ своихъ владѣній, вели съ туземцами отчаянную борьбу, но не особенно успѣшную, лишились Ла-Козы въ одной стычкѣ и должны были отказаться отъ намѣренія обратить Ямайку въ хлѣбную житницу и привлечь колонистовъ изъ Эспаньолы, вслѣдствіе ловкости Діега Колона, который предпочелъ не быть ихъ данникомъ. Охеда и Никуэсса.

Всѣ эти обстоятельства поставили Охеду въ крайне стѣсненное положеніе въ маленькой колоніи Сантъ-Себастьянъ, которую онъ основалъ. Онъ попробовалъ вернуться въ Эспаньолу за помощью и на пути туда потерпѣлъ крушеніе. Это помѣшало ему встрѣтиться со своимъ лейтенантомъ Энцизо, которой шелъ къ нему съ подкрѣпленіемъ. Такимъ образомъ Охеда сходитъ со сцены исторіи; онъ рассказываетъ свою исторію въ качествѣ свидѣтеля въ процессѣ наслѣдниковъ Колумба, въ 1513—1518 годахъ.

Выступили новые герои на сцену. Охеда оставилъ вмѣсто себя начальникомъ нѣкоего Пизарро, впоследствии стяжавшаго себѣ извѣстность. Нѣкто Васко Нуньесъ де-Бальбоа, бѣдный бѣглецъ, бывшій въ долгу какъ въ шелку, находился на кораблѣ у Энцизо и былъ настолько сообразителенъ, что разъяснилъ испанцамъ всю невозможность устраивать колонію въ такомъ мѣстѣ какъ Сантъ-Себастьянъ, гдѣ жили племена, употреблявшія отравленные стрѣлы, и гдѣ колонистамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое существованіе и добывать себѣ пропитаніе. Такимъ образомъ оставшіеся колонисты покинули Сантъ-Себастьянъ, Энцизо переселилъ ихъ по другую сторону залива, такъ что новое поселеніе очутилось въ предѣлахъ земель, подвластныхъ Никуэссѣ; послѣдняго вскорѣ заговорщики отрѣшили отъ должности и, посадивъ на корабль, спустили въ море, — съ тѣхъ поръ о немъ ничего неизвѣстно. Во время этихъ смутъ отличился Васко Нуньесъ де-Бальбоа, и Діего Колонъ назначилъ его губернаторомъ въ новой колоніи. Тѣмъ временемъ Бальбоа познакомился съ великимъ моремъ на западѣ ближе, чѣмъ Колумбъ на берегу Верагуа въ 1503 году. Бальбоа вѣрно угадалъ, что это открытіе, если только оно ему удастся, принесетъ ему большую пользу, успокоивъ недовѣріе, возбужденное его правленіемъ, и уже начинавшее проявляться. И такъ, 1 сентября 1513 года,

^{1513 г.}
^{Бальбоа и}
^{южное море.} онъ отправился по направленію, указанному ему туземцами, а 24 сентября дошелъ до горы, съ вершины которой, по словамъ его провожатыхъ, онъ могъ увидѣть море. 25 сентября онъ во главѣ своей команды взомель на гору и тутъ передъ нимъ открылся громадный океанъ; онъ первый изъ европейцевъ обозрѣвалъ давно желанное море. Испанцы спустились по другую сторону склона. Дорога была тяжелая и только черезъ три дня одинъ изъ его отрядовъ дошелъ до берега. Только на слѣдующій день 29 сентября, самъ Васко Нуньесъ присоединился къ этому передовому отряду и, вступивъ въ воды, завладѣлъ моремъ и береговыми землями во имя своихъ государей. Это случилось въ день св. Михаила и заливъ Св. Михаила и понынѣ указываетъ на мѣсто событія. Въ концѣ января 1514 г. онъ снова былъ съ колоніей у Антигвы дель-Даріенъ. Отсюда въ мартѣ онъ отправилъ гонца въ Испанію съ новостями о великомъ открытіи.

Этотъ гонецъ достигъ Европы не ранѣе второй экспедиціи, которая

была отправлена подъ начальствомъ Педраріаса; съ нимъ шло большое число спутниковъ, которые въ свое время проходили и описывали эти новые пути. Между ними находились *Педраріасъ.* Гернандо де-Сото, Берналь Діацъ, лѣтописецъ подвиговъ Кортеса, и Овiedo, историкъ. Съ апрѣля по іюнь 1514 года Педраріасъ стоялъ у него

*El Adelantado BASCO NUÑES de
xeres que descubrió la mar del Sur.*

Бальбоа.
(Изъ «Herrera» Варпін).

на дорогѣ и вскорѣ новый губернаторъ подвергнулъ Бальбоа строгому суду и приговорилъ его къ тяжелому штрафу. Новый губернаторъ сейчасъ же составилъ планъ воспользоваться плодами открытій Бальбоа. Была послана экспедиція по его слѣдамъ; экспедиція эта поплыла по новому морю и собрала добычу, гдѣ только это было возможно. Пед-

раріасъ вскорѣ сталъ подозрѣвать Бальбоа, такъ какъ положеніе увеличившейся колоніи измѣнилось при новомъ губернаторѣ къ худшему сравнительно съ условіями, въ какихъ она находилась въ правленіе Бальбоа. Но въ ту эпоху все отличалось непостоянствомъ и шаткостью; цѣпи, въ которыя заковали Бальбоа, были сняты съ него, чтобы поручить ему изслѣдованіе открытаго имъ моря. Очутившись на морѣ, Бальбоа задумалъ снова побѣдить и стать независимымъ. Педраріасъ прослышалъ объ этомъ отъ одного вѣроломнаго друга Бальбоа, заманилъ послѣдняго къ себѣ и тотчасъ же нарядилъ надъ нимъ слѣдствіе; Бальбоа и его сторонники были казнены.

Это случилось въ 1517 году.

Вскорѣ послѣ того Педраріасъ перенесъ свою столицу въ Панаму; въ 1519 году и въ послѣдующіе годы его капитаны продолжали свои изслѣдованія къ сѣверу вдоль береговъ Южнаго моря, какъ былъ названъ этотъ новый океанъ.

Уже въ 1515 году Пизарро и Моралесъ пробрались берегомъ, по направленію къ югу, въ область, называвшуюся туземцами Биру, и это была самая отдаленная изъ странъ, куда испанцевъ занесла судьба десять лѣтъ спустя послѣ открытія Бальбоа. Они слышали здѣсь о богатой области, лежавшей далѣе, которая называлась тѣмъ же именемъ или вслѣдствіе извращенія слова—Перу. Въ промежуткахъ этихъ изслѣдованій былъ основанъ городъ Панама (1519 г.), а Пизарро и Альмагро съ пате-
1515 г.
Бирру.
1519 г.
Панама
основана.
 ромъ Лукве получили здѣсь земельные участки.

Эти-то три товарища въ 1524 и 1526 годахъ организовали экспедиціи, которыя занялись изслѣдованіемъ береговъ Перу и покореніемъ этой области. Экваторъ былъ пройденъ въ 1526 году; въ 1527 году они дошли до 9° къ югу. Только въ 1535 году была изслѣдована береговая линія далѣе до Лимы, основанной въ томъ же году.

Осенью 1535 года Альмагро прошелъ къ югу, чтобы завоевать Чили, а гавань Вальпарайзо была занята въ сентябрѣ 1536 года. Восемь лѣтъ спустя, въ 1544 году, испанцы подвинули изслѣдованія до 41° на югъ. Только въ 1557 году экспедиціи достигли до архипелага Чилое и весь берегъ Южной Америки на Тихомъ океанѣ былъ подробно изслѣдованъ вплоть до области, которую объѣзжалъ Магелланъ, о чемъ ниже будетъ сказано вкратцѣ.

Слѣдуетъ вспомнить, что въ 1503 году Колумбъ приблизился къ берегу Гондураса, къ западу отъ мыса Граціасъ à-Діусъ. Отъ индійцевъ, встрѣченныхъ имъ въ прогѣ, онъ услышалъ о земляхъ на сѣверо-западѣ, но страстное желаніе отыскать проливъ, о которомъ онъ мечталъ, увлекло его на югъ. Четырнадцать лѣтъ прошло прежде, чѣмъ указаніе проги оправдалось. Въ 1508 году Окампо нашелъ западную оконечность Кубы и такимъ образомъ клятва Колумба сдѣлалась посмѣшищемъ.

1508 г.
Окампо и
Куба.

Въ 1517 году экспедиція, отправлявшаяся ловить невольниковъ, пройдя на западъ отъ Кубы, открыла берега Юкатана, а въ слѣдующемъ году (1518) началось дѣйствительное изслѣдованіе этой области, когда Хуанъ де-Грихальва, племянникъ губернатора Кубы, привелъ сюда экспедицію, которая изслѣдовала берегъ Юкатана и Мексики.

Когда Грихальва вернулся въ Кубу, въ 1518 году, то онъ нашелъ

EL CAPITAN JUAN
de GRIJALVA de
Cicellan.

Грихальва. (Изъ «Herrera» Барція).

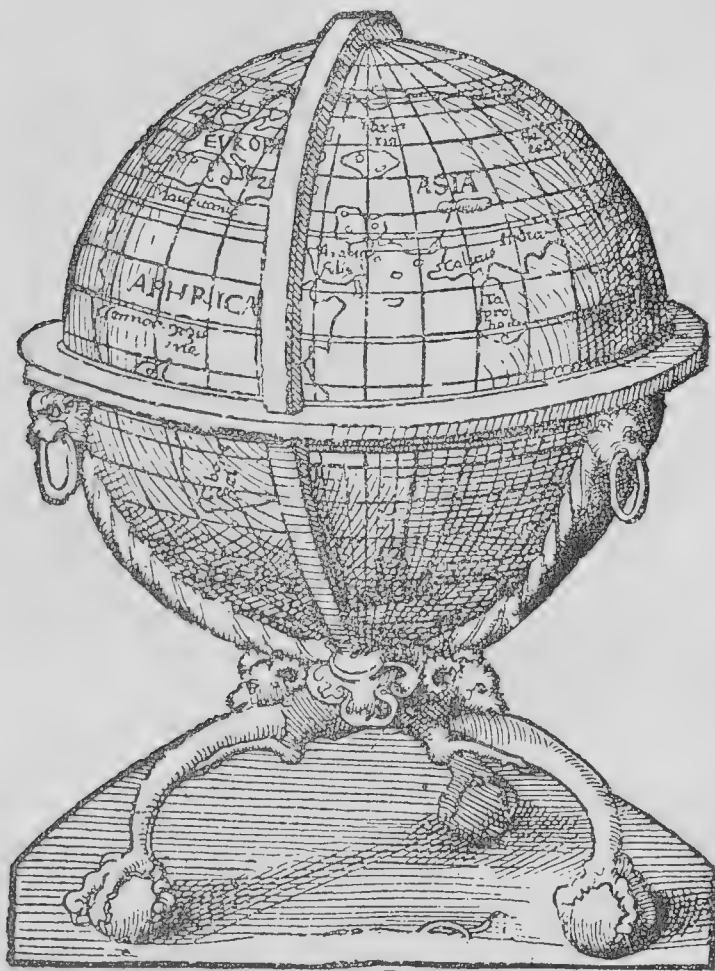
уже экспедицію, готовую идти по слѣдамъ его открытій; вести ее было поручено Гернандо Кортесу, — который находился въ Новомъ Свѣтѣ съ 1504 года, — съ приказаніемъ произвести дальнѣйшія разслѣдованія берега, но эта задача вскорѣ отодвинулась на задній планъ. Онъ ушелъ въ море 17 ноября и остановился у берега Кубы, чтобы заготовить провіантъ, такъ что только 18 февраля 1519 года онъ оставилъ позади себя берега Кубы и въ мартѣ обогнулъ берегъ Юкатана, направившись въ Санъ-Хуанъ де-Улоа. Вскорѣ послѣ того, забывъ свои инструкціи и

1518 г.
Кортесъ.

1519 г.

стремясь скорѣе къ захватамъ, чѣмъ къ изслѣдованіямъ, онъ углубился внутрь страны. Но такъ какъ исторія завоеванія Мексики не входитъ въ программу нашего труда, то мы оставляемъ ее въ сторонѣ.

Вскорѣ послѣ завоеванія Мексики появились запоздалые апостолы

Глобусъ, въ «Orusculum Geographicum» Шёнера, 1533 г.

убѣжденія Колумба, настойчиво утверждавшіе, что столица Монтезумы была на самомъ дѣлѣ Кинэа Марко Поло, съ ея огромнымъ коммерческимъ значеніемъ, какъ это доказывалъ Шёнеръ въ своемъ трудѣ «Orusculum Geographicum» 1533 года.

Мы видѣли, какимъ образомъ экспедиція Пинеды къ сѣвернымъ

частямъ Мексиканскаго залива въ 1519 году доставила объ этомъ берегѣ болѣе полныя свѣдѣнія и мы имѣемъ карту этихъ изслѣдованій, которая была послана въ Испанію, въ 1520 году, Гарэ, въ то время правителемъ Ямайки. Теперь стало совершенно ясно, что пустыя пространства на прежнихъ картахъ, заставлявшія предполагать существованіе гдѣ-нибудь западнаго пути въ сѣверо-западномъ углу залива, будутъ заполнены землею. Однако, увѣренность, что такой путь находился гдѣ-нибудь въ западныхъ очертаніяхъ залива, не сразу покинула умы изслѣдователей. Кортесъ, посылая въ Испанію свой набросокъ залива, изданный тамъ въ

Мексиканскій заливъ, 1520 г.

1524 году, дѣлалъ этотъ набросокъ въ надеждѣ, что такой проливъ находился близъ Юкатана и картографы стремительно ухватились за изображеніе этого полуострова въ видѣ острова съ проливомъ у его основанія. Такое отдѣленіе Юкатана отъ материка встрѣчается на картѣ Маюлло въ 1527 году, хранящейся въ Миланѣ, въ библиотекѣ Ambrosiana. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Грихальва, какъ мы видѣли, былъ посланъ для обхода вокругъ Юкатана; и хотя происхожденіе этого названія объясняется различно, но, повидимому, стремленіе придать этой области характеръ острова произошло изъ плохо понятаго индійскаго названія. Какъ бы то ни было, островъ Юкатанъ долго появлялся на прежнихъ картахъ.

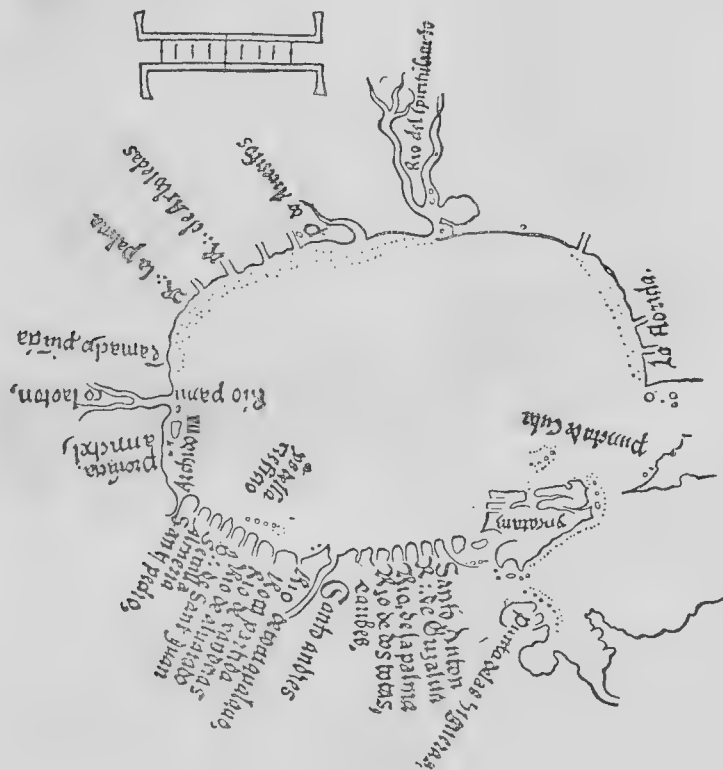
1524 г. Мексиканскій заливъ
Кортеса.

Юкатанъ
считается
островомъ.

Въ 1523 году Кортесъ отправилъ экспедицію на Тихій океанъ и одну экспедицію въ атлантическую сторону Сѣверной Америки на поиски за желаннымъ проходомъ; но труды экспедицій были напрасны.

Между тѣмъ португальцы продолжали подвигаться за предѣлами великаго Южнаго моря, открытаго Бальбоа. Объ этомъ движеніи испанцы не подозрѣвали, пока не столкнулись объѣзжая, соперничествовавшія за обладаніе океаномъ.

Соперничество
Испаніи
и Португаліи.

Мексиканскій заливъ, начерченный Кортесомъ

Португалія съ каждымъ годомъ расширяла свои завоеванія на африканскомъ берегу. Аравія, Индія, Малакка, Суматра — подпали подъ ея власть, а она все продолжала подвигаться на востокъ, пока, наконецъ, въ 1511 году, не достигла цѣли своихъ желаній — земли пряностей и благовоній, гвоздики и муската, т. е. Молуккскихъ острововъ. Испанія слѣдила завистливыми глазами за успѣхами Португаліи. Какъ знать, быть можетъ, проходя къ этимъ островамъ, Португалія перешла черезъ демаркаціонную

1511 г.
Молуккскіе
острова.

линію, которая вела къ антиподамъ. Если она это сдѣлала, то присвоила себѣ совершенно незамѣтнымъ образомъ территорію, прилегавшую къ американскимъ открытіямъ Испаніи. Это случилось очень просто, потому что испанскимъ мореплавателямъ еще не удалось найти проходъ черезъ встрѣтившуюся на пути преграду и они стали вообще

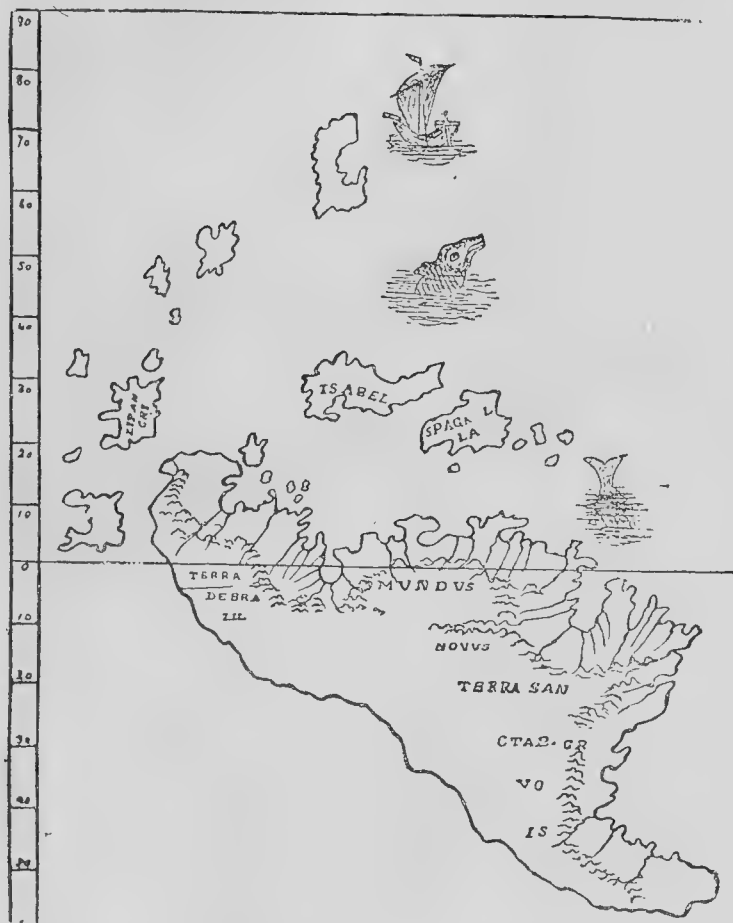

Карта Маюлло, 1527 г.

подозрѣвать, что это была промежуточная земля. Въ то время, какъ Колумбъ и всѣ мореплаватели, шедшіе по его слѣдамъ, не могли открыть такого прохода въ Карибскомъ морѣ, ничто не мѣшало искать его на югѣ. Это была единственная возможность оспаривать права португальцевъ, которыми они заручились благодаря своему утверждению на Молуккскихъ островахъ.

Западный
проходъ
ищутъ на
югѣ.

29 июня 1508 года, новая экспедиція вышла изъ Сантъ-Люкара подѣ начальствомъ Пинзона и Солиса. Они увидали землю у мыса Св. Августина и, пройдя къ югу вдоль побережья страны, получившей вообще названіе Бразиліи, перешли, сами того не зная, широкій рукавъ Ла-Платы и прошли еще на пять градусовъ далѣе (40° южной широты), не найдя искомаго прохода.

Чертежъ де-Косты съ глобуса Ленокса.

Есть основаніе предположить, что еще въ 1511 году португальцы до нѣкоторой степени ознакомились съ побережьемъ вокругъ Ріо де-Жанейро и до насъ дошелъ рассказъ о нѣкомъ Хуанѣ де-Браза, поселившемся неподалеку отъ этой замѣчательной бухты въ эту раннюю эпоху. Въ томъ же самомъ году

(1511) Фердинандъ Колумбъ приготовлялъ своего «Colon de Concordia» и доказывалъ въ ней теорію прохода, долженствовавшаго находиться гдѣ-нибудь за предѣлами южной области, до которой дошли изслѣдователи.

Фердинандъ
Колумбъ
и западный
проходъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (1516) испанскій король послалъ Хуана

Глобусъ Шенера, 1520 г.

Диаса де-Солиса снова отыскивать проходъ. Онъ нашелъ Ла-Плату и нѣкоторое время надѣялся, что открытъ иско-
мый проливъ. Магелланъ, который на службѣ у Португаліи получилъ
какую-то обиду, окончательно перешелъ къ испанскому королю и на
заявленіе, что Молуккскіе острова входятъ въ рядъ испан-
скихъ земель по условію демаркаціонной линіи, Магелланъ
подалъ мысль послать туда экспедицію для оккупации этихъ острововъ.

1516 г.
Солиса.

1519 г.
Магелланъ.

Онъ объявилъ, что можетъ до нихъ дойти черезъ проливъ, который найдетъ гдѣ нибудь къ югу отъ Ла-Платы. Долго ученые спорили о томъ, основывалъ-ли Магелланъ свое предвидѣнне просто исходя изъ того предположенія, что какъ Африка заканчивалась южнымъ мысомъ, такъ и Америка, по всей вѣроятности, должна была имѣть подобный же южный мысъ. Спорили также о томъ, были-ли у Магеллана дѣйствительно какія-либо свѣдѣнія, позволявшія ему вѣрить въ такой географическій фактъ. Возможно, что другіе изслѣдователи были не такъ тщательны въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ Солисъ, и приняли

Магелланъ.

широкій рукавъ Ла-Платы за дѣйствительный межокеанійскій проходъ. На такое пониманіе дѣла указываетъ одна старая карта, но, по общимъ понятіямъ картографовъ того времени, извѣстный берегъ мыса Фріо заканчивается близъ Ріо де-Жанейро, какъ это видно на картѣ Штоломей 1513 года. Рассказываютъ, по свидѣтельству Пигафетты, историка Магеллана, что послѣдній видѣлъ карту Мартина Бэгема, на которой былъ изображенъ южный мысъ; но если и была такая карта, то на ней, вѣроятно, была изображена только предполагаемая оконечность, какъ это показано на картѣ Леокса и на ста-

рѣйшихъ глобусахъ Шенера 1515 и 1520 годовъ. Визеръ и Норденшильдъ, однако, вовсе не вѣрятъ, чтобы какое-либо определенное свѣдѣніе о такомъ мысѣ не дошло благодаря частному путешествію съ торговыми цѣлями, о которомъ говорится въ «*Newe Zeitung*» и въ «*Luculentissima Descriptio*». Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ, къ сожалѣнію, долженъ остаться невыясненнымъ.

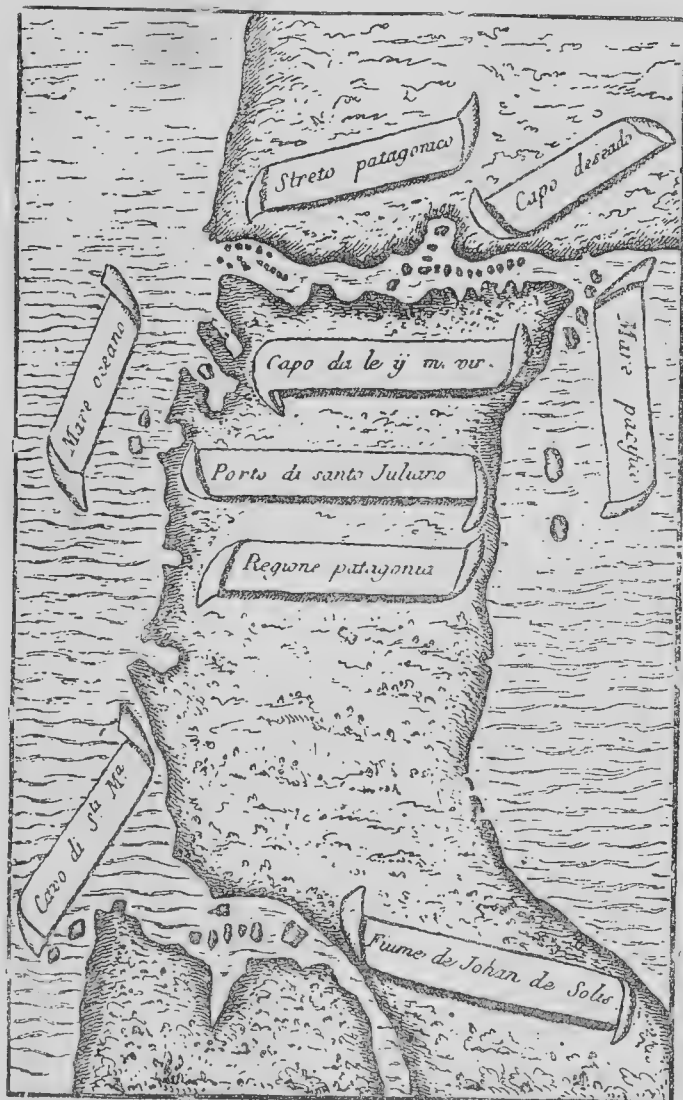
Флотъ Магеллана былъ готовъ въ августѣ 1519 года. За его приготовленіями Португалія слѣдила съ завистью и даже ходила молва, что если экспедиція отправится въ путь, то разстроится задуманный между Испаніей и Португаліей планъ сватовства. Португальскій посланникъ обратился къ Магеллану, прося его отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ оно должно повести къ раздору между двумя державами. Непокосимый мореплаватель остался при своемъ мнѣніи и испанскій король назначилъ его правителемъ всѣхъ областей и странъ, которыя онъ откроетъ «по ту сторону» Новаго Свѣта.

Въ концѣ 1519 года, Магелланъ присталъ къ берегу Ріо де-Жанейро; онъ остался здѣсь на нѣкоторое время и наслаждался плодами здѣшняго равномѣрнаго климата. Затѣмъ, выйдя оттуда, онъ перешелъ черезъ Ла-Плату и вскорѣ очутился въ болѣе холодномъ климатѣ, слѣдуя вдоль совершенно иного берега. Зелень, сопровождавшая теплыя теченія экваторіальнаго сѣвера, уступила мѣсто ледянымъ теченіямъ отъ полярныхъ областей, вслѣдствіе чего кругомъ все было бесплодно. И такъ, онъ шелъ впередъ вдоль этой непріютной области, отыскивая желанный проливъ. Онъ былъ такъ сильно увѣренъ въ успѣшности своихъ поисковъ, что приближался медленно къ южной оконечности материка. Суровая зима захватила его маленькія суда въ гавани близъ 50° южной широты и его матросы-испанцы, недовольные тѣмъ, что должны подчиняться португальцу, взбунтовались. Скоро число мятежниковъ стало больше числа покорныхъ дисциплинъ. Положеніе грозило гораздо большей опасностью, чѣмъ та, какую испытывалъ Колумбъ, но португалецъ обладалъ безстрашіемъ мужества и величіемъ полководца, которыхъ у генуэзца не было. Магелланъ далъ мятежникамъ такой смѣлый отпоръ, что они быстро смирились. Отнынѣ власть его на своихъ корабляхъ была безгранична. Судьба побѣжденных мятежниковъ, Хуана де-Картагены и Санчеа де-Ла-Ренны, брошенныхъ на негостепріимномъ берегу Патагоніи въ искупленіе ихъ преступленія, представляетъ рѣзкій контрастъ съ легкой побѣдой, которую Колумбъ слишкомъ часто предоставлялъ тѣмъ, кто возставалъ противъ его власти. Исторія Магеллана, направившаго свой флотъ къ югу и черезъ проливъ съ непріязненно настроеннымъ экипажемъ есть одно изъ царственно-мужественныхъ дѣяній этого вѣка открытій.

21 октября 1520 года, корабли Магеллана вошли въ желанный

проливъ, а 28 ноября они понеслись по новому морю; затѣмъ, направивъ свой курсъ почти на сѣверъ, держась берега, пока не былъ пройденъ архипелагъ Чилое, корабли пошли къ западу отъ Хуана Фернандеца, не подходя къ нему, и потомъ постепенно повернули курсъ на западъ.

Для нашей настоящей цѣли намъ нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшими событіями этого удивительнаго путешествія—какъ Ма-

Проливъ Магеллановъ, начерченный Пингафеттой.
(Сѣверъ находится внизу).

гелланъ дошелъ до Разбойничьихъ острововъ и до Азіатскихъ острововъ, какъ самъ онъ погибъ и всѣ его корабли, кромѣ одного, были брошены или погибли, какъ мысъ Доброй Надежды перешла «Викторія» и 6 сентября 1522 года, подъ командой Дель-Кано прибыла въ испанскую гавань, откуда отплылъ флотъ Магеллана. Императоръ даровалъ этимъ счастливымъ первымъ кругосвѣтнымъ мореплавателямъ гордый девизъ, написанный на глобусѣ: «Primus circumdedisti me». Такимъ образомъ открылся запад-
Западный
путь
открытъ.

Южное море Бальбоа, какъ только Магелланъ доказалъ, что оно простирается далѣе на югъ, было названо экипажемъ Магеллана Тихимъ океаномъ, хотя названіе, данное ему Бальбоа, довольно долго употреблялось для обозначенія той части Тихаго
Тихій океанъ.

Проводъ Магеллановъ.

океана, которая прилегаетъ къ водамъ, окружающимъ перешеекъ и близлежащія земли.

Очень долго уже послѣ того, когда стало извѣстно, что Южная Америка представляетъ цѣлое отдѣльное отъ Азіи, какъ
Сѣверная Америка и Азія
считаются за
одно цѣлое.
 это доказалъ Магелланъ, продолжало существовать мнѣніе, что Сѣверная Америка и Азія сливаются въ одинъ материкъ. Никто не думаетъ, чтобы у Колумба было предвѣдѣніе позднѣйшаго разъясненія этихъ вопросовъ, но Варнгагенъ приписываетъ такую идею Веспуччи; однако, для насъ нисколько не ясно изъ цитируемыхъ Варнгагеномъ мѣстъ, чтобы Веспуччи считалъ континентъ Америки болѣе раздѣльнымъ отъ Азіи, чѣмъ Колумбъ, когда масса воды, которая неслась изъ Ориноко, убѣдила адмирала, что онъ огибаетъ материкъ, а не островъ. Колумбъ думалъ, что тутъ именно находится библейскій рай. Это доказываетъ, что новый материкъ мало чѣмъ отличался отъ Азіи по своему характеру. Новый Свѣтъ Веспуччи едва ли былъ въ его представленіи болѣе, чѣмъ новой частью Азіи.

Въ 1525 году Лойаза былъ посланъ произвести дальнѣйшее изслѣдованіе Магелланова пролива. Въ это время одинъ изъ его кораблей подъ командою Франциска де-Гоцесъ былъ отнесенъ къ югу въ февралѣ 1526 года и де-Гоцесъ открылъ мысъ Горнъ; открытіе это вполне подтвердило островной характеръ Огненной Земли. Фактъ этотъ держали въ строгомъ секретѣ и картографы вообще не знали объ этомъ конечномъ мысѣ, пока Дрэкъ не увидалъ его, пятьдесятъ два года спустя. Только въ 1615—1617 годахъ Шоутенъ и Лемеръ основательно выяснили восточныя границы Огненной Земли, открывъ проливъ между этимъ островомъ и островомъ Штатенъ. Въ тотъ же промежутокъ времени Шоутенъ обогнулъ впервые мысъ Горнъ. Въ 1618—1619 годахъ наблюденія Нодаля впервые дали восточный изгибъ южной оконечности материка.

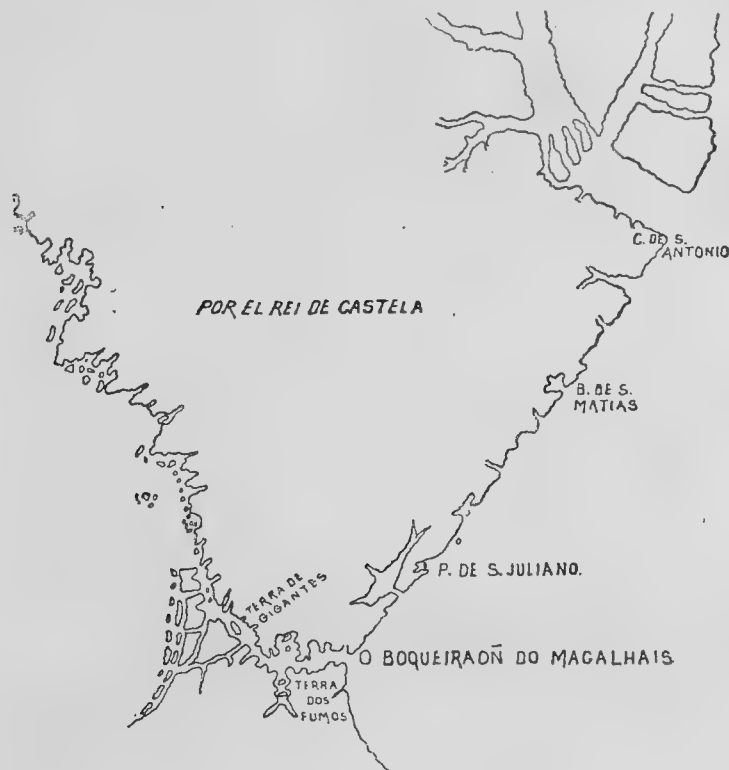
Послѣднее протяженіе континентальнаго берега Южной Америки, которое слѣдовало найти, находилось со стороны Тихаго океана отъ того мѣста, гдѣ Магелланъ повернулъ назадъ къ границамъ Перу, какъ онъ былъ нанесенъ на карту Пизарро и его товарищами. Эта береговая линія уяснилась около 1535 года; но только черезъ нѣсколько лѣтъ на картахъ стали изображать ее детально. Окончательно ее опредѣлилъ Камарго въ свое путешествіе 1540 года. Впервые она была довольно точно нанесена на карту Хуаномъ Фрейре въ 1546 году, а впослѣдствіи дополнена изслѣдованіями съ сѣвера. Но эта приблизительная точность въ 1569 г. дала начало выдающемуся углу побережья Чили, какъ его изобразилъ Меркаторъ; въ этомъ видѣ его изображали на картахъ вплоть до слѣдующаго столѣтія.

Теперь мы должны посмотрѣть, какое вліяніе оказали открытія путешественниковъ на картографовъ и географовъ Европы.

Бернардусъ Сильванусъ Эблензисъ въ новомъ изданіи Птолемея, вышедшемъ въ Венеціи, въ 1511 году, обратилъ большое вниманіе на измѣненія, которыя были необходимы для того, чтобы описанія Птолемея соотвѣтствовали позднѣйшимъ изслѣдованіямъ Стараго Свѣта; но съ меньшимъ вниманіемъ онъ отнесся къ самымъ важнымъ открытіямъ Новаго Свѣта. По мнѣнію Норденшильда, это направленіе Сильвануса доказываетъ, какъ ничтожно было въ Венеціи впечатлѣніе, произведенное открытіями Колумба и Да-Гамы. Карты въ этомъ изданіи Птолемея рѣзаны на деревѣ, съ шрифтомъ для названій, напечатанныхъ красной краской.

Карта Сильвануса есть вторая гравированная карта; на которой показаны новыя открытія, и самая ранняя изъ сердцеобразныхъ проекцій. Въ «Regalis Domus» впервые указывается на путешествіе Кортереала, въ печатной картѣ. Сильванусъ, по примѣру Рюйша, относитъ Гренландію къ Азіи. На изображенія картъ въ видѣ

«двусторонниковъ», относящихся къ тому же времени, обратилъ вниманіе ученыхъ Норденшильдъ; онъ думаетъ, что эти «дву-
сторонники» были изготовлены въ Нингольштадтѣ. Они глав-
нымъ образомъ согласуются съ картою Сильвануса и обѣ
эти карты, въ отношеніи западнаго міра, какъ и глобусъ Шёнера
1515 года, повидимому, составлены по однимъ и тѣмъ же даннымъ.

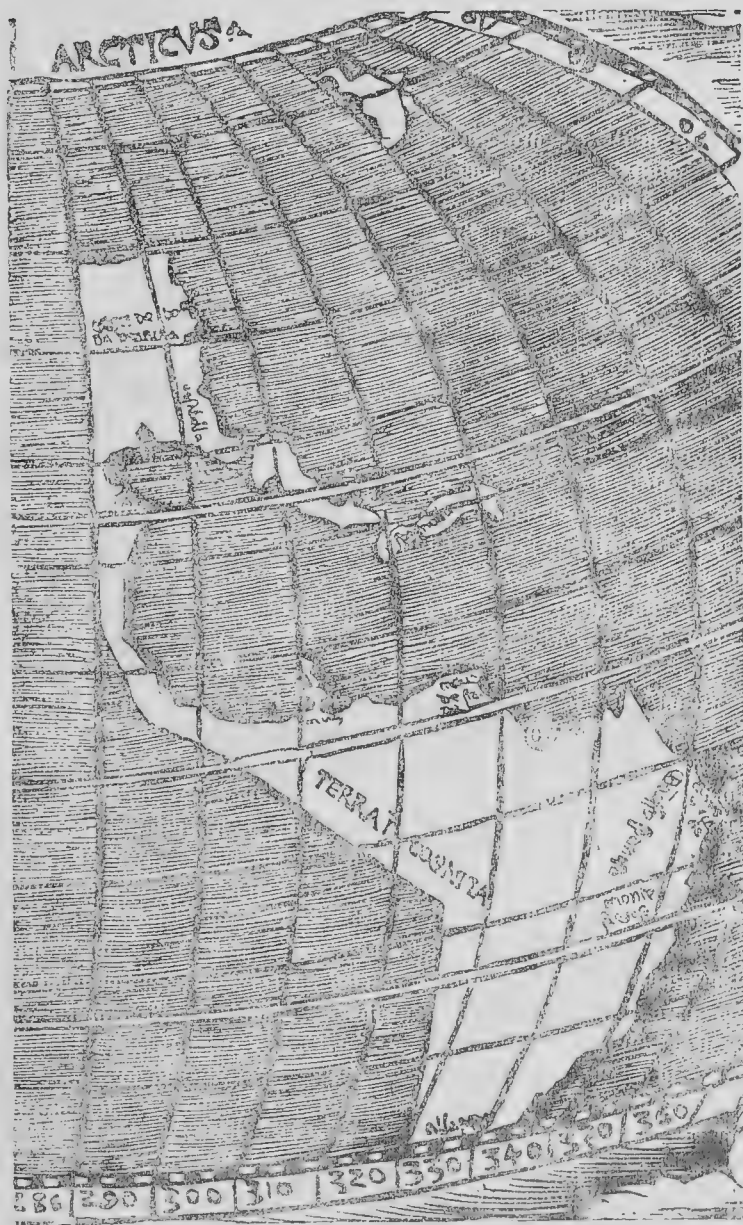
FREIRE'S MAP, 1546.

Карта Фрейре, 1546 г.

Въ 1512 году мы встрѣчаемъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ старинныхъ картъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать найти такую карту: она была изготовлена Стоб-
ничемъ для введенія къ Птолемею, изданному въ этомъ
году въ Краковѣ, въ Польшѣ. Картографъ этотъ первый ввелъ
въ плоское изображеніе земного шара наглядное раздѣленіе его
поверхности на восточное и западное полушарія. Карта его,
рѣдко попадаетъ въ книжки, къ которой она относится. Нор-
деншильдъ говоритъ, что онъ разсматривалъ нѣсколько экзем-
пляровъ этой книги въ библіотекахъ Скандинавіи, Россіи и

1512 г.
Карта
Стобничи.

что карта была исключена изъ большей части изданій Птолемея вслѣдствіе ея грубости или «вслѣдствіе того, что она противорѣчитъ старымъ доктринамъ церкви». Значеніе этой карты въ развитіи идей отно-

Карта Стобницки.

сительно новыхъ открытій въ западномъ полушаріи, однако же, очень велико, такъ какъ впервые она даетъ изображеніе сѣвернаго и южнаго материка, соединеннаго посредствомъ перешейка, и на ней представлено то, чего еще никогда не изображалось на гравированной картѣ, — западное полушаріе какъ цѣлое. Это замѣчательно еще и потому, что карта эта была издана за годъ до того, какъ Бальбоа открылъ Тихій океанъ.

Не трудно увидѣть изъ объясненія Норденшильда, что на картѣ Стобничи воды земного шара раздѣлены на два почти равныхъ океана «сообщающихся между собою только на крайнемъ югѣ и на крайнемъ сѣверѣ», но на югѣ это безошибочное сообщеніе совершается посредствомъ мыса Доброй Надежды. Контуръ Южной Америки не доведенъ до конца и перерывается рамкой съ дѣлениями; вслѣдствіе той же рамки на картѣ не видно соединенія между Тихимъ и Индійскимъ океанами; по тѣмъ же причинамъ соединеніе не всегда ясно показано на сѣверѣ. Составитель этой карты, по всей вѣроятности, имѣлъ подъ рукой необходимыя свѣдѣнія, слѣды которыхъ въ настоящее время утрачены, или же кистью его руководилъ духъ предвидѣнія, такъ что получилось нѣсколько странное, хотя и нестройное соотвѣтствіе дѣйствительному факту. Это сильно замѣтно въ прямыхъ гадательныхъ линіяхъ на западномъ берегу Южной Америки, которыя отражаютъ открытія, послѣдовавшія за экспедиціей Бальбоа и путешествіемъ Магеллана.

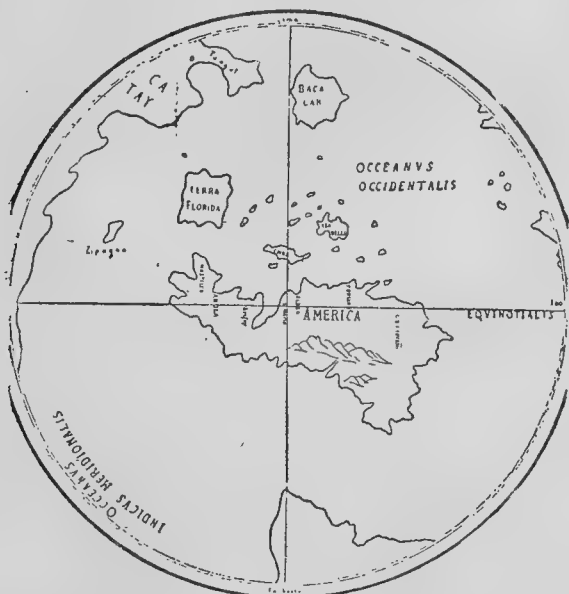
Если, повидимому, Стобнича не рѣшился закончить южную окочечность Южной Америки мысомъ, то мы не видимъ такой нерѣшительности у составителей двухъ глобусовъ, которые относятся приблизительно къ тому же времени, — маленькій мѣдный шаръ, найденный архитекторомъ Ричардомъ Гунтомъ, въ лавкѣ старьевщика, въ Парижѣ, и нынѣ находящійся въ книжномъ магазинѣ Ленокса, въ Нью-Йоркѣ, и грубый эскизъ, представляющій полушаріа, раздѣленнаго на четыре части по экваторіальной линіи, сохраняющійся въ кабинетѣ королевы Викторіи, въ Виндзорѣ, между бумагами Леонардо да-Винчи. Небольшой рисунокъ этотъ особенно интересенъ, во первыхъ, потому, что связанъ съ такимъ великимъ именемъ, какъ имя Да-Винчи, и во вторыхъ потому, что на немъ, быть можетъ, впервые обозначенъ материкъ Южной Америки словомъ «Америка». Маіоръ увѣрялъ, что этотъ чертежъ сдѣланъ самимъ Да-Винчи, но Норденшильдъ сомнѣвается въ этомъ. Этотъ шведскій географъ скорѣе склоненъ предположить, что это работа малосвѣдущаго копировальщика, работавшаго съ какого-нибудь португальскаго образца.

Заслуживаетъ вниманія, что въ тотъ же годъ, какъ Бальбоа открылъ Южное море, въ изданіи Итоломея появилась карта, получившая большое распространеніе; она гравировалась уже въ 1507 году, но на ней сохранилась смежность Антильскихъ острововъ съ

областью Ганга и его тремя устьями. Это была хорошо известная «карта адмирала», обыкновенно связанная съ именемъ Вальдсемиуллера; если тотъ же самый картографъ, — какъ полагаетъ Францъ Визеръ, — ответственъ за карту, помѣщенную въ «Margarita philosophica» Рейша (1515 г.), нѣчто въ родѣ энциклопедіи, то онъ уже успѣлъ освоиться съ важнымъ значеніемъ открытія Бальбоа, такъ какъ тутъ Гангъ уже исчезъ, а Чипанго лежитъ въ океанѣ за пре-

1507—18 г.
Карта
адмирала.

1515 г.
Карта Рейша.

Чертежъ, приписываемый Леонардо да-Винчи.

дѣлами континентальной «Zoana Mela» (Америка), которая имѣетъ неопредѣленную западную границу, какая была уже очерчена въ картѣ Стобини 1512 года.

Рингманъ, придумавшій названіе Америки, корректировалъ латинскій переводъ Птолемея, изданный въ 1513 году, въ Страсбургѣ, и сдѣланный Ангелусомъ съ греческаго манускрипта. Норденшильдъ называетъ это изданіе первымъ новѣйшимъ атласомъ міра, который увеличенъ такимъ образомъ, чтобы представить въ двухъ картахъ, — въ известной «картѣ адмирала» и въ другой картѣ Африки, — результаты открытій Колумба и Да-Гамы. Эта «карта адмирала», которая такъ часто соединяется съ именемъ Колумба, едва-ли есть точное выраженіе географическихъ познаній Колумба; скорѣе это воплощеніе открытій многихъ лицъ, какъ на то, дѣйствительно, указываетъ ея описаніе; другая же американская карта, приложенная къ Птолемею, очевидно, португальскаго, а не испанскаго проис-

Первый
новѣйшій
атласъ.

хождения, — къ такому заключенію насъ приводитъ пространное очертаніе берега, къ которому относятся описанія Веспуччи. Съ другой стороны, изъ Колумбовыхъ открытій указаны только острова Эспаньолы да Куба. Обѣ эти карты даются нами въ этомъ «Приложеніи».

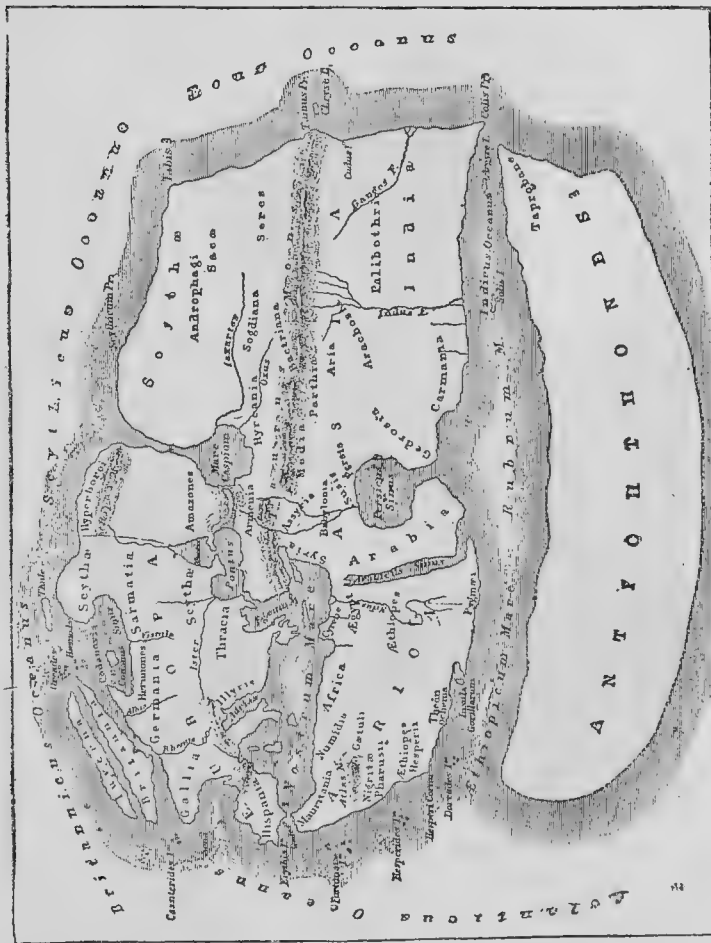

Рейшъ, 1515 г.

Мы, разумѣется, не можемъ ожидать найти на этихъ картахъ Птолемея 1513 года результаты открытія Балбоа у перешейка; но что эти карты послужили и для изданія 1520 года, это доказывается тѣмъ, что открытіе Южнаго моря ничуть не поколебало общераспространеннаго мнѣнія относительно соединенія

Соединеніе
Азии съ
Сѣверной
Америкой.

Азіи съ сѣверными и южными областями Антильскихъ острововъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ многія карты свидѣтельствуютъ о неизмѣнности такого убѣжденія. Португальскія «portolano» 1516 — 1520 годовъ, въ королевской библіотекѣ, въ Мюнхенѣ, изображаютъ мусульманскіе флаги на берегахъ Венецуэлы и Никарагвы. На картѣ открытіи Айллона вдоль атлантическаго берега въ 1520 г., которая

Міръ Помпонія Мелы.
(Изъ „Ancient Geography“ Венбери).

сохраняется въ Британскомъ музеѣ, нарисованы на пустыхъ пространствахъ континента китаецъ и слонъ. Однако же, мнѣнія географовъ раздѣлились и независимость континентальныхъ массъ Стобничи скоро пріобрѣла своихъ защитниковъ.

Въ эту же эпоху въ Вѣнѣ образовался кружокъ географовъ, занимавшихся изданіемъ запово древнихъ трудовъ по космографіи и приводившихъ ихъ въ согласіе съ резуль-

Географы въ
Вѣнѣ.

татами новыхъ открытій. Двое изъ этихъ древнихъ писателей, обратившихъ на себя вниманіе, были: Помпоній Мела, котораго «Cosmographia» написана въ первомъ вѣкѣ, и Солинусъ, котораго «Polyhistor» относится къ третьему вѣку.

Помпоній
Мела.

IOACHIMVS VADIANVS MEDICUS; & Poëta.

*Phœbicultor eram: medica studiosus & artis,
Ac melice: Galli Consul in vrbe vr*

M. D. LI.

Вадіанусъ.

Пересмотръ и изданіе труда Мелы взялъ на себя Іоаннъ Камерсъ, выпустившій въ свѣтъ этотъ трудъ подъ заглавіемъ «De Situ Orbis», въ Вѣнѣ, въ 1512 году, изъ книгопечатни Сингрейна; въ 1518 году книга эта вышла вторымъ изданіемъ, подъ руководствомъ Іоакима Ватта, болѣе извѣстнаго подѣ

Солинусъ.

латинскимъ именемъ Вадіануса, уроженца Швейцаріи и одного изъ первыхъ популяризаторовъ названія «Америки». Въ то же время, при новыхъ условіяхъ, появился Солинусъ, подъ редакціей Камерса, учителя Ватта. Черезъ два года (1520) оба эти древніе авторы получили распространеніе и были выпущены вмѣстѣ, съ приложеніемъ къ ихъ трудамъ карты Апіануса—такъ передѣлалъ на классическій манеръ свое имя Германъ Би-

Вадіанусъ.

1520 г.
Апіанусъ.

Апіанусъ. (Изъ «Icones» Рейснера).

невицъ — въ ней названіе «Америка» распространено также и на южный континентъ Новаго Свѣта.

Въ этой картѣ Апіанусъ въ 1520 году скомбинировалъ тѣ взгляды на западное полушаріе, какіе нѣсколько лѣтъ раньше нашли себѣ сторонниковъ въ новой школѣ картографовъ. Эти ученые воспроизводили сѣверный и южный континенты какъ независимыя части суши, разъединенныя между собою у перешейка, гдѣ Колумбъ надѣялся найти проливъ. Это

Проливъ у
Панамскаго
перешейка.

показано на самомъ первомъ глобусѣ Шёнера, котораго три экземпляра дошли до насъ, — одинъ во Франкфуртѣ, а два въ Веймарѣ.

1515 г. Шенеръ. Въ «*Luculentissima Descriptio*», которое служило разъясненіемъ къ этому глобусу Шёнера 1515 года, мы находимъ уже переданный нами рассказъ, относящійся, по мнѣнію Визера, къ болѣе раннему путешествію Магеллана къ южному проливу, отдѣлявшему «Америку» Веспуччи отъ того великаго Антарктическаго континента, который исчезъ совершенно съ нашихъ картъ только послѣ путешествія Кука.

Антаркти-
ческій
континентъ.

Вотъ поразительный примѣръ той небрежности современнаго наблюденія, съ какой часто приходится имѣть дѣло изучающему эту раннюю картографію, — въ своей популярной энциклопедіи «*Margarita Philosophica*», изданной впервые въ 1503 году, Рейшъ ни малѣйшимъ намекомъ не упомянулъ объ открытіяхъ Колумба; въ 1515 году онъ почти ничего не измѣнилъ, такъ какъ не зналъ

1515 г. Рейшъ.

объ открытіяхъ Бальбоа, и воспроизвелъ въ главныхъ чертахъ такъ называемую «карту адмирала» изъ Птолемея 1513 года. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что Рейшъ въ этой

Бразилія.

перепечатанной картѣ 1515 года, первый изъ картографовъ далъ въ словѣ «*Prisilia*», относящемся къ побережью Веспуччи, прототипъ современной Бразиліи. Пусть читатель вспомнитъ, что Кабраль принялъ эту область за островъ и назвалъ ее островъ Св. Креста. Перемѣна названія заставила одного набожнаго протугальца вообразить, что по наущенію діавола воспоминаніе о святомъ и священномъ древѣ великаго мученика было замѣнено названіемъ дерева, обыкновенно употребляемаго для окрашиванія сукна въ красный цвѣтъ!

Въ 1519 году въ «*Suma de geographia*» Фернандеса д'Энцисо, — трудъ напечатанномъ позднѣе въ Севильѣ, въ 1530 году, — изложены практическіе совѣты одного изъ товарищей Охеды въ 1509 году. Эта маленькая книжка in-folio, — нынѣ весьма рѣдкая, — представляетъ интересъ, такъ какъ въ ней впервые представлены для пракческаго употребленія нѣсколько новыхъ теорій мореплаванія, которыя выработались благодаря продолжительнымъ путешествіямъ. Она интересна также тѣмъ, что это самая первая книга испанскаго печатнаго станка, обратившая вниманіе на новыя владѣнія Испаніи.

Мы снова встрѣчаемъ такое же нерасположеніе держаться направленія открытій, — что такъ сильно запутываетъ позднѣйшихъ ученыхъ, — въ новомъ изданіи Птолемея 1522 года, въ которомъ находится

1522 г.

Фризійскъ.

хорошо извѣстная карта Лауренціуса Фризійска. Норденшильдъ, разсматривая эту карту въ своемъ «*Facsimile Atlas*», говоритъ о ней слѣдующее: это «оригинальный трудъ, но ниже всякой критики, какъ съ географической точки зрѣнія, такъ и въ ксилографическомъ отношеніи». Въ самомъ дѣлѣ, въ картахъ

этого изданія не видно никакихъ свѣдѣній относительно прогресса географическихъ знаній за послѣдніе годы. Кромѣ того, для изображенія восточныхъ береговъ Азіи составитель карты вернулся къ объясненію Бэгема Пидіи временъ Марко Поло. Издатель, Тома Анкупариусъ, кажется, никогда не слыхалъ о Колумбѣ, по крайней мѣрѣ, онъ забываетъ даже упомянуть о немъ и приписываетъ открытіе Нового Свѣта Веспуччи. Карты, скопированныя по большей части съ картъ изданія 1513 г., были повторены въ изданіяхъ 1525, 1535 и 1541 годовъ безъ измѣненія и съ тѣхъ же самыхъ клише.

Шенеръ.

Результаты экспедиціи Магеллана и Дель-Кано быстро получили болѣе точную извѣстность, чѣмъ это вообще бываетъ съ подобными океанійскими открытіями. Команда, прибывшая въ Испанію на «Викторіи», тотчасъ же явилась въ Вальядолидъ съ донесеніемъ къ императору; воспитаникъ и секретарь Петера Мартира, находившійся въ то время при Дворѣ, по имени Максимиліанъ Трансильванусъ, узнавъ отъ людей Магеллана подробности ихъ открытій, изложилъ ихъ по латынѣ, въ письмѣ къ своему отцу, зальцбургскому архіепископу, — юноша этотъ былъ незаконно-

1522 г.
Описаніе
открытій
Магеллана.

рожденный сынъ названнаго прелата, — а въ 1523 году разскажъ этотъ былъ напечатанъ въ Кёльнѣ и Римѣ.

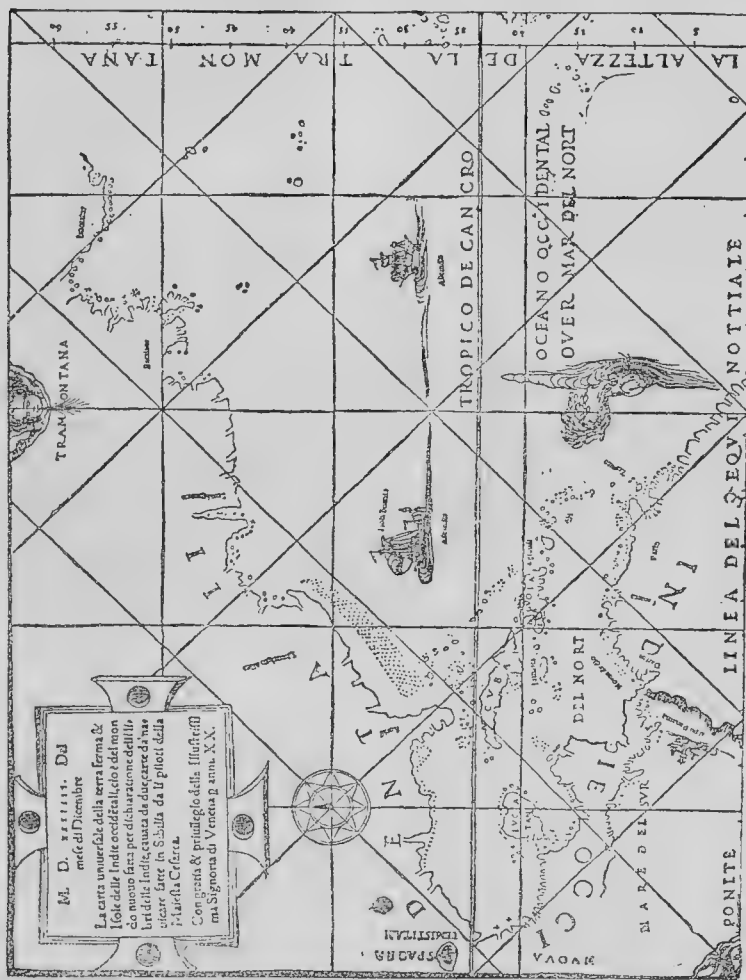
Шёнеръ напечаталъ въ 1523 году маленькую брошюрку «De
1523 г. *pure... repertis insulis ac regionibus* въ по-
Шенеръ. ясненіе къ построенному имъ въ это время глобусу. Бро-
 шюрка эта была издана въ Тимирипэ, какъ значится на заголовкѣ
 ея. Кутъ доказалъ, что это есть греческая передѣлка названія дере-
 вушки близъ Бамберга, гдѣ въ это время Шёнеръ былъ приходскимъ
 викаріемъ. Людвигъ Розенталь открылъ въ Мюнхенѣ, въ
«Двусторон-
ники»
Розенталя. 1885 г., новый рядъ гравированныхъ «двусторонниковъ»; по
 мнѣнію Визера, напечатавшему въ 1888 году отчетъ о нихъ,
 это и есть затерянный глобусъ Шёнера. Стевенсъ въ посмертной своей
 книгѣ о «Johann Schöner» высказалъ такое же мнѣніе. Издатель
 Стевенса, К. Г. Кутъ, призналъ вѣрность этого воззрѣнія. Однако,
 мнѣніе это раздѣляется не всеми и Норденшильдъ полагаетъ, что
 «двусторонники» Розенталя не имѣютъ ничего общаго съ затеряннымъ
 глобусомъ Шёнера, относя ихъ къ болѣе позднему времени, такъ какъ
 эти «двусторонники» напечатаны въ Нюрнбергѣ, въ 1540 году.

Экспедиція Магеллана вновь возбудила полемику между Испаніей
Политическое
значеніе
экспедиціи
Магеллана. и Португаліей, приостановленную, но не прекращенную
 трактатомъ въ Тордесильясѣ. Эстебанъ Гомецъ, мятежный
 капитанъ изъ флота Магеллана, дезертировавшій какъ
Гомецъ. разъ въ тотъ моментъ, когда Магелланъ входилъ въ про-
 ливъ, прибылъ въ Испанію 6-го мая 1521 года, и по своему пред-
 ставилъ безуміе предпріятія Магеллана.

27-го марта 1523 года, Гомецъ получилъ отъ императора концес-
 сію отправиться на небольшомъ вооруженномъ суднѣ въ крейсеровку
 на годъ, на сѣверо-западъ, для дальнѣйшаго изслѣдованія пролива,
 но ему запрещалось нарушать владѣнія португальцевъ. Такъ какъ не-
 согласія между Португаліей и Испаніей обострились, то экспедиція
 Гомеца была отложена на нѣкоторое время.

Гомара разсказываетъ, что, по мнѣнію его современниковъ, испанцы
Споръ
по поводу
Молуккскихъ
острововъ. приобрѣли право на Молуккскіе острова по договору въ
 Тордесильясѣ, уступивъ требованіямъ португальцевъ: Пор-
 тугалія, приобрѣтая Бразилію и Ньюфаундлендъ, потеряла
 свои права въ Азіи и прилежащихъ къ ней областяхъ. Португаль-
 скій историкъ, Озоріусъ, смотрѣлъ на это дѣло съ другой точки зрѣ-
 нія; онъ считалъ за своей страной право на приобретенія въ Аме-
 рикѣ, но отрицалъ права испанцевъ у антиподовъ. Такимъ образомъ
 долгота Молуккскихъ острововъ явилась предметомъ сильной полити-
 ческой распри, которую пытались прекратить въ 1524 году на кон-
Конгрессъ
въ Бадажосъ. грессѣ обѣихъ націй, поочередно происходившемъ въ Ба-
 дажосѣ и Эльвасѣ, построенномъ на противоположныхъ
 сторонахъ Байи—рѣки, составляющей границу между обоими государ-
 ствами. Декретомъ отъ 19-го февраля 1524 года, Фердинандъ Ко-

ные Штаты, въ надеждѣ открыть западный путь. Объ этомъ путешествіи, — которое впервые упоминается у Овiedo въ его «Sumario» 1526 года, — и о безуспѣшности его главной цѣли уже достаточно говорилось выше, въ этомъ «Приложеніи».

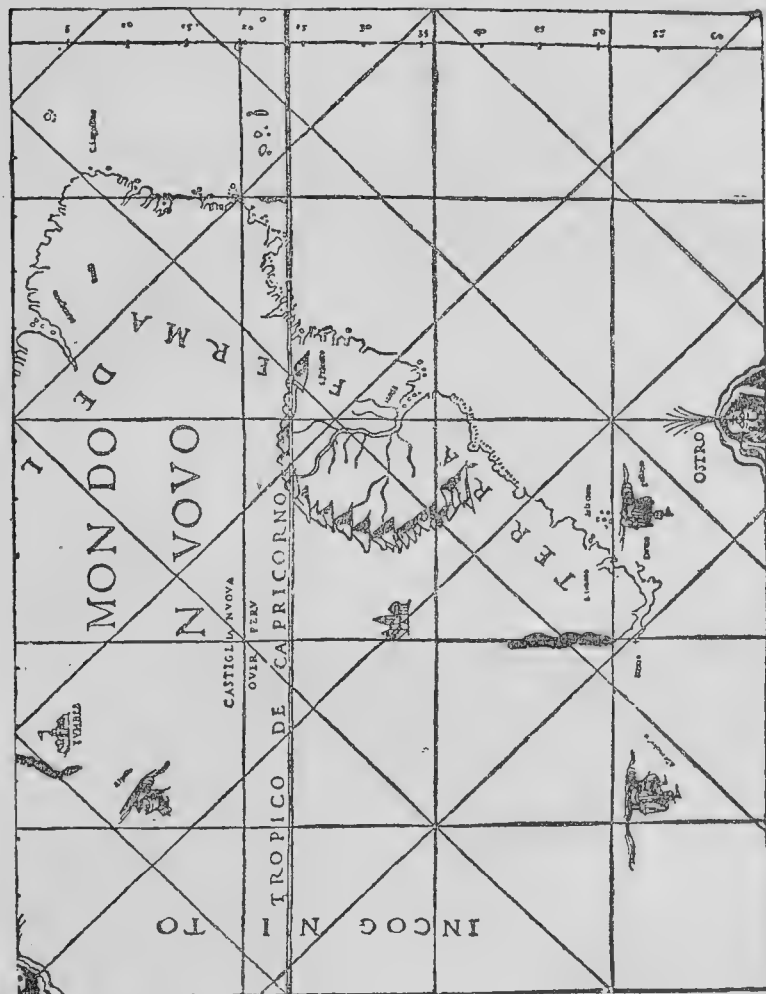

Карта Мартира-Овiedo, 1534 г.

Гарриссъ полагаетъ, что результаты этого путешествія были нанесены на самую первую отпечатанную карту Испаніи; мы указали линии широты и долготы этой карты, — она находится въ соединенномъ изданіи Мартира и Овiedo (1534 г.) и нынѣ извѣстенъ только одинъ ея экземпляръ у Ленокса.

О намѣреніи, принятомъ испанскимъ правительствомъ послѣ Бада-

хосекаго конгресса, проникнуть на береговую линію Атлантическаго океана и найти проходъ въ западное море, было сообщено Кортесу, находившемуся тогда въ Мексикѣ, немного ранѣ его четвертаго письма отъ 15 октября 1524 года. Извѣстія эти пришли къ нему въ то время, когда онъ убѣдился въ необходимости устроить портъ на ве-

Карта Мартира-Овиедо, 1534 г.

ликомъ западномъ морѣ и избралъ Цукатуду для стоянки флота, который онъ задумалъ строить.

Другіе проекты замедлили подготовленія и только 3 сентября 1526 года Кортесъ далъ знать императору о своей готовности послать свои корабли къ Молуккскимъ островамъ. Вслѣдъ за небольшою

Карта Верацано.

пробной экскурсіей вдоль берега, вверхъ отъ Цукатулы, были, наконецъ, отправлены три корабля, въ октябрѣ 1527 года, въ роковую экспедицію къ этимъ островамъ, чтобы воспрепятствовать притязаніямъ португальцевъ. Тѣмъ временемъ Карлу V очень понадобились деньги для его проектовъ въ Италіи и вотъ онъ вызвалъ Фердинанда Колумба ко Двору, чтобы посоветоваться съ нимъ насчетъ продажи Португаліи своихъ правъ на Молуккскіе острова. Фердинандъ составилъ по этому предмету докладъ, не дошедшій до насъ, но рѣшеніе продать было принято и 20 іюня 1530 года, португальскій король сговорился о цѣнѣ. Такимъ образомъ, Молуккскіе острова,

1526 г.
Кортесъ
посылаетъ
корабли къ
Молуккскимъ
островамъ.

Молуккскіе
острова
проданы
Португаліи

Агнеше, 1536 г.

такъ долго составлявшіе завѣтную цѣль испанскаго честолюбія, отошли въ сторону въ связи съ открытіемъ Америки.

Есть нѣкоторое основаніе предположить, если не убѣдиться, что португальцы ранѣе этого событія прошли на востокъ черезъ Тихій океанъ и даже коснулись западной границы того континента, который отдѣлялъ ихъ отъ испанскихъ изслѣдователей со стороны Атлантическаго океана.

Теперь мы приблизились къ дальнѣйшимъ открытіямъ на восточномъ побережьи Сѣверной Америки. Нѣкій французскій корсаръ, извѣстный подъ именемъ Хуана Флорина, такъ какъ онъ былъ родомъ флорентинецъ, сталъ грозою испанской торговли и Индіи своими постоянными грабежами. Въ январѣ 1524 года, ему представился случай, подъ именемъ Веррацано, побывать въ экспедиціи, которая доставила ему извѣст-

Восточное
побережье
Сѣверной
Америки.

Веррацано.

ность и послужила предметомъ споровъ, отрицавшихъ самый фактъ этого путешествія. Онъ побывалъ на берегу Сѣверной Каролины, повернулъ курсъ на югъ, но, не найдя гавани, вернулся на обратный путь и, нѣсколько разъ высадившись далѣе къ сѣверу, вошелъ, какъ видно изъ его описанія, въ гавань Нью-Йорка. Единственный названный имъ пунктъ—треугольный островъ, который онъ увидѣлъ, подвигаясь все далѣе къ востоку; повидимому, это былъ Блокъ-айландъ или, можетъ быть, Виноградникъ Марты. Во всякомъ случаѣ, имя Луизы, которое онъ далъ этому острову въ честь матери Франциска I, сохранялось довольно долго на картахъ за однимъ изъ сосѣднихъ острововъ. Такимъ образомъ онъ продолжалъ свой путь и, если только его высадки опредѣлены вѣрно, онъ присталъ къ Ньюпорту, затѣмъ неподалеку отъ Портсмута въ Нью-Гэмпширѣ, а затѣмъ, обогнувъ острова Мэнскаго побережья, достигъ области, въ которой онъ нашелъ тутъ слѣды пребыванія бретонцевъ. Тутъ онъ закончилъ изслѣдованіе неизвѣстной земли на протяженіи семисотъ лигъ, а затѣмъ поплылъ назадъ во Францію, достигъ въ іюль Діенна, откуда 9-го числа написалъ письмо къ королю; изъ этого-то письма мы и заимствуемъ наши свѣдѣнія. Нѣкоторые авторы, въ особенности же покойный Генри К. Мёрфи, пытались доказать поддѣльность этого письма, но, по мнѣнію большинства ученыхъ, попытка ихъ была безуспѣшна.

Къ счастью для ученыхъ, Иеронимо да-Веррацано составилъ въ 1529 году карту, которая еще и теперь хранится въ коллегіи Пропаганды въ Римѣ; на эту карту нанесены открытія его брата, Джіованни. Здѣсь названіе «Nova Gallia», замѣняетъ названіе «Франческа», употребленное на картѣ Маіолло (1527 г.), которая, какъ полагаютъ, имѣла также нѣкоторое отношеніе къ путешествію Веррацано.

Самыя выдающіяся черты карты Веррацано—огромная масса внутреннихъ водъ, которую принимали за часть западнаго океана и которая оставалась въ той или другой формѣ на картахъ въ теченіе долгаго времени.

Воды эти такъ близко подходили къ Атлантическому океану, что въ одномъ пунктѣ находился только узкій перешеекъ, соединявшій сѣверныя открытія съ областью Понса де-Леонъ и Айллора на югѣ.

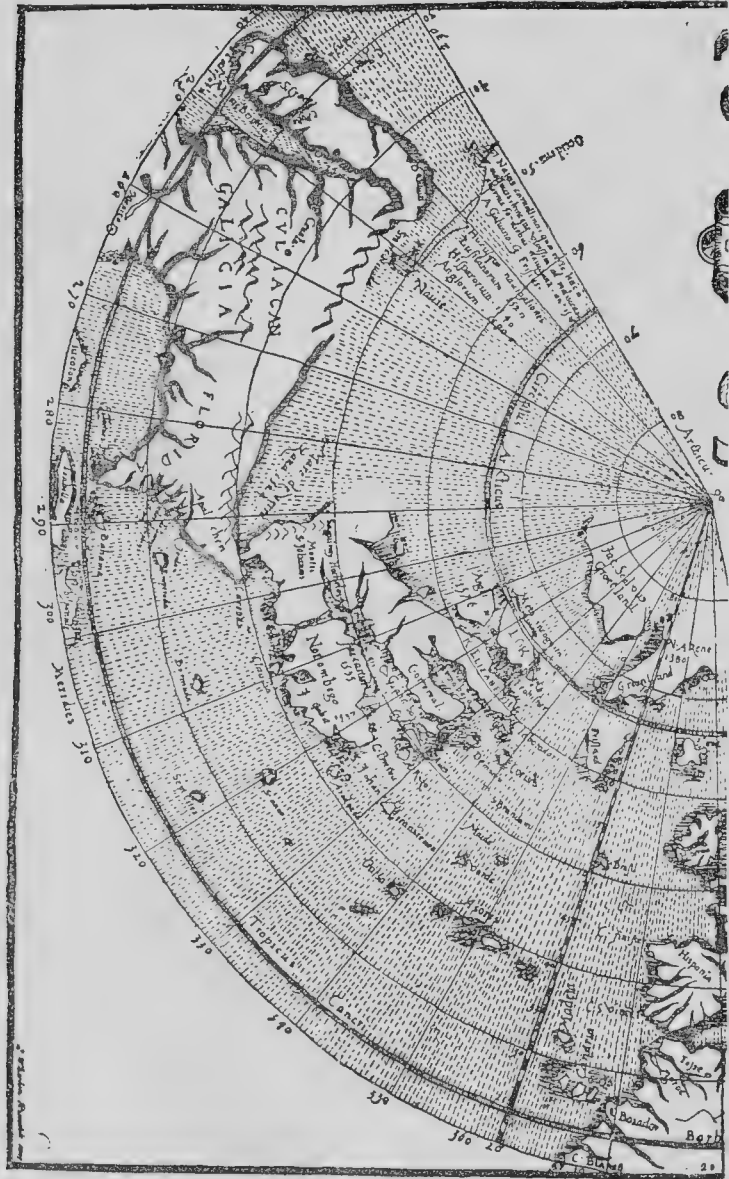
Первое понятіе объ этомъ морѣ Веррацано мы получаемъ въ «Sumario» Овiedo, какъ увѣряетъ Бревоортъ, а въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемъ это море на картѣ

Мюнстеръ, 1540 г.

Море
Веррацано.

Маюлло, подъ именемъ «Mare Indicum» (Индійское море),
словно это было отождествленіе великаго западнаго океана

Михаэль Локъ, 1582 г.

Бальбоа. Любимымъ занятіемъ Баптиста Агнеше было составленіе цѣлой
серіи «portolanos», съ которыми связано его имя въ срединѣ этого вѣка;

и была открыта д-ромъ Эдуардомъ Эгльстономъ. Карту эту я видѣлъ всего одинъ разъ; на ней нынѣшній проливъ «Port Royal» ведетъ въ то океанійское пространство, которое впоследствии принималось за внутреннее озеро. Такимъ образомъ эта географическая ошибка продолжалась около шестидесяти лѣтъ болѣе или менѣе неизмѣнно въ цѣломъ рядѣ картъ; порой появлялось огромное озеро въ Каролинѣ, или же на сѣверѣ это водяное пространство сокращалось, пока не начало принимать новую условную форму въ зачаткахъ Гудзонава залива, въ большомъ озерѣ Таденакъ, изображенномъ на картѣ Молино 1600 года, и въ Лаго Даголэмъ на картѣ Ботеро, въ 1603 году.

По всей вѣроятности, во время путешествія Веррацано, у сѣвернаго побережья, было почерпнуто индійское названіе «Аранбега», обозначавшее эту область и немного позднѣе переделанное другими въ «Норумбега»; названіе это перешло въ таинственную и баснословную номенклатуру побережья, отличавшуюся такимъ же непостоянствомъ, какъ баснословные острова на Атлантическомъ океанѣ въ воображеніи средневѣковыхъ географовъ. Названіемъ этимъ стали обозначать все болѣе и болѣе ограниченную территорію, такъ что послѣдняя очутилась въ предѣлахъ области, вошедшей въ составъ позднѣйшей Новой Англіи, и наконецъ Норумбега нашла свою родину въ Пенобскотѣ,—какъ на это указываютъ д-ръ Ди (1580 г.), Молино (1600 г.) и Шамплэнъ (1604 г.). Область эта представлялась и сокращенной, и расширенной, а на картахъ названіе, повидимому, пользуется привилегіей переходить съ одного мѣста на другое.

Норумбега.

Впродолженіе этого періода англичане также побывали на этомъ побережьи вверху и внизу, но они мало способствовали прогрессу нашихъ географическихъ свѣдѣній. Захватъ невольниковъ на Гвинейскомъ берегу и выгодная торговля живымъ товаромъ въ испанской Западной Индіи и въ сосѣднихъ областяхъ, кажется, нерѣдко заносили къ этимъ берегамъ Уильяма Гаукинса и другихъ его соотечественниковъ въ 1525—1540 годахъ.

Англичане на этомъ побережьи.

Уильямъ Гаукинсъ.

Есть основаніе думать, что англичанинъ, Джонъ Рутъ, изслѣдовалъ сѣверо-восточные берега нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1527 году; предположеніе это, однако, требуетъ Джонъ Рутъ. проверки, какъ показываютъ возраженія д-ровъ Коля и Де-Косты. Достоверно извѣстно, что въ это время англійскій купецъ Робертъ Торнъ, проживавшій въ Севильѣ, старался всѣми силами поощрить предпріятія англичанъ на сѣверѣ; до насъ дошла карта, представленная имъ въ 1527 году англійскому посланнику въ Испанію, Эдварду Лей, съ тѣмъ, чтобы послѣдній передалъ ее Генриху VIII.

Въ 1526 году испанскія власти пришли къ мысли, что настало время составить нѣчто въ родѣ перечня успѣховъ отъ открытій и относящихся къ этимъ успѣхамъ выводовъ Уильяма морского дѣла. картографин. Норденшильда говорить, что «съ самаго начала пече-

танія картъ показанія градусовъ широты и долготы отмѣчались на большинствѣ печатныхъ картъ, по крайней мѣрѣ, на поляхъ»; на картѣ Себастьяна Мюнстера, относящейся къ нѣсколько позднѣйшему періоду, градусы не показаны.

Въ 1503 году Рейшъ впервые употребилъ методъ, сходный съ новѣйшими, для опредѣленія градусовъ широты и долготы на картѣ, которую онъ приложилъ къ своей «Margarita

*Широта
и долгота.*

Себастьянъ Мюнстеръ.
(Изъ «Icones» Рейснера).

philosophica» въ Фрейбургѣ, хотя Пьеръ д'Айльи представилъ образецъ дѣленія на градусы поясовъ отъ экватора на своей картѣ 1410 года, насколько климатическія линіи могутъ дать понятіе о широтахъ. Однако, испанцы не приняли метода Рейша, въ теченіе долгаго времени, насколько это касается изданныхъ картъ (1534 г.).

Въ то время, когда вышло страсбургское изданіе Птолемея, въ 1513 году, главная картографическая дѣятельность была сосредоточена въ Италіи. Картографы этого государства

*Италянскія
карты.*

добывали все, что было возможно изъ Испаніи, но главнымъ образомъ для ихъ работъ служили португальскіе источники, хотя соперники Испаніи не всегда могли свободно сообщать свѣдѣнія изъ своего гидрографическаго департамента, и Робертъ Торнъ въ 1527 году обвиняетъ португальцевъ въ фальсификаціи ихъ отчетовъ. Заслуживаетъ упоминанія, что до 1790 года въ Испаніи не было напечатано ни одной официальной карты Индіи.

Послѣ 1513 года и далѣе къ срединѣ вѣка ученые космографы обращались за всѣми новѣйшими свѣдѣніями относительно всѣхъ океанійскихъ открытій къ сѣверу отъ Альповъ. И мореплаватель, и картографы обратили серьезное вниманіе на вопросъ опредѣленія долготы. Картографы всячески ухищрялись представлять на плоскости сходящіеся меридіаны такъ, чтобы не исказить географіи и чтобы дать кораблямъ ясный методъ для руководства во время плаванія. По мнѣнію Норденшильда, попытки картографовъ выразились приблизительно въ двадцати различныхъ проекціяхъ до 1600 года. Для моряка не менѣе труда представляла попытка отвести своему кораблю мѣсто на морѣ, или нанести на карту очертаніе береговъ, вдоль которыхъ онъ шелъ. Главную заботу мореплавателя составлялъ курсъ, котораго онъ держался, и опредѣленіе пройденнаго имъ пути. Мореплаватель опредѣлялъ этотъ путь, насколько могъ, по силѣ теченій. Мы видѣли, что несовершенство орудій и погрѣшности въ лунныхъ таблицахъ дали Колумбу въ высшей степени невѣрные показанія при опредѣленіи долготы Антильскихъ острововъ. Онъ помѣстилъ Эспаньолу въ 70° на западъ отъ Севильи и Ла-Коза приблизился къ нему, помѣстивъ Эспаньолу у 68°, насколько это видно изъ его карты. Голландцы въ это время начали усвоивать себѣ идею хронометра и это приспособленіе дало самые удовлетворительные результаты въ морскомъ дѣлѣ.

Рейнерусъ Джемма изъ Фрисландіи, болѣе извѣстный подъ именемъ Джеммы Фризіуса, ближе познакомилъ насъ съ голландскими взглядами касательно мореплаванія, указавши, нѣсколько лѣтъ спустя, на время для опредѣленія долготы; его вліяніе на эпоху выразилось въ положеніи, какое занялъ его ученикъ, Меркаторъ, въ географической наукѣ. Первый печатный атласъ морской географіи есть «*Spiegel der Zeevaardt*» Луки Вагенера и въ немъ также выразились успѣхи голландцевъ въ морскомъ дѣлѣ.

Другія требованія морского дѣла также не были забыты, такъ напримѣръ, знаніе господствующихъ вѣтровъ и главныхъ океанійскихъ теченій, и знаніе это достигло такой полноты, что черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Колумба обратный путь съ Антильскихъ острововъ мореплаватели совершали съ замѣчательной легкостью. Овiedo говоритъ, что въ 1525 году два судна на переходъ изъ Санто-Доминго до рѣки Севильи употребили всего двадцать два дня.

Картографическая деятельность на сѣверъ отъ Альповъ.

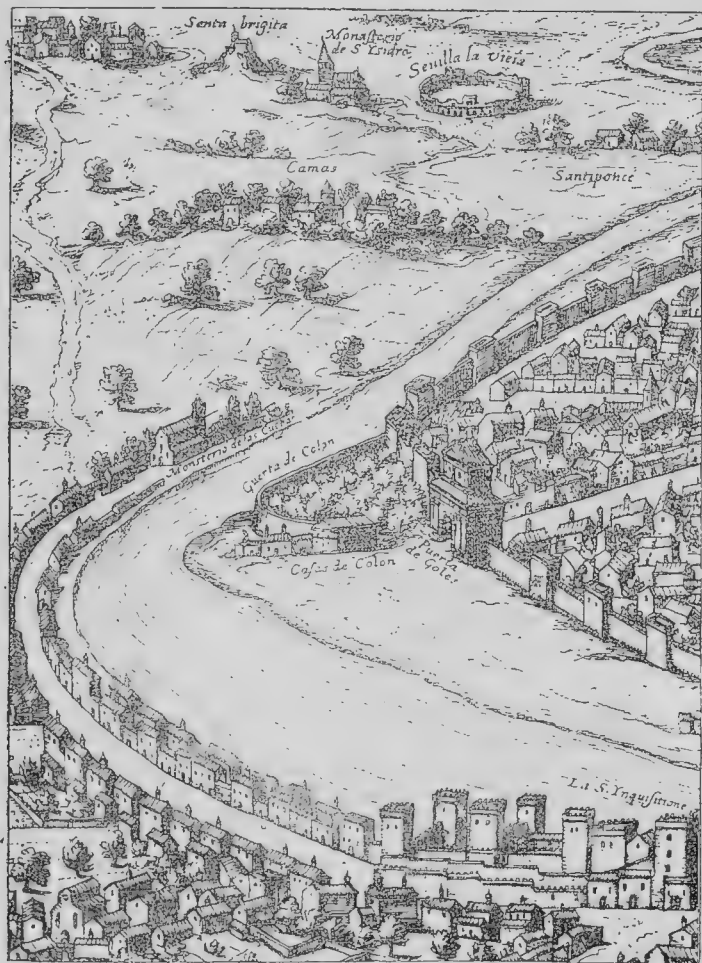
Картографическія проекціи.

Наблюденія луны.

Хронометры.

Самый старинный атласъ морской географіи.

Въ числѣ обязанностей, возложенныхъ испанскимъ правительствомъ на Торговый Совѣтъ вскорѣ послѣ открытія Новаго Свѣта, двѣ заключались въ слѣдующемъ: покровительствовать изобрѣтенію способовъ для опрѣсненія воды и улучшать корабельные насосы. Это улучшение пошло въ ходъ только съ того времени, какъ Ри-

Домъ и библіотека Фердинанда Колумба въ Севильѣ.

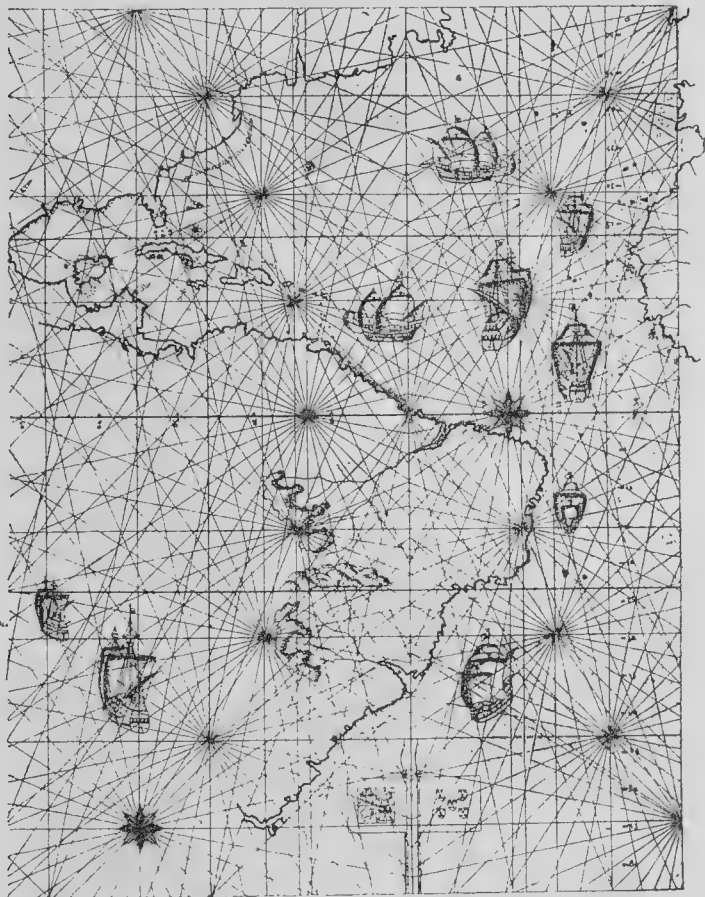
bero, королевскій космографъ, получилъ королевскую пенсію за подобное изобрѣтеніе въ 1526 году.

Въ самый разгаръ этихъ успѣховъ, — практическихъ сторонъ мореходнаго дѣла и прогресса океанійскихъ открытій, — въ 1526 году, въ Севильѣ устроилось собраніе лоцмановъ и космографовъ, созванныхъ королевскимъ приказомъ для

Конгрессъ
лоцмановъ въ
Севильѣ.

провѣрки и сопоставленія всѣхъ космографическихъ данныхъ, накопившихся за все это время въ области новыхъ открытій.

Фердинандъ Колумбъ въ это время былъ занятъ въ Севильѣ устройствомъ своего дома и библіотеки и разведеніемъ парка вокругъ дома изъ деревьевъ, привезенныхъ имъ изъ ^{Фердинандъ Колумбъ.} Новаго Свѣта; единственное дерево изъ этого питомника, вѣсть-инд-

Испанская карта, 1527 г.
[Со снимка въ «Die Entwicklung der Seekarten»
Майера. (Вѣна, 1877 г.)].

ская Sapodilla, еще стояло въ 1871 году. Засѣданія собранія происходили въ этомъ домѣ и Фердинандъ Колумбъ председательствовалъ на нихъ; допросы лоцмановъ производили Діего Рибера и Алонзо де-Чавесь.

До насъ дошли двѣ монументальныя карты—дѣло рукъ этого собранія. Одна изъ нихъ помѣчена 1527 годомъ въ Севильѣ, ^{1527—1529 гг.} составлена королевскимъ космографомъ и была обыкновенно ^{Карта.}

извѣстна по имени Фердинанда Колумба; а другая, 1529 года, составлена Діего Рибера, также королевскимъ космографомъ. Карты эти очень похожи одна на другую.

Веймарская карта 1527 года, которую Коль, Стевенсъ и другіе ученые приписывали Фердинанду Колумбу, Гарриссомъ приписывается Нуньо Гарсія де-Торено; Кутъ же, въ книгѣ Стевенса о «Schöner's»,

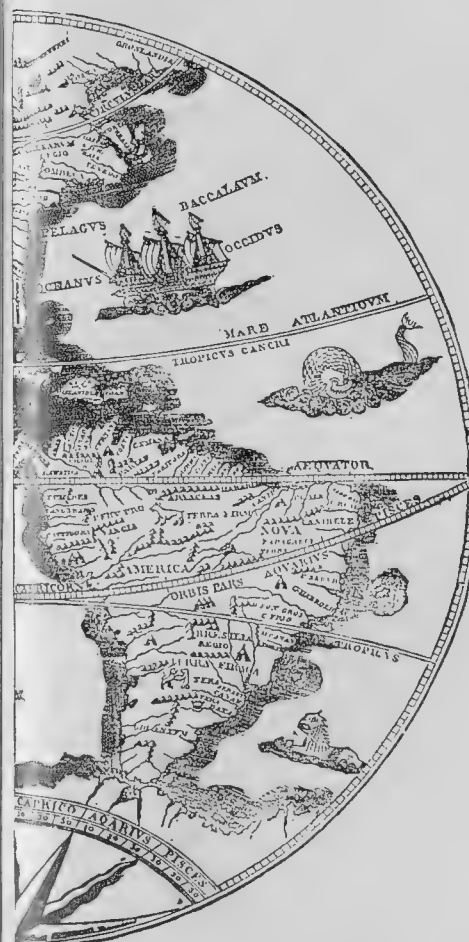
Глобусъ

приписалъ Рибера эту карту, которая предшествовала его несомнѣнному картографическому труду 1529 года.

Мы видѣли, какъ увѣренность Колумба, что новооткрытыя области были Азіей, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, на зло его смѣлому нотаріальному акту о Кубѣ, уступила мѣсто энергичному предположенію ученыхъ географовъ, что имъ

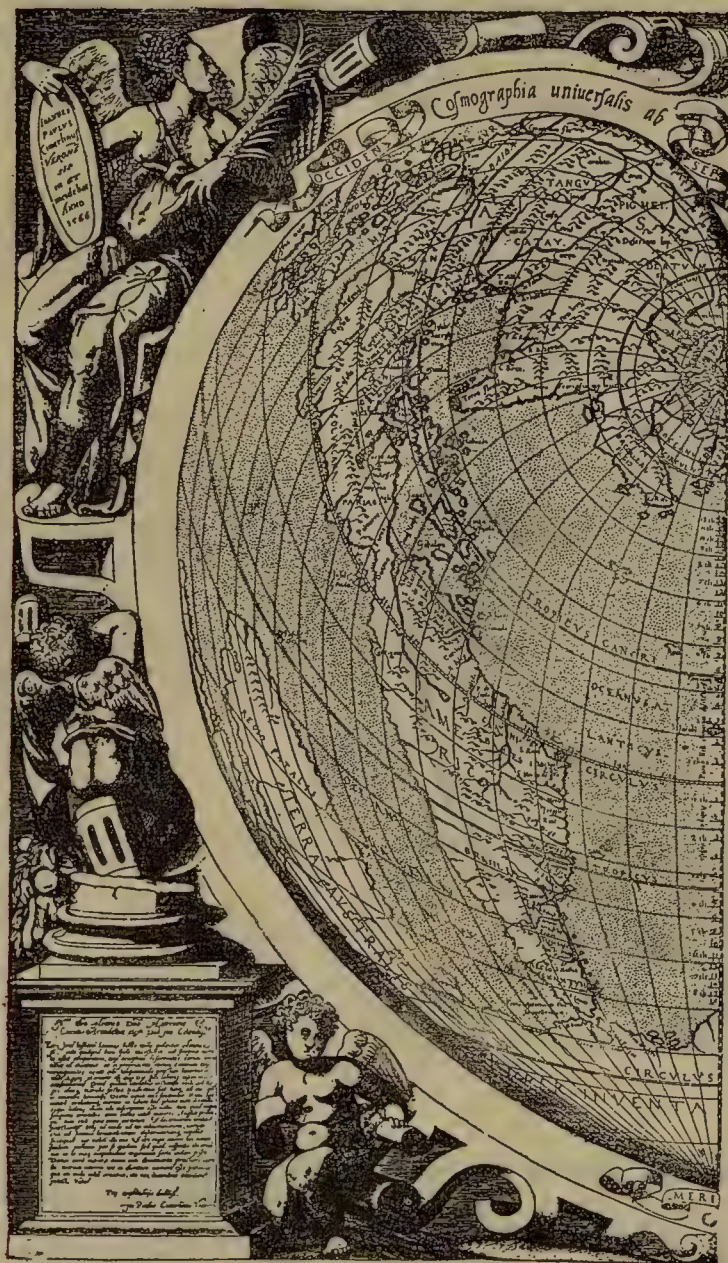
Затрѣчено
имѣть о новомъ
континентѣ.

былъ найденъ совершенно новый континентъ. Мы видѣли, что эта идея приняла болѣе или менѣе опредѣленную форму относительно западныхъ границъ тотчасъ послѣ открытія настоящаго Южнаго моря Бальбоа и даже ранѣе, и мы можемъ прослѣдить эту идею на картахъ или глобусахъ Стобничи и Да-Винчи, на такъ называемомъ глобусѣ Ленокса, на такъ называемыхъ «goges» (двусторонники) Тросса и Норден-

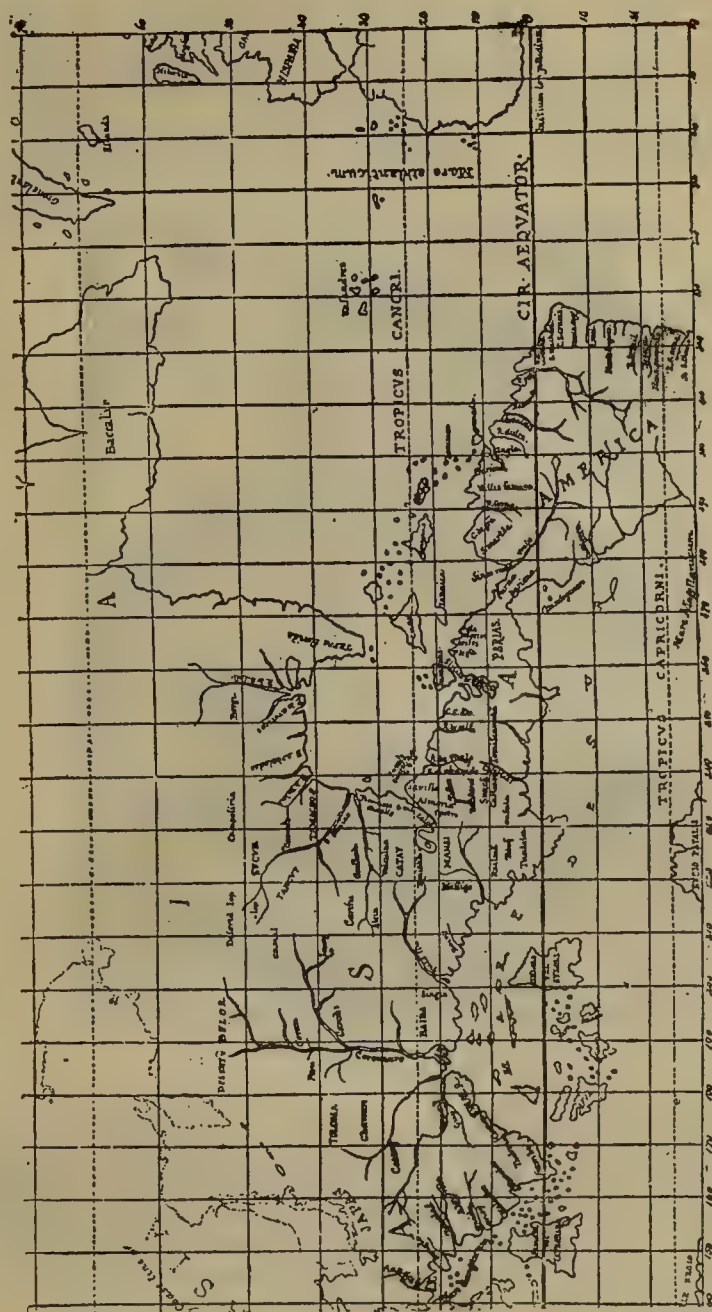

Нанси.

шильда, на глобусахъ Шёнера и Гауслаба, на картѣ Итоломея 1513 г. и на картахъ Рейша, Апіануса, Лаврентія Фризіуса, Маіолло, Бордоне-Гомема и Мюнстера, не считая нѣкоторыхъ другихъ. Черезъ двадцать лѣтъ идея эта стала господствующимъ мнѣніемъ; люди подумали, что, можетъ быть, этотъ открытый материкъ былъ извѣстенъ древнимъ,—Глареанусъ первый, цитируя Виргилія, утверждаетъ это въ 1527 году.

Оронциусъ Финеусъ, 1532 г.
(Съ мѣдной доски Цимелинуса 1566 г.).

Орошiе Финейс, 1531 г.
(Уменьшенъ Бразилтономъ по проекции Меркатора).

Около 1525 года наступила особая реакція, словно открытію Бальбоа было придано черезчуръ большое значеніе. Мы встречаемъ проявленіе этой реакціи въ 1526 году, въ отождествленіи Сѣверной Америки съ восточной Азіей на картѣ, приписываемой монаху Франциску, а Южная Америка нанесена въ видѣ континентальнаго острова, отдѣленнаго отъ Индіи только проливомъ. Пролитъ вскорѣ уступилъ мѣсто перешейку и такимъ образомъ

*Реакція
въ лицѣ
монаха
Франциска.*

Кортесъ.

мы получаемъ разрѣшеніе задачи, которое въ теченіе болѣе полувѣка принималось за истину.

Оронціусъ Финеусъ былъ однимъ изъ послѣднихъ картографовъ, примирявшихъ старыя понятія съ новыми на картѣ, которую онъ, по всей вѣроятности, составилъ въ 1531 году, но которая появилась въ слѣдующемъ (1532) году въ «Novus Orbis» Симона Гринеуса и входила въ нѣкоторые позднѣйшія изданія. На этой картѣ названія у Мексиканскаго залива, данныя Кортесомъ

*Оронціусъ
Финеусъ.*

на его картѣ 1520 года, перемѣшаны съ названіями Азіатскаго берега Марко Поло. Мы прилагаемъ здѣсь набросокъ этой карты, уменьшенной Бревоортомъ по проекціи Меркатора. Очень похожая на эту карта, составленная почти одновременно съ нею, сохраняется въ Британскомъ музеѣ, между манускриптами Слоане; то же смѣлое рѣшеніе затрудненія мы встрѣчаемъ на глобусѣ Нанси въ 1540 году и на глобусѣ Гаспара Вонеля 1543 года.

Яркій примѣръ такой непрочности географическихъ свѣдѣній

Калифорнія Кастильо.

въ ту эпоху мы видѣли въ перемѣнѣхъ взглядовъ Іоганна Шёнера: онъ сначала считалъ Сѣверную Америку островомъ,—это доказывается его глобусомъ 1515 и 1520 годовъ,—а затѣмъ, въ 1533 году, въ своихъ «Opusculum Geographicum» онъ утверждаетъ, что городъ Мексика есть Кинэ Марко Поло.

Иоаннъ
Шенеръ.

Прежде, чѣмъ отправиться въ Испанію въ 1528 году, Кортесъ, какъ мы видѣли, послалъ корабли изъ Тегуантепека къ Молуккскимъ островамъ, но до его возвращенія въ Мексику сѣверное побережье Тихаго океана оставалось неизслѣдованнымъ. Весною или въ началѣ

лѣта 1532 года онъ послалъ Гуртадо де-Мендозу къ этому побережью; но такъ какъ экспедиція эта не имѣла большаго успѣха, то Кортесъ самъ отправился въ Тегуантепекъ и снарядилъ другія суда, которыя вышли въ море въ октябрѣ 1533 года. Бурею ихъ отнесло на западъ, а когда имъ удалось повернуть назадъ и пристать къ берегу, то они очутились на полуостровѣ Калифорніи. Они пошли на югъ, осмотрѣли

Калифорніа.

Калифорнію; впослѣдствіи Кортесъ самъ повелъ туда экспедицію въ 1535 году, для болѣе подробнаго ознакомленія съ этою страной, а въ 1539 году съ той же цѣлью онъ послалъ туда другую экспедицію, подъ предводительствомъ Франциско де-Уллоа. Кортесъ предполагалъ, что Калифорнія—островъ, но экспедиція 1539 года доказала тотъ фактъ, что нельзя было пройти въ открытое море въ верхней части залива, который эти первые мореплаватели называли моремъ Кортеса. Покоритель Мексики совершилъ затѣмъ свою послѣднюю экспедицію въ Тихій океанъ и имени его не было суждено долго оставаться связаннымъ съ этимъ новымъ полемъ открытій, исключая развѣ того, что, благодаря Кортесу,—впрочемъ, это не вполне доказано,—этотъ новооткрытый полуостровъ получилъ благозвучное названіе «Калифорніа», которое, спустя короткое время, пока заливъ назывался Краснымъ моремъ, было также дано и этому заливу. Взгляды Уллоа подтвердились, — по крайней мѣрѣ отчасти,—Кастильо, въ 1540 году оставившимъ намъ карту залива.

Наружный берегъ полуострова до 28° 30' былъ установленъ въ 1533 году. Десять лѣтъ спустя, въ 1543 году, Кабрильо, усмотрѣвъ землю неподалеку отъ 33°, какъ разъ у южныхъ границъ нынѣшняго штата «Калифорніа», поднялся вдоль берега къ мысу Мендоцино и, быть можетъ, къ 44° или около того, въ ту область, гдѣ нынѣ находится штатъ Орегонъ. Если Кабрильо, который умеръ 3-го января 1547 года, самъ не поднимался такъ высоко, то подтвержденіе указаннаго пункта принадлежитъ его главному лопману Феррело.

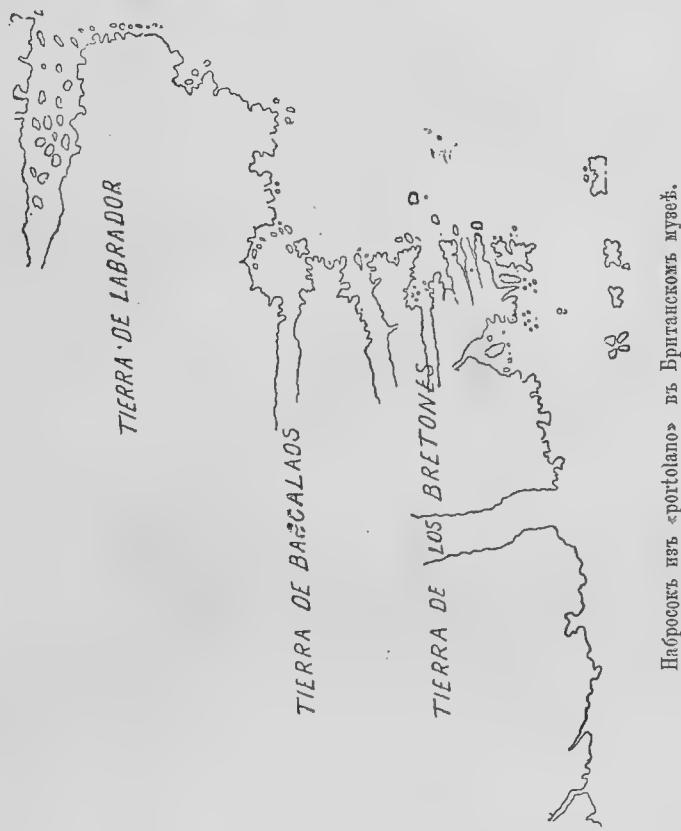
Только что передъ тѣмъ, въ 1542 году, Мендоза послалъ экспедицію подъ начальствомъ Рюи Лопеса де-Вильолабось на Тихій океанъ; если только карта Хуана Фрейре, составленная въ 1546 г., есть указаніе его пути, то онъ, кажется, поднялся вдоль берега далѣе, чѣмъ кто-либо изъ изслѣдователей до него.

Пока производились эти изслѣдованія сѣверо-западнаго побережья Сѣверной Америки, другіе мореплаватели старались найти связь между водами двухъ океановъ со стороны атлантическаго побережья.

*Атлантическое
сѣверное побережье
Сѣверной
Америки.*

Въ апрѣлѣ 1534 года Жакъ Картье, веселый и хвастливый малый, какъ объ немъ выражается его позднѣйшій биографъ, Патеръ Жуонъ де-Лонгрэ (Jacques Cartier, Paris, 1888 г.), и который велъ жизнь морского разбойника въ недавнихъ войнахъ Франціи, въ настоящее время направилъ всю свою энергію на разрѣшеніе великой задачи относительно западнаго пути.

Онъ вышелъ въ море изъ Сентъ-Мало и впервые осмотрѣлъ и привелъ въ извѣстность внутреннія части залива Св. Лаврентія, о которомъ, по всей вѣроятности, знали изстари отважные бретонскіе и нормандскіе рыбаки. Мы не имѣемъ свѣдѣній о прежнихъ посѣщеніяхъ этихъ береговъ, такъ какъ карты такихъ рыбаковъ и тѣхъ, кто посѣщалъ эту область для пушной торговли, не дошли до насъ, хотя,

Набросокъ изъ «portolano» въ Британскомъ музеѣ.

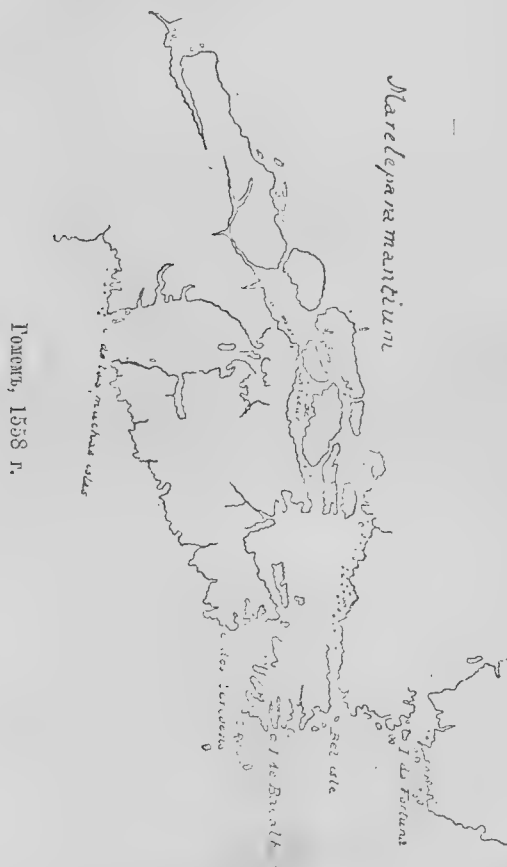
по свидѣтельству Коля, нѣчто въ родѣ подобныхъ мемуаровъ сохранилось въ одномъ «portolano» Британскаго музея.

Относительно направленія Картье вокругъ залива Св. Лаврентія возникли разногласія въ мнѣніяхъ Коля, де-Косты, Лавердьера и В. Ф. Ганонга; послѣдній авторъ заявляетъ въ тщательно обработанной статьѣ, въ «Transactions» Королевскаго общества Канады за 1889 годъ, что въ точномъ описаніи перваго путешествія Картье мы находимъ ключъ къ картографіи залива почти за цѣлое столѣтіе.

Карта Ротца 1542 года, повидимому, самая первая карта, на которую нанесены свѣдѣнія, собранныя первой экспедицей Картье. Карта Генриха II, 1542 года, показываетъ также результаты его изслѣдованій.

Возможность дальнѣйшихъ открытій въ этомъ направленіи побудила французскаго короля еще разъ дать полномочія Картье 30-го октября 1534 года; въ началѣ 1535 года его маленький флотъ вы-

шелъ въ море, а въ августѣ, послѣ нѣкотораго разочарованія, увидавъ, что вода становится прѣсною, онъ сталъ подыматься по рѣкѣ Св. Лаврентія и дошелъ до мѣста Монреаль. До насъ не дошло ни одной карты работы Картье, хотя извѣстно, что такія карты были. Съ этого времени на картахъ, изображавшихъ эту сѣверо-западную область, заливъ Св. Лаврентія получилъ болѣе правильныя очертанія, чѣмъ прежній такъ называемый Квадратный заливъ и великая рѣка Канады. Въ лѣтописяхъ упоминается, что Францискъ I, давая Картье полномочія, полагалъ, что посылаетъ его подняться по азіатской рѣкѣ, и названіе «Lachine» (Китай) даже и теперь сохранилось какъ бы въ доказатель-

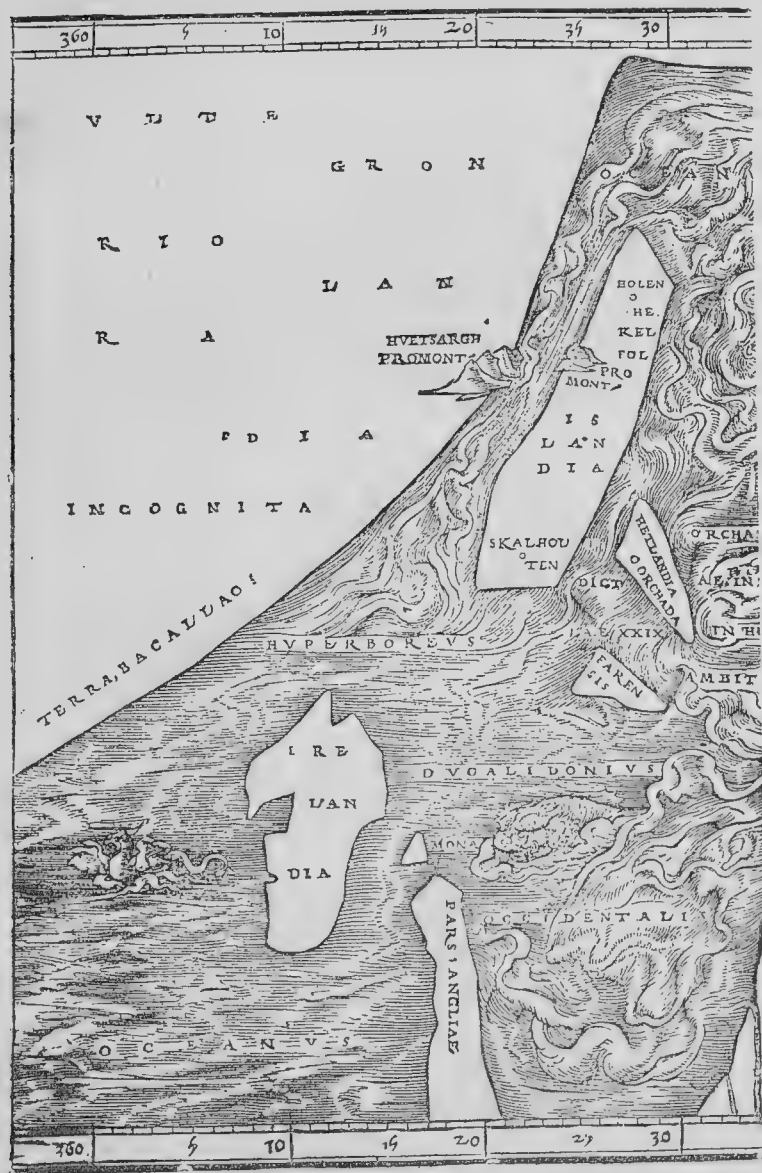

ство увѣренности, что Картье находился въ предѣлахъ Китая.

Судя по изображенію области вокругъ залива Св. Лаврентія въ «Boke of Idiography» Джона Ротца,—манускриптѣ 1542 года, находящемся въ Британскомъ музеѣ,—можно предположить вмѣстѣ съ Колемъ, что Джонъ Ротцъ имѣлъ въ своихъ рукахъ карты Картье, а, по мнѣнію Гарриса, въ нихъ видны слѣды вліянія португальскихъ и діенскихъ мореплавателей.

Карта
Джона
Ротца.

Экспедиціи Картье, повидимому, не оказали большого вліянія на Европу и ни въ морскихъ путеводителяхъ Италіи, ни на картахъ

Schondia Циглера.

остальной Европы мы почти не встрѣчаемъ слѣдовъ его открытій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Только въ 1540—1541 годахъ, когда

экспедиція Роберваля возбудила вниманіе, Европа, повидимому, признала, наконецъ, эти открытія Франціи.

Позднѣйшія экспедиціи Картье въ 1541 и 1543 годахъ не дали ничего новаго, что представляло бы общій географическій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, надежда отыскать западный путь въ этомъ направленіи была покинута послѣ второй экспедиціи Картье, хотя лоцманъ Алльфонсъ, сопровождавшій Картье въ позднѣйшей экспедиціи, получилъ приказъ осмотрѣть побережье Лабрадора съ этою цѣлью, но льды принудили его вернуться назадъ. Послѣ этого онъ, кажется, отправился на югъ въ большой заливъ, подъ 42°, но не дошелъ до его конца. Это большое пространство, отчасти заключенное между мысомъ Соболя (sape Sable) (нынѣшняя Новая Шотландія) и мысомъ Трески, нынѣ называется на картахъ плановъ побережья Мэнскимъ заливомъ; или, быть можетъ, оно соотвѣтствуетъ, принявъ въ расчетъ обозначенную имъ широту, внутренней бухтѣ, названной Массачусетскимъ заливомъ.

Позднѣйшія
экспедиціи
Картье.

Алльфонсъ.

Рушелли, 1544 г.

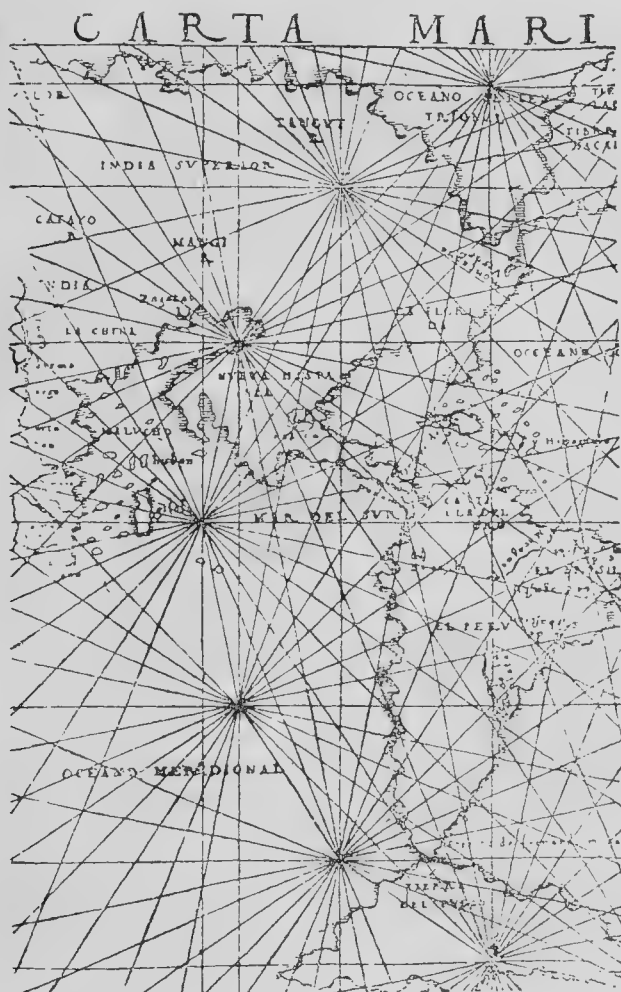
Во всякомъ случаѣ Алльфонсъ полагалъ, что находится на берегахъ смежныхъ съ Татаріей, откуда онъ рассчитывалъ пройти къ болѣе гостепріимному востоку (западу), далѣе на югъ. Повидимому, у него было такое же представленіе относительно западнаго пространства воды, которое простиралось ниже

мыса Трески, неизвѣстно куда именно, вдоль береговъ нынѣшняго Лонгъ Айлендскаго пролива.

Въ первой и во второй половинѣ столѣтія французскія суда встрѣчались въ значительномъ количествѣ на этомъ берегу съ торговыми цѣлями и для защиты интересовъ Франціи, но мы ничего не знаемъ о какомъ бы то ни было содѣйствіи съ ихъ стороны успѣхамъ географической науки.

Алльфонсъ говоритъ, что Сагенэ расширяется кверху и становится какъ бы рукавомъ моря. «Я думаю,—прибавляетъ онъ,—что онъ изливается въ Китайское море». Такимъ именно онъ и начертилъ его на одной изъ своихъ картъ,—идея эта еще рѣзче была обобщена на картѣ Гомема въ 1558 году, гдѣ заливъ Св. Лаврентія становится на самомъ дѣлѣ проливомъ, закрытымъ островами, окаймляющими Арктическое море. Рамузіо въ 1553 году вывелъ заключение изъ тѣхъ свѣдѣній объ экспедиціяхъ Картье, какія онъ могъ добыть, что путь этого французскаго мореплавателя [шелъ къ

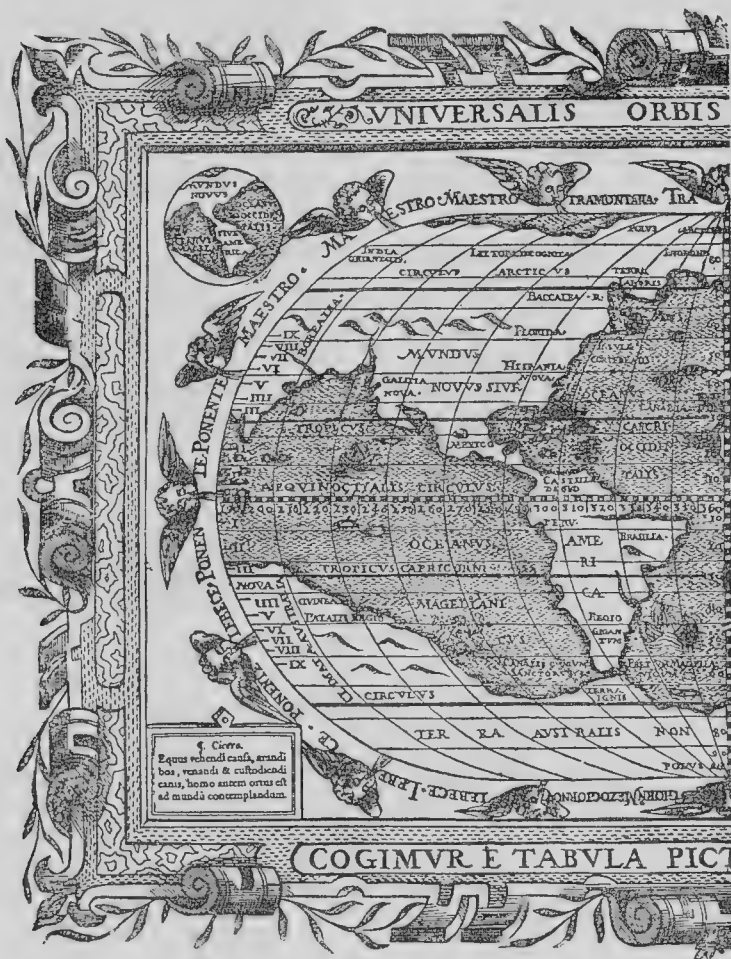
проливамъ, окруженнымъ островами, и такой же взглядъ былъ уже высказанъ въ «portolano» 1536 года, сохраняющемся въ Бодлеяновской библиотекѣ (въ Оксфордскомъ университетѣ) и, по мнѣнію Коля, имѣющемъ связь съ картою Гомема или Агнеше. Океанійское продолженіе Сагенэ встрѣчается еще на картѣ Молино въ 1600 году.

Морская карта (Carta Marina), 1548 г.

По всей вѣроятности, благодаря Альфонсу произошло еще другое смѣшеніе въ картографіи этихъ сѣверныхъ областей, въ шестнадцатомъ столѣтіи. Та часть водяной области, кото-
Рѣка
Норумбегга.
 рая нынѣ извѣстна подъ именемъ залива Пенобскота и р. Пенобскота была названа имъ рѣкою Норумбеггой, и повидимому, онъ далъ нѣко-

торое основаніе думать, что рѣка эта соединяла Атлантическій океанъ съ великой рѣкой Канады, какъ мы это видимъ позднѣе на картахъ Рушелли въ 1561 году, Мартинеса въ 1578 году, Лока въ 1582 году и Жака де-Во въ 1584 году, которымъ служила прототиномъ карта Гастальди въ Рамузіо.

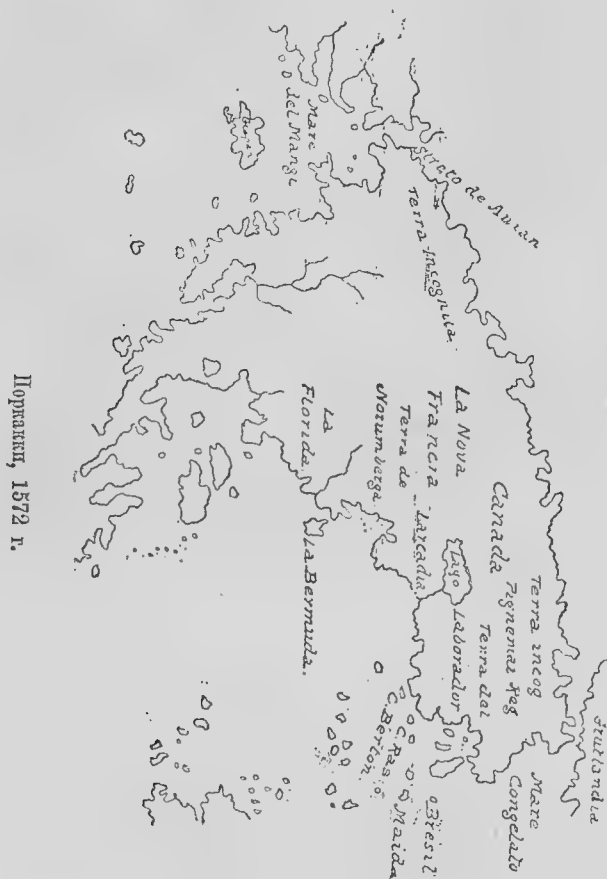

Мирциусъ, 1590 г.

Въ то время, какъ происходили эти изслѣдованія на сѣверѣ, явилась другая идея, превратившая Гренландію, изображавшуюся въ видѣ полуострова на картахъ періода предшествовавшего открытіямъ Колумба, въ землю, служившую соединительнымъ звеномъ между Европою и Америкою—азиатскимъ материкомъ, такъ что можно было бы, будь это правда, объѣхать вокругъ

Гренландія
соединяетъ
Европу и
Америку.

эта, повидимому, была исполнена флорентинскимъ ювелиромъ приблизительно въ 1535 году; на морской картѣ Гастальди въ 1548 году и даже позднѣе на картахъ Паоло де-Фурлани (1560 г.) и Мириціуса (1587 г.). Эта карта Мириціуса, появившаяся въ «*Orisculum Geographicum*», изданномъ въ Ингольштатѣ, въ 1590 году, есть, быть можетъ, трудъ послѣдняго изъ географовъ, не поки-

давшихъ идею соединенія Сѣверной Америки съ Азіей. Следовательно, потребовалось цѣлое столѣтіе для того, чтобы окончательно изъять изъ картографіи сплетеніе береговъ Азій и Америки, придуманное воображеніемъ Колумба. Конечно, и въ то время были сомнѣвающіеся, даже въ самую раннюю пору открытія Америки, но увѣренность въ существованіи новаго материка развивалась медленно и имѣла много тормазовъ; и въ продолженіе болѣе ста лѣтъ еще идея о возможности соединенія Америки

Сплетеніе
береговъ Азій
и Америки.

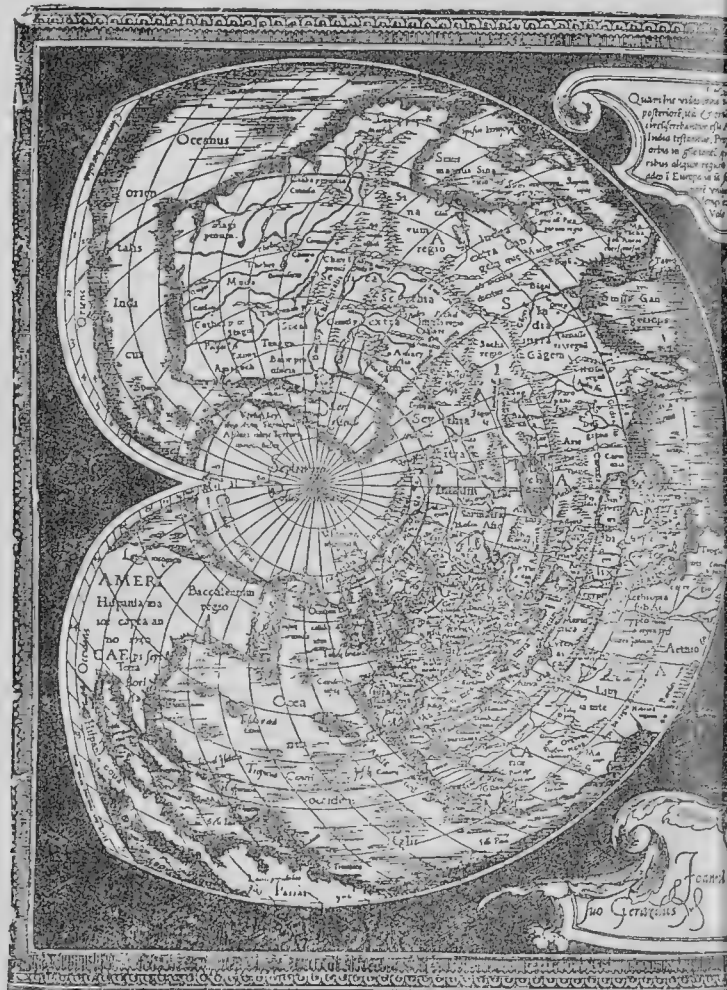
съ Азіей не была совершенно оставлена. Незислѣдованность болѣе высокихъ широтъ поддерживала сомнѣнія, и даже англійскіе переселенцы на сѣверныхъ берегахъ Соединенныхъ Штатовъ не были вполне увѣрены въ раздѣльности Америки отъ Азіи. Томасъ Мортонъ, лѣтописецъ колоніи, основанной на побережьи Массачусетса, считалъ необходимымъ даже въ 1636 году сдѣлать оговорку о возможности соединенія береговъ Америки съ землею татаръ. Въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ сказать окончательно, хотя многіе догадывались объ этомъ, что не было никакой материковой связи на крайнемъ сѣверо-западѣ подъ арктическими широтами до того времени, когда Берингъ въ 1728 году, — двѣсти тридцать шесть лѣтъ послѣ того, ^{1728 г.} какъ Колумбъ произнесъ свою молитву на Санъ-Сальва- ^{Берингъ.} дорѣ, — прошелъ изъ Тихаго океана въ воды полярныхъ морей. Это явилось разрѣшеніемъ баснословныхъ разсказовъ объ Аніанскомъ проливѣ, — наслѣдій самыхъ первыхъ лѣтъ сѣверныхъ изслѣдованій, — который въ половинѣ XVI вѣка снова было появился на картахъ Мартинеса, Зальтгера, Меркатора, Поркакки, Фурлани и Уайтфлайта, служа предвѣстникомъ пролива, пройденнаго Берингомъ. Почти также въ умахъ составилось провидѣніе южной оконечности Южной Америки гораздо ранѣе, чѣмъ Магелланъ открылъ дорогу въ Тихій океанъ.

Но мы нѣсколько ушли впередъ. Одновременно съ усиліями Картье открыть этотъ сѣверный проливъ мы видимъ, какъ другіе ^{1596 г.} мореплаватели работаютъ надъ разрѣшеніемъ той же за- ^{Чавесъ.} дачи. Испанецъ Алонзо де-Чавесъ составилъ карту этого восточнаго берега въ 1536 году; но мы знаемъ о ея существованіи ^{1598 г.} только изъ описанія Овiedo въ 1537 году. На болѣе ран- ^{Меркаторъ.} ней картѣ, исполненной Герардомъ Меркаторомъ, единственный экземпляръ которой былъ открытъ нѣсколько лѣтъ назадъ покойнымъ Джемсомъ Карсономъ Бревоортомъ изъ Нью-Йорка, мы находимъ ясное очертаніе сѣвернаго пролива въ 1538 года и широкій проливъ, отдѣляющій западный берегъ Америки отъ параллельнаго берега Азіи, — такое очертаніе было принято на глобусѣ, раздѣленномъ по линіямъ меридіановъ (globe-gores), относящемуся къ 1540 году, ко- ^{1540 г. Доу-} торый Нордельшильдъ принимается за издѣліе Джорджа ^{сторонники} Гартманна изъ Нюрнберга. Карта эта, очевидно, составлена ^{Гартманна.} на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ португальцевъ, и, по мнѣнію названнаго шведскаго ученаго, не имѣетъ ничего общаго съ потерян- нымъ глобусомъ Шенера, съ которымъ ее смѣшалъ Стевенсъ. Мы уже дали факсимиле части этой карты.

Себастьянъ Мюнстеръ на своихъ картахъ въ Птоломей 1540 — 1545 гг. изобразилъ открытое море на пути къ Молукк- ^{1540—1545 гг.} скимъ островамъ въ широтѣ пролива Бель-Шль. Мюнстеръ ^{Мюнстеръ.} во многихъ отношеніяхъ отсталъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ часто прибѣгалъ къ старому способу среднихъ вѣковъ, замѣщая географическія детали изображеніями дикарей и чудовищъ.

Мы теперь приближаемся къ двумъ извѣстнымъ картамъ въ ранней картографіи Америки.

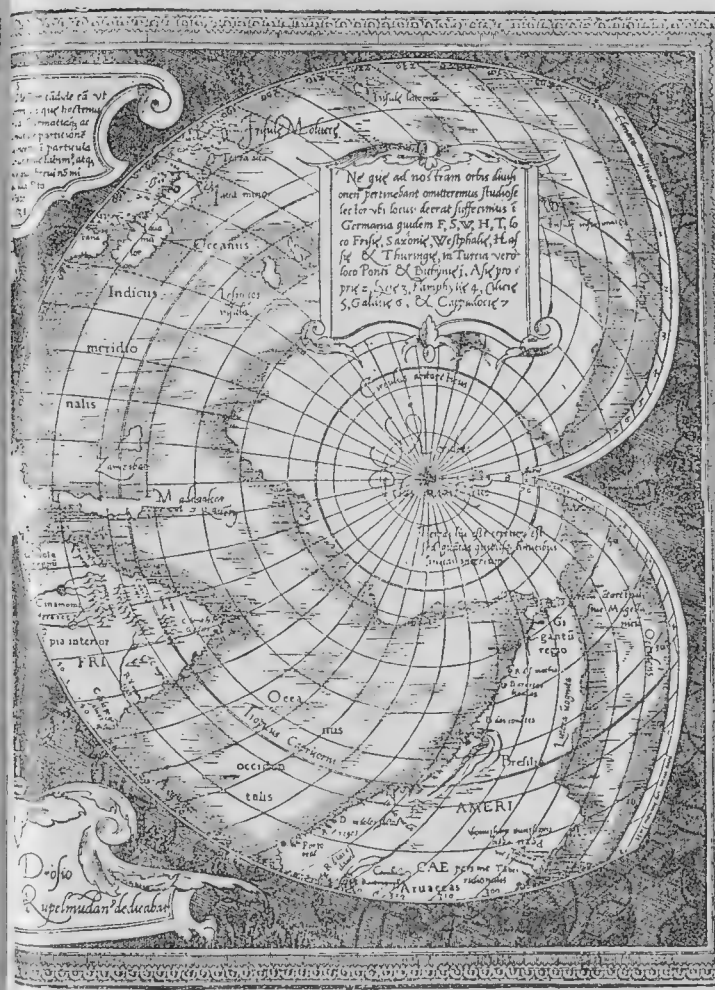
Уже тридцать пять лѣтъ прошло со смерти Колумба, и не заставили себя ждать послѣдствія тѣхъ обстоятельствъ, которыя побудили назвать обширѣйшую часть новооткрытыхъ земель именемъ второ-

Глобусъ Мерка

степеннаго изслѣдователя. Мы уже видѣли, что сперва не представлялось несправедливостью назвать Америкой область, стоявшую въ открытіи Колумба, благодаря чему прошло около полувѣка прежде, чѣмъ общественное мнѣніе, выразившееся въ протестъ Шенера въ 1533 году, признало несправедливость обозначенія новооткрытаго материка инымъ именемъ, помимо Колумба. Вызывался-ли этотъ про-

тестъ уже отмѣченнымъ стремленіемъ дать имя Америки всему западному полушарію — достовѣрно неизвѣстно; но черезъ восемь лѣтъ названіе это вошло во всеобщее употребленіе, когда Меркаторъ, издавая въ 1541 году нѣсколько двусторонниковъ для глобуса, раздѣлилъ названіе «Аме-rica» такимъ образомъ, ^{1541 г.} Меркаторъ.

тора, 1538 г.

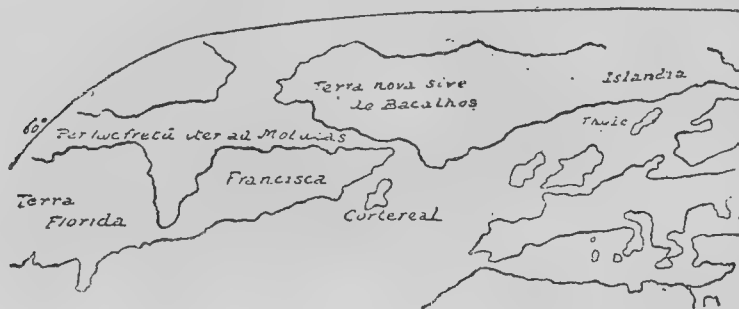
что это слово покрыло и Сѣверную и Южную части Нового Свѣта, и въ примѣчаніи замѣтилъ, что материкъ этотъ «теперь многіе называютъ Новою Индіей». Такимъ образомъ, названіе, данное въ самомъ началѣ одной части новооткрытаго материка лишь въ отличіе ея и безъ всякаго отношенія къ цѣлому пространству новыхъ областей, сдѣлалось въ послѣдствіи несправедливостью по отношенію къ первому

великому открывателю всего материка. Несправедливость эта, которой содѣйствовали случай и довольно понятное развитіе идеи о новооткрытомъ континентѣ, не была исправлена и, по страннымъ превратностямъ судьбы, народъ населяющій нынѣ страну, о которой ни Колумбъ, ни Веспуччи не имѣли никакого представленія, извѣстенъ въ міровой исторіи подъ именемъ Американцевъ.

Эти «двусторонники» Меркатора стали впервые извѣстны ученымъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда бельгійское правительство издало факсимиле единственного ихъ экземпляра тогда извѣстнаго, приобрѣтеннаго Королевской библіотекой въ Брюсселѣ; но съ того времени были открыты еще два экземпляра—одинъ въ Бельгіи въ St. Nicholas, а другой въ Императорской библіотекѣ, въ Вѣнѣ.

На испанскихъ глобусахъ около 1540 года и на картѣ Деселъе или Генхриха II 1546 г. есть указанія, что испанское правительство послало экспедицію въ область Канады вскорѣ

Карта
Генхриха II.

Мюнстеръ, 1545 г.

послѣ самыхъ раннихъ изслѣдованій Картье, и замѣчательно, что первая карта, изданная съ цѣлю показать эти открытія Картье, есть вторая изъ двухъ вышеупомянутыхъ картъ, а именно ландкарта Кабота 1544 года, которая считается находкой испанской картографіи. Раннія изданія южной и средней Европы объ этомъ знаютъ немного.

Карта
Кабота.

Карта Кабота всегда составляла загадку для ученыхъ даже съ тѣхъ поръ, какъ она была открыта въ Германіи, въ 1843 году, фонъ-Марціусомъ. Въ слѣдующемъ году она была помѣщена въ Національную библіотеку Парижа. Это большая всемірная карта эллиптической формы, оттиснутая съ гравировальной доски, и на ней различныя объяснительныя надписи; нѣкоторыя изъ нихъ, должно быть, перешли отъ Себастіана Кабота, другія едва-ли принадлежать ему, а одна изъ нихъ называетъ его составителемъ этой карты. Сообразно сказанному, все это имѣетъ сборный характеръ, поэтому трудно отдѣлить въ ней достоверное отъ невѣрнаго. Мы узнаемъ изъ этой карты, что въ ней

Меркаторъ, 1541 г. (Срисовано съ его двусторонниковъ).

Оъ ландкарты Себастіана Кабота, 1544 г.

впервые возвыщается о дѣйствительномъ участіи Джона Кабота въ открытіи Сѣверной Америки, подтвержденномъ въ 1582 году Гаклюйтомъ, напечатавшимъ патентъ Генриха VIII Джону Каботу. При этомъ указанъ невозможный годъ открытія, а именно 1494, но, повидимому, Михаэль Локъ даетъ настоящую дату, сдѣлавъ въ 1582 году надпись «Дж. Каботъ, 1497», противъ Бретонскаго мыса на своей картѣ этого года. Такъ какъ карта эта появилась въ «Divers Voyages» Гаклюйта и такъ какъ Гаклюйтъ упоминаетъ о существованіи картъ Кабота и о томъ, что онъ ихъ видѣлъ, то мы имѣемъ право думать, что дата 1497 г. заслуживаетъ довѣрія. Изъ этой же карты 1544 года мы узнаемъ, что земля, увидѣнная впервые, была пунктомъ острова, нынѣ называемымъ Бретонскимъ мысомъ. Биддль, не знавшій этой карты, считалъ Лабрадоръ первой землей, открытой Каботомъ.

Мы знаемъ изъ свидѣтельства Роберта Торна въ 1527 году, помимо другихъ источниковъ, что испанское правительство держалось политики не допускать никого, кромѣ своихъ картографовъ, для копированія картъ, «чтобы какъ-нибудь случайно иностранцы не провѣдали или не открыли ихъ тайнъ». Безъ сомнѣнія, это было причиною того факта, что изъ двухсотъ картъ, упоминаемыхъ Ортеліусомъ въ 1570 году, служившихъ ему матеріаломъ при составленіи его атласа, ни одна не была издана въ Испаніи; и каждому библиографу извѣстно, что ни одно изданіе Птолемея, служившаго лучшимъ проводникомъ географическихъ свѣдѣній въ этомъ вѣкѣ новыхъ открытій, не было напечатано въ Испаніи. Двѣ генеральныя карты Америки въ теченіе шестнадцатаго столѣтія, которыя Дж. Коль могъ отнести къ испанскимъ изданіямъ, были напечатаны Мединой въ 1545 году и Гомарой въ 1554 году, но онѣ по размѣру не годились для надобностей мореплаванія.

Являются, повидимому, неопровержимыя возраженія относительно того, что Каботъ былъ непосредственнымъ составителемъ разсматриваемой нами карты. Въ ней масса такихъ погрѣшностей, которыя невозможно приписать Каботу. Весьма вѣроятно, что карта эта составлена по его чертежамъ; но, очевидно, это были только наброски, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искаженные, а затѣмъ дополненные чѣмъ и какъ пошло, по другимъ источникамъ.

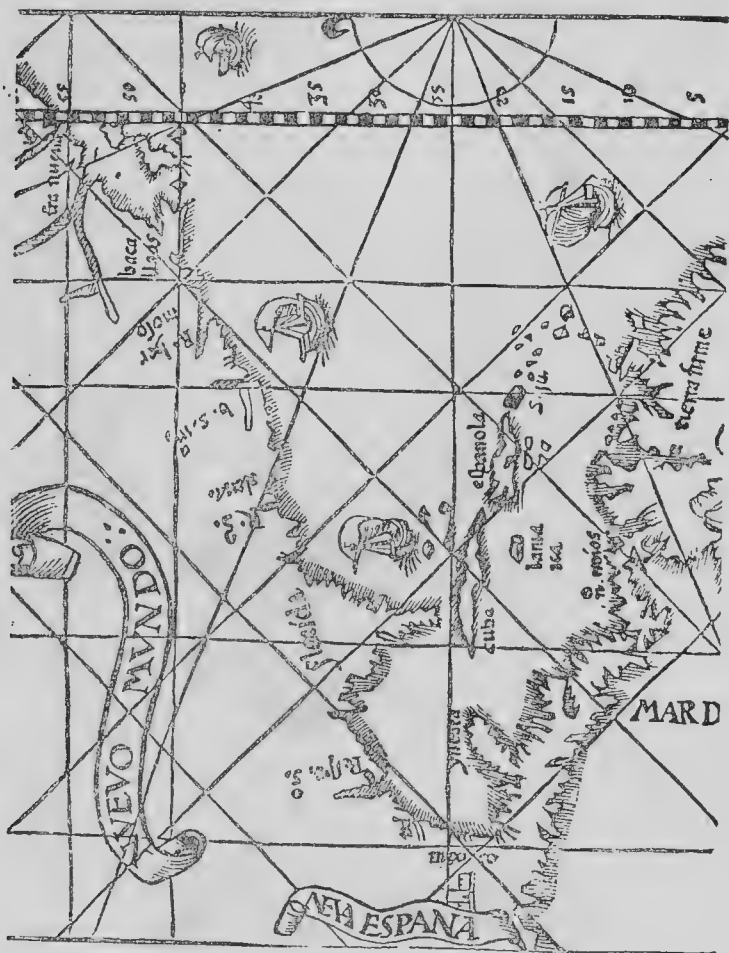
Карта Кабота выдержала не одно изданіе, это видно отчасти изъ того факта, что надписи, приводимыя изъ нея Хитреусомъ (Chytraeus) отличаются немного отъ надписей на экземплярѣ карты, которая нынѣ находится въ Парижѣ, и дѣйствительно, Гаррисъ по нѣкоторымъ причинамъ полагаетъ, что было четыре различныхъ изданія этой карты. Она была въ томъ или другомъ видѣ лучше извѣстна въ Англіи, чѣмъ въ другомъ какомъ государствѣ, это можно заключить изъ нѣкоторыхъ отношеній съ Англіей, которыя поддерживали авторы,

*Скучность
испанскихъ
печатныхъ
картъ.*

*Отношеніе
Кабота къ
картѣ 1544 г.*

писавшіе объ этой картѣ—Ливіо Сануто, Ортеліусъ, сэръ Гумфри Джильбертъ, Ричардъ Уильямсъ, Гаклюйтъ и Пурчэзъ.

Но кто бы ни былъ ея составителемъ и каковы бы ни были ея погрѣшности, эта такъ называемая карта Кабота 1544 года можетъ справедливо быть принята за самую первую дѣйствительно серьезную, не выдуманную карту континента Америки. Въ ней нѣтъ фантасти-

Медина, 1544 г.

ческаго изображенія сѣверо-западнаго пролива; нѣтъ увѣренности въ томъ, что въ области, которая, какъ нынѣ извѣстно, покрыта сѣвернымъ Тихимъ океаномъ, находится море или земля; нѣтъ увѣренности относительно всей западной береговой линіи Южной Америки, хотя составитель карты велъ начало ея отъ этой области. Затѣмъ составитель карты ничѣмъ не заявилъ той самоувѣренности, съ какою

большинство картографовъ причисляли Огненную Землю просто напросто къ разнообразнымъ мысамъ громаднаго антарктическаго материка, который позднѣе фигурировалъ на плоскошаріяхъ Ортелиуса и Уайтфлайта.

Эта карта Кабота была послѣднимъ изъ главнѣйшихъ картографическихъ памятниковъ, составленныхъ на сѣверѣ Альповъ въ пер-

Медина, 1544 г.

вой половинѣ шестнадцатаго вѣка. Затѣмъ центръ географическихъ знаній былъ перенесенъ въ Италію, гдѣ они возбудили къ себѣ интересъ съ самаго начала океанійскихъ открытій. Географическія изслѣдованія получили свое развитіе главнымъ

*Наученіе гео-
графіи перене-
сится въ
Италію.*

образомъ въ Венеціи, куда мы и должны обращаться за справками въ слѣдующія двадцать лѣтъ и далѣе.

Въ венеціанскомъ изданіи Птолемея, 1548 года, мы имѣемъ въпер-
1548 г. вые серію картъ Новаго Свѣта Гастальди, которыя были
Гастальди. только увеличены Рушелли въ изданіи 1561 года, за

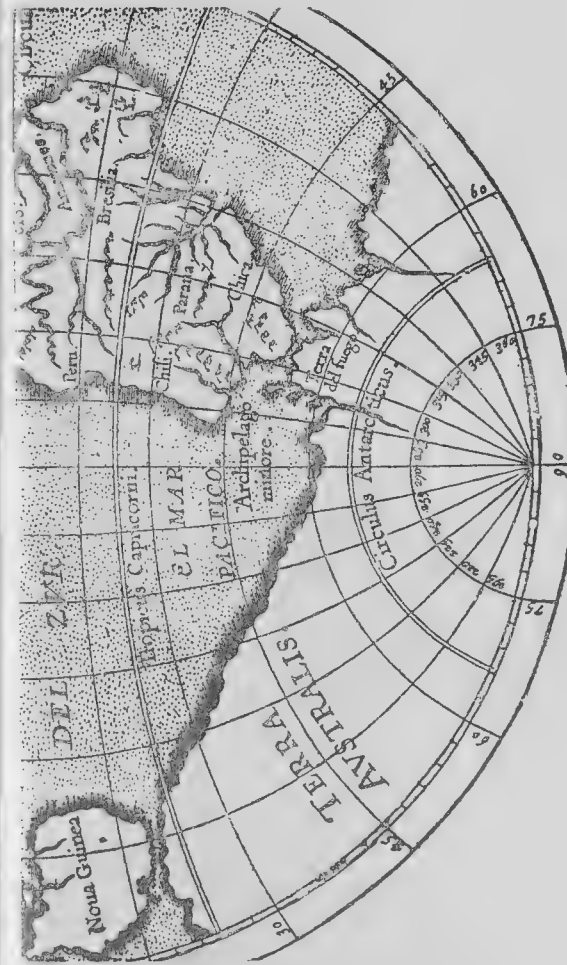
Уайтфла. 1597 г.

исключеніемъ нѣсколькихъ, къ которымъ были добавлены новыя подробности, напр., Юкатанъ превращенъ въ полуостровъ изъ острова, какимъ его изобразилъ Гастальди. Затѣмъ вышло изданіе этихъ картъ въ 1562 году.

Въ то время самыя популярныя руководства мореходства со-

ставлялись въ Испаніи, но въ нихъ тщательно избѣгали ^{Руководство} указаній на новыя открытія. ^{для мореходовъ.}

Мартинъ Кортесъ первый указалъ на различіе полюса магнита отъ земного полюса. Книга «Arte de Navegar» Педро де-Медины, соперничествовавшая съ руководствомъ Мартина Кортеса, изданная въ

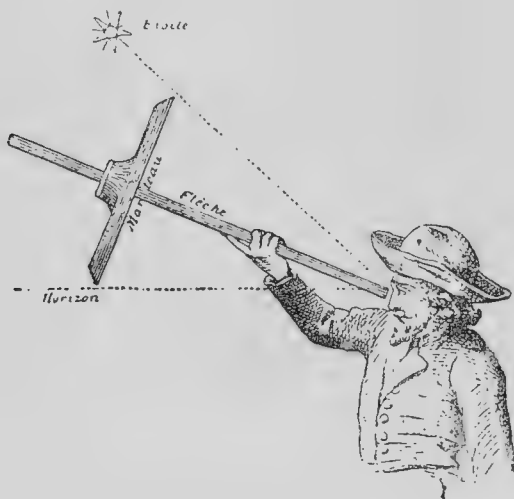

Вальядолидъ, никогда не достигала такой популярности, да и не заслуживала ея, такъ какъ понятія автора во многихъ отношеніяхъ ошибочны.

Англичане въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ долго руководились мнѣніями испанцевъ, и Эдленъ перевелъ главный испанскій учебникъ въ своемъ «Arte of Navigation» 1561 года.

Теперь явилась возможность большихъ успѣховъ въ мореплаваніи, ^{Корабельный лагъ.} такъ какъ былъ придуманъ новый принципъ, и вычисленіе хода корабля не находилось болѣе въ зависимости отъ глазомера. Лагъ далъ возможность производить вычисленія на совершенно твердомъ базисѣ. Новымъ характернымъ произведеніемъ явилась книга англичанина Уильяма Боурна «Regiment of the Sea», вышедшая въ свѣтъ въ 1573 году; а черезъ шестнадцать лѣтъ, въ 1589 году, другой англичанинъ, Блендервилль, изобрѣлъ хорошо извѣстный новый инструментъ для опредѣленія долготъ меридіановъ на морѣ, алидаду, которая очень рано вытѣснила астролябію изъ употребленія на кораблѣ.

Наклоненіе магнитной стрѣлки, показывавшее приближеніе къ

Алидада.

магнитному полюсу, не вычислялось до 1576 года, когда Робертъ Норманъ сдѣлалъ свои наблюденія, причемъ ему оказали нѣкоторую услугу тѣ явленія, которыя Колумбъ отмѣтилъ во время своего перваго путешествія въ 1492 году.

Замѣчательно, какое огромное участіе въ главныхъ открытіяхъ ^{Итальянскіе открыватели.} пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій принимали итальянскіе мореплаватели, матросы, кораблестроители, математики и купцы—въ Португаліи или Испаніи, во Франціи или Англіи. При томъ интересно отмѣтить, что какъ только была окончена теоретическая работа и результаты изслѣдованія оправдывали мечты ученыхъ, а затѣмъ духъ науки уступалъ мѣсто духу наживы, тотчасъ же ^{Англійскіе открыватели.} Англія выступала впередъ, движимая страстью къ рискованнымъ предпріятіямъ. Смерть королевы Маріи, въ 1558

году, явились сигналомъ для англійскихъ стремленій къ прогрессу и стремленія эти стали рѣзко обозначаться для всей Европы въ царствованіе Елизаветы, такъ какъ ихъ сопровождало умственное движеніе, выразившееся въ Бэконѣ и Шекспирѣ, подобное тому, которое предвѣщало вѣкъ Колумба и возрожденія Италіи.

Джонъ Гаукинсъ и африканскіе мародеры его закала вели торговлю негритянскими невольниками въ Эспаньоль, въ 1562 и по-
Джонъ Гаукинсъ.
 слѣдующихъ годахъ, и отъ нихъ мы получили первые англійскіе рассказы о побережьи Флориды, которые они составили о своихъ путешествіяхъ.

Америка въ это время надолго была предоставлена Испаніи и Франціи; послѣднее государство стало только соперничать съ Карломъ V, когда Францискъ I, какъ мы уже видѣли, послалъ Веррацано, въ 1521 году, завладѣть сѣвернымъ атлантическимъ побережьемъ. Вслѣдъ за этимъ на картахъ появилось названіе «Новая
Новая Франція.
 Франція», которое придавалось большей части Сѣверной Америки. Это притязаніе Франціи признано на картахъ, начерченныхъ около 1562 года, на стѣнахъ географической галлерей въ Ватиканѣ. Такимъ образомъ Франція незамѣтно прокралась въ испанскія владѣнія въ Западной Индіи; а англичане прошли по ея слѣдамъ, когда послѣ смерти королевы Маріи англичанамъ стало легче подавить въ себѣ свою врожденную антипатію къ Франціи. Затѣмъ Англія въ свое время присоединила свои усилія къ усиліямъ Франціи получить въ Индіи перевѣсъ надъ Испаніей, чтобы вознаградить себя за потерю такого вліянія въ Италіи.
Испанскія поселенія терпѣть неудачу на сѣверѣ.
 Испанцы пытались было устроить поселенія вдоль Чезаппика въ разное время между 1566 и 1573 годами, но имъ никогда не удавалось оказать ни малѣйшаго вліянія на развитіе исторической жизни въ этой сѣверной области.

Картографія сѣвера въ этотъ періодъ испытывала два новыхъ вліянія и оба эти вліянія предъявляютъ большія претензіи на легковѣріе со стороны ученыхъ нашего времени.

Пытались открыть что-либо касающееся историческаго развитія жизни на берегахъ сѣверо-восточныхъ областей Соединенныхъ Штатовъ, въ книгахъ лживаго монаха, Андрэ Тевэ. Онъ
Андрэ Тевэ.
 былъ посланъ во французскую колонію Ріо Жанейро, въ 1555 году, гдѣ онъ пролежалъ все время больной, пока не отправился назадъ во Францію, 31 января 1556 года. Въ 1558 году онъ издалъ свои «Singularitez de la France Antarctique» — описательный и сборный трудъ, понадерганный изъ всевозможныхъ источниковъ, какіе только удалось ему ограбить, причемъ онъ заявляетъ, что будто бы рассказываетъ болѣе или менѣе видѣнное имъ во время своего путешествія. Въ его книгѣ ничего не говорится о путешествіи вдоль восточнаго побережья нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ. Стараюсь прославить свое отечество и доставить ему престижъ, онъ, однако

же, увѣряетъ въ своей «Cosmographie», изданной въ 1575 году, будто передаетъ въ своихъ разсказахъ именно видѣнное имъ въ этихъ путешествіяхъ, утверждая, что объѣхалъ это восточное побережье вплоть до области Норумбегн. Ученые, обладающіе солиднымъ запасомъ свѣдѣній по этому вопросу, не видятъ ничего иного въ этихъ показаніяхъ, кромѣ смѣло измышленной лжи, которой ея авторъ

Карта

старался придать правдоподобный видъ, перемѣшавъ ее съ тѣмъ, что ему удалось перехватить изъ разсказовъ другихъ лицъ.

Въ это же время (1558 г.), въ Венеціи вышелъ странный, загадочный разсказъ, который имѣетъ цѣлью указать на знакомство братьевъ Дзени съ сѣвѣрной частью Атлантическаго океана въ четырнадцатомъ столѣтіи. Книга эта вышла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, вмѣстѣ съ перенесеніемъ картографическихъ

Исторія
Дзени.

знаній въ мѣсто ихъ зарожденія и первоначальнаго развитія, соотечественники Колумба старались возстановить свое значеніе, какъ изслѣдователи, которое въ теченіе пятнадцатаго столѣтія и первой четверти шестнадцатаго столѣтія они уступили народамъ полуострова Иберіи. А поэтому все, что только могло содѣйствовать ихъ притязаніямъ, встрѣчалось ими съ большой радостью. Это одинаково относится,

какъ къ приведенію въ извѣстность въ это время долго скрывавшагося повѣствованія Дзени, — допустивъ его достовѣрность, — такъ и къ вліянію, какое оказала на современную картографію приложенная къ нему карта. Карта эта, какъ заявлялось о ней, была составлена на основаніи открытій братьевъ Дзени и свѣдѣній, полученныхъ ими о сѣверѣ въ четырнадцатомъ вѣкѣ. На ней обозначены страны — Эстотиландъ и Дроджео, лежащія на западѣ, которыя представляютъ «Вассалаос» Каботовъ (Тресковые мели) и Новую Францію позднѣйшаго времени.

«Если бы эта замѣчательная карта не получила огромнаго распространенія, — пишетъ Норденшильдъ, — подъ покровомъ имени Птолемея (такъ какъ она была перепечатана въ изданіи сочиненій этого географа въ 1561 году), то, по всей вѣроятности, о ней скоро забыли бы совсѣмъ. Впродолженіе почти цѣлаго столѣтія карта эта оказывала вліяніе при нанесеніи на географическія кар-

Карта
Дзени.

Дзени.

ты сѣверныхъ странъ, и въ исторіи картографовъ мы встрѣчаемъ не много примѣровъ такого вліянія». Норденшильдъ думаетъ также, что карта Дзени была срисована со старой карты тринадцатаго столѣтія, съ которой была также срисована карта, найденная въ варшавскомъ манускриптѣ Птолемея 1467 года. Онъ далѣе указываетъ на сдѣланные измѣненія и дополненія въ этой картѣ, чтобы согласить ея данныя съ текстомъ разсказа Дзени.

1569 годъ отмѣченъ огромнымъ шагомъ впередъ относительно картографической науки, котораго и мы до сихъ поръ еще не могли переступить.

Начертаніе направленій и разстояній, какъ это дѣлалось первыми изслѣдователями, давало поводъ къ массѣ ошибокъ, естественно сопровождающихъ отсутствіе хорошо установленныхъ принциповъ для изображенія изогнутой поверхности глобуса на плоской картѣ. Громоздкіе и топорно сдѣланные глобусы,

1569 г.
Меркаторъ
и его
проекція.

Варшавскій манускриптъ,

насколько возможно, выполняли эту задачу; но имъ было неудобно пользоваться на морѣ. Норденшильдъ («Facsimile Atlas», стр. 22) доказалъ, что Пиркеймеръ, въ Птоломей 1525 года, повидимому, предугадалъ теорію, разработанную Меркаторомъ, предвидя въ ней, такъ сказать, главное правило, которое послужило основой его большой плоской карты 1569 года. Однако, самый принципъ не полу-

чилъ достаточно точнаго опредѣленія въ его умѣ для яснаго формулированія его въ изложеніи, и, кажется, онъ не пробовалъ идти далѣе простаго указанія идеи этого принципа. Идея была прекрасная и англичанину Эдуарду Райту довелось выразить ея основныя положенія въ формулѣ, въ 1599 году, спустя слишкомъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Колумбъ рѣшился пуститься въ океанъ, слѣдуя за линіями широты самымъ простымъ образомъ.

1467 г. (по Норденшильду).

Ученые полагали, что Райтъ отдѣлалъ по проекціи Меркатора большую карту, которую Гаклюйтъ присоединилъ къ своимъ «Principall Navigations» въ 1599 году. Гондіусъ также принялъ подобный же методъ въ своемъ *marremonde* того же года.

Въ 1570 году выходъ въ свѣтъ большого атласа Абрагама Ортелиуса показалъ, что центръ картографическаго искусства снова пере-

шелъ изъ Италіи и пріютился въ Нидерландахъ. «Theatrum»
 1570 г.
 «Theatrum»
 Ортеліуса.
 Ортеліуса былъ сигналомъ паденія Птолемея, какъ руко-
 дящаго образца географическихъ понятій. Изданія этого
 древняго картографа, заново редактированныя, никогда
 болѣе не достигали того вліянія, какимъ они пользовались со вре-
 мени изобрѣтенія книгопечатанія. Вліяніе это было такъ велико, что,
 по свидѣтельству Норденшильда, отъ 1520 года по 1550
 годъ карты Птолемея были въ пять разъ многочисленнѣе
 всѣхъ остальныхъ картъ. Теперь онѣ утратили это влія-

Упадокъ
 вліянія
 Птолемея.

Меркаторъ. 1569 г.

ніе, и интересно замѣтить, что Ортеліусъ, повидимому, не зналъ
 ничего о нѣкоторыхъ образцовыхъ картахъ болѣе ранняго періода,
 въ которыя намъ приходится заглядывать при описаніи исторіи аме-
 риканской картографіи, каковы карты Рюйша, Стобиччи, Агнезе, Аліа-
 нуса, Вадіануса и Джиравы.

Упомянулось уже, что Ортеліусъ, издавая свой «Theatrum»
 далъ при этомъ списокъ девяноста девяти составителей
 картъ, съ которыми онъ справлялся и между ними не

Ортеліуса.

нашлось ни единой карты испанской работы. Это показываетъ, какъ дѣятельно Совѣтъ Индіи скрывалъ свои официальные картографическія работы.

Прошло восемьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ англичане подъ командою Джона Кабота отправились въ экспедицію за открытіями въ Новомъ Свѣтѣ. Въ промежуткѣ, послѣдовавшемъ за тѣмъ, англичане готовили себя къ новымъ

1577 г.
Исследования
англичанъ.

Меркаторъ.

предпріятіямъ, однако же, на нѣкоторое время ихъ стремленія были направлены скорѣе къ сѣверо-западу, чѣмъ къ сѣверо-востоку. Въ 1548 году Себастьянъ вернулся въ свою родную страну, чтобы занять первое мѣсто среди ея мореходовъ. Благодаря его вліянію на направленіе мореплаванія и вліянію Ричарда Эдена на развитіе географическихъ знаній, Англія сдѣлала возможнымъ появленіе Фробिशера, младшаго Гаукнуса и Дрэка.

1548 г.
Себастьянъ
Каботъ.

Экспедиція Фробिशера 1576 года была истиннымъ началомъ оты-

скиванія въ предѣлахъ арктическаго пояса сѣверо-западнаго пролива, такъ какъ всѣ прежнія попытки производились въ нис-
1576 г. Фробишеръ. шихъ широтахъ. Онъ пытался пройти на сѣверъ отъ большой американской преграды, оставивъ справа Гренландію, и такимъ

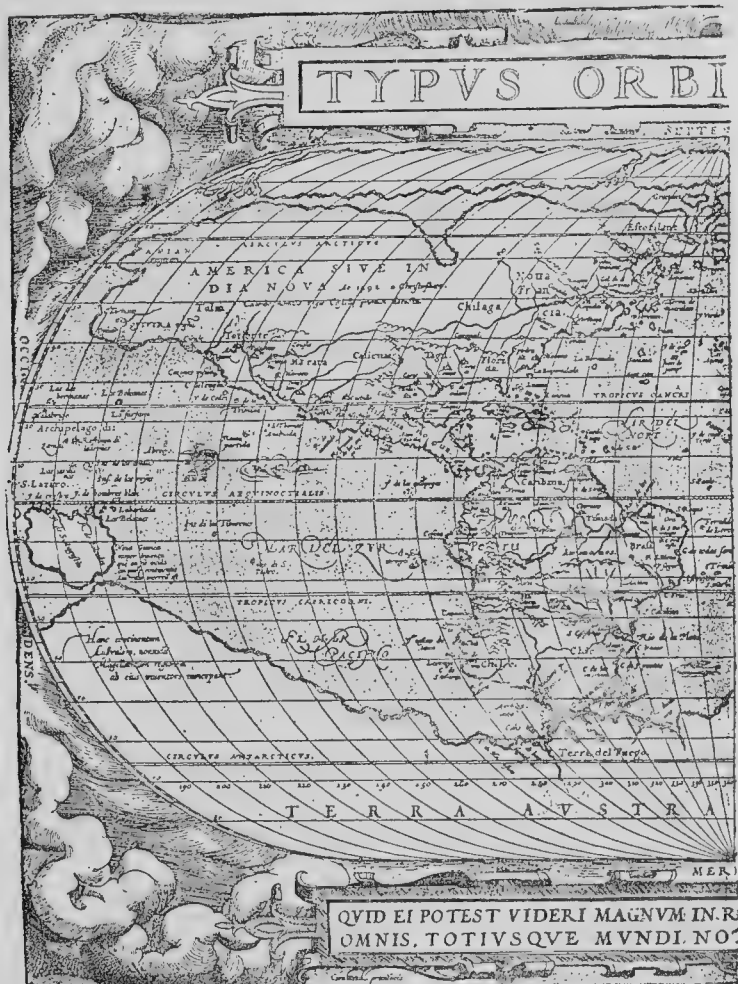

Ортеліусъ.

образомъ дойти до земли благовопій и приностей. Онъ обрадовался, найдя давно желанный проливъ и, назвавъ его по своему имени, вернулся въ Англію. Фробишеръ пытался прибавить новыя открытія къ
1577 г. Фробишеръ. этимъ первымъ открытіямъ, отправившись въ экспедицію въ слѣдующемъ 1577 году, но изслѣдованія его были на-

правлены на разработку золота и изъ нихъ ничего не вышло. Во время третьей экспедиціи онъ очутился у Гудзонова пролива и вошелъ въ него, разсчитывая, что этотъ проливъ вель прямо въ Китай. Но во всѣхъ своихъ экспедиціяхъ Фробишеръ находился только у входа въ арктическія сѣверныя воды.

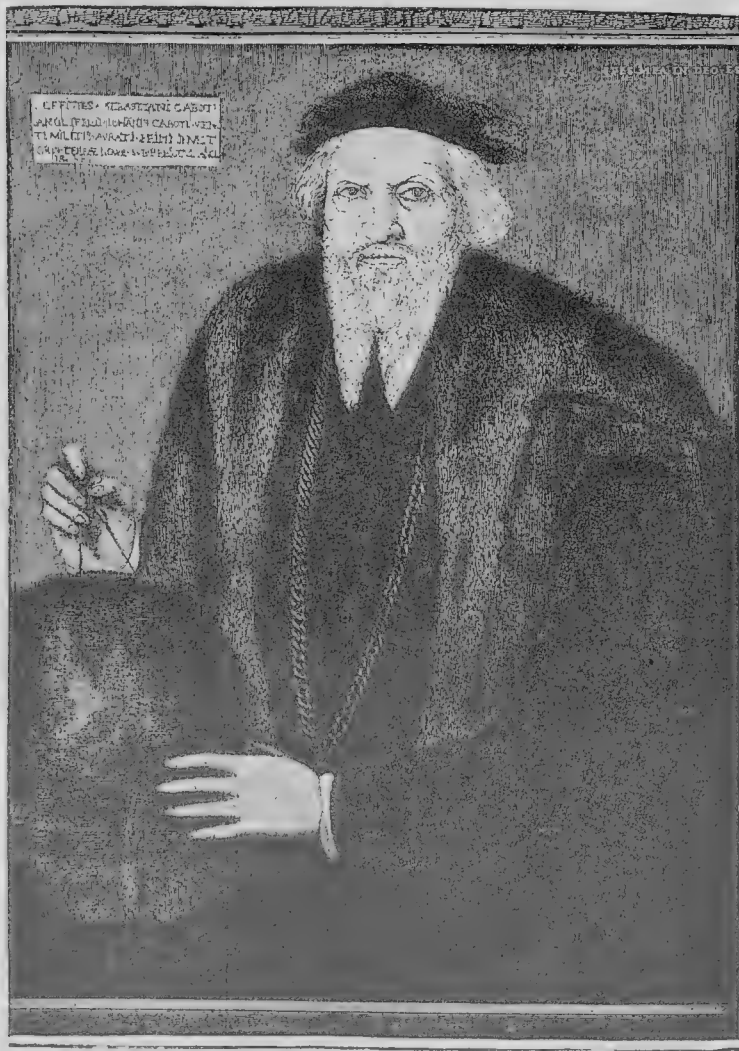
Вліаніе
Дзени.

Ортеліусъ, 1570 г.

Однимъ изъ послѣдствій путешествій Фробишера былъ тотъ фактъ, что они запечатлѣли въ умахъ картографовъ, занимавшихся сѣверными морями, географическія свѣдѣнія Дзени и послѣднія снова попали въ фаворъ. Предполагаютъ, что Фробишеръ имѣлъ карту Дзени подъ рукою или ея копію въ одномъ изъ новѣйшихъ изданій Пто-

ломей. На этой картѣ Гренландія находилась подъ 66° вмѣсто 61° , а подъ этою послѣднею широтою на картѣ былъ показанъ южный берегъ острова Фрисландіи. Слѣдовательно, когда Фробишеръ увидалъ землю подъ 61° , которая въ дѣйствительности была Гренландія,

Себастьянъ Каботъ

то онъ счелъ ее за Фрисландію и потому карты послѣ него стали запутанными. Немного позже такая же неудача выпала на долю Дэвиса. Когда этотъ мореплаватель нашелъ Гренландію при 61° , онъ предположилъ, что это островъ лежащій къ югу отъ Гренландіи и

назвалъ его «Desolation» (Отчаяніе), тогда установилось мнѣніе, что путь Фробишера лежалъ къ сѣверу отъ этого острова и между нимъ и Гренландіей,—такимъ образомъ на новыхъ картахъ получилась эта ошибочная перестановка открытій.

Во время отсутствія Фробишера Дрэкъ развилъ свой громадный планъ послѣдовать южному пути Магеллана.

1577 г.
Франсисъ
Дрэкъ.

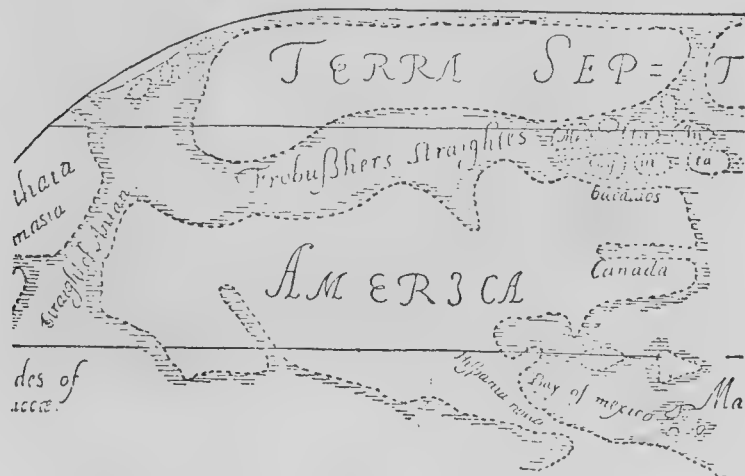

Фробишеръ.

За четыре года передъ этимъ (1573 г.), находясь у Панамскаго перешейка, онъ увидѣлъ съ вершины деревъ Великій Тихій океанъ и рѣшилъ, что будетъ первымъ изъ англичанъ, который избороздитъ его широкія воды. Въ 1577 г., отправившись въ большое кругосвѣтное плаваніе, онъ скоро познакомилъ міръ съ новою полосой тихоокеанійскаго побережья. Вернувшись въ Англію, онъ доказалъ что былъ первымъ командиромъ, который провелъ свой корабль «Пеликанъ», названный впоследствии «Золотою Ланью», вокругъ всего

свѣта, такъ какъ Магелланъ умеръ на пути. Пройдя черезъ Магеллановъ проливъ и у входа въ Тихій океанъ, корабль Дрэка разлучился со своими товарищами и былъ отнесенъ на югъ. Тогда-то онъ увидалъ мысъ Горнъ позднѣйшаго голландскаго мореплавателя и доказалъ, что того антарктическаго континента, который постоянно мозолилъ глаза на картахъ, не существовало въ дѣйствительности. Лишенный своихъ остальныхъ кораблей, отнесенныхъ бурей въ сторону, Дрэкъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1579 года, опустошалъ испанскіе галіоны, находившіеся на южно-американскихъ берегахъ.

Въ мартѣ 1579 года, пресытившись грабежомъ, онъ отправился на сѣверъ отъ мексиканскаго берега, желая пайти путь въ Атлантическій океанъ въ болѣе высокихъ широтахъ.

Фробишеръ, 1578 г.

Въ іюнѣ онъ дошелъ до 42° сѣверной широты, хотя нѣкоторые полагаютъ, что онъ прошелъ на нѣсколько градусовъ выше. Однако, его застигла суровая зима и спасти его кораблей растрескались отъ ледяной стужи. Перемѣна была такъ непохожа на заманчивость его изслѣдованія на югъ, что онъ бросилъ искать проливъ, который, по его расчетамъ, долженъ былъ вывести его въ Атлантическій океанъ и, повернувъ на югъ, онъ дошелъ до залива гдѣ-то неподалеку отъ Санъ-Франциско, гдѣ остановился на нѣкоторое время. Назвавъ Новымъ Альбіономъ верхній берегъ Калифорніи и побоявшись опасностей южныхъ морей, гдѣ его разбой заставили испанцевъ держаться на-сторожѣ, онъ направилъ свой корабль на западъ и, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, добрался до Англіи; его признали первымъ англійскимъ мореплавателемъ, обѣхавшимъ вокругъ свѣта.

Въ сѣверной
части Ти-
хого океана.

Благодаря изслѣдованіямъ Дрэка въ 1579—80 годахъ, мы встречаемъ на послѣдующихъ картахъ болѣе сѣверное склоненіе къ берегу Калифорніи.

Франсисъ Дрэкъ.

Вскорѣ затѣмъ въ картахъ этой области Тихаго океана произошла страшная путаница. Вслѣдствіе чего именно это случилось, трудно доискаться; одно ясно, что отсутствіе правильныхъ географическихъ свѣдѣній открываетъ широкое поле для различныхъ умозаключеній. На картѣ Михаэля Лока, 1582 года, выступаетъ эта неточность. Повидимому, картографы принимали Арктическое море за море Веррацано, такъ что море это

Путаница съ картографіи Тихоокеанійскаго побережья.

шло почти

до широты пролива Шюже, а Калифорнійскій заливъ простирался такъ далеко, что почти встрѣчался съ нимъ.

Франциско Гали, испанскій командиръ, возвращаясь въ Акапулько изъ Китая, въ 1583 году, попробовалъ направить свой путь на сѣверъ къ 38° , отсюда онъ повернулъ на западъ и открылъ въ этой широтѣ берегъ Америки. Отъ этого мѣста онъ направился къ югу и показалъ, что было возможно идти этимъ «окольнымъ» путемъ, причемъ требовалось меньше времени, чѣмъ бороться

съ волнами, идя прямымъ западнымъ путемъ. Его изслѣдованія открыли еще другой фактъ, а именно, огромную массу воды, раздѣлявшую въ этихъ болѣе высокихъ широтахъ два континента; онъ нашелъ, что здѣсь океанъ имѣлъ 1.200 лигъ въ ширину, въ противоположность теоріи географовъ, которые предполагали существованіе здѣсь узкаго пролива. Гали, повидимому, доказалъ также, что разстояніе на югъ отъ мыса Мендочино къ мысу полуострова Калифорніи было на половину меньше принятаго на картахъ. Путешествіе его значительно уяснило многія темныя стороны картографіи.

Теперь вернемся къ восточному побережью. Одно англійское судно, подѣ команду Симона Фердинандо, провело нѣкоторое время, въ 1579 году, гдѣ-то близъ Мэнскаго залива; вслѣдъ за нимъ отправилось въ слѣдующемъ году другое судно, подѣ начальствомъ Джона Уокера, а въ 1593 году—третье судно, подѣ начальствомъ Ричарда Стронга.

Англія не предъявляла своихъ притязаній на открытія Каботовъ въ Сѣверной Америкѣ въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ; и королева Елизавета первая поставила ихъ на видъ, даровавъ въ 1578 году сэру Гумфри Джильберту право устроить колонію, гдѣ онъ найдетъ удобнымъ въ этихъ сѣверныхъ областяхъ. Первая экспедиція Джильберта не принесла ничего; для предупрежденія другой такой экспедиціи, былъ изданъ приказъ о запрещеніи, пока Англія не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи отважныхъ моряковъ ближе къ родинѣ.

«Прежде всего, — пишетъ Робертъ Юсъ, — сэръ Гумфри Джильбертъ, съ великой отвагой и съ большимъ войскомъ, пытался изслѣдовать тѣ части Америки, которыя были еще неизвѣстны испанцамъ; но ихъ усилія не увѣнчались благопріятнымъ успѣхомъ». До 1583 года англичане не возобновляли своихъ попытокъ, но въ этомъ году Джильбертъ завладѣлъ Ньюфаундлендомъ и попробовалъ устроить нѣсколько южныхъ колоній; но рокъ преслѣдовалъ его и корабль его потонулъ у береговъ Азорскихъ острововъ на возвратномъ пути въ Англію.

Въ это самое время сэръ Уальтеръ Ралэ выдвинулся впередъ въ роли колонизатора Англіи въ Америкѣ. Ранѣе онъ велъ это дѣло вмѣстѣ со своимъ единокровнымъ братомъ, Джильбертомъ, но теперь онъ былъ одинъ. Въ 1584 году онъ взялъ себѣ

новый патентъ, отчасти по причинѣ настоятельныхъ просьбъ Гаклюйта въ его «Western Planting». Ралэ обратилъ вниманіе на болѣе южное побережье, чѣмъ Джильбертъ, — болѣе удобное для развитія въ ней жизни самостоятельной колонизаціи. Ему было извѣстно, что къ югу отъ области, названной Флоридой, испанцы мало изслѣдовали страну и что, по всей вѣроятности, у нихъ тамъ не было поселеній.

Карта Джильберта, 1576 г.

Поэтому, цѣлью перваго товарищества, отправившагося подъ вліяніемъ идей Ралэ, было достигнуть какой-нибудь области къ югу отъ Чезапика. Эти смѣлые предприниматели усмотрѣли берегъ, гдѣ не нашлось хорошей гавани, поэтому они пошли на сѣверъ, отыскивая удобное мѣсто, пока не достигли побережья Сѣверной Каролины, гдѣ прожили нѣкоторое время. Удовлетворенные условіями этой страны, они вернулись въ Англію; рассказы ихъ такъ поправились Ралэ и королевѣ,

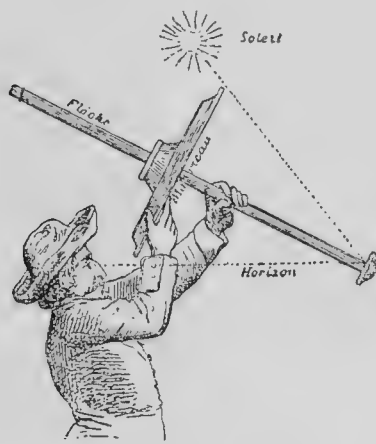
что страну назвали Виргиніей и стали дѣлать приготовленія для отправки туда колоній. Она была отправлена въ слѣдующемъ же году, но исторія ея не имѣетъ дальнѣйшаго значенія для нашихъ настоящихъ цѣлей, кромѣ того, что она отмѣчаетъ собою начало колонизаціи англичанъ, хотя и бѣдственной, на континентѣ Сѣверной Америки, и начало подробной англійской картографіи его побережья на картѣ, какъ уже было сказано открывшей, повидимому, путь гдѣ-то близъ Портъ-Ройяля, во внутреннее море.

Въ 1585 — 86 гг. Джонъ Дэвисъ боролся съ волнами посреди ледяныхъ горъ Герландіи и сѣверной полосы Америки, въ надеждѣ найти путь къ сѣверо-западу; 30 іюня 1587 года онъ дошелъ до $72^{\circ} 12'$ гренландскаго побережья и открылъ проливъ извѣстный подъ его именемъ, а въ 1595 году, въ своемъ

«World's Hydrographical Description» онъ утверждалъ, что коснулся преддверія сѣвернаго пути. Онъ говоритъ, что на глобусѣ Молино показано, какъ велико было пройденное имъ разстояніе.

Мореходство обязано своимъ развитіемъ Дэвису болѣе, чѣмъ кому-либо изъ англичанъ. Въ 1590 году или около этого времени онъ усовершенствовалъ

алидаду и сдѣлалъ этотъ инструментъ нѣсколько болѣе сложнымъ, изобрѣлъ аппаратъ для опредѣленія солнечной высоты на морѣ (backstaff). Аппаратъ этотъ давалъ наблю-

«Backstaff».

дателю возможность избѣгать ослѣпительнаго солнечнаго блеска, такъ какъ, при употребленіи его, наблюдатель былъ обращенъ спиною къ дневному свѣтилу; а затѣмъ Фламстидъ, первый астрономъ Гринвича, вставилъ въ него стеклянную линзу для полученія отраженнаго свѣта и такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ великому принципу опредѣлять углы посредствомъ отраженія, который впослѣдствіи, въ 1731 году, далъ практическіе результаты въ квадрантѣ Гадлэ.

Способъ опредѣленія долготы все еще не былъ вполне опредѣленъ. Джемма Фризіусъ, какъ мы уже замѣтили, еще въ 1530 году угадалъ методъ опредѣленія времени посредствомъ часовъ; но только въ 1726 году получилось нѣчто дѣйствительно практическое изъ этой идеи, благодаря хронометру, устроенному Гаррисономъ. Изобрѣтатель постоянно дѣлалъ улучшенія въ этихъ часахъ вплоть до 1761 года, когда спо-

собъ точнаго опредѣленія долготы посредствомъ хронометра установился вполнѣ; а спустя нѣсколько лѣтъ (1767) вышелъ въ свѣтъ первый мореходный альманахъ, представляя собою довольно хорошее руководство для лунныхъ разстояній, какъ средства вычисленія долготы.

Въ 1676 году была основана обсерваторія въ Гринвичѣ для проверки лунныхъ таблицъ, до того времени настолько ошибочныхъ, что вычисленіе долготы по нимъ все еще представляло неточности. Въ 1701 году Эдмундъ Галлѣ издалъ свои карты магнитныхъ склоненій. Эти карты останутся въ умѣ читателя 1676 г. памятниками прогресса науки въ ея примѣненіи къ мореплаванію и открытіямъ. Не мѣшаетъ также вспомнить, что въ 1594 году Дэвисъ издалъ свою книгу «Seaman's Secrets», первое руководство на англійскомъ языкѣ, написанное морякомъ-практикомъ, въ которомъ были объяснены принципы большого кругосвѣтнаго плаванія.

Первый морской атласъ былъ напечатанъ въ Лейденѣ, въ 1583—1584 гг.; но голландцы въ это время еще не принимали 1583—1584 гг. никакого активнаго участія въ распространеніи открытій въ Новомъ Свѣтѣ. Ихъ страстное желаніе получить свою Первый морской атласъ. долю въ этомъ новомъ мірѣ, въ связи съ непріязненнымъ чувствомъ къ испанцамъ, побудило ихъ основать Вестъ-индскую 1592 г. Голландская Вестъ-индская компанія. компанію, планъ которой впервые зародился въ умѣ Вилльяма Усселинкса, въ 1592 году, хотя идея эта была приведена въ исполненіе только спустя двадцать пять лѣтъ. Голландцы заявили, что въ 1598 году корабли ихъ Гренладской 1598 г. компаніи открыли Гудзонову рѣку, хотя несомнѣнно, что французы, испанцы, а можетъ быть, и англичане, побывали здѣсь гораздо ранѣе. Говорилось также, что проливъ, показанный на картѣ Локе въ 1582 году, побудилъ Гейнриха Гудзона къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но истина во всѣхъ этихъ вопросахъ, касающихся національных правъ, представляется весьма запутанной вѣдѣствіе всевозможныхъ хитросплетеній и извращеній, въ которыхъ историческія данныя подчинены политическимъ цѣлямъ,

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія голландцы начали появляться на берегахъ Среднихъ Штатовъ и Штатовъ Новой Англіи и картографія этихъ областей быстро подвинулась впередъ благодаря ихъ изысканіямъ; но только благодаря экспедиціямъ капитана Джона Смита на лодкахъ, въ 1614 году форма этого побережья получила болѣе правильныя очертанія на картахъ. Онъ назвалъ сѣверныя части его Новою Англіей и названіе это было утверждено принцемъ Карломъ. Допоселія Гудзона, Мея и другихъ заключаютъ планъ отъ 1618 года, но утвержденный генеральными штатами только въ 1621 году, на которомъ голландцамъ предоставлена оккупанція Монгаттана и соседнихъ областей; съ этого времени голландскій элементъ болѣе прочно появляется на картахъ. 1598 г. Голландцы на берегахъ Сѣверной Америки.

Съ самаго начала семнадцатаго столѣтія англичане становятся во главѣ морскихъ изслѣдованій. Сэръ Томасъ Смитъ, человекъ возвышеннаго ума и горячій патріотъ, сдѣлалъ много, какъ глава «Купеческой торговли въ Восточной Индіи», давъ лучшее направленіе современнымъ знаніямъ. Д-ръ Томасъ Гудъ читалъ въ Лондонѣ публичныя лекціи объ улучшеніяхъ въ области мореплаванія. Ричардъ Гаклюйтъ, историкъ новаго товарищества, уже доказалъ, что онъ наследовалъ духъ полезнаго покровительства, какимъ отличались работы Эдена.

*Англичане
спереди
морскихъ
открытій.*

*Ричардъ
Гаклюйтъ.*

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія полуостровъ, образуемый заливомъ Св. Лаврентія и Атлантическимъ океаномъ, становится островомъ, такъ какъ теперь поперечный проливъ находится на линіи Гудзона, затѣмъ на линіи Пенобскота, затѣмъ на линіи Сентъ-Круа, а когда наступило семнадцатое столѣтіе, то еще не выяснилось вполне опредѣленно, не будетъ-ли найденъ давно искомый западный проливъ гдѣ-нибудь въ этой области.

*1600 г.
Поиски
западнаго пути
въ Индію.*

*1601 г.
Джорджъ
Уэймутъ.*

24 іюля 1601 года, Джорджъ Уэймутъ, по прозванію Мореплаватель, обратился съ предложеніемъ къ Лондонской Восточной компаніи за помощью, намѣреваясь попытаться открыть сѣверо-западный путь въ Индію, и компанія приняла его предложеніе. Московская компанія напрасно протестовала на это нарушеніе ея правъ; но она подавила свое неудовольствіе и приняла участіе въ предпріятіи своей соперницы. Соединенными усиліями обѣихъ компаній Джорджъ Уэймутъ былъ отправленъ сѣверо-западнымъ путемъ «къ Катаю или «China», или къ задней сторонѣ Америки» съ письмомъ отъ королевы Елизаветы къ императору «China» или «Kathia». Попытка оказалась безуспѣшной и Уэймутъ вернулся почти съ позоромъ.

Въ 1602 году по инструкціи Восточной Индійской компаніи онъ снова отправился въ море и теперь прошелъ въ Гудзоновъ проливъ немного далѣе, чѣмъ прежніе изслѣдователи. Въ 1609 году Гудзонъ, благодаря новымъ изслѣдованіямъ, точнѣе опредѣлилъ положеніе сѣвернаго побережья нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ; а въ 1610 году онъ снова вышелъ изъ Англіи въ море, чтобы отыскать сѣверо-западный путь, на небольшомъ суднѣ въ пятьдесятъ пять тоннъ, съ экипажемъ изъ двадцати трехъ душъ. Слѣдуя по пути, пройденному Дэвисомъ и Уэймутомъ, онъ прошелъ далѣе ихъ и открылъ міру новое внутреннее море, извѣстное подъ его именемъ, въ которомъ онъ, по всей вѣроятности, и погибъ.

*Гудзонъ на
спервѣ.*

*Гудзоновъ
заливъ.*

Въ 1612—1613 годахъ сэръ Томасъ Буттонъ точнѣе опредѣлилъ вѣшнія очертанія части этого большого залива, а въ 1614 году судно «Discovery» (Открытіе) прошло подъ начальствомъ Булота и Уилляма Баффина вдоль береговъ Гудзонова пролива, изслѣдовавъ его болѣе тщательно, и Баффинъ впервые произвелъ лунное наблюденіе долготы на морѣ, согласно способу, указанному еще въ 1514 году. Въ экспедицію слѣдующаго года (1615) Баф-

финъ, перейдя за сѣверную линію Дэвиса, нашелъ прямо передъ собою широкій Баффиновъ заливъ, черезъ который онъ отправился далѣе вплоть до сѣвернаго выхода, т. е. до пролива сэра Томаса Смита, подъ 78°. Баффинъ продолжалъ всю эту экскурсію съ большою точностью, которая поразила сэра Джона Росса, который первый вступилъ въ этотъ заливъ ровно черезъ двѣсти лѣтъ. Въ эти же годы Гудзоновой и Баффиновой дѣятельности Напиръ изобрѣлъ логарисмы и такимъ образомъ упростилъ процессъ мореходныхъ вычисленій.

1615 г.
Баффиновъ
заливъ.

Люкъ Фоксъ, 1635 г.

Путешествіе Люка Фокса въ 1631 году дало большія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ частяхъ западныхъ береговъ Гудзонова залива, и онъ вернулся, убѣдившись изъ наблюдений въ существованіи далѣе къ сѣверу морскихъ теченій, которыя указывали на западный проходъ; въ томъ же году Томасъ Джемсъ также успѣшно осмотрѣлъ болѣе южныя границы этого огромнаго залива. Путешествія эти болѣе чѣмъ на сто лѣтъ задержали дальнѣйшія стремленія въ этомъ направленіи открыть такъ долго искомый проходъ.

1631 г.
Люкъ Фоксъ.

Томасъ
Джемсъ.

До 1602 года изслѣдованія сѣверо-американскихъ береговъ, повидимому, производились обыкновенно или по кривой линіи съ сѣвера Европы, вплоть до Ньюфаундланда и затѣмъ продолжающейся на югъ, или по кривой линіи, слѣдовавшей пути испанцевъ и огибавшей сѣверные берега Флориды. Въ 1602 году англичанинъ Госнольдъ первый, насколько намъ извѣстно, со времени Веррацано, держался прямо берега Новой Англіи и изъ отчета о его путешествіи мы узнаемъ нѣкоторыя особенности очертаній этого берега, что открыло возможность установить межи. Изслѣдованія Пранга (1603), Чамплэна (1604), Уэймута (1605), Пофама (1607), Гудзона (1609), Смита (1614), Дермера (1619) и другихъ мореплавателей, слѣдовавшихъ за ними, не имѣютъ большого значенія для нашего настоящаго обзора въ развитіи картографическихъ свѣдѣній. Даже Дермеръ мечталъ о возможности найти западный проходъ въ этой области.

Открытія на
побережьи Ти-
хаго океана.

Теперь мы должны прослѣдить развитіе открытій на тихоокеанійскомъ побережьи въ теченіе семнадцатаго столѣтія.

Себастьянъ Вискаино въ своемъ путешествіи вверхъ отъ Акапулько, въ 1602 году, искалъ скрытые проливы до 42°; одинъ изъ его капитановъ заявилъ, что берегъ тянется къ востоку до 43° и это показаніе запутало географію этой мѣстности на многіе годы. Это предполагаемое протяженіе береговой линіи считалось за указаніе другого прохода къ заливу Калифорніи, такъ что этотъ полуостровъ принимался за островъ, какимъ онъ показывался на картахъ, пока не утратила значеніе эта картографическая фантазія нѣсколько лѣтъ спустя (1622 г.).

1643 г.
Де-Вріеса.

Изслѣдованія голландцевъ подъ предводительствомъ Де-Вріеса, въ 1643 году, заставили полагать, что въ сѣверныхъ частяхъ Тихаго океана находилась промежуточная земля, названная голландцами «Джессо», которая, какъ полагали, отдѣлялась отъ Америки и Азии проливами; въ теченіе полулѣтія или болѣе въ нѣкоторыхъ кружкахъ это предположеніе было принято и эту землю сопоставляли, болѣе или менѣе, съ землею, усмотрѣнною Іоанно да-Гама. Въ самомъ дѣлѣ, надо сказать, что это представленіе не исчезло вполне, пока карты путешествія Кука не появились въ 1777—1778 годахъ, съ нанесенными на нихъ Алеутскими островами.

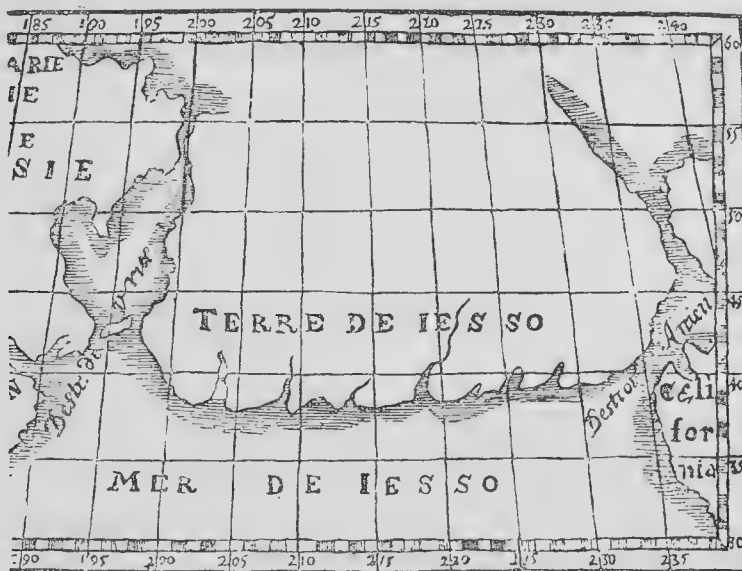
Путаница
въ географиче-
скихъ свѣдѣ-
ніяхъ о
западномъ
морѣ.

На самомъ же дѣлѣ понятіе о восточномъ протяженіи западнаго моря въ долготѣхъ было такъ смутно, что даже въ 1625 году у Бриггса, а затѣмъ въ 1651 году на картѣ Виргиніи Фаррера море, похожее на море Веррацано, омываетъ западный склонъ Аллеганскихъ горъ.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія даже самые искусные картографы, въ очертаніяхъ береговъ Тихаго океана, слѣдовали указаніямъ необузданныхъ фантазій. Рядъ разнообразій-

1700 г.

шихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ принятыхъ на вѣру излѣдованій Мальдонадо, Да-Фука и Де-Фонте,—изъ нихъ нѣкоторые были совершены болѣе ста лѣтъ назадъ,—наполняли карты морями и проливами, порою отождествлявшимися со стариннымъ Аніанскимъ проливомъ и обращавшими сѣверо-западные части Сѣверной Америки въ цѣлое сплетеніе догадокъ и предположеній, которое кажется теперь такимъ страннымъ на нашъ взглядъ. Нѣкоторые изъ этихъ фантастическихъ чертежей преобладали даже во второй половинѣ столѣтія и окончательно исчезли изъ картографіи только благодаря экспедиціи Джемса Кука, который первый увидѣлъ истинный свѣтъ изъ іоркшайрской каюты, въ 1728 году.

Джессо. (По Геншепену).

Въ 1724 году Петръ Великій снарядилъ первую экспедицію Витуса Беринга и въ декабрѣ 1724 года, за пять недѣль до своей смерти русскій царь далъ инструкцію командиру пройти къ сѣверному берегу и узнать, соединяются ли берега Америки и Азіи, какъ это полагали до сихъ поръ. Однако, отъ жителей Сибири было извѣстно о раздѣленіи водъ и о существованіи за ними большого материка; эти слухи господствовали съ 1711 года. Петръ Великій умеръ 28 января 1725 года (стар. стиля), какъ разъ въ то время, когда Берингъ началъ свое путешествіе и только въ мартѣ 1728 года мореплаватель этотъ достигъ моря. Въ іюль онъ распустилъ наруса построеннаго имъ судна. Въ половинѣ августа

онъ прошелъ за самую восточную точку Азін и очутился у входа въ Арктическій океанъ, отсюда онъ повернулъ свой курсъ и прошелъ къ югу.

Карта Домини

Ни во время своего путешествія, ни на обратномъ пути онъ не видалъ земли на востокъ, такъ какъ стояли слишкомъ густые туманы.

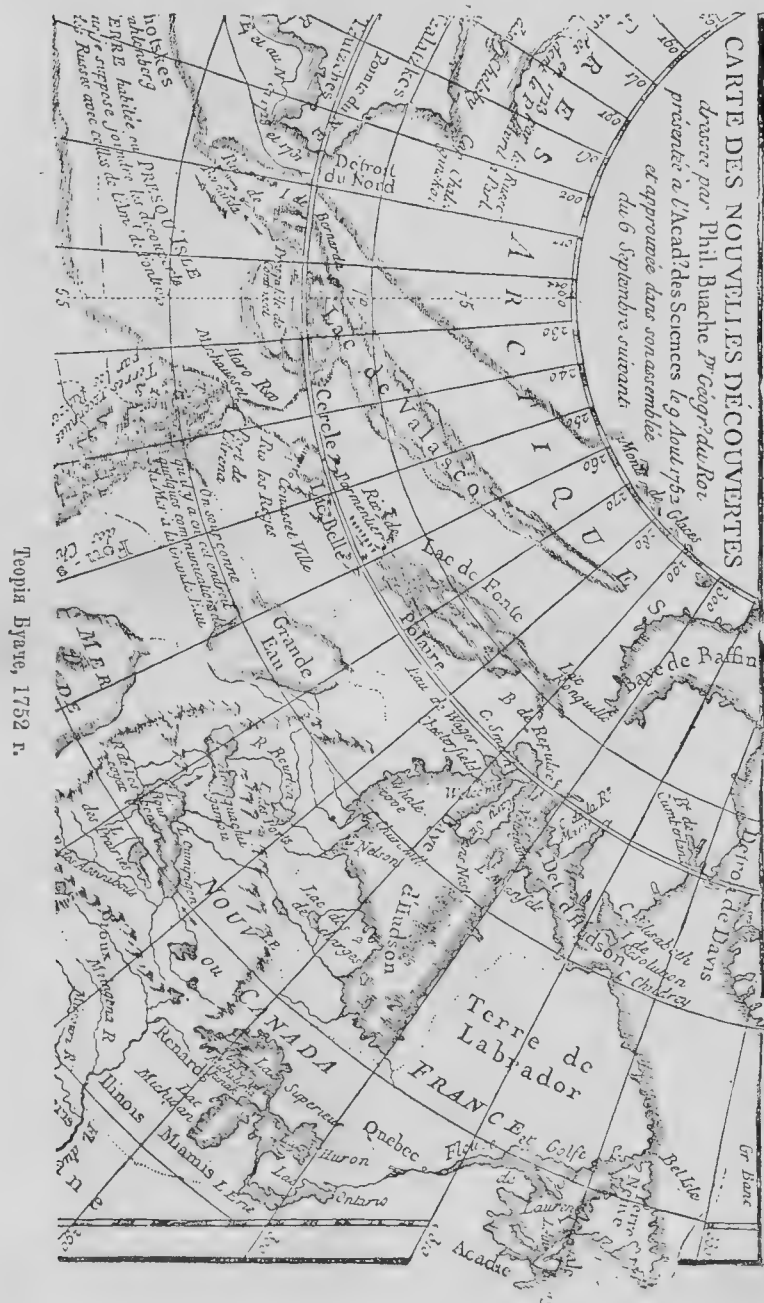
Такимъ образомъ онъ установилъ границы Россійской Имперіи, но онъ еще не открылъ близости береговъ Америки. Открытія его стали из-

Фаррера, 1651 г.

вѣстными только въ 1734 году, когда Кириловъ составилъ карту Россіи, воспользовавшись картою, которую Берингъ сдѣлалъ въ Москвѣ,

въ 1731 году. Въ слѣдующемъ (1732) году Гвоздевъ осмотрѣлъ про-
 тивоположный берегъ; но только въ 1741 году Берингъ
 еще разъ отправился изъ Азіи отыскивать берегъ Америки.

Онъ направилъ свой курсъ къ юго-востоку и скоро увидалъ, что тутъ не было земли, видѣнной Да-Гамой, которая такъ долго удерживалась на картахъ Делилей. Затѣмъ, пройдя къ сѣ- 1741 г.
Берингъ. веру, Берингъ увидѣлъ передъ собою берегъ въ іюлѣ; передъ нимъ высилась гора Св. Іліи, названная имъ по имени святого того дня, когда имъ было сдѣлано открытіе. На возвратномъ пути у него со-

Беринговъ проливъ.

ставилось смутное представление объ Алеутских островах, что послужило началом болѣе вѣрной картографіи; туда же была включена береговая полоса, открытая товарищем Беринга, Чириковымъ, нѣсколько болѣе къ востоку и югу.

Въ 1757 г. Венегасъ, не зная о русскихъ открытіяхъ, утверждалъ въ своей «California», что будто бы ничего неизвѣстно ^{Северный} о береговой линіи въ высшихъ широтахъ—невѣдѣніе, по ^{Тихій океанъ.} служившее источникомъ разнаго рода догадокъ, въ томъ числѣ и насчетъ обширнаго острова, соединяющаго западное море съ Тихимъ океаномъ, который оставался на картахъ почти до конца прошлаго столѣтія.

Отыскиваніе сѣверо-западнаго прохода въ Азію, начатое англича-

нами подъ руководствомъ Кабота въ 1497 году, было также послѣднимъ изъ всѣхъ успій изолировать новооткрытый материкъ. Отыскиваніе
сѣверо-запад-
наго прохода. Образованіе компаніи Гудзонова залива въ 1670 г. имѣло явной цѣлью содѣйствовать «открытію новаго пути въ Южное море», но всему міру извѣстно, какъ въ теченіе двухъ вѣковъ организація компаніи упрямо пренебрегала главными цѣлями, для которыхъ была ею взята привилегія. Вся энергія этого общества обратилась къ наживѣ съ такимъ же упорствомъ, какъ это мы видѣли у испанцевъ на югѣ, но только съ единственною разницею: ихъ благоразуміе въ пользованіи аборигенами настолько же было очевидно, насколько не хватало его у южныхъ жителей Америки. Съ помощью специалистовъ географической науки, другіе агенты британскаго правительства съ успѣхомъ выполнили то, что отважились замыслить денежные спекуляторы Fen Church Street'a.

Духъ древнихъ мореплавателей воскресъ въ Джемсѣ Рукѣ, когда въ 1779 году онъ отважился пройти на востокъ черезъ Беринговъ проливъ; но лишь спустя сорокъ лѣтъ послѣ того начался рядъ изслѣдованій въ арктическомъ поясѣ, въ которыхъ англійскія расы обоихъ континентовъ выказали такую проникательность и такую отвагу.

Между тѣмъ какъ англичане, французы и испанцы старались про- 1779 г.
Джемсъ
Рукъ. вести другъ друга въ своихъ попыткахъ изслѣдованія новой страны вдоль этого верхняго побережья, бостонскій корабль «Колумбія», подъ начальствомъ капитана Кендрика, вошелъ въ рѣку Колумбію, названную этимъ именемъ тогда же; благодаря Кендрикъ
вступаетъ въ
Колумбію. этимъ американскимъ изслѣдованіямъ и современнымъ экспедиціямъ Ванкувера, географическая путаница окончательно уступила мѣсто болѣе разумной идее.

Ванкуверъ задался цѣлью въ 1790—95 годахъ «упрочить суще- 1790—95 гг.
Ванкуверъ. ствованіе какого-нибудь мореходнаго сообщенія между Сѣвернымъ Тихимъ океаномъ и Сѣвернымъ Атлантическимъ океаномъ» и переписка британскаго правительства, которая повела къ этой экспедиціи, была напечатана только недавно въ «Report» хранителя государственнаго архива, Дугласа Бримнера, за 1889 годъ.

Имена Барроу, Росса, Парри и Франклина, не говоря о другихъ Пислѣдователи
полярныхъ
областей
Сѣверной
Америки. изслѣдователяхъ позднѣйшаго періода, дѣлаютъ исторію окончательнаго раздѣленія континента въ арктическихъ моряхъ одною изъ самыхъ выдающихся и захватывающихъ по интересу въ исторіи морскихъ изслѣдованій. Капитанъ Робертъ Л. Макъ-Клоръ, на кораблѣ «Investigator» въ 1850 году, прошелъ въ Беринговъ проливъ и ранѣе сентября корабль его былъ окруженъ льдами. Въ октябрѣ Макъ-Клоръ совершилъ путешествіе на саняхъ къ востоку по замерзшему проливу и дошелъ до открытаго моря, въ которое тридцать лѣтъ назадъ Парри вошелъ со стороны Атланти-

1850 г.
Макъ-Клоръ
находитъ
сѣверо-запад-
ный проходъ.

Сѣверо-западный проходъ.

ческаго океана. Наконецъ-то былъ открытъ сѣверо-западный проходъ!

Мы видѣли, что очертанія береговой линіи Южной Америки были опредѣлены черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Колумба, между тѣмъ какъ потребовалось приблизительно двѣсти двадцать пять лѣтъ для того, чтобы освободить береговую линію Сѣверной Америки отъ мнимой связи ея съ береговой линіей восточной Азіи, а другое стодвадцатипятилѣтіе ушло на пополненіе арктическихъ очертаній Америки, такъ что, наконецъ, Новый Свѣтъ былъ открытъ и предсталъ, какъ совершенно отдѣльный материкъ.

Но вся эта работа не была дѣломъ только однихъ государственныхъ усилій. Частная торговая и индивидуальная предприимчивость принимала въ этомъ немалое участіе по снаряженію кораблей и отправкѣ ихъ безъ всякой національной помощи. Докторъ Коль ярко пояснилъ это слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Крайніе сѣверные предѣлы Америки, пустынный полуостровъ Бутіа названы по имени англійскаго купца, который снарядилъ полярную экспедицію сэра Джона Росса; а самый южный проливъ за предѣлами Патагоніи носить имя Ле-Мэра, купца, на средства котораго онъ былъ открытъ міру!»

145000

Angela 70/000

